ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ
БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА
ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ

ДЖЕК ЧЭЛКЕР

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ
БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА
ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЖЕК ЧЭЛКЕР

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

JACK L.

CHALKER

THE DEMONS AT RAINBOW BRIDGE

THE RUN TO CHAOS KEEP

NINETY TRILLION FAUSTS

THE QUINTARA MARATHON

ДЖЕК

ЧАЛКЕР

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ

БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА

ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ

ЦИКЛ «КИНТАРСКИЙ МАРАФОН»

АСТ ЛЮКС ЛУХЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2005

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Ч-12

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Jack L. Chalker
THE DEMONS AT RAINBOW BRIDGE
THE RUN TO CHAOS KEEP
NINETY TRILLION FAUSTS
The Quintara Marathon

Перевод с английского И. Тетериной («Демоны на Радужном Мосту»),
М. Николаева («Бег к твердыне хаоса»),
А. Нестеренок («Девяносто триллионов Фаустов»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 3.02.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 42,84. Тираж 7000 экз. Заказ № 431.

Чалкер, Дж.
Ч-12 Демоны на Радужном Мосту. Бег к твердыне хаоса. Девяносто триллионов Фаустов: цикл «Кинтарский Марафон» : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Джек Чалкер. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 813, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-028051-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-1013-7 (ОАО «ЛЮКС»)

Тессеракт «Лабиринт Кинтары».
Странное строение, уходящее в иное пространство-время.
Одна из величайших находок межпланетной археологии — и одна из величайших угроз разумной жизни в Галактике.
Потому что в Лабиринте Кинтары уже много тысячелетий скрываются прозванные демонами существа из далекого мира, и сейчас они вырвались на волю, чтобы освободить сотни себе подобных — и принести тысячам обитаемых планет хаос, войну и разрушение.
В погоню за «демонами» отправляются представители множества рас Галактики.
Кинтарский марафон НАЧИНАЕТСЯ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Jack L. Chalker, 1989, 1991
© Перевод. И. Тетерина, 2005
© Перевод. М. Николаев, 2005
© Перевод. А. Нестеренок, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ

Посвящается Клиффу Саймаку, подарившему мне эту идею, но не успевшему увидеть, что я с ней сделал.

ОТ АВТОРА

Взявшись за «Демонов», я столкнулся с проблемой передачи невербального общения. В этой книге уйма персонажей, многие из которых частично или полностью общаются друг с другом мысленно. Если добавить к этому еще и мысленные монологи, можете себе представить, насколько неудобочитаемой могла оказаться книга.

Покойный Джордж О. Смит, столкнувшись с той же проблемой, решил, что самым простым будет использование графического способа, чтобы читатель мог сразу понять, какие слова произнесены вслух, а какие телепатически. Я часто удивляюсь, почему никто не перенял эту практику, но для меня она оказалась очень полезной как здесь, так и в последующих книгах «Кинтарского Марафона». Таким образом, в этой книге выделенный курсивом текст, перед которым стоит тире (т.е. — *Берегись!*), обозначает телепатический диалог, традиционное тире (— Берегись!) — вербальное общение, а выделенный курсивом текст в кавычках — мысленный монолог. Поначалу это может показаться непривычным, но, думаю, очень скоро вы убедитесь, что разобраться во всем этом проще простого.

Джек Л. Чалкер

ДВА ДЕМОНА В ЯНТАРЕ

Корабль, плывший по звездному морю, спускался с небес в расстилавшийся под ним сине-зеленый рай — как обычно, выглядывая в нем змея.

В красочных терминах Сектора Картографии этот мир с его солнечной системой располагался в области, именуемой на общем диалекте межзвездной торговли Радужным Мостом. Слова были выбраны произвольно, и никто даже не думал, что их случайное сочетание станет пророческим.

Девять дней маленький, в форме арбалета, корабль-разведчик отдыхал на орбите, пока его спутники, точно рой деловитых насекомых, кружили над поверхностью, снимая и занося на карты каждый квадратный миллиметр. Спутники были посланы сначала в атмосферу, чтобы взять пробы воздуха и проанализировать их, потом на землю и в глубины огромных морей. Все сведения стекались на корабль-носитель, где компьютеры компилировали, проверяли, сортировали, перепроверяли и обрабатывали лавину полученной информации.

Вообще-то процесс вполне можно было автоматизировать полностью, но мудрые существа давно поняли, что запрограммировать его на все случаи жизни все равно не удастся, и этот корабль, наделенный искусственным интеллектом и необъятными вычислительными способностями, никогда не будет иметь ни чувства прекрасного, ни способности профессионального торговца отделять справедливость от коммерческой выгоды. Корабль **мог бы** делать все самостоятельно, однако всегда запрашивал мнение представителя другой породы.

Живые анализаторы, сопровождавшие быстрые корабли-разведчики к белым пятнам на звездных картах, могли быть покрыты перьями или чешуей, иметь пальцы или щупальца, появляться на свет из яиц или коконов; быть мужского или

женского пола, или вообще бесполыми, или нескольких полов сразу; хотя обычно они дышали кислородом, вполне могло случиться и так, что для дыхания им были необходимы вода, метан или какое-либо другое вещество. Но несмотря ни на что, все они были одной породы — породы разведчиков, и объединял их не внешний вид, раса или право рождения, а одинаковый склад ума.

Все разведчики были безумцами, это давно уже не подвергалось сомнению. Споры шли лишь о том, сводила ли их с ума работа или же они были безумны с самого начала. В прошлом представители этой породы встречались среди всех, даже самых далеких друг от друга рас. Это были первопроходцы, исследователи неизведанного, в одиночку пускавшиеся в путешествия к белым пятнам на картах, все сведения о которых ограничивались их координатами. Но бытовало мнение, что когда-нибудь порода разведчиков все же исчезнет — уже сейчас они рождались лишь в нескольких расах. Каждый раз, когда где-нибудь вдруг обнаруживалось новое белое пятно, туда тотчас же отправлялся разведчик.

Этого звали Саймак. Он был двуногим и принадлежал к основному Классу II — с двумя руками, двумя ногами и крепким телом. Кожа у него была бугорчатая, цвета застоявшейся воды, и такая толстая, что пробить ее было под силу не каждой пуле, а треугольная голова болталась так, что казалось, будто она держится на пружине, а не на крепкой сегментированной шее. До наступления эпохи синтетики его предки питались гигантскими насекомыми, пробивая в их панцирях дыры и высасывая жизненные соки. Он называл себя и свою расу «зимантами», что, разумеется, переводилось как «люди», как и большинство названий, которыми изначально именовали себя различные разумные формы жизни. Названия планет и рас перешли в межзвездный язык из местных. В противном случае образовалось бы несколько сотен видов «людей», которые считали бы всех, кроме своих сородичей, «не-людьми», и почти все из них называли бы свои родные миры «Землями».

Треугольная голова дергалась и моталась, точно чертик из табакерки на ветру, следя за столбцами данных, бегущими по экранам. До сих пор все выглядело хорошо. Даже слишком хорошо. Миры с хорошо сбалансированной кислородно-азотной атмосферой, отклоняющейся от оптимального сочетания всего на каких-то полпроцента, да еще и с подходящим водным балансом, в зоне углеродной жизни встречались нечасто. Обычно вновь найденную планету еще долго приходилось доводить до ума, да и это было возможно лишь в тех редких случаях, когда она не оказывалась уже занята какой-либо формой высокоорганизованной жизни, называющей ее домом.

Но здесь, похоже, был как раз такой редкий случай. На планете имелись безбрежные леса и пышные джунгли, равно как и высокие горные цепи, и хотя несколько избыточная вулканическая активность не давала планете дотянуть до абсолютного совершенства, исследования пока что не обнаружили никаких признаков наличия туземной расы разумных существ. Да, определенная основа здесь уже была — существа, занимавшие экологическую нишу насекомых, довольно высокоразвитые травоядные и (куда же без них?) плотоядные, охотящиеся на них и ограничивающие численность их стад, а также океанская живность, — но ничто не говорило о том, что местной эволюции когда-либо удавалось достигнуть более высокой ступени.

Разумеется, как отлично знал Саймак, никогда нельзя быть уверенным на сто процентов, даже пронаблюдав за планетой целый месяц. Проявления разума иногда принимали самые причудливые формы, далеко не всегда вписываясь в привычные рамки. Не единожды он, как и многие другие разведчики, оценивал мир как «пригодный к эксплуатации», после чего Первая Команда, высадившись на планету, встречалась с неприятным сюрпризом.

Пока что задачей Саймака было проверять очевидное. Сооружения, признаки изменения окружающей среды, знаки, по которым можно определить, какие виды преобладают в экологической системе планеты, и прочее в том же духе. Если на этой планете и существовала разумная жизнь, она не была обычной.

— Выявлена аномалия, — доложил бортовой компьютер. — После ее обнаружения было сделано несколько проверочных рейсов; как только она была локализована, я послал туда робота с камерой самого высокого разрешения. Аномалия находится на восточном побережье меньшего континента в северном полушарии. Это определенно сооружение искусственного происхождения.

— Всего одно? — уточнил зимант.

— Да. Одно сооружение на всю планету.

Это было плохо. Куда хуже, чем уйма вопящих туземцев, поскольку даже с примитивным населением чаще всего еще можно что-то сделать, но единственное сооружение почти наверняка означает, что это место уже нашел кто-то другой.

— Идентификация?

— Не установлена. Сооружение не принадлежит ни к одному типу, известному в Бирже, Миколе или Мицлаплане. Собственно, я не сообщил о нем немедленно именно потому, что его параметры вызвали сбои в работе моих систем.

— Выведи на экраны самые приличные из снимков, — велел разведчик.

Экраны замигали, и на них появились различные изображения в трех измерениях. Саймак сразу же понял, что вызвало у корабля замешательство, — картинки на экранах не походили ни на что, виденное им раньше. По правде говоря, пять изображений, выбранных для него компьютером, не походили даже друг на друга.

— Это не пять отдельных сооружений? Это все изображения одного и того же объекта?

— Один объект, одинаковые координаты. Видишь, почему я заподозрил сбой? Я проверил сооружение на все известные типы экранирования, но так ничего и не нашел. Насколько я могу определить, снимки не искажены каким-либо фильтром или экраном. По крайней мере, материал и основные размеры соответствуют действительности.

На первом снимке было запечатлено строение, больше всего напоминавшее гигантский кристалл кварца янтарного цвета и примерно сорока метров в высоту. Грани были видны очень хорошо, вершина заканчивалась скругленным конусом. Сооружение на втором снимке по цвету ничем не отличалось от первого, но здесь стены казались вогнутыми. Третий кадр тоже походил на первый, но гладкие грани снова неуловимо изменились, точно проклятая штуковина каким-то образом **повернулась** вокруг оси. На четвертом снимке вместо конуса на вершине зияла впадина, доходившая, судя по всему, примерно до середины высоты сооружения. Пятый же был самым странным, поскольку на нем сооружение казалось разбитым на отдельные грани, причем каждая была чуть отвернута от других.

— Но какое-то искажение все же есть, — заметил зимант. — Или эта штука живая и ворочается. Состав?

— Ни один анализ не дал четких результатов, — сообщил компьютер. — Могу сказать лишь, что это вещество твердое, непрозрачное, обладающее, по-видимому, некоторыми свойствами стекла или стеклопластика, и что, природное оно или искусственное, больше оно, судя по всему, нигде на планете не встречается. Есть признаки того, что внутри сооружения находится маломощный источник энергии, но за исключением этого — почти ничего. Оно не реагирует ни на какие дистанционные аналитические приборы. Судя по тому, что оно не подает никаких сигналов, это не маяк, а если это потерпевший крушение летательный аппарат неизвестной нам цивилизации, то он не испускает ничего, что можно было бы классифицировать как сигнал бедствия, — хотя мне в любом случае кажется немыслимым, чтобы подобное сооружение могло прилететь или быть привезено сюда каким-либо транспортным средством.

— Признаки жизни?

— Я не получил никаких данных, которые не согласовывались бы с естественными условиями жизни на планете. Если там и есть что-то живое, оно либо не совпадает ни с одним известным определением формы жизни, либо надежно замаскировано.

— Другими словами, — пробормотал разведчик, — ты, самая умная и сложная машина из всех, что смогли создать все известные технологии, запрограммированная давать ответы на любые вопросы и строить всеобъемлющие теории по любому поводу, вооруженная самыми разнообразными сведениями и наделенная скоростью мысли неизмеримо большей, чем моя, — ты говоришь мне, что мои догадки ничем не хуже твоих. Так?

— Возможно, даже лучше, — бесстрастно отозвался корабль. — Я не наделен твоей способностью к воображению.

— Итак, это не космический корабль, не грузовой модуль и не дом, построенный из найденных на планете материалов. Тогда как же это сооружение очутилось здесь?

— Я не осмеливаюсь строить предположения. Но ясно, что оно находится здесь уже долгое время. Оно погружено в подстилающую породу на довольно большую глубину, но нет никаких признаков, указывающих на то, что оно было каким-либо образом вмонтировано туда, какого-либо изменения окружающей среды. Можно предположить, что оно пробыло здесь действительно очень долго, и скалистые породы и почва сформировались уже вокруг него. Однако, оно не заросло окружающей растительностью и не покрыто вулканическим пеплом и обломками. Это свидетельствует о том, что некоторые его эксплуатационные функции до сих пор сохранились. Если подумать, кажется наиболее вероятным, что этот объект обладает какой-то системой, аналогичной моей. Вполне возможно, что все сооружение представляет собой искусственный интеллект, заключенный в оболочку.

— Вполне правдоподобно. Но ты уверен, что это объект внепланетного происхождения, а не просто необычный элемент рельефа?

— Абсолютно. Всплески энергии указывают на наличие внутри сооружения какого-то источника питания; кроме того, зарегистрировано потребление и выделение газов. Недостаточно большое для того, чтобы сделать вывод, что внутри него существует атмосфера, но достаточное, чтобы предположить, что она есть, по крайней мере, в какой-то его части. Было бы интересно приблизиться к нему и сделать анализ газов, которые оно выделяет.

— Так давай приблизимся. Приготовь дистанционный проб, и поглядим, из чего эта штуковина сделана и как она отреагирует на наше приближение. Сколько времени это займет?

— Я уже сконструировал и запрограммировал проб, предугадав твои действия. Но сейчас в той области планеты ночь, и я предложил бы отложить экспедицию до утра. Поешь и отдохни, а завтра посмотрим, что это такое.

* * *

Проб спустился неподалеку от объекта, отчасти для того, чтобы узнать, вызовет ли это ответную реакцию. Ни запросов, ни каких-либо других сигналов не последовало, поэтому проб, чуть ли не касаясь земли, направился к цели. Саймак вместе с компьютером внимательно наблюдали за его действиями с орбиты.

Вблизи продолговатая часть сооружения, походившая то на зазубренное острие кристалла, то на углубление, оказалась именно последним — это был почти туннель, обрамленный шестнадцатью правильными гранями из какого-то кристаллического вещества и ведущий вглубь, к единственной черной точке, которая могла быть, а могла и не быть чем-то вроде входа.

Сначала проб не стал приближаться к этой точке, а поднялся выше и обследовал внешнюю сторону странного сооружения. Предварительные измерения подтвердились: оно оказалось немногим более сорока метров в длину, вмуровано или вделано в коренную породу, а выступающая часть возвышалась над землей чуть меньше, чем на четыре метра. Никаких заметных невооруженным глазом отверстий не наблюдалось, но сооружение, судя по всему, источало газы из разрушенного, или «входного», конца, словно он был пористым. Зона воздухообмена простиралась чуть больше, чем на шесть метров, затем резко обрываясь.

— Здесь что-то вроде воздушной камеры, — сказал корабль. — Возможно, вся зона внутри объекта, или хотя бы какая-то ее часть, пригодна для жилья. Два участка излучают тепловую энергию — немного, но это определенно указывает на наличие какого-то охлаждающего механизма.

— А ну-ка, может, удастся взять пробу и сделать анализ, — предложил Саймак, скорее заинтересованный, чем встревоженный.

Проб приземлился на вершине сооружения, крепко встал на три толстые ноги-присоски, затем выпустил из брюшка полый бур и попытался взять образец. Ничего не вышло. Бур лишь бешено вращался и натужно жужжал, понемногу начиная плавиться — вещество оказалось более твердым, чем головка, сделанная из самого твердого материала, известного зиманту.

— Что бы это ни было, это не кварц, — прокомментировал компьютер.

— Очевидно. Ладно, хотя это почти наверняка пустая трата времени, проведи все испытания.

Кислородная резка, контурное взрывание, лазер и прочие меры оказались одинаково бесполезными, подтвердив правоту Саймака. Четыре часа компьютер подвергал объект всем известным воздействиям, однако по прошествии этого времени они знали о нем ничуть не больше, чем в начале.

— Ясно одно — если бы мы могли выяснить состав этого вещества и воспроизвести его, то получили бы отличный изоляционный и строительный материал, — заметил Саймак. — И постройка из такого материала была бы первой в истории, которая действительно простояла бы века.

— Не уверен, что это материал, — отозвался корабль.— Я только что провел еще одну серию замеров, и они немного отличаются от предыдущих. Не слишком сильно — изменения еле заметны, но они есть. Собственно говоря, сейчас я уже закончил третью серию, и результаты снова другие, а поверхность объекта при этом совершенно неподвижна. Такое впечатление, будто он действительно слегка изменяет форму, причем почти непрерывно, и тем не менее я не могу измерить эти изменения. Я бы сказал, что эта штуковина не... не вполне... в нашей Вселенной. Как будто законы нашей физики не совсем к ней применимы.

Зимант был удивлен:

— То есть ты хочешь сказать, что этот объект — из другой Вселенной? Он как-то очутился в нашей Вселенной, не утратив при этом контакта со своей собственной?

— Грубо говоря, да. Он как будто находится не совсем в одной фазе с нами — во времени или в каком-то другом измерении. Это объясняет, почему он оказался невосприимчивым ко всем нашим воздействиям.

— Разве такое возможно?

— Я никогда ни о чем подобном не слышал, но никакой другой теории, объясняющей подобные свойства, с ходу придумать не могу. Мы ведь почти ничего не знаем о геометрии параллельных Вселенных. Мы превышаем скорость света и путешествуем на далекие расстояния, поскольку изучили кое-какие свойства и топологию нашей собственной Вселенной, но здесь мы, возможно, наткнулись на другую. Если эта теория верна, то она многое объясняет — хотя я никогда не слышал, чтобы такое пересечение Вселенных было где-либо обнаружено. В таком случае становятся понятны не только свойства и характеристики объекта, но и то, как он здесь оказался.

Те, кто построили эту штуку, не перевозили ее, а сдвинули в точку пересечения наших Вселенных и протолкнули сю-

да. Но какова могла быть цель этой затеи — не возьмусь даже предполагать.

Зимант какое-то время раздумывал над его словами.

— Ну, а я, пожалуй, рискну предположить. Каков должен быть наш следующий шаг с точки зрения логики?

— Попытаться войти внутрь, что же еще?

— Вот именно. Эта штука напомнила мне капканы на мотриксов у моего народа. Это такое сооружение, похожее на паутину, которое кладут на землю и маскируют. Туда можно войти, а выйти нельзя. Мотрикс подходит, заползает внутрь и — оп! — попадает в ловушку. Когда охотник через некоторое время приходит проверить капкан, добыча уже ждет его там, свежая и отлично сохранившаяся. Какое-нибудь приспособление неизвестной нам расы, способное делать нечто подобное куда более хитрым способом, может служить для таких же целей. Оно стоит здесь, привлекая внимание своей непохожестью и ожидая, когда кто-нибудь неосторожный или чересчур любопытный заползет внутрь.

— Интересная теория. Проверим?

— Непременно.

— Это может оказаться бесполезным. Если эта штуковина не синхронизирована с нашей пространственно-временной матрицей, передача сигнала изнутри нее скорее всего будет невозможна.

Зимант был готов к этому.

— Что ж, если так, это будет очень досадно, но в таком случае мы передадим все, что нам удалось добыть, военным и Первой Команде и предоставим им возиться с этой штуковиной. Продолжай.

Проб снова двинулся вперед, потом вниз, добравшись до той области, которая сверху выглядела как осколки кварца, а с земли походила на зияющую пасть. Корабль перенаправил ретранслятор так, чтобы сигнал, подаваемый пробом в горизонтальной плоскости, можно было поймать и перенаправить вверх, а потом осторожно пустил проб к черному пятну в месте, где сходились грани кристалла.

— Мои сложные измерительные приборы сходят с ума,— сообщил корабль, — но базовая аппаратура пока держится. Атмосферное давление постоянное, температура поднимается, хотя и незначительно, прямая видимость ухудшается, но ретранслятор передает все, что нужно. А вот с расстоянием что-то не то. Судя по моим данным, мы уже прошли всю длину объекта, однако только сейчас приближаемся ко входу.

— Забавно будет, если она впустит нас и тут же выплюнет с другого конца, — заметил Саймак. — Этакая дверь.

Эта «дверь» уже занимала все экраны. У нее были ровные края, а ее чернота не была отверстием, ведущим

внутрь — это скорее была плотная мембрана. Проб остановился в нескольких сантиметрах от ее поверхности и выпустил небольшой серебристый щуп, похожий на руку, который сначала коснулся черной пленки, а потом тремя «пальцами» попытался взять образец материала. Это, однако, ему не удалось, поскольку при его прикосновении мембрана, как им показалось по изображению на экранах, повернулась против часовой стрелки и разошлась в стороны.

— Диафрагма, — заметил корабль. — По крайней мере, нам открыли дверь.

— Это точно, — согласился разведчик. — Только вот куда? Неужели эта штуковина так выглядит изнутри? Она слишком огромна.

— Как я и предположил, объект находится в нашем континууме не полностью, — с некоторым удовольствием отметил корабль. — Стабильность передачи нашего сигнала — единственный мостик, связывающий нас сейчас с тем местом, где находится проб. Я не могу сделать точные измерения — цифры скачут, как сумасшедшие; однако с внешними измерениями все нормально, так что полагаю, что мои датчики работают правильно. Просто они совершенно не рассчитаны измерять нечто, настолько чуждое всему нашему опыту.

На экранах мелькали изображения огромного помещения из того же кварцеподобного материала, но асимметричного, с исполинскими хрустальными колоннами, возвышавшимися, точно величественные башни, от пола до потолка; все они светились холодным светом — одни малиновым, другие золотым, третьи — синим, зеленым и такими цветами, названия которых Саймак не знал. Общее впечатление было ошеломляющим.

Пол был неровным и напоминал какую-то холмистую местность в миниатюре, потолок был не менее бугристым, а стены, казалось, изгибались во всех направлениях, отражая и перемешивая свет колонн, искривляя его лучи и превращая их в радуги цветов, которые не были неподвижными, а медленно извивались, то сходясь, то расходясь.

— Это не источники света пульсируют и изменяют положение, — сообщил корабль. — Скорее, стены, пол, потолок и сами колонны незначительно изменяют форму и размер по мере продвижения проба. Полагаю, что это иллюзия, вызванная нашей неспособностью отчетливо видеть и измерять подобное состояние. Так что та геометрия, что мы видим, по своей природе — чисто теоретическая. Могу лишь предположить, что моя первоначальная теория была неверна: объект существует не вне нашего континуума, а скорее в множестве континуумов одновременно, включая и наш. Думаю, это что-то вроде четырехмерного куба, хотя как можно в действительности построить такую вещь и сделать ее доступной, ни одна наука нашего мира не знает.

— На самом деле, куда важнее не **как**, а **зачем** кому-то понадобилось строить его, — заметил Саймак, зачарованно глядя за быстрой сменой картинок на экранах. — И, если уж на то пошло, **кому** это могло понадобиться.

— Там есть еще и внутренние помещения. Боюсь, там мне не удастся поддерживать устойчивый сигнал. Но все равно, будем продолжать зондирование до тех пор, пока будет связь с пробом и мы сможем им управлять. Проблема в том, что если сигнал исчезнет на какое-то время, даже на несколько наносекунд, нам, возможно, больше не удастся восстановить связь. Попробуем зайти в ближайшее из центральных помещений и посмотрим, что нам удастся увидеть.

Проб двинулся вперед, и кадры на экране замелькали, сменяя друг друга, точно в калейдоскопе.

— Здесь освещение слабее, — сообщил корабль. — Думаю, я...

Он замолчал. Когда Саймак увидел на экране ясное, отчетливое изображение того, что находилось в меньшем из центральных помещений, у него перехватило дыхание.

Это была темная комната с двумя огромными колоннами в центре. Они светились желтым внутренним светом, но не были полностью прозрачными. И в этих колоннах, точно насекомые в янтаре, были заключены... **существа**.

Саймак никогда не был религиозным. У его народа, как и у большинства других, была уйма богов, ни один из которых не сделал ничего особенного для тех, кто столь усердно призывал их, выпрашивая благословения, но от чьего имени творилось немало зла. Однако теперь его взгляды начали казаться ошибочными.

Империя контролировала тысячи миров, на которых жили сотни рас; некоторые заселили свои миры еще до того, как их поглотила Империя, некоторые после. Эти расы принадлежали ко всевозможным формам, типам и видам, они дышали водой, метаном и еще множеством различных веществ; некоторые из них так отличались от остальных, что те, кто никогда их не видел, едва ли поверили бы в то, что такие существа вообще возможны. И все же почему-то на определенном этапе развития каждая из этих рас начинала развивать космологические и теологические науки. И хотя чаще всего эти науки разнились между собой как день и ночь, у всех них была одна-единственная любопытная общая черта, над которой с самого начала ломали голову и бились антропологи.

Пара существ, заключенных в колоннах, являла собой эту самую общую черту во плоти.

Каждое из них достигало, пожалуй, метров двух с половиной в высоту. Их слегка искривленные ноги, покрытые густыми лиловатыми волосами, заканчивались огромными раздво-

енными копытами, а лишенная растительности грудь была темной и твердой, словно это была кость, а не кожа. Руки, переходившие в массивные широкие плечи, казались непропорционально длинными и были, как и ноги, покрыты густой шерстью, однако заканчивались огромными когтистыми лапами. Лица, точно маски смерти, ухмылялись наводящими ужас раззявленными ртами, с огромными плоскими ноздрями и большими, черными, словно сам космос, глазами, над которыми располагались густые лиловые брови, резко сходящиеся к переносице, образуя жирную «V». Их головы венчали уродливые бесформенные рога.

Их описания у различных рас и даже у различных культур внутри одной расы несколько различались, но Саймак мгновенно их узнал.

— Клянусь богами моих предков! — выдохнул он.— Демоны!

* * *

Бортовой компьютер был не меньше Саймака поражен с точки зрения разума, но на него не давило бремя воспитания в разумной культуре, в процессе которого неизбежно приобретался суеверный страх перед всяческими чудищами и страшилищами.

— Кроме разницы в длине и форме рогов, а также того, что левый чуть поменьше ростом и потоньше, они отличаются друг от друга и еще кое-чем, — бесстрастно заметил компьютер. — Белье, которое на них надето, не позволяет сказать наверняка, но, возможно, это самец и самка. Успокойся, Саймак, они надежно замурованы в этих колоннах и явно не собираются воскреснуть в ближайшее время.

Но зиманта, сколько бы его рациональный ум ни твердил ему, что он всего лишь сделал важное открытие, неотступно преследовало ощущение, будто он вломился в храм чего-то воистину сверхъестественного. Странность этого сооружения, его непонятная природа, все эти причудливые аберрации, а теперь еще и демоны...

Такие демоны существовали в религиях всех рас, и практически во всех из них они олицетворяли все самое злое и губительное во Вселенной. Это относилось и к расам Мицлаплана, как он очень хорошо знал, и даже к самим Мицлапланам, провозгласившим себя богами. Лишь миколианцы относились к древнему и общему для всех образу демона как к воплощению добра — но миколианцы всегда были не как все.

— Это открытие колоссального значения! — восторгался корабль. — Многие века мы тщетно разыскивали следы прообразов демонов, гипотетически — первых, кто входил в контакт со всеми древними расами. И вот наконец-то перед нами доказательство того, что они были, что демоны — это действи-

тельно существующая, неизвестная нам и, возможно, очень развитая раса. Мы войдем в историю, Саймак!

— Заканчивай с этим, — твердо сказал зимант. — Отзывай проб. **Сейчас же.**

— Но мне нужно...

— **Делай, как я говорю!**

— Хорошо, — с очень человеческим вздохом отозвался компьютер. — Однако возьми себя в руки. Ты забирался дальше и видел и пережил больше, чем кто угодно другой, живой или мертвый. Не можешь же ты сейчас бросить все из-за каких-то дурацких предрассудков и детских комплексов!

— Они — зло! — отрезал Саймак. — Запомни это! Они символизируют абсолютное зло практически повсеместно! Этому должны быть причины, уходящие корнями в древность и дошедшие до нас как предостережение!

— Зло — понятие относительное. Кроме того, миколианцы считают их воплощением добра.

— Посмотри, какое у миколианцев общество и какие у них ценности! Нет ничего удивительного в том, что зло поклоняется злу! Давай, отзывай проб и готовься к сеансу связи.

— Значит, два этих давным-давно мертвых мастодонта все же не настолько перепугали тебя, чтобы ты решил вообще не сообщать о них?

— Я не могу проигнорировать такую находку. Уничтожить или спрятать их у нас вряд ли получится, а если я не застолблю эту планету, то на нее наткнутся миколианцы или мицлапланцы. Мне остается только молиться, чтобы те, кто придут сюда после нас, не выпустили на свободу этот древний ужас, который был заключен здесь многие тысячелетия назад. Поэтому дай пробу команду возвращаться и подготовь отчет. Мы с тобой здесь больше ничего делать не будем.

— Хорошо. Но я бы на твоем месте не тревожился так сильно. Теперь это уже всего-навсего археология, объект изучения. Эти двое давно мертвы и похоронены здесь, как на кладбище. Даже если исходить из общепринятого мнения, что представления о демонах, встречающиеся среди множества различных отдаленных друг от друга рас, действительно являются воспоминаниями о каких-то происходивших в древние времена контактах, то ведь это было десятки тысяч лет назад! С тех пор демонов во плоти не видел никто, кроме жрецов, экстрасенсов и психов.

— Это не кладбище, — твердо возразил Саймак. — Кладбища устраивают там, где живут люди. Их не устраивают в сооружениях, выстроенных с применением неизвестных

технологий, до сих пор функционирующих и реагирующих на посетителей. А десять тысяч лет назад здесь было совершенно другое место — с точки зрения геологии уж точно, а, возможно, и с точки зрения климата. Судя по нашим данным, сейчас на этой планете период незначительного оледенения. И тем не менее эта штуковина стоит здесь, совершенно исправно работающая, с замороженными внутри ужасными обитателями. Она не погребена в камне, не заросла местной растительностью, механизм открывания двери работает как новенький. Нет, эта штуковина жива — по крайней мере настолько, насколько можно считать живым тебя, а может быть, еще и побольше! Она все еще жива, все еще активна, все еще работает и достаточно разумна, чтобы за все эти столетия остаться стоять, не уйти в землю и не зарасти по самую крышу. Боюсь, что об этом открытии я буду сожалеть до самой смерти.

— Возможно. Но оно в любом случае перевернет нашу науку. Хочешь проглядеть отчет, прежде чем я отправлю его?

— Нет. Я и так знаю, как ты хорошо работаешь. Отошли его, но добавь кое-что от моего имени. Передай: «Я, Саймак, разведчик Биржи, шлю вам с Радужного Моста сигнал бедствия». Передай им: «Здесь демоны!»

Книга I

БИРЖА: СИНЯЯ КОМАНДА

ИОНА И ЧЕРВЬ

Эротки уже осадили его, но хотя он с энтузиазмом наблюдал за их танцами, в который раз задумавшись о том, каково это — обладать таким хвостом, продолжение его совершенно не интересовало.

Одна из них — похоже, главная — оттеснила остальных и двинулась к нему, пустив в ход весь арсенал самых своих соблазнительных движений. Арсенал, надо признаться, был весьма обширен. Он следил за ее приближением, допивая остатки напитка из стакана. Он был верен себе: в заведении, где все пьют всякую дрянь, он ограничился фруктовым соком.

Вблизи она оказалась не менее эротичной, но зато куда менее похожей на человека. То, что издали казалось каким-то театральным гримом, стало выглядеть совершенно по-другому, когда выяснилось, что это вовсе не грим, а она сама. Даже здесь, в столице центрального мира Империи, включающей сотни рас, порожденных невообразимо различными эволюционными силами, она все же казалась искусственной, ненастоящей — точно оживший сценический реквизит, созданный эксцентричным художником.

Чем, в какой-то степени, она и являлась.

Она была чуть выше него, хотя ее рост увеличивала густая грива волос, поднятых дыбом над головой и затем каскадом спускающихся по спине, да и сам он, по правде сказать, был не слишком высок и довольно щуплого телосложения. У нее была чуть смугловатая кожа, а лицо и туловище точно вышли из юношеской фантазии — невероятно большие глаза, полные чувственные губы, гротескно огромные груди, которые при таком размере никак не могли быть настолько твердыми, с постоянно торчащими сосками. Но ее брови были тонкими и смотрели концами вверх, румянец и тени на веках были естественными, а не макияжем, а над внешними уголками глаз, примерно посередине между самим глазом

и линией волос, виднелись крохотные, изящной округлой формы рожки.

Пупка у нее не было; примерно в том месте, где ему полагалось быть, начинала расти короткая, невероятно мягкая на ощупь коричневатая шерстка, покрывавшая ноги до самого низа. Бедра казались несколько преувеличенными, а полные ноги, нечто среднее между человеческими и лошадиными, заканчивались не ступнями, а изящными копытцами. С крестца у нее спускался роскошный золотистый хвост вроде тех, какие он ребенком видел в своем родном мире у цирковых лошадей.

Она подобралась вплотную к нему.

— Эй, шалунишка! Не хочешь поразвлечься?

Он взглянул на нее. Лишь что-то почти неуловимое в глубине ее накрашенных глаз выдавало, как долго она занималась этим ремеслом и какую безысходность ощущала.

— Не сегодня, куколка, — отозвался он. — Я просто хочу здесь посидеть, ничего больше. Может быть, в другой раз.

Она была слишком опытной, чтобы воспринять его слова как окончательный отказ.

— Да ну, брось, парень! У тебя есть потребности — я могу их удовлетворить.

— Отвали! — сказал он таким тоном, что она действительно отступила на шаг назад. Холодно, но уже не так угрожающе, он добавил: — Ты со всем своим опытом понятия не имеешь о моих потребностях. Пойди поищи себе щедрого клиента и успокойся.

Она оторопело уставилась на него:

— Ты что, из начальства?

Он стерпел этот вопрос, потому что именно такой обычно и была реакция.

— Я не начальник, девочка, даже и близко не стоял. У меня не больше желания общаться с ними, чем у тебя. Просто сегодня мне не хочется никаких развлечений.

Ее бровки недоуменно нахмурились:

— Тогда какого дьявола ты приперся сюда?

Почувствовав внезапный прилив гнева, он стремительно вскочил, чуть не перевернув стул:

— Я не обязан отчитываться, в особенности перед какой-то длиннохвостой шлюхой с лошадиным задом! — Он торопливо прошагал мимо нее и вышел на людную улицу.

Он прошел почти квартал, прежде чем его гнев не начал потихоньку остывать. Он был там совершенно не к месту и сам понимал это, но что ему оставалось? Она просто делала свою работу, единственное, что умела, — работу, для которой ее **создали**

в какой-то генетической лаборатории. Дьявол, зачем он все-таки потащился туда, если знал, что такая сцена неизбежна?

Зачем его вообще понесло в эту часть города? Туристы, бизнесмены, экипажи космических кораблей в увольнительной, делегаты и политики — вот кто составлял толпы в этом пестром квартале. Он огляделся. Толпы, всюду толпы — и он, черт возьми, здесь единственный человек!

Возможно, дело было именно в этом. Возможно, он отправился сюда потому, что это было единственное место, где можно наверняка найти человеческую компанию, — неважно, какого типа, неважно, что здесь представители человеческого рода не были творениями природы. Можно быть в близких отношениях — куда более близких, чем с родственниками, более близких, чем даже с кровными братьями — с полудюжиной существ, настолько отличающихся от тебя самого, что кроме совместной работы у вас не будет ничего общего, и считать их самыми лучшими друзьями и партнерами, каких только можно пожелать; но все равно время от времени ты будешь тосковать по обществу своих сородичей, кем бы и чем бы они ни были.

Он вскочил в туннель, соединявший разные концы города, и отправился обратно в отель. Он был подавлен и отчаянно зол на себя самого и чувствовал себя оторванным не только от представителей своего рода, но и вообще от кого бы то ни было.

В этом-то и была проблема. От сородичей его отделяла не просто работа или какие-то другие барьеры, но сам факт отличия от них. Все остальные были людьми, но у него было с ними значительно меньше общего, чем с этой эроткой. Возможно, именно поэтому он так на нее и взбеленился. Из-за ощущения ее обреченности, из-за мысли о том, что она обладает разумом, который может быть пытливым, проницательным или честолюбивым, но это не играет для нее никакой роли. С этим телом, инстинктами, генетически встроенными стереотипами поведения она может смертельно ненавидеть жизнь, которую вынуждена вести, но при этом быть буквально не в состоянии хоть как-то изменить ее и стать кем-то другим.

Другие выбрали за нее эту жизнь еще в момент ее зачатия, в начиненной компьютерами биолаборатории, создающей бесчисленные вариации и модификации, чтобы удовлетворить старый, как мир, спрос. Можно подумать, мало было того, что приходилось следить за сотнями рас, так нет же, существовали бесчисленные множества вариантов каждой из них.

Он был другим. Он родился обычным образом, из генетического материала, полученного совершенно случайным образом от двух родителей, — хотя кто была его мать, он до сих пор не знал. Рожденный в нищете и проведший детство в грязных

межпланетных захолустьях, он все же вырос умным и полным честолюбивых устремлений. Может быть, эта эротка тоже была умной и полной честолюбивых устремлений, но ее жизнь была предопределена с самого рождения, и она знала это.

С ним все обстояло по-другому. Он загнал себя в угол собственными руками. Он продал душу за свои честолюбивые устремления, за мечты, а теперь, когда получил все, к чему стремился, это оказалось никчемной пустышкой, поскольку он не мог насладиться плодами. Когда ты молод и надеяться тебе особо не на что, не слишком задумываешься о цене сделки с дьяволом.

В комнате он слегка расслабился, потом начал раздеваться. Когда его спина обнажилась, внизу, у основания позвоночника, обнаружился небольшой пушистый комок, который медленно развернулся и принялся пробираться вдоль позвоночника вверх, к плечу. Больше всего существо напоминало крупного слизня, только покрытого пушистой густой младенчески-голубой и снежно-белой шерстью. Он присел на край кровати, дожидаясь, когда существо доберется до цели.

— *Бедный Джимми,* — раздался у него в голове тоненький, еле слышный голосок. — *Гриста выпустила тебя в город, она чувствует, как тебе грустно. Тебе хотелось ту девушку?*

Он вздохнул.

— Нет, не **ту** девушку.

Маленькое существо забралось к нему на плечо, потом медленно поползло к шее. Он завалился на кровать, не боясь ни раздавить, ни поранить свою странную спутницу. Он мог бы сесть на нее или прижать к стальному листу, и с Гристой все равно ничего не случилось бы.

Он думал о маленьком существе в женском роде, хотя, строго говоря, эта раса была однополой. Джимми понимал существ, которые были двуполыми, или трехполыми, или какими угодно другими, — но отстраненно, как мог бы понимать другую расу, прочитав о ней. В этом была часть проблемы: Гриста, похоже, понимала его вполне неплохо, тогда как он на самом деле совершенно не понимал свою крошечную спутницу. С точки зрения биологии — да, но только не культуру, не образ мышления, не взаимоотношения с ей подобными.

Он перевернулся на живот, и Гриста застыла, прижавшись крохотной «головкой» к его затылку и вытянувшись вдоль позвоночника. Из ее брюшка выступили микроскопические щупальца, проникшие в его кожу тысячей крохотных иголочек. Они были достаточно длинными, чтобы добраться до нервных волокон, но такими тоненькими, что их нельзя было заметить невооруженным глазом. Ему не было больно — он вообще ничего не чувствовал, если это не входило в намерения Гристы.

Его разум затуманился, уныние внезапно куда-то исчезло, и все мысли уступили место волнам чистого, ничем не замутненного удовольствия, накрывшего его с головой. Оргазмические волны затопили каждое нервное окончание, каждую клеточку в его теле, даря такое блаженство, какое доводилось испытать лишь очень немногим. И пока оно продолжалось, пока он извивался в мучительном экстазе, Гриста питалась, поглощая его кровь, но не трогая ничего жизненно важного. Она и сама колыхалась от удовольствия, шепча где-то глубоко в его мозгу:

— *Я люблю тебя. Я люблю тебя, Джимми.*

* * *

— *Ты подавлен,* — заметила Гриста. — *Разве ночью тебе не было приятно?*

— Было, — буркнул он, распрямляясь и перебрасывая ноги через край кровати. — Ты всегда доставляешь мне удовольствие, Гриста. Как наркотик или стимулятор мозговых центров удовольствия. Никто не умеет так доставлять мне удовольствие, как ты, Гриста. — В его голосе прозвучала покорность, впрочем, с некоторой ноткой сарказма. Он знал, что Гристе все равно не уловить таких тонкостей.

— *Ты постоянно жалуешься, что я лишила тебя неотъемлемого права быть несчастным. Этого я постичь не в состоянии, даже после всех этих лет. Если действительно хочешь этого, я могу сделать, чтобы ты был несчастен.*

— Нет!

«Тебе и так это вполне удается», — хмуро подумал он про себя. Слава богу, у него еще оставалось некое подобие уединения — хотя их общение и было в каком-то смысле мысленным, Гриста не обладала телепатическими способностями и ей требовался контакт с «хозяином», если его можно было так назвать. Ей было необходимо, чтобы он, пусть еле слышно, но все же говорил с ней вслух. Он всегда с горькой иронией думал о том, что может вести мысленное общение с сотней видов различных существ, но вынужден говорить с той единственной, от которой не может отделаться. Гриста думала на другой частоте мыслеволн, чем почти вся остальная Вселенная.

Гриста всегда была для него «она»; даже ее мысленный голос казался ему женским, хотя на самом деле она была бесполой. Голос у нее был громкий и уверенный — скорее голос начальницы, чем любовницы, или даже, пожалуй, матери.

— *Так чего же тогда ты хочешь?* — спросила Гриста. Она всегда задавала ему вопросы, но никогда не понимала ответов. Как можно объяснить существу, которому хозяин

необходим для того, чтобы видеть, слышать... питаться — как объяснить такому существу, что хозяину невыносимо ее присутствие? Нет, не так — не присутствие ее было невыносимо, а ее контроль. О, она никогда не причинила бы ему зла — но точно так же никогда не позволила бы ему подвергнуть себя опасности, поскольку это было бы все равно что поджечь комнату в собственном доме.

— Я хочу выпить, — сказал он. — Хочу напиться, надраться до потери пульса! Хочу заглотить чего-нибудь возбуждающего и отправиться в город один, вот чего я хочу. Хочу влезть в драку, набить кому-нибудь морду и загреметь в каталажку вместе с другими такими же придурками. Хочу заглянуть к эроткам и осуществить все свои дурацкие фантазии. И все это я хочу делать **один**!

— *Ты же знаешь, что я не могу тебе этого позволить, Джимми. Такие вещи губительны для души и тела. В лучшем случае ты рискуешь заболеть, а в худшем — быть раненым или погибнуть.*

— Но именно это мне и нужно, улитка ты мохнатая! Риск! Риск, который порождает независимость! Риск, право на который имеют все граждане Биржи!

— *Мы рисковали во многих враждебных мирах, и это чуть было не закончилось трагически!*

— Мы рисковали! Ну да, мы, а кто же еще? Потому что мы должны вкалывать, потому что мы должны зарабатывать себе на жизнь, и потому что нет никакой другой работы, на которой терпели бы нас двоих, и если бы мы перестали делать это, то твое разрешение от копов полетело бы ко всем чертям, и мы аккуратненько бы избавились от тебя, и ты это отлично знаешь. И даже сейчас не исключено, что нам придется с этим столкнуться, потому что мы здесь без корабля, без команды и без указаний, а все из-за того, что твоя нерешительность стоила сетианцу жизни! Кто теперь наймет нас, ты, безмозглая личинка? Мы с тобой Ионы — мы приносим одни несчастья. В Ассоциации нет недостатка в желающих занять доступные вакансии. По крайней мере, большинство из них могут наняться на какую-нибудь грязную работу, чтобы перебиться некоторое время, или свалить с этого дерьмового металлического шарика и найти себе работу где-нибудь в колонии. А мы с тобой даже не сможем пройти медосмотр! Думаю, ты еще не забыла нашу попытку? До тех пор я и не подозревал, что сожжение у столба — это не просто исторический курьез.

— *Если бы я позволила тебе спасти сетианца, это стоило бы жизни нам самим,* — заметила она. — *Это официальная точка зрения. Не переживай — мы что-нибудь придумаем!*

— Хотелось бы, — отозвался он без особой надежды в голосе. — У нас осталось всего несколько сотен, а когда

они закончатся, Ассоциация продержит нас на пособии всего девяносто дней.

Поднявшись, он натянул рубаху, чтобы прикрыть Гристу, открыл дверь и зашагал через холл к общей ванной. И все это время Гриста манипулировала его биохимией, стимулируя и ободряя, подавляя привычные заботы и печали, так что, когда он добрался до ванной, его уныние если и не прошло, то стало хотя бы терпимым, и он оказался в состоянии взглянуть на себя в зеркало.

«А ведь я старею, — подумал он, — *и даже Гристе не под силу остановить это. Она может разве что помочь мне жить с этим.»* Лицо, глядевшее на него из зеркала над раковиной, было морщинистым и помятым, вьющиеся волосы обильно серебрила седина, а в густой короткой бороде виднелись белые пряди. Он становился все больше похож на своего покойного отца, а папанька его выглядел так, как будто его когда-то задело взрывом, а подлатать ему физиономию с тех пор никто так и не удосужился.

Здесь покоится Джимми Маккрей. Его жизнь была пустой тратой времени — собственного и времени других людей, а сам он был глазами и ушами паразита. Здесь покоятся Джимми Маккрей и Гриста, — ибо даже после смерти он не сможет избавиться от нее.

* * *

Было уже далеко за полдень, когда он вышел из гостиницы Ассоциации и привычно отправился во Дворец, что пунктуально проделывал каждый день. Он уже давно плюнул бы на этот бесполезный ритуал, но знал, что тогда его тут же турнут из Ассоциации как тунеядца. Что ж, во Дворце хотя бы можно было поесть.

Столица Биржи представляла собой массивный комплекс размером сто сорок на девяносто пять километров, который простирался насколько хватало взгляда. В его границах обитало более сорока миллионов душ, единственным связующим звеном между которыми было то, что все они перебрались сюда откуда-то еще. Комплекс был выстроен из металла, пластика и прочих искусственных материалов — одним словом, из всякой дребедени, и тем же словом можно было охарактеризовать большинство его жителей и их профессии.

Дело в том, что все это сооружение вполне могло бы управляться компьютером и обслуживаться роботами, но для обслуживания личностей, городов или компаний роботы были запрещены. Такси, пролетавшие мимо него, пока он шел к вокзалу, были разных цветов, и каждый цвет предназначался для определенной группы рас, чтобы друкин не попытался втиснуться на сиденье, сконструированное для клайва, или наоборот, и чтобы можно

было быть уверенным, что внутреннее убранство машины придется вам по вкусу.

Сине-белые, предназначенные для таких, как он, попадались нечасто. Его сородичей можно было найти в любом уголке бескрайней Империи, состоящей из почти девятисот миров, но здесь они были лишь крошечным меньшинством.

В таких такси и водители были людьми, точно так же как малиновые с золотом кливианские капсулы водили пепельно-белые кливианцы. Да, если бы роботам позволили водить такси, собирать мусор, убирать улицы и пылесосить комнаты в гостиницах, то уйма здешнего народу осталось бы без работы, без средств к существованию и без цели в жизни. Хотя в Империи поистине ценилась личная свобода и трудовая этика — включая свободу умереть с голоду, если у тебя нет денег, или сдохнуть от потери крови, если ты не можешь позволить себе лечение, — ее руководители полностью отдавали себе отчет в том факте, что миллионы или даже миллиарды людей всех рас, тысячами умирающие от голода и потери крови, быстро образуют отчаявшуюся и готовую на все толпу.

Поезд плавно остановился, и он вошел в тесное сине-белое купе — в одиночестве, как обычно, если не считать Гристы, разумеется. В гостинице жило еще несколько космолетчиков-людей, но все они были моложе и честолюбивее его; они, должно быть, появлялись во Дворце Ассоциации, как только он открывался, точнехонько с седьмым ударом часов. Вакансии могли появиться в любой момент двенадцатичасового рабочего дня Дворца, но молодые бородачи со свойственным им пылом были уверены, что самая лучшая вакансия непременно появится в семь ноль-ноль, а в семь пятнадцать уже будет занята.

Проехав несколько остановок среди многослойного скопища зданий и немыслимого сплетения шоссе, пешеходных дорожек и рельсов, которые всегда напоминали Джимми запутанный лабиринт гигантского административного здания, поезд выехал на открытую местность, и его взгляду предстала вся Биржа, окруженная очень симпатичным, хотя и несколько странным на вид парком. На взгляд Джимми, нормальный парк должен был быть разных оттенков зеленого цвета и состоять из деревьев, а не из чего-то, напоминающего полурастаявшие леденцы или огромных чудищ, тянущих к небу красные, синие и желтые щупальца, но тем не менее этот парк был довольно милым, да и планировка у него была забавная. В центре, видимом с крыши любого здания в городе, возвышалось гладкое и блестящее здание самой Биржи, больше всего напоминавшее десятки гигантских прозрачных кристаллов кварца, сросшихся у основания и имеющих коническую форму

наверху, так что все сооружение походило на органные трубы. Любое рабочее место, попадавшее в компьютеры Ассоциации, брало начало здесь, а рабочие часы на Бирже были куда короче.

Поезд внезапно нырнул в тоннель под парком и Биржей и некоторое время ехал в зловещей темноте, хотя, конечно, внутри тоже было освещение. Вдруг в поле зрения Джимми стремительно ворвалась огромная станция, и поезд замедлил ход, потом полностью остановился. Это место, всегда людное в рабочие часы Биржи, выглядело как кошмар в духе «Алисы в стране чудес», неважно, к какой бы расе вы ни принадлежали.

Здесь сновали, спешили, кишели, копошились всевозможные существа, среди которых едва ли можно было найти хотя бы двух одинаковых. Все они были **людьми,** Гражданами, но при том у одних были экзоскелеты, у других скелетов не было вовсе; у одних были лапы, у других — щупальца; у них было по две руки, по четыре руки, от двух до сорока ног, зубы, мандибулы, присоски и бог знает что еще. Они были всех вообразимых цветов и оттенков, да и всех невообразимых цветов и оттенков тоже. Они были всевозможных форм и размеров, и приблизительно каждому пятому требовалось вспомогательное средство, от кресла-каталки до дыхательного аппарата, а иногда даже полного скафандра.

Он лениво наблюдал за этим парадом, как вдруг на глаза ему попался человек его вида. Это была высокая и крепко сбитая, на редкость привлекательная рыжеволосая женщина в зеленовато-голубом комбинезоне и космолетчицких ботинках, оживленно беседовавшая с юрианцем и слогом. Юрианцы кажутся большинству людей чем-то вроде трехметровых креветок, а слоги похожи на гигантских зубастых улиток в спиральных раковинах — такое ощущение, словно они пребывают в постоянной готовности мгновенно сожрать все, что не успеет сожрать их самих.

«Интересно, что она здесь делает», — подумал он и собрался было провести телепатическое сканирование в надежде, что сможет прочитать мысли хотя бы кого-нибудь из них, но прежде, чем он успел уловить хотя бы отголоски разговора, поезд тронулся дальше, и вскоре уже снова нырнул в темноту. Давненько Джимми не видел нормальной человеческой женщины, да еще такой привлекательной и с рыжими волосами, а возможно, даже ирландки.

Пожалуй, даже и к лучшему, что он не успел просканировать их. Масса мыслей, скопившихся в таком тесном пространстве, скорее всего ошеломила бы его, и у него начала бы раскалываться голова.

Следующей остановкой был Дворец Ассоциации, и Джимми Маккрей сошел и поднялся на эскалаторе на улицу людного города.

Дворец был большим зданием с эмблемой Ассоциации над массивной двустворчатой дверью, которая открылась перед Маккреем, как только он приблизился. Внутри был главный зал с шумной толпой безработных космолетчиков, осаждавших компьютерные стенды в надежде отыскать вакансию. Некоторые вакансии были выделены цветом, если требовалась определенная раса, но большая часть была набрана обычным белым шрифтом на синем фоне, что обозначало универсальную позицию. Лишь немногим компаниям требовались какие-то особые расы, разве что они выполняли работы, для которых другие типы рас не подходили, или, например, корабль оказывался одним из немногих, что управлялись формами жизни, которые дышали неподходящим для других веществом.

Джимми достал карточку Ассоциации, подошел к терминалу, вставил ее и взглянул на небольшой экранчик в слабой надежде, что окажется именно тем, кто требуется. Но надежда не оправдалась, и он быстро проглядел названия кораблей и должности, значившиеся в списке, в поисках чего-нибудь многообещающего. Большая часть была обычной шелухой, но кое-что он все же вывел на печать. Зажужжав, терминал выплюнул небольшой сложенный лист, и Джимми прихватил его с собой в кафетерий.

Единственным, что могло подпортить впечатление от здешнего обеда, была вероятность того, что твоим соседом окажется существо, пахнущее тухлым мясом, с урчанием поглощающее огромную миску каких-нибудь ползучих тварей, а поскольку блюда здесь готовились для множества различных рас, выбор для каждой расы в отдельности был не особенно велик. Суп и сэндвич были как раз то, что надо, но после них ему наверняка захочется пива или хотя бы чашечку кофе, а Гриста терпеть не могла спиртное и тонизирующие напитки, и стоило ему только выпить что-нибудь подобное, как он тут же начинал чувствовать себя не лучшим образом. Усевшись с подносом как можно дальше от остальных и принявшись за еду, он развернул распечатку и пробежал ее глазами уже более внимательно.

Список оказался не слишком длинным. Требовались в основном кочегары — хотя сейчас этот термин уже совершенно утратил первоначальный смысл. Теперь так называли помощников бортовых инженеров, техников-ремонтников по электронике, бортовых техников, и все в таком же роде.

Телепаты требовались всего в трех областях. Во-первых, в службе безопасности, поскольку хороший телепат всегда может определить, когда что-то не в порядке. Требовались они также Первым Командам, которые высаживались в только что открытых мирах и чьей первоочередной задачей было обнаружить и выявить поджидающие их опасности. А кроме того, телепаты нуж-

ны были на кораблях, экипажи которых состояли из представителей настолько разных рас, что они физически не могли разговаривать друг с другом без уймы сложной аппаратуры; для телепатов же языковых барьеров не существовало, хотя мысли других существ нередко были странными, а постичь образ мышления чужих рас было зачастую почти невозможно.

Но вакансии для космолетчиков чаще всего открывались на больших кораблях — грузовиках или лайнерах, а там Таланты требовались исключительно в службе безопасности, медслужбе или в офицерском корпусе. Позиции, наиболее часто встречавшиеся в списках Ассоциации — ремонтники, диспетчеры, контролеры качества и тому подобное, — были не для таких, как он. Таланты были вещью не слишком распространенной, и лишь очень немногие одобряли их.

Люди вроде него, в семьях которых Таланты раньше не проявлялись, и кто был достаточно умен, чтобы распознать в себе Талант, обычно старались скрыть его. Не нужно ничего знать — можно просто читать мысли лучшего ученика в классе и получать хорошие оценки! Ему было около двенадцати, когда странные сны и голоса, которые он начал слышать, выйдя из детского возраста, внезапно развернулись в полную силу. Это было нелегко. Приходилось учиться контролировать их, отделяя от остального, или отключаться от них совсем, иначе лавина чужих мыслей сводила тебя с ума. Многие из тех, кого не обнаружили вовремя, действительно превращались в психов — в особенности те, кто родился и рос в городах. Он же был деревенским мальчишкой из малонаселенного мира, и это спасло его.

Говорили, что рано или поздно любой Талант все равно попадался, хотя он никогда не понимал, откуда это могло быть известно. Если тебя не поймали, то никто и не знает, что тебя должны были поймать, так ведь? Это что-то вроде идеального убийства: все говорят, что такого убийства никогда не было, но если оно идеальное, кто может о нем знать?

Однако элитные, первоклассно обученные войска, которые не занимались ничем иным, кроме этого, прекрасно наловчились отлавливать Таланты. В конце концов добрались и до Джимми — он так и не узнал, как, — и хорошенечко его обработали. Мизинец его левой руки украшали несмываемые концентрические черные и белые кольца — он знал, что они никогда не сойдут; к тому же их нельзя было надолго скрыть, поскольку проклятые химикаты начинали страшно щипать, если продолжительное время находились без света и воздуха. И, разумеется, самый мощный в Империи компьютерный гипноз вбил в его голову немного этики, избавиться от которой тоже было невозможно, поскольку нельзя было сказать, где кончается свое и начинается чужое. Даже

миколианцы делали что-то подобное. Талантам не доверял никто, и меньше всех — другие Таланты.

Как и большинство телепатов, он большую часть времени отгораживался от своих голосов, или, скорее, приглушал их до еле слышного шепота, от которого сознание уже могло отключиться. Те, кто не обладал этой способностью, не могли понять, насколько ужасно быть широко открытым в любой толпе, когда в любой момент на тебя может обрушиться чудовищная лавина чужих мыслей, как будто все разом принимаются говорить. Именно поэтому многие телепаты не доживали до взрослого возраста, а те, кто доживал, но не научался отгораживаться от этого чуждого мира, сходили с ума.

Он поглядел на огромный Дворец Ассоциации и усмехнулся про себя. Интересно, как бы они стали реагировать, знай они, что, если бы он решил подслушивать их мысли, то скорее всего умер бы со скуки?

Он отослал заявки на пару должностей в Первых Командах, куда требовались телепаты, и даже сходил на одно собеседование, но как только в разговоре всплыла Гриста — а в тесных рамках Команды утаить ее все равно было бы невозможно, — ему тут же вежливо заявили: «Большое спасибо, мы свяжемся с вами», и тем дело закончилось.

После обеда Джимми, как обычно, было нечем заняться, и он снова поплелся в Дистрикт, куда его временами словно кто-то тянул.

— *Не понимаю, зачем ты продолжаешь туда ходить,*— озадаченно высказалась Гриста. — *Как хочешь, конечно, мне все равно... Я еще могла бы понять, если бы тебе там действительно было весело, или ты нашел бы себе компанию, но ведь очевидно, что все это только угнетает тебя.*

— Это ты угнетаешь меня, маленькая гусеница, — буркнул он. Но все же Гриста была права. Он не мог отправиться в загул, как ему бы того хотелось — уж об этом-то Гриста наверняка позаботится, — а больше там делать было совершенно нечего. На целую улицу в Дистрикте был всего лишь один клуб, обслуживавший людей, и вчера вечером он уже заходил туда и не нашел для себя ничего интересного. И все же то, что Дистрикт предлагал ему, было реальным. Там была **жизнь**. Вся эта улица была **живой**, кишащей всевозможными существами, на уме у которых не было ничего, кроме развлечений, — и это в городе, который в остальном казался столь же безжизненным и молчаливым, как и его хозяева — Хранители, загадочная древняя раса, которая на самом деле управляла Империей.

Самое нелепое, что ни единая душа не знала, кто они такие. О Миколях, владыках одноименной Империи, было известно хотя бы, что они представляют собой что-то вроде паразитов; у них была биология, они существовали в действи-

тельности. Мицлапланы, хоть и были не слишком подвижными, по крайней мере имели какую-то форму и эволюционный путь, и для граждан своей империи они были вполне реальными. Но здесь, в Империи, у которой не было даже имени, не говоря уж об императоре, в единственном из Трех Империй свободном обществе, никто вообще не знал, кем или хотя бы чем были правители. Крупные города, подобные этому, были построены другими для удобства и комфорта других. У самих же Хранителей не было ни городов, ни памятников, ни даже официальной истории — во всяком случае, таких, о которых было бы что-то известно.

Некоторые считали Хранителей гигантским компьютером или сетью вычислительных машин; другие полагали, что они представляют собой чистую энергию, чистый разум. Находились и такие, кто вообще не верил в их реальное существование, считая, что это искусная выдумка, сфабрикованная руководством Биржи для маскировки собственного правления. Но в отличие от граждан Миколя или Мицлаплана, о Хранителях — независимо от того, кем они были и существовали ли вообще, — народ Империи практически не задумывался, и это всех вполне устраивало.

Джимми Маккрей заглянул в Клуб и увидел, что шоу в самом разгаре. Оно, разумеется, было достаточно непристойным, чтобы понравиться тем, кому нравилось скотство. Здоровые козлорогие сатиры вытворяли черт знает что с сексуальными полулошадьми-полудриадами, чья способность изгибаться, принимая немыслимые позы, была просто поразительной. Все это выглядело грубо и непривлекательно и сопровождалось бьющей по ушам музыкой.

— *Не понимаю, почему всем так нравятся полулюди-полузвери,* — заметила Гриста. — *Но если это пользуется спросом, почему бы им для разнообразия не использовать еще каких-нибудь животных, а не только козлов и лошадей?*

— Они и используют, — сказал он. — Это шоу будет идти неделю или две, а потом их сменят русалки и кентавры или еще какие-нибудь гибриды, а эта труппа отправится по большим городам в другом мире. Просто сейчас здесь выступают именно они.

— *Мне кажется, что если бы они использовали обычных привлекательных людей, это было бы куда более возбуждающе.*

На самом деле Гриста не разбиралась в сексуальности такого рода, не говоря уж об извращениях на продажу, но теоретические представления об этом у нее имелись.

— Это табу, — отозвался он, вспомнив, что уже несколько раз объяснял это ей. Когда Гриста безуспешно пыталась что-то понять, она имела привычку задавать одни и те же вопросы каждый раз, когда тема всплывала в разговоре. — Это назы-

вается проституцией. Такое, разумеется, тоже иногда встречается, но нечасто. Слишком уж много развелось опасных быстромутирующих заболеваний, передающихся половым путем. Космические путешествия, чужие солнца, непривычный состав атмосферы и изменяющаяся радиация — те же причины, что вызвали появление Талантов, — привели также и к развитию врожденных дефектов и уймы новых человеческих болезней, в особенности передающихся половым путем. Все эти эроты как раз и были созданы в попытке искоренить подобные вещи. Во многих человеческих мирах сейчас началась священная война за нравственность.

— *Я понимаю достаточно, чтобы сообразить, что на* ***этой*** *сцене нравственностью и не пахнет. Мораль, нравственность — может, это и глупо, но по крайней мере, это можно понять. А вот генетические манипуляции такого рода — все равно что рабство.*

— Да уж, ты у нас знаешь о рабстве все, не правда ли? — пробормотал он себе под нос. — Но они не совсем то, чем ты их считаешь. Это конструкции, андроиды — выведенные генетически, да, но из синтетических материалов, а не из человеческой плоти. Это один из немногих законных видов применения робототехники, они созданы и запрограммированы делать именно то, что ты сейчас видишь, и они не хотят и не умеют делать ничего другого. А поскольку их плоть — синтетическая, возбудители человеческих заболеваний внутри них жить не могут.

Он развернулся и вышел обратно на улицу. Гриста немного помолчала, потом заметила:

— *Я вижу и более безнравственные способы использования подобной технологии.*

Он кивнул, хотя этот жест для крошечного существа не значил абсолютно ничего.

— К счастью, для того, чтобы делать такие вещи, нужна прорва денег, высокая квалификация и специальные исследования, да плюс к тому различные компоненты, которые строго контролируются. Миколианцы, например, десятилетиями пытаются выяснить, как это делается, но им ничего не удается. Ну, а мицлапланцы, разумеется, считают все это страшным грехом.

— *А ты так не считаешь?*

— Я считаю, что идея была безвредна, но из нее ничего не вышло.

Гриста принялась обдумывать его слова, а он, чуть расслабившись, огляделся по сторонам и слегка приоткрыл разум.

ХРРР-ХРРР-ХРРР-ХРРРРР!!!

Ой! Щель вышла чересчур широкой. Он прикрыл ее так, чтобы до него доносился лишь слабый гул.

Хрр-хрр... подошел к той стене... хрр-хрр... произнести Циклы Пятого Порядка... хрр-хрр-хрр... первый лабиринт Судура поворачивает...

Это еще что за чертовщина? Столько рас, столько понятий и различных образов мышления! Странно, что примерно восемьдесят процентов углеродной жизни использует для мышления первичного уровня одни и те же полосы в довольно узком диапазоне частот. Вторичный и более глубокие уровни мышления чаще всего оказываются недостижимыми; лишь наиболее одаренным и опытным удается хотя бы прикоснуться к ним, причем полосы частот могут очень сильно варьироваться даже среди людей одной и той же расы.

Но на первичном уровне большинство видов думает в пределах диапазона, который телепаты даже совершенно чужой расы и биологии вполне могут уловить. Разумеется, в большинстве случаев телепаты просто слышат то, что другие говорят кому-то вслух, или то, что больше всего занимает их умы. Глубоко забираться в чужую голову им не по силам, здесь требуется специальное оборудование, а на поверхности чаще всего оказываются разные банальности. Но тем не менее, подключаясь к представителям рас, думавших в недоступном для него диапазоне, Джимми ощущал присутствие думающего, как будто слушал безмолвный, но работающий канал на радио. Время от времени у него появлялось странное ощущение, словно разум другого инстинктивно отстраняется от него или создает что-то вроде барьера — действие не враждебное, а просто автоматическое; так поступал и он сам, когда его сканировал какой-нибудь другой телепат.

Но того, что встревожило его здесь, он не смог бы толком объяснить ни одному не-телепату, даже Гристе. Для телепата улица была живым организмом, чем-то вроде потока сознания, который был для него вполне материальным, ощутимым. И вот в этом особом мире, среди толпы, время от времени попадались пугающие мертвые зоны.

Он не мог распознать их, если не выискивал специально, но все же они существовали. Черные дыры в разуме; люди, мертвые для Талантов и мертвые во всех остальных смыслах. Он, как и большинство других, считал, что эти люди — зомби, являющиеся тем не менее связующим звеном между Хранителями и толпой.

Их называли цимолями. Это были люди — настоящие живые люди, которые перестали быть собой. Их мозг, или по меньшей мере его часть, заменяли небольшие компьютеры. В основном это были отбросы общества — закоренелые преступники, убийцы, потенциальные самоубийцы, неизлечимые душевнобольные. Их умы — или души, как говорили некоторые, — были заменены и перепрограммированы Хранителями. Они могли подклю-

чаться друг к другу и к компьютерной сети, а возможно, и к самим Хранителям тоже.

Насколько он мог судить, все они были копами, и кошмарными типами в придачу. Они выглядели, разговаривали и вели себя точно так же, как обычные люди, и никто, за исключением некоторых Талантов, не смог бы отличить цимолей от остальной толпы.

Разумеется, здесь, в Дистрикте, должна была быть уйма цимолей-копов, проверяющих толпы, выискивая воришек и серьезных преступников, и следящих за тем, чтобы самые опасные из них не залегли на дно в этой специально созданной клоаке.

По правде говоря, если речь не шла о том, чтобы скрываться от погони, неисчислимое большинство тех, кто не обладал Талантами, находилось в этом районе в наилучшем положении. Они могли спокойно забыть о существовании цимолей, равно как и о существовании Хранителей, и общаться с ними как с самыми обычными людьми. Но Таланты, в особенности телепаты и эмпаты, волей-неволей понимали, кто это такие, и их, включая и Джимми Маккрея, мороз пробирал по коже.

* * *

Он развернулся и быстро зашагал по улице, свернув в темный переулок, где шум и яркие огни Дистрикта почти не были заметны. Черт его дернул так сильно раскрыться в таком месте! Ведь знал же, что они здесь обязательно будут. Как ни странно, их присутствие опознавалось по отсутствию сигнала.

— *Это не самый безопасный маршрут,* — нервозно заметила Гриста. Они побывали во многих мирах, о которых даже вспомнить нельзя было без содрогания, но там всегда рядом была команда — дублеры, прикрытие и оружие. Джимми не пугали темные переулки, но Гриста внезапно почувствовала себя очень уязвимой и беззащитной. — *Может быть, тебе лучше выбрать одну из главных улиц?*

— Цимоли, — пробормотал он, поежившись. — Ты же знаешь, у меня от них мурашки по коже.

— *А у меня мурашки по коже от темных переулков в подобных районах.*

— Ну-ну, расслабься. Мы не совсем беззащитны, а если даже на нас и нападут, что, скажи на милость, с нас взять? Кроме того, я открыт на первичной полосе. Нас не застанут врасплох.

Это была уверенность телепата, которую не-телепат понять еще кое-как мог, но вот принять — уже нет. К тому же, разумеется, она не давала полной гарантии. Среди уличных грабителей попадались и такие, кто мог обмануть телепата. Кроме

того, хотя Таланты были сравнительной редкостью, более сильный или опытный телепат мог с легкостью обмануть более слабого. А здесь, в этом мире, обитало множество представителей расы, проникнуть в мысли которой было не под силу ни одному телепату.

— АХ ТЫ ДРЯНЬ! СЕЙЧАС Я НАДЕРУ ТВОЮ ЛОШАДИНУЮ ЗАДНИЦУ!

«Голос» был мужским, очень громким на первичной полосе частот, и лишь чуть менее громким на слышимом уровне. Должно быть, его обладатель находился совсем близко, но если бы не звеневшая в этом голосе злоба, Джимми прошел бы мимо, сочтя происходящее эротической забавой одного из посетителей Дистрикта. Однако зловещий треск электрического разряда и последовавший за ним женский вопль, полный боли, изменили его намерения.

Телепатия в таких случаях применялась, но определить местонахождение источника мысленных волн, не видя его, было достаточно сложно, поскольку слои огромного города, точно коржи какого-то чудовищного металлического свадебного торта, создавали эхо и искажали сигналы. Он оглянулся, пытаясь определить, откуда доносились крики, и увидел слева очень темный узкий служебный проход. Он направился туда, потом бросился бегом, услышав, что крики жертвы и разъяренный рев мужчины стали громче. Темноту пронзила яркая вспышка, сопровождаемая звуком электрического разряда, потом еще и еще одна.

— *Ты спятил? Это нас не касается! Возможно, они пытаются заманить тебя туда, чтобы напасть!* — запротестовала Гриста, но он не обратил на нее никакого внимания. Разумеется, остановить его было не в ее силах, но странные убеждения Гристы все же предписывали ей хотя бы сделать попытку.

Джимми понимал, что его ждут неожиданности, но все же оказался не готовым к зрелищу, представшему перед ним.

Перед ним находилась погрузочная платформа на задворках Клуба — человеческого Клуба, — и на ней, почти в полной темноте, виднелись смутные очертания двух фигур. Единственное освещение давала крохотная сигнальная лампочка на задней двери.

Он был не из заморышей, этот мужик, хотя при таком освещении сказать о нем что-либо еще было затруднительно. Ногой он прижимал к платформе какой-то темный силуэт. Женщину. Он снова выругался, и тьму прорезал зигзаг бело-голубой молнии, обрушившейся на его поверженную пленницу. Она опять закричала от боли, умоляя его остановиться.

— Полегче, мистер! — крикнул Маккрей, и его голос эхом заметался между стенами узкой улочки и множеством городских слоев. — Вы не в пустыне, и это вам так не сойдет!

Сначала мужчина, казалось, ничего не услышал, но потом, похоже, факт, что ему кто-то что-то крикнул, проник в его толстый череп. Он остановился, но пленницу не отпустил. Вместо этого он щелкнул тумблером на своем электрическом хлысте, превратив его в факел, который вспыхнул так внезапно, что Маккрей на миг ослеп.

— Эй! Что такое?.. — буркнул мужчина, слегка сконфуженный. — Тебе-то какого черта здесь надо, парень?

— Я слышал крики, — спокойно пояснил Маккрей.— На этой планете так не принято, даже в подобном месте.

— Займись лучше своими делами, черт тебя дери! — рявкнул великан. — Если я захочу убить эту потаскуху — или, лучше будет сказать, недотрогу — то сделаю это! Я купил ее, заплатил за нее деньги, а у нее все равно нет никаких прав. — Факел неожиданно переметнулся с Маккрея на несчастную жертву, и у Маккрея перехватило дыхание.

Это была одна из хорошеньких эроток — полуженщина-полулошадь.

— Ты не коп, чтобы я оправдывался перед тобой,— добавил мужчина, — а я могу делать со своей собственностью все, что мне будет угодно.

— *Вот именно. Ты сам говорил, что они искусственные. Извинись и пойдем отсюда,* — настойчиво сказала Гриста.

Джимми Маккрей взглянул на девушку с копытами и хвостом, лежащую на земле, — ее лицо выражало откровенный ужас. Волосы у нее были опалены, кожу прочерчивали кровавые полосы. Разумеется, в юридическом смысле Гриста была совершенно права, но, увидев это выражение ужаса и боли, никто не смог бы спокойно уйти, сохранив при этом самоуважение. У Джимми, кроме его самоуважения, не оставалось практически ничего.

— Ты прав, я не коп, — ответил он тем же ровным тоном, — и не законник тоже, но там, где я родился, избиение собак и лошадей считается преступлением даже тогда, когда они принадлежат тебе. Это называют жестоким обращением с животными, а она — куда больше, чем собака или лошадь. Если уж на то пошло, мы обычно подвергаем таких хозяев порке, чтобы они попробовали на своей шкуре, каково это.

— Ах ты заносчивый ублюдок! — сплюнул мужчина. — Вам тысячу лет дерут задницы, а вы, тупицы, так ничему и не научились!

Джимми подошел поближе, оказавшись почти у края погрузочной платформы.

— Возможно, это оттого, что у меня никогда не было хорошего учителя.

Здоровяк взглянул на левую руку Маккрея — эта предосторожность никогда не была лишней. Связываться с гипнотом или телекинетиком было бы чистой воды самоубийством.

— Телепат, да? Вы, треклятые читатели мыслей, вечно всех жалеете, так? Только вот после первого шага этот маленький Талант ничем не поможет тебе в драке, и ты это знаешь.— Толстый палец щелкнул тумблером, снова превратив факел в хлыст. — И все, что мне нужно, это лишь вынудить тебя, чтобы именно ты сделал этот первый шаг.

Он занес руку, намереваясь снова опустить свое оружие на беззащитную эротку, и Джимми не выдержал. Практически без малейшего усилия он вскочил с улицы на платформу, и здоровяк сменил направление движения руки, направив хлыст на Маккрея.

Он был на добрую голову выше и, пожалуй, килограммов на сорок-пятьдесят тяжелее Джимми, но если тот и уступал ему в массе, то с лихвой компенсировал этот недостаток скоростью и проворством. Хотя удар был нацелен мастерски, электрический разряд не задел Маккрея. Прежде чем противник успел занести руку для второго удара, Джимми с разбегу врезался ему в грудь, оттеснив к стене клуба. Здоровяк не ожидал такого хода и растерялся, и этого времени Маккрею хватило, чтобы вырвать у него из руки хлыст, сбросив его с платформы на улицу.

Колено мужчины взметнулось вверх, задев Джимми, но он предвидел это движение и успел частично избежать его, отскочив назад. Боль все равно была адская, но удар оказался не настолько убийственным, как рассчитывал великан.

Взревев от ярости, которая теперь была направлена исключительно на Джимми, здоровяк все же воспользовался моментом и бросился на противника. Оба рухнули на платформу и, сцепившись, покатились сначала в одну сторону, потом в другую. Джимми удалось столкнуть здоровяка с платформы, а самому, хотя и с трудом, остаться наверху.

До сих пор Гриста была против этой затеи, да и сейчас не одобряла, но теперь началась драка, и это было главным. Она немедленно включилась в дело, подавляя боль, повышая уровень адреналина в крови хозяина...

Видя, что верзила поднимается с земли, Маккрей прыгнул на него сверху. Здоровяк снова растянулся, и Маккрей, чье невероятное чувство равновесия снова сослужило ему добрую службу, удержавшись на ногах, обрушил на более крупного, но все еще дезориентированного противника град ударов.

Здоровяк принадлежал к типу уличных хулиганов, вроде тех, с которыми Джимми Маккрей слишком хорошо познакомился в детстве. Именно из-за них, движимый гордостью

и инстинктом самосохранения, он был вынужден развить гимнастические навыки, которыми воспользовался сейчас, и заняться боевыми искусствами, поскольку это было единственным способом для мелковатого от природы мальчишки одержать верх над более крупным противником. Обычному гражданину Биржи эти боевые искусства были не слишком хорошо известны, поскольку подавляющая масса азиатских народов вместе с их культурой вошла в Мицлаплан.

Как и большинство крупных людей, этот парень никак не мог поверить, что получает удар за ударом, тогда как его кулаки поражают лишь воздух. Маккрей уже собрался было нанести удар, который для человека обычного телосложения мог бы стать смертельным, но в данном случае всего лишь сшиб бы противника с ног, когда уловил его мысль:

Черт побери! Да это профи!

В тот же миг здоровяк прохрипел:

— Хватит! Хватит! Не надо!

Будучи телепатом, Джимми знал, что его слова искренни. Здоровяк понял, что проиграл.

Шатаясь, он доплелся платформы и привалился к ее борту, тяжело дыша. Джимми, понимавший, на что он будет похож завтра, когда в полной мере прочувствует ощущения, которые сейчас заглушала Гриста, воспользовался передышкой, чтобы немного прийти в себя, и подошел к поверженному противнику.

Владелец эротки хватал ртом воздух, но, видимо, тоже уже слегка очухался, потому что кое-как сел и засмеялся.

— Значит, ты меня сделал, — выговорил он между двумя судорожными вздохами. — И что это тебе принесло, кроме того, что ты заработал несколько синяков и потешил свое самолюбие?

Это замечание застало Джимми врасплох, и он попытался придумать достойный ответ.

— Ты перестал избивать ее.

— На какое-то время. И что ты будешь делать теперь?

Маккрей нахмурился, потом вскочил на платформу. Девушка-эротка все еще лежала там, съежившись и всхлипывая от боли. Она подняла на него глаза, в которых отражалась странная смесь благодарности и страха.

— Ты цела? — спросил он ее ласково. — Встать можешь? Помочь? Ну-ну, тебе нечего меня бояться!

Как и все эроты, она думала вне диапазона. Он не мог уловить ее мысли, ему удалось услышать лишь какое-то тихое бессодержательное шипение.

— Она радуется, что ей довелось увидеть, как кто-то вышиб из меня дух, — крикнул верзила. В его голосе зву-

чало самодовольство. — Но она понимает, что я не могу допустить, чтобы об этом услышали другие, иначе на ближайшие шесть недель мне будут обеспечены проблемы с дисциплиной, а нам завтра уезжать.

— Убей меня, — произнес ее голос, чуть слышный и слегка надтреснутый. — Убей меня.

Джимми был потрясен. Он развернулся и подошел к краю платформы, где верзила уже неуверенно стоял на ногах, все еще ухмыляясь между гримасами боли.

— Только попробуй тронуть ее, а тем более убить, и я вернусь и прикончу тебя, — прорычал Джимми.

Громила только пожал плечами:

— У меня нет другого выбора, парень. Их у меня сорок штук, и я связан с ними гипнозом. Если бы в этой драке проиграл ты, все было бы по-другому. Ей было бы о чем рассказать сорока остальным. А так они узнают, что какой-то недомерок по доброте душевной помешал мне наказать ее и уложил меня на обе лопатки, начнут давить на меня, выжимать послабления, делать гадости, чтобы поквитаться. А то и вовсе взбунтуются. В конце концов я окажусь в еще худшем положении, чем сейчас, и придется наводить строгую дисциплину, может быть, даже прикончить парочку, чтобы привести остальных в чувство. Лучше уж потерять одну сейчас и покончить со всем этим, чем потом возиться. Как бы вовсе не пришлось прерывать тур и возвращаться домой раньше времени, а ведь это большие деньги. А если ты убьешь меня, всю группу отправят домой по приказу копов. И все до единого пойдут в утиль, а тебя будут разыскивать за убийство. Сечешь, парень?

Будучи телепатом, Джимми Маккрей мгновенно понял, что мерзавец говорит правду. И хуже всего было то, что это вовсе не являлось чем-то из ряда вон выходящим, это была просто часть его работы.

— А разве то, о чем ты говоришь, не убийство?

Громила вздохнул.

— Послушай, парень, не я здесь устанавливаю правила. Они — не люди, не забывай. Они сконструированы компьютером и выращены в лаборатории. Они как машины. Если машина ломается, то ты смотришь, можно ее починить или нет, и если нельзя, ты выкидываешь ее и покупаешь новую. Я занимался ремонтом, а ты помешал мне. Теперь мне придется ее выбросить.

Джимми Маккрей взглянул на эротку, которая внезапно показалась очень маленькой и беззащитной, ее тело задрожало, а лицо стало совершенно человеческим, несмотря на искусственный дизайн.

Потом он перевел взгляд обратно на верзилу, который к этому времени принялся искать хлыст.

— А если она пойдет со мной? — спросил Джимми.— Ты говорил, что завтра вам уезжать. Полагаю, вы вообще уберетесь с планеты. Она не сможет поговорить с остальными, и твоя проблема решится сама собой.

Громила вздохнул и удивленно покачал головой.

— Господи Иисусе, парень! Я же должен привезти их всех обратно, и чтобы никто не пропал! Кроме того, что ты будешь с ней делать? Они совершенно не умны, они спроектированы только для одного дела, честное слово, и у них нет ни гражданства, ни прав. Разве ты настолько богат, чтобы держать ее у себя в доме?

Последнее предположение показалось ему настолько забавным, что он хрипло расхохотался.

— *Господи, Джимми! Если тебе захотелось завести домашнее животное, то с котом будет куда меньше хлопот, и выйдет куда дешевле!*

— Я не могу позволить ему вот так запросто убить ее, — пробормотал он себе под нос. — В особенности если это действительно из-за меня.

— *Я предупреждала, чтобы ты не лез в это дело! Черт побери, только ее нам не хватало! Теперь наша наличность кончится в два раза быстрее, а она будет висеть у нас на шее мертвым грузом. Твоя глупость приблизила нашу голодную смерть, а ее собственную кончину только отсрочила.*

— Отдай ее мне, — попросил Джимми. — Ты же хорошо соображаешь. Ты придумаешь, как объяснить, почему не отослал ее обратно. Бьюсь об заклад, ты сможешь сочинить что-нибудь, чтобы получить разрешение избавиться от нее на месте. Иначе нам придется продолжить нашу беседу, и если долго скрывать эротку у меня вряд ли получится, то отсрочить твой отъезд на пару дней мне точно удастся!

Мужчина пожал плечами:

— Если она так тебе нужна, забирай ее, парень. Когда захочешь избавиться от нее, позвони в этот Клуб, и тебе скажут, куда послать то, что от нее останется. Больше это меня не касается.

Маккрей повернулся к эротке, которая перестала дрожать и смотрела на него так, будто он был каким-то богом.

— Эй, прекрати сейчас же! Может, он и прав, — сказал он ей, чувствуя себя несколько смущенным под ее взглядом. — Идти можешь? — Он протянул руку, и она, взявшись за нее, неуверенно поднялась на ноги.

— На них все заживает, как на собаках, — сказал верзила. — Иначе я не стал бы использовать с ней такие штуки. Удачи, парень. Она тебе не помешает. Мне почти жаль тебя. Меня

уже сто лет никто не бил. Пожалуй, ты мне даже нравишься. Только не могу понять, за каким чертом тебе все это понадобилось.

— Думаю, тебе этого не дано, — вздохнул Джимми, потом повернулся к девушке. — Идти можешь? Нам нужно на поезд.

— Да, хозяин. Я могу делать все, что вы пожелаете,— ответила она тихо.

— Нет уж, пожалуйста, без этих штучек! — рявкнул он. — Мои предки достаточно долго были лакеями. Я такого терпеть не стану! Будешь звать меня Джимми, как и все остальные.

Она улыбнулась.

— Джимми. Красивое имя.

«Кроме того, — добавил он про себя, — *вряд ли я могу быть чьим-то хозяином, когда сам нахожусь в рабском положении».*

— *Джимми, что ты натворил?* — проскулила Гриста.

— Заткнись, Гриста, — буркнул он, протягивая девушке руку.

ДЕШЕВЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ПЛОХИЕ СНЫ

Стоит только открыть принципы преодоления скорости света, — что обычно происходит совершенно случайно и вначале вызывает всеобщее недоверие, — как сразу же начинается эра освоения и колонизации человеком межзвездного пространства, происходящие настолько стремительно, что немыслимые изменения совершаются тогда со скоростью молнии.

На Земле это открытие было сделано группой ученых из нескольких западных стран, работавших в одной из правительственных лабораторий в Калифорнии над неким проектом из области физики элементарных частиц, который не имел к космическим полетам совершенно никакого отношения. К тому времени, когда они сообразили, на что наткнулись, и когда это сообразило правительство, часть информации уже уплыла. И пока под новый проект выбивались деньги, пусть даже и очень небольшие, этой информацией успели завладеть девять других стран. По большому счету, единственной причиной, по которой государства, сделавшие открытие, в конце концов все же выделили средства на его дальнейшую разработку, было то, что по меньшей мере три другие страны за это время уже успели построить корабли, работавшие на этом принципе. Земля тогда оказалась на волоске от пугавшей всех ядерной войны, поскольку государства никак не могли разобраться, что кому принадлежит.

К счастью, к этому моменту первые научно-исследовательские станции нескольких интернациональных блоков обнаружили невероятное число интересных миров, пригодных для

обитания. И вот в своей эгоистической заносчивости страны в конце концов состряпали соглашение, поделив ни больше ни меньше чем всю галактику на сферы влияния и узаконив все предыдущие притязания. Тот факт, что после первоначальных астрономических вложений в разработку оборудования и материалов, без которых нельзя было создать необходимые двигатели и приборы, межзвездные полеты по удельной стоимости оказались дешевле межпланетных, тоже сыграл немалую роль.

Спустя всего столетие после того, как первые корабли оторвались от Земли, человечество владело более чем сотней солнечных систем, хотя, по правде говоря, большая часть из них была совершенно бесполезной, и владельцы не избавлялись от них лишь из гордости, или потому, что собирались спекулировать на них, или же потому, что они находились между двумя прибыльными мирами. За это время уже были обнаружены первые внеземные формы жизни и открылось широкое поле для экзобиологических исследований. Разумные расы еще не были открыты, но надежда умирает последней, и каждая сторона была уверена в том, что рано или поздно именно **они** окажутся первыми, кто встретится с инопланетной расой и склонит ее на **свою** сторону.

Первый блок включал в себя Соединенные Штаты, Канаду и всю Западную Европу — за исключением Франции, заключившей блестящую сделку с несколькими крупнейшими латиноамериканскими странами и некоторыми наиболее богатыми государствами Африки и образовавшей собственный Латинский блок. Японцы, отказавшись войти в Западную коалицию на условиях младших партнеров, заключили равноправный договор с Китаем, который отодвинул политику на второй план и образовал вкупе с ними другой блок. Еще один эклектический блок создала Россия, объединив вокруг себя не только старых союзников по всему миру, но также Индию, жаждавшую, как и Китай, найти новые миры для своего невероятно разросшегося населения.

Все они конкурировали друг с другом, как конкурировали многие годы до того, и все основали свои колонии у относительно близких звезд. Разумеется, встречались им и трудности, но они не гасили оптимистической надежды, что так будет продолжаться вечно.

Прошло почти двести лет экспансии, пока человечество не встретило первые разумные расы, и когда это произошло, то стало потрясением. Когда разведывательный корабль Биржи впервые обнаружил колониальный мир Западного блока, эту встречу вряд ли можно было назвать теплой.

Капитан разведывательного корабля объявил колонию собственностью Биржи и тут же начал распоряжаться.

Древняя и мудрая империя, обнаружившая земные колонии, уже не раз попадала в подобную ситуацию. В отчетах было указано, что открытый мир был простой колонией, причем сравнительно молодой, и что было обнаружено еще много людей, колонизирующих другие миры.

Почти сразу же после того, как по Бирже распространился слух о новой расе, миколианские и мицлапланские шпионы отправили ее координаты и данные своим хозяевам, которые попытались поскорее определить происхождение новой расы и найти способ колонизации ее миров. Снова началась гонка, но на этот раз три старых и хитрых империи наперебой пытались урвать как можно больший кусок человечества.

Даже столкнувшись с общей угрозой, человечество отнюдь не рвалось объединять свои силы, а когда это все же произошло, то обнаружилось, что противник очень серьезный, опыта у него в подобных делах чуть ли не на тысячу лет больше, и что поделать с этим ничего нельзя. Позже историки заключили, что самой большой потерей для человечества стала не утрата независимости, а крушение расового эго. За какие-то два с небольшим века человечество перешло от сознания себя центром и образцом мироздания к примирению с ролью сравнительно незначительных жителей Вселенной, оказавшейся куда более неизмеримой и сложной, чем человечество осмеливалось вообразить.

Западный блок, вместе с большей частью присоединившегося к нему Латинского, отошел к Бирже просто потому, что их миры первыми обнаружил разведчик Биржи. Китайско-японский блок достался Мицлаплану, а блок, возглавляемый Россией, — Миколю. Капитуляция была болезненной, но быстрой и бесповоротной. В Биржу входило около ста сорока рас, в Миколь примерно столько же, в Мицлаплан — чуть больше. Такое соотношение сил сохранялось неизменным уже очень долгое время.

Впоследствии, ради собственной выгоды, три соперничающие силы кое-что подрегулировали, но основное разделение человечества осталось. Остатки Западного и Латинского блоков очень хорошо вписались в систему свободолюбивой Биржи, позволявшую им оставаться почти такими же, как они были, пусть даже и в роли подчиненного меньшинства. Миколь и Мицлаплан, ненавидевшие друг друга, возможно, даже еще сильнее, чем каждый из них ненавидел Биржу, оказались единодушными в настоятельном желании «культурного слияния» новых подданных с остальными гражданами империй. Биржа захватила территории и тела; Миколь с Мицлапланом хотели получить в безраздельное владение также умы и души.

Всего через несколько поколений человечество стало куда более разобщенным, чем оно было на Земле. Группы людей, принадлежащие различным империям, походили на других членов своих империй — прошедших совершенно иные и зачастую немыслимо причудливые эволюционные пути, — гораздо больше, чем на своих бывших сородичей.

И все же, превратившись в меньшинство внутри огромных империй, все три части человечества понимали, что для них есть лишь один путь вернуть себе положение и власть в рамках новой культуры. Как примитивные и лишь недавно вошедшие в империю члены, они размножались как кролики во всех трех многорасовых древних культурах, которые к настоящему моменту росли медленно и строго упорядоченно. В закрытых и в некоторой степени унитарных государствах, где численность означала силу, власть и влияние, такой способ был наиболее эффективным. Мицлаплан заполучил китайцев, а Миколь — индийцев; и те, и другие были многочисленными группами населения и могли требовать больше ключевых позиций, больше места и новых миров.

Биржа, поглотившая Латинский блок, позволила ему осуществлять локальный контроль над мирами, которые уже были им колонизированы. Но в обществе, где новые миры не распределялись, а покупались и продавались на рынке, и за все необходимое для тебя нужно было платить чем-то необходимым кому-то другому, власти и богатства добиться было труднее. По иронии судьбы, в капиталистической империи Биржи человечеству пришлось хуже всего, и оно все еще продолжало находиться в положении младшего партнера.

Сердцем Империи была сама Биржа, гигантское цилиндрическое здание в центре столицы, расположенной в глубине Империи. Внутри этого здания можно было купить и продать буквально все, что не запрещалось законами системы.

В одном громадном сооружении из похожего на кварц материала располагались товарные маклерские конторы, где торговали запасами и товарами, закупаемыми впрок. В другом находилась фондовая биржа, где продавались, покупались и обменивались кусочки и частички миллионов компаний, создававших экономику Империи. Существовали и другие, менее крупные и более специализированные маклерские конторы, но сердцем Биржи и ее физическим центром был величественный Дворец Миров.

Здесь исследовательские корпорации, имеющие огромное количество разведчиков, углубляющихся во все новые и новые неисследованные просторы галактики, обнародовали сведения о своих находках и выставляли на продажу не компании, не ресурсы, а целые миры, и даже целые солнечные системы. Среди покупателей

были как расовые группы, нуждающиеся в новых мирах, так и дельцы, играющие на новых находках, и даже группы энтузиастов, пытающихся воплотить в жизнь свои идеи о социальном и политическом устройстве общества, основывая собственные колонии.

Биржу не особенно заботило, что, как и почему происходило в отдельных мирах, пока их обитатели соблюдали немногочисленные основные законы, признавали ее власть и не имели никаких отношений с Миколем и Мицлапланом. Но уже эти простые правила порождали поразительный уровень контроля. Биржа содержала независимые и состоящие в основном из цимолей и роботов межзвездные вооруженные силы, улаживая с их помощью споры между компаниями и мирами, которые хозяева не могли уладить самостоятельно. Биржа контролировала межпланетные потоки денежных средств через банки и торговые фирмы. А также все открытия, поскольку выдача патентов тоже была в ее ведении.

Кроме того, в каждом мире Империи обязательно работал государственный консульский корпус — глаза и уши невидимых Хранителей, и чрезвычайно закрытая и засекреченная группа, известная под названием Специального корпуса, в чьи задачи входило наблюдение за наблюдателями, разоблачение того, что некоторые предпочли бы скрыть, и выяснение, не затеяли ли чего-нибудь миколианцы или мицлапланцы.

Все люди, добившиеся в Империи хоть какого-то благосостояния и власти, сделали это на добровольной службе в консульском, военном или Специальном корпусе. Они были лучшими среди своих сородичей, но в обществе, где за все надо было бороться, область, в которой они отличились, имела сомнительную репутацию.

* * *

Модра Страйк была одной из тех весьма немногочисленных личностей, которые о кошмарном путешествии в ад вспоминают с ностальгией.

Это был обычный контракт: новый мир, обнаруженный и приобретенный на свой страх и риск одной сельскохозяйственной компанией, которая хотела выяснить, сможет ли этот кот в мешке стать новым источником прибыли.

Затея была из тех, за которые взялись бы только Ланкур с Модрой, — окупавшаяся лишь в том случае, если они обнаружат что-нибудь стоящее и если неприятные неожиданности и затраты не превысят норму.

Контракт, конечно, обеспечивал твердые выплаты при любых обстоятельствах, но дело было в том, что хорошую

работу можно было найти только с достаточно крупной начальной суммой на организацию экспедиции. Если же вы не вносили ничего ценного, то очень скоро обнаруживали, что нанявшая вас компания — очередной замок на песке, который имеет свойство быстро рассыпаться. Первые Команды всегда сталкивались с этим, и именно поэтому лишь небольшие частные компании вроде их собственной выполняли подобную работу. Стоило несколько раз обогатить работодателя, и денег уже хватало на то, чтобы стать настоящей компанией, с уймой кораблей, команд и средств и жить припеваючи. Фокус был в том, чтобы удержаться на плаву до того, как это произойдет.

Удавалось это не многим.

Модра Страйк была высокой привлекательной рыжеволосой женщиной, с энергичным лицом, громким голосом и достаточно развитой романтической жилкой, чтобы в двадцать четыре года «начать играть в бирюльки», как она это называла. Унаследовав небольшое состояние от любящего дядюшки — который был агентом на Бирже и, воспользовавшись своими связями, открыл небольшую торговую компанию, — она решила не идти проторенной дорогой, что означало выйти замуж и жить на доходы от семейного дела. Это было бы слишком скучно, слишком обыденно и бесперспективно для такого человека как она, особенно в таком возрасте.

Вместо этого она продала дело, покинула родной Каледон и отправилась в столицу Империи, полная романтических мечтаний о приключениях и несказанных богатствах в духе древних историй.

Она не прожила в городе и трех дней, когда в порт, едва дотянув, прилетел «Делатель вдов» с полумертвым и дочиста разоренным экипажем, у которого не оставалось никакого будущего. Она отправилась взглянуть на корабль из чистого любопытства, и эта груда искореженного металла, которую в космопорте сочли годной лишь на металлолом, показалась ей самой восхитительной вещью из всех, что она видела.

Капитаном «Делателя вдов» был статный и крепкий Трис Ланкур, кудрявый черноволосый бородач со сверкающими глазами, который тут же сцепился с начальником космопорта, угрожая задать трепку любому, кто попробует отобрать у него корабль. Он выглядел и вел себя в точности как покоритель космоса из романтических книг и фильмов, а его разношерстная команда, состоявшая из существ других рас, на взгляд — таких же безумцев, как и он, идеально подходила на роли второстепенных героев. У Модры были деньги, но не было никакого опыта; им же, судя по их виду, опыта была не занимать, но они, даже сложившись, вряд ли наскребли бы на проезд в такси. Ланкур, выслушав ее предложение, окинул высокую и стройную рыжеволосую незнакомку взглядом,

сначала он не хотел брать ее с собой, но в конце концов все же уступил.

Она помнила это так отчетливо, как будто это было вчера, хотя самом деле с тех пор прошло почти пять лет.

За эти пять лет, участвуя в заданиях Первой Команды в ожидании чего-нибудь настоящего, она пережила всевозможные приключения, которые, хотя и не были столь зрелищными, как обещали прославленные фантастические произведения, но все же оказались несомненно захватывающими, к тому же благодаря им она вскоре познакомилась с миром чудес медицинской науки Биржи. Она вставала на ноги после всех мыслимых и немыслимых повреждений, не раз оказываясь на волосок от смерти, она приобрела опыт, о котором когда-то мечтала, но до сих пор ей почти не попадалось такой работы, которая бы по-настоящему окупилась, и совсем не попалось такой, которая окупилась бы настолько, чтобы больше не пришлось работать вообще.

И вот они отправились на свое последнее задание, в мир с поэтическим названием 2KBZ465W. В мир, который действительно положил конец их саге...

* * *

Красивые миры похожи на красивых людей — они обычно демонстрируют кровь и отвратительные на вид внутренности, стоит лишь забраться под кожу.

Модра Страйк всегда терпеть не могла первой высаживаться на новой планете. Высадившийся первым очень часто первым же и отправлялся на тот свет.

Это место было настолько новым, что у него даже еще не было официального названия, хотя передовая исследовательская группа уже заготовила для него несколько имен, причем ни одно из них не было предназначено для детских ушей.

Сколь бы хорош ни был скафандр, от запаха никогда не избавиться, думала она мрачно. Стоит провести в скафандре несколько часов, пусть даже он битком набит всякими системами фильтрации и поглощения, как начинаешь ощущать вонь собственного пота и прочие телесные запахи, о наличии которых прежде даже не подозревал. Не все скафандры были приспособлены для людей, хотя именно этот был сконструирован специально под ее фигуру. Согласно ее требованиям, темно-синий скафандр на взгляд казался резиновым, сидел как влитой и не оставлял никакого простора для воображения относительно фигуры его хозяйки, однако он был сделан из самого прочного синтетического материала, способного выдерживать чудовищные перепады температур,

отражать практически любые снаряды, даже разряд импульсной пушки, и был вполне удобным и уютным изнутри. Можно было даже отправлять естественные надобности прямо в штаны — специальный насос удалял фекалии, превращая их в энергию и обеспечивая хозяину сухость. Она уже убедилась в эффективности своего скафандра — однажды ей пришлось провести в нем три дня кряду. Он замечательно избавлялся от всех отходов человеческого тела — только не от запаха.

К скафандру крепился легкий шлем, сделанный из более твердой модификации того же материала. Надетый, он почти не ощущался, но тем не менее мог несколько дней обеспечивать хозяина водой и чем-то, что, хотя и с натяжкой, можно было назвать едой.

Она отдала мысленную команду, и в тот же миг темная и сырая трясина, по которой она пробиралась, взорвалась буйством ослепительных красок. Она огляделась вокруг, но, решив, что в этом месте, где даже вода казалась живой, инфракрасное излучение ничем не поможет, снова отключила его.

— Трис? Ты где? — беспокойно позвала она, надеясь, что тяжелое дыхание не выдаст ее страха. Даже сейчас, когда прошло столько лет, она все еще ощущала себя новичком в команде и чувствовала, что за ней постоянно наблюдают, ожидая, когда она выкажет признаки слабости.

— В сорока метрах слева от тебя, — раздался в наушниках голос Триса Ланкура. — Приближаюсь к исходной точке. Только погляди на эти длинные лианы с толстыми усами! Так и кажется, как будто они одушевленные и ищут, чем бы поживиться!

Она кивнула, хотя не видела ни лиан, ни его самого.

— Мне уже пришлось пару раз нарваться. Здесь хуже, чем в аду.

— Лично я думаю, что в этом месте есть своя прелесть, — прозвучал третий голос, глухой и гортанный. — Моя родина почти ничем не отличается от него, разве что в мелочах.

— Вот поэтому я никогда и не принимала твоих приглашений в гости, — отозвалась Модра саркастически.

— А я-то думал, тебя пугают мои намерения! — парировал странный голос. Биологически у нее с ним было не больше общего, чем с этими деревьями.

— Ты где, Дарквист? Все еще на деревьях? — позвала она.

— Примерно в двадцати метрах сверху и в пятидесяти справа от тебя, — отозвалось существо. — Экосистема этого мира поразительна. На вершинах этих гигантских деревьев настоящий сад разнообразных растений.

В том-то и состояла проблема. С воздуха все выглядело вполне мирно — широкий, похожий на луг покров светло-

коричневого мха и лишайника пестрел яркими цветами. Сверху это место казалось прекрасным, отчего кто-то и заинтересовался им.

На самом деле, им понадобилось совсем немного, чтобы обнаружить, что красота была только на поверхности, а этот залитый солнцем луг в действительности являлся всего лишь тонкой пленкой, прикрывающей настоящий ад. Моховой ковер как губка впитывал дождевую воду и медленно пропускал ее сквозь свои внутренности, после чего она в виде тумана и мелкой мороси собиралась на настоящей топкой поверхности, питая огромные внутренние растения, на которые опирался внешний слой. В растениях верхнего уровня, судя по всему, в какой-то форме происходил фотосинтез, но вот что позволяло огромным деревьям вырастать настолько высокими и толстыми, чтобы удерживать весь внешний слой, пока так и оставалось невыясненным. Это было одной из их задач.

Единственный способ оценить новый мир после того, как все осмотрено, образцы отобраны, анализы сделаны, а роботы посланы в разведку — это выбрать интересное на вид местечко, спуститься и осмотреть все своими глазами. Прежде чем вкладывать в планету деньги, нужно ответить на один вопрос, который решает все, и горький опыт показывал, что в конечном счете ответ можно получить лишь единственным способом.

А именно: у этого места есть потенциал. А теперь, прежде чем мы займемся им, вы все отправитесь туда и выясните, что попытается убить вас.

Это был тот еще способ заработать себе на жизнь, но платили за него неплохо — если ты, конечно, доживал до момента получения денег. Первые Команды требовали высоких краткосрочных выплат за риск, частично потому, что опыт показывал, что это самый лучший — и самый рентабельный — способ выяснить все самое худшее в кратчайшие сроки. Экипаж «Делателя вдов» не любил браться за подобную работу — да и никто не любил, — но после двух неудачных экспедиций, когда владельцы миров обанкротились, так и не расплатившись, ему было необходимо денежное вливание, чтобы сохранить корабль, команду и работу. Разведчики, из-за безденежья оставшиеся без корабля, вряд ли могут рассчитывать, что их возьмут в другую команду. Все их достояние было вложено в корабль и оборудование. Изъятие корабля за неплатежи означало не просто крах — в Бирже оно означало голодную смерть.

— Только идиоту могло прийти в голову купить это место, — послышался тоненький голосок дарфурца Хамы Креднера. — Идиоту или дарквисту.

— Где ты находишься, Креднер? — спросил Трис Ланкур, замедлив продвижение сквозь грязь и пытаясь вы-

брать наилучший маршрут в чаще черных стволов. Прорубать себе дорогу они не рисковали — с таким-то куполом наверху.

— В двадцати метрах от исходной точки к северу от тебя. Исходная точка как раз между нами.

— Мне еще нужно выбрать безопасный путь вперед,— предупредил Ланкур. — Погоди, пока я не окажусь на таком же расстоянии. Видимость есть?

— Я слышу сигнал маячка в исходной точке, но ни черта не вижу в этом дерьме. Здесь все заросло грибами. Бьюсь об заклад, что это место показалось бы вонючим любой расе.

— Черт!

— Трис! Что случилось? — крикнула Модра, забираясь на огромный узловатый ствол. Она пыталась протиснуться в отверстие, про которое разум упорно твердил ей, что оно невозможно маленькое, но встроенный в скафандр компьютер счел его достаточно большим.

— Все в порядке, — отозвался он. — Споткнулся и плюхнулся мордой в грязь, вот и все. Эта дрянь страшно **липкая**. Эти чертовы амебоиды, или кто они там, которые живут в этой грязи, теперь облепили весь мой скафандр и пытаются забраться внутрь. Пожалуй, мне придется остановиться и счистить их.

— Спокойно, — предостерегла Модра его и всех остальных. — Не стоит спешить.

Трис Ланкур был с головы до ног покрыт существами, которые, как показал опыт, нельзя было смыть или скинуть. Единственным способом избавиться от них было пустить по поверхности скафандра небольшой разряд. Он не убивал их, но при этом они отцеплялись и отваливались сами.

Модра взглянула налево и увидела слабое голубое зарево, а ее внешние датчики зарегистрировали резкий треск.

— Вижу тебя. Поджарь этих маленьких ублюдков!

— Вот вам! — воскликнул он с ноткой торжества.— Что, не нравится? — Он тяжело вздохнул. — Знаешь, говорят, что в былые времена занятие недвижимостью было очень мирным и спокойным делом.

— Оценить планету несколько посложнее, чем оценить дом, — будничным тоном заметил Дарквист, не уловив иронии.

Она сделала вид, что не расслышала.

— Дарквист! Можешь разглядеть наши маяки?

— Я вижу вас с Трисом, а Хаму нет. Должно быть, он еще не дошел.

— Я здесь, — ответил дарфурец. — Я остановился, но не думаю, чтобы это была хорошая идея. Я что-то ощущаю, что-то очень плохое. Оно повсюду вокруг меня. Такое

ощущение, что здесь что-то есть, так близко, что я чувствую его запах, но не могу потрогать.

Модра была эмпаткой, способной воспринимать чужие эмоции и изредка влиять на них. Первичные исследования этого мира не обнаружили ни на одной из известных телепатических частотных полос ничего, кроме примитивной животной жизни, но эмпаты улавливали и другие полосы, покрывавшие более широкий диапазон, чем телепаты. Модра утверждала, что чувствует в здешнем болоте сильные выбросы эмоций на примитивном, но очень угрожающем уровне. Чуждая жизнь принимала разнообразные формы, часто не имевшие ничего общего с известными. Даже мысли, если они вообще наличествовали, могли принимать необычные формы, хотя, как правило, все углеродные формы жизни думали в одной достаточно узкой полосе частот, а кремниевые — в другой, столь же четко определенной. Кроме этих двух, других высокоорганизованных форм жизни известно не было. Но ни один телепат не мог уловить разум настолько низкого уровня, как, например, пчелиный рой; эмпат же мог ощутить возбуждение и нарастающий гнев роя.

— Ой-ей, — сухо прокомментировал Даркви ст. — Готовьтесь, сейчас на вас упадет гнилой плод.

Где-то в вышине раздался продолжительный треск; потом на них полетело несколько маленьких предметов, рикошетом отскакивая от веток. Красивые цветущие растения, обитавшие наверху, плодоносили, и время от времени плод становился слишком тяжелым и срывался с ветки. Они уже наблюдали за падающим плодом издалека, но ни разу еще не находились у него на пути.

— Чуть меня не сбил, — сообщил Даркви ст. — Когда падает большой, он увлекает за собой массу мелких.

— Это ты говоришь мне! — воскликнул Хама. — Да они падают вокруг меня, как град! Я... **Клянусь тремя богами Сумура! Вода! Она... аааа!**

Последний вопль раздался не только в наушниках — он произвел настолько сильный телепатический всплеск, что всех охватило смятение, страх и отчаянный ужас еще до того, как они услышали его. Но что именно напало на телепата, никто так и не увидел.

— Хама! — закричал Ланкур. — Оставайся на месте! Мы идем!

В наушниках затрещало и защелкало, потом сквозь шум пробился голос Хамы, слабый и сдавленный:

— Нет! Нет! Не подходите! Выбирайтесь из воды! Вода! Вода! Она...

— Хама! — вскрикнула Модра.

Оглянувшись, она увидела, что вода вокруг нее задвигалась, точно превращаясь во что-то живое. Черт побери,

да она действительно была живой, — из пенистой она внезапно стала студенистой, а под ее поверхностью словно бы что-то начало сгущаться. Модра не стала попусту терять время — прыгнув к развилке ближайшего ствола, она попыталась забраться на ветки, находившиеся в трех-четырех метрах над водой.

Вода у нее за спиной сама собой собралась в гигантскую колышущуюся колонну, которая, словно чудовищное щупальце, потянулась за ней. Щупальце было полупрозрачным, мясистым, но в то же время обладало структурой и формой и — о боже — оно было **огромным**!

Оно вздыбилось, готовясь схватить ее и утащить вниз, в трясину, и Модра мгновенно подключила энергию к внешней поверхности скафандра. Щупальце хлестнуло ее по ноге, тут же вспыхнул голубой разряд, и оно отдернулось. Снова и снова оно пыталось схватить Модру, набирая из воды необходимую массу, и каждый раз получало электрический удар и отступало. Наконец оно заколебалось, как будто что-то поняв, но все же продолжало ходить под ней кругами. Каким-то образом, хотя это и казалось невозможным, чудовище точно знало, где она находится.

Модра воспользовалась паузой, чтобы забраться как можно выше, но примерно в восьми метрах над водой стволы начинали искривляться, сплетаясь между собой, и подняться выше она не смогла.

Она огляделась, отметив, что фонарь на шлеме горит вполсилы, потом вытащила пистолет, прикрепленный шнуром к скафандру, и когда существо снова кинулось на нее, прицелилась и выстрелила. Луч бело-голубого света рассек конец щупальца, окутав его зловещим белым заревом, а когда зарево погасло, вместе с ним исчез и метровый кусок существа.

Но ни крови, ни сукровицы не было на том месте, где только что было щупальце, — там виднелась лишь какая-то комковатая масса.

Медленно, на глазах у Модры, студенистая масса принялась набирать вещество из окружающей воды. Она видела, как щупальце выпятилось, потом раненый конец начал разрастаться, и вдруг **щупальце, которое она только что дезинтегрировала, появилось снова, как ни в чем не бывало!**

— Дарквист! Трис! Хама! Где вы, черт вас дери? — заорала она, мигом растеряв всю свою железную выдержку и слегка впадая в панику.

В наушниках все еще трещало и щелкало, но она расслышала слова Дарквиста:

— Я видел, как ты стреляла! Держись! Я иду...

Неожиданно из наушников раздался ужасный скрип и визг, от которого у нее чуть не лопнули барабанные перепонки. Она мгновенно переключилась на другую частоту, потом

на третью, но все без толку. Шум был слишком громким, чтобы можно было выносить его дольше нескольких секунд, и ей пришлось отключить связь.

Внезапно наступившая благословенная тишина на миг усыпила ее внимание, заставив расслабиться, и существо, видимо, почувствовав это, подобралось для новой атаки. Теперь их в воде было уже несколько, и каждое тянуло вверх щупальце, такое же, как у самого первого. Она чудом увернулась от одного из них, съехав немного вниз по стволу, и начала стремительно водить пистолетом по горизонтали, скорее срезая, чем дезинтегрируя концы щупалец. Длинные извивающиеся отростки с плеском падали в воду, но потом луч ее фонаря выхватил из темноты картину, от которой кровь у нее застыла в жилах.

Щупальца, словно набравшись новых сил, извиваясь как змеи, подплыли к ближайшему крупному щупальцу и слились с ним; оно содрогнулось и, медленно разрастаясь, вновь начало подниматься из воды.

«Дерьмо какое! Их нельзя убить», — подумала Модра. Если даже маленькие щупальца способны на такое, то что мешает большим объединиться в одно огромное щупальце сорока, пятидесяти или даже шестидесяти метров длиной?

Модра снова попыталась поймать радиоволну, но в эфире стоял все тот же невыносимый визг. Чей-то скафандр — очевидно, Хамы — был поврежден, и произошла утечка энергии. Модра не могла надеяться прорваться через этот визг; внезапно она почувствовала себя совершенно одинокой.

Вот почему ветераны никогда не отправлялись на разведку без телепата.

Она принялась озираться вокруг. Щупальца на какое-то время притихли, словно осторожничали, собираясь с силами для новой атаки, — несмотря на то, что убить их было нельзя, излучатель, очевидно, все же причинял им боль, — но она знала, что это ненадолго. Модра попыталась сообразить, нельзя ли снова забраться куда-нибудь повыше и вынудить щупальца охотиться на нее снизу. Они казались не слишком умными, просто их действия были согласованы, иначе они уже давно схватили бы ее. Падающий плод возбудил их — возможно, они даже съели его, — и теперь они не собирались возвращаться обратно в привычное состояние покоя до тех пор, пока не съедят все, что находилось в зоне доступности и могло оказаться съедобным. Судя по всему, мышц у них не было, зато у них совершенно определенно была сила. Если бы они ухватили Модру одно за голову, а другое за ноги и потянули в разные стороны, ее разорвало бы пополам.

Возможно, именно это и случилось с Хамой. Несколько щупалец схватили его одновременно, застав врасплох, и разгерметизировали скафандр прежде, чем он успел понять, что происходит. Энергетический разряд, судя по всему, заставил их на некоторое время оставить его тело в покое, что не слишком-то ей помогло, поскольку они переключились на нее. А возможно, попробовав Хаму, они просто сочли его несъедобным.

Новая атака — и снова она отстрелила кончики щупалец, и опять они сползлись вместе, слились и поднялись над водой. Почему они не нападали раньше? Почему ждали? И почему Хама не почувствовал их до нападения? Все это было очень странно.

Она снова задумалась, не перебраться ли ей куда-нибудь повыше, и удастся ли ей это. Дарквист все еще был где-то на деревьях, и немедленное нападение ему не грозило. Эти существа не могли знать о нем. Вопрос был в том, что в последний раз он сказал, что видел ее выстрелы, так что, перебравшись в другое место, она рисковала лишиться последней надежды на скорое спасение. С другой стороны, если Дарквист спустится сюда, они нападут и на него тоже. В скафандре подвижность Дарквиста была ограниченной, а дышать этой дрянью он мог ничуть не больше, чем кто-либо другой из них.

А что, если Дарквист видел вовсе не ее выстрелы? А вдруг это были разряды скафандра Хамы, или Трис тоже стрелял?

Она проверила уровень энергии. Пока что энергии было достаточно, но рано или поздно она кончится. Сначала надо выбраться отсюда, а попытаться найти остальных можно и позже.

Если источник питания выдержит и если помехи не заглушат маячок на скафандре, они смогут ее найти.

Оттуда, где она находилась, удобного пути наверх не было, а вниз спускаться она не решалась. Черт! Похоже, теперь этих тварей внизу уже сотни. Возможно, стоит найти заряду лучшее применение...

Модра установила пистолет на самый тонкий луч и принялась стрелять, вырезая в стволах пусть небольшие и занозистые, но абсолютно необходимые опоры для рук и ног. Стволы, как она и предполагала, оказались страшно твердыми — вряд ли они смогли бы удерживать огромный полог, если бы состояли лишь из воды и мякоти.

Она перезарядила пистолет и скосила лес щупалец почти под корень, зная, что теперь в ее распоряжении будет пять или шесть минут, пока они не сформируются заново.

Придется несколько метров пройти по земле, чтобы обойти переплетение, зато потом между ней и щупальцами окажется почти сплошная стена стволов. Она ничуть не сомневалась, что они смогут обплыть кругом, но для этого им потребуется больше сообразительности, чем они до сих пор проявили. Если ей

удастся обмануть их и быстро перебраться туда, возможно, они потеряют ее след. В любом случае, попытаться стоило.

Выпустив еще один тонкий режущий луч, она принялась пробираться между стволами, а потом полезла вверх, карабкаясь так быстро, как только могла. Наконец она остановилась и посмотрела вниз. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было ее собственное тяжелое дыхание. Никакого движения не было заметно; в сумрачной мгле под покровом леса, рассеиваемой только светом фонаря на ее шлеме, виднелось лишь мирное болото.

Она почти ожидала, что гигантское щупальце внезапно выскочит из воды и схватит ее, но через некоторое время поняла, что победила, — по крайней мере, пока.

Она победила — гип-гип, ура! И вот она торчит здесь, неизвестно где, без связи, дожидаясь, когда что-нибудь еще снова пробудит эту тварь.

«Думай, Модра! Думай же!» Она заставила себя успокоиться и дышать ровно, глотнула воды и попыталась придумать, что ей теперь делать. Маяк работал, так что, возможно, Дарквист сможет запеленговать ее, когда эфир успокоится. У нее появилась одна идея. Она переключила приемник в режим сканирования и попыталась определить, нет ли поблизости других маяков. Есть! На миг она воспарила на крыльях надежды, но потом крошечный проектор начал отображать на щитке шлема точку за точкой — десятки точек. Черт бы их побрал! Выброс энергии из скафандра Хамы расстроил и маяки, образовав сотни ложных сигналов. Вот тебе и идея.

Ей ничего не оставалось, кроме как попытаться самой пробраться обратно к челноку. Она сомневалась, что щупальца могут повредить его, а находился он в одной из тех прогалин в лесном покрове, которых жизнь снизу, судя по всему, старалась избегать. Но плоды на этом треклятом болоте падали повсюду. На свое счастье — или, наоборот, несчастье, — они успели забраться в чертову даль, ни разу не спустив с цепи эту... это... что бы это ни было. Они добирались сюда по суше и по болоту. Возможно, по деревьям вернуться обратно не удастся.

Как бы то ни было, что представляют собой эти твари? Выглядело это так, как будто вода вдруг ожила, но вода здесь была обычной водой — они делали подробные анализы.

Она испытала внезапное потрясение, вдруг поняв, что они вовсе не были существами, — по крайней мере, существами в общепринятом смысле слова. Ей вспомнились те липкие слизни размером с жука, которые обитали под самой поверхностью болота. Ей пришло в голову, что они, должно быть, и были теми существами — когда плоды упали в воду, это подало им сигнал,

например, химический. Но **зачем** они собирались в группы? Определенно не для того, чтобы съесть плод. Чтобы схватить что-нибудь, возможно, очень большое — вот она, светлая мысль! — или, пожалуй, чтобы просто передвигаться. Возможно, они колониями сражались друг с другом за еду, а дно болота было постоянным полем боя за то, в чем они нуждались для выживания.

Но это было уже неважно. Кто-нибудь мог бы сделать этот мир пригодным для обитания, но это обойдется очень дорого, а здешняя экосистема была слишком необычной, так что, скорее всего, ученые все равно наложат на нее лапу до тех пор, пока не определят потенциальные возможности подобной формы жизни. Такое использование планеты вряд ли сильно обогатит их команду, а это означало, что положение — сквернее некуда.

Разумеется, оно было не настолько скверным, как стоящая сейчас перед ней проблема, которая заключалась в том, как отсюда выбраться.

Модра принялась вяло обдумывать, не сделать ли ей из дерева что-нибудь вроде доспехов или щита. Деревом питаться они явно не могли.

Нет, дурацкая мысль. У нее нет ни пилы, ни вообще каких-либо плотницких инструментов.

Оглядевшись по сторонам, она заметила неподалеку от себя разноцветные вспышки, периодически освещавшие темную трясину, точно причудливое световое шоу. Вот где была настоящая проблема! Если бы она могла добраться туда, выстрелить в тело Хамы, дезинтегрировать его, черт бы все побрал, — как бы ни было трудно поступить так с товарищем и другом, — то уничтожила бы и его радио. А без радио не стало бы и помех. Тогда ее собственное радио и радиомаяк заработали бы, и, разумеется, маяк в исходной точке тоже начал бы снова подавать сигнал.

Выбора у Модры не оставалось. Пока все было спокойно и сверху не полетели новые плоды, она должна была заглушить этот шум.

Она осторожно отправилась на свет; он пульсировал, но сканерам скафандра этого было достаточно, чтобы засечь его. Если там хватало энергии, чтобы перегрузить все радиочастоты вместе с маяками, вряд ли она могла иссякнуть в ближайшие несколько минут.

Когда она наконец обнаружила Хаму, ее глазам представилось отвратительное зрелище. Щупальца разодрали тело и скафандр бедного дарфурца почти в клочья. Полуобглоданный труп был странно искривлен и кишел этими крошечными существами, которые с такой легкостью объединялись, чтобы убивать.

Это зрелище вызвало у Модры тошноту, гнев и страх одновременно. Почти не думая, она выхватила пистолет,

выставила заряд на полную мощность и нажала на спуск. Покрытое слизняками тело дрожало, объятое раскаленным лучом, над болотом пополз запах горелой плоти и волос, смешанный с вонью поджаренных слизней. Она продолжала свое дело, непоколебимая, точно скала, и хотя большая часть того, что осталось от тела Хамы, уже сгорела, этого было недостаточно, недостаточно! Материал скафандра все еще защищал то, что находилось внутри, включая и оборудование... Черт побери! Даже на таком расстоянии у пистолета не хватало мощности!

Когда замигал крошечный датчик, предупреждавший, что энергии почти не осталось, она внезапно ощутила рядом движение. Модра резко развернулась, нажимая на спусковой крючок, но выстрела не последовало.

Рядом с ней стоял Трис Ланкур, касаясь Модры шлемом. Их шлемы были небольшими, чуть больше головы, а щиток, прикрывавший глаза, позволял также наблюдать за показаниями на дисплеях. Если оборудование выходило из строя, очень слабую связь можно было осуществить, соприкасаясь шлемами.

— Не зря мы купили пистолеты с предохранителями,— заметил он. Его голос был еле слышен и имел неприятный металлический призвук, но для нее он звучал настоящей музыкой. — А то ты поджарила бы и меня тоже.

Система кодов каждого скафандра была настроена на все остальные, благодаря чему невозможно было выстрелить в члена собственной команды даже по ошибке. Ее скафандр позволил ей дезинтегрировать тело бедного Хамы лишь потому, что датчики распознали его смерть.

Она чуть не упала в объятия Триса.

— Господи! Я думала, что больше никого не осталось в живых!

— У меня тоже были некоторые сомнения, — признался он, но его голос звучал, как всегда, уверенно и спокойно. За все эти годы она видела его саркастическим, дерзким, спокойным, невозмутимым и собранным, но ни разу — испуганным или не в своей тарелке. Он был краеугольным камнем, на котором держалась их компания, да и она сама тоже.

— Я пыталась сжечь этот чертов источник энергии,— сказала она.

— Он под водой, — отозвался он. — Мне пришла в голову та же мысль, но задняя часть скафандра Хамы, похоже, осталась цела и закрывает силовой модуль. Сколько у тебя осталось энергии?

Она взглянула на датчик.

— Не слишком много. Процентов десять, не больше. Мне пришлось много израсходовать.

— Хм. Ну ладно, у меня сорок четыре, так что давай сюда штекер, я с тобой поделюсь. Потом будем вместе

стрелять по нему, пока у нас не останется по пятнадцати процентов или этот проклятый шум не прекратится. Возможно, если мы будем действовать вдвоем, у нас хватит энергии.

Кивнув, она подключилась к его скафандру и стала глядеть, как ее уровень энергии повышается, а его — падает. Когда у него осталось двадцать семь процентов, он отключился.

— Ладно, — сказал он. — Не промахнись. Считаем до пяти, потом стреляем. Не забудь отключиться на пятнадцати процентах. Если нам не удастся сжечь его до этого, после у нас все равно ничего не выйдет.

Она кивнула, собралась, прицелилась и выстрелила лишь на долю секунды позже, чем он. Два луча слились на цели. Присутствие Ланкура успокоило ее, и она принялась считать. На пятнадцати процентах оба прекратили стрелять, потом быстро проверили радио. Оно не замолчало, но визг прекратился, сменившись треском и шипением, сквозь которые они могли слышать друг друга, хотя и не намного лучше, чем соприкасаясь шлемами.

— Что ж, мы справились, — сказал он с удовлетворением и переключил приемник в режим сканирования. — Твой маяк работает нормально, но я совсем не улавливаю Дарквиста. Черт! Возможно, Трэн не может поймать сигнал через лесной полог. — Он вздохнул. — А хотелось бы. Сейчас нам остается только ждать.

Внешний звуковой датчик вдруг ожил, и в наушниках послышался шум. Она похолодела.

— О господи! Сейчас снова полетят эти плоды!

Семь часов они просидели на гигантских деревьях, с неуклонно понижающимся уровнем энергии, в мире, освещаемом лишь слабеющими огоньками электронной сенсорной системы, то и дело отбиваясь от щупалец, бросающихся на них из трясины, а в остальное время в тишине, которая была еще более страшной, ожидая предательского звука лопающегося и падающего вниз плода.

И все это время Трис Ланкур отпускал скабрезные шуточки и грубые комментарии об этом мире и всей ситуации в целом и не давал Модре впасть в панику.

Но в конце концов им пришлось снизить энергопотребление систем до необходимого минимума. Очень скоро должна была отказать система рециркуляции воздуха.

Трис отнесся к этому с философским фатализмом.

— Я всегда знал, что закончу свои дни именно так,— сказал он. — Мне жаль, что ты влипла вместе с мной, но если уж мне суждено погибнуть, то так лучше.

— Лучше? — Она оглядела их тюрьму. — Лучше чего?

— Лучше, чем умереть в бедности, в которой я родился. Лучше, чем грязь и пустота медленной смерти от голода. Лучше, или по крайней мере честнее, чем погибнуть от пули копа при попытке к бегству после кражи пары буханок хлеба. Лучше, чем прожить всю жизнь без надежды.

Биржа была не очень-то добра к человечеству. Она всего лишь позволяла ему существовать. Родной мир Модры был хотя бы сельскохозяйственным; в нем редко кому удавалось разбогатеть или получить доступ к крупным технологиям, но никто и не голодал, и каждый упорным трудом мог добиться достойной, пусть и очень простой, жизни. На родине Триса все обстояло гораздо хуже; ни средств, ни возможностей что-либо исправить не было, и никого это не волновало. Она знала это — теоретически, — но никогда не бывала ни в одном из таких миров, никогда не смотрела на голодающих ребятишек с раздутыми животами, зная, что хотя ее мир в состоянии произвести достаточно еды, чтобы накормить всех, у них нет денег, чтобы отправить еду туда, где в ней нуждаются.

С этого дерева, где она сидела, скорчившись, с почти уже не работающими системами, ее старая родина, которую она всегда считала такой скучной и неромантичной, вдруг показалась ей почти утопией. Со времени вступления во владение «Делателем вдов» она не раз смотрела в лицо смерти, но ни разу — такой, настолько медленной и ужасной. Они нередко оказывались на волосок от гибели, но никогда еще не теряли члена команды. Она впервые взглянула на тело своего друга и товарища и представила на его месте себя. Хама хотя бы погиб быстро, а не вот так...

А за что он погиб? За что должны были погибнуть они?

В этот миг вся романтика работы и вся ее притягательность потеряли для нее всякий смысл. Даже если им каким-то чудом удастся выбраться из этой передряги и найти денег, чтобы продолжать, она не была уверена, что действительно сможет продолжить — и что вообще захочет этого. Возможно, эта экспедиция станет для них последней, а если не эта, так следующая, или следующая за следующей, или еще какая-нибудь.

Команда, и она вместе с ними, все время жаловалась на то, что вот опять не удалось сорвать большой куш, что им раз за разом не везет, — но они ошибались. До сих пор они были настоящими счастливчиками, а теперь пришла пора расплачиваться за везение. Удача в конце концов отвернется от них, по очереди или от всех разом, и все они кончат так же, как Хама, точно так же, как подавляющее большинство других команд. Они ничем не отличались от них и уже израсходовали почти всю полагающуюся на их долю удачу.

Щупальца снова зашевелились, и на этот раз ни у Триса, ни у нее уже не оставалось энергии, чтобы продолжать отстреливаться, — но тут внезапно над ними раздался оглушительный грохот взрыва, за которым последовал ужасающий вой, а потом тьма вокруг расступилась, и весь лес залил яркий солнечный свет. Солнечные лучи, коснувшись щупалец, подействовали на них, точно кислота — щупальца моментально съежились и, извиваясь, бросились врассыпную.

К ним спускался видавший виды побитый «Делатель вдов», лавируя, чтобы не задеть крупные деревья, и в конце концов завис прямо перед ними.

— Я нашел их! Они живы, но едва-едва, судя по виду, — донесся до них рокочущий нечеловеческий голос Дарквиста. Он выбрался из люка — существо в скафандре, похожее на морскую звезду, — спрыгнул, уцепившись за дерево, как будто только этим с рождения и занимался, и начал медленно пробираться к двум разведчикам. У Триса едва хватило сил, чтобы помочь Дарквисту втащить в люк Модру и забраться самому.

— Простите, что задержался, хотя и знал, сколько энергии у вас должно было остаться к этому времени, — сказал Дарквист. — Мы так и решили, что вы можете находиться только где-то неподалеку от тела Хамы, поскольку оно издавало сигнал, который свел с ума все инструменты в округе, но я не мог спуститься и забрать вас, пока не рассвело. Единственное, что я мог сделать с этими щупальцами, — это сжечь их солнечными лучами, иначе рисковал столкнуть вас вниз.

* * *

Обратный путь в столицу был очень странным — все испытывали облегчение, смешанное с грустью. Казалось, один Трис находился в сравнительно веселом расположении духа, считая, что ему снова удалось натянуть нос смерти, и что эта победа сама по себе стоила того, чтобы за нее выпить. Модра была необычно притихшей, большую часть времени отмалчиваясь и отказываясь пить или принимать таблетки радости.

— Никаких отчетов, пока нам не заплатят, причем наличными, — сказал Трис Трэннону Коузу, ибруму, который управлял кораблем и был представителем команды в столице. — Я не хочу, чтобы они прочитали отчет, а потом приостановили платежи и обанкротились прежде, чем мы получим деньги на наши счета.

— Того, что мы получим, нам хватит, чтобы покрыть расходы, ремонт и портовые сборы, — ответил длинный и тощий пилот-ибрум с трубообразным носом, — но много с таким отчетом нам все равно не получить. Заплатить-то они, конечно, запла-

тят — я стреляный воробей и знаю, как играют в эту игру. Достаточно намекнуть, что если мы немедленно не получим наши деньги, отчет отправится кому-нибудь другому. Но если мы не найдем другую работу, этого нам хватит только на то, чтобы кое-как перебиться.

— Сколько?

— Месяц. От силы два. Все зависит от того, с чем мне удастся уйти из их конторы.

Ланкур вздохнул.

— Ладно, мы уже не раз бывали в таких ситуациях. За это время я найду нам какую-нибудь работенку.

Модра угрюмо взглянула на него:

— Вроде этой? Первая Команда? Не думаю, что мне захочется повторить такую экспедицию.

— Ну, если только у тебя нет волшебной палочки, чтобы еще раз добыть горшок золота, вроде того, что ты принесла нам, когда подписывала контракт, — отозвался Ланкур, — нам не остается ничего другого. Послушай, ты же знаешь правила. Единственное, из-за чего за эту работу платят такие деньги и что делает ее выходом для рас вроде наших, — это то, что она чертовски опасна. Согласен, на этот раз нам пришлось хуже обычного, но мы же справились!

— Все, кроме Хамы, — тихо возразила она.

Он снова вздохнул.

— Ну, рано или поздно все умирают. Если ты вырос среди трупов, среди которых есть и твои родственники, поневоле научишься радоваться победам. Нельзя тратить время на оплакивание потерь, или жизнь вообще не будет стоить того, чтобы жить.

Модра печально улыбнулась.

— Пять лет назад подобный разговор заставил бы меня затрепетать от волнения. А теперь я... я не знаю. Знаю только, что мне нужен отдых. Перерыв. Немного времени, чтобы собраться с мыслями.

— Должен признаться, когда ты только вошла в команду, никто из нас не верил, что ты останешься, — сказал Трис. — Ты знаешь это. Но теперь ты крепкий орешек, Модра. Крепкий, опытный и отчаянный. Теперь это у тебя в крови. Ты навсегда отравлена этой работой.

— Возможно. Возможно, ты и прав. Не знаю. Теперь я уже ничего не знаю, — чистосердечно сказала она. — Но думаю, что хочу это выяснить. Когда вернусь, я свяжусь со своими и попрошу одолжить мне денег на билет домой. На какое-то время. Просто чтобы проверить, сойду я там с ума со скуки или нет. А может быть, чтобы прочистить мозги и понять, чего я хочу. Но я знаю, что эта поездка мне нужна. Даже если ты и прав, без этого мне не прийти в себя.

Он пожал плечами:

— Да пожалуйста, если тебе так хочется! Формально у нас до сих пор всем заправляешь ты. А если нам что-то подвернется, пока тебя не будет?

— Дашь мне знать. Если я вернусь назад, мы оба это поймем.

— Вполне резонно. Но, что до меня, вернуться домой — это последнее, что пришло бы мне в голову.

И вот она вернулась домой, хотя что-то внутри нее и противилось этому. Но тогда это казалось единственным выходом.

О господи! Если бы только она могла вернуть все назад и остаться на корабле...

ЧИСТИЛИЩЕ — УДЕЛ НЕУДАЧНИКОВ

Вернувшись в столицу, Модра Страйк прямо-таки сияла. Она выглядела сногсшибательно. Она была накрашена, на ней был модный наряд, стоивший определенно очень недешево, а ее огненно-рыжие были волосы уложены парикмахером, хорошо знавшим свое дело. Нарядная, ухоженная, увешанная драгоценностями, она выглядела настолько соблазнительно, что если бы в космопорте ее не знали все до последней собаки, ее бы почти непременно ограбили.

У них, как и у каждой маленькой независимой команды, был здесь собственный офис: всего лишь тесная комнатушка в обветшалом складском здании. Танцующей походкой она вошла внутрь здания, принимая комплименты от знакомых людей и встречая недоуменные взгляды представителей других рас, которые тоже знали ее, но совершенно не понимали человеческого тщеславия.

Здешний главный «распорядитель» был квамалем с шестью руками, заканчивавшимися клешневидными, но мягкими когтями, и еще одним на конце длинного хоботообразного носа. Этим существам вообще были недоступны нюансы человеческого облика, поэтому он вел себя так, как будто она ничуть не изменилась.

— Вижу, ты вернулась, — пророкотал квамаль.

Она с улыбкой кивнула:

— Наши наверху?

— Только Ланкур, да и тот, скорее всего, крепко спит. Дарквист работает на корабле, а Трэннон Коуз в городе — на Бирже по какому-то делу.

Она снова кивнула:

— Триса мне вполне хватит.

Она подошла к квадратному лифту — это была единственная форма, подходившая для представителей всех столь не похожих друг на друга рас, — и сказала:

— Четвертый.

Лифт загудел и поднял Модру на четвертую платформу.

Она зашагала мимо хорошо знакомых ей маленьких офисов, на ходу отметив, что в большинстве из них темно, подошла к помещению их команды, открыла дверь и вошла.

Трис Ланкур не спал, а разговаривал с кем-то по телефону, но, подняв глаза и увидев ее на пороге, тут же сказал:

— Слушай, ко мне тут пришли. Я перезвоню.

Повесив трубку, он откинулся на спинку стула и с ног до головы окинул Модру взглядом. Ланкур был одним из немногих, кто мог здесь оценить ее, и он оценил..

— Ничего себе! Несколько недель дома творят чудеса, — негромко присвистнув, прокомментировал он.

Она улыбнулась.

— Я прямо с дороги. Кроме того, мне хотелось еще хоть немного побыть похожей на женщину.

— Это тебе вполне удалось, — согласился он, — хотя ты совсем неплохо смотрелась и в облегающем скафандре. По крайней мере, так никто не сможет перепутать тебя со мной.— Он помолчал, чувствуя, что Модре нужно сказать ему что-то, но она никак не может начать. — Ну как, ты решила свои проблемы?

— Думаю... думаю, да, — отозвалась она, неожиданно посерьезнев. Несколько мгновений она собиралась с духом, чтобы сказать то, что должна была сказать, потом наконец вздохнула и выпалила: — Ну да и черт с ними. Трис, я вышла замуж!

Он был настолько поражен, что остолбенел. Модра никогда прежде не видела Триса таким. Потом он рассмеялся:

— Замуж? Детка, сейчас никто не выходит замуж и не женится. По крайней мере, здесь и в нашем бизнесе.

— Да, я тоже так считала, Трис, и, возможно, для большинства людей это так и есть, но... ну, в общем, это было как тогда, когда я присоединилась к вашей компании. Какой-то импульс, авантюра, — но это показалось мне единственно правильным шагом.

Он смотрел на нее во все глаза.

— Ты не шутишь!

Она покачала головой.

Его холодное самообладание внезапно вернулось к нему.

— И за кого же? Полагаю, я его не знаю. Это не кто-нибудь из твоих знакомых — разве что из бывших воздыхателей.

Она вздохнула, скинула со стула какие-то вещи и уселась.

— Послушай, это трудно объяснить. Я не уверена даже, что **могу** это объяснить. Это просто — просто **случилось**, вот и все. После той работы я была совершенно выбита из колеи. Можешь считать меня трусихой или думать, что эта работа мне не по зубам, но так оно и было. У меня были кошмары, я сходила с ума, мне казалось, что щупальца вот-вот бросятся на меня из любой жидкости, даже из тарелки с супом. Мне нужна была поддержка, кто-то, на кого можно было опереться, — и вот я встретила его. Он был очень милым, очень понимающим и очень интересным. Мы познакомились, поскольку оказалось, что мы оба из одного округа; сначала он мне просто очень понравился, потом я узнала, что у него есть деньги, да и, в конце концов, мне было просто хорошо с ним. Думаю, я показалась ему очень необычным человеком — еще бы, владелица Первой Команды, которая родилась там же, где и он, но пережила такие приключения, о которых он мог лишь мечтать! Возможно, частично именно в этом-то и было дело — я уже давно перестала считать эту работу романтичной, а он до сих пор так считает.

— Ну что ж, ты неплохо провела время, повеселилась, может быть, даже повалялась в сене и завела себе нового друга и полезного знакомого, — отозвался Ланкур. — Но зачем тебе понадобилось выходить за него **замуж**?

— Я знаю, я... слушай, мне тоже трудно! Почему-то это показалось мне **правильным**, и чем дальше, тем более правильным оно мне кажется. Он очень добрый и нежный, он обращается со мной так, как никто и никогда не обращался со мной с тех самых пор, как я уехала из дома, и относится ко мне с уважением. Черт побери, **мне** пришлось соблазнять **его**, — так деликатно он ко мне относился! Когда я была с ним, мне не снились кошмары, я не ощущала себя такой уязвимой, я чувствовала, как пустота внутри меня снова заполняется. И я тоже смогла кое-что ему дать. Он закрывает глаза на мои недостатки, он думает обо мне так, как будто я какая-то романтическая фантазия. Не забывай, я ведь эмпат. Я чувствую это, и я чувствую его искренность.

Сейчас она тоже кое-что чувствовала, и это тревожило ее. Вокруг и внутри Триса Ланкура, казалось, образовалась холодная и непроницаемо черная пустота, смесь едва сдерживаемой ярости с ужасающим... **горем**. Этого она совершенно не ожидала. Она ждала удивления, да, — но его реакция скорее походила на чувства мужа, считавшего свой брак идеальным и вдруг узнавшего, что его жена сбежала с другим.

— Черт бы тебя побрал, Трис! Прекрати! Мы с тобой не были женаты! Мы были — и остаемся — партнерами!

Он смотрел на нее с ледяной обидой, которую она ощущала физически, и это было очень болезненно.

— Ты могла бы выйти за меня, раз уж тебе так приспичило замуж. Просто я никогда не смотрел на тебя с этой точки зрения. Черт возьми, мы работаем вместе пять лет и ни разу даже не переспали!

Она была очень расстроена, все ее хорошее настроение улетучилось, когда она ощутила его боль.

— Ты сам сказал — здесь не женятся, и к тебе это относится больше, чем к кому-либо другому. Я знаю, я нравилась тебе, и ты тоже мне нравился, но если бы мы переспали, все изменилось бы, и ты это знаешь. Я превратилась бы в корабельную шлюху, и от нашего равенства не осталось бы и следа. Ты слишком сильно любишь ту жизнь, которую ведешь, чтобы любить кого-то персонально. А спать у тебя и без меня было с кем, и, думаю, это было лучше, чем что-либо, что я могла бы тебе дать.

— А у тебя что, никого не было?

— Я... да, я не была девственницей, когда пришла к вам, но когда я вошла в этот бизнес, то решила, что он станет для меня всем, и пока я не встречу настоящую любовь, не буду ни с кем спать. И не спала — до тех пор, пока не отправилась домой. С эмпатами так случается. Мы не можем спутать страсть с любовью. Сейчас ты чувствуешь себя так, как будто я предала тебя. Мы ведь не любовники, Трис! И никогда ими не были! Как и ты, я была влюблена в эту работу, в эту жизнь, в приключения и трудности, но ни в кого персонально. Ох, я очень люблю тебя, точно так же, как люблю Трэна и даже Дарквиста и бедного Хаму, но это же совсем не такая любовь!

Бушевавшие в его душе чувства не ослабели и не улеглись, хотя снаружи он, как обычно, оставался образцом самообладания.

— И что теперь? Ты выйдешь из фирмы или ликвидируешь ее, будешь водить знакомство с нужными людьми, станешь примерной женушкой и нарожаешь дюжину ребятишек?

— Нет, нет! Не совсем так. Йолан — мой муж — партнер в компании, у которой есть место на нескольких биржах. Он собирается переключиться с товаров на всю Биржу, я имею в виду большую. Он не будет принимать никаких решений — не думаю, чтобы кому-то из людей удалось добиться такого положения, — но сможет влиять на инвестиции. В общем, в результате моего брака и соглашения, которое мы подписали, мы получили филиал этой компании. Налаженное дело, с хорошими деньгами. Мы продолжим работать точно так же, как и прежде. Единственное, на чем он настоял — а после последнего раза настаивать ему пришлось не особенно сильно — это что я больше не буду членом основной команды. Трэн уже много лет хочет выйти из представителей — с тех

самых пор, как я заняла его место, войдя в команду. Я знаю, что теперь у меня достаточно опыта, чтобы быть представителем. Я буду посредником между компанией и командой. Для тебя и всех остальных ничего не изменится, разве что вместо меня будет высаживаться Трэн. Вот видишь, все устроилось лучше некуда!

Его обида быстро сменилась яростью, и он больше не мог ее сдерживать.

— Работаем как обычно, да? Ничего не изменится, мы всего лишь станем наемными работягами, утратим независимость, а мне придется работать бок о бок с тобой, зная, что... — Он замолчал. — Зачем ты вернулась? Почему у тебя не хватило жалости просто ликвидировать компанию и исчезнуть? Рано или поздно я бы справился с этим, но чтобы **так**!..

— Черт побери, я никогда не была твоей!

— Ты не была ничьей другой! И не была недостижимой! Черт бы тебя побрал, это меняет **все**! И рано или поздно мистер Брокер захочет детишек, и ты будешь торчать там, толстая и беременная **от другого мужчины**, и... к черту! Иди ты к черту!

Его реакция так потрясла Модру, что она растерялась, не зная, что сказать.

— Я... я понятия не имела, что ты будешь так реагировать. Даже не знаю, что теперь делать.

— Брось его! Потребуй развода или расторжения брака или как там это называется. Отмени сделку. Начни с самого начала!

— Это нечестно! Наконец-то я нашла кого-то, кто любит меня ради меня самой, и у меня в кои-то веки дела пошли на лад! Я не собираюсь отказываться от этого!

— Нечестно? **Нечестно**? И это говоришь ты? — Вскочив с места, он одним движением смахнул на пол все бумаги, телефон, интерком и все, что лежало на столе, и бросился мимо нее к выходу, хлопнув дверью с такой яростью, что если бы в окне еще оставалось стекло, оно бы наверняка раскололось.

Модра не плакала уже много лет, но сейчас слезы сами собой хлынули у нее из глаз. Она так и не смогла понять, почему чувствует себя такой виноватой, но долго еще сидела, глядя на дверь.

* * *

Она все еще была в офисе, когда вошел Дарквист.

Все называли дарквиста просто Дарквист. Хотя дарквисты — точно такие же личности, как представители большинства других рас, для всех остальных они выглядят на одно лицо и говорят совершенно одинаково. Отличить их одного от

другого могут только они сами. Их культура как-то обходится без имен, — они не раз пытались объяснить это другим, но от объяснений вроде «Зачем мне имя, когда я и так знаю, кто я такой и что я — это я, а не кто-нибудь другой», у не-дарквистов только голова шла кругом, и на этом объяснение заканчивалось.

Строго говоря, дарквисты похожи на пятиконечную звезду с отверстием в центре, очень напоминающим огромные губы вроде человеческих, только угольно-черные, за которыми, почти незаметные со стороны, находятся многочисленные ряды острых зубов. Внутри этого твердого центра как-то умещаются мозг, желудок и все внутренние органы. От центра отходят руки — подвижные, покрытые присосками, способные растягиваться, поворачиваться и изгибаться совершенно немыслимым образом, но при этом с невероятно мощными мышцами. У дарквиста два стебельчатых глаза, по одному с каждой стороны рта. Все это позволяет существу принимать почти любую позу, от прямой походки на любых двух руках по его выбору, — при этом на расстоянии он кажется до странности похожим на человека, — до любой комбинации из четырех рук.

Дарквист вошел на двух руках, поскольку для него это был единственный способ пройти в дверь, не отрывая обоих глаз от Модры.

— Мне сказали, что ты вернулась, и что вскоре после этого Трис вылетел отсюда с таким видом, будто собирался взорвать Биржу и разорвать в клочья любого, кто встанет у него на пути, — сказало существо. — Может, расскажешь мне об этом?

Она кивнула и пересказала ему все с начала до конца, ничего не утаив. Дарквист слушал внимательно, прервав ее всего пару раз, чтобы прояснить то, что было ему непонятно.

Когда она закончила, существо немного помолчало, а потом сказало:

— Ты ведь знаешь, я не совсем понимаю твой народ, несмотря на то, что мы работаем вместе. Однако у всех рас есть что-то общее, в особенности когда дело касается разных полов, а я по натуре любопытен и наблюдателен. Возможно, я совершенно заблуждаюсь в толковании подобных вещей, но лично мне очень странно, что ты ожидала от него какой-то другой реакции.

— Я считала, что он удивится, что, может быть, это слегка уязвит его гордость, но никак не думала, что все кончится вот так, — отозвалась она.

— Мне казалось, что эмпат уж точно не мог так ошибиться. Принято считать, что эмпаты могут отличать страсть от любви, но, возможно, долгое пребывание рядом с ним исказило твое представление. То, что ты с легкостью могла бы увидеть

в ком-нибудь другом, у него прошло незамеченным, потому что это происходило медленно, неуклонно, день за днем, и ты перестала обращать на это внимание.

— Он... он очень хорошо скрывал свои чувства — до сегодняшнего дня, — сказала она. — Говорят, телепаты могут читать поверхностные мысли, но часто упускают то, что лежит в глубине. Возможно, что-то в этом роде произошло и со мной.

— Ты чувствовала его растущее уважение и привязанность, и именно этого ты и хотела от него, а поэтому и не пыталась проникнуть глубже. Причина самых больших несчастий в истории — не в недостатке данных, а в неправильном их истолковании. Полагаю, у тебя есть братья?

Она кивнула.

— Да, двое.

— Значит, ты ошибочно приняла его за брата. Это... вполне понятно. Уважение, которого ты заслужила, переросло у него в любовь, но ты, эмпат, не сумела отличить одно от другого. Он же, не будучи ни эмпатом, ни телепатом, вволю предался фантазиям. Будь он эмпатом, все было бы наоборот: он принял бы твое уважение и привязанность за любовь. Это очень трагичная история. Кажется, не так давно я видел что-то подобное по одному из развлекательных каналов.

— Только не надо сейчас цинизма, — попросила она, пытаясь разобраться в происшедшем. — Мне нужен совет.

— Зачем? Он любит тебя. Ты не любишь его. Классическое трагическое несогласие.

— Но я люблю его — просто иначе, чем он!

— Нет. Ты не любишь его. Ты любишь то, что он собой представляет, — то, что представляем собой все мы. Ты пришла сюда со всем, что у тебя было, потому что была влюблена в эту идею. Ты нашла нас тогда, когда это было тебе нужно, и влюбилась в команду и в эту жизнь. В Трисе ты любишь почти идеальную личность для той жизни, которую ты искала. Любящего приключения, храброго, отважного; опытного, но норовистого. Не безукоризненного героя романа, но в достаточной мере наделенного необходимыми качествами, чтобы ты могла закрывать глаза на его недостатки. И все же ты достаточно умна, чтобы понимать, что слово «конец» в романах ставится до того, как романтическая любовь начинает угасать, и что с таким человеком не может быть будущего. Если бы оно было, он просто оказался бы тем человеком, какой он есть, то есть стал бы, попросту говоря, скучным. Ты хочешь, чтобы Трис оставался таким, каким он видится тебе в романтических мечтах. Привыкнуть к нему означало бы уничтожить те самые качества,

которые ты любишь. Понять это нетрудно. Да, это наивно, по-детски, — но вполне понятно даже такому, как я.

— Ты делаешь из меня полную дуру.

— Юношеские заблуждения — вещь совершенно обычная, вне зависимости от возраста или жизненного опыта. Трис тоже переживает собственную романтическую фантазию, и его вины в происшедшем не меньше, если не больше, чем твоей. Но выбор сделала ты, а не он, потому что он — вечный ребенок. А тебе нужно было большее. Ты наконец-то взглянула смерти в лицо, и оно тебе не понравилось. Ты обнаружила, что нуждаешься в уверенности, в стабильности, в безопасности, в какой-то гарантии будущего, не зависящего от того, как прошла очередная экспедиция, и нуждаешься в этом не меньше, — но и не больше, — чем в командной жизни и в таком человеке, как Трис. По своей наивности и после эмоционального срыва из-за того, что ты пережила, ты увидела способ получить все это одновременно. Надежность и крепкий тыл, которые предложил тебе твой брокер, — и приключения и трудности, которые дает тебе команда. И даже сейчас ты сидишь здесь, потому что не желаешь принять реальность и понять, что все сразу получить не сможешь. Ты должна сделать выбор — Трис и остальные, или полная любви спокойная, хотя и скучноватая, жизнь брокерской жены и возможная работа в его фирме.

Внезапно Модра рассердилась, как будто на ее глазах упорядоченный и образцовый мир только что рассыпался в прах.

— Почему это я должна выбирать? Я владелица этой компании! Контрольный пакет акций у меня. Если ему что-то не нравится, он волен уйти. Как и ты, и Трэн. Я найду других, если мне это понадобится!

— Это будет не так-то просто. Да, мне много лет, и во Дворце Ассоциации полно людей помоложе, готовых ухватиться за любую работу, которую могу исполнять я. Но у меня больше опыта, чем у них, и для это делает меня более дорогим работником. То же и с Трэном. В конце концов мы, конечно, найдем другую работу, но для нас это будет тяжело. Когда проходишь через все это столько раз, начинаешь чувствовать себя неуверенно. Из людей нашей профессии уверенно себя чувствуют только те, кто уже имеет работу, и никто не откажется от нее по доброй воле именно по этой причине. А вот для Триса это будет более сильным ударом. Он сам — это все, что у него есть. Он всю жизнь выбирался из ямы, в которой родился, из мира вечной бедности и ничтожно малой продолжительности жизни, к нынешнему положению, когда он — капитан команды. Это небольшой корабль и небольшая команда, но по сравнению с тем, с чего он начинал, это

куда больше, чем он мог даже мечтать. Требовать, чтобы он ушел из команды, которая является всем, чего он добился, где все сделано его руками, — это все равно что просить его совершить самоубийство. Он просто не может уйти. Ему некуда идти. Во всей Вселенной есть всего две вещи, которые что-то значат для него, — наша команда и ты. Теперь он лишен возможности даже мечтать о тебе, и ему будет невыносимо даже работать рядом с тобой как обычно, поскольку твой вид будет растравлять его рану. В один миг ты лишила его всего, что у него было, даже грез.

Она вздохнула.

— Черт! Я чувствую себя последней мерзавкой, но не вижу никакого выхода. Дома, когда мы решили пожениться, нас, разумеется, отправили к психологам — гипнотам, как обычно. Они одобрили наш брак, сказали, что это очень хорошо для нас обоих, но только при определенных условиях. Они сказали, что я нуждаюсь и в команде тоже, но если я буду продолжать работать, то мы целыми неделями будем вдали друг от друга: я — здесь, с Трисом, а он — там, дома, сомневаясь, правильно ли он поступил. Поэтому они сказали, что позволят нам пожениться только в том случае, если мы согласимся на гипнобондинг. Какие бы чувства я ни испытывала сейчас к Трису, я не ощущаю к нему совершенно никакого физического влечения, как не ощущаю его ни к какому другому мужчине, кроме одного, который любит, хочет и может быть только с одной женщиной — со мной. Ни сомнений, ни вопросов, ни подозрений — понимаешь?

— Ты могла сделать то же самое при помощи лекарств и химических препаратов и не заморачиваться со всей этой бюрократией, — пророкотал Дарквист. — Однако, здесь мы столкнулись с тем, что называется «любовным треугольником». Надеюсь, Трис не наделает глупостей. Твой муж здесь, в городе? Он под надежной защитой?

Она вскинулась, впившись взглядом в звездообразное существо.

— Ты хочешь сказать, что... О боже! Он ведь может! Но нет, погоди. Здесь наш брак еще не зарегистрирован, так что он не сможет найти никаких сведений, а я не называла ему ни фамилии Йолана, ни названия его компании, не говоря уже об адресе. Но, наверное, мне все равно стоит позвонить Йолану и предупредить его?

— Стоит. Трис, как ты хорошо знаешь, иногда бывает очень... изобретательным.

Она вскочила:

— Найди Трэна, неважно, где он и что делает. Я позвоню Йолану и расскажу ему. Может быть, стоит позвонить в Префектуру и попросить их тоже быть начеку? Если Трис действительно съехал с катушек, они могут помочь, а если нет, то все, что ему грозит, это ночь в камере, где он проспится и одумается.

Но такой человек, как Трис, если он сильно обижен, мог скрываться в таком месте, как столица, до бесконечности. Прошел день, потом два, потом три. Даже знакомые Трэннона Коуза с городского дна не смогли — или не захотели — выяснить практически ничего. Здесь, в столичном мире, человеческое сообщество было настолько крошечной и незначительной группкой, что те из них, кто не был частью системы, жили очень замкнуто. Для того, чтобы отыскать здесь человека, который не желал быть отысканным, нужен был хорошо знающий городское дно **человек**.

На исходе четвертого дня с момента исчезновения Триса она стала думать и даже надеяться, что Дарквист оказался не прав. Ей не хотелось расставаться с Трисом таким образом, проработав бок о бок пять лет, но если работа с ней в новых условиях была для него столь невыносимой — что ж, она пожелает ему удачи и распрощается с ним.

* * *

Однако той же ночью в ее большой, но уютной квартире в небоскребе, которую она теперь делила с мужем, раздался телефонный звонок. Она моментально проснулась. Робот-коммутатор мог пропустить его, только если звонил кто-то из немногих людей, имевших право звонить ей в любое время дня и ночи.

Это был Трэннон Коуз.

— Думаю, тебе стоит подъехать сюда, — сказал пилот.— Сектор Четыре, Госпиталь Девять, отделение интенсивной терапии.

Весь сон тут же слетел с нее.

— Зачем? Что случилось?

— Я нашел Триса. Вернее, его нашли копы. Думаю... думаю, тебе стоит приехать, и как можно быстрее. Я позвонил Дарквисту, он уже едет.

— Зачем? В чем дело?

— Я думаю, тебе стоит приехать, Модра. Сейчас. Нужно принять решение. — С этими словами он положил трубку.

Йолан предложил отвезти ее, но она велела ему отправляться обратно в постель. У него впереди был долгий день, а это было ее дело, а не его.

Управление госпиталем, способным оказывать неотложную помощь такому количеству разнообразных видов, было нелегким делом. Большинство госпиталей находилось в районах, населенных всего двумя-тремя расами, и было рассчитано именно на них. В любом случае, с транспортом никогда не было задержек, и даже для людей было несколько таких больниц, где им

могли оказать неотложную помощь и куда можно было добраться за считанные минуты.

Трэннон Коуз был ибрумом — существом, похожим на набор овальных стручков, соединенных друг с другом веретенообразными ершиками. Он казался хрупким, но двигался со стремительностью и грацией, противоречившими его внешности. Ибрумы, когда им это было нужно, могли быть очень крутыми ребятами.

Модра вошла в больничную дверь, отыскала глазами Трэна и Дарквиста и направилась к ним.

— Ну, в чем дело?

— Очевидно, я был прав, — отозвался Дарквист. — Трис внезапно оказался в безвыходном положении, он потерял все самое дорогое для себя, но не имел возможности уйти так, как того требовал его рассудок. Мы боялись, что это выльется в насилие, и так оно и произошло, но не в той форме, как мы предполагали.

— Очевидно, он направился прямо в Дистрикт и ударился в загул, — вступил в разговор Коуз. — Он наглотался столько таблеток радости и всякой прочей дряни, что его кровь пришлось отправлять на анализ, чтобы определить, сколько в ней натурального. Все эти три с половиной дня он только этим и занимался, засев в какой-то конуре, которую ему уступил один наш здешний приятель — мы время от времени оказываем ему кое-какие услуги. Должно быть, Трис принял слишком большую дозу, а потом очнулся и почувствовал сильную депрессию, которую всегда вызывает вся эта химия, и это наложилось на его собственную депрессию. Он выстрелил себе в голову — судя по всему, из какого-то древнего огнестрельного оружия, которое у него то ли было, то ли он его у кого-то позаимствовал.

Она ахнула и застыла, точно громом пораженная.

— Так он мертв?

— Именно это обычно и случается с теми, кто пускает себе пулю в лоб, — сухо отозвался Дарквист. — Вопрос в том, позволить или не позволить ему остаться в этом состоянии.

Это заявление потрясло Модру почти так же сильно, как первая новость.

— Как? Но ты же только что сказал...

— Что он мертв, — закончил за нее Дарквист. — В большинстве случаев с этим ничего нельзя было бы сделать. Но мы — в столице. Здесь технологии несколько более совершенны, чем дозволяется иметь простым гражданам, поскольку все здешние хирурги — цимоли, которые могут подключаться к сети и получать друг от друга медицинские сведения, необходимые для лечения любой расы. Похоже, мы с Трисом наткнулись на моральную, правовую и этическую головоломку. Ага, вот и дежурный

врач. Мы хотели, чтобы ты тоже приехала, поскольку в каком-то смысле это дело зависит от нас.

Хирург оказался человеком, по крайней мере, внешне, — это была довольно молодая и хрупкая женщина со смуглым лицом и очень короткими волосами, одетая в операционный костюм. Она двигалась как-то странно; вблизи ее поведение могло показаться даже слегка пугающим.

Для Модры здесь был еще один неприятный аспект. Она была эмпаткой, и несмотря на то, что она умела приглушать свои ощущения, полностью подавить их не могла, а будучи усталой, оказывалась совершенно бессильной перед ними. Почти все в этой приемной излучали хоть **что-нибудь** — страх, тревогу, радость, печаль, — эмоции, свойственные почти всем формам жизни. Все, кроме женщины-хирурга и еще нескольких человек в докторской одежде. Модре пришлось заставить себя не обращать внимания на возникшее у нее неприятное чувство, постоянно напоминая себе, что женщина-врач действительно находится рядом с ними. От нее не исходило совершенно никаких эмоций, никаких чувств, как будто она была стеной, стойкой или креслом.

— Прошу прощения, если мое поведение показалось вам несколько необычным, — произнесла женщина-врач, — но я только что провела подряд пять операций на пяти различных формах жизни, и все данные, от анатомии, физиологии и молекулярного уровня до психологических особенностей каждого из пациентов, в настоящий момент находятся внутри меня. Это часто создает проблемы, поскольку все они равноправны в моем мозгу, и человеческая часть, скажем так, находится в меньшинстве.

— Ничего страшного, — ответила Модра. — Объясните пожалуйста, что случилось?

— Ваш товарищ совершил самоубийство, но нам удалось оказаться на месте происшествия всего через несколько минут, подключить аппаратуру и считать данные, прежде чем в неповрежденных зонах мозга прекратилась электрохимическая деятельность. Повреждение было достаточно обширным, но локализованным в основном в области фронтальных долей мозга. Аппарат хранения данных в человеческом мозгу довольно сложен, но в основном он расположен не в этой области, а она используется в основном для синтеза. Мы потеряли существенную часть информации, полученной в последнее время, но большую часть основных данных удалось сохранить на запоминающих устройствах. Это стандартная процедура в подобных случаях, она помогает нам лучше понять различные расы, а также — как и почему происходят подобные вещи.

— Погодите, дайте разобраться, — сказала Модра, испытывая странное чувство, что это происходит не на самом деле, а в кошмарном сне. — Вы хотите сказать, что он мертв, но вы сохранили его воспоминания в каком-то банке памяти, как информацию с компьютера?

— Да, примерно так. То, что нам удалось сохранить столько информации, не очень обычно — как правило, повреждения охватывают и задние зоны мозга, а мы чаще всего приезжаем к жертве слишком поздно — но такое случается. У нас бывает несколько десятков таких пациентов в год, поэтому для подобных случаев существуют стандартные процедуры. Ваша компания внесла страховой взнос всего три дня назад после долгой просрочки, но тем не менее он все же **был** внесен до того, как это произошло, и мы сделали вывод, что эти два события — уплата страхового взноса и самоубийство — не связаны между собой. То есть пациент не знал о страховке, а вы трое не подозревали, что пациент совершит самоубийство. Следовательно, его страховка как служащего вашей компании полностью покрывает стоимость любых процедур, которые мы можем произвести.

— Почему-то факт, что он застрахован, сейчас не кажется мне очень существенным, — сухо заметила Модра.

— Нет, но он требует, чтобы вы приняли какое-то решение, поскольку у пациента нет близких родственников, и следовательно, решение должна принять ваша компания.

— Вы хотите сказать, — спросила Модра, у которой вдруг забрезжила слабая надежда, — что вы в самом деле можете вернуть его к жизни?

— Только до некоторой степени. Если бы была возможность восстановить его полностью, мы сделали бы это, излечив одновременно и причину его психоза, разумеется. Страховка позволила бы это, поскольку страховые выплаты в случае смерти огромны. В данном случае мы можем осуществить его преобразование в цимоля, затем переписать обратно его память и сымитировать как можно большую часть его прошлой личности, точно так же, как вся информация о представителях пяти рас, которых я оперировала, находится сейчас внутри меня.

Смысл этих слов потряс Модру.

— То есть, вы хотите... вообще удалить мозг и заменить его искусственным, каким-то компьютером, способным управлять телом, а потом переписать в него данные и убедить его, что он все еще Трис?

Врач протянула руку к волосам и легонько потянула за них, сняв абсолютно естественно выглядящий парик так, как будто это была шляпа. Под ним она оказалась абсолютно лысой,

без каких-либо признаков волос — или операции — но в черепе у нее с одной стороны виднелась большая прямоугольная металлическая пластина, испещренная сотнями крошечных серебристых точек.

— Это совсем не так ужасно, — произнесла она.

Модра медленно опустилась в кресло, которое вообще-то не было предназначено для человеческой фигуры. Но ей было необходимо сесть. Это было очень странно — почему-то у нее было чувство совершенной нереальности всего происходящего. И все же она действительно находилась здесь, и двое остальных ожидали какого-то решения от нее как от владелицы компании.

Она попыталась обдумать услышанное, но не смогла.

— Значит, он будет выглядеть, как Трис, и у него будет память Триса, но на самом деле это будет не Трис? — в конце концов выговорила она.

— И да и нет, — ответила врач, возвращая парик на место и снова становясь похожей на человека. — В своей основе он будет цимолем, а не человеком. Его личность будет синтезирована из его собственных представлений о себе и из того, что расскажете ему вы, но она будет синтезирована и наложена поверх цимоля. Он не будет тем же самым, но будет казаться... очень похожим. Психохимия больше не будет оказывать влияния на многие процессы в его организме. Его эмоции будут скорее синтезированными, чем реальными, и никогда больше не выйдут из-под контроля. Некоторые физиологические потребности, управляемые мозгом, перестанут существовать. Сексуальные желания, приступы гнева, даже выбросы эндорфинов, разумеется, будут невозможны. Так, например, мое тело нуждается в отдыхе, но моему мозгу не нужен сон.

— Я не желаю, чтобы в ожившем трупе Триса разгуливал бездушный андроид! — отрезала она, только потом осознав, как это прозвучало. — Я хочу сказать — с вами и с другими такими же, как вы, все по-другому. Ну, то есть, я ведь не знаю вас. Я не знала вас до того, как вы стали цимолем, у меня нет к вам личной привязанности.

— Полагаю, — вмешался Даркви ст, — что проблема действительно непростая. Я нахожу эту ситуацию неприятной, но в данном случае вынужден быть совершенно прагматичным. Если мы скажем «да», то получим близкую копию Триса Ланкура. Если мы скажем «нет», он умрет совсем.

— В общем, вы правы, — подтвердила врач. — Должна добавить также, рискуя показаться бесчувственной, что в этом случае вы лишитесь страховых выплат по смерти, поскольку вам был предложен вариант с цимолем.

— Плевать мне на деньги! — отрезала Модра. — Черт побери, это я во всем виновата! Это я убила его! Неужели

недостаточно? Неужели мне недостаточно этого груза, с которым я буду жить всю жизнь? Я что, должна буду еще и работать с живым напоминанием о том, что сделала?

— Очаровательно, — заметил Дарквист скорее себе самому, чем кому-то еще. — Вот это поворот! Трис — где бы ни был сейчас его дух, если у людей он есть, — нашел бы это страшно забавным. Если беспристрастно посмотреть на то, что он сделал, то выходит, что он изменил первоначальную позицию в точности до противоположной, поставив тебя в такое же положение, в которое ты вначале поставила его. Теперь не он будет вынужден жить и работать на корабле рядом с тобой — постоянным напоминанием о том, чего он никогда не сможет получать, — теперь это будешь ты.

— Я... я не думаю, что мне это будет легче, чем было бы ему! — ответила она.

— Тогда тебе остается только выйти из команды, как ты предлагала ему. Только, в отличие от него, у тебя есть альтернативный источник дохода. Нам все равно нужно будет искать замену бедному Хаме; найти опытного эмпата будет не намного труднее. Выбирай — ты можешь либо уйти, либо продолжать работать вместе с ним.

— Но я могу и оставить его мертвым!

— Удивительно эгоистичный поступок, хотя, боюсь, вполне в духе новой Модры. Подумай — если у нас в команде будет цимоль, это превратит нас из второразрядной команды неудачников в такую команду, которая будет почти — если не полностью — уникальной. Один доступ к банкам данных чего стоит! Наше преимущество над конкурентами будет громадным. Открывающиеся перед нами возможности ошеломляют даже меня. Не говоря уже о том, что у нас будет член команды, который станет хранилищем знаний и данных обо всем на свете — от высококачественного химического анализа вплоть до того, как в случае нужды заштопать дарквиста или ибрума. И, пожалуй, это сможет, хотя и не до конца, исправить то, что ты сделала. По всем коммерческим законам ты просто должна согласиться на это! И по человеческим законам тоже. Команда никогда не бывает лучше, чем ее члены. Если ты останешься одна с полуразрушенным кораблем и захламленным офисом, компания твоего мужа вряд ли станет с тобой возиться. Они просто выгонят тебя. Команда называется командой потому, что ее члены работают вместе и знают друг друга. Именно поэтому я смог найти вас с Трисом в том липком мире. Именно поэтому вы с Трисом смогли найти друг друга и так безукоризненно выполнить свою задачу. Ни один муж, если он хоть чего-то стоит, не позволит тебе отправиться в экспедицию с совершенно новой и зеленой командой. И ни одна корпорация Биржи не допустит этого.

— И к тому же, — вставил Трэннон Коуз, — ты в долгу перед ним.

Она подняла на них взгляд, исполненный боли, словно искала друзей, а обнаружила лишь мучителей.

— Неужели вы действительно хотите, чтобы я ушла?

— Разумеется, нет, — ответил Трэн. — Мы хотим вернуть Триса. И если нельзя получить его самого, то мы хотим иметь наиболее точную его копию.

— Кроме того, здесь есть и практическая сторона, — добавил Дарквист. — Мы занимаемся этой работой не просто из интереса. Если бы можно было отказаться от всех преимуществ, которые принесет нашей команде цимоль, и вернуть старого Триса, я не колеблясь бы сделал это, потому что целостность команды важнее всего, а также потому, что он был моим другом и товарищем. Но мы не можем вернуть старого Триса. Его больше нет, а я жив. Хамы тоже нет, а я жив. Но, в отличие от бедного Хамы, Трис оставил нам наследство, которое мы можем использовать на благо живых. Я не собираюсь отказываться от него из-за того, что тебе, видите ли, **неприятно** воспользоваться им. Я дополню мудрое замечание Трэна. Ты в долгу еще и перед **нами**. Или, может быть, ты предпочтешь вернуться обратно к своему доброму муженьку и шикарной квартире, добавив к списку своих жертв еще двух так называемых друзей и старых товарищей?

На это ей нечего было ответить, и несколько минут она молча сидела, не в силах ни о чем думать. В конце концов она взглянула на врача и спросила:

— Сколько в нем будет от настоящего Триса? А сколько будет иллюзией?

Женщина-цимоль и бровью не повела, услышав этот вопрос.

— Думаю, большая его часть сохранится. Характер и локализация раны таковы, что может показаться, э-э, что он... хотел превратиться в цимоля, как ни невероятно это звучит.

— Не так уж невероятно, — заметил Дарквист. — Это была бы своеобразная месть и некоторого рода авантюра с его стороны.

Модра бросила на Дарквиста уничтожающий взгляд, но тут же поняла, что он прав.

— А если точнее — какая часть его настоящей личности вернется?

— Память, привычки и тому подобное — многое из того, что составляло его индивидуальность. То, что восстановить невозможно, и что в любом случае подлежало бы замене, — это центр контроля. Центральный процессор. Но никаких гарантий нет. Он получил травму, и у него было кровотечение, которое необходимо было остановить, для чего потребовалась сложная операция. Что же касается иллюзий — если никто не будет обма-

нут, в чем здесь проблема? Я же не утверждаю, что он будет тем же самым. Не будет. Но он будет очень похожим — во многих отношениях.

— Послушайте, я спала всего четыре часа и сейчас падаю с ног от усталости. Можно мне немного времени, чтобы все это обдумать? Чтобы разложить все по полочкам? — попросила Модра.

— Поддержание жизнедеятельности тела в таких условиях, равно как и хранение памяти — процедура довольно сложная и дорогостоящая, — заметила врач. — Страховая компания хочет узнать ваше решение как можно скорее, чтобы сократить свои затраты; ну и, разумеется, каждый час промедления снижает шансы на успешную операцию. Боюсь, что в данном случае отсутствие решения — тоже решение.

— Не понимаю, почему ты колеблешься, — едко заметил Дарквист. — Ведь тебе предлагают в точности то, чего ты хотела, разве не так?

— Нет, не так! — рявкнула она, но ее гнев был направлен не на Дарквиста. Она была расстроена и растеряна, как будто все, что она считала незыблемым, вдруг в один миг рухнуло. Черт побери, это было **нечестно**! Она не приставляла дурацкую пушку ни к своей голове, ни к его! Она всегда была совершенно уверена в своих отношениях с другими, доверяясь своему эмпатическому Таланту, а теперь и он тоже подвел ее.

Но разве Дарквист не прав? Разве она в своем эгоизме не была настолько слепа к чувствам и интересам остальных, что, по сути, сама стала причиной всего этого? С ее собственной точки зрения, с практической и будничной точки зрения — разве это не было в точности то, чего она хотела?

Нет! Нет, черт бы их всех побрал! Она любила его. Она действительно его любила. И никогда в этом не сомневалась. Она просто не хотела погубить его, а то, что ей было нужно, несомненно погубило бы его.

Что ж, вряд ли его уже можно было погубить больше, чем сейчас, разве не так?

Ей следовало уволиться — просто уйти и отдать Трису его компанию, и черт бы с ней. Порвать с ними навсегда. Сейчас она понимала это, но это понимание уже не могло изменить ничего. Это решение казалось таким **простым**, таким **идеальным** — всего несколько дней и целую вечность назад! Простые вещи всегда кажутся детям трудными, и она все это время вела себя как ребенок.

Но, как когда-то сказал Трис, команда — это яд, который остается в твоей крови навсегда. Все было не так просто — ведь она тоже любила его, совершенно не так, как любила

Йолана. И внезапно она поняла причину своей злости на Дарквиста, и на спокойного Трэна тоже.

Она могла уйти еще в самом начале, и ничего не произошло бы. Но уйти сейчас означало бы прибавить к ее непонятливости еще и бессердечие. Это означало бы, что весь этот ужас случился зря.

Но на самом деле, касалось ли это решение Триса вообще? Трис был мертв. Его больше не было. Она не могла это изменить, как бы ей того ни хотелось. Она может раз за разом заново переживать это в памяти, терзаемая сожалениями и многочисленными «если бы», и все равно не сможет ничего с этим поделать.

Сейчас куда более важными были Трэн и Дарквист. С их стороны это было нечто большее, чем эгоистический интерес; она понимала неписаный кодекс, на соблюдении которого они настаивали. В смерти Хамы не был виноват никто: хотя до тех пор им везло, подобный риск всегда присутствовал в этой работе. Но команда или была командой, или не была ей. Для них трагедия с Трисом была непосредственным результатом ее поступков, и это означало, что из-за одного члена команды они потеряли другого. Это решение сводилось не только к ее чувствам и продолжению существования Триса. На самом деле они пытались сказать ей, что ее чувства и интересы идут вразрез с чувствами и интересами команды. Если она откажется сделать то, чего они от нее хотят, то по сути разрушит команду. Если она сейчас скажет «нет», то больше ни в одном из сотен миров не найдется ни единого существа, которое доверит ей даже сварить кофе, не говоря уже о том, чтобы принимать решения, касающиеся их жизни. Если она скажет «нет», то перестанет быть членом команды; и на каждом углу будут трепать ее имя и пересказывать ее историю, так что ни один космолетчик никогда больше не станет с ней разговаривать. Ошибку, даже такую, они поймут, но нарушение командного кодекса — грех непростительный.

Не для этого она надрывалась пять лет.

Она сделала ошибку, и у этой ошибки была своя цена. Теперь они хотели знать, какова эта цена, и действительно ли это была ошибка.

Большинство космолетчиков умирало, так и не сумев разбогатеть; большинство космолетчиков всю жизнь было вынуждено влачить жалкое существование, вкладывая все в свои дышащие на ладан корабли и оборудование, чтобы удержаться на плаву, выполняя любую подвернувшуюся работу, но всегда свято блюдя свой кодекс чести. Она не хотела его гибели; никто из них не сможет обвинить ее в этом. Но если сейчас она скажет «нет», если пойдет против своей команды, то потеряет то единственное, что есть у любого космолетчика: гордость, честь и чувство

принадлежности к команде — то, что дается немалым трудом, то, что потерять считается последним делом. Ее мысли и воспоминания в любом случае заставят ее жить с тем, что она совершила. Но бросить сейчас все и выйти из команды будет означать расстаться с той единственно важной вещью, которую она создала собственноручно.

Ну почему, почему чертов Трис не вставил пушку в рот и не разнес себе мозги начисто, чтобы ей сейчас не нужно было принимать это решение!

— Я не могу пойти против интересов команды, — сказала она наконец еле слышно и без всякого выражения. — Продолжайте операцию, доктор. Когда он сможет вернуться к нам?

— Через несколько недель. Это не так-то просто предугадать. Только когда мы начнем, мы сможем получить полное представление о том, что нам предстоит сделать.

— Делайте то, что должны и что можете сделать. Трэн, Дарквист — нам понадобится новый телепат. Это будет непросто. Большинству телепатов настолько тяжело даже находиться в одном помещении с цимолем, что они скорее умрут с голоду, чем согласятся на такую работу.

Двое ее соратников вздохнули с облегчением, когда она вновь начала распоряжаться. Внезапно все превратилось в обычную работу.

— Не говоря уже о той чисто практической проблеме, что в последней экспедиции мы потеряли члена команды, а теперь вдобавок еще и это, — заметил Дарквист. — Какое-то время о нас будет идти слава — как это называете вы, люди? — приносящих несчастье, как Иона. Да, вот именно. Будет нелегко. Возможно, нам придется взять первого, кто попадется под руку.

— Делай, что нужно, — только, если возможно, постарайся взять кого-нибудь с опытом. Того, кто привык работать в спаянной команде. У нас есть несколько недель. По счетам я пока что смогу платить. Никакой спешки нет.

— Я знаю. Вот только тот, у кого есть подобный опыт и кто согласится работать с нами при таких условиях, может сам оказаться Ионой. Нам придется трудно. — Дарквист помолчал, сжав свои большие черные губы почти в точку; потом сказал: — Знаешь что, Модра... отправляйся домой, прими снотворное и поспи немного.

Она устало кивнула.

— Именно так я и собираюсь сделать, — сказала она, поднимаясь. Врач уже ушла, поскольку оставаться здесь ей было незачем. Опустошенная, Модра Страйк направилась к двери.

— Модра, — негромко позвал ее Дарквист.

Она остановилась, повернулась и посмотрела на своего звездообразного компаньона.

— А?

— Добро пожаловать обратно, Модра.

Она не улыбнулась в ответ, а лишь сказала спокойно:

— Полагаю, каждый из нас сам стелит себе постель, а потом так или иначе вынужден спать в ней.

ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Джимми Маккрей тоже не мог понять, как это он умудрился попасть в такую ситуацию, но корень его проблем крылся в поступке, совершенном из доброты и сострадания.

Он был не только безработным безо всякой надежды на какое-нибудь место; ко всему прочему он еще посадил себе на шею подопечную, которая не могла предложить ему никакой помощи и при этом не имела ни гражданства, ни статуса, ни связей и целиком и полностью зависела от него. Но хуже всего было то, что с тех самых пор, как это произошло, Гриста не унималась ни на минуту.

— Придирки, придирки, придирки! Прекрати меня пилить, — буркнул он морфе, которая сама была бесполезной приживалкой. — Что я, по-твоему, должен был сделать? Уйти и позволить, чтобы ее убили?

— *Мне приходится тебя пилить. Мне некого больше пилить.*

Что ж, это, по крайней мере, был факт.

— По крайней мере, у тебя есть хоть кто-то, кого можно пилить. А у меня нет никого, зато ответственности хоть отбавляй — и за мохнатую личинку у меня на спине, и за полудевушку-полулошадь, — и ни одна из них не умеет делать ничего полезного.

— *Кого это ты называешь личинкой?*

— Если тебе что-то не нравится, — сказал он ей, — ты всегда можешь найти себе другого хозяина.

— *Чтобы копы убили меня, как только узнают об этом? Нет, спасибо.*

— Тогда уймись и дай мне подумать.

Когда он двинулся прочь из переулка, искусственная девушка послушно пошла с ним, как ребенок, и очень скоро он понял, что несмотря на всю грязь своей прошлой жизни, именно ребенком она и была. Опытная лишь в своей стихии, она была совершенно невежественной во всех прочих областях. Могло показаться, что она непонятлива или даже слегка глуповата, — он так и не смог понять, было ли это запрограммировано ее создателями или являлось результатом жизни, которую она была вынуждена вести.

Ее разум был для него открытой книгой, но эта книга не давала ему никаких ответов. Похоже, она совершенно

не **думала** — по крайней мере, в том смысле, какой он вкладывал в этот термин. Ей были незнакомы ни размышления, ни естественное любопытство, ни мысли о будущем. У него сложилось впечатление, что она не столько действовала, сколько реагировала на чужие действия, а те немногие мысли, которые приходили ей в голову, тут же высказывала вслух. Можно было подумать, что у нее нет собственной личности, что она существовала только как реакция на действия других. Когда она смотрела в окно поезда, у нее не возникало собственных мыслей как таковых, только отрывистые идеи вроде «красиво» или «темно», или другие подобные же мимолетные впечатления, которые она тут же забывала. В каком-то смысле, она была для него куда более непонятной и тревожащей, чем большинство причудливых форм жизни, обитающих в Бирже.

У нее даже не было настоящего имени — один только длинный номер, который ни для кого ничего не значил, разве что для ее создателей и компании, которой она принадлежала. Некоторые из подобных ей — те, кто становился известными танцовщицами и прочие в том же роде, — имели имена или хотя бы прозвища, но она была в самой низшей лиге. Если клиенту хотелось, чтобы у нее было имя, она спрашивала, какое ему нравится больше всего, и на эту ночь называлась им. Джимми положил этому конец еще в самый первый вечер, по пути домой.

— Если спросят твое имя, будешь говорить, что тебя зовут Молли. Если понадобится твоя фамилия, скажешь, что ты Молли Маккрей.

Ему всегда нравилось это имя. Когда-то давно, еще в школе, он приударял за одной Молли, и кроме того, так звали одну из его бабушек.

— Хорошо, хозяин, — ответила она покорно. — Для вас я буду Молли Маккрей.

— Да нет же — для **всех**. С этих самых пор. Поняла? И никогда, никогда не называй меня больше хозяином. Будешь звать меня Джимми. Меня все так называют.

Она кивнула, хотя он не был уверен, отложилось ли что-нибудь в ее хорошенькой головке.

— Хорошо, Джимми. Я буду делать все, что ты скажешь.

Для него было почти шоком, когда он понял, что она имела в виду именно это, безо всякого преувеличения. Рабство было вне закона везде, за исключением самых примитивных миров. Однако, как ему это ни претило, она не была настоящей личностью, обладавшей статусом и правами. В империи Биржи она занимала такое же положение, как робот или компьютер, хотя и была живым существом.

— Ты умеешь делать хоть что-нибудь еще, кроме как танцевать и ублажать мужчин? — спросил он у нее.

Она тупо посмотрела на него, как будто его вопрос был совершенно абсурдным. И, что было еще хуже, — в ее мыслях, возникших в ответ, он не прочел ничего, что не относилось бы к этим занятиям.

Она потянулась, чтобы почесать щеку, и тут он впервые заметил, какие у нее пальцы. На каждой руке их было по четыре, с длинными цветными ногтями. Большие пальцы отсутствовали. Совсем.

— У всех синтов нет больших пальцев? — спросил он, заинтересовавшись. Ни разу за все эти годы он не замечал этого.

— У всех, кого я знаю, — ответила она буднично.— Думаю, это такое правило.

Специальный недостаток конструкции, подумал он угрюмо. Чтобы они могли заниматься только тем, для чего предназначены, и ничем другим. Естественно, с такими руками делать можно было лишь немногие вещи. Даже открыть контейнер или повернуть кран становилось для них трудной, почти непосильной задачей. Черт, да большие пальцы нужны были почти везде! Не было ни одного вида разумных существ, у которых не было бы расположенного напротив остальных большого пальца, клешни или цепкого щупальца или другого эквивалента.

За последующие дни он узнал о ней и таких, как она, много нового. Узнал и о том, насколько зависимой она была. Она не могла даже самостоятельно причесаться, а краны в душе были для нее непреодолимым препятствием. Она могла неуклюже соорудить что-то вроде бутерброда, но почти все прочие вещи роняла. Ее пальцы, судя по всему, не имели мышечной автономии — они сжимались и разжимались только все вместе, а один палец сам по себе двигаться почти не мог.

Чуть ли не единственной приятной неожиданностью стало то, что она оказалась способна усваивать практически любую органику — скорее всего, это было сделано в целях сокращения затрат, — а естественный запах ее тела, который, как он опасался, вполне мог быть лошадиным, оказался нежным и даже обладал слабым ароматом.

Когда он приказывал ей хотя бы как-то сделать что-нибудь — например, научиться пользоваться душем или прибраться в комнате, — она тут же всецело посвящала себя поставленной задаче. Ей не всегда это удавалось, но она всегда пыталась в точности исполнить его указания.

Но самым большим сюрпризом для него стало то, что она оказалась проецирующей эмпаткой.

Она сидела в комнате, глядя на него, и внезапно он почувствовал устрашающую эрекцию. Если бы не Гриста,

он решил бы, что это просто спровоцировано ситуацией, но морфа, похоже, что-то заподозрила и слегка встряхнула его. Тогда он ощутил, что разум Молли всецело сосредоточен на нем, и преодолел возникшее влечение.

— Что это ты делаешь? — спросил он. — Пытаешься возбудить меня?

— Разве не этого тебе хочется? — отвечала она обольстительным тоном. — Зачем еще Джимми мог взять меня?

— Чтобы спасти твою жизнь, разве ты забыла?

Это замечание должно было породить в ней хоть какую-то мысленную цепочку, но этого не произошло. Вместо этого оно вызвало у нее лишь мимолетное замешательство и вихрь беспорядочных мыслей, так что ему понадобилось время, чтобы разобраться в них. Когда же он наконец разобрался, то с изумлением осознал, что на самом деле она не поняла смысла его поступка, поскольку не придавала себе никакой ценности за исключением выполняемой ей функции и видела в этой функции единственный смысл своего существования. Спасение ее жизни не показалось ей чем-то из ряда вон выходящим, поскольку эта жизнь не имела для нее никакой ценности. Жизнь не принадлежала ей, и хозяин мог отобрать или даровать ее. Главный Хозяин делал ей больно, она закричала, потому что знала, что должна кричать, и тут появился Маккрей. Он побил Главного Хозяина и забрал ее как добычу.

До этого момента он даже не подозревал, какая пропасть их разделяет.

Ладно, сначала дело. Ему не нужны были новые сюрпризы.

— Ты можешь читать чувства или просто вызывать их в людях? — спросил он осторожно.

— Я умею заставлять мужчин хотеть меня, делать так, чтобы им было приятно со мной, и чтобы все было как надо.

Он кивнул. Он слышал лишь об очень немногих проецирующих эмпатах, которые одновременно могли и четко улавливать чужие эмоции, равно как очень немного было эмпатов улавливающих, которые могли проецировать даже на слабом уровне; но с теми, кто был не рожден, а сделан, никогда нельзя было знать наверняка. Вполне вероятно, что она могла проецировать почти любую эмоцию, причем в довольно широком диапазоне и с достаточной силой, хотя она сама, вероятно, и не подозревала об этом, поскольку ее никто не учил и не проверял. Это объясняло и чувства, которые он испытал, увидев, как хозяин ее избивает. Он услышал ее крики физически и телепатически, но они были подкреплены также эмпатической проекцией. Он буквально уловил эхо ее страха и боли, так что для него было почти невозможно не посту-

пить так, как он поступил, хотя он даже сейчас предпочитал думать, что в любом случае поступил бы именно так.

— Почему ты не воспользовалась этой способностью, чтобы Главный Хозяин перестал бить тебя? — спросил он у нее, зная ответ еще до того, как задал вопрос.

— Главному Хозяину нравится делать нам больно, — ответила она буднично.

Для садиста подобное проецирование стало бы подтверждением того, что он причиняет настоящую боль, и, возможно, лишь еще больше распалило бы его. Скорее всего, только такого человека и могли нанять на роль менеджера и надсмотрщика за эротками.

Он вздохнул.

— Тебе будет очень нелегко это понять, но ты должна. Во-первых, никогда больше не пытайся делать так со мной. В любом случае, на меня это не подействует. Во-вторых, я спас тебя не для того, чтобы сделать рабыней или домашней любовницей, а потому, что мне не нравится, когда кого-то обижают, и я не могу допустить, чтобы у меня на глазах кого-то убили. Ты здесь потому, что после того, что я сделал, я отвечаю за тебя. Это не то, к чему ты привыкла, но это правда.

К его изумлению, она до какой-то степени все-таки поняла его, — и это ее очень расстроило. Если она не могла быть его любовницей и рабыней, она теряла всякую ценность и цель в жизни.

— Неужели это все, чего тебе хочется для себя? Неужели тебе никогда не хотелось быть кем-то другим, делать что-то другое, найти себе иное занятие? — спросил он, начиная выходить из себя.

Она очень серьезно взглянула на него и ответила, вполне искренне:

— Нет.

— Хорошо, хорошо! А теперь я покажу тебе, почему ты не можешь доставить мне удовольствие, — и поверь мне, ты тут ни при чем.

С этими словами он снял рубаху и повернулся к ней спиной.

Она уставилась на Гристу, растянувшуюся на его пояснице, точно какая-то сине-белая мохнатая гусеница, и с подлинным любопытством — впервые за все это время — спросила:

— Что... что это?

— Это, дорогуша, Гриста. Она родом с планеты, где живет уйма здоровых, но тупых существ. Раса Гристы паразитическая — они могут жить только прицепившись к кому-то другому.

— *Не паразитическая, а симбиотическая, мерзавец!*

— А это смотря с какой стороны взглянуть, — буркнул он.

Молли не знала слова «паразитический», но общий смысл все же уловила.

— Ты хочешь сказать, что она сосет твою кровь? Я слышала о таких вещах.

— Здесь все немного сложнее, но, скажем так, Гриста может питаться только через меня, да и видеть, и жить на самом деле тоже может только через меня. Не беспокойся, даже если бы она действительно могла жить на теле синта — что на самом деле нам неизвестно и в чем лично я сильно сомневаюсь, учитывая, насколько силен иммунитет твоего организма против всяческих заболеваний, — она не стала бы менять хозяина. Она вполне счастлива со мной, а копы знают о ней и убьют ее, если она переселится на другого.

— Но ты-то не слишком счастлив с ней, — отозвалась Молли, еще раз удивив его.

Он вздохнул.

— Как ты была собственностью Главного Хозяина, так и я, в каком-то смысле, принадлежу Гристе.

— Она... она думает? Она говорит тебе, что делать?

— Отвечаю «да» на оба вопроса, — хотя я не обязательно делаю то, чего она от меня хочет. Например, она с самого начала твердила, что я не должен спасать тебя. Но с некоторыми вещами я справиться не могу. По ее мнению и по обычаям ее расы, она замужем за своим хозяином, и она ревнует. Некоторые из тех людей, которых ты обслуживала, тоже были женаты, но они не приводили с собой жен, а может быть, и вообще не говорили им о тебе. Гриста же со мной повсюду.

— И она не позволяет тебе прикоснуться ко мне?

«Это безумие, — подумал он. — *Теперь она жалеет не себя, а меня!»*

Наконец-то Молли продемонстрировала хотя бы одну человеческую черту — когда кто-нибудь узнавал о Гристе, реакция обычно была именно такой.

— Как она оказалась на тебе? — спросила она. — И где остальные?

Он усмехнулся.

— Не волнуйся. Ты никогда не попадешь в тот мир. Туда, скорее всего, никогда не попадет никто, кто мог бы показаться им подходящим хозяином. Я космолетчик, или, по крайней мере, был космолетчиком, когда у меня были товарищи и корабль. Мы исследовали новые миры, и мир Гристы был одним из них. Ее раса довольно разумна и в основном живет за счет тех здоровых тупых существ, о которых я упоминал. Я телепат. Ты знаешь, что это такое.

— Ты читаешь мысли. И мои тоже можешь прочитать?

— Да, но сейчас это неважно. Я прочитал в тех больших существах очень сложные мысли, и мы увидели, что они создали что-то вроде цивилизации. Не очень высокоразвитую, без машин, но с хижинами, дорогами и прочими подобными вещами.

Но у этих существ не могло хватить мозгов на все это. Я был одним из тех, кого послали, чтобы выяснить, у кого же там есть мозги, и я выяснил. На самом деле это не очень интересная история. Я сидел в той деревне и пытался вступить с ними в контакт, и прежде чем я успел что-то понять, мне на спину шлепнули Гристу. По крайней мере, мы выяснили то, что должны были, но к тому времени, когда меня забрали, Гриста уже так хорошо разобралась в моих внутренностях и так удобно устроилась, что погибла бы, если бы ее вытащили, и, возможно, убила бы меня в процессе. Понимаешь, чтобы переселиться на другого, ей придется вычистить меня. Некоторое время я думал, что проторчу там всю жизнь, но потом мои товарищи обследовали меня и Гристу и выяснили, что она не может откладывать яйца без другого своего сородича, а она оказалась **очень** разумной и попала под Закон о Сознании. Если раса окажется настолько умной, что будет в состоянии думать, то она обладает определенными правами. В то время некоторые люди даже находили в идее такого союза преимущества, хотя позже от нее отказались. Но тогда было решено, что я могу улететь оттуда, если Гриста пообещает не переселяться с меня на кого-нибудь или что-нибудь другое, иначе ее убьют. Это было шесть лет назад.

Молли, похоже, следила за его рассказом, демонстрируя больше внимания, чем он от нее ожидал, и некоторую способность к логической сортировке фактов, но сделанное ею заключение было совершенно в ее стиле:

— Значит, мой хозяин не ты. Мой хозяин — твоя хозяйка.

— *Это,* — заметила Гриста, — *самая странная логическая цепочка, которую я когда-либо слышала.*

На этот раз Джимми Маккрей не стал с ней спорить.

* * *

Когда пришло разрешение его самых насущных проблем, Джимми не стал прыгать от радости, но он не видел никакого другого выхода, а этот, по крайней мере, видимо, устраивал всех, кроме него — как обычно.

Попытки обучить Молли, сделать ее хотя бы чуть менее зависимой — совсем независимой, в силу своих физических ограничений, она все равно бы стать не смогла — оказались задачей очень нелегкой. У нее случались вспышки любопытства относительно вещей, непосредственно касавшихся ее или его, но дальше этого дело не шло. Она определенно не понимала смысла учиться чему-либо, что не приносило ей немедленной пользы. Время от времени она демонстрировала даже проблески настоящей сообра-

зительности, но они были краткими и мимолетными, и как только проблема была решена, а ответ на вопрос получен, она возвращалась в свое обычное почти растительное умственное состояние. Было совершенно очевидно, что у нее не было никакого понятия об абстракции, равно как и совершенно никакого честолюбия.

По сути, Молли интересовало лишь одно занятие, и именно Гриста в конце концов предложила Джимми попробовать разом решить все их проблемы, позволив ей заняться этим. Некоторое время он сопротивлялся. Его воспитание и мировоззрение космолетчика не позволяли ему принять эту идею. Для него это было все равно что расстаться с последними остатками гордости, но в конце концов он все же понял, что на ближайшее будущее это единственно возможное для него решение.

У него было существо, в буквальном смысле созданное сексуальной игрушкой, которое само хотело быть таковой, и был доступ во Дворец Ассоциации Космолетчиков, а вместе с ним и знакомства. Это не помогло ему найти для себя работу, — а то, что теперь у него была еще и Молли, делало возможность найти ее еще более ничтожной, — но зато эти знакомства могли обеспечить работой ее.

Только с ним могло произойти такое: поступок, совершенный по доброте душевной и исходя из высоких моральных принципов, в конце концов превратил его в сутенера.

Мужчины-космолетчики с радостью ухватились за нее. Для многих такой вариант был гораздо проще и дешевле, чем Дистрикт, и куда более удобен, поскольку она могла приходить туда, куда хотели они. И, по иронии судьбы, чтобы узаконить это мероприятие, ему пришлось взять лицензию на малый бизнес.

Людей здесь было немного, но какое-то их количество было всегда, и найти их и договориться с теми, кто заинтересовался, было делом несложным. Более неожиданным оказалось, что у них появились клиенты и из числа постоянно живущей здесь человеческой общины. Мужчины, которые из опасений разрушить брак или потерять репутацию не отваживались показываться в Дистрикте, оказались куда более доходными клиентами, чем космолетчики.

Он был очень удивлен тем, как быстро у них появились деньги и как стремительно стало расти их количество. Скоро они уже смогли переехать из гостиницы Ассоциации в небольшой, но уютный домик в фешенебельном районе города, более удобном и безопасном для местных жителей. Разумеется, при таких доходах они никогда не стали бы богачами, но ни голодная смерть, ни бедность им больше не грозила.

У синтов не имелось ни правового статуса, ни прав, но на самом деле, по закону и он не имел никаких прав на

нее, — напомнила ему обеспокоенная Гриста. Когда о них разойдется молва, различные неприятные типы вполне могут захотеть присвоить Молли себе, или служащие какой-нибудь доходной маклерской конторы решат задействовать рычаги власти, чтобы заполучить ее в единоличное пользование. И снова решение проблемы нашла именно Гриста.

— *Никакого сомнения, Джимми. Тебе придется жениться на ней. Сделай это, и у вас будет законная связь. Тогда, если ее попробуют украсть, это будет похищение человека, а не кража собственности.*

— Но на синтах же нельзя жениться! — возразил он.— По закону они даже не люди! Так не делают!

— *Да. И поэтому я готова спорить, что на этот счет нет ни единого законодательного акта. Они будут тянуть и мямлить, пытаясь придумать что-нибудь, но если ты будешь настаивать, остановить тебя никто не сможет, а брак сделает ее гражданкой. Это больше, чем позволили мне. Ты же сам знаешь, что это, возможно, единственный мир в Бирже, где такое может пройти, поскольку у них здесь действуют только имперские законы, которые должны обеспечивать еще и уйму других рас, кроме местных. Попытайся. Что ты теряешь?*

И, как обычно, Гриста оказалась права. У клерка-цимоля чуть было не сгорели предохранители, когда он увидел невесту и проверил ее классификацию, и Джимми впервые увидел, как цимоль снимает часть своих волос и подключается к главному терминалу. Он не знал, просто ли клерк со сверхъестественной скоростью просматривает каждый законодательный акт и каждое постановление суда за более чем полумиллионолетнюю историю Биржи, или перекладывает всю ответственность за это дело на Хранителей, но приблизительно минут через двадцать волосяная накладка была водружена обратно на голову, штекер вернулся на свое место, а цимоль обернулся к ним и со слегка обескураженным видом сказал:

— Отчеты говорят, что единица была выведена из эксплуатации и уничтожена, так что никаких претензий нет. Также, по всей видимости, нет и никаких прецедентов. Единственный вопрос в согласии, поскольку, с юридической точки зрения, вы хотите жениться на машине. Однако, хотя это и представляет возможный предмет судебного иска в будущем, нет никаких причин, по которым любой гражданин, официально признанный вменяемым, не мог бы жениться на диванной подушке.

— Что значит «возможный предмет судебного иска в будущем»? — спросил Джимми.

Цимоль пожал плечами:

— Если кто-нибудь предъявит на нее права в суде, вам придется участвовать в судебном процессе по делу о законности брака, или, скажем, кто-нибудь может подать ходатайство о расторжении брака, и тогда вам придется защищаться в суде. Как я сказал, прецедентов по этому делу нет, хотя, должен сказать, что существуют такие прецеденты, по сравнению с которым ваше дело кажется сущим пустяком. Но бремя будет лежать на истце, а не на вас. Хорошо, давайте я вас зарегистрирую. Полагаю, вам не нужна церемония.

— *Нет, нужна,* — заявила Гриста.

— Нет, только правовая часть, — сказал Маккрей.

Им потребовалось всего лишь дать ответы на несколько основных вопросов перед записывающими устройствами, и дело было сделано.

Молли не имела ни малейшего понятия, что происходит, равно как ничего не понимала и в законах. Судя по ее мыслям, она сочла все это чем-то вроде оформления купчей, официально сделавшей ее собственностью Джимми Маккрея, как если бы один фермер передавал другому корову или лошадь.

Разумеется, Джимми тоже считал это все мошенничеством чистой воды: он был единственным, кто никаким образом не мог вступить с ней в супружеские отношения, хотя половина здешних мужчин могла бы сделать это вместо него.

Разумеется, если она когда-нибудь сможет избавиться от своей инфантильности и начать жить самостоятельно, ему будет не сложно на этом основании добиться расторжения брака, и только это отчасти утешало Джимми.

Получение гражданства также доставило им несколько забавных минут, поскольку сразу же за именем и адресом нужно было ввести «расовый код», но у синтов не было расового кода. В Бирже существовало сто сорок шесть официально признанных разумных рас, в Миколе — сто двадцать девять не повторяющихся известных разумных рас, а в Мицлаплане — сто шесть не повторяющихся разумных рас, но ни под одну из них она не подпадала. Разумеется, как у настоящих бюрократов, у них была категория «Ни одна из вышеперечисленных», после чего начиналась длинная канитель с определением не только того, к какой расе соискатель принадлежит на самом деле, но и почему он/она/оно не принадлежит ни к одной из вышеперечисленных категорий. Он просто коротко записал правду, что с правовой точки зрения было наилучшим выходом, и на этом закончил оформление документов.

Электронный терминал замигал, немного поколебался, потом загудел, и из прорези выползла красивая блестящая идентификационная карточка с голограммой, официальной фотографией и основной информацией в закодированном виде, которую другой электронный прибор в случае необходимости мог прочитать. Но

в графе расового кода все же значилось «999–999», классическое «Ни одна из вышеперечисленных», что с точки зрения закона ставило Молли в ту же расовую категорию, в которой находилась Гриста. Это, а также то, что вся затея прошла с успехом, заставило его испытать приступ благодарности судьбе, что Гристе не пришла в голову идея с межвидовым браком относительно себя самой. Он очень надеялся, что их невольный союз не может быть признан с такой же легкостью. Среди всех рас, миров и обычаев полигамия и полиандрия были в империи Биржи вовсе не такой уж редкостью.

Хм, пожалуй, если эта идея все-таки придет Гристе в голову, он сможет убедить ее, что это против его религии. Что было бы чистой правдой, исповедуй он какую-нибудь религию.

Хотя, возможно, какую-то религию он все-таки исповедовал. Ведь он до сих пор был жив, и то, что в нем осталось от религии его предков, возможно, и было единственной причиной того, что он до сих пор не покончил с собой.

Беда была в том, что то единственное, из-за чего жизнь еще была ему интересна, теперь тоже стало запретным для него. Космос был его единственной любовью, единственной страстью, единственным, что вообще имело для него значение. Космос был не только его романом, мечтой — он был и самой жестокой повелительницей. Если бы Джимми Маккрей не был навеки отравлен Космосом, он не захотел бы продолжать жить, когда одно существо висело у него на спине, а другое зарабатывало для него деньги проституцией. Космос был любовницей-садисткой, а он был в достаточной степени мазохистом, чтобы желать вернуть ее.

И именно поэтому, когда Дарквист позвонил и назначил ему встречу — а Джимми знал, что Молли не интересовала дарквистов, — сердце замерло у него в груди, и он с нетерпением начал ждать этой встречи, хотя и знал, что любой заинтересовавшийся им тут же отвергнет его, узнав о его дополнительном багаже.

* * *

Дарквист поудобнее умостил свое звездообразное тело среди подушек и воззрился обоими стебельчатыми глазами на Маккрея. Джимми попытался прочитать его мысли, но смог уловить лишь помехи. Хотя Дарквист не был телепатом, он прошел хорошую тренировку по экранированию мыслей, что производило впечатление. Если звездообразное существо не снизит бдительность, то общаться с ним придется только голосом.

— Давайте с самого начала проясним некоторые вопросы, чтобы не терять времени, — начало существо. —

Мы знаем о морфе и вашем прошлом. Это само по себе должно вам кое-что сказать.

Джимми кивнул:

— Вам отчаянно нужен телепат, но вы не можете его найти. Почему? Здесь должна быть добрая сотня опытных телепатов, просиживающих без дела.

— Скорее три сотни, — подтвердил Дарквист. — Некоторых мы не принимаем во внимание по той причине, что в силу их природы нам пришлось бы произвести слишком серьезное и дорогостоящее переоборудование нашего корабля. У других есть свои проблемы. Третьи уже давно не первой молодости, но не хотят признавать этого, а четвертые, честно говоря, не из тех, кому я доверил бы в драке прикрывать спину. Большинство остальных отказали нам по причинам, о которых я расскажу чуть позже. Нам осталась лишь сравнительно небольшая кучка людей вроде вас.

Маккрей нахмурился:

— Они **отказали** вам?! На **этом** рынке рабочих мест?

— Минуточку. Сначала я хотел бы узнать, что произошло во время вашей последней экспедиции с зумаквалашем. Мы читали официальные отчеты и слышали об этом от разных космолетчиков, но хотели бы слышать из ваших уст, почему вы написали заявление об увольнении.

Он пожал плечами.

— Да тут нечего особенно рассказывать. Мы с Первой Командой производили оценку на одной планетенке в Кью-Веранцас, неподалеку от границ Миколя, но в свободной зоне; это была обычная работа.

Планета выглядела как море бело-голубого песка, из которого повсюду торчали камни. Они были ужасно искривленные, обточенные песчаными бурями и постоянными ветрами валуны всевозможных форм и размеров, — почти не требовалось особого напряжения воображения, чтобы увидеть в них зловещие силуэты и фигуры. И все же, сколь бы искривленными и причудливыми они ни казались, в них была некая... систематичность, — как будто они были задуманы, вытесаны и отшлифованы разумом, слишком чуждым для нас, чтобы мы могли его себе представить.

Повсюду, насколько хватало глаз, виднелись смерчи — сотни и тысячи смерчей, кружащихся, качающихся и взметающих вверх пыль и песок. И все же аппаратура и пробы показывали, что эти смерчи были всего лишь смерчами, потенциально опасными, но не стоящими специального внимания, и все вещества, из которых состояли камни и песок, были нам известны. Если там и было что-либо неизмеренное и незамеченное, оно так и осталось таковым

для автоматических пробов и аппаратов, и если оно и оставляло какие-то следы, их замели буйные пляски этих странных смерчей.

— На этой планете не было ничего сверхъестественного, — вспоминал Джимми Маккрей. — Там определенно не было форм жизни, соответствующих известным углеродным или кремниевым формулам, которыми мы руководствовались для определения. Разумеется, мне не нужно вам рассказывать, что наше определение жизни нуждается в серьезной доработке.

— Разумеется, — согласился Даркви ст.

Маккрей кивнул:

— Это было забавно. Все наши приборы, автоматические пробы, вся аппаратура не зарегистрировали ничего подозрительного. Атмосфера была довольно поганой, поэтому мы не могли сбросить живых животных, чтобы провести испытания, и сбросили несколько мертвых. Единственное, что произошло — несколько смерчей собрались вокруг них и засыпали их песком. Ничего особенного. Никаких подозрений у нас это не вызвало.

— Вы не обратили внимания на факт, что смерчи собрались вокруг них, и сочли это простым совпадением?

— Ну да. А вы не сочли бы? Мы постоянно видели, как они носятся туда-сюда безо всякой цели и логики, совершенно бессмысленно, и — дьявол, их было так **много**! Их плотность была настолько невелика, что, судя по нашим данным, не было бы никаких проблем выбраться, если бы кто-нибудь случайно оказался внутри одного из них.

— Итак, они подстерегли вас.

— Не уверен. Я до сих пор ни в чем не уверен. Мы приземлились, осмотрелись и занялись обычными делами, и десять-пятнадцать минут все было спокойно, пока на корабле не заметили нечто действительно странное. Ну, то есть мы же обычно смотрим на потенциально враждебные или разумные действия, верно? Так вот, мы так старались избегать этих проклятых смерчей, что никому ни разу не пришло в голову, что это смерчи избегали **нас**.

— Да уж. В тихом омуте черти водятся. Старая ошибка, но очень распространенная.

Джимми пожал плечами.

— Ну так вот, все было лучше некуда, пока Альмуда — сетианец и наш эксперт-геолог — не подошел к одному из этих странных каменных выступов и не решил взять образец породы. Как только он начал, они прямо-таки взбесились.

— Камни?

— Смерчи. У них не было естественных врагов — по крайней мере, уцелевших естественных врагов, — и как

бы хаотично они ни двигались, они никогда не задевали друг друга. Но когда Альмуда сделал нечто, что им не понравилось, они как с цепи посрывались. Они налетели на бедного сетианца, воспользовавшись единственным, как я понимаю, оружием, которое у них было, — они набирали огромные массы песка и швыряли в него. Разумеется, скафандр был достаточно прочным, чтобы его защитить, но песка было до черта, и он очень быстро оказался засыпанным.

— Смерчи не напали на остальных?

— Нет, только на него, и с каждой минутой их становилось все больше и больше.

— Полагаю, вы пытались помочь.

— Да, но каждый раз, стоило нам сделать хоть шаг к нему, вся стая набрасывалась на нас и начинала кидаться песком с такой силой, что он сбивал нас с ног. Когда мы отходили, смерчи успокаивались. Мы пробовали пустить в ход пистолеты и остальное оружие, которое при нас было, но все без толку. Мы точно стреляли в воздух. Потом нам велели отойти, и с челнока попытались обстрелять смерчи широким пучком, пытались нагреть воздух, в надежде, что они рассеются. Перепробовали все, что могли, но ничего не вышло. От жары смерчи стали только сильнее. Мы чуть с ума не сошли, слыша крики Альмуды, его мольбы о помощи, но будучи не в состоянии ничего сделать.

— Ясно. Воздуха у вас было на сорок часов...

— Я вижу, вы понимаете. Большая часть команды не могла больше этого выносить. Мы отошли и попытались успокоить Альмуду, подумав, что, возможно, смерчи в конце концов засыплют его полностью, и когда его будет не видно и не слышно, они уйдут, но они все сыпали и сыпали. Наступила ночь, но они все еще продолжали. Пришел рассвет, но они так и не остановились.

— Должно быть, намели целую песчаную дюну.

— Это было просто какое-то чудовище — дюна полностью покрыла окрестные камни. Смерчи прекратили свое занятие только часов через тридцать, но не ушли, а продолжали отгонять нас. Как будто знали, что у Альмуды уже почти не осталось времени. Мы решили, что они улавливают излучение его радио или что-нибудь еще. Все остальные уже сдались и просто смотрели, но я не мог. Я подумал, что если удастся точно определить его местонахождение по маяку, а он отключит у себя энергию, это, возможно, остановит смерчи, и тогда мы доберемся до него. К тому времени он уже почти впал в панику и был готов на все. Он отключил энергию, так что у него было минут двадцать до момента, когда ему пришлось бы включить ее снова, или он стал бы задыхаться. Смерчи действительно потеряли к нему интерес и стали расползаться. Мы бросились туда со всем оборудованием, что могли прине-

сти, и начали копать. Очень быстро обнаружилось, что никакие автоматические средства применять нельзя — песок был таким рыхлым, что постоянно осыпался, возможно, перемещая и Альмуду тоже. Поэтому, сделав при помощи оборудования все, что могли, мы были вынуждены прибегнуть к единственному, что у нас оставалось: воспользоваться лопатами.

— Вы не нашли его?

— Мы не успели. Время вышло, и он включил обратно свою проклятую энергию. Он был близко — действительно близко. Еще пара минут — и мы бы его вытащили. Я умолял их не останавливаться, но кто-то закричал, что смерчи несутся обратно, и они все просто свалили и оставили его там. Я продолжал копать один — если можно так сказать. Я никогда не остаюсь один в точном смысле этого слова. Черт, мы были так близко! Я до сих пор уверен, что даже когда эти смерчи снова напали, я еще мог бы добраться до него, а если бы у меня это получилось, челнок мог подхватить его захватом и поднять вверх, где они бы его не достали. Я не хотел останавливаться, хотя смерчи снова начали швырять песок. Я слышал Альмуду так хорошо, как будто мы соприкасались шлемами на полной мощности! Гриста начала вопить и кричать, чтобы я уходил, но я не слушал и продолжал копать. И в конце концов она устроила мне несколько болезненных спазмов, от которых я упал как подкошенный, а потом напустила мне в кровь адреналина, так что я перепугался до смерти. Она управляла ситуацией, и я не мог ничего поделать, — бросил лопату и пустился наутек.

Лицо Джимми перекосилось, глаза смотрели безумно, а голос дрожал от нахлынувших эмоций, как будто он заново переживал случившееся. Потом, внезапно, он снова пришел в себя и откинулся на спинку кресла.

— Альмуда перестал говорить с нами примерно через час после этого, и я мог уловить лишь смутные обрывки его мыслей, которые становились все мрачнее. Он, э-э... он сдался. Я пытался спорить с ним, даже кричал на него, но в конце концов он сказал: «Прощайте, друзья, с вами было интересно». Потом он отключил все системы, и примерно через минуту у нас уже не оставалось никаких сомнений относительно того, где он находится. Вся дюна взлетела на воздух. Он замкнул силовую установку саму на себя и вызвал взрыв. Убил себя.

— Я не вижу, что еще вы могли сделать, — заметил Дарквист, пытаясь вложить в эти слова как можно больше сочувствия. — Даже если бы вы добрались до него, захват смог бы поднять только одного из вас. Эти существа вместо вашего товарища набросились бы на вас, и результат был бы тем же самым, только с другой жертвой.

— Гриста пришла к тому же выводу, но ей не понять ни что такое товарищ, ни что такое команда. Альмуда был хорошим парнем, и он был моим другом.

Дарквист немного помолчал.

— Хм-м, да, — сказал он наконец. — Но остальная команда обвинила вас?

— Вот именно, чтобы черти утащили в преисподнюю их жалкие душонки! Ну тоесть не меня — Гристу. Они обвинили Гристу. Думали-гадали и решили, что это она убила Альмуду, заставив меня прекратить копать. А то, что вся их трусливая шайка плюнула на все и сбежала куда раньше меня — это ничего. Вот что мне труднее всего было проглотить. Если бы я отступился и сбежал вместе с ними, мы все были бы товарищами и трусами. Но я оказался смелее их, и за это в гибели Альмуды обвинили меня одного. Ну, то есть Гристу и меня.

— Это понятно. Если виновата была Гриста, то они оказывались ни при чем. Стоит сделать из кого-то одного, или, в данном случае, двоих, козла отпущения, как все остальные становятся чистенькими и вместо вины пылают праведным гневом. Вы были единственным человеком в команде?

— Да. Мне никогда не приходилось работать в команде с другим человеком, как ни странно это звучит.

— Не странно. Реакция команды кажется такой человеческой. Ну да ладно. Подобные ситуации случаются в нашем деле сплошь и рядом. Не уверен, что я не предпочел бы ваш последний мир нашему последнему, где мы потеряли нашего телепата. Можно почти посочувствовать вашим смерчам. Единый организм, суть которого — в ваянии фигур из камней, где число творцов в тысячи раз превосходит число осквернителей. Интересно, они накинулись на вашего бедного товарища как на нарушителя какого-нибудь религиозного закона, или творцы просто убили того, кого сочли первым критиком? Как бы то ни было, думаю, этот инцидент ничем вас не порочит. По сути, как я понимаю, вы оказались лучшим членом команды, чем все остальные. Интересно...

В этот миг дверь чуть приоткрылась, и в гостиную проскользнула Молли. Она сразу же заметила Дарквиста — он был не из тех, кого можно не заметить, — и остановилась. Ее бровки приподнялись.

— Простите. Я не знала, что здесь еще кто-то, кроме Джимми.

— Ничего страшного, — вежливо ответил Дарквист. Потом, обращаясь к Джимми, добавил: — Мы слышали на улице, как вы сводите концы с концами, но, кажется, мне еще не встречались подобные существа. Она похожа на человека и на животное одновременно.

Джимми Маккрей вздохнул.

— Ладно, полагаю, настало время выложить мою вторую печальную историю.

И он рассказал Дарквисту, как спас Молли и что из этого вышло.

— Вот почему мы, скорее всего, попусту тратим ваше время, — заключил он, вкратце изложив посетителю свою историю. — Когда я ее подобрал, я взял на себя ответственность за нее. Одна она жить не в состоянии. Единственное место, где она могла бы существовать без меня, — это Клуб, а Ассоциация Досуга ни за что не допустит этого. Значит, куда я, туда и она. Молли — проецирующий эмпат, в определенных пределах, так что у нее есть кое-какие Таланты, кроме очевидных, но она слишком ограниченна — или, возможно, запрограммирована, — чтобы приносить какую-то пользу в экспедиции. Как бы сильно мне ни хотелось вернуться в космос, я не могу бросить ее здесь. Я уже был однажды вынужден бросить одного человека, обрекая его на смерть. Больше я так не могу.

Дарквист подумал.

— У нас есть эмпат — владелица компании, но она не может проецировать. Молли очень похожа на человека — предусмотреть в скафандре небольшой хвостик и копыта не проблема, — и она довольно невелика и легка. Но вдруг она не сможет ужиться с командой?

Джимми понял, что тот имеет в виду.

— Вряд ли. Я никогда в жизни не видел менее агрессивного существа, и она подчиняется почти любой команде. «Почти» означает, что она совершенно не способна причинить вред кому-нибудь, если ее эмпатическое чутье не говорит ей, что человек хочет, чтобы ему причинили боль.

— Ну, на этот раз наша задача такова, что нам не придется даже высаживаться, — сказал Дарквист. — Разумеется, дело не лишено риска, но он совершенно иного рода, чем ваша последняя работа. Практически единственной проблемой, которую я здесь вижу, является то, что она запрограммирована оказывать людям сексуальные услуги.

— Понятно. А в команде нет ни одного человека.

— Наоборот. Владелица — женщина. И еще есть мужчина... хм, в том-то вся и загвоздка.

Джимми Маккрей откинулся на спинку и взглянул на Дарквиста.

— Я был откровенен с вами. Думаю, теперь пора рассказать мне, почему вам отказало столько людей, что пришлось обращаться ко мне.

— Да. Полагаю, да. Усаживайтесь поудобнее, и я начну с самого начала. Потерпите, пожалуйста, немного; даже если в конце концов вы отклоните наше предложение, думаю, сможете продать эту историю сочинителям развлекательных программ.

Джимми Маккрей выслушал до конца весь рассказ, поведанный бесстрастным голосом Дарквиста, необычным и столь не похожим на человеческий, и был вынужден согласиться, что история была из тех, которые его мать с полным правом могла бы назвать душещипательными. Даже Молли перестала жевать плод дзира и, казалось, была полностью захвачена рассказом, а Гриста вообще ни разу не вмешалась.

Но когда дело дошло до развязки, каждый отреагировал по-своему.

— Цимоль! Из него сделали **цимоля**? — ужаснулся Джимми Маккрей. — Вы представить себе не можете, каково телепату находиться рядом с цимолем даже самое небольшое время! Эта компания вполне годится для обычных людей, но для телепата это все равно что работать с трупом! Ничего удивительного, что это никого не заинтересовало!

— *Романтический идиот,* — прокомментировала Гриста. — *Даже если тебе дали от ворот поворот, это все равно лучше, чем быть наполовину машиной! Жалко только бедную женщину.*

— Это очень грустно, — тихонько заметила Молли, и Джимми изумленно заметил, что по ее щеке катится настоящая слеза. — Она сделала глупость, и для всех получилось плохо.

— Пожалуй, в ней еще могут проявиться такие черты характера, которых мы пока что не обнаружили, — задумчиво заметил Дарквист.

— К сожалению, никакими известными мне средствами обнаружить их нельзя, — мрачно отозвался Маккрей. Комментарий Гристы он счел за лучшее не высказывать вслух, а морфа не стала на этом настаивать.

Дарквист подвел итог разговору:

— Послушайте, это дело, на которое мы подписались, чертовски деликатное, но без телепата за него и браться не стоит. Мы не первые, кто пытается расколоть этот орешек, но возможная прибыль исчисляется астрономической суммой, вот почему компания-владелец до сих пор не продала этот опцион и не отказалась от него. Вполне возможно, что эта работа невыполнима, но на тот маловероятный случай, если она все-таки выполнима, никто не хочет уступить эту возможность другим. Кроме того, этот мир находится довольно близко от границы с Миколем, поэтому отказать нам в попытке никто не сможет. Есть доказательства того, что миколианцы уже добрались туда и попытались сами разобраться с этим в промежутке между нашими экспедициями. Характер дела таков, что если они смогут справиться с ним раньше нас, наши законные права потеряют всякое значение. До сих пор еще никто не пытался справиться с этой задачей под управлением цимоля, и мы считаем, что это может дать нам преимущество.

— Да, но... господи! День за днем рядом с цимолем! А вы еще говорите, что грязной работы не будет, то есть все будет делаться на борту! — Он поежился.

Дарквист передвинулся, приняв такую позу — почти человеческую, — как будто собрался уходить:

— Обдумайте это, мистер Маккрей. Сутенером вы можете быть всегда, но необычные обстоятельства, в которых мы оба оказались, совершенно определенно никогда больше не повторятся. Если вы хотите вернуться в космос, вам придется смириться с теми условиями и персоналом, которые предлагаем мы. На вашей шее висят два камня, и вы уже ушли в воду по самое горло. Мертвец держит палку и предлагает вам ухватиться за нее. Я собираюсь побеседовать с двумя последними кандидатурами в моем списке. Я приму первого же, кто скажет «да», с каким угодно багажом, поскольку мы находимся в отчаянном положении. Но если мы никого не найдем в течение недели, то откажемся от контракта. Если решитесь, позвоните в компанию «Делатель вдов» в северном гражданском космопорте. Если у нас все еще будет вакансия, мы примем вас. Я не могу больше тратить время на поиски.

Маккрей вздохнул.

— Мне нужно все это обдумать, обсудить. Э-э, послушайте... из чистого любопытства — почему у вашего корабля такое имя?

— Полагаю, это имя дал ему предыдущий владелец, — отозвался Дарквист. — Это было еще до меня. По-моему, мне кто-то когда-то говорил, что так называли домашнее животное, принадлежавшее одному вымышленному герою. Приходится терпеть все эти странные имена — вы ведь знаете, как хлопотно сменить название, если оно уже зарегистрировано. Всего доброго.

Как только Дарквист ушел, Джимми стал расхаживать по комнате, пытаясь принять решение. Просидеть черт знает сколько времени в старой космической калоше взаперти с цимолем, который к тому же будет командовать... Но все же это был путь в космос. Это была команда. Это был, как заметил Дарквист, его единственный шанс не только вернуться к своей первой и единственной настоящей любви, но и, возможно, совершить хоть какой-то поступок, который прервет наконец его теперешнее унылое и бесцельное существование.

— *Ну? Ты собираешься принять эту работу или нет?*

— А у тебя какие мысли?

— *Ну, как сказал Дарквист, сутенером ты можешь быть всегда. И даже я должна признать, что хотя прошло всего несколько недель, такая жизнь мне уже слегка поднадоела. Эта жизнь убивает тебя, Джимми. Я знаю. Но это такой вопрос, который я не могу решить за тебя.*

— Ты не представляешь, каково телепату находиться рядом с цимолем.

— *Это правда. Я знаю только, как это отражается на твоем давлении и прочих частях твоего организма, и это само по себе достаточно плохо. Именно поэтому я не хочу принимать решение. Но с точки зрения не-телепата мне кажется, что если речь идет о выборе между работой с ходячим трупом и превращением в живой труп самому, я не стала бы сомневаться в выборе.*

— Логично, как и всегда, — пробормотал он.

— Что такое цимоль? — с любопытством спросила Молли. Она уже привыкла к этим его односторонним разговорам вполголоса и без колебаний подслушивала их.

— Существо, у которого большая часть мозга заменена компьютером, — объяснил он. — Машина в теле мертвеца.

— Синт?

— Нет, не синт. Это человек, который родился обычным образом, рос, как другие люди, жил своей жизнью, но погиб в молодом возрасте, не повредив тело.

— Он говорит как робот?

— Нет. На самом деле, если бы у тебя не было Таланта, ты не смогла бы отличить цимоля от обычных людей. Но ты сможешь отличить, и я тоже смогу. Ты ведь можешь определять чувства тех, с кем рядом находишься?

Она кивнула.

— Ну вот, тебе удавалось когда-нибудь ощутить, что чувствует вот это кресло? Или тот кусок плода, который ты ела? Или вон та дверь?

— Конечно, нет.

— Вот и с ним ты будешь чувствовать то же самое.

— Как тот человек, у которого мы забирали бумаги в офисе. Или полицейские в клубах.

Он кивнул.

— Да, они все цимоли.

— Им меняют только мозг?

— Да. А что?

— Я подумала про другие части тела.

Он ухмыльнулся.

— Они остаются на месте, но больше не нужны им, — разве что как украшение, или чтобы не отличаться от других. Можно сказать, что их плоть по-прежнему хочет, но дух в этом совершенно не участвует.

Это прошло мимо нее, зато у нее появилась новая мысль:

— Значит, на этом корабле для меня никого не будет?

— В том-то и дело. Ты сможешь это вынести?

Она пожала плечами.

— Подумаешь! Это же всего лишь работа, правда?

Он усмехнулся.

Каждый раз, когда он начинал считать, что все про нее понял, она снова и снова удивляла его. Возможно, интересно будет посмотреть, что из нее сделают другие — даже цимоль.

— *Вот видишь? Нас больше — двое против одного. Соглашайся на эту работу, Джимми; просто зажми нос покрепче.*

Он вздохнул.

— Да, мамочка.

— *Кроме того, тебе ведь придется всего лишь работать с этим парнем. А ты подумай, каково будет этой бедной женщине, которой тоже придется там находиться. На этом корабле будет пахнуть такой древней трагедией, что ты даже, возможно, обнаружишь, что по сравнению с ней твои затруднения — сущие пустяки.*

— Это, — ответил он сухо, — именно такая точка зрения, какой я от тебя и ожидал.

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

Трис Ланкур выглядел и вел себя настолько похоже на себя прежнего, что большую часть времени было очень легко заставить себя поверить, что и в самом деле ничто не изменилось, что в госпиталь он попал из-за какого-то ранения, а теперь вернулся — крепкий, веселый и здоровый.

Да, кое-какие мелочи проскальзывали, мелочи, которые замечаешь лишь потому, что прожил с человеком бок о бок много лет, но на это можно было закрыть глаза. Он больше не курил и не пил сверх меры и не исчезал время от времени в Дистрикте; он стал чуть более аккуратным, чуть более разборчивым, и все в таком роде — мелочи, которые легко не заметить или заставить себя не обращать на них внимания. Если только ты не эмпат.

Любое живое существо, достаточно крупное, чтобы иметь центральную нервную систему, испускает что-то вроде эмоционального излучения — даже если это всего лишь страх и всплеск биохимических реакций, испытываемые жучком, который пытается скрыться от давящего его ботинка. Эмоциональные позывные представителей чужих рас часто бывают причудливыми или сбивающими с толку, некоторые из них невозможно правильно истолковать. Но в отличие от телепатов, которые часто не могут уловить мысленное излучение рас, думающих вне обычных телепатических частотных полос, эмпат способен принять излучение практически любого живого существа в галактике. Для того, кто рожден

с этим чутьем, эмпатическое излучение становится частью обычного миропорядка, частью жизни, отличительным признаком любой личности, таким же, как цвет, форма, голос или запах. Существо без такого излучения эмпат воспринимает как жестоко искалеченное, как инвалида без рук и ног. Это может не играть особой роли, но не заметить этого нельзя.

На эмпатическом уровне Трис Ланкур, независимо от того, как он выглядел, был не более живым, чем бортовой компьютер.

Это сразу же поразило Модру, когда она встретила его после выписки из госпиталя. Ее первые робкие слова, обращенные к нему, были из тех, какие прежде ей никогда не приходилось произносить:

— Как... как ты себя чувствуешь?

Он улыбнулся своей прежней улыбкой и пожал плечами:

— Превосходно. Во всяком случае, очень неплохо для мертвеца. Что-то не так? Мне приставили голову задом наперед, или еще что-нибудь?

— Да нет, все в порядке, — ответила она, даже не улыбнувшись его грубоватой по обыкновению шутке, как сделала бы раньше. — Не забывай, я ведь эмпат.

Это напоминание действительно удивило его.

— Хм-м... Ты знаешь, я никогда об этом не думал. До сегодняшнего дня я не понимал, почему Таланты вечно бьются в конвульсиях, когда оказываются рядом с цимолями. Черт побери! Слушай... Мне очень жаль, но я ничего не могу с этим поделать. Я просто не могу излучать радость, грусть, или что там еще тебе хотелось бы. Думаю, тебе придется с этим свыкнуться.

«И не только с этим», — подумала она безрадостно. Проклятье! Все оказалось еще хуже, чем она ожидала, потому что на самом деле он не стал другим. Если бы он двигался по-другому, или разговаривал по-другому, или вел себя по-другому, ей было бы легче, но это был прежний **Трис** — Трис, утративший что-то важное и очень для нее дорогое, чего ей сильно не хватало.

— Ты знаешь, что с тобой случилось? — спросил его Даркви ст.

Трис посерьезнел и кивнул.

— Да, знаю. То есть я не **помню** этого — у меня провалы там и сям по всей памяти, а после того, как мы убрались из лесного мира, я не помню вообще ничего — но я знаю. Думаю, нам не стоит много говорить об этом. Но над телепатическими делами я никогда раньше не задумывался. Телепатов я еще понимаю, но я почему-то не переносил это на эмпатов. Думаешь, она сможет справиться?

— Не знаю. У нас есть работа, которая дожидалась только твоей выписки. Посмотрим.

— Она ходит к психоаналитику?

— Да, но подозреваю, они хотят, чтобы она продолжала все это только для того, чтобы поняла, что для нее все кончено. Думаю, они хотят, чтобы она ушла; это станет для нее холодным душем, и все же, боюсь, она уйдет. Ведь ты — живая заноза в ее центре вины.

Трис Ланкур слегка улыбнулся и сказал негромко:

— Что ж, возможно, в этом есть и какая-то справедливость.

Глаза-стебельки Дарквиста задрожали, что было равнозначно поднятым бровям, и он на миг задумался, не было ли в этом новом Трисе больше от прежнего Триса и меньше иллюзии, чем им говорили. В конце концов, кто, кроме цимоля и его творцов-Хранителей, знал, каково быть одним из них? Возможно, что цимоли отличались даже друг от друга.

— Ты нашел телепата, который согласился работать со мной? — спросил Трис Дарквиста.

— Да, но здесь есть серьезные оговорки относительно багажа, который мне пришлось взять вместе с ним. Долго рассказывать. Я введу тебя в курс дела по дороге. Завтра вы встретитесь на совещании, и ты поймешь, что я имею в виду, а мы посмотрим, насколько сильно ему захочется сбежать от тебя.

В ту ночь Трис Ланкур не пошел в свою маленькую квартирку, а остался в космопорте. Поскольку тело и какая-то часть мозга у него остались человеческими, ему требовался отдых, но очень непродолжительный по сравнению с обычным человеком, а настоящий сон вообще не был нужен. При необходимости он мог расслаблять все части тела по очереди, очень долгое время обходясь без полноценного отдыха.

Из госпиталя он вышел с небольшим чемоданчиком. Теперь, когда все остальные ушли, он открыл его и осторожно вытащил оттуда две продолговатых серых коробочки. У одной была ручка — это был его портативный аппарат. Со второй он провозился несколько часов, устанавливая ее в своей каюте на «Делателе вдов», и когда закончил, она, надежно замаскированная, оказалась связана со всеми системами корабля, включая системы связи и главный компьютер.

Потом Трис отправился обратно в офис, побродил по нему, нашел в небольшом холодильничке пиво и завалявшуюся коробку кукурузных хлопьев и немного подкрепился. Его тело было обычным телом, ему требовалось то же, что и всем другим телам, и об этом не следовало забывать. Подобная пища не лучшим образом подходила для обеспечения эффективной работы тела; нужно будет позаботиться о том, чтобы корабельное питание содержало должный строгий баланс необходимых веществ и чтобы бортовой пищевой синтезатор был запрограммирован соответствующим образом, но пока сойдет и это.

Закончив «ужин», он подошел к коробочке с ручкой и приложил большие пальцы к точкам, которые мог почувствовать лишь он один и которые были настроены лишь на него. Примерно в пятнадцати сантиметрах от верха коробочки образовалась небольшая трещинка, и он большими пальцами раздвинул ее края. Отсоединив кабель от терминала на столе, он вставил его в гнездо в коробочке, затем вытащил длинный и тонкий кабель, на конце которого была небольшая мембрана, придвинул к себе большое кресло и сел. Держа кабель в левой руке, он снял правой большой участок волос, почти неотличимых от настоящих, и положил его на стол. Под ним обнаружилась вставленная в череп плата с мириадами серебристых контактов, впаянных в плоское медное основание. Он вставил кабель в плату, расправил мембрану, откинулся на спинку кресла и, как казалось со стороны, заснул.

* * *

Джимми Маккрей, сидя в общественном конференц-зале, находился во власти самой странной в своей жизни смеси эмоций и знал, что рыжеволосой эмпатке, Модре, наверняка приходится вдвое труднее, поскольку она не только ощущает то же, что и он, но к тому же улавливает еще и его смятение. Ему бы очень хотелось как-нибудь приглушить свои чувства, но в этом ему не могла хоть сколько-нибудь помочь даже Гриста.

Цимоль... Здесь мертвец!

Трэннон Коуз, — довольно замкнутое существо, исполнявшее функции координатора команды, — начал собрание.

— Такой работы мы еще никогда не делали, — начал он. — Три других команды Биржи пробовали выполнить ее и вернулись ни с чем, и мы почти уверены, что миколианцы тоже не раз пытались справиться с этим делом. До сих пор у нас всегда были планеты, по крайней мере, хорошо картографированные и проверенные автоматическим оборудованием под управлением опытного разведчика — правда, другой вопрос, много ли было от этого пользы.

Это замечание вызвало кривые улыбки у тех, кто умел улыбаться.

— Но на эту планету высадиться мы не можем. Это никому не удается, или не удавалось до сих пор, — по крайней мере, насколько мне известно. Мы не можем даже точно сказать, что там такое, хотя вы получите полные спектрографические данные, судя по которым все куда более обыденно, чем на самом деле. Это аномалия, объект, который не согласуется с современной наукой, он сводит с ума ученых и компьютеры, а также команды, пытающиеся раскусить его. У него даже нет названия. По причинам,

которые сейчас станут очевидными, владельцы лицензии приняли данное разведчиком описательное имя и назвали его Горячим Цехом.

Свет в зале погас, и внезапно появилось изображение планеты — сначала далекое, потом начавшее приближаться, пока полностью не заняло всю стену.

— Это же не планета, — ахнул Джимми Маккрей.— Это же **звезда!**

И действительно, именно так она и выглядела — обыкновенное желтое солнце.

— Да, так кажется, — согласился Трэннон Коуз, — но если это и звезда, то она не принадлежит ни к одному известному нам типу. Во-первых, хотя цвет у нее приблизительно совпадает с цветом обычного солнца класса G, ее масса неизмеримо больше, а размер меньше, чем у обычного желтого карлика. На самом деле, судя по ее плотности, эта чертова штуковина вскорости должна или превратиться в черную дыру, или взлететь на воздух, и она уж точно не должна иметь ни такую относительно низкую температуру, ни такой цвет. До сих пор все попытки добраться до ее поверхности или определить ее состав заканчивались неудачей. Пробы или погибали, или начинали передавать полную чушь. Мы не знаем, какова причина этого — то ли ядро состоит из совершенно неизвестных нам веществ, то ли что-то мешает пробам получить достоверные данные. Видите ли, у этой штуковины есть неприятная привычка время от времени бессистемно изрыгать всякую дрянь. В прошлую команду она запустила чем-то, от чего все приборы у них зашкалило, а корабль понесло куда-то к черту на рога на скорости, близкой к световой. Они еле унесли ноги и возвращаться обратно не стали.

Все зашевелились и загудели.

— По сути, не существует безопасного места, откуда можно было бы наблюдать за этой штуковиной, но ее активность настолько беспорядочна и непредсказуема, что шансов на то, что с нами не случится ничего, по крайней мере не меньше, чем на то, что с нами случится все что угодно.

— Это не может не радовать, — сухо заметил Дарквист.

Трэннон Коуз игнорировал его замечание.

— В обычном случае это было бы задачей лишь для ученых, и нас не стали бы к этому привлекать, если бы не самый невероятный и необъяснимый из всех фактов, связанных с этой планетой. Там существует жизнь.

В зале поднялся шум.

— Погодите, погодите! — крикнул Маккрей. — Откуда это стало известно?

— Как раз тут в дело вступишь ты, Маккрей, — отозвался Трэн. — С усилителями ты без труда сможешь убедиться в этом сам, и Модра тоже. Там определенно есть что-то живое, что-то, что может думать, и это — ключ к разгадке. Попридержи немного свой скептицизм и послушай, что я скажу.

— Это не так-то просто, — ровно сказал Трис Ланкур.

— Вот из-за таких вещей и стоит спасать цивилизацию, — подал голос Дарквист, и никто не смог бы с уверенностью сказать, шутит он или серьезен.

— Ладно, вот вам доказательства. Попытайтесь вообразить, какая жизнь могла там развиться. На этой планете все постоянно изменяется. Окружающая их обстановка, сам состав и строение их мира совершенно не похожи ни на один из миров, где существует жизнь в том виде, в каком мы привыкли ее воспринимать. Их действительность настолько другая, что они не могут иметь ничего общего ни с кем из нас. Они наверняка ничего не видят и не слышат, в том смысле, как это делаем мы, а логика подсказывает, что они также скорее всего не подозревают о том, что за пределами их собственного мира есть еще и другие. Они живут на самой планете, а не во внешних слоях, поэтому у них нет возможности знать об этом. Масса планеты совершенно немыслима, и они не могут удалиться от нее — разве что их унесет во время одного из этих всплесков активности. В таком случае они погибнут — и погибают. Мы наблюдали это.

— Ты хочешь сказать — телепатически, — заметил Джимми Маккрей.

Овальная голова ибрума качнулась, что должно было обозначать кивок.

— Да, телепатически и эмпатически. Мы полагаем, что все их общение происходит на телепатических полосах частот. Возможно, — даже скорее всего, — они представляют собой какие-то формы связанной энергии, по сути, являясь бесплотными разумами. Только не спрашивайте меня, как такое возможно. Несколько ведущих ученых в этой области, пытавшиеся заниматься этим вопросом, сейчас находятся под надзором лучших психиатров Биржи, а число карьер, рухнувших из-за этой планеты, в одной только физике таково, что подсчитать это под силу лишь самым мощным компьютерам. К счастью, в нашу задачу не входит выяснить это. Мы должны лишь найти способ вступить контакт с этими... людьми — или чем бы они ни были.

— Для начала надо дать им знать о себе, — заметил Джимми Маккрей. — Если они войдут с нами в контакт — пусть даже не поняв в нас ничего, а просто уловив присутствие

другого, отличного от их, разума, — начало будет положено. Не понимаю, в чем трудность.

— С этим никто не спорит, Маккрей. Проблема в том, что для них это неосуществимо. Мы улавливаем их, но любая попытка вступить с ними в контакт — по крайней мере, насколько мы знаем до сих пор, — убивает их. Наиболее распространенная теория такова, что, будучи чистой энергией, они при установлении телепатического контакта, то есть вступив в связь с разумом телепата, внезапно оказываются перед лицом окружающей среды настолько чуждой для них, настолько холодной, настолько непохожей на то, что они могут даже вообразить, что их мозг — или где там у них происходят все эти процессы — воспринимает нашу обычную и привычную для нас обстановку как смерть, и они тотчас же умирают.

— Подобные проблемы возникали и на других планетах, — заметил Дарквист, — но во всех других случаях можно было спуститься на планету в скафандрах или с какими-нибудь защитными средствами и объявить хозяевам о себе в их стихии, обеспечив им хоть какую-то базу. Однако, если Горячий Цех уничтожает все наши приборы и даже пробы, об этом не может идти речи. Я лично вижу, в чем здесь проблема.

— И какая нас ждет награда, если нам удастся разрешить ее! — подала голос Модра Страйк. — Вообрази себе мир, новую форму жизни, которая обитает в этом аду! Если бы нам все же удалось каким-нибудь образом вступить с ними в контакт, мы получили бы эксклюзивное знание, которое дало бы начало новому направлению физики!

— Это и есть первое задание, которое фирма твоего мужа поручила нам, Модра? — несколько раздраженно спросил Трис Ланкур.

— Да, они купили лицензию на паях, — ответила она. — Но начальные инвестиции съели почти все их деньги, и если мы не займемся этой проблемой, они могут потерять права на нее. Это, по крайней мере, не вонючее болото на какой-то задрипанной планетенке, и хотя мы случайно убили нескольких из них, они никак не ответили нам. Впрочем, если бы они хоть как-то отреагировали, то это означало бы, что они знают о нашем присутствии, а это была бы уже половина дела.

— Ну, что скажешь, Маккрей? — спросил нового члена команды Трэннон Коуз. — Здесь все в большой степени зависит от тебя, хотя и с нашей помощью, советами и поддержкой. Хочешь попробовать раскусить этот орешек?

Он пожал плечами:

— Не вижу, что мы можем потерять. Самое худшее, что я могу сделать, это погубить еще несколько сотен этих ребят.

* * *

Джимми Маккрей сидел в кресле на командном мостике «Делателя вдов» и вглядывался в экран, на котором плавала цель их путешествия. Горячему Цеху удивительно подходило его имя — это был маленький, но невероятно ослепительный шарик размером примерно со средний газовый гигант и сияющий, точно миниатюрное солнце. Сквозь фильтры было видно, как на его поверхности постоянно перемещаются газы, образуя кружащиеся воронки.

В некотором смысле, это действительно было солнце, но, в отличие от настоящего солнца, оно не главенствовало над всем, что находилось вокруг. Наоборот, этот пламенеющий шар, вместе с немыслимой уймой всякого мусора, сам вращался по орбите вокруг маленького, но невероятно плотного ядра, которое без инструментов нельзя было даже увидеть. Это могла быть нейтронная звезда или какой-нибудь другой объект в процессе сжатия, который можно было бы назвать черной дырой, если бы не его назойливая привычка время от времени высвобождать из себя крошечные частицы и разбрасывать их во всех направлениях. Это уже привело к гибели нескольких кораблей, и именно поэтому сейчас на орбите находилась Первая Команда, а не толпа ученых. Все наблюдения за планетой велись автоматическими исследовательскими станциями, каждая из которых, по словам Триса, успевала проработать два или три месяца, прежде чем оказывалась недостаточно быстрой.

Джимми смотрел на ад, пылающий на экране, и в тысячный раз, все так же безуспешно, пытался вообразить жизнь, способную существовать в нем.

Планета бешено бурлила, бомбардируемая всеми видами частиц. Ее температура была вполне сравнима со звездой, и он никогда еще не видел ничего, что настолько походило бы на ад.

«Делатель вдов» подошел к планете так близко, как они только осмелились. Автопилот был наготове, а двигатели работали на минимальной мощности, на случай, если что-нибудь произойдет и им придется быстро выбираться — предполагая, разумеется, что маленькая невидимая дрянь в центре этой безумной солнечной системы испустит что-то, что их приборы будут в состоянии отследить, и сделает это достаточно медленно, чтобы они успели унести ноги.

Выбор места оказался делом очень непростым. Любой из них предпочел бы остановиться как можно дальше, но тогда они даже с усилителями не смогли бы уловить ничего, да и задержка во времени была бы сумасшедшей. Если же они подошли бы слишком близко, то им не помогли бы даже экраны — они

или поджарились бы, или угодили бы в горнило противоборствующих сил притяжения, попав между двумя небесными телами.

Джимми по-прежнему не испытывал особой радости от того, что находится рядом с Трисом Ланкуром, а доверял цимолю еще меньше, но и соседство Модры тоже не доставляло ему приятных ощущений. Он не встречал еще никого, кто был бы настолько несчастен и истерзан чувством вины, и при этом выдержал бы и не покончил с собой. Если ему жизнь не доставляла удовольствия, то для нее она была настоящей пыткой, она буквально выгрызала себя изнутри, и не в глубине, а прямо на первичной полосе частот. Если бы он не принимал постоянные меры, чтобы блокировать ее мысли, они затопили бы его. С Трэнноном Коузом общаться было полегче, хотя его вполне человеческий стиль речи скрывал такой образ мышления и мировоззрение, от которого у Маккрея временами голова шла кругом.

Молли большую часть времени проводила в каюте, слушая варварскую музыку, которую черт знает кто играл на чем-то, лишь отдаленно напоминающем музыкальные инструменты, зато она оказалась достаточно сообразительной, чтобы не путаться под ногами. Она обладала сверхъестественной способностью отключать свой разум, чему он нередко завидовал — и чего определенно пожелал бы Модре Страйк.

Эротка так и не смогла вполне уловить, что и почему здесь произошло, но как-то заметила, что Модра «вся опустошенная и очень, очень печальная», а Коуз «почему-то страшно злится на девушку и почти это не скрывает», тогда как Дарквист «похоже, считает всех нас забавной компанией». Джимми не очень хорошо понимал, что означало это последнее утверждение, поскольку не мог проникнуть сквозь мысленную защиту Дарквиста, но у него было неуютное ощущение, что Молли имела в виду именно то, что сказала.

— *Что, Джимми, этот корабль и команда как будто специально для нас созданы?* — вдруг заметила Гриста.

— Что? Откуда ты узнала, что я об этом думаю?

— *Ну, мы же с тобой давно знакомы. Есть вещи, для понимания которых не нужно быть телепатом. Нужно просто иметь мозги.*

— Интеллект без сострадания — всего лишь хороший компьютер, — парировал он хмуро.

— *Да? И что хорошего дало тебе твое сострадание, если не считать того, что посадило тебе на шею полудевицу-полулошадь? А также чуть не погубило тебя, если бы я вовремя не заставила тебя остановиться?*

— Возможно... возможно, я, как и Модра Страйк, просто пытаюсь оправдать тот факт, что все еще жив.

— *Ты проживешь еще долго, Джимми. В глубине души ты осознаешь, что у тебя не хватило бы духу, чтобы*

сделать то, что сделал Ланкур. Ты можешь лишь надеяться, что кто-то или что-то сделает это за тебя.

Он вздохнул.

— Полагаю, нам лучше взяться за дело. Я должен сам почувствовать это, чтобы поверить, что в этом аду может быть хоть что-нибудь живое, не говоря уж о разумном.

Кресла для команды, разумеется, были на командном мостике, но перед большим экраном стояло еще одно, мягкое и очень уютное на вид. У него имелись добавочные ремни, ручки, чтобы держаться, и пульт управления под подлокотником, с правой стороны.

Джимми уселся в него, приняв удобное положение, и активировал регуляторы. Кресло мгновенно окружил почти невидимый энергетический пузырь, объединив его с корабельной системой связи и отдав ее почти целиком под его управление и одновременно блокировав все остальное, от обычных шумов корабля до его собственного дыхания и случайных мыслей других. Изолированный, словно в коконе, он первым делом отключился от Гристы, и через канал связи открыл разум похожему на солнцу миру, находившемуся перед ним.

Он ощутил то же потрясение, которое, должно быть, чувствовали первые телепаты, исследовавшие этот сектор. Недоверие, изумление и сомнение в том, что он ощущает именно то, что ощущает.

Ослепительный ад исчез — то, что он ощущал, было невероятно, невозможно **живым**, точно так же, как были живыми настоящие миры, населенные настоящими людьми. Боже правый! Оживленный шум и бормотание, лавиной захлестнувшие его, были невероятно мощными.

«Телепатическая раса, — подумал он. — *Ну конечно же! Ничего другого и быть не могло».*

Но раса — чего?.. кого? Что за создания могут жить в аду и чувствовать себя уютно?

Комбинируя мысленный контроль и аппаратное управление, он принялся концентрировать поиск, вычленять, локализовать — как если бы сначала он видел весь мир в целом, потом сосредоточился на одном континенте, потом на какой-то его области, а потом на отдельном городе или селении в этой области и в конце концов перешел к определенному месту в этом городе.

Нет, у них не было никаких городов, это было совершенно ясно. Это была жизнь, наполнявшая новым смыслом затертое слово «чуждый». Пусть даже Трэннон Коуз походил на кучу связанных друг с другом бесформенных редисок, а Дарквист выглядел как морская звезда с черными губами, но они хотя бы были органическими, они состояли из молекул соединений углерода, и хотя их эволюция шла другим путем, чем у человеческой расы, они развивались по тем же правилам. Из первобытной слизи возникли сот-

ни рас, большинство из них пошло по пути углеродной жизни, а меньшинство — кремниевой, но во всем остальном они подчинялись правилам, определявшим «жизнь, как мы ее знаем и понимаем».

Но не здесь. Это была жизнь, которую не знал и не понимал никто.

Джимми сосредоточился сильнее, пытаясь ощутить отдельно взятое существо. Ответный поток вызвал у него лишь головную боль и полное смятение мыслей. Ему приходилось иметь дело с расами, настолько отличающимися от его собственной, что он зачастую не мог понять, что они вообще считают связной мыслью, но эта превзошла все. Это нельзя было назвать даже чушью!

Он сразу же уловил, в чем здесь основная проблема, что являлось главным препятствием для понимания. Поскольку «жизнь, как мы ее знаем» имела определенные общие истоки, то пусть даже на выходе и получились существа, сильно разнящиеся по виду и поведению, но всегда находились и общие черты. Большинство существ так или иначе спали или имели какое-то понятие отдыха. Большинство существ ели, и этот процесс вполне можно было определить как еду, пусть даже то, что именно и как часто они ели, казалось другим отвратительным. Всегда существовала какая-то взаимосвязь первоэлементов — земли, воздуха, огня и воды.

Но что общего мог иметь любой из членов экипажа «Делателя вдов» — пусть даже в микроскопической степени, — с обитателями Горячего Цеха?

Судя по всему, там не было ни верха, ни низа, ни понятия о направлении. Вместо нулевой полосы частот у них оказалось две телепатических полосы, которые он мог уловить, причем одна из них была практически постоянно активна и, вероятно, служила заменой зрению, а другая была полосой внутреннего мышления, которое он тщетно силился постичь.

Они парили, они метались, рассредоточившись по обширному диапазону, расположенному намного ниже поверхностного слоя планеты, но не настолько, чтобы ощущать ее могучую гравитацию. Если у них и была материальная культура, то по их мышлению сказать о ней ничего было нельзя, — хотя он и вообразить не мог, что за материальную культуру можно иметь, не представляя собой ничего материального, не имея никаких ресурсов, кроме энергии, в которой живешь.

Он мог бы даже согласиться с идеей единого коллективного разума, развившегося в этом аду, но здесь совершенно явно имело место невероятное множество отдельных личностей; и если бы ему было за что уцепиться, он сумел бы отличить их друг от друга.

Еще одной чертой, общей для разных рас, был сенсорный входной канал: вид, звук, запах, вкус, ощущение и

тому подобное. В этой области эволюция тоже порой выкидывала довольно причудливые фортеля, но любое мыслящее существо обладало хотя бы какими-то органами чувств. Но не здесь. Хотя их вторичная полоса частот, похоже, и служила им в качестве входного канала, но информация, которая по ней передавалась, неизбежно преобразовывалась в понятия, которым в человеческом мировоззрении не было соответствий.

Да, загвоздка была именно в этом. Он улавливал в их уме некие образы, но понятия не имел об их системе координат и не мог даже вообразить ее себе. Эти образы что-то значили для них, но для него они не значили совершенно ничего.

Он понял, что пошел проторенной дорогой, и ощутил горечь поражения. Ему ли пытаться справиться с тем, что не удалось лучшим умам Биржи?

И все же было досадно до безумия, поскольку образы, которые он улавливал, были очень четкими и сложными. Не было никакого сомнения в том, что это очень высокоорганизованные мысли. Объяснить это было невозможно, но, просто «слушая» эти образы и чувствуя, как они сгруппированы и направлены, любой телепат понял бы, что, чем бы ни были обитающие на планете существа, они определенно **мыслили**, и на куда более высоком уровне, чем обычное животное или растение. Взаимодействие этих образов предполагало наличие не только отдельных личностей, но и какой-то устойчивой, пусть даже и непонятной, социальной организации.

Но, черт возьми, как можно говорить с кем-то, если у него нет ни одного общего с тобой образа или слова?

Наконец, он выделил то, что показалось ему отдельной личностью, хотя на таком расстоянии не поручился бы за это наверняка, немного последил за ним, а потом, затаив дыхание, открыл ему свой разум, образуя двустороннюю телепатическую связь.

Внезапно он очутился внутри чужого разума, в ослепительном, головокружительном вихре, где ничто не имело смысла и все походило на обрывки кошмарного сновидения — водовороты цвета, причудливые формы и линии, сменяющие друг друга немыслимые образы.

Одновременно и существо тоже оказалось внутри его разума, внезапно став одиноким. Его вторичная полоса частот не передавала ему никакой информации: ему было темно, холодно и одиноко — страшно одиноко.

Джимми почувствовал, как оно умирает — разом, точно задутая свеча, с какой-то одной последней мыслью, которая, очевидно была криком ужаса — и тут же закрылся, дрожа и покрывшись потом.

В конце концов он нашел нечто общее в их мышлении, но толку от этого не было никакого. Существо, Вселенная

которого ограничивалась двумя телепатическими полосами частот, внезапно обнаружило, что она утратила границы. То, что служило ему вместо мозга, мгновенно расценило это состояние и отреагировало соответствующим образом.

Все, что оно знало, понимало и во что верило, говорило ему, что оно мертво, и поэтому оно умерло.

— *Тебе лучше прерваться, Джимми,* — предостерегла Гриста, нарушив молчание. — *Твой пульс близок к опасному уровню.*

Взмах правой руки — и энергетический пузырь лопнул, отключив связь, но Джимми еще некоторое время лежал в кресле. Его предупреждали, но он до сих пор с трудом в это верил. Это шло вразрез со всем, что составляло его собственную систему координат.

— Я убил его, Гриста, — пробормотал он недоверчиво.

— *И что? Тебе уже приходилось убивать прежде.*

— Только ради самозащиты, но не в попытке поздороваться.

— *Ты уверен? Я хочу сказать, уверен в том, что они вообще там есть? То есть — ты действительно уверен?*

Он задумался над этим. Не мог ли он на самом деле улавливать мысли откуда-то еще? Может быть, ему только **казалось**, что они приходят из этого ада? Любой инструмент мог лишь просто измерить мощность телепатической волны. Единственной причиной, по которой все поверили, что в этом пылающем мире были живые и мыслящие существа, была инстинктивная уверенность телепатов, работающих с ними.

Интерфейс, связывающий Джимми с каналом связи, определенно указывал, что получаемое им телепатическое излучение шло от Горячего Цеха; да и предыдущие экспедиции должны были проверить, нет ли здесь аномалии, указывающей неправильное направление.

Но инструменты измеряют только то, что им велено мерить, и то, для измерения чего предназначены.

Чутье Джимми говорило, что они действительно там, но его разум все еще отказывался поверить, и предположение Гристы только подлило масла в огонь. Он решил, что должен посоветоваться с командой.

* * *

Идея о телепатической иллюзии заинтересовала, но не слишком взволновала Триса Ланкура.

— Если не с Горячего Цеха, тогда откуда? — спросил он. — Маккрей, ты единственный телепат, который у нас есть. Никто из нас не может чувствовать то, что чувствуешь ты. Если ты, так же, как и все телепаты, которые были тут до нас,

чувствуешь, что излучение исходит отсюда, и записи подтверждают это, как мы можем ставить это под сомнение? И почему ты вдруг засомневался?

— Гриста заронила эту идею в мою голову, — признался он, тут же почувствовав легкое беспокойство, которое охватило остальных — всех, кроме Триса Ланкура, подметил он цинично, — при упоминании о еще одном существе, которое находилось вместе с ними на корабле. — Но она всего лишь облекла в слова то, что не мог выразить я. Какую-то **неправильность** всего этого. Существование жизни в таком месте идет вразрез со всякой логикой. Я, как и все телепаты, могу исходить только из своего ощущения, понимаете? Талант говорит мне «да», но я видел не одного фокусника, способного ловко обдурить любого из нас; я видел призрачные солнечные системы, регистрируемые аппаратурой, и ловил сигналы, которые, как казалось, пришли с соседних кораблей или близлежащих миров, а на самом деле по какому-то капризу природы пробились к нам через многие световые годы. Говорят, что все, что попадает в черные дыры, может в конце концов вынырнуть в другом месте, но мы никогда не находили такую «белую дыру», так что если это правда, то куда отправляется весь этот хлам, когда его вес становится больше, чем Вселенная может выдержать?

— Ты серьезно предполагаешь, что это, возможно, сигнал из альтернативной Вселенной? — спросил Даркви́ст, искренне восхищенный.

— В этом есть смысл, — вставил Трэннон Коуз. — Это очень необыкновенная, возможно, даже единственная в своем роде солнечная система. Природа сил, вступающих здесь в действие, в высшей степени загадочна и находится выше нашего понимания. Если и существует что-то вроде двери в такую альтернативную Вселенную, то она должна находиться именно в подобной системе, в подобных условиях.

— Действительно; и альтернативная Вселенная вовсе не обязательно должна иметь что-то общее с нашей, даже законы, общие для всех Вселенных, там могут быть совершенно другими, — заметил Даркви́ст. — Это прекрасно объясняет полное отсутствие общности между нашими разумами. Да, если это правда, ставки значительно растут! Контакт с параллельной Вселенной — такого еще не бывало! Об этом никто даже не мечтал!

— Погоди! — сказал Трис Ланкур. — Успокойтесь, все вы. Этак вы следующим номером решите, что это какая-нибудь микроскопическая цивилизация на крошечной луне Горячего Цеха.

— Вряд ли, — отозвался Даркви́ст, восприняв его слова всерьез. — Будь это так, объект бы перемещался, или

хотя бы колебался, пусть даже геостационарно, и тогда мы могли бы это предсказать. Однако, то, что мы улавливаем, соответствует вращению Горячего Цеха. А вот альтернативная солнечная система, в которой Горячий Цех не является горячим, или, возможно, где подобные вещи совершенно нормальны — это могло бы объяснить все. Аномалия, в которой наша Вселенная проникает в их Вселенную — или, возможно, их Вселенная проникает в нашу. Интересная мысль.

Джимми Маккрей вздохнул.

— Это к делу не относится. Мы сейчас пытаемся сосчитать, сколько ангелов уместится на острие иглы. Я думал или, скорее, надеялся, что местные условия действуют как искажающий элемент, что мы не заметили настоящего источника телепатических волн. Но смотрим мы в другую Вселенную или нет, а проблема остается той же самой. Как дать им знать о своем присутствии, не губя их, если у нас нет абсолютно ничего общего, кроме одной телепатической волны? Даже думать об этом не стоит. Я должен был понять, что это тупик, еще до того, как собрал вас всех.

Трис Ланкур немного подумал.

— Ну почему же, — по крайней мере, мы задумались над этим. Знаешь, я просмотрел все записи, и, судя по всему, никто до нас не пытался подобрать альтернативный подход к этой проблеме.

— Мы излучали всеми видами передатчиков, которые у нас есть, и все без толку, — напомнил Дарквист. — Чего мы еще не попробовали?

Ланкур взглянул на Модру, которая все это время просидела очень тихо и, похоже, избегала смотреть на него.

— Например, эмпатический диапазон.

Она подняла глаза и наморщила лоб, словно находилась в миллионе световых лет от этого корабля, а ее внезапно выдернули оттуда.

— Что?

— Предыдущие исследователи сканировали эмпатический диапазон, чтобы убедиться, что их телепаты не сошли с ума, — заметил Дарквист.

— Да, возможно. Но они использовали только общее сканирование, чтобы получить дополнительное доказательство того, что там действительно есть живые существа. Применить **активную** эмпатию таким же образом, как телепатию, никто не пробовал.

— О чем вы все здесь говорите? — спросила Модра.

— Думаю, он хочет, чтобы ты села за усилитель,— сказал Джимми. — По крайней мере, если ты сосредоточишься на ком-нибудь из них, то не убьешь его.

Внезапно воздух вокруг них взорвался оглушительным воем аварийной сигнализации. Они застыли на своих мес-

тах, почти мгновенно окруженные зелеными защитными энергетическими пузырями, которые развернул бортовой компьютер. Раздался чудовищный грохот, словно в корабль врезалось что-то огромное, а затем питание, а вместе с ним и свет, отключилось, внезапно и пугающе, заставив замолкнуть какофонию сигнализации. Наступила зловещая тишина, и это было самым страшным.

Потом корабль сотряс удар.

Они падали, кувыркаясь в полной темноте, чувствуя, как желудки у них выворачиваются наизнанку, летя по безумной траектории в пугающее ничто.

Все было кончено через несколько секунд, но они показались им часами. Энергоснабжение постепенно восстановилось, по мере того, как бортовой компьютер, очевидно, оставшийся целым и невредимым, произвел проверку всех систем, запустил восстановительные работы и осторожно восстановил все, что можно было без опаски восстановить.

Первым лопнул защитный пузырь Ланкура, и он немедленно развил бурную деятельность.

— Компьютер! Отчет о повреждениях!

— Большая пробоина в заднем правом трюме, — сообщил компьютер. — Некоторые повреждения в резервных системах, но главные работают нормально. Однако все, что не было закреплено, улетело. Корабль и команда целы, но во всех отсеках беспорядок.

— К черту беспорядок! Что произошло?

Теперь освободились и остальные, они потягивались и растирали руки и ноги. Модра Страйк подошла к отверстию очистителя, и ее вырвало. Джимми Маккрея тоже тошнило, но в горле у него стояла одна желчь, к тому же он подозревал, хотя пока без особой уверенности, что обмочил штаны.

— *Этого в симуляциях сертификационных полетов не было,* — пожаловалась Гриста; голос у нее был почти таким же дрожащим, как у остальных.

— Аномалия выбросила поток частиц по дуге в двести сорок градусов, — сообщил компьютер. — Его невозможно было полностью избежать. Наибольшая из измеренных мной частиц имела примерно пять сантиметров в диаметре, но поток был чрезвычайно плотным, по сути он представлял собой чистые гравитоны с огромным сжатием. Их скорость приближалась к скорости света, и некоторое время они протащили нас за собой, пока разброс не ослабил их совместную тягу настолько, что мы смогли вырваться. Для этих целей мне пришлось использовать максимум энергии. Продолжительность полета в потоке гравитонов составила одну целую двести пятьдесят пять тысячных секунды, за которые

мы пролетели двести девяносто семь тысяч триста сорок шесть километров. Отрыв занял еще шесть секунд, торможение — двенадцать; за это время мы пролетели еще приблизительно триста четырнадцать тысяч километров.

— Погоди-ка! — сказал Джимми Маккрей, как только смог говорить, не давясь желчью. — Ты хочешь сказать, что мы пролетели чуть ли не световой год за какую-то **секунду**, — в обычном космосе с обычными законами?

— Более или менее так, — согласился компьютер. — Именно поэтому по всему кораблю такой беспорядок. Возможно, мы немного переместились и во времени, хотя сейчас это трудно определить. Мне понадобится некоторое время, чтобы завершить первоочередной ремонт и произвести расчеты для возвращения с использованием более традиционных видов энергии. После этого я попытаюсь связаться с универсальными маяками по подпространственному лучу и определить, произошло ли какое-то смещение во времени. Кроме того, я произвожу также анализ напряжений на каждом узле корабля, чтобы убедиться, нет ли в нем незамеченных повреждений, которые могут проявиться позже. Вы можете гордиться этим кораблем. Вообще-то мы не рассчитаны на подобные удары. Я несколько миллионов раз прогонял наши данные по симуляционному циклу и каждый раз получал результат, что корабль уничтожен, а вы все мертвы.

Это сообщение заставило разговор на некоторое время утихнуть.

Наконец компьютер спросил:

— Вы хотите, чтобы я вернул нас в исходную точку?

— Разумеется, — отозвался Ланкур. — А почему мы должны не хотеть?

— Ну, судя по результатам симуляции, должен заявить, что если мы вернемся и подобное произойдет снова, шансов на то, что корабль не развалится на части — в особенности учитывая его ослабленное состояние, — практически нет.

Ланкур кивнул, затем обвел товарищей взглядом. Джимми сказал, пожав плечами:

— Мы знали, что это опасное задание, еще когда брались за него.

— Хорошо, — вздохнул Ланкур. — Похоже, это превалирующее мнение. Верни нас обратно, когда сможешь.

Внезапно Джимми Маккрей вскочил на ноги.

— Молли! Надо бежать к ней! Она же, наверное, потеряла голову от страха! Я получаю от нее весьма странные мысли.

Слово «странный» не вполне подходило для того, чтобы выразить его впечатления. Это была непонятная смесь запоздалого всепоглощающего ужаса и... чего-то еще, что было трудно определить.

Он вышел из кают-компании, добежал до каюты, которую они делили, и заглянул внутрь. Молли действительно была там, но вид у нее был ничуть не перепуганный — она даже улыбнулась ему.

— Ты в порядке? — с беспокойством спросил он.

— Ну да. Слушай, это было **здорово**! Так весело мне давно уже не было! Мы сделаем так еще?

На миг он утратил дар речи. *«Да она считает случившееся чем-то вроде аттракциона!»* Потом медленно, сдерживаясь изо всех сил, произнес:

— Надеюсь, что нет.

— *Кто сказал, что телепата нельзя удивить?* — ехидно осведомилась Гриста.

* * *

Модра Страйк была сейчас куда более похожа на человека, чем когда-либо с начала экспедиции. Джимми Маккрей понял это, поскольку впервые за все это время она стала не столько администратором, сколько активной участницей, и это дало ей повод встряхнуться и отвлечься от собственных мрачных мыслей.

Ей был отчаянно необходим успех, необходим как никогда раньше, потому что, как сказали Джимми ее мысли, эта экспедиция должна была стать ее лебединой песней. Не было никаких сомнений, что она больше не годилась для подобной жизни, и она знала это. Неудача в этом предприятии могла окончательно доконать ее.

В каком-то смысле эмпаты и телепаты очень похожи, просто они улавливают различные вещи. Мозг — очень сложная структура, использующая множество органических механизмов. Он действует аналогично крошечному передатчику с замкнутой схемой, который передает все составляющие мысли в передний мозг для компоновки и логической интерпретации, точно так же как компьютер компонует элементы в памяти процессора, а затем передает на выходное устройство. Количество энергии, используемое в органической системе, очень мало, но как радиотелескоп может сосредоточиться на одном объекте, собрать его излучение, выделить и определить помехи настолько слабые, что человеческому глазу не под силу их уловить, так телепат может уловить, выделить и перехватить мысленное излучение на первичной полосе частот. Мечты и вторичные мысли слишком слабы, и их никогда нельзя отделить от общего фона, но с основным мышлением это возможно.

Прочую информацию, которая содержится в боковых полосах частот, даже самые лучшие телепаты уловить не в силах, а могут лишь примерно оценить, причем иногда неверно,

в зависимости от силы и контекста мыслей. Эмоции, лежащие за мыслью, чувства передающего, — одна из таких боковых полос, и именно их может прочитать эмпат, каким-то образом подавляя фон и обособляясь от него.

Канал связи служит в нескольких целях. Он может получать и усиливать эти полосы частот, как при передаче, так и при приеме, а его способность подавлять фон, даже с довольно большого расстояния, пока он еще не выделил для пользователя из большой толпы один организм или личность, невероятно гибка.

Поскольку Модра находилась в полной изоляции энергетического пузыря, ее мысли были экранированы, но Джимми Маккрей смог проникнуть в них, не сбивая ни ее, ни аппаратуру, полностью настроенную сейчас на эмпатическую полосу частот.

Волны и волны чувств, значительные концентрации... живая планета. Невозможно поверить, и невозможно не придать этому значения. Ощущение, будто сканируешь большое населенное место... Никаких сомнений. Там, на планете, что-то есть... Их много... Интересно, похожи ли они вообще на что-нибудь? Возможно, это чистая энергия, находящаяся в виде плазмы, которую мы не в состоянии увидеть, услышать или вообще понять... Форма, зафиксированная в энергии, без материи, наподобие синтеза материи и энергии, который использует наш мозг... Чистый разум, вообще без тела... Но обладающий формой. Какая-то форма у них есть, поскольку они отдельны друг от друга. Разум чистой энергии в энергетическом же сосуде... Живые передатчики и приемники, которые видят и слышат, передавая волны и отраженные сигналы... отраженные сигналы, слишком непонятные. Нужно проникнуть глубже, вычленить кого-то одного...

— Она пытается подобраться к кому-то одному, — сказал им Джимми. — Но получает примерно тот же результат, что я получил на общем сканировании. Судя по тому, что она ощущает, я вполне могу сказать, что мы были правы с самого начала. Они там.

Выделила... Странное ощущение... Она поежилась. *Необычное ощущение... Что оно означает? Совсем нет никакой хитрости, обмана... Кем бы они ни были, они честны и откровенны друг с другом. Если все их взаимодействие происходит посредством телепатии и эмпатии и еще на каких-нибудь полосах, которые мы, возможно, не в состоянии перехватить, это было бы... Никаких признаков зависти, жадности, ревности... Раса, где нет ни единого из семи смертных грехов. Если бы не их кошмарная среда обитания, на этой планете было бы скучнее, чем в раю... Хм, а это мысль! Может быть, это я слишком нормальна? Возможно, я мысленно отфильтровываю все неприятное...*

Джимми Маккрей вздохнул.

— То, что она улавливает, определенно доказывает, что они не имеют ничего общего с такими хищниками, как мы. Интересно, зачем видам, которые никогда не лгут, не мошенничают, не воруют и не воюют, вообще нужен разум?

— Возможно, они переросли все это, — предположил Трис Ланкур.

— Или, скорее, пережили и уничтожили, — цинично заметил Дарквист. — Я отказываюсь расставаться со **всеми** своими предрассудками.

Умеют ли они любить? Существуют ли между ними близкие отношения? Известна ли им доброта, нежность, милосердие, жалость? Боже правый! Как я могу почувствовать, есть ли такие вещи у них, если не смогла увидеть их даже в себе самой и в том, кто принадлежит к моей собственной расе?

— Она отвлекается, задумывается, — предупредил их Джимми. — Не стану утверждать, что она потеряла самообладание, но уверенность в себе точно потеряла. Мне неприятно это говорить, но даже если мы на правильном пути, я не думаю, чтобы у нее хватило душевных сил справиться с задачей, и она тоже это знает. Ее мысли бродят по замкнутому кругу.

Трис Ланкур вздохнул.

— Ну ладно, выводи ее. Придется придумывать, как зайти с другой стороны. Она единственный эмпат, который у нас есть.

И в этот момент на командном мостике появилась Молли. Обычно она там не показывалась, особенно когда кто-то работал, но сейчас Маккрей ощутил, что она заскучала и начала чувствовать себя одиноко.

— Что вы делаете? — спросила она вежливо.

Внезапно все взгляды устремились на нее, и Джимми Маккрей уловил все их мысли одновременно — что было совсем не трудной задачей, поскольку мысли эти были практически одинаковыми.

— **Нет!** Даже и не думайте об этом, — сказал он, отвечая на их невысказанный вопрос. — У нее разум пятилетки.

— Возможно, для подобного задания это совсем не такой уж и недостаток, как кажется, — проговорил Трис Ланкур.

— В самом деле, — вступил в разговор Дарквист. — Она не станет тратить энергию на пустые размышления, почему невозможно то или это, насколько это чуждо и прочее в таком духе, или задумываться над собственными проблемами. Забавно будет, если окажется, что нам с нашими машинами мешали наши же знания и наш интеллект.

* * *

Было решено, что использование крошечного передатчика, по которому знакомый голос Джимми будет нашептывать Молли инструкции и слова ободрения, в данном случае будет оправданным, хотя теоретически он и мог отвлекать ее внимание. В любом случае, Молли никогда не могла справиться больше чем с одним делом одновременно, а ей страшно хотелось выяснить, что делает машина с красивым сиденьем, если это не будет больно и кто-нибудь будет говорить ей, что делать.

Трэннон Коуз без труда подключил к пульту дистанционное управление, благодаря чему им не пришлось объяснять ей, как работает эта штука, а Джимми получил дополнительный контроль.

— А теперь что делать, Джимми?

— Не разговаривай, просто думай про свои вопросы, — велел он. — Пузырь... оболочка делает слова бесполезными, но я всегда могу услышать тебя. А сейчас тебе нужно расслабиться и впустить в разум картинки. Да, вот так. А теперь... что ты видишь у себя в голове?

— *Солнце. Такое же, как на картинке на большом экране. Оно кажется очень горячим.*

— Оно действительно горячее. А теперь — помнишь, как ты узнаешь, что чувствуют мужчины, когда просто глядишь на них? Так вот, расслабься и сделай то же самое с этим солнцем.

Недоумение. Замешательство.

— *Не получится,* — пробормотала Гриста. — *Даже Молли не поверит, что в таком месте может кто-то жить.*

— Заткнись, Гриста, — прошипел он, хотя ее слова прозвучали эхом его собственных мыслей. Как бы там ни было, еще рано было сдаваться. Они должны хотя бы попытаться.

— Просто узнай, что чувствует солнце, Молли, — попросил он ласково.

Она пожала плечами; в голове у нее мелькнула мысль, что он ее разыгрывает, но она не могла отказаться.

— *Если ты просишь, Джимми, я попытаюсь.*

Мгновенный шок, опять недоумение, полное замешательство.

— Там люди! Как это, Джимми? Почему они не сгорают?

— Мы не знаем, — ответил он честно. — Именно поэтому мы здесь и находимся. Давай я подведу тебя поближе. Когда я буду готов, тебе, возможно, даже удастся различить кого-нибудь одного. Не кого-то особенного, а кого угодно. Посмотрим.

— *Смешное ощущение,* — сообщила она, скорее заинтересованная, чем испуганная. Ее замешательство полно-

стью исчезло, поскольку в ее мозгу сомнение сменилось фактом. — *Чепуха какая-то, Джимми. Они не такие, как мы!*

— Да, они другие. Именно поэтому с ними так трудно говорить. Взгляни на кого-нибудь из тех, кого ты ощущаешь. Посмотри, можешь ли ты понять, что он чувствует?

Она попыталась. Она пыталась изо всех сил.

— *Прости, Джимми, ничего не получается. Какая-то ерунда.*

Он вздохнул и отключил микрофон.

— Ничего нового. Она проникла туда, но для нее они такие же чужие. Если не считать детского изумления, она в таком же тупике, как и мы.

— Что ж, попытаться все же стоило. — Трис Ланкур вздохнул.

— *Интересно, почему им так грустно?*

Голова Джимми взметнулась вверх — он чуть было не забыл снова включить микрофон.

— Что? Что ты спросила?

— *Многим из них грустно, вот и все. Приходят другие, пытаются успокоить их. Но у них не очень получается. Может, я помогу? Пожалею... Ой! Я все испортила!*

Джимми внезапно пришел в такое волнение, что почти забылся.

— Нет! Нет! Ты все делаешь отлично!

Остальным он сказал:

— Она обнаружила, что некоторым из них грустно. Возможно, у них какое-то горе. Трудно сказать. Я не могу сам уловить это, даже через ее разум. Чувствую только ее реакцию. Она инстинктивно посочувствовала им — и они ощутили это!

— *Ой!* — повторила Молли. — *Все так переполошились! Думаю, я сделала что-то плохое!*

— Нет, нет, ты молодчина! — заверил он ее.

— *Пришла целая толпа. И еще, и еще! Они оглядываются. И что-то посылают наверх. Я не знаю, что они посылают. Что я сделала, Джимми?*

— Пожалей их еще. Так сильно, как только можешь.

Дарквист внезапно заерзал.

— Я очень боюсь, что мы только что положили начало новой религии, а сами стали в ней чем-то вроде богов. Вообразите, что произошло бы, если бы вы присутствовали на заупокойной службе по какому-нибудь усопшему родственнику и внезапно ощутили бы стократно усиленный поток любви и поцелуев откуда-то извне.

— Я бы принял его! — ответил Ланкур. — Мы не собираемся рассуждать с ними о философии и политике. Нашей задачей было установить с ними связь, и мы это сделали. Проецирующая эмпатия! Естественно, что никому это и в голову не

пришло! И нам тоже не пришло бы — если бы с нами не полетела бедная, милая, ребячливая Молли. Маккрей, возьми запасное кресло. Настройся с ней на одну волну. Я понимаю, что это все равно что хлопать по голове и тереть живот одновременно, но вдруг нам удастся получить что-то вроде мысленной картины сверху, пока они смотрят? Не связывайся разумами. Пошли только какую-нибудь простую мысль — приветствие, доброжелательность, — а она будет продолжать посылать то же самое на эмпатической волне. Короткий импульс. Не стремись получить ответ — мы знаем, чем это заканчивается. Пусть их реакцию почувствует Молли!

Джимми в два счета оказался в другом кресле, сказав Молли перед тем, как активировать защитный пузырь:

— Несколько минут я не буду ничего говорить. Продолжай посылать им свои добрые чувства. Я хочу попытаться поздороваться с ними, пока они смотрят на нас.

— *Хорошо, Джимми. Думаю, это будет замечательно. А то мне не нравится, что они посылают мне сейчас. Как будто я их хозяйка или что-то в этом роде.*

— Просто расслабься. Активация.

Он быстро вошел в канал, но ему пришлось положиться на Гристу, которая контролировала его биохимию, чтобы успокоиться и собраться. Это будет нелегко. Простой образ, простое приветствие. Открытые руки? Фигура бога? Нет, не пойдет. У них нет тел, не говоря уж о руках. Какие-то сигналы, возможно, просто ритмичный стук. Да, пожалуй. Ага, вот они. Он не мог следить за их реакцией телепатически, но чувствовал, что они страшно чем-то возбуждены. Поехали...

— *...тук... тук... тук-тук. Тук... тук... тук-тук-тук.* — Повторим... Еще раз... И еще.

Отключить пузырь, отключить энергию.

— Молли, что ты улавливаешь?

— Глупость какая-то... Они почему-то мигают мне. Полная чепуха!

— Черт побери! Мы сделали это! — закричал им Маккрей, нервно захлопав в ладоши, будто аплодируя самому себе. — Шифр — обычная арифметика. Но они поняли. **Они поняли!**

— Координаты зарегистрированы, — сообщил Дарквист.— Полагаю, что с этого дня это место станет священным, и к нему будут толпами приходить паломники. Можно отключать ее.

— Мне даже жалко это делать, — отозвался Джимми. — Все равно, как если бы тебе позвонил Бог, а потом оказалось, что нужно еще подождать, пока он перезвонит.

— Все лучше, чем убить их, — отрезал Трис Ланкур. — Они подождут. Мы сделали то, что нам было поручено.

Теперь наше дело — уносить отсюда ноги и сообщить нашим нанимателях о средствах и методах. Превратить это в диалог — это уже задача других: ученых, постоянных групп разработки, еще чьянибудь. На это могут уйти годы.

Энергетический пузырь вокруг Молли пропал, кресло отключилось. Она продолжала сидеть, глядя на них.

— Спасибо. Мне... мне кажется, то, что они ко мне чувствуют, как-то... **неправильно**.

Джимми Маккрей подошел и поцеловал ее, удивив и обрадовав девушку.

— Я сделала все как надо?

— Ты сделала все просто замечательно!

Гриста была как всегда практичной:

— *Скажи им, что за это ей причитается полноправная доля в команде, Джимми!*

— Угу, и звание тоже, — отозвался он со смехом. — Господи, как давно в последний раз у меня хоть что-то получалось!

ИНТЕРЛЮДИЯ: ЗОВ ИЗ АДА

Дарквист нашел Модру Страйк в ее каюте. Она лежала на койке, уставившись в потолок. Модра взглянула на существо, заполнившее собой весь проем люка, но ничего не сказала.

— Вид у тебя не слишком счастливый, — заметил Дарквист. — Все остальные празднуют окончание полосы несчастий. Это потому, что глупенькая маленькая синт сделала то, что не удалось тебе?

Модра вздохнула и покачала головой.

— Да нет, дело не в этом. Я рада, что мы справились с этим, — отчасти потому, что всем это было так нужно; отчасти оттого, что... в общем, приятно закончить на чем-то хорошем. Но ведь это была чистая случайность. Мне очень жаль, что это получилось у нас не в результате каких-то запланированных действий, а просто потому, что нам повезло.

— Ты демонстрируешь полное незнание истории великих достижений, — заметил Дарквист. — Практически все, кому удавалось совершить что-то очень важное и трудное, делали это — по крайней мере, отчасти — благодаря удаче и счастливой случайности. Сами по себе эти вещи лишь в очень редких случаях могут дать тебе желаемое, но без них весь твой упорный труд, страдания и усилия не приведут ни к чему. Таков порядок вещей. Мы рисковали, и на этот раз удача повернулась к нам лицом. Да, это было очень вовремя, но многим людям удача не улыбается **ни-**

когда. Мы потеряли телепата и были вынуждены взять первого, кто попался под руку, и именно он оказался владельцем этой синт, — которая вообще-то является лишь немногим больше, чем запрограммированным органическим роботом со встроенной способностью заставлять похотливых мужчин платить деньги за возможность совокупиться с ней. И однако, именно этот маленький Талант оказался ключом к решению задачи, которую не могли разрешить все мы, умные люди и еще более умные машины. И что же, после нашего первого настоящего триумфа, за который нас ждет слава, — пусть даже это **действительно** была счастливая случайность, — ты решила уйти от нас?

— Я вынуждена это сделать, — ответила она равнодушно. — Мне и в этот раз не стоило лететь с вами. Надо было пройти полный курс терапии и оставить это все позади, вместо того, чтобы проходить через эту... пытку. Наверное, дело в том, что хотя я, возможно, и действительно такая тупая, как думала, но уж точно не настолько сильная, какой всегда себя считала.

— О, ты по-настоящему сильная женщина, — ответил Дарквист. — Любая другая давно бросила бы это дело. Любая другая, взвалившая на себя такой груз, давным-давно съехала бы с катушек или пополнила бы ряды цимолей. Ты винишь себя за то, что ты не машина, Модра. Но ты же не машина, а даже машины делают ошибки, иногда очень крупные. Посмотри на беднягу Маккрея, прежде чем исчезнешь навсегда.

Она вздохнула.

— Знаю, знаю. Действительно, мне все-таки, наверное, живется получше, чем ему. Я бы скорее умерла, чем позволила себе стать чьей-то собственностью, а эта дрянь у него на спине, можно сказать, владеет его душой и телом. Должно быть, это ужасное ощущение, в особенности когда рядом постоянно находится такая секс-бомба. Но что толку думать о том, как ужасно живется другим людям? Я и так знаю, что большинство людей всю жизнь живет в такой нищете и безнадежности, каких я и представить себе не могу. Но это мало чем может мне помочь. Он хотя бы не сам виноват в том, что с ним случилось, это был несчастный случай на рабочем месте. И то, что случилось, случилось только с ним. Он не навредил никому другому. В этом-то все и дело, понимаешь? Мне не приходится жить с компьютером вместо мозгов и симулированной личностью. На моей спине не живет никакое существо, указывающее мне, что можно делать, а что нет. Я похожа не на Маккрея, а скорее на эту, гм... на этого его паразита.

— Я по-прежнему думаю, что ты зря решила уйти от нас,— сказало звездообразное существо. — Хотя это все же

лучше, чем видеть тебя **такой**. Как правило, мы не можем исправить свои ошибки, мы можем только учиться на них. Но — поступай так, как считаешь нужным. Что же касается Триса — понаблюдав за ним во время этой экспедиции, я часто задумываюсь вот о чем. Он, бесспорно, цимоль, и бесспорно, большую часть того, что мы видим, просто заново переписали в его голову, но все-таки я задумываюсь. Когда иллюзия превращается в реальность?

Она наморщила лоб.

— А? Что?

— У меня была одна френакс... прошу прощения, самым близким вашим словом было бы «родственница», что на самом деле не вполне точно, но достаточно близко... Хм... Как бы это получше объяснить... Пожалуй, отвлечемся от того, что произошло в действительности, и будем разговаривать в человеческих терминах. Преступление, в котором обвинили мою... родственницу, соответствует у вас кровосмесительному изнасилованию. Доказать было ничего нельзя, поэтому глава клана тайком договорился с одним из наших немногочисленных гипнотов, чтобы тот под каким-нибудь благовидным предлогом посетил ее. Доказательства, полученные таким способом, разумеется, не могут быть приняты в суде почти нигде, но гипноту удалось подтвердить деяние, загипнотизировав не обвиняемую, но изнасилованного ей ребенка.

Модра села.

— Что? Женщина изнасиловала мальчика? Однако!

— У дарквистов такое встречается. Как бы то ни было, взяв со всех членов клана клятву молчать и пообещав гипноту огромную награду, глава клана уговорил его нарушить закон и произвести над этой... родственницей некую работу, так, чтобы следов нельзя было обнаружить. Клан опоил мою родственницу, потом ее поместили в одну комнату с гипнотом, и он поработал с ней. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что находится в теле одной из своих жертв. Ребенка уже увезли, и по общему согласию клан обращался с моей родственницей так, как будто это она была этим мальчиком. Ей казалось, что на нее обрушилась какая-то сверхъестественная месть. И вот, проживя несколько месяцев в этой иллюзии, она действительно превратилась в мальчика — вещь неслыханная, хотя, разумеется, с точки зрения биологии такое возможно.

— Разумеется, — ответила она, надеясь, что это прозвучало не очень саркастически.

— Да, но суть моего рассказа в том, что здесь иллюзия, созданная из мести, стала реальностью. У моей расы женщины занимают главенствующее положение — по женской линии ведут происхождение, наследование и много других вещей. Позже

моя родственница случайно узнала, что произошло на самом деле, но это ничего не изменило. **Она** уже стала **им**, и таким и осталась.

— Это очень интересно, — сказала Модра, — но полагаю, что в этой истории есть мораль и для меня?

— Возможно. Мы считаем мозг священным, хотя и не знаем, кто такие Хранители, не говоря уже о том, чтобы понимать технологии, позволяющие им создавать цимолей. И все же мы считаем мозг чем-то особенным. Если мы лишаемся какой-то части тела, то всегда можем отрастить ее заново — или, в случае вашей расы, ее можно отрастить при помощи медицинской процедуры. Если наши внутренние органы по какой-либо причине оказываются поврежденными, их можно заменить синтетическими, которые работают ничуть не хуже. А ведь наши мозги — просто сложные органические компьютеры, и больше ничего. Лишь данные, опыт, который хранится в них, делает их уникальными. Разумеется, мы становимся теми, кто мы есть, благодаря генетическим процессам, но к нашему теперешнему возрасту это развитие обычно уже заканчивается. Теперь смотри. Врачи взяли данные и воспоминания из памяти Триса. О его поведенческом стереотипе они узнали от нас. Потом все это закачали в компьютерный мозг, и теперь он содержит в себе все то, что раньше было Трисом. Несомненно, не все так просто — есть еще химические раздражители, эмоциональное взаимодействие, — но в своей основе перед нами Трис. Все, что было в нем раньше, осталось. Это иллюзия? Или это настоящий Трис? Со временем он все больше и больше становится прежним Трисом.

Она задумалась.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Не знаю. Но если ты говоришь все это, чтобы ободрить меня, то не стоит. Ты забываешь, Дарквист, что я эмпат. Неважно, сколько в нем от прежнего Триса, — пусть даже он там весь, и втайне наслаждается тем, что ему удалось поквитаться со мной, — для меня его все равно что нет. Это словно дыра в том месте, где он должен быть, или, скорее, словно какая-то голограмма. Если бы я могла **чувствовать** его, как чувствую тебя, Трэна, Маккрея, или даже эту паразитку у него на спине, я могла бы продолжать жить с этим — если не считать чувства вины. Но я не могу. Я ухожу, и все тут.

— Ладно. Тогда нечего об этом больше и говорить.

— Э-э... один вопрос.

— Да?

— Я никогда не задумывалась над этим, но тут... Скажи, какого ты пола?

— Ну... мужского, разумеется. Мне казалось, это очевидно. Если бы я был женщиной, зачем бы мне было

колесить по галактике, жить в окружении чужаков, вдали от своих, пытаясь стать независимым?

Она достаточно долго общалась с другими расами, и поэтому не удивилась этому рассуждению. В конце концов, мотивы Дарквиста не очень отличались от ее собственных.

— Э-э... прости за любопытство, и если я веду себя бестактно, просто пошли меня подальше, но... ты, случайно, не был одной из жертв той твоей родственницы, нет?

— Конечно, нет!

Дарквист вышел и отправился вниз, в кают-компанию, оставив ее в одиночестве. Она была несколько потрясена разговором, но все же он заставил ее задуматься и над кое-чем еще, кроме собственных проблем.

Дарквист, как всегда, забыл, что она эмпатка. Большинство людей никогда не задумывались о том, кто такие эмпаты, разве что когда пытались обмануть или перехитрить. Отвечая на ее последние вопросы, он говорил правду, но оба раза в его ответах проскользнуло что-то такое... Чувства, которые она уловила в нем, она могла истолковать всего лишь двумя способами, и один теперь можно было исключить. Это объясняло многое, что всегда казалось загадочным в Дарквисте, и подсказывало ей, что звездообразное существо тоже несло на себе тяжкий груз вины.

Поскольку выяснилось, что он не был одной из жертв, оставалась лишь одна возможность — он был преступницей.

* * *

Члены команды собрались в кают-компании, терзаемые опасениями, поскольку подобные собрания **после** выполнения поручения устраивались редко — как правило, лишь в экстренных случаях. Мысли у всех в основном крутились вокруг возможности того, что во время выброса корабль получил более серьезные повреждения, чем они посчитали сначала, однако в этом случае при объявлении общего сбора чувствовалась бы спешка, а ее не было.

Трис Ланкур не заставил их долго ждать.

— Чуть больше часа назад мы получили по подпространственному лучу общий вызов на аварийной волне,— начал он. — Сообщение очень странное, но... нет, сначала прослушайте его сами. Компьютер! Воспроизвести запись сообщения!

«...всем судам Биржи. Говорит исследовательское судно „Вабаф". Координаты на специальной карте пограничной зоны один один четыре восемь два дробь пять. Координаты обозначают Радужный Мост. Прошу помощи. Они все мертвы.

Они все здесь, с демонами, и они все мертвы. Остался только один. Не могу выйти. Приближаться крайне осторожно, На минимальной мощности. Всем судам Биржи. Приближаться осторожно. Демоны на Радужном Мосту. Координаты...»

— Похоже, кто-то совсем спятил, — заметил Джимми Маккрей. — Или это какая-то ловушка. Это довольно близко к границе — почти что ничья земля.

Трис Ланкур кивнул.

— Тем не менее, мы поймали вызов и должны что-то сделать. Я послал на базу сообщение, но пройдут часы, если не дни, прежде чем оно дойдет и оттуда кого-нибудь отправят. Я не имею понятия, есть ли в этом секторе другие корабли Биржи, но мы проверили координаты, и выяснилось, что если мы сейчас повернем, то, поскольку мы приближаемся к отмеченному на карте пространственно-временному тоннелю, мы сможем добраться дотуда меньше чем за три дня.

— Только этого нам еще не хватало, — прокомментировал Дарквист. — Я бы сказал, что нам не стоит за это браться. Пусть им помогает кто-нибудь, кто лучше вооружен и находится в лучшей форме.

По-видимому, он выразил общее мнение, но Ланкур был готов к этому:

— Судя по тому, как скакал этот луч, я могу заключить, что сигнал был разослан во всех направлениях. Тот сектор границы довольно опасен. Справа от него лежит участок, на который претендуют миколианцы, а на участок прямо за ним — мицлапланцы. Пятьдесят шансов на пятьдесят за то, что сообщение будет перехвачено кем-нибудь из них, если не теми и другими сразу. А поскольку, как справедливо заметил Маккрей, эта территория ничейная, туда тут же слетится куча всяких негодяев, прежде чем до нее успеет добраться кто-нибудь из наших. Стоит кому-нибудь из них первым отреагировать на этот сигнал бедствия, и права с легкостью перейдут к другому.

— Тем более стоит забыть, что мы его слышали,— заметил Трэннон Коуз.

Ланкур вздохнул.

— Мне очень хотелось бы, но я не могу. Как вы все знаете, я больше не хозяин себе на все сто процентов. Будь это частный вызов, я еще мог бы проигнорировать его, но «Вабаф» не просто судно, ходящее под флагом Биржи, — оно находится в собственности и под управлением самой Биржи. А если затронуты интересы Биржи, я обязан забыть о собственных интересах. У меня не остается выбора.

— Зачем тогда было созывать собрание? — спросил Трэннон Коуз.

— Потому что я не обязан тащить вас с собой. Мы можем остановиться, и я возьму челнок и отправлюсь один. На это, правда, уйдет несколько лишних дней, но если перед нами появится превосходящий нас по численности противник, вы сможете убраться, оставив меня. — Он немного помолчал, потом добавил: — Разумеется, если вы будете участвовать, вы определенно сможете потом потребовать вознаграждения за спасение. Мне, конечно, хотелось бы работать в команде, но я не могу вас заставлять. Однако должен предупредить, что если я отправлюсь один, то мне придется действовать как агенту Хранителей, а не как члену команды, и все, что я найду, станет собственностью государства. Если же команда примет участие в ответном рейде на сигнал бедствия, она сможет претендовать на все, что найдет.

— Если только нас не обдурят, каждый из нас должен получить уйму денег за Горячий Цех, — напомнил Джимми Маккрей. — Опаснее работы Первой Команды может быть только спасательная операция. Если бы мы потерпели неудачу, или если бы в опасности была другая команда, я еще занялся бы этим, но гоняться за правительственным исследовательским судном, когда мне вот-вот должны заплатить кругленькую сумму...

— Ты получишь свои деньги, Маккрей, — ровно сказала Модра. — Он говорит дело, Трис.

— Что ж, ладно, я отправляюсь один. Но хотя деньги за Горячий Цех и избавят нас на какое-то время от работы Первой Команды, позволят подлатать «Делателя вдов», и даже, возможно, отдохнуть и развлечься где-нибудь, это все, на что их хватит. Мы так и останемся дочерним предприятием. Наемниками. — С этими словами он взглянул на Модру. — Я подумал, что, возможно, нам понравилось бы самим быть себе хозяевами.

— Да, это не помешало бы, — признал Дарквист. — Но после того, как нам выпала первая на долю этой команды удача, мне боязно испытывать ее и дальше.

— В том, чтобы быть наемным работником, есть свои плюсы, — заметила Модра. — И потом, вероятность того, что там действительно найдется что-нибудь стоящее, довольно мала.

— Возможно, — сказал Трэннон Коуз задумчиво. — Но я не слишком-то верю в удачу, равно как и в неудачу, и мне кажется подозрительным, что наши заказчики решили удержать это дело при себе, а не выставить на торги на Бирже. А если нам понадобится поддержка, то с положением Триса мы сможем вызвать себе на помощь весь военный флот.

Джимми Маккрей пожал плечами:

— Вообще-то, нам все равно лететь в ту сторону. Почему бы и нет?

— Я полечу туда, куда скажет Джимми, — пискнула Молли.

Ланкур обвел их взглядом.

— Дарквист?

— Действительно, почему бы и нет? А вдруг мы попали в полосу везения?

— Я говорю «нет», — ответила Модра твердо.

— Со мной трое, или даже четверо, против одного, — отозвался Ланкур. — Команда будет действовать как команда. Модра, если ты не хочешь принимать в этом участия, ты можешь дать расписку, что не претендуешь на то, что мы найдем, и остаться на борту.

Она вздохнула.

— Да нет, я в деле. Интересно только, что вы скажете этим демонам.

Книга II

МИЦЛАПЛАН: ЗОЛОТАЯ КОМАНДА

БОЛЬШАЯ ИГРА

Пересаживаться из космического корабля в запряженный лошадьми экипаж было как-то странновато.

Извозчик, средних лет херувим с косматыми бакенбардами и сизым бесформенным носом, выделявшийся из толпы также благодаря крошечным глубоко посаженным глазкам, оглядел потенциального седока с некоторым отвращением. Этот парень был совершенно не похож на тех, кто обычно уезжал из космопорта, тем более на этой планете. Конечно, он мог просто приходить сюда по делу, но даже в этом случае его одежда вызывала большие сомнения.

Пассажир был среднего роста, но казался крупнее. Такую внешность обычно называют внушительной — вот только она была не того рода, что внушает еще и уважение. Он был мускулистым, худым, но не тощим; у него была смуглая оранжево-коричневая кожа и монголоидные черты лица, но на щеках пробивалась трехдневная щетина, слишком густая для монголоидных типов. Уже одно это само по себе придавало ему неряшливый и какой-то неподходящий вид, а сюда стоило прибавить еще и давно требовавшие стрижки иссиня-черные волосы до плеч, и просторную хлопковую рубаху со штанами, в которых он к тому же явно спал ночью, и грязные ногти, отросшие настолько, что походили скорее на когти. Да и совершенно не уместные на таком лице яростные голубые глаза стального оттенка определенно добавляли сомнений в чистоте его происхождения — хотя полеты в космос, как правило, были семейным предприятием и легкие мутации не были чем-то из ряда вон выходящим. От него даже пахло как-то... противно, и извозчик призадумался, а стоит ли вообще брать такого пассажира, который того и гляди провоняет весь экипаж.

Странный человек остановился у дверцы коляски, поднял голову и сказал:

 — Извозчик, в Сент-Гри.

Возница удивленно приподнял кустистые брови.

— Но это же Святое Прибежище!

— Я знаю. И выбери дорогу подлиннее и поживописнее, если такая есть. Я слишком долго просидел взаперти в консервной банке, и теперь мне нужно подышать свежим воздухом и увидеть зеленые поля, голубое небо и горизонт без всяких стен.

С этими словами космолетчик вошел и уселся на сиденье, и возница, вздохнув и покорившись судьбе, дернул вожжи, понукая лошадь.

Это была открытая повозка, хотя обычно экипажи были крытыми. Если ты в любую погоду торчишь в космопорте или поблизости от него, приходится терпеть открытую повозку, и именно по той причине, которую назвал неприятный тип. Нужно очень любить космос, чтобы годами заниматься этой работой, но все же в человеческой психике есть что-то такое, что требует чистого воздуха и открытого неба над головой, и когда космолетчикам выпадает возможность получить это, они ни за что не наймут крытый экипаж, если можно этого избежать. Каждый возница мог порассказать массу историй про то, как космолетчики сидят в повозке под дождем, промокнув до нитки и, судя по всему, наслаждаясь каждой мерзкой секундой.

Но все же среди них редко попадались такие оборванцы, как этот. Обычно, садясь на планету, они всегда старались приодеться. И он не мог припомнить, чтобы кого-то из них когда-нибудь посетило желание побывать в Святом Прибежище, как бы они ни выглядели.

Космолетчик расслабился и, вытянув ноги, откинулся на мягкую спинку сиденья, потом полез за пазуху и вытащил видавшую виды коробочку, откуда извлек длинную и толстую сигару. Это только усилило производимое им впечатление совершенно антиобщественного типа — здесь не курил почти никто, как из-за вреда здоровью, так и потому, что достать табак было не так-то легко даже в тех немногих местах, где курение не было запрещено. Но космолетчики зачастую отличались кое-какими эксцентричными и даже отталкивающими привычками, пользуясь послаблениями, позволенными им в награду за жизнь, которую они вели.

Примерно через полчаса езды все современное осталось позади. Дорога была наезженной и поддерживалась в хорошем состоянии, но это была всего лишь утрамбованная земля, а через реки и ручьи были переброшены крытые мостики. По обеим сторонам дорогу окаймлял буйный зеленый лес, но там и сям он расступался, открывая уходящие вдаль холмы и ухоженные фермы, у которых паслись стада. Здесь не было ничего моторизованного, все приводилось в действие лишь ветром, водой или мускульной силой; и не было ничего стандартного, за исключением самого общества.

Этот мир не походил на другие миры, у него были свои земля и климат, растительность и животный мир, но было также и нечто, что объединяло его со всеми остальными мирами Мицлаплана.

Единый Народ, Единая Вера, Единый Путь. Это было легче сказать, чем сделать — особенно это касалось последнего, — если учесть, какие расстояния и различия разделяют людей Святой Империи и их миры, но все же это было действительно так. Нужно было только делать поправку на местные особенности.

Это и в самом деле было очень удобно для тех, кто разделял это кредо: единство культуры, включавшее один и тот же набор убеждений и верований, и один язык повсюду, вне зависимости от того, насколько далеко от дома тебя заносило.

Этот мир назывался Террой, как и родной мир космолетчика; все остальные миры Империи, в которых он побывал, населяли люди, покрытые чешуей, люди со щупальцами, люди, похожие на ящериц, люди, похожие на камни, и люди, вообще ни на что не похожие. В Мицлаплане эволюционное происхождение вида и его биология не имели значения. Рас было множество, но Народ был Единым. Это очень впечатляло.

— Далеко еще до Прибежища? — через некоторое время спросил он возницу.

— Порядочно, господин. Еще самое меньшее минут тридцать-сорок.

Он не чувствовал за собой вины, погнав извозчика так далеко за город. Это было его извозчичьей работой, точно так же, как его собственной работой было быть капитаном «Клятвы Гурусу». Этой должности он был удостоен за заслуги и многолетнюю упорную работу и службу. Его выбрали для этой карьеры после Экзамена в возрасте двенадцати лет и, едва только ему исполнилось тринадцать, отправили в Космическую Академию. Через десять лет напряженной учебы и воспитания в строгом монастырском духе без каких-либо перерывов, не считая нескольких поездок домой, навестить родственников, ему присвоили офицерский чин и назначили на низшую должность на грузовой корабль, курсировавший из одного ничем не примечательного места в другое точно такое же. После этого он больше не бывал дома; его поездки туда и без того с каждым годом становились все реже и реже. Тот мир был примитивным миром кочевников-пастухов с суровым холодным климатом; его же миром теперь стали компьютеры и высокие технологии, а с сородичами его больше не объединяло ничего, кроме генов.

С годами, благодаря своим знаниям и способностям, он начал приобретать слишком много свободы. Таких, как он, называли большими крысами, по названию древнего бедствия,

которое настолько давно утратило исторический смысл, что теперь уже вряд ли кто-то вообще помнил, что это такое. Он стал пресыщенным, небрежным по отношению к своей внешности и привычкам, настоящим неряхой. Он понимал, что по большей части это был просто бунт против долгих лет, когда он был таким, как все, но ему было все равно. Он побывал в тысяче миров и видел в них почти все, что можно было увидеть. Он бывал даже у язычников — в империях Миколя и Биржи. Первая всегда пугала его, вторая же совершенно выводила из себя своим акцентом на накопление богатств, своим обществом, плывущим без руля и ветрил морали, и абсолютно материалистическим и беспорядочным мировоззрением. Практически единственным, что объединяло миколианцев и мицлапланцев, была их неспособность представить себе, что кто-то действительно может жить на территории Биржи — без корней, без устоев, даже посреди огромного города не имеющий возможности рассчитывать ни на кого, кроме самого себя.

Конечно же, у всех трех империй было и еще кое-что общее. Он хорошо помнил, как впервые увидел ничем не отличающихся от него терран, которые были не из Мицлаплана. Именно тогда он понял, что люди из одной генетической семьи могут быть более чуждыми друг другу, чем представители разных рас и разных миров.

Разумеется, терране были не единственной расой, обитающей в Трех Империях, но они, похоже, были самой крупной из подобных им рас — путешествующих в космосе, вырвавшихся из собственных миров и расселившихся за их пределами, основавших относительно большие государства и считавших себя повелителями мироздания — до тех пор, пока не наткнулись на мицлапланцев, миколианцев или биржанцев. Космическая география и неудачное стечение обстоятельств разбросала и его собственных предков по всем трем империям, в результате чего на расу и облик внимание обращали лишь в самую последнюю очередь.

Это задание вызвало у него прилив раздражения. Приняв груз на борт, капитан брал на себя определенные обязательства; он терпеть не мог, когда ему приходилось выгружать груз посреди маршрута и просить другие корабли подобрать его, но не выполнить подобный приказ было нельзя.

Узнав, что большая часть Длани находится в Прибежище, он тоже не очень обрадовался, поскольку задание было срочным. Когда Святые находились в Прибежищах, они были отрезаны от всего современного, что означало поездку за город на извозчике и личный контакт. Это тоже не слишком-то ему нравилось. Он предпочитал стандартные задания, вроде проверки только что открытых миров, оценки их потенциала и обнаружения скрытых опасностей или, возможно,

какой-нибудь колонии, по случайности не вошедшей ни в одну из трех великих империй, которую необходимо было передать в лоно Мицлаплана, пока она не попала в руки язычников и не погибла навеки.

Извозчик все-таки не удержался, чтобы не вступить в разговор.

— Вы работаете со Святыми? — спросил он, пытаясь представить себе подобного типа среди божьих избранников.

— Да — когда я им нужен, — ответил он. — Что же до того, почему они выбрали такого человека, как я, если тебя это интересует, то я понятия не имею. Они говорят, что я даю им перспективу. Они проводят большую часть жизни в божественном мире или среди праведников вроде тебя. Я же служу для них постоянным напоминанием о том, во что могут превратиться люди, если они будут плохо делать свое дело.

Извозчик собрался было обернуться, но потом раздумал, хотя ему и очень хотелось поглядеть, шутит пассажир или нет.

Они выехали из-за поворота, и перед ними внезапно раскинулось Святое Прибежище, расположенное в широкой тенистой долине. Капитан никогда прежде не видел Святого Прибежища, и его аккуратно подстриженные лужайки, ухоженные парки и внушительные здания произвели на него впечатление. Дорога проходила мимо большой спортивной площадки с беговой дорожкой, которая ничуть не уступала любой из виденных им прежде. Поодаль располагался большой открытый плавательный бассейн, окруженный многочисленными более мелкими бассейнами, над которыми поднимались клубы пара, что говорило о наличии в этой долине горячих источников. В центре долины возвышался большой, но довольно примитивный на вид храм с общежитиями и хозяйственными постройками в точно таком же стиле, только из дерева. Если бы это место не было религиозным центром, он и сам был бы не прочь отдохнуть здесь недельку.

Людей поблизости было не очень много, но те, кого они видели, без сомнения отдыхали и развлекались. Было большим утешением видеть, что Святые тоже время от времени расслабляются — по крайней мере, в рамках своих ограничений.

— Здесь есть свой Ангел? — спросил он извозчика.

— Да, господин, — с гордостью ответил тот. — Я и сам молюсь здешнему Высокочтимому; он обитает в главном алтаре вон в том храме.

Капитан не без трепета взглянул в направлении, указанном возницей, хотя смотреть там было совершенно не на что. Он был заправским циником, любящим все земные блага, а также профессиональным грешником, и сам знал это, но это не мешало ему быть истинно верующим. Все, кроме божьих избранников, жили в грехе и умирали в грехе, и спасти их могли лишь ми-

лость и прощение богов, даруемые через избранные сосуды совершенства, Ангелов Мицлаплана.

Однако для него самого дальнейшее продвижение к спасению откладывалось по меньшей мере до следующей жизни, поскольку именно та его исключительная особенность, из-за которой на него пал выбор Длани Святой Инквизиции для выполнения этого поручения, навсегда заказывала ему дорогу к святости. У всех прочих оставалась хотя бы крошечная надежда на мгновенное очищение и обновление — у всех, кроме немногих таких же, как он. В былые времена таких провозглашали проклятыми, посланцами зла, и убивали, но последний запрет Высокочтимых спас его и остальных таких же от подобной судьбы, хотя ему пришлось всю жизнь вкалывать за троих, чтобы доказать свое рвение и веру.

Для разумного человека не оставалось выбора. Расы и народы Биржи лицемерно поклонялись миллионам разных богов и божков, практически все из которых были выдуманы ими по своему образу и подобию для служения их нуждам. Многие биржанцы, если не большинство из них, вообще не верили ни во что.

Миколианцы же, с другой стороны, поклонялись силам зла и тьмы и служили им, поскольку они были неизменными, и хотя он так и не мог понять, какую пользу это приносило, и уж точно не хотел бы такой жизни для себя, но по крайней мере, они были непоколебимы в вере. Миколианцы шли по пути тьмы потому, что во тьме родились и во тьме выросли. У мицлапланцев же не было ни сомнений, ни вопросов, ни хаоса и никаких ритуалов темных богов, которые бы не обращали на своих адептов никакого внимания. Очень возможно, что большинство из миколианцев в глубине души питали ничуть не больше веры в своих богов, чем биржанцы, но, по крайней мере, у них не было неразберихи.

Но здесь, в Мицлаплане, ни один разумный человек не усомнился бы в истинности своих верований и системы. Да и как это было бы возможно, когда Ангелы жили среди верующих, верша правосудие и милосердие, и были равно доступны и великим и малым, каждый день, через божьих избранников?

Экипаж подъехал к кампусу, потом покатил по дороге, идущей вдоль беговой дорожки, и они с возницей, оба простые смертные, увидели Святых. Обычный народ, как они двое, был облачен в простую мешковатую одежду, полностью закрывавшую тела. Женщины носили длинные и такие же простые платья почти безо всяких украшений, чтобы смирять искушения плоти и не вызывать ничьей зависти. Но Святые представляли собой совершенно иную картину, поскольку были чисты ото всех грехов и не могли совершить никаких грехов в будущем.

Не все Святые выглядели так замечательно, как эти образчики, но это были сливки общества, совершенные люди: мужчины все как один стройные, сильные и красивые — образцы мужского физического совершенства, женщины такие же сильные, но ошеломляюще, естественно прекрасные — воплощение женского физического совершенства, отражающего совершенство их душ. Одежды Святых были облегающими, часто даже откровенными, ибо им было совершенно нечего скрывать и они не могли поддаться искушению.

Возница со вздохом окинул взглядом одну обладательницу особенно пышных форм, одетую только в обтягивающий пуловер и коротенькие шорты для бега.

— Должен признаться, терпеть не могу сюда приезжать, — сказал он капитану. — Подобные картины вызывают во мне в высшей степени греховные мысли, а вид этих бугрящихся мужских мышц будит зависть, и я против воли начинаю думать, что это зряшная трата такой красоты.

Капитан улыбнулся. Он очень хорошо понимал, о чем ему толкует этот малый, но не удержался от искушения походя сыпануть соли ему на рану, исключительно ради удовольствия.

— Ты считаешь, что это все зря? Что стать Святым и достичь духовного и телесного совершенства — зло и грех? Они — образцы, похожими на которые мы должны попытаться стать, милейший. Их физическое совершенство — дар богов, предназначенный именно для этой цели. Ты полагаешь, что боги заблуждаются?

— Нет, нет, добрый господин, — забормотал извозчик, тут же принявшись оправдываться. — Боги поместили наши души в эти порочные тела, и именно тело сказало эти слова. Ведь я не совершенен и не всегда могу контролировать, что оно мне говорит.

Капитан рассмеялся.

— Успокойся и не переживай! Я и сам часто чувствую то же самое. Я пошутил, вот и все. Попробуй побыть взаперти на космическом корабле с одной или несколькими женщинами, которые выглядят в точности так, как твои самые грешные фантазии, и знать, что они не для тебя. Сначала я даже боялся, что сойду с ума, и даже сейчас мне удается пережить это, только пойдя на соглашение с моим разумом. Скажи, ты женат?

— Да, господин. Следующей весной уже тридцать лет будет.

— Так значит, ты любишь свою жену?

— Ну конечно же!

— И дети есть?

— Шестеро, господин. Два мальчика и четыре девочки — они уже почти все выросли, но такими можно только гордиться.

— Ну тогда, пожалуй, тебе стоит перестать чувствовать себя таким виноватым из-за того, чего ты все равно не можешь получить, и удовольствоваться тем, что имеешь, что в каком-то смысле ничуть не хуже, чем эти святые. Благоразумие не дает грешить.

* * *

Они остановились у невысокого деревянного домика, и капитан, выйдя из коляски, поблагодарил извозчика и начал подниматься по лестнице. При этом никакие деньги не перешли из рук в руки и не было сделано никаких записей.

Подобные вещи в Мицлаплане не существовали. Каждый выполнял работу, для которой теократическая бюрократия сочла его наиболее подходящим, и каждый имел равные права на труд других. В империи, пусть даже и протяженностью в неисчислимые световые годы, где Церковь и Государство были единым целым, тунеядства не существовало, как не могло существовать и фундаментальных разногласий.

Вот для этого люди вроде капитана подходили лучше некуда. Удаленный от вездесущей общественной и социальной системы, он чувствовал меньшее давление и ощущал себя более независимым. В мицлапланском обществе такой индивидуализм считался грехом, и очень тяжким, но его, скрепя сердце, все же прощали, если индивидуалист был полезен и состоял на службе у Системы.

Это Прибежище было в основном терранским. Не то чтобы другие расы здесь не приветствовались и подвергались гонениям, просто у всех у них были различные физические потребности и нужды, от еды до удаления отходов и от методов тренировок до способов отдыха. Морок Святой Ладу, командир их Длани, к примеру, был старгином — похожим на птицу существом с полыми костями, которые при определенных условиях становились весьма хрупкими, поэтому в любом случае предпочитал Прибежище на планете, где можно было летать. За Мороком он собирался заехать по пути на Звездную Базу Гриншин. Остальные два члена команды, семейство Кли, были лебурами и ничуть не более святыми, чем он, поэтому остались ждать его в космопорте.

Однако здесь можно было встретить и представителей нескольких других рас, которые могли жить в тех же условиях, что и терране.

В присутствии Святых, особенно незнакомых, капитан всегда чувствовал себя неуютно. Загорелый парень с буграми мышц и роскошными волосами, который сидел за большим столом в приемной, казался слишком великолепным, чтобы быть настоящим. Впрочем, как и все остальные здесь. Лишь немногие из миллиардов мицлапланцев знали или хотя бы слышали о

генной инженерии. Капитан принадлежал к этим немногим и в подобных местах с тайным и виноватым удовольствием обнаруживал, что и эти образчики совершенства должны упорно трудиться, чтобы так выглядеть.

Капитан остановился перед красавцем, слегка поклонился, заметив, что мизинец на правой руке секретаря отливает металлической зеленью с красной полосой вокруг сустава — небожитель, которому нет никакого дела до других, — потом представился:

— Капитан Ган Ро Чин, с «Клятвы Гурусу», Святой. Мне приказано прервать уединение Савина Святого Пешвы, Криши Святой Мендоро и Маньи Святой Сцин. Длани Святой Инквизиции Мицлаплана приказано немедленно собраться.

Красавец оглядел капитана с ног до головы с той же брезгливостью и ясно отразившимся в глазах желанием сбегать за дезинфектантом, что и некоторое время назад извозчик. Такое появление было неслыханным, равно как и то, что кто-то из простых смертных, а не Святых, прибыл, чтобы вызвать божьих избранников. Но все же ему и в голову не пришло подвергать слова незнакомца сомнению. Приказ богов есть приказ, и ни один смертный не осмелился бы прийти сюда, если сами боги не приказали ему сделать это.

Великан быстро записал имя в блокнотик.

— Хорошо. Присядьте, капитан, и подождите. Мне нужно узнать, где они могут находиться, и отправить за ними гонцов.

— Как прикажете, Святой. Однако, с вашего разрешения, я предпочел бы подождать на улице, а не здесь. Когда большую часть жизни проводишь в металлических стенах, стараешься не упустить ни малейшей возможности побыть на свежем воздухе и открытом пространстве.

— Разумеется. Идите. Только не уходите далеко, я вызову их сюда.

Его явно переполняло облегчение от того, что ему не придется терпеть этого грязного субъекта в своей до скрипа вылизанной приемной.

Ган Ро Чин вышел и несколько минут посидел на деревянных ступеньках, наслаждаясь мирной картиной. Он вытащил еще одну сигару, откусил кончик и поджег ее видавшей виды зажигалкой, некогда украшенной красивой гравировкой, но теперь настолько выцветшей, помятой и исцарапанной, что разобрать что-нибудь почти не представлялось возможным. Строго говоря, курение не считалось грехом, но оно суждалось культурным — то есть всем — мицлапланским обществом и считалось вредной для здоровья привычкой.

Капитан понимал, что управляющего встревожили не только его вид и манеры. Скорее всего, он был телепатом, способным читать по меньшей мере мысли первого уровня у всех,

кроме других телепатов — а в таком случае он всегда ощутил бы блокировку. Для такого телепата Ган Ро Чин был страшно неприятен, просто потому, что у телепата появлялось ощущение, будто его лишили одного чувства. Чина можно было видеть, слышать, обонять и осязать, но для телепата он был мертв. Чин не был телепатом и не мог блокировать телепатическое излучение, но он был «островом», официальной категорией Нуль. В этом и заключалась его ценность для системы, ибо Нули были редчайшей из всех известных ментальных мутаций.

Люди с различными паранормальными способностями встречались не так уж редко. Это пошло еще с прошлого, от космических команд, проводивших на кораблях год за годом, подвергаясь действию неизвестных сил и излучений. Продолжительное облучение приводило к многочисленным изменениям, часть из которых была положительными, часть неблагоприятными, а некоторые носили лишь внешний характер. Как правило, люди со схожими изменениями скрещивались, по сути давая начало новым субрасам. Но основной интерес вызывали не столько физические, сколько ментальные изменения. И вот посредством селекции были также созданы субрасы, физиологически ничем не отличавшиеся от остальных, зато обладавшие некоторыми ментальными способностями, не свойственными обычным людям.

Савин был месоком — огромным гуманоидным существом с жесткой резиновой кожей, как у рептилии, и злыми желтыми глазами, точно у гигантской кошки. Пальцы на его больших костлявых руках и ногах заканчивались присосками, а громадные уши-тарелки казались приклеенными к макушке угловатой головы. Вид у него был довольно пугающий — черно-зеленый, с чудовищными зубами, торчавшими изо рта, даже когда рот у него был закрыт, он походил на исчадие ада.

Савин был эмпат; обмануть его было практически невозможно, поскольку он улавливал эмоции, а также в какой-то степени мог и передавать их. Он мог успокоить панику, расшевелить целую толпу или заставить другого радоваться без причин. Он мог почуять любую ложь или вину. Из эмпатов получались лучшие проповедники, теологи и психологи, и для Инквизиции они были неоценимы.

Криша была терранкой — темнокожая и черноглазая красавица-телепатка. Насколько хорошим телепатом она была, знала лишь она сама. Средние, единственные «официальные» телепаты могли читать лишь поверхностные мысли и передавать собственные только на ограниченные расстояния. Лучшие могли улавливать даже слабые потоки мысленной энергии, исходящие от существ, не принадлежащих к их собственным расам, а иногда и примитивные мысли существ, еще не открытых, но уже готовых броситься на тебя в каком-нибудь чужом мире. Однако считалось, что ни одному телепату не

под силу проникнуть глубже первичных, или поверхностных, мысленных волн, туда, где скрывалось то, что люди обычно предпочитали оставить скрытым. Так «считалось», но Чин видел, как Криша и другие телепаты, войдя в физический контакт с предметами своего изучения, казалось, пробирались в самую сокровенную глубину их душ.

В службе безопасности телепатами были все.

Манья принадлежала к расе гноллов, совершенно чуждой терранам, но с виду очень похожей на них — по крайней мере, для нетерран. Гноллы были приземистыми пузатыми коротышками с раздвоенными змеиными языками, огромными выпученными глазами, торчавшими с обеих сторон головы, и шершавой серой кожей, похожей на слоновью шкуру. Но они могли питаться той же пищей, что и терране, отличались такой же любовью к сладкому, обладали сходными биологическими системами и, с точки зрения эволюции, отстояли друг от друга вовсе не так далеко, как могло показаться на первый взгляд. Разумеется, хотя ни один терранин не счел бы Манью королевой красоты, для любого гнолла она была каноном физического совершенства.

Морок, старгин, возглавлявший Длань, был гипнотом. Он был способен сканировать широкий диапазон бесчисленного количества чужих мысленных частот и, только взглянув на человека, подчинить его своей воле. Морок мог убедить тебя, что верх — это низ, что черное — это красное, и что ты — это вовсе не ты, а кто-то другой. Только Нуль вроде Ган Ро Чина или другой гипнот мог сопротивляться этой незримой власти, и если один гипнот натыкался на другого, то победа зависела от его силы и воли. Гипноты становились жрецами по определению и строжайшей заповеди; тех, кто осмеливался ослушаться, предавали анафеме и без промедления казнили — если получалось.

Чин сидел на ступеньке, дымя сигарой и не без удовольствия разглядывая прохожих. Жрецы и жрицы, главным образом терране, представляли собой воплощенный гимн генной инженерии — совершенные мужчины и совершенные женщины, прекрасные настолько, что простому смертному вроде него и представить невозможно, и при том все наделенные тем или иным Талантом. Таланты при виде Чина приходили в замешательство, и это всегда забавляло его.

Вот тот парень, к примеру, резко остановился, озадаченно взглянув на него, а потом пошел дальше, чтобы не привлекать внимание к своему недоумению. Чтобы распознать в нем телепата, не нужно было даже видеть мизинец его левой руки с вытатуированными на нем чередующимися черными и белыми полосами. Телепаты всегда нуждались в обычных чувствах, прежде чем направить свой Талант на определенного человека. Жрец увидел Чина и, вероятно, бессознательно попытался прощупать его, но тот ока-

зался ему не по зубам. Для человека, который родился и вырос телепатом, Чин представлял собой немыслимое противоречие: он был живым и видимым, но телепатические чувства его не улавливали. Чин знал, что бедняга еще до сегодняшнего вечера пройдет через все возможные проверки своих телепатических способностей, а потом будет сходить с ума, пытаясь понять, в чем дело.

Или вон та жрица — потрясающе красивая даже по меркам Святых. Она взбежала по ступеням и, несмотря на то, что отлично его видела, чуть было не налетела на него. Только запах дыма от его сигары и выкрикнутое в самую последнюю секунду «Осторожней!» не дали ей споткнуться о него. Она вздрогнула, остолбенело уставившись на Чина, и хотела что-то сказать, но потом передумала и, обойдя его кругом, вошла в дом.

Эмпатка, никакого сомнения. Мизинец с узким белым кольцом. Эмпаты всегда были очень направленными. Многих людей обычно никто особенно не замечает, но для эмпатки, будь ее мысли даже где-нибудь в миллионе световых лет отсюда, не заметить, что кто-то находится поблизости от нее, было совершенно невероятным. От эмпата закрыться не мог никто, даже другой эмпат. Поэтому Чин для нее просто не существовал. Ну и ладно, может быть, в будущем она будет чуть более наблюдательной и чуть менее беспечной. И уж конечно, тоже изрядно поломает себе голову, пытаясь сообразить, что к чему.

Он часто задумывался, каково это — иметь такие способности, особенно если ты вырос с ними и воспринимаешь их как данность. Конечно, говорили, что телепаты могут читать лишь поверхностные мысли, но иметь возможность время от времени залезть в чужие мысли было бы забавно, пусть даже это и считалось грехом. Он не был жрецом, и в его имя не входило слово «Святой». Он родился грешником и умрет им, и бремя его грехов будут взвешивать на Космических Весах, чтобы определить, какой будет его следующая инкарнация.

И уж конечно, эмпатические способности должны быть исключительно удобны при соблазнении женщин. Процент неудач стал бы на порядок ниже, и он всегда мог бы почувствовать искренность или неискренность партнерши или спроецировать на нее часть своей страсти. Грешные, плотские мысли, уместнее некуда в святом Прибежище. Подобные места всегда будили в нем самое худшее.

Участь гипнота в Мицлаплане была еще опаснее. Слишком велико было искушение, именно поэтому закон требовал от них становиться безгрешными жрецами. Он слишком часто мечтал о том, чтобы быть гипнотом. Стань он им, следующая инкарнация ему определенно не светила бы. Он горел бы в адском огне вечно. Нет уж, если цена так высока, пусть лучше Морок ходит с остекленевшими глазами.

Но больше всего Ган Ро Чин любил именно свой Талант — жемчужину из жемчужин, искусственно выводить который так и не научились. Нули были единственными людьми во Вселенной, которые были застрахованы от всех напастей и всегда спали крепко, сколь бы грешными ни были их мысли и деяния. Его мысли нельзя было прочесть, его эмоциональное состояние нельзя было ни уловить, ни намеренно изменить, и, что самое главное, любой гипнот оказался бы положенным на обе лопатки, безуспешно перепробовав на нем все свои штучки. Да, его защита не была совершенной — наркотики могли заставить его выложить все подчистую, а левитаторы не единожды давали ему урок, чтобы он не пытался обмануть их, но по большей части они могли получить лишь его тело, и никогда — разум и чувства, и это было очень здорово.

И поскольку его Талант был внутренним и не влиял ни на кого, кроме него самого, у него не было обязательного идентификатора, его мизинец был чистым, и это давало ему возможность свободно передвигаться среди обычных людей и так же уверенно чувствовать себя среди Талантов. Подобную возможность имели лишь очень немногие, и это открывало ему такое будущее и давало такую свободу, которых не было ни у кого другого.

И это сводило с ума всех этих людей с их совершенными телами и безгрешными душами, настолько привыкших к своим сверхъестественным способностям и так сильно зависящих от них.

Дверь у него за спиной открылась, и он оглянулся. Увидев, что это Криша Святая Мендоро, он поднялся со ступеньки и слегка поклонился.

Как и остальные, она была прекрасна. Высокая, смуглая, с блестящими глазами и чувственными губами, густыми коротко подстриженными черными волосами и телом, за которое любой мужчина, не задумываясь, совершил бы убийство, даже зная, что оно для него недостижимо. Выглядела она очень молодо, чуть за двадцать пять, хотя на самом деле скорее всего была старше, а голос у нее был твердым, привыкшим отдавать уверенные приказы.

— Снова дразните бедных Пастырей, не так ли, капитан? — спросила она обвиняюще.

Он пожал плечами и простодушно улыбнулся:

— Я просто наслаждался воздухом, небом и хорошей сигарой, Святая, и размышлял о делах. Я не виноват, что они так на меня реагируют.

Ее безупречные брови слегка приподнялись, и не нужно было быть эмпатом, чтобы ощутить ее скепсис, но она тут же перешла к делу:

— Что привело вас сюда?

— Длани предписано собраться, — ответил он. — Естественно, ничего больше я сказать не могу даже здесь, но как только мы окажемся на борту, я проинструктирую вас. По пути мы заберем Морока. Полагаю, к тому моменту он будет знать больше кровавых подробностей, чем мне известно сейчас. Но, судя по тому, что мне известно, дело будет не из легких.

Она кивнула.

— Как обычно. Побыв немного здесь и послушав, как другие жрецы и жрицы возбужденно обсуждают приключения, которые мы сочли бы скучными и обыденными, я начала задумываться о том, не досталось ли нам все самое худшее, когда Высочайшие распределяли линии наших судеб в этой инкарнации.

Чин медленно покачал головой.

— Нет, дело не в этом. Нам всегда достается все самое трудное, потому что мы хорошие специалисты. Возможно, даже лучшие. Да, мы скорее всего отправимся в следующую инкарнацию раньше многих из них, но до тех пор мы лучшие.

— Возможно, — ответила она автоматически. Гордыня была грехом, а она не могла грешить, но говорила ли его устами гордыня или истина? Им всегда доставались самые опасные, почти невыполнимые задания, и до сих пор они всегда справлялись с ними.

Он понимал, в какое замешательство ее привело его горделивое высказывание, и отнесся к этому с уважением, но он-то не был святым и невероятно гордился собой, командой и их достижениями. Он никогда не врал самому себе. Он любил эту работу.

— Савин и Манья идут? — спросил он.

Она кивнула.

— Они присоединятся к нам, как только приведут себя в порядок и соберутся. Как ты сюда добрался?

— Взял извозчика из космопорта. Думаю, мы как-нибудь сможем выбраться отсюда, хотя это место и находится в стороне от обычных маршрутов. В крайнем случае я могу связаться с кораблем и попросить кого-нибудь из Кли послать нам извозчика.

— Не нужно. Я схожу к управляющему и закажу повозку. Кто-нибудь потом заберет ее обратно.

Криша, не откладывая, вернулась в дом, и он со вздохом посмотрел ей вслед. Нелегко было находиться рядом с подобным сочетанием красоты и ума, зная, что не можешь даже надеяться когда-либо заполучить ее, и что любая попытка сделать это будет страшным грехом. Время от времени помогало сходить к духовнику и благоразумно исповедоваться. Только надо было выбирать понимающего духовника, такого, кто велел бы утолить свою

страсть, переспав с кем-нибудь другим. Такую епитимью он всегда исполнял с неизменной добросовестностью.

На пороге показался Савин Святой Пешва, чудовищно прекрасный, как и обычно, со сверкающими зубами и превратившимися на ярком солнечном свете в две узенькие щелочки зрачками. Как и Кришу, Савина не стоило недооценивать. Он был великолепен, пусть даже и несколько холодноват, и обладал способностью скрупулезно планировать все, не упуская даже самой ничтожной мелочи и обдумывая проблему со всех возможных сторон. Организатор Длани, он был ее основой, и превосходной основой. Они все были превосходны в своем деле.

За ним шагало коротенькое и приземистое гномообразное существо с огромными желтыми глазами с кошачьими зрачками и ртом-щелью, внутри которой, как знал Чин, скрывался очень длинный раздвоенный змеиный язык. Безволосое тело было серым, как у слона, а кожа достаточно прочной, чтобы выдержать удар стрелы или копья. Над круглым лицом вздымались гигантские уши, то и дело подергивающиеся и шевелящиеся. Это была Манья Святая Сцин.

Манья была не слишком сильной и передвигалась не слишком быстро, но у нее был один необычный Талант, который не раз оказывался очень полезным и ей самой, и Длани. Она была тем, что в былые времена называли «хамелеоном». При желании она могла затуманить разум всех, кто ее окружал, став, по сути, невидимой для всех — кроме, разумеется, Ган Ро Чина, а также машин, электронных камер и автоматических датчиков. Это была одна из немногочисленных особенностей, никак не связанных с мутациями первых космолетчиков. Она развилась у многих представителей ее расы как защитный механизм. До сих пор подобные способности были обнаружены лишь у гноллов, и пока не нашлось ни одной другой расы, сколь бы чуждой им она ни была и в каком бы диапазоне мысленных волн ни мыслила, которая была бы невосприимчивой к этому Таланту. Гноллы были преимуществом Мицлаплана, которого не было у других империй. Только благодаря этому им удалось уцелеть в нескольких столкновениях с миколианцами и биржанцами. Многие противники не приняли Манью в расчет и поплатились за это.

Вслед за ними на крыльцо вышла и Криша, и они все вместе стали дожидаться коляски. За исключением обычного обмена любезностями, они почти не разговаривали. Они слишком хорошо знали друг друга. Никого из Святых особенно не интересовало, что Чин делал со времени их последнего Созыва, а Чин был уверен, что если бы задал им тот же вопрос, то умер бы со скуки, слушая ответ. Не мог он рассказать им и о том, что ему было известно об их задаче — сколь бы скудны ни были эти сведения — до тех пор, пока они не окажутся на корабле и в достаточном отдалении от

этой планеты. Здесь речь шла о шпионаже, а в подобных случаях никогда не знаешь, не прячется ли поблизости враг. Чем меньше будет сказано такого, что можно подслушать и передать противнику, тем меньше шансов насторожить или спугнуть добычу.

Довольно скоро они услышали негромкое поскрипывание, и из-за угла выкатилась небольшая электрическая повозка с аскетическими металлическими скамьями сзади и не менее неудобным пластиковым водительским сиденьем. Молодой жрец, управлявший ею, поклонился им и удалился без единого слова. Задавать вопросы было бы с его стороны невежливо и неуместно — да и в любом случае, он не получил бы на них ответа, поскольку их дела его не касались.

Трое Святых уселись в повозку. У них не возникло вопросов относительно того, кто будет править, поскольку из них Чин имел самый низкий ранг во всех областях, кроме вопросов управления кораблем, когда они находились на борту, — и он не имел ничего против. По правде говоря, ему гораздо больше улыбалось править самому, чем быть пассажиром в повозке, возница которой настолько уверен, что в загробной жизни его ждет награда.

Поездка в электрической повозке заняла меньше времени, чем в запряженном лошадьми экипаже, всю дорогу они ехали с прекрасной средней скоростью — двадцать километров в час. Добравшись до космопорта, Чин направил повозку прямиком ко входу для персонала. Когда они вышли, к ним подошла молодая женщина и спросила:

— Вы еще будете пользоваться этой повозкой, капитан?

— Нет, — отозвался он. — Она в вашем распоряжении.

Она села в повозку и поехала к парковочной площадке. Рано или поздно кто-нибудь из Прибежища появится в этих краях и отведет повозку назад, а может быть, кому-нибудь понадобится поехать в Прибежище. Таков был порядок вещей в Мицлаплане.

* * *

Челнок уже ждал их, настолько же лишенный удобств, как и повозка, но практичный и полностью автоматизированный — Ган Ро Чин позаботился о нем, прежде чем отправляться в Прибежище. Они вошли внутрь, заняли свои места и пристегнулись; челнок с шипением провел проверку всех систем, и как только от главного компьютера было получено разрешение на взлет, взмыл в воздух. Через сорок минут они были уже на орбите, еще через десять минут челнок стыковался с «Клятвой Гурусу». Переходные шлюзы соединились, челнок сотрясла легкая дрожь, все отстегнулись и направились к люку. Теперь порядок изменился: никому и в голову не пришло ступить на борт корабля прежде его капитана.

Мазарун Кли уже ждала их. Это была высокая и стройная лебурянка, гладкая, гибкая, с мягкой серой кожей. Лебуры были совершенно безволосыми существами с большущими круглыми черными глазами на узких, почти треугольных головах, крошечными черными ртами и плоскими раздувающимися ноздрями. На каждой из двух огромных рук было по три пальца и противопоставленный им большой, ступни были такими же огромными и плоскими. При этом в совокупности все эти черты каким-то совершенно непостижимым образом производили впечатление экзотической красоты, и представители этой расы казались привлекательными даже людям.

— Отпусти челнок и готовься к вылету. Мы отчаливаем, как только будет получено разрешение космопорта, — решительно объявил Чин. На Святых, которых он с такими усилиями доставил сюда, он не обращал никакого внимания. Сейчас у него были дела, а у них — нет. Кроме того, они и без него были хорошо знакомы с кораблем — настолько хорошо, что им даже не нужен был никакой багаж.

— Уже выполняется, капитан, — отрапортовала Мазарун Кли через крошечный радиопередатчик, преобразовывавший ее телепатическую речь в сигнал, который Нуль вроде него был способен услышать. Ее голос звучал для него красивым и даже отчасти сексуальным терранским сопрано, но он не поручился бы, что таким его не сделали радиоинженеры. Лебуры были односторонними телепатами. Они могли передавать мысли определенному человеку или группе людей, но принимать чужие мысли, за исключением своих сородичей, в ответ не могли. У Кли, разумеется, были уши — крошечные отверстия по обеим сторонам плоского черепа, — и она могла слышать и понимать его, но менее крупные лебуры-мужчины были совершенно глухими и немыми в общепринятом смысле слова: они были способны общаться, даже слышать, только телепатически и только со своими сородичами. Антропологи говорили, что физически они так и не развились полностью и служили лишь для одной цели — даже у себя на родине они почти полностью зависели от своих женщин. К счастью для лебурских мужчин, лебурянки должны были обязательно найти себе пару или погибнуть, а пару они находили себе на всю жизнь.

Фактически, именно Кумазон Кли, муж Мазарун, находился сейчас на капитанском мостике, следя за работой оборудования. Маленькие и слабые, лебурские мужчины тем не менее ничем не уступали женщинам в интеллекте, и Ку считывал с экрана данные и забивал подтверждающие коды с такой же легкостью, как и все остальные.

Именно потому, что лебуры в буквальном смысле должны были или спариваться, или погибнуть, они были единственной расой Мицлаплана, представители которой никогда не ста-

новились жрецами, но благодаря их высокой культуре, развитому интеллекту и благородству они были так же распространены в экипажах кораблей, как и терране, а своей верностью славились на весь Мицлаплан.

— До Звездной Базы Гриншин шестьдесят два стандартных часа полета, капитан, — доложила Мазарун. — О задании нам расскажет Морок.

Он кивнул.

— Отлично. — Ее сексуальный мысленный «голос» все время не давал ему покоя. Принадлежал ли он ей в действительности, или это был лишь плод его воображения? Это было все равно что размышлять, одинаково ли видят разные люди один и тот же цвет. Как можно узнать это, не будучи в теле другого? — Как там, нашли перевалочный пункт для нашего груза?

— Нет, сэр. Нам придется везти с собой то, что не удалось выгрузить здесь. Ничего страшного.

— И ничего полезного, — пробормотал он. — Ладно, продолжим. Мне нужно взглянуть на карты и получить перечень содержимого грузовых отсеков Длани. Очень жаль, что у нас на борту нет медика. Хорошо хоть Манья прошла обучение.

Странная голова Мазарун удивленно повернулась к нему.

— Думаете, он нам понадобится?

— Думаю, мы собираемся влезть на территорию миколианцев. Печенкой чувствую. Судя по тому, сколько у нас топлива, нам предстоит долгое путешествие, а дополнительные запасы и кое-какие вопросы, которые мне задали, наводят на мысль, что это действительно что-то опасное.

— Мы уже имели дело с миколианцами.

Чин кивнул.

— И никогда не выходили без потерь. Хотя мне вполне нравится мое тело и место в жизни, я готов время от времени рисковать ими при условии, что по крайней мере моя душа будет в безопасности. Преступники, безумцы, революционеры и новые миры не столько беспокоят, сколько возбуждают меня. Ты это знаешь. Но с миколианцами даже самые чистые из нас могут потерять свою бессмертную душу. Не забывай это, Мазарун. С нашими предыдущими противниками все было просто: они против нас за какую-нибудь новую планетенку, — однако и это было достаточно тяжело. Но по поводу этого задания у меня какое-то дурное предчувствие. Может быть, со временем я стану Предсказателем.

На самом деле его опасения основывались вовсе не на каких-нибудь паранормальных способностях, а на большом опыте. Выданные им дополнительные запасы, виды оружия,

испытательного и лабораторного оборудования, характер измерительных магнитных лент, усиленные меры безопасности вокруг всего, что имело даже самое отдаленное отношение к кораблю и документам на него, даже количество топлива — все это складывалось в такую четкую картину, что не нужно было никаких особых способностей, чтобы понять, что им предстоит.

Противостояние могущественной галактической империи, где добро было злом, а зло добром, где верх был низом, а неправильное правильным, и само по себе не обещало ничего хорошего. Если же такая империя к тому же управлялась дьявольскими духами, в которых не было определенности, как в Ангелах Мицлаплана, которые могли быть буквально кем угодно, то тут не помогала никакая чистота духа. А он хотя и был, как они все хорошо знали, человеком верующим, едва ли его можно было назвать чистым духом.

Им потребовалось три дня, чтобы добраться до звездной базы и взять на борт последнего члена Длани. Морок Святой Ладу поднялся на борт в своей обычной грубоватой манере, едва кивнув капитану и остальным. Похожий на птицу, с длинными когтистыми руками на концах огромных, словно бы резиновых, черно-серых крыльев, которые в сложенном виде казались дьявольским плащом, и круглой головой, большую часть которой занимал рот с острыми зубами, так что маленькие, но чрезвычайно проницательные красные глазки оставались совершенно незамеченными, старгин выглядел одновременно свирепым и хрупким. Ноги у него были длинные и тонкие, и одна из них была закована в металлические голубые и золотые кольца, обличающие в нем гипнота.

Мороку не особенно нравилось находиться на борту корабля, равно как и в любых других местах, где гравитация не была нулевой или очень низкой. Старгины были малораспространенной расой, и Чину ни разу не доводилось бывать в одном из их немногочисленных миров, но он знал, что в своих мирах старгины пользовались крыльями для того, чтобы летать, и наслаждались свободой. Для Морока было сущим адом проводить большую часть жизни в условиях, больше подходящих для двуногих существ. Он зарабатывал себе место на Небесах не только тем, что занимал ответственное положение Верховного Жреца и Командира Длани. Он никогда не жаловался, но его дискомфорт можно было сублимировать только до некоторой степени, и такая ситуация всегда делала его немного раздражительным.

Морок остановился, пошарил в ящике, который принес с собой, вытащил оттуда модуль, опечатанный святейшей печатью, и передал его капитану.

— Снимайся быстрее, Чин. На полной скорости, — произнес старгин скрипучим металлическим голосом, ка-

ким говорили представители его расы, когда разговаривали на общем диалекте. — Как только мы прыгнем в нуль-пространство, я соберу Длань на совещание.

Чин с поклоном взял модуль.

— Как прикажете, Святой, — отозвался он и, развернувшись, стремительно отправился на мостик.

Кумазон Кли уже отстыковался от пристани звездной базы и теперь медленно выводил корабль, ожидая данных о курсе и скорости. Лебур увидел в мониторе вышедшего на мостик Чина, развернулся и вопросительно взглянул на него.

Капитан быстро пробежал глазами данные проверки статуса на экране, чтобы удостовериться, что все в порядке, — это было просто привычкой, поскольку на самом деле полетом управлял бортовой компьютер. Задачей Кли как пилота было в основном проверять, все ли идет нормально, и следить за жизнедеятельностью корабля на случай возможных механических неполадок. Чин вставил модуль с нетронутой печатью в специальный порт с правой стороны капитанского кресла. Порт сломал печать, связался с модулем, и теперь уже модуль запустил проверку — тот ли это корабль и тот ли порт, а затем, войдя в контакт с бортовым компьютером, принялся определять, на месте ли заявленный персонал и все ли в порядке на борту. Если бы обнаружились какие-то накладки, Чину предоставлялась всего одна возможность дать им удовлетворительное объяснение. Если бы ему это не удалось, модуль бы разрушился, закоротив при этом бортовой компьютер.

Однако же проверка прошла нормально, и модуль начал загружать инструкции в память главного компьютера «Клятвы Гурусу». Чин и Кли не отрывали глаз от главного монитора, с нетерпением ожидая момента, когда станет известно, куда они направляются.

Корабль начал двигаться сам по себе, набирая скорость и выходя на заданный курс. Все программы были загружены и проверены, и на экране появился сигнал отсоединить модуль, что Чин и сделал. Печать сгорела, но модуль можно было использовать еще раз в качестве резервной копии в случае, если что-нибудь пойдет не так.

Капитан быстро напечатал вопросы, на которые хотел получить ответ. Мицлапланцы давно уже создали компьютеры, умеющие говорить, но ради равноправия и из уважения к расам, не способным слышать, в качестве альтернативного варианта был принят ручной ввод данных и их отображение на проекционном экране. Когда Кумазон, как сейчас, находился на мостике, Чин всегда пользовался такой системой.

Основные данные появились на экране почти сразу же.

Пункт назначения: Медара, вторая планета от звезды, носящей название VX-2664-A. Проект колонизации. Клас-

сификация: приграничная область. Обитатели: 55, большинство из которых терране. Задача: предотвратить дестабилизацию колонии миколианскими нарушителями.

Это было довольно далеко. Медара находилась даже за границей Мицлаплана, на ничейной земле. Фактически, как Чин и подозревал, ближайшие обитаемые миры были миколианскими. Их команду бросали только на исключительно грязную работу.

Капитан застучал по клавишам, выводя на экран все, что было известно об этих миколианских мирах. Один был терранским, что, учитывая все обстоятельства, было отнюдь не хорошо, один — тхионским, и один — коринфианским. Ни к тхионам, ни к коринфианцам он не испытывал особой любви. Ни одна из этих рас не была представлена в Мицлаплане, и каждая из них была по-своему неприятной, зато теперь он по крайней мере знает, что захватчиками скорее всего будут терране. Представители двух других рас в маленькой колонии были бы слишком заметными.

Три Империи — хотя как Мицлаплан, так и Биржа не слишком охотно признавали себя таковыми — властвовали более чем над четвертью галактики и включали в себя в общей сложности четыреста разумных и развитых рас. Лишь сравнительно немногие из них к тому моменту, как их обнаружили и присоединили к тому или иному политическому гиганту, умели летать в космос, и еще меньше успели превратиться в межзвездные цивилизации, научившись преодолевать скорость света. Из последней группы всего пять рас были достаточно многочисленными — то ли в силу возраста своих межзвездных цивилизаций, то ли потому, что, как терране, размножались быстрее, чем вирус гриппа.

Таким образом, почти три четверти галактики так и оставались неисследованными, и у каждой империи были свои приоритеты. Первостепенной целью Мицлаплана были новые цивилизации и расы. Они несли Истину и Путь Мицлаплана тем, кто не ведал о них, при этом защищая их от продажных и греховных обычаев двух других империй. Миколианцы желали распространить свое влияние и власть как можно дальше, насаждая свою омерзительную и жестокую систему везде, докуда могли дотянуться, — возможно, единственно потому, что подобная экспансия подпитывала их империю и оправдывала ее власть. Биржа же в основном искала новые товары, новые идеи и новых покупателей, хотя в глубине всего этого и скрывалась идея о необходимости защищать новичков от двух других систем.

И разумеется, любой пригодный для обитания мир следовало охранять, в противном случае он достался бы другим. Это было делом принципа, распространявшегося даже на миры, которые были практически бесполезны и являлись безлюд-

ными кусками камня. Чин считал это чем-то вроде межгалактической игры в го — древней игры одного из народов его терранской родины, где нужно было занять все пустые места и не дать противнику сделать то же самое. Экспансию нельзя было прекратить, иначе враги немедленно захватили бы все вокруг твоей империи и не дали бы ей расширяться дальше. Если бы такое случилось с одной из трех империй, а две другие продолжали бы расти, отрезанная империя пришла бы в упадок, потеряла цель и начала бы чахнуть, став в конце концов легкой добычей для двух победителей.

Именно поэтому горстка мицлапланцев и сидела сейчас на бесполезном обломке камня, пытаясь основать колонию. Миколианцы нацеливались на это место на границе, начиная угрожать обходным движением, отрезая путь к расширению. Медара была важна для Мицлаплана не тем, что она собой представляла, но тем, где находилась.

И именно это больше всего тревожило Ган Ро Чина, внимательно изучавшего звездные карты. До ближайшего обитаемого мицлапланского мира от Медары было очень далеко, хотя между ними и не было ничего такого, о чем стоило бы говорить. Кроме того, собственность тоже была козырем в этой большой игре. До тех пор, пока мицлапланским разведчикам не удастся открыть еще один мир, расположенный в этом направлении дальше Медары, на Медару нужно не просто заявлять права, но крепко держать ее в руках, владеть ей и заселять ее. Если там так и не удастся создать постоянную колонию, кто угодно может заявить на нее права, как на брошенный корабль. Разумеется, соглашения не позволяли другим империям каким-либо образом влиять на попытки колонизации планет, но все понимали, что это означало лишь то, что за этим занятием не стоит попадаться. Вместе две империи всегда могли вынудить третью принять нужное им решение, и соответственно, Совет Империй мог потребовать наказать одного члена, если его ловили на совершении чего-либо, запрещенного соглашениями. Лишь в рамках подобных случаев, а также когда этого требовали интересы всех трех империй, был возможен союз между ними.

Таким образом, весь фокус заключался в том, чтобы не быть пойманным — в особенности в таких случаях, как этот, когда одинокую колонию, расположенную так близко от территории противника, защищали всего пятьдесят пять ее жителей. Миколианцы немало понаторели в таких делах.

И священной обязанностью Длани было поймать их с поличным и преподнести на блюдечке Совету.

Ган Ро Чин откинулся на спинку командирского кресла и вздохнул. Как бы сильно он ни нервничал, отправляясь

на задание, и сколь бы хорошо ни сознавал, насколько опасен враг, он ничего не мог с этим поделать.

Он любил эту работу.

НЕЗВАНАЯ ГОСТЬЯ

Морок Святой Ладу перешел прямо к делу.

Они все собрались в кают-компании: устрашающего вида Савин, красавица Криша, сморщенная Манья и капитан Чин. Мазарун Кли тоже присутствовала, хотя и не была членом Длани. В случае опасности она и ее муж могли оказаться их единственным способом послать сигнал о помощи, поэтому они должны были знать, что намерены делать остальные.

Морок открыл собрание традиционной молитвой — «Да хранят и направляют Боги Мицлаплана и их Святые Ангелы своих служителей в великом деле!», — после чего немедленно перешел к сути.

— Вы все читали сведения о Медаре, а о политической ситуации, полагаю, рассказывать вам нет нужды. С точки зрения космографии эта планетенка важна для продолжения нашей Святой Миссии и отражения сатанинских действий против нас. Именно подобные места всегда приобретают большую важность, и именно потому, что сами по себе не имеют никакой ценности. Будь этот мир населенным, мы могли бы с полным правом ввести туда такую армию, какую потребовалось бы, но в силу дурацких дипломатических игр мы не можем так поступить, поскольку это немедленно будет воспринято как обвинение в неподобающем поведении и, следовательно, как оскорбление в адрес Миколя, чем они могут воспользоваться. Поэтому нам приходится играть в обычные игры с недостаточными силами и персоналом, а на кону стоит очень многое. Силы зла на этот раз не остановятся ни перед чем, и мы должны быть действительно сильными, чтобы победить.

— Вторжение было доказано, или это простое подозрение? — спросила Криша.

— Святая Инквизиция была призвана обстоятельствами, хотя мы, естественно, наблюдали и ожидали чего-то в этом роде почти с самого начала. Единственный жрец на пятьдесят пять жителей экспериментальной колонии, Ву Святой Ли Тай, был обнаружен мертвым неделю назад. Увы, понадобилось столько времени, чтобы рапорт об этом дошел до нас, и мы смогли отправиться туда. К тому времени, когда мы доберемся дотуда, мы, скорее всего, уже не сможем узнать о его гибели ничего существенного.

— Его убили? — спросил Савин, делая в блокноте какие-то пометки.

— Возможно, хотя в рапорте говорится о естественной смерти. Его нашли лежащим головой на столе в его кабинете. Офицер медицинской службы колонии признал официальной причиной смерти лопнувший сосуд в мозгу — иными словами, инсульт. Однако, как вы все знаете, подобную смерть очень легко убедительно инсценировать, а возможности медицинской экспертизы в колонии такого размера ограничены, даже если бы офицер медицинской службы был опытным коронером, а не простым терапевтом, каких обычно посылают в такие дыры. Манья, вряд ли ты много вытащишь из этого дела, но постарайся сделать все, что можешь.

Офицер-исследователь кивнула массивной головой:

— В любом случае, здесь легко заподозрить нечистую игру. Первое, что сделал бы любой захватчик, это убрал бы божьего избранника. Полагаю, Святой был телепатом?

Морок кивнул.

— Да. Не единственным в колонии, но, разумеется, единственным неподкупным. Злоумышленники также, видимо, учли требование об обязательной кремации святых через три дня после смерти, зная, что мы никак не сможем попасть туда вовремя, чтобы осмотреть тело.

— Мысль о том, что его убили, в качестве исходной предпосылки кажется мне несколько сомнительной, — заметил Ган Ро Чин. — Мне кажется, что убить Святого, наверняка зная, что это приведет к расследованию, было бы последним делом. Вместо одного местного жреца получишь сразу нескольких, каждый из которых, в отличие от жертвы, — опытный и наделенный полномочиями следователь. А если мы найдем доказательства, то сможем с полным правом ввести сюда такую армию и столько персонала, сколько сочтем нужным. Нельзя полностью исключать возможность естественной смерти.

— Мы ничего не исключаем, капитан, — отрезал Морок, — но если исходить из того, что Ву действительно убили, то ваши слова никак этому не противоречат. Это означает просто, что миколианцев больше не беспокоит наше прибытие, или, что еще хуже, нас заманивают туда — либо для того, чтобы использовать в каких-то гнусных целях, либо чтобы мы подтвердили, что никакого убийства не было, или предъявили им поспешное обвинение, не подкрепленное никакими доказательствами. Любая из двух последних возможностей — все равно что просто отдать им Медару. Мы не можем остаться там навсегда, а чистое карантинное свидетельство на какое-то время развяжет им руки. Обвинение, которое мы не сможем подкрепить, приведет к тому, что Совет отдаст Медару Миколю в качестве штрафа за ложное обвинение. Мы не собираемся выдвигать такое обвинение, но ущерб уже нанесен.

— Ущерб какого характера? — спросила Манья низким скрипучим голосом.

— Наши дипломаты пришли к такому же заключению, что и мы, но увы, им не удалось осторожно довести его до сведения миколианцев. Они надеялись, — хмуро сказал Морок, — что это припугнет их.

— Но вместо этого все сделалось достоянием общественности, — предположил Савин.

Птичья голова Морока закачалась, что обозначало подтверждение.

— То ли они заметили свой промах и попытались извлечь из него пользу, то ли с самого начала рассчитывали на это, и мы угодили прямиком в их ловушку. Естественно, они отвергли обвинения в недостойном поведении и устроили возмущенную шумиху. Они немедленно обратились в суд, требуя от нас доказать свои слова или отказаться от них, не оставив нам никакого выбора, кроме подачи официального протеста.

— Охо-хо, — сказала Криша, досадливо покачав головой. — Значит, лучше бы, чтобы он действительно оказался убитым, а мы доказали бы это.

— Вот именно, — отозвался Морок. — И именно поэтому, капитан, мы отталкиваемся от предположения об убийстве. Благодаря глупости наших собственных дипломатов миколианцам удалось потребовать от нас соблюдения Мунчаньского Договора, поставив нас в невыносимое положение. Они добились этого расследования, чтобы очистить их доброе имя, и более того — они потребовали, чтобы, как позволяет Договор, для обеспечения нашей беспристрастности был назначен сторонний Наблюдатель!

Это сообщение взбудоражило всех, кроме капитана, который по обыкновению молчал, и Криши, которая, казалось, пребывала в глубокой задумчивости.

— Об этом и речи быть не может! — возмутился Савин. — Чтобы какой-то чужак, **язычник**, висел у нас над душой, указывая нам, что делать? Ну уж нет! Кто знает, какими мотивами он будет руководствоваться! Он будет для нас таким же врагом, как и тот, кого мы ищем!

— Это святотатство! — проскрежетала Манья. — Мы же действуем не от своего имени, а как представители всего Человечества! А вдруг это... **существо** — этот... **язычник** — отменит наше решение? Это даст аду возможность восторжествовать над богами! Подобная вещь несовместима с нашей святой непогрешимостью!

Морок невозмутимо выслушал их возражения и мольбы, дождавшись, пока шум уляжется. Потом бесстрастно сказал:

— Все ваши аргументы справедливы и разумны, но все это уже обсуждалось перед Верховным Советом Миц-

лаплана. С точки зрения теологии было справедливо указано, что, будучи Дланью Святой Инквизиции, мы действуем с божественной помощью. Разве язычники не подчиняются высшей воле богов? Если нет, зачем же тогда мы пытаемся обратить их? Разве они чем-то отличаются от большинства мицлапланцев, не ведающих истины и тем самым придающих аду равный вес с небом, но при этом вряд ли заслуживающих порицания? Если же мы свершаем волю богов, то их воля будет и над Наблюдателем. Именно так считали, заключая этот договор, и поэтому наши предки согласились на него, и до сих пор, по сути, так оно и выходило.

— Но **язычник**! — вне себя от ярости вскричала Манья.

— Это не так уж и плохо, — успокоил Морок. — В нескольких сотнях подобных случаев, когда Биржа не была заинтересована в исходе дела, она практически всегда становилась на нашу сторону. Они не слишком приятные люди, и их культура оставляет желать лучшего, но что-то в их душах склоняет их на сторону богов, когда речь идет о противостоянии с сатанистами. Они сопротивляются нам, возможно, даже боятся нас, но они питают искреннюю неприязнь к миколианцам. На самом деле, этот Наблюдатель нам даже на руку. Мы ведь должны лишь доказать факт вмешательства, а миколианцы, благодаря их заявлениям в своей невиновности и неосведомленности в этом деле, не будут допущены даже до дачи показаний.

— Если только, — заметил капитан, — этот парень действительно не умер своей смертью.

Ответом ему были ледяные взгляды, но никто ничего не сказал.

Криша была единственной из жрецов, кто не участвовал в споре. Сейчас она заговорила:

— Что толку спорить и раздувать ложные страхи? Нам придется согласиться на Наблюдателя, потому что в противном случае этот мир автоматически отойдет Миколю. Мне кажется очевидным, что эта задача практически невыполнима без божественной помощи. Из того, что я услышала, я сделала вывод, что это был хорошо организованный план. Они нащупали у нашей дипломатии слабое место и воспользовались им. Они совершили убийство, которое не могло не вызвать подозрений и ответной реакции, как и сказал капитан. Потом вынудили нас выдвинуть обвинение и либо доказывать, что Святой был убит их агентами, — причем в таких условиях, когда доказательство становится практически невозможным, — либо сдать планету без единого выстрела. Это дьявольски умно, именно такого я бы от них и ожидала.

— Известно, кто будет этим Наблюдателем? — с тревогой спросил Савин.

— У меня есть его имя и досье, — ответил Морок, оглядывая своих внутренне кипящих, но молчаливых подчиненных. У них не оставалось никакого выбора, кроме как смириться, ведь это решение принял Божественный Совет. Сами боги смирились с этим, своей волей назначив Наблюдателя, а волю богов следовало исполнять неукоснительно. — Конечно, возможно, что все это фальшивка. Предполагается, что Наблюдатели — беспристрастные судьи; обычно это офицеры политической службы или дипломаты, но сами мы ни разу не посылали непрофессионала, когда от нас требовалось послать Наблюдателя, так что и от них ожидаем того же самого. Скорее всего, этот Наблюдатель на самом деле окажется из какого-нибудь разведывательного или военного управления, которые в высшей степени заинтересованы в наших методах и попытаются извлечь из нашего расследования максимум необходимой им информации. Капитан, вам ведь приходилось бывать Наблюдателем, не так ли?

Все глаза устремились на Ган Ро Чина, который со вздохом кивнул.

— Да, Святой. Дважды. Естественно, никто из них не согласился бы, чтобы нашим Наблюдателем было духовное лицо, поскольку разве мог бы кто-нибудь из вас принять решение в пользу Миколя?

Его слова, похоже, потрясли всех.

— А вы, капитан, могли бы так поступить? — спросила Криша с недоверием в голосе.

— Могу, и именно так я и поступил в одном из этих двух случаев, — ответил Чин, наслаждаясь выражениями их лиц.— Моя присяга и моя честь требовали этого, невзирая на личную неприязнь. Одна особенно ловкая корпорация Биржи, жаждавшая заполучить один новый и довольно неприятный мир ради некоторых уникальных товаров, которые можно было бы там производить, потратила уйму времени и денег на создание чуждой местной невидимой формы жизни, которая медленно и методично истребляла улей миколианцев — так они называют свои политическо-родовые группы. Это был блестящий по коварству план, особенно омерзительный по способу действия, единственным мотивом которого была чистая жадность — проклятие Биржи и ее культуры. Мое присутствие и статус позволили миколианским агентам на Бирже собрать доказательства, а на самой планете я смог наблюдать исключительно хитроумную ловушку, которая снабдила меня достаточными доказательствами для того, чтобы признать обвинения миколианцев обоснованными. Это был пусть и очень неприятный, но все-таки опыт.

— Убивать сатанистов — не зло, какими бы ни были мотивы, — проскрежетала Манья. — Принять решение в пользу Миколя значит служить злу!

Капитан и бровью не повел.

— Ни Святым Ангелам, ни Бирже так не показалось, равно как и мне самому, — парировал он спокойно.— Меня учили, что личная честь и клятва перед богами нерушимы. Солгать или сознательно потворствовать массовому убийству пошло бы вразрез и с тем, и с другим, и сделало бы меня ничуть не лучше миколианцев. Таковы испытания, которые посылают нам боги, — во всяком случае, так мне говорили. Принять решение против зла, пойдя на поводу у личных чувств, означало бы сделаться самому неотличимым от сатанистов. Такие решения всегда трудны. Именно поэтому в таких делах зачастую не обойтись без судей, и именно поэтому они пользуются таким уважением и ведут такую нелегкую жизнь.

— Капитан совершенно прав, — объявил Морок. — Вот почему он так неоценим для нас, а люди, подобные ему, входят в Святые Длани, хотя и не становятся жрецами. Мы не должны никогда упускать из виду факт, что души миколианцев — это души проклятых, вновь и вновь возрождающиеся во зле, без всякой надежды на искупление, и вечно пытающиеся обратить в свою веру новых и новых адептов. Капитану потребовалось немалое мужество уже для того, чтобы отправиться туда и находиться в их демоническом обществе, не попавшись в их мастерски расставленные нравственные ловушки. Капитан, поручаю вам, как человеку, который сам побывал в подобной роли, всячески содействовать Наблюдателю в его работе, при этом постаравшись сделать так, чтобы он не смог узнать ничего, кроме того, за чем его прислали наблюдать.

Чин кивнул.

— Я понял. Вы же знаете, это событие не из тех, что случаются каждый день. Требования назначить Наблюдателя крайне редки. Вполне может оказаться, что я помню и могу процитировать главу и стих договора лучше, чем этот парень. Кроме того, с биржанцами работать гораздо легче, чем с миколианцами. Это всего лишь заблудшие или не имеющие направления души, а не проклятые, как миколианцы. — Он вздохнул. — И когда мы его подберем?

— Дуга трассы на Медару на короткий момент выведет нас в ближайшую к территории Биржи точку, — сообщил Морок. — В этой точке мы осуществим посадку Наблюдателя на судно, а затем без каких-либо дальнейших остановок или задержек проследуем прямо к Медаре.

Чин снова кивнул.

— Я знаю это место. Это будет через... э-э... три с половиной дня плюс-минус несколько часов. Святая Манья, я знаю о вашей неприязни к язычникам, но вам придется провести полное и тщательное обследование этого парня, прежде чем мы

доберемся до пункта нашего назначения. Точно так же, как миколианцы никогда не примут от нас жреца, мы не примем от Биржи цимоля. Мне бы не понравился цимоль, болтающийся на моем корабле, не говоря уже о нашей колонии. А у них каждый раз возникает огромное искушение попытаться подсунуть нам такого.

Массивная голова Маньи повернулась к нему, и она сказала:

— Я не потерплю их бездушных чудищ в нашем священном присутствии. Какую бы хитрость они ни задумали, меня им не провести. Я очень надеюсь, что они все-таки попытаются сделать что-нибудь в таком роде. Тогда мы сможем с полным правом распылить его на атомы, и этот Наблюдатель не будет камнем висеть у нас на шее.

— Осторожность, конечно, не помешает, но нельзя забывать и о корректности, — предостерег ее Морок, что, впрочем, относилось и ко всем остальным. — Не забывайте, что, если только мы не сможем поймать миколианцев с поличным и добиться их признания, судьба этого мира будет зависеть от того, удастся ли нам убедить Наблюдателя. Если мы начнем с того, что наживем себе в его лице врага, возбудив в нем неприязнь и недоверие к нам, то сыграем на руку Миколю и еще больше снизим свои шансы на успех. Если мы проиграем это дело из-за наших собственных ошибок, мы можем лишиться божественного покровительства и помощи. Я не говорю, что вы обязаны любить его, но обращайтесь с ним с уважением, соответствующим его должности.

— Если колония развалится, это лишь подкрепит их заявления об их невиновности, — заметил Чин. — Чистое карантинное свидетельство от независимого Наблюдателя, — или, возможно, решение, что это преступление носит строго местный характер, — развяжет им руки и сделает нас всеобщим посмешищем. Даже если мы потерпим неудачу, останется еще уйма юридических и дипломатических лазеек, но если Наблюдатель вернется с твердым заключением о том, что никакого вмешательства не было, наши дела плохи.

Птичья голова Морока согласно закачалась.

— Совершенно верно.

— Вы рассматривали возможность того, что кто-то из наших мог действительно сойти с ума и совершить злодеяние, а миколианцы просто воспользовались этим? — спросил Савин.

— Вряд ли, — отозвался Морок. — Награда слишком заманчива, чтобы они не попытались завладеть ей, как вполне могли бы поступить и мы в обратных обстоятельствах. Это уже принималось во внимание, прежде чем мы подняли этот вопрос.

Криша нахмурилась.

— Чего я не могу понять, — сказала она, — так это почему этого никто не ожидал. Должно быть, мы разлени-

лись и стали слишком небрежно относиться к своим обязанностям. Туда с самого начала нужно было отправить лучших контрразведчиков и военных ученых.

— Они и были туда отправлены, — заверил Морок.— Нас вызвали только потому, что при загадочных обстоятельствах был убит жрец, а вовсе не потому, что это было так уж необходимо. На самом деле, я предвижу некоторую обиду среди местного персонала, поскольку мы самым своим присутствием будем узурпировать их функции и станем для них дополнительным начальством, перед которым им придется отчитываться.

— На Святую Инквизицию могут обижаться лишь нечестивцы, — фыркнула Манья. — Им следует возблагодарить богов за то, что нас прислали!

— Манья, если бы простой народ Мицлаплана был совершенен и свободен от искушений и грехов, такие, как мы, были бы не нужны, — заметил Морок, — равно как не было бы нужды и в последующих инкарнациях. Нас всех ждало бы Успение. Ты очень хороша в своей области — по моему скромному мнению, ты даже самая лучшая, — но в качестве посланца Истинного Слова у тебя есть некоторые пробелы. Мы имеем дело с людьми, которым свойственно ошибаться и грешить, с людьми, у которых не всегда хватает сил противостоять греху, но которые хотят поступать праведно. Мы нужны им, но их грешная природа находится в постоянном противоречии с благочестивой волей. Мы находимся в состоянии войны — не против множества других сил, но против одной огромной силы, которая не есть плоть или кровь, и против которой простой народ, сколь бы замечательным, образованным и благородным он ни был, без нашей помощи бессилен. Мы всегда должны помнить, что имеем дело с таким народом, какой он есть в действительности, а не с таким, каким мы хотели бы его видеть.

Ган Ро Чин, слушая их перебранку, был снедаем грешными мыслями, поскольку в настоящий момент он был очень рад быть самим собой, а не одним из Святых. Это уже само по себе было богохульством, так как их инкарнация была последней перед наивысшей из возможных в физической Вселенной и, следовательно, уровнем, которого в какой-то момент должна была достигнуть и его собственная душа, чтобы в конце концов добиться небесного совершенства. Не грешить — еще не означает иметь безгрешную душу. Лишь Святые Ангелы, материальные ангелы Мицлаплана, полностью свободны от греха. Он смирился с фактом, что уже достиг своей возможной вершины, и поскольку Успение не могло наступить до тех пор, пока все, способные достичь совершенства, не достигли его, он неминуемо должен был остаться

где-то в самом низу пути. Это обрекало его на определенный фатализм, зато жить так было гораздо проще.

* * *

Обычно члены Длани проводили все время полета, за исключением еды и собраний, каждый в собственной каюте, молясь и изучая материалы для задания, но сейчас всех снедало такое любопытство, что они вышли и собрались вокруг главного шлюза. И вот корабль замедлил ход и остановился, чтобы подобрать пассажира, видеть которого на борту никто из них не хотел.

Наблюдатель прибыл на мицлапланском военном судне, которое пристыковалось и сразу же приготовилось к пересадке пассажира. Шлюзы с шипением соединились, потом загорелся сигнал «СТАБИЛИЗИРОВАНО — ОТКРЫТЬ», и Ган Ро Чин нажал на небольшую кнопку рядом со входом в шлюз. Люк, звякнув, открылся.

Первым на корабль ступил средних лет офицер, зрубек — высокий, двуногий, с пятнистой коричневой кожей и раздувающимися ноздрями, немедленно напомнивший капитану верблюда. Он слегка поклонился в знак уважения перед капитаном грузового корабля, потом сказал:

— К вам пассажир, капитан.

— Благодарю вас, коммандер. Мы ждем его.

Круглые желтые глаза офицера чуть расширились.

— В таком случае, полагаю, вас ждет сюрприз. — Он шагнул в сторону, и из шлюзовой камеры вышел Наблюдатель Биржи.

Чин немедленно понял, что имел в виду офицер. *«Женщина!* — оторопело подумал он. — *И такая молодая!»*

— Я так и знала! — буркнула Манья, как и остальные, во все глаза глядя на новоприбывшую. — Они насмехаются над нами!

Капитан был крепко сбитым, но невысоким, едва ли ста семидесяти сантиметров ростом. Наблюдательница оказалась почти на целую голову ниже его и очень хрупкой — по меньшей мере сантиметров на десять-двенадцать ниже и килограммов на тридцать легче, чем он. У нее были короткие светло-рыжие волосы и большие синие глаза — совершенно экзотическая, на его взгляд, комбинация — и самая бледная кожа, какую ему только доводилось видеть. Хотя все это сочеталось с телом, какое могло принадлежать лишь генетически выведенному святому, ее лицо и хрупкая фигурка делали ее похожей на девочку, слишком маленькую даже для того, чтобы отпускать ее одну на улицу, не говоря уже о том, чтобы поручать ей подобную работу. И будь она, с такой внешностью, его дочерью, Ган Ро Чин ни за что не позволил бы ей расхаживать по улицам в одиночестве.

Она улыбнулась очаровательной улыбкой и сказала:

— Как поживаете, капитан? Меня зовут Келли Морган. — Она протянула руку, и он некоторое время пребывал в замешательстве, не зная, пожать ли ее, как это было принято в мирах Биржи, или поцеловать. В конце концов он все же остановился на рукопожатии, что показалось ему наиболее правильным. Вне зависимости от культурных различий и предрассудков, ему и всем остальным придется думать о Морган в первую очередь как о Наблюдателе и бесполом существе.

«Но это будет нелегко», — мечтательно подумал капитан.

— У вас ошарашенный вид, — заметила она довольно бестактно.

— Мы, гм, не ожидали увидеть женщину, — ответил он, решив, что это **его** корабль, **его** задание, **его** нация, и что он не будет с ней миндальничать.

— Я знаю. Мое имя сбивает всех с толку. Всю мою сознательную жизнь было именно так. Это беспокоит вас?

И как отвечать на такой вопрос, чтобы не обидеть?

— В каком-то смысле, да, — ответил он, тщательно подбирая слова, но вполне честно. — В Мицлаплане не принято, чтобы молодые женщины путешествовали в одиночку, не говоря уж о выполнении подобных заданий.

— Я понимаю, что нарушаю некоторые общественные правила, но, как и вы, я получила это задание от людей, которым сложно было бы отказать, в особенности учитывая интересы моей будущей карьеры. Кроме того, это дает мне возможность получше узнать ваш народ и культуру.

За спиной у нее послышался шум, и она обернулась.

— Вот мой багаж. Полагаю, его можно отправить в мою каюту?

Он молча кивнул, и блестящая серая фигура Мазарун Кли выскользнула вперед, подхватила два чемодана и безмолвно исчезла вместе с ними.

Морган перевела взгляд с лебурянки на Кришу, а с нее на Манью:

— По крайней мере, я не единственная женщина на борту.

Чин покачал головой.

— Да, но Мазарун здесь с мужем, а все остальные — жрицы. Пойдемте, я вас представлю.

Они прошли вдоль шеренги, словно на дипломатическом приеме. Морган почувствовала их холодность, хотя, очевидно, ничего другого и не ожидала, поэтому вместо рукопожатий ограничилась обычными формальными поклонами. Чин не мог не отметить, как хладнокровно и сдержанно она себя вела. Даже ему было бы не по себе, столкнись он с необходимостью пожать руку, к примеру, Савину, присоски на кончиках пальцев которого вы-

деляли пахучее смолистое вещество, от которого потом было очень трудно избавиться, или Манье, после рукопожатия которой, учитывая прямо-таки сочащуюся из нее враждебность, можно было остаться и без руки.

Покончив с формальностями, Морган обернулась к Чину и сказала:

— Полагаю, вы хотели бы проверить меня, чтобы убедиться, что у меня нет никаких скрытых имплантантов и тому подобного. Лучше покончить с этим прямо сейчас, если не возражаете. Это сделает остаток нашего путешествия чуть более спокойным для всех нас.

Факт, что она сама сразу же подняла этот вопрос, означал, что они ничего не найдут, или что она уверена, что они ничего не найдут, — но, разумеется, это мог быть и хитрый ход, нацеленный на то, чтобы обезоружить их или дать ей время что-то сделать.

— Это Манья Святая Сцин, — сообщил Чин. — Она наш научный офицер и проходила медицинскую подготовку. Манья, она права. Сделай немедленно все, что нужно.

Манья фыркнула, даже не потрудившись скрыть неприязнь,.

— Отлично, — сказала она. — Идемте со мной.

Они вышли. Как только они оказались вне зоны слышимости, Чин отстегнул от пояса интерком и приказал:

— Осмотрите и проанализируйте ее багаж и все его содержимое. Не забудьте осмотреть и сами чемоданы. Я хочу иметь перечень и компьютерную оценку всего, что у нее есть, вплоть до субатомного уровня.

Он заткнул интерком обратно за пояс и обвел взглядом молчаливых жриц и жрецов.

— Так не пойдет, — заявил, помолчав, Савин. — Они плюют нам в лицо, столь явно попирая наши обычаи.

— Я не была бы так уверена, — отозвалась Криша. — Я попыталась просканировать ее и не уловила абсолютно ничего. Савин?

— Ничего, — ответил эмпат.

— Нуль, как и наш капитан, — подытожил Морок.— Нули крайне редки, но они как нельзя лучше подходят для подобной работы, почему капитану Чину и было дважды поручено сходное задание. Ее кажущаяся молодость тоже может быть обманчивой. Благодаря этому нам будет очень трудно воспринимать ее всерьез или придавать ей какое-то значение. Если на самом деле она старше и опытнее, чем кажется, то сумеет обратить это себе на пользу. Самые лучшие агенты — это либо те, на кого никто не посмотрит дважды, либо те, кого никто не воспринимает всерьез. Думаю, что нам не стоит недооценивать ни нашу маленькую мисс Морган, ни людей, которые выбрали ее для этой миссии. Кроме того, — добавил он, — ее присутствие связывает нас по рукам и ногам.

Криша, бессменный офицер службы безопасности, кивнула:

— Капитан, тот факт, что вы терранин, как и она, и при этом мужчина, не связанный святостью, логически делает вас самым удобным кандидатом на то, чтобы выяснить, что кроется за этими удивительными глазами, и, пожалуй, наиболее вероятной мишенью для ее собственной попытки выудить что-нибудь. Не дайте себя обмануть. Вне всякого сомнения, она попытается сблизиться с вами. Позвольте ей это, но не позволяйте усыпить вашу бдительность.

— Неужели? С чего вы взяли, что она будет делать еще что-то, кроме того, чтобы следить за всем и задавать вопросы? — отозвался он. Не то, чтобы мысль о том, что она может сблизиться с ним, была ему неприятна, просто он вспомнил, как сам исполнял роль Наблюдателя.

— Я на ее месте стала бы делать именно это, — со знанием дела ответила Криша. — И если бы я при этом происходила из такой морально разложившейся культуры, как культура Биржи, то не колеблясь воспользовалась бы любыми доступными средствами, чтобы достичь своих целей. Подобные ситуации не складываются случайно, капитан, а у Биржи превосходная разведка.

* * *

Келли Морган осматривали, ощупывали, просвечивали и сканировали, безжалостно препарируя каждый квадратный сантиметр ее жизни, но это не было для нее чем-то неожиданным. Всему этому она уже не раз подвергалась за время подготовки к этому назначению. В какой-то степени ее подготовили и к открытой подозрительности и к враждебности, с какой мицлапланцы будут относиться к чужаку, но столкнуться с Маньей Святой Сцин вот так вот, прямо с порога, да еще и один на один, безо всякого буфера, оказалось нелегко.

Хотя ее снабдили подробными данными — вплоть до того, что, скорее всего, на это задание будет послана именно эта Длань, — первым ее впечатлением было, что все остальные здесь именно те, кого и следовало ожидать на корабле: в высшей степени квалифицированные специалисты, выполняющие свою работу. Большая часть известной ей информации касалась капитана, на которого были собраны обширные досье еще с тех времен, когда он сам был Наблюдателем, но сведения об остальных ограничивались обычными описаниями в информационной брошюре.

Возможно, эта информация была неверна, и они все были свихнувшимися на почве религии психами, но по крайней мере, эта Манья точно была совершенной фанатичкой. В каждой вежливой фразе она видела оскорбление и казалась чрез-

вычайно грубой и злобной. К ней не стоит поворачиваться спиной, решила Келли. Время от времени с Наблюдателями случались трагические несчастные случаи при исполнении обязанностей, в особенности если становилось ясно, что их заключения будут не такими, как кому-то хотелось бы. Предположительно, никто из этих жрецов не мог грешить, но понятие греха не было абсолютным, оно развивалось вместе с культурой и потом фильтровалось сквозь многочисленные слои философских размышлений. Эти люди считали миколианцев настоящими демонами, и если они не выиграют это дело, то станут посмешищем в глазах целой империи.

— Сколько вам лет? — злобно осведомилась Манья.

— Двадцать четыре, — ответила Келли.

— И вы еще не замужем?

— Нет.

— Но и не девственница, — пробормотала Манья. — Они посылают всяких шлюх судить нас.

— Я не шлюха и не судья, — отозвалась она, сдерживая гнев. В конце концов, она находилась на их территории. — Мой народ считает женщин ответственными ровно настолько же, как и мужчин. Мы можем выходить замуж по любви или вообще не выходить замуж. У мужчин есть такой же выбор.

— Это не вопрос выбора! — отрезала жрица. — Это касается самой сути того, что подразумевается под разумностью.

— Я знаю, что вам неприятно мое присутствие здесь, но однако, я здесь, я считаю себя разумной, и я буду справедлива. Почему бы вам не удовлетвориться этим?

— Потому что ваши люди — варвары! — раздраженно фыркнула Манья. — Не может быть цивилизации без правил. Без последовательной системы поведения, без четкого определения греха нравственность превращается в спор о том, как лучше дрессировать животных. Те, кто не знают ничего о грехе, скатываются к анархии, разложению и сатанизму. А если вы находитесь под влиянием дьявола, то никак не можете быть справедливой. Нельзя быть безразличным ко злу! Это само по себе зло!

— Я не безразлична ко злу, — заверила она. — Покажите его мне, и я засвидетельствую вашу правоту.

— Как вы можете быть не безразличны ко злу, если у вас это понятие не определено? Не найдется и двух человек, которые понимали бы это одинаково. А если вы безразличны ко злу, то вы враг всего, на чем зиждется мой мир.

— Значит, это так, и здесь ничего нельзя сделать, — ответила она, поскольку ничего другого ей не оставалось. Она очень гордилась тем, как хорошо владеет главным мицлаплан-

ским языком, Святой Речью, на которой все они говорили, невзирая на то, что она совершенно не подходила некоторым расам, но только сейчас начала понимать, что этот язык совсем не рассчитан на колкие реплики, в которых она была такая мастерица, когда пользовалась своим родным и еще шестью другими языками.

— В том-то и дело, — с горящими презрением глазами на пятнистом лице отчеканила Манья. — Ваше тело более чисто, чем ваша проклятая душа, хотя вам это ни о чем не говорит. Чисто с юридической точки зрения, во всяком случае.

— Моя душа — мое личное дело, Святая, — ответила она вежливо, хотя и холодно, сознавая, что у нее нет никаких шансов когда-либо расположить к себе Манью, — но сейчас речь идет не о моей душе и не о моем теле. Я постараюсь не путаться у вас под ногами и быть как можно более ненавязчивой. Это ваша проблема, не моя. Я не собираюсь увеличивать число ваших проблем и не буду этого делать, если только вы не вынудите меня.

Ухмылка гноллки была зрелищем довольно пугающим, в особенности если знать, что за ней не скрывается чувства юмора.

— Вы для меня не проблема, — заявила жрица. — Если вы будете верны поставленной перед вами цели, то не имеет никакого значения, насколько плохо мы будем с вами обращаться или что конкретно мы будем делать. В конце концов вам все равно придется засвидетельствовать нашу правоту.

К этому она была готова. На подготовительных занятиях ей говорили, что рано или поздно она услышит подобное заявление.

— Вы неправы, Святая; вам следует связаться по этому поводу с вашим Верховным Жрецом. — Она выпрямилась в полную величину своих ста пятидесяти двух сантиметров роста. — Видите меня? Я невелика ростом, но у меня триллион голов и триллион мечей! В нашей части галактики любая раса, причинившая мне зло, причинит зло собственным гражданам, а лица, ответственные за это, вне зависимости от исхода, будут отданы на суд двух других сторон. Вам может не нравиться Биржа и ее образ жизни, но вы и ваш народ должны уважать ее, поскольку ее силы равны вашим. Я всего лишь маленькая женщина и не мицлапланка, но здесь и сейчас, и в течение всего времени, пока я нахожусь на этом посту, я олицетворяю собой всю Биржу!

Она немного постояла молча, но Манья ничего не сказала в ответ, такая же по-гноллски бесстрастная, как и обычно.

Келли Морган глубоко вздохнула и сказала спокойно, но с ледяным холодом в голосе:

— А теперь, если мы закончили с этим, я хотела бы, чтобы меня проводили в мою каюту и дали мне отдохнуть.

Манья нажала кнопку интеркома, и на пороге тут же появилась Мазарун Кли, как будто все это время ожидала вызова под дверью.

— Отведи Наблюдательницу в ее каюту и покажи ей план корабля, — велела Манья.

Кли кивнула, потом поманила Морган за собой и вывела ее прочь. Дверь в изолятор и лабораторию закрылась с шипением, как нельзя лучше завершившим только что прозвучавший диалог.

Через миг напротив Маньи открылась другая дверь, и в изолятор вошла Криша.

— Ну как? Что ты думаешь? — спросила она гноллку.

Манья медленно покачала массивной головой из стороны в сторону.

— Трудно сказать. Она та, за кого себя выдает, — по крайней мере, с физиологической точки зрения. Они не осмелились подбросить нам какого-нибудь монстра или гибрид. И все-таки у меня почему-то такое чувство, что нас водят за нос. Дело даже не в моем врожденном недоверии ко всем язычникам, хотя отчасти и в нем тоже. Я просто чувствую, как языческие головы, которые выбрали ее для этой работы, постоянно витают где-то рядом, насмехаясь над нами. Она определенно ошибается, если считает, что я недооцениваю ее проклятую империю эксплуататоров и воров.

— Возможно, твоя беда в том, что ты **переоцениваешь** их, — предположила Криша.

— Нет, нет. Я ее провоцировала. Нарочно, пока за ней следили датчики. Я дошла даже до того, что начала запугивать ее.

— Я слышала.

— У нее скакнуло кровяное давление, сердце забилось, и она была настолько испугана и рассержена, насколько это вообще возможно, чтобы при этом не повредить себе, — все как я и ожидала. Но она не сломалась, не замкнулась и не начала юлить, а наоборот, отвечала спокойно и здраво и даже сама пригрозила мне, так искусно, что если бы я не обследовала ее, то решила бы, что она сделана из стали. Я не переоцениваю, я считаю, что судя по всему, те, кто выбрал ее для этой задачи, хорошо знали, что делали. Ни одна девушка в таком возрасте не может обладать подобным хладнокровием и самообладанием, или она совершенно незаурядная личность. Мне очень хотелось бы побольше узнать о ней.

Криша кивнула.

— Возможно, нашему бесстрашному капитану удастся ее расколоть, хотя если она настолько незаурядна, как ты считаешь, это не принесет ей никакого вреда, а нам никакой пользы. До Медары осталось чуть больше трех дней. Нельзя забывать, что наша настоящая проблема не эта девчонка, а ситуация на

Медаре. Если мы потеряем Медару, не сумев подкрепить доказательствами заявленный протест, что нам эта девчонка?

— Мы должны молиться о небесном покровительстве, — ответила Манья. — И о том, чтобы ситуация хоть немного прояснилась, — добавила она мрачно.

* * *

— Прошу прощения, капитан, за свой бледный вид, но путешествие было долгим, а условия далеко не идеальными, — сказала Келли Морган, войдя в небольшой захламленный закуток за капитанским мостиком.

Капитан встал и слегка поклонился.

— Вы выглядите вполне... приемлемо, уверяю вас. Присаживайтесь, пожалуйста.

Она плавным движением села, и Кумазон Кли взялся за работу так тихо, что напугал ее. Чин заметил, как она вздрогнула, и еле заметно улыбнулся, надеясь, что она не сочтет его улыбку за оскорбление.

— Лебуры — трудолюбивая и красивая раса, — сказал он. — Они образуют пары на всю жизнь, и каждый пол обладает свойствами, в которых другой нуждается, но сам не имеет, так что их отношения в такой же мере симбиотические, как и романтические. Мы любим говорить, что нуждаемся друг в друге и не можем прожить друг без друга, но в случае с ними это действительно так и есть. Кумазон не только глухой, но еще и физиологически немой, и может общаться телепатически только со своей женой, Мазарун. Но несмотря на это, у него блестящий ум, до которого нам далеко, и он очень ловко со всем управляется, иногда совершая десятки операций одновременно. Если кто-то и управляет кораблем, так это он, а я только руковожу, поскольку обучался в Академии.

Келли взглянула на еду. Она оказалась несколько странной, как Келли и ожидала, но в ней не было ничего такого, с чем она не встречалась бы в обучающих программах. Фактически, судя по этим программам, это был настоящий пир. На большинстве биржанских кораблей, за исключением больших лайнеров, довольствовались синтетической пищей, произведенной из отходов. Такая пища была питательной и вполне справлялась с задачей, которую обычно отводят пище, но вкус... скажем так — оставлял желать лучшего. На военных и прочих государственных кораблях Мицлаплана питались ничуть не лучше, но грузовики всегда славились хорошей и свежеприготовленной едой. На подобных кораблях было достаточно свободного места для этого, а в оди-

нокой жизни, которую вели их экипажи, хорошая еда была одним из немногочисленных удовольствий.

— Вы едите один? — с любопытством спросила она. — Не со всеми остальными?

Он вздохнул.

— Сомневаюсь, что кто-нибудь из них составит мне компанию в этом путешествии. Обычно перед Святой Миссией они молятся и постятся. В любом случае, от такой обильной еды у них разболелись бы животы. Жрецы ведут довольно аскетическую жизнь, ведь они уже одной ногой находятся в другом мире. Должен признаться, что сам я принадлежу к проклятым. Чем больше я смотрю на них, тем больше восхищаюсь их жизнью и тем меньше хочу подобной участи для себя. Боюсь, я слишком доволен своей долей. Мне никогда не подняться выше.

Келли слегка улыбнулась и попробовала еду. Она была восхитительной; у Келли хватило опыта не спрашивать, что она представляет собой на самом деле. В чужом месте стоит только начать это делать, и можно закончить таким же строгим постом, как у Святых. А это место действительно было чужим, пусть даже мужчина, сидевший напротив нее, и происходил из той же расы, что и она.

— Я нахожу вашу прямоту несколько странной, — сказала она, утолив первый голод. — Мне кажется, что человеку, думающему так, как вы, вряд ли доверили бы выполнение подобного задания.

Он пожал плечами:

— Я не делаю секрета из своей позиции, и они это знают. Манью и, думаю, Савина тоже она несколько шокирует, и, боюсь, довольно большую часть молитвенного времени они тратят на меня. Морок только одобряет мою откровенность, он говорит, что она укрепляет его уверенность в моей надежности, а у Криши слишком земное прошлое, чтобы не понимать. Боги использовали грешников, даже самых закоренелых, для своих дел с незапамятных времен. В истории любого народа нет ни одной религии, где было бы не так. Мои собственные предки всегда были прагматиками. Они молились своим богам о дожде и получали засуху, молились об урожае и получали нашествие саранчи, но все равно продолжали молиться. Морок считает, что боги создали меня таким, потому что именно таким я им для чего-то нужен, а я предпочитаю верить ему на слово.

Она засмеялась; ее смех, похоже, доставлял ему удовольствие. Ей начинал нравиться этот Ган Ро Чин, который казался единственным островком здравомыслия в этом море узколобых Святых.

— Вы сказали, что у Криши земное прошлое, — заметила она, пытаясь узнать об этом народе как можно больше. — Я считала, что Святыми рождаются, а не становятся. По-

моему, я где-то читала, что они — совершенные сосуды, подготовленные для того, чтобы в них вошли души Святых.

— В какой-то степени это так, — признал он. — Большинство из них действительно появилось на свет специально для этого. Но не каждый, кто растет в этих совершенных телах, становится Святым, как бы усердно они ни старались. Говорят, что иногда в них попадают недостойные души, или число душ, поднявшихся до этого уровня, не настолько велико, как наша возможность выращивать физически совершенные тела, что позволяет войти в них праведным, но еще не совсем готовым душам. Таких отбраковывают и потом смешивают с остальным населением. Других же, как Кришу, не выводят, а они появляются среди обычных людей, и их по тем или иным причинам определяют в Святые. С Кришей именно так и было. Она родилась от обычных родителей, которых знала, с ней не производили никаких генетических манипуляций, она выросла так, как растут все простые люди, у нее было обычное детство, она училась в школе, как и все остальные.

— И в один прекрасный день местный жрец, или кто там у вас, увидел, что она ведет себя как Святая, и забрал ее?

Чин вздохнул.

— Нет, на самом деле, все было совсем наоборот. Она была бунтаркой, отвергала наше общество и его стандарты. Она отказалась от брака, который устроили для нее родители и Церковь, а когда поняла, что ее все-таки заставят вступить в него, сбежала. Это считается преступлением против Церкви. Разумеется, ее нашли и поставили перед выбором: либо она раскается в непокорности, либо предстанет перед церковным судом. Она отказалась раскаяться, и ее судили. Ее семья обладала некоторым влиянием, а у нее были сильные телепатические способности. В подобных случаях церковный суд нередко постановляет, что обвиняемый является попавшим не в то тело Святым, — что и было сделано в этом случае. Было решено, что ее непокорность вызвана именно этим, поэтому ей отпустили все грехи, и она предстала перед Ангелом Мицлапланом, а после этого люди или становятся жрецами, или умирают. Она не умерла, поэтому она здесь.

Как и господствующие расы двух других империй, Мицлапланы были древней расой, одной из самых старых. Хотя ни один чужак никогда их не видел, они были куда более реальными, чем Хранители Биржи, где даже самые высшие чиновники не имели — или, по крайней мере, заявляли о том, что не имеют, — понятия о том, кто или что такое их начальство и где оно находится. Мицлапланы были небольшими приземистыми существами темно-серого цвета, в среднем примерно метрового роста, большую часть которого составляла громадная, несколько похожая на терранскую

голова. У них были огромные глаза, широкие носы с подвижными ноздрями и чудовищные толстогубые рты с крошечными, как волосинки, щупальцами внутри и вокруг губ. На головах, точно у медуз, росли более толстые щупальца. Руки и ноги у них были лишь рудиментарными. Мицлапланы были бы практически беспомощными, если бы не одна расовая особенность, делавшая их властителями.

Гипнотов вокруг была масса — взять к примеру того же Морока, — но хотя некоторые из них и обладали огромной силой, она не была постоянной и через какое-то время ослабевала, и не все расы были в равной степени восприимчивы к ней. Встретиться же с Мицлапланами означало встретиться с целой расой гипнотов, расой настолько могущественной, что ни одна другая из известных рас, кроме Миколей, не могла сопротивляться их воле, и против которых даже у самых сильных не-мицлапланских гипнотов не оставалось никаких шансов. Ни знания, ни происхождение, ни намерения ничего не значили — сталкиваясь с Мицлапланом, ты оказывался перед лицом истинного бога и мог лишь поклоняться и подчиняться ему без вопросов и колебаний. Любой, столкнувшийся с ними, становился их абсолютным рабом, подчинявшимся любому их приказу и готовым на что угодно, даже убивать или безропотно позволить убить себя.

Никто не знал точно, восприимчивы ли Хранители к силам Мицлапланов, поскольку в двух других империях об этой загадочной расе знали не больше, чем было известно их собственным подданным. К счастью для Хранителей, для гипнотического воздействия требовалось непосредственное физическое присутствие. Силы Мицлапланов действовали на расстоянии лишь нескольких метров, а если эта древняя раса вообще еще и продолжала размножаться, то этот процесс был очень медленным, а империя слишком огромной.

Те немногие, кто не покорялся воле Мицлапланов, либо умирали в агонии после пережитого, либо превращались в бессловесных и безмозглых животных. Даже Миколи, единственная из известных рас, не подпадавшая под воздействие Мицлапланов, погибали в их присутствии. Но умирая, они забирали Мицлапланов с собой. Нетрудно было понять, почему мицлапланцы считали Миколь империей зла, олицетворением всего греховного и нечестивого.

Морган представила себе бедную Кришу, которая хотела всего лишь независимой жизни и возможности самой принимать решения, насильно приведенную к Ангелу Мицлаплану и лишенную собственной воли. Кришу, чей характер перенаправили на защиту и увековечивание той самой системы, которой она сопротивлялась, вбив ей в голову доктрину, определявшую понятие греха и запрещавшую впадать в этот грех.

 Чин словно прочитал мысли Келли:

— Понимаете, они ведь действительно не могут грешить, — заметил он небрежно. — Разумеется, у них бывают грешные мысли, ведь они все-таки люди и живут в мире людей. Их терзают те же искушения, что и нас — полагаю, даже больше, чем, к примеру, меня, который большую часть времени находится в космосе, — но в отличие от нас, они не могут уступить им, даже на миг.

— Прошу прощения, если мое замечание покажется вам оскорбительным, но я бы, наверное, сошла с ума от такой жизни, — отозвалась она.

Он пожал плечами.

— Здесь нет ничего оскорбительного. Я часто думал о том же, но, разумеется, они не могут сойти с ума. Видите ли, для вас и для меня религия — это часть культуры, общественный институт, но где-то в глубине души мы сомневаемся в некоторых ее моментах и задумываемся над ними. А они так не могут. Они верят в это не как-нибудь академически, ритуально или эмоционально — они **знают** это, знают с такой определенностью, которой нам никогда не почувствовать. Все их вопросы, все сомнения, вплоть до самых глубинных уровней их души, были уничтожены.

Она удивленно поглядела на него.

— Неужели и у вас есть сомнения?

Он усмехнулся.

— Мадам, одним из преимуществ нашей системы является то, что я смог получить отличное и разностороннее образование. Кроме того, меня искренне интересует древняя история и культура моего народа. Вдобавок ко всему этому, я не хуже вас знаю историю и экзобиологию Вселенной. Капитаны грузовых кораблей — самые мыслящие люди из всех, которых я знаю, поскольку нам больше нечем заниматься. Небольшие церквушки, разумеется, есть на всех кораблях, но храмы остаются во многих световых годах от нас, и самое последнее, чего бы хотелось любому космолетчику, — это приземлиться на планете в Святой День. Многие мои коллеги постоянно подвергаются за это суровой епитимье. Если у них возникают подобные мысли — а они не могут не возникать, — каждый раз, когда они приземляются, эти мысли становятся известны Святым. Единственный способ избежать, скажем так, неприятностей — это думать подобающим образом. По сравнению с ними я счастливчик, поскольку я Нуль, и мои мысли остаются исключительно моими.

Она кивнула:

— Думаю, я понимаю.

Присутствие на корабле Нуля, да еще и такого искушенного и опытного, как этот капитан, было для Келли неожиданным и очень благоприятным поворотом событий. Число людей,

обладающих хоть какой-то свободой, пусть даже только свободой мысли, в этой абсолютно конформистской культуре, скорее всего, исчислялось какими-нибудь сотнями, максимум несколькими тысячами. В такой ситуации столкнуться с одним из них, да к тому же еще и терранином, было почти слишком невероятной удачей, чтобы быть правдой.

Это наводило на неприятные мысли. Будучи сама Нулем, она не могла проверить, является ли Чин тем, за кого себя выдает. Один факт, что Святая Инквизиция держала такого человека на службе, был сам по себе очень подозрительным. Она очень хорошо знала, как легко можно перекроить личность под чьи-то нужды. Этот капитан по долгу службы пытался отнестись к ней по-дружески, но было бы ошибкой недооценивать этих людей только потому, что их общество было таким подавляющим и порабощающим. В конце концов, мицлапланцам удалось насадить свою общественную систему среди ста с лишним рас, часть из которых в буквальном смысле слова не имела друг с другом ничего общего, и держать их вместе, связав относительно развитой технологией и даже позаимствовав некоторые черты у религий, которые они подавили, и при этом еще и подняться до такой ступени развития. В действительности Ган Ро Чин мог быть практически кем угодно, даже жрецом.

Жрецы действительно не могли грешить, но понятие греха было относительным в любой культуре. Вряд ли обмануть иноверца, неверующего, язычника из общества, которое этим людям казалось клоакой, считалось у них грехом. Некоторые древние религии не считали грехом человеческие жертвоприношения — наоборот, многие даже полагали убийства и истязания неверующих праведным деянием. Это была культура, представители которой были вполне способны взорвать себя вместе с бомбой, уничтожившей целое здание, город, даже целый мир, если бы их Церковь убедила их, что такова воля богов, и что этим они обеспечат себе новую инкарнацию на более высоком уровне.

* * *

Ган Ро Чин потягивал горячий чай, уютно устроившись в потертом старом кресле в кают-компании. Напротив сидела Криша, немного бледная и усталая, но все-таки даже без тщательно уложенной прически, макияжа и украшений чертовски привлекательная.

— Вы провели с ней уже несколько дней, — начала офицер службы безопасности. — Я хотела бы узнать ваше личное мнение.

Капитан отставил чай и еле заметно пожал плечами.

— Она действительно сильно сблизилась со мной, и, должен признаться, я не делал ничего, чтобы помешать ей. Увы, мотивы у нас одни и те же. Она пытается заполучить союзника и друга, так же как и я пытаюсь завоевать ее доверие.

— Скромничаете, капитан? Или вы действительно убеждены, что она не считает вас неотразимым?

Чин хмыкнул, но от прямого ответа уклонился.

— Это не относится к делу. У нее есть задание, которое она должна выполнить, вне зависимости от личных чувств и желаний. Она довольно занятна — пожалуй, занятнее всех остальных, кто здесь есть. Для такой молодой женщины она невероятно эрудирована и как нельзя лучше умеет открыть лишь то, что хочет открыть, и вытянуть из меня очень многое, даже если я стараюсь отмолчаться. И все-таки...

— Что?

— У меня такое ощущение... сам не знаю почему, но мне кажется, что в глубине души она очень нервничает. Не из-за нас, не из-за этого корабля, не из-за путешествия, но из-за **чего-то.**

— Значит, теперь вы не Нуль, а медиум?

Он рассмеялся.

— Я не буду гадать на кофейной гуще, обещаю. Мне приходится общаться с очень разными слоями общества, и все это перемежается долгими периодами изоляции, что позволяет мне взглянуть на многое со стороны. При этом очень быстро учишься видеть людей. Какое бы впечатление ни производила Келли Морган, она профи. Она знает, что я ее веду, но скрывается куда больше, чем стал бы скрываться простой Наблюдатель. Я почти чую это. И это ощущение усиливается с каждым днем, по мере того как мы приближаемся к цели.

— И в чем же, как вам кажется, причина этого, если не в обычной нервозности?

— Я могу лишь предполагать общую природу этого. У Биржи отличная разведслужба; пусть она не обременена понятиями морали и этики, но вместе с тем она не обременена и предсказуемостью, чем зачастую грешим мы или даже миколианцы. Келли очень хорошо осведомлена, возможно, даже слишком осведомлена. Полагаю, она куда больше, чем даже мы сами, знает о том, куда мы направляемся и что там обнаружим.

— Но ведь Медара была изолирована сразу же, как только произошло убийство. Там не появлялся ни один новый человек с тех самых пор, как... О! Ясно! Вот в чем дело, не так ли?

Ган Ро Чин торжественно кивнул:

— Вот именно! Не стоит упускать из виду нашу собственную контрразведку. Претензия на колонию была за-

явлена противником с другой стороны рубежа, что является ключевым моментом в нашей галактической игре в го. Мы с Биржей можем быть соперниками, даже потенциальными противниками, но сейчас это несущественно. Сколь бы сильное недоверие, подозрение или даже неприязнь мы ни питали друг к другу, у нас есть общий враг. Я изучил звездные карты. Медара находится в стратегической точке района, на который претендуем мы и Миколь. Сама Биржа претендует на миры, расположенные всего в нескольких световых годах оттуда, и между нами находятся миколианцы. Я не могу знать, насколько эти территории ценны для Миколя, но предположим, что одна или несколько из этих планет представляют огромную потенциальную ценность для Биржи. У Миколя могло бы появиться искушение схитрить, ввести туда армию и уничтожить их — конечно, **если бы** поблизости не было никого, кто мог бы отследить подобный шаг — то есть мицлапланского присутствия на Медаре. Что бы сделали вы на их месте?

Криша задумалась.

— Первым делом, разумеется, попыталась бы вывести нас из игры. Если мы потеряем Медару, это отбросит нас назад, сведет все наши попытки на нет. — Она внезапно поняла, куда он клонит. — О! Понимаю... Я бы очень постаралась сделать так, чтобы на Медаре был наш человек, который сообщал бы нам обо всем, что происходит, и заботился, чтобы все полученные сведения доходили до нас. Вы считаете, что у Биржи свой агент на Медаре?

Он кивнул.

— Если вы правы, — сказала Криша, лихорадочно размышляя, — тогда мне необходимо знать личность этого агента. Я ни в коем случае не хочу, чтобы его взяли, но я должна выяснить, кто он. Если бы нам удалось узнать шифры и методы передачи сообщений, которые он использует, не насторожив при этом Биржу... это было бы в высшей степени полезно. Не говоря уже о том, что мы должны будем сделать так, чтобы Биржа получала именно те сведения, которые мы хотим до них донести. — Она вздохнула. — Но мы будем заняты основным расследованием. Их человеком займетесь вы — а если вам понадобится помощь, мы попытаемся оказать ее вам.

— Я уже думал об этом. Полагаю, Келли мне доверяет — до определенной степени. Я намерен воспользоваться этим доверием.

— И все-таки, — предостерегла Криша, — будьте осторожны. Задайте себе вот какой вопрос. Как вы думаете, в такой ситуации они послали бы туда кроткого агнца или все-таки одного из своих лучших людей?

— Я пытаюсь не поддаться искушению недооценить ее. Надеюсь только, что она недооценивает **меня**.

Криша вздохнула и медленно покачала головой.

— И все это только догадки, основанные лишь на том, что, глядя в ее большие голубые глаза, вы уловили какую-то нервозность.

— Ревнуете?

— Да, — ответила она довольно резко, не принимая его шутливого тона. — Не в романтическом смысле, разумеется. Ох! По-моему, именно это хуже всего. Неспособность лгать временами превращается в проклятие.

Он понял — насколько это вообще было возможно это понять, не находясь на ее месте, — что она имела в виду. Неспособность совершить грех — далеко не то же самое, что безгрешность. Криша была все еще молодой и привлекательной, и, в отличие от товарищей по Святому Ордену, попала туда не по своему желанию. Они или были созданы специально для этого, и выросли, не думая ни о чем другом, или же пришли к этому самостоятельно и были сочтены подходящими. Да, у каждого из них тоже были свои искушения, бремя, сожаления, но в любом случае их ситуация была совершенно иной. Никто из них, насколько Чин знал, не был посвящен в сан против собственной воли.

Криша была примером не мицлапланской набожности, а, скорее, мицлапланского правосудия. Она была живым напоминанием для всех, кого посетило бы искушение освободиться от системы. Тот, кто отвергал систему и ее ценности, в наказание был вечно обречен не просто соблюдать все эти правила так, как не под силу ни одному обычному человеку, но еще и служить им и поддерживать их. Ее главной обязанностью в Инквизиции было не проводить изредка случающиеся полноценные расследования, а скорее странствовать, беседуя с юными девушками и пытаясь определить сомневающихся или потенциальных бунтовщиц, — и воздавать им по заслугам. Для располагающего к себе человека и сильного телепата эта задача была не слишком сложной. Тех, кого ей было не под силу вернуть на путь истинный самостоятельно, она отправляла к сильному жрецу-гипноту вроде Морока, который вместе с местным духовенством мог превратить почти любого сомневающегося в истинно верующего.

Но обычно нужды в столь радикальных мерах не возникало. Она была самым лучшим ходячим примером для непокорных, потому что могла рассказать им о собственном бунте и наказании за него. Ее сделали неспособной совершить грех и неспособной не служить в том качестве, в каком ей было приказано, но при этом нарочно не стали менять изнутри.

На этой стадии большинство людей уже ломалось, становилось фанатиками, как Манья, полностью подавившими или отказавшимися от своего прошлого «я». Именно так и должно

было происходить в конце концов. Не сломаться означало жить в постоянной пытке, быть вынужденным вести себя не так, как хотелось, предать все то, что ты считал правильным, подчиняться тому, что ты всегда отвергал, и не иметь возможности ничем облегчить эту боль.

Капитана страшила неизбежность ада; Криша Святая Мендоро уже жила в нем.

— Итак, вы завидуете ей, потому что она такая, какой вы хотели бы быть?

Криша хмуро кивнула.

— Да, так. Я уже призналась в этом Мороку, и он велел мне молиться много часов подряд, чтобы избавиться от этих чувств. Я так и делаю, но это не помогает. Беда в том, что, будь она одной из нас, пожелать ей зла было бы ужасным грехом, но она наш противник. Вера учит нас, что противник наслаждается сейчас, в короткое время жизни, но неизмеримо страдает целую вечность после смерти, тогда как для нас все наоборот. Я верю в это, но так и не смогла смириться с этой несправедливостью.

— Я был в ее империи, — напомнил Чин собеседнице. — Хотя некоторые из них и ведут роскошную жизнь, большинство прозябает в нищете и никогда не выберется из нее, а те немногие, кто находятся наверху, достигли этого положения за счет остальных. Признаюсь, вначале я завидовал тем, кто может пользоваться всеми благами, но вскоре был поражен их неравенством. Это уродливый мир, и те, кто находится наверху, даже не могут увидеть и понять его уродливости. У них за все надо платить, для них в этой жизни нет совершенства. Отдельные личности стоят выше нужд общества, выше народных масс. Это культура алчности и корыстолюбия. Миколианцы же построили структурированную иерархию, являющуюся в каком-то смысле гибридом биржанской и нашей, но в которой народу по большей части отводится роль простого мяса, доля простого человека зависит от его субъективных качеств, а верхушка так удалена и оторвана от основания, что у них не существует ни морали, ни этики, ни какой-либо системы, за исключением власти. Наши Святые не злоупотребляют своим положением; наш народ не голодает, мы не приносим человеческие жертвоприношения, у нас невинные не попадают в рабство, не скатываются в пучину разврата и не гибнут ужасной смертью, чтобы потешить эго правящей верхушки. От неравенства избавиться невозможно, но из всех трех империй мы единственные, у кого есть ценности, обязательства перед другими, истинное определение греха. Я один из немногих, кто мог бы жить где угодно. Я видел другие места, но все-таки я до сих пор здесь.

Она обдумала его слова.

— Тогда, возможно, — отозвалась она задумчиво, — ваш опыт — это именно то, что нужно для истинного покоя. Верно, у нас есть и ценности, и социальная система, которая работает, и чувство греха, но мы никогда не видели все это с такой позиции, с какой посчастливилось увидеть вам. Возможно, если бы я видела то, что видели вы, моя душа смогла бы обрести покой.

— Интересная мысль, — согласился он, вытаскивая сигару и разглядывая ее. — Возможно, нельзя по-настоящему понять, что такое грех, пока не столкнешься с ним в реальности.

ОЧЕНЬ ДРЕВНЯЯ ИГРА

Возможно, Медара и находилась в руках Святых, но райским уголком назвать ее уж точно было нельзя.

Вся передовая база, или «правительственная колония», как она звалась на жаргоне межзвездных договоров и конвенций, состояла из нескольких унылых блочных строений с округлыми крышами, соединенных закрытыми, но не отапливаемыми круглыми галереями. Комплекс занимал всего несколько акров — единственные на всей планете следы обитания людей; мрачно-серые уродливые сооружения, теряющиеся в унылом и неприветливом пейзаже тускло-желтых и грязно-белых тонов, и пологие горы, демонстрирующие действие безжалостного выветривания.

Самой заметной из здешних трудностей был ветер. Он дул постоянно и сильно, казалось, это дул в ярости какой-то незримый великан, отчего все сотрясалось и дребезжало. Атмосфера была довольно плотной, но с недостаточным для большинства рас содержанием кислорода, поэтому, выходя наружу, почти всем приходилось надевать небольшие респираторы. Теоретически лагерь был герметичным, с воздушным шлюзом на каждом входе и выходе, но конструкторы не учли этот ветер, и швы часто трескались, пропуская драгоценный воздух. Все жители колонии постоянно носили респираторы на шее, зная, что рано или поздно они непременно понадобятся. Один из швов прорвало в ночь смерти Ву, и следы поспешного ремонта все еще были видны.

На краю лагеря, наиболее удаленном от лабораторий и исследовательской станции, находилась маленькая часовня с ризницей, где обнаружили мертвого Ву Святого Ли Тая, лежащим головой на столе.

Высокий и зловещий на вид Савин нервно побарабанил когтями по хитиновому экзоскелету, изучая план лагеря, потом покачал массивной головой.

— Это невероятно, — пробормотал он, настолько же себе самому, как и Крише, сидевшей рядом. — Все пять-

десят четыре живут рядом с местом преступления и имеют свободный доступ в ризницу. Никто и не заметил бы, что кто-то вошел туда, даже если бы в часовне было полно народу. Нужно выяснять мотивы. Это мог сделать любой. Если Манья не найдет какой-нибудь способ, у нас нет никакой надежды определить, кто из них сделал это.

Криша мрачно кивнула:

— Похоже, придется нелегко. Я нарочно сидела взаперти и нигде не показывалась, но очень скоро они все будут знать о нас больше, чем мы сами о себе знаем. В подобных местах так всегда случается. Необходимо начать допросы немедленно, прежде чем они успеют подготовиться. Воспользуемся ризницей. Ты будешь допрашивать, а я посижу за экраном и монитором. Талантов вызывай последними, пускай поломают голову относительно наших сил и способностей.

Савин издал звук, прозвучавший как далекий раскатистый грохот, но обозначавший стон.

— Пятьдесят четыре! Полдюжины Талантов и сорок восемь обычных людей! Это затянется надолго.

— Значит, стоит приступить побыстрее, — предложила Криша; она тоже не горела желанием, но выбора у них не было.

С противоположной стороны комплекса колонии, в крошечном госпитале, рассчитанном всего на две койки, сидела Манья, с остервенением колотя по кнопкам. Давно почивший и кремированный жрец появился на голографическом изображении, настолько подробном, что почти казалось, будто его тело находится здесь, хотя ему вряд ли подошло бы описание «как живой».

Манья недовольно подметила, что персонал колонии в точности соблюл требуемую процедуру, — по крайней мере, хоть что-то. Как только тело обнаружили, всех немедленно удалили до тех пор, пока местная группа безопасности в составе трех человек тщательно не сфотографировала и не описала место смерти. Потом тело перенесли в госпиталь и произвели полное обследование, воссоздав полную картину внутри и снаружи мертвого тела вплоть до молекулярного уровня. Благодаря этому теперь, много дней спустя, Манья могла медленно, тщательно снимать с жертвы слой за слоем, извлекая больше информации, чем могла бы получить из самого тела, концентрируясь и вычленяя каждый фактор, который привлекал внимание.

В крови и прочих жидкостях организма не обнаружилось никаких существенных отклонений, но она и не ожидала, что они обнаружатся. В содержимом желудка не оказалось никаких следов отравляющих или вообще каких-либо веществ, более губительных, чем остатки очень острого рагу. Не было ни признаков внезапного шока, например, электрического удара или поражения каким-нибудь излучением, ни вообще каких-либо других очевидных при-

знаков смерти. Сердце, легкие и прочие внутренние органы, судя по всему, находились во вполне приличном состоянии. Самым худшим, что выявило первичное обследование, была существенная дряблость, свидетельствовавшая, что Святой Ву не слишком утруждал себя тренировками, и склонность к полноте, которая вовсе не была сверхъестественной у кастрированного мужчины-терранина.

Ничего другого Манья и не ожидала. На самом деле, чем меньше она обнаруживала, тем крепче становилось ее убеждение, что Ву Святого Ли Тая убили. Ловкие и опытные во всем остальном убийцы попались в старую, как мир, ловушку. Если хочешь, чтобы чья-то гибель выглядела как смерть от естественных причин, следует позаботиться о наличии какой-нибудь бросающейся в глаза естественной причины. А здесь она не находила абсолютно ничего, даже никаких признаков депрессии или серьезного психохимического заболевания, от которого мужчина в таком возрасте и состоянии мог внезапно упасть замертво, что само по себе было бы крайне подозрительным.

И все же она жалела, что у нее нет тела, чтобы произвести сравнение. Все компьютерные записи можно изменить, хотя и не бесследно. Морок, который был почти гением в этой области, работал в этом направлении в соседней комнате.

Все так усердно занимались этим делом, что Ган Ро Чину и Келли Морган делать было почти нечего. Поскольку Морган отводилась всего лишь роль Наблюдателя, то даже если бы кто-нибудь подошел к ней и сказал: «Привет! Я миколианский убийца и собираюсь прикончить всех здешних жителей одного за другим», она не имела права ничего предпринять, даже выдать его, не нарушив при этом клятву сохранять нейтралитет. Доказывать было заботой Святой Инквизиции, она же могла лишь удостоверить и подтвердить их решение.

Работой Ган Ро Чина было наблюдать за ней. Не слишком неприятная задача, даже если они и ничем не занимались, но до сих пор наблюдение за ней не принесло никаких результатов. Она казалась не больше и не меньше заинтересованной в ком-либо из колонистов, чем он сам. Действительно, если его подозрения относительно присутствия в лагере агента Биржи были справедливыми, она скорее всего и не будет ничего предпринимать, если ее не вынудят к этому обстоятельства.

Некоторое время Чин и Келли просто гуляли по станции; персонал держал себя с биржанкой вежливо, хотя и холодновато. Разумеется, этого можно было ожидать. Если дела пойдут плохо, она вполне может оказаться той, чье свидетельство перед судом вынудит их убраться с планеты, уступив ее самым заклятым врагам.

— Развлечений здесь не слишком много, — удрученно заметил капитан.

Она кивнула:

— Должно быть, работать здесь очень тоскливо. Они все добровольцы?

— Большинство, — сказал он. — Нельзя по приказу отправить людей жить в таких условиях, в какой-то заброшенной дыре, и после этого ожидать, что они будут работать. Думаю, чтобы не сойти с ума, нужно действительно любить такую жизнь.

Ветер снаружи взвыл, тряхнув стены, и Келли поежилась, хотя холодный воздух и не проник внутрь. Он был вынужден признать, что и сам чувствует себя примерно так же неуютно, к тому же стены колонии давили на него. Его корабль был намного больше этого комплекса, и там, даже с Инквизицией на борту, он мог побыть в уединении, когда ему того хотелось.

— Как они расслабляются? — спросила Келли. — Ну, развлекаются? Чтобы нарушить унылое однообразие?

— Вы считаете нашу веру более суровой и строгой, чем она есть на самом деле. Существует множество сект, где много поют, и даже танцуют. Кроме того, здесь есть хорошая библиотека и существуют разнообразные кружки, начиная от самосовершенствования и заканчивая техническим обслуживанием и ремонтом.

— Звучит очень заманчиво, — заметила она едко.

Он пожал плечами.

— Мицлапланцы живут верой и находят в этом огромную радость и утешение. Это не какая-нибудь из ваших религий, когда можно раз в неделю сходить в церковь, покаяться и вздохнуть спокойно. Это скорее стиль жизни. Они приносят себя в жертву всеобщему благу, и в этом есть огромное удовлетворение.

— Хм. Да, возможно. Давайте сходим посмотрим на остальных. Интересно, нашли ли они что-нибудь.

— Сомневаюсь, чтобы так скоро. — Но он не мог не признаться, что и сам хотел бы увидеть знакомые лица и услышать хоть какую-то информацию.

* * *

— Даже с помощью компьютеров на полное судебно-медицинское вскрытие уйдет не меньше трех дней, — сообщила Манья с раздражением в голосе, вызванным не столько присутствием Морган, сколько тем, что ее прервали.

— Но вы уже склоняетесь к какой-то версии? — спросил Чин, пытаясь отвлечь Манью от Наблюдательницы.

— Трудно сказать. Он определенно не был болен, и это не было отравление или шок. Если бы не тот факт, что он

прекратил дышать и его сердце перестало биться, сейчас он должен был бы быть жив. Самой вероятной гипотезой, учитывая то, что можно исключить практически все известные естественные причины, будет очень старый способ — инъекция воздуха.

— А?

— Кто-то вошел к нему в кабинет, возможно, когда он спал, и ввел ему шприцом воздух в вену. Когда пузырьки воздуха доходят до сердца, они вызывают спазмы и смерть. Поскольку это только воздух, вскрытие не покажет вообще ничего. Воздушные пузырьки могут находиться и в крови, которая уже перестала циркулировать, и в теле, которое уже не работает.

— Но я считала, что подобный метод не может не оставить какого-нибудь следа в месте укола, — заметила Келли Морган. — Даже высокоскоростной воздушный шприц оставил бы какое-нибудь отверстие.

Массивная голова Маньи взметнулась вверх, и она уставилась Морган в глаза.

— Хорошо разбираетесь в убийствах, да? Вы правы. В том случае, если он не находился в состоянии вроде бессознательного ступора — но в его крови не обнаружено ни наркотиков, ни ядовитых газов, ни каких-либо следов насилия, способных привести в бессознательное состояние. Он просто проснулся, вскрикнул от удивления, а потом упал на стол.

Это было неожиданностью даже для Чина.

— Как, во имя всего святого, вы определили это?

Узловатый палец показал куда-то наверх, и они проследили за ним взглядом.

— Потому что здесь повсюду камеры и прослушивающие устройства, идиот! Везде, кроме ризницы. В одном из главных лабораторных мониторов за неделю до убийства Святого сгорел кинескоп, и обнаружилось, что запасных такого размера у них не имеется. Увы, в этом нет ничего необычного, учитывая как давно в последний раз сюда присылали запасы. Ву сам добровольно отдал монитор из ризницы, поскольку он был одним из немногих, совпадавших с лабораторным по размеру. В результате записи того, что здесь произошло, у нас не осталось, но Мороку удалось снять слабый звук с прослушивающего устройства в часовне.

Морган, казалось, стало слегка не по себе.

— Вы всегда следите за каждым квадратным миллиметром? Это кажется немного... чрезмерным.

— Разумеется, нет! — сердито отрезала гноллка. — Но в этой ситуации, в обстановке такой секретности и всего в двух днях от границы Империи Зла, это обычная процедура. Если компьютер не улавливает ничего подозрительного, или не про-

исходит какого-либо инцидента, мы всегда соблюдаем конфиденциальность. Жрецы, являющиеся здесь единственными представителями своих рас, должным образом просматривают записи и если не находят ничего интересного, стирают их.

Морган задумалась.

— Понятно... Но если это действительно было убийство, то оно в очень большой степени зависело от того, чтобы все прошло гладко, верно? Я хочу сказать, — если даже предположить, что это убийца разбил монитор в лаборатории, жрец ведь был не обязан жертвовать своим монитором. Его могли взять и с какой-нибудь другой части станции. Это все так сложно, что кажется чудом, как это что-нибудь не пошло не так.

— Не стоит недооценивать силы Ада! — фыркнула Манья. — А теперь позвольте мне вернуться к делу! Я как раз искала след от укола.

— Думаю, нам стоит сходить к Мороку, — предложил Чин. Морган кивнула, и они вышли из комнаты.

Крылатый старгин пока еще не был готов делиться идеями с Наблюдательницей, но все же рискнул выдвинуть несколько предположений.

— Полагаю, результаты судебно-медицинского исследования подделаны, — сообщил он. — Это сделано очень искусно — нет, совершенно **блестяще,** — но мне удалось обнаружить следы перезаписи файла, в котором, как я думаю, и были подлинные результаты исследования. Изменения в размере файла совершенно незначительны. Добавили они что-нибудь, или только слегка изменили оригинал, теперь не определить, хотя вставка чего-то, чего там не было, могла бы и насторожить опытный глаз.

Чин заявил:

— Этот убийца, однако, просто дьявольский гений! Он знаком с системой безопасности, знает судебную экспертизу, разбирается в медицине настолько хорошо, чтобы почти безо всяких следов изменить результаты сканирования. Это настолько выдающаяся личность, что он сумел пробраться сюда и прожить здесь целый год, не будучи обнаруженным, а сейчас умудряется водить всех за нос уже при повышенных мерах безопасности, которые ввели после убийства, и при этом еще и с завидной легкостью подделывает доказательства! Я начинаю думать, что единственный способ справиться с подобным существом — это экзорцизм, потому что он явно не из плоти и крови.

Блестящие задумчивые глаза Морока быстро обвели комнату.

— Может быть, — отозвался он, — но все это части одной головоломки. Если мы сможем понять, почему Ву — и **только** Ву, — был убит, все остальное, возможно, сразу же встанет на свои места.

Они отправились в другой конец комплекса, где находилась часовня. Вой ветра за стенами колонии временами становился просто невыносимым. В одном из отсеков, где было потише, Келли Морган заметила:

— Я готова признать, что эта смерть действительно выглядит сомнительно, но все остальное звучит уже слишком невероятно. Если бы миколианцы действительно были настолько ловкими, мы все давно были бы членами миколианских роев.

Чина так и подмывало согласиться с ней. Если результаты вскрытия были подделаны, то бесспорно доказать по ним, что Ву был убит, не получится. Если подделка была настолько искусной, что они могли лишь заподозрить ее, но не доказать, они зашли в тупик. То, что они раскопали, в лучшем случае может быть основанием для Морган заявить о том, что насилие могло иметь место и обвинения против Миколя были мотивированными. Этого **может** быть достаточно для того, чтобы Медара осталась в Мицлаплане — с предупреждением, — но это ничего не объясняет. Миколианцы должны были предвидеть такой результат. Зачем тогда было затевать все дело?

Оставалось надеяться на Кришу с Савином.

Каждого колониста допрашивали по отдельности. Примерно половина из них оказалась терранами и достаточно молодыми; они все поголовно были женаты и жили на станции вместе с женами, чтобы сохранить семью. Детей на станции пока еще не было, но несколько женщин были уже заметно беременны, чего только и можно было ожидать в таком месте, где по ночам все равно больше нечем заняться.

Было там и несколько гнолльских пар. Келли Морган заметила, что мужчины и женщины у гноллов выглядели практически одинаково, если не считать жестких, похожих на иглы усов и единственного клока волос, произрастающих на сероватых черепах гноллов-мужчин. Никто из них не казался ни более радушным, ни менее хмурым, чем Манья. Или они уже рождались недовольными этой Вселенной, или же хмурый вид означал у гноллов что-то совершенно иное, чем у всех остальных рас.

Прочие оказались разнообразными представителями других мицлапланских рас, но все они были гуманоидами — у них имелись голова, туловище, руки, ноги и тому подобное. В этот довольно широкий класс попали маго с ярко-оранжевыми экзоскелетами и круглыми стебельчатыми глазами; крошечные хвостатые зейландуры с треугольными лицами, ковылявшие на тонюсеньких, почти несуществующих ногах; и гладкие яблочно-зеленые ауслики с головками размером с булавку и ртами на животах.

Чин осторожно изучал Морган, рассматривающую эту группу, но если с ее стороны или со стороны колонистов

и был какой-то намек на узнавание, он его не уловил. Как бы то ни было, он был почти убежден, что агент Биржи, если он вообще существовал, был терранином. Учитывая, что половина персонала станции была терранской и что эта раса была одной из двух, которые встречались и в Мицлаплане, и в Бирже, предположение было вполне логично. Чужака легче всего было спрятать именно среди этой группы, в этом не могло быть никаких сомнений. Миколианец скорее всего тоже был терранином, если только, разумеется, он не принадлежал к расе повелителей империи. Именно в этом и заключалась проблема: будучи коллективными паразитами с невероятным диапазоном приспосабливаемости, они могли оказаться почти кем или чем угодно, если им приходила охота рискнуть.

Заметив женщину, находившуюся уже почти на сносях, Морган прошептала:

— Не хотела бы я вынашивать и рожать ребенка в таком месте, хотя бы ради него самого.

— Я бы тоже не хотел, — согласился он. — Не уверен даже, что я вообще хотел бы стать отшельником в подобной дыре. Правда, дети обладают потрясающей способностью приспосабливаться к чему угодно. Ведь это не просто научная группа, а колония, а чтобы организовать колонию, нужно с самого начала иметь намерение здесь жить.

— Сколько Талантов в этой группе? — спросила она.

— Шестеро или семеро, если не ошибаюсь. Не считая покойного Святого Ву. Но терран среди них всего четверо. Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Существуют уловки, которыми можно воспользоваться, чтобы провести телепатов — хотя я не стал бы пускать в ход такие штучки против кого-нибудь вроде Криши. Но говорят, что эмпат всегда может отличить настоящего Миколя. Если здесь не найдется ни одного носителя этого коварного паразита, значит, высоки шансы, что мы имеем дело с Талантом. И все же в руках хорошего сильного гипнота агента можно внедрить так глубоко, что он и сам не будет знать, что он агент, пока что-нибудь не разбудит это знание. Если он залег на дно, вычислить его будет практически невозможно.

— И что ваши люди будут делать, если не смогут ничего откопать? Они же должны придти к какому-нибудь решению — и времени у них не слишком много. В любом случае мы улетим отсюда через три недели с таким отчетом, который я смогу составить.

— Я не знаю, — признался он. — Знаю только, что они применят все необходимые меры, и что они так же хорошо знают о сроках, как и вы. Я знаю также, что по закону они действуют как прямые посланцы богов и как таковые не имеют никаких ограничений на методы и подходы. Их власть практически абсолютна, поскольку они не имеют права на провал. Не по-

зволяйте образованности и вежливости Инквизиции заставить вас думать, что они простые сыщики. Они могут быть очень безжалостными и жестокими. Не забывайте, что любой невинный, убитый Инквизицией по ошибке, автоматически поднимается на высшую ступень инкарнации и причисляется к лику святых мучеников.

* * *

В конце недели Инквизиторы начали выказывать досаду, как поодиночке, так и все вместе. Стало также ясно, что они находятся на грани физического и нервного истощения, которое было переносимым, если давало хоть какие-то результаты, и совершенно нестерпимым, когда результатов не было.

— Похоже, единственное, что нам остается, это инквизиционный допрос, — заключила Криша с явной неохотой и унынием.

— Одного моего гипнотического Таланта здесь будет недостаточно, — отозвался Морок. — Если преступник настолько хитер, то он не мог не предвидеть этого и не воспользоваться различными компьютерными и терапевтическими средствами. Единственным способом пробиться сквозь подобную подготовку к его настоящей личности будут сходные методы, но неизбежно — методом проб и ошибок. В подобных условиях и с таким оборудованием мы, скорее всего, без нужды разрушим множество невинных умов, а без потерь из этого испытания не выйдет вообще ни один. Я пошел бы на это, если бы у нас был небольшой круг подозреваемых, но разрушить умы целой колонии, где столькие женщины носят детей, было бы не просто предосудительно, — это было бы губительно для нашей миссии. Это значило бы сделать в точности то, чего хотят от нас миколианцы — уничтожить колонию как жизнеспособную единицу.

— А что, если вывезти их всех отсюда? — предложил Савин. — Я уверен, что здесь нет настоящих Миколей. Если вы помните, мне уже приходилось иметь с ними дело. Единственный, кто мог бы скрыть их от меня, это квамонг — очень сильный проецирующий эмпат, но как мы знаем, истинные Миколи никогда не развивают Таланты самостоятельно и не могут воспользоваться ими, находясь в теле хозяина. Недостаточно иметь эту способность, чтобы пользоваться ею, — нужно родиться и вырасти с ней, жить с ней изо дня в день, при любых обстоятельствах.

— **Вывезти** их отсюда? — повторила Манья. — Ты имеешь в виду, увезти отсюда всю эту толпу, изолировав их где-нибудь, а на их место поселить других людей? Если бы у нас были месяцы, это было бы возможно, но даже в таком случае — как мы можем быть уверенными, что не завезем сюда еще больше

врагов, чем здесь есть сейчас? Может быть, они даже именно этого от нас и хотят? Нет. Должен быть другой выход.

Криша обернулась к единственному члену команды, который казался спокойным и отдохнувшим:

— А что скажете вы, капитан? Есть мысли? Или какой-либо прогресс в вашем собственном расследовании?

— Да, и где находится эта девица в настоящий момент? — поинтересовалась Манья.

Ган Ро Чин вздохнул.

— Мыслей-то много, да результатов никаких. Мисс Морган в настоящий момент разговаривает с местными женщинами о шитье и чем-то еще в этом же роде. Точнее, если не ошибаюсь, она пытается научиться аллузианскому ковроткачеству. Женщинам, как и можно было предположить, она интересна, ее появление нарушило однообразие их жизни. Она очень пристойно и бдительно ведет себя со здешними мужчинами и никогда никуда не выходит без сопровождения. Кроме того, она находится под постоянным надзором системы безопасности, и я не думаю, чтобы она сделала хоть где-нибудь неверный шаг. Она придерживается мнения, что через две недели вернется с отчетом о том, что наше расследование не принесло результата, который поможет нашим дипломатам отклонить притязания Миколя на этот мир, хотя и не без досадной необходимости принести публичные извинения Миколю.

— Извиниться перед Адом? Чтобы **Мицлаплан** извинялся перед этими чудовищами? Это **немыслимо**! — прокричала Манья.

— Капитан прав, — подтвердил Морок. — Нам придется или унизиться, публично извинившись перед ними, или отдать им Медару. В том случае, разумеется, если нам так и не удастся раскрыть миколианского агента.

— И то, и другое совершенно немыслимо! — не сдавалась Манья. — Если даже мы так плохо служим богам, что не можем найти виновного, мы все равно должны вернуться с ним!

Брови Криши взлетели вверх:

— Ты хочешь сказать — **сфабриковать** его?

— В подобной ситуации это вполне этично, — отозвался Морок. — Но только не за счет кого-то из наших. Понадобится доброволец, готовый стать мучеником, а круг людей, не состоящих в браке, здесь очень невелик.

— Если только капитан Чин не найдет биржанского шпиона, — заметила Криша. — Это был бы идеальный кандидат, хотя мне лично очень бы не хотелось терять его. Если же нет... Мы с Савином допросили всех до единого. Я не обнаружила среди них ни одного, готового на роль мученика. Кроме того, нам нужно

будет устроить все так, чтобы у мисс Морган не возникло ни тени сомнения. В противном случае жертва окажется напрасной, и следовательно, мы совершим грех и все погибнем. Я лично не боюсь этого, но мне не хотелось бы рисковать вашими жизнями и вашими бессмертными душами из-за этой женщины.

Повисло долгое молчание, в конце концов прерванное Мороком:

— Существует и еще один путь, подобающий и этичный во всех отношениях, для которого не нужны никакие мученики. Он требует куда более высоких санкций, чем я могу дать, и быстроты действий, чтобы не упустить время, но по-моему, это наилучший выход, если мы все согласны, что этот агент нам не по зубам. Мне совершенно не хочется этого делать, но альтернативы слишком ужасны, а бремя этого решения ляжет не на меня. Нам нужен виновный, если мы сможем вычислить его. Нам нужны агенты, если они здесь есть. Кроме того, мое решение всегда можно будет отложить, даже отказаться от него. Несмотря на то, что это кажется мне бесполезным, завтра мы начнем гипнодопросы. Будем делать все, что можно.

— Какое решение вы имеете в виду? — спросила Криша.

— Если ты обдумаешь возможные варианты и вспомнишь определение колонии... это вполне логично, и ни одному агенту не придет в голову.

— Вы же не собираетесь... — ахнула Криша.

— Ни слова об этом за пределами этой комнаты. Это относится и к вам, капитан. Мисс Морган не должна ничего знать.

— Я не совсем понимаю, о чем я не должен рассказывать, — признался Чин, — но это жестоко. Я не могу оспаривать ваши действия, но не могу отделаться от чувства, что мы сдаемся чересчур легко, что мы не заметили чего-то совершенно очевидного.

— В самом деле? — заинтересовался Морок. — Например?

— Оно где-то здесь — я почти ощущаю это. Но пока еще не уловил. — Он вздохнул. — А что если пойти прямо в лоб? Кто предложил Ву отдать монитор?

— Да никто, — сказала Криша. — У них было обычное собрание. Когда проблему обнаружили, Чу, дежурного техника, спросили, у кого еще есть исправные мониторы такого размера. Он перечислил нескольких, включая и Ву, и тогда Ву сам предложил отдать свой. Ничего необычного.

— А компьютерный доступ? Должно быть, чтобы так искусно подредактировать файл с данными посмертного сканирования, кому-то понадобилось немало времени?

— Здесь тоже тупик, — сказал Морок. — Такого длительного доступа нет ни у кого, а это можно сделать только

за одну длинную сессию, не прерывая ее. Разумеется, главный компьютер находится под контролем системы безопасности, но его модули, включая и медицинский, не защищены. Не заставлять же медицинский персонал в каком-нибудь экстренном случае проходить всю иерархию. С соответствующим оборудованием в файлы можно было влезть откуда угодно, даже снаружи, где нет никаких мониторов. Или с религиозных модулей в ризнице, где монитор до сих пор так и не установлен. Возможностей слишком много.

Чин сжал кулак и с силой ударил себя по ладони левой руки:

— И все таки что-то здесь есть! Я знаю это!

— Что ж, у вас есть десять дней, чтобы обнаружить это «что-то», — отозвался Морок.

* * *

Ган Ро Чин сидел в позе лотоса на мате, брошенном на пол в крошечной каюте. Если бы кто-нибудь из Святых зашел к нему, то счел бы, что он находится в мистическом трансе.

Большую часть дня он провел в отсеке службы безопасности, просматривая запись за записью, и те, кто видел его и интересовался его действиями, уходили оттуда в замешательстве.

Вот уже несколько дней Чин час за часом просматривал старые записи, на которых еще живой Ву Святой Ли Тай вел свою размеренную жизнь — в высшей степени тоскливое занятие.

За ними последовали записи пребывания Келли Морган в женском отсеке, где она дружески болтала с местными женщинами. А также выжимки из всех допросов, всей проделанной ими работы, и следы предполагаемой фальсификации, которые гений электроники Морок обнаружил при помощи своих Талантов.

Криша обвинила бы его в излишне развитом воображении, в том, что он усматривает чудовищные заговоры там, где их нет и не было, и что ему, как ребенку, мерещатся страшилища.

Он зашевелился, потянулся и вытащил несколько распечаток звездной карты, принявшись в который раз просматривать их.

Это была система Медары, находившаяся на самом краю пограничной территории, что позволяло держать под мицлапланским контролем огромный сектор межзвездного пространства. Граница миколианских территорий находилась рядом и тоже не была перегружена поселениями. А за ней, едва ли в двух днях полета через владения Миколя, расстилалось лоскутное одеяло перемежающихся друг с другом миколианских и биржанских миров.

Совершенно явно, что кто-то в миколианской иерархии прохлопал это дело еще на стадии планирования. Завладев

Медарой, Мицлаплан вклинился внутрь их территории, вытеснив миколианцев с узкой полосы, идущей через всю пограничную территорию, в то время как Биржа, по всей видимости, одну за другой занимала территории с другой стороны, причем с такой быстротой, напором и пренебрежением к издержкам, что миколианцы оказались в тесных клещах.

Звездная карта в его мозгу сменилась огромной решеткой, заполненной крошечными черными, белыми и золотыми камешками. Трехмерная вариация излюбленной игры его предков, которая прожила так долго потому, что ей было так легко научиться и так невероятно сложно достичь в ней настоящих высот, а также потому, что она была такой... полезной.

Игра в го была исключительно простой. Каждый игрок клал на решетку камень, по одному за ход. Если камни игрока полностью окружали и занимали территорию вокруг камней противника, камни становились добычей победителя и менялись на камни его цвета. В конце, когда вся доска заполнялась, становилось ясно, кто владеет большей территорией.

Не надо было быть военным гением, чтобы понять, что хотя миколианцы, возможно, и казнили уйму народа за то, что потеряли Медару, но их положение не было безнадежным. В зависимости от того, много ли планет в следующих регионах, они могли начать массовые исследования и заявить права на вновь открытые миры, сумев таким образом миновать узкое место. На решетке еще было достаточно открытого пространства, чтобы не позволить им отрезать себя.

Мицлапланцы зачастую думали о Миколе как о каком-то огромном звере, хитром, но совершенно лишенном всего человеческого, и поэтому недооценивали его. Ни одна система, сколь бы отвратительной она ни была, не смогла бы связать воедино больше сотни чуждых друг другу рас, поддерживать в империи порядок и стабильность и расширяться, если бы она была всего лишь неразумной тварью.

Да, они прозевали этот участок, но тем не менее вряд ли собирались с ним расставаться. Скорее всего, миколианцы собирались действовать при помощи грубой силы — захватить Медару с этой стороны и две-три из недавно основанных биржанских колоний с другой, и снова открыть себе проходы. Однако это означало бы военные действия на два фронта против примерно равных ему по силе противников. Объединившись, Мицлаплан и Биржа могли стереть Миколь в порошок, равно как и Миколь мог сделать то же с любым из них двоих, заручившись поддержкой второго.

Глядя на звездные карты, можно было без труда понять, почему миколианцы были такими агрессивными и воинственными.

Столь же опасной ошибкой мицлапланцев было то, что они думали о Бирже скорее как о сборище еретиков, чем о столь же грозном противнике, как и Миколь. Если бы мицлапланцы могли преодолеть эти чувства, то без труда объединились бы с Биржей и избавились от общей угрозы.

Зачем убивать Ву, если это несомненно вызовет расследование и приведет сюда Инквизицию?

«Она знает о Медаре куда больше, чем мы...»

«Ты хочешь сказать — **сфабриковать** его?»

«...если не ошибаюсь, она пытается научиться аллузианскому ковроткачеству.»

Ган Ро Чин внезапно ожил, вскочил, потянулся и решительно направился в Службу Безопасности.

— Пришел ответ на мой запрос в Штаб Космофлота?

— Только что, сэр, еще и часа не прошло, — отрапортовал офицер, перебирая кипу документов. — Они задали мне уйму вопросов о следствии и не очень-то хотели отвечать, скажу я вам. Не будь это официальным делом Инквизиции, думаю, я получил бы ответ, который не стоило бы оглашать в приличном обществе. Ага! Вот он.

Чин взял небольшую стопку бумаг, помеченных грифом «ЗАШИФРОВАНО — ЛИЧНО В РУКИ — ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ СЖЕЧЬ», нетерпеливо проглядел их и в конце концов обнаружил то, что искал. Читая шифровку, он не выказал никакого удивления, поскольку именно это он и подозревал.

— Эти бумаги больше не нужны, дежурный, — сказал он офицеру. — Можете уничтожить согласно инструкции. Я узнал то, что мне было нужно.

Но это было не вполне так. Да, основные сведения Чин получил. Теперь он был уверен, что знает, почему убили Ву, кто был агентом, или агентами, Биржи — по меньшей мере, их список сужался до разумного числа подозреваемых, — и что здесь происходит. Но вот доказать все это было уже другим делом.

С одной стороны, некоторые аспекты решения были настолько невероятными, что убедить в его истинности даже такого мудреца, как Морок, было довольно трудно. С другой стороны, это все просто печалило его.

И как теперь, во имя Двадцати Семи Преисподних, он подтвердит все это? И даже если ему это каким-то чудом удастся, что он может или должен с этим делать?

И — самая тяжелая мысль — должен ли и может ли он вообще ввязываться в это дело?

* * *

Святые проводили службу в часовне, и вокруг стоял страшный шум, но это позволило Келли Морган войти незамеченной и пробраться через комнату в примыкающую к ней ризницу.

Ган Ро Чин, в одиночестве сидевший у стола покойного Ву, изучал украшенную искусной резьбой доску с расставленными на ней маленькими белыми и черными дисками. Когда она вошла, он поднял голову и кивнул.

— Единственное безопасное место во всей колонии,— заметил он, ничем не выдав своих эмоций. — А когда за дверью стоит такой гвалт и продлится еще не меньше часа, то и подавно абсолютно надежное. Все священные принадлежности уже там, сюда сейчас некому и незачем приходить.

— Звучит очень... по-заговорщицки, — отозвалась она, нахмурившись. — Я здесь только из любопытства, капитан.

Чин кивнул на доску:

— Предки Ву жили на Терре примерно в тех же краях, что и мои, — сказал он нарочито небрежным тоном. — Тогда они назывались странами, а сама наша раса разделялась на еще меньшие расы, потому что по-другому они не умели. Мы, китайцы, внесли большой вклад в терранскую культуру. Письменность, имперские правительственные формы, даже порох — хотя я не уверен, что последним стоит хвастаться. Мы создали также самую древнюю из всех стратегических игр — го, игру, на которой основаны шахматы, истинную страсть моего народа. Это она и есть — доска для игры в го. Ву, очевидно, был настоящим мастером — на доске есть пластинка с гравировкой, где говорится, что он получил ее за победу в очень престижном чемпионате, пожалуй, самом престижном на настоящее время. Вы знакомы с этой игрой?

Келли подошла и взглянула на доску, не понимая, куда он клонит.

— Нет, — ответила она. — Я слышала о ней, но ничего в ней не понимаю.

Он слегка улыбнулся.

— О, полагаю, понимаете. Возможно, вы не знаете, что игра, в которую вы играете, называется го, но разбираетесь вы в ней очень неплохо. Скажите... кандидатура на роль миколианца была известна с самого начала или вы выберете кого-нибудь наугад?

Ее голова резко взметнулась вверх.

— Что?

— Я не настолько близорук, как мои соотечественники. Я даже помню, что в этой галактической партии в го три участника, а не два. Признаюсь, что я не дотягиваю до гро-

смейстера. Я вижу стратегию, даже несколько будущих ходов, но не вижу конечной цели. Какую выгоду может получить Биржа, убив мицлапланского жреца и обвинив в его убийстве Миколь?

Келли на миг застыла, но очень быстро оправилась.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Полагаю, у вас разыгралось воображение, капитан. Очевидно, все эти долгие путешествия в одиночестве разбередили в вас романтическую жилку. Будь вы биржанцем, вы могли бы очень преуспеть, сочиняя детективы.

Он не поддался на подначку.

— Или это был несчастный случай? Возможно, Ву почему-то не мог уснуть, вышел и наткнулся на что-то, чего видеть был не должен? Насколько я помню, в ночь его смерти в соединительной камере прорвало шов, туда ворвался ветер и разбросал все вещи. Возможно, это была намеренная диверсия? Сейчас, похоже, швы держат достаточно надежно. Может быть, попросим кого-нибудь, кто знаком с такими вещами, внимательно осмотреть разрывы, чтобы узнать, действительно ли это было естественное явление, как сочли тогда? Там ведь и делать-то было нечего. Сунуть крошечный кусочек пластида в один из стыков и ждать, когда ветер ударит посильнее и взорвет его. И кто потом станет искать следы взрывчатки? Кто усомнится, что виной всему не стихия негостеприимной планетенки? В подобных случаях начинает трезвонить сигнал тревоги, все бегом несутся к месту происшествия и начинается сумятица, а потом устраивают коллективный ремонт. Уйма времени, чтобы послать шифрованное сообщение на передающий маяк.

— Он умер за своим столом, во сне, без каких-либо следов на теле, — напомнила она. — Ваша теория не выдерживает никакой критики, капитан.

— В самом деле? Существует сотня, может быть, даже тысяча способов привести человека в бессознательное состояние, не оставляя следов, которые можно будет найти при вскрытии. Я все время спрашивал себя: если существовала такая уйма возможностей сделать так, чтобы его смерть казалась естественной, зачем нужно было делать ее такой намеренно загадочной? Потом до меня дошло — это же очевидно. Результаты посмертного сканирования были фальсифицированы. Манья потратила прорву времени, пытаясь обнаружить место, откуда был стерт след укола, и, возможно, он действительно был стерт. С подобными уликами почти любой коронер сосредоточится на методе убийства и, возможно, не заметит факта, что на самом деле проблема в **степени** изменения данных исследования. Смерть и ее причины — вот все, что будет интересовать коронера или Инквизитора. Факт, что крошечное повреждение нервных волокон, возможно, на шее, которое

вполне под силу искушенному в боевых искусствах человеку, вызывает временный паралич, будет так же легко стереть, как и след укола. Загадочное скрывает очевидное.

— И что? Даже если это и правда, она подтверждает лишь то, что я уже готова удостоверить — что смерть не вызвана естественными причинами.

Он кивнул:

— Вот именно. Ничего себе! До чего же громко они распелись! Надеюсь, мне не придется кричать.

Он немного помолчал, потом продолжил.

— Точно рассчитанный по времени взрыв. Швы лопаются, шлюзы закрываются, начинается шум и всеобщее столпотворение. Жрец находится здесь и собирается бежать к остальным, но кто-то поджидает его. Быстрый, почти хирургический по точности боевой прием — и он отключается. Его вносят обратно сюда, усаживают в кресло и кладут головой на стол. Никаких проблем — монитора-то нет. Один укол — и он мертв.

— Успокойтесь! Вы сами сказали, что ревели сирены и происходило бог знает что. Но прослушивающее устройство уловило его вскрик, причем уже много позже, когда они закончили ремонт, вернулись и улеглись спать.

— Это не слишком трудно и к тому же очень полезно — это изменяет приблизительное время смерти и пускает следствие по ложному пути. Убийца издает крик, когда все уже стихло, и прослушивающее устройство записывает его. Если прижаться к стене на обратном пути, камера в часовне тебя не заметит. У нее есть слепое пятно, о котором вполне могло быть известно, но, в конце концов, кому может понадобиться тайком забираться в ризницу? Службе безопасности нужно изображение людей во время службы, а не стопроцентная зона охвата, как в важных зонах. Убийца уходит и отправляется в постель. На следующее утро Ву обнаруживают. Комнату фотографируют, место преступления описывают, тело переносят в госпиталь. Потом делают посмертное сканирование, а тело подготавливают к ритуальной кремации. После этого результаты сканирования ловко ретушируют. Есть еще несколько дней до того, как мы прибудем, так что можно не торопиться. Доступ получить не слишком трудно. Результаты сканирования хранятся в компьютере, которым пользуются научные лаборатории. Кто угодно, знающий код системы защиты, может вызвать файл, подредактировать его и записать на место старого, а я полагаю, что любому опытному шпиону вполне под силу разузнать местные коды.

— Пожалуй, вам стоит записать все это, — сказала она.— Я могла бы хорошо заплатить вам за эту историю.

— Погодите, мы еще не дошли до самого интересного. От Ву избавились, улики подделаны, но ожидается еще Инквизиция и чрезвычайное расследование — правда, в присутствии Наблюдателя. Убийцу нельзя вывести из игры, не указав этим прямо на него, к тому же на его счет могут быть и другие... соображения. Но Инквизиция обязательно будет выискивать миколианцев, а здесь ни одного нет. Ну, возможно, здесь где-нибудь действительно и **есть** миколианский шпион, но он, бедняга, если даже и существует, то пребывает в такой же растерянности, как и мы. У нас остается пара недель, чтобы найти то, что мы должны найти, и прийти к тем выводам, к каким должны прийти, но мы до сих пор не вычислили убийцу. Однако, как я предвижу, в ближайшие несколько дней, пока мы с вами еще не улетели, нам предстоит первая за все время нашего здесь пребывания разгерметизация. На этот раз она не обойдется без жертвы. Когда станут осматривать тело, на нем обнаружат взрывчатку, которая при проверке непременно окажется миколианского производства. При обыске рабочего места или каких-нибудь вещей, принадлежащих жертве, найдется еще что-нибудь в том же роде. Тогда вы удостоверите, что убийство на самом деле совершили миколианцы, все будут счастливы, дело закроют, и мы вернемся по домам. Миколианцы будут в недоумении и ярости, но по Соглашению и учитывая все косвенные улики, сделать ничего не смогут. А Биржа со свободной душой продолжит делать то, что делает сейчас. Как вам такой конец?

— Неплохо, — одобрила она, — но без малейшей крупицы достоверности. Если ваш несчастный случай со смертельным исходом не произойдет, все построение рассыплется, как карточный домик.

— Ну, не знаю, не знаю. — Он со вздохом порылся в кармане и извлек небольшую коробочку, вынул из нее несколько тонких цилиндрических жилок и поднял их так, чтобы она могла разглядеть.

Келли Морган явно поняла, что он держит в руках, и это подтверждало правильность большей части его теории.

— Где вы это взяли?

Он самодовольно улыбнулся и убрал жилки обратно в коробочку.

— В полой ножке аллузианского ткацкого станка, разумеется. Я предположил, что миколианский мисток здесь будет найти потруднее, чем местную взрывчатку. Это было вашей задачей. Ваши дипломаты спровоцировали нашу Инквизицию публично обвинить Миколь. Это было совсем не сложно — думаю, даже я справился бы с этим. Миколианцы не могли не отреагировать, поскольку они-то, скорее всего, точно знали, что они здесь совершенно ни при чем, и потребовали извинений или присутствия при расследовании Наблюдателя. Это было самым простым способом

снабдить запертого здесь биржанского агента новыми запасами и инструкциями. И зачем нужно было посылать вас, женщину, в нашу культуру, где главенствуют мужчины? Для чего? Чтобы подразнить нас? Нет. Потому, что чужаку в таком месте трудно найти способ действовать свободно. Но господство мужчин — одно из наших слабых мест, не так ли? Все это время, говоря о вражеских агентах, мы все, даже Манья и Криша, использовали местоимение «он». В таких делах никто не обращает внимания на женщин, поскольку, если не считать жриц, у них нет ни власти, ни доступа к ней, разве только через своих мужей. Да у нас никто и не воспримет всерьез идею о шпионке-женщине. В особенности если женщина замужем и, возможно, даже беременна. И никому не покажется подозрительным, если заскучавшая Наблюдательница будет проводить большую часть времени с нашими женщинами. — Он взглянул на нее в упор. — **И уж тем более никого не заинтересует, если она возьмется учиться ковроткачеству.**

Келли Морган ничего не сказала, но было ясно, что ее ум лихорадочно мечется в поисках выхода.

— Насколько я понимаю, нам стоит искать ткачиху, муж которой отлично разбирается в компьютерах, — добавил он и снова помолчал, прежде чем заметить: — Не знаю даже, что громче — пение или молитвы. Я бы не возражал, если бы они пели чуть более мелодично.

В конце концов Морган вздохнула.

— Полагаю, вы уже доложили об этом?

— Вы все еще здесь, не так ли? — отозвался он.

— Но вы собираетесь об этом доложить?

— У меня нет другого выбора, кроме как выдать ваших людей. Если я этого не сделаю, это вызовет еще более серьезные проблемы и, возможно, заставит многих людей страдать без необходимости.

— Черт побери! У них есть что-то вроде встроенного механизма, который вызовет смерть, прежде чем у них силой вырвут тайну. С этими маленькими взрывчатыми червячками они с такой же легкостью могут быть и миколианцами. По крайней мере, официально. И это позволит мне с чистой совестью принять решение о виновности, и никто не пострадает!

— Вы с такой легкостью бросаете своих агентов на растерзание? Даже ребенка, которого она носит? Это жестоко, вы не находите? И поймать хваленую секретную службу Биржи на подобном деле было бы весьма... полезно.

— Кому полезно? Вам? Вы не получите от этого никакой выгоды! Разве что золотую звезду в божественной

книге или где-нибудь еще. В любом случае, на что вам рассчитывать? На золотые часы и комнатушку в доме престарелых капитанов после нескольких десятков лет перевозок ящиков со всяким хламом из одной забытой богом дыры в другую и обратно? Мы нашли способ сделать все так, чтобы никто не пострадал. Мы **помогли** вам в этом деле. Здесь действительно есть пара миколианских агентов. Наши люди помешали им заниматься своими делами. У них имелся контейнер с возбудителями опасного заболевания, которых они собирались закачать в систему герметизации. Ваша система безопасности оказалась бы бесполезной. Компьютерные записи не показали бы никаких следов диверсии. Был бы послан сигнал бедствия, и, поскольку Миколь здесь ближе, чем большинство мицлапланских кораблей, естественно, они первыми отозвались бы на вызов. Коринфианский корабль из коринфианского роя. Коринфианцы — скорее машины, чем живая раса. Они доказали бы, что Медара токсична для любых форм углеродной жизни и по закону о вознаграждении за спасение потребовали бы ее себе. Мы остановили их! Все, кто здесь живет, **живы** благодаря нашим людям!

Услышав о миколианском заговоре, Ган Ро Чин почувствовал, как по его телу побежали мурашки; он сразу же поверил ей. Эта была вещь именно такого рода, какая могла прийти в голову миколианцам. И все же это было уже слишком.

— Все живы, да, — кроме Ву Святого Ли Тая, — отозвался он ровно.

— Наши агенты меняли резервуар. Избавлялись от токсина в главном распылителе и вновь заменяли его на резервуар с кислородом. К несчастью, хотя было уже поздний час, Ву увидел их с резервуаром. Ву был не один, но с его товарищем легко справились, как и с остальными.

— Один из них гипнот... — пробормотал он. — Ну конечно. А второй, скорее всего, сильный телепат. Приспособленный для подобных задач. Но гипноты бесполезны, когда имеешь дело со жрецами, а телепат знал не только, что этот инцидент сохранится в памяти Ву, но и что Ву непременно примется обсуждать его со своим спутником и забьет тревогу, когда обнаружится, что тот ничего не помнит об этом. Или, что еще более интересно, помнит, но совершенно других людей.

— Взгляните на свою проклятую доску! — рявкнула она. — На ней всего **два** цвета! Два! Черный и белый. Мы не просто хотим прижать миколианцев в этом секторе из общих принципов. Здесь что-то затевается — не знаю точно, что, но что-то **большое**. Мы бы хотели, чтобы эта колония развивалась, не только по обычным причинам, но и потому, что это сместило бы распо-

ложение главных миколианских сил, интересов и направлений деятельности во всех других местах. Мы знали, что они собираются сделать важный ход, и были совершенно уверены, что им это удастся. У них была небольшая коринфианская группа поддержки, почти с тех самых пор, как была основана ваша колония, а вы так и не обнаружили и даже не заподозрили ее наличие. Мы спасли вашу собственность ради наших **общих** интересов! Миколианцы, которые должны были погибнуть на этой неделе, — действительно миколианцы. Тогда выводы Инквизиции оказались бы верными, и миколианцы не осмелились бы снова претендовать на Медару. А вы хотите одним махом разрушить все это?

Он взглянул на нее с потрясенным видом.

— Сначала вы собирались бросить на растерзание своих агентов, но отпустить меня, потом пытались ловко подкупить меня, а теперь уже речь пошла о защите наших взаимных интересов. Если я продержусь еще немного, вы, чего доброго, дойдете до обольщения или даже до предложения руки и сердца!

— Ни то, ни другое не было бы такой уж огромной жертвой, как вы, судя по всему, считаете, — ответила она.— Вы исключительный человек, Ган Ро Чин.

Он закатил глаза.

— Вот только этого не надо! У меня большие сомнения в своей праведности, но секс в ризнице — это слишком даже для такого циничного человека, как я. Полагаю, если другие методы не помогут, я стану еще одной злополучной жертвой миколианцев?

— Надеюсь... надеюсь, до этого все-таки не дойдет. Я говорила то, что действительно думаю, капитан. Убить вас было бы очень нелегко. — Она немного помолчала, прежде чем круто переменить тактику.

— Послушайте, — сказала она. — Вы не похожи на остальных. Вы не связаны ни этим мировоззрением, ни этой теологией. Вы сами говорили, что не существует такой вещи, как совершенство, — по крайней мере, не в этой жизни. В конечном счете, это всего лишь досадное недоразумение, которое ваше вмешательство может только усугубить. Не лезьте в это дело, капитан. Мы оба терране, наши предки жили на одной планете. У нас куда больше общего друг с другом, чем с теми, на кого мы работаем. То, что вы сейчас стоите по одну сторону барьера, а я по другую, — всего лишь каприз истории. Просто... не лезьте в это дело.

Он отодвинулся от стола и хмуро взглянул на нее.

— Это все, что видят в этом ваши люди, да? Игра в го. Но эти камни — люди, живые люди, а вы не замечаете этого. «Давайте, капитан! Совершите предательство! Какое вам дело до мертвецов? Это ведь всего лишь игра, а жертвы — всего

лишь черные и белые камешки на доске». Но все далеко не так просто. Если бы не было Трех Империй, если бы даже терранская раса сама по себе расселилась по космосу, в какой-то момент мы все равно пришли бы к точно такому же положению вещей, и я принадлежал бы к Китайско-Японскому Блоку, а вы к Западному Альянсу. Ничто не изменилось, нет. Это мой народ — неважно, как они выглядят и какого они происхождения. Неважно, что они едят, как едят и как от них пахнет. Я капитан корабля, и считаю это самой достойной и замечательной работой из всех возможных. Мицлаплан дал мне эту возможность. Здесь никто не голодает. Никто не нуждается. Здесь никого не делят на лучших и худших, ни по тому, руки у них или щупальца, ни по тому, желтого они цвета, белого, зеленого или малинового. Да, здесь тоже есть недостатки, но где их нет? Это **моя** страна, Келли. Это **мой** народ. В конечном счете все сводится именно к этому.

— И чего вы добьетесь?

— Сохраню то, что отличает нас от вас, — сохраню честь. Возможно, это понятие вам чуждо, но для меня это все. Это **единственное**, что имеет подлинную ценность. Там, наверху, всего в нескольких часах полета, находится еще один корабль, который сейчас, возможно, уже тормозит, чтобы выйти на орбиту. На его борту находится Ангел Верховный Комиссар Мицлаплана. Морок решил, что эта загадка неразрешима, представил руководству единственное решение, которое мог придумать, и они приняли его. Он предложил посвятить в духовный сан целую колонию, превратить ее в духовный аванпост и Прибежище. Обращены будут все, включая агентов, убийц, кого угодно. С изменившейся системой ценностей у них не останется другого выбора, кроме как посвятить себя служению.

Она побледнела, потрясенная новостью.

— За эти годы я очень сблизился с Кришей. Ее жизнь — это трагедия. Я не допущу, чтобы у меня на совести было пятьдесят шесть таких Криш, и все это ради того, чтобы поймать четырех виновных. — Он обернулся и схватил с доски один из камешков. — Это не камни! Это **люди**! Я не могу забыть об этом. Я не могу допустить этого просто ради того, чтобы выиграть в этой проклятой игре! **Вы** могли бы, я знаю. Именно в этом и заключается непроходимая пропасть между нами, которая делает нас чужаками.

Она с трудом сглотнула.

— И что теперь? Это, разумеется, меняет все.

— Разумеется. Теперь я буду говорить вам, что делать. Вы назовете мне имена двух миколианских агентов. Вместе, под присмотром Инквизиторов, эти четверо, ваша пара и их пара, отправятся на корабль Верховного Комиссара. Они расскажут все, что зна-

ют, — по доброй воле, без принуждения. Никто не погибнет, если только миколианцы не станут сопротивляться или не убьют себя по пути. Нужно принять меры, чтобы они не знали, с кем встретятся, до момента самой встречи, чтобы свести риск к минимуму. После этого вы вернетесь с доказательствами к своему начальству. Коринфианское поселение, покушение на целую колонию — этого будет достаточно, чтобы доказать мотивы, возможности и методы миколианцев. Нарушение вами соглашения не будет обнародовано, но ваши люди будут знать об этом, и будут знать, что **мы** тоже знаем. Это может быть полезным для более продуктивного... сотрудничества в будущем.

Она поняла, что проиграла.

— Не вижу, чтобы у меня был другой выбор, — сказала она, вздохнув. — Видите ли, мы считали, что будем иметь дело с косным и узколобым духовенством. Сведущим, но близоруким. И это бы нам удалось, если бы по чистой случайности нам не попался единственный оставшийся во всем Мицлаплане человек, способный мыслить свободно.

Самодовольство не было ему чуждо.

— Один из немногих, скажем так. Такому обществу, как наше, не обойтись без нескольких человек вроде меня. Или, пожалуй, все же **существуют** незримые силы, управляющие судьбой.

Она все же сделала последнюю робкую попытку.

— Вы ведь знаете, я могу убить вас. Пусть я женщина, маленькая и слабая, но я знаю способы.

— Ничуть не сомневаюсь. Я никогда не недооценивал вас, Келли. Именно поэтому, прежде чем прийти сюда, я снова поменял местами камеры в лаборатории и в ризнице. Не столько в целях самозащиты, сколько для того, чтобы не поддаться искушению отступить от своего решения.

Как ни странно, она по-настоящему улыбнулась ему.

— Из вас вышел бы дьявольски хороший агент, Ган Ро Чин. Дьявольски. Мне действительно очень жаль, что вы не на нашей стороне.

* * *

Чин знал, что найдет Кришу в отсеке службы безопасности, и направился прямиком туда. Когда он вошел, она подняла на него глаза и медленно покачала головой из стороны в сторону, как будто в изумлении.

— Ну, как я держался, инструктор? — спросил он ее.

— Я бы поцеловала тебя, если бы могла, Ган Ро Чин!

Но она права в одном. Если бы мы встретились раньше...

— Ты оказалась бы юной девушкой, лезущей на стены от скуки в большом, дурацком и безлюдном грузовике, перевозящем ящики со всяким хламом из одной забытой богом дыры в другую, как сказала бы одна наша общая знакомая.

— Ох, не знаю. Одиночество и пустота принимают разные формы, и если у тебя есть хорошая компания, немного изоляции не повредит. — Она вздохнула. — Но я все никак не могу перестать жалеть, что мы не можем сделать ничего больше, чем просто отослать ее обратно с позором.

Он печально покачал головой.

— Увы, Криша. И это самое грустное. В конечном счете она думала не о людях, смерти, спасении или чести. Она думала о том, насколько плохо это отразится на ее дальнейшей карьере, и какой вред принесет Бирже то, что мы так много узнали об их операциях. Для нее существует всего одно человеческое существо, и это — Келли Морган, игрок. Возможно, двое — еще я в качестве противника. Она лишь проиграла игру, и все. Но проигрывает она всего лишь камни. А для тебя они никогда не будут только камнями.

Она откинулась на спинку кресла и вздохнула.

— Не будут.

— Она представляет собой все, что ты романтизировала и о чем мечтала в жизни, — сказал он. — Но сейчас она, а не ты — самое одинокое и опустошенное существо, какое я когда-либо видел.

ИНТЕРЛЮДИЯ

На следующий день у Ган Ро Чина случился острый приступ самодовольства, и ему было очень нелегко демонстрировать скромность и смирение, но ему это вполне удалось. Хотя он куда охотнее предпочел бы выглядеть героем, чем отнекиваться от поздравлений и благодарностей колонистов.

Морок и Савин были на орбите, на корабле, в котором прибыл один из мицлапланских полубогов собственной персоной, и никто не ожидал, что они вернутся так рано, хотя Чин весь извелся от желания тронуться в путь и оставить это задание и свои лавры позади. Несколько месяцев грузоперевозок в компании одного лишь семейства Кли будут как раз то что надо, решил он.

Морок очень ловко справился с отправкой двух пар агентов на орбиту, заявив колонистам, что необходимо провести испытания с оборудованием, прибывшим на новом корабле.

— Все прошло довольно гладко, если мне будет позволено высказать свое мнение, — прокомментировал Мо-

рок. — Мы проводили всех в одну дверь, а когда очередь дошла до агентов, отправили их в другую дверь. Разумеется, эта дверь вела прямо в покои Высокочтимого. Гипноты оказали легкое сопротивление, но для безграничной силы Высочайшего это пустяки. Все агенты были обращены и посвящены в сан благополучно, никто не умер, хотя теперь мы имеем, полагаю, единственную за всю историю беременную жрицу. Дитя, будучи потомком двух духовных лиц, будет, разумеется, выращено в лоне Святой Церкви. Все четверо вернутся вместе с Высочайшим на его корабле, в пути их допросят, а потом направят на обучение, чтобы добиться от них максимальной полезности. Мисс Морган тоже вернется с ними, а не с нами.

— Это утешительная новость, — отозвался Чин. — Я склонен думать, что ее общество сделало бы наш обратный путь в высшей степени... некомфортным.

— Это воистину так, — признал Морок, — но, боюсь, решение было принято из практических соображений, а не для того, чтобы пощадить наши чувства. Наша Длань пока еще не распущена.

Все с изумлением обернулись на командира. Этого никто не ожидал.

— Но... что еще здесь делать? — спросила Криша.

— Здесь — ничего. Новый жрец, прибывший с Высокочтимым, примет на себя обязанности покойного Ву. Полагаю, нам всем стоит попрощаться и вернуться на «Клятву Гурусу». Наше следующее поручение лучше обсуждать там.

* * *

Капитан Чин был очень рад снова вернуться на борт своего корабля. Это казалось таким нормальным, таким уютным. **Правильным.**

Морок не стал зря тратить времени, да и все они хотели поскорее услышать, в чем будет заключаться следующее задание.

— Капитан, как далеко отсюда граница Биржи? В днях пути, не в световых годах.

— Мне нужно справиться по компьютеру и картам,— отозвался тот, — но определенно не более чем в шести днях по безопасному маршруту, огибающему миколианские регионы. Три, если мы осуществим право мирного пролета. Это до юридической границы.

— Мирного пролета! — фыркнула Манья. — Мы не нуждаемся в разрешениях Ада, в особенности если речь идет о том, чтобы исполнять священный долг!

Чин нахмурился.

— Вы хотите, чтобы я летел на всех парах, не послав полагающегося запроса, по направлению к пограничному

региону, на который заявляет права Биржа? Нас могут вытурить оттуда или вообще распылить, если мы не будем осторожны. Зачем?

— Как думаете, вы смогли бы справиться с этим? — настаивал Морок.

— Я... я могу попытаться. Это зависит от того, что находится в этой области. По соглашению граница почти не охраняется и довольно открыта. Кораблик у нас совсем маленький, а космос большой. Если мы потратим лишних полдня и сможем проложить такой курс, при котором не будем приближаться ни к каким миколианским системам и их обычным маршрутам, то можем и прорваться. Перешеек там у них довольно узкий, поэтому даже если они и обнаружат наш корабль, то вряд ли успеют послать кого-то на перехват, прежде чем мы окажемся за их границей. Защитные системы рассчитаны, чтобы обнаруживать флоты, а не единичные корабли. Но, оказавшись на территории Биржи, мы будем как на ладони, а они будут рады незваным пришельцам не больше, чем миколианцы — собственно, как были бы и мы в подобных обстоятельствах.

Морок кивнул.

— И все же это необходимо сделать. — Он ввел в компьютер код и снова обернулся к ним:

— То, что вы сейчас услышите, было перехвачено датчиками слежения на корабле Высочайшего менее суток назад. Сообщение было отправлено на ближайшую звездную базу, и с их помощью нам удалось сделать триангуляцию. Оно было послано в незашифрованном виде с корабля с позывными Биржи, и на самом деле пришло с той стороны перешейка. Послушайте. Компьютер, воспроизвести запись.

«...ВСЕМ СУДАМ БИРЖИ. ГОВОРИТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СУДНО „ВАБАФ“. КООРДИНАТЫ НА СПЕЦИАЛЬНОЙ КАРТЕ ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ ОДИН ОДИН ЧЕТЫРЕ ВОСЕМЬ ДВА ДРОБЬ ПЯТЬ. КООРДИНАТЫ ОБОЗНАЧАЮТ РАДУЖНЫЙ МОСТ. ПРОШУ ПОМОЩИ. ОНИ ВСЕ МЕРТВЫ. ОНИ ВСЕ ЗДЕСЬ, С ДЕМОНАМИ, И ОНИ ВСЕ МЕРТВЫ. ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН. НЕ МОГУ ВЫЙТИ. ПРИБЛИЖАТЬСЯ КРАЙНЕ ОСТОРОЖНО, НА МИНИМАЛЬНОЙ МОЩНОСТИ. ВСЕМ СУДАМ БИРЖИ. ПРИБЛИЖАТЬСЯ ОСТОРОЖНО. ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ. КООРДИНАТЫ...»

— Достаточно, — сказал Морок, и сигнал отключился. — Дальше он повторяется, только еще более бессвязно. Сообщение, разумеется, подверглось компьютерному переводу, но должен сказать, что эмоции и интонации оригинала сохранились.

— Мы можем как-нибудь определить эти координаты? — спросил Савин. — Я не понимаю, что это за система.

— Это коммерческие, а не военные координаты, они применяются почти на всех торговых кораблях Биржи. Именно поэтому говорящий использует их, а не военные координаты, хотя судя по его речи, он настолько не в своем уме, что непонятно даже, как он додумался до этого. У нас, разумеется, есть координаты всех областей исследованного космоса, но здесь есть кое-какая проблема. Это место находится **рядом** с границей исследованного космоса, и его координаты есть далеко не на всякой карте — это я могу вам сказать, даже не заглядывая в них. Должно быть, его открыли совсем недавно.

— Наш локатор может выдать вам курс оттуда досюда безо всяких карт, — сказал Морок. — Мы очень хорошо знаем, где это, — это на краю Вселенной, за которым все известные вещи на всех картах пропадают в огромном белом море.

Капитан пожал плечами.

— Я так и не понял, какое отношение это имеет к нам и как оправдывает риск, на который вы просите нас пойти. Я, разумеется, сделаю это, но мне это кажется похожим на сигнал бедствия с какого-нибудь удаленного аванпоста Биржи, от единственного корабля, уцелевшего после нападения миколианцев.

— Разве соглашения не требуют, чтобы наши корабли отвечали на сигналы бедствия, вне зависимости от юрисдикции, если мы находимся ближе всех? — спросил Савин.

— Ну да, но я не думаю, что это послужит оправданием того, что мы вторглись на территорию Миколя. И даже если мы и доберемся дотуда, то можем наткнуться на небольшую миколианскую армию. У нас грузовик, а не военный корабль. Мы практически безоружны и совершенно беззащитны против нападения любого миколианского судна.

— Боюсь, что перевод все-таки исказил смысл, — сказал Морок. — Капитан, вы знаете торговый язык Биржи?

— Знал когда-то давно. От долгого неиспользования кое-что подзабылось, но думаю, что разберусь.

— Тогда прослушайте еще раз, только теперь оригинал. Компьютер, воспроизвести первоначальное сообщение.

Снова прозвучал сигнал — более слабый, временами пропадающий и появляющийся вновь, прерывистый, но достаточно четкий, чтобы можно было разобрать слова. Чин заметил, что Морок прав: программа-переводчик вполне точно передала эмоции. Оригинал сообщения звучал совершенно так же, и какой-то миг он не мог понять, что так встревожило Морока. Потом это вломилось к нему в сознание.

— Он сказал «демоны»! То есть, не миколианцы, не какое-нибудь прозвище или эвфемизм. Должно быть, это

кодовое слово или какой-нибудь новый жаргон. Не мог же он действительно иметь в виду **демонов!**

Подвергшийся нападению мицлапланец вполне мог бы использовать какое-нибудь слово собственного сочинения, вроде «демона», для обозначения миколианца. По вполне понятным причинам эти слова у них были почти синонимами. Но в лаконичном и четком торговом языке Биржи слово «демон» имело одно и только одно значение и означало настоящего, сверхъестественного демона.

— Разве похоже, чтобы он использовал кодовые слова? — спросил Морок, обращаясь ко всем одновременно. — Разве по его голосу можно сказать, чтобы он был в состоянии **вспомнить** какие-то кодовые слова? На его языке, если бы на него напали миколианцы, он бы так и сказал «миколианцы» или использовал какое-нибудь из полудюжины прозвищ или эпитетов. В его языке это слово недвусмысленно. Ни сам Высокочтимый, ни наша военная разведка не думают, что это слово может означать нечто другое, чем то, что оно обозначает.

Чин не смог удержаться, чтобы не испортить свою хорошую репутацию циничным замечанием:

— Вы пытаетесь убедить меня, что наши люди могли поверить, будто этот сигнал пришел от последнего уцелевшего корабля после нападения настоящих, живых демонов? **Демонов?**

— А почему бы и нет? — рявкнула Манья. — Поскольку миколианцы потерпели здесь поражение, они вполне могли навлечь на себя гнев своих ужасных повелителей.

— Но... демоны? Настоящие, живые демоны...

— Мы — не добровольное объединение, — напомнил капитану Морок. — Мы Длань Святой Инквизиции, и случилось так, что мы находимся к этому месту ближе остальных. Нас не просили выяснить смысл этого сообщения, — нам **приказали** сделать это.

Ган Ро Чин вздохнул.

— Да, понимаю. Отлично. Я немедленно отправлюсь на мостик и начну все необходимые приготовления к отлету. Полагаю, что координаты уже ввели в мой компьютер?

— Да. Курс выбирать вам, но нам приказано не считаться с риском и двигаться с максимально возможной скоростью. Разведка космофлота не выявила где-либо в этом регионе скопления кораблей Биржи. Вполне возможно, что на данный момент мы единственные, кто перехватил сигнал. Разумеется, также вполне возможно, что, если все это не проделки миколианцев, они тоже приняли его.

Ган Ро Чин представил себе, как они выходят на орбиту вокруг чужой звезды и сталкиваются с вооруженным до зубов миколианским кораблем — или патрульным военным судном Биржи, что было по меньшей мере настолько же опасным.

«Что ж, — подумал он про себя, — *если они там, я по крайней мере смогу получить удовольствие, напустив на них Манью».*

Курс он проложил очень легко, хотя и не без сомнений, ибо, судя по самым новейшим и лучшим картам, которые у него были, в этом районе космоса не было вообще ничего.

Еще легче оказалось пренебречь всеми приказами и запрограммировать настолько безопасный и здравый маршрут через миколианский перешеек, какой он только мог придумать. Это займет лишних двенадцать или тринадцать часов, которых ни Морок, ни все остальные не заметят, но зато почти можно будет поручиться, что они хотя бы доберутся до места.

С обратным путем все обстояло гораздо сложнее. У него не было никакого желания немедленно распрощаться с жизнью и еще меньше желания провести ее остаток в чужом плену, но если уж этому суждено было случиться, он надеялся, что это произойдет не по столь идиотской причине, как охота за демонами.

Через некоторое время на мостике появилась Криша. Обычно она там не показывалась, предпочитая оставаться в кают-компании, но он был очень рад ее видеть.

— Не помешаю? — спросила она.

— Ты никогда мне не мешаешь, — отозвался он искренне. — Садись.

— Мы уже летим?

Он кивнул.

— Прибытие к нашему загадочному белому пятну на картах — приблизительно через восемьдесят четыре стандартных часа. Если миколианцы еще не там, ручаюсь, что их патрульный корабль появится не позже, чем через шесть часов после нас.

— Мы делаем то, что нам приказано, — вздохнула она.

— А ты? Ты тоже думаешь, что там демоны?

— Я... пожалуй, нет. Но я побывала в присутствии Богов, поэтому не могу отрицать идею существования демонов. Но на основании этого сообщения это кажется мне довольно... маловероятным. Я думаю, что мы найдем там что-нибудь неприятное, но это вполне может оказаться человек, сошедший с ума вследствие страшной, но вполне объяснимой трагедии. Люди часто видят демонов там, где живет лишь безумие.

— Знаю, знаю. Но наша дорогая мисс Морган говорила, что у Биржи там что-то такое, до чего они очень не хотели бы допускать миколианцев. Что-то большое, так она сказала. Большое и недавно открытое, я бы сказал, если этот сигнал бедствия действительно пришел с исследовательского судна. Она не знала, что это такое, знала только, что оно есть. То, чего не знаешь,

нельзя выдать мицлапланцам, которые ловят тебя за руку, когда ты таскаешь у них сладости.

Она тихонько засмеялась.

— У тебя острый язык. Интересно, ты и думаешь так же? Ты и представить себе не можешь, как тяжело телепату наткнуться на кого-нибудь, чьи мысли невозможно прочесть.

— Мои мысли таковы, что их не стоит знать ни одному телепату, особенно если он по совместительству еще и прекрасная жрица, — отшутился он. — На самом деле я как раз сидел и раздумывал о нашей мисс Морган и о том, как она возвращается домой на том корабле.

— Только не говори мне, что скучаешь по ней!

Он улыбнулся.

— Нет, дело не в этом. Я думал, что она летит домой с позором и, скорее всего, без всякой надежды на будущее, думая о том, как ей смягчить свою участь и вернуть доверие к себе. Команда этого корабля полностью состоит из жрецов, личной охраны и штата Высочайшего. Она не сможет ни задурить им головы, ни разжечь их страсть, ни пробраться в какую-нибудь охраняемую зону. Я бы на ее месте сосредоточил усилия на том, чтобы вернуться домой с абсолютно новой информацией — уникальной информацией. Высокочтимому не нужны ни запоры, ни решетки, ни система безопасности. Никто и никогда не видел живого Ангела, кроме божьих избранников. Она нуль, как и я. Она может задуматься — как, должен признаться, задумывался и я сам, — не может ли она оказаться невосприимчивой к тому сиянию, которое наполняет и влияет на всех остальных в его Священном Присутствии. Она может счесть, что рискнуть стоит, и «совершенно случайно» ошибиться дверью.

Криша удивленно взглянула на него.

— Капитан... Я смотрела на Высочайшего и погружалась в его присутствие. Это совершенно отличный от любой другой паранормальной деятельности уровень, а, будучи телепатом, я по собственному опыту и по рассказам других знаю, что такое быть Талантом. Это совершенно не имеет аналогов. Это не овладевает твоим разумом так, как гипнотическое воздействие; оно проникает в самую глубь твоей души. Ты понимаешь, мгновенно, каждым атомом своего существа, что находишься в присутствии кого-то, кого можно описать лишь как сверхъестественное существо, стоящее настолько выше тебя, что пропасть между людьми и самым низшим одноклеточным существом — ничто по сравнению с той пропастью, которая отделяет тебя от Него. Если она зайдет туда, как ты говоришь, то выйдет такой же, как я.

— Ну а я тебе о чем? — с широкой улыбкой отозвался он.— Тут уж хочешь не хочешь, а выйдешь из этого при-

ключения целым и невредимым и вернешься домой, ты не согласна? Да ради того, чтобы посмотреть и поговорить с Келли Святой Морган, я согласен с голыми руками сражаться против десятка демонов!

Эта мысль так развеселила ее, что она не смогла удержаться.

— Ради этого, — сказала она, — я стану сражаться еще с десятком демонов спина к спине с тобой — и мы победим!

Книга III

МИКОЛЬ: КРАСНАЯ КОМАНДА

МАСКАРАД

По традиции Лордов Кваамила раз в год каждый Лорд по очереди устраивал грандиозное празднество во славу вечного единения Царства и его ульев, в котором должны были принимать участие все ячейки улья и на которое должны были быть приглашены все остальные Лорды Кваамила со своими Мастерами Ульев.

За многие годы это празднество превратилось из обычного праздника в нечто вроде соревнования, в котором каждый Лорд должен был заткнуть за пояс прошлогоднего устроителя. Это становилось все труднее и труднее, поскольку казалось невероятным, чтобы подобные торжества могли стать хоть сколько-нибудь пышнее, чем уже были; устройство подобного сборища приводило ульи на грань банкротства.

Это ударяло и по Баронам каждой ячейки, на которых лежала ответственность за организацию подходящих развлечений. Нужно было произвести впечатление и на членов других рас, прибывших из разных ульев. У некоторых из них были весьма странные представления о веселье, а у некоторых вообще не было такого понятия. Что, например, нужно сделать, чтобы развлечь коринфианцев, у которых отсутствовало понятие эмоций, которые питались, поглощая камни, и производили потомство, преобразуя камень в начальную материю коринфианской жизни и таким образом буквально сооружали свою молодежь?

Решением, по крайней мере, в данном случае, было не делать вообще ничего, поскольку для коринфианцев это было более приемлемым, чем любой другой выбор. Однако большинство других рас удовлетворить было куда сложнее.

Одним из тех, кого удовлетворить было невозможно, был Лорд, которому предстояло устраивать празднество в следующем году, поскольку он неминуемо должен будет столкнуться с проблемой, как превзойти предыдущего. Поэтому было принято

как данность, что будущий Лорд Хозяин будет изо всех сил стараться испортить чужой праздник.

Люди были очень небольшой частью Миколианской Империи, единственной из Трех Империй, которая официально именовала себя таковой и управлялась в классическом стиле, хотя и без императора во главе. По закону о Справедливом Перераспределении, регулировавшему присоединение новых рас к Империи, расы, попавшие во власть Миколя, перераспределялись по различным ульям всей империи, так чтобы ни в одном улье не получилось преобладания какой-либо расы, и все расовые подгруппы, или ячейки, теоретически имели равные шансы добиться превосходства. Ячейки обладали достаточной автономей, по крайней мере на местном уровне, чтобы ни одна раса заведомо не оказалась на дне.

Основой и сердцем миколианского общества были Квиимиш, или Святые Книги, чья дистиллированная суть была почти с самого рождения накрепко вбита в каждого гражданина, от самого низшего до самого высшего.

«Целью всех высших форм жизни является достижение свободы... Свобода — это власть... Боги дают власть тем, кто может овладеть ей и удержать ее... Все дары цивилизации проистекают из борьбы за господство; общество, живущее в мире, останавливается в развитии и теряет право на власть... Вечная участь души определяется тем положением в иерархии, которого она достигает при жизни...»

Другие цивилизации называли миколианскую цивилизацией насилия, деградации и жестокости; межрасовым сборищем бандитов, пользующихся основанной на социальной эволюции религией, чтобы оправдать свое уродство и произвол. Миколианцы же предпочитали считать собственную цивилизацию динамичной, в которой сливки всегда поднимаются на поверхность, и где хитрость и удача способствуют прогрессу. Ведь разве во всех мирах величайшие идеи не брали начало из самых кровавых революций? Разве величайшие технологии не были обязаны своим появлением по большей части войнам?

И это, несмотря на произвол, была гражданская война без горечи; цивилизация в развитии, под наблюдением и контролем главенствующей расы, Миколей, которые даже отчасти сдерживали ее. Будучи паразитами, они могли появляться среди низших форм, никем не замеченные, наблюдать, учиться и наслаждаться, — даже принимать участие в их жизни, если у них было такое желание, вмешиваясь лишь тогда, когда не оставалось ничего другого. Это заставляло ульи быть честными, заставляло всех постоянно быть настороже, поскольку, хотя у Миколей не было Талантов как таковых, они могли петь любую мысленную песню, которую телепат хотел слышать, а эмпат чувствовать, все это время

используя великий дар своих предков оставаться незамеченными, что заставляло даже могущественных Лордов Кваамила беспокойно спать по ночам.

Место главного празднества показалось бы любому, кто знал человеческую историю, совершенно нелепым — это была странная смесь высоких технологий и средневекового примитивизма; здесь был огромный сверкающий замок, освещенный радугой сказочных огней, и огромный грязный луг перед ним, где в свете многочисленных факелов копошились варварского вида существа всевозможных рас. Облаченные в лохмотья или необработанные шкуры, они казались вышедшими из другого времени, далекого и мифического.

Женщина, босиком шлепавшая по грязному месиву мимо рабочих-дролов из двух или более десятков рас, размечавших площадки и устанавливавших шатры, столы и прочее, вряд ли сильно отличалась от своих примитивных предков, живших миллион или больше лет назад. Она могла бы быть красивой, даже привлекательной, будь у нее более спокойное прошлое. Но на ее теле виднелись отметины, которые быстро старят любое тело. Видавшая виды коричневая набедренная повязка, бывшая единственным предметом ее одежды, никак не могла скрыть рубцы на спине, довольно заметные, хотя и давние, а узенький серый браслет на лодыжке левой ноги и такие же браслеты на запястьях столь же явственно свидетельствовали о тяжелом труде и вырождении предков, равно как суровое лицо и усталые карие глаза.

Но заметить кусочек кожи, искусно скрывавший маленький красный ромбик, знак эмпата, выжженный у нее на лбу, над переносицей, было почти невозможно.

Когда-то она была красавицей, еще до того, как все это случилось с ней, — до того, как глубокий, словно бы от сабли, шрам не раскроил ей левую щеку до самой губы. Как ни странно, она не роптала на этот самый безобразный из ее шрамов. Он освободил ее, точно так же как первоначальная красота обрекла на домашнее рабство у высокородных ячейки. Она ненавидела женщину, которая сделала это из ревности, — но когда она задушила ее, когда увидела, как жизнь капля за каплей уходит из этой стервы, огонь ненависти в ней утих. Впервые у нее появилась не только возможность, но и мужество отплатить кому-то, и это было неописуемо волнующее ощущение.

Громадный мужчина, человек чудовищного роста и веса, мускулистый точно кузнец и волосатый как обезьяна, опустил на землю стол, который нес, и окликнул ее. Он был потным, грязным, и скорее всего на нем обитало такое количество паразитов, что подходить к нему было небезопасно.

— Эй! Телка! — завопил он. — Телка идет сюда и трясет резиновыми сиськами для работяги!

— У работяги у самого сиськи больше, чем у телки! Отвали! — рявкнула она, не прерывая медленного и размеренного шага.

— Эй! Телка спятила? Не любишь настоящих мужчин?

Она остановилась и чуть повернулась к нему.

— Телка любит настоящих мужчин. Пусть работяга сначала найдет настоящего мужчину, а потом уже зовет ее!

Это, разумеется, разъярило гиганта, и он, отшвырнув стол, бросился на нее. Она вихрем развернулась и оказалась с ним лицом к лицу, и хотя по сравнению с ней он был великаном, он остановился, почувствовав опасность. Было что-то такое в ее поведении, в позе, в быстроте реакции и том, как стремительно напряглись ее мышцы, что охладило его. Он сделал в воздухе какой-то знак, крикнув:

— Работяга не якшается со всякими ведьмами!

На этом инцидент был исчерпан. Она мгновенно расслабилась, повернулась и направилась к замку, а великан побрел обратно к столу, бормоча себе под нос:

— Работяга, похоже, спятил. Ни одна телка не станет шляться одна, если она не ведьма!

Она не слишком рассердилась на него и не расстроилась, что не отлупила его. Он был совершенно типичным в своем роде и к тому же был достаточно глуп, чтобы оторвать ей руку или ногу, прежде чем она успела бы убить его. Она действительно могла прикончить его, если бы сочла, что он собирается потащиться за ней, но в положении эмпата были свои преимущества, даже перед телепатами. Мужчины подобного типа обычно редко успевали обдумать свои действия. Немного проецирующей эмпатии, чтобы утихомирить его гнев до такой степени, чтобы он **смог** подумать и отступить, — куда более разумный и надежный способ. Сейчас не время и не место убивать, когда все готовятся к празднику.

Здесь почти совсем не было людей. Вдалеке возилась целая уйма тхионов, похожих на гигантских бескрылых оводов размером с человека, сооружающих великанское гнездо из тхионского шелка; напротив — крошечные дхорты, напоминающие голубых двуногих ящериц с утиными клювами, пилили, строгали и вырезали для своей расы. И так было по всему полю, пока она шла к замку.

Внезапно перед ней выросла огромная черная тень, преградив ей путь. Тень была очень большой, больше даже, чем давешний великан; на самом деле, несмотря на вполне гуманоидный вид, она была сделана из черной пластмассы, способной выдержать невероятную нагрузку. В монолитом лице была одна-единственная щелочка, сквозь которую пробивался тусклый зеленый свет.

— Кто ты и что делаешь в замке? — спросил робот нарочито командным металлическим голосом.

— Мастер Улья приказал мне явиться, — ответила она четко. — Калия 4КХ26, ячейка Пусаби.

— Проверяю... Проверка пройдена. Ты опоздала. Войди через синюю дверь справа от тебя по этой дорожке и жди проверки безопасности.

Кивнув, она прошла мимо охранника и отправилась по указанной дорожке. В конце ее было несколько дверей, все разного цвета и разной формы, каждая из которых вела в зону безопасности для определенного вида.

У каждой двери была пластина для руки и окуляр. Она посмотрела в окуляр на двери, которую ей указали, и положила правую руку на пластину. В глазах у нее на миг заиграли разноцветные блики, а ладонь чуть защипало. Женщина толкнула дверь и оказалась в небольшом помещении, похожем скорее на приемную врача, чем на зону проверки безопасности.

Если женщина выглядела неуместно даже в поле перед замком, то в кондиционированном и уютном офисе казалась еще более не на месте. Она решила не садиться; если она действительно опоздала, хотя и не по своей вине, значит, они будут здесь очень скоро.

Дальняя дверь открылась, и она с некоторым удивлением увидела еще одного человека. Это был мужчина — с квадратной челюстью, волосатый и мускулистый, с густыми черными волосами и грубо обрезанной окладистой бородой. На нем тоже была лишь ветхая набедренная повязка, и хотя их предки явно происходили из разных племен, вместе они смотрелись как самая настоящая парочка первобытных людей. Он был очень высок и, похоже, удивился, обнаружив, что она почти не уступает ему в росте, но быстро пришел в себя, хотя она уже напряглась, готовясь защищаться. Что-то внутри нее, какое-то чувство, родившееся из опыта, подсказывало ей, что этот мужчина тоже носит кусочек кожи, прикрывающий клеймо Таланта, и что под ним находится не красный ромб эмпата, не зеленый — телепата и даже не белый — телекинетика, а скорее всего, синий ромб самого почитаемого, и заслуженно, Таланта — гипнота.

— Ты должна расслабиться и не сопротивляться мне, — сказал он низким голосом с еле уловимым странным акцентом.

Несмотря на предупреждение, она инстинктивно попыталась уклониться от его взгляда, хотя и продолжала смотреть на него, и прикрылась эмпатической защитой. Но все было бесполезно — этот парень явно знал свое дело и был **силен,** одного его взгляда было вполне достаточно. Она не могла не смотреть

в эти глаза. Она почувствовала, как ее Талант бледнеет, а защитные барьеры рушатся. В одно мгновение ее голова опустела.

— Ты расслабишься и будешь отвечать на мои вопросы без колебания, а потом будешь твердо помнить все то, что мы делали и говорили, — сказал он успокаивающе и начал проверку безопасности и преданности.

Хорошо тренированный и подготовленный враг в подобной ситуации мог бы ввести в заблуждение даже гипнота, но тот, кто не прошел необходимой подготовки, неминуемо сломался бы. Это была последняя проверка. Те, кто пригласил ее, уже точно знали, кто она такая, проверив ее глаз, ладонь и пот, прочитав генетический код и сравнив его с досье. Единственное, чего проверки не могли установить, — это не был ли человек перехвачен по пути вражеским агентом и перепрограммирован на тайные враждебные действия. Это мог сказать только гипнот, и очень скоро он уже знал, что с ней все в порядке.

Он отпустил ее. Ощущение было очень странным — как будто кто-то держал тебя под водой, и вдруг ты вырвался на поверхность. Оно было очень хорошо ей знакомо, но она ненавидела его и знала, что будет ненавидеть всегда.

— Я Джозеф ЗВХ47, из ячейки Вронски, — сообщил он, грассируя «р» в слове «Вронски». В улье Лорда Скуазоса было всего три человеческих ячейки, и поскольку у каждой была собственная планета, между собой они встречались не часто. — Пожалуйста, сюда. Остальные уже ждут.

* * *

Она прошла за ним по коридору в большой зал, который явно не был рассчитан на людей. Люди, однако, умудрялись очень ловко приспособиться сидеть практически везде.

В комнате уже находилось трое других. Один был джулки — невысокое существо, очень напоминавшее двухметровую улитку с длинными изогнутыми усиками-антеннами и четырьмя длинными независимыми друг от друга стебельчатыми глазами. Его ноздри представляли собой ряд крошечных коричневых пятнышек, а спиральная раковина спереди открывалась широким ртом, придавая этому существу, на человеческий взгляд, постоянное выражение шокированного изумления. Широкая спина существа походила на пушистый ковер, заросший длинными коричневыми волосами; на самом деле это были тонюсенькие и длинные усики, почти щупальца, способные выполнять самую тонкую работу. Но джулки ценились за совершенно другую естественную способность:

получив всего несколько клеток любого живого существа —

например, лизнув языком его кожу, — они могли синтезировать и выделить уйму смертельных ядов, которые защищали джулки, делая их токсичными для всего, что находилось рядом.

Второй был тхионом. Их сходство с обыкновенными комнатными мухами, которые, подобно тараканам и еще нескольким незваным гостям, умудрились полететь к звездам вместе с людьми, вблизи было весьма выраженным. Тхионы обладали способностью усваивать любую углеродную органику, как сырую, так и уже кем-то переваренную. Очень немногие другие расы пригласили бы тхиона к столу, хотя никто не возражал против того, чтобы отправлять к ним отбросы.

Третьим был коринфианец. Полутораметровая глыба тусклого серебра, больше всего похожая на скульптуру какого-то жука, которую так и не успели закончить. В верхней части его спины виднелись два черных яйцевидных нароста, которые служили ему глазами.

— Это наша Тобруш, — сказал Джозеф, махнув в сторону джулки, — а это Робакук, — кивнув на тхиона. — Нашего коринфианского товарища зовут Дезрет. Это Калия, и теперь нашу компанию можно считать полной.

— Мастера Улья уведомили, он уже в пути, — сказал зловещий бесстрастный голос, похожий на голос не столько живого существа, сколько робота-охранника, хотя и без металлического отзвука. Калия никогда особенно не любила коринфианцев и не доверяла им, и опыта общения с ними у нее почти не было. Она не могла не задаться вопросом, из какого же места этой глыбы исходит голос.

Калия оглядела остальных.

— Кто-нибудь знает, зачем нас всех вызвали? — спросила она. — Да еще в такой тайне?

— Полагаю, это имеет какое-то отношение к обеспечению безопасности торжеств, — сказала джулки, которая произносила слова, с шипением выталкивая воздух изо рта. Ее речь тоже звучала необычно, но хотя бы, по крайней мере, казалась **живой**.— Ни один из нас, как и ты, никогда не бывал здесь раньше, благодаря чему в этих местах мы совершенно неизвестны.

Калия кивнула и перевела взгляд на Джозефа:

— У нас два человека — пусаби и вронски, но ни одного триполи. Поскольку людей здесь очень мало, полагаю, считается, что именно триполи вызовут проблемы.

Триполи была третьей и последней, но отнюдь не менее важной, человеческой ячейкой в улье.

— Насколько я помню, следующие празднества устраивает Кабар, Лорд Улья Макуут, — заметил тхион высоким визгливым голосом. — Разве он не один из ваших? А Триполи находится совсем рядом с его владениями!

— А! Я не обращаю внимания на подобные вещи, поскольку обычно меня не приглашают на такие праздники, — отозвалась Калия не вполне любезно.

Кабар был единственным человеком из всех Лордов Ульев во всей Империи, что означало, что он воистину блестящий и безжалостный вождь. Калия знала о нем. О нем знали все люди Империи, испытывая гордость при мысли о том, что люди могут не только стремиться, но и, как доказал Кабар, действительно достигать высшего из возможных положений, и одновременно — острое облегчение от того, что сколь бы безжалостными и жестокими ни были их собственные предводители, жизнь с ними была куда лучшей, чем жизнь под властью Кабара.

В этот момент в комнату вошел Мастер Улья, положив конец спорам. Калия с Джозефом упали на одно колено и в знак уважения склонили головы, тхион опустился в сходном жесте, отчего его голова очутилась практически на полу, а джулки существенно вытянулась вверх, что у ее народа означало то же самое. Коринфианец остался такой же бесстрастной глыбой, как и обычно.

Мастер Улья, как и его Лорд, был йасбрином, и это была самая устрашающая раса, которую породила галактика. Двух с половиной метров ростом, они передвигались на широких мохнатых ступнях; а глаза размером с блюдце пучились с толстого пятнистого желто-черного лица с коротким хоботом и такими длинными плотоядными клыками, что они торчали изо рта даже тогда, когда он был закрыт.

— Встаньте, — проговорил Мастер Улья низким гортанным голосом, как нельзя лучше подходившим к его пугающей внешности. — Я слышал ваши предположения, и они в основном верны. Празднество будет пышным и роскошным; корабли приходят один за другим, доставляя предметы роскоши для знати всех рас, которые прибудут сюда. Нельзя не признать, что это существенная финансовая нагрузка, но мы планировали эти траты и предусмотрели их в бюджете, поэтому справимся. Лорд Кабар, которому предстоит устраивать празднество в следующем году, не настолько искусен в долгосрочном планировании и не слишком обращает внимание на мелочи. Он откладывает все на последний момент, а это означает, что в будущем году его ожидает крах. Ему остается только молиться о чуде — а чудеса случаются довольно редко; или совершить удачный набег, чтобы платили проигравшие, — но, учитывая баланс сил в его регионе, вероятность успеха очень мала; или, наконец, изгадить наши празднества до такой степени, чтобы все, что бы он ни сделал, по сравнению с нами казалось удачей. Из трех этих возможностей — какую выбрали бы вы?

— Мы вас поняли, мой господин, — ответил Джозеф.— Могу ли я предположить также, что вы считаете, что он в своих планах какую-то роль отводит триполи?

— Можешь. Родная мать Кабара была из Триполи. Эти две ячейки — из разных ульев, но у них общее происхождение, и они обмениваются племенным материалом. Барон ячейки Триполи Фазиль амбициозен и совсем не прочь прижать нас, чтобы упрочить собственное положение. Мы полагаем, что они обладают способностями, иначе никто из них не поднялся бы до своего настоящего положения и не удержал его так надолго. Таким образом, мы также полагаем, что они знают людей в нашей постоянной службе безопасности. Их собственная группа подготовки прибывает сегодня поздно вечером, но большая часть предварительной работы уже была сделана рабочими ячеек Вронски и Пусаби, которые, поскольку они находятся ближе, выполняют больший объем работ. Джозеф, Калия, вы оба оказались в группе людей, в первую очередь отобранных нашими компьютерами, о вас обоих высоко отзывается ваше начальство; к тому же, вы оба вышли из низших слоев общества и чувствуете себя там как дома.

Калия подумала про себя, что она никогда не чувствовала себя там **как дома,** но, разумеется, не стала высказывать это.

— Именно поэтому вы и вызвали нас сюда вместе с рабочими батальонами, — заключил Джозеф. — Но ведь они наверняка будут ожидать кого-нибудь вроде нас?

— Будут, но не будут знать, кого и откуда, что делает их положение столь же невыгодным, как и наше.

— Это мы двое. А остальные? — спросила Калия. — Резерв?

— И не только. Тобруш — чрезвычайно сильная телепатка, и в качестве надсмотрщицы за рабочими бригадами сможет производить выборочное сканирование и, возможно, предупреждать вас, если что-нибудь разведает. Она также будет следить за джулки из улья Кабара, чтобы те не испортили праздник какими-нибудь токсинами. Робакук — телекинетик, за многие годы не раз доказавший свои способности. Учитывая количество присутствующих на празднестве тхионов, он сможет не только прикрыть ваши спины, но также собрать вместе членов улья, если это понадобится. Дезрет — великолепный аналитик и наблюдатель, обладающий и другими полезными способностями. Откровенно говоря, мы не думаем, что от нас ожидают использования шпиона-коринфианца. А поскольку здесь будут только наши коринфианцы — остальные не слишком интересуются подобными вещами и прилетят сюда только ради соблюдения приличий, — то можно сказать, что все коринфианцы на празднике будут в полном вашем распоряжении.

— Неразумность этих празднеств выше нашего понимания. Они нас не интересуют, — пояснил Дезрет. — Однако тот факт, что они проводятся и представляют угрозу для улья, мы понимаем. Коринфианцы из улья Кабара не настолько пользуются доверием и участием, как члены нашего улья. Нам будет все равно, если они будут опозорены и уничтожены.

Уж в этом-то можно было не сомневаться. Хотя коринфианцы были расой, не только физиологически, но и психологически сильно отличавшейся от любой другой из известных рас, и не слишком хорошо уживались с остальными, они были прагматиками. Они жаждали знаний о Вселенной и нуждались в развитии. У миколианцев же были космические корабли, пушки и значительное численное превосходство. Коринфианцы оказались неоценимо полезны и непоколебимо верны ульям, давшим им действительно равный со всеми статус, и многие — почти все — Лорды Ульев с готовностью доверяли им в том, что сами не могли понять или непосредственно проконтролировать. Лорд Скуазос привлек коринфианцев ко всему, к чему они пожелали быть привлеченными, и умело пользовался их услугами, а они сторицей платили ему за это.

— Джозеф окажет всем из вас, кому это необходимо, помощь в защите ваших Талантов. Я знаю, что вы все имеете в этом некоторый опыт, но мы не должны забывать, что Кабар будет использовать самых лучших своих людей, — предупредил Мастер Улья. — Вы же должны быть еще лучше. Помните, что до начала празднеств осталось всего восемь дней. Что бы Кабар ни задумал, это произойдет до того, как официально начнутся торжества и прибудут все Лорды. Если он сорвет сам праздник, он вызовет гнев других Лордов, поскольку испортит им веселье, и станет всеобщим посмешищем. Его же задача — опозорить **нас**. А ваша задача — проследить, чтобы этого не случилось.

Смысл последней фразы был ясен им всем, хотя она и была произнесена будничным и деловым тоном. Продвижение в Империи зависело от успеха; на подобном уровне награды и повышения могли быть совершенно неслыханными. Но в случае провала смерть могла оказаться далеко не худшим наказанием. Не на таком уровне.

Миколианская система ценностей была простой и понятной: жизнь — это полигон, и у тебя есть право всего на один выстрел. Твой статус в загробном мире определялся не тем, насколько высоко ты был рожден или на какую высоту когда-либо поднимался, а той высотой, на которой ты заканчивал жизнь. Провал означал понижение в должности, за ним следовало ухудшение обращения, и в конце — смерть в унижении. Поэтому те, кому удавалось вырваться из низшего класса, скорее совершали самоубийство,

чем допускали, чтобы их понизили в должности — таким образом им удавалось по крайней мере сохранить свой статус. Такие ценности прививались с колыбели и были одинаковыми для всех ульев, ячеек и рас. Возможно, для коринфианцев это было не совсем так, поскольку они не верили ни в загробную жизнь, ни во что-либо еще, но в их культуре считалось абсолютно непреложным, что в случае поражения ты сначала определял его причину и отправлял рапорт, а потом умирал как дефективный. В любом случае, все сводилось к тому же самому. Миколианские жрецы не искали сложных объяснений, попросту соглашаясь с коринфианцами в том, что у представителей их странной металлической расы все равно нет душ.

Когда Мастер Улья вышел, Джозеф повернулся к Калии:

— Я понимаю, что первым делом нужно быть преданным семье, потом ячейке, а уже потом улью, но в данном случае мы все работаем для нашего улья. Мы должны доверять друг другу.

— Я не доверяю ни глазу рабовладельца, ни мозгу, скрывающемуся за ним, — ответила она четко, — к какой бы семье, ячейке или улью он ни принадлежал.

— У меня нет ни времени, ни желания оправдываться перед тобой, — отозвался он. — От тебя не будет никакого толку, если они пустят в ход гипнота, а они скорее всего так и сделают. Я собираюсь поставить тебе кое-какие автоматические защитные барьеры. Они не спасут тебя от сильного гипнота при физическом контакте, но предупредят и помогут справиться с менее сильным — и отправят ментальный сигнал, если кто-нибудь схватит тебя, так что Тобруш, настроенная на всех нас, немедленно узнает об этом. Такая обработка держится не очень долго, мне придется изо дня в день обновлять ее. Но эта техника вполне действенна — остальные по большей части дают худшие результаты — и спасла уже немало людей.

Прежде чем Калия успела хотя бы сформулировать ответ, Джозеф принялся за работу, и она снова почувствовала, как будто ее захватило ментальное подводное течение, которому она была не в силах сопротивляться. Он действовал практически без слов и удивил даже остальных, включая телепатку, которая улавливала его действия. Действия Джозефа оставили у Тобруш четкое впечатление, что гипнот и сам не понимает, ни что он делает, ни как это действует; он знал лишь, что это и вправду действует.

И снова Калию охватило чувство, как будто она вырвалась на поверхность из подводного плена. Джозеф не терял времени, сразу же взявшись за тхиона Робакука и повторив над ним ту же процедуру. Она пыталась следить за его словами, понимая,

что примерно то же сделали с ней, но по большей части его фразы ничего не значили. Под конец он таким же образом обработал Тобруш. Дезрет был невосприимчив к любым ментальным Талантам; для коринфианца реальную угрозу представляли только телекинетики, чье воздействие было физическим.

В действительности, разумеется, коринфианцы держались спокойно не потому, что им ничто не угрожало, они просто заранее просчитывали все факторы риска.

— Приготовьтесь принять свои роли, — сказал Джозеф. — Поскольку Мастер Улья координирует все задания, мы должны будем находиться не просто там, где сможем прикрывать друг друга, но именно в тех областях, которые являются наиболее вероятными мишенями. Не забывайте, что если вам удастся предотвратить саботаж, мы предпочли бы схватить злоумышленника живым, но это не существенно. Однако же, если им все-таки удастся действительно вывести что-то из строя, то чтобы доказать злой умысел, нам понадобится живой преступник. Наши жизни и судьбы сейчас зависят от того, сумеем ли мы продумывать действия, а не подчиняться импульсу.

Это было обоснованное предупреждение, но оно делало задачу намного более трудной.

Джозеф обернулся к Калии.

— Как ты? Ты сможешь притворяться дролкой и снизойти до черной работы?

— У меня никогда не было власти приказывать другим делать за меня работу, — едко отвечала она. — Следи лучше за собой, рабовладелец!

— Я понятия не имею, как ты стала такой, какая есть, но компьютер улья и штаб Мастера Улья говорит, что ты хороша в деле. Если это действительно так, забудь обиды, горечь и гнев. Мы не можем себе позволить индивидуалистов. Мы справимся как команда или провалимся как команда, наша жизнь и смерть зависят от действий остальных.

— До тех пор, пока мы прикрываем друг другу спины, а не смотрим друг другу в глаза, — с усмешкой парировала Калия. Развернувшись, она отправилась обратно той же дорогой, которой пришла, к лагерю дролов.

— Мы все защищаемся броней против горечи, обид и гнева нашего прошлого, — философски заметил Робакук.— И я сомневаюсь, что можно так уж легко отодвинуть все это в сторону. И все же ее броня крепче, чем у большинства остальных.

— Такое впечатление, что постоянная ухмылка, вырезанная на этом когда-то хорошеньком личике, отлично выражает то, что сейчас у нее внутри, — согласился Джозеф. — Но я

готов поручиться, что она отличный боец. И все же... я тоже начал свою жизнь в кандалах. Быть молодым неопытным гипнотом в колонии более старых и опытных — почти то же самое, что не быть им вообще. Избавиться от этих оков стало моей навязчивой идеей, и когда я действительно это сделал, мой дух воспарил. Большинство людей, которых я встречал, чувствуют себя схожим образом. Она же, с другой стороны, пожалуй, единственная из всех, кого я видел, кто не желает расставаться с оковами.

— Она скрывает свои мысли, — сказала Тобруш. — Возможно, будь я из ее племени, я и смогла бы собрать в единое целое образы, мелькающие у нее в мозгу, но пока что мне удается только частично понять их. Какие бы шрамы ни носили все мы, у меня такое чувство, что она вытянула худший жребий. Один факт, что она все еще здесь и на этом уровне, многое говорит о ней. Единственный критерий для оценки ее внешнего вида я могу получить лишь из твоего разума, поскольку, откровенно говоря, вы, люди, кажетесь мне самыми отвратительными и глупыми на вид существами из всех, кого я знаю. Но, судя по твоим мыслям, больше всего ее уродует шрам на лице. Как и оковы, это только прибавляет Калии загадочности, поскольку на ее уровне она с легкостью могла бы от него избавиться.

— Да, это верно, — признал Джозеф. — И все же она носит его, как орден. — Он вздохнул. — Ладно, последуем ее примеру и возьмемся за дело. По крайней мере, здесь нет никого из ее расы, кто понял бы, что она не дролка. Что касается меня, мне часто снится, что я веду армию на превосходящего меня численностью врага, но я подчинюсь приказу и буду охранять пудинг нашего Лорда.

* * *

Хотя Калия и была эмпаткой, перед другими Талантами она была совершенно беззащитна. Одной из первых вещей, которым ей пришлось научиться прежде всего, чтобы выжить на уровне выше дролов, было умение обманывать и обходить Таланты, используя их самоуверенность против них. Труднее всего было обмануть телепатов, но когда она овладела этой техникой — это стоило ей огромного труда, долгих часов размышлений и практики, — она стала очень ценной. Научиться этой технике удавалось немногим, но те, кто справлялся с этим и имел достаточную силу воли, чтобы использовать ее, могли безнаказанно ходить в таких местах, куда не осмеливался зайти никто другой.

Легче всего это было сделать среди дролов, самого низшего рабочего класса Миколя, с которыми представители высших классов обращались немногим лучше, чем с домашней ско-

тиной. Талантами обладало менее пяти процентов любого класса населения, но среди дролов таких было намного меньше, а если они и обнаруживались, то обычно были очень слабенькими. Хотя и не лишенные природного ума, они оставались ужасающе невежественными, и их немногочисленные обряды и традиции были очень примитивными. Их Вселенная была магическим местом, управляемым великими волшебниками, ведьмами, колдунами и демонами, и вряд ли большинство дролов вообще знало, что находятся на другой планете. Для этого им сначала нужно было узнать, что такое планета.

В Империи, которая умела строить звездолеты, роботов, оружие, способное разрушить несколько планет разом, и даже научилась передавать трехмерные изображения на другие звезды, само существование дролов казалось чужакам поразительным и служило доказательством миколианской порочности. Для Миколя же это было частью естественного миропорядка. Низшая каста **должна** была существовать, чтобы придавать смысл религии и ее взгляду на Вселенную. Грубое, зачастую скотское обращение с низшими было совершенно естественным в этой иерархии. Для миколианцев такие слои были необходимы, чтобы Вселенная имела смысл.

Разумеется, роботы и механизмы, которые построили этот огромный замок, или корабли, привезшие дролов сюда из их миров-ячеек, с легкостью могли за день сделать то, что эти люди делали за неделю, и к тому же гораздо лучше, чем они. Это касалось любой работы, которую делали дролы. Но тем не менее, они должны были существовать и работать. Жить иначе было бы, по мнению миколианцев, безнравственным.

Главным тут была социальная мобильность. Да, большинство дролов так и умирали дролами, проживая свои короткие трудные жизни, лишенные преимуществ, даваемых достижениями науки. Лишь немногим, очень немногим — наиболее умным и наделенным Талантом — хватало пороху воспользоваться возможностью и вырваться из болота. Но до тех пор, пока каждый дрол знал кого-то, кто знал кого-нибудь еще, кто знал того, кому удалось возвыситься и выбраться из болота, для них всегда оставалась надежда, что они, или их дети, или внуки будут среди избранных.

Калия была рождена дролкой и первые двенадцать лет жизни провела среди дролов. Она до сих пор считала их детское невежество освежающе честным и трогательным и с легкостью общалась с ними, без труда становясь среди них своей. Их примитивный язык также был замечательным щитом от телепатов. Переходя на их диалект и усваивая их грубые манеры, она прятала за ними свою более сложную личность. Разумеется, как гипнотические блоки Джозефа не остановили бы сильного гипнота, находящегося на

близком расстоянии, так и ее уловки вряд ли смогли бы ввести в заблуждение сильного телепата, пытающегося уловить именно ее разум — но сначала телепату пришлось бы отличить ее от толпы, а в таких случаях этот ментальный режим работал почти безотказно.

Надсмотрщик заметил ее и немедленно отрядил помогать рабочим, поднимающим большие шатры и устанавливающим их на случай непогоды. Годы таскания тяжестей и прочих упражнений, подкрепленных тонизирующими препаратами, сделали ее крепкой, как сталь, и сильной, как мужчина, и она отлично справлялась с этой работой. Если здесь и были шпионы Кабара, то к тому времени, как им представилась бы возможность напакостить, они скорее всего были бы уже слишком вымотаны для этого.

Джозеф играл роль одного из надсмотрщиков над дролами. Хотя он и был большим и сильным, он не был покрыт мозолями, синяками и шрамами, которые любой дрол его возраста и сложения непременно должен был бы приобрести за свою жизнь, поэтому выдать себя за одного из простых работяг он не мог. Иногда надсмотрщики были Талантами, пусть и очень слабыми, самого низкого уровня; однако чаще это были простые дролы, просто-напросто оказавшиеся больше, сильнее и злее своего предшественника, которые в конце концов восставали, убивали его и сами занимали его место. Большую часть времени надсмотрщик расхаживал вокруг с треххвостой плеткой, пощелкивая ей, раздавая приказы и время от времени опуская ее — хотя и не слишком сильно — на спины тех, кто этого действительно заслуживал. Некоторые надсмотрщики использовали плетки в полную силу, явно наслаждаясь этим, но таких было немного. Умные не забывали, что надсмотрщик все равно остается дролом, и по-прежнему должен спать и есть с людьми, которыми командует, и если излишне распускать руки, то можно легко превратиться в мертвого надсмотрщика.

В основном он следил за лицами и действиями, будучи не менее Мастера Улья убежден, что единственный Лорд-человек в Миколианской Империи использует сородичей для воплощения в жизнь своих грязных планов. Если же так, то они должны быть действительно хороши — по крайней мере, не хуже Калии, за которой он наблюдал с чувством восхищения. Она не делала ни одного ложного движения, абсолютно сливаясь с толпой дролов, вплоть до перебранок и прочего общения со товарищами по работе. А глядя, как она поднимает и несет такое огромное и тяжелое бревно, что он сомневался, под силу ли было бы ему самому и поднять его, он преисполнился к ней еще большего уважения. Теперь он понимал, почему ее выбрали на эту роль, и был благодарен, что она — по крайней мере, номинально — была на **его** стороне.

Краем глаза он уловил какое-то движение и обернулся посмотреть, в чем дело. Это была джулки, стоявшая по другую сторону дороги и разглядывавшая в основном своих сородичей. Беда была в том, что для Джозефа все джулки были на одно лицо, за исключением того, что у джулки-мужчин были яркие раковины, а все их женщины, как и Тобруш, были уродливого болотно-серого цвета.

— *Это ты, Тобруш? Если тебе нужно поговорить, покачай щупальцами на спине, и я освобожусь.*

Несколько коричневых щупалец на спине колыхнулись, а небольшой их пучок изобразил жест, который считался непристойным только у людей. Подавив смешок, он медленно направился к ней, словно бы вознамерившись выяснить, что это джулки забыла в такой близости от человеческого лагеря.

— Я уловила в этом районе несколько общих мыслей, которые показались мне подозрительными, — сообщила джулки. — Девчонка молодец. Возможно, даже чересчур. Понятия не имею, где она в этой толпе. Остальные тоже молодцы, но время от времени здесь мелькают кое-какие выражения, которые не вписываются в примитивную речь остальных.

— Ты уверена, что это не мы с девчонкой?

— Уверена. Вы оба принадлежите к большинству из этих двух групп. А это определенно какая-то третья.

— Где?

— Не могу сказать точно, но где-то поблизости от павильона ячейки Барона Фазиля.

— Попробую что-нибудь сделать.

— Только осторожно, — предостерегла Тобруш. — Я уловила по меньшей мере один признак телепатического сканирования.

— Я посмотрю, — заверил он. — Только, пожалуйста, присмотри за мной.

Он зашагал обратно к стройке и через некоторое время подошел к Калии.

— Эй! Дрянь пусаби! — рявкнул он на нее, но вполне благодушно. — У Пусаби вместо мужиков работают бабы?

— Пусаби надерет задницу всем мужикам-вронски и еще сможет работать! — огрызнулась она.

— Павильон, — прошептал он одними губами, совсем неслышно. — Телепаты, другие. — Потом добавил, громко и без паузы: — Шевели задницей! — И щелкнул плеткой, едва задев Калию.

Она бросила на него заносчивый взгляд, потом плюнула ему под ноги, повернулась спиной и зашагала к поляне чуть справа и позади почти законченного павильона ячейки Барона.

Ее выступление имело большой успех у работающих по соседству мужчин-пусаби, которые принялись хихикать и отпускать ехидные замечания относительно того, у кого из двоих — надсмотрщика-вронски или девчонки-пусаби — есть яйца. Он прикрикнул на них, в притворной ярости щелкнув кнутом, и отошел, но хотя это и заставило дролов вернуться к работе, поток насмешек не прекратился.

В досье Калии говорилось, что она отлично освоила телепатическую маскировку, а Тобруш подтвердила это. Джозефу это удавалось не настолько хорошо, но телепат Кабара уже засветился, позволив себя заметить. Когда один телепат натыкался на защиту другого телепата, он всегда распознавал ее, и агент Кабара, возможно, до сих пор ругал себя за промашку. Если так, теперь он воспользуется своим Талантом только тогда, когда в этом будет настоящая необходимость, что для Джозефа было как нельзя лучше.

Ночная смена дролов была готова сменить дневную, поэтому он сам отправился к павильону. Он настолько проголодался, что был готов проглотить даже ту бурду, которой их кормили, к тому же ему хотелось осмотреться на местности. Загвоздка была в том, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы непоправимо испортить праздник для такого количества рас.

Интересно, что уже закончили делать? Разумеется, сам павильон, но чего можно добиться, взорвав или подпалив его? Даже если подгадать время так, что его уже не успеют отремонтировать или заменить до прибытия важных гостей, это создаст некоторые неудобства, но всего лишь одной группе. Был еще алтарь, но его они вряд ли тронут. Даже если они ни во что не верили, в этом все равно не было никакого толку.

Кухни? Возможно. Отравить или испортить еду. Но это тоже было слишком мелко, чтобы иметь хоть какой-то смысл. Опять же, если ему удастся нагадить одной или двум ячейкам, или даже только людям, это не принесет Кабару того, чего он хотел, — полного фиаско, которое затронуло бы подавляющее большинство из восьмидесяти с лишним рас, представленных здесь.

«Просто я недостаточно испорчен, — сказал он себе, раздражаясь из-за того, что ему ничего не приходит в голову. — *Что стал бы делать я, если бы был на их месте?»*

Единственным, что он смог выдумать, был внезапный и сильный холодный ветер и проливной дождь с градом, но это означало необходимость совершения диверсии в Центре Погодного Контроля Лорда Скуазоса, то есть в высшей степени высокотехнологичную операцию. Но к этому местная служба безопасности всегда была готова и наверняка сумела бы предотвратить такое.

Нет, это было где-то **здесь**, что-то, сосредоточенное в этом месте, что-то, что совершенно ускользнуло от его внимания, что-то такое, обнаружив которое, он будет клясть себя за то, что это не пришло ему в голову раньше. Он только надеялся, что наткнется на это вовремя, чтобы успеть предотвратить катастрофу.

Это должно быть нечто, предназначенное специально для праздника, что-то такое, что не является обычной частью комплекса и поэтому не попадает под повседневное наблюдение сил безопасности Мастера Улья. Но что здесь может вызвать обширные разрушения, способные затронуть всю долину?

Он подошел к огромному костру и получил миску баланды. Пахла она даже несколько отвратительнее, чем выглядела, и показалась ему куда более мерзкой, чем он помнил. От дешевого эля он отказался: в него добавляли что-то такое, от чего дролы спали как убитые, просыпаясь на следующее утро свеженькими как огурчики. Вместо этого он взял воды. Она была теплой и слегка отдавала металлом, но по крайней мере делала баланду более или менее съедобной.

Сидя на земле и запихивая в себя еду, он продолжал оглядывать прибывающую толпу и раздумывал, кто же из этих людей замышляет каверзу, и что они могли задумать такого, чтобы испортить праздник не только людям, но и джулки, и тхионам, и еще семидесяти с лишком рас, у которых было настолько мало общего, что, сколь бы омерзительной эта баланда ни была, она казалась настоящим деликатесом по сравнению с тем, чем предпочитали питаться многие из них.

Что ж, если у Калии тоже хватило ума взять воду вместо эля, возможно, это удастся выяснить ей.

Эта мысль кольнула его — частично его беспокоило именно это. Гордость за ячейку, мужская гордость, личная гордость. В глубине души он знал, что почти боится, что она догадается первой.

Он сидел, запоминая тех, кто брал воду вместо эля. Это, по крайней мере, сузит круг подозреваемых. Эти парни не могли привезти с собой много оборудования, если вообще хоть что-то привезли, и им не обойтись без каких-то легенд, чтобы войти в один из известных кланов, а возможно, придется даже использовать гипноз, чтобы убедить кого-нибудь в том, что они тоже принадлежат к их клану. Что бы они ни делали, это должно быть сделано из подручных материалов, и почти обязательно — в ночное время.

Ладно, он еще некоторое время не будет ложиться и поглядит, не удастся ли что-нибудь выяснить, но он же не может бодрствовать все семь дней и при этом продолжать работать. Ночь была стихией тхионов — и коринфианцев, если они того хотели.

Дролы начали собираться в небольшие кланы, устраиваясь на ночь. Как бы они ни устали, отовсюду доносились

характерные звуки, свидетельствовавшие о том, что дролы, не отличаясь особой стеснительностью, совокуплялись прямо на глазах у товарищей. Некоторые бродили вокруг, не успев подыскать себе никого, с кем захотели бы провести ночь.

— Эй! Коротышка вронски! Что такое? Мужик-вронски так запал на девку-пусаби?

Он поднял глаза и увидел женщину, которая была в его группе, когда они летели сюда. Она была ширококостной, с большой грудью и крепким телом, и очень походила на его мать, какой та, наверное, была лет в пятнадцать. Правда, на самом деле он почти не помнил свою мать и никогда не знал точно, какая из женщин клана ею является: они все казались на одно лицо.

— А, ты та шлюха, которая пыталась подъехать ко мне еще на той посудине! Плетки захотела, девка-вронски?

Она зазывно повернулась к нему задом.

— О-о! Тебе это нравится, коротышка?

Он игриво шлепнул ее хлыстом, и она рассмеялась.

Он не видел Калию. Почти все уже улеглись, и она, вероятно, тоже. *«Какого дьявола,* — подумал он. — *Если я не воспользуюсь привилегией надсмотрщика, это покажется подозрительным».*

— Давай, шлюха! Покажи старому вронски, как ты это делаешь!

Его разбудил солнечный свет и гомон группы, собирающейся на завтрак. Большая женщина все еще спала, почти вжавшись в него и слегка похрапывая.

Надсмотрщикам часто делали такие предложения — по вполне очевидным причинам. Возможно, теперь она по тем же самым причинам намертво прилипнет к нему. С другой стороны, она была забавной и умелой, возможно, даже более умелой, чем пообещала. К тому же это прибавляло правдоподобия маскировке. У нее был острый ум и склонность к юмору, что отчасти уравновешивало ее несколько неожиданный мазохизм.

За следующие несколько дней расследование почти не продвинулось, но жизнь с дролами начала брать с него дань. Погрузившись в нее впервые с тех пор, как был мальчишкой, он неожиданно обнаружил, что начал думать на наречии дролов, и в результате стал действовать скорее как один из них, чем как секретный агент. Легкость, с которой испарялся налет цивилизованного свободного человека, угнетала его, но это не мешало процессу продолжаться. У него болели все кости, он едва таскал ноги от усталости, натирал мозоли — и все зря.

Искушение пустить в ход Талант гипнота тоже было неимоверным, и он начал думать, что Калия, возможно, была более права, чем ему хотелось бы признать, говоря про гипнотов,

не знающих, каково находиться на самом дне. В этом смысле подобный опыт стал для него настоящей школой.

У него даже появилось что-то вроде свиты. Девица, примкнувшая к нему в первый вечер, разумеется, больше не отходила от него, и ее товарки по клану не преминули присоединиться к ней, и хотя в глубине души Джозеф понимал, что таким повышенным вниманием к себе он обязан своим положением среди дролов, а не врожденному шарму и обаянию, это все же тешило его самолюбие. Гипноты обычно так или иначе получали то, чего хотели, и стать объектом подобного внимания безо всякого вмешательства со своей стороны было для него довольно непривычным.

Но дролов почти нельзя было использовать в качестве источника информации. Не заметили ли они кого-нибудь странного и незнакомого? Ну, все пусаби казались им странными и незнакомыми. Кроме них, они не видели никого, а обычно они работали в окрестностях павильона, помогая устанавливать трубы, расставляя кресла и все в том же роде, следуя очень четко начерченному плану. Время от времени старший водопроводчик или плотник — какой-нибудь вольный из замка, обычно не человек, — подходил проверить работу или что-нибудь поправить, каждый раз объясняя задачу надсмотрщикам в понятных терминах.

Он подозревал, что именно эти люди и представляли наибольшую угрозу. Они одни могли ходить от павильона к павильону и, соответственно, нанести наибольший вред, но планы казались ему правильными, а все эти люди были не только тщательно проверены в самом начале, но и постоянно проверялись гипнотами из службы безопасности.

Изредка он видел Калию, почти каждый раз с новым мужчиной-дролом, но она ни разу не обменялась с ним взглядом. Он уже начинал тревожиться, что она **слишком уж** вписалась в дрольскую жизнь, забыв о том, что находится на работе, но был слишком опытен, чтобы портить ее прикрытие только ради того, чтобы успокоить свою тревогу.

Тобруш продолжала время от времени сообщать ему о телепатической активности, продолжавшейся не только вокруг павильона, на котором работал Джозеф, но и в районе павильона ячейки Кварга, но не могла сказать ничего определенного. Робакук проводил все ночи на крыше павильона, незримый, но видящий все, в попытках заметить какие-либо следы ночного злодеяния. Пока что, однако, ему не удалось обнаружить ничего существенного.

Время уходило. Что-то планировалось, что-то затевалось, но что? Почему они не могли ничего найти, хоть какие-нибудь следы тайных действий?

Он остро ощущал, как стремительно утекает время. Если они не сумеют раскрыть этот план, если не смогут предугадать и предотвратить замысел противника, его снова заберут в этот замок и отдадут мерзкой машине, которая выжжет ту часть его мозга, которая давала ему силы гипнота, вместе с большей частью памяти. Потом его отправят обратно, на Вронски — даже не надсмотрщиком, а простым дролом, кем он и будет до тех пор, пока не сдохнет на работе.

Ответ был где-то у него под носом, он знал это. Он был у него перед глазами, но каким-то образом все время ускользал от него.

Черт бы побрал Лорда Кабара!

ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Когда до начала праздника оставалось всего два дня, Тобруш призвала на помощь тяжелую артиллерию. Лучшие телепаты, не пытаясь особенно спрятаться или скрыть свой Талант, начали прочесывать места предполагаемой активности диверсантов.

Ни одного телепата-человека хоть какой-либо силы им найти не удалось, но поскольку они пытались спугнуть злоумышленников или обнаружить кого-нибудь из не наделенных телепатическим даром членов команды Кабара, это не имело значения.

Джозеф был не единственным, кого удивляло, почему с самого начала к делу не привлекли телепатов-людей. Казалось куда более разумным дать ему в пару именно телепата, а не эмпатку, которая, похоже, за это время так сроднилась с дролами, что за последние два дня он вообще ни разу не видел ее.

Телепаты, бродившие в толпе, весь день ужасно пугали невежественных дролов своим нечеловеческим видом, вселяя в них суеверный ужас, но вечером вернулись ни с чем. Такой результат можно было предсказать: в окружении шести сотен перепуганных дролов, каждый из которых излучал страх и тревогу, никакой даже самый лучший телепат не смог бы уловить тех, кто нервничал или боялся по своим, особым причинам. Что ж, по крайней мере, когда от него потребуют рапорт, прежде чем отдать под Трибунал за провал миссии, он сможет сказать им в лицо, чтобы в следующий раз, когда им понадобятся результаты, они меньше прислушивались к чертовым компьютерам и больше — к главному агенту на месте, которому предстоит отвечать за исход дела.

Тобруш тоже считала, что их неудача обусловлена в основном наложенными на них ограничениями на персонал и неповоротливостью Имперской Разведки, а не их небрежным отношением к делу. Это, разумеется, никоим образом их не спасало.

Никто и никогда не накажет судью, приговорившего к смерти невинного. Когда ты находишься на самом верху и **твой** приговор оспорить не может никто, вину всегда можно с чистой совестью переложить на другого.

Они уже примирились со своей участью.

— Единственная надежда, которая у меня осталась,— сказала джулки, — это что здесь окажется один или несколько Скрытых Повелителей, что вполне вероятно, и что они призовут Мастера Улья, а возможно, и Лорда, к ответу.

Это немного приободрило его. Он был готов принять на себя ответственность, готов был даже умереть за провал порученной ему операции — если такова была цена за то, что он был свободным, — но его смерть будет иметь гораздо большее значение, если те, кто стоит выше него, тоже присоединятся к нему в Великой Тьме.

— Значит, ты думаешь, что им повезет не больше, чем нам?

Джулки, зашипев, проговорила:

— Да они не смогли бы обнаружить врага, будь он даже в полной форме и с флагом в руках! Поэтому-то они простые солдаты, а не свободные агенты. Самая огромная власть бесполезна, если у тебя мозги из камня. Если это так, ты — простой инструмент, не больше, чем хорошо оплачиваемый дрол, витающий в облаках.

— Сомневаюсь, чтобы сейчас даже самый лучший свободный агент-телепат смог что-нибудь сделать, — отозвался он хмуро. — Все, что должно было быть подготовлено, уже подготовлено, а агенты Кабара загипнотизированы быть обычными дролами, пока что-нибудь не даст им толчок, и они не начнут действовать.

— Пожалуй, им бы лучше иметь что-нибудь еще в запасе. Чтобы сократить расходы, Лорд Хозяин вполне может решить не тратиться на отправку всех этих дролов разных рас обратно туда, откуда их привезли. После того, как все сооружения разберут, их почти всех отправят в Великую Тьму. Есть подозрение, что, в особенности если их план удастся, единственными дролами-людьми на планете останетесь вы с девушкой. Если у них нет готового пути к отступлению, их успех погубит и их самих тоже.

Этого он не предусмотрел, и логичность этого плана погрузила его в еще большее уныние. Не тот факт, что все эти дролы через десять дней будут мертвы — они были всего лишь дролами, а дролов всегда было в избытке, — а то, что по решению суда им с девчонкой, скорее всего, сделают лоботомию и отправят на все четыре стороны — единственных двоих людей на планете. Что еще хуже, ей, возможно, даже дадут возможность уйти с честью, как и всем остальным, и позволят совершить самоубийство. От него же потребуют сдать рапорт и принять на себя всю вину и нака-

зание от имени команды, приговорив его не только к жизни, но и к целой вечности в одиночестве и в статусе низшем, чем дрол.

Да и черт с ним. У них в запасе оставался еще один день. Если этим приспешникам Кабара действительно удастся то, что они задумали, а он так и не сможет выяснить и предотвратить это, туда ему и дорога! Хотя далекие небеса содрогались от шума двигателей прибывающих со всех концов Империи кораблей, а замок уже приобретал праздничный вид, у них еще оставался один день до того, как они будут вынуждены убраться прочь, уступив место персоналу ячейки.

Его гарем уже заждался и издавал приглашающие возгласы. Они знали, что их господин и эта джулки — что-то вроде друзей, но, будучи дролами, не подошли бы к такому чудищу и на пушечный выстрел. Они скорее мешали ему, чем прикрывали, и он уже начинал терять терпение. Эти проклятые бабы все равно были немногим лучше любого животного. И куда менее ценными, чем животные. Если бы они умели делать такую работу, какую выполняли животные, они заслуживали бы большего внимания.

Вдалеке поднялся шум, почти заглушивший крики звавших его женщин. Многочисленные команды техников отгоняли дролов, наводя последние штрихи в системе водоснабжения, освещения и так далее, проверяя, как собраны павильоны и все ли сделано как нужно. Судя по всему, они прихватили с собой какое-то тяжелое оборудование, чтобы копать за главными павильонами. Удаление нечистот было действительно головоломной проблемой при таком скоплении народа, в особенности когда нечистоты одной расы представляли собой лакомое блюдо для другой.

Внезапно девицы окружили его, разом загомонив, так что ему пришлось прикрикнуть:

— Угомонитесь! А ну тихо, бабы-вронски, а не то я отхлещу вас по задницам!

Эта угроза, увы, не слишком испугала их. Они привыкли к кнуту — до какой-то степени. Но он был настолько зол, что они, видимо, почувствовав это, все же примолкли.

Он медленно поднялся по холму, не слишком заботясь быть похожим на дрола. К черту маскировку! Он играл дрола уже неделю, и это ни к чему не привело. Он дошел до кухонной зоны, нашел грубую деревянную кружку, накачал воды, жадно выпил, уселся, опираясь на насос, и попытался подумать.

Внезапно он похолодел, потом медленно взглянул на кружку, отодвинулся от насоса и оглядел его.

Он чувствовал себя полным глупцом и был чертовски зол на себя самого — именно такое состояние он и предсказывал, представляя, как будет чувствовать себя, когда найдет ответ.

Почему здесь не было **всех** рас улья? Ведь протокол требовал этого! Да потому, что некоторые из них дышали водой, а другие вообще веществами, ядовитыми для кого и чего угодно. Что общего было у подавляющего большинства тех, кто все же должен был присутствовать на празднике? Они все были формами углеродной жизни — исключений было всего одно-два, и их можно было даже не принимать во внимание.

А что было ядром всех углеродных форм жизни?

Вода!

Водопровод и канализацию прокладывали опытные техники задолго до того, как прибыли дролы, и постоянно проверяли — но они заканчивались незащищенными выводами на поверхность позади тех зданий, которые возводили только сейчас. Трубы, которые подводили воду к этому насосу — и, скорее всего, ко всем остальным тоже,— должны были установить уже потом. А также трубы, по которым в павильоны подавалась вода и удалялись отходы. Черт, да некоторые из его девиц занимались именно этой работой! Это было совсем просто, и повсюду вокруг громоздились кучи труб — более чем достаточно материала, которого никто не хватится. Вряд ли было так уж сложно незаметно сделать не значащуюся ни в каких чертежах небольшую секцию, даже после того, как все основные соединения уже были готовы. Черт, да эти чертежи были развешаны повсюду — чтобы было видно, куда тянуть трубы!

И понадобится всего несколько минут, чтобы перерезать пока еще недействующий трубопровод и подвести его к другому соединительному патрубку внутри павильона. На потолке главной кухонной зоны за павильоном столько параллельных труб, что даже техники, проверявшие работу, не заметят одной лишней. Тем более, что им нужно проверять такую уйму всего остального. Они включат систему, убедятся, что она работает, проверят утечки, подав высокое давление, и тем и ограничатся.

Это было дьявольски просто — и еще более дьявольски умно. Для того, чтобы сделать это, было достаточно всего одного человека, возможно, даже поворота одного вентиля — и вся вода с этой стороны будет испорчена. Тобруш говорила, что была еще одна площадка — он даже вспомнил, что это был павильон кваргов, — где могли работать какие-нибудь другие агенты. С другой стороны. Обе магистральных трубы.

Но к чему такому можно было подсоединить этот патрубок, чтобы отравить сразу всю систему водоснабжения?

Для всех рас, во всех магистральных трубах? Добавить что-то в воду было недостаточно — напор воды вытолкнул бы вещество в краны, а не обратно в трубу. Если только не...

Он зашагал к кухонной зоне, не замечая ничего, даже того, что его гарем следует за ним по пятам.

Не нужно было даже ничего скрывать, просто убрать эту трубу подальше с глаз, чтобы никакой особенно дотошный техник не заметил и не заинтересовался, что это такое.

В алтарь? Там должен быть большой резервуар с какой-нибудь горючей жидкостью или газом, чтобы можно было зажигать и поддерживать огонь в алтарных светильниках. Нет — чересчур рискованно. В таком случае все давление должно будет обрушиться на один маленький вентиль. Если оно должно будет продержаться пару дней, то вентиль может прорваться раньше времени и сорвать всю игру. Черт, единственным способом обеспечить это было бы что-нибудь с достаточно большим давлением...

Он вошел в кухонную зону, но обнаружил, что все чертежи уже сняли. Он вышел обратно, потом принялся искать. Один закуток, под главными сиденьями и ниже внешней открытой части павильона, не просматривался ниоткуда. Он казался самым естественным местом для предполагаемого вентиля. Кроме того, возможно — только возможно, — что кто-то по забывчивости оставил там схему водопровода и канализации.

Он вошел в закуток, где не было освещения и куда не проникал солнечный свет, так что здесь было довольно темно и пришлось напрягать глаза, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Во имя Клятвы Десяти Мучеников — здесь было столько труб, идущих во всех направлениях и пересекающихся друг с другом, что можно было бы выделить отдельную под шампанское!

Но диверсанты собирались подавать по трубе вовсе не шампанское. Он почти в полной темноте тупо смотрел на трубы, невольно восхищенный простотой плана и его абсолютной эффективностью. По тонким трубам подавалась вода, а по толстым выводились кухонные отбросы и прочие отходы — под давлением, намного превышающим напор воды, чтобы все нечистоты от всех рас быстро сливались в центральный коллектор и там испарялись, а вырабатывающаяся при этом энергия питала большую часть всех павильонов в долине. Как просто!

Всего один поворот вентиля, сделанный в нужный момент или в любое время, когда это будет возможно сделать, и мощный фановый насос, тоже расположенный под павильоном, погонит все нечистоты обратно в систему водоснабжения. Человеческие экскременты для некоторых рас могут даже оказаться

ядовитыми, и уж точно найдутся лишь очень немногие, которым захочется это пить. Черт, а ведь возможно, система действует в двух направлениях! Тогда **все** экскременты **всех** рас через этот отвод будут выброшены в водопровод, и фановый насос погонит их по магистральной трубе вперед, а водяной — назад!

Это было гениально.

* * *

— Спасибо за комплимент, догадливый ты мой, — внезапно раздался у него за спиной резкий и громкий, но странно знакомый женский голос. — **Никакого гипноза! Не поворачивайся!** Я могу убить тебя прежде, чем ты успеешь вперить в меня свои глазки!

— Я все равно могу попробовать, — предупредил он. — Ты ведь так и так собираешься убить меня, и, возможно, прямо здесь. — Он погладил рукоятку хлыста, раздумывая, не пустить ли его и на самом деле в ход, но шансы были невелики, и он знал это. Она почти наверняка успеет перебить ему позвоночник прежде, чем он успеет хотя бы развернуться, чтобы дотянуться до нее. — *И ты ведь еще и телепатка, правда? Чтобы больше уже не было никаких сюрпризов?*

— Ты действительно догадлив. И сейчас ты думаешь, что твоя подружка-джулки слышит нас, или что кто-нибудь из этих придурковатых читателей мыслей обнаружит нас. Не выйдет. Ты поумнел слишком поздно и не там, где нужно, гипнот. Сильный телепат может улавливать даже на очень больших расстояниях, но только в зоне прямой видимости. Тебе следовало бы это знать. Прости, малыш. Ты мне даже нравился.

Он приготовился к тому, что неминуемо должно было произойти, и когда раздался внезапный громкий треск, вздрогнул, решив сначала, что это его спина.

— Прекрати трястись и обернись, рабовладелец, — сказала Калия своим обычным неприветливым тоном. — Сейчас она не сможет прочитать ничьи мысли.

Джозеф обернулся и увидел, что она стоит у него за спиной, а между ними — обмякшее тело назойливой девицы-вронски, которая с самого начала положила на него глаз.

— Она мертва? — поинтересовался он.

— Скорее всего нет, — отозвалась эмпатка с сожалением в голосе, — но некоторое время еще так полежит, а бегать уже вряд ли когда-нибудь станет.

Он чувствовал себя полным болваном.

— И все это время она была у меня под носом... И все остальные тоже?

— Только одна. Все остальные тупые курицы, которых добавили для прикрытия — и для отвлечения внимания. Но кому-нибудь из нас лучше выйти отсюда и послать ментальный сигнал, пока остальные не узнали и не залегли на дно.

Калия посторонилась, и Джозеф, перешагнув через бесчувственную телепатку Кабара, тоже вышел наружу.

— Ладно, — сказал он со вздохом, все еще не в силах оправиться от того, что совершил двойную глупость. — Как будем искать остальных?

— Ну, вторую твою шпионку-любовницу мы поймали, она не в лучшей форме, но хотя бы в сознании. Если ты хоть немного умеешь управляться со своим Талантом, то она укажет нам остальных, хотя у меня уже есть парочка идей.

Для человека, который еще шестьдесят секунд назад находился на краю могилы, а теперь мог надеяться на повышение, он чувствовал себя поразительно подавленным.

— Полагаю, ты знаешь и о том, что они задумали, и сделанные ими приготовления уже устраняют?

— Об этом не имею ни малейшего понятия. А ты разве не знаешь? Я думала, она поэтому и сбросила личину. — Она замолчала, увидев, как изменилось выражение его лица.— Да что с тобой? То ты чернее тучи, то сияешь, как начищенный пятак!

Он ухмыльнулся.

— Ничего, совершенно ничего. — *Просто я знаю кое-что, чего не знаешь ты!*

Вторая шпионка, одна из самых непроходимых дур из всего его гарема, судя по ее виду, была в **очень** плохом состоянии. Если говорить точнее, она до сих пор корчилась от боли.

— У меня не было времени, чтобы связать ее, поэтому пришлось перебить ей оба колена, — буднично пояснила Калия.

— Замечательно, — буркнул Джозеф, потом вздохнул.— Посмотрим, что тут можно сделать.

Он склонился, и Калия крепко схватила девушку. Она подняла на него глаза, не прекращая вопить от боли, но внезапно ее крик оборвался, она расслабилась и обмякла.

Вокруг собралась было толпа любопытных дролов, но поняв, кто он такой и что делает, они начали быстро расходиться.

— Ты не чувствуешь ни боли, ни страха, ни тревоги, — затянул он негромко. — Я помогу тебе, если ты мне доверишься, если ты откроешь мне разум. Ты согласна?

— Да, — ответила она сонно.

— Кроме тебя и телепатки, сколько вас еще здесь?

— Здесь еще трое. Пять на площадке Кварга.

Все сходилось.

— Сколько среди них Талантов? И сколько людей?

— Фарита — телепат. Я эмпат. Ибрана — гипнот. Зоа и Мац — телекинетики. То же самое в команде кваргов. Я не знаю их имен. Кварги для меня все на одно лицо.

— Вся ваша команда состоит из одних женщин?

— Да. На женщин-дролов не обращают никакого внимания, и именно им скорее всего поручили бы прокладывать трубы. Про кваргов не знаю.

Это имело смысл, по крайней мере, для людей. Кто бы ни состряпал этот план, он очень хорошо все продумал.

— Как нам найти оставшуюся часть вашей команды? Как нам их опознать?

— Они такие же ничем не выдающиеся, как и все дролы. Ибрана работает на раздаче еды. Она маленькая, смуглая и с бритой головой. Зоа и Мац близнецы и любовницы. Они низенькие и толстые. Кроме этого, они ничем не отличаются от остальных.

— Как вы собирались выбираться?

— Место сбора — в горах. Ибрана запрограммировала двух водопроводчиков. Они должны были сделать все. Остальные вольные тоже в ее власти. Она очень сильная. Мы все очень сильные.

«Теперь уже нет», — с удовлетворением подумал Джозеф.

Он уже начал подниматься и оборачиваться, как вдруг что-то, замеченное краем глаза, вызвало у него автоматическую реакцию. Он упал на землю и тут же перекатился, и лишь благодаря этому удар задел его по касательной. Он мгновенно вскочил на ноги и увидел, что нападающим была... Калия!

— **Убийца! Шпион рабовладельцев!** — завизжала она, снова бросаясь на него.

Она ударила его в грудь с такой силой, что у него потемнело в глазах, но он все же как-то умудрился броситься на нее и повалить на землю, слегка при этом оглушив.

Но Калия была слишком сильной и слишком хорошо тренированной, чтобы сдаться. Каким-то чудом увернувшись от ее острого колена, направленного ему в пах, он взглянул в ее остекленевшие безумные глаза.

— Калия! Посмотри на меня! **Посмотри на меня!**

Она страшно напряглась и застыла на месте.

— Закрой глаза, — приказал он, — и не двигайся до тех пор, пока я не позволю!

С трудом поднявшись, он бросил сердитый взгляд на группу дролов, полукругом сгрудившихся в пятнадцати футах от них. Грудь мучительно ныла, но сейчас он не мог этим

заниматься. В конце концов он заметил ее. Маленькая и лысая, сказала эмпатка Кабара. И сильная.

Джозеф впился в нее взглядом, мгновенно разъярившись.

— Хочешь потягаться со **мной?** — крикнул он. — Что ж, давай!

Толпа отпрянула еще дальше, но Ибрана не шевельнулась.

— Ты ничего мне не сделаешь! — вызывающе крикнула она. — Знаешь, сколько дролов прошло через кухню? **Все до единого!** Они — моя армия, и только одна я командую ими! Ни один гипнот во Вселенной, даже я сама, не сможет остановить их, пока они не вырвут твое сердце!

Проклятие! Почему **он** не додумался до этого?

— И что? Конечно, ты можешь убить меня, но это не сможет ни спасти тебя и твоих товарищей, ни завершить ваше дело, — уверенно ответил он. — Я уже слышу, как приближается Охрана.

— Останемся мы в живых или нет, не имеет значения! — крикнула Ибрана. — Зоа! Мац! Одна поворачивает вентили, другая пускает газ из резервуара над алтарем! Первый же придурок, который попытается здесь выстрелить, взорвет всю эту дыру к Великой Тьме, и вот **тогда** мы посмотрим, как ваш драгоценный Лорд сможет привести это место в порядок к завтрашнему полудню!

Он увидел, как из толпы выбежали две оставшиеся шпионки, и подумал: *«Они действительно близнецы!»* Если они точно знали, что им необходимо повернуть в лабиринте труб, переходников и патрубков, то, будучи телекинетиками, могли сделать это, не прикасаясь к ним и даже не подходя близко.

Одна из них направилась в темный проход между зданиями, где, как знал Джозеф, все еще приходила в себя телепатка. Другая пошла к площадке под алтарем. Они все это время были на шаг впереди него и все это время дурили ему голову, а теперь он оказался в ситуации, которая была практически самым страшным кошмаром для любого гипнота, — находился в гуще толпы сырья и был при этом совершенно беспомощным. Впервые за все время, если не считать лет обучения, он почувствовал, каково должно быть по другую сторону власти гипнота.

Агенты Службы Безопасности уже были повсюду вокруг, не только на земле, но и на гравикарах сверху, но пока еще не были готовы к стрельбе, или же ожидали приказа. Командующий агентами идиот, очевидно, все еще не понял, что происходит, и пытался действовать так, чтобы не повредить павильон.

Шпионка Кабара, которая отправилась к алтарю, должна была пройти мимо небольшого кубического металлического ящика. Он стоял в стороне, и никто не обращал на него внимания, но теперь, когда шпионка оказалась вблизи, из

него внезапно выросли щупальца, обвились вокруг женщины и крепко сжали ее.

Площадка вокруг алтаря затряслась. К «ящику» полетели разнообразные предметы, но они лишь отскакивали от него, не причиняя вреда. Под платформой словно бы скрывалось что-то живое; она раскачивалась, точно при землетрясении.

Куб был весь забрызган кровью, глаза женщины вылезали из орбит. А потом она лопнула, превратившись в кровавое месиво. Тряска прекратилась, но даже с такого расстояния Джозеф расслышал слабое шипение.

В этот момент из прохода между строениями, где скрылась первая девушка, показалась темная фигура тхиона.

— Она оказалась очень вкусной! — сообщил Робакук.

Ибрана внезапно осознала, что осталась одна. Совершенно одна, ничем не прикрытая сверху, но вовсе не беспомощная.

— **ИЛИТИКА КАБАЛА!** — завопила она. — Поджечь светильники на алтаре факелами!

Все дролы, слышавшие ее слова, мгновенно бросились исполнять приказ; они похватали факелы и ринулись к алтарю.

— Калия! Ты можешь двигаться! Беги со всех ног! — прокричал он и сам сорвался с места.

Поток газа, вытекающего из-под алтаря, был достаточно плотным, чтобы заняться уже тогда, когда толпа находилась еще только на полпути к нему. Пламя ближайших факелов, вспыхнув, подожгло воздух и, точно живое, взлетело к центру алтаря. Раздался оглушительный взрыв, Джозефу опалило спину, и он со всего размаху рухнул в грязь.

Резервуар под алтарем, а потом и трубы тут же загорелись, но автоматические предохранительные клапаны вовремя сработали, не дав пламени перекинуться на магистральную трубу. Температура и давление в трубе, проложенной под павильоном, были огромными, и когда пожар, бушевавший над рухнувшим алтарем, уже стал утихать, взорвался трубопровод под остальными постройками, а вместе с ним взлетело на воздух и само здание, с оглушительным грохотом обрушившись на землю градом обломков.

С тошнотворно кружащейся головой, шатаясь и чуть не теряя сознание от растущей боли в груди, Джозеф усилием воли заставил себя подняться на ноги и принялся оглядываться вокруг в поисках маленькой фигурки Ибраны.

Откуда-то сверху прогремел многократно усиленный мужской голос:

— Она направилась к лесу, но не могла уйти далеко. Мы активизировали энергетические барьеры. Она никуда не денется.

По-видимому, ему ничего не оставалось, кроме как предоставить погоню за ней другим, ибо мир вокруг него вдруг начал бешено вращаться, и он мешком осел наземь.

* * *

Первым, кто посетил Джозефа после того, как он прошел через хирургический блок и пришел в сознание, был Мастер Улья собственной персоной.

— Лежи, лежи, — замахал руками Мастер Улья на его попытки подняться, чтобы продемонстрировать уважение. — Ты сможешь вставать только через несколько дней. Как ты себя чувствуешь?

— Меня пока держат на болеутоляющих, мой господин, — признался тот. — Поэтому я не знаю, как обстоят дела со всем остальным моим телом.

— Возможно, тебе будет интересно узнать, что Его Светлость весьма доволен тобой и действиями твоей команды. **Весьма** доволен.

— Но ведь... в конце концов они все-таки взяли верх! Алтарь, павильон — ведь все это взлетело на воздух!

— Без последствий для основных празднеств. В отличие от водопровода и канализации, газопровод хорошо регулируется, и повреждения ограничились лишь непосредственно прилегающими участками. Это зрелище слегка оскорбляет взор, не могу не признать, но ничего более. Лорд Кабар, похоже, расхворался и в самую последнюю минуту отказался от участия в празднестве, поэтому мы смогли воспользоваться его павильоном взамен взорванного. Должно быть, заболевание было очень внезапным — его корабль лег на обратный курс уже тогда, когда они почти прилетели.

Джозеф через силу улыбнулся:

— Полагаю, оно будет далеко не таким опасным, как то заболевание, что по его возвращении домой ожидает того, кто придумал весь этот план.

— Хм-м... Да. Будем надеяться, что Лорд Кабар находится в такой ярости, что сделает именно то, что ты предполагаешь. Кто бы ни стоял за этим, это очень ловкий интриган, и исполнителей он себе подбирает первоклассно. Было бы очень кстати, если бы эту личность убрали с дороги. Ведь его план вполне мог бы и сработать.

— Он почти сработал, — признал Джозеф, чувствуя себя не слишком победоносно. — Они успешно водили меня за нос почти до самого конца — отвлекая мое внимание, изматывая и, возможно, опаивая меня, чтобы полностью ввести в заблуждение. Когда я буду в состоянии, то непременно пойду в храм и помолюсь за эту команду в ее новом путешествии сквозь Великую Тьму.

Они не сделали ни единой ошибки и ничем не опозорили себя. Сам их план был ошибочным, хотя ни с одним другим планом, который приходит мне в голову, не было бы меньше проблем и сложностей. Надо же было иметь храбрость втереться ко мне в доверие и под самым моим носом спокойно проворачивать свои дела! Если бы Калия тогда не проходила мимо, я был бы сейчас мертв, а им, возможно, даже удалось бы все, что они задумали.

— Калия не случайно проходила мимо, — сказал Мастер Улья. — Вначале она намеревалась держаться поближе к тебе, но когда вокруг тебя собралась эта свита из дролок, она поняла, что тебя раскрыли. Скорее всего, телепатка предупредила остальную группу еще по пути сюда. Я знаю, ты недоумевал, зачем мы дали тебе в пару эмпата, а не телепата. Мы предполагали, что у них будет телепат, и знали, что нам не удастся сохранить от него в секрете существование нашего телепата, если он воспользуется своими силами, а ты был достаточно общедоступной мишенью. Каждый раз, когда Калия приближалась к тебе, она улавливала эмоции, грубые и примитивные дрольские чувства, от всех этих женщин — кроме одной. Она поняла, что в твоей свите есть по крайней мере одна эмпатка, и отступила, держась в тени, но никогда не теряя тебя из виду. Она молодчина. Мои телепаты утверждают, что ни разу не засекли ее.

— Но диверсанты же знали о ее существовании! Они должны были прочитать эту информацию в моих мыслях и разослать по всей группе. Этот ее шрам и искривленная губа — да никаких примет больше и не надо!

— Да неужели? В такой толпе? Даже если бы у тебя с самого начала были подробные приметы шпионок, разве ты смог бы с такой уж легкостью обнаружить их? Особенно когда они изо всех сил старались быть незаметными? Она уже засекла близнецов, определила их менее опасный Талант и предположила, что остальные крутятся вокруг тебя.

— Она вычислила близнецов так, что они ее не заметили?

— Да. Они не смогли побороть искушение продемонстрировать свою силу всем мужчинам в округе, — как для того, чтобы выказать свое превосходство, так и для того, чтобы те держались от них на почтительном расстоянии. Разумеется, они не смогли бы поднять то, что поднимали и носили, обычным способом. Однако объединенные телекинетические силы синхронизированных близнецов вашего вида, похоже, очень велики. О них пошла молва, Калия услышала об этом, а уж тогда их, разумеется, вычислить было проще простого. Она, в свою очередь, позаботилась о том, чтобы держаться от них подальше на случай, если у них есть ее приметы.

Джозеф кивнул:

— И больше она не контактировала со мной, зная, что они выудили из моих мыслей информацию и, возможно, затевают для меня небольшой несчастный случай.

— Именно. Робакук обосновался на крыше кухни, незаметный, но бдительный. Калия связалась с ним, и он нетелепатическим путем передал сообщение Тобруш, чтобы никто не смог его перехватить. Это сработало лучше некуда. Но гипнотка была темной лошадкой. Мы не могли вычислить ее, не могли засечь телепатически — в этом она была так же сильна, как и Калия, а попытка телепатического сканирования только насторожила бы их. Но пока мы не раскрыли ее, всё остальные действия были бы бессмысленными, коль скоро у нас еще оставалось время. Нашей темной лошадкой был Дезрет. Со своей коринфианской способностью принимать вид некоторых неодушевленных объектов и сравнительной невосприимчивостью к Талантам, Дезрет пытался выяснить, не выведет ли нас кто-нибудь из уже известных агентов на их гипнота. Но, поскольку она работала на раздаче еды, ничего не получалось. В конце концов Дезрет устроился в том месте, которое ты видел, откуда можно было следить за всей площадкой.

— С Дезретом, кстати, все в порядке? Он должен был находиться в центре первого взрыва... И как остальные?

— Подобные взрывы коринфианцу не страшны. Робакук получил ожоги, но не слишком серьезные. Тхионцы, когда им это действительно необходимо, могут развивать невероятную скорость. Калия довольно серьезно обожгла спину и вывихнула запястье, но держится молодцом. Тебе досталось больше всех, и боюсь, в основном это натворила Калия, когда пребывала в гипнотическом трансе. Два сломанных ребра, проколотое легкое, внутреннее кровотечение и небольшая трещина в кости ноги, причем последствие взрыва — только последнее.

— И я еще легко отделался, — признался он с сокрушенным видом.

— Не принижай себя, — осуждающе произнес Мастер Улья. — Это приводит к неудачам и в конце концов к падению. Ты делал то, что тебя послали делать, — пытался найти шпионов и помешать им причинить вред. Ты имел дело с самыми лучшими и расстроил их планы, применив мозги, а не Талант. Тебя выбрали потому, что компьютер сказал, что у тебя подходящий склад ума. Свой же Талант, в отличие от прочих, ты использовал не как костыль, а для того, чтобы защитить ум.

— Но разве мы сумели **предотвратить** провал? — спросил он Мастера Улья. — Ведь эти шпионки не были единственными!

— Нет, но в их плане была одна фатальная ошибка, а именно то, что они вообще решили использовать людей. Мы

с самого начала были убеждены, что эго и расовая гордость Лорда Кабара заставят его сделать этот выбор; после этого остальное было уже делом практики. Если бы он выбрал другие расы, никак не связанные с ним и его приближенными, — например, кварговв, — мы никогда бы не вычислили их до тех пор, пока не стало бы уже слишком поздно. А так нам удалось за ночь исправить последствия их гнусных действий, восстановив все то, что мы не сумели предотвратить. Про сгоревший павильон никто даже не узнал. Нет, мы вполне всем довольны. И это мнение разделяют даже в более высоких кругах. Ты уже задумывался, чем займешься, когда выйдешь отсюда?

Хотя Джозеф был далеко не настолько доволен собой, как им были довольны другие, он прекрасно понимал, что отказываться от похвал и наград не стоит.

— Я буду делать все, что прикажет мне мой Барон и наш Лорд, и приложу все усилия, чтобы нести службу как можно лучше, — ответил он.

— Есть мнение, что ты предназначен для более высоких дел, чем твоя теперешняя работа. Если ты согласен, тебя ждет должность в Имперской Разведке.

Не нужно было быть эмпатом, чтобы уловить охватившее Джозефа радостное волнение. **Имперский уровень!**

— Я... я... почту за огромную честь, господин.

— Я больше не буду тебе господином, как только ты примешь эту должность. Я и сам начинал точно так же. Ты пройдешь подготовку, дополнительное обучение, потом получишь под свое командование патрульный корабль — вероятнее всего, на границе. Именно туда обычно отправляют новичков, чаще всего с такой же зеленой командой. Это и опыт, и испытание одновременно. По большей части это довольно скучно, уверяю тебя, но если тебе удастся выполнить какое-нибудь важное задание, это не останется незамеченным. Как обычно, лишь Судьбе и тебе самому решать, что тебя будет ждать, когда ты выйдешь из больницы.

— Я сделаю все, что в моих силах, сэр. — *«И когда-нибудь я вернусь сюда и займу твое место, Мастер Улья. А возможно, даже место твоего начальника».*

* * *

Подготовку и обучение, о которых говорил Мастер Улья, совершенно определенно нельзя было назвать скучными; это было одно из труднейших испытаний, которым Джозеф когда-либо подвергался. Даже в первые дни своего ученичества в тренировочной колонии гипнотов, которые он до сих пор считал

самым кошмарным временем в своей жизни, ему никогда не приходилось испытывать такого отчаяния. Физические требования к их учебной группе были жесточайшими; наказания, оскорбления и унижения, которым их подвергали роботы, ведущие программу (которые были невосприимчивы к любым Талантам), были немыслимыми. Им не давали ни послаблений, ни передышек. Начинало подготовку тридцать кандидатов. Как и Джозеф, все они попали сюда, проявив себя с самой лучшей стороны в ответственных и зачастую грязных заданиях.

К концу подготовки семеро из них совершили самоубийство, еще пятеро погибли от рук инструкторов, а трое умерли в результате собственных ошибок. Из пятнадцати закончивших обучение всего семеро, включая Джозефа, получили полевые назначения в качестве лейтенантов. Остальных восьмерых назначили в Разведку Улья — это было несомненным повышением и считалось неплохой работой, но не Имперского уровня.

С назначением его подготовка не кончилась. Он и шестеро других лейтенантов, для того, чтобы стать техническими специалистами, должны были ознакомиться с немыслимым множеством видов оружия и оборудования для шпионажа. В заключение их ждала проверка на знание работы с аварийными скафандрами. Испытание заключалось в том, что его должны были выбросить, словно бы потерпевшего крушение при посадке, на какую-нибудь кошмарную планету, о которой у него не должно было быть никаких сведений, в одном ржавом аварийном скафандре и лишь с тем снаряжением, которое в него входило. Без карт, без какого-либо дополнительного оборудования он должен был найти контрольный маяк, расположенный в нескольких сотнях километров от места высадки, и подать оттуда сигнал. Этот мир, как ему сказали, будет необитаемым, но с ядовитой атмосферой и температурами, колеблющимися от точки замерзания воды почти до точки ее кипения.

Семерым финалистам предстояло быть выброшенными одновременно, но в разных местах. Первые шестеро, справившиеся с заданием, — если к этому моменту их еще будет шестеро, — станут выпускниками. Последний же должен будет вернуться и проходить обучение с самого начала.

Перед высадкой Джозефу дали единственный шанс отказаться, приняв вместо полевого назначения административный пост. Но к этому времени он прошел уже через слишком многое, чтобы отступиться, и был исполнен решимости добиться своего или погибнуть. Гибель в этом почетном испытании его совершенно не страшила — равно как и не прельщала перспектива жить со знанием, что другие, так же как его старый Мастер Улья, прошли этот экзамен.

Не раз, когда его положение выглядело отчаянным, он понимал, что былой Джозеф, — даже тот, что искал шпионов на празднике, — уже давно сдался бы, сочтя ситуацию безнадежной. Но одной из целей подобной подготовки как раз и было выбить из курсанта всякое пораженчество. Обучение было более трудным, чем практически все, с чем ему предстояло столкнуться позже, и все же с ним можно было справиться, пустив в ход ум и свежеприобретенные знания.

Примерно две трети пути пищевой синтезатор в его скафандре барахлил, и он сомневался, сможет ли преодолеть оставшееся расстояние без хотя бы какой-то еды. Кроме того, это ставило под угрозу куда более важные системы рециркуляции воды и очистки скафандра.

Он был исполнен решимости не стать последним. В противном случае он с таким же успехом мог бы и погибнуть.

Претендентов отделяла от аварийного маяка гряда высоких, неприветливых, открытых всем ветрам гор, и самым удобным местом для перехода через них было тесное ущелье, дно которого в нескольких местах сужалось всего до нескольких футов. Он протиснулся сквозь него, окопался, отключил все системы, кроме жизнеобеспечения, и принялся ждать. На второй день один из его товарищей — он даже не мог бы сказать, какой именно — появился на выходе из ущелья. Он подкрался к нему из засады и оглушил ударом по голове, и пока курсант лежал без сознания, забрал у него все необходимое, заменив его своим неработающим барахлом. Подкрепившись и отремонтировав свой скафандр, он добрался до маяка. Из семерых не пришел лишь один — тот самый. Этот погибший лейтенант ничуть не мешал Джозефу ни крепко спать по ночам, ни радоваться победе.

* * *

Однако, шагая по коридору Разведывательной Базы Двадцать Девять, Джозеф слегка нервничал. В своей новой темно-красной форме и черных ботинках он выглядел великолепно, и по праву гордился одной звездочкой на левом нагрудном кармане, обозначавшей лейтенантское звание, но сейчас ему предстояло встретиться со своей командой — вероятно, такой же зеленой, как и он, — и это очень нервировало его. Он будет строгим, безжалостным и станет требовать от подчиненных неукоснительного соблюдения дисциплины, говорил он себе; он превратит команду в одну слаженную машину.

Он вошел в комнату и резко остановился, пораженный до глубины души. Хотя прошел всего лишь год, на него внезапно нахлынули воспоминания, казалось, оставшиеся в далеком прошлом и принадлежавшие кому-то другому.

— Калия?

Она была, пожалуй, даже чуть более безобразной, чем он ее помнил. Ее волосы, раньше довольно длинные, теперь были обстрижены так коротко, что стало видно отсутствие мочки на правом ухе — впрочем, тогда она, возможно, еще была на месте. Ее опрятная и выглаженная форма младшего сержанта только еще больше подчеркивала факт, что Калия даже сейчас ничего не сделала для того, чтобы избавиться от шрамов и хоть как-то облагородить свою внешность.

Она вытянулась в струнку, щелкнув каблуками, но он заметил, что при виде него у нее на губах промелькнула улыбка, скорее покорная, чем радостная.

В остальных, которые тоже казались знакомыми, он был не так уверен.

— Тобруш, полагаю? — сказал он джулки, на мундире которой красовались знаки отличия младшего мичмана.

Щупальца поднялись в подобии салюта.

— Сэр, весь экипаж в сборе, — доложила Тобруш. — Полагаю, представлять остальных нет нужды.

— Значит, Робакук, — сказал он, кивнув тхиону. — И... Дезрет? **Коринфианец** на Имперской Службе?

— Многие из нас находятся на Имперской Службе, сэр, — раздался в ответ глухой и бесстрастный голос странного существа. — Нас считают весьма... полезными. А если я останусь в живых, опыт и знания, полученные мною, войдут в Универсальный Фонд Знаний моего народа.

Он вздохнул.

— Что ж, всем вольно.

Он уселся в кресло, и лишь после этого Калия последовала его примеру. Остальные не нуждались ни в креслах, ни в их эквивалентах.

Джозеф бросил взгляд на Калию:

— Всего лишь сержант? Я должен был догадаться, что ты будешь в **моей** группе. — По сути, одна лишь Тобруш имела звание, дающее право на офицерские почести, хотя и на ступень ниже, чем он. Робакук и Дезрет были простыми членами экипажа, и единственной причиной, по которой Калия получила чин сержанта, могло быть лишь то, что она закончила обучение первой в своей группе.

— Я не собиралась быть офицером, — сказала она.— Точно так же, как не собиралась служить ни с вами, сэр, ни с кем-либо из остальных. Видимо, кто-то решил, что мы хорошо работаем вместе и удачно дополняем друг друга.

— Это так и есть, — отозвался он. — Уже тот факт, что мы все прошли жесточайшую подготовку и выдержали ее, говорит в нашу пользу. А теперь нам доверили корабль и возложили на нас обязанности, которые мы должны выполнять, — не как

отдельные личности, но как одна команда. — Он вздохнул. — Я собирался сказать, что мы больше не те, какими были, когда работали вместе год назад, но это не совсем так. Мы такие же. Тогда мы отлично сработали. Сейчас мы стали лучше. Это наша работа в команде привела нас всех сюда. Чтобы остаться в живых и преуспеть, мы должны стать первоклассной командой.

— Нам уже назначили корабль, капитан? — спросила джулки.

Он кивнул.

— Патрульный корабль старого класса — класса «Кровавый Престол». Каюты довольно тесные и не совсем рассчитаны на удобство команды, но корабль очень быстрый и прекрасно вооруженный. Сомневаюсь, что найдется много других, кому будет под силу догнать его или уйти от нас. Модификации под требования конкретной расы производятся автоматически, так что каждый из нас будет иметь по крайней мере минимальный уровень комфорта. Но прежде чем мы отправимся туда, я хочу узнать ваши специальности.

— Официально я навигатор, капитан, — сообщила Тобруш. — На практике это означает, что я отвечаю за ремонт компьютера и устранение основных неисправностей. Будучи телепатом, я также занимаю пост офицера безопасности.

Он кивнул.

— Робакук?

— Ответственный за груз и легкое вооружение, капитан.

— Калия?

— Загрузка, инспектирование и полевые экспедиции, — доложила она. — Я могу также управляться с оружием и ассистировать при допросах, но основной моей функцией на борту является техническое обслуживание.

Другими словами, солдат на земле и экономка на корабле. Он был удивлен, что она удовольствовалась такой ролью, хотя была способна на большее. Еще один штрих к загадке Калии.

— Дезрет?

— Связь, криптография и тяжелое вооружение, — ответил коринфианец. — Кроме того, я могу разрабатывать планы космических сражений.

— Капитан?

— Да, Калия.

— Полагаю, я обязана предупредить вас. Офицеры Разведслужбы дали мне высочайшую оценку, но были озабочены одним моим существенным недостатком, которым, как вы знаете, является низкая сопротивляемость гипнотическому воздействию. Вследствие этого я была вынуждена провести некоторое время — не знаю, сколько именно, — в тренировочных камерах с програм-

мирующими препаратами и оборудованием. Можете просмотреть результаты в моем досье; я в этом почти не разбираюсь. Однако основным следствием тренинга стало то, что любая попытка гипнота подчинить себе мою волю без моего разрешения приведет к мгновенной и полностью автоматической реакции, вынуждающей меня напасть и привести его в бессознательное состояние или убить. Контролировать это я не могу.

Это поразило его, одновременно и встревожив, и обнадежив. Год назад она врезала ему действительно хорошо, и хотя ему хотелось думать, что теперь он не по зубам ни ей, ни большинству других, правда заключалась в том, что она-то ведь тоже прошла суровую подготовку, и вполне могла оказаться не по зубам ему. В глубине души он все это время волновался, сможет ли положиться на нее, если они встретятся с другим гипнотом. Теперь он знал, что сможет, — но при этом вряд ли будет чувствовать себя уютно. А вдруг во время задания какой-нибудь гипнот попробует применить к ней свои силы просто для того, чтобы попытаться продать ей какой-нибудь бесполезный хлам или поразвлечься? Ему придется хорошенько обдумать все это.

— Что ж, благодарю за предупреждение. Ну ладно, мы собираемся взглянуть, на что похож наш новый дом, или нет?

* * *

Это было замечательно — быть командиром, находиться в космосе, управлять собственным кораблем и иметь тот уровень свободы и ответственности, который приходит вместе с этим. Возможно, все это потом ему надоест, возможно, им действительно овладеет предсказанная скука, но пока что он был именно тем и именно там, кем и где хотел быть.

Джозеф не имел права открыть и ввести в бортовой компьютер запечатанные приказы до тех пор, пока они не отдалились от базы на достаточное расстояние. Только тогда он прочел свой первый боевой приказ:

«Вы направитесь к пограничной заставе, координаты которой введены в память вашего компьютера. По прибытии на указанную заставу вы будете патрулировать заданный сектор от границы до границы, координируя дозор с другими такими же кораблями в этом секторе и подчиняясь приказам Зонального Военного Контроля. В ваши обязанности входит отвечать на все сигналы о помощи от любой Имперской колонии или судна в зоне вашей ответственности, а также отслеживать и брать в плен или уничтожать любое судно противника, приближающееся к вашей зоне. Наши вооруженные силы имеют в этом секторе лишь ограниченный

контингент; протяженность нашей территории здесь всего около шестидесяти двух световых лет, с одной стороны от нее находится Мицлаплан, с другой Биржа. В основном ваша работа будет однообразной, но вы должны быть готовы к возникновению различных непредвиденных ситуаций: как у нас есть тайные агенты, работающие в приграничных зонах противника, так же и у них, без сомнения, есть таковые в наших. Любые действия и переговоры противника, даже за пределами нашей части космоса, следует отслеживать и докладывать о них...»

Все было предельно ясно и в точности соответствовало тому, что он ожидал. После нескончаемого года подготовки главной проблемой жизни на корабле будет борьба со скукой и поддержание разумной физической формы.

Путешествие было долгим, и большую его часть он муштровал команду, пытаясь составить представление об их сильных и слабых сторонах. Также, сидя в капитанском кресле, он находил время, чтобы изучить их досье, начав с Калии. Оно пролило свет на многие, хотя и не на все, ее загадки.

Она оказалась гораздо младше, чем он считал, — ей было всего двадцать четыре года, — несмотря на лицо и тело, свидетельствовавшие, казалось, о более солидном возрасте. Она родилась дролкой на Пусаби, как ему уже было известно, в поместье, управляемом рыцарем по имени Мейхат — садомазохистом, питавшим пристрастие к очень молоденьким и красивым девочкам. Она была выбрана и привезена к нему в особняк, после чего долгие месяцы оставалась его излюбленной игрушкой.

Офицер психологической службы, составивший этот отчет, полагал, что в то время ей было не больше восьми.

После этого ее поставили на работу горничной, которая ничем не отличалась от дрольской, разве что предполагала чуть более высокий уровень жизни — до тех пор, пока она не расцвела, совсем рано, примерно в одиннадцать-двенадцать лет. В период созревания проявился и ее эмпатический Талант. После этого ее продали вольному по имени Пешвар, который держал что-то вроде странствующей труппы для развлечений. Он обучил ее, сделав из нее куртизанку — особый вид рабыни. Молодые и привлекательные эмпаты обоих полов были частью Войска Удовольствия, как Пешвар именовал свою труппу. Для того, чтобы сделать Калию более покладистой, ее пичкали гормонами и наркотиками, а потом отдали в руки гипнотов, которые при помощи комбинации своих Талантов и электрошока превращали рабов-эмпатов в новых существ, которые могли удовлетворять абсолютно любые желания клиентов, как простых вольных, так и представителей знати.

По-видимому, ей пришлось обслужить огромное количество клиентов, используя проецирующую эмпатию, чтобы не оставить ни одного посетителя неудовлетворенным. Она и другие члены ее группы подвергались всевозможным унижениям, будучи вынуждены проделывать омерзительные вещи, которых требовали от них укротители-гипноты.

Проклятье! Ничего удивительного, что она ненавидела гипнотов! И ничего удивительного, что она не могла им сопротивляться.

Через несколько лет такой жизни, которая не могла не наложить отпечатка на ее внешность, один престарелый герцог по какой-то прихоти выкупил ее у Пешвара. К этому времени она уже была с ног до головы покрыта шрамами и отметинами от многих лет удовлетворения чужих представлений о веселье, так что вряд ли представляла собой ценное имущество. К тому же у герцога была уйма других женщин, и кроме того, через некоторое время ему неминуемо пришлось бы платить за ее косметический ремонт.

Однако этот герцог был странным типом — он получал исключительное удовольствие от созерцания своего нового приобретения в кандалах. По всей видимости, он уже некоторое время не испытывал никакого влечения к своим наложницам, и главная из них сочла именно Калию виновницей утраты ими хозяйского расположения. Сумев, видимо, каким-то образом подлизаться к герцогской страже, она пробралась в спальню, когда там никого не было, кроме закованной в кандалы Калии, взяла церемониальный кинжал и добавила к шрамам девушки, и без того многочисленным, несколько новых. Самым заметным из них был тот самый безобразный шрам на лице.

Охрана не подозревала о ее намерениях, и отвечавший за спальню стражник понял, что будет жестоко наказан, когда герцог узнает о случившемся. Он расковал Калию, перевязал ее раны и попытался придумать, что же ему теперь делать. Пока он пребывал в нерешительности, она пришла в себя, ускользнула от него, нашла ту наложницу и медленно задушила ее.

Психолог говорил, что годы специфической обработки и жизни в подобных условиях повлияли на ее рассудок, создав в ней что-то вроде раздвоенной личности — то, что необразованные люди часто называли «одержимостью». Вторая Калия была всем тем, чем не была первая; более того, если для первой смыслом существования был секс, для второй его заменило насилие. Новая Калия превратилась в жестокого убийцу, использовавшего свои эмпатические способности для того, чтобы вызывать у других чувство страха и беспомощности. Убийство людей доставляло ей острое наслаждение.

Увидев ее обезображенное лицо, герцог пришел в ярость и выгнал ее. Убийство наложницы не так взволновало его — он счел, что это было лишь справедливое возмездие.

И Калия I, и Калия II постоянно присутствовали в ней, и, что самое удивительное, она могла разбудить в себе любую из них по желанию, почти полностью контролируя себя. Именно это и обусловило ее способность сбивать с толку телепатов.

Воспользовавшись помощью стражника, в котором с помощью своих эмпатических способностей вызвала чувство вины, она устроилась помощницей в местную службу безопасности, где ее умение вводить в заблуждение даже самых опытных телепатов было очень быстро замечено. Один из особенно честолюбивых офицеров решил, что она может оказаться исключительно полезной как наемный убийца, и она стала работать в этом качестве. Успех привел ее на службу, где она сумела возвыситься до уровня Барона.

Она могла бы воспользоваться лучшими медицинскими технологиями и полностью избавиться от шрамов, даже вернуть себе свое первоначальное лицо, но не стала делать этого. До того, как утратила красоту, она была жертвой, беспомощной игрушкой других людей. Обезображенная, она обрела свободу, независимость и уважение — и возвысилась. Ее шрамы, ее уродство были ее защитой. Психолог даже предполагал, что если она все-таки когда-нибудь решится вернуть себе красоту, то Калия II может исчезнуть, и Калия I снова станет единственной и доминирующей личностью.

Но Калия I была совершенно никому не нужна, тогда как Калия II была неоценимой.

По приблизительным оценкам, за свою жизнь она убила не меньше пятидесяти человек — пока.

А теперь она прошла еще и Имперскую подготовку.

Наставники, как оказалось, были прекрасно осведомлены о проблеме, которая возникла у Джозефа, когда Калия рассказала о своей искусственно наведенной реакции на гипнотов. По-видимому, она не знала этого, но любой офицер, стоящий выше нее, мог отменить приказ о ее обработке, равно как ни один гипнот из Службы Безопасности в офицерском чине не стал бы по собственной воле инициировать этот процесс.

После прочтения досье раскрылась еще одна тайна. Калия была блестящим бойцом, актрисой, убийцей, кем угодно, — но она так и не получила совершенно никакого образования. У Калии I не было ни возможности, ни необходимости получать его; Калия II не видела никакого смысла заниматься тем, что никак не влияло на ее работу. У нее была феноменальная память, она с первого раза схватывала то, что ей показывали, если видела для

этого какое-то применение, но во всем остальном была невежественна, как дрол.

Она никогда не смогла бы стать офицером, даже мичманом.

Калия могла управляться с аварийным скафандром, собирать и разбирать его с закрытыми глазами, она умела убивать сотней различных способов, она могла готовить, убирать, выполнять плотницкую работу и с огромного расстояния отстрелить крылья мухе.

Но Калия не умела ни читать, ни писать.

* * *

Оглушительно взревел сигнал тревоги. Джозеф скатился с койки, быстро стряхнув с себя остатки сна, и бросился к пульту связи.

— Что тут у нас? — спросил он Тобруш, орудовавшую девятью различными наборами инструментов при помощи спинных щупалец и при этом не отрывавшую стебельчатых глаз от длинных столбцов данных, мелькающих на экране.

— Что-то очень странное, капитан, — ответила джулки. — Компьютеры, сканирующие дальние радиусы, засекли вероятного нарушителя границы с мицлапланской стороны, движущегося на умеренно высокой скорости через нашу территорию. Мы вычислили их курс и траекторию, и судя по всему, курс проложен так, чтобы держаться в стороне от каких-либо наших крупных колоний и баз.

— Военный корабль?

— На таком расстоянии точно сказать невозможно, но судя по его характеристикам — нет. Мы проверили различные типы мицлапланских летательных аппаратов и определили, что по скорости и обводам это скорее грузовик, идущий на пределе мощности. Разумеется, если это какая-то проверка нашей обороны, и корабль идет без команды, на автопилоте, использовать старый грузовик было бы вполне логично, но я подозреваю, что это скорее какая-то контрабандистская операция.

Черная пульсирующая туша Робакука высунулась из люка и уставилась на них.

— Что происходит?

Джозеф не ответил.

— Построить курс погони и перехвата; сообщить о нашем местонахождении и обстановке Пограничному Контролю, — приказал он. — Управление я беру на себя.

— Наконец-то хоть какое-то действие! — возбужденно вздохнула Калия, протиснувшись мимо Робакука.

Джозеф быстрым шагом направился к командному креслу. На экранах мелькали данные, графические построения

и оценки, сменяя друг друга так быстро, что он едва успевал следить за ними. К счастью, Дезрет был вполне в состоянии делать это.

— Можешь вычислить предполагаемый пункт назначения? — спросил он.

— Это где-то за границами Империи, разве что они очень быстро внесут в курс существенные изменения, — донеся до него голос коринфианца из боевой рубки в центре корабля. — Судя по всему, кто-то пытается добраться от мицлапланской до биржанской границы, используя кратчайший маршрут.

Патрульный корабль заурчал, пробуждаясь, и команда почувствовала, как он ныряет в индуцированную подпространственную воронку, переносившую их все увеличивавшимися скачками, без чего такое стремительное перемещение было бы невозможным.

— Точка перехвата?

— Слишком далеко, капитан. Мы не сможем приблизиться к ним ранее чем через шесть часов. К тому времени они уже будут у границ биржанской империи.

Он нахмурился. Где шляются все остальные патрульные и пограничные корабли, которым уже давно следовало бы перехватить нарушителя? Они что там, спят на ходу?

— От Пограничного Контроля получен какой-нибудь ответ?

— Только то, что они сказали с самого начала, — откуда-то снизу доложила Тобруш. — Догнать и захватить корабль-нарушитель, если это будет возможно, в противном случае уничтожить. Стандартные инструкции. Мы здесь ближе всех.

«Им-то легко приказывать, — подумал он раздраженно. — *Мы на таком расстоянии, что никак не успеем догнать их; они приказывают нам совершить невозможное».*

— Когда мы войдем в зону слышимости этого судна? — спросил он.

— Примерно через два часа. Но если они достаточно умны — а это скорее всего так, — то проигнорируют нас и продолжат движение.

— Ладно, давайте сюда все, что у нас есть. Посмотрим, не удастся ли нам напугать их.

Все собрались поближе, и на мониторах появилось изображение корабля, за которым они гнались. Это действительно оказался грузовик класса «Хокин» — старье, но в превосходном состоянии.

— Они движутся по параболе, очень широкой, — сообщил Дезрет, — из какой-то не очень удаленной от границы области Мицлаплана. Вероятной точкой отправления является спорной принадлежности колония Медара, расположенная в шестнадцати световых годах от границы.

Здесь что-то не вязалось. Если принадлежность колонии была предметом спора, но при этом она все же находилась в руках неприятеля, существовала высокая вероятность того, что где-то там должна действовать Имперская Разведка. Учитывая, насколько узок здесь перешеек миколианского космоса, не было бы особым потрясением узнать, что и Биржа проводит тут какую-нибудь операцию. Если на Медаре произошли неприятности, это могло означать, что кому-то пришлось срочно уносить оттуда ноги.

— Если они не отклонятся от курса, где они должны будут пересечь границу Биржи? — спросил он.

— Они **должны** отклониться, капитан, — отозвалась Тобруш. — Если этого не произойдет, это значит, что они направляются в ту часть космоса, которая еще не нанесена на звездные карты — туда, где звезды обозначены номерами, а меньшие небесные тела вообще никак не обозначены.

За каким дьяволом их туда понесло?

— Хм, значит, там что-то такое есть, — прокомментировал он. — Грузовику класса «Хокин» понадобится световой год, чтобы замедлиться до управляемой субсветовой скорости.

— Еще одно сообщение от Пограничного Контроля, капитан, — доложила Тобруш. — Они хотят знать, сможем ли мы их перехватить. Я ответила отрицательно и отправила им все наши цифры.

— Отлично.

Именно так оно и было. Это перекладывало всю ответственность с его плеч на их.

Прошел еще почти час, в течение которого они продолжали сближаться с целью, но недостаточно быстро.

— Сообщение максимально высокого класса кодирования, капитан, — доложил Дезрет. — Пограничный Контроль сообщает, что Биржа не обладает сколько-нибудь значительным воинским контингентом в этом секторе. Нам приказано продолжать преследование. Если курс и траектория цели не изменятся, мы должны на необходимой скорости следовать за ними до их точки назначения, но не перехватывать их на территории Биржи. Если они изменят курс и траекторию и направятся в основной сектор Биржи, мы должны прекратить преследование и незаметно вернуться обратно. В противном случае они хотят знать, куда направляется цель.

— Они приказывают мне пересечь границу?

— Положительный ответ. Но — избегать столкновений, в особенности с какими-либо судами Биржи.

«Проще сказать, чем сделать, — подумал он раздраженно. Но в конце концов, именно к этому их и готовили, и такая задача подходила ему как нельзя лучше.

Через четыре часа после начала преследования Тобруш доложила:

— Цель подошла к границе Биржи. Если их оснащение соответствует стандарту для класса «Хокин», мы окажемся в зоне действия их локаторов через девять минут.

Он вздохнул.

— Замедляемся, чтобы достичь сопоставимой скорости и сохранить этот девятиминутный разрыв, — приказал он. — Есть какие-нибудь признаки того, что они замедляются или меняют курс?

— Ничего, кроме незначительных поправок курса. С практической точки зрения, если они действительно собираются это делать, то им имеет смысл сделать это в ближайшие два часа — примерно в то время, когда мы сами будем пересекать границу. Если к этому времени они не замедлятся и не повернут, капитан, все компьютерные модели говорят, что в их намерения это не входит и они направляются в точку, которая не обозначена ни на каких картах.

— Отлично. В любом случае, надеюсь, они знают, что делают. Уведомите Пограничный Контроль.

— Уже уведомила. Они отправили нам ответ. Их эксперты полагают, что знают, куда направляется корабль, хотя и не могут сказать, что там находится. Они перехватили повторяющиеся сигналы бедствия на биржанской частоте и биржанским торговым кодом, отправленные откуда-то из того района. Пограничный Контроль утверждает, что это сообщение звучит довольно странно, и дает нам полную свободу действий в том случае, если мы столкнемся с какими-нибудь проблемами. Хотя сами мы и не перехватывали этот сигнал, биржанцы этого все равно не узнают, да и в любом случае, нам приказали помочь в соответствии с межзвездными соглашениями.

— Они прислали копию сигнала и расчеты точки, из которой он исходит?

— Да, сэр. Источник сигнала находится приблизительно в сорока световых годах за границами наших карт и гораздо дальше тех мест, докуда, по нашим сведениям, к настоящему времени добрались биржанцы. Это указывает, что данная точка находится на предварительной стадии исследований.

— То есть это сообщение от разведчика? Да ведь **никто** не станет спасать разведчика! Это профессиональный риск!

— Не от разведчика. Сейчас вы все услышите сами.

«...ВСЕМ СУДАМ БИРЖИ. ГОВОРИТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СУДНО „ВАБАФ“. КООРДИНАТЫ НА СПЕЦИАЛЬНОЙ КАРТЕ ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ ОДИН ОДИН ЧЕТЫРЕ ВОСЕМЬ ДВА ДРОБЬ ПЯТЬ. КООРДИНАТЫ ОБОЗНАЧАЮТ РАДУЖНЫЙ МОСТ. ПРОШУ ПОМОЩИ. ОНИ ВСЕ МЕРТВЫ.

ОНИ ВСЕ ЗДЕСЬ, С ДЕМОНАМИ, И ОНИ ВСЕ МЕРТВЫ. ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН. НЕ МОГУ ВЫЙТИ. ПРИБЛИЖАТЬСЯ КРАЙНЕ ОСТОРОЖНО, НА МИНИМАЛЬНОЙ МОЩНОСТИ. ВСЕМ СУДАМ БИРЖИ. ПРИБЛИЖАТЬСЯ ОСТОРОЖНО. ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ. КООРДИНАТЫ...»

— Да парень спятил, — пробормотал Джозеф, — если перевод хоть сколько-нибудь соответствует оригиналу.

— Вы не верите в демонов? — спросила Калия тоном, который говорил, что она сама не верит вообще ни во что. — В нашем маленьком склепике на борту есть один.

Она могла и не напоминать об этом. У мицлапланцев были Ангелы, олицетворявшие силы равновесия, которые сражались с теми, кого они звали демонами. У миколианцев были демоны, боровшиеся с силами равновесия. Он всегда считал это двумя сторонами одной и той же монеты. В буквальном переводе мицлапланские и миколианские термины, равно как и положительные и отрицательные силы, которые стояли за ними, были в точности противоположными.

Но для миколианцев и всех остальных слово «демон» имело и более важное значение. Это была одна из величайших загадок, возможно, лучше всего другого объяснявшая, почему подобные предрассудки были так живучи даже среди разумных людей.

Большинство рас, кланов и даже семей имело что-то вроде местных духов, как добрых, так и злых. Так было практически во всех мирах. Но ангельская сторона была неопределенной, и во многих культурах ее в отчетливом виде не существовало вовсе.

А вот демоны существовали. Тхионы поклонялись и испытывали мистический страх перед некоей фигурой, которая хоть отличалась от человеческих демонов, но в существенных деталях с ними совпадала. Демоническая фигура — гуманоидная даже на планетах с негуманоидными расами и известная в самых различных культурах, канонах и понятиях — существовала в подавляющем большинстве всех известных культур. Злые в большинстве культур, недоброжелательные или безразличные в других, в Мицлаплане и некоторых верованиях Биржи они были олицетворением зла, тогда как миколианцы считали их сверхъестественной расой воителей, в точности соответствующих миколианскому видению жизни и смерти и тех ценностей, которые они собой являли. Большинство людей верило в них или, по крайней мере, служило им лицемерные богослужения; однако было и немало таких, кто вообще отрицал эти представления, считая их всего лишь социальным орудием Империи, или, как Джозеф, относился к ним с полным безразличием.

— Ситуация несколько проясняется, — заметила Тобруш. — Мицлики — фанатики. Фигуры демонов представляют для них высшую степень зла, и они действительно верят в это. Нескольким фанатикам из правящего духовенства каким-то образом удалось перехватить сигнал, и они в своем обычном полупомешанном состоянии восприняли его буквально. Настолько буквально, что не побоялись отправиться через Миколь и столь же враждебно настроенную к ним Биржу в сектор, не отмеченный на картах, на охоту за демонами. Все это довольно печально.

— Возможно, — сказал Дезрет. — Однако нельзя создать и поддерживать могущественную межзвездную империю в течение столь долгого времени, основываясь лишь на глупостях. Можно предположить, что Пограничный Контроль с самого начала выдвинул подобную же гипотезу. Тот факт, что нам приказано все же продолжать преследование, нарушив границы биржанского космоса, указывает, что по их данным, в этом секторе происходит нечто такое, что может представлять для нас возможный интерес или угрозу. Если это так, тогда сигнал бедствия — очень удобный предлог, чтобы это выяснить. И, если это действительно так, мудрые мицликские головы тоже могли посмотреть на проблему под тем же углом.

— Я понял, что ты хочешь сказать, — отозвался Джозеф. — Сохраняйте интервал в два часа девять минут. Полное экранирование, включить датчики скремблирования, докладывать обо всех изменениях курса цели. — Он бросил взгляд на центральный экран. — Привести оружие в полную боевую готовность. Мы только что вторглись на территорию Биржи.

Книга IV

КИНТАРСКИЙ МАРАФОН

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ

Ган Ро Чин ткнул сигару в пепельницу рядом с подлокотником командного кресла и лениво подумал, проживет ли он достаточно долго для того, чтобы прикончить весь ящичек. Он щелкнул тумблером интеркома и сказал:

— Святые, я корректирую курс и направляюсь к намеченной точке. Датчики не засекли никаких кораблей или маяков, крупных или мелких, хотя всю дорогу из Миколя мы ловим странные помехи. Как только коррекция курса будет закончена, я собираюсь начать медленное торможение, которое может вызвать незначительный шум или вибрацию. Это нормально. После столь долгого времени полета на такой высокой скорости замедляться придется очень постепенно. Однако, если вы пожелаете присоединиться ко мне на мостике через... э-э, скажем, через два часа... полагаю, мы подойдем достаточно близко и достаточно замедлимся, чтобы получить изображение пункта нашего назначения. Для сведения: действующий корабельный канал, по которому передали сообщение, все еще время от времени открывается, но активен лишь луч аварийного локатора. Я сказал бы, что кем бы или чем бы они ни были, если вообще до сих пор живы, они снизили энергопотребление до минимума и, возможно, живут в скафандрах. Тысяча извинений, что нарушил ваш покой, но я подумал, что вам может быть интересно это узнать.

Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Временами было забавно быть капитаном — ведь на корабле он автоматически становился выше по рангу, чем самое высокое духовенство, и мог даже вмешиваться в их дела.

В назначенное время на мостике появились только Морок, возглавлявший операцию во всем, что не касалось корабля, и Криша, ответственная за безопасность, — зато, как он отметил, появились ровно через два часа, минута в минуту.

— У вас уже есть что-нибудь для нас, капитан? — спросил старгин, проявляя первые признаки нетерпения.

— Может появиться в любой момент... Вот оно! Солнечная система, весьма многообещающая. Звезда класса G, четыре внутренних твердых планеты и четыре газовых гиганта. Забавное сочетание. Слегка маловаты, но четвертая от звезды планета находится в зоне углеродной жизни. Видите эту диаграмму? Вон та красная линия — наш сигнал. Немного скачет, но — вот! Да, четвертая планета. Поскольку сигнал довольно устойчивый, полагаю, они находятся на геостационарной орбите, что, вероятно, означает, что они высаживали на планету десантный отряд.

— Согласно предположениям, это разведывательное судно,— напомнила Криша. — Это означает наличие внизу научной или исследовательской базы, но никаких военных наблюдателей, даже автоматических защитных станций. Они совершенно не ожидали враждебных действий.

— Не ожидали, — подтвердил Чин. — И мы тоже не должны столкнуться ни с какими неожиданностями. По крайней мере, до тех пор, пока не наткнемся на ту, на которую наткнулись **они.** При текущем курсе и скорости торможения я смогу подойти к ним через... э-э... шесть часов. Если они находятся на достаточно высокой орбите, а судя по данным, так оно и есть, мне, возможно, удастся подвести корабль настолько, чтобы мы смогли добраться до них на реактивных ранцах.

— Начните автоматический вызов судна, — приказал Морок. — Если получите ответ, немедленно дайте знать.

Брови Чина удивленно взметнулись верх.

— Вы уверены? Если в непосредственной близости от нас скрывается что-то враждебное, или в этом секторе есть хоть один патрульный корабль Биржи, мы неминуемо привлечем к себе их внимание.

— Если бы здесь кто-нибудь был, их локаторы уже засекли бы нас, а наши — их, — возразил старгин. — В любом случае, существует стандартная процедура, которой мы должны следовать, если собираемся и дальше делать вид, что просто отвечаем на сигнал бедствия. Не забывайте, возможно, нам еще придется отвечать **кому-нибудь,** — и в любом случае нам необходим путь к отступлению.

— Согласна, — поддержала Криша. — Единственная причина, по которой сюда до сих пор не налетел целый флот биржанских кораблей — с таким-то сильным и широким сигналом, — это геостационарная орбита. Корабль вращается по орбите, с которой луч уходит почти прямо через Миколь и в Мицлаплан, но все равно большую часть времени сигнал направлен на Биржу, он транслируется на приграничные районы, которые, если верить кар-

там, почти не заселены. Я не удивлена отсутствием биржанских кораблей — хотя они наверняка еще появятся здесь, — но должна признаться, меня удивляет, как это миколианцы не воспользовались такой возможностью, чтобы сунуть сюда нос.

Чин бросил взгляд на аппаратуру и указал на монитор:

— Поэтому-то меня и беспокоят эти помехи. Они, конечно, могут быть естественными, но в то же время это очень похоже на то, что выдавал бы военный скремблер, если бы его повернули и направили на нас. Не сказал бы, что я очень удивлен тем, что миколианцы не оказались здесь наперед нас, но боюсь, что они, скорее всего, находятся не слишком далеко позади.

— А это не может быть биржанское судно? — спросил Морок. — Правда, это было бы лишь немногим лучше...

— Вряд ли они тогда шли бы в точности тем же курсом, что и мы. Будь они из Биржи, то не прилетели бы с той стороны и не стали бы тратить попусту силы и время, пристраиваясь к нам в хвост. Это, скорее всего, какое-нибудь военное судно — возможно, миколианский патрульный корабль. Думаю, нет нужды напоминать вам, что грузовики Мицлаплана, как правило, не вооружены до зубов и не оснащены боевыми компьютерами.

— Они здесь точно такие же нарушители, как и мы,— заметил Морок. — Они не осмелятся нападать на нас здесь, на территории Биржи.

Это замечание не произвело на Чина впечатления.

— Прошу прощения, Святой, но боюсь, что, учитывая, где мы находимся и всю ситуацию в целом, у них развязаны руки в отношении нас. Сомневаюсь, чтобы Биржа стала утруждать себя подачей ноты протеста из-за того, что один нарушитель застрелит другого нарушителя, даже если это произойдет на ее территории.

Криша решила, что на доверие к букве закона и наивный оптимизм Морока полагаться не стоит.

— Что бы вы рекомендовали, капитан?

— Ну, что тут можно сказать... Они идут тем же курсом, что и мы, но не приближаются. У них более быстроходное судно, чем наше, и скорее всего, затормозить они тоже смогут гораздо быстрее. Однако, будь я их капитаном, находясь на вражеской территории и зная, что цель безоружна, я держался бы в отдалении, дождался бы, пока мы остановимся, выйдем в космос и оглядимся — а вдруг внизу нас дожидается целая военная база Биржи! Медленно подобрался бы поближе, все проверил и поймал бы нас, когда мы будем вне корабля и наиболее уязвимы. Я бы сказал, что они дадут нам два, от силы три часа, в особенности если их датчики покажут, что мы делаем в точности то, чего они от нас ждут.

— Но мы ведь именно это и собираемся делать, — заметил Морок.

— Может, да, а может, и нет. Я собираюсь наметить другой порядок действий. Я намерен подойти к планете достаточно близко, но не выходить на орбиту и даже не останавливаться до конца. Я буду пилотировать челнок вручную, и сначала мы отправимся на орбитальное судно. Оба Кли останутся на борту; я прикажу им убираться отсюда на полной скорости и ждать в поясе астероидов между первым и вторым газовым гигантом, пока мы не позовем их на помощь, или они не будут вынуждены выйти оттуда.

— Но что помешает миколианцам продолжить преследовать корабль, уничтожить его, а потом не спеша вернуться за нами? — спросила Криша.

— Это возможно, но я сомневаюсь в этом. Я как-то был на одном из их патрульных кораблей. Они приспособлены для уничтожения планет и могут в одиночку вести войну, а их команды набирают по принципу жестокости и совершенной безжалостности. Но дело в том, что это скорее не дозорный корабль, а корабль-перехватчик. Он может двигаться довольно медленно или невероятно быстро, но на умеренной скорости передвигается не слишком уверенно. Шансы не полностью на нашей стороне, но я готов биться об заклад, что миколианскому капитану приказано пробраться сюда, узнать как можно больше о том, что здесь происходит, и убраться, пока не попал в руки к биржанцам. Он не может позволить себе «не спешить». Он такой же нарушитель границы, как и мы. Если он предпочтет не пускаться в погоню, а выйти на орбиту, то я полагаю, что Кли и мои компьютеры справятся с этим. В конце концов, мы-то ведь не можем вылезти из астероидов и подстрелить **их!** Из чего? — Ган Ро Чин вздохнул. — Нет, он выйдет на орбиту и будет следовать за нами, пока не поймает нас. Он не станет охотиться за кораблем, потому что ему это не нужно. Корабль рано или поздно все равно вернется, чтобы подобрать нас, или его интернирует Биржа.

— Вы говорите так, как будто это задание — чистой воды самоубийство, и у нас нет никакой надежды спастись, — с тревогой в голосе сказал Морок.

— Надежда, Святой, остается всегда, — надежда и молитва. Я только предупреждаю о такой возможности. Отступить мы уже не можем. Если я сейчас поверну, они приблизятся и прикончат нас, а потом выйдут на орбиту сами. Я почтительно рекомендую вам поесть и попить, даже если вы поститесь, проверить ваши скафандры, оружие и снаряжение, а потом как следует отдохнуть. Я буду ждать вас в челночном отсеке вместе с теми, кому

вы прикажете идти со мной, через... пять часов пятнадцать минут. Я начинаю автоматический вызов терпящего бедствие корабля, используя шифры, оговоренные Соглашениями.

* * *

— Они не стали выходить на орбиту! — доложила Тобруш. — Они выпустили челнок прямо на лету и ускоряются в направлении границы системы!

«Этот святоша-капитан прочитал мои мысли!» — сердито подумал Джозеф. Вслух же сказал:

— Значит, он знает или хотя бы предполагает, что мы здесь.

— Мы могли бы поймать его и уничтожить! — возбужденно воскликнула Калия. — Это было бы интересно. Я еще никогда не взрывала космический корабль.

— И сейчас не взорвешь. По крайней мере, пока. Эта консервная банка меня не волнует; она не уйдет далеко, потому что в любом случае должна будет вернуться и забрать их — или бросить здесь. Любая из этих возможностей вполне нас устраивает. Потом поймаем, если позволят время и обстоятельства. Мы можем потерять несколько часов, пытаясь догнать и уничтожить его, тем самым дав им время.

— Ну и что? — отозвалась женщина. — Что бы они ни узнали, это умрет вместе с ними.

— Думаешь, они этого не знают? Что их карта бита? Это же фанатики! Они умрут еще до того, как мы возьмем их, и поскольку не сомневаются, что всякие переговоры бесполезны. Если они не найдут для себя ничего интересного, то, скорее всего, уничтожат или повредят все, что может пригодиться нам. Я не намерен давать им эту возможность. Пусть все подготовят скафандры и полное снаряжение. Я собираюсь подойти к биржанскому кораблю как можно ближе и посмотреть, что там происходит.

— Мы отправляемся все вместе? — спросил Робакук, скорее возбужденный, чем взволнованный.

— Этот корабль способен совершенно самостоятельно поддерживать свою деятельность, самостоятельно летать, самостоятельно защищаться, а в случае нужды самостоятельно уничтожить себя, чтобы не попасть в руки врага. Тот грузовик ничего ему не сделает, разве что снабдит целью для стрельбы. Эти мицлапланские челноки способны вместить до девяти пассажиров, в зависимости от расового состава, а их расовый состав на данный момент неизвестен. Я уже знаю, что этого капитана не следует недооценивать. Мы отправляемся все вместе. И не стоит быть слишком самоуверенными и самонадеянными. Как я уже говорил, фана-

тики с радостью погибнут, если смогут забрать с собой кого-нибудь из нас, и они отнюдь не глупы. Вероятно, многие из них жрецы, но пусть это не вводит вас в заблуждение. Практически все жрецы, которым предоставляют подобную свободу — Таланты, очень хорошо тренированные и далеко не новички в своем деле. И что самое главное — они окажутся на месте раньше нас. Если бы первыми туда попали мы, что бы **мы** стали делать?

— Устраивать ловушки и засады, — отозвалась Калия. — Для них единственный шанс спастись — это истребить всех нас.

— Согласен... И хотя пока что местность одинаково незнакома как им, так и нам, они будут знать ее лучше, чем мы, поскольку спустятся туда первыми.

— Я бы предложила оставить корабль в режиме ожидания, отключив все системы, кроме системы слежения, — вставила Тобруш. — Конечно, это большое искушение — иметь его под рукой; но если, пока мы будем внизу, здесь появятся торгаши, мы окажемся в одинаково бедственном положении с мицликами. А так, если биржанцев окажется немного и они не будут ничего подозревать, мы сможем пробиться отсюда с боем. Если же их окажется много, мы всегда можем попытаться договориться с ними.

— Хорошо. Согласен. Дезрет, ты что-то отмалчиваешься.

— Я обдумывал возможность того, что биржанцы уже здесь, — ответил коринфианец.

— Что?

— Появись они действительно первыми, уж по крайней мере мицлапланский корабль засекут раньше, чем тот засечет их. Они вполне могут заинтересоваться: что это мицлапланский корабль делает так далеко от дома, рискнув даже пересечь территорию Миколя, чтобы ответить на сигнал бедствия? В таком случае они скорее всего залягут на дно и станут наблюдать, что будет дальше — точно так же, как поступили бы и мицлики. Это с их стороны будет самым разумным, поскольку и мы, и мицлики находимся здесь на основаниях, которые лишь с большой натяжкой можно назвать законными. И если мы устроим здесь перестрелку или отправимся туда, где находиться не имеем права — а именно высадимся на планету, — то сразу станет ясно, что мы вовсе не проводим спасательную операцию, а совершаем противозаконное деяние на их территории.

Джозефу это не понравилось.

— Остальные, что скажете? Биржанцы действительно способны на такое?

— Вполне, — ответила Тобруш. — Но этот сценарий вызывает у меня сомнения. Обладай они численным преимуществом, оба корабля уже были бы перехвачены. Если же они

затаились где-то, то это означает, что их немного и они опасаются, что кто-нибудь из нас может уничтожить их только ради того, чтобы спасти свою честь. В таком случае их можно не принимать в расчет.

— Я бы предпочел, чтобы их вообще не было поблизости, сколько бы их ни было.

— Но все же это было бы интересно, разве нет? Трехстороннее сражение на планете, чужой для каждого из трех участников! Это было бы великолепным испытанием. Я полагаю, что мы выиграли бы такую битву.

— Пф! Жрецы, ученые и торговцы, — фыркнула Калия. — С кем здесь сражаться?

Джозеф вихрем развернулся к ней.

— Я сказал: не сметь недооценивать этих людей! — рявкнул он. — Стоит только начать — и ты погибнешь сама и погубишь остальных! Мне плевать, если мицлики верят в то, что станут богами, или начнут есть траву, кататься в грязи и выть на звезды! Один на один, в настоящем поединке, они, скорее всего, ни в чем не уступят нам. Ни один капитан обычного грузовика из всех, которых я знаю, не обнаружил бы нас, не говоря уже о том, чтобы провернуть такой маневр, какой провернул он, а он сделал это спокойно и хладнокровно, рассчитав все шансы. Каким бы ни было судно, на такое задание новичков бы не послали, и они не новички! Еще одно такое глупое высказывание, и те, кто так думает, останутся на корабле!

Они так и не смогли до конца поверить в то, что кто-то другой — в особенности мицлики, — может быть для них достойным противником, но примолкли, потому что хотели отправиться на планету и собственноручно доказать это.

«Вот где всплывает отсутствие у команды опыта, — хмуро подумал Джозеф. — *И, черт меня побери, я точно так же неопытен в подобных вещах, как и они!»*

* * *

Хотя в договоре между тремя империями цвет мицлапланского аварийного скафандра официально значился как «золотой», это было сделано лишь для того, чтобы обойти различающееся цветовое восприятие различных рас. Скафандры были не блестящими, а тусклыми; не золотыми, а скорее темно-желтыми, с легкой примесью оранжевого. Плотно прилегающие скафандры, подогнанные под каждого хозяина в отдельности, лишь незначительными деталями — и, разумеется, цветом — отличались от тех, что использовались в Миколе или Бирже. Ган Ро Чин каждый раз в душе ругал дипломатов за то, что не настояли на угольно-

черном цвете. В таком ярком скафандре он чувствовал себя маяком — и отличной мишенью.

Несмотря на то, что он скрупулезно выверил время пуска челнока и ускорение, ему потребовалось почти тридцать драгоценных минут, чтобы подобраться к биржанскому кораблю. Корабль висел над планетой с отключенными ходовыми огнями и бортовыми радиомаяками и без каких-либо признаков работающей системы питания.

— Не похоже, чтобы он получил какие-то повреждения, — заметила Криша, пытаясь разглядеть корабль. — Я пытаюсь просканировать его телепатически, но не улавливаю совершенно никакого отклика.

— Я тоже, — подтвердил Савин, который был сильным эмпатом. Эмпаты часто улавливали сигналы с гораздо большего расстояния, чем телепаты, хотя в данном случае оба и не надеялись получить что-то четкое — они хотели уловить всего лишь какой-нибудь признак того, что на борту есть жизнь. — Корабль кажется мертвым.

Манья оторвалась от своих инструментов.

— Он и есть мертвый, — сообщила она. — Никаких работающих источников питания. Даже аварийные источники израсходованы. Лишь аварийный передающий ретранслятор подает хоть какие-то признаки жизни. Корабль мертв. Никаких форм жизни, никакой защиты. Нам придется прорезать люк шлюзового отсека, чтобы войти внутрь.

— Ты уверена, Манья? — переспросил Морок. — Там точно нет никакой жизни и никакой защиты? Он не может быть просто окружен защитным экраном?

— Нет. Если бы были хотя бы какие-то попытки экранирования, силовое поле дало бы о себе знать. На борту нет ничего живого. Даже компьютеры отключены.

— Но **кто-то** все-таки уцелел, — напомнила Криша. — Ведь кто-то же послал сигнал!

— Да, но сколько времени с тех пор прошло? — вставил Ган Ро Чин. — Явно не один день. Если система жизнеобеспечения вышла из строя, он мог не выдержать. Потерять надежду на то, что кто-то придет на помощь. Он мог сойти с ума.

Огромные глаза Савина внимательно изучали обшивку исследовательского корабля.

— Святой... все аварийные капсулы на месте. Ни одна не выпущена. Даже те, которые находятся в некотором отдалении от поверхности корабля и, судя по всему, могут управляться вручную.

— Да. И что из этого следует? — Морок казался скорее испуганным, чем раздраженным. Как и все.

— Святой, по меньшей мере несколько из расположенных рядом с ретранслятором капсул вполне пригодны для

использования, вне зависимости от того, что там у них случилось с системой питания. Но они не были использованы. Первое, что приходит в голову, — это что то, что здесь произошло, случилось очень быстро и со всеми сразу. Со всеми, кроме одного. Он, она, оно — кем бы это существо ни было — уцелело, возможно, благодаря тому, что находилось у действующего ретранслятора, и, вероятно, вышло в эфир только тогда, когда остальные уже погибли. Так или иначе, на подобных кораблях обычно не бывает больших команд. Сейчас этого существа на борту нет, или оно мертво. Лежит где-нибудь рядом с аварийным шлюзом. Или сумело выбраться оттуда, не используя капсулы.

Ган Ро Чин кивнул.

— Челнок приземлился бы на ближайшей пригодной для обитания планете — то есть на этой. Надо полагать, на это задание вряд ли послали бы представителей рас, не способных здесь выжить. Наш уцелевший член экипажа оказался бы там, и у него был бы кров и припасы, которых хватило бы как минимум на месяц. Это означает...

— Это означает, — закончила Криша, — что он предпочел скорее умереть, от чужой или своей руки, чем спуститься в этот мир.

— Вы собираетесь проникнуть внутрь? — спросил Чин.

— Да, — ответил Морок, — но не сейчас. — Если внутри корабля нет жизни, нужно сначала определить, нет ли чего-нибудь на поверхности планеты.

— Ну, **что-то** на поверхности планеты определенно есть, — заметила Манья. — Энергетический узор на этом корабле четко указывает на то, что он получил удар чистой энергии невероятной мощности именно откуда-то с поверхности. Удар замкнул все системы, закоротил компьютеры и, скорее всего, убил практически всех, кто в тот момент находился на борту. Наш выживший, вероятно, был единственным, кто оказался в изолированном месте и благодаря этому не получил удара.

— Если мне суждено быть убитым разрядом, то я хотел бы знать, кто и за что убивает меня, — ровным глухим голосом сказал Морок. — Снижайтесь, капитан. Приземляемся у их лагеря. Всем проверить скафандры и снаряжение. Да, еще раз. **Живо!**

Найти лагерь оказалось нетрудно. Этот мир покрывали деревья и моря, но лагерь, судя по всему, был единственным на всей планете признаком одушевленной жизни. По его территории были разбросаны многочисленные сборные домики с параболическими антеннами, заметить которые было легче легкого.

— Стандартная полевая научная станция, почти ничем не отличающаяся от той, которую устроили бы мы, — сообщила Манья. — Единственное, чего я не могу понять, это вон

тот большой... дом, строение... как его лучше назвать. Его конструкция совершенно отличается от остальных. Кажется, как будто оно вытесано из одного огромного кварцеподобного кристалла.

— Может быть, это как раз объект изучения, — предположил Морок.— Послушайте, дело в освещении или в моих глазах? Или этот... этот объект действительно изменяется, как будто двигается?

— Я понаблюдала за ним, — доложила Манья. — Он действительно меняется — некоторым образом. Не в массе и не в размерах, но в некоторых мелочах.

— Возможно, он живой?

— Такое не исключено, но если так, то его нельзя отнести ни к одной известной нам форме жизни. Я не знаю, что это такое, и подозреваю, что они тоже не знали. Поэтому они и высадились здесь.

— У этой базовой станции стандартная мощность,— заметил Чин. — На вид она довольно удобна. Но, судя по данным наших приборов, за нами не наблюдают. Можно подумать, что вся станция заснула. Думаю, я смогу приземлиться неподалеку. Необходимости скрываться нет. Если там и осталось какое-то живое существо, оно уже не может не знать о нашем присутствии и должно выбежать к нам навстречу с распростертыми объятиями.

Однако встречать их никто не вышел. Они надели шлемы, по всем правилам загерметизировались и вышли на планету, хотя аппаратура утверждала, что местный воздух для них абсолютно безопасен, а температура вполне комфортная. До тех пор, пока они сами все не выяснили, никто не хотел рисковать, принимая что-то как данность.

— Лагерь мертв, как и корабль, — констатировала Криша. — Ничего. Я не чувствую вообще ничего. Савин?

— Ничего, хотя я периодически улавливаю какие-то очень странные ощущения из района того объекта. Даже не знаю, как это объяснить. Они не похожи ни на одно ощущение, которое я испытывал раньше. Что бы это ни было, не думаю, чтобы оно было направлено на нас.

— Пока придется этим ограничиться, — сказал Морок. — Осмотрите сначала их челнок, потом домики — по одному. Будьте крайне осторожны, держите оружие под рукой.

Ган Ро Чин взял на себя челнок. Войти оказалось несложно, а его внутреннее устройство показалось ему немного странным, хотя там и не было ничего такого, предназначения чего он не мог бы понять. Этот летательный аппарат не был предназначен для того, чтобы на нем летали люди, хотя сзади и обнаружилось два человеческих кресла. Остальное он списал на различия в конструкции и другой принцип конструирования. Но тем не менее уже через несколько минут после того, как вошел, он мог бы

с уверенностью утверждать, что энергосистемы корабля исправны, находятся в полной боевой готовности и могут быть приведены в действие щелчком нескольких переключателей.

— Челнок в полном порядке, — доложил он в шлемный переговорник.

— Значит, наш уцелевший все же смог выбраться, — донесся из наушников голос Морока.

— Вряд ли. Поскольку энергосистема корабля неисправна, ему пришлось бы срезать лицевую панель внешнего шлюза, чтобы добраться до ручного управления, а он этого не сделал. Этот челнок прилетел сюда раньше и все время оставался здесь.

— Квадратный домик! Быстрее сюда! — закричала Криша.

Все бросились к домику, но едва ввалившись в дверь, в ужасе застыли на пороге.

— Да примут боги их невинные души и возродят к безмятежной жизни, — пробормотал Морок.

Ган Ро Чин не был набожным. Несмотря на систему кондиционирования скафандра, его затошнило.

Савин склонился над окровавленным телом.

— Криша, я не слишком силен в экзобиологии — ведь у терран сердце располагается где-то приблизительно в центре грудины?

Криша сглотнула.

— Да, приблизительно. А что?

Огромный месок ухватился за копну белых волос, спускавшихся на грудь трупа, лицо которого было сведено в жуткую гротескную маску смерти, и бесцеремонно отбросил их в сторону.

Средняя часть груди терранина была как будто разорвана каким-то диким зверем, возможно — и даже скорее всего — еще тогда, когда человек был жив. У всех перехватило дыхание, только Манья принялась торопливо орудовать своими портативными инструментами, осматривая страшную рану. Но, похоже, это зрелище проняло даже фанатичную и непробиваемую гноллку.

— Его... его вырвали из груди, — выдавила она. — Точно такие же повреждения и у некоторых других. Что-то с огромной силой придавило их к земле, как детские игрушки, и вырвало у них жизненно важные органы — в зависимости от расы жертвы.

— Как давно они уже мертвы? — спросил Морок.

— Не меньше семи дней. Это произошло не позднее недели назад. Тела высохли и уже начали разлагаться.

Ган Ро Чину не хотелось смотреть на эту уютную маленькую лабораторию, залитую красной кровью терран, и зеленой залерианской, и серой, и пурпурной, и кровью других цветов и других рас. Он отошел в дальний угол и принялся осматри-

вать огромную дыру в стене, которая когда-то была окном. Сдвинув в сторону обломки, он выглянул наружу, и взгляд его уперся в странное, постоянно и неуловимо изменяющееся матовое сооружение.

В небольшом административном домике картина была практически такой же, с той небольшой разницей, что дверь здесь выбили или взорвали. И здесь тоже на полу лежали тела. При осмотре выяснилось, что это скорее всего были офицеры службы безопасности — судя по всему, они, да еще парочка найденных снаружи, были единственными вооруженными членами экспедиции. Некоторые из них сделали множество выстрелов, а даже в их нынешнем виде они не походили на тех, кто мог промахнуться.

Чем бы ни было то, что вышло из того сооружения и убило их всех, оно действовало не исподтишка. Оно просто методично делало свое дело, невосприимчивое к любому их противодействию.

Ган Ро Чин не был зеленым юнцом. Он повидал сотни миров и рас, видел насилие и жестокость, видел и сострадание и доброту, но ничего подобного он не видел никогда.

«Что-то большое», — сказала тогда Келли Морган. Пожалуй, это было что-то **слишком** большое, даже для них.

Его окликнула Криша:

— Капитан, мне очень не хочется звать вас, но иначе никак. Я нашла хранилище записей, но никто из нас не может прочитать надписи, чтобы понять, что к чему.

Он снова вернулся к месту ужасной трагедии, невольно заметив, каким мирным и спокойным казался этот мир, каким **тихим,** и вошел в разоренную лабораторию.

Он оглядел шкаф, полный небольших маркированных кубиков, и вытащил один из них.

— С этого вполне можно начать, — сказал он. — Здесь написано «Предварительный отчет дистанционного вскрытия неизвестных форм жизни».

— Система записи отличается от нашей, — сказала Криша. — Я не уверена, что смогу разобраться.

Он оглядел кубик, вошел в кабинет, из которого, казалось, хозяин вышел всего на минутку, и отыскал небольшой прибор для просмотра записей.

— Это несложно, — сказал он. — Просто вместо полноэкранного изображения мы получаем его небольшое отображение на проекционной пластине, вот здесь. Включи свой скафандр на перевод со стандартного биржанского.

Прибор был подсоединен к сети, Чин включил его, вставил кубик маркированной стороной наружу и нажал кнопку пуска.

Это оказался обычный надиктованный промежуточный отчет какому-то руководству, возможно, даже копия, но небольшие трехмерные изображения исследуемого материала, которые были к нему приложены, кое-что прояснили.

— Объект А — самец, 2.4381 метра высотой, оценочный вес от двухсот сорока до двухсот шестидесяти восьми килограммов. Поверхность туловища очень упругая и плотная. Толщина кожи достигает по меньшей мере одной целой двух десятых сантиметра, что дает основание называть ее скорее шкурой, чем кожей, а жизненно важные области, по-видимому, дополнительно защищены костяными пластинами непосредственно под кожным покровом или очень близко к нему. Руки и ноги в сравнении с остальными частями тела кажутся непропорционально большими, волосы на них отсутствуют, они покрыты пятнами и плотные на ощупь, а ладони кажутся очень твердыми. Когти на концах пальцев приспособлены к разрыванию мяса, что подтверждается и зубами, среди которых вообще отсутствуют приспособленные для пережевывания травы моляры. Они плотоядные существа, в этом не может быть никакого сомнения.

— О боги, — пробормотала Криша вполголоса, слушая голос, обладатель которого уже много дней был мертв. — Я смотрю на результаты сканирования, но они практически ничего мне не говорят.

— И мне тоже, — согласился Чин. — Манья?

Гноллка крупно дрожала, ее взгляд был прикован к небольшой проекционной пластине, и она бормотала молитву за молитвой.

Криша, у которой тоже был несколько потрясенный вид, подняла глаза на Чина.

— В ее мозгу постоянно крутится мысль «Демоны! Демоны! Они пробудили воплощение самого ада!»

— **Манья!** — прикрикнул на нее Морок.

Офицер по науке, похоже, не слышала его. Она ткнула узловатым пальцем в изображение:

— Вот они! Во весь рост!

На экране появилась вся фигура целиком. Это был гуманоид, очень большой, на целую голову выше Савина. Медленно, под монотонный гул голоса, продолжавшего излагать свои наблюдения, к изображению прибавлялись все новые и новые детали.

— О боги вечности, спасите нас! — воскликнул Савин. — Манья права. Глядите! Глядите!

Ган Ро Чин был вынужден признать, что при виде того, что они нашли, волосы у него на голове встали дыбом.

Это существо выглядело не совсем так, каким его описывали учителя религии, но было тем не менее вполне

узнаваемым — от небольших рогов на голове до тусклых красных глаз, клыкастой пасти и даже раздвоенных копыт.

У него не возникло ни малейшего сомнения в том, что он смотрит не на рисунок, не на какой-нибудь абстрактный образ и не на плод чьего-нибудь воображения, а на настоящую трехмерную фотографию настоящего живого демона во плоти.

— Должно быть, в том сооружении были их тела, — заметил он сухо. Обуревавшие его чувства он выразить был не в силах. — Исследователи, видимо, сочли, что они мертвы. Они держали это открытие в тайне, поскольку не могли не понимать, что оно окажет влияние не только на нашу или даже на миколианскую религию, но и на мириады их собственных верований.

Он представлял себе этих холодных, прагматичных, до крайности материалистических ученых с их непоколебимой верой во все, что можно увидеть, почувствовать, потрогать и доказать, и представлял, как их могла взволновать находка того, что могло быть кладбищем — и притом отлично сохранившимся — возможно, самой ранней космической цивилизации в галактике. Они наблюдали, брали пробы и проводили исследования много недель, возможно, даже месяцев, чтобы узнать как можно больше, прежде чем осуществить физическую попытку потревожить или извлечь останки, на тот случай, если свет или воздух вызовут их повреждение или порчу.

Но в конце концов они выжали из приборов все, что могли выжать, заполнив данными эти информационные кубики и, скорее всего, передав их на самые высшие уровни Биржи. И вот наконец наступил момент, когда стало уже невозможно узнать что-то новое, не изъяв тела из саркофагов.

И тогда спящие пробудились и обрушили чудовищную кару на тех, кто осквернил их могилу и потревожил их сон.

— Мне очень трудно задать этот вопрос, — начал Ган Ро Чин, чувствуя, как у него пересохло в горле, — поскольку я не уверен, что хочу знать ответ, но я должен его задать.

— Да? — отозвался Морок, с еще большим ужасом глядя на **второй** снимок и слушая бесстрастный бесплотный голос диктора.

— Они находились в анабиозе, но не были мертвы. Их освободили, разбудили, или как это еще можно назвать. Они вышли, перебили всех этих людей и каким-то образом вывели из строя корабль на орбите. А что потом?

— А? Что вы имеете в виду?

— Куда они отправились потом?

В этот миг снаружи раздался рокочущий шум, и они, мгновенно вскинув оружие на изготовку, выбежали за дверь, бросив продолжающую звучать запись.

Рядом с челноком исследователей и их собственным заходил на посадку еще один, совершенно отличной от обоих конструкции.

* * *

— Миколианцы! — выругался Чин. — Я совершенно о них забыл! Только их нам сейчас и не хватало!

— Достаньте оружие! — потянувшись за пистолетом, прошипела Криша. Она огляделась. — Капитан, наши люди смогут просмотреть этот кубик?

— Думаю, что да. Если мы умеем взламывать дипломатические коды, я не вижу причины, почему мы не могли бы просмотреть стандартный кубик. Аппарат для просмотра можно купить в Империи Биржи где угодно.

— Тогда заберите его и все остальные, которые там есть. Не задерживайтесь! Манья — ты лучше всего годишься, чтобы проверить наших гостей. Иди, но без стрельбы! Не выдай себя. Дай им пройти мимо и жди, пока мы атакуем. Попытаемся накрыть их перекрестным огнем. Используйте телепатическую защиту и, во имя богов, сдерживайте свои эмоции!

Гноллку все еще трясло при взгляде на изображения, но она была профессионалом, а ее ужас при виде настоящих демонов был не сильнее, чем ненависть к Миколю. Кроме того, она обладала весьма необычным Талантом. Он мог оказаться весьма эффективным, если ей удастся, используя свои навыки, блокировать те Таланты врагов, которые могли обнаружить ее.

— Там слишком много записей, чтобы унести все, — сказал капитан Крише. — Я взял еще три куба, включая тот, что мы смотрели.

Она кивнула.

— Тогда отойди, — она навела пистолет на библиотеку и аппарат для просмотра и выстрелила. Раздался глухой щелчок, и то, что выстрел не смог уничтожить полностью, оказалось расплавленным до непригодного состояния. — Пусть попробуют добыть информацию из **этого**, — фыркнула она.

Внезапно Криша замерла.

— Нас телепатически сканируют, — сказала она.

Одновременно со словами она включила свою защиту. Это не означало, что кто-то с соответствующими умениями и силой и таким же Талантом, как у нее, не обнаружит ее присутствие, но из ее разума они уже не могли получить ничего. Морок, Савин и Манья прибегли к эффективной технике пения молитв. Это, благодаря их практике, опыту и тренировкам Криши, хотя и не блокировало полностью вражеского телепата, но оставляло ему намного мень-

шее количество полезной информации. Телепатия, как и другие способы общения, имеет свои пределы. Невозможно точно сориентироваться, если умелый противник постоянно изменяет рисунок мыслей по мере того, как телепат приближается или удаляется от него.

Но если телепат миколианцев был достаточно хорош и другие помогали ему получать недостающую информацию, спрятаться было невозможно. На этот случай Криша приготовилась к схватке с коллегой ум-в-ум.

Тонкая когтистая четырехпалая рука Морока, слишком крохотная для такого большого существа, прикоснулась к ее плечу. Она обернулась и посмотрела в его нечеловеческие кроваво-красные глаза.

— Ты — меч богов, — мягко сказал ей Морок. — Пока есть нужда в мече, ты — всего лишь дополнение к целому, инструмент богов, и Криша не существует и не уместна. Нет ничего больше; ты существуешь только для защиты целого. Другой телепат не может победить тебя, никакой гипноз не действует на тебя.

— *Осторожно! У них есть гипнот!*

Слова пришли к ней в мозг, когда она отворачивалась; она знала, что они шли не от вражеского телепата, а из другого разума, хозяина которого предупредил телепат.

— *Серые тени Валдуса! Один из них только что стал холоднее камня!* — сказал другой, вероятно, эмпат.

— *Он закрыл свой мозг от телепатов,* — сказал третий разум. — *Это очень хорошо. Этих фанатиков нельзя недооценивать. Я хочу их! Я хочу их обнаружить — немедленно!*

— *Они молятся своим святым,* — насмешливо заметил телепат. — *Я не могу их точно засечь, но большинство из них впереди — скорее всего, внутри или рядом с главным зданием. Есть еще один, он ближе и менее отчетлив. Они очень хорошо подготовлены к защите. Пока что я могу только сказать, что телепат, скорее всего, человек. Про остальных ничего неизвестно.*

— *Мы не будем полагаться на случай,* — сказал им предводитель. — *Дезрет, иди и найди их.*

— Они послали кого-то по имени Дезрет, чтобы найти нас, — доложила Криша. — Я не могу получить из их умов его четкое изображение, а его вообще не вижу. Кто бы это ни был, он Нуль. Они почти не предпринимают мер предосторожности, но заблокированы там, где необходимо. Двое терран, мужчина и женщина; женщина — лидер и, как я полагаю, гипнот. Я не знаю, какой расы их телепат, но мне он кажется очень большим и гротескным. Он видит иначе, чем мы, и больше зависит от других чувств, но думает на стандартных полосах частот. Другой — тоже неизвестной расы, он более опасен, поскольку мыслит так, что я

не могу его понять, и видит тоже по-другому. Я улавливаю в нем только случайные вспышки чего-то похожего на нормальное мышление. Нуля они в своих мозгах как-то заблокировали.

— *Тобруш — прикрой сзади!* — скомандовал лидер миколианцев. — *Не хватало мне только кого-то потерять! Остальные — смотреть за выходами из основного здания. Мы поймаем их внутри.*

Манья отошла от основного здания настолько, чтобы видеть и новоприбывших, и здание, в котором находились ее товарищи. Лидер миколианцев был высоким терранином, одетым в ржаво-красные цвета своей империи, крепкий и мускулистый, большой, но без единой капли жира; его мускулы были превосходно видны через обтягивающий скафандр. Он держался холодно-высокомерно, и это нервировало ее; такие манеры она раньше видела только у «диких» гипнотов, чья власть над остальными давала им ложное чувство богоподобия.

Вторым членом команды Миколя была странная терранка, тоже довольно мускулистая, среднего роста, передвигавшаяся неуловимыми движениями зверя из джунглей. В ее лице было что-то неправильное; сначала Манье показалось, что она только с виду похожа на терранку, а на самом деле принадлежит к другой расе. Потом она поняла, что миколианская женщина, скорее всего, когда-то была красива, но теперь ее лицо покрыто шрамами и изуродовано. Так как гноллка не была способна без тщательного изучения уловить отличия терран друг от друга, она подумала, что женщина чем-то похожа на Кришу — темную, злую Кришу, ядовитый концентрат всего, что было греховного в душе молодой женщины.

Третий член красной команды был большим существом со сверкающим бугристым черным телом, держащимся на шести невероятно тонких ногах, которые, казалось, заканчивались мягкими присосками. Лицо его состояло из уродливых жвал и больших овальных желто-коричневых сегментированных глаз на отдельных коротких стеблях. Четвертый, такого же размера, как и третий, большей частью был заключен в шишковатую, похожую на спираль раковину грязно-бежевого цвета, покрытую массой извивающихся толстых волос, которые, казалось, действовали подобно щупальцам — тысячи щупалец!

Но увидев пятого, Манья пришла в ужас. Он один не носил защитного скафандра, но и не нуждался в нем. По виду похожий на металлический куб, воронено-серый с вкраплениями тускло-бронзового, поддерживаемый шестью длинными ногами, он постоянно менял форму, перетекая из одного облика в другой. Она знала этот вид — это был коринфианец! Машиноподобная, искусственно созданная давно ушедшей цивилизацией жизнь,

способная изменять себя по мере необходимости и просачиваться в любой закуток; эта цивилизация имела не только родословную машины, но и такую же душу и мораль. К тому времени, когда концентрированный огонь всей команды обездвижит его, остальные успеют добраться до них!

Она знала, что ей придется выдать себя, хоть ненадолго, чтобы дать предупреждение. Ее переговорное устройство действовало, и она просто сказала в него:

— Здесь коринфианец!

Странное улиткоподобное существо с бесчисленными похожими на волосы щупальцами внезапно развернулось, из него выросли два стебельчатых глаза и посмотрели в ее направлении. Скорее всего, это был телепат.

— Сзади! — громко проскрежетало оно жутким голосом, звук которого заставил Манью похолодеть. — Это женщина — больше я через ее молитвенную защиту не могу разобрать. Она только что по радио предупредила своих о Дезрете.

Лидер остановился и повернулся к нему.

— Ты ее видишь?

— Нет, и я не могу понять, почему, — ответил телепат.

Лидер сухо фыркнул:

— Возможно, это овощ. Накрой весь участок, зачисти его. Может, нам повезет.

Манья не стала ждать. Используя свое оружие, она выстрелила широким лучом по большому существу и начала двигаться. Несмотря на свое гномоподобие и размеры, гноллы, когда было надо, могли двигаться очень быстро.

Атака заставила миколианскую команду залечь, и к тому времени, как они открыли огонь, Манья сумела добраться до челноков. Главной ошибкой миколианцев, которой она теперь воспользовалась, было то, что они приземлились вблизи лагеря и оставили дверь челнока открытой. Если бы они стреляли на поражение туда, где, как они знали, она была сейчас, они могли взорвать собственное судно.

Их лидер был в ярости.

— Калия! Возьми это существо! — рявкнул он женщине. — Тобруш — прикрой ее! Если телепат и эмпат вдвоем не смогут выкопать этот овощ, нам здесь делать нечего! — Он повернулся к насекомоподобному существу. — Робакук, держи эти двери под прицелом. Я пойду за Дезретом. Присоединитесь ко мне, когда обезопасите наш тыл. Надо сделать это быстро! Мы находимся на этой территории без разрешения — но и они тоже. Это легче будет объяснить, если свидетельствовать будем только мы!

* * *

Калия тихо и стремительно двигалась к мицлику, находившемуся среди челноков. Ее эмпатическое чутье подсказывало ей, где прячется ее добыча. Тобруш скользила с другой стороны, тоже пытаясь телепатически определить местонахождение врага; большое, похожее на улитку существо двигалось удивительно быстро, словно под раковиной у него колеса, но оно не было настолько гибким и не умело пригибаться и карабкаться, как могла Калия. Эволюция снабдила Тобруш всей защитой, которая требовалась ее расе дома, но выживание джулки не зависело от умения прятаться и убегать.

Из раковины джулки высунулись два стебельчатых глаза, каждый длиной более метра. Она оглядывалась вокруг в очевидном замешательстве. Противник никак не мог скрыть свое присутствие, даже будучи под защитой челнока, и Тобруш сказала:

— Я не понимаю! Оно здесь. Я слышу его, даже чувствую его запах — но я ничего не вижу! Может быть, это что-то совсем крошечное? У него хорошая телепатическая защита — мой мозг заполнен бессмысленным бормотанием его молитв, и я не могу уловить его образ. Я никогда раньше не сталкивалась ни с чем подобным.

Калия скользила в тени челноков тихо, как кошка, затем замерла. Она тоже была в недоумении, а замешательство могло означать быструю смерть. Она чувствовала мицлика так же остро, как Тобруш, но к счастью, ей, как эмпатке, не приходилось выслушивать молитвы. Существо, которое они преследовали, было где-то здесь, и весьма близко. Калия чувствовала напряжение жертвы, смесь ее тревоги и отвращения — возможно, вызываемого ими. Она могла также чувствовать его почти фанатичную ненависть, такую законченную, такую абсолютную, что знание того, что это существо находится здесь, даже лишало ее мужества.

Но где оно? Она осмотрелась, оставаясь в тени челнока мицлапланцев. Отсюда ей целиком была видна часть пространства между ним и миколианским челноком, и она знала, что Тобруш осматривает местность с другой стороны. Здесь просто не было места для того, чтобы спрятаться, только металлические стены челноков давали некоторое укрытие; двери были плотно закрыты. И телепатка, и эмпатка были уверены — жертва снаружи, в коридоре между двумя челноками; но все же там никого не было!

— Великая Суза! Оно невидимо? — расстроилась Калия.

Возможно, так и было, хотя она никогда не слышала о чем-либо подобном. Боец должен быть прагматиком: если это существо там, и они его не видят, то надо уйти и позже выяснить, как такое возможно.

Калия не была телепатом, но когда она думала, Тобруш слышала ее мысли.

— *Невидим — не значит неуязвим, иначе ему нет необходимости становиться невидимым,* — рассуждала Калия. — *Тобруш, следи за своей стороной! Выпусти несколько щупалец на землю, чтобы поймать его, если оно пойдет в твою сторону. Когда будешь готова, дай мне знак, я пущу широкий луч вдоль коридора. Либо это существо пригнется к земле и побежит к тебе, либо попадет под выстрел.*

— Давай! — услышала она ответ джулки, настроила пистолет на веерное поражение и нажала спуск.

Манья не прожила бы столько лет, если бы ее можно было поймать таким образом. Как только Калия открыла огонь, она раскрыла защиту, зная, что существо в дальнем конце не станет высовывать глазные стебельки, рискуя подставить их под луч, а девушка, стреляющая из пистолета, будет, естественно, пристально следить за результатом своего выстрела. Когда Калия начала стрелять, Манья была напротив мицлапланского челнока; та ее не видела и должна была выдвинуться, чтобы полностью охватить коридор.

Калия чувствовала, что эмоции ее жертвы усиливаются, и восприняла это как подтверждение своему плану. Она вышла, чтобы накрыть огнем остальное пространство, и внезапно почувствовала мощный удар, как если бы что-то твердое и плотное врезалось в нее, сбив с ног.

— Я его вижу! — закричала Тобруш. — Что-то вроде маленького терранина в желтом!

Но было уже слишком поздно. К тому времени, когда джулки вытащила свое оружие, убегающий мицлик скрылся, и на виду осталось только обмякшее тело Калии. Хуже всего было то, что Тобруш не могла осмелиться оказать помощь своей соратнице — это могло подставить ее под огонь, так как она не знала, где теперь находится этот золотой чтец молитв.

— У нас проблемы, — сообщила она Джозефу по радио. — Калия в отключке, а это существо сбежало. Следите за своим тылом! Похоже, оно может становиться невидимым!

— Только этого нам не хватало! — буркнул Джозеф. — Мы тут как раз собираемся разнести эту группу. Вернемся на помощь, как только сможем. Она жива?

— Да, судя по всему. Это был не полный заряд. Но я не знаю, насколько сильно она ранена, и я не могу подойти к ней, не подставив себя. Делайте, что должны, но если бы я была этим существом, я сейчас была бы не здесь, а на пути к вам.

Манья действительно пустилась прикрывать тылы своей команды, однако не спешила приближаться к миколианцам.

Ее Талант действовал почти на все расы, но коринфианца он не одурачил бы и на наносекунду. Поскольку это была не настоящая невидимость, а лишь вариант одного из ментальных Талантов, присущих телепатам, эмпатам, гипнотам и им подобным, он не мог обмануть машину. Обширное поле, которое она передавала на телепатических волнах, могло убедить любое воспринимающее их существо, что там, где она находится, ничего нет; но тот, кто не принимал эти волны, прекрасно видел ее, даже Ноль вроде Ган Ро Чина. Для коринфианца она была бы полностью открыта — прекрасная мишень.

Она пряталась рядом со зданиями, несколько прикрывавшими ее от посторонних глаз. Движение на нормальной или более высокой скорости ослабляло силу ее прикрытия, как произошло тогда, когда Тобруш заметила ее прорыв. Это была полезная и, в сущности, автоматическая защита во время опасности, но она имела сильные ограничения, и хотя Манья не раз желала, чтобы боги немного увеличили ее силу, она точно знала эти пределы.

Теперь она видела миколианцев и была готова ударить. Она не могла сказать, на что был способен гигантский жук — таким ей казался Робакук. Его передние ноги держали специально сделанную силовую винтовку, из которой он, видимо, мог стрелять, но он казался каким-то незащищенным, и его мягкое, бугристое тело выглядело нежным и уязвимым.

Коринфианец, похожий сейчас на некое гладкое, серебристое крабообразное существо, был готов выломать переднюю дверь. Как только он это сделает, большой человек войдет сзади и сразу начнет стрелять, так как его пистолет в режиме широкого луча будет безвреден для его металлического союзника. Криша и Савин, конечно, почувствуют этого Джозефа, но коринфианца они смогут воспринимать только через мозг большого человека. Очевидно, план миколианцев состоял в том, чтобы позволить коринфианцу действовать в собственном ритме, а Джозеф будет играть в паре с ним, не оставляя Манье шанса.

Внезапно Дезрет с удивительной скоростью подскочил к двери и нанес по ней тяжелый удар. Дверь рухнула внутрь, а через секунду или около того Джозеф вломился с тыла, и Манья улышала звуки выстрелов внутри.

Но выстрелы тут же прекратились.

Джозеф, вышибив дверь, тут же пригнулся, боясь ловушки, но он уже подозревал, что напрасно расшиб плечо. В задней стене была дыра — дыра, черт побери, такого размера, что через нее спокойно мог пролететь челнок!

— Они сбежали, — запоздало констатировал Дезрет, юркнув к отверстию. — Мы совершили большую ошибку, не разведав сначала здание.

— Нам пришлось разделиться из-за того диверсанта в тылу, — напомнил Джозеф. Он встал, опираясь на свой пистолет, и принялся растирать плечо. — Кроме того, ты уверен, что они не пробили эту дыру, пока мы готовились к атаке?

— Лейтенант, вам стоит посмотреть на эту дыру, — произнес коринфианец странным зудящим голосом, присущим его расе. — Она пробита снаружи.

И тут Джозеф впервые увидел и почувствовал вонь разлагающихся трупов. Он подошел к одному из них, раса которого была ему неизвестна, и принялся его рассматривать. Он не увидел ничего, похожего на кровь, хотя экзоскелет существа был буквально разодран в клочья, — имелось лишь некоторое количество какой-то желтой и черной грязи вокруг ран и естественных отверстий.

— Они были мертвы долгое время, — задумавшись, прокомментировал Джозеф, глядя на дыру в стене. — Что-то вошло сюда прямо через стену и разнесло это место вместе с ними.

— Похоже, — согласился Дезрет. — Все записи тоже уничтожены, но в том секторе нет тел. Это наверняка сделали мицлики, после того, как взяли все, что для них было важно. Я не думал, что они способны на такую тонкую работу. Больше я их не буду недооценивать.

Джозеф подошел к дыре и осторожно выглянул, ожидая выстрелов. Но ничего не произошло. Медленно, по миллиметрам, он высунулся дальше и увидел, что дыра находилась на одной линии с другой, чужой постройкой впереди.

— Хотел бы я, чтобы мы оказались здесь первыми, — пробормотал он. — Или хотя бы имели достаточно времени, чтобы проглядеть эти записи. Что могло устроить здесь такую бойню и само уцелеть при этом?

— Может быть, что-то вроде коринфианца, — предположил Дезрет. — Только больше. Возможно, намного больше. Что-то большое и дикое. Эти тела безоружны; предполагаю, что это ученые, и они не ожидали, что здесь есть что-то опасное.

— Робакук, — позвал в интерком Джозеф. — Ты видишь их?

— Нет. Я следил за вашим разговором и переместился так, чтобы видеть, куда они побежали. Если они не невидимки, как то существо, которое охраняло тыл, то их здесь нет.

Манья не знала языка миколианцев, но по их действиям поняла, что произошло. Похоже, они все ушли через дыру в стене. Вспомнив расположение лагеря, она решила, что если Та-

ланты миколианцев больше не могут определить местоположение мицлапланской команды, то есть только одно место, куда ее товарищи могли уйти.

Ей это не понравилось, но она знала, что тоже должна будет отправиться туда, как только ей представится шанс сделать это незаметно.

Джозеф пришел к тому же выводу:

— Очевидно, ученые изучали это сооружение, а потом оттуда пришло то, что разделалось с ними. И это единственное место, куда могли отступить мицлики, учитывая наше расположение. Тобруш, ты можешь телепатически просканировать местность?

— Только одно существо — то же самое, — ответила джулки. — Где-то рядом с вами.

— Как Калия?

— Приходит в себя. У нее несколько неприятных ожогов, но я смогла подлечить их с помощью аптечки с челнока. Противник был вынужден стрелять широким лучом, чтобы достать ее, так что энергия, пробив ее скафандр, повредила только кожный покров. Она сейчас вряд ли сможет действовать с полной отдачей, но не будет испытывать сильной боли или слабости, хотя скорее всего какое-то время все же будет вялой и медлительной.

— Может, ей стоит остаться в челноке? — предложил Джозеф. — Мне не нравится мысль, что где-то здесь прячется еще один святоша. Этак мы можем остаться на этом комке грязи без путей отхода! Остальные пойдут в это здание. Мицлики пошли туда.

— Я не ранена! — сердито запротестовала Калия. — Наши автоматические системы не хуже меня могут защитить челнок, и ты это знаешь!

— Ты будешь следовать приказам, сержант! — рявкнул Джозеф.

— Ты не можешь приказать мне остаться! Я должна разобраться с той, кто стрелял в меня! Я хочу убить ее, очень медленно, и тогда, может быть, я смогу понять, как ей это удалось!

— Что ж, иди, если должна, — вздохнул лидер. — Но смотри, если твои раны доставят нам проблемы, ты будешь очень жалеть о том, что этот выстрел не оказался смертельным! — Он помолчал. — Всем проверить скафандры! Мы не знаем, что там такое. Если то, что устроило этот погром, все еще там, то мицлики — наименьшая из наших проблем. Тобруш, Калия — принесите дополнительные батареи и аптечки и возвращайтесь сюда как можно скорее.

— Поняла, — ответила джулки.

— Может быть, нам с Дезретом стоит последить за входом? — спросил Робакук. — Чтобы тот, который остался здесь, не проник внутрь?

— Нет. Просто прикрывайте остальных до тех пор, пока мы все не войдем. Вход пока что оставьте без охраны.

— Что? — тхион был сконфужен. — Но ведь он пройдет внутрь!

— Надеюсь. Я предпочту иметь их всех перед собой, чем попасть под перекрестный огонь. Если мы не можем прибить охранника здесь, мы сделаем это внутри. Понятно?

— Понятно.

— И еще, слушайте все! — продолжил Джозеф. — Я хочу, чтобы те, кто этого еще не видел, заглянули сюда, прежде чем мы пойдем. Советую надеть респираторы, — он вздохнул и посмотрел на странное сооружение из какого-то кварцеподобного материала, которое, казалось, постоянно немного менялось. — Только этого мне и не хватало. Если мы не попадем в засаду и не будем перебиты на входе, значит, они все там уже мертвы.

— Ты думаешь о том, что ждет нас внутри? — спросил его Дезрет. — Если они мертвы, то тот, кто сделал это, все еще там и будет ждать нас. Если же они не мертвы, то ждать нас будут они, чтобы перебить, устроив засаду.

Джозеф кивнул и вздохнул.

— Да, я знаю, но у нас нет выбора. Мы нарушили границу и развязали военные действия, не имея никаких полномочий; у нас одно ранение, а мы им ничего не сделали, и даже не поняли, что происходит здесь, в улье Миркхем. Лучше мы быстро умрем здесь, чем вернемся обратно с пустыми руками, так же ничего не понимая, как когда прибыли сюда, чтобы умереть медленно и болезненно во имя сохранения дипломатических отношений между империями.

КИНТАРСКИЙ МАРАФОН

Если заряд, который получила Калия, по большей части пришелся в грудь, то Джозеф мог представить, как она выглядит под ржавокрасным скафандром. Прежде она носила шрам на лице из гордости и ради защиты, теперь же...

Почти половина ее лица — правая сторона, на которой уже был шрам, — стала маской обугленной плоти, сквозь которую этот огромный, уродливый шрам проступал еще сильнее. Большая часть ее коротких волос сгорела, а те, что остались с левой стороны, побелели. Обе брови, даже левая, исчезли, и когда ожог затянется, это вряд ли улучшит положение. Правая сторона ее лица стала не просто страшной, а буквально чудовищной; левая была практически нетронута. Левый профиль все еще давал какое-то представление о ее былой красоте; правый был уродлив — как

будто бы два разных существа слились воедино. Правой рукой Калия двигала с явным трудом и делала это только по необходимости.

— Ты уверена, что справишься с этим? — решительно спросил ее Джозеф.

— Левый глаз, похоже, в порядке — я рефлекторно закрыла его, — отозвалась Калия. — Я левша. И мне оказана медицинская помощь, насколько это было возможно в полевых условиях. Ноги у меня целы. Я — солдат Миколя и готова исполнять свой долг до самой смерти. Ты уже говорил нам, что смерть — наиболее вероятный исход этого предприятия. Я не хочу остаться здесь одна как жертва. Если нам предстоит битва, я буду сражаться с тем, что у меня осталось. Поражение — это смерть. Я выбрала жизнь до тех пор, пока не придет мое время.

Джозеф кивнул. Ничего другого он и не ожидал. И все же он спросил:

— Ты знаешь, как ты выглядишь?

— Посмотрела в челноке. Солдат носит боевые раны как медаль за храбрость, — отозвалась она.

Джозеф понимал, что несмотря на то, что хороший госпиталь и современная медицина могли снова сделать ее прекрасной, Калия никогда не согласится на косметическое восстановление. Так же, как отказалась убрать этот проклятый шрам еще до того, как стала военной с их традициями ношения ран. Тот шрам освободил ее от короткой несчастной жизни рабыни и проститутки, и Джозеф сомневался, что она сможет быть счастлива, пока жизнь не сотрет с нее все следы былой красоты. Он поймал ее взгляд, и она не успела отвести глаза.

— Ты не чувствуешь своих ран, — сказал он мягким, спокойным голосом. — Ты в такой же хорошей форме, как и всегда.

Он вздохнул и ослабил ментальный контроль над ней.

— Хорошо. Тобруш, дай мне сканирование. Калия, ты тоже.

Телепатка и эмпатка изучили обстановку вокруг.

— Ничего, — почти в унисон сказали обе.

Джозеф кивнул.

— Отлично. Можно предположить, что наш стрелок вошел внутрь, пока мы были здесь. Это значит, что мы можем рассчитывать по крайней мере на одну засаду с самого начала.

— Позволь мне пойти первой! — заявила Калия. — Я вызову на себя огонь и засеку их. Возможно, мне даже удастся добраться до них, если они отвлекутся на тебя.

— Вы с Дезретом пойдете вместе, каждый со своей стороны. Калия, тебя ранили, потому что ты левша. Из-за этого ты была вынуждена выйти и повернуться, прежде чем смогла стрелять. На этот раз иди справа. Если силы тех, кто окажется

в засаде, будут превосходящими, вы выйдете и сообщите об этом. Тобруш и я пойдем следом через минуту. Робакук на всякий случай прикроет наш тыл и войдет внутрь, как только удостоверится, что все в порядке. Понятно?

Робакук взглянул на зазубренный вход в находящееся перед ними строение.

— Есть идеи, что это может быть? — спросил он.

— Мы слишком заняты, чтобы заниматься серьезными исследованиями, — сказала Тобруш. — Сейчас это не имеет жизненного значения. Однако все приборы или сканеры, которые я опробовала на этой штуке, дают совершенно невозможные и противоречивые результаты. Я не смогла даже точно определить, как именно оно меняется. Кроме того, я получаю какие-то нечеткие ощущения, когда пытаюсь телепатически сканировать это сооружение. Я никого не ощущаю внутри, но это может быть просто результатом какого-нибудь поля, которое защищает эту штуку и дает аномальные результаты. И тем не менее я чувствую какое-то присутствие, как если бы это здание само было живым, но на таком уровне, которого я не могу постигнуть.

— Я тоже это чувствую, — подтвердила Калия. — А ты не думала, что это может быть огромное чудовище, которому мы собираемся влезть прямо в открытую пасть?

— Маловероятно, — ответила Тобруш. — Эти ученые какое-то время находились здесь. Если бы кого-нибудь из них съели, я подозреваю, что этот лагерь выглядел бы по-другому. И кроме того, никто не строит освещаемый проход в чей-то живот. Здесь есть кабели, которые идут по проходу внутрь. Это значит, что они там работали.

— Ты получила что-нибудь от этих Святых Кошмаров до того, как они сорвались и побежали? — озабоченно спросил Джозеф. — Нет каких-нибудь предположений — что они могли найти в этих записях, чего-нибудь, что объяснило бы все это?

— Лишь немногие из их мыслей имели смысл — если, конечно, они не добивались этого эффекта специально, — ответил телепат. — Они все хорошо тренированы, и с ними гипнот. Гипнот — единственный, от кого я смог хоть что-то получить, и это было лишь какое-то неразборчивое бормотание об ангелах, полубогах и демонах.

— Демоны — это наверняка о нас, — хмыкнул Джозеф. — В их космологии демоны — это создания чистого зла. Вы все видели, как выглядела резня в лаборатории. Легко представить, что они приняли это за работу демонов.

— Теперь, когда ты заговорил об этом — пожалуй, не совсем так, — задумавшись, проговорила джулки. — Из отдельных мыслей в критической ситуации обычно много не пой-

мешь, но несколько раз от нескольких из них я уловила понятие, которое можно перевести только как «дом демонов».

— Какая-нибудь очередная святая чепуха! — фыркнул Робакук.

— Я так не думаю, — отрубил Джозеф. — Легко смеяться над ними, но не будем забывать, что они управляют межзвездной империей со сложными технологиями, и делают это успешно. Может быть, они ненормальные, но они не тупые! Команда, с которой мы имеем дело, отлично обучена и не менее эффективна, чем мы.

— Они еще выбьют из нас дерьмо и выставят нас дураками, — промолвила Калия. — Это я гарантирую.

— Ты предполагаешь, что они и в самом деле думали об этой штуке как о доме демонов? — спросила Тобруш капитана.

Джозеф покачал головой.

— Забудь об этом. Мы все узнаем, когда войдем внутрь, и у нас нет больше причин затягивать с этим. Я предпочитаю драться с мицликами внутри, чем сидеть здесь и угодить в плен, когда появится флот Биржи. Проверяйте снаряжение! Мы идем.

Чем бы ни было это здание, вблизи оно сверхъестественным не выглядело. Похожее на чудовищный кристалл кварца или зуб некоего непостижимо огромного монстра, наполовину похороненное в древней скале, оно возвышалось над ними, время от времени неуловимо изменяясь, хотя никто не мог точно зафиксировать эти изменения. Его вход наподобие тоннеля углублялся внутрь сооружения.

Дверь, очевидно, была энергетическим барьером, который сдерживал стихии снаружи, но не препятствовал входу. Этот барьер располагался в глубине тоннеля, и только до сих пор действующие лампы злополучной научной экспедиции освещали его, хотя, казалось, сами стены тоже слегка светились.

Держа оружие наготове и прикрывая вход с фланга, Джозеф кивнул Калии и Дезрету, и они вошли. Темнота «двери» быстро поглотила их.

Прошло долгих две минуты, и Джозеф с Тобруш тоже вошли — Джозеф справа, Тобруш слева. Внутри не было слышно ни звука, не видно ни единого лучика света.

С удивлением капитан обнаружил, что внутри помещение неплохо освещено рассеянным, но довольно ярким светом, сочащимся изнутри стен — если это были стены. Зал был тесным, и стены его, сработанные из того же полупрозрачного материала, что и внешняя поверхность, выглядели скругленными, как и все внутри. Казалось, все это было отлито как единое целое, а затем выжженно, выплавлено изнутри неким страшным жаром, так что с потолка стекли колонны, а стены проходов осели книзу. Матовый, белый с розовым отливом материал стен казался лишенным внут-

ренней структуры, словно это помещение было чудовищной, противоестественной каверной, проточенной внутри мягкой скалы.

Джозеф подошел к Калии и присел рядом с ней.

— Есть что-нибудь? — прошептал он.

— Несколько голосов отдаются эхом впереди, — ответила она. — Они звучат так, как будто идут откуда-то издалека, но невозможно сказать, как далеко и где именно они находятся. Это очень странное место.

Он кивнул.

— А как насчет чтения? Есть что-нибудь эмпатическое?

— Поля этого здания очень сильны. Они блокируют мои способности.

Тобруш, двигавшаяся рядом, доложила то же самое.

— Слишком много помех. Такого я никогда прежде не испытывала.

— Ну, раз мы не можем прочитать их, значит, и они не могут читать нас, — резонно заметил Джозеф. Внезапно он остановился и поднял руку, призывая к тишине. Откуда-то из глубины сооружения до них донеслись голоса.

— Мы подождем Робакука, и затем двинемся дальше в том же порядке, только не будем задерживаться, — сказал он.

— Помехи могут сделать это бесполезным, но мне удалось настроиться на частоту их интеркома, — сказала Тобруш. — Если мы подберемся достаточно близко, я подрегулирую коммуникатор, и возможно, мы услышим, что они говорят.

— Давайте просто убьем их и покончим с этим! — буркнула Калия.

Джозеф покачал головой, обернулся, увидел вошедшего Робакука, который направлялся к ним, и снова повернулся.

— Нет. Никто не будет стрелять, пока нас не обнаружат. Все поняли? Никто. До тех пор, пока я не прикажу. Мы не знаем, что находится там, куда мы направляемся. Если мы сможем выяснить что-то из их разговоров, тем лучше.

— Они слишком беспечны, слишком небрежны, — отметила Калия.

— Ты подозреваешь ловушку?

— А ты нет?

— Я не уверен. Если бы они собирались подстроить нам ловушку, она была бы здесь. Здесь есть где укрыться, и нет обходных путей.

— Правда, — согласился Робакук, — но мицлики тоже знают, что мы здесь и идем следом за ними. Если то существо догнало их, то им известно о нас все. Если нет, то его отсутствие заставит их быть настороже.

— Вы все говорите так, будто это имеет смысл, — сухо прокомментировал офицер. — Давайте пойдем и выясним

это. Все оружие, кроме моего, ставим на оглушение. Если я доберусь до их гипнота, я хочу вырубить его навсегда. Но если мы сможем взять кого-то из остальных живым, это будет удачно. Убивать только в том случае, если этого нельзя избежать. Нам надо выяснить, что они успели здесь узнать. После этого можете делать с ними что угодно. Понятно?

Все согласились, кроме Калии, которая тоже сдалась, когда поняла, что Джозеф собирается снова применить к ней свой Талант.

— Ни слова по интеркому, — предупредила Тобруш. — Когда я настроюсь на них, они тоже будут нас слышать, поэтому настройте свои передатчики только на прием и пользуйтесь жестами. Понятно?

— Всем немедленно произвести необходимые настройки. И переключите каналы на полную мощность, как только удастся настроиться, — сказал Джозеф. — Хорошо. Калия, Дезрет — по местам. Осматриваем по одному помещению за раз. Мне кажется, это место очень похоже на пещеру, и мы будем передвигаться от зала к залу.

Его сравнение с пещерой было верным, хотя эта пещера казалась искусственной. Джозеф не мог преодолеть ощущения, что он находится внутри чьего-то жилья, или, может быть, какой-то исследовательской станции или разбившегося корабля, наполовину вросшего в землю, вроде того брошенного корабля на орбите над ними, только принадлежащего какой-то неизвестной и древней расе. Хотя какой это корабль, или лаборатория или даже здание, если тут нет ни инструментов, ни мебели — ничего, кроме пустых помещений?

Единственное место, которое было похоже на это, он видел давно, в юности — сложное, распланированное и построенное большими усилиями, где не было ничего, кроме пустых гробниц, — это был... мавзолей благородного семейства.

Чем больше он об этом думал, тем больше ему казалось, что это место, несмотря на жуткое освещение, отсутствие углов и прямых линий и аморфный вид, все больше и больше напоминает ему неиспользуемую, незаполненную семейную гробницу.

Калия и Дезрет двигались по очередному овальному коридору, но внезапно остановились. Калия повернулась и жестами показала, что следующая комната не пуста и там находятся не только трупы.

Тобруш скользнула ближе, тихо, как могут только джулки, выпустила усики и начала настраивать внешнюю систему скафандра. Внезапно все услышали голоса, переведенные на их родной язык. Переводчик не был точен на все сто процентов, и голоса мицлапланцев звучали похоже на голос Дезрета, но переводчик работал.

* * *

Голова Морока в волнении двигалась взад и вперед на длинной, тощей шее.

— Кто или что могло сделать подобное?

— Здесь были заключены два демона, — сказала Манья, указывая на разрушенные, похожие на сталагмиты образования, которые они уже видели в записи. — Ученые длительное время с величайшей осторожностью занимались их исследованием. Прошли недели, даже месяцы, прежде чем они попытались извлечь их оттуда, или даже просто решили, стоит ли это делать. А когда это все же наконец произошло, они уничтожили работу ангелов, создавших это место, и освободили зло, которое отплатило им за услугу, убив все, что было вокруг.

— Так ты больше не думаешь, что это постройка демонов? — спросил Морок.

— Сомневаюсь. Зачем им заключать себя? Нет, должно быть, это были самые ужасные из демонов, чья сила и жестокость намного превосходила остальных. Их нельзя было убить — кто может убить демонов? Единственным выходом было создать это место и заключить их в оковы. Они оставались здесь тысячелетиями, пойманные, связанные, сосланные от греха подальше в этот отдаленный мир. А потом пришли люди Биржи и в своем невежестве разрушили работу Воинства Богов.

Ган Ро Чин посмотрел на следы бойни вокруг.

— Где же они теперь?

— А? Что?.. Это же очевидно! Демоны не связаны нашими законами. У них свои, непредставимые для нас способы перемещения, они могут переходить из мира в мир мгновенно, силой мысли, как сказано в древних книгах. Возможно, они захотели увидеть, насколько все изменилось, пока они находились здесь в заточении, прежде чем начать вновь творить зло. А здесь они просто принесли свои благодарственные жертвы!

Ган Ро Чин рассматривал труп. Он не мог определить расу этого существа, и это его беспокоило. Останков было недостаточно для того, чтобы сделать даже предварительное предположение, и повсюду валялись кости. Кости, которые выглядели так, будто их грызли.

— Может быть, они проснулись очень голодными? — предположил он. — Эти люди не были принесены в жертву. Они были разорваны и съедены. Тела в лагере не обглоданы. Там людей просто безжалостно убили. Корабль также подвергся атаке и был приведен в неактивное состояние, чтобы люди не могли отправиться за помощью. Сначала эти создания были неразумными и голодными, как дикие животные. Потом они начали думать и пла-

нировать, и действовать в соответствии с этим планом. Они активировали свое оружие — возможно, какие-то оборонные средства здесь, на борту, — и расправились с кораблем, в котором видели угрозу. Тех, что снаружи, они просто убрали без особого труда. К тому времени они уже знали, что эти люди не могут повредить им.

— На борту? Что вы имели в виду, говоря «на борту», капитан? — с нажимом спросил Морок.

— На борту этого корабля, я так думаю. Это какой-то вид транспорта. Что бы он ни нес, это уже было выгружено, так как все помещения, которые мы видели, пусты. Затем, на пути назад, что-то случилось. Судно разбилось здесь, вдали от обычных трасс, среди пустоты. Персонал — скорее всего, остались только эти двое — выбрал единственное средство выживания. Они погрузили себя в какого-то рода стазис, в надежде, что в некий день кто-нибудь найдет и спасет их. У корабля еще оставалась энергия, но недостаточно для того, чтобы взлететь. С тех самых пор, как они разбились, он их защищал от сил здешней природы — тысячи, возможно, миллионы лет. Но они были освобождены не своими сородичами, а этими несчастными. Настолько длительная приостановка жизненных процессов — кто знает, какой эффект она может оказывать на них или кого-то другого? Они проснулись дикими животными, сумасшедшими, голодными. Позже их память восстановилась, а за ней и разумность. Им необходимо было выиграть время, и кроме того, они воспринимали других как чужаков, захватчиков. Поэтому они уничтожили их.

— Ты говоришь, как какой-нибудь биржанец! — с отвращением прошипела Манья. — Они были **заключены** здесь! Это же демоны! Настоящие демоны! Если все было действительно так, то где же они? Они не могли улететь на этом, как ты говоришь, корабле — как и прежде. Если ты прав, и это были представители древней сверхцивилизации, они не убили бы **всех!** Они бы попытались понять, кто эти люди, и узнать про них что-нибудь. Они бы изучили записи!

— Здесь она тебя поймала, капитан, — согласился Морок.

— Не совсем. Посмотрите на это место! Это совсем другой вид технологий, совсем другой способ мышления, чем у любой из рас, которые мы знаем. Тот факт, что они опознали исследовательский корабль и сумели вычислить и уничтожить его, показывает, что они как-то получили необходимые для этого сведения. Мы не имеем представления, все ли люди были убиты, так как не знаем, сколько их здесь было изначально. А если демоны тоже обладают Талантами — предположим, телепатией, — то им ничего больше и не было надо. С таким уровнем технологии, возможно, их корабль сам сканировал и сообщал им то, что они желали знать.

— Это не дает нам ответа на главный вопрос, — парировала Манья. — Куда они пошли, если не на другой корабль?

Внезапно по интеркому прозвучал голос Криши:

— Сорок один «Б».

Они немедленно отдали своим скафандрам ментальный приказ переключить частоту.

— Группа, — сообщила Криша. — Пять миколианцев, сразу за входом. Медленно и спокойно передвиньтесь, чтобы не дать им зайти с тыла.

В коридоре Джозеф и остальные услышали код, затем тишину.

— Они обнаружили нас, — тихо сказал он. — Атакуйте.

Дезрет первым двинулся вперед и немедленно был встречен шквальным огнем. Не видя места, куда бы он мог спрятаться, коринфианец отступил почти так же быстро, как и пошел в атаку.

— У них там в коридоре по крайней мере двое часовых с оружием, настроенным на максимум, — отрапортовал он. — Я опасаюсь, что получу повреждения, прежде чем смогу добраться до подходящего прикрытия. Они хорошо разместили своих людей.

— Дайте, я попробую! — нетерпеливо сказала Калия. — Мне не нужно столько места для прикрытия, как Дезрету.

— Они убьют тебя прежде, чем ты войдешь, — ответил коринфианец. — У них ушло меньше трех секунд, чтобы полностью сконцентрировать огонь на мне и просчитать мои дальнейшие движения, а сейчас остальные тоже вышли на позиции.

Джозеф тер подбородок, обдумывая ситуацию.

— Мы немного подождем. Это не только единственный вход, но и единственный выход из лабиринта. Если бы не силовой кабель ученых, мы бы и сами не дошли досюда. Поскольку мы шли за ними по пятам, маловероятно, что они успели толком исследовать лабиринт, так что они застряли. Тобруш, найди их нынешнюю частоту! Они будут часто менять ее, но если мы услышим хоть что-нибудь, то будем знать, чего нам ожидать. Дезрет, будешь повторять попытки войти с интервалами в пять минут — я хочу, чтобы они занервничали. Рано или поздно они поймут, что им поневоле придется выйти. Пусть они придут к нам сами! Выход за спинами у нас, а не у них.

Мицлапланцы тоже сообразили это. Они отступили к дальнему выходу из огромной комнаты. У входа остались только Савин и Криша, у которых было хорошее укрытие за инструментами и обломками в дальнем углу, позволявшее им сконцентрировать огонь на любом входившем.

— Мы не можем здесь оставаться, — заметил Ган Ро Чин, несмотря ни на что довольный тем, что отошел подальше от комнаты ужасов. — Это патовая ситуация: у нас есть второй выход, но он неправильный.

— Есть предложения? — спросил Морок. Он думал о том же.

— Мне кажется, что эта постройка тянется намного дальше. Вероятно, там какие-то пустые помещения, но мы не можем знать наверняка. Я думаю, что если здесь и было что-то достойное интереса, биржанцы уже нашли это.

— Это не спасает нашего положения, — хмуро ответил Морок.

— Может, и спасает, если там такой же лабиринт, как у входа. Мы шли сюда так же, как ходили ученые — вдоль кабеля. Но там были и другие коридоры и ответвления. Вполне возможно, что некоторые из них обходят эту центральную комнату.

— Ты хочешь сказать, что мы можем обойти их, так, что ли? Возможно. Но некоторые из них также могли пойти в обход — к тому же, вряд ли мы сможем найти путь без проводника.

Чин еще раз оглядел камеру.

— Насколько велико может быть это сооружение? Оно довольно длинное, это верно — я сказал бы, что мы уже в подземной части, хотя и не чувствовал понижения пола. Но ширина? Мне кажется, эта комната запросто займет три четверти ширины здания.

— Капитан прав, — прошипела Манья. — Боги благоволят смелым! И если мы будем колебаться слишком долго, миколианцы тоже подумают об этой возможности.

Капитан взглянул на лидера команды:

— Хотите, я разведаю боковые проходы?

— Нет, — ответил Морок, подумав. — Если уж теряться, то теряться всем вместе. В нынешних обстоятельствах, разделившись, мы будем еще более слабы, чем были бы в других условиях. Если мы правы, и они действительно послали кого-то другим путем, то у нас будет численное преимущество. Как только нам удастся выйти наружу, ситуация полностью изменится. Пора оставить этот реликт Тьмы и отправляться домой. Пусть другие воспользуются тем, что мы нашли, чтобы обдумать дальнейшие действия. Мы больше ничего не можем здесь сделать, — он сделал несколько шагов к центру помещения, и один из миколианцев тут же выстрелил в его направлении. Морок сумел увернуться, но прицел был взят хорошо. — Мы должны как-то вернуть к нам Савина и Кришу.

— Я пойду, — сказала Манья.

— Коринфианец может тебя видеть, — напомнил ей Чин.

— Значит, там четверо слепых и один зрячий. Если пойдешь ты, тебя увидят все. Разрешите, Святой?

— Иди, Манья, — сказал Морок, и она решительно двинулась вперед.

Впрочем, совсем без прикрытия Манья не осталась, да и дистанция от входа до выхода была большая. Она спряталась за большую колонну в центре и повернулась к Крише.

— Внутрь! Внутрь! — закричала она, затем обратилась к Савину, крикнув ему то же самое. Ее громкий скрипучий голос рождал в комнате жуткое эхо. — Идите, я прикрою вас!

Криша начала отступать первой, и когда перед ней замелькали трассы разрядов, Манья тоже открыла огонь по входу, стреляя очень быстро. Она не надеялась попасть в кого-нибудь, но не хотела давать миколианцам шанс открыть счет.

— Они отходят! — прошипел Джозеф. — Что-то случилось! Робакук! Похоже, пришло время дать им несколько поводов для размышлений. Остальные — прикрывайте сзади!

Черный тхион осторожно переместился в ту точку, откуда его огромные глаза могли видеть комнату. Манья стреляла беспорядочно, и только случайный выстрел мог причинить ему вред.

Внезапно лежащие тела задергались, зашевелились и начали подниматься, оставляя на полу свои внутренности.

Манья замерла, парализованная представшим перед ней жутким зрелищем, и громко закричала.

Криша, уже почти добежавшая до безопасного места, остановилась, увидев наступление трупов. Савин тоже был ошеломлен.

— Перестаньте паниковать и идите сюда! — закричал Ган Ро Чин. — С ними левитатор! Тот пятый, которого мы не могли вычислить — левитатор! Только и всего!

Однако, к действию их побудили не его крики, а несколько довольно близких попаданий. Они поспешили отступить, прежде чем миколианцы успели занять позицию, которая позволила бы им держать выход под огнем.

— Быстрее! — кричал Морок. — Всем назад! Так они смогут стрелять по нам, держась под прикрытием! Отступайте туда, где этот трюк не сработает!

Криша вся дрожала.

— Даже если я когда-то и сомневалась в том, что у миколианцев внутри нет ничего, кроме зла, хоть они и похожи на нас, этот момент я запомню!

Они отступали по коридору, пока не обнаружили очередной зал с несколькими выходами.

— Налево! — сказал им Ган Ро Чин.

— А если это не путь назад? — спросил Морок, не доверявший в таких вещах логике существа другой расы.

— Это такой же выбор, как и любой другой. Все они с равной вероятностью хороши, — ответил капитан. — Мы знаем, что миколианцы непременно здесь появятся. Поэтому мы не можем здесь оставаться, так что давайте двигаться!

Они свернули влево и выбрали первый же коридор, который, как казалось, плавно заворачивал обратно к выходу, затем остановились и еще раз взяли вход под прицел, на случай, если преследователи все же пошли за ними. Долгое время не было слышно ни звука, кроме их тихого дыхания.

Наконец Морок нагнулся к капитану и прошептал:

— Почему налево? Почему ты так уверен?

Ган Ро Чин пожал плечами.

— Я не уверен. Но мы знаем, что их лидер — терранин, а это значит, что он правша — девять к одному. Терране-правши, когда делают выбор, обычно поворачивают направо.

Морок был ошеломлен.

— Я... О, вы очень необычный человек, капитан!

Чин пожал плечами.

— Полагаю, Святой, что мы тоже не станем здесь задерживаться? Посмотрим, может быть, нам удастся обойти их и устроить засаду или хотя бы выбраться из этого проклятого лабиринта. Если они захотят тратить свое время на поиски нас, тем лучше. А мы будем где-нибудь в другом месте.

— Хорошо. Манья, иди вперед. Криша, ты с ней. Савин, прикрой нас с тыла, и не слишком отставай. Держись так, чтобы видеть нас.

Месок кивнул.

Глаза Морока остановились на бесстрастных чертах Ган Ро Чина.

— После вас, капитан.

Капитан открыл свой портсигар, достал сигару, откусил кончик и воткнул ее, не зажигая, в рот. И последовал за женщинами.

ГОНКА КОНТРАБАНДИСТОВ

Звездообразный Дарквист резюмировал, поколдовав над своими инструментами:

— На этом корабле нет ничего живого. Вообще.

— Просканируй колонию, — велела Модра Страйк. — Может быть, там что-нибудь найдется. — Она помолчала, покачав головой. — Господи, что там такое могло случиться?

— *Что, мурашки по коже забегали?* — осведомилась Гриста у Джимми Маккрея.

— Опять пустая планета, — вполголоса выругался телепат, оставив без ответа вопрос маленькой паразитки на его спине. — Пахнет жареным!

— Все еще хуже, чем кажется, — сообщил Дарквист. — Я не засек на планете ни одного живого существа, зато обнаружил не один, а целых **три** челнока.

Трис Ланкур бросился к мониторам.

— Выведи их на экран, Дарквист. Максимальное увеличение.

Маккрей, Ланкур и Модра Страйк сгрудились вокруг экрана.

— Что за чертовщина? — воскликнул Трис Ланкур, недоуменно нахмурившись. — Вон тот, коричневый, прямоугольный — явно с орбитального корабля. Он напоминает наши. Но второй, светло-серый и овальный — явно мицлапланский! А тот черный, похожий на жука — миколианский!

— Похоже, они устроили тут настоящий межзвездный слет! — прокомментировал Маккрей.

— Я также не обнаружил на планете и каких-либо аномальных высокоразвитых форм жизни, — продолжал Дарквист. — И если это челноки других империй, то где же их базовые корабли? И, самое главное, — какого черта они здесь делают?

— Ну, это-то как раз можно сказать. Корабли где-то здесь. Или автоматизированные, или с резервной командой, которая откуда-нибудь наблюдает за нами. Или охотятся друг за другом. Мне почему-то как-то не представить, чтобы две эти группы могли устроить здесь дружескую встречу.

— Думаешь, победитель готовится захватить нас? — спросил Маккрей. — Я хочу сказать, — вдруг эти мерзкие язычники-миколианцы захватили исследовательский корабль и разбили здесь лагерь, потому что наткнулись на что-нибудь по-настоящему важное? А попы пронюхали об этом и устроили засаду — или наоборот. Вы сами говорили, что их колонии здесь перепутаны друг с другом.

— Да, но здесь **наша** территория, черт бы их побрал! — возмутилась Модра Страйк, чувствуя, что это предположение почему-то разозлило ее. — И если они даже и прилетели сюда за чем-нибудь, то должны хватать это и побыстрее сматываться. Через несколько дней здесь будет уйма наших!

— Да, и те, кто выйдут из этой драки победителем, станут доказывать, что прилетели сюда в ответ на законный сигнал бедствия, обнаружили, что все уже мертвы — неважно, так это было или не так, — а колония покинута. Потом они заявят на нее свои права, и мы вовек этого не разгребем, — предположил Маккрей. — Я не патриот и не слишком люблю драться, но сколько наших могли послать в такое место? Сорок-пятьдесят на

корабле и, пожалуй, еще десятка два на планете? Что-то подсказывает мне, что если мы будем сидеть сложа руки, они просто смоются отсюда с тем, за чем прилетали.

— Еще одна попытка совершить самоубийство, да, Джимми?

Модра оглянулась на них.

— Маккрей прав. Это **наш** космос, **наша** территория. И если кто-то и должен предъявлять права на планету настолько важную, что она вызывает искушение у обоих наших врагов, то это должны быть мы.

— Будучи чиновником Биржи, я **обязан** провести расследование, — напомнил Трис Ланкур. — А в качестве члена команды я могу заявить наши собственные претензии ничуть не хуже, чем кто-либо другой из нас. Я в любом случае **должен** спуститься. Все остальные могут отдохнуть и обеспечить мне прикрытие.

Модра Страйк твердо покачала головой.

— Нет, Трис. Я не хочу тебя обидеть, но, прости господи, ты мертвец. Ты выглядишь как Трис, говоришь как Трис и по большей части действуешь как Трис, но мы не имеем ни малейшего понятия, что у тебя в голове и чьи приказы ты будешь исполнять, если прижмет. Биржа сочла этот мир настолько важным, что даже не выставила его на торги. Они оставили его себе, и притом так, что никто ни о чем не узнал. На мой взгляд, в этом деле ты не совсем на стороне команды. Вот так вот. Мы спускаемся вместе **как команда.** Как обычно.

— Мне очень не хочется говорить о неприятном, — вставил Дарквист, — но, судя по всему, то, что поразило этот корабль, сделало это с поверхности планеты, а не из космоса. И несмотря на то, что мы обнаружили внизу мицлапланский и миколианский челноки, я не улавливаю на поверхности никаких известных нам форм жизни!

Трис Ланкур кивнул.

— Что ж, если это работа для всей команды, тогда возьмемся за нее вот как. Во-первых, мы не станем приземляться рядом с ними. Я бы лучше спустился с другой стороны, если там есть подходящее местечко, — пусть даже нам и придется немножко прогуляться. Трэн сбросит в лагерь маяк идентификации положения, но после этого отойдет от планеты. Я предпочел бы, чтобы корабль находился на орбите, по многим причинам. Нападение вражеских кораблей не слишком меня волнует — даже если один из них действительно сделал **это**, они никогда не смогут оправдаться, если ударят по нам на нашей же собственной территории. Что меня заботит, так это чтобы ничто с поверхности планеты не смогло сделать с этим кораблем то же, что оно сделало с исследовательским судном. Мы сбросим ретрансляционный маяк, чтобы оставаться на связи, а потом Трэн отведет корабль, но так, чтобы в случае необходимости мог быстро добраться до нас. Ясно?

— Согласна, — ответила Модра. — Нам понадобится полное снаряжение. Дарквист, еще какая-нибудь плохая новость на закуску?

— Я пытаюсь определить, что это за строение — или это выступ горных пород? — отозвался Дарквист. — У него довольно... своеобразные свойства, и совершенно ясно, что именно его и изучали эти люди.

— Ну, это меня сейчас не волнует, — сказал Трис. — Думаю, нам всем стоит одеться, подготовиться, сбросить маяк и как можно быстрее высадиться на планету. Пока мы добираемся до лагеря, уже почти стемнеет, а мне не улыбается наткнуться там на какой-нибудь неприятный сюрприз.

Отправившись одеваться, Джимми Маккрей с удивлением обнаружил, что Молли тоже собирается.

— Что ты здесь делаешь? Тебе нельзя с нами!

— Если можно тебе, то можно и мне, — заупрямилась она. — Молли сделала то, что оказалось не по зубам всяким умникам. И у Молли тоже есть смешной костюмчик. Молли отправляется с Джимми.

Самое забавное, что у нее действительно был скафандр. Она была обязана его иметь — без скафандра в космос можно было вылететь лишь на крупном боевом корабле.

— *Прикажи ей заткнуться и сидеть здесь!* — рявкнула Гриста. — *По ее милости нас обоих прикончат.*

В кои-то веки Джимми согласился со своей нежеланной напарницей.

— Нет, Молли. Это слишком опасно! Это совсем не то, что было на Горячем Цехе.

Молли уставилась на него.

— Джимми ведь говорил, что Молли теперь свободная девушка?

— Да, но...

— Разве Джимми не говорил, что Молли — член команды?

— Ну да, черт побери, но я не...

— Тогда Молли тоже идет, — непререкаемым тоном заявила она.

— Молли, — ласково начала Модра, пытаясь не выйти из себя. — Там может быть очень много плохих людей. Которые стреляют и убивают. Мы боимся, что ты можешь сделать что-нибудь такое, из-за чего убьют кого-нибудь из **нас**.

— Молли видела много плохих людей. Молли не такая глупышка, как все думают!

Модра оглянулась.

— Трис? Дарквист?

— Мне это не нравится, но мы не можем тратить драгоценное светлое время на пререкания, — отозвался Ланкур. — Или кому-нибудь придется дать ей по башке, чтобы она вырубилась, или она идет с нами.

— Согласен, — со вздохом сказал Дарквист. — Молли, если ты идешь с нами, то тебе придется быть таким же членом команды, как и все остальные. Ты должна вести себя очень тихо и делать то, что мы тебе скажем, понравится это тебе или нет. Ты должна повиноваться мгновенно, потому что мы уже делали это раньше, а ты нет.

— Молли понимает. Молли знает, что когда-то у каждого из вас тоже был первый раз, правда?

Модра Страйк вздохнула.

— Ладно, Джимми, это бесполезно. Помоги ей надеть скафандр.

* * *

Молли оказалась молодчиной и вела себя очень осторожно. Кроме того, выяснилось, что она сильна, как вол, что позволило Ланкуру и Дарквисту взять с собой дополнительное снаряжение и припасы.

Они приземлились примерно в четырех километрах к северо-западу от лагеря и добрались до него пешком. Эту прогулку нельзя было назвать легкой, но по сравнению с некоторыми планетами, на которых им довелось побывать, она была сущей ерундой. Они добрались до лагеря как раз на закате, и рассыпались, пытаясь выяснить как можно больше.

— Не входите внутрь и даже не прикасайтесь к чужим челнокам, — велел Ланкур. — Нам нужно только узнать, есть ли в них кто-нибудь, живой или мертвый, но ничего больше. Там почти наверняка какие-нибудь ловушки.

Ужасная сцена кровавого побоища, потрясшая мицлапланцев, оказала на них ничуть не меньшее воздействие. В некотором смысле, даже более сильное, потому что все это были **их** люди — граждане Биржи.

— Здесь была борьба, — заметила Модра. — Видите, как обожжены внешние стены? Тот из них, кто пришел первым, выдержал по крайней мере короткую схватку с тем, кто пришел вторым.

— Однако я не вижу никаких признаков мертвых чужаков, — сказал Дарквист, узнавший в некоторых из убитых своих сородичей и все еще не совсем отошедший от потрясения. — Ни одна из обнаруженных нами жертв не была застрелена, а вся одежда и оборудование, похоже, наши. Я сделал полное сканирование поверхности.

Трис Ланкур стоял перед огромным шкафом в административном строении, наполненным научными записями.

— А вот в данных, похоже, уже порылись, — сообщил он. — Бьюсь об заклад, что мы не найдем здесь ни одной вразумительной или подлежащей восстановлению кассеты. Кто-то постарался сделать так, чтобы у нас было как можно меньше сведений.

— Или, что более вероятно, те, кто приземлились сюда первыми, не хотели, чтобы прибывшие следующими узнали, что им было нужно, — уточнил Дарквист. — И им это вполне удалось.

— Я бы не расстраивалась так из-за данных, — подала голос Модра. — На базовом корабле наверняка есть резервные копии, или, возможно, они уже успели отослать отчеты руководству на Бирже. Этот вандализм не имел никакого смысла.

Джимми Маккрей, все еще находившийся в исследовательском корпусе, повернулся и оглядел заваленную растерзанными телами лабораторию, пол которой был покрыт запекшейся кровью полудюжины рас.

— А **это** имело смысл?

Молли это ужасное зрелище потрясло сильнее, чем она пыталась показать, боясь, что ее отправят обратно. Она отошла к огромной дыре, зиявшей в стене здания.

— Тот, кто сделал это, не любит двери, — заметила она.

Маккрей подошел к ней и оглядел дыру.

— Милая, ты совершенно права. Кем бы это чудовище ни было, оно вошло сюда через эту дыру — ее края смотрят внутрь. А если оно двигалось по прямой линии, значит... — Она проследила за его взглядом, упершимся в странное сооружение на верхушке отвесной скалы неподалеку.

Молли задумчиво наморщила лобик — это случалось с ней очень нечасто.

— Джимми, как ты думаешь, это чей-то дом? Может, они не хотели, чтобы к ним входили?

Он ошарашенно уставился на нее.

— Малышка, а ведь в твоих словах что-то есть. — Внезапно он замолк. — Ф-фу... Что-то стемнело. Думаю, нам стоит зажечь свет, а не то мы отправимся прямо к праотцам.

— Кто-то уже зажег свет, — сказала Молли, показывая пальцем.

В почти абсолютной темноте громадное сооружение отчетливо, хотя и очень слабо светилось.

* * *

— Третьего не дано, — сказал Трис Ланкур, освещая фонариком следы борьбы, ведущие из лагеря к сооружению, возвышавшемуся на утесе. — Либо мы разбиваем лагерь здесь и ждем дальнейших событий, либо направляемся туда и разбираемся, что это за штуковина, — с вероятностью там и остаться, поскольку в ней находится то, что сделало это, плюс две обученные и отлично вооруженные команды чужаков.

— *Я за то, чтобы остаться здесь!*

— Ш-ш, Гриста. У тебя нет права голоса.

— Увы, — вздохнул Дарквист. — Боюсь, что он прав.

Модра огляделась вокруг, хотя уже почти совсем стемнело.

— Думаю, я бы предпочла лучше рискнуть и отправиться туда, чем ночевать в этом морге, — сказала она. — И лично я не вижу, чем утро в этом смысле хуже вечера. Полагаю, нужно связаться с Трэном, сообщить ему, что мы обнаружили, а потом отправляться внутрь. Забавно... Для того, кто идет на верную смерть, я чувствую себя поразительно бодрой!

— *Дерьмо!* — выругалась Гриста.

— Ты ведь всегда можешь уйти от меня, — с надеждой предложил Джимми Маккрей.

— Команда — «Делателю вдов», команда — «Делателю вдов», — начал Трис. — Как слышишь меня, Трэн?

— Прием отличный, — отозвался Трэннон Коуз. — Эх, как бы мне хотелось быть сейчас вместе с вами!

— Мне бы тоже хотелось, чтобы ты был здесь, — а я вместо тебя там, наверху, — мрачно отозвался Дарквист.

Быстро, но не упуская ни одной мелочи, Ланкур передал Коузу отчет об их находках, который должен был дополнить и уточнить материалы записей переговоров по интеркому, автоматически зарегистрированных кораблем.

— Люди заходят туда и больше не возвращаются — во всяком случае, так это выглядит, — заключил Ланкур. — Поэтому настоятельно рекомендую, чтобы никто — повторяю, **никто** — не следовал за нами внутрь. По крайней мере, до тех пор, пока эксперты не восстановят информацию, хранившуюся на кассетах, и не поймут, с чем имеют дело. Пока у нас не будет абсолютной уверенности в происходящем, предлагаю ввести на планете карантинный режим, а также военное патрулирование всей системы. Если где-нибудь поблизости скрываются чужие корабли, возможно, на них удастся многое узнать.

— Принято, Трис. Ты говоришь так, словно тоже не надеешься вернуться.

— Не знаю. Никто из нас не знает. И вот что... как только мы скроемся внутри, сойди с орбиты и подстрели челноки чужаков. Понял? Взорви их. Чтобы они не смогли взлететь. Если оттуда выйдем не мы, а кто-нибудь другой, я не хочу, чтобы они смылись из этой дыры. Как только взорвешь их, сразу же отправляйся обратно на орбиту и жди — или нас, или подкрепления.

— Понял. Берегите себя. Мне очень не хотелось бы на старости лет менять команду.

— Ты сможешь найти себе самую лучшую, Трэннон Коуз, — отозвался Джимми. — Если мы не выберемся оттуда, ты получишь все денежки!

Коуз немного помолчал, потом ответил:

— Я не подумал об этом, Маккрей. Теперь я уверен, что еще увижу вас снова. Да вы скорее встанете из могилы за своими деньгами, чем позволите мне получить их вместо вас!

— Ну ладно, — вздохнул Ланкур. — Мы не будем отключать камеры наблюдения, хотя, поскольку мы не получаем никаких сигналов от миколианцев и мицлапланцев, то очень высоки шансы, что и наши тоже не будут работать. — Он глубоко вздохнул. — Ну что, ребята, давайте посмотрим, что там за безобразие.

Они шли по утоптанной тропинке в зловещей темноте.

— Это очень странное место, — заметила Молли, когда они приблизились.

Модра кивнула:

— Я тоже это чувствую. Что-то на эмпатической полосе, но совершенно ни на что не похожее. Как будто это какая-то неизвестная форма жизни, а не сооружение. Что-то **живое**, но настолько отличающееся от нас, настолько чуждое, что мы не можем его сравнить ни с чем, что нам знакомо.

— *Я так и знала! Это какой-то громадный каменный зверь, и мы идем к нему прямо в пасть!* — завопила Гриста.

Джимми попытался проигнорировать это замечание, но, черт побери, оно было отзвуком его собственных мрачных мыслей!

— На моих частотах ничего, — сообщил он.

— Это свечение очень низкого энергетического уровня, — подал голос Дарквист. — По сути, непрерывный разряд настолько малой мощности, что ее практически невозможно измерить. Это, должно быть, какое-то свойство этой штуковины. Возможно, она всего лишь отдает обратно поглощенный ею солнечный свет.

Стоя возле сооружения, они разглядели что-то вроде пластикового коврика, который кто-то — скорее всего, исследовательская группа — положил перед тем, что должно было быть входом. Коврик был грязным и сильно истоптанным.

— Что ж, если кто-нибудь считает, что эта штуковина собирается проглотить нас, полагаю, этого хватит, чтобы опровергнуть такое предположение, — заметил Ланкур. — Судя по виду этого коврика и информационным модулям, я бы сказал, что исследователи довольно долгое время спокойно заходили внутрь и выходили оттуда живыми.

— Странно — каждый раз, когда смотришь на него, оно почему-то кажется немного другим, — сказала Модра. — Но уловить момент изменения невозможно.

— Оружие на смертельную мощность всем, кроме Молли, — бесстрастно приказал Ланкур. — Не давайте никому и ничему шанса подстрелить вас первым. Проверить снаряжение и доложиться.

Молли даже не вытащила пистолет. Вряд ли она была способна причинить кому-то вред, даже если бы ситуация представляла угрозу для ее жизни. Страх смерти, равно как и страх неизвестного, не тревожил ее душу. Для синт существовало только одно время — «сейчас».

— Ну ладно. Заходим, — ровным, но полным решимости голосом скомандовал Трис Ланкур.

* * *

Причудливые матово-кремовые стены, казалось, растворяются вокруг них, хотя умом все они понимали, что на самом деле это всего лишь эффект, созданный чьим-то разумом, до предела чуждым каждому из них.

— Держите фонари включенными, — предупредил Ланкур. — Мы расслабимся, а освещение внезапно возьмет и отключится. Будьте готовы ко всему.

— Может, мы и психи, но не дураки же, — буркнул в ответ Джимми Маккрей.

— Я собираюсь войти туда, — сказал цимоль, указывая. — Я вхожу посередине; вы двое — Даркwист слева, Маккрей справа — следуете за мной по моему сигналу или если я вдруг открою огонь.

Пригнувшись, он подождал, пока двое других займут позицию, проверил и затем перепроверил свое оружие, глубоко вздохнул и нырнул в отверстие, напоминавшее формой сердце.

Секунду все было тихо, потом раздался голос Триса Ланкура:

— Все в порядке. Входите. Здесь нет ничего живого... больше. Модра, ты тоже можешь входить, если уверена, что твой желудок перенесет это. Здесь еще хуже, чем в базовом лагере. Молли, в прошлый раз такое зрелище произвело на тебя слишком сильное впечатление. Не уверен, что тебе стоит смотреть на это.

Услышав его слова, все тут же бросились внутрь, включая и Молли, несколько возмущенную его снисходительным тоном. И тут же застыли на месте рядом с Трисом Ланкуром, который стоял как столб, очевидно, ошеломленный представшим перед ним зрелищем.

Кровь была повсюду. Красная, зеленая, голубая — всех возможных цветов, она заляпала пол и стены в таком изобилии, что эта картина казалась творением какого-то безумного художника.

Зал оказался огромным — намного больше, чем можно было ожидать по видимому размеру «здания», что бы оно собой ни представляло, — со слегка округлым полом, типичным

для всех помещений этого сооружения. В центре виднелись остатки того, что когда-то, по-видимому, было двумя колоннами, возвышавшимися от пола до потолка, хотя свод зала, судя по всему, не нуждался ни в какой опоре — что было весьма кстати, поскольку существенная часть колонн отсутствовала, а обломки были обильно залиты кровью.

Первым сбросил с себя оцепенение Трис Ланкур, подойдя к ближайшему из тех, кто некогда был живыми существами, а теперь представлял собой бесформенные кучи. Кости и плоть существа были настолько изуродованы, что не было даже возможности определить расовую принадлежность погибшего.

Трис осторожно приблизился к истерзанному кровавому комку, как будто ожидая, что он вот-вот оживет и набросится на него, хотя, как говорили, цимоли обычно не чувствовали страха и не страдали чрезмерно живым воображением, а это существо уже было явно не в состоянии когда-либо на кого-либо наброситься.

— Его **рвали зубами,** — произнес он хрипло. — Тот... или то, что сделало это, разорвало и обглодало их всех до единого. Тех, в лагере, просто жестоко убили — а с этими еще хуже. Что за **чертовщину** они спустили с цепи?

Дарквист был следующим, кто сдвинулся с места, обойдя Ланкура справа и приблизившись к разрушенной колонне.

— Это сделали мы — хотя я и не понимаю, что именно. Этот убитый — дарквист... был дарквистом. Он изуродован, но не обглодан. Кто бы ни был его убийца, он знал, что дарквистов нельзя есть.

Дарквисты были единственными из всех известных существ, чья плоть была ядовитой для любого, кто отважился бы попробовать ее.

Модра Страйк осторожно прошла мимо растерзанных трупов и остановилась у основания разрушенной колонны, ближайшей к Дарквисту. Это зрелище, конечно, потрясло ее, но она была профессионалкой. Тошноту она решила отложить на потом.

— Похоже, в этих колоннах были полости, — заметила она. — Будь они целыми, при такой высоте и толщине колонн обломков было бы куда больше. — Она склонилась и подобрала два осколка, явно отличавшихся друг от друга.

— Взгляните, — сказала она, держа по обломку в каждой руке. — Этот более чем десяти сантиметров в толщину. А этот, напротив, очень тонкий и хрупкий — несколько миллиметров, не больше.

Стебельчатые глаза Дарквиста оторвались от созерцания мертвого сородича и взглянули на то, что Модра держала в руке.

— Любопытно. Значит, было две оболочки, одна внутри другой. Толстая внешняя — скорее всего, для защиты и опоры, — и тонкая внутренняя... капсула? Ты полагаешь, что то, что

было внутри, находилось в каком-то подобии капсулы, которую подвесили, а потом замуровали в колонну, чтобы запечатать ее там?

— Да, только вот что было внутри? — спросил Маккрей, нервозно оглядываясь по сторонам. — И где оно сейчас?

— Не здесь, — ответил Дарквист. — Здесь его больше нет. Чем бы оно ни было, оно было **большое.** Только поглядите на отметины этих зубов! А эти страшные следы? Что могло их оставить? Клыки?

— Похоже, их оружие так и осталось здесь, — заметил Трис Ланкур. — Я нашел несколько пистолетов. Они невелики, но их хватило бы, чтобы остановить практически все, что я знаю.

— Если у них была возможность пустить их в ход, — вставил Джимми.

— Она у них была. Видишь эти следы на стенах? К тому же, по крайней мере один пистолет, — тот, который я только что осмотрел, — полностью разряжен. Можно почти наверняка утверждать, что эти существа, кем бы они ни были, не были невидимы и двигались не быстрее молнии, а ведь здесь было приличное количество народу. Что бы там ни было, оно получило по полной программе. Получило — и продолжало двигаться. Причем **быстро.** Обитатели базового лагеря даже не успели встревожиться. Я... Ага!

— Что такое? — спросила Модра, подобравшись.

Ланкур опустился на колени еще перед одной кучкой изуродованной плоти, потом протянул руку и принялся сдирать ее клочья. Модра, и даже Маккрей обнаружили, что не в состоянии смотреть на это.

— Что ты затеял, цимоль? — спросил Джимми.

— Это ты верно подметил, я цимоль, — отозвался Ланкур. — А это — все, что осталось от еще одного. Матерь божья! Череп просто **расколотили!** — Что-то тошнотворно хлюпнуло. — Ага! Вот оно!

— Что, черт возьми, ты делаешь, Трис? — Голос Модры едва не сорвался на визг.

— Прошу прощения, если вам было неприятно, — ответил он, — но я нашел то, что искал. Возможно, он поврежден, возможно, нет. Трудно сказать, пока я не подсоединился.

Невольно обернувшись к нему, остальные увидели, что он держит в руке бесформенный ком какого-то тускло поблескивающего, похожего на свинец металла с присохшими к нему комочками органической материи.

— У меня самого в голове такая штуковина, — объяснил он. — Другого размера и формы и, возможно, другой емкости, но что-то в этом роде. Забавно, но я никогда раньше не видел его своими глазами.

— Это... это какая-то деталь цимоля? — слабым голосом спросила Модра, не уверенная, что ей снова удастся отложить тошноту на потом.

Он кивнул.

— Сейчас он неактивен. В нем нет мыслей. Нет жизни. Но если записанная информация сохранилась, возможно, я смогу узнать, что здесь произошло.

— Ты хочешь забрать его с собой на корабль? — спросила Модра с надеждой.

— Пожалуй, я сделаю это прямо здесь... о, прошу прощения. Давайте вернемся в один из внешних залов.

Ни у кого не возникло возражений, даже у Дарквиста. Выйдя из зала, они обнаружили Молли, у которой был такой вид, как будто ее только что вытошнило.

Ланкур отстегнул небольшую коробочку, которую носил на поясе, что-то с ней сделал, и она раскрылась, обнаружив тусклую металлическую поверхность, похожую на шахматную доску. Он вытащил кабель, воткнул его одним концом в коробочку, где он тут же приклеился, потом поднял руку к голове и снял часть волос. Модра, не в силах оторвать от него завороженного взгляда, с ужасом смотрела, не в состоянии решить, какое зрелище хуже, — то, что находилось за дверью, или то, которое представилось сейчас.

— Это не займет много времени. При прямом подключении я могу воспринимать информацию с очень высокой скоростью, — пообещал он, втыкая другой конец кабеля в пластину на черепе.

Почему-то все ожидали, что он войдет в какой-то транс, но он почти не изменился. Его глаза перебегали с одного на другого, лицо казалось почти бесстрастным. Не больше чем через минуту он со вздохом заключил:

— Он сильно поврежден. Трудно даже представить себе силу удара, который мог потребоваться для этого. Мне не удалось считать всю информацию, но того, что я снял, вполне достаточно. Теперь я отчасти могу рассказать вам о том, что здесь произошло.

* * *

— Полученное нами сообщение о наличии здесь демонов было совершенно корректным, в каком состоянии ни находился тот, кто его посылал, — начал Трис Ланкур. — Приблизительно три месяца назад один разведчик открыл этот мир и это место, единственное искусственное сооружение на поверхности планеты. Разведчик не стал заходить внутрь, но послал туда проб и получил изображение центрального зала, каким он был в первоначальном состоянии. Ты была права, Модра, — там было два тела, по одному в каждой колонне. Это было что-то вроде двух гигантских сталагмитовых саркофагов, в каждом из которых было заключено тело демона.

— Демона? Что ты имеешь в виду под «демоном»? — уточнил Джимми Маккрей.

— Именно то, что сказал. Уже давно высказываются теории относительно того, что рано или поздно мы должны найти как минимум останки каких-либо существ в этом роде. В нашей Вселенной сотни миров, в них живут тысячи рас, и в мифологии каждых двух из трех рас упоминаются демоны. Даже у дышащих водой и силикоидных форм жизни существуют представления о демонах. Демоны разных рас отличаются друг от друга, они претерпели большие изменения, пройдя на протяжении бесчисленных поколений сквозь призму легенд, суеверий и расовых точек зрения, но все-таки это демоны. Высокие двуногие существа — один из здешних выглядит метра на два с половиной, другой пониже, метра на два — с рогами, злобными горящими глазами, уродливыми лицами, клыками, раздвоенными копытами и хвостами — все как полагается. Страшные, как смертный грех, и в два раза более пугающие. Мой старый дед-мусульманин вмиг узнал бы их, равно как и твой католический священник, Маккрей, или твоя верховная жрица, Модра. Даже ты, Дарквист, в мгновение ока узнал бы их, хотя у них куда более гуманоидный вид, чем описывают легенды твоего народа.

— Демоны, — пробормотал Дарквист. — «Зотха» на моем родном языке, что, кстати, совпадает с нашим словом, означающим «зло». Слово, обозначающее существо, отличается от общего понятия только интонацией. Воплощение зла для всей Вселенной — не считая миколианцев, которые считают их полубогами, ангелами, или кто их там знает чем.

Трис Ланкур кивнул:

— Долгое время ходили теории, что подобные легенды не могли возникнуть независимо друг от друга, даже в древних мирах вроде матери-Земли, где разные культуры так сильно отличаются друг от друга, не говоря уж о мирах, где вообще нет существ, хоть отдаленно напоминающих демонов. Что действительно существовала некая древняя и жестокая межзвездная раса, которая произвела на древние культуры такое впечатление, что они сохранили воспоминания о ней в виде мифов и легенд.

— Ничего себе воспоминания, — буркнул Джимми Маккрей. — Воплощение зла!

Ланкур пожал плечами.

— Ты же видел этот зал, — заметил он. — Я бы сказал, что они вполне заслужили такую репутацию.

— Это **они** сделали? — не веря своим ушам, переспросила Модра. — Всего **двое** устроили здесь это все?

Ланкур кивнул.

— Всего двое. Причем двое, которые, по-видимому, многие тысячи лет провели в анабиозе.

— Эти двое... это пара? — спросил Дарквист.

Трис кивнул.

— Да, мужчина и женщина. Условно двуполая раса, хотя его половой орган был большим и наполовину окостеневшим.

— Что ж, теперь все становится понятно, — подытожил Дарквист. — По крайней мере, до этого момента. Подобное открытие заставило Биржу бросить на этот объект лучшую исследовательскую группу вместе с военным кораблем, чтобы не допустить сюда никого другого, ни попов, ни миколианцев. Они принялись анализировать, брать пробы, исследовать, и в конце концов решили извлечь эту пару из их могил. Когда они вскрыли их гробницы, эта пара ожила и... скажем так, совершила то, чего от нее и можно было ожидать. Но каким образом они вывели из строя крейсер?

— Это было сделано не отсюда, — сказал Трис. — Должно быть, это произошло либо после побоища, либо одновременно с ним. Я кадр за кадром просмотрел последнюю сцену, но все равно точно сказать ничего не могу. Слишком сильная дезориентация и шок, и повреждения слишком значительные. Но, судя по всему, когда они прорубили основание колонны с женщиной, весь зал вдруг залил свет. Он начал разгораться все ярче, запульсировал, как будто это сооружение было живым организмом. Это похоже... как будто рассматриваешь бактерию под сильным увеличением. Жидкости начали течь, все вокруг запульсировало и начало изгибаться — я бы сказал, что это место действительно живое, как ни странно это звучит.

Джимми Маккрей тревожно огляделся по сторонам.

— Опять Иона. И мы угодили прямиком в самое **чрево**!

— Искусственная жизнь, — отозвался цимоль. — Только не обижайся, Молли, но ты — пример ранней стадии того, что представляет собой это сооружение. Они создали искусственную жизнь — дома, машины, все, что угодно. Возможно, оно умеет думать, даже предугадывать. Не волнуйтесь — мне **кажется**, что я знаю, что здесь произошло. Если я правильно понял, они сделали разрез слишком высоко и по ошибке отрезали кусочек правой ноги женщины. Это немедленно включило защитный режим сооружения. Оно оживило эту пару и разбило внешние футляры, среагировав на то, что было расценено как угрожающее действие. Это означает, что у него вполне хватит мощности выстрелить в военный корабль на высокой орбите и уничтожить его.

— Ты хочешь сказать, что это... это **место**... сделало с ними все это? — спросила Модра, с каждой секундой нервничая все больше и больше.

— Нет, — ответил цимоль. — Не место.

* * *

Режущий лазер не справлялся с этим веществом, хотя мог резать даже самые прочные из известных сплавов. Точнее, он резал его, но с большим трудом, а срез не был ни чистым, ни особенно прямым. Вот он снова пошел вкось, робопила на миг остановилась, и металлический голос сообщил:

— Предупреждение! Возможно, придется увеличить угол. При этом возможно повреждение образца.

Профессор Макока, брудак, досадливо поморщился.

— Что вы об этом думаете?

Дарквист, женщина высокого ранга, фыркнула:

— Это скверно, но должны же мы как-то извлечь их оттуда. Она все равно ничего не почувствует. Мои приборы свидетельствуют, что она мертва уже три четверти миллиона стандартных лет.

— Есть какие-нибудь шансы на то, что с мужчиной нам повезет больше? — спросила Джурия, почтенного вида женщина-цимоль.

— Ответ отрицательный, — ответил робот. — Проблема заключается в толщине основания и характере материала. Я — самый лучший из существующих на данный момент инструментов для прецизионной резки. Что-то перехватывает и искажает луч, при этом не ослабляя его, а их внутренние камеры почти не оставляют для меня свободного пространства. Допуски, которые запрограммированы в моей системе, должны быть достаточными, но они не достаточны. Мои способности не позволяют мне предотвратить потерю как минимум большей части ступни.

Джурия вздохнула.

— Мои расчеты ничего не дали. Этот робот знает, о чем говорит. Нам придется либо смириться с повреждением, либо оставить их здесь.

— Хорошо, — ответил профессор. — Тогда продолжаем. Ожидаемое повреждение вполне незначительно в сравнении с ценностью фактического вскрытия.

Робопила развернулась, собираясь продолжить, но в этот миг стены, пол и потолок зала внезапно вспыхнули ярким светом, тут же утратив твердый кварцеподобный вид и структуру. Теперь они казались громадной паутиной прозрачных вен и артерий, клеток и тому подобного, словно по мановению волшебной палочки ожили, пришедших в движение, точно огромный зверь.

Робот, запрограммированный на прекращение работы при любом необычном явлении, отключился, а находившиеся в зале люди принялись ошеломленно оглядываться по сторонам, и тут две колонны взорвались с жутким грохотом, оглушившим и едва не лишившим их сознания.

Огромные демонические фигуры ступили на пол, расправляя большие кожистые крылья с иглами на концах. По ним нельзя было сказать, что они только что внезапно ожили, — они не выказывали ни удивления, ни страха, ни даже обычного любопытства.

Единственные два слова, которые смог подобрать Трис Ланкур для описания их вида, это «повелительный» и почему-то «надменный».

Охранники вскинули оружие, но в тот самый миг, когда Джурия вскрикнула: «Нет! Не стреляйте в них!», двое демонов одним невообразимым прыжком оказались рядом с ближайшими к ним существами и принялись раздирать их острыми, словно бритва, когтями и клыками. Солдаты заколебались, боясь промахнуться, но, увидев их свирепость, открыли огонь, до отказа разрядив пистолеты в двух беснующихся монстров.

Выстрелы, мощности которых хватило на то, чтобы испарить часть бездействующей робопилы, лишь разозлили демонов, не причинив им никакого вреда; они немедленно набросились на солдат и в два счета расправились с ними.

Несколько членов команды, включая женщину-цимоля, кинулись к выходу, но к их ужасу, широкое овальное отверстие, сквозь которое они вошли сюда, вдруг захлопнулось, отрезав их от внешнего мира!

Демонам потребовалось совсем немного времени, чтобы прикончить жертвы и заняться цимолем, чьи память и сенсоры сначала утратили ориентацию, а потом вышли из строя, но отнюдь не от непосредственных повреждений, как биржанцы подозревали сначала.

Когда первый из демонов, мужчина, прикоснулся к ней, она почувствовала внезапный шок, все ее рецепторы открылись, и каким-то непостижимым образом компьютер, скрытый в ее черепе, пришел в контакт с этим существом. Ее разум захлестнула гигантская волна, как при контакте с Хранителями, но несколько другого рода. Эта волна была странно и ужасно чуждой, и грубой, невероятно грубой, безо всякой заботы о том, что может произойти при этом с ней. Она почувствовала, как информацию с ее цимоль-капсулы переписывают, копируют, но одновременно этот контакт наполнил ее голову таким бесконечно чуждым потоком странных мыслей и образов, что она была не в состоянии ни запомнить, ни постичь их, хотя ее цимоль-половина и пыталась это сделать.

Потом ее цимоль-мозг внезапно уловил нечто — мысль, понятие? — возможно, искаженное и обессмысленное перегрузкой — кто знает? В мозгу у нее пронеслось:

— Кинтара — они все еще существуют!

И все померкло.

* * *

— Жаль, что я не могу показать их вам, — сказал Трис Ланкур. — Живые, одушевленные, и не похожие ни на одно существо, которое я когда-либо видел, хотя они — классические демоны во всех смыслах этого слова. Дело не только в их размере, силе и внешнем виде, тут другое, нечто **внутри** них, что становится ясным с первого их взгляда на тебя, с одного жеста, одного движения. Это примерно как... как энтомолог мог бы смотреть на коллекцию насекомых. Хотя... нет, даже это не передает этого ощущения. Возможно... как он стал бы смотреть на коллекцию **обычных** насекомых, не представляющих для него никакого интереса. Таких, на которых даже энтомолог наступил бы, совершенно не задумываясь. Это даже не злоба — для этого они слишком самодовольны. Но это **могущество**. Невероятное могущество.

На миг повисла тишина, и Трис спросил:

— Есть вопросы?

— Да, — отозвалась Молли дрожащим голоском. — Какого черта мы все еще здесь?

— Она права, — заметил Дарквист. — Если смотреть с чисто практической точки зрения, наше оружие не идет ни в какое сравнение с тем, что было у этих солдат, а ведь мы не имеем никакого представления о том, насколько далеко уходит это сооружение. Демоны определенно не выбрались на поверхность — иначе мы бы засекли их как разумные формы жизни, — а просто расправить крылья и улететь в космос они тоже не могли. Кем бы они ни были, я отказываюсь перестать верить в законы физики. Все это произошло несколько дней назад. Они должны были проголодаться, — еще бы, когда между ужином и завтраком прошло добрых три четверти миллиона лет, — но можно предположить, что теперь они уже не прочь снова перекусить.

— Боюсь, наши желания не имеют никакого значения, — заметил Трис Ланкур. — Если это место живое, сейчас оно следит за нами. Если у него есть оружие, способное на такие вещи, о которых мы знаем, тогда на орбите мы будем в ничуть не большей безопасности, чем здесь. Другими словами, если оно пожелает заполучить нас, ничто во Вселенной не сможет ему помешать.

Джимми Маккрей протяжно вздохнул.

— Ну, вроде бы этим все сказано, верно? Мы здесь как мыши в клетке, сидим и ждем, пока проголодается кошка. А если мы попытаемся выбраться отсюда, эта штуковина в щепки разнесет наш корабль.

— Да постойте же! Эта штуковина перепугала всех нас до полусмерти! — воскликнула Модра. — Ничто не говорит о том, что с нами должно случиться что-то подобное! Корабль раз-

ведчика вернулся отсюда целым и невредимым, да и с исследователями все было в порядке до тех пор, пока они не приняли решение, которое могло нанести вред одному из хозяев. Ведь эта штуковина не подстрелила наш корабль еще на подлете, а значит, даже сейчас она не все время находится в защитном режиме и, возможно, даже не может воспользоваться оружием по собственной инициативе. Возможно, — только возможно, — что для этого ей необходим приказ.

— Телепатическая связь с оборудованием? — Джимми Маккрей задумчиво почесал подбородок. — Ну, попыткам добиться этого несть числа, но я что-то не слышал о том, чтобы кому-нибудь это удавалось.

— Думаю, она права, — вмешался Дарквист. — Не забывайте, что все предыдущие попытки касались только машин. А это не машина — в том смысле, какой мы вкладываем в это слово. Это сооружение можно назвать машиной не больше, чем Молли, — а ведь Молли как-то сделали проецирующим эмпатом! И если с этим справилась Биржа, трудно ли поверить, что технология, создавшая подобное сооружение, может придать ему еще и телепатические способности?

— Ну вот, теперь я кажусь себе каким-то скафандром, — пожаловалась Молли.

— Честное слово, я не хотел тебя обидеть, — заверил Дарквист.

— Гриста только что напомнила мне, что это уже не наша забота, — вмешался Джимми. — Ведь мы выполнили свою задачу, так? Мы ответили на вызов, осмотрели место происшествия, почти не трогая вещественные доказательства, и теперь с чистой совестью можем составить рапорт для тех, кто разбирается в этом лучше нас, и отправиться домой пожинать заслуженные лавры. Лично мне глубоко наплевать, где находятся эти демоны, лишь бы они не находились рядом со мной.

Трис Ланкур подумал над его словами, потом кивнул и принялся убирать свою аппаратуру.

— Ладно. Твоя маленькая компаньонка совершенно права относительно того, что касается наших обязательств. Но мне страшно не хочется отдавать это место кому-то другому после того, как мы отправим отчет. Ведь право есть право, а закон о спасении имущества есть закон.

— Ты собираешься потребовать это место себе в награду за спасение? — оторопела Модра. — Но... это же значит, что кому-то из нас придется остаться здесь до тех пор, пока наше требование не будет зарегистрировано!

— Нам все равно придется остаться поблизости, пока здесь не появится кто-нибудь еще, — заметил Ланкур. — Я готов биться об заклад, что мы не последние, кто направляется сюда. И есть большая вероятность, что это снова будут миколиан-

цы. Но если мы будем здесь, они не смогут заявить права на это место — если они попытаются сделать это, то попадут под суд.

— Что ж, — со вздохом произнес Дарквист, — если мы застряли здесь надолго, — а мы застряли, — и если эта штуковина все равно достанет нас где угодно, — а это так и есть, — я считаю, что на борту «Делателя вдов» нам будет куда удобнее ждать.

— Согласен, — ответил Маккрей; остальные кивнули. — Давайте уберемся из этого проклятого места!

Они быстро собрали снаряжение и отправились обратно той же дорогой, которой пришли, на этот раз возглавляемые Молли, которой не терпелось поскорее выбраться отсюда.

Они переходили из зала в зал, но выхода все не было.

— Постойте-ка! Мы идем уже гораздо дольше, чем шли сюда, — заметил Маккрей. — Должно быть, где-нибудь свернули не там.

— Исключено! — отрезал Ланкур. — Мы шли все время прямо, и сейчас в точности повторяем тот же путь. Можешь мне поверить.

Услышав это, Молли резко остановилась.

— Ой! У меня плохое предчувствие! **Очень** плохое!

— Приборы здесь не работают, — сказала Модра, — поэтому я не могу утверждать наверняка, но думаю, ты прав, Маккрей.

— Давайте поднажмем, — подогнал их цимоль. — Все дело в этом месте. Это оно наводит на нас такой страх.

Но после еще получаса хождения из зала в зал Трис Ланкур был вынужден признать, что здесь что-то не так.

— Кто бы мог подумать, что эта штуковина такая огромная? — озадаченно сказала Модра.

— Тессеракт, — пробормотал Дарквист. — Мы попали в настоящий живой тессеракт.

— Куда? — переспросила Молли с окончательно сбитым с толку видом.

— *Куда?* — эхом повторила Гриста.

— Куда? — спросил Маккрей.

— В тессеракт. Все это чистая теория, разумеется. Точнее, до сих пор было теорией. Тессеракт — это сооружение, которое находится в большем количестве измерений, чем обычно. Многие века это было излюбленной забавой наших математиков. Любое тело, в том числе мы, существует в трех измерениях пространства и во времени. А тессеракт устроен так, что находится не только в этих измерениях. Поэтому такое сооружение изнутри кажется больше, чем снаружи, и время от времени меняет видимые размеры. Оно кажется больше потому, что оно и **есть** больше; остальная его часть существует в других измерениях, которые мы не воспринимаем. И когда мы находимся внутри, наше пространственное восприятие

остается тем же, потому нам кажется, что почти ничего не изменилось, только сооружение стало более просторным. Интересно, **зачем** двум существам, кто бы они ни были, понадобилось столько места?

— Может быть, оно им вовсе и не нужно, — ответил Ланкур. — Если ты прав, и это действительно тессеракт — а все указывает на то, что это именно так и есть, — все эти комнаты вполне могут служить лишь для того, чтобы создать складки пространства. Кто из нас знает, как строятся такие штуки? Что нужно, чтобы соблюсти прочность конструкции? Вполне возможно, что тессеракт сам по себе крайне неустойчив.

— Кажется, я почти поняла, о чем вы, — сказала Модра, хотя по ее голосу этого было не заметно. — Но если я правильно уловила вашу мысль, тогда входная дверь должна быть все еще открыта. А мы, возможно, просто завернули в какое-нибудь другое измерение или что-нибудь в таком роде.

— Возможно, но маловероятно, — отозвался Ланкур.— Разведывательный проб входил и выходил по прямой линии, да и та команда провела здесь много месяцев и ни разу не столкнулась с подобной проблемой. Если только не... Хм... Возможно, когда это сооружение было активировано, все изменилось, и вход стал действовать только на впуск.

— В таком случае, его владельцы, скорее всего, действительно все еще внутри, — тревожно заметил Дарквист.

— Но они могут разговаривать с этим сооружением, ты не забыл? Они могут открыть дверь в любое время, когда им этого захочется, и к их услугам будут план и полное описание. Нет, нам нужно задать другой вопрос — зачем им могло понадобиться выйти через эту дверь?

— Чтобы очутиться снаружи, полагаю, — ответил Дарквист.

— Где? В каком-нибудь другом мире, где вся Вселенная набросится на них? Угу. Но, возможно, в каждый момент времени может существовать всего один выход. Если эта штука пронзает пространство и время, то, возможно, им даже и **не нужны** космические корабли. Им наверняка хватило времени на то, чтобы прочитать отчет и все прочие сведения, которые они переписали из мозга цимоля, так что они уже знают, сколько времени прошло. И лично я, если бы проснулся в такой ситуации, первым делом попытался бы выяснить, что случилось с моим народом. Что стало с моим миром. И это... Э-э-э... Да, об **этом** я не подумал.

— О чем задумался? — ехидно осведомился у него Маккрей.

— Они скопировали данные из мозга женщины-цимоля. Никаких военных тайн она, разумеется, не знала, но теперь им известно практически все, что известно нам. Они знают о Трех Империях, о наших расах, системах и так далее.

— Три четверти миллиона лет назад мои предки ползали по тропическим болотам в постоянных поисках еды и поклонялись нашему солнцу, — сообщил Дарквист. — Есть предположения, что они общались друг с другом хрюканьем и свистом. Подозреваю, что ваши предки были не намного более развитыми. Даже сами Хранители стали межзвездной цивилизацией лишь за последние несколько сотен тысячелетий. Цивилизация, достигшая таких высот три четверти миллиона лет назад, сейчас была бы богами Вселенной! По-видимому, они вымерли — по крайней мере, до тех пор, пока у этой пары не появится потомство. Хм... Интересно, сколько детей они могут иметь, и сколько времени это занимает?

— Я все думаю о последней загадочной мысли женщины-цимоля, — отозвался Ланкур. — «Кинтара — они все еще существуют». Предположим, она поняла, что находится на грани смерти. Что это? Какое-то предостережение, в надежде, что какой-нибудь цимоль прочитает его, как это сделал я? Если эти демоны — Кинтара... Вы понимаете, что я имею в виду.

— Они не могут существовать до сих пор! — заявила Модра. — Это какая-то бессмыслица! Ее в это время рвали на куски. Даже цимоль в таких условиях не в состоянии мыслить ясно! Как Дарквист и сказал: если бы они существовали, при том, что уже три четверти миллиона лет назад достигли такого уровня, о котором можно судить по всем этим легендам о демонах, — мы бы о них знали.

— Эта пара находилась здесь четверть миллиона лет, — напомнил Трис Ланкур. — А мы узнали о них только сейчас.

— Что ты... О! Поняла! Сколько их еще там? Спящих? Спящих, которых можно разбудить! О господи!

— Раньше была открыта входная дверь, — сказал Ланкур. — Полагаю, что сейчас открыта задняя. Все, что нам остается, это найти ее.

— И куда выйти? — осведомился Маккрей.

Цимоль пожал плечами:

— Куда-нибудь. Только бы выйти отсюда.

— И что потом?

— Не знаю. Когда выйдем, тогда и будем выяснять. Здесь нам все равно нельзя оставаться. В конце концов у нас закончатся запасы воды и еды, и энергопитание тоже. По моей оценке, они приблизительно на четыре дня впереди нас.

Все оторопело уставились на него.

— Ты что, собрался преследовать их? — спросил Дарквист.

— Если получится. За это время может случиться, что угодно. Им тоже надо питаться — это очевидно. И пить — предположительно. Судя по предварительным отчетам, они являются углеродной формой жизни, причем довольно типичной, несмотря

на свои экстраординарные способности. Думаю, их вполне можно выследить. И, разумеется, вряд ли им может прийти в голову, что мы станем их преследовать. Следовательно, вряд ли они будут особенно спешить, а хитрость не принадлежит к числу их сильных сторон.

— И что потом? — не сдавался Маккрей. — Пусть даже ты догонишь их, что ты станешь делать? Твой пистолет против них бесполезен. Ваши силы даже сравнивать нельзя, а знают они об этом сооружении уж всяко побольше тебя. Ты собираешься противостоять им в их собственной стихии! Шансы на то, что ты догонишь их, не говоря уж о том, чтобы поймать, смехотворны. Но даже если тебе это удастся, максимум, чего ты добьешься, — это станешь их десертом!

Трис Ланкур в упор взглянул на телепата.

— Маккрей, ты видел где-нибудь здесь тела мицлапланцев? Или миколианцев? Нет? И я тоже не видел. Все, кто здесь погиб, погибли давно. — Он остановился, наклонился и подобрал что-то с пола. Внимательно оглядев ее, он показал находку остальным.

— Окурок? — предположила Модра, глядя на диковину.

— Да. Окурок. И еще не успевший засохнуть. Табак в невыкуренной части все еще влажный. Небольшая желтая полоска на конце говорит о том, что ее курил мицлапланец.

— Не знал, что у кого-то из них есть вредные привычки, — сухо прокомментировал Маккрей.

— Одна из команд чужаков приземлилась, увидела то же, что и мы, и, вероятно, воспользовалась записями исследователей. Они тоже знают, что здесь произошло. Вторая команда застала их врасплох, и им пришлось сражаться, в конце концов укрывшись в этом сооружении. Пришедшие, из страха попасть в ловушку, или, возможно, из здравомыслия, не стали преследовать их немедленно. Они вернулись, вероятно, обнаружили записи и тоже их просмотрели. После этого они уничтожили их, надеясь, что в ближайшее время никто не последует за ними. Потом тоже пошли сюда и вошли внутрь. Не думаю, что первая группа обнаружила вторую. В подобном месте практически никто не смог бы промахнуться, а я не верю, что у них в командах скверные стрелки.

— Можно себе представить, что испытали мицлапланцы, столкнувшись с настоящими живыми демонами, — заметил Дарквист. — Это все равно, как если бы их ангелы внезапно оказались лицом к лицу с материальными силами самого ада! Ничто, кроме смерти, не помешало бы им пуститься в погоню, сколь бы безнадежной она ни казалась.

— А миколианцы почитают демонов как полубогов, — напомнил Ланкур. — Хотя, на самом-то деле, они религиозны примерно настолько же, насколько религиозен средний гражданин Биржи — то есть, по правде говоря, не слишком. Но если

бы они вошли внутрь вслед за мицлапланцами и их там не обнаружили, что они стали бы делать? Начали бы за ними охоту, или расположились бы лагерем перед закрытой входной дверью в ожидании биржанцев, которые в лучшем случае их арестуют? У них было всего два пути — и у них хотя бы есть причины полагать, что из Трех Империй демоны будут более благосклонны к ним, чем к остальным двум.

— Возможно, они все уже мертвы, — мрачно предположил Маккрей.

— Не исключено. А вдруг нет? Вдруг задняя дверь ведет прямо в какой-нибудь древний мир цивилизации демонов? Вдруг эти двое — единственные, кто остался? Подумайте о знаниях и о тех возможностях, которые откроются перед нами! Нет уж, или идите и разбивайте лагерь у входа, или идем со мной.

Модра в задумчивости покачала головой.

— Не думаю, чтобы у нас был выбор. Если у этого сооружения есть задняя дверь, которая ведет хоть куда-нибудь, — в другой мир, или скорее в другое измерение, как, несмотря на всю нашу логику, свидетельствуют все данные, — я скорее отправлюсь туда, чем останусь здесь, надеясь, что кто-нибудь войдет и спасет нас.

— Не забывайте и о возможности того, что дверь ведет не прямо к ним, а в какой-нибудь промежуточный пункт, — вмешался Дарквист. — Возможно, таких промежуточных пунктов очень много. Тессеракт — довольно странная вещь... К тому же получается, что мы не просто пускаемся в погоню, но еще и вступаем в гонку с двумя командами наших смертельных врагов, и все для того, чтобы столкнуться с представителями древней расы, против которой мы, возможно, бессильны. Все это время команды не только будут с каждым шагом приближаться к ужасному концу, но и на каждом шагу сражаться друг с другом. И мы уже отстали, возможно, на полдня, а может быть, даже больше. Если эта безумная гонка — действительно самый выгодный для нас маршрут, значит, твердые рамки реальности рассыпаются в прах!

Джимми Маккрей, улыбнувшись, оглядел всех по очереди и воскликнул:

— Спешите! Спешите! Занимайте места, леди и джентльмены, а также прочие представители всех рас, вероисповеданий и национальностей! Три отлично подготовленных команды вслепую выходят на беговую дорожку, где будут пытаться перебить друг друга в попытке поймать существ, которые непременно сожрут победителей! Внимание, существа всех рас! Не пропустите — единственный в своем роде КИНТАРСКИЙ МАРАФОН!

— *Заткнись, Джимми*! — рявкнула Гриста.

БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА

Посвящается покойной Кэтрин Мур, которая более пятидесяти лет назад показала нам, как это делается.

ВРАТА АДА ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

Джозеф был вне себя от гнева.

— Они были здесь! На этом самом месте! — Его голос эхом отдавался в обширном зале смерти. — И мы их потеряли!

— Из следующего зала ведет множество путей, — заметила Калия. — И неизвестно, какой они выбрали, а у нас недостаточно сил, чтобы исследовать все.

Дезрет выдвинул два стебля из своего тела; они, казалось, просто вытекли из него, тут же приняв необходимую форму.

— Их тактика ясна, — монотонно сказал он. — Через нас пройти они не могли, но если бы они просто пошли дальше, то не выиграли бы ничего, а только рисковали бы затеряться в этом месте. Следовательно, они пытаются найти проход, ведущий назад, к выходу. Тогда они либо обойдут нас с фланга, либо хотя бы выйдут наружу.

Джозеф кивнул. Оглядевшись вокруг, он сказал:

— Хотел бы я, чтобы у нас было время как следует рассмотреть, что здесь творится, но я согласен: нам не стоит преследовать их, иначе мы можем попасть в ловушку или просто потеряться. Пожалуй, наилучшим решением для нас будет выйти наружу и вызвать корабль. Мы взорвем их челноки, чтобы они не смогли отсюда выбраться, а сами вернемся в Миколь. Я уверен, что сканирование нашего разума подтвердит оправданность такого отступления, а если мы и должны будем пострадать за некоторые свои ошибки, то это наш долг.

— Согласна, — ответила Тобруш. — Мы можем примерно понять, что здесь случилось, по подслушанной нами беседе мицликов. Двое существ, которых они в фанатическом пылу называют демонами, находились здесь в состоянии приостановленной жизни. Ученые попробовали вырезать их из вместилищ, случайно оживили и поплатились за это. Хотя я бы и предпочла знать, где они сейчас находятся и как они выглядят, полагаю, что незнание этого вынуждает нас отступать со всей возможной скоростью.

Джозеф снова кивнул.

— Хорошо, используем тот же порядок, что и при входе. Калия, Дезрет — по бокам. Просто идите вдоль кабеля и заглядывайте в боковые выходы из залов, которые мы будем проходить. Нам не нужны неприятные сюрпризы.

Даже не удовлетворив свое любопытство, они испытывали облегчение, покидая эту комнату ужасов.

Они шли назад так же методично, как и входили, время от времени останавливаясь, чтобы прислушаться, но вокруг было тихо. Путь назад, однако, показался им намного длиннее, чем дорога внутрь сооружения.

— Мы проходим уже четвертый зал, — озабоченно отметила Тобруш. — Когда мы шли туда, их было три.

— Должно быть, ты ошиблась, — ответил лидер. — Мы ведь идем вдоль кабеля.

— Джулки права, — вставил Дезрет. — Мы идем не тем путем, каким пришли.

Еще два зала без всяких признаков выхода убедили даже Джозефа.

— Как это возможно? Ведь кабель не разветвлялся!

— Есть одно возможное объяснение, — сказала Тобруш. Она вытянула одно щупальце и распылила какую-то черную жидкость, пометив пол рядом с кабелем. — Теперь пойдемте дальше.

Другой коридор, еще одно маленькое помещение, потом снова коридор — и они снова оказались в небольшом зале. Они остановились, переглядываясь.

На полу, без всяких сомнений, была черная метка Тобруш!

Калия выбежала обратно в коридор и уставилась в том направлении, откуда они пришли. Коридор был не очень длинным; несмотря на небольшой изгиб, она могла видеть отсюда его начало.

— Это невозможно! — срывающимся голосом прошептала она. — На такой короткой дистанции недостаточно поворотов, чтобы мы сделали круг!

— Согласен, — вставил Дезрет. — Изгиб самое большее шесть или семь градусов. По существу, мы шли почти по прямой линии, но закончили путь там, где начали.

— Как будто эта штука не хочет выпускать нас отсюда, — выдохнула Калия, нервно озираясь вокруг.

— Это вряд ли, — ответила Тобруш. — Единственное возможное объяснение заключается в том, что это сооружение — первый увиденный кем-либо настоящий, воплощенный в жизнь тессеракт. Это объясняет также, почему снаружи он выглядел по-другому.

— Что? — переспросила Калия.

— Мы — все мы, вне зависимости от расы — ощущаем вещи в трех измерениях: длина, высота, ширина. Четвертое

измерение — это время, — объяснила Тобруш. — А тессеракт — это теоретическая математическая конструкция, которая существует во всех этих измерениях, но одновременно и в нескольких других. Мы неспособны воспринимать эти измерения, но они тем не менее воздействуют на нас. На обратном пути мы не проходили через те же места, что и по пути туда. Вместо этого мы прошли через не видимые и не воспринимаемые нами измерения, в которых эта штука тоже существует, и вышли поблизости от места, с которого начали.

— Ты не можешь объяснить помедленнее и более внятно? — попросил Джозеф.

— Каждый из этих залов и коридоров пересекается с другими залами и коридорами в измерениях, которые мы не можем воспринять. Мы шли через непостижимую и невидимую для нас реальность, пока не достигли точки, где она наконец пересеклась с чем-то, что мы видим.

— Я не совсем понял, — сказал обычно молчаливый Робакук, — но я допускаю, что это так. Но если это так, — хотя у меня кружится голова при одной попытке думать об этом, — то почему это не влияло на ученых, которые входили сюда и выходили отсюда месяцами?

— Возможно, тогда тессеракт был стабилен, — ответила Тобруш. — В любом случае, все это относительно. Подумайте о нашем корабле. Не столько мы перемещаемся на нем, сколько он перемещает нас. У него есть собственный компьютерный мозг и инструменты, которые делают работу намного быстрее и лучше, чем мы сделали бы вручную. У этого сооружения тоже может быть подобный управитель. Когда ученые вошли внутрь, первой целью сооружения было изучить их, почувствовать возможную угрозу и, поскольку угрозы не ощущалось, обеспечить им стабильность на пути к пассажирам. В конце концов исследовательская команда начала извлекать пассажиров, и это начало представлять угрозу. Защитный механизм включился, и те, кто представлял угрозу, были пойманы.

— А пассажиры вышли, — заметил Джозеф. — Мы видели результаты.

— Вот именно. А значит, либо они могут видеть и ощущать больше измерений, чем мы — что вполне возможно, — либо они знают путь наружу. А возможно, их корабль, подчиняясь им, стабилизируется только тогда, когда им нужно, — что наиболее вероятно.

Услышав это объяснение, они занервничали.

— Тогда мы тоже застряли внутри, так? — спросила Калия. — Внутри здания, которое может думать и воспринимает нас как угрозу?

— Возможно. Если мы будем продолжать идти по прямой, то мне кажется, что мы попадем в ловушку. Старые понятия «здесь» и «сейчас» больше не имеют значения. Может быть, нам придется идти назад, чтобы попасть вперед, спускаться, чтобы подняться,

поворачивать налево, чтобы идти прямо. Если мы не будем представлять угрозы для этого сооружения или кого-нибудь из ее обитателей, то, может быть, хотя бы один из этих проходов пересечется с выходом.

Они все подумали о резне в зале.

— Как ты думаешь, есть возможность, что мы встретим этих... обитателей? — спросил Джозеф.

— Сомневаюсь, — ответила джулки. — Хотя... внутри этой штуки могут быть целые кварталы или города. И все же я сомневаюсь, что они все еще здесь — кто бы иначе позволил нам войти? Почему нас попросту не прикончили?

— Но если их нет снаружи и нет внутри, — сказал Дезрет, — значит, они находятся где-то еще. В третьем месте. Возможно, это не просто здание, а какой-то вид транспортной системы? Если оно может сворачиваться и разворачиваться внутри себя, искривляя пространство, то почему бы не делать этого и во внешнем мире? Представьте себе транспорт, который можно построить и держать в одном месте, но который позволяет хозяину ходить пешком между мирами, на расстояния бесчисленных световых лет — через измерения, в которых не действуют обычные правила!

Мгновение Джозеф смотрел на коринфианца.

— Ты имеешь в виду, — сказал он наконец, — что это штука может привести нас куда-то еще? В другой мир?

— Даже в другую галактику, — ответила ему Тобруш. — Пространство, время — все может оказаться искривлено и выглядеть как угодно.

— Ладно, предположим, что я поверю во все это фантастическое дерьмо, но в любом случае, вряд ли они пошли туда случайно. Если это действительно транспортная система, то эти адские пути находятся вне всего, что мы знаем. Меня не волнует, демоны это, дьяволы или древние боги, которые столь же далеки от нас, как мы от зеленеющей травы, но они не стали бы ничего делать без причины. Если этот путь куда-то ведет, значит, там что-то есть.

— Хм-м-м... Да, понимаю, — произнесла Тобруш. — Принимая во внимание, как они обошлись со всеми этими людьми, — так уж ли мы хотим идти туда, где можем встретиться с ними?

Калия неодобрительно смотрела на них, покачивая головой.

— Это уж наверняка лучше, чем оставаться здесь, — сказала она.

Джозеф глубоко вздохнул.

— Хорошо, идем. Тот же порядок, только теперь мы не пойдем вдоль чертова кабеля. Попытаемся пройти хотя бы немного, все равно нам больше ничего не остается. И не забывайте, что эти Святые еще бродят здесь в поисках выхода, так же как и мы.

Калия внезапно выхватила пистолет и направила его на один из коридоров. Они замерли, и Джозеф прошептал:

— Что случилось?

— Голоса. С той стороны.

— Что ж, прекрасно, — сказал им лидер, — почему бы нам не пойти туда и не посмотреть, что там такое?

* * *

То в одну сторону, то в другую, сворачивая то вправо, то влево, бродили они по бесконечному лабиринту жилища демонов. Часто им слышались голоса, иногда они видели вдали какое-то движение, но когда добирались дотуда, то не находили ничего. Это приносило некоторое облегчение, но напряжение меньше не становилось.

— Мы здесь уже были, — заметил Ган Ро Чин, указывая на пол. — И, похоже, не мы одни.

Рядом с меловой отметкой, которую он сделал некоторое время назад, на стене виднелось черное пятно неизвестной субстанции.

— Посмотрите! Здесь еще их знаки! — позвала Криша, указывая в другом направлении. — А тут еще одна наша. А это что? Эта отметка какая-то другая! Что это, какой-то маркер?

Они подошли и посмотрели на странные знаки.

— Точно не наши и не их, — согласился Ган Ро Чин. — Может быть, это метки ученых?

«Может быть, и так, а может быть... Сколько же людей бродит в этом проклятом месте?» — подивился Морок.

— Глядя на эти метки, я допускаю, даже почти уверен, что кто-то из Биржи уже поставил здесь кассу и продает билеты. Они вполне способны на это, — кисло прокомментировал Ган Ро Чин, приседая на корточки, чтобы исследовать отметки. — Погодите-ка! Здесь... — он поднялся и огляделся зал. — В этом помещении шесть входов, видите? И пять из них как-то помечены, некоторые даже несколько раз. Только тут нет отметок!

— Но, капитан, это же тот коридор, через который мы только что вошли, — заметил Морок.

— Возможно. Действительно так? Интересно. Давайте я помечу его, и мы снова пройдем через него.

Они подождали, пока он нарисует отметку, и побрели тем путем, которым, как они были уверены, пришли сюда. Это быстро надоедало.

Следующий зал, однако, имел намного больше меток, чем могло появиться за время их короткого отсутствия. Два прохода были не помечены совсем, и Чин сначала зашел в один и осмотрел его, затем проделал то же самое с другим.

— Этот, — сказал он.

— Почему вы так уверены? — спросил его Морок.

— Свет в конце коридора какой-то другой. Да, наверняка!

Так и было. На этот раз, дойдя до конца коридора, они прошли через энергетический барьер, похожий на тот, что был у входа в сооружение, и внезапно вышли из лабиринта — хотя все еще находились внутри выдолбленного кварцеподобного ядра.

— Мы сделали это! — закричал Савин. Его крик выражал радость и облегчение, но для остальных это прозвучало как рев хищного зверя, только что убившего свою жертву. — Мы снова на входе!

— Разве? Интересно... — ответил капитан. — Где же тогда проход? Где силовой кабель? — он обернулся, вытащил пистолет и пошел прямо к выходу. Остальные последовали за ним, и вскоре они снова были на открытом воздухе.

Перед ними, насколько хватало глаз, простиралась равнина, плоская и невыразительная. Скалы были твердыми и серыми, без запоминающихся черт, перекликаясь с небом, которое казалось бескрайней светло-серой пеленой, через которую не просвечивало никакое светило.

Савин хотел попытаться поскоблить скалу каблуком своего ботинка, но Ган Ро Чин остановил его.

— Исследуйте это место. Не делайте никаких отметок. Или мы здесь первые, или кому-то пришла в голову та же идея, что и мне. Ходите очень осторожно; не оставляя следов, если этого можно избежать. Раньше или позже, путем проб и ошибок, остальные тоже найдут путь сюда, если в этой штуке нет других выходов. Для нас будет лучше, если они тоже будут думать, что они здесь первые.

Криша оглянулась на обширную бесцветную пустоту.

— Но что здесь хорошего для нас, капитан? Здесь негде укрыться!

— Да, и все направления одинаковы, — заметила Манья. — Компас на моем скафандре ничего не показывает — стрелка просто крутится вокруг своей оси. Температура и влажность на удручающем уровне, но на этой скале не видно никаких признаков эрозии, что означает, что здесь нет дождей — по крайней мере, в этом регионе.

Морок отошел далеко от сооружения демонов, изучая землю пристальным взглядом, который обычно приберегал для своего гипнотического Таланта. Наконец он остановился, затем наклонился и исследовал поверхность с более близкого расстояния. Выпрямившись, он вернулся к ним.

— Там есть следы. Очень слабые, но это наверняка следы.

Он прошел еще немного, затем проделал то же самое.

— Да, точно.

— Значит, миколианцы уже здесь? — обеспокоенно спросила Манья.

— Я так не думаю. Они были бы осторожнее и не стали бы оставлять следов, а если бы и оставили, следы

были бы другие. Посмотрите внимательно. Некоторые — просто отдельные отметины, но один или два похожи на небольшие полумесяцы, — он подошел к следующей группе следов. — По длине шага я бы сказал, что рост оставившего их существа — два или три метра. Вначале я думал, что он был один, но вот здесь третий след, немного поменьше, почти накладывается на большой. Значит, второе существо немного меньше и легче первого.

Манья на коленях изучала следы, словно они были самими оставившими их существами.

— Странная форма. Такие следы оставляли лошади Святого Прибежища, но судя по этим отметинам, это не четвероногие. Я... — внезапно она вздрогнула и отскочила от следов, как будто они могли ожить и укусить ее. — Раздвоенные копыта! Это демоны!

— Вот вам и корабль, — сказал Ган Ро Чин с некоторым удовлетворением. — Конечно же, это просто другой мир! Морок, хвала богам, что ваш народ — отличные шпионы. Я бы наверняка их пропустил. — Он обернулся к сооружению демонов, которое здесь выглядело не менее странно, чем там, откуда они прибыли; прилепившееся к скале, оно было единственным, что нарушало однообразие пейзажа. — Они не потерпели крушение в том мире и не страдали из-за отсутствия транспорта — транспорт был у них под рукой. Им просто не нужны космические корабли!

— Я не знаю, как это сделано, но похоже, что вы правы, капитан, — согласился Морок. — Однако, если это не было крушение, тогда зачем этой паре понадобилось приостанавливать свою жизнь, и зачем, проснувшись, они хотя и позаботились о том, чтобы никто не выжил, но не стали запирать входную дверь своего корабля?

— Мало ли у дьяволов могло быть причин! — фыркнула Манья.

— Может быть, это их просто не волновало, — предположил Ган Ро Чин. — То, что произошло в зале, каким бы ужасным оно ни было, можно списать на эффект пробуждения. Это могучие существа; конечно же, в состоянии помрачения рассудка они оказались опасны. Как бы то ни было, мы здесь, а они ушли в ту сторону. Полагаю, мы хотим узнать о них побольше. Святой, я полагаюсь на ваши природные способности выслеживания — как вы считаете, должны ли мы идти по следам?

— А я говорю, что мы должны остаться здесь! — настаивала Манья. — Мы можем использовать дом демонов как прикрытие, чтобы устроить отличную засаду. Когда появятся остальные, мы сможем косить поклонников дьявола как траву!

— Нет, — ответил Морок. — Мы не знаем, как долго кто-то еще будет добираться сюда, и случится ли это вообще, хотя теперь я склоняюсь к мысли, что это все же произойдет.

Наших запасов продовольствия хватит только на неделю, воды — на две. У меня, благодаря той стычке, остался восемьдесят один процент заряда. У тех из вас, кто дрался больше, осталось еще меньше. Мы просто не можем позволить себе терять время. Если здесь нет никакого источника приемлемой пищи и воды, мы все так или иначе погибнем; в живых останется только этот отвратительный коринфианец.

— За воду я бы поручился, — сказал капитан. — А возможно, и за еду тоже. Демоны — существа на основе углерода, плотоядные, теплокровные, и наиболее благоприятны для них такие же условия, что и для нас. Я видел в том зале много признаков случайной резни, но не видел следов методичного поиска. Я бы сказал, что эта пара взяла с собой очень мало или вообще ничего не взяла. Энергия будет для нас проблемой, хотя если мы найдем место, где будет прямой солнечный свет, мы сможем подзарядиться хотя бы до минимально необходимого уровня. Если они могут здесь выжить, то и мы сможем. Но я согласен — время выходит, и если где-то среди этой пустоши найдется хоть какое-то укрытие, нам всем надо будет отдохнуть.

— Вы говорите так, словно демонам для поддержания своей плоти и крови нужны обычные вещи! — сказала Манья скрипучим голосом. — Они — существа не нашей Вселенной, а другой, более темной! Там, в зале, они принесли людей в жертву, чтобы получить энергию, и пожрали их плоть, чтобы получить силу!

Морок поднял руку.

— Эти демоны, однако, оказались более связаны ограничениями, чем можно было ожидать. Пожалуй, здесь я соглашусь с капитаном, — он посмотрел на небо. — Трудно сказать, что это — рассвет, закат, полдень или полночь, но мы должны исходить из худшего. Я предпочел бы сейчас оказаться как можно дальше от этого места, поскольку, кажется, темнеет. Давайте поторопимся. Порядок движения — как для патрулирования, но облегченного типа. Криша, вы пойдете впереди. Савин, прикрывайте тыл. Если на нас и будет нападение, я думаю, в любом случае оно грозит нам сзади. Невозможно сказать, сколько дней этим следам, но судя по состоянию тел в зале и количеству времени, которое занял у нас ответ на сигнал о помощи, возможно, с тех пор прошли уже недели. Мы пойдем туда же, куда и они, но я не думаю, что они окажутся прямо перед нами.

* * *

Модра Страйк оглядела блеклый пейзаж и вздохнула.

— Это, должно быть, самое унылое ничто во всей Вселенной!

— Да, настоящий Лимб, — ответил Джимми Маккрей, глядя в пустоту. — Где вот только наш Вергилий?

— Что?

— Это Данте.

— Извини?

— Данте. Древний писатель из древнего мира наших предков — твоих и моих. Он написал книгу, тысячу лет назад или около того, плюс-минус два столетия. Судя по этой книжке, он ходил прямо в Ад, к трону Сатаны и дальше. Хороших маленьких мальчиков-католиков до сих пор заставляют читать ее в назидание.

Дарквиста его слова не убедили.

— Я сильно сомневаюсь, что какая-то примитивная книжка, основанная на древней локальной религии, может иметь здесь значение, — скептически заметил он.

— Вот уж воистину, религиозный культ! — фыркнул Маккрей. — В этом-то и проблема всей этой межзвездной цивилизации — она наводнена язычниками! Первое, куда попал тот примитивный парень, когда он шел в Ад, было серое, унылое, невыразительное место, называемое Лимб. Это слово вошло в несколько языков Старой Земли — оно означает место небытия, ни здесь, ни там. Мы следуем за демонами — так? Это против всех наших инстинктов, и неважно, как мы это объясняем, — важно, что мы это делаем. Входим в Ад, как тот древний парень, — и посмотрите, куда мы прежде всего попали! Это же Лимб, если это вообще можно назвать хоть чем-то. Весь остальной Ад — для злых этого мира. А Лимб — для язычников и неудачников.

— Если бы это было так, то, думаю, мы были бы здесь по уши в людях, — едко парировал Дарквист.

— Замечание принято, — ответил Маккрей. — Однако, я тем не менее поражен совпадением. Если это подтвердится, то впереди у нас еще девять миров — все без божественной защиты, и каждый ужаснее предыдущего.

— Не уверена, что смогу представить что-либо худшее, чем это небытие, — прокомментировала Модра. — Тут так... уныло!

Трис Ланкур изучал землю.

— Ну, мы здесь не первые. Вопрос только — здесь такая путаница, — не последние ли мы?

— *Мы наверняка будем самыми что ни на есть последними, если будем стоять на месте*, — высказалась Гриста.

— Заткнись, Гриста, — пробормотал тот. — Я предпочитаю быть последним, чем оказаться зажатым между мицлапланцами и миколианцами.

— *Ох! Конечно. Об этом я не подумала.*

Ланкур встал и покачал головой.

— По этим следам можно сказать только, что мы здесь не первые, и что все ушли одним путем. — Он выпрямил-

ся, а затем сделал медленный поворот на триста шестьдесят градусов, вглядываясь в горизонт.

— Можно спросить, зачем ты это сделал? — удивленно спросил Даркви ст.

— У этой поверхности нет никакой кривизны, — ответил Ланкур. — Это видно даже без ориентиров — свет отражается по-другому, когда ударяет в сферу. Существует небольшая разница.

— Слишком небольшая, чтобы ее можно было увидеть без инструментов, — ответил Даркви ст, но тут же остановился. Они привыкли думать об этом существе, как о Трисе Ланкуре, которого они всегда знали, но все равно это было лишь мошенничество, маскарад. Что бы ни состряпали из останков прежнего Ланкура — это был уже не Трис. — Ты хочешь сказать, что ты это видишь и можешь измерить на глаз?

Цимоль кивнул.

— Но это неважно. Важно то, что это место — мертвая равнина. Или мы находимся на огромной отполированной столовой горе, или на поверхности какой-то искусственной структуры, или этот мир и на самом деле плоский.

Маккрей заметил, что Модра слегка дрожит, и прочел ее мысли.

О боже, я не знаю, смогу ли я это вынести! Я...

Он отключился. Основной поток ее мыслей, окружающий суть, был нелогичен и нерационален. Она все еще винила себя в состоянии Триса, — и за дело, по мнению Маккрея, — но он был рад, что она эмпатка. Он многое понял про внутреннее смятение Модры из того, что прочитал в мозгу у Молли.

— Еще немного, и она развалится на множество кусочков, — прошептала Молли, и он кивнул. Он все еще не был уверен в том, насколько велик интеллект Молли, поскольку ее ум работал слишком чуждо и непостижимо для него, но она тоже была эмпатом, и работа в клубах дала ей практическое знание ущербных душ.

Джимми волновался за Модру еще и из-за растущей напряженности отношений в команде, и он знал, что Даркви ст разделяет это беспокойство. Лишь Ланкур со своей душой машины казался безразличным к этой проблеме. Симулировать эмоции — совсем не то же самое, что иметь их, а тем более понимать эмоции других.

— Может, стоит уже двигаться? — громко проговорил он. — Кто знает, сколько времени еще будет светло?

— Да, надо выступать, но очень осторожно, — ответил Ланкур. — Если это место действительно плоское и без укрытий, то когда мы подойдем близко к тем, кто находится впереди, они тоже сразу нас увидят. Переключите скафандры на минимальное использование энергии, держитесь близко друг к дру-

гу, на расстоянии оклика, и экономьте еду и воду. Я не уверен, что мы сможем есть то, что едят эти Кинтара, если вспомнить эти тела. Что касается воды, то мы можем не найти источники, известные им. — Он помолчал. — У вас последний шанс вернуться. Могу поспорить, что сейчас вы сможете выбраться из этого лабиринта, особенно если мы последние. Думаю, что если вы снова войдете туда, велики шансы, что эта штука переключится обратно.

— *Пойдем, Джимми, пусть этот цимоль сам выполняет свою программу, раз уж он так на ней помешан!*

Джимми покачал головой, хотя Гриста и не могла этого видеть. Впереди их скорее всего ждала быстрая и неприятная смерть; позади смерть была столь же неприятной, только очень, очень медленной. Он знал, что хотя Гриста и может вынудить его идти назад, она не сделает этого; возможно, она знала, что для него это будет последней соломинкой, но скорее всего просто была так же уверена, что они будут бродить там вечно.

— Должен признаться, я слишком заинтригован, чтобы поворачивать назад, — высказался Дарквист. — Но тебе, как мне кажется, стоит вернуться, Модра. Очень возможно, что сейчас ты сможешь это сделать.

Она резко повернулась, взглянув на него со злым, почти угрожающим выражением лица.

— Я не покину свою команду! До сих пор мы двигались вместе, и дальше пойдем вместе. Все, пошли!

Было очевидно, что ее невозможно переубедить; для нее их беспокойство значило меньше, чем ее ценность в той отчаянной ситуации, в которой они оказались.

Переход через огромное пустое ничто был не только скучен и изнурителен, он оставлял их наедине со своими мыслями и давал уйму времени для умозаключений. Обычно Джимми Маккрей отключался от остальных, но сейчас его сила была первой, если не единственной, линией их защиты, поэтому он убрал большую часть своих щитов, позволив чужим мыслям вливаться в себя.

К Ланкуру это не относилось, и Джимми снова подумал — интересно, что происходит в мозгу этой машины в теле человека? Насколько он мог понять то, что творилось в хорошенькой головке Молли, она почти не была расстроена. Она не чувствовала скуки, любопытства или страха; единственное, что он читал в ее уме, было раздражение из-за подавленного настроения других. Молли никогда не умела, как Модра, отключать свою эмпатическую силу. Возможно, она не была создана для этого. В любом случае, депрессия других понемногу передавалась ей, и она тоже начинала становиться капризной и раздражительной.

Мысли Дарквиста было трудно отследить и разобраться в них; его видение мира слишком отличалось от человеческого. Было ясно только, что звездоподобное существо чувствовало себя некомфортно, передвигаясь «лицом» вверх на четырех из пяти ног; его глаза вытянулись вверх, глядя в нескольких направлениях одновременно, вызывая замешательство у землянина справа, — и Дарквист наверняка задавался вопросом, стоит ли таких усилий неясная возможность познакомиться с демонскими технологиями.

Модра же страдала, превратив свое страдание почти в новую форму искусства. До сих пор она наполовину жила в мире фантазии, заставляя себя забыть, что этот парень — не Трис, но сейчас все опять вернулось к ней. Она заново переживала ту ночь, ужасную операцию в больнице, даже последний разговор с ним, перед тем, как он прострелил себе голову. Это причиняло ей огромную боль.

Гриста, почувствовав его настроение, сказала:

— *И все же ты должен отключить их, иначе они сведут тебя с ума.*

— Возможно, — вполголоса ответил он. — Мы новички в этой команде, поэтому, возможно, я не вижу всей картины, но Модра действительно странная. Она все время думает о том старом, мертвом Трисе, но никогда — о муже, за которого вышла замуж вместо него. За все это время я ни разу даже не видел в ее уме четкого изображения этого парня. Если она так сильно любила Триса, тогда какого черта она вышла замуж за другого? Она должна была знать, что он тоже любит ее — она же эмпат!

— *Люди делают глупые вещи по причинам, которые кажутся им важными в данный момент. Ты тоже сделал выбор. Именно поэтому мы таскаемся здесь вместе с этой куклой, которую сделали на фабрике.*

Джимми взглянул в сторону Молли.

— Возможно, ей и не было от этого пользы, но для нее я сделал бы это снова, — чего не могу сказать о мире, которым управляют пушистые черви!

— *Если ты будешь говорить грубости, я перестану с тобой общаться.*

— Ты все обещаешь!

Немного погодя Трис Ланкур объявил очередной привал.

— Кто-нибудь видит какие-нибудь отличия? — спросил их он.

— Нет. Даже свет, кажется, не изменился, — ответил Дарквист.

Цимоль кивнул.

— Правильно. Он точно такой же.

— Меня больше беспокоят следы, — сказал Дарквист. — Перед нами прошло какое-то количество народа, но здесь совсем нет других следов.

Они посмотрели на звездоподобное существо.

— Что ты имеешь в виду?

— Следов других. Признаков, что кто-то бывал здесь раньше. Ни тропинок, ничего. Следы, по которым мы идем, совсем недавние. Как если бы все мы — и те две команды, и даже демоны — были первыми, кто проходит здесь. Если условия здесь достаточно неизменны, — а судя по всему, так оно и есть, — то должны пройти столетия, а возможно, и тысячелетия, чтобы здесь что-то изменилось. Но такое ощущение, что до нас здесь не было вообще никого.

— Может, они ходили где-то в другом месте, — предположил Маккрей. — Мы ведь не знаем, насколько велика эта проклятая равнина.

— Я так не думаю. Если это сооружение демонов — какой-то вид межзвездного транспорта, а на это похоже, то следы должны были бы быть хотя бы вокруг этой штуки. Но их не было. Только поэтому мы вообще заметили те слабые отпечатки на твердой скале. Это не имеет смысла. Здесь вообще ничто не имеет смысла. Почему эти двое находились в анабиозе? И почему только двое? Для чего предназначались все остальные залы? Зачем было убивать всех и оставлять за собой дверь открытой, хотя даже для полного простака ясно, что за первыми вскоре последуют другие? Что это за место и где оно находится? И почему?

Трис Ланкур кивнул.

— Жаль, что не удалось заглянуть на корабль исследователей — и не только ради записей. Я все спрашиваю себя: действительно ли мы нашли бы там включенный передатчик, транслирующий запись сигнала бедствия?

Джимми Маккрей воззрился на цимоля.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Впереди нас две команды. Абсолютно ясно, что мы сделаем, как только сумеем нагнать мицлапланцев и миколианцев. Вы подумали о том, чем рисковали мицлапланцы, чтобы попасть сюда? Пролетев минимум шестьдесят световых лет по территории Миколя? Или миколианский командир, кто бы он ни был, который загнал свою команду в еще большую ловушку, чем мицлапланцы, когда последовал за ними сюда? Каковы были ставки, что это сообщение услышат команды, — именно команды, не грузовое судно, не крейсер или кто-нибудь еще — из всех Трех Империй? Мы считаем, что преследуем их — ты вроде бы так сказал, Маккрей? — но я никак не могу отбросить неприятное подозрение, что, возможно, нас водят за нос.

— Кто? — спросил его Маккрей. — Эти Кинтара?

— Вероятно; судя по всему, это их шоу. Я вспоминаю того демона — в тот момент, когда он убил женщину-цимоля, их умы каким-то невозможным образом соединились. Прежде чем убить ее, он прочитал данные из ее разума, и за этот короткий миг она тоже получила от него нечто. Это зафиксировалось в ее мозгу не полностью, но это дало нам их имя. В момент перед самой смертью она получила из его разума достаточно информации, чтобы понять, кто они такие, и что за чертовщина с ней происходит. От этой информации сохранилось только одно предложение, она была стерта — или ее мозг не получил разрешения ее записать. Чтобы сделать нечто подобное — выборочно стереть информацию из мозга цимоля, без механизмов, вообще без всякого интерфейса — нужно обладать огромной мощью и интеллектом.

— Должно быть, они решили обеспечить себе продовольствие, которое сможет явиться к ним само, — предположил Джимми.

— Мной они подавятся, — заметил Дарквист, — и это вполне неплохая причина для того, чтобы я шел за ними.

— Дарквист прав, — сказал Ланкур. — Если они не всемогущи — а это не доказано, — то они не могли знать, кто или что отзовется на их сигнал. По крайней мере, не наверняка. Если мы для них — еда, вряд ли они хотели бы получить на обед дарквиста, еще одного цимоля и синта; а кто знает, кто там входит в состав других команд? Я уверен, что если нас специально завели сюда, то с какой-то другой целью. Они не знали, кто придет, — но им был нужен кто-то из биржанцев, и они выбрали нас, потому что наш корабль был ближе всех.

— Да, но все это хождение внутри этого чертова здания, — сказал Маккрей. — Для чего это?

— Возможно, они хотели удостовериться, что мы годимся, — ответил Ланкур. — Если мы допускаем, что внутри этого сооружения был какой-то контролирующий центр, компьютер или что-то подобное, то ему, видимо, был оставлен некоторый набор определений, взятых мужчиной-демоном из мозга цимоля. Когда он окончательно решил, что мы годимся, он впустил нас сюда. Если бы мы не подошли, я почти уверен, что мы бы снова вышли в тот мир.

— Ты делаешь из этих диких чудовищ каких-то заговорщиков, — заметил Дарквист.— Мы даже не до конца уверены, что эти ужасные создания были теми, кто построил это сооружение. Они могли сами быть там в заключении.

— И тогда мы — вертухаи, — понимающе кивая, добавил Джимми. — И остальные тоже. Начальник тюрьмы завербовал нас, так как у нас больше всего шансов поймать их и повесить.

— Нет, действительно, я вижу в этом мало смысла, — продолжал Дарквист. — Если придерживаться точки зрения Триса, то мы не властны над ними, они же имеют над нами большую власть; и они знают территорию, по которой мы беспомощно бродим вместе с другими командами, чье стремление уничтожить друг друга столь же велико, как и желание убить демонов. Моя же гипотеза объясняет, почему они смогли с такой жестокостью перебить всех людей, но не закрыли за собой дверь. Они не могли ее закрыть, потому что они ее не контролируют.

— Совершенная чепуха! — отозвался Маккрей. — Разве в тюрьме главное — решетки? Дверьми управляет главный компьютер — в этом мы согласны. Эти типы не встретили сопротивления на пути наружу, они смогли выйти к базе, уничтожили там всех, а заодно каким-то образом, и корабль на орбите, затем зашли назад в свою тюрьму, после чего им разрешили выйти через другую дверь? У меня немалый опыт чтения мыслей, непохожих на человеческие, но могу вас уверить, что ни один надзиратель, думающий так, никогда не поднимется до такого уровня, чтобы построить что-либо подобное.

— Подозреваю, что ты прав, — вздохнул Ланкур. — А жаль, эта теория почти все объясняла. — Он обернулся. — Модра, ты... — он осекся, увидев, что она дремлет, растянувшись на скале.

— Да, полагаю, как бы далеко мы ни забрались, нам все же надо немного поспать, — наконец произнес он.

— Ну, если это кого-то утешит, то им тоже придется спать, — сказал Дарквист. — На самом деле, поскольку они впереди нас, то скорее всего, они уже спят. Мне кажется, что встречаться с ними сейчас, когда мы настолько устали, равнозначно самоубийству — равно как и с Кинтара с их тайнами и загадками.

Трис Ланкур, вздохнув, кивнул:

— Хорошо. Я посторожу. Поспите немного. Это место не хуже любого другого — здесь все места одинаковы.

— А как же ты? — спросил его Маккрей. — Ты разбудишь кого-нибудь, когда тебя надо будет подменить?

Капитан, помолчав, сказал:

— Мне нужен только отдых, но не сон. Зачем заставлять бодрствовать того, кто хочет спать? Не стесняйтесь, спите, сколько вам надо. Это даст нам преимущество над остальными, поскольку им придется менять часовых.

Ему никто не ответил. Еще раз они получили доказательство того, насколько отличался от них этот незаурядный человек. Но осмысление этого факта могло подождать; они настолько вымотались, что сон пришел первым.

* * *

Морок вглядывался в пустынную даль.

— Возможно, я просто очень устал, — нерешительно сказал он, — но я могу поклясться, что там что-то показалось над горизонтом — по крайней мере, в другом месте это было бы горизонтом. Справа по нашему курсу.

Они остановились и принялись напряженно смотреть в увеличители, а Криша вдобавок сканировала, и двое из них решили, что они что-то увидели, но Криша и Морок не заметили ничего. Возможно, остальные увидели что-то лишь потому, что хотели что-то увидеть, но глаза у Морока были намного острее, чем у остальных, и хотя все они устали и были ослаблены монотонностью пути, они не могли просто игнорировать то, что увидели.

— Пока что след идет прямо, — заметил Савин. — Но возможно, позже он поворачивает. Вы хотите, Святой, чтобы я это проверил?

— Возьмите с собой Кришу. Я знаю, что все устали, но мы не можем рисковать, если там что-то есть. Проверьте визуально. Если вы подойдете достаточно близко и все еще ничего не увидите, сразу возвращайтесь назад. Мы не знаем, идет ли кто-нибудь за нами, а мне не хотелось бы разбивать наши силы и долго оставаться без прикрытия.

Криша внутренне застонала, но у нее не было выбора, кроме как повиноваться. Правда, она была в великолепной форме и много работала над собой, но ее рукоположили в жрицы слишком поздно, и у нее не было тех преимуществ, какие давали другим Святым генетические усовершенствования, — а ведь сейчас устали даже они.

Ган Ро Чин, который не был духовным лицом и чья физическая форма тоже оставляла желать лучшего, почувствовал возникшие у Криши затруднения.

— Святой, я согласен с вами, но думаю, что Савин может справиться один. Его эмпатические способности помогут ему понять, если там кто-нибудь есть, а, не в обиду будь сказано, но если за нами следуют, то я бы хотел, чтобы с нами был хотя бы один человек с военной подготовкой. Мы можем открыть один канал, и Савин будет на связи по радио.

— Савин, что скажете?

— Я справлюсь, Святой.

— Хорошо. Идите. Переключитесь на основной канал. Если кто-то пытается подслушивать, они все равно нас найдут, на каком бы канале мы ни были, а на основном по крайней мере четкий сигнал.

Взгляд Криши метнулся к капитану, и он увидел в нем благодарность за спасение.

Оставшиеся устало устроились на гладкой поверхности скалы, ожидая, пока Савин вернется.

Ган Ро Чин заглянул в свой портсигар. Сигар оставалось пять штук. Сначала он не хотел курить их, так как, возможно, это были последние сигары, которые он видел в этой жизни, но прагматизм победил. Лучше насладиться одной сейчас, чем умереть, так и не покурив вдосталь.

— Я посторожу, — сказал он им. — Попытайтесь поспать. Я сразу же разбужу вас, если услышу что-нибудь от Савина или если к нам придут гости.

Морок не возражал.

— Двухчасовые вахты, капитан. Вы выбираете следующего, и так далее. Я не думаю, что Савин будет отсутствовать более четырех часов, но если он ничего не найдет, мы все должны отдохнуть.

Чин устало поднялся, отошел от остальных на дюжину шагов и снова сел.

— Савин? Проверка связи. Остальные отдыхают.

— Слышу вас отлично, — ответил Савин. — У меня пока ничего, но мне действительно начинает казаться, что там что-то есть. Однако идти придется дальше, чем я предполагал: расстояния в этом месте обманчивы.

— Хорошо. Если вам нужно, отдохните. Если вы устанете настолько, что не сможете ни дойти туда, ни вернуться обратно, пользы от этого не будет.

Он достал портсигар, вытащил одну из сигар, которые остальная команда ненавидела и презирала, откусил кончик и поджег старой потрепанной зажигалкой, которую всегда носил с собой. Он не был страстным курильщиком, между сигарами у него бывали большие перерывы, но было что-то в окружении Святых, вынуждаемых странной силой Ангелов Мицлапланов не грешить и бороться с грехом во всех его проявлениях, что автоматически вызывало у него потребность курить. Эта порочность в его натуре являлась одной из бесчисленных причин, по которым он был уверен, что никогда не поднимется выше своего нынешнего статуса, независимо от того, сколько воплощений ему еще придется пережить.

Сигарный дым струйкой поднимался вверх и, казалось, просто оставался висеть там. Ни ветерка. Даже на его старом грузовом корабле были системы, очищавшие и освежавшие воздух. Плоский мир полного небытия. Даже свет здесь, казалось, ничуть не менялся. Он, наверное, искусственный; это просто какая-нибудь транзитная зона транспортной системы древних демонов. Причем она работает и в прекрасном состоянии, хотя прошло уже бог знает сколько тысяч, а то и десятков тысяч лет. Какие же у них должны

быть умы, чтобы командовать невообразимыми измерениями и создавать машины, которые никогда не ломаются и не изнашиваются!

Такие существа как-то не вязались со сценами резни в лагере и в том зале или с тем, как они вломились сквозь стену. Просто невозможно было представить, как они задумывали и строили все это.

Благодаря влиянию отца-интеллектуала и роду занятий, который оставлял ему много свободного времени, он глубоко изучил историю своего народа — той субкультуры, из которой вышли его прямые предки, и других субкультур пра-Терры.

Он был очень удивлен, обнаружив, что демоны присутствуют почти во всех верованиях. Не всегда в одном и том же виде, конечно, но всегда злые, часто к тому же хитрые, порочные, иногда с уродливыми лицами и рогами. Даже когда они не были злыми, они всегда являлись посланниками — ангелами — богов тьмы, смерти и разрушения. В еврейских, мусульманских, христианских верованиях, все еще исповедуемых во многих мирах выходцами с Терры, бытовали представления о демонах, поразительно похожих на тех, которых они видели на записях. Это заставило его задаться вопросом: не были ли все эти древние сказки правдой; не посещали ли эти существа, демоны, пра-Терру еще в древние времена — возможно, в центральной области, откуда выросли все религии, — заработав себе такую ужасную репутацию, что воспоминания о них в искаженном виде распространились по всем остальным древним культурам Терры?

Демоны в представлениях мицлапланцев не намного отличались от тех, что были на записях. По крайней мере, они не отличались от них ни видом, ни репутацией. Он был поражен, когда узнал в Академии, что у многих рас, не имевших с терранами ничего общего, некоторые из которых даже не были двуногими, тоже существовали свои мифы о демонах. Несмотря на то, что эти предания тоже были искажены, профильтрованы через чуждые умы и точки зрения, демоны были безусловно узнаваемы. Церковь считала это одним из главных доказательств существования Владыки Ада.

Он знал, что у миколианцев есть схожие легенды. В них, однако, фигура демонов занимала почетное место, представляя собой квинтэссенцию силы и воли. По мнению Чина, не было ничего удивительного в том, что люди, чья власть держалась на страхе, себялюбии и жестокости, поклонялись тем, кто воплощал и тем самым узаконивал их образ жизни. У каждого Лорда Улья был свой персональный демон, которому он приносил жертвы. Интересно, что станут делать миколианцы, если встретят лицом к лицу одного из этих существ? Падут на колени и примутся поклоняться ему, или добровольно принесут себя в жертву, или откроют стрельбу и пустятся наутек, так же, как сделал бы он?

Одна группа подражает демонам; две другие считают их средоточием всякой скверны. Замечательное положение, особенно теперь, когда стало ясно, что демоны действительно существуют. Ведь это означает, что эти создания когда-то посетили множество миров, дающих кров разумной жизни, — если не все такие миры, — и ознаменовали свое появление делами столь мерзкими, что сами стали олицетворением зла.

«И мы, как последние дураки, идем за ними вдогонку», — думал он, с удивлением качая головой. С виду они казались порождением весьма неприятного мира, но выглядели не страшнее, чем, скажем, Савин, у чьего народа тоже была весьма неприятная история, и которые, однако, влились в братство цивилизаций после завоевания и поглощения их Мицлапланами.

Заметив углом глаза какое-то движение, он вскочил с места.

— Простите, — прошептала Криша, — я не хотела вас тревожить. Я просто не могу уснуть. Кажется, я слишком устала.

Он подождал, пока его сердце вернется из горла на место, в грудь.

— Все в порядке, — сумел выговорить он. — Я просто слишком глубоко ушел в свои мысли.

Она села лицом к нему, скрестив ноги.

— Спасибо, что избавили меня от этого задания. Я уверена, что свалилась бы на полпути.

— Ничего. Морок, как и все мы, меряет остальных по себе. Даже когда так поступают друг с другом терране, это уже плохо, а все отличительные черты других рас и вообще почти невозможно упомнить. Мы кажемся похожими, хотя наши тела и несколько отличаются, но это сходство поверхностно. Мы видим по-другому, слышим по-другому, у нас разная физиология и биохимия; мы росли в мирах, культура и даже география которых совершенно чужды друг другу. Морок может балансировать на бревне не толще вашей ноги и даже спать на нем, не рискуя свалиться. Савин хорошо видит в инфракрасном диапазоне. Морок видит бесчисленное количество уровней серого, но его цветное зрение настолько ограничено, что он не может себе даже представить, как видим вещи мы. Манья инстинктивно избегает всего, что окрашено в фиолетовый или лавандовый цвет; вся ее раса сильно близорука, но зато она может работать с вещами, которые мы с трудом различаем. Понимаете, что я имею в виду? Как можем мы — любой из нас — держать в уме все способности и ограничения других?

Она вздохнула.

— Все равно, спасибо вам. Это становится иногда... слишком тяжело. А тут еще это место. Когда не на что смотреть, нет никаких различий, ум обращается внутрь. Думаю, я пережила заново все ошибки, которые совершила в своей жизни. И не

говорите мне, что это все равно случится. Я много времени размышляла об этом, и размышления мне не помогли, а это место только все ухудшило.

— А Талант Морока не может вам помочь? Хотя бы немного облегчить нагрузку на разум.

— Не может. Это повредит моему духовному развитию. Да и в любом случае, Талант гипнотов ограниченно действует на телепатов, потому что мы всегда знаем, что происходит, и впоследствии можем увидеть в уме гипнота не только факт вмешательства, но и в чем именно оно состояло. Нет, для меня нет выхода.

Вернувшись, она искала аудиенции у Верховного Ангела, Высшего из Высших среди смертных, и умоляла его:

— Учитель, я не могу больше так жить! Я не могу вынести это мучение, оно слишком велико для меня!

— Это не так, дитя. Твой святой сан уже возложен на тебя, и ты должна жить так, как живешь, если не можешь жить иначе. Никто не может снять его с тебя, даже Ангел, который тебя рукоположил. Нет силы выше сделавшей тебя той, которой ты являешься.

— Значит, я должна жить в вечных муках до самой смерти? Разве нет какого-нибудь способа покончить с этим?

— Ты сама усиливаешь свою боль, продолжая бороться и сопротивляться воле богов и своей судьбе. Только когда ты возрадуешься тому, что ты Избранная, когда ты больше не будешь желать другого пути — тогда и только тогда это кончится.

— Вы устали? — спросил капитан, прерывая ее грезы.

— Да, — ответила она. *«О, боги милосердия, как же я устала!»*

Он не знал, что сказать ей. Он никогда не знал. Даже самоубийство не являлось выходом для того, кто верил в перевоплощение. Если она будет продолжать жить так, как сейчас, ее ум сломается. Даже в безумии сдерживаемая силой Того, кто сделал ее такой, ее собственная сильная личность будет постепенно разрушаться и угасать, и в конце концов она станет кем-то другим. Скорее всего — одномерным фанатиком, воплощенным ангелом без всякого следа настоящей Криши, для которого не останется больше вопросов, и по сравнению с которым даже Манья покажется образчиком разума и здравомыслия. Команды обычно и составлялись из таких людей, что делало подобный исход почти неизбежным. Она и так уже продержалась дольше, чем многие другие.

Остальные будут радоваться, когда это случится; они дадут ей новое имя и устроят праздник, благодаря богов за то, что она очищена.

Лишь он один с трудом будет сдерживать слезы.

Она заснула, и ее лицо во сне было трагическим и прекрасным.

— Савин докладывает.

Он щелкнул интеркомом.

— Чин слушает.

— Здесь... здесь... Я с трудом могу это описать.

— Еще одно строение демонов?

— Да, но меньше, чем первое. Следы ведут к нему. Я нашел много отпечатков, но не могу сказать наверняка, вошли ли туда все, кто шел перед нами. Вход не похож на прежний, он украшен каким-то сложным орнаментом и слегка вынесен вперед. Это что-то вроде ворот из сплошного камня, которые скорее стоят отдельно перед зданием, чем являются его частью.

— Хорошо, только не входите внутрь! — отозвался капитан. — Оставайтесь там, прилягте где-нибудь, используя доступные прикрытия, и отдохните немного. Мы здесь тоже еще некоторое время отдохнем. Вряд ли между нами и этим строением кто-то остался, а здесь хорошая позиция, чтобы видеть подходящих с тыла. Нам всем нужно отдохнуть прежде, чем двигаться дальше.

— Я... я согласен. Но я не уверен, что хочу находиться рядом с этой штукой.

— Почему? Беспокойство?

— Эти... эти ворота. На них высечены слова...

— И вы, конечно же, не можете их прочитать. На что они похожи?

— То-то и оно, что я могу их прочитать! Они на языке месок! На моем родном языке!

Ган Ро Чин внезапно почувствовал себя окончательно проснувшимся и слегка продрогшим.

— Погодите минутку! Но это же невозможно!

— Клянусь всеми богами и душами моих предков!

— Вырезанные в камне? На языке месок? И что там написано?

— Самый близкий перевод на стандартный язык — «Оставь надежду, любой, кто входит сюда».

«О, боже! — подумал капитан; в животе у него нарастало неприятное чувство. — *Вот и пропал мой шанс поспать».*

СТРАЖИ ВТОРОГО КРУГА

Группка мицлапланцев стояла перед огромными воротами единственного строения, которое они видели на этой

унылой, пустынной земле с тех пор, как отошли от первого. Второе сооружение было во многом похоже на первое: это был огромный цельный кристалл из неизвестного материала, на глазах слегка меняющий форму, который выступал из гладкой скалы. Строение было ниже и меньше того, через которое команда попала на эту жуткую равнину, и они надеялись, что внутри не окажется такого бесконечного количества залов.

Ворота были сделаны из какого-то камня, похожего на мрамор, настолько хорошо отполированного, что они могли видеть свои отражения. По бокам возвышались две массивные круглые колонны, наверху соединяясь в арку. Внутри арки располагалась тонкая плоская панель, в которой был проделан маленький прямоугольный вход. И на этой панели, над проходом, ясными, отполированными, сверкающими золотом буквами горели слова.

— Но это же не язык месок! — встревоженно воскликнула Криша. — Это хинди!

— Нет, это торгил, язык моих предков, — утверждал Морок. — Хотя, впрочем, перевод Савина весьма точен.

— Все это демонские наваждения! — хрипло проговорила Манья. — Здесь каждый видит свой родной язык!

— Не совсем так, — поправил Ган Ро Чин. — Эта надпись представляет собой просто очень маленькие золотые точки, выстроенные в квадраты. Я ничего не могу здесь прочитать, даже на Ново-мандаринском наречии, на котором думаю. — Он повернулся к Крише. — Попробуйте просканировать эту штуку — так, как если бы это было живое существо, — предложил он. — Посмотрим, что у вас получится.

Она попыталась.

— Голова заболела, — ответила она. — Долго я этого не вынесу.

Он кивнул.

— Савин? Морок? Попробуйте применить свои Таланты к этой надписи, какой вы ее видите.

Морок воззрился на надпись, сконцентрировался, затем его длинные ноги подогнулись, и он едва не упал.

— Голова закружилась, — озадаченно объяснил он.

— Помехи, как у ненастроенного приемника, — сообщил капитану Савин. — Был сильный всплеск, когда Морок чуть не упал.

— Это, очевидно, какой-то передатчик, работающий на ментальных волнах, — кивнул капитан, видя, что его теория подтверждается. — Таланты в основном различаются между собой чувствительностью к определенному диапазону частот, но эти диапазоны находятся не слишком далеко друг от друга. Это сообщение передается в голографической форме; ваши умы сами переводят его в надпись на родном языке. Сделано очень умно.

В Трех Империях проводилось множество исследований, чтобы найти способ создавать подобные устройства. Такие сообщения могут воспринимать даже существа, не обладающие Талантами, и только те, кто, подобно мне, вообще лишен способности принимать, передавать или еще как-либо использовать ментальные волны, не увидят здесь ничего, кроме реальности.

— Я пытаюсь заблокировать это, но не могу, — сказала Криша.

— Диапазон слишком широк, за пределами возможностей обычного телепата. Но смысл этой надписи ясен. На любом языке это значит «держитесь подальше».

Морок изучал землю перед входом.

— И тем не менее, они вошли сюда.

— Естественно. Существа, оставившие предупреждение, сами ему не последовали, — кисло заметила Манья.

— Тут есть кое-что еще, — сказал Савин, немного поколебавшись. — Отойдемте-ка немного — примерно на двадцать метров влево.

Они последовали за ним. Теперь, когда еще одна тайна получила рациональное объяснение, им было не столько страшно, сколько любопытно. Они посмотрели туда, куда указывал Савин, и вдруг Морок издал странный звук, что-то среднее между пронзительным вскриком и бульканьем.

— Следы! Они обрываются!

Савин кивнул.

— Точнее, они здесь... начинаются. Ничто не ведет к ним от здания или откуда-либо еще. Обратите внимание на кое-что еще, Святой. Присмотритесь повнимательнее — вы ведь изучали их с самого начала.

— Они похожи на те, за которыми мы следовали — только здесь их намного больше, и они разбросаны по большей площади. Странно... если бы я не знал, как мы сюда пришли, я бы поклялся, что это те следы, которые мы видели в самом начале.

Манья подбежала к ним со своим оборудованием.

— Святые Боги и Их Могущественные Ангелы с нами! Это те же следы! Видите? Это несомненно отпечатки ног демонов, той же пары!

Криша покачала головой.

— Вы хотите сказать, что это не просто следы тех же демонов, но именно **те же самые** следы? И наши собственные? То есть что мы за два дня каким-то образом обошли круг и вернулись в то же место? Но это невозможно! Еще можно признать, что мы могли пройти по кругу, но ведь это не то сооружение, из которого мы тогда вышли!

Ган Ро Чин задумчиво кивнул.

— И тем не менее, вывод сложно отрицать. Мы здесь имеем дело совсем с другим набором правил, даже если с

виду вещи кажутся теми же. Они могут быть похожи просто из-за того, что наши тела и умы воспринимают их одинаково. Тот факт, что эти следы появляются из ниоткуда в отдалении от сооружения, показывает, что мы все же действительно появились в другой точке, а вышли сюда.

— Но почему мы тогда вначале их не видели? — спросила его Манья.

— Не имею представления, Манья. Как мы попали сюда с той биржанской планеты? — Он поднялся и оглянулся на здание демонов с предостерегающей надписью на воротах. — Если это другая Вселенная, то ход вещей, который мы привыкли считать за должное, здесь может быть совсем другим. Кое-что, конечно, осталось прежним — гравитация приемлемого уровня, воздух, вода. Лучше спросить себя, почему демоны, которые знают это место и его правила, не вернулись обратно по своему следу? Я знаю, это звучит безумно, но мы должны отбросить обычную мудрость.

— Как же мы сможем здесь выжить, если здесь даже законы природы другие? — встревоженно спросил Морок.

— Не спрашивайте. Возможно, божественным вмешательством — если хотите, думайте так, — но я уверен, что какая-то логика в этом месте все равно должна присутствовать. Логика требует, чтобы любое место имело некие последовательные природные законы и правила. Судя по записям, которые мы видели, демоны — углеродная форма жизни, и они немногим отличаются от некоторых других рас, которые мы знаем, за исключением, возможно, ума и духа. Их важнейшее преимущество перед нами состоит в том, что они знают законы этого места, а наш шанс в том, что эти законы не могут радикально отличаться от тех, которые нам привычны, иначе у них возникали бы те же проблемы, что и у нас. Значит, весь вопрос в том, чтобы вычислить эти различия.

Криша посмотрела на него.

— Капитан, вы помните, о чем мы говорили? О том, что существуют различия даже между нами?

— И что?

— Предположим — только предположим, — что разница между нами и демонами все же есть. Двое из нас не видят в инфракрасном, а остальные не видят цвета или воспринимают их по-разному. Почему бы не предположить, что эти демоны видят то, чего мы видеть не можем? Какие-нибудь вещи, которые естественны для этой среды? Здесь могут быть предметы, которые никто из нас не способен воспринимать, и которых не могут засечь даже наши инструменты.

Он кивнул.

— Я думал об этом, и, скорее всего, это так и есть. Но мы не можем позволить себе заботиться о том, чего не

можем увидеть, услышать, почувствовать или потрогать. Мы можем только предполагать, что эта ситуация имеет и обратное действие, и в этом случае есть возможность, что они не видят каких-то вещей, обычных для нас. Но меня больше заботит выяснение фундаментальных законов этого места.

— Что вы имеете в виду, капитан? — нетерпеливо спросил Морок.

— Логика подсказывает, что на самом деле мы шли не по кругу — по крайней мере, не в обычном понимании этого слова. Это была скорее спираль. Входы в обоих зданиях демонов размещены под некоторым углом вниз, словно подразумевается какой-то спуск. По какой-то причине мы не могли пройти короткую дистанцию между здесь и там, не описав круг, — и, самое важное, они **тоже** не могли. Что сделали они, а вслед за ними и мы, чтобы попасть сюда? Мы обошли круг против часовой стрелки — налево. Очевидно, по неким странным законам этого места, лево — это низ, а право — это верх. Каким образом получилось, что мы можем видеть старые следы, оставшиеся на верхнем уровне, — для меня загадка, но могу поспорить, что если мы сейчас не станем входить, вняв предостерегающей надписи, а продолжим идти в том же направлении, мы снова обойдем круг и через два дня опять придем в эту же точку. Если же мы пойдем направо, то снова поднимемся туда, откуда пришли. Это важно. Это значит, что если мы потеряем след, мы все равно будем знать основное направление движения.

— У меня снова закружилась голова, но на этот раз не от надписи, — сказал Морок. — Я много где бывал и далеко путешествовал. Мне встречались расы, которые вне всяких сомнений обладали интеллектом, отличались трудолюбием и были абсолютно непостижимы; они тратили целую жизнь, создавая причудливые конструкции, которые никогда не использовали. Они не имели речи в нашем понимании, но все же каким-то образом общались друг с другом; они поступали так, что многие могли счесть их безумцами, — но несмотря на это, они были весьма последовательны. Можно ли наладить общение с существами, которые настолько чужды всем остальным, что, по-видимому, не имеют ментальной общности ни с одной из известных рас? А если таким может быть народ, то почему не существовать и целой демонической Вселенной? У нас нет другого выхода, кроме как принять вашу теорию за рабочую, капитан, — пока не будет доказано обратное.

— Больше у нас пока что ничего нет, — ответил Ган Ро Чин. — Но однако, Святой, если моя пространственная теория верна, то у нас проблемы. Посмотрите-ка. Здесь намного больше следов, чем могли оставить мы. Мне особенно не нравится вот этот

ряд зарубок, по три за раз, как если бы в скалу втыкали металлические шесты. Такие отметины не могли остаться ни от нас, ни от демонов.

— Коринфианец! — задыхаясь, произнесла Манья. — У него было шесть таких ног, когда я видела его!

Чин кивнул.

— А это значит, что за нами идут миколианцы, и могу поспорить, они не очень далеко.

— Я также обеспокоен другими отпечатками, похожими на демонские, только меньше и с более коротким шагом, — заметил Савин. — Вот здесь, с этой стороны. Передний след определенно оставлен чем-то твердым и закругленным, как копыто, но я не знаю других копытных двуногих рас, кроме демонов. Это значит, что где-то за нами — еще один демон? Возможно, вместе с командой демонопоклонников?

— Не имею понятия, — честно сказал капитан. — Но я знаю, что если мы останемся здесь, то вскоре у нас снова будет неприятная компания. Мы можем или устроить им засаду, используя это место как прикрытие — в конце концов они все равно должны будут здесь пройти, — или идти внутрь.

— Я за то, чтобы накрыть их прямо здесь! — убежденно воскликнул Савин. — У нас есть прикрытие. У них — нет. Другого такого идеального случая может и не представиться.

Морок подумал.

— Не забывайте, что нам противостоит очень сильный телепат, если верить Крише, а также коринфианец. Перед решающим боем я предпочел бы иметь максимум преимуществ, но здесь это не получится. Не стоит забывать также про этого меньшего демона. Я бы хотел сначала побольше узнать о законах Чина, прежде чем встречаться с ними. Нет, для хорошей засады мне нужно несколько больше, чем просто равные шансы, а я сомневаюсь, что здесь мы будем равны. Пойдемте внутрь. Возможно, впереди найдется хорошее место, чтобы разбить лагерь, перезарядиться, спокойно подождать их и встретить, имея преимущество. Пока что наше превосходство состоит в том, чтобы сохранять лидерство. Это позволяет нам выбирать место и время.

Ган Ро Чин обернулся и посмотрел на знаки, которые он один не мог прочитать.

— Ну что ж, нам предлагается оставить все надежды здесь, но я еще не дошел до этой точки. Кто первый заживо спустится в Ад?

— Я пойду, — сказала Криша. — Я не боюсь ничего, что ждет меня там. — *«Я и так уже в преисподней»,* — добавила она про себя.

Внутри все было почти таким же, как и в первом здании демонов: тот же рассеянный свет, излучаемый стенами, те же

пластичные, зыбкие формы. Они перешли из внешнего зала во внутренний без всякого ощущения, что идут вниз, хотя пол, судя по наклону, понижался, и довольно круто. Затем они вступили в огромное помещение — оно было лишь чуть меньше, чем то, которое было в первом сооружении, но еще нетронутое, без валяющихся тел или следов крови.

Криша остановилась и уставилась в центр зала; остальные тоже застыли на месте, с ужасом глядя на то, что находилось перед ними.

— Зло! — вскричала Манья, поднимая свой пистолет. Потребовались совместные усилия Чина и Савина, чтобы остановить ее руку.

— Они еще в спячке! — заорал на нее Чин. — Вы выстрелите в них, и с нами будет то же, что с теми, в первом здании! Вы этого хотите? Думайте, Манья! Думайте!

Она дрожала; Чин с Савином почувствовали, что она заколебалась, но все же прошло больше минуты, прежде чем они решили, что ее можно отпустить.

Демоны парили над невысоким возвышением — мужчина и женщина. Материал, из которого состояло кристаллоподобное сооружение, казалось, стекал на них с потолка, обволакивая и запирая их навечно внутри полупрозрачных колонн.

— Точь-в-точь как на записях, — заметил Морок.

Криша, все еще с полуоткрытым ртом, кивнула.

— Там враг, — наконец выговорила она; ее голос прерывался, в горле была невозможная сухость.

— Но не тот враг, которого мы преследуем, — напомнил ей капитан.

Савин, несмотря на свирепую внешность, был ошеломлен.

— Зло, — бормотал он. — Невозможное, чистое зло! Оно бьется внутри моего мозга как барабан. Холодное, ужасное. Отвратительное. Омерзительное. Любое темное чувство, которое я когда-либо испытывал, было меньше в тысячу — нет, в миллион раз! Никогда во время моей учебы, в моих самых диких ночных кошмарах, я не мог представить такого зла!

Чин внимательно посмотрел на него.

— Вы чувствуете это эмпатически? От них?

Савин кивнул.

— Не понимаю, как ученые могли не ощущать этого. Наверняка ведь они тоже использовали эмпатов. Мне приходится напрягать все силы, борясь с безумием, просто чтобы не убежать сломя голову из этого места.

— Криша, вы тоже ощущаете что-то подобное? — спросил капитан.

Та не отвечала, продолжая, словно в трансе, глядеть на две фигуры.

— Выпусти Нас! Ты можешь это сделать! Выпусти Нас и поклоняйся Нам; стань Нашей жрицей. Мы можем освободить тебя, как ты можешь освободить Нас. Наши жрецы не знают ограничений; их сила — это Наша сила; для них нет такого понятия, как «слишком много». Освободи Нас и поклонись Нам, и Мы освободим тебя от тиранов, из-за которых ты находишься в таком ужасном состоянии, и поможем тебе отомстить им! Наше время снова пришло. Скоро Мы снова будем свободны, чтобы побеждать, и править, и властвовать, независимо от ваших действий. Освободи Нас сейчас — и ты будешь править множеством миров от Нашего имени. Откажись — и Мы, освободившись, навечно оставим тебя в таком же состоянии, как сейчас, не позволяя сойти с ума или переродиться. Освободи Нас! Освободи Нас сейчас, и ты станешь Высшей Жрицей и будешь приказывать самим звездам!

Ган Ро Чин внезапно забеспокоился.

— Морок! Попробуйте достучаться до нее! Если они наводят такой ужас на Савина, то что же они могут сделать, забравшись в ум Криши!

— Мы — боги удовольствия, боги страсти. Мы можем дать тебе все, чего ты желаешь, а также такие вещи, о которых твой ум не способен даже мечтать. Освободи Нас! Все, что от тебя требуется, — это освободить Нас и поклониться Нам. С рассвета времен Мы были, и до конца времен Мы пребудем, и во все времена Мы блюдем Свой закон. Мы неизменно честны; Мы всегда держим Свои обещания и никогда не нарушаем Свое слово и Свои обязательства. Даже предания твоей глупой церкви признают это. Разве твои ложные боги отвечают на твои молитвы? Мы можем это сделать. Часть твоего проклятья Мы можем снять даже сейчас, заключенные здесь, но ты должна освободить Нас по своей свободной воле. Только так ты докажешь, что достойна служить Нам. Твои фальшивые боги давно умерли. Твоя вера основана на театральных трюках. Освободи Нас, и Мы сделаем тебя даже более могущественной, чем твои глупые поддельные боги. Освободи Нас... Освободи Нас...

— Я не могу пробиться к ней! Меня что-то блокирует! — закричал Морок.

Савин рванулся, стремительно для такого огромного существа, сгреб в охапку сопротивлявшуюся Кришу и ударил ее в лоб огромным кожистым кулаком. Она мешком осела на пол. Савин поймал ее, осторожно поддержал и повернулся к остальным:

— Мы должны убираться отсюда, и немедленно! То, что я сделал, рассердило их так, что я не могу этого больше выносить.

— Скорее! — закричал Ган Ро Чин. — На выход! Пробирайтесь мимо этих живых мумий! Быстро!

Без дальнейших задержек они побежали к выходу из зала. Они все ощущали нависшую над ними угрозу; даже капитан что-то почувствовал, хотя он не был уверен, было ли это чем-то существующим в реальности или просто его реакцией на случившееся. Это не имело значения. Также не имело значения, куда они выйдут из этого сооружения. Ясно было только одно: они не могут пока сражаться с демонами — даже заключенными в янтаре.

* * *

Как только Джозеф признал, что им, скорее всего, не удастся поймать мицлапланцев, отдых стал первым вопросом в их повестке дня. Джозеф надеялся догнать их, зная, что они находятся где-то недалеко, и что им негде спрятаться на этой плоской пустоши, но в конце концов вынужден был согласиться, что в теперешнем состоянии у команды Миколя при схватке будет очень мало шансов. Джозеф рассчитывал только на то, что мицлапланцам тоже понадобится отдых, а следовательно, они не смогут за это время уйти далеко вперед.

Тобруш запустила тонкие усики в аптечку.

— Калия, снимай скафандр. Я не очень-то разбираюсь в анатомии терран, но ожог есть ожог, и в книге сказано, что его надо обработать. Тебе больно?

— Немного, — призналась она. — Не так, как в первый момент, и не настолько, чтобы вырубиться. Правда, весь бок у меня онемел.

Она отключила скафандр, и он пошел складками, словно был ей велик на три или четыре размера, благодаря чему она смогла расстегнуть застежки и снять его.

Хотя обожженная сторона ее лица и выглядела ужасно, Джозеф не был готов к виду красной, облезшей кожи, открывшейся под скафандром. В момент выстрела у нее не были включены отражатели, так как это снижало скорость и влияло на маневренность, и часть энергии выстрела, пройдя через скафандр, пришлась на тело. Сам скафандр поврежден не был; выстрел представлял собой просто тепловую волну достаточной силы, чтобы пройти на таком расстоянии через обычную изоляцию.

Он искренне не мог понять, как она вообще смогла идти, да еще так долго, не жалуясь и не падая. Хуже всего пришлось ее левой руке и верхней части бедра. Повреждения не были смертельными — хотя если бы, когда в нее попали, она была без скафандра, это была бы почти дезинтеграция, — но тем не менее ожоги были серьезные.

Ни он, ни кто-либо другой не мог сейчас оказать ей сколько-нибудь существенную помощь. Но видя, насколько

тяжело ее ранение, и зная, на что она оказалась способна после этого, он только радовался, что она на их стороне.

— Вообще-то, на любой нормальной дистанции скафандр предотвратил бы все, кроме повреждений головы, — заметила Тобруш. — Даже если бы пистолет стоял на широком режиме, незащищенная кожа на лице была бы повреждена, но меньше. Оружие у Святого Кошмара было настроено на максимально узкий луч, и дистанция была меньше трех метров. Тебя спасло от смерти на месте только то, что он использовал узкий луч и плохо прицелился.

— Кончай читать лекции, — ответила Калия, из-за повреждений лица произнося слова нечленораздельно, как будто немного пьяная. — Просто подлатай меня, и я буду в порядке.

— Ну что ж, ты пережила то, что в книжке названо шоком, который в подобных обстоятельствах чаще всего приводит к смерти; лечебное напыление медицинской кожи, кажется, тоже прошло хорошо, так что я предполагаю, что угадала правильно, — сказала джулки. — Однако я собираюсь делать инъекции и применять напыления кожи, пока не произойдет естественного заживления. Согласно книжке, если ты дожила до сих пор, то выживешь и дальше, но вообще-то для таких ожогов рекомендуется минимум три недели в заживляющем резервуаре.

— Прекрасно. Уже бегу к ближайшей больнице. Ты просто делай, что можешь, а я сама с собой разберусь.

— В ней слишком много злобы, чтобы умереть, — сказал Джозеф, желая пошутить, хотя степень ее ожогов действительно потрясла его. Он не был уверен, что после такого смог бы даже отойти от челнока, не говоря уже о том, чтобы дойти в такую даль.

Калия была настоящей одержимой — но она была **своей** одержимой.

Заснуть было совсем нетрудно, даже на голой скале; а вот просыпаться, когда его разбудили, оказалось необычайно сложно. Джозеф сначала проверил свой хронометр и увидел, что прошло около пяти часов; тело кричало ему, что этого недостаточно. Но Дезрета нельзя было игнорировать. Лучше быть невыспавшимся, чем мертвым.

— В чем дело? — проворчал он.

— За нами идут другие. Маленькая группа — вероятно, не больше нашей.

— Как далеко?

— Приблизительная оценка — примерно час с четвертью, с нынешней скоростью. Я могу обнаружить их только на максимальной дальности моих рецепторов.

Калия зевнула и попыталась окончательно проснуться.

— Может быть, это Святые Кошмары? Могли они как-то переместиться назад?

— Сомнительно. Следы на скале были не настолько разномастными, — ответил Дезрет. — Скорее, это может быть команда Биржи по улаживанию конфликтов. Это была их территория и их персонал, в конце концов. Они неизбежно должны были появиться раньше или позже.

— Для нас в этом мало хорошего, — отметила Тобруш. — Получается, что мы — в середине, с фанатиками впереди и Биржей позади; это очень плохо. Дезрет, однако, мимоходом сделал одно верное замечание — если эти люди действительно торгаши, на их стороне все законы.

— Мертвые не спорят из-за законов, — промолвила Калия.

— Возможно, но мы здесь совсем одни, и маловероятно, что наши войска станут пересекать границу, чтобы защитить нас. С другой стороны, мы можем расценивать команду Биржи лишь как авангард — за ними должны прийти многие другие. Подумайте сами: если бы это была наша территория, и мы увидели такую же сцену с нашими мертвецами — да в это место призвали бы половину военных империи! В отличие от святош, если мы уберем первую группу Биржи, то, скорее всего, столкнемся потом со второй, еще большей, потом с третьей, и так далее; и вероятнее всего, они в результате придут к заключению, что за всем этим изначально стоит Миколь. В конце концов, разве основная религия наших лидеров не почитает похожих на демонов существ? Даже сам сигнал о помощи можно интерпретировать как сообщение не о какой-то чужой силе, а об атаке Миколя. «Демоны на Радужном Мосту», и все такое.

Джозеф кивнул.

— Тобруш права. Из-за этого может начаться война. Будь я проклят! Все усложняется с каждой минутой! — Он огляделся. — Собирайтесь! Пора двигаться, и двигаться быстро, пока у нас еще есть время. Возможно, они нас еще не заметили, и если мы поторопимся, то сможем еще немного подержать их в неведении. Проклятье, если бы здесь было хоть какое-то укрытие, и мы могли бы пропустить их мимо! Они бы сразились с мицликами, а мы бы потом героически прибыли на помощь. Но сейчас нам ничего не остается, кроме как просто двигаться побыстрее.

Джозефу нравилось думать о преимуществе, которое дает им отличная миколианская военная выучка. Мало кто из врагов мог бы продержаться так долго почти без отдыха и с урезанными рационами.

Примерно через два часа они натолкнулись на небольшую загадку.

— Следы здесь расходятся, — заметил Робакук. — Большинство пошло в ту сторону, а двое — в эту.

Они огляделись, но не увидели ничего, кроме того же однообразного серого пространства. Казалось, у врагов не

было никаких причин для такого внезапного разделения, но Джозеф не сомневался, за кем им идти.

— Налево, — сказал он им. — Туда пошли мицлики, а они сейчас — наши главные противники.

— Если те двое других — с ними, они могли пойти кружным путем, чтобы заманить нас в ловушку, — заметила Калия.

— Никогда не поверю, что они стали бы делить свои силы, надеясь поймать нас. Нет — налево. Пошли!

Примерно через час они увидели вдали дом демонов и ворота перед ним. Уже тот факт, что они хоть что-то обнаружили в этом пустынном месте, наполнил их новой энергией. Однако подходили они с осторожностью, широко растянув строй, в каждый момент ожидая, что шедшая впереди команда, притаившись за воротами и углами здания, начнет обстреливать их на этой плоской равнине под жарким небом, где нет никакого укрытия.

Калия была немало озадачена, поняв, что там никого нет, да и остальные тоже.

— Прекрасное место для засады, — отметил Джозеф.

— Ты уверена, что эта невидимая сволочь не притаилась где-нибудь здесь? — спросила Калия, держа пистолет наготове. Она нервничала и была готова стрелять по теням.

— Нет, — ответила Тобруш. — Иначе я слышала бы по крайней мере их бесконечные молитвы, и ты тоже бы их почувствовала. Могла бы и сама сообразить. Нет, они ушли — скорее всего, через ворота.

— Возможно, эта надпись имеет к этому какое-то отношение, — нервно сказал Джозеф, указывая на панель под аркой.

Так же, как и мицлапланцев, предупреждение сначала напугало их, но Дезрет, как и Ган Ро Чин в предыдущей группе, сумел разгадать загадку, и их замешательство рассеялось.

Джозеф на мгновение задумался.

— Эта штука — транспорт это, или здание, или что бы это ни было, — дает помехи на ментальных частотах, — размышлял он. — Если мы спрячемся за ней, то команда, идущая за нами, может не заметить нашего присутствия.

— Слишком рискованно, — заметила Тобруш. — Они наверняка будут подходить к сооружению с теми же предосторожностями, что и мы. Это означает перестрелку без особых преимуществ для нас. Я не думаю, что при таком подходе к делу мы долго проживем.

Воинская присяга и честь миколианских военных не разрешали им сдаваться ни при каких обстоятельствах. Они могли только или одержать победу, или погибнуть.

— Дерьмо! — в расстройстве выругалась Калия. — Мы что, так никогда никого и не подстрелим?

— Терпение, Калия, наше время придет, — успокаивал Джозеф. — А сейчас Тобруш права.

— Этот знак может быть чем-то большим, чем просто предупреждение, — заметил Робакук. — Возможно, все это место кишит ловушками. На моем языке это читается как «Не входи — иначе...». Но я не знаю, что это за «иначе».

— Но здесь мы оставаться все равно не можем, — отметил Джозеф. — Ладно, идем в том же порядке, что и раньше. Оружие наготове. Дезрет и Тобруш — впереди. Калия, ты пойдешь со мной. Робакук, ты прикрываешь тыл; тридцать секунд — и входи. Будьте очень осторожны и ничего не принимайте за то, чем оно кажется. Даже если внутри нет ловушек от тех, кто построил эту штуку, там может оказаться место для засады еще получше, чем здесь. Мы ведь не хотим оказаться зажатыми между мицликами и Биржей?

Но внутри не оказалось ловушек ни от их противников, ни от строителей здания — только зал. Они двигались в установленном порядке. Когда Тобруш с Дезретом вошли во второе помещение, послышался возглас джулки:

— О боги!

— Тобруш? Ты в порядке? — озабоченно позвал Джозеф.

— Я-то в порядке, но мне кажется, что вам лучше подойти сюда и самим посмотреть на это.

Джозеф и Калия осторожно вошли в зал, потом остановились, одинаково пораженные видом демонов в центре. Последним вошел Робакук.

— Робакук — назад, в коридор. Я не хочу, чтобы торгаши вломились к нам, пока мы рассматриваем это.

— Слушаюсь.

— Я никогда не верила в такие вещи, — сдержанно сказала Тобруш. — Никогда не верила в то, чего не могла видеть, слышать и чувствовать.

— Они настоящие? — спросил ее Джозеф.

— Да, — ответила джулки. — Но они не в спячке — по крайней мере, ментально. Они **знают**, что мы здесь!

— Такая сила, — вздохнула Калия, и Джозеф, пораженный, увидел, как она упала на пол, простерлась перед двумя фигурами и начала тихо молиться.

Дезрет был столь же бесстрастен, как обычно.

— Они определенно теплокровные, жизнь на основе углерода. Меньший в паре — женщина, что указывает на вероятную двуполость расы.

Джулки издала неопределенный звук, какого они прежде никогда от нее не слышали.

— Тобруш? Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Джозеф. Не надо было быть детективом, чтобы понять, что биржанцы нашли в первом сооружении такую же пару, которая, выбравшись, разрушила все вокруг.

— Они говорят со мной! — ответила телепатка. — Они... могущественны. Трудно думать. Не могу заблокировать их.

— Ну что же, будешь нашим медиумом. Что они говорят?

Тело джулки дрожало, было ясно, что с ней творится что-то необычное. Потом Тобруш заговорила, но голос был не ее, а кого-то или чего-то незнакомого, кого никто из них раньше не слышал — того, кто воспользовался ее способностями.

— *Мы приветствуем вас, Наших потомков,* — сказал голос.

— Кто вы? — спросил Джозеф, сам не понимая, почему он кричит — они ведь наверняка могут читать умы!

— *Мы были прежде, чем Вселенная,* — ответил голос. — *Мы были среди тех, кто создал Вселенную и все миры в ней, и посадил семена, из которых появились вы все. Те, кого вы зовете Миколями, ваши хозяева, — Наши дети и стражи многочисленных миров, которые Мы создали. Другие Наши дети, как видно, пошли путем мятежников, но Наше время снова приближается, и, призвав верных на Нашу сторону, Мы вскоре восстановим нашу власть и будем опять править мирами — всей вашей галактикой и даже больше, до границ мира. И верные Нам будут править остальными, как боги; им будет дана невообразимая власть и слава.*

Джозеф чувствовал некоторую тревогу; он раздумывал о том, что сказали те, другие демоны биржанским ученым, прежде чем убить их и уничтожить их базу.

— *Это были неверующие, последователи восставших,* — ответил голос демона, прочитавшего его мысли. — *Если бы Наших товарищей нашли и освободили верные, все было бы по-другому.*

— Зачем вы убили их всех? — спросил Дезрет. — Это кажется несколько чрезмерным.

— *А почему нет?* — пришел такой же холодный ответ. — *Количество неверующих подобно звездам; немного меньше или больше — это неважно. В любом случае, этого требовала ситуация — Наши товарищи не сразу поняли, насколько бессильны были эти существа.*

— И что потребуется от нас, если мы последуем за вами? — уточнил Джозеф.

— *Ваше поклонение и верность,* — пришел ответ. — *У вас больше ничего нет.*

— Ваше утверждение, что вы — боги, создавшие нас, выглядит сомнительно, — монотонно заметил Дезрет. — Если вы не докажете это, то мы не сможем доверять и остальным вашим словам, включая те, которые касаются нашей собственной судьбы.

— *Почему ты сомневаешься, коринфианец?* — спросил демон.

— Во-первых, своим вопросом вы показали, что не можете читать мои мысли, — ответил Дезрет. — Логически рассуждая, от богов ни у кого не может быть секретов. Во-вторых, вы заключены здесь, так же, как были заключены те, другие. Кто может запереть богов?

— *Есть вещи, недоступные для твоих ограниченных способностей,* — ответил демон. Как показалось Джозефу, в его голосе прозвучала насмешка. — *Мы управляем этой станцией. По Нашему собственному выбору и необходимости мы остались здесь. Мы спали здесь до тех пор, пока станция не была активирована. Только наши истинные потомки могли достичь станции и активировать ее. Когда это случилось, началась цепь событий, которая приведет к восстановлению Нашего законного правления.*

— Сожалею, но я вам не верю, — ответил Дезрет. — Вряд ли этой станции требуется управление; по крайней мере, первая, через которую мы прошли сюда, ни в каких операторах не нуждалась. И вы не поставили бы себя в такое положение, чтобы в случае необходимости не имели возможности освободиться. А самое главное — ваши «товарищи», как вы их назвали, прошли здесь и не освободили вас. Если ваши же собратья, сами бывшие в таком положении, не доверяют вам, как это можем делать мы?

— *Глупец! Бессмысленная железяка! Как ты смеешь задавать Нам вопросы? Если вы освободите Нас и предадите Нам свои души, Мы сделаем вас авангардом, Нашими первосвященниками и жрецами; Мы дадим вам силу, какую вы не можете себе даже вообразить! Те, кто освободит Нас и отдаст Нам души, будут править Нашим именем; те, кто откажутся, будут Нашими первыми жертвами!*

В их словах сквозило теперь какое-то отчаяние. Сложно сказать, удавалось ли Тобруш сохранять над собой хоть какой-то контроль.

— *Девочка! Мы сделаем тебя богиней Калией, Мы дадим тебе власть над всем этим миром, который использовал тебя и издевался над тобой! Ты сможешь отомстить всем, кто обижал тебя, ты заставишь своих врагов унижаться перед тобой, все будут поклоняться тебе и петь тебе славу, даже Лорд твоего улья! Все, что тебе надо сделать — это поднять пистолет, настроив его на максимально узкий луч, и разрезать колонны над Нашими головами!*

Рука Джозефа потянулась к пистолету, он приготовился вытащить его и стрелять, прикидывая, сможет ли опередить ее.

Калия подняла голову, но пистолет не достала.

— *Ощути слабое подобие того, что Мы предлагаем тебе,* — произнес голос демона, и тело женщины на мгновение напряглось, а затем начало извиваться с откровенной чувственностью; лицо выражало совершенный экстаз. Сила эмпатических сигналов, которые демоны могли подавать из своей тюрьмы, была невероятной.

— *Достань пистолет,* — улещивал ее голос. — *Сломай Наши печати. Стреляй в любого, кто попробует остановить тебя, ибо они не достойны. Сделай это, и ты увидишь, что нет ничего, что ты не могла бы иметь, или кем не могла бы быть. Сделай это!*

— Сержант! — зашипел Джозеф. — Ты клялась подчиняться приказам! Если ты нарушишь свою присягу, они будут доверять тебе не больше, чем ты заслуживаешь, потому что ты потеряешь свою честь!

Он увидел тоску на ее лице, увидел, как ее рука тянется к пистолету; затем она вновь заколебалась.

— Не доставай оружие! Это приказ! Двигайся к Дезрету и выходи вместе с ним из зала!

— *Приказ богов отменяет любые клятвы или обещания, данные простым смертным!* — настаивал голос. — *Ты свободна от присяги! Освободи Нас!*

Мгновение она раздумывала, затем с усилием убрала руку от оружия. Медленно, очень медленно она подошла к коринфианцу.

— Дезрет! Уведи ее! — скомандовал Джозеф. Он посмотрел на Тобруш, по-прежнему находившуюся в трансе, думая, не придется ли ему оставить телепатку здесь.

Внезапно тело джулки задрожало и начало двигаться, сначала по направлению к демонам, а затем куда-то направо.

— Идите к остальным, сэр! Я позабочусь, чтобы Тобруш выбралась отсюда! — раздался голос Робакука.

Поняв, что джулки передвигалась с помощью телекинетической силы тхиона, Джозеф криво улыбнулся, отсалютовал двум демонам и вместе с остальными двинулся к выходу, хотя демонический голос Тобруш всю дорогу не переставал кричать:

— *Вы не сделаете этого! Мы приказываем вам вернуться! Вы будете страдать вечно, если вы оставите нас!*

* * *

Впервые с тех пор, как он был подростком, Джимми Маккрей стоял перед воротами.

— «Оставь надежду, любой, кто входит сюда», — прочитал он. — Цитата не совсем точна и находится не совсем там, где должна быть, но тем не менее я поражен.

— Что? — переспросил Ланкур. — Где ты увидел это?

— Да вот здесь, над входом.

— Там же нет ничего, кроме золотых точек!

— Я тоже прочитал что-то подобное, но на дарквисте, — сказал Дарквист. — Модра, а ты?

— Для меня это стандартный коммерческий. Таинственно, как и все остальное.

— Очевидно, это какое-то голографическое сообщение, специально приспособленное, чтобы его могли читать все, — ответил Ланкур. — Похоже, ты знаешь этот текст, Маккрей?

— Так и есть. Целиком это займет много времени — но этот конкретный отрывок должен звучать так:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям.
Был правдою мой зодчий вдохновлен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первою любовью сотворен.
Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упованья.

— Снова этот примитивный поэт?

— Чем дальше мы идем, тем менее и менее примитивным он мне кажется, и все более и более поэтом, — ответил тот. — Если верить ему, то мы с вами стоим перед воротами самого Ада. В этом месте рано или поздно оказываются все интересные люди, и я сам тоже ожидал когда-нибудь попасть сюда — но не так вот, будучи живым и одетым в скафандр. Это то самое место, куда бы я пошел, если бы был демоном, и если мы ищем их, то именно туда и следует идти.

Модра Страйк, нахмурившись, посмотрела на него.

— Ты что же, серьезно предполагаешь, что там — Ад, а мы преследуем настоящих, живых демонов?

— Если это не так, то кто-то хорошо потрудился, чтобы так казалось, — ответил Маккрей. — И я, со своей стороны, не могу придумать, зачем бы это кому-нибудь могло понадобиться.

— Мне кажется, такое объяснение сложно принять, — сказал Дарквист. — Сейчас все же не каменный век. Сейчас эпоха космических кораблей и межзвездных империй, и настолько сложных технологий, что мы вынуждены ограничивать их, чтобы они не разрушили нас. Сейчас никто не поклоняется солнцу и не прославляет духов деревьев. В этот век мы знаем уже почти все.

Маккрей поглядел вокруг и обвел горизонт рукой:

— Тогда объясни все это!

Дарквист смешался.

— Ну, я сказал — «почти». Но мы прошли долгий путь, и до сих пор не нашли ни одного бога.

— Зато мы нашли двух дьяволов, — парировал Маккрей.

— Хватит пререкаться! — прикрикнул Трис Ланкур. — Я гарантирую вам, что мы наткнулись на что-то совершенно новое, чего мы не понимаем. И главная цель нашего здесь пребывания — выяснить, не вызвали ли наши люди своими действиями каких-нибудь неблагоприятных последствий. Это моя главная забота, основная причина, почему я следую за этой парочкой. Вселенная полна сюрпризов, что бы ты не говорил, Дарквист, и чем больше мы узнаем, тем больше понимаем, как мало знаем. Это наша работа, помните? Находить неприятные сюрпризы прежде, чем они успеют причинить вред. Раньше это были только новые миры. Теперь мы обнаружили что-то большее. Что-то больше и неприятнее, чем все, с чем мы до сих пор сталкивались. Похоже, это четвертая империя, технологию которой мы не можем даже приблизительно оценить, и разум которой мы не в состоянии понять. Так что нечего болтать ерунду!

— Я признаю, что, наверное, быть не-католиком удобно, — ответил Маккрей. — Начать с того, что вам всем не приходилось долгие годы терпеть эти бесконечные уроки катехизиса. Я давно отказался от веры моих предков, но до сих пор не могу отбросить этот образ мышления, так же, как не могу сменить кожу. И вот теперь как рациональный человек технологического мира, я начинаю видеть, что все эти старые священники и монахини не сильно ошибались. По крайней мере, они ошибались не больше, чем любое предварительное описание какой-нибудь новой планеты, которое я когда-либо получал.

— Стоит ли нам стоять здесь и спорить? — заметила Модра. — Судя по следам, перед нами тут прошли не только демоны, но и другие, известные нам существа. Поскольку по пути мы не видели тел, я могу предположить, что они пришли сюда не одновременно и не устроили драку, а также не попались монстрам, и что мы все еще позади них. Нам остается либо стоять здесь и ждать подкрепления, которое может и не придти, и надеяться, что оно появится раньше, чем у нас закончатся припасы, либо идти внутрь.

— Леди права, — согласился Джимми Маккрей. — Ну что, игнорируем надпись и входим?

Модра, кивнув, спросила:

— Скажи, Маккрей — этот Данте, которого ты декламируешь, — чем у него все закончилось?

— В конце концов он добрался до Рая, — ответил телепат. — А потом вернулся домой и написал эту чертову поэму.

— Надеюсь, мы также выберемся, — сказала она. — Ты знаешь что-нибудь о демонах, кроме этой книжки?

— Не очень-то много, — признался он. — В тринадцать лет демонология казалась мне не намного интереснее, чем служба мальчиком при алтаре.

Они вошли в первый зал.

— *Джимми, мне это не нравится,* — заметила Гриста. — *Я чувствую, как будто что-то... что-то просыпается.*

Он тоже это почувствовал.

— Будьте настороже, — прошептал он. — Впереди что-то есть.

Зрелище заточенных демонов произвело на них не меньшее впечатление, чем на две предыдущие команды. Никто из них раньше не видел таких существ, лишь Ланкур представлял себе их достаточно точно, так как просмотрел запись мозга другого цимоля. Уже второй раз за несколько минут Джимми Маккрей перекрестился.

— Я же говорил, — тихо сказал цимоль.

— Они знают о нашем присутствии, — предупредил Маккрей. — Я чувствую, что меня прощупывают.

— Ты хочешь сказать, что они не спят? — нервно спросил Даркквист.

— *Не сопротивляйся Нам, телепат. Ты не сможешь противостоять Нам, это только создаст для тебя дополнительные трудности.*

— Гриста! На меня нападают! — панически крикнул Маккрей — не вполголоса, как он обычно обращался к морфе, а в полную силу.

— *Усиливаю, Джимми. Держись!*

Демоны, очевидно, были ошеломлены, даже смущены.

— *Он блокирует Нас! Откуда у него может быть такая сила?*

Несмотря на то, что Гриста усилила его оборону, Маккрей держался из последних сил. Его одновременно атаковали двое самых сильных телепатов, с какими он когда-либо сталкивался. Он не был уверен, что сможет долго продержаться.

И тут из глубины его разума всплыла формула из полузабытого детства, комбинация некогда приобретенного знания и веры, от которой, как он думал, он давно отказался.

— *Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — приказываю вам покинуть мой разум! Именем Господним заклинаю: убирайтесь!*

К его чрезвычайному изумлению, натиск на мозг тут же уменьшился, хотя был еще достаточно сильным, и если бы его защита хоть на мгновение ослабела, последовала бы новая атака.

Демоны были сильно обескуражены.

— *Кто ты такой, что можешь противостоять Нам и осмеливаешься командовать Нами?*

— Я ирландец, вы, змеиные отродья! Мы, ирландцы, всегда умели обращаться со змеями!

— *Он заражен,* — сказала женщина-демон. — *Его контролирует паразит! Я прочитала это в умах других!*

— *С кем Мы говорим?* — спросили они его. — *С хозяином или с рабом?*

Все старые предания, которые он впитал во время тайных походов в личную библиотеку отца Донована, внезапно вспомнились ему.

— Я — Джеймс Маккрей, к вашим услугам. А вас, демоны, как звать?

Как он и ожидал, они не ответили. Тот, кто узнает имя одного из меньших демонов, тем самым приобретет над ним некоторую власть, — по крайней мере, так утверждали старые книги.

— Ты в порядке, Маккрей? — спросил Ланкур.

Джимми кивнул:

— Вроде бы да, капитан. Мы здесь с ребятами ведем небольшую ознакомительную беседу.

— Кто они?

— Они не слишком-то вежливы и не хотят говорить, как их зовут, а что касается того, кто они такие — о, вы мне просто не поверите, если я скажу вам!

— *Я — Астароах,* — сказал наконец демон-мужчина, — *а она — Таховах.*

Маккрей улыбнулся, почувствовав себя более уверенно, хотя прошептал:

— Продолжай блокировать меня, Гриста!

Демонам же он послал:

— *А теперь, строго между нами, телепатами — и вы, и я знаем, что это не настоящие ваши имена. Мы ведь не умеем убедительно врать друг другу, не так ли?*

Разочарованные тем, что им не удалось справиться с Маккреем, демоны переключили свое внимание на Модру, хотя на телепата давить не перестали. Эмпатка внезапно почувствовала чудовищные, давящие на нее волны отчаяния, как будто вся боль внутри нее, вся вина, которую она несла, внезапно усилились в тысячу раз. Она застонала и разрыдалась, упав на колени.

— Маккрей! Прикажи им остановиться! — закричал Ланкур, а Дарквист придвинулся к подвергшейся нападению женщине, чтобы как-нибудь помочь ей или хотя бы не позволить ей причинить себе вред.

— *Во имя Всемогущего Бога, который сотворил даже это мрачное место, приказываю вам оставить эту женщину!*

Демон засмеялся:

— Твой ублюдочный бог не имеет здесь власти над Нами! Освободи Нас и впусти Нас в свой разум, иначе ей ничем нельзя будет помочь! Уже сейчас она в таком состоянии, что хватается за оружие, чтобы застрелить Нас — или себя. Выбирай, телепат!

— Прекратите! — закричала на демонов Молли. — Вы делаете ей больно! Остановитесь сейчас же!

Они все забыли про Молли — забыли, что она тоже эмпат.

Молли вышла вперед и встала перед демонами.

— Вы выглядите как я, но внутри вы плохие!

Джимми не мог понять, почему волны отчаяния, затопившего Модру, никак не затронули Молли. Возможно, демоны могли только усиливать чувства, которые уже были внутри жертвы, а Молли была слишком простой и искренней — у нее просто не было таких эмоций. До сих пор она никогда не видела демонов и даже не представляла, как они выглядят. Ей эти существа казались просто еще одним видом синтов — плохими синтами. Хотя на самом деле они не очень-то походили на нее, ее козлоподобная нижняя половина и маленькие рожки как-то соотносились с существами, заключенными в колонне.

Молли повернулась к Модре и положила свою четырехпалую руку на голову рыдающей женщины. Модра тут же начала успокаиваться, словно Молли забирала на себя враждебные эмпатические волны, и они рассеивались в ней, не причиняя вреда. Теперь Модра смотрела только в глаза Молли, и постепенно улыбка и умиротворенное выражение вытеснили боль с ее лица.

— Черт возьми! Модра похожа на безумно влюбленного ребенка! — прокомментировала Гриста.

— Заткнись, Гриста! — прошипел Джимми. — Мне сейчас нужна вся твоя концентрация!

Ланкур был поражен не меньше, чем все остальные, включая и демонов, но он, как всегда, полностью контролировал себя.

— Дарквист! Проведи женщин мимо этих ублюдков. Маккрей! Ты сможешь пробраться мимо них?

— Смогу, — ответил Маккрей. — *Богородице дево, радуйся, благодатная Мария, Господь с тобой, благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего, Иисус...*

Он медленно обходил колонну.

Демоны внезапно запаниковали.

— Подожди! Мы будем говорить честно и без новых уловок! Вернись!

— Простите, злобные ублюдки, — сказал Джимми, — *но придется вам постоять в своей тюрьме еще десять тысяч лет, как вы того заслуживаете!*

Пройдя коридор и войдя в следующий зал, он тут же почувствовал, как давление на его разум пропало, словно кто-то повернул выключатель. Трис Ланкур, увидев это, спросил:

— Как ты?

— Устал, как собака, но думаю, что мы им показали, — ответил телепат. — А как там Модра? — Он проник в ее разум и обнаружил в нем такую путаницу, какой давно уже не встречал.

«Боже! Да наша Модра пылает не хуже солнца! — И тут внезапно он понял. — *Она же влюбилась в Молли!»*

Молли, поняв, что он знает, повернулась к нему и улыбнулась с совершенно удовлетворенным видом.

— Я это сделала, Джимми. Это все, что я могла сделать. Я правильно поступила?

Он вздохнул.

— Да, Молли, ты правильно поступила. Дарквист! Ты в порядке?

— Вполне. У меня были странные ощущения в голове и теле, как будто эти демоны пытались пробраться внутрь, но у них не вышло. Я предлагаю двинуться дальше, прежде чем появятся еще какие-нибудь неприятные сюрпризы.

— *Никто даже не спрашивает, в порядке ли я,* — сварливо заметила Гриста. — *А у меня, между прочим, так болит голова, что ты не поверишь!*

— Да, давайте выбираться отсюда, — согласился Джимми. — Это были всего лишь меньшие демоны, а мы ушли от них совсем выжатыми. Если бы они выбрались наружу, нам бы никакая молитва не помогла. А ведь скорее всего, чем дальше, тем сильнее будут те, кого мы встретим!

— Я очень надеюсь, что ты ошибаешься, — ответил Ланкур. — Ну, а сейчас нам надо найти какое-нибудь место, где есть пища, вода и прямой солнечный свет, чтобы зарядить наши скафандры.

Они прошли еще один коридор и внезапно снова оказались снаружи.

Звук был оглушающим. Это было похоже на стенания бесчисленных миллионов потерянных и проклятых душ, доносившиеся со всех сторон, и спереди, и сзади, и вблизи, и откуда-то издалека. Только шум сильного ливня немного приглушал этот тоскливый гул. Они надели шлемы, чтобы не промокнуть.

Желание Ланкура найти воду исполнилось, но ни еды, ни света пока не наблюдалось.

Дождь был так силен, что застилал все вокруг.

— И куда нам идти? — спросил Дарквист.

— Налево! — отозвался Маккрей.

— Опустите щиток ее шлема! — крикнул Ган Ро Чин, когда шум дождя окутал мицлапланцев.

— Он автоматический, — ответила Манья. — Она в шоке. Трудно сказать, когда она придет в себя.

— Чтобы привести ее в себя, нам нужен телепат, а у нас только один телепат — она, — согласился Морок. — Боги! Да это место **пропитано** водой!

— Если мы сейчас не уберемся отсюда, то скоро у нас будет телепат, да только не наш, — заметил Савин. — Если миколианцы идут за нами, они наверняка выпустят этих демонов, даже если их никто не будет принуждать.

— Верно подмечено, — кивнул Морок. — Нам придется и дальше нести Кришу. Ты справишься, Савин?

— Конечно — она легкая, как травинка. Но куда нам идти?

Морок посмотрел на Ган Ро Чина.

— У вас есть предложения, капитан?

Чин стоял, вглядываясь в окружавший их мрак, и, казалось, не замечал остальных, пока к нему не обратились с вопросом.

— Простите, Святой. Я пытался понять, откуда доносятся эти крики и стоны. О чем вы спрашивали?

— Нам надо идти, пока миколианцы не пришли и не выпустили этих тварей.

— Хмм... Сомневаюсь, что они окажутся настолько глупы. Они видели то же, что и мы, и насколько я знаю, их ритуалы не требуют добровольно отдавать себя на съедение богам. Но вы правы. Мы должны уйти отсюда и найти себе какое-нибудь убежище. Я думаю, что какое-то время мы не будем идти по следам, но нам наверняка надо налево. Сейчас я выясню, что находится вокруг.

Мысленная команда — и лицевой щиток его шлема покрылся значками.

— Это не равнина, и, кажется, на возвышениях есть растительность, но нам предстоит долгая прогулка по грязи. Включите свои маяки, если еще не сделали этого. Осторожнее в низинах — мы пойдем шеренгой, чтобы, если кто-то вдруг окажется в болоте или в бушующем потоке, мы смогли вытащить его, не попав туда сами. Эта земля уже слишком насыщена, чтобы впитывать дождь, и вода должна куда-то уходить.

Морок не был единственным, кто вспомнил об уровне заряда скафандра. Если им не представится возможности пополнить его, то энергии хватит примерно на пять дней. После этого срока им останется только надеяться на милость стихий,

поскольку у них не будет ни запаса воздуха, ни сканера поверхности, ни связи, ни защиты, ни оружия. Запасные батареи весили мало, но занимали много места. Когда они обыскивали лагерь, никто даже не подумал, что им может понадобиться запас. Конечно, если бы не перестрелка, они наверняка прихватили бы с собой батареи, отправляясь в первое здание демонов. Но до сих пор во время предварительных исследований они никогда не нуждались в дополнительной энергии, и в этот раз Морок также действовал строго по учебнику. Правда, Первый Инквизитор все равно винил себя в том, что у них не оказалось запаса. Он нес полную ответственность за все, невзирая на обстоятельства.

Они шли вперед, используя мощности своих скафандров, чтобы справиться с глубокой черной грязью.

В довершение ко всему, как хмуро заметил капитан, это место ужасно воняло. Правда, Савин и Манья возразили, что здесь пахнет очень приятно, что только подтвердило его лекцию о различиях.

Чину очень хотелось загерметизировать свой скафандр и запустить систему очистки воздуха. Она использовала бы совсем немного энергии, так как по большей части это была механическая система, зато заглушила бы наводящие тоску звуки этого места.

— Интересно, здесь всегда идет дождь? — размышлял вслух Морок. — Такое ощущение, что на нас вылили целый океан.

— Вряд ли, иначе это место уже стало бы гладким, как шар, — ответила Манья. — Мы очень мало знаем про него, чтобы делать выводы. Дождь может прекратиться в любой момент. Может быть, он идет ровно неделю раз в сотню лет.

— Наконец-то хоть одна радостная мысль, — отозвался Морок.

— Ну, если нам удастся пробраться через эту грязь, то я надеюсь, что, пройдя некоторое расстояние, мы найдем следующую станцию, — вставил капитан. — Переход в этом болоте займет какое-то время, но наших запасов должно хватить.

— А вы уверены, что она есть — эта, как вы ее называете, другая станция? — спросил Савин. — В том мире, где мы вошли, она была только одна.

— Это был или конечный пункт, что кажется мне сомнительным из-за природы и расположения того мира, или тупик. Если это сооружение — какой-то кристалл, то он, несомненно, был построен или выращен в другом месте, а потом его, как и все остальные, переместили в конечную точку, использовав многомерные пути. Возможно, им надо было что-то сделать в том мире, но пришлось остановиться, не закончив. В конце концов, тот мир был вполне подходящим для жизни, основанной на углероде. Как бы то ни было, это был конец транспортной ветки. А теперь мы по той же ветке

движемся назад. Когда мы пересечемся с основным направлением, нашей самой большой проблемой будет выбрать, какой станцией воспользоваться. Я уверен, что все станции представляют собой огромные цельные кристаллы, пустые и покрытые чем-то внутри, которые настроены на определенное направление посредством колебания какого-то скрытого энергопитания. С их стороны это просто гениально, это намного превосходит наши приемы — искусственные червоточины в пространстве и искажающие время поля, — которыми мы вынуждены пользоваться, чтобы обойти скорость света.

— Но без сомнения, они выбирают такие места назначения, которые могут нравиться только демонам, — заметил Морок.

— Возможно, они их не выбирают. Может быть, им приходится просто перемещаться туда, куда позволяют законы многомерности. И к тому же, эта станция стояла здесь многие тысячи и десятки тысяч лет. Быть может, когда они в последний раз посещали это место, здесь был рай. А может быть, здешняя экосистема была дестабилизирована и изменена самими демонами.

— Рационалист! — прошипела Манья. — Даже встреча лицом к лицу с демонами не поколебала тебя! Мы в Преисподней! В Аду! На равнине, где правят демоны!

— Если это действительно так, — ответил Чин, — то нам всем суждено умереть здесь и пропасть навечно. «Оставь надежду» и так далее — помните? Однако демоны, которых я видел, теплокровные, они едят, дышат и, вероятно, размножаются. Они находятся на очень высоком уровне развития, таком же, как Хранители Биржи и раса Миколей, от которой пошло название их империи. *«А также,* — добавил он мысленно, радуясь, что Криша все еще не пришла в себя, — *как Святые Ангелы Мицлаплан».*

— Вот как? И какова же ваша текущая теория, капитан Рационалист?

— Я думаю, что когда-то очень давно была война, — честно сказал он. — Эта раса была настолько жестокой и злобной, что остальные в те древние времена объединились, чтобы совладать с ними. По какой-то причине — возможно, из жалости, а может быть, из более прагматических соображений, — раса демонов была не уничтожена, а заперта в ограниченном пространстве. Может быть, здесь сыграли роль Миколи — возможно, сначала они были заодно с демонами, а потом отступились от них, увидев, что слишком во многом уступают им. Это объяснило бы, почему их империя до сих пор восхищается демонами. У них одинаковые цели и отношение к вещам, но не судьбы.

— А что вы думаете о первой станции, через которую мы вошли? — спросил Морок

— Каким-то образом один из входов в наше пространство оказался не запечатанным. Как мне кажется, это была ошибка или неудача, скорее всего, не отраженная ни в каких записях. Биржанцы нашли эту станцию и случайно освободили этих двух демонов. Те прочли в их умах, что ученые представляют их старинных врагов, Хранителей. Выбравшись оттуда, демоны сделали так, чтобы сигнал об этом не дошел до Хранителей, пока они не окажутся достаточно далеко.

— Очень рационально, — фыркнула Манья. — Но у меня возникло как минимум два вопроса. Демонов нашли за несколько месяцев до того, как они вырвались на свободу, — на это указывает размер лагеря. Хранители, кем бы они ни являлись, к этому времени уже должны были узнать, что найдены их враги. Почему же они не сделали так, чтобы те навсегда остались запертыми? Почему они позволили своей почти беззащитной экспедиции придти туда и выпустить демонов на волю — даже не предупредив и не предоставив ей средств защиты? И во-вторых: куда так спешили эти двое, и какие у них были цели, что они даже не остановились освободить своих соплеменников?

— Этого я не знаю, — признал Чин. — Но в качестве возможного ответа могу предложить еще одну теорию. Все мы знаем, что паразиты-Миколи до сих пор существуют, но наверняка то, что они представляют собой сейчас, — только тень их предков. Относительно Хранителей даже сами биржанцы не знают точно, кто они такие. С ними никто не общается, кроме цимолей, которых программируют, как сложные машины. А что, если Хранителей больше не существует? Даже в самой империи Биржи есть люди, считающие так. Что, если они вымерли или стали настолько дряхлыми, что не могут больше функционировать? Что, если цимоли контактируют только с библиотекой или компьютером обеспечения? Вполне возможно, что схватка с демонами произошло так давно, что сейчас даже сами Хранители, или их компьютеры, считают эту расу легендой. А что касается другого вопроса — нам предстоит это выяснить.

Чин сделал очередной шаг вперед, но тут же упал на спину: кусок земли под его ногами просел и свалился в ревущую реку внизу.

— Стоять! У нас проблема! — крикнул он.

— Вы в порядке? — окликнул его Морок.

— Все цело, кроме моего достоинства, — отозвался капитан. — Мне придется проползти немного назад, чтобы оказаться в безопасности.

— Дать вам руку? — предложил Морок.

— Нет! Отойдите назад, только осторожно. Я справлюсь сам. Уф! Готово. Я чуть не свалился туда, и кто знает, где бы я оказался, если бы вовремя не упал.

Поднявшись и снова осторожно подойдя к краю, Ган Ро Чин переключил шлем на ночной режим и, задействовав локатор, увидел разлившуюся реку, вздувшуюся и черную от грязи, бурлящую и с головокружительной скоростью уносящуюся во тьму.

— Через нее можно только перелететь, — хмуро заметил Морок.

— Они как-то перебрались, — спокойно сказал капитан. — И вряд ли они могли лететь на своих крыльях в такую погоду. Это значит, что где-то есть переход.

Савин оглядел поток.

— Возможно. Но где?

— Где? Слева, конечно! И ступайте осторожнее, земля может просесть в любой момент. Держитесь минимум в трех или четырех метрах от берега и не забывайте об этом!

Они шли вдоль берега часа два, и Ган Ро Чин уже начал задаваться вопросом, не ошибся ли он на этот раз. Теперь их путь лежал не только прямо, но и немного вверх, и от этого становился все более опасен. Хотя склон превратился в голую скалу, так как вся земля была смыта, поверхность была скользкой и крутой, и вода текла по ней им навстречу.

Внезапно его локатор засек что-то необычное справа от них, рядом с рекой, которая теперь была далеко внизу. Это оказался плоский выступ с большими валунами или какими-то сооружениями, водруженными на него. Будучи слишком усталым и обеспокоенным, чтобы идти дальше, Чин повел команду к нему.

На первый взгляд это казалось просто нагромождением огромных скал странной формы, но при приближении они увидели, что перед ними все же результат преднамеренной обработки. Сама скала была осадочной, по структуре она напоминала сланец; но большие камни на ней были вулканического происхождения и похожи скорее на гранит. Огромные колонны, настолько древние, что в них проявлялось уже нечто гротескное, были кем-то поставлены в круг примерно двенадцати метров в диаметре и глубоко вделаны в скалу; когда-то они соединялись камнями сверху. Не все колонны остались стоять, из верхних камней на месте были только два или три, но первоначальный вид этого места можно было вообразить без особого труда.

В центре круга располагался другой круг, поменьше, здесь было всего пять колонн, похожих на внешние, только более низких. Все они были накрыты одним камнем, который когда-то имел правильную форму, а теперь напоминал древнее изображение измятой подушки. Но самое главное было то, что верхний камень еще держался, и вода стекала с него во всех направлениях, как занавес. Почти незаметный наклон поверхности и рытвины уносили ее в реку, находившуюся далеко внизу.

— Хотите, чтобы я проверила это место? — спросила Манья.

— Не нужно, — устало отозвался капитан. — Полагаю, что больше мы здесь нигде не найдем даже такого укрытия, а оно нам необходимо. Любым демонам и прочим монстрам лучше приготовиться, потому что без боя я это место не уступлю.

Строение было небольшим, и это было одной из причин, почему оно сохранилось лучше, чем внешнее кольцо. Капитан не был высок, но ему пришлось согнуться, чтобы войти. Даже Манья, самая низкая из них, с трудом могла здесь распрямиться, а Савину и Мороку пришлось буквально вползать внутрь. Они втащили за собой тело Криши, и им всем едва хватило места. Внутри было влажно и плохо пахло. Но туда совсем не попадал дождь, только иногда случайный порыв ветра приносил несколько капель.

— Чин, вы с Савином не спали два дня, — сказал Морок. — Для меня здесь так мало места, что я все равно не смогу уснуть в скрюченном положении, так что я и буду часовым. Манья, ты следующая. Если здесь кто-нибудь появится, вы сразу узнаете. Я буду сначала стрелять, а потом уже подниму тревогу.

— Не буду спорить с вами, Святой, — ответил капитан, внезапно ощутив всю силу своей усталости. Через минуту он уже спал — крепко, как покойник.

За несколько часов, что последовали за этим, Морок обнаружил, что склоняется больше к вере, чем к рациональным объяснениям. Он лежал, вглядываясь в нескончаемый дождь, слушая рев ливня и вторящую ему реку, и сквозь этот шум до него доносились жуткие непрерывные стоны, крики, вопли, которые в этом древнем сооружении казались даже громче, чем снаружи. Мороку становилось все сложнее придерживаться рациональных объяснений и интеллектуальных теорий капитана, намного проще было поверить, что Манья права — это был Ад, и то, что он слышал, было криками и агонизирующими стонами навечно проклятых.

Криша очнулась от своего темного, подобного коме сна внезапно, как будто была в воде и только сейчас выплыла на поверхность.

Когда это произошло, внезапный поток ужасных звуков и неприятных запахов обрушился на нее, и она попыталась поднять голову. От этой попытки у нее закружилась и невероятно разболелась голова, так что она чуть снова не упала в обморок.

Прикоснувшись к спящим умам поблизости, а затем к Мороку, она улыбнулась и вздохнула с облегчением.

«Я жива! — обрадовалась она, и в этот момент обрела мир, радость и любовь, которые разделил только Бог. Пол-

ностью ушли, исчезли жалость к себе, сомнения, ужасная внутренняя боль, с которой она жила большую часть своей взрослой жизни. Теперь все это казалось ей настолько уродливым, настолько тривиальным! Ее заполнила такая радость, что она почувствовала, как к ее глазам подступают слезы. Она возносила благодарственные молитвы богам за то, что они сделали ее жрицей Единственной Истинной Веры, она была исполнена благоговения перед тем, что они так позаботились о ней, что привели ее сюда, — и использовали демонов как инструмент ее очищения и спасения!

Она стала как Первая Мать, чистой от греха, и никто и ничто теперь не могло соблазнить ее.

Демоны вошли в нее, преодолев ее возможности блокировки, даже не обратив внимания на ее сопротивление, как будто у нее вообще не было силы, и добрались до самой глубины души. Один за одним они вытащили и рассмотрели все ее грехи — и те, что она совершила до рукоположения, и те, которые она совершала после, в уме, в течение всех этих лет страданий. И они соблазняли ее возможностью осуществить все это в действительности.

Они предлагали ей великую силу: править огромным количеством людей, быть богиней греха и желания, чтобы ее обожали и поклонялись ей, и потворствовали всем ее фантазиям и прихотям. Больше того, они дали ее телу почувствовать, каково это будет, познать чистую силу без всяких ограничений.

И как телепат она понимала, что они действительно могли сделать то, что предлагали ей. Хотя она и знала, что во всей Вселенной нет такой силы, которая может отменить ограничения, налагаемые рукоположением, она знала также, что в тот миг, в присутствии демонов, она могла бы нарушить их. Она вытащила и настроила пистолет только для того, чтобы проверить себя, и поняла, что способна сделать это. Она могла освободить их, совершить смертный грех — и в то же мгновение ее душа ушла бы к ним, и она стала бы их богиней, их помазанницей, и строила бы во имя них храмы, и множество столетий правила бы огромным количеством миров.

Даже Савин не успел бы ударить ее достаточно быстро, чтобы предотвратить ее выстрел, хотя он бы в это и не поверил. В момент ментальной связи с демонами она не теряла связи с умами всех находящихся в зале, включая Савина, и хотя действие месока было просто бездумным рефлексом, ей достаточно было бы предупреждения.

Но в эту микросекунду она приняла окончательное решение. Лучше умереть смиренным рабом, благословленным богами, чем править в разврате и злобе Ада!

И в ту же самую долю секунды вся тьма, и греховные мысли, и боль вытекли из нее и вернулись обратно к демо-

нам. Увидев мелочность и незначительность своих прежних желаний и мечтаний, она отказалась от них. Она прошла искушение.

Поняв, что все еще находится в скафандре, Криша мысленным сигналом переключила контроль скафандра на себя, а затем настроила передатчик на личный канал Морока, чтобы не разбудить остальных.

— Святой отец, я проснулась, — произнесла она.

От неожиданности Морок чуть было не выстрелил. Потом, сообразив, кто с ним говорит, он переключился для ответа.

— Дитя, я слишком зажат здесь, чтобы обернуться, но я рад, что ты снова с нами. Хочешь, я разбужу кого-нибудь, чтобы о тебе позаботились?

— Нет, Святой, я в порядке. У меня сильно болит и кружится голова, но думаю, что смогу достать таблетку из аптечки, никого не разбудив.

— Боюсь, Савин не смог рассчитать силу своего удара. Манья говорит, что твоя челюсть лишь чудом осталась цела. Однако, насколько я понял, он выбил тебе несколько зубов и поставил большой синяк.

— Так вот что это такое! — она провела языком вдоль верхнего ряда зубов и обнаружила слева дыру. — Ну, это не страшно, — небрежно сказала она. — Бедный Савин, его трудно будет убедить, что он не виноват!

Морок удивился.

— Это не совсем похоже на тебя, — заметил он.

— Я должна рассказать вам, что со мной случилось, — взволнованно сказала она. — Это так удивительно...

С возрастающим удивлением он слушал о том, какой путь прошел ее разум. Это совсем не было похоже на то принудительное очищение, которое доводилось испытывать ему. Здесь не было жестокости, фанатизма, убежденности в своей правоте, которые всегда сопровождали этот акт. Он видел, что она действительно изменилась, как и говорила, — это была все та же Криша, но она каким-то образом сумела очиститься от внутренних грехов, приобретя искренность и смирение, и разница была огромна. Таких качеств он никогда не видел ни в ком — ни в своих друзьях-жрецах, ни в самом себе.

Возможно, подумал Морок, это будет длиться лишь до тех пор, пока она сама верит, что совершенно отказалась от искушений. Когда-нибудь, в более спокойный момент, — если такой момент вообще наступит, — он проверит ее, чтобы понять, насколько искренней она была. Если все действительно так, как она говорила, то перед ним — истинное очищение смертного Святого, событие очень редкое в истории.

Он был лидером Длани благодаря своеобразной смеси веры и прагматизма в его характере, и святой сан был для него большой ответственностью.

— Криша, — поколебавшись, спросил он. — Ты сможешь убить человека, если придется?

— Смогу, если потребуется защитить Длань и Святую Веру, — ответила она. Полное отсутствие нерешительности в ее ответах на этот или другие вопросы казалось самой поразительной переменой, произошедшей в ней. — Но ни по какой другой причине.

— Как твоя голова?

— Лучше. Таблетки действуют, и она уже не так сильно кружится.

— Ты, кажется, не очень хочешь спать после того, как столько пробыла в обмороке?

— Нет, Святой. Я совсем не хочу спать, хотя, возможно, и не в лучшем своем состоянии.

— Когда почувствуешь, что готова, я хотел бы, чтобы ты сменила меня на посту. Мне тоже нужно немного отдохнуть.

Криша, протиснувшись между Маньей и Савином, вышла под дождь, затем вернулась обратно.

— Я готова. Но боже, какое это отвратительное место! — Она огляделась вокруг. — Что это за кошмарные звуки? Как будто множество людей кричат в агонии!

— Загляни в мой разум, и ты получишь информацию о том, как мы оказались здесь, — сказал ей Морок. — Тогда ты будешь знать все, что знаем мы.

Она сделала то, что ей было сказано.

— Что ты думаешь о споре между капитаном и Маньей? — поинтересовался он.

— Капитан — хороший человек, один из лучших, но его жизнь протекает среди вещей физических, а не духовных. Мой ум находился в контакте с воинами абсолютного зла. Они — демоны, о которых говорят проповеди, я не сомневаюсь в этом. Это не значит, что капитан, занимая свою ограниченную позицию, полностью ошибается. Это действительно худшие из темных сил, и после войны с богами их заточили здесь. А что касается машин — что ж, они нужны всем, кроме богов. Разве силам тьмы не нужны ритуалы, жертвы и слова проклятий, чтобы воздействовать на людей? Разве для черных заклинаний не нужны определенные формулы?

— Хороший ответ, — сонно ответил Морок. — Если ты еще и сможешь определить, каким образом их убить, мы легко выберемся из этого места. Мне известны ритуалы, с помощью которых демонов можно отправить в Ад, но, похоже, это чисто академические знания.

Какое-то время Морок молчал, и она уже решила, что он уснул, но внезапно он позвал ее:

— Криша?

— Да?

— Почему ты отвергла это искушение? Если они смогли тебя уверить, что это настоящая сделка, то немногие на твоем месте смогли бы отказаться. Или ты не верила, что они сдержат свои обещания?

— О нет, Святой — и тогда, и сейчас я уверена, что они выполнили бы то, что обещали, по крайней мере в пределах своих возможностей. Правда, я не уверена, что они настолько могущественны, как хотели казаться. Однако, разве не сказано, что Ад выполняет все сделки, но требует великую цену?

— Да, это так.

— Все желания, все стремления, которые у меня когда-либо были, прошли в тот момент передо мной, и внезапно я поняла, что мои учителя были правы, когда говорили мне: это эгоистично, это — для меня и только для меня. Я была ослеплена своим эгоизмом и не видела нужды других. Следуя Святому пути, миллиарды думающих существ сумели построить общество мира, изобилия и самоотверженности, общество, где превыше всего ценится жертвенность. Демоны же предлагали мне использовать нужду и страдания народа. Благодаря им я поняла, что мои грехи — такие же, как и у них, что они идут от них. До этого момента мой эгоизм вредил только мне; теперь то, что они предлагали, повредило бы целым мирам. Для чего? Для эгоистичного временного утоления моих животных потребностей? Все мои желания показались мне тривиальными, даже непристойными, когда их так раздули. В конце их пути лежит развращение и медленная смерть; наш путь ведет к совершенствованию и довольству. Когда я увидела, что то, что причиняло мне боль, подобно им, я отвергла это. Я отдала им это обратно. Я стала свободна.

Морок был поражен ее ответом. *«Как видно,* — подумал он, — *спустившись в Ад, действительно можно стать святым!»* Однако он не мог не задаться вопросом: насколько полезна окажется эта новоиспеченная святая в перестрелке?

* * *

— Бесполезно, капитан. Я не могу взобраться по такому склону под дождем, — спокойно произнес Дезрет. — Здесь слишком скользко, а когда я пытаюсь вкопаться в скалу, она осыпается.

Джозефу это не понравилось. Коринфианец был его основным оружием.

— Может, обойти? — предложила Тобруш. — Поискать место получше?

— В этом хаосе мы потеряем ориентиры за полчаса, если отойдем от реки, — ответил он. — И тогда мы уже никогда не найдем следующую станцию. Робакук, ты сможешь поднять его?

— Невозможно, сэр, — ответил тхион. — Хотя вес не так уж велик, ограничивающими факторами являются необходимая концентрация и продолжительность подъема. Я могу либо поднимать Дезрета, либо забираться сам, но не то и другое сразу. А поднять его отсюда я не смогу, так как не увижу, что делаю. Сенсоры ментальному Таланту не помогут — если я потрачу хотя бы мгновение, чтобы прочитать показания, я его уроню. Нет, сэр, — в таких условиях это выше моих возможностей!

Джозеф вздохнул.

— Хотя мне это очень не нравится, Дезрет, тебе придется поискать другой путь. Ты без скафандра, но у тебя есть комм, и ты сможешь следить за нашим местоположением по маякам. Если первым доберешься до станции, спрячься и жди нас. Но если первыми придем мы, я не уверен, что сможем ждать тебя. Тебе придется или ждать нас, или догонять.

— Понял, — ответил коринфианец. — Идите, пока вас не смыло или не засосало в грязь.

Казалось, что Тобруш, как и Дезрет, не сможет забраться наверх, однако в скафандре джулки имелись отверстия для ее многочисленных усиков. Их липкие выделения позволяли ей получить надежную опору, чтобы взбираться на скалы; множество усиков спереди и сзади, сплетаясь, образовывали щупальца, давая ей возможность хвататься. Это было не лучшим решением, но проектировщики скафандра не могли предвидеть все ситуации.

У Робакука не было проблем с подъемом. Калия и Джозеф зависели только от самих себя.

Тобруш потихоньку продвигалась вперед. Внезапно она остановилась.

— Впереди мицлики! Недалеко. Телепат на страже. Остальные вроде бы спят, но они быстро проснутся.

Внезапно сине-белый разряд ударил в скалу справа над ними, и вниз полетели осколки.

— Там выступ, примерно десять метров в высоту и двадцать в ширину! — крикнула Калия. — Какая-то скала!

— Всем пригнуться! — приказал Джозеф. — Тобруш, можешь просканировать их позицию?

— Да. Какие-то древние развалины. Отличное укрытие, но мицлики там все вместе. Они хорошо спрятались

за упавшими камнями, но позиция не самая лучшая. За ними река и отвесная стена. Единственный выход — в эту сторону.

— В такую погоду это плохо, — ответил Джозеф. — Они могут сколько угодно сидеть там, поджидая, когда представится удачный выстрел, пока мы будем тратить свои силы на то, чтобы выкопать их оттуда. Раньше или позже они вычислят, как обрушить на нас эту скалу. — Он просканировал противников радаром. — Проклятье! Мы не сможем подобраться к ним сверху, не дав им времени на несколько прицельных выстрелов. Если бы было сухо, я бы еще попытался, но в такую погоду у нас нет шансов.

— Все проснулись и заняли позиции, — доложила Тобруш. — Перестрелка будет жаркая. Это все, что я смогла получить. Могу поклясться, что их телепат стал намного сильнее — или это я ослабела после стычки с этими существами? Он отлично всех заблокировал. Я могу получить только неустойчивые образы. Хотелось бы мне так уметь!

— Мы можем пройти мимо них? — спросил Джозеф.

— Не думаю, — ответила Калия. — Попробуй сам просканировать. Там обрыв и водопад. Отсюда обрыв выглядит... почти отвесным.

— Я мог бы попробовать, — предложил Робакук. — Единственная опасность — это водопад и крутые скалы за ним. Если у меня получится справиться с водой, я поднимусь.

— Да, но они будут знать, что ты собираешься делать, — заметила Калия. — То, что наш Мозг-волосатик не может их толком разглядеть, совсем не значит, что их телепат не читает нас прямо сейчас, как открытую книгу!

— Это неважно, — ответил тхион. — Пока я забираюсь наверх, они не смогут подстрелить меня, а как только я окажусь там, то смогу сбросить на них все, что пожелаю, и они меня даже не увидят. Я выгоню их оттуда прямо под ваши выстрелы.

— Хорошо, тогда сделай это! — прошипел Джозеф. — Я не собираюсь сидеть здесь дольше, чем это необходимо!

Робакук свернул налево и скрылся из вида.

— А что случится, если эта навозная муха-переросток упадет и разобьется насмерть? — спросила Калия. — Плохо, что он не может левитировать себя.

— Дай ему попробовать! — раздраженно огрызнулся Джозеф. Он не собирался позволить этим ублюдкам выбраться из ловушки! Если будет необходимо, он вернется назад и заключит сделку с теми монстрами на станции.

Тобруш с помощью своих инструментов изучала окружающую местность.

— Не понимаю, почему они не пытаются выбить нас, стреляя в скалу над нами?

— Не давай им идей! — оборвала ее Калия.

Джозеф посмотрел в том же направлении.

— Потому что, если они промахнутся, то у нас будет груда щебня для прикрытия прямо перед их выходом, — ответил он. — А что, это мысль! Это опасно, но если мы отойдем подальше и хорошенько прицелимся, то сможем сшибить этот здоровый утес. Если он останется целым, то просто скатится дальше, но если рассыплется на осколки... Оно того стоит, черт возьми!

Прогнав задачу через компьютер скафандра, он выяснил места, где им следует прятаться, и точки, куда надо стрелять, чтобы добиться желаемого результата. Вероятность, что уступ упадет так, как им надо, была более шестидесяти процентов. Шансы на то, что он упадет одним куском или пришибет их, были примерно равны.

— Пересылаю координаты, — сообщил Джозеф. — Отходите на свои позиции и наводитесь на цель.

* * *

Криша, сидя посреди развалин, поймала чужую мысль и сообщила:

— Они собираются стрелять в уступ над ними, чтобы обеспечить себе прикрытие. Кроме того, какое-то существо карабкается по отвесной стене за пределами нашей видимости, чтобы оказаться над нами.

Ган Ро Чин, все еще ощущавший последствия похода и сна, был поражен ее спокойствием и ясностью мысли. Савин, эмпат группы, тоже удивился отсутствию в Крише каких-либо опасений и напряженности. Он одобрительно подумал, что это подействовал гипноз Морока. Однако, он не был в этом полностью уверен.

— Я могла бы пробраться туда и отвлечь их, — предложила Манья. — Криша говорит, что коринфианца с ними нет.

— Зато у них есть приборы, Манья, — напомнил ей Морок. — Если бы они в тот раз были в полной боевой готовности, тебя бы сейчас с нами не было. Твой Талант не может одурачить компьютеры.

Какое-то время Манья молчала, производя собственные замеры утеса.

— Пусть они сделают это, — наконец сказала она. — Все, кроме Криши, подключите свои скафандры к моему! Криша, ты будешь прикрывать нас и напоминать им, что мы все еще здесь.

— Что ты предлагаешь? — спросил ее Морок.

— Если Криша подаст нам сигнал в тот момент, когда они выстрелят, мы тоже выстрелим. Они сшибут этот уступ, а мы отклоним его немного вправо — прямо на них!

— Криша, ты сможешь это сделать? — спросил ее Морок.

— Без проблем, — ответила она. — Я пошлю сигнал через скафандр. Выходите на позиции, а компьютер Маньи сделает все остальное.

Самое странное, что это действительно не было для нее проблемой. Ее саму поражала внезапная ясность ее ума и возросшая сила. Она уже один раз ментально встречалась с телепатом противника, и тогда они были равны. Теперь же он казался намного слабее ее, у нее было такое чувство, словно телепатическая волна миколианца была чем-то физическим, что она могла ощутить и отклонить. Прежде ей временами удавалось такое, но только на недолгий промежуток времени и с потерей представления об окружающем мире, но никогда — так долго и с такой легкостью, да еще параллельно прикрывая товарищей, проверяя инструменты и держа связь с остальными. Это было почти сверхъестественно!

То, что она прочитала в умах миколианцев, почти полностью соответствовало ее ожиданиям.

Девушка была очень эмоциональной, и все ее эмоции были разрушительного свойства. Слепая, безрассудная ненависть, месть всему миру и абсолютное поклонение силе. Ей нравилось убивать; нет, не так — она **любила** убивать! Она была настолько испорчена, что ей незачем было идти в Ад, — она уже была похожа на этих демонов.

Мужчина был почти полной ее противоположностью, но и в нем Криша видела демонов. Холодный, жестокий интеллектуал, настолько сосредоточенный на себе, что относился ко всем остальным, даже к своей команде, как к средству достижения своих целей. Человек, который никогда не помогал другим, если не видел выгоды для себя.

Существо, карабкающееся по стене, сейчас было для нее недоступно, но она уже раньше достаточно заглянула в него. Его мысли были очень странными, за ними почти невозможно было уследить, но и здесь в центре она распознала демона. Это выражалось в его напряженности и любви к возбуждению, к острым ощущениям. Она уловила в нем довольно странную идею: насколько она могла понять, для него это дело было просто развлечением.

Только миколианский телепат был закрыт для нее, но она была уверена, что если бы она пробилась через его защиту, то и там обнаружила бы демона.

К ее удивлению, демоны присутствовали и в ее команде. Она не замечала этого раньше, потому что сама была полна подобных же чувств, и это не давало ей распознать их в других. Но даже у Морока внутри было это холодное ядро, которое не только привело его на эту должность, но и заставляло наслаждаться борьбой, разоблачением еретиков, шпионов и предателей, обрекать их на смерть. Он хотя бы признавал этот свой недостаток, но

несмотря на чувство вины, не желал избавляться от него. Самодовольство и нетерпимость Маньи происходили из ее эгоцентризма. Ей необходимо было верить, что она выполняет волю богов, потому что ей было дано на это право.

И Савин — в нем было это животное качество, от которого она всегда отмахивалась как от присущего всему его народу, — и возможно, так оно и было. Но в глубине души Савин по-настоящему любил наводить страх на тех, с кем он общался вне Длани. Он мучил и убивал во имя Церкви и вспоминал об этом с нежностью и ностальгией.

Только Ган Ро Чин оставался таким же Нулем, как и всегда, и она радовалась этому. Ей не хотелось бы найти в нем демона; он был ей ближе, чем кто-либо другой, хотя она и не желала его физически. В каком-нибудь прошлом или будущем воплощении они могли бы быть любовниками, но в этой жизни ей хватало и платонической любви.

— Сейчас! — передала она.

Почти одновременно две группы начали стрелять в уступ с разных углов. Скала вздрогнула, налилась вишневым жаром и начала крениться вперед.

Джозеф чуть было не опоздал.

— Они пытаются отклонить скалу! Меняйте траекторию! Да стреляйте же! Клянусь костями Молкура, а эти мицлики хорошо работают! Даже слишком хорошо!

Отделившись от утеса, скала покатилась вниз, но обе команды не прекращали стрелять. От глыбы начали отлетать куски, устремляясь в различных направлениях. Один обломок чуть не задел Тобруш. Но в основном скала так и осталась цельной; долетев до обрыва, она мгновение помедлила на краю, затем покачнулась и рухнула вниз.

— Я начинаю сомневаться, в своей ли мы лиге, — обеспокоенно проговорила Тобруш.

— У нас есть еще Робакук! — огрызнулся Джозеф, сам пытаясь избавиться от подобных мыслей. — С ним они вряд ли смогут что-то сделать.

Мицлапланцы думали о том же.

— Если бы этот проклятый дождь прекратился или хотя бы стих! — ворчал Морок. — Гравитация здесь выше, чем я люблю, но восходящие потоки просто отличные, и я думаю, что смог бы забраться повыше.

— Но их телекинетик тоже там, — заметил Ган Ро Чин. — Это наверняка он, потому что Криша говорит, что их гипнот, телепат и эмпат внизу. Когда он увидит нас, то сможет придавить этими колоннами или просто сбросит со скалы.

— Я пришью его, как только он высунет голову за край уступа, — прорычал Савин.

— Может, он и не станет этого делать, — возразил капитан. — Наверняка наверху есть какие-нибудь камни, а если нет, он может разбить что-нибудь большое и скидывать на нас сверху обломки, не напрягаясь, не подвергая себя опасности и с тем же эффектом.

Морок вздохнул:

— Я могу попытаться взлететь несмотря на дождь...

— Нет, Святой, — сказал Чин, — простите, но я вам этого не позволю. Во-первых, чтобы воспользоваться крыльями, вам придется снять скафандр, и вы останетесь без защиты. Если к тому времени, как вы заберетесь наверх — если вам это вообще удастся, учитывая дождь и повышенную гравитацию, — он уже будет там, то вы не сможете противостоять его скафандру и оружию. Я знаю, что даже Святой Закон в некоторых случаях допускает самоубийство, но наш случай не из этих. Вы нам нужны.

— Да, но разве у тебя есть другие предложения? — спросил его Морок, чувствуя в душе облегчение от того, что его отговорили.

Савин оглядел отвесную стену.

— Я попробую взобраться туда. Скала слегка вогнутая; уступ заслоняет ветер и не дает дождю заливать поверхность.

— Боюсь, я забыл альпеншток в другом скафандре, — сухо отозвался капитан. — Вместе с веревкой и антигравитационными ботинками.

— Я говорю серьезно, — настаивал месок. — Хотя мы хорошо действуем и в дневное время, мой народ в основном — ночные жители. Я вырос в горах. Дождь будет не так уж сильно мешать; я думаю, что вполне смогу забраться туда. Стена не настолько гладкая, как вам кажется. Почти всегда находятся маленькие выбоины. Я справлюсь.

— Это самоубийство! — вставила Манья. — Кроме того, у миколианца преимущество в двадцать минут!

— Это неважно, — отвечал Савин. — Ему надо проделать намного больший путь, чем мне. Кроме того, разве у нас есть выбор?

Ган Ро Чин еще раз внимательно глянул на скалу и, так и не поняв, каким образом Савин собирается выполнить свое намерение, наконец сказал:

— Ладно. Предположим, что вы правы. Если вы думаете, что справитесь, стоит попытаться. Остальным надо будет занять миколианцев, чтобы они не заметили, как Савин поднимается. И не будем больше тратить время на разговоры!

— Хорошо, — нерешительно сказал Морок. — Да пребудут с тобой боги, Савин.

— Приготовиться! — скомандовал капитан. — Стреляйте в любого из этих трех, кто высунет хотя бы палец или щупальце!

Савин сложил свои огромные когтистые руки в тихой молитве, потом осмотрел скалу. Через мгновение он начал подниматься, а остальные открыли беспорядочную стрельбу.

Внизу Тобруш сказала:

— Кто-то поднимается. Я не могу сказать, кто. Хотя у них нет никого, кто мог бы забраться наверх, как Робакук.

— Может, они вымолили себе какое-нибудь альпинистское снаряжение, — раздраженно ответил Джозеф. — После того, что уже случилось, я могу поверить почти во что угодно.

У Калии были другие идеи.

— Если они стреляют во все, что движется, надо дать им, во что стрелять, — предложила она. — Если они стреляют автоматически, то будут бить в любую цель. Этого времени мне должно хватить.

— Для чего? — спросил Джозеф.

— Там, где упала скала, уйма щебня. Не настолько высоко или близко, чтобы дать нам большое преимущество, но я все же попытаюсь проскочить туда. Тогда мы сможем вести перекрестный огонь.

— Не выйдет, — сказала Тобруш. — Как только тебе в голову приходит идея, их телепат узнает про нее. Они будут ждать тебя.

— Тогда наберись смелости и стреляй в этого чертова телепата! — прошипела Калия. — Они не будут знать, с какой стороны я пойду, потому что я еще сама этого не знаю. Эта грязь везде выглядит одинаково. Они не смогут достать меня раньше, чем я попаду туда. Это значит, что им придется стрелять вручную, а их стрельба меня пока что не очень впечатлила.

— Кажется, она думает, что еще недостаточно прожарилась, — заметила Тобруш. — Или, может быть, она хочет, чтобы ее правый бок стал похож на левый?

— Помолчала бы лучше! Если бы ты не перепугалась до смерти и не спряталась за челноком, то могла бы прибить эту суку, и тогда меня бы не поджарили!

— Зато поджарили бы меня, — ответила Тобруш. — Прошу тебя! Мне очень трудно держать этот блок, так пусть хоть один из нас держит свои мысли в тайне!

— Заткнитесь, вы оба! — рявкнул Джозеф. — Робакук, ты где?

— Почти добрался, — ответил тхион. — Дело оказалось сложнее, чем я думал. Меня несколько раз уже чуть не смыло. Приходится маневрировать. Дайте мне еще пятнадцать минут.

Джозеф повернулся к Калии:

— Подожди пятнадцать минут, и, возможно, в твоем предложении не будет необходимости.

— Ты так думаешь? Даже если у него получится, это значит, что пять обезумевших отчаявшихся профессионалов пойдут на нас, и кто знает, что у них припрятано в рукаве? Нам нужен перекрестный огонь, ты сам знаешь это.

— Я не хочу терять людей, — ответил Джозеф. — А у нас здесь нет полевого госпиталя.

— Если они выйдут оттуда, будет уже неважно, сколько людей у тебя осталось.

Он вздохнул.

— Ну хорошо. Но ты сама будешь отвечать за последствия, если твоя затея провалится. Тобруш, сконцентрируй огонь на телепате; я сделаю то же самое. Либо им придется отвлечься на нас, чтобы защитить его, либо мы обрушим эти столбы прямо ему на голову.

— Поняла. Полагаю, он тоже понял. Передай мне контроль над твоим скафандром.

— Зачем?

— У меня есть одна идея. Если я скажу тебе, они тоже узнают.

— Так и быть, — согласился Джозеф. Ему не нравилось передавать контроль кому-либо, но это был особый случай.

В развалинах Криша закричала:

— Девчонка хочет попытаться добраться до нас через открытое пространство. Я не могу сказать, с какой стороны, потому что здесь все выглядит одинаково. Они хотят стрелять по мне, и мы позволим им это. Не позволяйте девчонке добраться до нас. Телепат запланировал что-то еще, но я не могу сказать, что. Будьте настороже и приготовьтесь стрелять.

— Начали! — закричала Тобруш, и они с Джозефом, приподнявшись, открыли огонь по развалинам, а Калия низко пригнулась и побежала, тоже стреляя на ходу.

К удивлению Джозефа, Тобруш настроила их оружие не на максимальный режим, а на широкое поражение. Но затем он понял, насколько хороша была идея джулки: так они накрывали выстрелами все пространство. На такой дистанции это никому не могло причинить большого вреда, но зато не давало мицлапланцам высовываться из укрытия.

В первый раз за все это время мицлапланцев действительно застали врасплох. Ожидая, что удар будет направлен только на Кришу, они открыли ответный огонь и тут же попали под широкий луч. Манья, почувствовав, что ее левый бок онемел, сразу перестала стрелять, хотя ее скафандр и отклонил большую часть энергии. Скафандр Ган Ро Чина замкнуло, и он был вынужден спрятаться за колонной, чтобы поставить запасную батарею. Морока задело только вскользь, но его сенсоры на несколько секунд сбились, и этого было достаточно.

Как только Криша услышала команду Тобруш, она выкатилась из-под скалы, боясь, что удачный выстрел собьет одну из колонн, подпиравших скалу, и она упадет на нее. Как и у Морока, ее скафандр был настроен на защиту, и ее сенсоры тоже сбились на несколько секунд, из-за чего она упустила удобный момент для выстрела.

Джозеф и Тобруш снова нырнули за укрытие.

— Калия, ты в порядке? — спросил лидер миколианцев.

— Лучше некуда. Это было шикарно, Тобруш! Все прощено. Пожалуй, я попробую сбить отсюда одну из высоких колонн, на которых держится крыша. Может, она накроет кого-нибудь.

— Береги энергию! — буркнул Джозеф. — Когда они вылезут, мы должны быть способны не только кидаться в них камнями!

В этот момент Робакук доложил:

— Я наверху! Здесь не так уж плохо, если не обращать внимания на дождь. Тут полно старых развалин — есть что скинуть вниз. И еще тут какие-то борозды, выбитые в скале. Сейчас в них полно воды, но когда кончится дождь, по ним будет хорошо идти.

«Наконец-то что-то налаживается», — порадовался Джозеф.

— Начинай, как только сможешь. Мы готовы.

— Будь осторожен! — предупредила Тобруш. — Когда мы начали стрелять, их телепат так удивился, что приоткрылся на пару секунд. Я успела заглянуть только в три ума — телепата, гипнота и того, кого не смогла увидеть Калия. Но мы знаем, что с ними есть Нуль, а еще там был эмпат. Я получила от него очень странный сигнал откуда-то издали, и хотя во время нашей атаки они беспокоились друг о друге, про него никто не спрашивал.

— Он все еще там? — внезапно встревожившись, спросил Джозеф.

— Телепатия не дает направления, — напомнила Тобруш. — Я не могу сказать, кто где находится, до тех пор, пока сама не увижу. Но на расстоянии несколько меняется амплитуда волны. Совсем немного, но опыт говорит мне, что он где-то отдельно от остальных.

Робакук боролся с инстинктивным желанием поискать укрытие, где можно было бы переждать до тех пор, пока не прекратится ливень. Здесь, на вершине скалы, он в полной мере ощущал силу дождя и ветра.

Развалины, открывшиеся перед ним, были очень странными, но они представляли собой хоть какое-то укрытие — и одновременно боеприпасы. Эти сооружения сохранились не лучше, чем те, что внизу, но были куда более замысловатыми, и было почти невозможно понять, как они выглядели раньше. Они стояли концентрическими кругами, и за пеленой тумана и дождя легко было вообразить, что эти выщербленные колонны — не остатки

строений, а изваяния каких-то странных, невероятных существ. Иногда ему чудилось между колоннами какое-то движение, которого в действительности не было; и вообще, это место исподволь оказывало на него какое-то странное воздействие, заставляя нервничать, хотя он никогда бы не признался в этом своим товарищам внизу.

Он начал оглядываться в поисках подходящих камней. Здесь не было верхних перекладин — только колонны, стоявшие по кругу, вокруг единого центра. Многих колонн не хватало, но обломков было не так много, как он надеялся. Видимо, меньшие из них были смыты дождем в реку, а более крупные за многие годы вросли в скалу.

У тхионов тоже были древние легенды о демонах. Скульптуры и ментальные картины этих существ мало напоминали реальность, но в легендах они всегда были огромными, страшными и двуногими. Последнее послужило причиной смерти многих космических путешественников, когда был открыт мир тхионов; в представлении тхиона двуногий — это синоним демона. Не помогло и то, что миколианцы относились к демонам положительно — прежде чем тхионы вошли в состав Миколя, многие успели погибнуть.

По интеркому он услышал голос Джозефа:

— Робакук? Как там дела наверху?

— Развалины находятся на самом краю обрыва, так что камни будут под рукой, — ответил он. — Мне надо только добраться до них.

Что это было?

Он обернулся, уверенный, что между камнями только что что-то двигалось. Прошло с полминуты, прежде чем он убедился, что там ничего нет.

Вскоре он был уже в центре круга. Несомненно, когда-то здесь стояла статуя. Часть ее еще была на месте, хотя кроме ног, нельзя было различить никаких деталей. Перед статуей лежал большой камень; в древности он явно был обработан, но теперь уже никто не мог бы сказать, какой он был формы изначально. Правда, тхион и без того мог предположить, что это был алтарь какого-то давно забытого божества. Вокруг свирепствовал дождь, со всех сторон доносились жуткие стоны, не имевшие никакого отношения к ветру, и не было ничего удивительного в том, что Робакук нервничал.

Подойдя к обрыву, тхион понял, что раньше это место выглядело совершенно по-другому. Когда-то развалины образовывали правильный круг, но уже много лет назад изъеденная непогодой скала раскрошилась, и процентов двадцать уступа упало в реку. Вскоре, по-видимому, и весь остальной уступ должен был рухнуть на руины внизу, сметя их в ревущий каньон.

Робакук стоял на краю обрыва, осторожно заглядывая вниз, когда в него выстрелили. Тхион как раз, повернув

голову, концентрировался на ближайших к нему обломках камней. Вот они задрожали, медленно приподнялись над землей и плавно двинулись вперед...

Тут Робакук услышал позади себя подозрительный звук и обернулся. Выпущенные им обломки упали около самого края, несколько штук полетело вниз. Он успел еще увидеть огромную фигуру в золотом скафандре на фоне руин, а затем в него ударили три выстрела подряд, и тело тхиона рухнуло в пропасть.

Оно упало не в реку, а посреди развалин внизу, переполошив тех, кто там находился. Манья и Морок одновременно подали сигнал тревоги. Разбитое тело тхиона лежало на спине, огромные ноги еще продолжали рефлекторно сгибаться и разгибаться.

Крики и стоны в воздухе вокруг них внезапно усилились, но затем вновь вернулись на прежний уровень.

Криша первой пришла в себя.

— Савин? Ты в порядке?

— Все отлично. Хотел бы я каким-нибудь образом поднять вас всех сюда! Извините, что молчал, но мне пришлось выжидать, пока он не начнет левитировать что-нибудь, прежде чем я осмелился выйти из укрытия и выстрелить. Если бы он не был сосредоточен на передвижении камней, мигом сбросил бы меня с обрыва.

— Прекрасно, — ответила она. — Ты сможешь зайти в тыл остальным? Мы тут оказались в невыгодном положении. Эта скала, которую сдвинул миколианец, лежит на самом краю, и на нас падают осколки. Она в любой момент может свалиться.

— Я посмотрю, что можно сделать. Начну действовать, как только смогу.

— Я знаю. Без тебя нас бы уже не было; однако это только часть дела.

Пульс Ган Ро Чина примерно в три раза превышал нормальный.

— Ну ладно. Теперь их трое, а нас пятеро. Одному из них придется стрелять в Савина, который вряд ли добьется чего-нибудь серьезного, но может сильно затруднить им жизнь, стреляя наудачу. Если мы сможем сосредоточить огонь на оставшихся двоих, то, возможно, достанем их, прежде чем они начнут плотную стрельбу.

— Давайте позаимствуем их трюк, — предложила Криша. — Двое из нас могли бы выдвинуться вперед и накрыть их веерным лучом и, может быть, сбить им сенсоры. Оставшиеся двое могли бы стрелять на поражение, а Савин, воспользовавшись нашими действиями, тоже сделал бы с утеса несколько выстрелов по этой парочке. А если во время атаки концентрация их телепата снизится, я могла бы начать борьбу ум-в-ум и нейтрализовать его.

— Мне не нравится последняя часть, — ответил Ган Ро Чин. — Ты ничего не знаешь об этом существе, а оно наверняка знает про терран много. У тебя может быть более мощное оружие, но если у противника много боеприпасов, ты рискуешь не только возможностью свободно передвигаться, но и сохранностью собственного разума. Не делай этого, пока не будет абсолютной необходимости. А в остальном план отличный.

«Кроме того, что я становлюсь слишком стар для такого...» — добавил он про себя.

Но прятавшаяся внизу джулки совершенно не имела намерения вступать в ментальную дуэль.

— Второй раз они делают эту ошибку, — заметила она. — Они не шифруют свои переговоры по интеркому.

И она пересказала другим перехваченный ею разговор.

— Да, но что мы можем сделать? — озабоченно спросил Джозеф. — Они вооружены лучше нас и могут нас обойти.

Он посмотрел на вершину утеса.

— Если он сможет стрелять в меня, то и я смогу стрелять в него, — сказал он. — Тобруш, предлагаю тебе расположиться так, чтобы иметь хороший обзор, простреливая по возможности больший участок, залечь и переключить оружие на автоматический режим, оставаясь под прикрытием. Калия, проделай то же самое со своей стороны. Я буду прицельно расстреливать утес, вне зависимости от того, что будет происходить здесь. Когда он появится, я должен успеть накрыть его раньше, чем он меня. Если нам повезет, мы сможем убить одного или двух; это замедлит их и заставит перегруппироваться. Тогда и Тобруш перестанет грозить опасность.

— У нас нет времени строить планы, — прошипела Калия. — Потому что, насколько я понимаю, они уже идут!

ВИДИТ ОКО

— Пресвятые угодники! Что же за чертовщина творится там впереди? — Модра Страйк уже достаточно отошла от чар Молли, чтобы осознать то, что произошло, и теперь тщетно пыталась выкинуть все это из головы.

— Чертовщина и творится, — ответил Джимми Маккрей. — Мы пока слишком далеко, чтобы можно были различить какие-то подробности, но судя по тому, что я могу принять отсюда, святоши засели в каком-то укреплении и сейчас пытаются прорваться сквозь более малочисленный, но очень грамотно

расположенный отряд, принадлежащий Миколю. Да, вполне подходящая сценка для Ада — если, конечно, это действительно Ад.

— Таким образом, мы поставлены перед необходимостью решить определенного рода этическое уравнение, — Дарквист игнорировал его попытки шутить. — Мы пока что находимся достаточно далеко, чтобы, учитывая их ситуацию, они нас просто не заметили. Мы можем подождать и посмотреть, чем все это кончится, а после добить выживших, кем бы они ни оказались. С другой стороны, мы не настолько далеко, чтобы не иметь возможности вмешаться прямо сейчас. Но тогда нам надо решить — на чьей мы стороне? Мне никогда особо не нравились миколианцы, а эти наверняка являются худшими представителями своего народа. С другой стороны, они не такие занудные, как мицлапланцы. Если вспомнить, что эта команда рискнула пройти через территорию Миколя только для того, чтобы проверить какой-то нечленораздельный сигнал бедствия, в котором были упомянуты демоны, они должны быть совершенными фанатиками.

— С меня достаточно и того, что мы их догнали, — высказал свое мнение Трис Ланкур. — И я буду вполне удовлетворен, если мы понаблюдаем за ними издалека, не обращая на себя их внимания. Кроме того, у нас нет лишней энергии, чтобы позволять себе ввязываться в драку.

— У них тоже, — сообщил им Маккрей. — Сейчас я могу читать только миколианцев, да и то очень ограниченно, но совершенно ясно, что они не больше нашего были готовы застрять на этой проклятой станции. После всех этих продолжительных перестрелок они наверняка поисчерпали свои резервы. Кроме того, лидер миколианцев — гипнот, а я не думаю, что это то, что нужно нашей команде именно сейчас.

— Ну, мы всегда хотели заполучить к себе в команду гипнота, — вмешалась Модра. — Но они всегда требуют себе большую часть добычи и пытаются всеми командовать.

— *Если мы немного подождем, то, может быть, сможем убить победителей и забрать их батареи,* — с надеждой в голосе сказала Гриста.

— Гриста только что предложила напасть на тех, кто уцелеет, и ограбить их на батареи, плюс батареи тех, кто будет уже мертв.

— Не получится, — разочаровал его Трис Ланкур. — Несмотря на то, что их скафандры основаны на тех же технологиях, что и наши — они, между прочим, попросту украли их у нас, — их батареи очень сильно отличаются. В любом случае, они и сами снимут со своих мертвых все, что еще можно будет использовать. Кстати, мы, если придется, поступим точно так же.

Модра вздохнула:

— То есть все, что нам остается — это просто стоять здесь под проливным дождем, по колено в грязи, любоваться разноцветными вспышками и слушать комментарии Маккрея?

— Молли это устраивает, — сказала синт.

— *Знаешь, первый раз с тех пор, как она взошла на борт, мы с ней полностью совпадаем во мнениях,* — заметила Гриста.

Маккрей поежился.

— Если припрет, я буду драться. Но я бы не сказал, что так уж хочу этим заняться прямо сейчас. Полагаю, нам следует найти себе место посуше — где грязь будет только по щиколотку, — и расслабиться.

* * *

— Начали!

Четверка мицлапланцев выскочила из-за колонн, ведя беспорядочный огонь широкими импульсами, освещавшими весь склон и выбивавшими каменную крошку тут и там рядом с миколианскими стрелками.

В тот же момент Джозеф и Калия открыли огонь короткими прицельными очередями. Выстрелы образовывали причудливый узор в воздухе между вершиной и основанием утеса.

Манью задело в левое бедро; она пошатнулась, но Ган Ро Чин успел ее подхватить и заставил опуститься на землю, тут же сам заняв лежачее положение. Длинноногий Морок короткими перебежками добрался до небольшой впадины, находившейся как раз под утесом. Криша, поняв, что автоматическая система управления огнем немного задирает ствол, поползла по-пластунски, время от времени останавливаясь, чтобы сделать пару выстрелов в сторону девушки-миколианки, которая засела за кучей щебня и не давала ей подняться.

Морок, уже в ложбине, подобрался настолько близко, что почти мог видеть двух миколианцев, стрелявших из-под обрыва.

Тобруш внезапно приняла очень знакомый ментальный образ, и вдруг с испугом поняла, что это образ джулки. Луч ударил телепатку прежде, чем она смогла развернуться и открыть ответный огонь, но Морок забыл, что его пистолет выставлен на режим веерного поражения — джулки пошатнулась от попадания и почувствовала некоторое онемение, но больше никак не пострадала.

К тому времени, как Морок откорректировал свое оружие, оба миколианца уже стреляли по нему, вынуждая отступить.

В тот же момент Савин открыл огонь с вершины утеса. Три энергетических импульса пронеслись мимо Джозефа и Тобруш. Этого было достаточно.

— Тобруш! Калия! — закричал Джозеф. — Накрывайте их широким лучом! Стрелять буду я! Сейчас мы вдвоем попытаемся прорваться! Это наш единственный шанс!

На вершине утеса Савин издал боевой клич, исполненный первобытной ярости, и прицелился в бегущих.

Внезапно что-то ударило его в спину, пройдя сквозь скафандр и впиваясь во внутренности. Его тело онемело, он закричал от ужасной боли, но не мог даже упасть, потому что пронзившее его нечто, чем бы оно ни было, держало его, словно дичь на вертеле. Стеная и рыча, Савин попытался ухватить то, что пронзило его, и нащупал металлическое щупальце, гибкое и одновременно столь крепкое, что он был не в силах с ним бороться.

— На утес ведет не одна дорога, — сказал безразличный металлический голос позади, после чего Савин был поднят в воздух. Щупальце вытянулось над пропастью и сбросило его вниз на острые камни.

Ужасная гибель Савина так ошеломила Кришу, что в течение нескольких секунд она могла лишь смотреть на падение месока, крича от ужаса. Чин, который прикрывал Манью, ничего не знал о драме, развернувшейся наверху. Он не успел закрыть брешь в обороне, вызванную паузой Криши, что позволило Джозефу и Тобруш прорваться и начать подъем.

— Вы там, внизу, лучше поторопитесь, пока они не опомнились и не успели перегруппироваться, — посоветовал Дезрет. — У вас есть еще пара секунд, чтобы выбраться из-под огня. Любое промедление противопоказано вашему здоровью.

Никто из троих даже не пытался спорить с коринфианцем.

Морок был единственным, кто мог бы успеть выстрелить в них, но когда он вскочил с места, чтобы прицелиться, его правую ногу пронзила внезапная боль, и он упал. Теперь он с трудом держался за мокрые камни, чтобы не соскользнуть вниз, в бушующий поток.

* * *

В трех километрах оттуда вниз по течению реки Джимми Макрей вздохнул с явным облегчением.

— Но вот и все, — спокойно сказал он. — Битва окончена, теперь их снова четверо против четверых. Ох! Эта женщина-миколианка страшна как смертный грех!

— Так, вот насчет этого никаких шуточек, — предупредила Модра.

— Вот как?! Подожди, пока сама ее увидишь!

Трис Ланкур поднялся на ноги

— Выдвигаемся. Я полагаю, пора нам вмешаться.

— Нас заметили, — предостерег их Маккрей, когда они приблизились к утесу.

— С какой стороны? — уточнил Ланкур.

— С обеих. Вот черт! Мицлапланская телепатка действительно сильна. Я знаю, что она нас засекла, потому что почувствовал ее прикосновение, но не могу прочитать никого из них. Вообще ни одного. А вот с миколианцами на вершине все в порядке. Это тем более просто благодаря тому, что оба не-телепата — терране: их читать — все равно, что радио слушать. Они зажали мицлапланцев внизу и теперь решают, оставить все как есть или перейти в атаку теперь, когда у них есть преимущество.

Трис Ланкур отдал мысленную команду своему скафандру переключить рацию на общую частоту и подключить универсальный переводчик. Последний должен был просто переводить его слова на два наиболее распространенных торговых наречия обеих империй.

— Говорит капитан Трис Ланкур. Вы находитесь на нашей территории без законных на то оснований, и ваши действия, в особенности эта стычка, представляют собой серьезную угрозу для нас и нашей миссии. Мы требуем, чтобы вы назвали себя и объяснили нам цель и причину вашего здесь присутствия.

После некоторой паузы Ган Ро Чин послал ответ:

— Капитан, вы действительно считаете, что эта территория принадлежит Империи Биржи?

— Вы оказались здесь, пройдя через мир, официально закрепленный за Биржей. Поскольку добраться сюда можно только нарушив нашу границу, то согласно всем договорам, эта территория попадает под юрисдикцию Биржи.

— Вы только что объявили здешних демонов гражданами своей Империи, — раздался по внутренней связи сухой комментарий Дарквиста. — Ей-богу, никогда бы не подумал.

Неожиданно в их разговор вмешался новый голос. Переводчик не передавал эмоциональную окраску слов и фраз, как бы они ни звучали в оригинале, но каким-то образом было ясно, что этот новый собеседник говорит зло и высокомерно:

— Ланкур, твой отряд — всего лишь наемники, он не имеет каких-либо властных полномочий! К тому же, вы застряли здесь так же, как и мы, — подчеркнул Джозеф. — Если и вы, и мы сумеем выбраться отсюда, то тебе, может быть, и представится случай написать на нас жалобу. Но если ты останешься здесь, никто о тебе даже не вспомнит!

— Берет на испуг! — заметил Маккрей. — Конечно, его телепат выдал ему всю информацию о нас. Но подвох в том, что, как и мы, он не имеет ни малейшего представления — а не следует ли за нами целая дивизия? С другой стороны, он достаточно

жесток, чтобы остаться «единственным выжившим». Тогда он сможет представить все так, как выгодно ему, а не как все было на самом деле.

— Что вы предлагаете, капитан Ланкур? — спросил Ган Ро Чин. — Боюсь, в данный момент мы не очень склонны вам верить.

— Вы все видели этих существ там, позади, и хочу заметить, что даже миколианцы не настолько соблазнились их обещаниями, чтобы освободить их. Все эти... сооружения и эти демоны, или как вам еще угодно их называть, представляют серьезную опасность для всех трех империй и той стабильности, какой мы смогли добиться за прошедшие столетия. Сейчас есть только мы и они. Любые споры и столкновения между нами лишь играют демонам на руку. Вне зависимости от того, кто или что угрожает нам, наши шансы выбраться отсюда живыми — я уж не говорю о том, чтобы вернуться домой — весьма невелики. Для вас ситуация еще хуже: единственный путь обратно ведет через мир, принадлежащий Бирже. А этот мир, как я полагаю, прямо сейчас превращают в военную базу. И если вы тоже хотите убраться отсюда и иметь возможность предупредить свои народы, то нам лучше объединить наши усилия.

— Ты уверен? — спросил его Джимми. — Насколько я могу понять из того, что принял, у обеих групп есть по гипноту. Ты-то, может, и обладаешь к ним иммунитетом, а вот мы — нет.

— Объединиться с кучкой религиозных фанатиков? Ты, должно быть, шутишь! — вновь подал голос Джозеф. — Может, конечно, они и жрецы, и им запрещено грешить, но ведь согласно их религии нет ничего греховного в том, чтобы обмануть, обокрасть или ударить в спину неверующего. Нет уж, спасибо! Мы вполне можем договориться с вами, но только после того, как разберемся с этими святошами. Это же не солдаты или торговцы, там, внизу. Это, черт бы ее подрал, Святая Инквизиция!

— Объединиться с демонопоклонниками? — закричала в ответ Манья. — Никогда! Лучше умереть! Да за это наши души будут гореть в Аду!

Ган Ро Чин совсем не хотел умирать, но, судя по тому, как развивались события, ему в любом случае неизбежно приходилось этим заняться. Он попытался хоть как-то снизить напряжение:

— Капитан, у меня есть некоторый опыт общения с миколианцами. Я тоже капитан гражданского судна, а не жрец. Я даже некоторое время жил в Империи Биржи. Миколианцы уважают только силу; если у них и существует понятие о чести, то на чужаков оно не распространяется. Даже если их разоружить — что сделало бы их бесполезными как партнеров — коринфианец и сам по себе представляет грозную силу. Что же касается моих людей, то я мог бы дать определенные гарантии, но они

не коснутся Святых, которые находятся здесь вместе со мной. Они действуют, исходя исключительно из собственных соображений.

Трис Ланкур оглянулся на остальных:

— Есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Видимо, нам надо найти какой-то способ двигаться параллельно с ними, — сказал Дарквист. — Если бы их можно было как-нибудь обойти, я бы первым предложил оставить их здесь разбираться между собой. Они явно стоят друг друга.

Модра на мгновение задумалась.

— Дарквист прав. В худшем случае мы немного задержимся. Нам надо беречь энергию, насколько это возможно. Вы представляете себе, сколько энергии потратили они, даже если погибли только двое?

— Верно подмечено, — одобрил Ланкур. — Маккрей?

Джимми просканировал вершину холма.

— Ну, я мог бы накрыть одного из миколианцев прямо сейчас. Даже двоих, если они начнут атаку на мицлапланцев.

— И что? Это только даст дополнительное преимущество мицлапланцам, у которых и без того в команде мощнейший телепат и гипнот, — ответил капитан.

— Это не совсем то, что я имею в виду. Что конкретно я имею в виду, им, вообще-то, уже объясняет их телепат. Дело в том, что они не смогут ничего сделать мицлапланцам, если мы им не позволим. Даже этого железного дровосека, которого они притащили с собой, мы можем пустить на переплавку, если потребуется. Конечно, некоторое время они смогут с нами побороться, но мы отнимем у них половину их огневой мощи, а главное — энергии. Поэтому перед всеми нами стоит выбор: либо сидеть здесь под дождем и грызться между собой, пока Ад не покроется льдом, или пока мы не растратим всю свою энергию, после чего нам неизбежно придет конец, либо они сейчас снимаются с места, чтобы дожить до следующей драки.

Трис Ланкур кивнул:

— Как насчет этого, Миколь? У вас есть двадцать минут, чтобы спуститься с утеса и продолжить свой путь. Теперь вы будете ведущими; что бы там ни было впереди, если оно вам понравится, оно ваше. Следом двигаются мицлапланцы, на тех же условиях. Мы будем замыкающими. Любые действия против нас со стороны любой из команд — и мы тут же объединяемся с другой группой. План не идеальный, но, по крайней мере, так мы уберемся с этого дождя.

На некоторое время воцарилась тишина, потом Джимми сказал:

— Их телепаты объясняют им, как можно проследить за соблюдением соглашения. Мне это не нравится, но в нашем положении и это неплохо — мы хотя бы сможем двигаться дальше.

* * *

Мицлапланцы, особенно Ган Ро Чин, все были за предложенное решение. Вдруг Чин огляделся вокруг:

— А где Морок?

— В самом низу склона, — раздался голос Первого Инквизитора Длани Богов. — Еще немного, и я бы упал в реку. Боюсь, я вывихнул или, возможно, даже сломал левую ногу.

— Мы придем и заберем вас! — воскликнула Криша. — Я уверена, что биржанцы разрешат нам это!

— Нет. Сейчас я буду для Длани только обузой, а мы не знаем, что еще ждет нас впереди. Вы должны оставить меня здесь, пока я не смогу залечить свою ногу, или каким-нибудь другим образом восстановить свою подвижность. Иначе ваша забота обо мне приведет только к нашей общей гибели.

— Но, Святой, мы не можем оставить вас, тем более здесь! К тому же, сейчас я блокирую их телепатов, так что они не имеют представления, где мы находимся. Если же я уйду, вас сразу засечет телепат Биржи.

— Это будет не первый раз, когда меня оставят позади, и не первый раз, когда я сталкиваюсь с подобной проблемой. Поэтому я приказываю вам уходить, как только вам скажут, что вы можете это сделать. Криша, до моего возвращения меч Длани передается тебе. Ты не можешь мне в этом отказать.

И действительно, она не могла отказаться, поскольку послушание — это один из краеугольных камней веры. Еле сдерживая слезы, она ответила:

— Хорошо, Святой. Я повинуюсь.

* * *

— Ладно, так и быть, мы согласны, — пришел ответ Джозефа. — Но мы хотим час форы. Впереди скользко, опасно, и наиболее удобные пути наверняка затоплены.

Трис Ланкур взохнул. Снова им предстоит долгое ожидание по колено в грязи.

— Хорошо, пусть так. Один час

— Что мы видим! Команда номер один в нашем Кинтарском марафоне обгоняет команду номер два! — раздался циничный комментарий Джимми Маккрея. — У них преимущество в один час перед второй командой! И мы боимся даже предположить, насколько отстала третья команда, которая, по обыкновению, плетется в хвосте.

— И это чертовски странная гонка, Маккрей, — вздохнула Модра. — Мы ведь даже не знаем, где здесь финишная черта!

— Ну, это просто, — ухмыльнулся телепат. — Это такая гонка, в которой третье место вполне может оказаться единственным, а совершенно очевидно, что больше всех выиграет тот, кто останется в живых!

* * *

Тобруш на вершине утеса уловила это слово и те образы, которые оно вызвало в уме у Модры Страйк и Дарквиста.

— **Кинтара**!

— А? Что ты там бормочешь? — спросил его Джозеф, раздраженный тем, что им приходилось покидать такую отличную позицию.

— Демоны. Так их называют торгаши. Их лидер — наполовину человек, наполовину машина. По-видимому, ему каким-то образом все же удалось получить некоторую информацию на базе исследователей, хотя там практически все было разрушено. Последние слова в уме у другого такого же, как он, там, на первой станции, прежде чем демон разорвал его, были: «Кинтара — они все еще существуют!»

— Кончай пороть чушь! — отрезала Калия. — Все, что нам надо, — это избавиться от мицликов и разобраться с остальными, и мы покончим с этим делом. Рано или поздно нам придется этим заняться.

— В данном случае лучше, чтобы это было «поздно», — ответил Джозеф. — Кроме того, здесь отдаю приказы я. Твое дело — исполнять их, а не высказывать свое мнение.

— Да неужели? Послушай-ка, господин начальник, ты и так уже завел нас в эту дыру, где нас всех чуть не перебили! Может, ты просто занимаешься не своим делом, а?

Резко развернувшись, он сверкнул на нее глазами:

— Может быть, ты хочешь, чтобы я доказал тебе свое право на лидерство?

Она почувствовала, как его гипнотическая сила овладевает ее разумом, лишая ее контроля над собственным телом.

— Нет, нет. Мне все понятно. Не надо обижаться!

— Нам нужно максимально использовать данный нам час, — вмешался Дезрет. — Нет никакого смысла дальше оставаться здесь.

— Я согласна, — подала голос Тобруш. — У тебя есть предположения, где может находиться следующая станция?

— Нет, но если они все на одинаковом расстоянии друг от друга, то нам предстоит еще полтора дня пути.

Джозеф покачал головой:

— Вот именно. И на этот раз мы даже не знаем, туда ли мы идем!

* * *

Час еще не прошел, когда Криша уверенно сказала:

— Они ушли. По крайней мере, они вне зоны моего восприятия, а значит и вне дальности стрельбы.

— Почему бы нам не двинуться вперед прямо сейчас? — спросила Манья, в которой росло раздражение из-за того, что пришлось пропустить вперед ненавистных миколианцев. Кроме того, она была уязвлена тем, что из них двоих Морок выбрал Кришу, а не ее, чтобы передать бразды правления. Конечно, она должна была подчиняться приказу, но в ее обете ничего не говорилось о том, что приказы должны ей нравиться, или что она должна воздерживаться от критики.

— Мы подождем, пока не пройдет условленный час, — ответила Криша. Она знала, что чувствует Манья, и жалела ее. Телепатка и сама меньше всего ожидала подобного, и с удовольствием отдала бы Манье свою власть. Капитан Чин, безусловно, не мог быть их предводителем, поскольку не приносил обетов, но, как и Морок, она рассчитывала использовать его опыт и житейскую мудрость, где только возможно. — Конечно, это кажется не очень разумным — показывать Бирже, что мы согласились на их условия, хотя именно это мы и сделали, но я хочу дать Мороку время найти такое место, где его не обнаружат, пока я еще могу его прикрывать.

Значит, теперь уже просто «Морок», мрачно подумала Манья. Как же быстро власть меняет своего хозяина! Она отдавала себе отчет в том, что Криша может читать ее мысли, но это ее нимало не заботило.

Чтобы заполнить образовавшееся время, Криша, отвечая на вопросы, которые задавал ей Ган Ро Чин, объясняла им свое новообретенное мироощущение и причины, вызвавшие его появление. Чин был весьма впечатлен; он понял, что она имела в виду. Однако он задумался, как долго еще она сможет противостоять соблазнам. Несмотря на свою бунтарскую натуру, она вела, в общем, довольно уединенный образ жизни. Фактически, сейчас она впервые была за пределами Империи, в которой родилась и выросла. И впервые в жизни встретилась с враждебными инопланетянами.

В любом случае, Морок верил и доверял ей, а он отнюдь не был дураком. Ган Ро Чин был уверен, что скоро он их догонит, хотя и не знал, каким образом.

— Пора! — Чин поднялся на ноги. — Двигаемся вперед очень осторожно, здесь по-прежнему очень скользко. Кроме того, нам не следует забывать, что теперь противник сильно превосходит нас в численности, а коринфианца можно обнаружить только по приборам, да и то если повезет. Я бы не стал исключать

возможность того, что они оставили его нам в качестве сюрприза в каком-нибудь укромном местечке.

— Да, их лидер вполне способен на такое, — согласилась Криша. — Но меня больше беспокоит эта их девушка. Я не уверена, может ли кто-нибудь из них как следует ее контролировать. Она полна ненависти и вряд ли станет медлить, чтобы отомстить Манье за ожоги на своем лице. А больше всего я боюсь того, что у нее совершенно отсутствует чувство страха. Предоставленная сама себе, она бы не колеблясь освободила всех демонов в обмен на наши жизни.

— Ну что ж, тогда пойдем, — проворчала Манья.

Криша согласно кивнула, но еще некоторое время медлила.

— Я почему-то больше не слышу мыслей Морока. Не понимаю: если он в таком тяжелом состоянии, что не может идти, как же ему удалось забраться так далеко? Ну да ладно, если я его не слышу, то не услышат и другие. — Она вздохнула. — На данный момент я не вижу других вариантов. У нас есть только одно задание, и пока оно не будет выполнено, все остальное должно отойти на второй план. Мы должны убить всех миколианцев, чего бы это нам ни стоило. Из всех трех групп они единственные способны, несмотря ни на что, выпустить Темных.

Ган Ро Чин подошел к исковерканному, разбитому телу Савина и отстегнул его батареи:

— Нам понадобится все, что мы сможем собрать, когда мы в следующий раз повстречаемся с коринфианцем.

* * *

Джимми Маккрей ходил вокруг развалин меньшего сооружения, то и дело широко зевая.

— Может быть, заночуем в сухом месте, как они? — спросила Модра Ланкура.

— Не знаю. Конечно, мы все устали, и торопиться нам особенно некуда, но мне не хотелось бы оказаться здесь в ловушке, как они, если кому-нибудь из них вдруг захочется вернуться. Однако в любом случае я хочу осмотреть эти руины. Что ты о них думаешь, Даркквист?

— Завораживающее зрелище, — ответило звездоподобное существо. — Они очень древние — никак не меньше пяти-шести тысяч лет. Я смогу сказать точнее, когда поработаю с образцами в своей лаборатории. Что меня действительно удивляет, так это то, что подобные руины я уже видел раньше на других мирах. Причем на планетах-прародительницах, а не на тех, которые были колонизированы позднее. Обычно они имели какое-нибудь астрономическое значение и служили своего рода святилищами. Так

как Кинтара для этого слишком развиты, я думаю, что эти постройки — не их рук дело. Они, должно быть, принадлежат к тому периоду, когда на этой свалке миров жил кто-то еще.

— Маккрей, тебя что-то беспокоит? — спросил Ланкур — Ты уже раз сто обошел это мертвое тело на камне.

— Просто размышляю. Но меня интересует не тело, а то, что под ним. Дарквист прав — я тоже видел подобные вещи на картинках в древних книжках. Задолго до того, как наш народ напоролся на Три Империи, — которые нас, кстати, и сожрали, — мы нашли еще пару миров с такими же штуками. И в книжках были отсылки к еще более древним подобным же сооружениям, которые находились на древней планете-прародительнице наших предков. Хотя сам я впервые вижу их вживую. Я все пытаюсь понять, что же мне в них так не нравится.

— Не знаю, как ты надеешься здесь что-нибудь понять, — заметила Модра. — За все эти годы камни стали выглядеть совсем не так, как замышляли их создатели. И этот уродливый монстр мешает разглядеть подробности. У меня от него мурашки по коже.

Внезапно он понял.

— Дело здесь совсем не в том, что было наверху! Самое главное — это расположение колонн. Две передних несколько ближе друг к другу, чем задние. И почему три задние не расположены в ряд, а одна из них выступает дальше к реке?

— Может быть, это просто для того, чтобы сооружение могло держаться? — предположил Дарквист.

Джимми, казалось, его не слышал.

— Если предположить, что в свое время это было сделано преднамеренно, то мы имеем здесь пятиугольник. Пять сторон! Ну конечно! Это же пентаграмма!

— Что? — переспросил Дарквист.

— Пентаграмма. Согласно старым легендам, пентаграмму использовали, когда собирались вызывать духов. Говорили, что они по какой-то причине не могут выходить за ее границы. Бьюсь об заклад, что если измерить расстояние между колоннами, оно окажется одинаковым. Пентаграмма образуется так: сначала рисуют пятиконечную звезду, а потом соединяют ее вершины; просто пятиугольника недостаточно. Если демона вызывают внутри нее, он не может выбраться и зависит от воли тех, кто его призвал. Если же внутри пентаграммы ты, то когда демон приходит на зов, он не может тебя достать. Если это действительно пентаграмма, это значит, что они или поклонялись демонам и каким-то образом призывали их сюда, либо собирались здесь, чтобы защитить себя от демонов.

— Первобытные суеверия! — проворчал Дарквист.

— Может быть, и нет, — ответил Трис Ланкур. — Это древний религиозный символ, почитаемый многими землянами, и я уверен, что тоже его где-то уже видел. Мы не знаем всех законов, которым подчиняются другие измерения, и уж наверняка мы не знаем, ни насколько сильны Кинтара, ни насколько далеко они ушли в своем техническом развитии. Когда мы говорим «измерения», мы на самом деле используем математический термин для описания чего-то не вполне для нас понятного. Предположим — только предположим, — что для каких-то целей необходимы определенные геометрические фигуры. Может быть, они открывают проход, если знать, как это делается, или, наоборот, закрывают его. Мы ведь так и не осмотрели ни одной станции целиком! А что, если это тоже пентаграммы, о которых толкует Маккрей. Или даже какая-нибудь еще более могущественная геометрическая фигура, которая была незнакома нашим предкам? Это вполне возможно. Маккрей, ты сможешь, если понадобится, начертить для нас пентаграмму? Достаточно точно, чтобы она действовала?

— Полагаю, что смогу. Если компьютер в этом скафандре может измерить точное расстояние отсюда до вершины утеса, то уж наверное он справится с несколькими прямыми линиями! Главное — чтобы у меня было чем их нарисовать. Если бы не этот проклятущий дождь, пентаграмму можно было бы нарисовать хоть палочкой на грязи, или начертить где-нибудь кусочком мела.

— Ну ладно, запомни это на будущее, как возможный способ защиты. Кроме того, следующего найденного нами Кинтара я намерен рассмотреть поподробнее, и мне наплевать на риск. Существ, которые могут проходить сквозь бетон так, будто это папиросная бумага, вряд ли можно удержать на месте при помощи материала, который так запросто разбивается нашим оружием. Их держит что-то другое — что-то, что исчезает, когда мы разбиваем стенки. И я хочу знать, что это такое.

— А пока давайте уже двигаться дальше, — попросила Модра. — Это место пропитано смертью!

Они поднялись на вершину утеса, пользуясь выступами сланца, образовывавшими что-то вроде лестницы. Джимми Маккрей все равно хотел исследовать старые руины наверху, и, рассудив, что здесь более безопасная позиция, они решили не идти сегодня дальше. Говоря по правде, большинству из них гораздо больше хотелось спать, чем куда-либо идти. Однако, здесь, под открытым небом, постоянная барабанная дробь дождевых капель просто не дала бы им уснуть.

— Похоже, это строили ребята с таким же складом ума, что и там, внизу, — сказал телепат. — А может, даже

те же самые. Сложно сказать. Рискну только предположить, что хотя эта штука и в худшем состоянии, чем та, что внизу, эта все же не такая древняя. Она стоит на более открытом месте — возможно, этим и объясняется ее плачевное состояние.

— Почему ты думаешь, что она новее? — спросил его Дарквист.

— Это алтарь. Внизу у нас, как мы предполагаем, пентаграмма. То есть, они нуждались в защите. А здесь нет даже намека на что-либо подобное. Видишь, на этом алтаре еще видны желобки, ведущие к канавкам на земле. Скорее всего, первоначально они отводили сток еще дальше, к краю обрыва. Я думаю, это — алтарь для жертвоприношений. По этим канавкам текла кровь или что там текло в жилах у этих ребят.

— Откровенно говоря, мистер Маккрей, мне кажется, что у вас излишне разыгралось воображение, — ответил Дарквист. — Ну посуди сам: ты встречаешь руины каких-то сооружений, построенных народом, о чьем внешнем виде и мировоззрении мы пока не имеем ни малейшего представления, и из-за нечетного числа колонн тебе тут же видится пентаграмма, а результат естественного выветривания ты с ходу готов принять за алтарь для кровавых жертвоприношений. При этом твои выводы основываются на каких-то страшных историях, которые рассказывал религиозный лидер вашей общины, или которые ты вычитал в старых книжках. Да в любой культуре существуют подобные истории! Как правило, они используются для того, чтобы передать молодому поколению основные нормы морали или чтобы заставить его подчиняться этим нормам. Сходство Кинтара с демонами из ваших легенд пробудило в тебе старые детские страхи, и теперь ты все воспринимаешь в несколько извращенном виде. Я согласен, что Кинтара могли послужить основой для подобного рода историй в близлежащей части Вселенной. Я даже соглашусь, что они относятся к Высшим Расам, как Хранители Биржи, Миколи и Мицлапланы. Они были опасны, и поэтому кто-то более могущественный запер их. Но поверить в их сверхъестественное происхождение?

— Не вижу причин, почему вы оба не можете быть правы, — заметил Трис Ланкур. — Если люди называют что-то сверхъестественным, это просто значит, что никто еще не понял, как это делается. Поведение практически всех древних богов и злых духов отражает черты тех культур, в которых они были созданы. Боги рождаются и растут в человеческом воображении. Относительное постоянство в описаниях демонов указывает на существование некоего общего источника, и теперь мы знаем, что это за источник. Кроме того, мы знаем, что хотя Кинтара и могли быть бессмысленно жестокими, они обладали развитыми техно-

логиями, находящимися превыше нашего понимания, которые и объясняют их огромную мощь. Я думаю, нам всем доводилось бывать на планетах с примитивной культурой, где нас принимали за сверхъестественные существа. У самих демонов тоже есть своего рода религия: они боготворят силу. Чистую силу, как она есть. Им нравится чувствовать себя богами. Они наслаждаются, упиваются своей властью. Если у них и есть какие-то другие, более высокие ценности, то мы до сих пор не встречали этому никаких доказательств. Судя по тем признакам, какими мы располагаем, такая раса удовлетворилась бы только ролью верховного властителя над всем сущим. Они неизбежно должны быть воинственными и любить войну. Кстати, этим можно объяснить и необычайно высокий уровень их технического развития. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Ты упустил один весьма существенный момент, — заметил Маккрей.

— А именно?

— Двое из них сейчас на свободе и направляются в какое-то очень важное для них место. Кинтара они, или демоны, или это одно и то же, но если бы я был одним из них, пусть даже самым мелким и незначительным, и внезапно обнаружил, что наконец попал в большую кондитерскую и меня некому наказывать, я бы, наверное, плюнул на всех возможных врагов и прямиком направился бы к месту сосредоточения своей былой силы. Может быть, они захватят по дороге еще пару старых приятелей, которые составят им компанию. А теперь подумай: если даже их действительно засадила сюда наша Великая Тройка, то в настоящее время она — лишь жалкая пародия на то, чем была когда-то, в отличие от этих мальчиков, которые сохранили все свои прежние знания и жажду битвы. И если сейчас мы, так называемые младшие расы, не найдем способа их остановить, то скоро для нас не будет иметь зничения, кто они — Высшая Раса или Князья Тьмы. Да эти ребята за несколько дней сомнут все девяностотриллионное население Трех Империй!

Дарквист не нашелся, что ответить.

Модра глубоко вздохнула:

— Ну ладно, здесь нам ночевать негде. Пошли поищем дальше. Маккрей, не забывай про ментальное сканирование. Никогда нельзя знать наверняка, где нашим друзьям вздумается остановиться.

— Я бы пока не беспокоился насчет них. Они слишком заняты мыслями о том, как бы перебить друг друга. Мы будем их интересовать только после того, как одна из групп этого наконец-таки добьется. Давайте лучше посмотрим, как бы нам так найти место для лагеря, чтобы не приходилось бороться с течением.

* * *

Это не было легкой прогулкой, и без скафандров они скорее всего уже много раз поскользнулись бы или съехали вниз. Правда, здесь были глубокие канавы — что-то вроде тропинок, которые, возможно, протоптали посетители святилища. По ним нельзя было ходить — в них было слишком много воды, — но они служили прекрасным ориентиром.

Когда подъем, наконец, закончился, они увидели, что подножие противоположного склона покрыто очень странным лесом. Это было первое свидетельство существования здесь какой бы то ни было жизни.

Стебли этих древоподобных растений можно было принять за старые, обветшавшие колонны. Изогнутые, перекрученные спиралью, они возвышались причудливой смесью серого и коричневого оттенков. На вид они больше всего напоминали камень, да и росли они не из земли, а прямо из твердого базальта, испещренного обсидиановыми вкраплениями. Однако на вершине каждый такой столб раскрывался широкой воронкой массивных чешуйчатых наростов, напоминавших толстые плиты темно-синего с серыми прожилками мрамора, которые собирали дождевую воду и направляли ее куда-то в центр стебля.

— Здесь явно используется не фотосинтез или какой-нибудь подобный ему процесс, — заметил Дарквист. — Больше всего это похоже на какую-то кремниевую форму жизни, хотя внешность может быть обманчивой.

— Но чем они питаются? — удивилась Модра. — Ни солнца, ни почвы...

— И никаких зверушек, слава богу, — вставил Маккрей.

— Видимо, — начал размышлять Дарквист, — им достаточно дождя и тех веществ, которые содержатся в этой базальтовой породе. Вода, очевидно, каким-то образом все же испаряется, иначе мы бы с вами находились сейчас посреди океана, а над нами не было бы ни облачка. Если все, в чем они нуждаются для роста и размножения — это минералы и вода, то, пожалуй, дождь и сам по себе может обеспечить их всем необходимым. Я почти уверен, что для нас дождь безвреден, но я еще не провел химический анализ. Да, поистине впечатляющее зрелище.

— Меня больше интересует тот факт, что большая часть воды, стекающей с утеса, уходит в эти щели и трещины, — сухо заметил Ланкур. — Если у нас над головами будет эти листья, или как их назвать — коллекторы? — нам удастся переночевать если не в сухости, то, по крайней мере, в терпимых условиях. Модра, Маккрей, снизу от наших друзей ничего не слышно?

Эмпат и телепат по очереди проверили местность.

— Есть что-то вдалеке, но очень нечетко. Вблизи все чисто, — доложила Модра.

— Точно, — согласился Джимми. — Мицлапланцы, скорее всего, успели перехватить пару часиков сна там, в руинах, прежде чем их так грубо разбудили. Поэтому сейчас они в лучшем состоянии из всех нас. Но даже при таком раскладе они сначала тщательно обдумают, когда и как им следует нанести удар отряду миколианцев. Вряд ли они будут нарываться на драку прямо сейчас. Нет, я думаю, мы можем остановиться в лесу, это будет вполне безопасно.

Перепрыгивать через трещины оказалось сложнее, чем представлялось вначале. Особенно трудно пришлось Молли, чьи ноги просто не были приспособлены для таких вещей. Но она почувствовала азарт — ведь если это удалось тем кинтарским парням, то чем она хуже них?!

Наконец они добрались до края этого странного леса.

— И в какую сторону нам идти? — поинтересовалась Модра. — Боюсь, некоторое время у нас не будет телепатических подсказок.

— Может быть, это глупо, — начал Джимми Маккрей, — но вон там, метрах в тридцати ниже по склону, поблизости друг от друга стоят два дерева, которые слегка отличаются от остальных. У них этакий жирный блеск, если вы понимаете, о чем я.

Подойдя ближе, они смогли получше рассмотреть их. Эти два дерева действительно отличались от остальных: в трех местах поверхность их кривых стволов была обшита полосками прозрачного водонепроницаемого материала.

— Похоже на ту штуку, в которую были упакованы те большие синты, — сказала Молли. Она воспринимала демонов как какой-то вариант ее собственного вида, потому что это было единственное, в чем она хоть как-то разбиралась.

Дарквист с удивлением посмотрел на Молли.

— А знаете что? Она права! Это действительно похожий материал, — сказал он, быстро осмотрев стволы. — Разумеется, я не претендую на понимание образа мыслей другой расы или культуры, но я могу представить себе только один повод проделать с двумя деревьями что-либо подобное...

Модра понимающе кивнула:

— Дорожные вехи!

Она прошла между стволами, и буквально в десяти метрах от себя увидела еще одну пару деревьев, отмеченную таким же образом.

— Вот как они это сделали, и как это делали многие до них!

Они прошли немного вглубь леса, но не стали заходить далеко. Под навесом из «листьев» было не то чтобы сухо,

но здесь уже не было того оглушительного ливня, который хлестал снаружи, да и наполнявшие воздух крики и стоны стали тише и, казалось, куда-то отдалились. Здесь было просто мокро.

— Я бы сказал, что мы нашли наилучшее место для лагеря, — прокомментировал Трис Ланкур. — У нас есть четкий маршрут и некое подобие крыши над головой, и в то же время мы находимся достаточно близко к краю леса, чтобы прорваться, если впереди нас ждут какие-либо неприятные сюрпризы. Часовым снова буду я; все остальные должны как следует выспаться. Никто не знает наверняка, когда нам удастся отдохнуть в следующий раз.

Они разбили лагерь, и не прошло и двух минут, как Маккрей, Молли и Дарквист уже погрузились в глубокий сон. Но Модра, уставшая не меньше остальных, внезапно поняла, что не может уснуть. *«Я просто переутомилась»,* — успокаивала она себя; однако, все было куда серьезнее.

Никто из них, даже телепат, не понимал, насколько сильно она пострадала при столкновении с демонами. Молли смогла вырвать ее из-под их влияния только благодаря ограниченности своего мышления, до некоторой степени защищавшей ее. Очевидно, демоны, сбитые с толку той белибердой, которую они читали в уме синт, просто-напросто игнорировали ее. Тем не менее, Молли, не представляя себе, что именно делали демоны с психикой Модры, не могла осознать и всей тяжести нанесенной ей травмы.

Кинтара обладали многими Талантами, что, кстати, являлось основным признаком Высшей Расы — впрочем, неизвестно, какими Талантами обладали таинственные Хранители Биржи, и обладали ли они ими вообще. Кинтара прочли разум Модры, добравшись до сердцевины узла ее боли и отрицательных эмоций, а затем усилили и обратили внутрь худшие из них. Молли и время смогли лишь ненамного смягчить результат. Модра так и не сумела окончательно оправиться, хотя и храбрилась изо всех сил.

Кроме того, здесь был Ланкур — ходячий труп человека, которого она убила собственной бесчувственностью и эгоцентричностью. Она была слишком занята собой, чтобы заметить, насколько сильны были его чувства, насколько живо он реагировал на ее действия. Это она-то, эмпат! Конечно, она предполагала, что его заденет за живое то, что она предпочла романтике стабильность. Но едва ли она подозревала, что он дойдет до такой степени отчаяния. Он всегда был слишком сильным и слишком самоуверенным для подобных глупостей.

Здесь, в этом жутком лесу, она не могла не вспомнить, как они в последний кошмарный раз сражались вместе, цепляясь друг за друга в поисках защиты, судорожно пытаясь не потерять рассудок под натиском тех кошмарных созданий. В тот раз

она была настолько напугана, что твердо решила, что никогда больше не подвергнет себя подобному испытанию.

И что? Вот она сидит здесь, в этом проклятом инопланетном лесу, в каком-то мрачном, сыром, насквозь прогнившем мире империи Ада, рядом с тенью того человека, которого она довела до самоубийства.

Все было напрасно.

Она поднялась, зевнула и потянулась. Ланкур взглянул на нее и спросил:

— Ты в порядке?

— Не могу уснуть, — ответила она. — Мне нужно немного размяться.

Она медленным шагом двинулась обратно, к краю леса.

— Тебе не стоит туда возвращаться, — предупредил Трис. — Я не могу охранять всех сразу.

— Не беспокойся. Я не пойду туда, просто прогуляюсь до опушки. Мне просто нужно пару минут побыть одной. — *«Как же тебе сказать, что я не хочу тебя видеть хотя бы какое-то время!»* — Все будет в порядке. Я ненадолго, к тому же я заодно проверю, нет ли кого-нибудь поблизости. Мы ведь всегда можем связаться по интеркому.

Ему это не понравилось, но он уступил, зная, что все равно не сможет ей помешать.

Она дошла до опушки, потом прошла вдоль нее чуть дальше, потом еще немного, пока, наконец, Ланкур совсем не скрылся из виду. Прислонившись к одному из деревьев, она принялась молча смотреть на этот фантастический, непрекращающийся дождь.

Жуткие звуки этого странного мира были здесь гораздо громче. Возможно, в этом было виновато эхо, метавшееся между холмами и каменным лесом. Странно и страшно было слушать эти вопли, но еще больше она боялась выключить внешний микрофон и остаться в тишине, один на один с собственным дыханием.

Она пыталась представить себе, как древние люди проходили здесь в ритуальном шествии, поднимаясь наверх, к своим величественным монументам. Что с ними стало? Может быть, они вымерли в результате рабского служения Кинтара? Или сами Кинтара уничтожили их, когда те им наскучили? Или, возможно, здесь произошел какой-то природный катаклизм, какая-нибудь глобальная перемена климата, в одно мгновение уничтожившая их старый и такой знакомый мир? Вся прежняя жизнь со всеми ее циклами и пищевыми цепочками обратилась в прах, и ей на смену пришла новая, более скудная и неброская. Осталось ли еще солнце там, за тучами? Здесь бывало либо сумрачно, либо очень сумрачно, но никогда не становилось ни по-настоящему темно, ни светло, как это обычно бывает, когда идет дождь.

Маккрей, конечно, слегка сдвинулся на кошмарах из своего детства, но все же что-то в его словах не давало ей покоя. Слишком хорошо это подходило под ее настроение, вытаскивая наружу то, о чем она никогда не хотела задумываться.

Трис (Черт побери! Никак ей не избавиться от мыслей о нем!) был неправ, говоря, что Дарквист и Маккрей говорят об одном и том же, как бы разумно это ни звучало. Они с Дарквистом отлично спелись. Трис тоже воспринимает Кинтара просто как жестокую и очень опасную команду, логику которой тем не менее можно понять, оценить, взвесить. По Маккрею же демоны были чем-то гораздо большим. Даже смерть не освобождала тебя от их власти, а наоборот, позволяла им забрать твой разум, дух, душу, как бы это ни называлось. Он говорил, что они хуже тиранов, которых Вселенная повидала огромное множество на своем веку; что крики и стоны, разносившиеся по этому месту — это голоса тех, кто был проклят навеки. Может быть, это голоса тех, кто отдал демонам свою душу в этом мире?

Глядя на это место, легко можно было представить себе, что древние архитекторы все еще здесь — невидимые глазу, запертые в своем бесконечном времени.

От этих мыслей, хотя она никогда и не верила в то, чего не могла увидеть, услышать, потрогать, у нее по спине поползли мурашки.

Внезапно где-то совсем близко ей послышался какой-то новый звук, похожий на хлопанье флага по ветру. Этот звук странным образом отличался от остальных, но она не придала ему особенного значения, решив, что это просто передвинулся один из листьев-коллекторов, чтобы получше приспособиться к дождю. Она обернулась посмотреть, что именно это было, но звук так же внезапно исчез, и она упрекнула себя за излишнюю нервозность. Она просто устала, подавлена, поэтому на нее так и подействовало это место и рассказы Маккрея о демонах, пентаграммах и древних ритуалах.

Она скорее почувствовала, чем услышала, что сзади нее кто-то появился, и обернулась, ожидая увидеть Триса, пришедшего проверить, куда она запропастилась.

Но вместо этого она увидела перед собой огромные темно-красные глаза. Эти глаза, казалось, забирали ее силы и волю, но она не могла ни отвернуться, ни зажмуриться. Внезапно она полностью лишилась собственной воли, и хотя ей не было сказано ни слова, она вдруг обнаружила, что отключила интерком, переключила радиосвязь на редко используемую частоту и одновременно включила автоматический переводчик и персональный генератор помех.

— У тебя нет мыслей, нет страхов. Тебя ничто не печалит, ничто не заботит, — раздался в наушниках ровный голос. — Ты думаешь лишь о том, что я тебе скажу. Единственная цель

твоего существования — помогать мне любой ценой и выполнять мои команды. По твоему телу разливается ощущение силы, ты мыслишь четко и ясно, без малейшего признака усталости. Сейчас ты выключишь свой маяк и поможешь мне уйти в лес, но так, чтобы держаться подальше от размеченного пути и вашего лагеря. Ты должна спасти меня и себя от своих спутников. Пока они спали или охраняли лагерь, демоны застали их врасплох и теперь управляют ими. Ты единственная смогла спастись. Сейчас твой единственный шанс — это помочь мне добраться до моих людей и самой присоединиться к нам. Отведи меня туда, где нас не станут искать, а телепат не сможет обнаружить. Мне понадобится твоя помощь. У меня повреждена нога. Пойдем. Приложи все усилия, чтобы избежать демонических приборов.

Без малейших колебаний она подставила обладателю голоса свое плечо, и они скрылись в густом каменном лесу, стараясь двигаться как можно быстрее.

Трис Ланкур внезапно осознал, что Модра отсутствует уже слишком долго.

— Модра? — позвал он по интеркому. — Модра, ответь!

Теперь уже действительно обеспокоенный, он поднялся на ноги и переключился на вызов по всем частотам.

— Модра? Ответь, если ты меня слышишь!

Ответа не было.

Он включил пеленгатор, чтобы определить ее местоположение по радиомаяку, но не получил никакого результата.

Вызов на всех частотах поднял всех остальных.

— А? Что? — забормотал Джимми Маккрей, просыпаясь.

— Подъем! Модра исчезла!

Услышав это, они тут же пришли в себя.

— Что ты хочешь этим сказать — «исчезла»? — устало спросил его Дарквист.

— Она не могла заснуть и пошла прогуляться до опушки, а потом внезапно просто исчезла. Она не отвечает на вызов, ее радиомаяк тоже молчит. Маккрей, проверь, может, ты сможешь ее засечь?

Джимми зевнул, тщетно пытаясь прогнать остатки сна, и раскинул стандартную ментальную сеть. Что-то там было, и оно медленно удалялось от них, но выглядело оно очень странно. Сначала он слышал два сознания, потом одно, а потом вообще какое-то невнятное бормотание.

— Гриста! Ну-ка, помоги мне!

— Черт! В этой команде что — вообще никто никогда не отдыхает?! Ладно уж, так и быть...

Большой пользы от усиления не было, но теперь он, по крайней мере, мог с уверенностью сказать, что Модра была не одна.

— Здесь поработали мицлапланцы. Это их психованные штучки, — сообщил он остальным. — Полушайте-ка, а уверены ли мы, что они все вчетвером поднялись тогда на утес? — Он щелкнул пальцами. — Черт! Это же их проклятый гипнот!

— По-моему, ты недавно говорил, что никого из них нет поблизости, — резко сказал Ланкур.

— А их и не было! В пределах нескольких часов ходьбы от этого места! Я ручаюсь за это.

— Ну, как бы там ни было, а сейчас это существо здесь, — заметил Дарквист. — И оно забрало Модру.

— В этом есть доля моей вины, — признался Трис Ланкур. — Я не проследил за ней, нарушив главное правило для подобных ситуаций.

— Да нет, ты не виноват. Я думаю, мы их просто недооценили, — попытался утешить его Дарквист.

— Или переоценили самих себя, — добавил Джимми. — Слушайте, я сейчас разобрал, что этот мицлапланец ранен — очевидно, во время перестрелки. Каким-то образом он умудрился не засветиться во время наших с Модрой проверок. Не знаю уж, как он это сделал, но, как нам всем известно, нет ничего невозможного. Обдурить можно практически кого угодно — и человека, и машину. Модра просто случайно оказалась для него открытой жертвой, ниспосланной самими небесами.

— Куда они направляются? И как они определяют, куда им идти, если они не пользуются размеченной тропинкой? — тут же вцепился в него Трис.

— Этого я сказать не могу. Ты же знаешь, я не могу определять направление. Хотя... они вряд ли ушли далеко, и если мы прямо сейчас отправимся за ними, то еще сможем их догнать. Сколько времени ее не было, когда ты заметил, что она пропала?

— Двадцать минут. Может быть, полчаса.

— Просто отлично! — сварливо пробурчал Дарквист. — Да за это время они в этих джунглях могли уйти черт знает куда!

Маккрей покачал головой:

— Не могли. Он ранен, а она измотана до предела, как бы этот гипнот ни убеждал ее в обратном. Они не далее чем в одном километре отсюда, но они удаляются.

— Может быть, ты и прав, но мы-то их сможем найти только наудачу, тыкаясь куда попало, пока ты будешь проверять амплитуды, — заметил Дарквист. — А если они заблудятся в этом хаосе, то и мы вместе с ними.

— Дарквист прав, — согласился Трис Ланкур. — Мы не можем позволить себе здесь заблудиться, потому что иначе мы будем заниматься этим вечно. Однако будем исходить из того, что он либо знает, куда идти, либо рано или поздно воспользуется эмпатическим Талантом Модры, чтобы определить местоположение своих товарищей. И в том, и в другом случае мы узнаем, куда они направляются. Команда мицлапланцев, скорее всего, шла по этому же размеченному маршруту. Поэтому нам остается только идти вперед и постараться их обогнать. Маккрей предупредит нас, когда мы будем близко.

— Звучит разумно, — согласился телепат. — А ты уже придумал, что мы будем делать, когда догоним их? Он же чертов гипнот!

— Для меня не опасен ни гипноз, ни какой-либо другой Талант, — напомнил Трис.

— Это так, но это мало поможет, если в тебя будут стрелять, — добавил Дарквист. — Наверное, это звучит странно, но, кажется, я начинаю уважать этого мицлапланца.

— Уж я его уважу, когда встречу, — ровным голосом произнес Трис. — Они нарушили данное слово и тем самым нарушили заключенный мир и ослабили нашу команду. По моим прикидкам, они сейчас точно между нами и миколианцами. Они там как мясо в сэндвиче, а мне как раз очень хочется есть!

ХРАНИЛИЩЕ СНОВИДЕНИЙ

— Зачем мы так торопимся? Этак мы загоняем себя до полного истощения! — спросила Тобруш, которая не могла понять целеустремленности своего лидера, даже после того, как залезла в его мысли. — Нам нужно отдохнуть, или мы умрем раньше, чем они нас догонят!

— Нужно было устроить засаду в каменном лесу, — подтвердил Дезрет. — Устраненная угроза не причиняет беспокойства.

По правде сказать, Джозеф вынужден был признаться себе, что даже у него уже нет сил идти дальше.

— Ну что ж, этот маршрут отмечен, — сказал он. — Им придется идти точно вслед за нами. Не так уж важно, где состоится следующая битва, до тех пор, пока мы сами выбираем время и место. Обе другие команды остались далеко позади и сейчас идут, нервно вглядываясь в каждый темный закуток и каждый камушек. Пожалуй, мы можем найти какое-нибудь укрытие и немного отдохнуть. — Он оглянулся. — Интересно, этот дождь вообще прекращается когда-нибудь?

— Судя по звуку, впереди нас водопад или что-то вроде этого, — сказала Калия. — Слышите?

Они остановились и замолчали, прислушиваясь к глухому рокоту, какой мог издавать только мощный поток воды, гораздо больше того, что был рядом с местом их первой битвы — а тот и сам по себе был весьма впечатляющим.

— Судя по тому, что мы видели до сих пор, у такого водопада могут оказаться какие-нибудь развалины, — с надеждой сказала Калия. — Может быть, мы сможем найти там подходящее укрытие и немного отдохнуть?

По мере их продвижения колоссальный гул становился все громче, пока не стало казаться, что он сотрясает землю до самого основания. Впереди них было небольшое возвышение, и Калия показала туда рукой.

— Смотрите! Дым!

— Вулкан? — задумчиво произнес Джозеф. — Да нет, не похоже это на вулкан... Что ж, посмотрим!

Они одолели очередной подъем, и открывшаяся перед ними картина оказалась куда удивительнее любого вулкана, какой они только могли себе вообразить.

Перед ними раскинулся огромный резервуар в форме подковы, сорока-пятидесяти метров в ширину, в который впадала не только большая река, вдоль которой они шли, но и другие многочисленные речки и потоки. Достигая цели, они смешивались и образовывали единую стену воды, которая падала в яму столь глубокую, что дна не было видно. Дым, поднимавшийся над этой водяной колонной, оказался паром и брызгами, образовывавшими над водопадом вращавшуюся феерическую воронку.

— Кажется, мы нашли самый большой унитаз в этой Вселенной, — выразила свои впечатления Калия.

Некоторое время они стояли, потрясенно разглядывая эту грандиозную картину. Наконец Тобруш подошла к краю водяного котла.

— Мне очень не хочется этого говорить, — джулки с трудом удавалось перекричать рев водопада, — но, судя по этим вешкам, нам придется прыгать.

Джозеф опасливо подошел к ней и, встав между двумя вешками, заглянул в пропасть. Некоторое время он молча смотрел, потом осторожно вернулся обратно.

— Там что-то вроде наклонного карниза, который идет вдоль стены налево и уходит за водопад. По-видимому, здешние скалы состоят из очень твердых пород — насколько я мог разглядеть, карниз до сих пор не разрушился. В ширину он порядка двух метров, без поручней или углублений.

Калия повторила его путь, хотя и не стала подходить к самому краю, потом быстро вернулась.

— Мне это очень не нравится! — прокричала она. — Спуск, должно быть, очень мокрый и скользкий. К тому же у нас нет ни малейшего понятия о том, куда он ведет — если, конечно, он вообще куда-нибудь ведет.

— Предположим, что его построили наши демоны. Это вполне возможно, судя по материалу, которым покрыты эти вешки, — задумчиво сказала Тобруш. — Предположим также — возможно, ошибочно, — что преследуемые нами демоны прошли здесь. Тогда, я полагаю, любой из нас сможет сделать необходимые выводы. Мы все видели, какие у этих демонов большие раздвоенные копыта. Если такие существа со своими твердыми, крайне тяжелыми телами смогли здесь пройти на своих плоских копытах, то я не вижу причин, по которым мы не могли бы это повторить. Но все это верно, только если они действительно прошли этим путем. Если же нет, и дорога впереди окажется подпорченной эрозионными процессами и недостатком обслуживания, то мы можем оказаться в очень неприятном положении. Путь ведет под уклон, поэтому выбраться обратно будет гораздо сложнее, чем спуститься.

Джозеф согласно кивнул:

— Я не вижу другого выхода, кроме как попытаться пройти здесь. Но это — только после того, как мы немного отдохнем и поспим.

Вырубленные в скале, перед ними находились самые замысловатые развалины из всех, которые они видели до сих пор. Эти сооружения казались менее примитивными и сохранились гораздо лучше — возможно, потому, что склон обеспечивал им естественную защиту, а может быть, из-за того, что они были не такими древними и были построены из более крепкого камня. Комплекс простирался в обе стороны, насколько хватало взгляда. Двери и окна, высеченные прямо в камне, выглядели одновременно и грубо, и очень цивилизованно.

— Посмотрим, сможем ли мы найти такое помещение, в котором будет сухо, есть два выхода и окошко, через которое просматривается тропа. Дезрет, проверь ближайшие строения.

Коринфианец сорвался с места и исчез в одном из бесформенных дверных проемов. Прошло довольно много времени, но он все не появлялся. Начиная беспокоиться, Джозеф вызвал существо по интеркому.

— Дезрет?

— Я здесь, — его голос звучал странно и глухо. — Мне кажется, вам стоит на это взглянуть, если вы захватите с собой какой-нибудь свет. Это совсем не то, чего можно было бы ожидать.

Они подошли к дверному проему и вошли один за другим, включив нашлемные фонари. Внутри грохот водо-

пада звучал более отдаленно и зловеще. Но даже став тише, он все равно создавал постоянное ревущее эхо.

Комплекс оказался не набором небольших разрозненных помещений, высеченных в каменной стене, а огромным единым сооружением со множеством входов и выходов. Часть его была несомненно естественного происхождения: она выглядела как естественная пещера, по которой, очевидно, когда-то текла лава, потому что никаких натеков, сталактитов или сталагмитов здесь не было.

Здесь располагались также ямы, в которых, должно быть, в древности разводили огонь для приготовления пищи и обогрева. Было тут и первое явное свидетельство о жизни людей, когда-то живших в этой пещере — разноцветные картинки и орнаменты на стенах. Они были сделаны грубо, но в то же время очень искусно, и по ним можно было примерно понять, что за существа жили здесь раньше. Это были двуногие гуманоиды со странными ящероподобными лицами и вдавленными носами. На спине у каждого из них был нарисован какой-то овальный предмет, который они сначала посчитали чем-то вроде рюкзака, но потом все же решили, что это скорее какой-то естественный нарост, особая часть тела.

— Рудименты, оставшиеся от панцирных предков, — выдвинула предположение Тобруш. — Так же, как и у моего народа. На основании этих двумерных картинок сложно судить, но этот вариант кажется мне наиболее логичным. Обратите внимание на эти большие выпученные глаза! На всех рисунках они разделены на три части. Интересно, что и как они ими видели? У них наверняка было хорошее чувство цвета, хотя и сопровождаемое очень плохим вкусом. Мощные задние ноги явно предназначены для бега, и очевидно, что, несмотря на остатки панциря, бегали они очень быстро. А судя по непропорционально большим когтистым рукам, их объятия вряд ли служили признаком дружеского расположения.

— Но что они ели? — спросил Джозеф. — Я пока что не видел здесь никаких следов чего-нибудь съедобного.

Этот вопрос интересовал его не из праздного любопытства: он прикидывал в уме, на сколько дней им еще хватит взятых с собой рационов.

— Судя по остаткам керамики и очагам, что бы это ни было, но они это готовили, — заметила Тобруш. — С таким лицом и линией челюсти... Я сильно сомневаюсь, что они были хищниками.

— Эти когти выглядят вполне подходящими для того, чтобы разрывать плоть, — отметил Джозеф.

— Полагаю, только в защитных целях, а вообще-то, по-моему, они были «землеройками». Клубни, коренья — кто знает? Скорее всего, они сначала вынюхивали, а потом выкапы-

вали то, что ели. Их ноги устроены таким образом, чтобы быстро покрывать большие расстояния, однако они жили в больших поселениях вроде этого. Логично предположить, что у них, видимо, были враги, лучшей защитой против которых служило бегство.

Тут Джозеф и сам вспомнил о необходимости обороны.

— Кстати, Дезрет, — встань у того выхода, откуда открывается наилучший обзор на тропу. Это лучшее, что мы можем сделать, чтобы спокойно выспаться.

Тобруш продолжала водить фонарем по стене, рассматривая картинки.

— Никаких сцен приема пищи — вообще никаких сюжетов, посвященных нормальной жизни... Минуточку! Капитан, мне кажется, вам следует на это взглянуть!

Джозеф вернулся, внезапно ощутив жуткую усталость от всего этого приключения, но он уже не мог ругать Тобруш, после того как увидел изображение, на которое та указывала.

Это явно был водопад, изображенный во всем блеске двух измерений, и вдоль всего его края были распростерты существа с лицами ящериц. Но именно водопад, а точнее, туман над водопадом, придавал картине поистине пугающий вид.

В туманной пелене были изображены контуры — неясные и пугающие очертания огромной рогатой головы на длинной шее, вздымавшейся снизу и заполняющей собой чуть ли не все пространство.

Вокруг этой сцены, как на фресках, располагались картинки поменьше, на которых виднелись существа в оскаленных дьявольских масках, с разрисованными телами, сцены кровавых жертвоприношений, совершаемых на краю водопада, и просто бессмысленного насилия и членовредительства. Так, на одной из них был нарисован ребенок, чей рот был раскрыт в беззвучном крике ужаса или боли. Над ним нависла разрисованная фигура жреца в маске, который держал в руках отвратительно выглядящий инструмент наподобие ножа, которым он, по-видимому, заживо расчленял молодое существо.

— Здесь нет ничего, чего бы мы уже не вычислили сами, разве что теперь мы знаем это наверняка, — наконец выдавил из себя Джозеф, зная, что обыденный деловой тон не скроет от телепатки его истинных чувств, вызванных этим изображением. За свою жизнь он много раз видел, как убивают людей — иногда просто от бессмысленной жестокости, иногда во время гладиаторских боев, устроенных на потеху знати. Иногда это были враги Высоких Лордов, которых убивали при помощи долгих изощренных пыток на глазах у толпы, дабы преподать ей урок послушания. Но действия Миколей всегда имели некую особую цель, будь то развлечение, месть или наказание, в то время как здесь на стенах был

изображен целый народ, чья культура целиком и полностью вертелась вокруг подобных деяний. Кровавые жертвоприношения для богов-демонов... И что это им дало? Где они теперь?

Тобруш прочитала его мысли.

— Говорят, что в Верховных Святилищах Лордов Кваамила верховные жрецы читают тексты Квимиша в их изначальном написании, и в этих текстах сказано, что Князья Тьмы собирают умерших, чтобы те прислуживали им до конца времен, когда настанет день Страшного Суда. Куда уходит культура, раса, мир, когда он умирает? Может ли целый мир, умерев, быть забранным во служение?

— И ты считаешь, что я смогу спокойно спать после таких соображений? — спросил Джозеф, продолжая разглядывать изображения.

— Конечно. И я тоже смогу. Даже если здесь царство теней, мы-то все еще живы! Поэтому мы и не можем видеть мертвых. Хотя мы и слышим крики проклятых из-за того, что находимся к ним слишком близко, но это и все. Мы здесь, но наши души еще никто не забрал. И я намереваюсь и дальше сохранять такое положение вещей — тем, что высплюсь и встану отдохнувшей и с новыми силами.

— Лгунья! Ты же никогда не верила в эту чушь!

— Я и не говорю, что поверила в нее сейчас, — спокойно ответила джулки. — Я просто хочу сказать, что эта гипотеза вполне подтверждается реальными фактами. Ты и сам никогда в нее не верил, если, конечно, не заглядывать в темные глубины твоего подсознания. Но вот сама эта идея тебя нервирует.

Джозеф обреченно вздохнул и подошел к дверному проему. Свет его фонаря упал на Калию, которая уже давно спала и которую ничуть не интересовало происходящее. *«А вот она верит в это»*, — понял он внезапно. Со своим ограниченным, необразованным, почти дрольским умишком — она легко в это поверила, но ее это ни чуть не беспокоило.

— Да, ее это вообще не заботит, — прочитала его мысли Тобруш. — Впрочем, судя по тому, что мы уже видели, она пришлась бы в Темном Царстве как своя.

Джозеф снова вздохнул и кивнул. Однако, пора было возвращаться к делам насущным.

— Дезрет, если здесь появится другая команда — это, скорее всего, будут Святые Кошмары, — они наверняка, как и мы, сразу пойдут к водопаду, поначалу не заметив наше убежище. Возможно, их телепат и успеет их о чем-нибудь предупредить, но если ты увидишь, что они проходят мимо и ты можешь в них попасть — стреляй. Не жди нас. Действуй по своему усмотрению, но добейся максимального результата.

— Понял, — ответил коринфианец. — Мы находимся внутри скалы, поэтому они никак не смогут зайти к нам в тыл. Никакого другого пути, кроме этого, не существует. Что бы они об этом ни думали, им прийдется пройти между нами и водопадом. Эта затея обречена на успех.

* * *

— Манья! Капитан! Просыпайтесь! У меня прекрасные новости!

Криша не могла сдерживать свою радость, но остальные члены команды, которых никто не нес полдороги в бессознательном состоянии, испытали при этом внезапном пробуждении совсем другие чувства.

Только Ган Ро Чин нашел в себе силы спросить:

— Что у тебя за новости, Криша?

— Морок! Он жив! И сейчас идет к нам! Он в каменном лесу.

Чин уставился на нее мутным взглядом:

— Как он перебрался через гору? Ты уверена, что не задремала, и тебе это попросту не приснилось?

— Уверена! Я и сейчас слышу его мысли!

Манья поверила ей не больше, чем капитан.

— Даже если он ухитрился каким-то образом перебраться через гору, как он может идти сюда, опережая язычников, до сих пор находящихся по ту сторону леса? Даже если предположить, что его нога чудесным образом исцелилась, это место — настоящий лабиринт, если не знать точного направления! А ведь у нас выключены радиомаяки!

— Ему... помогают, — уже более спокойным тоном ответила Криша. — С ним эмпатка команды Биржи, она ведет его к нам. Она находится под его воздействием.

Ган Ро Чин сел и выдохнул. Конечно, он был рад, что с его старым боевым товарищем было все в порядке, но ему не нравилось, что тот использовал чужака.

— Очень глупо с его стороны, — пробормотал он себе под нос. — Крайне неосторожно!

— Ты не рад? — нахмурилась Криша.

— Что Морок возвращается? Нет, что ты, я ужасно рад! Но он использовал свой Талант, чтобы похитить ее. Я не могу себе представить ничего, что бы могло разозлить отряд разведчиков больше, чем подобный поступок. Теперь из нейтральной команды, которая помогла нам выбраться из очень неприятного положения, они превратились в наших злейших врагов, и вряд ли еще раз доверятся нам или поверят на слово.

— Они язычники! — отрезала Манья. — Господи, да они сами только и делают, что нарушают свои клятвы! Помните ту мелкую двуличную ведьму, которая нарушила договор о ненападении на Медаре? Кроме того, если я правильно помню то, что рассказывала о них Криша, у них в команде **два** эмпата. Так что мы не уменьшили количество Талантов в их отряде, и не причинили никакого вреда самой девушке. Когда Святой будет здесь, я смогу обработать его ногу с помощью моего медицинского набора, и мы отошлем ее обратно.

Чин покачал головой:

— Нет, вы не понимаете их, так как я. Пусть они наемники до мозга костей, но именно у этой гильдии есть понятия о чести, граничащие с религией. Они вызываются в качестве добровольцев, чтобы выяснить, что убивает людей на только что открытых мирах. Если команда не будет действовать как единый организм, она обречена на очень недолгую карьеру.

Это был один из тех редких случаев, когда ему искренне хотелось, чтобы Криша могла читать его мысли. Никто из них, даже Морок, никогда не поверил бы, что они могли просто пойти к биржанцам и попросить о помощи, и они бы ее получили. Для разведывательного отряда Биржи не существовало большой разницы между Ган Ро Чином, Святой Дланью или военными Империи Миколя. Их представления о чести требовали от них, чтобы они оказали помощь любому, кто будет в этом нуждаться. Даже неприятелю, если это не причинит вреда им самим. Но если задеть их отряд, отнестись к ним, как к врагам, они ответят тебе тем же. Это было нечто абсолютно невообразимое для этих священнослужителей. Это невозможно было вывести путем логических умозаключений, прочитав их мысли, как могла бы сделать Криша. Это можно было понять, только прожив среди них столько, сколько прожил он.

Что ж, с этим уже ничего нельзя было поделать. Дело было сделано. Как всегда, первым к нему вернулся обычный прагматизм.

— Где они сейчас, и когда будут здесь? — спросил он у телепатки.

— Точно сказать сложно, но это займет у них не больше одного-двух часов. Как ты помнишь, эмпатка может рассчитывать только на свою частоту, когда ищет что-либо, но сейчас они сошли с размеченного пути и идут прямо сюда.

— А как насчет людей Биржи?

Она пожала плечами:

— Отдельные мысли и отрывки разговоров. Но я знаю, что они приближаются.

Он встал и вздохнул.

— Если есть хотя бы малейшая вероятность того, что отряд Биржи их догонит, мы должны вернуться и найти их

первыми, пока нас не опередили. Пошли, не будем терять время. Зная, что он гипнот, и что он взял члена их команды под свой контроль, они пристрелят его как дикого зверя.

Через пять минут после того, как они повернули в обратный путь, Криша остановилась и сказала:

— Они уже очень близко. Как, впрочем, и команда Биржи. Я выставила блок, чтобы укрыть всех нас, вместе со Святым, но это их не остановит. Они знают, что он где-то здесь.

Они ускорили шаг и через пять минут натолкнулись на старгина и его помощницу-терранку. Он выглядел очень неважно и шел, в основном, подпрыгивая на одной из своих огромных когтистых лап. Другую он старался держать на весу, опираясь этой рукой на Модру. Первый Инквизитор нес на себе свой набор инструментов, но скафандр он снял и обвязал вокруг тела. Капли дождя блестящими бусинками скатывались с его мелких маслянистых перьев, но тем не менее он выглядел вымокшим насквозь.

— Благослови вас всех Господь! — крикнул он им бодрым голосом.

— Для приветствий нет времени, — ответил капитан. — Сходите с дороги и идите в лес! Углубитесь как можно дальше и не бойтесь заблудиться. Я буду здесь неподалеку, Криша с эмпаткой легко выведут вас обратно на мой передатчик, который я сейчас активирую. Идите! Я Нуль — меня они не засекут.

— Но по моему блоку они сразу поймут, что мы где-то очень близко! — напомнила ему телепатка.

— Бли́зко не считается. Возвращайтесь как можно скорее, когда я вас позову. Все, включая Святого. Мы должны держаться рядом, чтобы успеть уйти, прежде чем они повиснут у нас на хвосте. А сейчас идите!

Теперь Мороку помогала еще и Криша; они быстрым шагом углубились в лес и вскоре совсем скрылись из виду.

Ган Ро Чин занял такую позицию, с которой он мог просматривать дорогу, а сам при этом оставался незамеченным — по крайней мере, он очень на это надеялся. Он попробовал просканировать переговорную волну команды Биржи, но его противники пользовались скремблерами, и он услышал только какую-то белиберду.

Через какие-то несколько минут мимо него продефилировала команда Биржи. Он впервые видел их въяве, и хотя его немного удивила внешность Дарквиста, по-настоящему его напугал четвертый член команды. С первого взгляда на обтягивающий скафандр этой женщины он понял: мало того, что она не была человеком — по крайней мере, она была не совсем человеком, — у нее были козлиные ноги! Вначале он даже подумал, что это

один из демонов, но хотя сразу же осознал свою ошибку, он все равно не мог понять, что это за существо.

И вот, когда они уже почти скрылись из виду, группа остановилась, и невысокий терранин, который, по-видимому, был их телепатом, начал озираться, явно пытаясь просканировать местность.

* * *

И в самом деле, Джимми Маккрей запутывался все больше и больше.

— Такое впечатление, что мы лежим прямо на них, как вишенка на торте! Эта девочка сильна, она сильнее всех, кого я видел до сих пор, но почти наверняка они прячутся где-то за этими деревьями, или за скалами, или еще за чем-нибудь. Дарквист, присматривай за тем, что происходит у нас за спиной.

— Я постоянно держу один глаз на затылке, — отозвался тот, помахав своими глазами-стебельками, один из которых, действительно, смотрел вперед, а другой — назад.

— Не отключайте скремблеры, — предупредил их Трис Ланкур. — Я попробую вызвать их на общей волне, раз они так близко. Если хоть один из них будет настолько глуп, чтобы ответить, они смогут получить пеленг. Он надеялся, что Дарквисту не пришла в голову та же идея. Его собственный разум не поддавался телепатическому воздействию, Маккрей был способен заблокировать свой разум и, наверное, разум Гристы, а Молли просто не хватило бы ума додуматься до чего-либо подобного. А вот Дарквиста они могли читать как открытую книгу.

— Отряд Империи Биржи вызывает отряд Империи Мицлаплана! Ответьте, если вы нас слышите!

Он подождал, но не получил никакого ответа. Он попробовал связаться с ними еще несколько раз, потом вздохнул.

— Что ж, они не повелись на эту уловку. Ладно, тогда это будет монолог.

Он вернулся на общую волну.

— Говорит представитель Империи Биржи. Вы можете держать блок, но вы не сможете прятаться вечно, и вам не удастся от нас убежать. Вы сами это знаете. Мы требуем немедленной выдачи похищенного члена нашей команды и вашей безоговорочной капитуляции. Кроме того, что вы нарушили наши границы, теперь вы совершили прямой акт агрессии, направленный против нашей команды.

Ган Ро Чин сокрушенно вздохнул и достал свой энергетический пистолет. Вполне может статься, что они прекрасно делают свою работу на диких примитивных планетах, но вот в

подобных ситуациях они были полными профанами. Отключив автоматическую систему управления огнем, чтобы их защитные системы не перехватили луч наведения и не выставили щиты, он тщательно прицелился и выстрелил в режиме максимального поражения.

Энергетический импульс мгновенно преодолел разделявшие их тридцать метров, и вся команда Биржи повалилась на землю. Однако их лидер только опустился на колени, после чего, очевидно, тут же пришел в себя и начал поднимать свой пистолет: его система наведения вычислила, откуда был произведен выстрел.

Чин выругался себе под нос, только сейчас вспомнив, что один из них был цимолем. Он вновь выстрелил, на этот раз используя автоматику, узким лучом и уже прицельно по Ланкуру. Качнувшись, тот медленно повалился на землю.

Мицлапланец знал, что мозг Ланкура и часть систем управления скафандром все еще действуют, но в целом он был вполне эффективно парализован. Чин вызвал Кришу и остальных.

— Быстрее, возвращайтесь ко мне. Я немного отойду отсюда, а потом догоняйте меня как можно скорей. Я выиграл нам немного времени, но не более того.

— Ты стрелял по ним! — послышался потрясенный голос Кришы. — Неужели это действительно было необходимо?

— Поверь мне, это был единственный выход, — заверил он ее. — И, может быть, в будущем нам придется делать вещи и похуже. Вы идете или нет?

— Но как же...

— Подумай сама. Цимоль ведь не предлагал начать переговоры. Он предъявил нам ультиматум. Ты готова сложить оружие и сдаться команде Биржи?

— Никогда в жизни! — выпалила Манья, и она выразила их общее мнение. Как понял Ган Ро Чин, любой жрец скорее умрет, чем сдастся в плен неверному. Этот вопрос не подлежал обсуждению. Безусловно, они могли сотрудничать, но сдаться — никогда. — Сдаться этой мерзости, человеку-машине?! Даже подумать об этом уже греховно!

— В лучшем случае они бы настаивали на выдаче Святого. И я могу себе представить, что бы они сделали с гипнотом, совершившим подобное преступление. Здесь, вдали от официальной власти, они бы поступили так, как велит им их кодекс чести. И вот еще что: следите за тем, что вы говорите, и не пользуйтесь открытыми частотами. То, что я обездвижил цимоля, еще не значит, что он без сознания. Помните, что их скафандры, так же, как и наши, управляются мысленными командами.

Выйдя из поля зрения поверженной команды, он присоединился к остальной команде на размеченной тропе.

Криша кинула взгляд на Модру, которая стояла рядом с Мороком, неподвижная, как мраморное изваяние.

— А что мы будем делать с ней?

— Она останется с нами. Святой, вам нужно проявить изобретательность и предоставить ей свободу действий, но так, чтобы она оставалась под вашим влиянием. Мы потеряли своего эмпата, а она — эмпатка, и это очень кстати. К тому же, если она была в этой команде, значит, она крепкий орешек и хороший стрелок. Да и оставшийся у нее запас энергии для оружия и скафандра гораздо больше, чем у нас.

— Я... Я не хотел, чтобы все так получилось, — ответил Морок, несколько смущенный. — Я думал, что мы, по крайней мере, отпустим ее обратно к своим...

— Со всем должным уважением, Святой, но это уже моя забота, — жестко ответил капитан. — Все, чего бы мы этим добились, это увеличения количества наших преследователей с четырех до пяти. И больше они бы уже не допустили подобной ошибки.

— Я... Я мог бы приказать ей сбить их с пути. Тормозить их, вставлять палки в колеса...

— Телепат практически сразу же выявил бы внушение. Да и цимоль сразу бы понял, что происходит. Это же суперкомпьютеры, заключенные в людские тела! Нет, дело уже сделано, и нам придется с этим смириться. Она нам нужна, создавая нам определенное преимущество, и пока она с нами, останется заложником. Они не смогут атаковать нас в полную силу до тех пор, пока она жива и находится в добром здравии. Как ваша нога? Из-за нее мы не сможем двигаться достаточно быстро, а когда они придут в себя, они будут жаждать крови.

— Очень сильное растяжение. Но никаких переломов, насколько я могу судить, — сообщила Манья. — Я сделала ему один обезболивающий укол, и еще один, тонизирующий, но лучше бы ему вообще не наступать на эту ногу. Разве что это будет совсем необходимо.

— Я буду делать все, что понадобится, — заверил Морок. — Я ведь смог как-то добраться досюда!

— Ну да, — кивнул капитан. — И кстати, раз уж об этом зашел разговор — как вы добрались досюда?

— У меня не было другого выбора, — ответил Первый Инквизитор. — Я предполагал, что смогу летать в этом мире, и я, действительно, смог. Я снял скафандр, обвязал его вокруг себя и прыгнул с утеса в речную долину. Это был очень большой риск. Я почти уже упал в реку, когда наконец поймал восходящий воздушный поток. К сожалению, он был недостаточно силен, чтобы я смог перелететь через гряду, поэтому мне пришлось планиро-

вать вдоль реки до места, где гряда снижалась, молясь богу, чтобы он подсказал мне правильное направление. Дождь не давал мне подняться на достаточную высоту, и я не имел ни малейшего представления о том, в какую сторону направляюсь. Потом я заметил метки на деревьях и приземлился на скалу так высоко, как только мог. Я надеялся, что смог вас обогнать. Увы, это мне не удалось. На самом деле у меня не было никаких шансов нагнать вас, учитывая всю эту гонку. Я нашел отполированный временем и дождями камень, с помощью которого мне удалось заняться самовнушением, чтобы унять боль. Я как раз сидел на дереве, пытаясь решить, что же мне делать дальше, когда внизу появилась команда Биржи.

— И когда вы увидели, что девушка по какой-то причине отошла от остальных, и поняли, что она одна, вы спикировали на нее и застали ее врасплох.

— Да, именно так все и было. Сначала я не мог поверить, что ее никто не охраняет, но она действительно просто стояла под деревом, глядя в пустоту. Я не хотел этого делать, но у меня не было никакого другого выхода. А то, что она вот так вышла, да еще в полном одиночестве, показалось мне чудом.

— Что ж, в дальнейшем нам понадобятся еще чудеса, — сказал Ган Ро Чин. — Иначе нам придется их чем-то замещать по мере надобности.

Они шли вперед, пока не стало ясно, что Морок не может продолжать путь без медицинской помощи. Медицинский набор Маньи обладал весьма ограниченным набором лекарств; он был приспособлен скорее для диагностики болезней и приготовления различных антибиотиков и болеутоляющих препаратов, подходящих для рас членов Длани. Конечно, всегда следовало знать, что ты делаешь, потому что слабая микстура, предназначенная, например, Мороку, у Криши могла вызвать несварение желудка или даже убить ее.

Используя бинты и нескольких полосок жесткого пластика, Манья умудрилась кое-как смастерить некое подобие шины. Она осталась недовольна результатом, но это было лучшее, что можно было сделать в таких условиях, и она это знала. Ган Ро Чин часто думал про себя, что если бы не мастерство гноллки в столь многих областях, ее было бы просто невозможно выносить.

— Наденьте скафандр и включите системы жизнеобеспечения на максимум, — посоветовала Манья Мороку. — Скафандр сам поймет, в чем ваша проблема, и постарается укрепить этот участок.

— Я справлюсь, — заверил он ее. — Теперь приведите ко мне девушку. Если мы собираемся оставить ее у нас, надо по мере возможности вернуть ее в нормальное состояние.

К нему подвели Модру, и он устремил на нее свой немигающий взгляд.

— Слушай меня, — это была команда, но его голос звучал очень мягко. — Через несколько минут я верну тебя в состояние полного сознания. Когда ты очнешься, ты будешь помнить только следующее: ты возвращалась к своим друзьям и увидела, что их окружили какие-то темные демонические твари. У них была отвратительная внешность, и твой эмпатический талант явно указывал на то, что это — зло. Потрясенная и беспомощная, ты смотрела, как эти существа проникают в тела твоих спутников. Ты поняла, что теперь они захвачены злом и более не контролируют своих поступков. Они будут притворяться, что ничего не изменилось, но ты знаешь, что на самом деле ими управляют те существа, которые хотят обмануть и убить всех остальных. Ты все запомнила?

— Да, — глухо сказала она.

— Ты убежала от них, когда они направились к тебе, — продолжал Морок, — и, убегая, натолкнулась на меня. Ты знаешь, что я гипнот, и что я использовал свой Талант, чтобы успокоить тебя, убедить, что я не враг и тоже нуждаюсь в помощи. Теперь мы добрались досюда, но ты — единственная выжившая из своей группы. Твои товарищи, превратившиеся в живых мертвецов, движимы исключительно злобой и жаждой убийства. Поэтому ты сейчас присоединишься к нам, но не как член нашей команды, а как единственный оставшийся в живых представитель команды Биржи, который должен как-то вернуться на родину и предупредить свой народ. После того, как я тебя разбужу, ты сама решишь присоединиться к нам. Ты поняла?

— Да, я поняла, — послушно ответила Модра.

— У нее болезненно живое воображение, — заметила Криша. — Она так живо представила описанную тобой сцену, что я не могу на это смотреть. Думаю, что этого хватит. Должно хватить. Я чувствую, что команда Биржи постепенно приходит в себя.

— Хорошо, — ответил Морок. — Проснись!

Модра очнулась от транса и с некоторым удивлением огляделась вокруг.

— Ты меня загипнотизировал! — обвиняюще сказала она старгину.

— Прости. Но ты была в такой панике, что у меня не оставалось другого выбора. К тому же, мне нужна была чья-то помощь, чтобы пересечь каменный лес. Твои бывшие друзья преследуют нас, а миколианцы уже достаточно сильно опережают. Ты можешь пойти с нами, но мы сейчас в очень невыгодном положении.

Она посмотрела на них. Даже несмотря на шлемы, их лица были видны достаточно четко. Темнокожая девушка

была настоящей красавицей; невысокая женщина была похожа на ведьму или еще какое-то сказочное существо из ее детства; восточного вида мужчина был невысокого роста, но выглядел очень крепким. Она была удивлена, что двое из них, а возможно, и карлица тоже, были землянами. Ей всегда было трудно думать о людях, с которыми у нее были общие предки, как о врагах и завоевателях.

Она кивнула.

— Полагаю, у меня нет выбора. Я никогда не встречалась с миколианцами, но насколько я знаю, в их религии демоны — это хорошие ребята. А с демонами я уже встречалась и видела результаты из деятельности. Но только больше никакого гипноза! Я не желаю быть чьей-либо игрушкой, понятно?

— Я ручаюсь своей честью жреца, что ничего не буду делать, чтобы изменить твое нынешнее мнение.

Чин ухмыльнулся про себя.

— Я капитан Ган Ро Чин, единственное не духовное лицо в этой команде. Эта красавица — Криша, наш телепат и офицер по безопасности. Это Манья, гноллка, офицер научной и медицинской служб. Это наш командир, Морок. И я предлагаю поскорее покончить с любезностями и найти себе какое-нибудь укрытие, из которого на этот раз будет не меньше двух выходов. Боюсь, нам придется дать бой вашим бывшим товарищам.

Она с трудом сдерживала желание разрыдаться.

— Все в порядке. Они больше не... не моя команда.

Чин на мгновение переключался на личный канал связи с остальными мицлапланцами.

— Нам нужно беречь вас, Святой. Если вы не сможете время от времени все это освежать, через пару дней мы с ней снова станем врагами.

— Тогда найдите такое местечко, где моя нога отдохнет.

Так, увеличив состав своей команды на одного человека, они двинулись дальше, прочь от каменного леса, к тому рубежу, где их уже поджидали враги.

* * *

— Далеко они, Тобруш? — спросил Джозеф телепатку.

— Сложно сказать. У них очень сильный телепат. Я не понимаю, почему она не блокировала свою команду в первом мире, если она это так хорошо умеет. В любом случае, сейчас они самое большее в часе пути отсюда. И нагоняют нас очень хорошими темпами. И вот еще одна странность: хотя ее блок и непроницаем, я чувствую, что их стало больше. Я совершенно четко чув-

ствую присутствие пятого, которого телепат закрыл еще не полностью. У этого пятого другая речь, другой способ мыслить.

— Думаешь, Биржа снюхалась с мицликами? — спросила Калия. — Ну, с этой позиции мы можем уничтожить их всех!

Странно, но против этого возражения возникли у Дезрета.

— Согласно нашему прежнему опыту, разведывательные отряды Биржи, как правило, снабжены разнообразнейшим оборудованием, какое только может им понадобиться — включая программируемые самонаводящиеся ракеты. Тобруш, ты говорила, что один из них киборг, или что-то в этом роде?

— Да. Они их называют цимолями. Они так же невосприимчивы к телепатии, как и коринфианцы, но я смогла прочитать информацию о них из умов других членов команды.

— Капитан, я первым предложил уничтожить разом обе команды. Но сейчас я бы порекомендовал вам воздержаться. Запущенная сюда, даже одна ракета легко обрушит все это сооружение. И даже если нам удастся уложить их всех с первого залпа, этот киборг вполне может успеть выпустить ее. Если бы речь шла только о мицликах, нам был бы смысл остаться и покончить с ними. Но сейчас нам надо бы поточнее узнать о симпатиях Биржи, прежде чем ввязываться в драку с ними обоими. Вы все выспались и поели. Если мы собираемся идти по этому карнизу, то лучше идти сейчас. Дойдя сюда, они неизбежно остановятся и разобьют лагерь, так же, как сделали мы. Гарантированное лидерство лучше перспективы оказаться заживо похороненными всего лишь из-за того, что нас превзошли в огневой мощи.

Джозеф вздохнул.

— Ладно. Мне очень не нравится, что нам приходится отступать с такой выгодной позиции, рассчитывая на бой в каком-нибудь другом месте. Но я должен с тобой согласиться. Мы сейчас лидируем, и лучше это так и оставить.

— О нет! Сколько можно! — яростно запротестовала Калия. — Мы что, всегда должны убегать, если противник не соглашается лечь перед нами на землю, задрав лапки?

— Мне не меньше твоего хочется поскорее покончить с ними, — ответил Джозеф. — Но в данном случае нам придется подавить свои эмоции. Мы должны выполнять свой долг.

— ...твою мать! Нам все равно предстоит сдохнуть — так почему бы не здесь?

— Потому что, — вмешалась Тобруш, — тогда мы так и не выясним, что здесь происходит на самом деле. Я готова умереть в случае необходимости, к чему меня обязывает моя клятва, — но только в случае необходимости. И не раньше, чем я получу ответы на свои вопросы.

Джозеф кивнул, соглашаясь скорее с какими-то своими мыслями, чем с тем, что сказала Тобруш. Его сейчас больше всего интересовал размер этих штуковин.

— Чему бы ни поклонялись эти древние люди, оно было как-то связано с водопадом и этой ямой внизу. У меня нет никакого желания умереть на вершине, как они. Пошли!

Спуск оказался круче, чем они предполагали, но они обнаружили в стене ранее незамеченные перила. Они были высоковаты, но Джозеф и Калия вполне могли ими воспользоваться. Как и Дезрет, если бы он захотел выпростать щупальце.

К тому времени, как они добрались до самого водопада, они были уже метров на двадцать ниже края пропасти. Войдя прямо в водопад и миновав водяную завесу, они внезапно оказались по другую сторону водяной стены. Шум здесь стоял оглушительный, но было абсолютно сухо.

— Как странно! — заметила Калия. — Мы спрятались от дождя под водяную крышу!

— Посмотрите-ка на дорогу и на поручни! — позвала их Тобруш. К своему удивлению, они обнаружили, что те испускают странное мягкое свечение.

— Это мы каким-то образом включили свет, или нас уже ожидают? — спросил вслух Джозеф.

— Как бы то ни было, отступать уже поздно, — сказала Калия.

— Интересно, заметно ли это сверху? — добавила Тобруш. — Я подумала о том, какое впечатление произвели бы на примитивных людей лучи света, поднимающиеся из глубины водопада. Имея какой-нибудь достаточно яркий источник света, их можно было бы напугать до смерти!

— Или **после** смерти, — отозвался Джозеф. — По крайней мере, это показывает, что мы на верном пути. Если кто-то так часто приходил сюда, что здесь установили систему освещения, значит, ему было откуда приходить.

— Смотри-ка! Похоже, мы уперлись в тупик. — Калия показывала вперед. — А ведь мы еще даже не вышли из-под водопада!

— Это просто поворот, вроде как на горках. — ответил ей Джозеф. — Мы дойдем до него, развернемся и пойдем туда, откуда пришли, только на виток ниже.

— Если этот спуск ведет до самого низа, то нам лучше бы проверить оборудование для работ под водой! Хотя я все-таки надеюсь, что дверь с надписью «выход» расположена выше поверхности.

— Хм-м-м... Давай пока не будем беспокоиться о том, что будет не сейчас, — сказал Джозеф, который думал совсем о другом. — А вот что мы будем делать, если вдруг встретим еще и других демонов, кроме первой пары?

— Они — боги, создавшие нас и наш мир. Нам следует освободить их и преклониться перед ними, и они станут той силой, при помощи которой мы сокрушим всех наших врагов!

— Если бы речь шла о том, чтобы заключить с ними сделку, я бы с тобой согласился. Но к несчастью, мы для них не более чем игрушки или забавные домашние животные. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление. Кто-нибудь в этой команде хочет быть игрушкой или домашним животным какой-то другой формы жизни? Особенно ты, Калия? Я думаю, что ты меньше всего хочешь вновь стать чьей-либо рабыней. А именно это тебя и ждет, и это в лучшем случае.

— Это совсем другое дело! Они же Боги!

— Это значит только, что они обладают большей силой и распоряжаются большим объемом знаний, чем мы, — возразила Тобруш. — Почему ты была игрушкой для богачей и политиков в своем родном мире? По той же самой причине, не так ли? Все, что ты сделаешь — это добавишь еще одну фигурку на вершину пирамиды, сама же в любом случае останешься в самом низу.

Это несколько уменьшило ее энтузиазм.

— Я... Я никогда не думала об этом, — пробормотала она.

— Самой большой проблемой для нас, — продолжала телепатка, — являются их ментальные способности. Однажды они уже чуть не вышибли из меня дух, и понадобился Робакук, чтобы спасти положение. Теперь Робакука с нами нет.

Джозеф ненадолго задумался.

— Дезрет, Калия, сейчас я вам отдам приказ, который обладает исключительным приоритетом и не может быть отменен ни при каких обстоятельствах. Если Тобруш сделает хотя бы одно движение, чтобы освободить демона, убейте ее.

— Минуточку! — воскликнула джулки.

— Мне очень жаль, Тобруш, но если они смогут одолеть тебя и захватят твой разум, у нас не будет иного выбора. Если же они будут четко знать, что любой из нас сделает это без малейших колебаний, они попытаются заключить с нами сделку или хотя бы просто не станут тебя трогать. Это, пожалуй, единственный способ гарантировать твою безопасность.

— Э-э, спасибо... наверное. Однако, если мне вдруг придет какой-нибудь более приемлемый план, можно, я все же дам тебе знать? Как бы то ни было, я бы не была здесь

ни в чем уверена. Рано или поздно мы все равно встретимся с одним из них, когда он будет свободен. У меня такое чувство, что без ограничений их сила приближается к божественной. Хотела бы я знать, кто смог их пленить, и как это было сделано?

— Да уж, — устало вздохнул Джозеф. — И если эти пленители все еще где-то поблизости, то так ли мы хотим с ними встретиться?

На следующем, четвертом, повороте они остановились. Сложно было сказать, сколько они уже прошли, но, по их прикидкам, они уже спустились примерно на километр ниже поверхности и находились сейчас очень близко к тому месту, где падающий водный поток достигал наконец дна, образуя облако брызг и тумана. Однако проблемой было не это.

Дорога впереди попросту обрывалась. Никакого поворота больше не было. Она просто-напросто кончалась в десяти метрах над поверхностью воды.

— И что нам теперь делать? — спросила Калия, глядя на тупик.

— Просканируйте конец дороги, — предложил Дезрет. — Я думаю, вам будет небезынтересно взглянуть на результаты.

Джозеф включил приборы. Внутренняя поверхность его шлема теперь превратилась в экран, на котором отображались результаты сканирования и анализа предлежащего пространства. В них не было ничего удивительного — за исключением того места, где кончалась тропа. На этом месте четко вырисовывался мощный всплеск аномальной энергетической активности.

Немного подумав, встроенный в шлем компьютер возмущенно пискнул и сообщил о невозможности проведения анализа этой аномалии ввиду недостаточности полученной информации.

Джозеф отключил экран и поделился увиденным с остальными.

— У кого-нибудь есть какие-нибудь светлые идеи?

— Я сомневаюсь, что демоны постоянно жили там, наверху, в окружении этих примитивных существ, — задумчиво произнесла Тобруш. — Если они действительно были такими уж всемогущими, вряд ли они стали бы мириться с тем, что любопытные, отчаянные или просто фанатичные туземцы постоянно лезут куда не следует.

— То есть ты думаешь, что это иллюзия?

— Не имею ни малейшего представления. К несчастью, я могу придумать только один способ узнать, что это такое. Есть добровольцы?

Дезрет подошел к краю тропы.

— Попробую отсюда проверить, что там такое.

Из его тела вылился длинный тонкий отросток, как будто оно состояло из жидкости, обтянутой эластичной

металлопластиковой оболочкой. Внезапно конец щупальца растворился в воздухе.

— Все. Я вытянул его на максимальное расстояние, — сообщил коринфианец. — Никаких необычных ощущений не испытываю. Уровень влажности значительно ниже, чем здесь. Если верить моим измерениям, там какое-то замкнутое пространство, судя по всему, искусственного происхождения.

— К черту подробности, — раздраженно прервал его Джозеф. — Пол там есть?

— Полагаю, что есть. Я располагаю достаточно высокой степенью уверенности, чтобы проверить это самому. — И, не говоря больше ни слова, коринфианец сорвался с места и исчез полностью.

— Ну? И где он? Почему он не возвращается? — спросила через некоторое время Калия.

— Понятия не имею, — ответил Джозеф. — Но тебе сейчас представится прекрасная возможность это узнать. Оружие на изготовку! — Он глубоко вдохнул, потом медленно выдохнул, чтобы успокоиться. — Первый раз в жизни шагаю с края обрыва.

— Чепуха! — ответила она. — Там наверняка нет ни одного нормального существа, а на сверхъестественных наше оружие вряд ли подействует, — с этими словами она протиснулась мимо него и первой вошла в пустоту. Вынув свой бластер, Джозеф последовал за ней. Тобруш, внезапно оказавшаяся в полном одиночестве, почти неосознанно поспешила за ними. И только когда она уже была на самом краю бездны, в голове джулки пронеслась мысль: *«Что я делаю?»*

Впрочем, почти мгновенно они обнаружили, что стоят все вместе на твердом полу. Они не успели даже испугаться.

Открывшееся им пространство подавляло своими размерами. Только благодаря встроенной в скафандры системе увеличения изображения они могли разглядеть дальний конец этого циклопического зала. Их приборы сходили с ума, пытаясь определить его величину. Отполированный до зеркального блеска пол во всех направлениях пересекали золотые полосы, сплетавшиеся в сложные геометрические узоры.

Стены этой комнаты, или, точнее, огромной залы, были сложены из одинаковых плит, два на три метра каждая. Плиты также были окаймлены золотыми линиями, и на каждой был золотой узор в виде заключенной в круг пятиконечной звезды.

Джозеф поднял голову и увидел, что эти плиты простирались до самого верха, насколько хватало взгляда.

В центре залы находилась целая россыпь порталов.

Тобруш была настолько потрясена сознанием того, что она вообще еще где-то находится, что ей понадобилось

несколько минут, чтобы прийти в себя и осмотреться. Эмпатка Калия озвучила ее мысли, прежде чем она успела что-нибудь сказать:

— Они здесь, — она шумно выдохнула. — Демоны! Сотни, может быть, тысячи демонов... По одному за каждой из этих дверей.

Джозеф внезапно почувствовал, как каждый волосок на его теле становится дыбом.

— Эти плиты? Это двери?!

— Почти, — ответила Тобруш. — Правда, я сомневаюсь, что их можно открыть изнутри.

— Как ты можешь здесь находиться, если они все здесь? — нервничая, но и не скрывая своего любопытства, спросил ее Джозеф.

— Они не похожи на тех, других. То есть, они такие же, но сейчас они как бы без сознания.

— Они что, не знают о нашем присутствии?

— В некотором роде да. Они считают, что мы им снимся. Насколько я понимаю, они не сознают разницу между сном и явью.

— Где Дезрет? — спросил Джозеф, нахмурившись.

— Я здесь, — ответил коринфианец, который был уже рядом с порталами. — Я не мог вернуться. Оглянитесь и попробуйте сказать, откуда вы появились.

Джозеф обернулся и увидел позади себя ряды таких же плит, украшенных непонятным символом. Нигде не было и следа какой-нибудь двери или проема в стене. Единственным возможным выходом из этого зала были порталы.

— Как вы можете видеть, здесь нет никаких ориентиров, а я не успел сделать необходимые измерения, чтобы найти путь обратно.

Джозеф кивнул и нервно оглянулся. **Тысячи** демонов!

— Я полагаю, нам следует как можно быстрее покинуть это место, как бы ни велико было наше желание изучить его, — сказала Тобруш, нервничавшая почти так же сильно, как Джозеф. — У меня такое чувство, что некоторые из них понемногу начинают приходить к определенным выводам по поводу того, что здесь реально, а что нет.

— Положим, — сухо ответил лидер группы. — Только через который из порталов? Находимся ли мы сейчас в центре их системы? Это единственная станция, откуда можно отправиться на сотни других миров, или есть и другие?

— Насколько я ощущаю, мы пока что еще на самом верху, — сообщила джулки. — Их здесь больше, чем звезд на небе. Пожалуйста, давайте выбираться отсюда! Чем дольше я нахожусь с ними в контакте, тем ближе их пробуждение.

— Ладно. Дезрет, есть какие-нибудь идеи?

— Пока что нет, но давайте обойдем вокруг зала. Может быть, нам удастся найти какую-нибудь подсказку.

Сознание Тобруш разрывалось между страхом и желанием получить побольше информации об этих существах. Она не могла сдерживаться.

— Те демоны, что находятся здесь, не занимали сколько-нибудь значимого положения среди своей богоподобной расы. Это были всего лишь дролы. Чернорабочие.

Это окончательно доконало Джозефа.

— Чернорабочие?! С такой силой? Тогда... каким же должен был быть их высший класс, их хозяева?

— Этого я сказать не могу. Эти образы, видения... Они выше моего понимания. Одно можно сказать точно — они были еще сильнее.

— Есть здесь что-нибудь, что могло бы помочь нам выбрать портал?

— Судя по всему, это неважно. Есть только одно постоянное правило. До тех пор, пока мы сворачиваем влево, мы спускаемся.

— Спускаемся? Куда?

— Не знаю. Все это очень запутанно. Это может быть город, замок, центральный пункт управления, или еще сотни других вещей. Может быть, все одновременно. Дело в том, что эти порталы не ведут в разные места — они все ведут к центру. Тут существует еще какая-то система уровней доступа или что-то в этом роде... Абсолютно ясно одно: чтобы спуститься к ядру, нужно идти налево. Чтобы попасть куда-нибудь в другое место — направо.

Джозеф вздохнул:

— То есть нам нужно просто наобум выбрать один портал, и он в любом случае приведет нас туда, куда надо?

— Так я поняла.

— Ну ладно, по крайней мере, мы оторвемся от преследования. Шансы, что другая команда пойдет тем же путем, что и мы, ничтожно малы.

— Да, это действительно плюс, — согласилась джулки. — И такое положение сохранится до тех пор, пока мы не прибудем туда, куда ведут все левые дороги. Только давайте выберем побыстрее — они все больше и больше приходят в сознание, и я не знаю, сколько еще я продержусь! Я постоянно принимаю одну и ту же мысль...

— Какую?

— *«Наше время опять настало!»*

Джозеф остановился перед одним из входов.

— Давайте сюда. Этот выбор ничуть не хуже любого другого.

— Сойдет, — согласилась Тобруш. — Я заметила, что даже у Калии появились сомнения насчет того, стоит ли освобождать эту толпу. Кстати, теперь я знаю, почему те двое не стали выпускать своих товарищей.

— Да? И почему же?

— Они хотят быть уверенными, что награда за освобождение их главного бонзы достанется им.

Джозеф поежился и неуверенно оглянулся на остальных:

— Есть какие-нибудь возражения против этого портала?

— Выбор чисто формальный, — заметил Дезрет. — Мы в любом случае не знаем, куда они приведут.

— Хорошо. Тогда вперед! Помните о моем приказе насчет освобождения обслуживающего персонала станций.

Один за другим они прошли сквозь портал. Бесчисленная орда демонов издала единый вздох, и они вновь погрузились в свои странные бесконечные сновидения.

МОРАЛЬ, ЧЕСТЬ И ДОЛГ В АДУ

Он находился на дне какого-то колодца, по шею в крови. Задыхаясь от окружавшего его зловония, он отчаянно барахтался в тщетных попытках уцепиться за что-нибудь, чтобы вылезти. Однако колодец был полон монстров и прочих мерзостей. Он попытался схватиться за нечто, что счел веткой какого-то растения, но это оказалось рукой, из которой вдруг начали расти щупальца, попытавшиеся обхватить его собственную руку. В местах соприкосновения они жгли, как концентрированная кислота, и воздух наполнился запахом горелой плоти.

Из стен вырастали окровавленные лица — знакомые лица его друзей и товарищей по прошлым экспедициям, многие из которых погибли совершенно ужасным образом. Они звали его:

— Здравствуй, Джимми! Мы знали, что ты рано или поздно присоединишься к нам. Может быть, тебе нужно протянуть руку помощи?

И окровавленная рука вылетала из зловонной жижи и, вцепившись ему в горло, принималась душить.

Внезапно перед ним появилось новое лицо. Это был Трис Ланкур.

— Прости меня. Голову я уже давно потерял, а теперь лишился и тела. Это представляет собой потрясающую проблему, над которой стоило бы поразмыслить — особенно если ты являешься машиной. Это все потому, что у меня есть мозги, понимаешь ли.

С этими словами верхушка черепа Триса Ланкура откинулась, как крышка, и из-под нее потек мозг, который был одновременно и человеческим, и сделанным из металла. Он все прибывал, и через какое-то время Джимми понял, что вот-вот захлебнется.

— Господи Иисусе! Смилуйся надо мной! — закричал он — точнее, попытался закричать, потому что мозг Ланкура, густой, как каша, залепил ему рот.

Откуда-то издалека вдруг донесся голос отца Макгвайра:

— К сожалению, Иисус сейчас не может ответить на ваш вызов. Оставьте свое имя и идентификационный номер, и если вы не грешили и помнили Слово Его, то рано или поздно Он свяжется с вами...

— *Джимми!* — это была сестра Маргарет. Она парила перед ним в воздухе, как всегда сияющая и жизнерадостная. Она протянула ему руку, но как только он прикоснулся к ней, ее тело начало разлагаться, и вскоре он уже держал в руках гниющий труп, с которого сыпались могильные черви.

— *Джимми! Джимми, очнись! Я сделала все, что могла, но мои силы тоже не безграничны! Ты должен сам захотеть прийти в себя!*

— Только этого мне еще не хватало, — простонал он. — Даже здесь я не могу от нее избавиться!

— *Давай же, Джимми! Борись с этим, ты, придурок!*

— Заткнись, Гриста! — простонал он, но тут же заметил, что когда она с ним говорила, кошмар куда-то отдалялся, и крови вокруг становилось меньше.

— *Придурок! Скотина! Тупая скотина! Ты просто словил в грудь парализующий заряд с очень близкой дистанции! Или ты сейчас проснешься, или отправляйся обратно в свой кошмар, и больше я тебя вытаскивать не буду!*

Гриста не отставала: она ругала его, угрожала, умоляла, — и постепенно, с таким чувством, будто он пытается вынырнуть из затяжного погружения, он наконец пришел в себя.

— Что? — проговорил он вслух, все еще находясь в прострации и абсолютно дезориентированный.

— *Тебя подстрелили, дурак! Они оставили на тропе Нуля, и он снял вас всех одним выстрелом, прежде чем вы сообразили, что происходит.*

— Сколько времени я был без сознания?

— *Я что, так похожа на часы? Довольно долго, я думаю. Несколько минут.*

— Откуда ты знаешь, что произошло?

— *Он подошел сюда после того, как положил вас. Ланкур еще мог двигаться, и его нужно было добить. Я не видела его, но почувствовала присутствие и услышала, как он подошел. А потом был еще один выстрел.*

Джимми попытался сесть и застонал. Это было больно — больнее, чем все, что ему довелось испытать до этого. К тому же он все еще пребывал под впечатлением от увиденных кошмаров. Они до сих пор казались очень реальными.

Первой он подошел к Молли. Не только потому, что чувствовал свою ответственность за нее, но также потому, что понятия не имел, как определить состояние Дарквиста или цимоля. Так что он в любом случае мало что мог для них сделать.

Сначала он испугался; ему показалось, что она умерла — в ее прелестном маленьком разуме было еще меньше мыслей, чем обычно. Но когда он поднял ее в сидячее положение и несколько раз позвал по имени, она вдруг слабо улыбнулась и понемногу начала приходить в себя. Она открыла глаза, тряхнула головой и тут же поморщилась от накатившей боли и тошноты.

— Джимми? Что произошло?

— Нас подстрелили. Давай, поднимайся. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но чем больше ты будешь двигаться, тем быстрее это пройдет.

Он помог ей встать, после чего переключил внимание на Дарквиста. Его звездоподобный спутник бессильно лежал на земле; в своем скафандре он сейчас очень сильно напоминал сдувшийся воздушный шарик.

— Дарквист! Хватит спать, пора действовать! — заорал Джимми в интерком. — Давай, поднимайся — и в бой!

— *Еще немного, мамочка,* — появилось в мозгу у Дарквиста.

— Нет уж, дудки! — отрезал телепат. — Я скорее стану постоянным клиентом морга, чем мамочкой дарквиста!

Джимми и Молли, которые чувствовали себя уже почти нормально, если не обращать внимания на мелочи вроде головной боли и неприятного покалывания в конечностях, попробовали поднять Дарквиста, но без успеха — им удалось разве что немного растормошить его. Широкие щупальца существа задвигались, на поверхности тела показались стебельки глаз.

— Я начинаю жалеть, что отправился в это путешествие, — сказал Дарквист.

— Что ж, это уже неплохо. Теперь самое время посмотреть, как сбстоят дела у того, кто втянул нас в это предприятие. Интересно, жив ли он вообще, — или как там это называется у цимолей?

— Функционален, — раздался жутковатый, лишенный эмоций голос. — Восстанавливаю управление биологическими системами. Провожу проверку. Выполнено.

Трис Ланкур рывком сел и тут же поднялся на ноги; все это было проделано с пугающей, нечеловеческой пластикой. Скафандр еще больше усиливал ощущение, что ты смотришь на механическую куклу, а не на человека.

— Будь я проклят! — выругался Дарквист, наблюдая за этой картиной. — Да он действительно робот!

— Сейчас я управляю биологическими системами напрямую, — ответил Ланкур неживым, механическим голосом. — Я полностью функционален, но доступ к некоторым биологическим программам невозможен.

— Он плохо себя чувствует, — зачем-то пояснила Молли.

Джимми не мог сдержать воспоминания о своем кошмаре и вытекающих металлических мозгах пилота.

— Каково состояние отряда? — спросил цимоль.

— Мы все в порядке — так мне кажется, — ответил ему за всех Джимми. — Ты пострадал больше всех.

— Второй выстрел вызвал частичное повреждение изоляции и замыкания в некоторых схемах, — пояснил цимоль. — Наиболее важная часть информации не пострадала, но я не могу восстановить режим симуляции землянина. Данные о его жизни и привычках до входа в цимоль-режим в блоках памяти отсутствуют.

— *Ты только посмотри, как он двигается,* — подала голос Гриста. — *Настоящий ходячий труп!*

Джимми тоже очень не нравился вид цимоля, лишенного своей человеческой маски, но на данный момент у них были дела поважнее.

— Насколько ты в целом функционален? Ты сможешь определять дистанцию? Сможешь драться в случае необходимости и попадать туда, куда целишься?

— Управление под контролем. Пока что я не могу предсказать пределы и скорость рефлексов, но спонтанные движения или неосознанные действия исключены. Тем не менее должен отметить, что мой мозг утратил способность сенсорного и тактильного восприятия.

— Ты хочешь сказать, что ты теперь не чувствуешь боли?

— Я вообще ничего не чувствую. Тем не менее, в целом биологическая часть полностью подчиняется моим командам.

— *Никто, часом, не захватил с собой подгузник? Он может обмочиться!* — гнусно хихикнула Гриста.

Как обычно, Джимми оставил ее плоские шуточки без внимания.

— Дарквист, что скажешь?

— Пока что нам придется с этим смириться. Мне тяжело видеть его таким, потому что мы уже очень давно работаем вместе. Но с практической точки зрения его теперешнее состояние куда предпочтительнее многочисленных переломов или рваных ран. Ладно, что там насчет этих вероломных святош?

Джимми провел ментальное сканирование.

— Они где-то далеко впереди, как того и следовало ожидать. Похоже, они очень торопились — или мы прове-

ли без сознания куда больше времени, чем предполагает Гриста. В любом случае, у меня такое чувство, что сейчас они остановились. Странно, на их месте я постарался бы убраться как можно дальше и как можно быстрее.

— Тише едешь, дальше будешь, — глубокомысленно заметил Дарквист. — Пусть они постоят подольше и как следует подумают о том, что мы с ними сделаем, когда догоним. Как бы то ни было, мне бы хотелось подобраться к ним поближе и найти какое-нибудь укрытие от этого нескончаемого дождя. Кстати, как ты себя чувствуешь? По-моему, ты принял на себя большую часть первого выстрела.

— Я потерял сознание, меня мучили кошмары — мне казалось, что я попал в Ад. А потом я очнулся и вспомнил, что я уже в нем.

Он замолчал, глядя на странные отрывистые движения Триса Ланкура.

— *Слушай, а ты уверен, что он все еще на нашей стороне?* — нервно спросила Гриста.

По правде сказать, он не был в этом уверен. Он уже ни в чем не был уверен, кроме того, что они попали в отвратительный мир, где царят ужас и запустение и где ни на минуту не прекращается этот проклятый дождь. И он искренне не понимал, как они умудрились сюда забраться, и не знал, умудрятся ли они отсюда выбраться.

Сейчас, слушая вездесущие крики и стоны, он как наяву видел свой сон. И ясно понял одно: здесь он совершенно точно не хотел умирать.

— Давайте подойдем к ним поближе, — сказал он наконец. — Я хочу, чтобы они знали, что мы рядом.

* * *

Не прошло и часа, как они действительно подошли уже близко. Маккрей подобрался к самому краю обсидиановой скалы и, перегнувшись, разглядывал водопад. Однако, когда Молли и Трис захотели идти дальше, он их остановил.

— Они где-то там и наверняка поджидают нас. А там внизу, у водопада, нет никакого укрытия.

Дарквист согласился с ним.

— Если там есть какое-нибудь укрытие напротив тропы, то я бы обязательно засел там, будь я на их месте. И ждал бы, пока мы появимся, чтобы перестрелять нас, как уток в тире.

— В нашем отряде каждая боевая единица снабжена двумя управляемыми ракетами. Наш противник не располагает подобным оружием, иначе они бы воспользовались им еще во время первого столкновения, — заметил Ланкур.

— Но с ними Модра! — напомнил ему Дарквист. — Мы же заденем ее!

— Не вижу ни одного разумного довода в пользу освобождения Модры, — спокойно ответил ему цимоль. — Вероятность успешного исхода при таком плане действий недостаточно велика. Сейчас Модра лишь усиливает отряд мицлапланцев, что делает его вообще сильнейшим отрядом из трех. Мне представляется вполне логичным его полное уничтожение. Тогда преимущество вновь вернется к нам.

— Но ведь там внизу Модра! **Модра**! — воскликнул, ужаснувшись, Дарквист. Даже Джимми, новичка в этой группе, явно покоробила подобная логика.

— Одно дело — прижучить этих поганцев, — сказал он ровным голосом, пытаясь держать себя в руках. — Но я ни за что не соглашусь на убийство члена нашей команды.

— В любом другом случае мы окажемся в патовом положении, и миколианцы, которых ничто не обременяет, продолжат лидировать, — подчеркнул цимоль. — Мы не можем двигаться дальше, опасаясь засады со стороны мицлапланцев. Они, в свою очередь, будут вынуждены оставаться на месте, потому что у нас здесь прекрасная позиция, с которой мы простреливаем практически всю тропу внизу. Оставаться в подобном положении мы тоже не можем, поскольку существует еще и третья команда, которая не только нас опережает, но и продолжает увеличивать разрыв. У нас есть способ разрешить эту ситуацию в нашу пользу. И мы недопустимо погрешим против логики, если не воспользуемся им.

— Неужели тебе абсолютно безразлично, что она — одна из нас? Что ее похитили вопреки ее воле? — настаивал Джимми.

— В Империи Биржи около тридцати триллионов жителей. Примерно два с половиной триллиона из них — земляне. Потеря одного землянина вряд ли сравнима с поддержанием всеобщего порядка.

— Я полагаю, то же самое относится и к нам, — уточнил Дарквист.

— Безусловно.

— Это объясняет низкий уровень жизни рабочего класса в Империи Биржи, — заметил Джимми Маккрей, говоря тихим шепотом, как он обычно разговаривал с Гристой. — Гриста была права — ты уже не на нашей стороне. Иногда я даже думаю: а был ли ты вообще когда-нибудь на нашей стороне?

— Ожидание лишено всякого смысла. Они в укрытии, мы открыты, — напомнил цимоль.

— Цимоль, подожди немного, прежде чем ты начнешь действовать! — с холодным спокойствием произнес Дарквист, приближаясь к тому, что когда-то было его капитаном и другом.

— Зачем?

— Скажи мне, в чем принципиальная разница между твоей философией, философией твоих хозяев и философией Кинтара?

— Этот вопрос не имеет отношения к нынешней ситуации.

— Для меня имеет. Это очень важно.

— Хорошо. Хранители полагают, что общество гораздо важнее частей, его составляющих, и обеспечивают наилучшие условия наибольшему числу людей. Кинтара же считают, что общество существует для того, чтобы им служить.

— И следовательно, в нашем частном случае, интересы отряда, то есть наши, обладают большей значимостью, чем интересы части этой команды, в данном случае Модры, — так? Мне, другой «части» этого «целого», очень не нравятся подобные рассуждения. Я не позволю тебе этого сделать.

— У тебя нет права голоса. Будучи офицером Биржи, я действую от лица Хранителей. Ты сам решил пойти со мной, я тебе этого не приказывал.

— Я не уверен, что у меня был выбор, — заметил Дарквист. — Но даже если бы он и был, я бы все равно пошел, потому что решила пойти наша **команда. Вся** команда: я, Маккрей, даже Молли — и, конечно, Модра. И когда сейчас ты предлагаешь нам поступиться всеми нашими принципами, я задаюсь вопросом, а не говорит ли в тебе частичка того, прежнего Триса Ланкура? Его темная, злая сторона, которая воспользовалась твоей механической логикой ради мести. Модра убила тебя, превратила тебя в машину, и теперь ты хочешь забрать ее жизнь взамен.

Пустоглазый труп, когда-то бывший Трисом, ничего не ответив, подошел к краю скалы, где тропа резко ныряла вниз. Один стебельчатый глаз Дарквиста повернулся к Джимми Маккрею. Тот молча кивнул.

Цимоль считывал показания приборов, не обращая внимания на то, что происходило у него за спиной.

— Расстояние сорок целых две десятых метра вправо, неустановленное жилище или пещера внутри скалы, — произнес Ланкур, ни к кому конкретно не обращаясь. Он полез в сумку и достал маленький черный предмет, который, включаясь, тихо загудел, а потом издал резкий и протяжный свистящий звук.

Дарквист, словно пародируя двуногое существо, на двух щупальцах подошел к цимолю и встал за его спиной. У него больше не было сомнений. Размахнувшись «правым» щупальцем, он ударил цимоля в спину с такой силой, что тот буквально взмыл в воздух и, пролетев добрых четыре метра, рухнул на камни внизу.

Снизу раздались крики мицлапланцев, на которых вдруг свалился цимоль. Джимми с пистолетом в руке подошел к Дарквисту, чтобы посмотреть, что происходит внизу.

Ланкур в полете напоминал тряпичную куклу, выброшенную из окна. Приземлившись, он медленно встал и сделал пару шагов, жуткий, похожий на мертвеца, восставшего из могилы. Потом он нагнулся и подобрал выпавшую у него из руки миниатюрную ракету.

— Может, подстрелить этого мерзавца, да и дело с концом? — задумчиво спросил Дарквист.

— Нет, пусть они сами, — ответил Джимми. — Если они не смогут его убить теперь, они не достойны своих жизней.

* * *

Внизу, в скальном убежище, Криша лениво следила за группой Биржи, не придавая этому занятию особого значения. Она рассчитывала на то, что ее старые, проверенные временем инстинкты предупредят ее о любых действительно опасных мыслях противника. Холодная ненависть, переполнявшая Дарквиста, скрыла некоторые его мысли, поэтому, сказав остальным быть настороже, Криша и сама точно не знала, что произойдет. «Прибытие» Триса Ланкура стало для нее такой же неожиданностью, как и для остальных.

— Господи! Да это же Трис! — крикнула Модра. Оцепенев от ужаса, она смотрела на мертвецки неуклюжие движения цимоля, и это зрелище оживило в ней ужасные псевдо-воспоминания, внушенные ей Мороком. Модра была старым профессионалом, у нее давно уже, как у всех телепатов, выработался естественный страх перед гипнотами. Она верила, что ее друзья были убиты, а их телами завладели демоны, но в глубине души все же продолжала сомневаться. Теперь у нее появились доказательства, развеявшие последние сомнения.

— У него в руке программируемая ракета, — предупредила она остальных. — Если он ее запустит, здесь все взлетит на воздух.

— Тогда стреляй, Модра! Стреляй! У тебя наилучший угол прицела! — крикнул Ган Ро Чин.

Она подняла пистолет, но выстрелить не смогла. Неважно, насколько не по-человечески он выглядел — она просто-напросто не могла убить Триса еще раз.

В цимоля вонзились импульсы, выпущенные Мороком и Маньей, которым было сложнее прицеливаться. В тот же момент раздался оглушительный взрыв.

* * *

Взрывной волной Джимми отбросило на Молли, и они повалились друг на друга; к небу над ними взметнулось черное облако. Дарквист лишь перевернулся, встав на пять точек, а потом опять поднялся на две конечности. Поднявшись, Джимми удостоверился, что с Молли все в порядке, и вернулся к Дарквисту.

От цимоля мало что осталось. Ракета уже вылетела из рук Триса Ланкура, когда в нее попали энергетические импульсы мицлапланцев. Она взорвалась в воздухе в каком-нибудь метре от него. Взрыв разорвал его скафандр и хрупкую человеческую плоть, как будто это была папиросная бумага; кровь и отдельные части его тела разлетелись по всей пещере. Кое-где виднелись следы зеленой светящейся жидкости, по всей видимости заменявшей кровь в кибернетической части цимоля.

Произошла еще одна необычная вещь: в момент смерти цимоля крики и стоны, составлявшие обычный звуковой фон в этом мире, на мгновение стали гораздо громче, совершенно заглушив шум дождя и даже водопада, но тут же стихли до прежнего уровня.

— Жаль, что его снаряжение и батареи достались не нам, — сухо сказал Джимми Маккрей, глядя вниз.

Но Дарквист думал совсем о другом. Он... вспоминал.

— А ведь было время, когда он был хорошим человеком. Пожалуй, одним из лучших. Он сумел выкарабкаться с того комочка грязи, где родился, и где единственным развлечением было побарахтаться в этой самой грязи. Где люди, прежде чем умереть, успевали только нарожать огромное количество вечно голодных детей. Он был диким и необузданным и постоянно рисковал, потому что именно так он стал тем, кем стал. Он никогда не мог понять, что все остальные — другие, не такие, как он. Я думаю, именно по этой причине Модра никогда всерьез не задумывалась о том, чтобы выйти за него замуж, хотя и любила его. Она знала, что однажды он поставит на кон все — и проиграет. И за другого парня она вышла только для того, чтобы мы не вылетели в трубу, чтобы Трис не потерял свой корабль. Теперь для него все кончено.

— *О-о-о-о... Как грустно!* — сочувственно сказала Гриста.

Джимми вздохнул.

— Что ж, по крайней мере, его убила не она. Их телепатка так растерялась, что на мгновение убрала блок, и я смог прочитать их. У Модры была прекрасная позиция, но она не смогла выстрелить. Так и не смогла себя заставить.

— Я рад, что все вышло именно так, — отозвался Дарквист. — Она никогда не сможет понять, что он сам виноват

в своей гибели. Его натура просто не могла вынести поражения, даже в таком личном деле.

Джимми пожал плечами:

— Что ж, в результате мы лишились еще одного бойца. К тому же, что бы я ни думал о его методах, в одном он был прав — вряд ли в ближайшем будущем нам удастся вернуть Модру. Судя по тому, что я прочитал, пока блок был убран, ей сделали очень профессиональное внушение. Она полагает, что мы все мертвы, а нашими телами управляют демоны, которые жаждут только одного — убивать. Вряд ли у нее остались причины сомневаться в этом после того, как она увидела Триса Ланкура в таком состоянии.

— Да, это все несколько усложняет. Как ты думаешь, может быть, нам пообещать им полную амнистию и дополнительную фору за то, чтобы они вычистили из Модры этот дурман и вернули ее нам?

— А как мы это проверим? — спросил Джимми. — У их телепатки достаточно сил, чтобы испортить мне сканирование, а гипнота я не подпущу к себе и на расстояние выстрела. До сих пор они ничем не показали, что им можно верить, скорее наоборот. К тому же, они сами могут заподозрить нас в злом умысле, независимо от того, насколько четко мы выразим свои намерения.

— *Вдвоем мы могли бы сломать их телепатку, и ты это знаешь,* — вставила Гриста.

Он не был в этом так уж уверен. А что если бы и смогли? Это все равно не вернуло бы Модру к первоначальному состоянию, потому что основная задача состояла в том, чтобы снять внушение. Именно это его и останавливало.

Дарквист нарушил его раздумья.

— Почему бы нам просто не отпустить их? С ними Модра будет в не меньшей безопасности, чем с нами. А основной угрозой для нас пока что были они сами. Пусть она побудет с ними еще немного. У нас преимущество в запасе энергии, и я практически уверен, что их гипнот серьезно пострадал. Кстати, возможно, этим и объясняется похищение Модры. Вряд ли больной долго протянет, если мы заставим их поддерживать этот бешеный темп, пусть он даже профессионал и гипнот. А в случае смерти гипнота положение вещей явно изменится в нашу пользу.

Джимми тщательно обдумал это предложение.

— Ты предлагаешь просто убрать нашу заставу?

— Именно. Мне не очень нравится мысль, что мы даем нашим друзьям из Миколя шанс беспрепятственно заключить сделку с этими рогатыми ребятами, а потом спокойно поджидать нас всех в конце пути.

— Ладно, сейчас я сообщу им о нашем предложении, — сказал Джимми и связался с Кришей:

— У нас два варианта: либо сидеть здесь до бесконечности, либо прийти к разумному компромиссу.

— И как вы это себе представляете? — спросила Криша.

— Мне не нравится сидеть здесь и мокнуть. Я сыт всем этим по горло. Мы отступаем назад и даем вам один час. Выходите на тропу, определяйтесь, куда вам идти, и уходите. Через час мы вернемся. Никаких фокусов, никаких засад, иначе будет война.

— Один из членов нашей команды ранен. Ему необходим гораздо более длительный отдых, чем он успел получить.

— Это не переговоры, — резко ответил Джимми. *— Переговоры были вначале, и это вы их нарушили. Мы не нападали на вас, более того — помогли вам выбраться из очень неприятного положения. Вы отплатили нам предательством. Неужели вы действительно рассчитываете, что мы поверим вам теперь, если вы пообещаете не стрелять, когда мы будем проходить мимо?*

Перед Кришей стояла серьезная проблема. Морок уже спал на каменном полу, и, пожалуй, это было к лучшему. Она слышала все, что говорили о нем биржанцы, и знала, что они рассчитывают на его смерть и не намерены помогать его излечению. Ей очень нужно было обсудить с друзьями создавшуюся ситуацию, но сделать это открыто она не могла. Поступив так, они бы основательно запутали и смутили Модру, считавшую, что ее прежние друзья превратились в кровожадных демонов.

— Подождите немного. Мне нужно поговорить с командой, — наконец решилась Криша.

* * *

— Я не думаю, что они согласятся, — сказал Джимми. Он сосредоточенно нахмурился.

— Гриста, как ты считаешь, мы сможем вдвоем собрать достаточно сил, чтобы сделать нечто вроде того, что постоянно делает она, — заблокировать Дарквиста и Молли?

— А зачем блокировать Молли? Как мне кажется, чтобы имело смысл скрывать мысли, сначала они должны появиться в голове.

— У Молли есть уши, и именно поэтому я сейчас говорю тише, чем обычно. Я хочу сделать так, чтобы телепатка не смогла услышать то, что я хочу сказать Дарквисту. И не считала это с его мозга.

— Ну, вообще-то... Да, я думаю, это можно устроить. Но как ты узнаешь, удачный у нас вышел блок или нет?

— Это уже моя забота. Я чувствую, когда меня зондируют, и замечу, если она проникнет за блок.

Внезапно он услышал в своей голове голос Криши:

— Прошу прощения, но это решение нам не подходит. Когда Святой отдохнет, тогда мы, вероятно, сможем согласиться. Но до тех пор, вам придется немного помокнуть. Мы и так знаем, что вы не будете нас атаковать. Иначе вы не убили бы своего человека.

Джимми тихо улыбнулся. *«Ну ладно, подруга,* — подумал он. — *Но теперь все, что произойдет, будет на вашей совести. По крайней мере, нам не придется тратить час впустую».*

Он глубоко вздохнул.

— Гриста, давай опробуем наш блок прямо сейчас. Но его нужно держать до тех пор, пока он будет нужен. Никаких перерывов, иначе мы все погибнем!

— Погибнем? Э-э... Я уже не так уверена, что мне это нравится.

Внизу Криша со страхом почувствовала, как слепое пятно, закрывавшее от нее Джимми Маккрея, внезапно разрослось и заслонило собой всю команду Биржи. Это было совершенно неожиданно. Более того, для этого требовалось очень много сил. Она находилась в замешательстве, поскольку всегда считала, что подобные вещи просто-напросто невозможны без вмешательства сверхъестественных сил. По крайней мере, она верила, что ее собственные способности были увеличены именно благодаря такому вмешательству. До сих пор она полагала, что точно знает пределы возможностей Джимми Маккрея, насколько один телепат может знать другого. И вот, пожалуйста, — резкий скачок мощности!

Она попыталась пробиться сквозь щит, но тщетно. Это была абсолютно непроницаемая стена белого шума. Она беспомощно оглянулась на Ган Ро Чина:

— Их телепат закрылся от меня! Я не могу прочитать вообще ничего! Я не понимаю, что произошло, но мне это не нравится.

Капитану, который и без того уже был измотан, это понравилось не больше, чем ей.

— Разбуди остальных и объяви состояние полной боевой готовности. Мне, несмотря ни на что, кажется, что большой опасности нет, но мне не нравятся подобные сюрпризы. Никогда не стоит недооценивать противника.

Дарквист тоже был удивлен, но его удивление было приятным.

— Значит, она нас больше не слышит?

— Да. Проблема в том, что если она действительно решит со мной побороться, щит может ослабеть, и даже я не знаю точно, сколько я смогу его поддерживать.

Джимми Маккрей подошел к краю тропы и показал на водопад.

— Воспользуйся увеличением. Видишь вон там сигнальные огоньки? Такие светящиеся шишечки, которые ведут прямо к краю?

— Да, вижу. Они, по-видимому, размечают путь, и меня бы очень успокоило, если бы я узнал, что это не просто обрыв.

— А теперь посмотри на водопад. Видишь там такой маленький уголочек, прямо перед самым каскадом? Это наша серебряная дорога, спорю на что угодно!

— Ты предлагаешь нам пройти там? Но как? Я эту крышу не обрушу!

— Это я понимаю, — успокоил его Маккрей. — Я не предлагаю никого убивать, да и сам умирать пока не хочу. Конечно, это будет рискованно, как для них, так и для нас, особенно если мы недостаточно точно все рассчитаем. Но это справедливо. Мы и так берем на себя большую часть риска.

— Ладно, давай, рассказывай, что ты придумал.

* * *

Через час все в лагере мицлапланцев начали потихоньку успокаиваться. Никто не может постоянно оставаться настороже, в особенности когда единственное, что вызвает тревогу, — это внезапно открывшаяся способность противника блокироваться от телепатического зондирования.

У них все еще оставалась заложница, и учитывая, что Криша от начала и до конца слышала спор, окончившийся второй и последней смертью Триса Ланкура, они не боялись того, что засевший наверху противник действительно попытается их уничтожить. Кроме того, они знали, что мимо них пролегал единственный путь, ведший к водопаду и ниже. И он прекрасно простреливался из руин, где они укрылись.

Модра Страйк с удивлением осознала, что не испытала какого-то особенного горя, когда увидела гибель Ланкура. Наоборот, она странным образом почувствовала себя лучше, как будто с нее сняли огромный груз. Трис наконец-то умер по-настоящему. Конечно, ей было очень жаль, но на сей раз она была абсолютно ни при чем. Особенно важно для нее было то, что он умер, пытаясь убить не только этих людей, но и ее, Модру, тоже. Она не могла бы вообразить большего несоответствия между тем, что было раньше, и тем, что произошло теперь.

К тому же она все лучше узнавала мицлапланцев. Постепенно она начинала понимать, что хотя они ей нравились как отдельные личности, ее коробило от их системы ценностей и их верований в целом. Они были самыми несвободными людьми, каких она когда-либо встречала, хотя сами они считали свое тоталитарное рабство свободой.

Особенно сильно ее раздражала Криша. У этой темнокожей красавицы было все, чего могла бы пожелать женщина: красота, ум, способности. И кто она? Девственная священнослужительница, давшая обет безбрачия, обреченная на затворнический образ жизни, кроме тех случаев, когда надо сражаться во имя веры, как сейчас. Жизнь, загубленная впустую.

По крайней мере, они не пытались обратить в свою веру ее. Как она поняла, они считали оправданным любой способ обращения, кроме гипноза — это значило бы совершить ужаснейший грех. В любом случае, у них было мало шансов. Учитывая ее эмпатический Талант, ее сразу приняли бы в ряды духовенства. Модра часто задавалась вопросом, почему у мицлапланцев никогда не кончаются Таланты, хотя все они являются стерилизованными жрецами или жрицами, соблюдающими обет безбрачия. Потом ей рассказали, что большинство из них, как, например, Морока и Манью, выращивают в лабораторных условиях путем клонирования из генного материала, который сдали их родители. Конечно, это было неплохим решением проблемы, но Модра твердо решила, что сама к этой системе ни за что не присоединится.

Как бы то ни было, ей, эмпатке, было сложно находиться в подобной компании. Они все верили. Они все были абсолютно убеждены в том, что их вера — единственная истинная, а их боги следят за ними с небес и управляют каждым их шагом. Когда они молились, — в особенности если это была общая молитва, — исходившие от них волны восторга, счастья и эмоционального единения захлестывали ее с головой, увлекая помимо ее воли. Подобная спокойная уверенность и непритворное счастье обретали особую притягательность в таком месте, как это. В то же время Модра ощущала, что ее присутствие заставляет их чувствовать себя несколько неуютно. Для них она была клочком серого тумана в мире, где возможно было только черное и белое.

Капитан Чин был другим, или хотя бы казался таковым. Она легко смогла бы угадать, чем он зарабатывает себе на жизнь, даже если бы ей этого не сказали. Все торговцы имели что-то общее, что-то неуловимое, что не зависело от их расы или национальности. Он источал ту особую силу, которая присуща людям, привыкшим принимать решения и отдавать приказы. Когда-то и Трис был таким же...

Кроме того, Чин не был жрецом. Об этом свидетельствовало тусклое свечение уже второй сигары, которую он, опершись на грубо высеченную оконницу, докуривал вдали от всех остальных. Он был единственным из этих святош, кто покидал пределы Мицлаплана и побывал в мирах как Миколя, так и Биржи. Однако то, что он был Нулем, непроницаемым для любых Талантов, дела-

ло Ган Ро Чина загадкой для нее. Она была уверена, что этот человек безгранично предан своей системе и своим людям, но решительно сомневалась, что он действительно верит во всю эту чепуху.

Она подошла к нему в темноте. Ей нужен был кто-нибудь, кто бы смог ее успокоить и утешить, и ей было неважно, насколько он был непохож на ее прежних товарищей.

— Я не понимаю, почему они не воспользовались остальными ракетами, — сказала она, выглядывая наружу. — Мы же здесь как на ладони!

— Думаю, они просто не могут их правильно запрограммировать, — быстро ответил он, радуясь, что заранее придумал ответ на этот вопрос. — Поэтому, собственно, один из них и попытался выйти на открытое место. Полагаю, пока что мы в безопасности. Проблемы начнутся, когда мы захотим уйти.

— Я знаю, что ваши друзья считают это место Адом — тем самым, куда ссылают грешников со всей Вселенной. Вы в это верите?

Чин нахмурился, но он был рад, что они ушли от предыдущей темы, потому что ему очень не хотелось врать.

— Манья, а теперь, наверное, и Криша, верят в это. Морок тоже верит где-то в глубине души, хотя предпочел бы не верить.

— А вы?

— А что думали ваши люди? — спросил Чин, уклоняясь от ответа.

— Только Джимми Маккрей, наш телепат, считал, что это так. Это был очень странный человек; он слишком мало пробыл в нашей команде, чтобы я смогла узнать его так же хорошо, как остальных. Его воспитывали в традиции какой-то древней религии, сохранившейся еще со Старой Земли. Кажется, у него была очень трагическая судьба. Впрочем, он предпочитал не распространяться на эту тему.

— Маккрей, — повторил капитан. — Англичанин? Нет... Ирландец!

Она удивилась.

— Да, именно так он называл свою субкультуру. У них есть несколько миров, где стараются сохранить старые обычаи. Там все очень мило, мирно и, как мне говорили, очень скучно.

— Ну, в данный момент вы бы, наверное, не стали бы возражать, если бы вам предложили немножко пасторальной скуки?

Она улыбнулась.

— Ну разве что в данный момент. Мое собственное детство тоже было несколько пасторальным, и я это ненавидела. Нас было одиннадцать детей, и я была самой маленькой и единственной, кто хотел вырваться из этого болота.

Ган Ро Чин хмыкнул.

— Одиннадцать! Это единственное, в чем мы, терране, достигли истинного мастерства. Мой народ в древности

никогда не умел хорошо сражаться. Нас раз за разом завоевывали другие народы. Но мы всегда сохраняли собственную культуру и веру в превосходство нашей культуры над всеми остальными. Мы терпеливо рожали собственных детей и заключали браки с захватчиками, до тех пор, пока в один прекрасный день не обнаруживалось, что их больше нет. В стране оставались только мы и наш генофонд, который просто становился слегка разнообразнее. А сейчас я считаю своим народом всех терран, вне зависимости от того, к какой культуре они принадлежат и во что верят. Мы не можем скрещиваться с другими расами, но мы с легкостью можем «перерожать» их. На данный момент мы — сама многочисленная из рас в Трех Империях. Вы знали об этом?

— Нет. Я никогда об этом не задумывалась.

— Посмотрите, сколько здесь терран. В команде Биржи это вы, этот Джимми и капитан Ланкур, который тоже когда-то был терранином. В нашей команде двое — я и Криша. У миколианцев — их лидер и женщина-эмпатка. Из всех, кто добрался сюда, почти половина — терране. Понимаете, что я имею в виду? Дайте нам еще несколько столетий, и мы станем не просто самой многочисленной расой — мы составим большинство населения во всех трех Империях! Причем заметьте, большинство терран, за исключением таких, как мы, — кули, если вам знаком этот древний термин. Мы находимся в самом низу социальной и политической лестницы. Мы выращиваем им пищу, мы носим их багаж, мы стираем за ними их грязное белье. Но в один прекрасный день они вдруг увидят, что мы нечто большее, нежели безликая масса чернорабочих, что с нами уже нельзя не считаться.

— Вы говорите, как какой-нибудь революционер, — заметила она. — Может, именно это и скрывается под вашей таинственной маской — бунт?

— Да, но не в прямом смысле этого слова. Разве я представляю собой какую-то серьезную угрозу? Или вы? Я лишь излагаю реальные факты. Никто из нас не планировал этого специально, но — посмотрите хотя бы на нашу нынешнюю расстановку сил. Народ Маньи обладает потрясающими способностями к маскировке, которая помогла им защитить себя и превзойти все остальные существа на собственной планете. Народ Морока умеет летать. Народ Савина произошел от лесных обитателей, которые охотились по ночам и могли годами сидеть не шелохнувшись, подкарауливая жертву; у них очень острое чувство равновесия и еще более острое зрение. Мы — самые слабые и неумелые из всех существ, которые когда-либо достигали разумности. Мы не умнее их, даже взятые все вместе. Но наша беззащитность и внешнее отсутствие каких-либо сильных сторон породили расу, которая умеет только одно —

выживать. И если нам дать достаточно времени, мы станем наиболее коварной угрозой для всех остальных рас. Я боюсь, что когда они это осознают, в Империи Биржи и Миколе начнутся погромы, целью которых будет сократить нас до безопасного числа.

— Но не в Империи Мицлаплана?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, у нас такого не будет. Видите ли, здесь все дело в религии. В вере мы все равны. Для мицлапланцев мы — простонапросто еще одна разновидность живых существ, еще одна ступень инкарнации. И для Святых, несущих нам Слово и охраняющих нашу веру, нет разницы между терранином и шестиногим силикоидным аммиакодышащим ябуком. Поэтому для нас и не закрыты руководящие должности.

— И все-таки, вы никогда не чувствовали себя скованным? Запертым в рамках тесной системы?

— По правде говоря, нет. Впрочем, чтобы это понять, надо знать историю моего народа. Дело в том, что я видел системы всех трех Империй. Они все работают, но только у нас нет расы хозяев, нет бедных и богатых, нет всеобщего социального недовольства. В настоящий момент мы можем выбирать из трех — даже четырех, если считать этих демонов, — систем правления. Как правят демоны, легко понять из наскальных рисунков. Я трезво оцениваю альтернативные варианты и вполне доволен своим настоящим положением.

— Не думаю, что когда-нибудь смогла бы жить в вашей системе, — честно призналась Модра. — И я никогда не была в Империи Миколь, но я много слышала об их методах, и они мне совершенно не понравились. В Бирже, если ты достаточно хорош, ты можешь пройти весь путь до самых вершин.

Ган Ро Чин согласно кивнул.

— Вот только к сожалению, «достаточно хороши» очень немногие. Жизнь большинства простых людей Биржи мало чем отличается от жизни, скажем, дрола в Миколе. Ваши короли транспорта и торговли какими-то из миров просто пренебрегают, а из других выжимают все соки. Эволюционная монархия ни на йоту не справедливее наследственной.

Она вздохнула.

— Да, может быть, но...

В этот момент раздался пронзительный воющий звук, и тотчас вслед за ним поблизости от их убежища прогремел колоссальный взрыв, от которого их убежище вздрогнуло, а они повалились на пол. С потолка обильно посыпались мелкие камешки.

— Что? — закричали все разом. Едва они поднялись на ноги, прогрохотал второй взрыв, заставив их вновь попадать на землю.

Модра с пистолетом на изготовку подбежала к окну, уверенная, что сейчас последует атака демонов. Но в этот момент раздался еще один взрыв, отбросивший ее назад и основательно пошатнувший их убежище, которое и без того уже, казалось, готово было вот-вот обрушиться им на головы.

Третий взрыв оказался последним. Мицлапланцы подбежали ко входу и начали вглядываться в черный дым, застилавший все вокруг.

— Они прорываются на тропу! — закричала Манья. — Они хотят нас обогнать, оставить нас здесь!

Чин и Криша одновременно выскочили из пещеры и выпустили по черному облаку несколько длинных очередей, но безрезультатно. Дым начинал рассеиваться, и на мгновение они заметили как чья-то фигура — возможно, это была Молли — исчезает за краем водопада.

— Они прошли! — крикнул Чин. — Вперед, к тому краю! Может, нам еще удастся снять их с тропы, прежде чем они заберутся под водопад!

Модра ничего не понимала.

— Но зачем им прорываться мимо нас? Что здесь вообще происходит?

По-прежнему затрудненным медленным шагом сзади к ней подошел Морок.

— Очевидно, они решили, что мы для них не опасны. Возможно, гибель одного из них заставила их остановиться и задуматься. В любом случае, сейчас они со всех ног бегут к своим темным повелителям.

Даже в темноте его глаза, казалось, прожигали ее насквозь.

— Вот тебе и ответ, дитя мое, — заключил он ровным голосом.

Криша и капитан уже почти добрались до кромки водопада, когда снова услышали свистящий звук. Они тут же повернули назад, но, поняв, что не успеют убежать, упали и вжались в скалу. Бомба взорвалась точно над тем местом, где тропинка выходила на край водопада, и несколько камней упало в пропасть.

— Капитан! Вы в порядке?

— Да. Я цел, как всегда, если не считать нескольких ссадин и ушибов, которые наверняка заработал при падении.

— Сколько у них еще таких бомб? — спросила она, поднимаясь на ноги.

— Ну, судя по снаряжению Модры, я бы сказал, что они уже использовали весь свой запас, — заверил он ее. Внезапно он остановился и ударил кулаком по ладони.

— Эх! Как же я раньше не додумался! Ну конечно!

— Что такое?

— Модра! У нас же есть две ее ракеты! Мы размажем их по стенке, даже если они уже за водопадом!

Она вздохнула.

— Нет, капитан. Пусть они уходят.

— Что? Но они же сейчас как на ладони!

— Морок уже думал об этом. Он вспомнил о ракетах Модры, когда на нас напал цимоль. Мы могли воспользоваться ими еще тогда. Они были так же уязвимы там, наверху, как и мы внизу.

— Но...

— Чин, ими не так-то просто воспользоваться. Для этого нужна практика и компьютер, встроенный в скафандры Биржи. Разве мы — убийцы? И о каком моральном превосходстве можно будет говорить, если мы при помощи гипноза заставим Модру убить ее друзей? Вспомни, что сказал их телепат: это мы, а не они, нарушили данное слово!

— Хорошо. Я понял, что ты имеешь в виду, — он устало вздохнул. — Ладно, тогда, я полагаю, мы это заслужили, в некотором роде. Понимаешь, у меня такое странное чувство, будто мы участвуем в каких-то гонках. И в данный момент наша команда проигрывает.

— Забавно. Их телепат сказал то же самое. Он назвал это Кинтарским марафоном.

Чин издал сухой смешок. Он постепенно успокаивался.

— Кинтарский марафон? Что ж, это название ничем не хуже любого другого. Но факт остается фактом: если рассматривать это как гонку, то поначалу мы возглавляли этот забег в неизвестность, а теперь мы уже третьи. Пожалуй, хуже будет, только если мы начнем пятиться назад.

Она согласно кивнула — она и сама все это прекрасно осознавала.

— Нам надо возвращаться. Посмотрим, что решит Святой. Сейчас многое зависит от его состояния.

— Иди, а я схожу взгляну, что делается внизу, раз уж мы уверены, что у них кончились большие хлопушки. Я хочу посмотреть, насколько они повредили тропу. Если они взорвали несколько метров, то наше участие становится чисто риторическим вопросом. Если, конечно, никто случайно не захватил с собой лестницу или веревку.

Он подошел, все еще опасаясь сюрпризов, и заглянул за край пропасти. Ему не очень понравилось увиденное: первые два метра пройти будет очень нелегко, от широкой тропы там оставался лишь узенький карниз.

Зато они не заблудились. **Пока** не заблудились. Он включил приборы и попробовал найти биржанцев. В конце концов это ему удалось. Группа была уже далеко внизу, за водопадом, вне досягаемости для оружия.

Медленным шагом он вернулся к остальной команде, только теперь начиная ощущать полученные ушибы. Он подошел к ним в самый разгар спора.

— Святой, вы не можете идти в таком состоянии, — мягко убеждала Морока Манья. — Вам нужно хотя бы выспаться! Вашему телу нужно время, чтобы поправиться!

— Я не могу снова остаться позади, потому что теперь у меня вряд ли будет шанс вас догнать. Нам всем не помешал бы хороший сон, Манья, но я никогда не поверю, что несколько часов сна смогут заменить мне две недели в больнице. Если мы будем и дальше стоять на месте, то никогда не догоним биржанцев. В таком случае мы могли бы и вообще не идти сюда! А кто знает, насколько оторвались от нас проклятые миколианцы, которые, судя по всему, вполне способны заключить сделку с дьяволом? Если стоять на месте, то зачем мы вообще сюда пришли? Зачем тогда умер Савин? Нет, нам нужно выходить немедленно — конечно, если капитан скажет нам, что это еще возможно..

— Это возможно, Святой, но первые шесть или семь метров будет очень нелегко. А с вашей ногой...

— Я снова сниму свой скафандр, отдам его кому-нибудь на время, а сам слечу вниз, на более безопасный участок тропы, где и присоединюсь к вам. Таким образом, я подвергнусь куда меньшей опасности, чем любой из тех, кто будет спускаться пешком.

Внезапно Криша издала громкий возглас. Общее внимание тут же обратилось к ней.

— В чем дело, дитя мое? — спросил ее Морок. — Я уверяю тебя, что...

— Нет, нет, Святой, я не хотела с вами спорить. Просто я только что полностью их потеряла! Я не чувствую никаких блоков, щитов, попыток укрыться от зондирования... Мы остались совершенно одни в этом мире. Они просто исчезли!

Ган Ро Чин вздохнул.

— Что же, значит, вскоре и мы уберемся из-под этого дождя.

Это было нелегко, но сознание того, что команда Биржи уже прошла здесь, помогло мицлапланцам поверить, что то, что выглядело как конец тропы, на самом деле было обманом, скрывающим место перехода. И тем не менее, каждый из них с замиранием сердца делал шаг в пустоту.

Огромный зал с демонами заставил их немного задержаться. Удостоверившись, что команды Биржи здесь нет, Криша решила не тратить энергию впустую и сняла блок, закры-

вавший всю группу. Впрочем, она получила ту же информацию, что и другие телепаты.

Модра внимательно рассматривала узор, повторявшийся на всех дверях.

— Маккрей был прав, — сказала она. — Это пентаграммы.

— Что? — переспросил капитан.

— Этот символ. Я не знаю, что должен означать круг, но пятиконечная звезда с соединенными лучами — это пентаграмма, по крайней мере так ее называл Джимми Маккрей. Это символ, который использовали в древности в его мире, чтобы не выпускать или не впускать демонов — в зависимости от того, где ты находишься. И эти золотые линии на полу... Я не могу понять, что это за фигура, но наверняка это сделано не просто в декоративных целях. Тот, кто это построил, видимо, считал, что они помогут удержать демонов. Похожие знаки встречались в тех развалинах, через которые мы проходили раньше.

— Демоническая геометрия, — прокомментировал Чин, изумленно покачав головой. — Еще одно правило, о котором не следует забывать. И, возможно, способ защититься, если мы сможем запомнить хотя бы одну фигуру.

— Ладно, давайте скорее выбираться отсюда, — поторопила их Криша. — Я чувствую, что они вот-вот проснутся и набросятся на нас.

Морок кивнул.

— Она права. Если эти знаки действительно каким-то образом удерживают их, мы нарушаем их каждый раз, пересекая любую из линий. Я слышал о подобном раньше. В Инквизиции Экзорцистов обучают чему-то похожему.

Модра тоже кивнула. Она чувствовала, как со всех сторон ее захлестывают волны чистейшего, первозданного зла. Она остановилась перед порталами в центре зала.

— Куда пойдем?

Ган Ро Чин улыбнулся и показал на пол.

— Кто-то забыл вытереть ноги.

Он был прав: на полированном до блеска полу были явственно видны следы ботинок.

Капитан пошел по следу, а они последовали за ним. Кое-где цепочка следов прерывалась, но здесь прошло достаточно людей, и их сложно было потерять.

— Вот он, — сказал наконец Чин, указывая на один из порталов. — Если мы действительно хотим их догнать, то нам сюда.

— Мы ведь гонимся за миколианцами, — напомнила ему Манья. — Конечно, мы хотим их догнать!

— Что ж, думаю, они там, — ответил Чин. — Я не вижу здесь никаких других следов.

— Ладно, тогда пошли, — поторопила их Криша. — Они начинают просыпаться, и все думают одно и то же. Они говорят: *«Время уже почти пришло. Наше время».*

— Надеюсь, на этот раз это будет пустыня, — мечтательно сказала Манья, проходя сквозь портал.

* * *

Внутри эта станция выглядела так же, как и все предыдущие, включая двух демонов-хранителей.

— *Приветствуем,* — раздалось в голове у Криши. — *Вы не первые, кто прошел здесь.*

— *И, похоже, никто из прошедших вас не освободил,* — ответила она, готовясь отражать атаку.

Но атаки не последовало. Демоны сказали:

— *В этом нет необходимости. Наше время и так уже почти настало. Время, когда мы вновь будем властвовать и повелевать.*

— Что-то изменилось, — сообщила она остальным. — Им все равно, освободим мы их или нет. Они как будто рассчитывают на то, что их и без нас вот-вот выпустят на волю.

— Мне это нравится даже меньше, чем если бы они напали на нас, — заметил Морок. — Не знаю почему, но это так.

Ган Ро Чин кивнул.

— У меня такое чувство, что мы что-то упустили из виду. Что-то, о чем мы еще не знаем. Мне почему-то все время кажется, что кто-то смеется над нами за спиной.

— Ну, раз они не имеют ничего против того, чтобы мы продолжали свой путь, я не вижу причин для дальнейших задержек, — сказал Морок.

— *Идите. Мы вспомним о вас, когда придет наше время. А оно придет уже очень скоро.*

Криша содрогнулась и чуть не силком вытолкала остальных из зала.

Они подошли к воротам станции, испытывая сильнейшее облегчение от того, что наконец покинули тот насквозь промокший мертвый мир.

Они вышли наружу, и в ноздри им ударил плотный, концентрированный запах серы.

ГОРИ ОГОНЬ, КОТЛЫ КИПИТЕ

Это был мир тьмы, словно они очутились на дне невозможно глубокой пещеры. Здесь был свет, но исходил он не

от неба, а от огромных озер кипящей, клокочущей лавы, которая иногда выплескивалась из берегов и текла небольшими речками.

Скафандры автоматически загерметизировались, в них включилась система вентиляции, которая тут же принялась очищать здешний воздух, насыщенный сероводородом и другими дурно пахнущими соединениями, и охлаждать его до приемлемого уровня.

— А вот это мне совсем не нравится, — кисло сказал Джозеф, глядя на счетчик и пытаясь подсчитать, насколько энергоемким обещает быть их пребывание здесь. — Калия, как у тебя с энергией? Тобруш?

— Тридцать семь часов, — доложила Калия.

— Тридцать восемь, плюс-минус полчаса, — вслед за ней отозвалась Тобруш.

— У меня ближе к тридцати пяти, — мрачно сообщил Джозеф. — В предыдущих мирах, чтобы добраться до следующей станции, мы тратили порядка сорока часов, и это при том, что нам не приходилось сталкиваться с чем-либо подобным.

Их скафандры не были предназначены для прогулок по лаве. И хотя они, безусловно, пока еще держались, такими темпами они могли израсходовать всю свою энергию в очень короткие сроки.

— Мы можем попробовать вернуться в зал, — предложила Калия. — Выбрать какой-нибудь другой путь.

— Похоже, так нам и придется поступить, — ответил он. — Может быть, демоны и способны разгуливать по лаве в домашних тапочках, но мы-то так не можем! Дезрет, ты как?

— В пределах нормы, — ответил коринфианец. — Но если я попаду в лаву, то расплавлюсь. Я бы предпочел пойти другим путем.

— Решено — мы возвращаемся. И быстро! Не будем терять энергию зря.

С облегчением они вернулись на станцию и выключили системы своих скафандров. Пройдя сквозь первую пещеру, они снова вошли в центральную комнату — и потрясенно замерли.

Оба демона каким-то образом развернулись и теперь смотрели на них. Джозеф нервно облизнул губы.

— Тобруш, спроси у них, что здесь происходит, — приказал он телепатке.

— *Вы не можете вернуться этим путем. Вам в любом случае придется пройти через тот мир. Чтобы попасть в Центр Отправления, от выхода поверните направо и идите до следующей станции. С нее вы сможете вернуться назад.*

Тобруш доложила об этом Джозефу. У того не было никакого желания верить им; однако не верить он побаивался. Он мог бы спросить их, как далеко до следующей станции, но вряд ли мог бы положиться на ответ.

— Мимо них и наружу! — приказал он. — Сейчас мы посмотрим, обман это или нет.

Они прошли зал насквозь — и вновь оказались в том же темном, отвратительном, жарком месте.

— Все ясно — стоило нам попасть на станцию, как выбор нашего дальнейшего пути стал зависеть от них, — констатировала Тобруш. — Но мы все равно уберемся отсюда, чего бы это нам ни стоило! Нам больше ничего не остается, разве что расположиться здесь и ждать, пока в наших скафандрах не кончится энергия.

— Тобруш права! — воскликнула Калия. — Если уж нам суждено умереть, так умрем достойно, не сдавшись! Они просто испытывают нас! Какой смысл в испытаниях, если их нельзя пройти?

— Согласен, — вставил Дезрет. — Мы здесь постоянно находимся во власти их системы. Заметьте, расстояние между второй и третьей станцией было на двадцать процентов меньше, чем между первой и второй. Мы шли так долго только потому, что сражались и отдыхали. Теперь мы впереди, и пока нам не грозят стычки с врагами. Если расстояние до следующей станции на этот раз составит всего шестьдесят процентов от первоначального, мы сможем добраться до нее за тридцать часов.

— Хорошо, — вздохнул Джозеф, понимая, что даже тридцать часов в этом месте будут пыткой, тем более без предварительного отдыха, но сознавая, что это необходимо. — Мы, по крайней мере, обучены делать такие марш-броски — в отличие от остальных.

Они повернули налево и тронулись в путь.

— У биржанцев осталось, наверное, часов по пятьдесят-шестьдесят, и это если они не затеяли бой, — заметила Тобруш. — Я вот все думаю — интересно, худшее еще впереди? Сначала было бесконечное однообразие, затем бесконечный дождь, теперь бесконечный огонь... Хорошо бы хоть освещение здесь было получше, что ли; не только чтобы зарядить скафандры, но и просто чтобы лучше видеть, куда мы идем.

— Жалко, что мы не можем использовать эту чертову жару! — посетовал Джозеф.

Тобруш приняла его слова всерьез.

— Возможно, если мы попробуем перепрограммировать скафандры, что-нибудь и получится, — сказала она. — Конечно, изначально они для этого не предназначены, но если выйдет хотя бы что-то, это будет все же лучше, чем совсем ничего. По крайней мере, это позволит нам разгрузить кондиционеры. Я подумаю над этим.

— Давай, — обрадовался Джозеф. — У тебя есть тридцать часов. А пока — кто-нибудь видит что-либо, похожее на дорогу?

— Нет, — отозвался Дезрет. — Черная порода, по которой мы идем, состоит из каменных обломков, мелких частиц обсидиана и вулканической пыли. Если кто-то и прошел через эти места, следы после него вряд ли остались.

— Ну что ж, — вздохнул Джозеф, — поскольку мы находимся на возвышенности между двумя озерами лавы, то если мы сейчас пойдем налево, дальше путь выбирать не придется.

— А что если лава растеклась, затопив дорогу, уже после того, как здесь прошли демоны? — спросила Калия.

— Лучше не думай об этом, — посоветовал Джозеф.

Дезрет был настроен более оптимистично.

— Наверняка этим путем часто пользовались. Им же нужно было как-то проходить к следующей станции. Никто не станет, строя здания по строго определенным правилам, как это делают они, тут же нарушать их.

Они очень надеялись, что коринфианец прав. Как правило, сложные внутригалактические транспортные пути строились первым делом и постоянно поддерживались в хорошем состоянии. Здесь же они пока что не видели никаких следов обслуживания — если оно когда-то и существовало, то это было очень давно.

Однако им больше ничего не оставалось, кроме как идти вперед — разве что прыгнуть с широкой каменистой насыпи прямиком в озеро лавы. Джозеф невольно задумывался, зачем вообще существует это место — как, впрочем, и все другие места, через которые они прошли. Его очень смущало то, что в этом мире маршрут прохождения через пространство не зависел от воли идущего. Возможно, размышлял он, здесь само желание попасть из точки А в точку Е каким-то образом предопределяет существование точек Б, В, Г, и Д, хочешь ты проходить через них или нет.

Как ни странно, в этой мысли ему виделось что-то обнадеживающее. Если это было действительно так, то они всецело зависели здесь от событий, которые не могли контролировать. Да, несомненно, этот мир был для них чужим, но благодаря самому факту существования в нем неких жестких правил, жестких законов, он оказывался намного более похож на мир, из которого они пришли, чем, возможно, демоны согласились бы признать.

— Совершенно верно; этот мир, несомненно, создан по определенному замыслу и контролируется создателями, — ответила Тобруш на его мысли. — Иначе они тоже ходили бы в скафандрах.

Джозефу не понравилось, что его мысли читают.

— Не подслушивай! Займись-ка лучше перепрограммированием, — проворчал он.

Было еще много чего, что он предпочел бы объяснять с помощью привычных понятий, если только это было возможно.

Прежде всего, куда подевались звезды? Да, разумеется, они путешествовали сквозь незнакомые измерения и искривленные пространства, но ведь ни в одном из этих миров они не видели звезд или хотя бы чистого неба. Здесь вообще не было никаких изменений в освещении, которые бы указывали на вращение этих миров вокруг какого-либо светила. В плоском, однообразном мире были неизменные сумерки; в мокром мире дневной свет просачивался сквозь неизменно густые облака. Здесь же у них над головами висела неизменная, густая как смоль тьма, словно здешнее небо было вовсе не небом, а какой-то крашеной в черный цвет крышей.

Пейзажи, конечно, менялись, вместе с температурой, влажностью и даже (правда, в меньшей степени) гравитацией — но не так, как, согласно всему его опыту, они действительно должны были меняться.

Здесь не было также никаких живых существ; по крайней мере, они до сих пор не видели ни одного растения или животного — разве что те кремниевые деревья, которые, возможно, были живыми, а возможно, и нет. Кроме древних руин и рисунков на стенах, им пока что не повстречалось никаких признаков того, что здесь, хотя бы в самом отдаленном прошлом, существовала какая-то жизнь.

Словно они не странствовали по другим мирам, а бродили по невероятно огромному музею, а демоны были их экскурсоводами.

«Ищите Цитадель, Град на краю Хаоса, стоящий посередине и на краю всего и ничего».

Искали ли они? Действительно ли искали? Действительно ли там, внизу, их ждал обетованный Град, если «внизу» — подходящее слово? И что значило загадочное поведение демонов? Почему на этот раз демоны, по-прежнему запертые, выглядели гораздо более довольными и не чинили им препятствий, как раньше? Они словно ожидали их. Они даже не пытались торговаться, льстить, умолять, требовать, чтобы их освободили. Почему?

Может быть, они поняли, что справятся и сами?

Он не был уверен, что не предпочел бы такому приему тот, что ждал их при первой встрече — в этот раз ему было намного тревожнее.

— Что-то пошевелилось в озере лавы, вон там! — неожиданно вскрикнула Калия, прервав его раздумья.

— Это невозможно! — резко ответил он. — В этой луже температура порядка тысячи двухсот градусов по Цельсию. К тому же, мы до сих пор не видели здесь ничего живого, кроме запертых демонов.

— Я видела что-то, клянусь! Что-то большое и темное...

— Тобруш? Дезрет? **451**

— Я ничего не заметила, — отозвалась телепатка, — но я читаю в ее уме, что она действительно видела что-то. Что-то, чего здесь явно быть не должно. Только вот живое ли? Не знаю точно.

— Можем мы просканировать озеро и определить, что это было? — взволнованно спросил Джозеф. В Квимиш — священных манускриптах Миколя — демоны назывались повелителями стихий, в особенности огня.

— Просканировать... Чем? — проворчала телепатка. — Ни среди наших инструментов, ни в программах нет ничего, что могло бы обнаружить жизнь в подобной среде, а разброс температур в движущейся лаве настолько велик, что тепловой датчик тоже не поможет.

— Тебе известна хоть одна форма жизни, которая могла бы существовать в таких условиях?

— Нет, — ответила джулки, — но до этого путешествия я и с живыми демонами тоже не разговаривала.

— Скорее всего, мы не сумеем отличить кусок застывшей лавы от чего-либо другого, — заметил Дезрет. — Предлагаю вам оставить попытки разрешить эту загадку и двинуться дальше, соблюдая меры предосторожности.

— Больше ничего не остается, — признал Джозеф. Он уже жалел, что Калия сообщила им об увиденном. Настроение группы упало окончательно.

Возможно, думал он, идти первыми в этой гонке, финишная черта которой лежит неизвестно где, — в конечном итоге не такая уж завидная позиция. Конечно, эти мысли ничего не могли изменить — шансы на то, что остальные выберут тот же портал, что и они, были ничтожно малы.

Эта мысль, однако, его не успокаивала, даже несмотря на то, что их враги остались позади. Если здесь действительно что-то жило, маловероятно, что им удастся его заметить.

Теперь они все видели что-то боковым зрением — однако не прямо перед собой. Даже лишенный страха и эмоций Дезрет, у которого уж наверняка не было никаких заскоков, мешавших ему жить, казался беспокойным. Коринфианец время от времени неожиданно останавливался и оглядывался, на секунду замерев, после чего молча продолжал идти вперед.

Путь обещал быть долгим...

* * *

— О Господи! — воскликнул Джимми. — Вот мы и здесь! Самый настоящий Ад с геенной огненной и всеми прочими атрибутами!

— *Ты сам говорил, что готов отдать что угодно, лишь бы закончился дождь,* — отметила Гриста.

— Заткнись, Гриста! — взорвался Джимми.

Дарквист тоже был впечатлен.

— Нам предстоит тяжелый путь. Есть какие-нибудь признаки присутствия миколианцев?

— Не уверен. Разве что какие-то следы... Должно быть, они ушли далеко вперед. Если меня будут прощупывать, я замечу это, но сам делать этого не буду. А вдруг нам повезет, и мы не выдадим им своего присутствия?

Молли молча рассматривала пылающий, булькающий, шипящий Ад. Наконец она сказала:

— Должно быть, здесь и делают этих ребят.

— Гм. Не думаю, Молли, — ответил телепат. — Но это хорошая идея, запомним ее. Мы не знаем, что нас ждет впереди, но мы видели искусственные жизненные формы и похуже.

— Я произвел расчеты — следующая станция должна быть не дальше, чем предыдущие, — сказал Дарквист. — Это настоящая удача, в таком-то месте. У других групп энергии осталось намного меньше, чем у нас — за исключением Модры, у нее другие аккумуляторы. И все же я думаю, нам надо поспешить вперед. Поверхность здесь совершенно не приспособлена для ходьбы, а мицлапланцы достаточно фанатичны, чтобы полезть в драку, даже несмотря на то, что не могут себе этого позволить.

Маккрей понял, что он хотел сказать. Враги были у них за плечами, и единственным из них, у кого было достаточно энергии для боя, была Модра — а сражаться с Модрой ему совсем не хотелось.

Они шли вперед, с трудом передвигая ноги, мимо огромных лавовых озер, по бесконечным склонам, заваленных черным песком и обломками камня. Дойдя до очередного перешейка между двумя булькающими и шипящими ямами, они увидели — или им показалось, что увидели, — в огненной жиже какое-то движение.

— Я их вижу, — сказал своим друзьям Дарквист, который мог одновременно смотреть и вперед, и в сторону, не теряя равновесия. — Возможно, их там немало, но точно не скажу. Но это не демоны.

— Интересно, будут ли они атаковать, и если будут, то когда, — встревоженно сказал Джимми.

— Не уверен, что они вообще знают о нашем присутствии, а если и знают, то скорее всего лишь потому, что у нас из-под ног в озеро сыплются камни. В этой температуре они, конечно, плавятся, но, может быть, из-за этого в лаве возникает вибрация, привлекающая или отпугивающая их. Ты не слышишь их мыслей?

— Пока что ничего, — ответил телепат.

— Им больно, — вдруг сказала Молли.

Ее спутники встали как вкопанные. Джимми во все глаза уставился на нее.

— Что? — переспросил он.

— Им больно. Вот и все.

— Гм... Молли, ты ничего не посылала им?

— Только когда мы проходили мимо, — ответила Молли с невинным видом. — Я только сказала, что мы не плохие, что мы друзья.

— Ты послала им свое сочувствие? И как они это восприняли?

— Они огорчились, и я перестала это делать.

Дарквист подумал немного и спросил:

— Э, Молли, а они не были опасными, или голодными, или что-нибудь в этом роде?

— Нет. Они не желали нам зла, если ты говоришь об этом. Не как те демоны. Молли думает, что они просто хотели выбраться оттуда, но не могли. Слишком больно.

— Поразительно, — пробормотал Дарквист. — Хотел бы я хоть как-нибудь вступить с ними в контакт! Конечно, это могут быть просто животные, не имеющие чувств. То, что сказала Молли, этому не противоречит.

— Или потерянные души, навеки заточенные в лаву, — со вздохом добавил Джимми. — Однако мы тут ничего не можем сделать. Мы не можем даже вступить с ними в контакт, чтобы узнать все наверняка. У нас просто нет для этого никаких точек соприкосновения, разве что эмпатия.

— Ну, по крайней мере, мы знаем, что они не могут утянуть нас в это месиво, во всяком случае нарочно, — заметил Дарквист. — И это первые живые существа, с которыми мы здесь повстречались, кроме демонов. Не совсем обычные для нас, но все же живые. Возможно, это означает, что здесь есть и другие.

— Что же это за живые существа, если они обитают в таком месте, где испытывают постоянную боль? — возразил телепат.

— Ну, ты же знаешь, Молли могла не разобраться. Может быть, там, в этой лаве, им как раз очень комфортно, а вот когда они пытаются выбраться на сравнительно холодную поверхность, где плавится всего-навсего шестьдесят-семьдесят процентов скальной породы — там они испытывают примерно такие же ощущения, какие мы бы испытывали при абсолютном нуле. Они там просто мерзнут!

— Что ж, надеюсь, ты прав, — тяжело вздохнул Маккрей. Он поднял голову. — Похоже, нам предстоит карабкаться вверх, между этими двумя холмами. Надеюсь, мы не свалимся оттуда.

— Ну, по крайней мере теперь мы знаем, что не сбились со следа, — заметил Дарквист, показывая на море

мелких черных камней впереди. — Взгляни-ка — там, где прошло это их существо, телепат, поверхность будто вспахана плугом! Я очень надеюсь, что они выбрали правильный путь, потому что мы просто идем за ними.

— Я бы не стал об этом особенно беспокоиться. У меня есть такое ощущение, что здесь все пути ведут в одну сторону. Думаю, если мы сумеем вычислить принцип, по которому их прокладывали, дальше пройти по ним будет лишь вопросом времени. Кстати, мы все же нагоняем миколианцев, хотя и далеко не так быстро, как я планировал.

Дарквист ухмыльнулся.

— Бьюсь об заклад, их взгляды сейчас прикованы к индикаторам уровня зарядки их скафандров. Можно творить настоящие чудеса, если в перспективе у тебя — остаться в подобном месте без энергии, системы охлаждения и защиты.

— Мицлапланцы тоже уже здесь, — сказал Джимми. — Я сейчас почувствовал их блокировку. Они от нас часах в двух, не больше.

— Причем у них те же проблемы, и это грозит нам возможными осложнениями, — высказал свое мнение Дарквист. — Мне начинает казаться, что идти третьими было не так уж и плохо. Ого! На этот склон забраться будет непросто!

Это действительно был трудный подъем — хотя холмы и не были очень высокими, казалось, что они целиком состоят из каменной крошки. Постоянно соскальзывая, группа лишь с огромными усилиями продвигалась вверх по склону. У Молли проблем было меньше, чем у Дарквиста и землянина: ее тонкие ноги и широкие бедра, казалось, позволяли ей более эффективно распределять вес тела.

Добравшись наконец доверху, они остановились: внизу перед ними открывалось неожиданное и зловещее зрелище.

— Там какой-то город, — сказал Джимми Маккрей.

Город был довольно большим, и он производил довольно странное впечатление. Во-первых, потому что он совершенно не вписывался в этот мрачный пейзаж — это пышущее жаром место явно не подходило для построек, — а во-вторых, потому что никто, будучи в здравом уме, не стал бы строить город у подножия вулкана, в огромном жерле которого угрожающе булькало озеро лавы, и на краю другой гигантской кальдеры.

И все же он был здесь — скопище прямоугольных зданий, построенных, по-видимому, из того же черного камня, из которого состояли холмы, и занимавших почти всю долину.

— Что это? — Джимми указывал на сложную конструкцию из полупрозрачных труб и каких-то балок, тянув-

шихся от верхнего озера лавы к группе огромных темных зданий без окон.

— Какой-то подводящий канал, — предположил Дарквист. Потом до него дошло: — Это же акведук! Трубопроводы, система стоков.

Джимми нахмурился.

— Стоков чего — лавы? Но зачем?

— Очевидно, город построен здесь не случайно, — развивал свою мысль Дарквист. — По всей видимости, температура плавления материала, из которого сделан трубопровод, выше максимальной температуры лавы, а наверху, скорее всего, находятся какие-нибудь ворота, пропускающие лаву, которая потом с разной скоростью течет по трубам.

— А почему им было просто не пробить дыру в стенке кратера? — удивился телепат. — Странно, что эти люди столько трудились только ради того, чтобы перелить лаву из одного озера в другое.

— Ты иногда бываешь таким глупым! — недовольно заметил Дарквист. — Лава течет не в озеро. Она течет в тот комплекс из нескольких зданий без крыши. Осмелюсь предположить, что это некий литейный цех. Держу пари, что в зданиях, куда течет лава, находятся какие-нибудь формы. Лава течет по акведукам, наклон которых контролирует скорость потока, а следовательно, и температуру остывания, а потом она попадает в формы, где остужается окончательно, возможно, при помощи какой-нибудь специальной техники. Нам это все кажется очень сложным, но если здесь работали существа, которых эта жара не смущала, они таким образом могли быстро и эффективно создавать много строительного материала. Возможно, это были даже скульпторы, хотя я подозреваю, что здесь скорее всего отливали простые строительные блоки и, возможно, колонны вроде этой.

— И кто, по-твоему, этим занимался? Демоны?

— Не буду даже пытаться угадывать. Давай-ка пойдем прогуляемся по этому городу, заодно посмотрим, нет ли там никаких подсказок. Так или иначе, похоже, что наш путь ведет туда.

Эта прогулка могла бы в ком угодно пробудить манию преследования: двери и окна, черные как сажа, казались воплощением опасности, разлитой в воздухе этого места, а лавовое озеро бросало на строения дьявольский красный отсвет.

— У дарквистов дверные проемы обычно делаются размером метр на два с половиной, — заметил Дарквист, разглядывая здания. — Они, конечно, могут располагаться как горизонтально, так и вертикально, поскольку нам это безразлично, но пропорции обязательно такие. У вас, землян, двери делают в форме прямоугольника, длинная сторона которого расположена вертикально, что объясняется вашими неизменными размерами и наличием

двух ног. А теперь посмотри, какие двери у этих огромных помещений — я так понимаю, что это квартиры или бараки для рабочих.

Дверные проемы были сделаны в форме арок два метра в ширину и три в высоту, но боковые стены посередине зачем-то слегка загибались наружу.

— Здесь жили не Кинтара, — сказал Джимми после недолгого раздумья. — Это был кто-то еще.

— Очень хорошо. Но посмотри вон на то здание, повыше, в конце города. Оно более причудливое, с каменными колоннами — похоже, покрыто снаружи тем же материалом, что и трубопроводы для лавы. В нем двери двустворчатые и представляют собой два прямоугольника три метра высотой и два шириной.

Маккрей кивнул.

— Очевидно, это был дом демона — наверное, он был здесь главным. Интересно, почему он покрыл его этим материалом — из опасения, что рабочие могут залить его лавой из верхнего озера, или это была просто предосторожность?

— Скорее всего и то, и другое, — отозвался Дарквист. — Я вот думаю: не является ли представшая перед нами здесь, в этом мире, картина отображением того, что стало бы с **нашим** миром, приди Кинтара снова к власти?

При мысли об этом Джимми бросило в дрожь.

— Однако, не слишком ли все это примитивно для предполагаемых полубогов, располагавших технологиями, какие нам и не снились?

— Я думаю, это было сделано намеренно. Чем больше я смотрю на дела их рук, тем больше задумываюсь, и начинаю многое понимать — по крайней мере, основное. Во-первых, намного легче контролировать нацию, когда технологии — привилегия правителей. В Мицлаплане, как я понимаю, высокие технологии запрещены; они подразделяются на различные уровни, и каждый получает доступ лишь к тому уровню, который разрешает ему Империя. Большинство миколианцев практически не имеют доступа к высоким технологиям, у них до сих пор применяется ручной труд, близкий к рабскому. Компьютеры, кондиционеры и все прочее доступны только для богачей, военных и технократов. Империя Биржи запрещает применять машины во всех областях, где это только возможно, — в основном чтобы освободить рабочие места для основной массы населения. Мне кажется, Кинтара тоже предпочитали иметь как можно более невежественных и примитивных подданных, но по иным причинам.

Маккрей кивнул:

— Потому что им это нравится. Им нравится играть в богов.

— Они живут, чтобы властвовать, доминировать — просто ради самой власти, — согласился Дарквист. — Поче-

му? Думаю, потому, что это все, что у них есть. Когда у тебя столько власти и знаний, тебе больше ничего не остается, кроме как играть в бога. Они играют ради самой игры, ради развлечения, ради удовольствия. А разве это не относится и к любому из ваших божеств? Кстати, мне тут вспомнилось — ведь ваш бог тоже настолько устал от созидания, что в конце концов создал себе достойного противника.

— Э-э... ну, думаю, да, можно и так сказать. И много миллионов лет казалось, что этот противник побеждает. Но наш бог, по крайней мере, в конце награждает даже худшего игрока, который последовал его пути, а не пути дьявола, — заметил Маккрей.

— Да, как мне кажется, в конечном итоге в этом и состоит основная разница. В религии дарквистов свои боги есть практически у всего — у каждого дерева, каждого листочка, каждого камешка. У нас так много святынь и вещей, которым следует поклоняться, что не грешить попросту невозможно, даже когда ты идешь и никого не трогаешь. Если, однако, упорно стремиться к святости и по мере возможности избегать греха, когда-нибудь ты можешь и сам стать маленьким богом — по крайней мере, так говорят. Я, правда, никогда не видел большой чести в том, чтобы быть богом какого-нибудь листика или палочки, но даже у таких богов есть власть, и к ним надо относиться с почтением, хотя бы потому, что, возможно, когда-то они были твоими предками. Кинтара же, если даже у них и есть свои легенды, ничего подобного не обещают. Служи им — и ты будешь награжден, здесь и сейчас, комфортом, властью и всем прочим; воспротивишься — и тебя медленно и жестоко отправят к праотцам. Не очень-то приятная перспектива, зато доходчиво.

— *«Когда мы умрем, мы будем летать среди звезд и сможем быть кем хотим»*, — процитировала Гриста.

Джимми удивился.

— Вот уж не знал, что у морф тоже есть своя религия. — Вообще-то ему следовало бы об этом знать, но он никогда не расспрашивал ее о таких вещах.

— *Я не захотела ждать. Я хотела летать среди звезд уже сейчас — и я летаю. Правда, так я не найду Вселенский Разум, но я никогда и не собиралась целую вечность бороздить космос в его поисках.*

— Ну что ж, если мы правы в своих предположениях, то они весьма последовательны в создании своего образа, — высказался телепат. — Даже религия миколианцев, куда менее жестокая, требовала человеческих жертв, если я правильно помню курс сравнительных религий. И все же мне кажется, что они скорее преклоняются перед демонами, чем поклоняются им. Возможно, именно поэтому они не выпустили тех двух демонов, которые так

пытались нас достать. Весьма обычное дело — рабы заявляют, что жаждут всеобщего равенства, а на самом деле просто хотят поменяться местами с хозяевами.

Они покинули город, с любопытством и опаской отправившись дальше.

— Интересно, — сказал Дарквист, — откуда ты так много знаешь о разных религиях, демонологии, пентаграммах и тому подобном, Маккрей? Если это часть твоего религиозного обучения, то у тебя очень странная религия.

Джимми отрешенно улыбнулся.

— Все религии странны, если с детства не относиться к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Скажем так: в юности у меня был к этим вещам нездоровый интерес. Впоследствии я попытался выкинуть все это из головы, но оно все еще там, и в нужный момент всплывает на поверхность.

Дарквиста это заинтересовало, но он не хотел настаивать. Когда Джимми будет готов, он сам все расскажет. В противном случае это Дарквиста не касалось. По крайней мере, Маккрей наконец снял маску старого циничного космического волка, проявив знания, указывавшие на образование намного лучшее, чем у обычного космонавта, — знания в такой области, которая не имела практического применения.

Даже Гриста знала его прошлое не настолько хорошо, как биохимию и физиологию его тела. Он никогда не ездил домой — и она тоже, поскольку была неразрывно с ним связана. Он никогда не встречался со старыми знакомыми. Периодически она пробовала вытянуть из него какую-либо информацию, но безрезультатно; и она слишком любила его, чтобы причинять ему боль.

— Мы догоняем миколианцев, — заметил Джимми, меняя тему. — Еще не настолько, чтобы я мог читать их мысли, но с их телепатом мы, возможно, уже могли бы обменяться сообщениями. А мицлапланцы, в свою очередь, догоняют нас, — правда, они к нам еще не настолько близко, как мы к миколианцам.

— И обе команды в таком же положении, как и мы, — у них проблемы с энергией, а у нас на хвосте враги. Какое бы расстояние нас ни разделяло, ни мы, ни они не можем себе позволить передышку. Только не в этом месте. Я начинаю сомневаться, дойдет ли вообще кто-нибудь из нас до конца. Любым физическим силам есть пределы; ни у кого из нас в последнее время не было возможности толком отдохнуть или хотя бы выспаться. И хотя у нас и осталось больше энергии, чем у них, если мы в ближайшее время не найдем места, где можно будет остановиться, мы будем так плохи, что и демона не потребуется, чтобы прикончить нас. Это сделают наши же тела.

Джимми кивнул.

— Я, помнится, назвал это марафоном. Кто бы мог подумать, что это и действительно окажется марафон, в самом буквальном смысле этого слова!

* * *

Калия снова выхватила пистолет.

— Если хоть один из этих подонков снова высунет голову, я снесу ее к чертям!

— Нет, ты не станешь этого делать! — сорвался Джозеф. — Во-первых, с чего ты взяла, что сможешь причинить хотя бы какой-то ущерб существам, живущим среди раскаленных камней? А во-вторых, мы намного более уязвимы, чем они. Что, если ты их разозлишь, и они начнут кидаться в нас каким-нибудь расплавленным дерьмом? Возможно, твой скафандр поначалу и защитит тебя, но у нас недостаточно ни энергии, ни времени, чтобы выкапывать тебя из застывшей лавы.

— Не говоря уже о том, — добавила Тобруш, — что каждый выстрел — это лишняя трата энергии, а если они нападут в ответ, то ее придется тратить и нам. Если тебе так уж хочется покончить с собой, просто сними скафандр и иди гуляй. Тогда мы хотя бы сможем взять твои аккумуляторы и запас провизии. Я не дам тебе погубить всю команду!

— Не дашь?! Попробуй, останови меня! — вскричала Калия, поднимая пистолет и наводя его на Тобруш.

Но телепатку невозможно было застать врасплох. Ее скафандр был специально приспособлен для джулки, так, чтобы не мешать ей действовать своими многочисленными спинными щупальцами. Как только Калия сделала шаг по направлению к Тобруш, несколько дюжин тонких, похожих на пучки проволоки щупалец тут же захлестнули ее руку, вырвав у нее оружие.

— Прекратите, вы обе! — крикнул Джозеф. — Если мы будем продолжать в том же духе, нам и враги не будут нужны! Мы сами порешим друг друга. Мы просто устали, вот и все, а уставшие люди делают ошибки. Мы — военное подразделение; нас специально учили быть крепкими и стоять до последнего. Не забывайте об этом!

Тобруш, просканировав мозг Калии и поняв, что она больше не представляет угрозы, выпустила ее. Калия опомнилась вовремя — телепатка уже была готова прорезать ей скафандр. Она потрясла рукой, восстанавливая кровообращение, потерла ее и со злостью уставилась на Джозефа.

— Военное подразделение! — хмыкнула она. — А где наша армия? Где мы находимся? И где наши враги? Ты застрял в этом проклятом мире, лейтенант Гипнот! Ты ре-

шил, что мы должны сюда влезть, — и вот мы здесь! Вы, гипноты, вечно такие самоуверенные! Да ты сам толкаешь нас на самоубийство!

Миколианец никогда не оправдывается за свои действия, ни перед собой, ни перед другими — это было правило номер один.

— Офицер всегда несет ответственность за все, — невозмутимо сказал Джозеф. — Сталкиваясь с непредусмотренной ситуацией, он должен действовать по своей инициативе. И отвечает за это он, а не ты. Твое дело — выполнять мои приказы. Ты идешь тогда, когда я приказываю тебе идти. Ты стреляешь тогда и в того, когда и в кого я приказываю тебе стрелять. И ты не поднимаешь на меня оружие и не угрожаешь мне — независимо от того, согласна ты с моими приказами или нет. Ты сама решила вступить в армию; ты приняла присягу. Ты решила перестать жить в грязи среди свиней. Теперь пришло время оправдать это. Уже второй раз мне приходится напоминать тебе об этом. Третьего не будет.

Она поглядела на него со злобой, граничащей с ненавистью, но тем не менее молча повернулась и пошла вперед.

— Кажется, добрались! — крикнул Дезрет, разведывавший местность впереди остальных. — Я засек впереди какое-то сооружение, где-то в часе ходьбы отсюда, не больше.

— Лучше бы там оказался солидный запас энергии, иначе мы долго не протянем, — сказала Тобруш. — Энергии у нас, прямо скажем, маловато. Если это место окажется не тем, что нам нужно, Дезрету придется идти дальше одному...

* * *

— Куда вы, капитан? — крикнул Морок вслед Ган Ро Чину, когда тот, оторвавшись от основной группы, быстрым шагом направился к зданию.

— Хочу посмотреть, что они здесь делали, — ответил тот. — Пожалуйста, не останавливайтесь, я всего на пару минут! Я скоро догоню вас.

— Какая теперь разница? — спросила Криша. — Кто бы это ни построил, их уже давно нет в живых. Возможно, даже не один век.

Чин не ответил — он уже исчез в огромном здании без крыши. Команда остановилась, поджидая его, хотя времени у них не было. Но они настолько устали, что любой повод отдохнуть был кстати.

— У вас все в порядке, капитан? — крикнул наконец Морок.

— Да, да! — послышался ответ. — Я... э-э... Да, все почти так, как я и подозревал. Я вернусь не позже чем через минуту.

И действительно, он вскоре показался в проеме двери, очевидно, весьма довольный собой, возбудив в товарищах сильное любопытство.

— Что там такое? — поинтересовалась Модра.

— Да, что? — повторила Манья.

— Как я и думал — всего лишь литейные формы, — ответил он. — Большинство — для отлива блоков, которые можно увидеть во всех здешних зданиях, но там были и другие. Материал ничего особенного собой не представляет — обычная магматическая порода.

— Чтобы понять это, не обязательно было заходить внутрь, — заметила Криша.

— Это верно, но некоторые из отливок были весьма... любопытными. Помните руины в том мокром мире?

— Да, и что?

— Теперь я знаю, откуда взялся камень, из которого они были сделаны. Мне понадобилось всего лишь мысленно сложить вместе несколько отливок, применив ту же логику, что при сборке детской головоломки, чтобы понять это.

— Вы хотите сказать, что те первобытные люди с наскальных рисунков приходили сюда за материалом для своих храмов? — удивился Морок. — Но ведь это значило бы, что они знали, как проходить через водопад, и как-то умудрялись пройти от станции демонов до этого места! Мне это кажется маловероятным.

— Мне тоже, — согласился капитан. — Нет, я думаю, блоки для храмов делал и перевозил кто-то другой. Вряд ли тем людям удалось бы выжить в этом мире, не владея намного более совершенными технологиями, чем те, что у них были, или к которым им был разрешен доступ.

— То есть что же, демоны сами строили свои храмы? — спросила Модра, озадаченная не менее всех остальных.

— Не думаю. Судя по тому, как расположены здания, они были скорее хозяевами, а работал на них кто-то третий. Возможно, однако, что они занимались транспортировкой готовых блоков и следили за ходом строительства. А еще я нашел формы для отливки скульптур — больших статуй и более мелких фигур. Некоторые из них изображают каких-то существ, похожих на горгулий. В мире дождя мы не видели и следов подобного народа, и это наталкивает меня на мысль, что это и, возможно, множество других подобных мест в этом мире поставляли продукцию не только для мира дождя, но и для многих других — если не всю, то хотя бы образцы.

— Поразительно! А чьи еще изображения там были? — спросил Морок.

— Сложно сказать. Формы были неудобно расположены, да и пробыл я в цехе не так уж долго; но часть из них,

несомненно, изображала демонов во весь рост или только их лица. Однако некоторые, как мне показалось, были несколько больше по размеру или другой формы, что заставляет предположить, что здесь делали статуи не только демонов. Конечно, было бы интересно поближе рассмотреть эти фигуры, но я подозреваю, что они все равно ничего бы нам не сказали. Возможно, впрочем, что в некоторых из них мы узнали бы персонажи легенд и мифов Мицлаплана, Миколя или Биржи.

— Ты хочешь сказать, что этот мир был чем-то вроде мастерской, в которой демоны создавали свои богохульные образы для других миров? — уточнила Манья.

— Думаю, да. У меня потихоньку начинает вырабатываться теория по поводу этого мира — я имею в виду не только этот, но и все, что мы прошли, начиная от первой станции демонов, — и пока что ничто ей не противоречит.

— Правда? А что за теория? — спросил Морок с неподдельным любопытством.

— Святой, она еще не закончена, и я могу оказаться абсолютно не прав. Поэтому сейчас я не хочу говорить о ней даже вкратце, чтобы не стать посмешищем для своих товарищей. Это абсолютно сумасшедшая догадка, и я хочу сначала полностью убедиться; к тому же, если она окажется верной, нам от этого лучше не будет. Хотя, конечно, всегда лучше знать, с чем имеешь дело. Считайте ее просто моим личным развлечением, направленным на борьбу со скукой, до тех пор, пока не подтвердится хотя бы ее часть.

Морок и Криша были заинтригованы, но знали, что давить на Чина бесполезно. Ему была известна тысяча способов не подчиниться даже прямому приказу, не нарушив ни устав, ни нормы приличия.

— Ну что ж, — вздохнул Морок. — Тогда в путь!

— Как ваша нога? — заботливо спросила Манья.

— Не очень-то, — признался он. — Но я буду делать все, что смогу, и так долго, как смогу. Деваться некуда. — Уже второй раз ему очень хотелось соврать, но он не мог.

Усталые, они поднялись и снова тронулись в путь. Они жалели, что не стали заходить в здание; у них было подозрение, что о части виденного капитан умолчал, и что он подошел к разрешению загадки гораздо ближе, чем они.

Над поверхностью лавы в очередной раз показалось одно из странных существ, вид которых так волновал команду, в особенности чувствительную Модру. Криша, как всегда, нервно вздрогнула, но сдержалась.

— Бедные! Как им больно! — воскликнула Модра. — Такая боль, что ее можно резать ножом. Жить вот так, в постоянной агонии и страхе — вот настоящий Ад!

Там был страх, но Модра, с ее продвинутым Талантом, знала, что это не страх команды. Такой страх еще можно было бы понять, и хотя бы часть этой загадки была бы разрешена.

— Интересно, кто они? — размышляла вслух Криша. — Как они могут так жить, в вечных мучениях?

— Возможно, это мутировавшие потомки тех, кто жил здесь и работал на демонов, — предположил Ган Ро Чин. — А боятся они, возможно, того, что их бывшие хозяева вернутся, — демоны безусловно уверены, что их скоро освободят. Хотел бы я знать только, почему они так решили? Или эти существа могут быть какими-нибудь животными, неизвестно как попавшими сюда и адаптировавшимися насколько смогли. Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, если только кто-нибудь нам не расскажет.

— Они прокляты, и получают по заслугам, — сухо сказала Манья.

* * *

Калия стояла на верхушке черного, засыпанного пеплом холма, глядя вниз на открывавшийся перед ней вид.

— Ну что, сэр, какое решение вы примете? — едко спросила она.

По одну сторону от них, словно гора из застывшего стекла, возвышался черный лавовый холм; по другую, аккуратно выстроившись в ряд, располагалась добрая дюжина кристаллоподобных построек Кинтара. В центре черного сверкающего холма была дыра, уходящая куда-то в темноту — она была таких размеров, что в ней без труда поместилась бы одна из построек.

Джозеф нахмурился.

— Не может же быть, чтобы это все были станции!

— Они бездействующие, — заметил Дезрет.

— Или их еще не активировали, — добавила Тобруш. — Но вы только посмотрите на их размеры! Огромные! Наверное, метров пятьсот? Или больше?

Станции не были одинаковыми, но каждая из них представляла собой огромный единичный кристалл неизвестного вещества, похожего на кварц. Они были наполовину погружены в землю и так расположены, что было легко заметить небольшую разницу в цвете, длине и диаметре.

— Более интересен вопрос, кто или что смогло их так ровно выложить в ряд, — сказал Джозеф. — Хотел бы я посмотреть на машины, с помощью которых можно было бы так уложить эти кристаллы при здешней гравитации. Вы где-нибудь видите подобные механизмы? Или хотя бы намек на то, что они здесь когда-то были?

— Зачем подобные вещи сверхъестественному существу? — насмешливо спросила Калия. — Как ты сам любишь напоминать, здесь действуют иные законы.

Джозеф махнул рукой, и они двинулись вдоль ряда сооружений. Хотя на фоне невероятных размеров кристаллов сами они казались карликами, станции все же оказались меньше, чем они предположили вначале.

— Чувствуете? — спросила Тобруш. — Они не активны, но в них есть какая-то периодическая вибрация, а если сконцентрироваться на кристаллах, чувствуется странное головокружение.

Джозеф кивнул.

— Должно быть, они на грани нестабильности. Возможно, когда они расположены так, они вибрируют и внутри, и снаружи измерений.

— Какое кому дело до того, как это работает? — нетерпеливо спросила Калия. — Мы идем в пещеру или будем бродить тут до бесконечности?

Вскоре они обнаружили, что у них две возможности: они могли войти в пещеру, а могли пойти налево, вокруг огромного обсидианового холма. Джозеф понимал, что у них практически не осталось энергии. Если он сейчас ошибется, у них уже не будет возможности вернуться — а меньше всего ему хотелось бы потеряться в этой пещере.

— Тобруш, что скажешь? — окликнул он. — Ты у нас замеряешь спираль.

— Она может проходить как через пещеру, так и с другой стороны, — ответила джулки. — Все зависит от глубины пещеры. Думаю, поскольку мне все же удалось понять, как перепрограммировать скафандры, чтобы использовать температуру окружающей среды, мы могли бы попробовать рискнуть и посмотреть сначала с другой стороны. Но, как мне ни неприятно это вам сообщать, у нас скоро будет компания.

— Что?!

— Биржанцы. Мне кажется, их стало меньше. Не хватает по меньшей мере одного члена, если я правильно интерпретирую получаемую информацию, но телепат у них все еще есть. По моим расчетам, если мы ошибаемся, и спираль находится в пещере, то когда мы вернемся назад, они уже будут здесь, и мы будем представлять для них превосходные мишени. Стоит учесть при этом, что у нас на перестрелку маловато энергии, в то время как у них в департаменте всего дают с запасом.

Джозеф задумчиво покачал головой.

— Как они умудрились выбрать ту же станцию, что и мы? Это идет вразрез со всякой логикой!

— Может, мы просто наследили на полу? — предположила Калия.

— Теперь это уже неважно, — вздохнул гипнот. — Дезрет, живо — проверь, точно ли слева нет дороги. Сообщи нам и сразу возвращайся. Мы пойдем прямо в пещеру. Дай торгашам пройти, а когда убедишься, что они скрылись из виду, иди за ними. Если мы обнаружим проход, сразу же позовем тебя.

— Я сделаю все, что в моих силах, — ответил коринфианец, трогаясь с места.

Джозеф повернулся к Тобруш.

— Держи меня в курсе того, как продвигается их группа. Если они догонят нас, предупреди по меньшей мере за пять минут, чтобы мы в случае необходимости могли выбрать направление. — Он устало вздохнул. — По крайней мере, нам не придется иметь дело со Святыми Кошмарами.

— Может, и придется, — ответила Тобруш. — Пока мне удалось уловить мысли только одного из биржанцев, Дарквиста, и я не смогла выудить из них что-либо конкретное. Но он только что спросил телепата, как далеко позади них находятся мицлапланцы.

Джозеф с силой ударил кулаком по ладони, вне себя от разочарования.

— Черт подери! Ни минуты передышки! Как они вообще умудрились обскакать мицликов?

— Не могу сказать наверняка, но у меня такое впечатление, что мицлапланцы поймали одного из них. Как только речь заходит о святошах, их мысли становятся такими тяжелыми, что, как я подозреваю, сейчас они ненавидят мицликов даже больше, чем мы. Мы не любим их в целом, а у биржанцев зуб на эту конкретную группу. Может быть, нам с ними объединиться? Мы не сделали ничего такого, за что они могли бы ополчиться на нас, так что остается только общая неприязнь друг к другу, от которой в данной ситуации мало толку. Если нам каким-либо образом удастся выбраться отсюда, такой союз мог бы облегчить нам дальнейший путь. Ну а если не удастся, то уже не будет разницы, какой мы расы и к какой Империи принадлежим. И конечно же, если они в дальнейшем станут нам помехой... на данный момент нас больше, и, учитывая нашу военную подготовку, спонтанный бой на ближней дистанции будет нам только на руку.

— Разумно, — согласился Джозеф. — Однако, как ты помнишь, они требовали от нас сложить оружие и капитулировать, а этого я сделать не могу. Либо взаимное уважение, либо ничего. Возможно, через какое-то время нам и придется заключить с ними сделку, но сейчас, когда у них есть оружие, а у нас нет, я бы предпочел, чтобы мы держались от них подальше, и желатель-

но впереди. Однако, если на них нападут мицлики, мы придем им на помощь. Мы перед ними в долгу.

— Дезрет? — окликнул Джозеф. — Как там у тебя дела?

— Холм очень большой, — ответил коринфианец, — и тропинка постепенно сужается — ее подмывает раскаленная лава из озера. Должно быть, надо все же идти в пещеру, лейтенант. Если даже этот узенький каменный мостик меня и выдержит, все равно я не вижу здесь ни единого места, где могла бы находиться станция.

Джозеф вздохнул.

— Что ж, ладно, пещера так пещера... Дезрет — подожди! Ты слышал, что обе группы где-то здесь, рядом с нами?

— Да.

— Пусть они пройдут. Если надо, пропусти обе. По мере возможности избегай боя. Не переключай канал — мы сообщим тебе свои координаты, когда переберемся на ту сторону. Если там негде зарядиться, нам так или иначе крышка. В таком случае просто жди. Когда придут торгаши — которые, скорее всего, будут единственными выжившими, — действуй по своему усмотрению. Если же мы сумеем перезарядиться, они окажутся как раз между нами, и тогда мы возьмем их в клещи.

— Понял. Идите. Я справлюсь.

Джозеф с трудом тронулся с места. Каждый мускул его тела требовал отдыха, восприятие притупилось.

— Ну что, вперед в пекло! Давайте найдем наконец эту станцию, — сказал он устало.

Уже через десять метров им с помощью приборов удалось сориентироваться на местности. Внутренняя полость холма во многом напоминала залы станций, а обсидиановая порода на сколах очень напоминала тот материал, из которого состояли их стены.

— Странно, — заметила Тобруш. — Обычно чем медленнее остывает вулканическая порода, тем крупнее образующиеся кристаллы. Обсидиан возникает в результате почти моментального охлаждения магмы, а следовательно, вообще не кристаллизуется — это аморфная порода, по структуре напоминающая стекло. Наиболее крупные кристаллы всегда находятся глубоко под землей. Однако, здесь мы видим обширную, масштабную кристаллизацию обсидиана.

Джозеф поежился.

— Ты чувствуешь, Тобруш? Здесь везде то же самое потустороннее ощущение.

— Еще бы, конечно, чувствую. Это наводит на предположение, что, возможно, кристаллизация могла быть вызва-

на какими-нибудь необычными свойствами химического состава, характерными для здешнего обсидиана. Если в то время, когда он был еще жидким, уже существовал достаточно сильный резонанс, то эти свойства могли появиться в нем еще тогда, и это может быть хотя бы каким-то объяснением. Порода в пространстве другого измерения остывала медленно. Если этот проход ведет на достаточную глубину, вполне возможно, что там окажутся кристаллы такого же размера, как и те, что мы видели снаружи. Возможно, их не вырастили, а просто добыли!

— Что же, спускаемся вниз, — согласился Джозеф. — Мои приборы сейчас показывают почти пятнадцатиградусное отклонение.

— И температура тоже растет, — отметила джулки. — Теперь это не просто Ад — теперь здесь и жарко, как в аду!

— Что показывает датчик резерва твоего скафандра? — спросил вдруг Джозеф. — И твоего, Калия.

— У меня осталось порядка пятидесяти минут, — ответила Калия.

— У меня час девять, — вставила Тобруш. — Я не так много стреляла.

— У меня даже немного меньше, чем у Калии, — сказал им Джозеф. — Лучше бы нам поскорее придумать что-нибудь выполнимое.

— Смотрите! — вдруг воскликнула Калия. — Там впереди свет!

Проход перед ними сужался и слегка поворачивал, и пройдя за этот поворот, они попали в огромный зал, длиной в несколько километров. Это было необычайно, нереально красивое место — все вокруг было усыпано кристаллами, они мерцали и переливались, обеспечивая слабый, но приемлемый уровень освещенности.

— Основная жила, — выдохнул Джозеф. — Вот откуда они все появляются!

— У меня от них кружится голова и болит сердце, — пожаловалась Калия. — Ты хочешь сказать, что они просто вырыли свои станции, и все — отсюда? Но если так, то каким образом они вытащили их наружу? Явно не тем путем, которым мы сюда пришли.

Она была права. Несмотря на то, что здесь были кристаллы всевозможных размеров — от больших, как мамонт, до сравнительно маленьких, метра два в диаметре, — ни один из них никак не мог бы пройти в узкий петляющий проход, особенно в последний поворот.

— Окружающая температура чуть меньше тридцати восьми градусов, — отметила Тобруш. — Воздух очень сухой, но в остальном все показатели близки к норме, и здесь есть даже освещение. Я предлагаю отключить все системы, кроме питания скафандров, и снять шлемы.

Джозеф одобрительно кивнул, чувствуя легкое головокружение.

«Я устал сильнее, чем думал», — сказал он себе, пытаясь взять себя в руки.

— Симпатичные цвета, — сказала Калия необычным, каким-то детским голосом и принялась с интересом осматриваться.

Тобруш тоже чувствовала себя дезориентированной, ей вдруг показалось, что огромная пещера начала вдруг двигаться, кружиться как карусель.

— Джозеф, — сказала джулки, — я боюсь, мы исчерпали свой лимит. Мне не хотелось бы останавливаться в этом месте, но если смотреть на вещи реалистично, я не думаю, что мы сможем идти дальше.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — с трудом выговорил он, опершись на кристалл размером с бревно, торчащий из пола пещеры. — И, пожалуй, это как раз наилучшее место для отдыха. Мы можем отключить питание, чтобы не расходовать его зря, и немного поспать, укрывшись за каким-нибудь из больших кристаллов — например, вон там. Если у тебя осталось столько же Таланта, сколько у меня, то даже мицликский телепат не сможет определить, что мы здесь.

— Я как раз собиралась предложить то же самое, — ответила джулки. — Я с трудом улавливаю вас с Калией, а ведь вы находитесь в нескольких метрах от меня.

Измотанные, уже не в состоянии различить, где верх, а где низ, где право, а где лево, они укрылись за скоплением больших кристаллов, отключили скафандры и легли. Они лежали на полу, выдохшиеся, безразличные ко всему, а пещера скользила вокруг, кружась над их головами.

* * *

Молли споткнулась и чуть не упала. Джимми с трудом поймал ее; он и сам не очень-то твердо стоял на ногах.

— Это из-за кристаллов, — с трудом вымолвил Дарквист, которому тоже было слегка не по себе, несмотря на то, что он не ощущал влияния станций. — Они резонируют на самых различных частотах и порождают всевозможные неприятные ощущения, которые наша усталость только усиливает. Мы должны пройти эту пещеру, и поскорее!

— Не могу, — с трудом выдохнул Джимми. Он выронил Молли, та сползла на пол и больше не могла подняться.

— *Не проси меня помочь,* — сказала Гриста. — *Я испытываю самые необычные ощущения в моей жизни.*

Дарквист, менее чувствительный, чем остальные члены их группы, лучше владел собой. Но даже если бы он и смог выбраться отсюда, в чем он не был до конца уверен, то не смог бы взять с собой остальных.

— Придется нам найти какое-нибудь укрытие и лечь отдохнуть, и будь что будет, — высказал он свое мнение. — По крайней мере, здесь нас вряд ли кто-нибудь сможет засечь. Я чувствую себя адски уставшим. Может быть, если мы выспимся, мы сможем преодолеть воздействие кристаллов.

В этом не было логики, так как было совершенно очевидно, что именно от кристаллов в основном и исходили их проблемы, но ни у кого не было сил спорить. Они выбрали подходящее место, с трудом доползли до него, и вскоре уже лежали совершенно неподвижно, словно окоченев.

* * *

Даже Ган Ро Чин чувствовал воздействие кристаллов, хотя на него оно не производило такого ошеломляющего эффекта. Для него это было скорее какое-то онемение, гипнотическое безмолвие, которое, казалось, охватило его тело и разум, сделав их еще более послушными его воле, чем прежде.

— Мы должны идти! — торопил он остальных, состояние которых было намного хуже. — Мы не можем здесь оставаться! Это место убьет нас или сведет с ума! Давайте же! Боритесь с ним!

— Не могу, — с трудом выдохнул Морок. — Я... — Старгин рухнул на пол. Он лежал на спине, пустыми глазами глядя на окружавшие его огромные кристаллы.

Криша вдруг обнаружила, что пещера пляшет вокруг нее, и что стоять она больше не может. Она медленно осела на пол, перестав ориентироваться в пространстве; она не могла даже просто думать. Модра, обессиленная не меньше нее, упала через какие-нибудь несколько секунд. Манья внезапно начала громким голосом читать молитвы, кружась в каком-то безумном танце, но вскорости тоже рухнула.

С неимоверными усилиями Ган Ро Чин оттащил их по одной за наиболее крупный кристалл, росший прямо из пола, словно сталагмит. Он боялся, что другие могут оказаться не столь подверженными влиянию этого места. Затем он один за другим отключил их скафандры и открыл шлемы, стараясь сберечь максимум их энергии.

«Я-таки их вытащу отсюда, — яростно сказал он себе. — *Это место — смертельная ловушка! Но сначала нужно немного поспать...»*

Двадцать минут спустя через пещеру прошел Дезрет, осторожно изучая все вокруг и тщательно занося увиденное в память. Некоторые его чувства в пещере притупились, другие работали с искажениями, но коринфианец не чувствовал воздействия огромной пещеры на психику; ему и в голову не пришло, что другие могли отреагировать на него иначе.

Он прошел мимо лежащих без сознания мицлапланцев, никак не ощутив их присутствия, затем мимо биржанцев и наконец мимо своих соратников-миколианцев и даже не заподозрил, что все они здесь.

Так Дезрет прошел через пещеру и покинул ее, торопясь догнать своих товарищей.

ВОИНЫ КРИСТАЛЬНЫХ СФЕР

Сон только еще более усилил чувства, разрывавшие их мозг; они безвольно летели сквозь пространство и время, через области, которые никто из существ, рожденных в их Вселенной, не видел даже во сне. Их разум, нетренированный и неспособный воспринимать уровни, открывающиеся им сейчас напрямую, превращал получаемую информацию в такие образы, которые мог воспринимать.

Они неслись сквозь бесчисленное множество одномерных, однообразных, светящихся зеленым линий, из которых рождались квадраты, заполненные столь же однообразным желтым; линии поворачивались, и картина становилась двумерной, и теперь они уже летели над сеткой того же болезненного зеленого, на желтом фоне, цвета, а между линиями сетки концентрировалось бесконечное количество крохотных точек света, вокруг которых вся сетка изгибалась и покачивалась, словно змея.

Не раз в какой-либо из моментов долгого полета каждый из них думал: «Мне это снится». И все же они видели этот сон не поодиночке.

Первыми, кто услышал голоса других — много, много голосов, — были, конечно, телепаты, но спустя некоторое время они стали долетать и до остальных. Яркие мотыльки, порхающие сквозь бесконечную последовательность цветных изгибающихся сеток...

В какой-то момент они начали пытаться обернуться, как-нибудь выгнуться — чтобы только увидеть, как выглядят другие в этой неестественной среде; но как бы быстро они ни поворачивались, взлетая и опускаясь, остальные просто выпадали из поля зрения, их местонахождение скорее ощущалось, а не виделось, за исключением разве что мерцания крохотных точек света в темноте.

— О Священные, Матери Ангелов, Отцы Вселенных, услышьте мою молитву, защитите смиренных...

— А ну-ка заткнись! Как ты смеешь молиться в моем сне?

— Кто там богохульствует среди Священных Светил Небесных?

— Ой, отвянь. Твой Отец Вселенных был подонком, а твоя Мать Ангелов была развратницей!

— Мир всем вам! — послышался успокаивающий мужской голос. *— Почему даже здесь мы должны драться?*

— *Заткнись,* — крикнули ему обе женщины одновременно и снова вызывающе обернулись друг к другу.

— *Гриста! Гриста, где ты?* — звал Джимми.

— *Я здесь, возле тебя. Возле тебя, а не на тебе, Джимми,* — ответила она тихим, исполненным благоговения голосом, какого он никогда у нее не слышал. — *Я свободна, Джимми! Наконец-то я свободна!*

— *Это ты-то «наконец свободна»! Ты, которая все эти годы жирела на моей спине!*

— *Скажи лучше — томилась в заключении на твоей спине! Целая жизнь, Джимми, подумай: целая жизнь, видимая чужими глазами, чувствуемая через чужую нервную систему, пропускаемая через чужой опыт, когда невозможно ни с кем общаться самостоятельно!*

Джимми был поражен. Он никогда раньше не думал об этом в таком аспекте, ему даже в голову не приходило, что столь надоевшее ему положение вещей может быть причиной страдания не только для него, но и для существа, прикрепленного к нему.

— *Но ведь это нам только снится, Гриста! Может быть, мы действительно разговариваем друг с другом, а может быть, и нет, но все равно это только сон!*

— *Да, я тоже сначала так подумала. Но, Джимми, я никогда раньше не видела снов, и уж тем более никогда не ощущала ничего подобного. Неужели ты еще не понял, Джимми? Неужели ты до сих пор ничего не понял? Мы же умерли! Мы мертвы, и летим через вечную ночь Вселенной в поисках Космического Единого, в точности как говорилось в легенде!*

— *Чушь,* — донеслась до них мысль Дарквиста, который, как оказалось, слышал их обоих. — *Мы просто лежим на полу этой пещеры, и кристаллы вступают в резонанс с волнами нашего мозга, превращая его в кашу.*

— *Господи, Дарквист!* — в сердцах воскликнул Джимми. — *Неужели даже в моем сне ты не можешь пережить религиозное чувство?*

— *В твоем сне? Это* ***ты****, дорогой мой, находишься в моем сне, и я бы попросил тебя подчиняться тем правилам, которые устанавливает мой мозг.*

— *Не многовато ли тут народу для одного сна?* — отметила Молли. — *Глупый какой, однако, сон. Столько народу и никакого секса.*

— *Неужто никто, кроме никчемного паразита, не рассматривал всерьез вариант, что, возможно, это совсем не сон в обычном понимании этого слова?* — спросила Тобруш. — *А ведь вполне возможно, что кристаллы в той пещере сплавили всех нас в единый Талант, и теперь мы все внутри него принуж-*

дены вести разрушительный телепатический бой за молитву и бога?

— Это я-то паразит?! Между прочим, это называется симбиотическим организмом, ты, улитка миколианская! — взвилась Гриста.

— Тобруш? — позвал Джозеф. *— Если ты права, то что же это, черт возьми, такое — то, что мы видим?*

— Это то, чего мы не можем ни видеть, ни чувствовать, — ответила джулки. *— Посмотри вперед! Видишь, как изгибаются и закручиваются линии сетки? Если ты посмотишь сквозь них, ты увидишь то, что никто не может и не должен видеть.*

И Джозеф посмотрел и осознал, что между причудливыми изгибами энергетической ткани располагались квадраты пустоты, а в этой пустоте обитали жуткие, опасные существа, темное сознание, таящееся в темных углах, со злобой выглядывающее оттуда и бормочущее что-то невнятное — и убеждающее, о да, убеждающее и вводящее в заблуждение.

Это было зло в чистом виде, зло всевозможных форм и зло бесформенное; это была такая квинтэссенция зла, что то зло, для обозначения которого цивилизация придумала это слово, казалось рядом с ним смехотворно ничтожным; рядом с ним даже Кинтара превращались в нечто совершенно невыразительное.

И все же он знал тех, кто скрывался в темноте. Они все знали их — ведь эти твари протянули свои бесконечные тени через всю галактику, через них самих и через тех людей, которых они знали.

Да, здесь были самые древние боги и дьяволы Вселенной, они были по меньшей мере так же стары, как галактики и супергалактики — даже те, что находятся на самом краю космоса, куда еще не добирался никто из Трех Империй. Здесь было также все, когда-либо сделанное ими.

Они набрасывались на новоприходящих; они били кнутами черной как уголь энергии по космическому звездному пледу, они выискивали души и обещали такое, по сравнению с чем обещания демонов ничего не стоили.

«Огоньки — это звезды», — подумал Джимми. Его страх перед темными существами не заглушал его любопытства и благоговейного трепета. Он спикировал к точкам света, чтобы проверить свою теорию, и к своему изумлению обнаружил, что это были вовсе не звезды.

Это были галактики.

Галактики, кружившиеся либо вокруг черной точки, либо вокруг сияющего центра, а получавшиеся супергалактики, в свою очередь, двигались по своим орбитам вокруг еще больших и еще более удаленных точек...

Что же могло удерживать и притягивать даже мегагалактики, кружащие в пустоте, продолжающие свой бесконечный путь спустя все эти миллиарды лет с момента породившего их Великого Взрыва?

В этом месте не было ни времени, ни пространства — любая точка была одновременно и далека, и близка к ним, и все они были им одинаково чужды. Это было то место, куда впадали и откуда появлялись великие кристаллы, соединявшие каждую точку пространства с любой другой благодаря тому, что, вступая в резонанс с тем, что не было частью Вселенной, они делали это самой Вселенной.

Именно это и делали Операторы: эти Кинтара, запертые в полупрозрачные мавзолеи, могли искусно влиять на уровень резонанса, изменять форму изгибов сетки так, чтобы любая точка выхода была такой же, как все остальные, чтобы любой кристалл мог стать любым другим — ведь они все соединялись на этой внепространственной плоскости.

Это не было случайным путешествием; это было экскурсией.

— *Модра! Модра, давай сюда!*

— *Дарквист?! Нет, это не можешь быть ты. Ты мертв.*

— *Не более, чем ты — хотя сейчас я уже начинаю сомневаться по поводу нас обоих. Это все фокусы их проклятого гипнота!*

Правда прорвалась сквозь заклятие, оно не было над ней властно в этом месте, где все были равны.

— *Господи! Трис...*

— *Трис давно мертв. Они убили лишь тело, которое было ценно лишь ради красивой внешности; по правде сказать, оно уже давно заслуживало похорон.*

— *А Маккрей? И Молли?*

— *Они где-то здесь. Мы все здесь — все три команды, все, кто выжил... Эй, берегись!*

Сетка под ними заколыхалась, и из потаенного черного квадрата вынырнуло паучье щупальце непроницаемой темноты, очерченное ярким электрическим желтым цветом. Благодаря предупреждению Дарквиста она успела уклониться, едва избежав опасности.

— *Эта тварь даже ничего не подумала, прежде чем напасть,* — заметила Модра. — *Дарквист, скажи, где мы? Что это за место? И что это за, э-э... штуки охотятся за нами?*

— *Не имею ни малейшего представления, но предполагаю, что это вполне может быть телепатический канал, появляющийся как визуально воспринимаемое место — место, с которым мы в обычном состоянии можем лишь изредка соприкасаться. Это также может быть место, через которое проходят наши космические дороги на том участке, где наша скорость выше скорости света, — и именно поэтому, собственно говоря, столько потомков*

первых космонавтов оказались сверхчувствительными: они получили какую-то толику силы этого места. Наши тела сейчас спят, но тела — хрупкие вещицы, накрепко привязанные к четырехмерной Вселенной. Окруженные кристаллами, наши разумы стали гиперчувствительными в этой плоскости, и свободно передвигаются по ней, не обремененные никакими физическими законами нашей Вселенной.

Он на секунду замолк, восхищенный собственным поэтическим пассажем, а затем добавил:

— *Впрочем, конечно, все это вполне может быть просто чушью, не имеющей никакого отношения к реальности.*

— *Это действительно ты!* — радостно воскликнула Модра. Только Дарквист мог с таким скепсисом говорить о самом себе.

— *Конечно, это я,* — ответил он. — *Я никогда не буду кем-либо еще.*

Сетка под ними неожиданно изогнулась и сплелась краями, образовав вокруг них нечто вроде туннеля, ведущего в том направлении, которое можно было бы назвать низом, если бы это слово вообще имело здесь какой-либо смысл.

— *Куда он ведет?* — с ужасом крикнула Модра, заметив, что пустота в изгибающемся спиралью энергетическом туннеле начинает заполняться тьмой, из-за чего становилось все труднее увертываться от хватких существ. — *Он становится уже! Сколько можно уворачиваться от этих омерзительных щупалец! Если мы ничего не сделаем, темнота поглотит нас!*

— *Это Город!* — крикнула Калия. — *Град, стоящий посередине и на краю Ничто! В точности как говорил Учитель!*

— *Стойте! Назад!* — закричала Тобруш. — *Вы не должны приближаться к Городу! Там тьма, она навеки поглотит вас, если вы сделаете это!*

Впереди них и чуть ниже лежал прекрасный, неизвестный, чужой город. Сквозь многоцветие энергетической ткани было трудно разглядеть его многоуровневые спиральные здания и широкие улицы, но ничто не могло заслонить контуры величественной, сияющей золотом пирамиды.

— *Я ничего не боюсь!* — воскликнула Калия, но все, кто находился здесь, обладали силами эмпатии, телепатии и всеми прочими — теми, что были известны как Таланты, — и все здесь знали, что даже Калия боялась этой тьмы.

— *Неправда!* — пылко возразил ей Джозеф. — *Ты боишься показать нам свой страх, повернув вместе с нами назад. Ты боишься показаться слабой! Но это не слабость — вовремя опомниться и повернуть назад. Это не большая слабость, чем искать укрытия во время перестрелки. И из пустой бравады*

позволить этим затаившимся в темноте тварям поглотить себя — это все равно, что подставиться под выстрел. Не давай своему страху обмануть тебя, заставив стремиться достичь недостижимого. Поверни назад!

Тьма, лишь слегка окрашенная потрескивающей энергией, начала смыкаться вокруг нее одновременно со всех сторон, и лишь с огромным трудом, применив всю свою ловкость, Калии удалось увернуться от нее и повернуть назад к верху спирали.

Однако несколько небольших щупалец все же слегка коснулись ее, и шок от энергии зла, прошедшей по ней при этом прикосновении, от ощущения почти абсолютного всемогущества этих существ, оказался для нее огромным соблазном. Несколько мгновений она колебалась в нерешительности, прежде чем продолжать подъем.

Джимми Маккрей почувствовал, как мимо него пронеслись миколианцы — как будто холодный ветерок пробежался по его душе.

— *Вот он, Джимми!* — возбужденно воскликнула Гриста. — *Центр Вселенной! Он прекрасен!*

Он резко остановился, увидев внизу город и путь, ведущий к нему.

— *Нет, Гриста. Это не рай, это город Дьявола! Это и есть центр Ада! Ты не должна пытаться достичь его! Только не таким способом! Этот путь — вечное проклятие!*

— *Чепуха, Джимми! Если я полечу быстро и прямо, я это сделаю! Я не поверну назад. Джимми! Я не могу назад! Просто не могу!*

— *Нет, Гриста, не делай этого! Если ты умрешь, я умру вместе с тобой! А я совсем не собираюсь умирать, по крайней мере сейчас и здесь! Ты передо мной в долгу, хотя бы настолько!*

— *Так пойдем со мной! Мы сможем! И тогда мы будем вместе! Не так, как раньше, а как два разных существа! Прислушайся к Ним, Джимми! Прислушайся к тем обещаниям, что Они шепчут! Они клянутся!*

— *Они лгут, Гриста! Они — корень, первопричина лжи!*

Но его мольбы остались без ответа.

— *Я не могу повернуть назад, Джимми! Не теперь, после того, как впервые за всю свою жизнь я стала по-настоящему свободной! Ты сам всегда говорил, что хотел бы освободиться от меня. Ты не умрешь, ведь теперь я не прицеплена к твоей спине.*

— *Гриста! Нет! Лучше оставайся у меня на спине, только не делай того, что ты хочешь сделать! Я сделаю все, что ты захочешь, только поверни! Быстрее! Уже почти поздно!*

— *Нет, Джимми! Прощай!*

Он так и не узнал, удалось ли ей добраться до Города, так как неожиданно его с силой потащило назад, и он на огромной скорости пронесся мимо своих товарищей, крича в пустоту...

Модра почувствовала его ужас, когда Джимми промчался мимо, — его ощутили все.

— *Это был Маккрей,* — крикнул Дарквист. — *Идите наверх! Я отправляюсь за ним, я нужен ему. Идите! Если вы успеете вернуться раньше ваших новых друзей, вы, вероятно, избежите встречи с ними. Они, должно быть, тоже в кристальной пещере.*

— *Я с тобой!* — ответила Модра. — *Надеюсь, мы сможем пройти весь этот путь назад!*

— *Мы должны!* — ответил он. — *Нам показали это, как и все остальное. Какой смысл был приводить нас сюда, если мы не сможем вернуться?* — Он очень надеялся, что это звучит настолько убедительно, как ему хотелось бы.

— *Кто это был — тот, кто пошел туда? Это была Молли?*

— *Нет, не Молли. Это была та тварь, с которой он все время разговаривал. Паразит. Я... я с самого начала не очень-то чувствую Молли. Я не знаю даже, где она. Бедная! Боюсь, у нее не хватило здравого смысла, чтобы справиться с этой ситуацией!*

Мицлапланцы начали задаваться тем же вопросом по поводу одного из своих.

— *Где капитан?* — спросил внезапно Морок. — *Где Чин?*

Криша попробовала связаться с ним ментально, но безуспешно.

— *Не знаю. Я чувствовала его, но только сначала. Ради его же блага надеюсь, что он не был слишком любопытен.*

— *Так или иначе, мы ничего не можем для него сделать,* — заметила Манья. — *Остальные, похоже, пытаются выбраться из этого места, куда даже боги не заглядывают. Наши молитвы возвращены осмеянными, злые силы манят нас соблазнами, и мы одни в ответе за наши бессмертные души! Мы должны вернуться, если сможем!*

Тут Морок осознал, что пропал не только Чин.

— *А где Модра? Она была внизу, а затем внезапно куда-то подевалась.*

— *Насколько я смогла почувствовать, она отправилась к своим друзьям,* — ответила Криша. — *Очевидно, ваш Талант не смог удержать ее с нами.*

— *Черт! Мы же все, должно быть, в той огромной пещере!* — вдруг понял Морок. — *Она захочет отомстить нам — отомстить мне. Она узнала слишком много, чтобы и дальше пребывать в том заблуждении, которое я ей внушил. Придется начисто стереть ее память, если только мне предоставится такая возможность.*

Криша с удвоенной скоростью стала удаляться от города.

— *Но сможем ли мы вернуться туда, откуда пришли, Святой?*

— *Должны вернуться! Мы обязательно должны найти путь!*

— И как можно скорее! — добавила Манья. — Теперь, когда остальные знают, что мы здесь. Если они очнутся и найдут в пещере наши тела, боюсь, нам не во что будет возвращаться!

— Мы найдем дорогу, — успокоил ее Морок. *— Нам всего лишь нужно идти назад вслед за остальными. А они — они следуют за тем криком.*

* * *

Джимми Маккрей кричал, и его крик был полон невероятного страдания.

— Поспеши, девочка! Мы должны вытащить его из скафандра! Ты знаешь, как? Управление его скафандром отличается от моего.

Она утвердительно кивнула, пораженная волнами боли, исходящими от Джимми.

— Молли знает. Потяни это вот так.

Скафандр телепата неожиданно вздулся, а затем осел, словно чересчур большая мешковатая одежда, из которой Джимми было уже легко достать. Впрочем, он по-прежнему кричал и корчился от боли, и Ган Ро Чину пришлось удерживать его, пока Молли выпутывала его из скафандра.

— Положи его на бок. Держи крепче. Ох, боги!

Спина Маккрея была залита кровью, а в ее центре, залитое кровью, находилось маленькое, не более двадцати сантиметров длиной, похожее на личинку существо, покрытое сверху тонкими коричневато-серыми волосками. Какое-то время Чин стоял в нерешительности. Такого ему встречать еще не приходилось.

— Ты знаешь, что это? — спросил он у Молли.

— Гриста. Она долгое время жила, питаясь его кровью. Джимми говорил, что если она умрет, он тоже не выживет.

Чин ткнул существо пальцем, мысленно благодаря защитные свойства своего скафандра.

— Не знаю, живо оно или нет, но похоже, что нет. Так или иначе, нужно по возможности снять с него эту тварь. Ясно, что ей мы помочь не сможем, а Джимми сейчас в агонии, и если мы не уберем это жуткое существо и не простерилизуем и не закроем рану, он так или иначе умрет от потери крови. Хотел бы я только знать, что делать с этой тварью — вырезать, или как-то выковырять, что ли... — Он вздохнул, поднялся и достал пистолет.

— Нет! Не надо стрелять в Джимми! — вскрикнула Молли.

— Не беспокойся, я поставил пистолет на минимальное поражение. Нам нужно как-то вырубить Джимми, что-

бы не приходилось с ним бороться. Отойди. Я облегчу его боль, чтобы мы могли спокойно работать.

Молли, волнуясь, отпустила Джимми и отошла в сторону. Чин прицелился в телепата и выстрелил. Тот мгновенно затих.

— Помоги мне перевернуть его на живот, — приказал Чин. — Он успокоился ненадолго, так что нам лучше действовать побыстрее.

Сосредоточившись, он обеими руками ухватил Гристу и попытался вытащить ее. Она немного поддалась, но не вышла. Тогда он заглянул ей под брюхо и увидел, что снизу Гриста была не мохнатой, а гладкой, и из середины ее тела вверх по позвоночнику человека тянулись три усика: два очень похожие на кровеносные сосуды, а третий поменьше и скорее напоминавший проволоку, которая входила в спину Маккрея.

— Я не рискну резать глубже, — объяснил он Молли свои действия. — Придется просто обрезать эти усики и прижечь их. — Он залез в аптечку Маньи, лежавшую в рюкзаке ее скафандра, достал маленький силовой скальпель, включил его, глубоко вдохнул и без промедления, одним взмахом обрубил все три усика. Тело морфы осталось у него в руке, и он отбросил его в сторону. Затем он прижег торчащие кончики усиков еще одним инструментом из аптечки Маньи и простерилизовал всю поверхность спины. И наконец, использовав часть запаса воды в скафандре Маккрея, он смыл остатки крови, перебинтовал рану и вкатил Джимми сильный заряд обезболивающего. Затем выпрямился и выдохнул.

— Больше я ничего не могу для него сделать, — сказал он просто.

— Ты доктор? — спросила пораженная Молли.

— Нет, я капитан корабля, — пояснил он ей. — Капитан часто должен уметь массу разных вещей. Слава богам, он терранин, так что я более-менее знал, что делаю. Если бы он был другой расы, я никогда не решился бы заходить так далеко. Я бы даже не знал, какой силы выстрел применить.

— А остальные... Как ты думаешь, они тоже умирают?

Он покачал головой.

— Вряд ли. По крайней мере, не сейчас. Насколько я понимаю, та тварь умерла, а Джимми потерял сознание из-за шока, который испытала его нервная система. А остальные... не знаю.

Молли неожиданно повернулась.

— Кто-то еще вернулся. Молли слышит звуки.

Чин предупреждающе поднял руку.

— Стой на месте. Мы еще не знаем, кто это. Если это миколианцы, то они могут напасть на нас — ведь они

настоящие убийцы, девочка. Если это твои или мои люди, мы им покажемся.

* * *

Джозеф пошевелился, открыл глаза и попробовал сесть. Его до сих пор сильно мутило. Он проверил свой скафандр и с тревогой обнаружил, что тот полностью выключен и висит на нем, как обычная одежда. Он попробовал его включить — скафандр не включался.

Он подтянул ноги и сел. Сначала Тобруш, затем Калия тоже понемногу начинали шевелиться. Потом они увидели, что их скафандры тоже отключены.

— *Черт подери! Что стряслось с этими скафандрами?*

Джозеф неожиданно почувствовал толчок. Калия не сказала еще ни слова, однако он слышал ее! Слышал ее мысли и чувствовал ее злобу. Он уставился на нее.

— *Калия? Ты меня слышишь?*

— Конечно, — резко ответила она. — Что, черт подери, случилось с нашими скафандрами?

— *Поразительно!* — услышали они мысли Тобруш. — *Мы не потеряли сверхчувствительность!*

Калия продолжала кипеть по поводу скафандра.

— Что за чепуху вы... — тут у нее отпала челюсть: она осознала, что была здесь единственной, кто говорил вслух. — Что за черт! — только и смогла вымолвить она.

— Предлагаю нам всем продолжать говорить вслух, пока вы не привыкнете к своему новому состоянию, — мягко сказала Тобруш. — Иначе чужие мысли у вас в головах перемешаются, и вы не сможете отличить одного от другого.

— Ладно, — согласился Джозеф, немного обескураженный. Несмотря на то, что он всегда знал, что его поверхностные мысли — открытая книга для телепатов, ему легко было заставить себя забыть об этом. Теперь же приватность его жизни была нарушена. Телепаты умели блокироваться; он же не имел ни малейшего понятия, как это делается. Он постарался заставить себя думать о деле. — Ты можешь понять, что не так со скафандрами, Тобруш? Неужели нас так долго не было, что в батареях кончилась энергия?

Джулки осмотрела скафандры.

— Эта версия отметается с ходу. Если ты проверишь свой модуль энергопитания, то, спорю, не найдешь на месте аккумулятора; моего, по крайней мере, нет. Похоже, кто-то вернулся сюда до нас.

— Дьявол! — он открыл свой разум и просканировал зал. — Но насколько я могу понять, больше пока никто не проснулся?

— Я тоже никого не слышу, — согласилась джулки. — А у меня есть опыт. И тем не менее, думаю, мы недолго будем оставаться одни, и позвольте мне заметить, что мы безоружны и беззащитны — и если они проснутся так же, как и мы, им не составит труда вычислить нас и убить.

Джозеф утвердительно кивнул, думая о том же.

— Мы можем просто снять скафандры и взять из них запасы питания. А затем нам надо будет выбираться отсюда как можно скорее, молясь о том, чтобы мир, лежащий впереди, не оказался смертельно опасным.

Калия выпросталась из скафандра и достала из него нож.

— Я не безоружна! — заявила она с гордостью. — Равно как и ты, о Великий Лидер. А ты, Тобруш, можешь кого угодно отравить своей щетиной. Хотела бы я найти ту благочестивую гадину, что ранила меня, и сделать так, чтобы она навеки осталась в том месте, пытаясь вымолить назад свою жалкую душонку!

— Нам не стоит впутываться в столь рискованные приключения, — сказал Джозеф. — Однако, мне кажется, я слышу, что сюда кто-то идет. Пойдемте вперед, подальше отсюда, пока эти штуки снова не начали вибрировать и не засосали нас обратно. Я уже начинаю чувствовать их притяжение.

Калия посмотрела на двоих спутников и вздохнула.

— Интересно, смогу я когда-нибудь до нее добраться? Особенно это актуально сейчас, когда я абсолютно голая, а на вас только набедренные повязки. Единственное, с чем мы еще не сталкивались, это адский холод, но мы ведь уже к нему готовы, не так ли?

— Не торопись, — одернул ее Джозеф. — Однако хотел бы я найти того подонка, который утащил наши аккумуляторы.

* * *

В противоположном конце огромной пещеры Модра Страйк застонала и пошевелилась, приходя в себя. *«Ничего себе сон!»* — подумала она и зябко поежилась.

— Это был не сон, Модра. Это была самая настоящая реальность! Давай иди сюда, пока этот гипнот не очнулся и снова не завладел тобой.

Она нахмурилась.

— Дарквист? — спросила она вслух, и несильное эхо от ее голоса разнеслось по пещере. Кристаллы завибрировали и, неожиданно почувствовав себя немного потерянной, она замерла.

— *Да, это Дарквист. Не кричи, просто встань и потихоньку иди к другой стороне пещеры. Я увижу тебя. И не говори сейчас ничего вслух. По какой-то причине мы все еще можем общаться телепатически.*

— *Это кто-то из торгашей!* — мысль Тобруш донеслась не только до ее товарищей, но и до Модры и Дарквиста.

— *Забудь о них! Я и так могу сказать, что у них еще осталась энергия. Пойдем. Я не хочу, чтобы они узнали еще больше наших мыслей,* — проворчал Джозеф.

Модра замерла.

— *Кто это?*

— *Я думаю, миколианцы. Пока что не обращай на них внимания. Вот, сейчас я встал на две конечности. Ты видишь меня?*

Она осмотрелась по сторонам и где-то в тридцати метрах от себя увидела знакомую, несколько гротескную фигуру. Модра подошла к Дарквисту настолько быстро, насколько ей позволяло головокружение, и с недоумением огляделась.

— А где Маккрей? — спросила она вслух.

— Пропал. И Молли тоже. Я пробовал связаться с ними, но безрезультатно. А из мицлапланцев никто не пропал?

Модра нахмурилась.

— Я... я как-то не догадалась проверить.

— Хм-м... Проблему с телепатией можно решить, разговаривая вслух, только надо говорить негромко, чтобы не возникало эхо и кристаллы не начинали вибрировать, — отметил Дарквист. — Странно. Мне всегда было очень интересно узнать, каково это — читать чужие мысли и эмоции, а теперь, когда я неожиданно этому научился, я не уверен, что мне это нравится. Интересно, мы теперь и гипноты тоже?

— Только не вздумай ставить опыты на мне! — нервно ответила она. — С меня пока хватит подобных штучек!

— Не беспокойся, не буду. И все же интересно — это теперь у нас навсегда, или оно пропадет, как только мы покинем это место?

— Кто знает? Кто вообще знает что-либо об этом месте? Даже сейчас я не до конца уверена — действительно ли мы были в том мире, или это был просто сон, навеянный этими кристаллами и вызванный повышением уровня наших Талантов?

— Я тоже не знаю, как объяснить то, что с нами произошло, но сейчас не время размышлять. Чувствую, эти кристаллы опять начнут действовать на меня, если я поскорее не выберусь отсюда.

Она кивнула.

— И на меня. Но как быть с Джимми и Молли?

— Чтобы обыскать это место, нам понадобится несколько часов, а мне кажется, что оставаться здесь опасно.

Если они еще не вернулись, мы подождем их немного — но только не здесь.

— Ты прав, — согласилась она, хотя ей очень не хотелось оставлять членов своей команды. — Здесь от нас толку будет мало. Мы принесем больше пользы, если последуем за миколианцами.

Они быстрым шагом устремились к дальнему выходу из пещеры. Насколько они могли видеть, у нее был только один выход, как был только один вход — и выход, надо отметить, весьма узкий.

Извилистый S-образный проход длиной метров в пятнадцать привел их в другую пещеру, поменьше. Они сразу же почувствовали отсутствие огромных кристаллов.

— *Ты все еще слышишь меня?* — беззвучно спросила Модра.

— *Да. И я слышу еще что-то вон из того угла, хотя сложно сказать, что это,* — Дарквист достал пистолет.

— Не надо стрелять! Не надо стрелять! — услышали они знакомый голос.

— Молли, это ты? — спросила Модра.

— Привет, Модра. Ты теперь в порядке?

— Да. Что...

Опущенные пистолеты вновь поднялись: рядом с Молли блеснул золотисто-желтый, без сомнения мицлапланский скафандр.

— Не надо! — вскрикнула Молли. — Это Чин! Он помогал Джимми!

— Здравствуйте, Модра, — приветствовал ее капитан через транслятор. — Я вижу, вы все-таки вырвались из лап Морока. В каком-то смысле я рад. Мне вся эта затея казалась в высшей степени неприятной. Я не представляю для вас угрозы, по крайней мере не сейчас, клянусь. Вы уже достаточно хорошо меня знаете, чтобы ставить под сомнение мое слово. Пожалуйста, подойдите и взгляните на своего товарища. Я сделал для него все, что смог.

Они подошли, немного настороженные, зная наивность Молли, но когда они увидели лежащего Джимми, то поняли, что Молли не смогла бы так обработать его рану.

— У него было... нечто... какая-то тварь на спине, — постарался объяснить Чин. — Она была мертва, как мне показалось. Он потерял из-за нее много крови. Я, как мог, поработал над ним, воспользовавшись нашей аптечкой.

Дарквист подошел к Джимми и начал обследовать его. Модра посмотрев на Чина и Молии, столь непохожих друг на друга, спросила:

— Как вы оказались вместе?

— Я провалился в глубочайший сон, — начал объяснять капитан. — Он был полон странных кошмаров, которые напугали меня так, как ничто не пугало с самого детства.

Сейчас воспоминания притупились, помню только, что было очень страшно. Я очнулся на полу пещеры, весь покрытый холодным потом. Эта девушка услышала меня, подошла и помогала мне, пока я не пришел в себя. Примерно в это же время ваш парень начал кричать, пещера вся завибрировала от резонанса, и у нас дико разболелись головы. Вдвоем мы притащили его сюда, где эхо было меньше, а эхо в большой пещере тем временем улеглось, так что я смог вернуться назад и найти аптечку. Результат вы видите. Боюсь, больше я ничего вам рассказать не могу, кроме того, что эта девушка говорит, что видела такие же кошмары, тоже проснулась и с тех пор тщетно пытается хоть кого-нибудь разбудить.

Молли кивнула.

— Никто не шевелился. Молли думала, все умерли.

— *Капитан — Нуль,* — мысленно пояснила Модра Дарквисту, решив, что у такой формы коммуникации порой бывает масса преимуществ.

— *Возможно, это объясняет, почему он так быстро вернулся,* — ответил Дарквист. — *Он, несомненно, некоторое время был с нами, но у него от природы нет способности воспринимать Таланты — способности, которая есть даже у обычного, не наделенного Талантами человека. Поэтому его мозг просто отключился, и он всего лишь видел кошмары.*

— *Но Молли тоже видела только кошмары, а она эмпатка. Почему же она очнулась даже быстрее него?*

— *Кто знает? Не стоит забывать, что она существо не совсем органическое, — по крайней мере, не в том смысле, к какому привыкли мы. Она попросту запрограммированная машина, обладающая некоторой свободой мысли и действий — хвала небесам! Она просто не была способна на такой путь.*

— Несколько минут назад здесь прошли миколианцы, — кашлянув, заметил капитан. — Они ничего не говорили, но, думается мне, были вне себя от злости. Видите ли, между тем моментом, когда мы с Молли очнулись, и моментом, когда этот молодой человек начал кричать, был небольшой промежуток, в течение которого я наткнулся на миколианцев. Я вынул их аккумуляторы и кинул их назад в сторону входа. Может, миколианцы сейчас и впереди, но они там голые, без энергии и без оружия, а также без защиты скафандров. Если новый мир еще хуже предыдущего, в чем я почти не сомневаюсь, они, возможно, уже мертвы.

Дарквист окончил осмотр раны и вновь наложил бинты.

— Превосходная работа. Спасибо, капитан. Вы не обязаны были делать это.

Чин пожал плечами.

— Мне казалось, я в долгу перед вашей командой. Теперь, если только вы не хотите взять меня в заложники, я, пожалуй, заберу нашу аптечку и вернусь к своим. Полагаю, они вскоре придут в себя, если еще не пришли, и некоторым из них тоже может понадобиться медицинская помощь. Будьте по возможности поосторожнее с раненым. Он потерял довольно много крови и очень слаб, и я не знаю, что произойдет, когда действие обезболивающего закончится.

— У меня есть немного обезболивающего, если будет нужно, — заверил его Дарквист. — Возвращайтесь назад к своим людям, капитан. Считайте, что мы квиты.

Капитан по-мицлапландски отдал им честь и ушел.

Как только он пропал из виду, и шаги его более не были слышны, Молли сказала:

— Надо поскорее уходить.

— Не думаю, что капитан предаст нас, — заверила ее Модра. — И мне было бы легче, если бы я убедилась, что с Маккреем все в порядке, прежде чем двигать его.

— Нет, нет! Ты не понимаешь! Когда Молли увидела, что Чин вынимает маленькие штучки из красных скафандров, и они от этого сдуваются, Молли поняла, и Молли пошла и стала делать то же самое. Молли подумала, может, если он будет единственным в скафандре, то он будет босс, не подчиненный.

Модра потрясенно разинула рот. Какое-то время они стояли неподвижно, словно статуи. Потом Модра решительно сказала:

— Молли, клади его руку себе на плечо. Я возьмусь с другой стороны. Как-нибудь мы его оттащим. Дарквист, проследи, чтобы капитан не пошел за нами со взведенными пистолетами!

Осуществить задуманное было не так-то просто: дорога была длинной, а освещение слабым. Но Джимми был щуплый и легкий, а у женщин была веская причина приложить все усилия, чтобы добиться своего.

— Что ж, по крайней мере, нам не придется опасаться засады, — заметил Дарквист. — И если капитан прав насчет того, что нас ждет впереди, нам не придется бояться кого-либо, кроме него. А с ним, я думаю, мы как-нибудь сможем договориться.

* * *

Капитану не пришлось ждать, когда очнутся его друзья, чтобы понять, как его обманули. Одного взгляда на сдувшиеся скафандры было ему достаточно, чтобы понять, что он сильно недооценил эту девушку. *«Возможно, это вообще была не девушка, а какой-нибудь мелкий демоненок»*, — горько усмехнулся он

про себя. — *Но нет,* — подумал он с грустью. — *Это была моя ошибка, и только моя. Не стоит даже в голову пускать подобные идеи. Возможно, я погубил их всех своей глупостью, и я постараюсь, как смогу, загладить свою вину!*»

Приходя в себя, мицлапланцы испытали ту же гамму эмоций, что и другие: шок от сохранившейся способности читать чужие мысли и эмоции, неприятное открытие пропажи аккумуляторов, растерянность. От других они отличались лишь тем, что у них был капитан Чин.

— Погодите. Вы хотите сказать, что вы все теперь телепаты?

— А также эмпаты, а может быть, и еще кто-нибудь; возможно, о большинстве своих способностей мы пока даже не догадываемся, — сказал Морок. — Должен признаться, я поражен.

Чин сразу подумал о миколианцах, Модре и Дарквисте. А они что, тоже приобрели такие способности? А почему бы, собственно говоря, и нет? Он вздохнул.

— Ну, поскольку вы все равно не можете прочесть мои мысли или почувствовать мои угрызения совести, я должен рассказать вам о том, как это получилось со скафандрами, — и он вкратце пересказал им то, что произошло, пока они были вне своих тел. — Модра для нас уже недосягаема, вместе со своими компаньонами, — сказал он в заключение. — Я мог только попробовать убить их — а их было трое против одного — либо оказать им услугу и надеяться на лучшее. Я выбрал последний вариант, хотя, уверяю вас, на тот момент я ничего не знал об аккумуляторах.

— Разумеется, капитан, я прощаю вам вашу ошибку, — сказал ему старгин. — Вы сделали все, что могли. Так или иначе, мы для них больше не монстры и не людоеды. Модра нас знает, а теперь еще вы помогли их человеку. Что до скафандров — сколько у вас осталось часов, капитан?

Чин об этом раньше не задумывался.

— Три с половиной часа.

— Вот именно. И наши были, по меньшей мере, настолько же разряжены.

Тут Чин вспомнил кое о чем.

— У меня же есть еще аккумулятор Савина! — напомнил он. — Его хватит по меньшей мере на сорок часов! Возьмите его! Он сможет еще долго обеспечивать энергией один из скафандров! И, конечно же, моя энергия — это еще не менее нескольких часов для кого-нибудь из вас.

Повисла пауза. В наступившей тишине раздавались только случайные отрывистые реплики или невнятное бормотание. Он начал чувствовать себя выбитым из колеи.

— Нет, это слишком сбивает с толку! — воскликнул в конце концов Морок. — Мы должны говорить как раньше. За исключением Криши, мы совершенно не умеем это делать. Мой мозг переполняет такое количество мелькающих обрывков мыслей, что я с трудом могу думать!

— Святой, как всегда, прав, — к великому облегчению Чина, согласилась Манья. — Я, к примеру, не могу должным образом сосредоточиться для мысленной речи. Но я по-прежнему настаиваю на том, что аккумулятор Савина надо взять вам, Святой. Вы наш лидер, и на вас большая ответственность.

— Нет, — ответил он. — Надо признать очевидное, дети мои. Моей ноге лучше не становится, и я не могу бесконечно обманывать себя, говоря, что мне не больно. Ничто, абсолютно ничто не должно тормозить нас на пути к нашей цели. Криша, ты уступала лишь Савину в искусстве владения оружием, а именно оно сейчас нужно нам больше всего. Ты и должна занять место Савина. Что касается скафандра капитана, боюсь, он меня не спасет. Что такое три часа в этом месте? Вы можете оставаться в своем скафандре, капитан. Навыки, которыми владеет Манья, лучше помогут ей продержаться без него, чем ваши помогут вам. А сейчас помогите мне выбраться из этой кучи ненужных тряпок.

Манья ничего не сказала, но ее мысли были открыты для двух других жрецов. Она чувствовала, что в принципе имеет право на скафандр Чина, поскольку именно непростительная ошибка капитана вызвала этот кризис. С другой стороны, твердо веруя в свою безупречность, она знала, что ее долг — пожертвовать собой.

К тому же, как отметил Святой, три часа — не такая потеря, о которой стоит сожалеть. Она всегда знала, что однажды станет мученицей за веру. Возможно, это время наступило.

Криша взяла аккумулятор Савина, вставила в свой скафандр и включила его, в то время как Морок и Манья с сожалением вылезли из своих.

Чин с удивлением отметил, что в то время как большинство Святых обычно не носили под одеяниями — а в данном случае, скафандрами, — ничего, или почти ничего, тело Маньи было полностью закрыто черным трико. Однако без скафандра или развевающегося одеяния она казалась сейчас гораздо менее похожей на терранку; о том, что это существо другой расы, свидетельствовала, среди прочих, менее заметных деталей, ее единственная массивная грудь со множеством сосков.

— Манья, не забудьте запас провизии и аптечку, я положил ее вон там, — напомнил ей Чин. — Я понесу вашу ношу, Святой.

Морок с тревогой оглядел огромную пещеру, наполненную мерцанием исполинских кристаллов.

— Давайте выберемся из этого места. Что бы нас ни ждало снаружи, там с нами не случится ничего хуже смерти. Здесь же нас может ожидать намного более страшная судьба.

Они все ощущали это, и возражать никто не стал. Через несколько минут они достигли прохода в меньшую пещеру, где ранее Чин и Молли лечили Маккрея. Капитан, достав пистолет, сказал:

— Я пойду первым. Я не хочу недооценивать людей Биржи, но и переоценивать их не стоит. Тот парень был очень плох; возможно, они все еще там.

Криша остановила его.

— Нет. Пойду я. Тогда Манья и Святой будут знать, что там происходит, еще до того, как войдут туда. К тому же у меня гораздо больше энергии на случай, если дело дойдет до перестрелки.

Однако не успела она войти в пещеру, как тут же поняла, что биржанцев здесь нет. Остальные, уловив ее мысли, последовали за ней.

Только сейчас, когда они покинули их месторождение, они поняли, какое мощное воздействие оказывали на них кристаллы. У них с плеч словно гора свалилась, в головах сразу прояснилось.

— Предлагаю еще немного подождать, — сказал капитан. — Они несут раненого, который, возможно, все еще без сознания, и это замедляет их. Если вы можете читать мысли друг друга, то и они смогут увидеть ваши.

— Согласен, — устало сказал Морок, усаживаясь так, чтобы дать отдых ноге. Чин не был врачом, но не нужно было особых знаний, чтобы увидеть, насколько отличаются друг от друга по виду его длинные, тонкие ноги и понять, что лидеру Длани Святой Инквизиции намного хуже, чем он пытается показать.

— Дадим им еще минут пятнадцать, — предложил Чин, желая дать Мороку хоть какую-то передышку. — А пока мы ждем, не могли бы вы рассказать мне, что вы видели в этом своем общем сне?

Криша медленно покачала головой.

— В этом-то вся и проблема. Я не очень отчетливо помню... а может быть, просто не хочу помнить. Помню, что мы все летели в каком-то пространстве, не похожем ни на что, виденное мной раньше, и что нас окружало некое воплощенное зло. Но я никак не могу вспомнить, как оно выглядело, и какие у

меня были при этом ощущения. Это было такое средоточие зла, что оно вспоминается теперь просто как темнота.

— Помнится, нас несло к какому-то городу, — добавил Морок. — Однако, кроме мимолетного воспоминания об этом городе где-то вдали, посреди пустоты, я не могу ничего добавить к словам Криши. Как будто не существует ни слов, ни понятий, чтобы описать то место, где мы были, и разум бунтует и отказывается описать зло, с которым мы там встретились.

Даже абсолютистка Манья согласилась с этим.

— Это было место, откуда исходит все зло во Вселенной. Мне казалось, что самое худшее зло, какое мне известно, — лишь тень зла, которое обитает там.

— Помню, город был прекрасный и зловещий, — вставила Криша. — Он манил своей холодной, многоцветной красотой, однако был недостижим. Зло было слишком близко, чтобы мы могли добраться до него.

— Насколько я понимаю, оставшаяся позади пещера и даже само неестественное воздействие, которое она оказывает на мозг, в какой-то степени является источником силы демонов, — решительно сказал капитан. — Готов поспорить, после этого приключения вы все преобразились, мутировали, стали более сильными, более чувствительными. В пещере ваш разум открылся, и все вы, от миколианцев до людей Биржи, видели один и тот же кошмар, который восприняли как путешествие.

И снова Криша не согласилась с рассуждениями капитана.

— Нет, нет! Это не было просто дурным сном — мы все уверены, что это место существовало на самом деле. Это было вполне реальное место, просто туда могут попасть только разум и душа, не тело. И зло, и город — все это было реально, капитан. Мы просто побывали там необычным образом.

Чин оставил при себе свое мнение о том, что реально, а что нет, так как сам всего этого не пережил, разве что чуть-чуть, очень ненадолго; но ему хотелось, чтобы его гипотеза тоже имела право на существование.

— Если так, нам следует предположить, что виденный вами город и есть наш истинный пункт назначения. Город, окруженный злом, которое в свою очередь окружено пустотой. В таком городе крайне интересно было бы побывать, если мы только вообще способны будем там что-нибудь понять. — Он вздохнул и встал. — Думаю, пора нам узнать, что у нас дальше в программе.

Криша кивнула, и они с Чином помогли Мороку подняться на ноги.

— Хуже всего то, — заметил Первый Инквизитор, — что мы до сих пор не знаем, действительно ли это выход отсюда.

* * *

Путь по-прежнему вел вниз, или, по крайней мере, так казалось; возможно, он при этом заворачивал налево, а возможно, и нет, точно сказать было невозможно. По крайней мере, свет от вкраплений кристаллов в стенах обеспечивал их хоть каким-то освещением.

— *Откуда-то спереди несет холодом,* — подумал Джозеф, не впервые забывая, что его мысли больше не были его личной собственностью.

— *По крайней мере, пока что не слишком холодно,* — ответила Тобруш. — *Меня преследуют мерзкое предчувствие, что после огня нас ждет лед.*

— *Да, а мы одеты явно не по погоде,* — ухмыльнулась Калия.

Дорога неожиданно повернула налево и вверх, и они почувствовали, что там, за поворотом, находится кто-то — или что-то, или черт знает что, — кто знает об их приближении и ожидает их.

Лишенный способности Тобруш во всем находить для себя рациональное зерно, Джозеф никак не мог выкинуть из головы жутких существ, обитавших в том месте, куда его отправили кристаллы. Воспоминания бродили где-то в недосягаемых глубинах его сознания — и слава богам за это! — но их влияние на него было весьма ощутимым. Даже его спутницы чувствовали это — перед тем, как повернуть за угол, они обе остановились и взглянули на него.

— Ну? — спросила вслух Калия. — Идем или нет?

Он пожал плечами.

— А у нас есть выбор?

И они двинулись вперед, за поворот — и тут же вновь застыли, ошеломленные тем, что увидели.

Проход заканчивался воротами, которые походили на энергетические барьеры станций, но по сравнению с ними были просто огромными, и здесь по обе стороны ворот возвышались громадные фигуры демонов, один метров пять в высоту, второй на метр пониже, но не менее величественный. Вместо довольно простой одежды предыдущих демонов на этих были роскошные одеяния густо-пурпурного цвета и с капюшонами, а их когтистые руки были украшены золотыми кольцами с невероятных размеров драгоценными камнями. У левого, более крупного демона были не короткие острые рожки, как у операторов станций, а гигантские завернутые назад бараньи рога; у правого на месте рогов располагались два бугорка, похожие на круглые пуговицы, но его густейшая шевелюра была еще более густого пурпурного цвета, чем одежда.

Волосы у него начинали расти между двумя бугорками рожек и длинной гривой уходили вглубь, под капюшон.

Они стояли, с виду совершенно свободные, в центре светящейся пентаграммы внутри круга, которая, казалось, была вмонтирована прямо в пол пещеры.

Хотя они и излучали энергию зла невиданной мощи, превосходящую все, что они до сих пор встречали в этом мире, даже она бледнела по сравнению с тем, что они пережили в пещере. Как ни странно, теперь им легче было иметь дело с такими вещами.

— Добро пожаловать, — приветствовали их демоны бесполыми голосами, говоря в унисон, словно они были единым двутелым существом. — Мы рады, что столь многие из вас смогли дойти досюда.

Джозеф подумал, что терять ему нечего, и приободрился.

— Кто вы? — спросил он вслух, и легкое эхо от его голоса пронеслось по пещере. — Что это за место?

— Вы уже знаете, кто мы, — ответили они. — Мы — Кинтара, те, кого ваши жрецы называют демонами, дьяволами и миллионами других имен. С тех пор, когда мы в последний раз появлялись в вашем мире, прошли века, однако ваши люди все еще помнят нас, и все это время мы были среди вас, хотя и не во плоти. Мы торопили вас, но ждали долго и терпеливо, пока вы наконец не прибыли сюда.

— Вы все это время знали, что мы идем? — спросила Тобруш как можно тактичнее.

— Мы не знали, что придете именно вы, пока наши станции не были обнаружены, и не появилась возможность появления послов Трех Империй, соперничающих за возможность прибыть первыми.

— Так значит, нас привел к вам случай, — вымолвила джулки, довольная, что этот вопрос, наконец, разрешился.

— Для вас — да; вы оказались в правильное время в правильном месте. Если бы не вы, была бы другая группа.

— Но что это за место? Что это за миры? И как мы оказались здесь? — требовательно спросил Джозеф.

— Это величайшая Империя, Внутренняя Империя, пересекающаяся с самыми различными точками вашей Вселенной, центр всего и ничего. От нас произошли все миры и все расы, а не только ваши крошечные Три Империи, все величие которых — песчинка по сравнению с бескрайностью Вселенной. Мы породили вас и удалились в ожидании времени, когда наши дети разовьются настолько, что смогут вернуться к нам. Те, кто смогут добраться до нас и придут первыми, станут первыми и во

Вселенной. Вам остается лишь одно. Вы должны освободить нас — освободить по собственному желанию.

— Зачем вам нужно, чтобы вас освобождали, если вы так могущественны, как говорите? — спросила Тобруш. — Кто заточил вас здесь?

— Мы сами сделали это. Ваша логика должна подсказать вам, что никакой враг, никакой завоеватель не оставил бы нас в живых, если бы мы были в его власти. Нам необходимо было сдержать самих себя, чтобы избавить себя от искушения прекратить эксперимент или вмешаться в него. Необходимо, чтобы вы сами, по своей воле освободили нас, так как после того, что вы увидели и узнали, лишь это покажет ваше истинное доверие к нам.

— У нас пока еще нет этого доверия, и вы это знаете, — возразил Джозеф. — Ваши ответы недостаточно убедительны, и единственное свидетельство того, какая судьба ждет того, кто освободит вас — это груда мертвых тел на первой станции.

— Ответы, равно как и свидетельства, которые вы ищете, лежат впереди, — отвечали демоны. — Помните ли вы Великую Спираль?

— Мы помним, — с неприязнью ответил Джозеф.

— Настало время вам в реальности пройти по этой дороге. За этими вратами находится воплощенный прообраз того, что вы видели. На другом конце Спирали находится Град, а в нем — Цитадель Хаоса. Войти в Град Кинтара — значит стать таким, как мы; стать таким, как мы, — значит знать.

— Знать? Что знать? — выкрикнула Тобруш.

Демоны оставили без ответа ее вопрос.

— Вы пришли сюда первыми. Оставьте здесь все, что у вас есть. Не берите с собой ничего, кроме самих себя. Игра будет честной, обещаем. Все, что вам понадобится, будет вам предоставлено. Как и в первый раз, когда вы летели над кристальной плоскостью, выбор за вами.

Джозеф указал на свою ношу.

— Здесь еда, вода, лекарства. Мы не пойдем неизвестно куда без этого минимума.

— Отвергните наши советы — и вы будете страдать. Поверьте нам — и вы достигнете Града. Если вы не будете нам верить, вы рискуете потерять все. Вы не первые, кто нашел нас, вы всего лишь первые среди своих. Другие не поверили нам. Их больше нет, как не будет и их народа, когда мы вновь придем к власти. Если вы хотите достичь Града, верьте нам. Лишь доверяя нам, вы пройдете все испытания до конца и получите достойное вознаграждение. Другие уже близко. Делайте, что хотите, но вы должны выбирать быстро...

Действуя скорее по велению сердца, а не разума, Калия бросила все, что несла, даже нож, и пошла вперед.

— Да что там, я не надеялась дожить и до этого момента, — сказала Тобруш, следуя ее примеру.

Джозеф замешкался, оценивая возможные варианты, и тоже вошел во врата, неся с собой нож и вещи. Уже коснувшись врат, но все еще видя демонов уголком глаза, он внезапно заметил вокруг них слабое мерцание и ухмыльнулся. *«Голограммы,* — подумал он про себя. — *Их даже нет здесь во плоти!»*

* * *

Джимми понемногу приходил в себя. У него был жар, лекарства лишь притупляли боль до едва терпимого уровня, и он не совсем присутствовал в этом мире. Однако при помощи Модры и Молли он даже смог кое-как самостоятельно передвигаться.

И Модра, и Дарквист ощущали существ за поворотом, но продолжали двигаться вперед, не останавливаясь — если не считать передышек, когда они сменяли друг друга так, чтобы Модра могла держать в руке пистолет. Дойдя до поворота, они, как и их предшественники, тоже решили, что выбора у них нет.

— Добро пожаловать. Мы рады, что столь многие из вас смогли дойти досюда, — произнесли демоны, приветствуя их в точности так же, как и миколианцев; впрочем, и вся последующая дискуссия — как вопросы, так и ответы — мало отличалась от предыдущей.

— Вы должны оставить здесь свои скафандры и все остальное, что сделано руками ваших собратьев, — потребовали под конец демоны.

— Мы не собираемся лишаться единственного оставшегося у нас преимущества, — твердо заявила Модра.

— Это необходимо. Игра будет честной, обещаем.

— Однако то, что вы сделали с исследовательской группой, доказывает, что вы не любите честной игры, подтверждая вашу репутацию, — заметил Дарквист.

— Возможно, это и так, но вы играете не против нас — играет ли шахматная фигура против шахматиста? Если вы откажетесь, вы обнаружите, что не получили никаких преимуществ, а лишь подвергли себя опасности лишиться всего, в то время как вы еще можете победить. Ваш выбор — это часть игры.

Модра указала на Джимми.

— Игра нечестная. Ему необходимы лекарства и защита скафандра.

— Напоите и накормите его тем, что у вас осталось, а потом искупайте в воде, которую найдете за вратами, — сказали демоны. — Он быстро придет в себя.

— Мы все же рискнем оставить его так, как есть, — настаивала на своем Модра.

— Делайте что хотите. Если вы не будете среди тех, кто достигнет Цитадели Хаоса, вы подвергнете не только себя, но и весь свой народ вечному рабству. Если же мы будем играть на вашей стороне, никто не сможет вам сопротивляться. Никто не выстоит против нас.

— Я что-то не припоминаю предложения поиграть, — возмутился Дарквист.

— Если ответ неважен, зачем спрашивать? — парировали демоны.

Джимми на несколько мгновений пришел в себя, уставился на демонов, качаясь словно пьяный, затем перевел взгляд на их ноги и, засмеявшись, показал на них пальцем:

— Ха! Печать Соломона! Ты все еще прикован, рогатый подонок! — И снова впал в беспамятство.

— Если они прикованы, как сказал Маккрей, ничто не помешает нам пройти мимо них так, как мы хотим, — заметил Дарквист.

Модра кивнула.

— У меня сейчас не то настроение, чтобы вступать в дискуссии, а у нас на хвосте мицлапланцы. Если Чин нас заметит, я ломаного гроша не дам за жизнь Джимми. Пойдем скорее.

Они с Молли подхватили Джимми под руки и все вместе прошли сквозь врата.

* * *

Мицлапланцы, которых задерживала больная нога Морока, отстали от них минут на десять.

Их приветствовали так же, как и предыдущие группы, но Манья демонов и слушать не захотела.

— Принц Тьмы, тебе нечего сказать нам! — заявила она.

На демонов, однако, эта эскапада не произвела никакого впечатления.

— Тогда умрите, веруя в своих богов, — заявили они спокойно. — Ваши боги не существуют, ваши Святые Ангелы придуманы лишь затем, чтобы ваши хозяева управляли вами, а все ваши жертвы — пустая трата истинного смысла жизни, они приводит к такой же порочности, как и наслаждение жизненными благами. Мицлапланы создали вашу жалкую религию и вашу скучную тоталитарную систему в качестве защиты против нас — но

это ваша беда, а не наша, теряете от этого вы, а не мы. У нас с самого начала было мало надежды на такие автоматы с промытыми мозгами, как вы. Идите и умрите сразу, в боли и мучениях, и не досаждайте нам больше своей глупостью.

Не было смысла оставаться здесь дальше, хотя Ган Ро Чин и жалел, что не смог задать демонам несколько вопросов.

САД БОГОВ

Следуя здешней безумной логике вещей, спустившись в пещеру, они вышли из нее возле вершины холма, откуда открывался великолепный вид на захватывающий дух причудливый пейзаж.

Все здесь было устлано зеленью; травы, деревья и кустарники всех возможных оттенков зеленого покрывали землю до самого горизонта, и хотя растения были незнакомыми, их общие очертания казались успокоительно домашними.

И в то же время эти места казались абсолютно чуждыми, поскольку, хотя освещение было ярким, как в весенний день, здесь не было ни солнца, ни теней, и невозможно было догадаться, где здесь мог находиться источник света.

Небо было темным — но каким-то по-незнакомому темным, как будто они смотрели не на ночное небо, а сквозь огромное окно, закрывающее все небо и спускающееся вниз к горизонту, через которое видны были яркие огни в разнообразных сочетаниях, напоминавшие цепочки галактик.

«Это восхитительно, — подумала Калия. — *Так прекрасно, но так странно...»*

«Прилизано», — подумал Джозеф, оглядывая все вокруг.

— Э... *Что ты говоришь?* — спросила Тобруш.

— Здесь все прилизано, — сказал Джозеф вслух. — Как сады у какого-нибудь знатного Лорда. Даже деревья имеют специальную форму — вы только взгляните на них: и кусты, и живые изгороди подстрижены! До сих пор все, что мы видели, кроме того плоского мира, было динамичным, предоставленным самому себе, своей природе. А это место явно искусственное. Интересно, как это создано и кем?

— Я вот тут думаю, — высказалась джулки, — было ли все это здесь до нас или было специально создано к нашему приходу? Если предположить существование расы, настолько же более развитой по сравнению с нами, как мы по сравнению с микробами, то практически все, что они создают в повседневной жизни, для нас будет чудом.

— У меня только что появилась странная мысль, — сказал Джозеф, все еще вглядываясь в окружавшее их великолепие. — Для всей их ментальной мощи эти Кинтара кажутся мне слишком заинтересованными простой, известной нам жизнью. Возможно, они и стоят на ступень выше нас, как наши хозяева, Миколи, или Хранители Биржи, или эти — как там их называют Святые Кошмары — Ангелы? — но, в общем, они не кажутся мне намного более развитыми, чем мы. И уж точно они не сверхъестественные существа. Вы, конечно, заметили, что та парочка была голограммой?

— Да, было похоже, — согласилась Тобруш. — Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Это наверняка не та раса и не та культура, которая могла бы создать то, что мы видели.

Джозеф кивнул.

— Как если бы они были людьми, случайно наткнувшимися на главный центр управления, созданный другой, высшей, культурой, которые методом проб и ошибок как-то выяснили, как им управлять, не понимая на самом деле, как он работает. Не боги, а опьяненные властью люди, играющие в богов.

— Это точно. Но если так, то где же пульт управления?

Джозеф указал на слабый отсвет на горизонте слева от них.

— Град, — ответил он. — Город, который мы видели в той массовой галлюцинации, или что это было, в той кристальной пещере. Как там нам сказали? «Посередине всего и на краю ничто»?

— Что-то вроде того. Ну да ладно; единственное, чего мы добьемся, если будем стоять здесь, — это что нас нагонят торгаши. Думаю, нам стоит спуститься.

Джозеф кивнул.

— И все же они обещали нам честную игру.

— Не верю я их обещаниям, — заявила Тобруш. — Они все время лгали, мне кажется. Возможно, они лгут даже сами себе.

Джозеф указал на обширное пространство сада.

— Видишь прямые линии? Это живые изгороди, они образуют узор, который становится чем дальше, тем сложнее.

— Может быть, это лабиринт? — предположила джулки. — Какой бывает в экспериментах над животными?

Джозеф вздохнул.

— В обычных садах это делается в декоративных целах, но у меня есть мерзкое предчувствие, что ты права. И все же, как ты верно заметила, стоя здесь, мы ничего не получим. Пошли.

Покрытый травой холм окружала аккуратно подстриженная ровная аллея.

— Дороги нет, — отметила Калия. — Никаких подсказок, куда идти — неясно.

Джозеф оглянулся назад.

— Тобруш, если бы ты была чуть-чуть полегче и не такой крупной, никто бы даже не понял, где мы спустились. Но примятая трава, которую ты за собой оставляешь, выдает нас с головой.

— Ну так собьем их с толку, — сказала джулки и повернула назад, к вершине холма. На середине пути она повернула и спустилась к деревьям в двадцати-тридцати метрах левее. Затем она снова вернулась назад, и... через несколько минут вниз вело уже как минимум шесть дорожек. Подойдя к ним, джулки сказала:

— Вот теперь пусть выбирают!

Джозеф задумался на секунду.

— Если бы нас выслеживал я, я был бы последователен и пошел бы по самому левому пути. Мы пойдем здесь. В конечном итоге это примерно одно и то же, но так у нас будет лишних несколько минут в запасе.

Они вошли в лес. Метров через сто пятьдесят им начали попадаться деревья других пород, да и само их расположение изменилось.

— Я слышу журчание ручья, вон там, — сказала Калия, указывая направо. — И смотрите! Это же какие-то фруктовые деревья! Видите?

Деревья были высажены так, что образовывали отдельную рощу, и хотя фрукты были им незнакомы и их форма была странной, они были очень похожи на известные Джозефу и Калии тропические фрукты.

— Как ты думаешь, их можно есть? — поинтересовался Джозеф.

— Как ты любишь повторять, о Великий Лидер: есть ли у нас выбор? — Калия подпрыгнула, ухватила одну ветку и опустилась с ней на землю. Джозеф сорвал с нее несколько плодов, и Калия отпустила ее. Плоды были размером с дыню, но по форме напоминали скорее патиссоны, кожица их была желто-розовая, и ни один из них не был в точности таким же, как другой.

Ногтями больших пальцев Джозеф надорвал один из них посередине и разломил его пополам. Внутри плод был сочным, со светло-розовой, похожей на грейпфрут, мякотью, окружающей ярко-красную сердцевину. Джозеф понюхал плод: тот пах сладко, как духи.

Калия взяла половину, и со словами: «Ну... я, пожалуй, поверю им», — вгрызлась в мякоть.

«Как сладко! Прямо жидкий сахар», — подумала она, жуя.

— *Если там так много сахара, мне тоже должно понравиться,* — мысленно отвечала Тобруш. Она выбросила щупальце в сторону ближайшего дерева, сорвала один из плодов и отправила его целиком в рот.

«А, ладно... — подумал Джозеф, глядя на свою половину. — *Я все равно не ожидал, что выживу».* Он съел немного, сначала с опаской, но затем, поняв, что ничего страшного с ним не происходит, по крайней мере поначалу, доел остаток. Плод был на его вкус слишком приторный, как густой сироп, но вполне сытный.

— Жаль, здесь нет моих инструментов, — сказала Тобруш. — Мне кажется, в этих фруктах идет процесс брожения. В них явно есть определенный процент алкоголя.

Ни Джозеф, ни Калия алкоголя не почувствовали, но сладкий вкус так перебивал все остальное, что возможно, Тобруш была и права. Съев два или три плода, Калия почувствовала легкость в теле и небольшое головокружение.

— Ого! Да они с сюрпризом! — воскликнула она. — Лучше, пожалуй, воздержаться от добавки.

— Давайте-ка найдем ручей, — предложил Джозеф, и они пошли по направлению к журчащей воде.

Ручей был не очень холодным, но вода была чистой. На вид он тоже не представлял опасности и был не больше метра глубиной. Джозеф нагнулся, зачерпнул воды и прополоскал рот, пытаясь смыть приторный вкус, а Калия целиком вошла в воду и, поплескавшись немного, легла в самом глубоком месте, полностью уйдя под воду. Вынырнула она с весьма довольным видом.

— В кои-то веки помылась, — сказала она самой себе.

Джозеф тоже решил искупаться, в то время как Тобруш вползла в воду в десяти метрах от них, чем-то заинтересовавшись.

— Джозеф! Иди-ка сюда! — позвала она наконец, внимательно рассматривая дно.

— В чем дело, Тобруш? — спросил он, не спеша приближаясь к джулки.

— Следы. Сначала я подумала, что здесь что-то тащили, но теперь вижу, что здесь прошел кто-то большой и тяжелый. Не кажутся ли тебе эти следы знакомыми?

Джозеф увидел цепочку глубоких разноразмерных ямок, по три с каждой стороны, ведущую прямо в ручей.

— Дезрет! Я совсем забыл о нем! — он повернулся и посмотрел на другой берег. — Вон! Вон там он вышел из воды! — он повернулся к Калии. — Пойдем, Калия! Надо найти Дезрета!

Она подошла к ним, не выходя из воды, плескаясь, как ребенок.

— Впервые с того момента, как эта ведьма обожгла меня, я чувствую себя хорошо! — воскликнула она. — Что ты там говорил насчет Железных Штанов?

Они перешли ручей и направились к другой роще, где деревья также были высажены рядами. Более низкие и

густолиственные были усыпаны похожими на бананы синими фруктами; справа от них росли более высокие и абсолютно прямые деревья с плодами, похожими на фиолетовые яблоки.

— Не замечаете ли вы чего-либо странного в этом саду? — спросила Тобруш, идя по следам Дезрета. — Кроме самого очевидного?

— Например? — спросил Джозеф.

— Например, здесь нет никаких насекомых и ничего, что бы их заменяло; нет ветра. Нет облаков, орошающих эти сады. Здесь тихо, как в покойницкой. По мне, это больше похоже на оранжерею, чем на сад. Либо эти растения могут размножаться каким-то другим способом, вроде почкования, либо это делают искусственным путем.

Джозеф кивнул и задумался. Очевидно, здесь должен быть кто-то или что-то, играющий роль садовника.

Следы коринфианца то пропадали, то снова появлялись, но так как они уже знали, что ищут, им было несложно отыскать их снова. Дезрет был единственным членом команды Миколя, с которым никто из других групп не хотел бы повстречаться, хотя для самих миколианцев он значил больше, чем все их скафандры и оружие, вместе взятые.

Сады, или оранжереи, или что это было на самом деле, вскоре внезапно закончились, и взорам путников открылся луг километров двух шириной, покрытый густой сине-зеленой травой, пестревшей разнообразнейшими цветами. С другой стороны четырех-пятиметровой стеной возвышалась живая изгородь лабиринта.

— *Я не смогу этого объяснить, но не нравится мне эта местность,* — мысленно пожаловалась Калия, как будто боясь, что если она скажет это вслух, кто-то или что-то сможет ее услышать. — *Этот луг такой огромный, а спрятаться там негде. Если нас поймают, когда мы будем в его центре, бежать будет некуда.*

Остальные были того же мнения, но дело здесь было не только в открытости этой местности, а и в чем-то еще.

Однако следы Дезрета шли прямо вперед, и, внимательно осмотрев луг, друзья тронулись в путь. Они прекрасно понимали, что случись что, им не за что было спрятаться, нечем обороняться (разве что Джозеф кинул бы в нападавших своей сумкой), некуда бежать.

Пройдя половину пути, они заметили посреди поля какой-то большой приземистый объект медного цвета.

— Дезрет! — во все горло закричал Джозеф. — Дезрет, подожди нас! Мы тут!

Они ринулись к коринфианцу, который, казалось, стоял, поджидая их. Калия первой добежала до него — и застыла

в немом оцепенении. Джозеф и Тобруш тоже отпрянули, увидев Дезрета вблизи.

Коринфианец стоял неподвижно, как замороженный, но, что более важно, все его тело покрывали черные пятна, как будто он побывал в огне — хотя какой огонь мог бы повредить ему?

— Он... он что, мертв? — в ужасе спросила Калия. До этого момента ей как-то не приходило в голову, что коринфианцы могут умирать, если не считать случаев, когда они расплавляются под воздействием концентрированного прицельного энергетического удара.

Тобруш медленно обходила застывшую массу, внимательно исследуя ее. Зайдя с другой стороны, она нашла тонкое острое щупальце, торчавшее из тела коринфианца. Оно тоже было неподвижно, но Дезрет использовал его — возможно, собрав последние остатки энергии, — чтобы написать что-то на идеографическом языке империи.

— «Облака»? — прочитал Джозеф, нагнувшись. Он посмотрел наверх, на черное стекло, сквозь которое светилось бриллиантовое звездное поле. — Какие тут облака?

Калия в свою очередь осмотрела небо. Неожиданно она указала куда-то влево, сказав:

— Может, Дезрет имел в виду вот это?

Двое других обернулись и увидели вдалеке маленькое пушистое облачко. Неожиданно оно начало двигаться — но не как облако, а скорее как самолет. Нет, даже не как самолет. Никакой самолет не может резко тронуться с места и потом столь же резко застыть в воздухе. Никакой самолет не поворачивает на полной скорости на девяносто градусов.

— Не знаю, как вы, — сказала Калия, — а я сейчас побегу так быстро, как только смогу.

— Разбегаемся! — крикнул Джозеф, и они бросились в сторону лабиринта, до которого оставалось еще не менее километра, стараясь не приближаться друг к другу, чтобы их не накрыло одним выстрелом.

Облако, по-видимому заметив их, стремительно заскользило в их направлении. Затем, так же стремительно, оно остановилось, и края его начали темнеть, а середина — светиться.

Вдруг яркая молния ударила в землю прямо за спиной бегущего Джозефа, который тут же пустился зигзагами. Секунд десять спустя из облака вылетела новая молния, на этот раз едва не попав в Джозефа и наполнив воздух раскатами грома и треском электричества.

— Джозеф! Брось сумку! Брось сумку и беги! — неистово закричала Тобруш.

Джозеф не стал переспрашивать. В тот же миг он скинул с себя сумку и бросился в сторону. Третья молния ударила в сумку еще до того, как та коснулась земли; ее окружило, потрескивая и шипя, голубовато-белое электрическое пламя, и через мгновение она превратилась в огненный шар.

Покончив с сумкой, облако дернулось с места, пролетело над Джозефом, который поскользнулся, упал и теперь покорно ждал конца, — и продолжало себе лететь, снова став белым и пушистым. Мгновение спустя оно уже было у границы рощи. Там оно снова потемнело, но на этот раз никаких молний в середине не образовалось; вместо них из облака пошел мелкий дождик.

Джозефа всего трясло, но он все же поднялся и приблизился к сумке — настолько, насколько рискнул. Ударившая в нее молния была сильнее любой из тех, с которыми Джозефу приходилось сталкиваться ранее; сумка превратилась просто-напросто в черную бесформенную массу, по которой было невозможно догадаться, чем она была раньше.

Джозеф перевел дыхание.

— Если они говорят «ничего», они имеют в виду **ничего**, а?

— Мицлапланцы, похоже, оказали нам услугу там, в пещере, — заметила Тобруш. — Не хотела бы я оказаться здесь в скафандре. А как мне кажется, именно в них мы бы и были, будь у нас аккумуляторы.

— А демоны-то не соврали, — заметила Калия не без удовольствия. — Они сказали, что мы все будем здесь на равных — и сдается мне, так оно и будет. Может, у нас даже будет парочка-другая поджаренных врагов, если повезет.

Джозеф кивнул, все еще трясясь.

— Но Дезрета-то за что?

— Эта штука, скорее всего — садовый инвентарь, какой-то робот, который служит заодно и охранником, — предположила Тобруш. — Похоже, он запрограммирован уничтожать все неживое. И видимо, по какой-то причине коринфианцы попадают под эту категорию.

Пытаясь взять себя в руки, Джозеф сказал:

— Ну ладно, теперь надо найти проход в этой живой изгороди.

* * *

— Ты что-нибудь почувствовала?

— Кажется... кажется, да, — ответила Модра. — Там было что-то наверху, оно расстреливало чью-то сумку от скафандра. А потом было много страха и растерянности. Слов я почти не поняла, но эмоции и визуальные образы уловила.

Дарквист оглядел горизонт.

— Там какая-то туча, которая ведет себя очень неестественно. Мне кажется, она чего-то ждет. Пойдемте скорее под деревья. У меня нет доказательств, но у меня почему-то такое чувство, что что бы она ни собиралась делать, она не станет делать этого над деревьями.

— Не сканируй ее! — поспешно сказала Модра. — Это что-то враждебное, а мы не хотим привлекать к себе внимания.

Они даже не пытались вычислить, какой дорогой пошли миколианцы; они просто хотели побыстрее найти укрытие.

— Мне кажется, еще одна такая штука медленно приближается слева, со стороны того свечения, — отметил Дарквист. — Это может быть опасно.

Молли не знала ни о телепатических сообщениях, которых она не могла принимать, ни о потенциальной опасности облаков.

— Большие демоны сказали, нам надо помыть Джимми, — сказала она. — Молли не видит, где.

— Гм... кажется, где-то поблизости журчит вода, — сказала Модра, возвращаясь к реальности.

Они дошли до фруктовых деревьев, но не стали останавливаться возле них; у них в скафандрах еще оставался запас еды, а они не были уверены, что этому странному облаку понравится, если они начнут рвать фрукты. Таким образом, они довольно быстро добрались до ручья, о котором, как была уверена Молли, и говорили демоны. Молли вытащила Джимми из скафандра и сняла свой, а затем осторожно внесла его в воду.

Модра, наблюдавшая за ее действиями, сказала:

— Знаешь, иногда я почти завидую ей. Она как дитя, которое никогда не вырастет вне зависимости от развития тела; для нее все так просто. У нее, похоже, вообще нет эго, равно как и понятия о том, что происходит вокруг, она просто преданна и хочет помочь.

— Каковы бы ни были санитарные показатели этой вполне обычной на вид воды, она не понимает, что любой современный бинт обеспечивает ранам такую же надежную защиту, как и скафандр. То, что она делает, бессмысленно! — отозвался Дарквист.

Но когда Молли окунула Джимми, занеся его поглубже, он неожиданно пришел в себя, вынырнул и закричал:

— Ой! Черт, больно!

Молли с чувством выполняемого долга вновь окунула его, всем весом навалившись сверху. На эмпатическом уровне все трое чувствовали по крайней мере какую-то часть его боли, но когда Джимми погрузился в воду, она вроде бы стала утихать.

Модра указала на ручей:

— Смотри-ка! Бинт уплывает вниз по течению! Он соскочил!

— Должно быть, он был плохо наложен, — сказал Дарквист. — Однако Маккрею, похоже, лучше.

Модра утвердительно кивнула.

— Пожалуй, я тоже скину скафандр и искупаюсь. У меня такое чувство, будто я поросла вековой грязью.

— Думаешь, стоит?

Она пожала плечами.

— Если я услышала миколианцев, то услышу и мицлапланцев — если только демоны вообще их пропустят.

— Ну что ж, делай, как знаешь.

Она сняла скафандр, нагая вошла в воду, в самом глубоком месте едва доходившую ей до пояса, и подошла к Молли.

— Хватит, Молли, хватит! Ему же надо иногда дышать!

Как только его отпустили, Джимми вынырнул, кашляя и отплевываясь, и из него полился поток таких мыслей и ругательств, каких даже Модра от него раньше не слышала. Она подошла к нему.

— Давай-ка посмотрим твою спину.

Он покачал головой, ухмыльнулся и осмотрел ее с ног до головы.

— Ба, да это ты, Модра! Ты как вернулась?

— Длинная история. Потом расскажу. Давай-ка посмотрим на твою спину.

Он повернулся, и она открыла рот от изумления. Спина все еще выглядела ужасно, от прижигания остались уродливые шрамы и бугры, но три усика паразита уже съежились и начали отмирать. Не было ни крови, ни свежих шрамов, которые она ожидала увидеть. Хотя рана и выглядела довольно неприятно, казалось, что ей уже не меньше нескольких месяцев.

«У мицлапланцев, однако, превосходные аптечки!» — восхитился Дарквист.

Джимми Маккрей нахмурился.

— Что за черт? Он-то откуда знает? Он же вон где стоит! — И тут он увидел свою спину глазами Модры и эмпатически ощутил ее изумление. Только сейчас он заметил в себе новые способности.

— Видишь ли, Джимми, то, что с нами произошло, каким-то образом сделало нас телепатами, почти всех. Это не коснулось только Молли и Чина, капитана команды Мицлаплана. Кроме того, похоже, мы стали также эмпатами и еще незнамо чем, так что поздравляю, ты остался без работы.

Джимми вздохнул.

— Дашь мне немного покопаться в твоей черепушке? Обещаю не лезть в приватные мысли. Это будет наиболее быстрым и простым способом ввести меня в курс событий, а мысли

дарквистов, лежащие ниже поверхностного уровня, все равно слишком путаные, чтобы их читать.

— Это у меня-то мысли путаные?! Если так, сканируй тогда Модру, посмотрим, что ты скажешь, когда заглянешь в ее мозги!

— Гм, похоже, меня оскорбили, — засмеялась Модра. — Ну ничего. Я в этом деле новичок и сопротивляться все равно не смогла бы.

— Ладно, давай, садись в теплую водичку и расслабься, — сказал ей Джимми. — Это не займет и минуты.

И вправду, сканирование оказалось очень быстрым, хотя ощущения при этом у нее были необычные — легкое головокружение и круговорот пронесшихся по мозгу воспоминаний; впрочем, очень скоро все встало на место. *«Считается, что так бывает в последний момент жизни человека, хотя Джимми и не залезал глубоко в прошлое,* —подумала она. — *Как он может улавливать такое быстрое течение мыслей?»*

Наконец он кивнул.

— Все. Это очень помогло разобраться в ситуации. Спасибо за доверие.

Она пожала плечами.

— У нас есть способности, но нет ни контроля над ними, ни умения ими пользоваться — так и твои эмпатические способности будут какое-то время неподвластны тебе. И тем не менее у меня такое чувство, что если я не научусь как-то контролировать все это чтение чужих мыслей и не вернусь в реальный мир, я сойду с ума.

— Многие и сходят, — уверил ее Джимми. — Да и насчет остальных, вроде меня — нельзя точно сказать, в своем ли мы уме. Это как все время находиться на большой вечеринке, где сотня людей разговаривает одновременно. Необходимо научиться абстрагироваться от ненужных тебе чужих мыслей или, по крайней мере, снижать их громкость до фонового шума, который можно игнорировать, концентрируя свое внимание на том, с кем разговариваешь. Это не так просто, как кажется. Но этому нужно научиться еще до того, как ты начнешь осваивать азы блокировки. Пока не научишься закрываться, ты — словно открытая книга для любого, в особенности для такого, как я, имеющего опыт и знания.

Она кивнула.

— Это-то меня и смущает. Вот почему мы с Дарквистом продолжаем по возможности общаться вслух. Это позволяет нам сфокусироваться на разговоре.

По крайней мере, теперь она поняла, что такое блок, — хотя она и могла читать мысли Джимми, но только те, которые он позволял ей читать, а это было не намного больше того, что он говорил вслух. Он был по-прежнему «закрыт» от нее.

— Боль ушла лишь из моей спины и внутренностей, — сказал он, отвечая на ее вопрос. — В других местах она осталась, и ее не так-то просто излечить.

Она почувствовала огромную скорбь, которую он испытывал, и это озадачило ее.

— Мне казалось, ты был готов все отдать, чтобы избавиться от Гристы.

Он кивнул.

— Да, но теперь, когда ее нет, у меня такое чувство, как будто я был женат, и моя жена вдруг умерла.

— Ты женат, — напомнила синт. — Ты женат на Молли!

— Да, это так, — ответил он. — И я не знаю, что бы я делал, потеряй я тебя. — Он переключился на мысленное общение, чтобы не ранить чувства Молли.

— *Видишь ли,* — сказал он Модре, — *я не хотел быть с Гристой, я никогда бы по своей воле не согласился на нее, но когда она в тот раз возникла передо мной как самостоятельная личность и стала разговаривать со мной, она уже не была для меня просто болью в спине, как раньше. Она была... ну, ближе мне, чем кто бы то ни было. Это было довольно странно, потому что я ненавидел ее власть надо мной; мы вечно боролись, но тем не менее она была, как бы сказать, самым близким моим другом. Моим единственным другом за многие годы, ей-богу. И в общем-то я не был для нее просто хозяином, носителем ее как паразита. Я мог сваливать на нее всю свою фрустрацию, свои страхи, самые гадкие и темные мысли, и она принимала их на себя. Я с наслаждением жалел себя из-за того, что она намертво прикреплена ко мне, и мне даже не приходило в голову, что она была так же измучена и подавлена, как и я, живя вроде бы своей, а на самом деле и не своей жизнью. Она была умна и любознательна, но могла общаться с внешним миром только через меня. Это доставало ее, как доставало бы любого из нас, а я был так поглощен собой, что даже не замечал этого!*

Модра серьезно смотрела на него, и в уголке ее глаза пряталась слеза.

— Мне кажется, я лучше понимаю, что ты чувствуешь, чем то, что ты думаешь.

Он неожиданно почувствовал себя очень глупо.

— Извини. Я не буду больше нести эту бессмыслицу, от нее все равно никому из нас не будет толку.

Она улыбнулась ему, отвернулась и прошла немного вниз по течению, и несмотря на то, что он не видел ее лица, он знал, что она плачет. Он повернулся к Молли.

— Не хочешь помочь ей? Мне уже лучше.

— Не надо, — ответила Молли. — С ней все будет в порядке. Молли думает, она плачет из-за чего-то своего, о чем она не могла поплакать раньше.

— Кто это там?

Эта мысль пробежала через разум всех троих, заставив их резко отреагировать.

— Боже, храни нас! Это же чертовы мицлапланцы! — крикнул Джимми. — Их телепатка уже поставила блок, но я без Гристы не смогу блокировать вас двоих!

— Дарквист! — воскликнула Модра. — Хватай скафандры и беги сюда! Нет времени сейчас надевать их, нужно сначала хоть немного оторваться от них!

Схватив скафандры, Дарквист перемахнул через ручей, и все трое пулей понеслись прочь.

Криша, ведущая мицлапланцев вниз с холма, была настолько возбуждена, что позволила своей мысли достичь Маккрея. *«Или, — думал Джимми на бегу, — она специально позволяет нам читать свои мысли, чтобы не давать нам расслабиться».*

— Они где-то рядом, и все, кроме одного, без скафандров, — крикнула Криша. — Манья, останься здесь и пригляди за Святым! Капитан, если мы поторопимся, мы успеем настичь их до того, как они остановятся и наденут скафандры! А это значит двое против одного!

Ган Ро Чин, в общем, ничего не имел против биржанцев, но это было неважно. Поскольку у мицлапланцев остался всего один пистолет и один скафандр... да это же отличная почва для заключения сделки!

* * *

— Может, все-таки остановимся? Нам надо вооружиться, — сказала Модра.

— Они догоняют нас! — ответил Джимми. — Нам нужно найти такое место, где Дарквист смог бы прикрыть нас, пока мы одеваемся.

Неожиданно они выскочили на широкий огромный покрытый цветами луг.

— Черт! Как некстати! — выругался Маккрей. — Дарквист! Кинь нам наши скафандры, мы постараемся надеть их, пока они не добежали досюда — слабая надежда, конечно. Прикрой нас пока.

— Держитесь у меня за спиной! — крикнул в ответ Дарквист.

Кинув скафандры на поле, он твердо встал на три конечности и сжал пистолет двумя другими.

Джимми поскользнулся на траве, упал и, поскольку он еще не совсем оправился от раны, не сразу смог подняться. Это промедление спасло ему жизнь: ослепительная молния, сорвавшись с неба, ударила в ближний к нему скафандр в ту самую секунду, когда он поднялся на ноги. Он снова упал на траву и покатился кубарем. Прямо над собой он увидел одно из облаков, которое уже снова начинало светиться. Маккрей закричал:

— Молли! Модра! Держитесь подальше от этих чертовых скафандров! Ложитесь на землю!

Вторая молния попала в скафандр, лежавший всего в метре от Модры; почувствовав на своем лице жар, она стала отползать в сторону. Молли в панике закричала:

— Берегись! Сзади еще одна!

И тут Модра осознала одну страшную вещь.

— Дарквист! Назад, под деревья! Иди назад под деревья или срочно скидывай скафандр!

Дарквист не сделал ни того, ни другого — вместо этого он упал на спину и выпустил по облаку мощный залп из пистолета.

Однако облаку это никакого вреда не принесло. Вновь засветившись, оно изрыгнуло еще одну молнию, испепелив третий пустой скафандр.

Дарквист оставил бесплодные попытки и бросился к деревьям. Он уже готов был нырнуть под их защиту, но тут из-за них показались золотисто-желтые скафандры капитана и Криши, и он рефлекторно остановился.

Молния из первой тучи ударила в него, окутав пламенем. Все четверо услышали потрескивание горящей плоти и почувствовали его жуткую предсмертную агонию — к счастью, недолгую.

И вот Дарквиста уже больше не было, осталась лишь дымящаяся черная липкая масса, от которой валил густой черный дым.

— Дарквист! — закричала Модра, и слезы брызнули у нее из глаз. — **Нет!**

Джимми вдруг понял, что две тучи до сих пор висят прямо над ними.

— Модра! Молли! Слезы потом! Бегите назад, к деревьям! — Он вскочил и подхватил Модру, пытаясь поставить ее на ноги.

* * *

Увиденное потрясло двух мицлапланцев; неожиданно они осознали, что эти тучи опасны и для них.

— Они ждут, пока мы выйдем на луг! — сказала Криша. — По какой-то причине они не стреляют по деревьям.

Чин, которого все еще трясло, тем не менее по-прежнему прагматически смотрел на вещи.

— Мы можем снять всех троих и прямо отсюда.

— Нет! Эти штуки могут расценить это как атаку и уничтожить нас, несмотря на деревья. К тому же биржанцы сейчас нагие и безоружные. Можем ли мы так поступить?

Он вздохнул.

— Возможно, и стоило бы. — Он посмотрел на обугленные кучи, дымящиеся на зеленой траве. — Почему-то внутри скафандра я чувствую себя более уязвимым. Обрати внимание — эти тучи игнорируют тех троих. Они охотятся только за скафандрами!

Она кивнула.

— Понимаю. Давай вернемся к остальным. Думаю, нам предстоит сделать сложный выбор.

Всю дорогу назад она молчала. Наконец Чин спросил:

— Чувствуешь себя виноватой? Как будто сама убила этого биржанца?

Она кивнула.

— Вроде того. Они ведь не были нам настоящими врагами.

— Не вини себя. На самом деле ты не убила его — ты спасла жизнь другим трем.

— Как это?

— Если бы мы не поторопили их, они преспокойно надели бы свои скафандры и направились бы прямиком к этому лугу. И скорее всего, эти облака испепелили бы их еще до того, как они поняли бы, откуда исходит опасность. — Он вздохнул. — Надо сказать, тот малыш очень быстро выздоровел. Еще несколько часов назад он бился в агонии и был почти при смерти из-за потери крови. А сейчас, смотри-ка — бегает, наклоняется, катается по траве. Я, похоже, гораздо лучший врач, чем я думал!

Вернувшись, они обнаружили, что Морок купается, а Манья сидит возле ручья. Чин с Кришей пересказали им все, что случилось на лугу.

— Капитан прав, Криша, — сказал Морок. — Не расстраивайся. Возможно, мы действительно спасли остальных биржанцев. Вопрос только в том, что хотя мы здесь теперь единственные обладатели скафандров, нам от них мало пользы. Я видел все, что произошло. Мы не сможем пройти в них по этому лугу.

Криша кивнула.

— Что бы это ни было, оно запрограммировано не давать никому ничего пронести через этот луг.

— Это младшие демоны, охраняющие вход в цитадель Ада, — настаивала Манья. — Почему вы не хотите при-

знать очевидное? Просто нас загипнотизировали, запретив видеть абсолютное зло, что обитает здесь!

— Меня никто не смог бы загипнотизировать, — напомнил ей Чин. — Однако я уже жалею, что мне пришла в голову эта идея насчет аккумуляторов миколианцев. Они бы никогда не прошли здесь в скафандрах, и это решило бы все проблемы.

— Откуда вы могли знать? — успокаивающе сказал Морок.

— Тебе просто нужно было перерезать им глотки, пока они были в трансе, — резко сказала Манья. — Вот это действительно сразу решило бы все проблемы!

Капитан вздохнул.

— Возможно, я просто недостаточно решителен. Возможно, вы и правы — признаюсь, эта мысль посетила тогда и меня. Если миколианцы преуспеют в своем деле и станут служить демонам, я буду винить себя за это всю свою оставшуюся — скорее всего, непродолжительную — жизнь. Но я солдат. В бою я буду выполнять свой долг, но за время этого путешествия я понял, что не могу быть убийцей. Что бы там ни было, просто не могу.

— Вы хороший человек, Ган Ро Чин, — заверил его Морок. — Вам не в чем себя упрекнуть. А ты, Манья, помни, что миколианцы — не демоны, они люди, как и мы. Если они верят в то, во что верят, и действуют так, как действуют, то это лишь потому, что они были воспитаны в рамках варварской культуры. Они не выбирали, как мы, какими им быть. Греховность злых заключается том, что они злы по собственному выбору и ради собственной гордыни.

— Если домашнее животное жестоко мучают и тренируют быть кровожадным убийцей, у него тоже нет выбора, — ответила Манья. — Но вы убьете бешеное животное, чтобы оно не убило вас, независимо от того, чья это вина.

Криша была слишком расстроена, чтобы сдерживаться.

— Все это бесполезно! Какой смысл рассуждать, что нам нужно или не нужно было делать раньше? Они не демоны, а мы не боги. Мы достаточно часто ошибались, и наверняка еще не раз ошибемся. Единственное, что нам сейчас нужно решить — это как нам двигаться дальше. Все остальные, хотя они и лишились скафандров, идут вперед, пока мы тут обсуждаем философские вопросы!

Даже Манья поняла, что Криша права.

— Как ваша нога, Святой? — спросила она.

— Как ни странно, намного лучше, — ответил он. — Еще немного одеревеневшая, но опухоль почти исчезла! — Морок встал на обе ноги, и Манья была поражена, увидев улучшение.

— Поразительно! — выдохнула она, осматривая ногу. — В этой воде, должно быть, содержится какое-то уникальное лекарство!

— Возможно, этим и объясняется быстрое выздоровление того молодчика, — задумчиво сказал Чин. — А я-то себя хвалил! Ну да ладно. По крайней мере, нас больше, чем биржанцев, которые теперь вооружены не лучше нас, и столько же, сколько миколианцев, и если эта живая изгородь действительно представляет собой такой лабиринт, как это кажется отсюда, то у нас еще будет шанс их догнать. И все же хотелось бы, чтобы у нас была хоть какая-то защита. Этот коринфианец разделается с нами за пару секунд.

Морок расправил крылья.

— Может быть, я попробую взлететь над этим лабиринтом и указать вам путь? — предложил он. — Вряд ли теперь кто-то сможет подстрелить меня с земли. Условия здесь, в общем-то, благоприятные, хотя мне придется делать только небольшие перелеты, так как здесь нет ветра и парить невозможно.

— Эти штуки тоже летают, — предупредила Криша. — По-моему, вам лучше оставаться на земле.

— Возможно. Увидим. Может быть, они охраняют только периметр, а за лугом летать уже безопасно.

Ган Ро Чин выключил скафандр и выбрался из него.

— Мне немного неловко, — сказал он смущенно, — но другого пути нет.

Криша, вздохнув, сделала то же самое.

— Видимо, мне придется уйти из этой жизни в таком же виде, в каком я пришла в нее, — сказала она сухо. Она тоже испытывала смущение — не перед теми двумя, принадлежавшими к другой расе, а перед Ган Ро Чином.

— Ты выглядишь превосходно, — заверил ее капитан, радуясь, что его мысли нельзя прочесть.

Теперь только Манья оставалась в своем трико. Они направились в сторону луга, однако, дойдя до него, обнаружили, что тучки все еще на месте и движутся взад-вперед, как будто поджидая их.

Впервые увидев их наяву, а также заметив обугленные останки скафандров, Манья почувствовала себя менее уверенно.

— И что же мне делать? — спросила она нервно.

— Ты должна довериться богам и своей мудрости, — ответил Морок. — Здесь я не могу подсказать тебе решение.

Она вздохнула.

— Я буду мишенью, которую они с радостью атакуют, — сказала она после недолгого размышления. — Я не дам им такого повода. — И, сказав это, она полностью разделась.

И они двинулись через луг.

Тучки продолжали двигаться у них над головами, словно конвоируя их. Проходя мимо останков Дарквиста и сожженных скафандров, все четверо нервно поглядели наверх — тучки не предпринимали никаких враждебных действий.

Полчаса спустя они натолкнулись на останки коринфианца. Это тоже было испытанием для их нервов — они в любую минуту ожидали, что он воспрянет к жизни и нападет на них, безоружных, но вскоре поняли, что он мертв окончательно и бесповоротно.

— Вот так облегчение! — сказал капитан. — Теперь наше соотношение сил — четыре–три–три, и все команды одинаково уязвимы.

Вскоре их взору предстало еще более успокаивающее зрелище — тучки, резко развернувшись, с бешеной скоростью ринулись к лесу и принялись за поливку.

— Видимо, когда мы прошли полпути, они решили, что мы уже вряд ли будем представлять угрозу, — заметил Морок. — Но боюсь, они так же быстро примчатся назад, если мы сменим курс.

Вскоре они добрались до стены живой изгороди.

— Интересно, — сказала Криша. — Я их не чувствую. Будьте начеку — я на некоторое время ослаблю блокировку.

Они подождали, стараясь думать как можно меньше, и до них издалека донеслись обрывки мысленной речи, но так же внезапно они исчезли.

— Вот и все, — сказала наконец Криша. — Если они не могут слышать нас, то и мы не можем слышать их. Я попробую поэкспериментировать, чтобы решить эту проблему, иначе они могут почувствовать нашу блокировку и, хоть и не смогут ничего выведать, но будут знать, что мы где-то здесь. С другой стороны, они не будут нас слышать — если, конечно, не разовьют эмпатические или еще какие-нибудь способности. Мне придется периодически снимать блок, чтобы не упустить их, и в такие моменты мы будем для них открыты. Я просто не смогу научить вас всех блокировать свои мысли самостоятельно.

— Делай, что должна, — сказал ей Морок. Он осмотрел живую изгородь сверху донизу. — Мне кажется, более серьезная проблема сейчас — это как нам попасть внутрь.

Ган Ро Чин слегка улыбнулся.

— Разве не ясно? Конечно, идти налево, пока не найдем вход. Ручаюсь, они поступили именно так.

Они шли вдоль изгороди почти час, пока не нашли вход в лабиринт. Судя по всему, за ними пока что никто не следил.

Им сразу же пришлось выбирать между двумя направлениями.

— Предлагаю придерживаться левого направления, пока это возможно или пока мы не обнаружим, что столкнулись с исключением из правила, — сказал капитан. — И все же у меня есть чувство, что не все будет так просто.

Он не ошибся. Уже у второго поворота они наткнулись на препятствие, высотой метров в тридцать, на которое им было страшно даже посмотреть. Не то чтобы оно закрывало проход — оно закрывало его лишь наполовину, но это была гигантская статуя из черного мрамора, скульптура непередаваемой жути: огромная тварь со множеством щупалец и когтей, предназначенных для того, чтобы рвать на части. Она прямо-таки излучала уродство и — о да, то самое зло, так хорошо знакомое команде.

Кроме, конечно, Ган Ро Чина, который мог видеть в статуе лишь уродство с эстетической точки зрения.

— Почему вы остановились? — недоуменно спросил он. — Это же просто скульптура!

Они медленно пошли дальше по дорожке, возглавляемые капитаном, но не успели еще приблизиться к статуе вплотную, как Криша вскрикнула:

— Стойте!

Он остановился и с удивлением обернулся к ней.

— Что такое?

— Эта тварь пошевелилась! Клянусь вам!

— У статуи есть разум, капитан! — подтвердил Морок. — Не могу объяснить как, но я чувствую это.

В мозгу у Криши промелькнула догадка:

— Помните наш сон? Там были те же цвета, и та же злоба... Это было отображение этой твари! То, что мы видели во сне, воплощено в этой статуе!

— Чепуха, — сказал Чин, но тем не менее остановился. Теперь и ему показалось, что он уголком глаза заметил движение. *«Они меня напугали»,* — сказал он себе. Но они обладали способностями, каких у него не было, и по крайней мере один кусочек этой головоломки был лишь у них. Когда Криша говорила, что читает мысли кого-то, находящегося далеко, он в ее словах не сомневался. Почему же сейчас он ей не верит? И все же ему нужны были более веские доказательства, чтобы заставить его изменить правилу.

Стоп! Может быть, выход все же есть!

— Криша, посмотри-ка, есть ли у него мысли, если сможешь.

Она глубоко вдохнула, сняла блок и уставилась на идола. Вдруг она тихо ахнула и вновь поставила блок.

— Есть! — сказала она. — Я вдруг почувствовала... нечетко, правда... просто соприкоснулись разумами...

— Я тоже это почувствовала, — подтвердила Манья. — Эта тварь отвратительна.

Морок выглядел несколько подавленным, как будто какие-то нежеланные для него воспоминания всплыли наружу. Но все же он сказал:

— Криша, тебе придется убрать блок. Не сейчас, в присутствии этой твари, а потом. Иначе мы не найдем путь.

Она кивнула.

— Только давайте поскорее уберемся отсюда, Святой. Какое ужасное создание!

— Ну ладно, — сказал Чин. — Мы изменим правилу и пойдем направо.

— Боюсь, этот путь очень опасен, намного более опасен, чем все другие, хотя и привлекателен, — сказал Морок. — Там, во сне, проход тоже сторожило зло, но он был хотя бы прямым. Здесь же нас ждет лабиринт.

— Да, — согласилась Криша. — Но вспомните: зло было столь могущественно, а путь был так узок, что никто не мог пройти, не попав в ловушку.

* * *

Джимми Маккрей впервые испытал, насколько тяжело быть эмпатом. Страдание, исходящее из самой глубины души Модры, было настолько сильным и душераздирающим, что он не мог сосредоточиться на других делах.

— Нам надо идти, — сказал он ей. — Я тоже многое потерял в жизни; я потерял все еще задолго до того, как попал сюда, а здесь лишился и тех крох, что у меня оставались. Но кое-что я здесь и нашел. Я понял, что действительно не хочу умирать, понял, что хочу найти объяснение всему этому, хочу узнать, кто это все устроил, и встретиться с этим подонком лицом к лицу.

Она горестно взглянула на него.

— Ушли единственные три существа, которые были мне по-настоящему близки, — сказала она, глубоко вздыхая. — Один — еще до того, как ты пришел; собственно говоря, мы взяли тебя на его место. Потом Трис. А теперь еще и Дарквист. Когда я впервые поднялась на борт нашего корабля, все было иначе. Было весело, мы все были товарищами. До тех пор я просто не знала, что это значит — жить. Впервые в жизни я действительно жила! Они были моей семьей. Я знала их лучше, чем собственную семью, — и они меня тоже. А теперь их больше нет. Никого из них нет. Ну, где-то на корабле, наверное, жив еще Трэн, но это уже не то.

— У тебя вроде бы есть муж? — спросил Джимми.

Она кивнула.

— Я знала его меньше трех недель. Я провела намного больше времени с тобой, чем с ним. Я вышла замуж по любви и, в каком-то смысле, ради ощущения безопасности и надежности — за несколько недель до этого я пережила жуткие вещи, — но в основном потому, что у него были деньги и влияние, и он мог спасти нас от банкротства. В основном, я сделала это, чтобы сохранить команду, чтобы она не распалась. И посмотри, чем это кончилось! Трис вышиб себе мозги, Дарквист превратился в липкую лужицу, а я сижу здесь, голая, в мире, которого я не знаю и который хочет меня прикончить. И что даже если я чудом вернусь назад? Куда? К кому? Зачем? Все потеряно.

— Ну вот, опять ты начинаешь, — сказал он ей строго. — Наслаждаешься своим горем, как когда-то я. «О горе мне! Лучше бы я никогда не рождался, чем так страдать!» Чушь все это; чушью было, чушью и останется. Это тебя погубит — а здесь, уж поверь мне, и так хватает того, что может тебя погубить, и без твоей помощи. Может, я и не знал тебя с младенчества, но я тоже часть твоей команды. Как и Молли. Да, ты ранила Ланкура, но ты не убивала его. Убил себя он сам. Думаешь, это нормально для влюбленного человека? По-моему, нет. Может, ты и хочешь вечно страдать о нем, но у тебя все равно не выйдет. Рано или поздно ты найдешь кого-то еще. Может быть, не сразу, может, жизнь еще потреплет тебя, но ты выстоишь, и раньше или позже начнешь новую жизнь. Если честно, судя по тому, что ты мне рассказывала, мне кажется, что ты сделала неправильный выбор. И Ланкур, и ты оба были недостаточно взрослыми, чтобы у вас что-то получилось.

Эти слова разозлили ее. Он ожидал, что получит пощечину, зайдя так далеко, но другого выхода не было.

— Дарквист ничем не отличается от нас с тобой. Он пошел сюда добровольно. Мы пошли на этот луг, потому что так решила команда. Возможно, мы были и не правы, может быть, был и другой выход — в любом случае, нас никто не заставлял идти сюда. По крайней мере, и Дарквист, и я — мы оба считали, что так будет легче всего. Нас ведь предупредили об облаках! Демоны у врат предупредили нас, и мы получили подтверждение от миколианцев. Если мы настолько глупы, чтобы игнорировать три предупреждения, страшные вещи будут происходить с нами и дальше — не из-за судьбы и не из-за Кинтара, но лишь из-за того, что мы так полагаемся на свое мнение, что не слушаем никого и делаем ошибки.

А в этом месте ошибки убивают; меня спасла чистая случайность. Ты прекрасно знаешь, что Дарквист никогда не

снял бы скафандр и не бросил бы пистолет. Он был рационалистом и верил лишь в то, что можно потрогать — или надеть. Он погиб, защищая свою группу и выполняя свой долг. Я сожалею о случившемся, и хотел бы, чтобы этого не случалось, но я не стану оплакивать смерть, если она была достойной.

Она смотрела на него скорее озадаченно, чем зло. Это был новый Джимми, которого она раньше не знала — или, возможно, просто не замечала.

— Ты говоришь то ли как Трис Ланкур, то ли как один из мицлапланских жрецов. Чего ты от меня требуешь?

— Ничего. Только чтобы ты вносила свой вклад в группу, оказывая ей такую же поддержку, какую я оказываю тебе. Где-то здесь кроется объяснение всего происходящего. То, что обнаружили те исследователи, обладает мощью, выходящей за пределы нашего воображения, и представляет собой величайшую угрозу для нашего мира. Кто бы за этим ни стоял, сейчас он знает о нас все. Не только о нас как о личностях, но обо всем — о наших расах, наших мирах, нашем прошлом и настоящем. В этом и состояла функция тех демонов — они стояли и притворялись мертвыми, а сами тем временем получали нужную им информацию прямо из умов тех, кто их исследовал. Потом они освободились и прикончили их, поскольку больше в них не нуждались; они разрушили цимоля и считали всю информацию с его механического мозга. А потом, перебив всех, они ушли оттуда с этой информацией, чтобы донести ее до своих хозяев. Они знают о нашей цивилизации больше, чем мы сами. А мы, те, кто остался от наших трех групп, — единственные, кто знает об их существовании!

Модра кивнула.

— Но они же могли убить нас в любой момент! Зачем было заставлять нас проходить через все это?

— Действительно, зачем? Миколианцы и твои друзья-мицлапланцы ведь тоже не дураки. Тот, кто выживет, будет победителем. Возможно, что в конце, когда мы узнаем ответы на все свои вопросы, выжившие позавидуют мертвым — но я не доставлю им удовольствия убить меня, пока не увижу их лицом к лицу! Такие, как мы с тобой, для этого и созданы. Нам нечего терять.

Модра улыбнулась ему, а Молли, наклонившись к его уху, прошептала:

— Джимми женится и на ней?

Он засмеялся — возможно, впервые за долгое время.

— Она уже замужем, моя дорогая, — ответил он, вставая на ноги и помогая встать Модре.

Широким жестом он указал куда-то в произвольном направлении.

— Ну ладно, мои красавицы. Финишная черта где-то там, и все, что от нас требуется, чтобы достичь ее — это просочиться мимо нескольких мерзких тварей. Что было, то прошло. Мы начинаем все сначала, прямо здесь и прямо сейчас! Никакие силы рая или ада не смогут остановить ирландца, по обе стороны от которого две красивые девушки; а если и смогут — что за достойный конец для ирландца!

— Ох, Джимми, замолчи! — хором воскликнули обе женщины.

* * *

Город был очень древним — таким древним, что ни один из календарей, придуманных самыми древними народами, не имел в нем смысла.

Его широкие улицы и высокие узкие здания были безмолвны, словно гробницы, нетронуты и необитаемы тысячи и тысячи лет. А в центре, в Великой Пирамиде, в самом сердце этого великого безмолвного города, шевелились спящие, хлопали черные крылья и оживление пробегало по дворцу, где стоял Принц.

— *Они пришли!* — кричали их мысли. — *Мы ждали так долго, и они наконец пришли! Скоро, очень скоро они возьмут ключи от Хаоса и откроют новый век, наше время! Мы становимся все сильнее и сильнее, и с каждым крохотным мгновением час нашего освобождения близится! Скоро начнется наше величайшее приключение, как давно предсказывал наш Господин, и на этот раз Врата Рая не одержат победу!*

ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ

Посвящается покойному и сильно недооцененному Марку Клифтону, одна из книг которого убедила меня, что невозможного не существует. И, разумеется, отдельный поклон великому Эрику Фрэнку Расселу — как обычно.

ЗЛОВЕЩАЯ СПИРАЛЬ

Призраков хрр, хрр, чем дальше, тем больше...
Боги! Я валюсь с ног!
...лабиринт хрр, хрр, подчинен хрр, хрр, сложной математике...
Да, хрр и они сильнее...

Они остановились посередине лабиринта, чтобы передохнуть.

— Как ты все это выдерживаешь, Джимми? — спросила Модра. — Мне не всегда удается отгородиться даже от наших девяти разумов! Иногда я чувствую, что я в одном месте, хотя нахожусь в другом. А тут еще мне приходят в голову какие-то невероятные мысли, и я не могу понять, мои они или кого-то другого... А как же быть, если ты в большом городе?

— Ну, я бы сказал, что здесь у меня больше проблем, чем в большом городе. По крайней мере, до сих пор было именно так, — ответил он. — Видишь ли, телепаты преимущественно передают направленные мысли, слова или образы, без каких-либо эмоций или интонаций. Таким образом, все не участвующие в контакте остаются в стороне — и это первый шаг к блокировке. Ты же, как эмпатка, привыкла воспринимать эмоции **всех**, кто тебя окружает. Поскольку большинство из вас еще не умеет ставить блоки, единственная причина, по которой вы еще не сошли с ума, состоит в том, что мы мыслим на разных языках. Когда мы воспринимаем знакомый нам образ, наш разум воспринимает эту мысль как свою собственную. Но если мысль нам чужда, то она для нас — просто шум. Допустим, рядом находится терранка с больными ногами. И ты, и я знаем, что значит, когда болят ноги, поэтому мы воспринимаем этот образ. Понятные нам всем вещи — лабиринт, призраки, молитвы богам и тому подобное — мы воспринимаем. Что-то более чуждое — нет. Именно из-за этого нам так трудно уловить любые образы в уме старгина, джулки, гноллки — они не терране. С другой стороны, они гораздо чаще практикуют телепатию рядом с

нами, чем мы рядом с ними, поэтому принимают от нас больше, чем мы от них.

— *Кончай, хрр, читать лекцию!*

— *Почему же, мне, хрр, очень интересно, хрр, хрр.*

— Все-то они критикуют, — вздохнул Джимми. — Как будто на занятии в телепатическом классе.

— Я, наверное, сойду с ума, если вернусь такой, — медленно сказала Модра, покачав головой. — Если бы эти призраки не отвлекали меня, я, наверно, просто спятила бы. Я тут однажды позволила своему разуму отвлечься, и одновременно то же самое сделал еще кто-то — мы все так вымотаны сейчас, — и вдруг я ощутила себя в мужском теле, и не могла понять, ни где я нахожусь, ни кто я такая. Это прошло за пару секунд, но я ужасно испугалась.

— Я увидел это и в твоем мозгу, и в его, — кивнул он. — Вероятно, не зря у людей не бывает нескольких Талантов одновременно. А если бывает, то они быстро сходят с ума. Что будет, если два эмпата займутся сексом? Разве не будет у них таких же проблем с самоотождествлением?

— Я ни за что не стала бы заниматься сексом с эмпатом. Это невозможно — чувствовать сразу за двоих. А разве у телепатов нет такой проблемы? — хмыкнула Модра.

— Секс с эмпатом — самый лучший секс, — коротко вставила эмпатка Молли.

— Наверное, бывает и еще хуже, — признал Джимми. — Не знаю точно, никогда сам не пробовал. Когда два телепата эмоционально близки, и все блоки сняты, им открыты самые сокровенные мысли и чувства друг друга. Возникает риск того, что мы называем слиянием — когда два разума становятся настолько сплетены, что сливаются в один. В тот раз, из-за усталости, ты испытала это лишь на краткий миг, это не опасно. У меня такое бывало, пока я рос и учился контролировать свой Талант.

— Мне было довольно-таки страшно, — сказала Модра. — А что... что случается, если двое так соединятся, что уже не смогут разъединиться?

— Разум так устроен, что не может быть одновременно в двух местах. Их следует разделить во что бы то ни стало. Если они не будут отделены друг от друга, а носители будут находиться вдалеке друг от друга, может быть, даже на разных планетах, — а такое случается, — то каждый из разумов придет в конфликт с чужой памятью, биографией, вкусами, принципами, привычками и фобиями. Тогда наступит раздвоение сознания — часть времени они будут теми, кем были прежде, а в остальное время — своим партнером.

Эта мысль показалась ей одновременно и привлекательной, и ужасной, тем более что теперь она вполне могла оказаться кандидатом на подобную перспективу.

— А ты когда-нибудь видел такое?

— Дважды, но только однополых партнеров, что уже само по себе неестественно. Впрочем, если партнерами будут мужчина и женщина, то, я думаю, результат будет **действительно** ужасным. Я иногда спрашиваю себя, не является ли описываемая в древних легендах и сагах одержимость демонами чем-то вроде этого? Представь себе, что будет, если ты окажешься слитой с этими Кинтара! Это, кстати, вполне могло случиться со мной, когда я впервые столкнулся с первой их парой. Если бы не Гриста...

Он остановился, и она вновь ощутила это его странное чувство потери. Он ненавидел морфу, этого маленького паразита, которая контролировала — и разрушила — большую часть его жизни, но странным образом, он в то же время любил ее.

— А что, если ты повстречаешь еще одну пару — один? — спросила она, встревоженная этой мыслью. — Или я?

— Если это случится, тут же открой мне свой разум. Просто расслабься и сконцентрируйся на мне. Это довольно рискованно, потому что угроза слияния есть всегда, но если мне удастся объединить наши воли в двойной блок, не объединяя нашу память и сознания, мы наверняка справимся. Отдельные демоны не сильнее хорошего телепата — мне не выстоять против пары, но вместе с Гристой нам это удалось.

— Они атаковали меня эмпатически, — напомнила она. — И кстати, когда Молли соединилась со мной, я освободилась от их внушения.

Он серьезно посмотрел на нее.

— Для таких вещей необходимо абсолютное доверие. Я доверял Гристе, потому что у нас с ней была одна судьба на двоих; ты доверяла Молли, потому что она была невинна и явно не могла представлять собой угрозу. Нам будет гораздо труднее настолько довериться друг другу — нам придется очень этого захотеть. Стать Объединенной Волей Рыжих. Да, кстати, давно хотел тебя спросить — ты часом не ирландка?

Она пожала плечами.

— Понятия не имею. Как и большинство людей, все, что я знаю — это что я произошла из древней династии грязных фермеров Крайона. Никто из моей семьи никогда не пытался проследить фамильное древо дальше, чем на пару поколений, а тем более в доимперские времена.

— Что ж, а мой родной мир существовал задолго до слияния с Империей, — сказал Джимми задумчиво. — Его культура была полностью посвящена сохранению — а некоторые говорят, мумификации — древней терранской культуры. Древний гэль-

ский был в нем единственным разрешенным языком, и еще учили латыни — языку, который был мертвым задолго до того, как первые терране покинули мать-Терру.

— Ты отлично знаешь другие языки, — заметила она.

— По причинам, которые я уже упоминал, все телепаты — хорошие лингвисты. Все, что тебе нужно — это провести определенное время в мире, говорящем на нужном тебе языке, и ты будешь говорить на нем, как на родном. Не нужно ни обучения, ни зубрежки.

Она кивнула.

— У эмпатов основная проблема в том, что у нас очень мало друзей. Но в этом есть и свои преимущества — ты всегда знаешь, кто твой настоящий друг. — Она помолчала, потом потянулась и сжала его руку. — Ты — мой друг, Джимми. Я смогу доверять тебе.

Он улыбнулся ей, подмигнул и сжал ее руку в ответ, но в глубине сознания — там, где у телепатов есть укромный уголок, отведенный для личной жизни, — он спросил себя: а действительно ли он хочет этого?

* * *

— *Лично я не стала бы доверять ни ему, ни любому другому мужчине,* — высказала свое мнение Калия откуда-то из-за живой изгороди.

Лабиринт был большим, в несколько километров, но не очень труднопроходимым. Это скорее был декоративный лабиринт, чем серьезное препятствие, и единственным, что замедляло их продвижение, помимо его размеров, были призраки.

Их внешний вид варьировал в диапазоне от здоровых, звероподобных приземистых двуногих с бычьими головами, акульими зубами и выпяченными животами до крупных и несколько пугающих созданий, подобных которым вряд ли кто-либо из них когда-либо видел, хотя здесь были люди из галактического квадранта протяженностью в четыре сотни рас. Однако, проблема была не в самих призраках, как бы смешно или ужасно они ни выглядели, а в том факте, что в них было нечто гораздо большее.

Несмотря на грозящие им опасности и почти абсолютную уверенность, что они не доживут до возвращения домой, те из них, кто хотя бы в какой-то степени понимал, что именно они видят, были потрясены картинами, которые открывались их взору. Практически во всех древних религиях, а также во многих современных, упоминались благие и демонические духи — видимо, какой-то закон природы открывал людям по мере их взросления чувство чего-то потустороннего, чего-то гораздо более могучего, чем они сами. Большинство призраков лабиринта выглядели странными, чуждыми, и все же им то и дело попадались существа очень похожие на

тех, изображения которых кто-нибудь из компаньонов уже видел на одном из миров, в которых побывал.

Даже джулки, Тобруш, была поражена не меньше религиозного Джимми Маккрея.

— Мы раньше смеялись над поклонением духам у примитивных народов, — говорила она Джозефу. — Теперь, однако, похоже на то, что это имеет под собой реальную основу, как и все остальное в различных мифологиях. Мы давно знали о существовании параллельных Вселенных, это послужило основой для наших межзвездных двигателей. Вопрос только в том, что мы умеем использовать подобные принципы, но не умеем их воспринимать. Когда мы провели ночь в пещере, среди этих кристаллов, оказавшихся, — возможно, волей случая, — тессерактами, наши разумы как-то смогли воспринять эти вещи. Обитатели параллельного мира, столь чуждые всему нашему, духовному или материальному, тоже сталкиваются с подобной же проблемой. Неким образом, может быть, благодаря какой-то геометрической фигуре, сфокусированной на вызываемом духе, устанавливается слабая связь между «здесь» и «там», урезанная версия того, что мы используем, когда путешествуем меж звезд. И тогда дух принимает форму в нашем мире, и с ним можно общаться.

— Но каким образом примитивные люди могли отыскать необходимую геометрическую фигуру? — недоверчиво спросил Джозеф.

— Математика везде одна, — напомнила Тобруш. — Возможно и даже вероятно, что лишь те, кто натыкается на верную геометрическую идею, добивается результата. Как бы то ни было, мы используем тот же принцип параллелизма для космических полетов. Это означает, что на какое-то время, хоть мы этого и не замечаем, мы сами находимся в параллельном мире. Все люди, наделенные каким-либо Талантом — телепатией, эмпатией и так далее, — наследники космолетчиков, а часто и сами космолетчики. В ту ночь наш опыт соприкосновения с чистым разумом увеличил наши способности и добавил нам новые Таланты. Очевидно, подобное взаимодействие как-то меняет участников, мутирует их, как радиация. Впрочем, все расы, в которых встречаются Таланты, имели их, хотя бы в слабой форме, еще до того, как вышли в космос, и даже до того, как стали технологическими цивилизациями. Радиация параллельного мира когда-то проникла в их миры, но сейчас мы видим лишь тень результата этого проникновения, ослабленного тысячами лет эволюции.

— Однако некоторые расы не обладали Талантами до выхода в космос, — возразил он.

— Именно. Хотелось бы мне установить взаимосвязь между тем, имела ли изначально раса Таланты, и ее легендами о демонах. Бьюсь об заклад, такая связь существует.

Теперь Джозеф понял идею Тобруш.

— Ну конечно! Мы теперь знаем, что когда-то в прошлом демоны путешествовали по всем мирам, используя станции — гигантские кристаллы. — Он хмыкнул. — Существ с паранормальными способностями сжигали на кострах во многих культурах, — заметил он. — Даже если эти люди по большей части ничего не знали о тех культах зла, в принадлежности к которым обвинялись, в этом было зерно истины. Те, кто настолько проникся чудовищной силой иномирцев, как-то приспособил ее к себе, становятся рабами того, что в действительности является культом зла.

— Совершенно верно. Духи — это телесная форма существ, с нашей точки зрения ее не имеющих, она позволяют им взаимодействовать с нашим миром. Здесь ключ к новой физике, ключ к открытию величайших тайн цивилизаций. И разумеется, это говорит о том, что этих проклятые призраки невероятно опасны.

Джозеф кивнул.

— Это многое объясняет, но только если рассматривать вопрос с точки зрения силы.

— Что ты имеешь в виду?

— Где же боги? — спросил он. — Где те, кто сражается с силами зла?

— Возможно, — подумав, ответила Тобруш, — это одно и то же.

* * *

— *Почему мы должны выслушивать это богохульство?* — Мысленный голос Маньи резанул по всем, кто не смог его блокировать.

Но богохульство ли это? Джимми Маккрей не знал. Была ли битва Рая и Ада по сути гражданской войной за право устанавливать правила? Что такого сделал Исав, что Господь возненавидел его еще до его рождения? Бог в свое время уничтожил почти всех землян за то, что они родились и выросли в пороке, и обрек целое поколение на смерть в пустыне из-за прегрешений одного человека.

А сатана был самым прекрасным и могучим творением Господа, вторым после него по силе и способностям, однако восстал. Адам и Ева были созданы по образу и подобию Бога, но сатана искусил их.

Разве не следовало из этого, что для того, чтобы существовать, зло должно было находиться в зачатке еще во время творения? Его прошлые учителя, говорившие, что Бог здесь главный, и все обстоит именно так, а не иначе, и кто мы такие, чтобы судить о том, чего не в состоянии понять, шарахались от подобных вопросов. Однако либо зло, как и все остальное, исходит из самого Бога, и тогда все, от сатаны до человека — жертвы жестокой игры,

затеянной божеством для своего развлечения, либо боги одних являются демонами для других.

Но если нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла, а есть только чистая сила и разные способы ее применения, то что имеет хоть какой-то смысл?

Как раз такие вопросы и заставили Джимми облететь галактику и сделать то, что он сделал, в результате чего он и оказался здесь. Хотя он давно потерял веру в большинство религиозных догматов, в глубине души он надеялся, что когда-нибудь ему докажут, что он ошибался. Ему не хотелось бы получить подтверждение своим худшим опасениям.

Этот мир — или это место, или что там это было, — походил на искусственный; небо было черно и казалось далеким, плоским, словно гигантское окно в космос или экран. За ним, в черноте ночи, сияли созвездия и виднелись разноцветные газовые облака, похожие на шаровидные скопления.

А внизу было светло как днем, хотя источника света видно не было, и не было теней, чтобы определить хотя бы, в какой стороне он находится. То тут, то там в лабиринте попадались маленькие ниши. В одних располагались бассейны со свежей родниковой водой, говорившей о существовании какой-то естественной или искусственной системы подземного орошения пышной растительности. В других росли деревья с сочными неизвестными фруктами, на поверку оказавшимися съедобными. В стенах лабиринта нельзя было умереть от голода или жажды, но следовало избегать призраков, которых становилось все больше.

Призраки, которые встречались им у внешней границы лабиринта, были просто формами энергии, пытавшимися напугать их или сбить с толку; теперь они приобретали все больше способностей — они уже посылали им телепатические сообщения, чтобы лишить их присутствия духа или заставить сделать ошибку. Молли не могла их слышать, но, будучи эмпаткой, она по крайней мере ощущала эманации зла. Ган Ро Чин же не чувствовал ничего, всецело полагаясь на своих компаньонов. Его выбивало из колеи чувство беспомощности из-за того, что он не мог видеть, слышать, осязать или как-либо еще воспринимать призраков, а **они** знали, что он здесь и беззащитен перед ними.

— *Где же теперь ваши боги?* — насмехались они над мицлапланцами. — *Вы молитесь им, а они вас не слышат. Для чего вам боги, равнодушные к вашим проблемам?*

Они пытались закрыться от этих насмешек, но это удавалось только Крише, да и то ненадолго.

— *Узнаете ли вы своих богов, если повстречаете их? Откуда вам знать — может быть, мы и есть ваши боги? Предайтесь нам, а мы наградим вас и станем охранять. По силам ли это вашим богам?*

Миколианцам они говорили:

— Миколианцы до сих пор почитают Кинтара, но Кинтара происходят от нас и служат нам. Князья Кинтара — не кто иные, как мы в телесной форме. Если ваши вожди до сих пор чтут нас, если ваши владыки до сих пор поклоняются нам, отчего же вы считаете для себя зазорным служить нам? Нам, которые могут дать вам силу превыше ваших мечтаний и вознести вас выше Лордов Кваамила?

Для парочки из Биржи у них были более конкретные предложения, в соответствии с индивидуалистической природой их культуры.

— Все твои друзья мертвы, — говорили они Модре. *— Ты осталась одна, ты беззащитна, отрезана даже от собственной Вселенной. Тебе некуда возвращаться. Но, хотя твои друзья и мертвы, они не исчезли насовсем — они здесь, с нами! Все, что дорого тебе, здесь; старая команда может собраться вновь, как в былые времена, но под нашим началом. Вы будете снова вместе, как в старые времена, но служить будете нам. Склонись перед нами, предайся нам, почти нас — и ты получишь все это, навсегда!*

А Джимми услышал:

— Не впадай в отчаяние! Все религии ведут сюда, и все, что ты слышал, — правда. Рай и Ад — действительно одно и то же место; это лишь вопрос того, смотришь ли ты на огненное озеро сверху вниз, обладая богатством, в неге и роскоши, или же находишься в этом озере и устремляешь жадный взор вверх, к тому, что никогда не станет твоим. Когда ты умрешь — а до этого осталось недолго, — будет уже слишком поздно. Ты больше не можешь себе позволить уходить от решения. Зло — лишь инструмент для закалки святых, не более. Кинтара — такая же часть Божественного плана, как и ангелы, и так же служат Ему. Нет чести в самопожертвовании, это напрасная трата дарованной тебе жизни. Ты мог бы стать новым Папой, объединив все расы, нации и религии. Загляни в себя. Свет не исходит сверху, но изнутри. Ты мог бы стать тем, кто возвестит истину всем народам и зажжет их внутренний огонь. Нет добра, нет и зла, есть только сила и мудрость, говорящая, как должным образом использовать эту силу.

Они пробовали не только просить, но и угрожать.

— Что вам терять? — спрашивали они. *— Присоединитесь к нам, или же, рано или поздно, нам надоест эта игра, и мы помрачим ваш разум и рассеем вас по всей земле, и вы, нагие и босые, останетесь одинокими навсегда.*

Эти существа хорошо знали их. Порой они рисовали им выразительные картины вечного горения в геенне огненной или бесконечного свежевания заживо и грозили другими, довольно тривиальными карами, но по-настоящему задевал их за живое

непрестанный мотив бесконечных скитаний в одиночестве, без защиты, подчеркнутый леденящим душу тоном и почти всегда сопровождавшийся визуальными образами.

— *Вы видели и ощущали нас в другом мире,* — напоминали им существа, — *и знаете, что нет иного пути в Город, кроме как через нас. Здесь его нет так же, как и там. Вы присоединитесь к нам по своей воле, или же мы возьмем вас и сделаем с вами все, что пообещали. На этот раз вам никуда не уйти.*

Криша переводила капитану все эти речи, пропуская те слова и образы, которые не могла заставить себя произнести. Для него не составляло труда заполнить пропуски, иногда даже еще худшими словами, чем были в оригинале.

— Ни один не догадался предложить мне коробку настоящих сигар, — заметил он, криво усмехаясь. — Никакого воображения, все как мы и ожидали.

— Ты и правда думаешь, что Кинтара служат им? — спросила она.

— Почему-то я в этом сомневаюсь, — отвечал он. — Логика все чаще заставляет меня думать, что Кинтара — оппортунисты, не более. Помнишь тот информационный кубик, что мы нашли на базе у первой станции? Комментатор там говорил, что демоны — углеродная форма жизни; да, они хищники, но не больше, чем раса месоков, из которой происходил Савин. По сути, как бы уродливо они ни выглядели, как бы ни извратила их эволюция, в основе своей физиологии Кинтара и месоки не сильно различаются. Я думаю, Кинтара — просто более старая раса; возможно, из галактики более близкой ко всеобщему центру, чем наша. Я думаю, они обнаружили путь в иные миры, поняли, что происходит с сознанием тех, кто туда проникает, и приняли свою мощь за божественную. Конечно, они многое переняли от этих существ, но, обладая телесной формой, они имеют гораздо больше возможностей порадовать себя. Возможно, они заключили какое-то соглашение с духами, но я не думаю, что они им подчиняются. Нет, загадка в том, каким образом Кинтара оказались заточенными. О способе нетрудно догадаться, но вот кто и как смог это сделать — до сих пор неясно. И еще — почему их лишили свободы, а не уничтожили?

— Их заточили боги, для того, чтобы в нужный момент напустить на грешников, отвернувшихся от Истинной Веры, — вмешалась Манья. — Это согласуется с непогрешимым Святым Писанием и учением святых отцов.

Он не ответил. Не потому, что у него не было ответа, а потому, что такой ответ навечно заклеймил бы его как богохульника. Чем, в конце концов, были боги Мицлаплана или любые другие, как не существами иного мира, своей силой неограниченно превосходящими своих подчиненных, которые владычествова-

ли над Вселенной ради своего удовольствия или насыщения, так же, как ученые используют животных для экспериментов? Они определяли, что добро, а что зло, они устанавливали правила. Теологически, «добром» было исполнять волю богов, а «злом» — противоборствовать ей. А особенно хорошим давали самый большой кусок сыра.

Не только Манья, но скорее всего и Морок, и Криша, никогда не смогли бы понять, как человек с такими воззрениями может в то же время быть верным гражданином теократической Империи Мицлаплана.

Зигзаг, тут срезали, там дали крюк, теперь сюда, потом обратно... Удивительно, как их отряды до сих пор не наткнулись друг на друга? Их окружали совершенно одинаковые стены живой изгороди, так что нельзя было определить расположение одного отряда относительно другого. Наконец Ган Ро Чин не выдержал:

— Возможно, нам предстоит скитаться здесь еще очень долго; мы понятия не имеем, близок ли конец лабиринта. Нам совершенно необходимо отдохнуть. И остальным тоже.

— И что ты предлагаешь, капитан? — спросил Морок.

— Перемирие. Мы все контактируем друг с другом. Пусть каждый отряд найдет себе место подальше от этих монстров и устраивается на привал. Если мы откроемся друг другу, то никому не удастся внезапно напасть на соседа так, чтобы все тут же не узнали об этом. Мы все не без греха, с этим ничего не поделать, но мы валимся с ног от усталости. В чем смысл блокировки, если от нее никто не выигрывает, а только замедляется темп движения? Кроме того, это может быть наш последний шанс отдохнуть, потому что участки пути, где нет призраков, попадаются все реже и реже. Может быть, это вообще последнее такое место.

— *Мы примем предложение, если его примут остальные,* — устало отозвался Джимми Маккрей.

Джозеф кивнул сам себе.

— Это больше не соревнование на выносливость. Мы все поняли, что можем погибнуть, несмотря на отличную физическую и ментальную подготовку. Было бы глупо сейчас не остановиться. Иначе мы просто раньше времени свалимся от усталости, и выиграют от этого лишь эти твари.

Морок оглядел своих:

— Итак?

— Они правы, — сказала Криша. — Если мы двинемся дальше, я наверняка попаду в лапы одного из этих существ, не успев даже заметить этого.

— Если они все сосредоточены в конце пути, как было в том сне, то нам скоро понадобятся все наши силы, — решительно сказала Манья. — Мы не послужим богам, если дойдем до конца, но не сможем ничего сделать. Я за привал.

— *В таком случае, мы останавливаемся до тех пор, пока не двинется с места один из других отрядов,* — послал всем Морок.

— *Согласны,* — откликнулся Джимми.

— *Договорились,* — добавил Джозеф.

Каждый отряд нашел себе место рядом с источником воды и подальше от призраков. Ган Ро Чину показалось интересным, что никто не возражал — ни миколианцы, ни Манья. Дело было не только в том, что все выдохлись — хотя и это, конечно, сыграло немаловажную роль. Он подозревал, что эта новая, неблокированная открытость разумов создала между отрядами определенное уважение друг к другу. Трудно было сохранять представление о миколианцах как о группе фанатичных дьяволопоклонников, когда, заглянув в их мысли, легко было обнаружить, что они не сильно отличаются от твоих. Манья с недавних пор даже прекратила попытки обратить всех в свою веру.

Криша, подойдя, опустилась на землю рядом с ним. Он предпочел бы, чтобы она этого не делала, потому что ему очень, **очень** трудно было видеть ее так близко, видеть, что все его представления о том, как она выглядит под одеянием, были верны, и при этом контролировать себя. Без штанов ему было практически невозможно скрыть свои чувства.

— Спасибо, капитан, еще раз, — тепло сказала она. — Никто, кроме тебя, не смог бы предложить подобное перемирие. Слишком много гордости поставлено на карту, и слишком велика потеря лица. Мы не продвинулись бы так далеко, если бы не ты.

— Скоро вам придется обходиться без меня, — ровным голосом проговорил он, стараясь смотреть не на нее, а на противоположную стену. Единственным способом справиться с вожделением было говорить — говорить о чем угодно, пока кто-нибудь из них не заснет.

— О чем ты?

— Возможно, отсюда и есть выход для большинства из нас, хотя я и не уверен в этом. Но я уверен, что здесь не найдется выхода для меня.

— Что... Не говори так!

Он вздохнул.

— Криша, сейчас впервые моя нечувствительность к силам, которыми вы все владеете, стала огромным недостатком. В этом мире все — все, что нас окружает, — основано на этом. Это ключ. Мы умеем сражаться с врагами из плоти и крови, но здесь битва не идет и не будет идти в материальном мире. Это — ловушка для нас, чтобы мы поубивали друг друга или по крайней мере попытались это сделать. В том зале — той камере, или что там

это было, — находилось больше Кинтара, чем хватило бы для физического захвата не одной солнечной системы. А скольких мы еще не видели? Миллионы? Миллиарды? Больше?

— Я... я не понимаю, причем здесь ты.

— Я в этом лабиринте как слепой. Если мы доберемся до Города — а я уверен, кому-то из нас это все же удастся, — и если Город спланирован так же, как это было в твоем видении в пещере кристаллов, то как из него выбраться? Этим же путем не получится. Даже если пойти обратно по своим следам, у нас нет ни припасов, ни воды, ни скафандров. Один только огненный мир испепелит нас в мгновение ока. В любом случае, тогда нам было легко находить дорогу при помощи всех этих наших инструментов: сканеров, усилителей и всего прочего; без них мы ее ни за что не найдем. Впрочем, я не думаю, что и Кинтара могут передвигаться по этим уровням.

— Что? Но мы же видели их следы!

— И ни одного существа, которое могло бы послужить добычей для хищника. Ни одного. А после первого уровня и настоящих следов уже не осталось. Кроме того, зачем расе, построившей **такое**, располагать свои станции так, чтобы между ними было два-три дня хода?

— Тогда зачем, по-твоему, они так расположены?

— Для того, чтобы любой, углубившийся в один из этих миров по какому-нибудь делу, смог найти станцию. Возможно, для того, чтобы рабочие бригады — не сами Кинтара, а их рабы или кто-нибудь в этом роде, не имеющие тех способностей, которыми обладают Кинтара, могли передвигаться с уровня на уровень. Я даже не уверен, что эти уровни — самостоятельные миры: там не было смены времен года, ночи и дня, и они были слишком ограничены в размерах. Скорее всего, это просто промышленные районы — для выращивания кристаллов, или литья конструкций, или чего угодно. Некоторые из них вообще могут быть заготовками, построенными только для проверки, испытаний и тому подобного. Еще больше я сомневаюсь, что те рисунки на стенах пещеры, которые мы видели, были подлинными, а не плодом больной фантазии Кинтара или отвратительной шуткой. Я думаю, мы находимся вообще уже не в нашей Вселенной, а где-то на границев, в междумирье.

— Но там же звезды, — указала она.

— Да, но настоящие ли они? Или, может быть, мы смотрим на них **извне**? Ты помнишь, что находилось за пределами Города в твоем видении?

Она нахмурилась.

— Мне очень трудно вспомнить даже то, с аналогами чего мы уже встретились. Эти воспоминания ускользают от меня. Все, что мне удается вспомнить — это что там было **нич-**

то, а такого не может быть. Понимаешь, не пустое место, а абсолютное ничто. Ни один разум не в состоянии вместить подобную идею.

— Наши — не могут, — отвечал он. — Но это не значит, что этого не может быть. Взять хотя бы мир, где путешествовала твоя душа. Но я боюсь, что именно там и находится выход. Если он вообще есть, то это он. Всем вам придется вернуться в то место, где бы и что бы оно ни было. Конечно, вам понадобится станция, но, если не ошибаюсь, в этом Городе она есть, может быть, даже узловая. Ею управляет то, что заменяет Кинтара компьютеры, но вряд ли это такие же замороженные демоны. Хотя, если вы не разберетесь с управлением, то они скорее всего смогли бы. Как оно работает, я не могу предположить. Возможно, вы должны будете состроить свой разум с каким-нибудь гигантским кристаллом. Как только попадете в тот мир, держитесь там как можно дольше. Чем дольше вы там продержитесь, тем больше радиации пройдет сквозь вас, и тем больше силы вы получите. Вы должны стать такими же могущественными, как Кинтара — не как обычные солдаты, но как те, кто командует ими. А когда вы обретете могущество, отправляйтесь к своим Святым Ангелам и расскажите им все. Кто-то должен сделать то же самое для Миколей и Хранителей, если они все еще существуют. Вы должны доказать им, что Кинтара вновь рвутся на свободу, и заручиться их помощью, ибо нас слишком мало, чтобы сражаться с целой расой.

— Но милый капитан, если ты прав, почему тебя не будет с нами? Со всеми нашими Талантами, мы не сложили бы и доли этой картины, как это сделал ты. Никому из нас не удалось бы ни привести такие убедительные доводы, ни подготовить лучший план сражения.

— Наверняка нашлись бы и другие, кому удалось бы, — сказал он без лишней скромности, — хотя у них и нет моего опыта. Тебе придется передать им то, что знаешь ты. Понимаешь, Крища, мне недоступен тот мир. Абсолютно. На какое-то мгновение я что-то почувствовал, а потом меня словно отключили. Все ваши вновь приобретенные Таланты — по сути мутации, возникшие при взаимодействии с тем миром, когда вы, сами того не зная, путешествовали по нему. Но я не такой, как вы. Что бы в вашем мозге ни давало вам ваши способности, у меня его нет.

— Но ты ведь мог перемещаться между станциями!

— Это другое дело. Помнишь, как примитивно были одеты первые Кинтара — не только по сравнению с нами, но даже с той голографической парой? Сначала я думал, что это какие-то дикари, случайно угодившие в ловушку, но теперь мы знаем, что это не так. Так отчего же тогда такая примитивная одежда и никаких технических устройств? Я долго думал и, кажется, наконец догадался. Любой, кто найдет в своей Вселенной такую станцию,

посчитает, что попал в большую игру. Даже мы сунулись туда вооруженными до зубов и в энергоброне. А станции запрограммированы на распознание материальных предметов. Это простейшая, но наиболее надежная система безопасности из когда-либо существовавших, которая показывает, насколько они умны. Она запрограммирована на перенос углеродных и кремниевых существ на **любую** станцию, — возможно, по пути превращая их в энергию и собирая обратно в материю на том конце, так что все, оказавшись в том мире, оказываются живы и могут ощущать его. Но если ты возьмешь с собой хоть что-нибудь — какой-нибудь артефакт, прибор, даже полоску ткани, — она лишь переместит тебя на следующую станцию из списка, и в конце концов ты попадешь сюда. А демонам не нужно ничего с собой брать. Обладая такой мощью, они могут забрать твое, или даже создать свое собственное, как знать?

— В том, что ты говоришь, есть смысл, но у тебя нет никаких доказательств, — Криша удивленно покачала головой. — Только дедукция! Талант столь же сверхъестественный, как и остальные, и ты его постоянно проявляешь. И тогда, на Медаре, и дюжину раз до того. Капитан, ты уверен в том, что говоришь?

— Вполне. Когда мы отбрасываем все, чего не может быть, то, что остается — почти всегда истина, как бы нелепо она ни выглядела. Например, прямо сейчас я понял, что Кинтара строили сеть станций не одни.

— Что? Почему?

— Коринфианец. Он был силикоид. Зачем Кинтара, углеродной форме жизни, разрабатывать систему, которая предназначена также и для силикоидов? Вывод — либо ее строили не они, но у нас есть свидетельства того, что они приложили к ней руку, либо они ее строили не одни.

— Но с кем? Не с этими же **существами?**

— Нет, не с ними. И думаю, не с Ангелами Мицлапланами. Мицлапланам весьма удобно на углеродных мирах, и я не слышал ни об одном, который отправился бы в иные. Миколи? Кто знает, как этот разумный социальный вирус эволюционировал — или мутировал — и во что? Если так, то это объясняло бы их дружелюбные до сих пор чувства к Кинтара. Хранители еще под большим подозрением. Им все равно надо все рассказать, но вы должны быть готовы встретить их во всеоружии.

Она благоговейно посмотрела на него.

— Капитан, ты не умрешь, пока я буду иметь возможность хоть что-то сделать. Мы не можем позволить себе потерять тебя. Мицлаплан не может позволить себе этого. Мы, остальные, отлично делаем свое дело, но ни у кого из нас нет твоего интеллекта. Боги не для того послали тебя нам, чтобы убить теперь, когда ты так нужен.

Он зевнул и заморгал глазами, которые начали слипаться.

— Найдутся другие. Другие всегда находятся, — пробормотал он. — А сейчас мне надо выспаться.

Сон навалился на него, как черная волна, и он отключился.

Неожиданно Криша осознала, что все спят. Не только мицлапланцы — вообще все. Поддавшись внезапной слабости, она уткнула голову в руки и заплакала.

— *Ты можешь спасти его,* — прошептало в ее сознании темное нечто. — *Ты можешь спасти его, ты можешь спасти его*

Она попыталась поставить блок, но обнаружила, что слишком устала, и тотчас провалилась в сон.

Она шла сквозь лабиринт, и вдруг он кончился, и она оказалась на свободе. Перед ней раскинулось море звезд, а Город, парящий в ничто, был далеко внизу. От ее ног к вратам Города шел прозрачный спиралевидный спуск, сквозь который ясно виднелись звезды, но она почему-то знала, что он твердый. Нерешительно она шагнула на дорогу и начала спускаться, как по воздуху, уверенная, что если она упадет, то будет вечно падать в межзвездную черноту.

На полпути вниз, посреди спирали, она увидела огромную фигуру, которая стояла, преграждая ей путь. Фигура была облачена в пурпурную мантию князя Кинтара и возвышалась над ней, излучая непостижимую мощь.

— *Трудно быть святым при любых обстоятельствах,* — сказало существо глубоким, богоподобным голосом. — *И все же ты отвергла все дары, и заслуживаешь за это похвалы. Те мелкие демоны были простыми солдатами, они все равно не могли дать тебе всего.*

— *Кто ты?* — спросила она с трепетом, хотя и не хотела трепетать.

— *Я Князь Сил Воздуха, и я отлично знаю ваш народ. Я был там, когда была создана пра-Терра и когда дыхание жизни, душа, была вдохнута в первого терранина. Ваш капитан прав. У вашего народа особая судьба, и помешать этому могут только Мицлапланы, которых вы называете Святыми Ангелами, и Миколи, сначала сотрудничавшие, а потом предавшие нас в далеком прошлом, а также Хранители. Когда-то, на пра-Терре, ваш народ был разобщен и воевал сам с собой. Лишь потом, среди звезд, он смог объединиться и отыскал свое призвание. Три Империи уничтожили его единство и разделили вас вновь, выставив терранина против терранина, потому что владыки страшатся вашего народа и его судьбы. Ваш капитан знает об этом.*

— *Но почему я?* — спросила она его. — *Это не такой вопрос, который может решить один человек.*

— *Ты ошибаешься,* — сказал князь демонов. — *Именно один или горстка людей и могут что-то изменить. В трех Империях более четырех сотен рас, насчитывающих вместе девяносто триллионов человек, и большинство из них ничего не решают. Живут они или умирают, добры они или злы, это ничего не меняет ни в настоящем, ни в будущем. Они не принимают решений, не влияют на события, они так же важны для миропорядка, как травинка для луга. Лишь очень малое их число, доля столь ничтожная, что, казалось бы, не стоит и упоминания, принимает все решения, движет остальными, направляет их, определяет, кого спасти, а кем пожертвовать, творит, изобретает, устанавливает законы и идеалы. Разумеется, те законы и идеалы, которые получают одобрение владык Трех Империй. Ты могла бы когда-то стать одной из них, позитивным фактором, но ты была опасна для их статичной системы, так что владыки насильно рукоположили тебя, и тем нейтрализовали, поработили, направили твою энергию на поддержание их системы.*

Она была шокирована — она никогда не помышляла о кощунстве и бунте. Демон прочел ее мысли.

— *Рано или поздно ты ушла бы из системы или попробовала ее изменить,* — сказал он. — *Ты знаешь, что это правда. Когда рядом с тобой была та женщина, Модра Страйк, ты смотрела на нее и видела, чего ты была лишена самым жульническим образом. Свободная женщина, командующая — командующая! — космическим кораблем, равная остальным в правах, а не марионетка, как ты.*

— *Ей не пошла впрок свобода,* — возразила Криша. — *Она была очень несчастлива.*

— *Что лучше: обладать свободой выбора, даже если ты можешь ошибиться, или же быть пешкой в руках тех, кто все решил за тебя? Что лучше: несчастная любовь или запрещение любить? Она жила* ***своей*** *жизнью, ты сама видела это. Ты любишь капитана, но не можешь ни открыться ему, ни отказаться от него. А он любит тебя, но преграды твоего сана сбивают его с толку. Что же это за система, что за вера, что за боги, которые допускают такое? Нас считают злыми, но разве это плохо — противостоять подобной системе? Разве это плохо — говорить открыто о том, что есть: что ваша система угнетает бесчисленное количество людей, обещая им лишь серию бесконечных перерождений, с каждым разом во все большем рабстве, а наивысшей наградой почитает оказаться навечно рабом богов? И вообще, кто определяет, что есть зло?*

— *Ваш род жесток,* — парировала она, неприятно пораженная тем, что его слова ее задели. — *Вы мучаете и убиваете беспричинно, вы жаждете крови!*

— Ну и что? А разве твой внутренний бунт не убивает людей? Не приходилось ли тебе по долгу службы встречать столь многих молодых, светлых и жаждущих истины, какой была и ты когда-то, и обрекать их на ту же участь? И если мы предпочитаем действовать открыто там, где другие таятся и действуют более тонко, разве ставит это их выше нас? Кровь, убийства привлекают к себе внимание. Мы же не власть, мы — оппозиция. Если бы мы вели себя так, как ваши боги, вы бы нас и не заметили. Жалкая роль, отведенная оппозиции тоталитаризмом — клоунада. А иначе кто стал бы нас слушать? Но это не значит, что, взяв власть, мы будет править так же, как оппонировали. Тогда на нас будет ответственность за триллионы душ и необходимость поддерживать их здоровье и жизнеспособность, поскольку это в интересах правителей.

Она горько покачала головой.

— Я не верю тебе, хоть твои слова и слаще меда. Ты хочешь, чтобы я променяла свою систему, — которая, при всех своих недостатках, все же обеспечивает необходимым те травинки, что так безразличны тебе, но для меня важнее всего, — на систему, о которой я могу судить лишь с твоих слов. Нас с капитаном всего двое. Если нам суждено пострадать для блага других, то пусть будет так.

— Тогда твой капитан умрет, как и предвидит, — печально откликнулся демон, *— и ты будешь рядом, когда он умрет, и будешь чувствовать его агонию. Но сама ты не умрешь. Я так приказал. Ты будешь жить, чтобы видеть, как мы обретем свободу и победим, как твоя система и Церковь падут и как ваших богов забудут. Но ты не сможешь ничего сделать, ты будешь навечно обречена лишь наблюдать, но не вмешиваться — таков твой выбор. Так* ***будет.*** *Скоро мы освободимся. Ничто уже не может этому помешать. А когда мы станем свободны, мы не будем заточены снова, ибо тех, кто это сделал, давно не существует, мы же, благодаря им, по-прежнему могучи и полны энергии. Единственный раз в твоей жизни появился настоящий выбор. Другого не будет. Либо вы покинете Город, либо капитан умрет, и после этого — все. Что бы ты ни выбрала, после этого твоя судьба — в наших руках...*

Демон исчез, и она забылась долгим тревожным сном.

* * *

Впрочем, Криша не была единственной, кто увидел себя на прозрачной спирали, ведущей к Городу.

— Кто ты? — спросила Модра, представ перед темнеющей грозной фигурой, облаченной в пурпур.

— У меня много имен, — отвечал он, *— но я предпочитаю титул Князя Сил Воздуха. Я знаю, кто ты, Модра Страйк.*

— Зачем ты привел нас сюда? — спросила она, не очень впечатленная.

— Вы сами пришли. Ты и твои компаньоны на той покинутой станции приняли решение. До этого станция не знала, куда вы хотите попасть. Когда стало ясно, что все вы хотите попасть в сеть, она задержала вас, анализируя вас и ваше снаряжение, а затем, определив, что вы не представляете для нас угрозы, направила вас сюда.

— Почему именно сюда?

— Какая же ты любопытная! Я мог бы сказать, что вы хотели выяснить, куда отправились те два «демона», и это, в общем, было бы правдой. Но полная правда состоит в том, что сюда раньше или позже попадает каждый, но большинство — более прямым путем. Этот путь вы почувствовали ненадолго, когда чуть не погибли от резонанса в пещере кристаллов. Обычно прижизненные действия людей не имеют столь существенных последствий, чтобы они попали в когти Древних, будучи еще живыми.

Она помедлила немного, не уверенная в том, что поняла смысл его ответа, как и в том, правда ли это, если она поняла правильно. Наконец она достаточно собралась с духом, чтобы спросить:

— Что значит «Сюда раньше или позже попадает каждый»?

— Я думаю, ты все поняла. — Он повернулся и указал длинным когтистым пальцем из-под рукава мантии на следующий виток спирали под собой.— *Видишь?*

Она взглянула — и онемела. Там, внизу, стояли, как будто живые, Трис Ланкур, Дарквист и даже Хама, чья безвременная кончина заставила их взять в команду Джимми Маккрея. Сначала она подумала, что это просто иллюзии, но потом они задвигались, огляделись, увидели ее над собой, и Трис таким знакомым ей жестом отсалютовал ей и послал воздушный поцелуй. Снова увидев их такими же, какими они были в жизни, она почувствовала, как глубока рана, которую их уход оставил в ее душе.

Но ее не так просто было одурачить.

— Это иллюзии, они существуют только в моем сознании, — обвиняюще сказала она демону. *— Дешевый трюк...*

— Обычно я ничего не имею против дешевых трюков, — признал демон, *— но не в этот раз. Они выдержали испытание и теперь ожидают назначения здесь, в Городе. Большинство людей из-за тяжести своих деяний не проходят испытание, они падают за борт и навечно становятся рабами. Испытание выдерживают лишь достойные, и со временем они получают назначение сообразно своим способностям. Видишь ли, Вселенная боль-*

шая, а в этом секторе всего не более двухсот миллионов Кинтара. Нам нужна любая помощь, любые союзники, которых можно заполучить. Тем более, что нам запретили действовать через иной мир, а также через помощников, исполняющих нашу волю, чтобы наш разум мог влиять на материальную Вселенную.

— Ты имеешь в виду зло.

— Я имею в виду ***восстание!*** *Мы ведем войну, мы сражаемся, используя то, что у нас под рукой! И потом, мы занимаемся не только тем, что ты назвала злом. Мы побуждаем и обучаем, мы подводим людей к тому порогу, где они становятся свободными и могут использовать силу иного мира для расширения, для расселения. Мы сеем семена паранормальных способностей. И вот сейчас наконец вы пришли сюда во плоти, чтобы освободить нас от физических оков.*

— Кто же заточил вас?

— Нас предали! Наши союзники боялись, что мы станем играть ведущую роль в обучении разумной жизни! Они боялись нашего растущего числа и отвергали наши цели. Ты сама видишь, что они сделали с удивительными технологиями, которые оказались у них в руках. Технологии, соединяющие солнечные системы и необъятные расстояния в единые государства, технологии, способные удовлетворить все потребности и позволяющие творить и развиваться по максимуму. Треть из вас живет в отсталом обществе полу-автоматов — они счастливы, но не способны мыслить. Исключением является разве что духовенство, управляющее ими ценой отказа от всяких удовольствий. Другие подменили развитие как социальную инициативу варварством, их крошечный бюрократический аппарат купается в роскоши и постепенно деградирует, а народ содержится в бедности, жестокости и безразличии, как в древние времена, и ценится не больше насекомых. Подумать только, общество, владеющее робототехникой и компьютерами, предпочитает иметь для работы полчища рабов! А взять твое собственное общество, в котором хотя и есть небольшая социальная мобильность, но лишь самые талантливые могут вырваться из условий нищеты, ранней смертности и перенаселенности, в то время как богачи покупают себе для отдыха целые планеты? Этот твой Трис Ланкур — он ведь родом из мира, где средняя продолжительность жизни меньше сорока лет, потому что у них нечем торговать, а иначе и там могла бы быть райская жизнь. Ланкуру исключительно, невероятно повезло, что он смог вообще выбраться оттуда!

Она смотрела на трех человек, стоящих внизу. Иногда они разговаривали друг с другом, жестикулировали или просто смотрели по сторонам, как будто и впрямь были там.

Да, она понимала несправедливость своей системы, но не во всех же мирах было так ужасно! Конечно, определенные технологии, такие, как роботы и виртуальная реальность, были запрещены везде, кроме сердца Биржи. Иначе людям не пришлось бы работать, и они бы выродились, загнили в бесконечных развлечениях, наркотиках и нейросетях и никогда не смогли бы развиваться как общество. Такую же концепцию поддерживали и остальные Империи. Все три системы были несправедливы, и все же она считала Биржу лучшей альтернативой по сравнению с другими.

— *А твоя система что, лучше?* — спросила она его.

— *Подожди и увидишь,* — только и сказал он. — *Зачем рассказывать о том, что неизбежно произойдет? Я не пытаюсь обратить тебя, ибо тебе принадлежит настоящее, а нам — будущее. Мы просим лишь об одном. Когда окажешься в Городе, сними печати, что там находятся. Если ты не знаешь, что это за печати, мистер Маккрей тебе с удовольствием о них расскажет.*

— *А потом вы выйдете и убьете нас,* — парировала она, вспомнив первую станцию.

— *Нет. Боюсь, до того, как мы победим, нам придется убить многих, но ты не из их числа. Представь себе: ты окажешься там, внизу, со своими товарищами; они вернутся к жизни, и ты тоже. Чего бы ты ни захотела, ты получишь, любую силу и власть. Тебя ждут приключения за пределами известных тебе миров и в отдаленных уголках галактики, а то и за ее пределами. Или ты сможешь вернуться в любое место своего мира, к своей семье и друзьям. Лучшее из лучшего, только для тебя, навечно или как пожелаешь; ни старости, ни болезней и смерти, разве что ты сама захочешь уйти. Все это я могу тебе дать, и даже больше. Такие вещи нам нетрудно делать.*

Она поверила, по крайней мере, последней фразе.

— *А что будет, если я не сниму печати?*

Он пожал плечами.

— *Ну, кто-нибудь из вас да снимет. Ему и воздастся, кто бы он ни был. Один из вас умрет по дороге в Город. Еще один — когда снимут печати. Остальные пожнут плоды своего бездействия. Для кого-то возмездием будет смерть, после которой он все равно окажется у нас в услужении. Для кого-то — участь еще более незавидная, по его делам. Для тебя лично — твои старые товарищи останутся мертвы и в рабстве у нас, помни об этом. Ты же, если выживешь, останешься без денег, без корабля, без друзей, без любимого и без дома. Вскоре ты, по примеру Ланкура, убьешь себя, и тогда, если выдержишь испытание, вернешься прямо сюда и станешь одним из наших рабов. А может быть, и нет. Тебе никогда не удавалось сделать правильный выбор, для себя или для кого-нибудь*

другого. У тебя было столько возможностей достичь вершин, сколько большинству людей дается лишь за несколько жизней, и ты упустила их все. Ты, Модра, всегда была неудачницей, но, как и всегда, выбор остается за тобой. Твой последний выбор, который еще может улучшить положение — твое или твоих компаньонов.

Она не отрываясь смотрела на него, пока не отзвучали его последние доводы и предложения. Последние слова вполне соответствовали тому, что она и сама думала о себе. Но если ее талантом было всегда выбирать худшую из предоставленных возможностей, то что она будет чувствовать, если выпустит на свободу новый бич всех цивилизаций?

— А что если никто не снимет эти проклятые печати? — спросила она.

— Разве что вы совершите коллективное самоубийство по пути в Город. Все три отряда настолько великолепны, как мы не могли и надеяться. Кто-нибудь обязательно снимет печати, или специально, чтобы получить награду, или случайно, из-за ваших собственных разногласий. Даже если случится чудо, и их не снимет никто из вас — ничего не изменится. Дверь, пропустившая вас сюда, может открыться и вновь, и таких дверей много. Когда время пришло, оно пришло. Мы не будем отвержены.

Видение исчезло, и Модра, как и Криша, заснула глубоким сном.

* * *

Две женщины не были единственными, кто встретил призрак Князя Сил Воздуха на зловещей спирали, ведущей в Город Кинтара, что выяснилось, когда они проснулись через много-много часов — сколько, никто не мог сказать.

— Мне предложили командовать легионом, — сказал Джозеф.

— А мне ключ ко всем знаниям Кинтара, — добавила Тобруш. — *Ключи от космоса.*

— Он сказал, что я могу стать богиней, — сказала им Калия. — *Что все мужчины будут в моей власти, а женщины будут служить мне.*

Они передали друг другу образы своих видений.

— Я заглушила его болтовню, помолившись и произведя ритуал изгнания беса, — поведала Манья.

— И как, это сработало? — спросил Ган Ро Чин, нашедший подобную сцену забавной.

— Нет, но это укоротило язык Князя Лжи, — отвечала она.

Он хмыкнул.

— Манья, я не теолог, но мне казалось, что ритуал изгнания беса отправляет его обратно в Ад. Но если ты

права, и это действительно Ад, то и он, и мы заодно, уже находимся там!

В первый раз ему удалось задеть ее, и это было приятно. Она приоткрыла рот, потом закрыла, так ничего и не сказав. Наконец она произнесла:

— Странно, об этом я и не подумала.

Только Морок был действительно потрясен своим видением.

— Он не предложил мне ничего! — сказал Великий Инквизитор. — Он просто пообещал, что как только я умру и пройду его проклятое испытание, меня будут судить все те, кого судила Инквизиция, пока я был у руля, и что они определят мою судьбу. Никаких предложений. Ни одного.

— Он знал, что вы их все равно не примете, Святой, — вставил капитан, пытаясь его успокоить. — Все, что ему оставалось — это попытаться запугать вас, чтобы вы не сразу решились остановить тех, кто поддастся слабости.

— Да, да, я уверен, что так, — коротко откликнулся Морок, желая поскорее сменить предмет разговора, но не надо было быть телепатом, чтобы заметить, что он по-прежнему потрясен, и что Великий Инквизитор начинает сомневаться, что правильно, а что нет.

Криша поставила личный блок, и на этот раз она была ему рада, так как не могла ни сказать друзьям правду, ни солгать. Она сказала только: «Он предложил мне то, чего я больше всего желала». Ей не нравилось держать блок, поскольку он ограничивал и ее самое, но не смела снять его.

Она не могла не заметить, что телепат из Биржи, Джимми Маккрей, делал то же самое. Хотя она была сильнее его как телепат, Маккрея явно тренировали мастера своего дела, — его избирательное блокирование было великолепно. Хотела бы она уметь так — блокировать только определенные вещи, на любом уровне.

Вот все, что он сказал Модре:

— У нас завязалась интересная дискуссия. Он был силен, как я и ожидал, но ему не удалось скрыть, что он немного нервничает из-за меня. Хотя для меня это такая же новость, как и для остальных, но, похоже, я слишком много знаю. Я думаю, даже в Мицлаплане осталось довольно много тех, кто знает про пентаграммы, но лишь очень немногим в мире знакома печать Соломона. — Он скупо улыбнулся, как будто подобные тайные знания были каким-то преимуществом. — И все же, — продолжал он, — я тут послушал, о чем он говорил с другими, и одна вещь из того, что он сказал — кажется, тебе, Модра — все крутится у меня в голове. Что-то насчет того, что их двести миллионов. Где-то я это встречал. Это число в древности считалось очень важным.

— Молли тоже хочет быть большим синтом, — радостно вклинилась Молли, которая поняла только, что они мрачно настроены, не более.

Оба в изумлении повернулись:

— Что?

— Он погладил Молли по голове, сказал быть хорошей девочкой и еще, что Молли важна для больших планов, или как-то так.

— Не нравится мне это, — нахмурился Джимми. — Тебе вообще нельзя было идти с нами в это зловещее место, и слава Богу, что ты еще жива, а тут его Рогатость является пред тобой и говорит только: «Пока ни о чем не беспокойтесь». Хм. Будь очень, очень осторожна, Молли, и слушайся только нас, хорошо? Ты ведь не сделаешь мне больно?

— Нет, Джимми, конечно, нет. Молли хорошая девочка. Даже большие синты так говорят.

— *Она действительно потенциально опасна,* — телепатически предупредила Модра. — *Он говорил мне, что это может быть сделано не нарочно, а мне кажется, если кто-то из нас и может сделать что-нибудь не подумав, так это Молли.*

— *Я знаю, знаю. Но что нам делать? Оставить ее здесь? Она вполне может попробовать подружиться с призраками!*

Тем временем в лагере мицлапланцев Ган Ро Чин пил воду, желая, чтобы это было что-нибудь покрепче, ел какой-то фрукт, опять же желая чего-нибудь более питательного, — а главное, как всегда, желая сигару. Наконец он сказал:

— Думаю, что я тоже его встретил.

Все остальные были поражены.

— Ты? — изумилась Криша. — Но каким образом?

— Это было во сне, и как во всех снах, качество изображения было не очень, — сказал он. — Пока вы не рассказали про свои, я думал, что просто обстановка навеяла. Мой сон не был таким четким, как ваши, и скорее монологом, чем диалогом — говорил, конечно, он. Обещал примерно тоже самое, что и вам: знания, любовь, силу и все такое. Наконец он предложил мне вечную молодость и бессмертие тела. Он сказал... Он сказал, что Нули потому Нули, что у них нет бессмертной души.

ГОРОД МЕРТВЫХ

— Я принял решение, так что, пожалуйста, не отговаривайте меня, — сказал Морок. — Мне надоело, что нами вертят и играют эти силы, а мы полностью зависим от них! Пора уже нам взять инициативу в свои руки!

— Демон пророчил Модре, что один из нас умрет, не дойдя до Города, — напомнила Криша. — Я бы не хотела, чтобы это были вы, святой отец.

Он отмахнулся от угрозы.

— Прежде всего, они лгут. Они — корень лжи. Если бы они и впрямь могли все предвидеть, то этот князь демонов уже бы знал, освободит ли его кто-либо из нас, и кто именно, и тогда незачем было бы вести все эти игры разума. Вы не должны их слушать. Это первый шаг к ним в лапы. Они могут влиять на события, но только при условии, что вы им сначала поверите. Я не умру в скитаниях по лабиринту, до тех пор, пока два других отряда не войдут в Город.

Криша поняла и смирилась с его логикой, зная, впрочем, что Морок вообще считал, что до сих пор жив лишь благодаря небесному заступничеству. Она также понимала, что если бы здесь был только отряд мицлапланцев, то Морок пожертвовал бы всеми, чтобы никто не вошел в Город и не освободил демонов, даже случайно. Но все было не так просто. Другие отряды могли достичь Города первыми, а если бы и отыскался какой-то способ умереть всем одновременно, это принесло бы лишь временную победу. Так что в этом князь демонов был прав. Вокруг того мира, где обнаружили первую станцию, теперь, должно быть базировался целый флот, и лучшие умы Биржи трудились, не покладая рук, пытаясь обнаружить вход. Князю несложно приказать станции пропустить еще людей, и раньше или позже ему попадется подходящий. Оставалась лишь надежда, что они смогут спуститься к Городу и разгадать, с чем имеют дело и есть ли способ предотвратить то, что князь демонов полагал неизбежным.

— Дитя мое, — мягко сказал Морок Крише, — что они могут мне сделать? Забить камнями? Я не буду приближаться к Городу, я хочу просто разведать местность.

Он повернулся к остальным.

— Проблема только в том, что о чем бы я ни узнал и что бы ни увидел, об этом сразу же узнают остальные. Так что если я найду дорогу, вам придется двигаться быстро.

Старгин развернул свои гигантские крылья, странным образом сразу став меньше похожим на птицу, а скорее напоминая типичного ангела.

Он осмотрелся.

— Штиля нет, но ветер слабый. Ничего, я летал и в гораздо худших условиях.

Его тело, казалось, погрузилось в землю, ноги сжались, а мускулы напряглись, как пружины. Затем он распрямился, прыгнул, раскрыл крылья и воспарил.

Крылья едва помещались между стен, и на мгновение ему показалось, что он не доберется до верха. Но вот он уже

вверху и, хотя и с трудом, набирает высоту. На земле Морок всегда смотрелся неуклюже, но в воздухе он выглядел изящно и грациозно.

Посмотрев вниз, Морок с ужасом обнаружил, как близко отряды находятся друг от друга и от ворот Города. Неспособный заблокировать свои мысли, он увидел, как передаваемый им образ мобилизовал все отряды. Он сконцентрировался лишь на пути своего отряда, и когда удостоверился, что хотя бы Криша его поняла, обратил взгляд на Город.

«В точности как в видении», — пораженно подумал он. По лабиринту можно было пройти разными путями, но все они вели к одному выходу перед воротами, по обеим сторонам которых стояли два гигантских звероподобных идола. За ними трава переходила в дорогу, сделанную из того же материала, что и внутренность станций. Дорога, длиной около двух километров, спиралью спускалась к Городу, совершая вокруг него полный оборот, перед тем как перейти в широкий проспект, главную улицу Города.

В отличие от видения, спираль была молочного цвета и с бортиками в метр высотой и не вызывала головокружения, которого они страшились прежде.

Сам же Город выглядел еще более грандиозным, чем он думал. Его архитектура оставалась спиралевидной, но так, что здания пересекали несколько уровней спирали. Это чем-то напоминало размытый интерьер станций, но здания, улицы и все остальное излучало мягкий свет — алые, синие, зеленые, желтые, пурпурные пятна сливались вместе в трехмерную пастель. Трудно было поверить, что такая злая раса способна создать нечто столь прекрасное.

Спираль же оказалась не круглой, а скорее овальной формы. В одном из центров овала возвышалась пирамида, уже знакомая им по видению, золотого цвета, совершенная и цельная, как будто она выросла из-под земли, чтобы подняться выше самых высоких зданий, подчинить себе все. Второй центр было плохо видно под таким углом, но выглядел он как черное ничто.

Город, как казалось, висел в пространстве, построенный на некоем стекловидном фундаменте, который, в свою очередь, вообще ни на чем не покоился. Он также увидел, что здешнее небо действительно было чем-то вроде прозрачного барьера, оно снижалось над Городом и исчезало где-то вдали.

«Твердыня Хаоса», — так называл демон это место. В центре и на краю Вселенной.

До этого он летал в тумане и под дождем, в том мире, который они называли мокрым; сейчас впервые у него было время и хорошая видимость, и он постарался использовать все возможности.

Пространство было обширным, под прозрачным небесным сводом. Отсюда он мог видеть, что до горизонта не

так уж далеко. Холмы за границей лабиринта простирались на какое-то расстояние, но затем обрывались, словно тоже упирались в стену, и еще ему казалось, что «небо» слегка искривляется книзу слева и справа от Города.

Капитан был прав — это были не миры. Скорее, огромные комнаты или отсеки, длиной в сотни километров, спроектированные, чтобы выглядеть как миры. Вот почему здесь не было смены дня и ночи. А тот водопад, должно быть, непрерывно прокачивал через себя всю воду мокрого мира.

Это означало, что хотя они и перемещались на огромные расстояния, все это время они находились внутри еще большей структуры, а станции были скорее не средством перемещения, а шлюзами, отделяющими один отсек от другого и изолирующими их биосферы.

Очень похоже на космический корабль. Невероятно огромный космический корабль, летящий — куда? В том отсеке, где были запечатаны легионы демонов, было множество порталов, так что отсеков, в которых они не были, тоже должно было быть очень, очень много. Такой корабль должен быть размером как минимум с планету.

«А может, это действительно планета?» — неожиданно подумал Морок. Пустая изнутри или целиком искусственная. Эта мысль чуть не заставила его упасть. Если станции — это просто шлюзы, а это место — один из уровней внутри этой планеты, то вполне возможно, что они никуда и не перемещались. С таким же успехом они могли все это время спускаться вглубь планеты, на которую приземлились, уровень за уровнем!

Ему хотелось бы обсудить эту идею с капитаном Чином, может быть, потому, что он был горд тем, что сам дошел до нее. Но капитан, неспособный слышать его мысли, уже несся, стараясь не отстать, за Кришей и Маньей, в сумасшедшем темпе бегущими к выходу из лабиринта.

— *Будьте бдительны, дети мои!* — обратился он к ним. — *Прямо у выхода стоят два огромных идола, и я не знаю, как вам пройти через них! Думайте! Отряд Биржи справа от вас, он отстает лишь на несколько секунд; миколианцам встретилось несколько дополнительных препятствий, но и они отстают не больше, чем на две-три минуты!*

Они уже видели долгожданный выход, как вдруг Манья с Кришей неожиданно остановились, и Ган Ро Чин практически налетел на них.

— Ой! Прошу прощения! Что случилось?

Манья показала на выход.

— Присмотрись, увидишь, — сказала она. — Они стоят по обеим сторонам, немного выше стен, и я не уверена, можно ли там протиснуться.

Криша кивнула.

— Это блокпост, и довольно удачный. Я... — она осеклась, увидев Модру, Джимми и Молли, которые выбежали из-за поворота с другой стороны и остановились, не добежав до выхода приблизительно метров шесть.

Модру они уже знали, как и она их, но Джимми и Молли мицлапланцы впервые видели воочию, а двое биржанцев впервые видели их.

В проходе позади раздался шум, и Джимми сказал:

— Видно, это миколианцы. Итак, после всех мучений, у нас ничья!

Ган Ро Чин повернулся, чтобы получше рассмотреть одного из гигантских стражей, и с надеждой спросил:

— Кто-нибудь знает, как с ними справиться?

— Если сможешь пройти мимо двойняшек-псоглавцев, я отдам тебе половину добычи, — ответил Маккрей.

— Я говорил об идолах. — Чин замер, как только до него дошло. — Ты говоришь по-мицлапланski?

— Теперь — да, — ответил телепат. — Я думаю, что, наблюдая ваши чертовы мысли день за днем и составляя сравнительные переводы, я неплохо его выучил. Правда, я давно им не пользовался. Не мог связать и двух слов, когда мы начинали. Знание письменного и технического языка — далеко не то же самое, что разговорная практика.

Чин только кивнул и указал на выход:

— Какие будут предложения?

Маккрей послал стражам короткий запрос и получил в ответ могучее:

— *Никто не пройдет.*

— Что ж, это можно было предсказать, — прокомментировал он. — *Может, передумаете?* — переспросил он стражей. — *Мне казалось, нас там ждут.*

— *Желания Кинтара нас не касаются. Мы требуем выкуп в свою пользу.*

— Ага! Выкуп. То есть на самом деле это просто плата за проход, так? Как жаль, ребята, что я оставил свой бумажник в других брюках.

В этот момент команда миколианцев появилась за спиной отряда Биржи, выбежав из того же коридора, что и они. Модра, кинув взгляд на кошмарный обожженный бок Калии, не смогла сдержать возгласа потрясения. Телепатия действительно передавала образы очень субъективно. Что же до Джозефа, она подумала, что никогда не видела такого волосатого мужчину. Кроме того, он оказался гораздо крупнее, чем они полагали, а борода его, в отличие от щетины Джимми, была черной и придавала лицу еще более грубый, надменный вид. Тобруш, впрочем, оправдала их ожидания.

Мужское самолюбие Джимми и Ган Ро Чина, до сих пор не страдавшее, было серьезно уязвлено при виде раз-

меров интимных частей Джозефа. Определенно, с одеждой надо было что-то решать. Реакция Джимми, которую восприняли все трое терранок, вызвала у них легкое веселье.

Понимая, что с этим отрядом преодолеть языковой барьер будет труднее, нежели с мицлапланцами, Джимми отправил им:

— *Можете присоединяться. Если хотите драться, предлагаю сделать это попозже, после того, как разберемся с этой небольшой неприятностью.*

Джозеф, кивнув, подошел к ним, удивленный тем, что два других терранина оказались гораздо меньше, чем он думал. Почему-то телепатический образ Джимми, полученный им от других, субъективно увеличивал его рост, а Чин так и вообще казался гигантом. Рост самого Джозефа составлял 188 сантиметров, а вес — по крайней мере, до марш-броска на сухом пайке, — около 103 килограммов. Маккрей едва дотягивал до 170 сантиметров в высоту и вряд ли весил больше 89 килограммов. А Чин — теперь уже легендарный капитан Чин — оказался не выше Калии, в которой было 162 сантиметра, хотя и был коренастым. Криша и Джимми были одного роста, Модра Страйк несколько повыше.

Теперь они все убедились, как субъективно и обманчиво восприятие телепата.

Маккрей тут же завязал разговор с двумя другими телепатами.

— *Что вы думаете насчет частичного, управляемого общего слияния?* — предложил он. — *Нас будет десять против двоих.*

— *Как это десять?.. Ах да, точно,* — откликнулась Тобруш. — *Я и забыла про этого богомольца, которому вдруг приспичило полетать.*

Манья, почувствовав на себе ненавидящий взгляд, обернулась. Калия смотрела прямо на нее, в ее глазах сверкали кинжалы. Модра, стоявшая между ними, почувствовала всплеск их эмоций и тут же уловила мысленную картину его причины.

— Джимми, мы никогда не сможем идти все вместе, — сказала ему Модра. — Хотя я и не знаю, что ты им предложил, я эмпатка от рождения и хорошо знакома с поведением людей в стрессовых ситуациях.

— *Она права,* — отозвался Морок, кружа над ними. Он уже начинал уставать, так как из-за относительно спокойного воздуха ему приходилось постоянно махать крыльями, чтобы сохранить высоту, и уже подумывал спуститься. — *Идолы, очевидно, объединены, как если бы они были двумя ипостасями одной и той же сущности. Возможно, их удастся отвлечь, так, чтобы все успели пробежать.*

— *И как вы предполагаете их отвлечь?* — спросил его Джимми.

— *Нет, Святой!* — мысленно вскрикнула Криша. — *Это слишком опасно! Вы погибнете, а если это не сработает, то мы так тут и застрянем!*

Морок на миг задумался.

— *Что если я перелечу стену лабиринта и окажусь у них в тылу?* — предложил он. — *Это отвлечет их и собьет с толку. Не беспокойтесь — я приземлюсь подальше от них.*

— *Это большой риск,* — ответил Джимми, пытаясь сообразить, окажет ли это хоть какой-то эффект, и если да, то какой именно.

Морок признал, что он прав, но заметил:

— *Надо же хоть что-то делать. Мы не можем стоять здесь вечно.*

Вдруг Модра вспомнила, о чем говорил ей князь демонов прошлой ночью. «Нет!» — отчаянно закричала она, но если Морок и услышал ее, то не подал вида.

Они все видели, как его высокая грациозная фигура медленно снизилась на расстоянии добрых десяти-пятнадцати метров от выхода, развернулась и ринулась за ограду лабиринта. Однако, оказавшись над ней, Морок словно бы столкнулся с невидимой прежде стеной черной энергии, чем-то вроде защитного поля. Как только он коснулся ее, потрескивающее поле охватило его тело, вспыхнул яркий свет... и когда он погас, они уже не видели ни защитного поля, ни Морока.

* * *

Криша закричала. Ган Ро Чин бросился к ней, чтобы успокоить, хотя и сам был потрясен. Модра лишь вздохнула и печально склонила голову.

— *Один из вас умрет по дороге в Город...*

Манья прочитала заупокойную молитву, но, завершив последний ритуальный жест, подумала:

— *Он никогда никого не хотел слушать.*

И тут они услышали в своем сознании гулкий голос идолов:

— *Мы приняли жертву. Мы удовлетворены. Вы можете пройти.*

Это вызвало у Криши новую истерику, так что капитану опять пришлось ее успокаивать.

Модра, подняв брови, взглянула на Джимми, затем на миколианцев:

— Думаешь, им можно верить?

— Кто у нас эксперт-эмпат? — ответил тот.

Они кивнула.

— Я откуда-то чувствую, что они констатируют факт. Тем не менее, я полагаю, лучше идти поскорее, пока они не передумали.

— Тьфу ты, черт, да вы все просто трусливый сброд! — с этими словами Калия прошла мимо трио биржанцев и вошла в ворота. Реакции со стороны идолов не последовало, и остальные, не теряя времени, поспешили за ней.

— Пойдем, — мягко сказал капитан. — Он заплатил за нас высокую цену. Нельзя, чтобы его жертва оказалась напрасной.

Криша утерла слезы, кивнула, и мицлапланцы наконец тоже вышли из лабиринта и впервые взглянули на Город наяву.

Чин, который вообще впервые его видел, был потрясен.

— Столица, — шептал он, — и наверняка центр управления.

Криша подняла на него покрасневшие глаза:

— Морок... Морок считал, что это были не миры, а отсеки, как на большом космическом корабле. Сейчас, прямо перед кончиной, он подумал, что мы недалеко от того места, где вошли, и что это лишь интерьер пустой внутренней части того мира, где мы приземлились.

Он кивнул.

— Я тоже думал об этом. Однако если так, то это больше чем просто корабль с планету величиной или тюремная колония. Гораздо больше.

Джимми Маккрей, услышав их диалог, оторвал свой взгляд от пастельного Города и подошел к Чину.

— Я много о тебе слышал, капитан. Правда, до сих пор из вторых рук.

Чин взглянул на Кришу, она кивнула.

— *Я в порядке,* — мысленно заверила она его и отошла к остальным, которые стояли в начале спускавшегося к Городу спирального моста.

— Я всегда все получал из вторых рук, Маккрей. Но я уже видел тебя однажды. Тогда ты выглядел совсем по-другому.

— Ты спас мне жизнь, — сердечно сказал Джимми. — Я рад поблагодарить тебя лично.

— Надеюсь, ты бы сделал то же для меня, — ответил мицлапланец. — Впрочем, я почти уверен, что сделал бы.

Джимми пожал плечами.

— Будем надеяться, что никому из нас не придется никого спасать. Я многое узнал, когда подслушивал ваши разговоры, если так можно выразиться, через гноллку — иногда это было непросто. У нее довольно эксцентричный разум. С другой стороны, у нас с тобой много общего, и нет ни одной общей проблемы. Ты, должно быть, знаешь, что эта девушка боготворит землю, по которой ты ходишь?

— Я не думал, что все так серьезно, — возразил капитан, смущенный тем, что его проблема стала настолько широко известна.

— Мы, терране, часто попадаем в самые неприятные переделки. Она боготворит тебя, но она пастырь, а ты паства. Полагаю, что когда Модра была в вашем отряде, тебе рассказали про ее проблему?

— Да, Криша говорила мне, — кивнул Чин. — Как бы ужасна ни была наша ситуация, я бы не променял ее на

прошлое Модры. В твоем прошлом тоже есть подобная моей ситуация, не так ли?

Джимми кивнул.

— Даже еще серьезнее. Кончилось тем, что мне пришлось улететь подальше от всего, что напоминало мне мой дом, сменить профессию и влипнуть в передрягу с самым проклятым маленьким паразитом — то есть симбионтом — из всех существующих. А малышка Молли — вон та, на которой я женился, чтобы ее не уничтожили, она родилась не то на фабрике, не то в пробирке — до сих пор не моя, как и я — не ее.

— А ты хотел бы?

— Когда-то хотел больше всего на свете. Сейчас я ни в чем не уверен. Я думаю, то, что мне **действительно** нужно, лежит вне меня, вне чего бы то ни было, и поэтому, вероятно, будет последним, что я смогу получить. Как всегда, в этом деле хватает неудачников и несчастливых ребят.

Капитан кивнул.

— Ты заметил, что теперь нас осталось девять, и из них шестеро — терране?

Маккрей нахмурился.

— А ты прав! Я и не задумывался.

— Терране выживают. Мы все делаем не так, нас заносит в самые неподходящие места, но мы выживаем. Как раса, мы приспосабливаемся для выживания, и затем либо переживаем, либо перерастаем тех, кто нас угнетает, если конечно, не считать нас самих.

— Интересно, только ли в этом дело, — вздохнул Джимми Маккрей, повернувшись лицом к Городу. — Эти Кинтара почти не в курсе, что представляют собой семьдесят процентов известных рас, но нас, терран, они знают гораздо, гораздо лучше — как и мы их. Мы старые знакомые, так уж сложилось. Теперь, когда ты мне подсказал, я понимаю, что превосходство терран не случайно. Оно не обусловлено лишь высокими способностями нашей расы, будь то размножаться, как трава, или выживать и преодолевать тяготы. Все расы способны выживать, иначе бы они не поднялись так высоко. Нет, я думаю, мы более живучи потому, что так хотели Кинтара. Не потому, что мы такие уж особенные, а потому, что они нас так хорошо знают. — Он вздохнул. — Пора нам идти к остальным. Похоже, они собрались выступать.

— Лучше бы Манья и та девица, которую она поджарила, выяснили свои отношения прямо тут, и делу конец, — кивнув, сказал Чин. — Это все равно случится, раньше или позже. У меня серьезное предчувствие, что если мы не научимся улаживать свои разногласия, даже небольшие, и не станем одной командой, то там, внизу, нам тоже долго не протянуть.

— Похоже, у нас впереди длинный путь, капитан, — отвечал Джимми. — Быть может, сейчас мы сверили свои путевые заметки.

На спиральном мосту было холодно, они этого не ждали и теперь испытывали дискомфорт. До горящего огнями Города надо было прошагать еще несколько километров; они надеялись, что там будет теплее.

Казалось разумным разделить Калию и Манью, тем более что миколианцы вообще не были чересчур общительны. Чин предложил Калии возглавить отряд, Тобруш и Джозеф прикрывали ее с флангов, потом шли Джимми и капитан, а замыкали Модра, Криша, Молли и Манья.

Криша очень удивилась, когда, прочитав мысли и чувства Модры, она неожиданно обнаружила, что эта независимая биржанка на самом деле завидовала ей. Модре, которая считала свою личную жизнь неудавшейся, казалось идиллическим положение Криши, позволявшее ей использовать свой интеллект и власть, не скатываясь к плотскому. Для Модры святой сан означал желанную должность, на которой можно приносить пользу людям и раскрывать собственный потенциал без риска разрушить свою или чью-то жизнь. Для Криши сан был повинностью, лишавшей ее счастья. Модра, возможно, и ошибалась, принимая решения — но по крайней мере у нее всегда была такая возможность, и все, что с ней происходило, являлось исключительно результатом ее собственных решений. Сейчас она боялась делать выбор; Криша сделала свой последний выбор в шестнадцать лет.

В действительности у каждой было идеализированное представление о положении другой, но чувство юмора не оставило Кришу.

«Мы обе хотим поменяться местами», — с горькой улыбкой подумала она.

Добравшись до середины спирального моста, все автоматически остановились. На этом месте большинство из них в видениях встретило князя демонов, и сейчас они серьезно ожидали встретить его здесь, но мост был пуст. Модра, впрочем, взглянула еще и дальше вниз, хотя и понимала, что наивно было бы ожидать увидеть там Триса, Хаму и Дарквиста. Криша уловила ее мысль.

— *Это были просто иллюзии,* — успокаивающе сказала она Модре. — *Иллюзии демонам отлично удаются. Они берут прямо из твоего сознания то, чего тебе хочется, и предлагают тебе это, а потом берут то, что тебя больше всего пугает, и угрожают им.*

— *Ты, Святая, не веришь, что демонам достаются души умерших?*

У Модры было очень странное ощущение. Они говорили на разных языках, но при помощи телепатической связи, и даже когда они находились близко друг от друга в лабиринте, они могли понимать друг друга.

— Если ты спрашиваешь, верю ли я в возможность проклятия, то да. Если ты спрашиваешь, верю ли я, что это действительно Ад, и Кинтара — сверхъестественные существа в теологическом смысле, то придется сказать «нет». Мне все чаще кажется, что демоны, в силу своей природы, как-то оказались смешаны с чистой теологией когда-то в прошлом — возможно, намеренно. Они хорошо играют свою роль, им это даже нравится, но что сейчас видим мы? Расу с невероятно сильными и многочисленными способностями — но и только. Способности же получены ими в ином мире или вблизи него, так же как межзвездные путешествия подарили нашим предкам Таланты, а может быть, дарят и сейчас. Что мы видели до сих пор? Телепатию, эмпатию, у призраков — гипнотизм; у них эти способности сильнее наших, но вполне узнаваемы.

— И пророческий дар, — добавила Модра. *— Демон сказал, что один из нас умрет, не войдя в Город. А в Городе должен умереть еще один.*

— Честно говоря, я не думаю, что это пророчество. Они отлично нас знают. А зная характер Морока, нетрудно предположить, что он попробует взлететь над лабиринтом. И не надо быть таким уж опытным психологом, чтобы понимать, что нам не удастся вечно держать Калию и Манью подальше друг от друга. А уж предсказать, что развязка наступит в Городе, я и сама могу — мы уже почти там.

Модра поежилась.

— Неприятно идти вот так — на виду, и теплее не становится.

— Да, понимаю, — согласилась Криша. *— Но, с другой стороны, здесь гораздо меньше вероятности, что кто-нибудь попробует на нас напасть.*

Хотя Криша, как и остальные прирожденные телепаты, поспешила снова заблокировать свои мысли, все поняли, к кому они относились.

— Не льсти себе, — коротко бросил Джозеф.

На самом деле Джозеф, неспособный блокировать свои мысли, немного завидовал им. Но, к удивлению Криши, у миколианского офицера существовало чувство личной чести — по крайней мере, для подобных ситуаций, — чего вряд ли можно было ожидать от воспитанника системы, в которой жестокость была необходима, чтобы занимать любую руководящую должность. И тем не менее обе женщины не испытывали иллюзий по поводу того, какое обращение ожидало бы их в родной среде Джозефа.

Крише становилось все труднее увязать Джозефа с тем, чему ее учили — что натуральные гипноты, в особенности миколианцы, все поголовно одержимы демонами. Напротив, если отбросить брутальную и циничную шелуху и не забывать, что Джозеф

был воспитан в иной культуре, ей не виделось ничего невозможного в том, что Джозефа можно назвать даже привлекательным, и уж по меньшей мере достойным уважения.

Они довольно быстро прошли длинный спуск и были уже невдалеке от Города. Вблизи он выглядел ничуть не менее привлекательным, чем издали, хотя и гораздо более запутанным, чем большинство городов.

— Здесь нет окон, — заметил Ган Ро Чин.

— Что? — Джимми Маккрей, озадаченный, повернулся к нему.

— Ни в одном из зданий нет окон, хотя в некоторых не меньше тридцати этажей. И острых углов тоже нет — они все несколько скруглены. Интересный дизайн и планировка; определенно, здесь они сумéли использовать этот их пластичный материал гораздо эффективнее, чем в других местах, которые мы видели. Как по-вашему, сколько народу может жить в таком большом городе?

Джимми пожал плечами.

— Не берусь оценить. Мне всегда плохо удавались такие вещи. Он определенно больше, чем казался издалека. Учитывая высоту зданий и все остальное, я не удивлюсь, если полмиллиона, а то и больше.

— Довольно хорошая оценка. Но если не ошибаюсь, кому-то из вас князь Кинтара сказал, что их двести миллионов. Даже допустив, что есть и другие хранилища вроде того, через которое мы прошли, остается еще очень много неучтенных демонов. И еще — интересно, как они здесь жили? Я не вижу здесь никакой транспортной системы, никаких дорог, ничего в этом роде.

Джимми щелкнул пальцами.

— Ага! Я совсем забыл! Пурпурный князь сказал Модре что-то насчет того, что их двести миллионов «в этом секторе». Не желаю знать, что он имел в виду под этим замечанием — по мне, двести миллионов этих миляг более чем достаточно. Но сама цифра — ну конечно! Тьма — десять тысяч, тогда дважды тьма тем — двести миллионов демонов-воинов! А четыре ангела — Князья демонов! Все сходится!

Остальные, слушавшие его, остановились в недоумении.

— Ты о чем, Джимми? — спросила Модра.

— Откровение, глава девятая. Ах да, это же христианская книга. Вряд ли кто-то из вас слышал о ней. Ну-ка, проверим, не подводит ли меня память...

«...говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц и год, для того чтобы умертвить третью часть людей. Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его...» *

---

* Откр. 9: 14-16.

— Что ты процитировал, Маккрей? — спросил Ган Ро Чин.

— Отрывок из священной книги одной из величайших религий терран, которая теперь предана забвению везде, кроме нескольких неприметных миров и субкультур вроде моей. Это пророческая, мистическая книга, символически предсказывающая, как Бог закончит этот мир. Ее интерпретировали столько раз, что смысл затерялся после того, как мы стали путешествовать между звезд; эта книга сохранилась лишь как образец интересного апокрифа в немногих ветвях нашей Церкви — но очевидно, какой-то смысл здесь все же есть. Демоны — предположительно падшие, то есть восставшие, ангелы, а князь сказал, что они хотят восстания.

— *Этноцентризм,* — сухо прокомментировала Тобруш. — *Присутствует во всех культурах и расах, имеющих религию. Самая распространенная религия мира моих предков утверждает, что джулки — венец творения, и что мы унаследуем Вселенную, если не попадем в рабство к двуногим или не продадим им свои души. Собственно говоря, если бы я была религиозна, мне бы не следовало даже входить в этот отряд.*

— Постой, Джимми! — вмешалась Модра. — Ты считаешь, что какая-то маловразумительная книга какой-то древней терранской религии имеет отношение к происходящему? Это просто совпадение.

— Да неужто? — Он задумался. — Тигр и Евфрат — реки, омывающие один из регионов пра-Терры, который стал колыбелью первых цивилизаций.

— Только некоторых, — напомнил Ган Ро Чин.

— Так или иначе, именно там зародились три крупнейшие религии, широко распространившиеся по пра-Терре, — пожал плечами Джимми. — И не случайно во всех трех почти идентичны описания демонов. Предположим — пока только предположим, — что где-то там, на дне Евфрата, погребенная в песке и иле, расположена станция Кинтара. Предположим, святой Иоанн Богослов, тот, кто написал эту книгу, имел паранормальные способности, неразвитый Талант. Он сам говорил, что узнал все это из очень отчетливых видений, когда скрывался в изгнании на удаленном острове, в посте и молитве.

Капитан кивнул.

— Возможно, в этом что-то есть, хотя ниточка и тонка. Он был мучеником за веру и очень предан ей, но ведь он был человеком своего времени, и поэтому интерпретировал то, что видел, в соответствии с тогдашними представлениями.

Модра ничуть не поверила.

— Сначала древние поэты, теперь видения еще более древних фанатиков устаревших религий. Маккрей, где ты этого набрался?

— Когда-то я был священником этой самой древней и устаревшей религии, — ответил он. — И до сих пор остаюсь им, хотя я и отлучен, проклят и не могу причащаться и совершать таинства. В Новой Ирландии хотя бы один сын в семье обязан был стать священником, а хотя бы одна дочь — монахиней.

— **Кем** ты был?

— Он признался, что был священником поддельного бога, — презрительно бросила Манья. — И теперь несет наказание за это!

— *Манья!* — вступилась Криша. — *Разве не учили нас уважать священников туземных рас?*

— Становится все труднее определить, кто истинный, а кто поддельный, — отвечал Джимми. — Пока что мои личные исследования источников моей веры оказываются довольно полезны. Я даже начинаю сомневаться в своем неверии, так же, как раньше сомневался, верю ли я. Если где-то тут запечатаны четыре князя демонов, то грядут **весьма** тяжелые времена.

— Может, я должна уважать и миколианские ритуалы жертвоприношения?

— Я не уверен, что одно стыкуется с другим, в теологическом смысле, — заметил капитан, отвечая Джимми, — мысленного спора женщин он, разумеется, не слышал. — И все же я полагаю, что твои знания могут оказаться более полезными, чем кажется на первый взгляд.

— *Не беспокойся, старая крыса!* — огрызнулась Калия. — *Ни один бог не примет тебя в жертву!*

Модра посмотрела на Кришу, потом на Джозефа, и не потребовалось никаких телепатических способностей, чтобы ее понять.

— *Прекрати немедленно!* — сильно, как только мог, послал Джозеф Калии. — *Или мы сбросим вас **обеих** с моста, и вы сможете оскорблять друг друга целую вечность, пока будете падать!*

Джимми тоже услышал их перепалку и решил разрядить обстановку.

— Что-то я замерз тут стоять, — сказал он. — Чем скорее мы спустимся, тем скорее сможем заглянуть к кому-нибудь на огонек.

Они двинулись дальше. Модра скользнула к Джимми, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз — такая форма общения ей до сих пор нравилась больше.

— Ты правда был священником? Как те двое и Морок?

— Да, — признался он, — что-то вроде того. Ирландцы были католиками, возможно, даже последними из них. У нас тоже был целибат, но женщин нельзя было рукополагать. Была даже своя Инквизиция, хотя она предназначалась лишь для того, чтобы обеспечивать чистоту веры моего родного мира.

— Женщин нельзя было рукополагать? Ты же сам только что говорил что-то о женщинах, которые должны были принимать сан!

— Я говорил о женщинах, которые уходили в монахини. У них те же ограничения, но они считаются ниже рангом — им запрещено совершать таинства.

— Почему же ты бросил это?

Он вздохнул.

— В этом была и их вина. Я стал слишком образован. Очень трудно продолжать верить, когда повидал другие миры, другие расы и изучал другие религии. Для нас следовать католицизму значило сохранять нашу культуру.

— Но ведь были и другие регионы, посвободнее?

— Да, где-то в Бирже были. Но я был молод и амбициозен, я хотел все сразу. Да, конечно, я мог взять приход в либеральном регионе и жить, как обычный приходской священник. Но чтобы подняться наверх, стать епископом, надо принять монашество и придерживаться строгих правил.

— И ты следовал им?

— Да, и довольно долго. Я был чертовски хорошим священником. А поскольку я еще был и чертовски хорошим телепатом, я быстро научился частично блокировать свое сознание. Наши священники обязаны ежедневно исповедаться вышестоящим, а те всегда обладают Талантами, так что прятать свои грехи до бесконечности все равно не выйдет — рано или поздно ты нарвешься на гипнота, который просветит тебя до самых косточек. Но наше начальство всегда было так занято, что не копало глубоко, и я хранил на дне своей души несколько грязных тайн. В частности то, что я влюбился по уши в сестру милосердия Мэри Брайт, монахиню, чьим исповедником был я сам. Она хотела быть монахиней не больше, чем я священником, но семья и Церковь в нашем мире могут оказывать огромное давление на молодежь. Мы встречались и проводили много времени вместе, устраивали пикники или подолгу гуляли, но ни разу не коснулись друг друга, хоть и очень хотели этого.

Я был единственным телепатом в округе, а она — эмпатом, причем способным скрывать свой Талант от других эмпатов, хотя это стоило невероятных усилий. Наконец она не выдержала и попросила освободить ее от обетов, хотя расстриженная монахиня у нас дома считается шлюхой, даже если ведет себя абсолютно благопристойно. Мы думали, что если она сможет, то и я тоже смогу, и мы заработаем достаточно деньжат, чтобы уехать оттуда и найти себе где-нибудь в Бирже такое местечко, где никому не будет дела до того, кем мы были раньше.

— И что же пошло не так?

— Ну, в принципе считается, что монахиня может уйти, но на самом деле в католичестве такого никогда не бывает.

Они сказали, что поскольку случай особый, то ей нужно будет ненадолго уехать в другой монастырь, чтобы сменить обстановку и проверить, действительно ли она хочет уйти. А отправили ее, как оказалось, в такое специальное место, где передумывают. Раньше это называлось промывкой мозгов. Весь тамошний штат состоял из фанатиков — гипнотов, телепатов и проецирующих эмпатов, плюс психотропные препараты, о которых в нашем небольшом сельском приходе никто и не слыхал. Все для спасения души. Ее отправили туда на сто дней — сто дней я ничего о ней не слышал. Я уже начинал думать, что больше ее не увижу, но она вернулась. По крайней мере, вернулось ее прекрасное тело. У нее больше не было никакого влечения ни к одному мужчине; она даже не считала мужчин хотя бы до какой-то степени привлекательными или интересными, и не могла взять в толк, почему раньше ей так казалось. Господь стал единственным мужчиной ее жизни, и Его ей было вполне достаточно. Когда она увидела меня, она увидела только священника, не мужчину. Я подумал, что ее загипнотизировали или что-то в этом роде, что рано или поздно это пройдет. Я ждал почти год, пока не понял, что это не пройдет никогда. Сначала я просто был расстроен, а потом испугался. Если они смогли так поступить с ней, то смогут и со мной — ведь она не могла не рассказать им обо мне. Иначе зачем было вообще присылать ее обратно? Ее прислали не просто как пример — ее прислали как предупреждение!

— Это отвратительно!

— Я попросил о переводе в отдаленный монастырь на далеком мире, принадлежавшем Церкви, и, как и можно было предположить, был очень быстро туда переведен. Я взошел на корабль, летевший туда, но до места назначения так и не долетел. И вот я оказался сам по себе: чрезвычайно наивный двадцатидевятилетний девственник, знающий древние языки и литературную классику терран, интересующийся сравнительным религиоведением и даже имеющий диплом по психологии. Впрочем, я нигде не мог его предъявить, так как получил его в церковной академии. У меня не было в кармане ни гроша; я застрял на населенном трехметровыми светло-зелеными кентавроидами мире, основным экспортным товаром которого было некое супер-удобрение. Их мышление оказалось настолько чуждым для меня, что в чтении их мозгов я так и не продвинулся дальше основ. Билетом я воспользоваться не мог, потому что уже проехал по нему, а это был билет в одну сторону.

— И что же ты стал делать?

— Все, что мог, чтобы выжить. Не будем сейчас вспоминать все, что мне пришлось делать, но это было первым из того, что можно рассматривать как кару Божью. Наконец, мне подвернулась работа в космопорте, потому что я бегло говорил на стандартном и мне легко давались другие языки. Я крутился среди космо-

летчиков, и наконец один из них, у которого был не укомплектован экипаж, взял меня на время, и мне выправили документы и летные права. Но даже когда я начал летать с ними, прошло пять проклятых лет, прежде чем я увидел первого терранина, если не считать тех, что проходили через терминал. Я уже даже начал было подумывать, что жизнь налаживается, и я наконец-то становлюсь независимым, когда мы взялись за ту работу, и я подцепил Гристу. Команда не оставила меня из жалости, но потом у нас начались неприятности, и когда один из них пожертвовал **собой**, чтобы спасти меня, я получил черную метку. Меня высадили в столице, и там я обретался, пока не появилась ты. Теперь ты знаешь все.

— Погоди, Джимми, — сказала Модра, пытаясь сообразить. — Ты не сказал мне — сколько тебе лет?

— Сорок один, так написано в документах.

— Тебе сорок один, из них семь-восемь в космосе, и ты до сих пор девственник?

Он кашлянул, несколько смущенный.

— Ну... Гриста терпеть не могла соперниц, и если не считать ее саму — а она потрясающе умела стимулировать отдельные области — то да. У меня не было возможности, хотя, видит Бог, мне этого очень хотелось.

— Бедняжка Джимми! — вздохнула она. — И вот ты идешь нагишом прямо в ад или по крайней мере во что-то очень похожее.

— Да. Так что, поскольку я все еще отбываю наказание, то это хотя бы значит, что Господь лично присматривает за мной. И если Он действительно есть, где-то там, наверху, то Он знает о нас.

Он игнорировал свою веру, даже убеждал себя, что изгнал ее, но теперь понял, что это не так. Она до сих пор жила в нем, где-то в глубине души. Это встало перед ним со всей очевидностью, когда он столкнулся с первой парой демонов, — в тот раз он не только уверовал, но и ощутил себя католическим священником. Теперь же, хотя он и понимал умом, что его старое «я» состояло наполовину из надежд, а наполовину из эгоизма, он начинал задаваться вопросом — не была ли вся его жизнь частью какого-то божественного плана? Может быть, он **должен** был оказаться здесь, может быть, вся его предыдущая жизнь была лишь подготовкой к тому, что его ждало впереди? В некотором роде он страстно желал этого, потому что если это было так, то его жизнь вновь обретала смысл.

— Глядите-ка! Тут можно срезать! — воскликнула Калия. — Классно! Нам не придется тащиться вокруг всей этой хреновины!

И действительно, сейчас, когда они уже почти спустились по спиральной дороге, им стали видны несколько коротких путей, ведущих от нее на разные уровни Города.

— Пойдем здесь? — спросил Джимми.

— Я бы выбрал следующую тропу, хотя до нее еще и полкилометра, — посоветовал Ган Ро Чин. — Логично предположить, что тот, кто сюда придет, не откажется от искушения срезать, и Кинтара наверняка приготовили какую-нибудь ловушку для рациональных людей.

— Здравая мысль, — поддержал Джозеф.— Мы, во всяком случае, пойдем дальше.

— Не думаю, что нам стоит разделяться прямо сейчас, — согласился Джимми.

— А я считаю, что надо свернуть здесь! — возразила Манья. — Мы встретим их лицом к лицу, как всегда встречали! К тому же так мы наконец разойдемся с этим отродьем, что идет в авангарде!

Криша покачала головой.

— Манья, иди, если хочешь, но мы с капитаном пока останемся с остальными.

Манья взвесила «за» и «против», и прагматизм и благоразумие победили. Она пойдет со своими, даже если они и ошибаются.

Оказавшись в Городе, они не ощутили подъема температуры. Холоднее тоже не стало — по крайней мере, физически. Но в Городе явственно чувствовалась атмосфера покинутости, отрезанности от всего мира, поразившая всех, даже Ган Ро Чина.

При виде пустынных, заброшенных улиц они почувствовали себя одинокими, как никогда. Они были карликами по сравнению с величественными зданиями, возвышавшимися по обеим сторонам улицы.

— Тоскливо тут... Хоть бы мусор какой-нибудь валялся... — протянул Джимми Маккрей. — Так и ждешь, что кто-то выскочит из-за угла и крикнет «Бу-у-у!»

— Боюсь, моя жизнь зависит от того, умеет ли кто-нибудь из присутствующих оказывать экстренную помощь при остановке сердца, — откликнулся капитан. — Уж на что я, казалось бы, привычен к просторным помещениям, но хранилища грузового корабля ничто по сравнению с этим.

— *На улицах нет никаких пятен,* — заметила Тобруш. — *Здесь все, начиная с мостовых и кончая стенами, гладкое, как стекло. Мы отражаемся со всех сторон. Хорошо бы попалось что-нибудь тяжелое — интересно, можно ли хотя бы поцарапать эти мостовые?*

— *Попробуй кислоту,* — предложил Джозеф. — *Ты же можешь ее синтезировать и выпустить через усики, разве нет?*

— *Занятная мысль. Давай попробуем.* — Несколько гибких щупалец выдвинулось из спины джулки, и на тротуар

закапала цветная жидкость. Зашипев, она впиталась в покрытие, как в губку, оставив на нем лишь небольшие тусклые пятна. Затем даже пятна медленно исчезли, и через минуту улица выглядела так, как будто ничего не произошло.

— Это объясняет, почему тут так чисто, — заметил Джозеф. — Никогда ничего подобного не видел. Интересно, из чего же это сделано?

Чин не вполне понял комментарий на миколианском, но он все видел сам и мог догадаться.

— Я уверен, что мы бы удивили любого химика, дав ему это на анализ, — сказал он. — Бьюсь об заклад, ученые Биржи обнаружили бы, что химический состав довольно обычен, но связи нельзя точно скопировать, потому что не все ингредиенты удалось бы обнаружить или измерить.

— Так что же это тогда такое, капитан? — спросила его Криша.

— Мне кажется, что это сделали сами Кинтара, — ответил он. — Идолы на мосту тоже продемонстрировали нам иные физические законы.

— По-твоему, весь Город сделан так же, как те идолы? — нервно спросила Модра. — И мы стоим посреди него, ни о чем не догадываясь?

Капитан улыбнулся.

— Не думаю, что тебя засосет куда-то внутрь, если ты об этом, — заверил он ее, надеясь, что так оно и есть. — Я полагаю, для этого нужны какие-нибудь дополнительные устройства. Но я крайне рекомендовал бы поостеречься и не прикасаться ни к каким геометрическим фигурам, которые, возможно, нам встретятся на этих улицах. Мы используем закон изменения физических свойств вещества при скорости света только для полетов в космосе. Я думаю, что Кинтара пошли дальше. Они, должно быть, научились использовать саму скрытую энергию, диктующую эти законы, и целенаправленно передавать ее в наш мир. Именно таким образом они смогли сотворить этих идолов, воплотив в них сознание тамошних обитателей, кем бы они ни были; но с помощью этой энергии можно сделать и что-то более прагматичное — например, перенести сюда часть материи того мира, превратив ее в этот материал, да еще и сохранив энергетическую связь, чтобы он сам себя чинил.

— Неужели ты догадался обо всем этом, просто взглянув на здешние улицы? — поинтересовался Джимми. Ему нравился капитан, но он скептически относился к склонности Нуля строить красивые теории.

— Это не так сложно, как кажется, — ответил Чин. — Мы используем куда более примитивный обмен энергиями с той Вселенной, когда ускоряем космический корабль. Сам по

себе корабль был бы поглощен, превращен в энергию, если бы не был защищен еще до выхода в тот мир. Защита эта создается в процессе так называемого «погружения» и распадается, когда мы замедляемся до скоростей, допустимых в нашем мире. Я, собственно, ни о чем не догадывался, я просто сложил два и два.

— Я и не знала об этом, — заметила Модра; судя по мыслям других, для них это тоже была новость.

— Между тем, кто умеет включать свет, и профессиональным электриком большая разница, — заметил Чин. — Некоторые из вас знают, как управлять кораблем, но никто не понимает принципов его устройства. А настоящий межзвездный специалист обязан разбираться во всем. У меня самого были трудности с этим, когда я учился в Торговой Академии Адмиралтейства — если не ошибаюсь, по-вашему она называется именно так. Мы умеем делать очень многие вещи, но не понимаем, почему и как они работают. Большинство великих открытий делаются случайно, людьми, которые занимались совсем другим. И в отличие от обычных изобретений, мы, даже используя их, никогда не понимаем полностью их принципы. Например, я нигде не встречал идей касательно того, как предотвращать распад материи в нашем мире, как это сделано здесь, не говоря уже о том, как из такой материи строить. Тот же, кто создал все это, отлично разбирался в таких вещах.

Джимми пораженно присвистнул.

— Что ж, вот и главный приз, — прокомментировал он. — Все сокровища мира лежат у ваших ног. Осталось только понять, как это устроено, а потом еще как-то ухитриться вернуться обратно и основать компанию. Никаких расходов на перевозки, ремонт и рабочих! Дороги, которые не знают износа, дома сразу и для всех! Да это же та самая золотая жила, о которой мы мечтали, отправляясь сюда!

— О, здесь гораздо, гораздо большее, Маккрей, — сказал Ган Ро Чин. — Перевод бесконечного количества энергии в материю — только одна сторона монеты. А что, если посмотреть на **другую** сторону?

— Это как? Ты имеешь в виду очередное абсолютное оружие?

— Ну, это само собой, но оно того не стоит. Я вот все думаю, каким образом они вытащили эти громадные кристаллы из пещеры наружу, и как они транспортировали эти свои станции в разные отсеки — или миры, или что это на самом деле? Уж наверное, не тем путем, которым шли **мы**. Думаю, они использовали станции для перевода материи в энергию, затем передавали ее туда, куда им было нужно, и наконец снова материализировали здесь. Если то, что я понял про тот мир — правда, то там энергия **имеет форму** и в некотором роде овеществляется. Однако это, видимо, непросто — затолкать внутрь, к примеру, кристалл, уже правильно резонирующий, потом переместить его в виде энергии на нужное место, затем аккуратно выта-

щить, так чтобы не сбить резонанс, и чтобы им можно было пользоваться для перемещения себя самого. Такой переносной туннель.

Несмотря на пренебрежение всем мицлапланским, Тобруш крайне заинтересовалась.

— *Постой!* — передала джулки, которая не могла внятно изъясняться ни на одном из двух других языков. — *Но это значит, что кто-то управляет всем этим!*

Джимми перевел это Чину. Тот кивнул.

— Думаю, да. Мне с самого начала казалось странным, что первая пара встреченных нами демонов была... удивлена, что ли, увидев нас, и стала нас убеждать выпустить их. Но почему же их не освободила та пара, которую выпустили ученые Биржи? Это не заняло бы у них много времени. И почему эти хищники, которым требуется свежее мясо и вода, не запаслись припасами перед дорогой? Мы не видели никаких следов убийства местных животных, а они не склонны к аккуратности. Единственный вывод — выпущенные на волю демоны вообще не встречались с теми, которых видели мы, и не шли тем же путем, поэтому им и не надо было припасов.

— Но мы видели следы у второй станции, там, где они вошли! — напомнила Криша.

— Да. И ни одного после. Им была нужна только станция, чтобы выйти в иной мир. Добравшись до нее, они не стали входить в центральную камеру. Они тотчас обратились в энергию и оказались в ином мире, чтобы выйти в этот уже на другой станции — там, где им было нужно.

— Джулки считает, что у тебя отличное воображение, — передал Джимми капитану. — Но если ты прав, то зачем им вторая станция? Почему они не переместились прямо из первой?

— У меня есть несколько гипотез, — ответил Ган Ро Чин. — Наиболее вероятно, что им не подходил тот уровень. Вспомните тот мир — он был простоват, недоделан, без декораций. По сути, пустая комната. Может быть, каким-то расам и нравятся пустые комнаты, но Кинтара очень похожи на нас, так что вряд ли это тот случай. Вывод — что бы ни случилось с ними в далеком прошлом, из-за этого остановилась и их застройка. Первая станция была конечной точкой маршрута, не полностью функциональной. Другой вариант — они могли связаться со своими и получить приказ заманить преследователей в основную сеть, где им было бы легко контролировать и управлять любым участком пути. Заметьте, что первая пара просила нас их освободить, а вторая нет. У них уже был приказ.

— Если ты прав, — сказал Джимми Маккрей, — то стоит только этим кровожадным тварям освободиться, как они тут же бросятся к ближайшей станции и перенесутся к своим войс-

кам — например, в тот зверинец, что мы проходили. А потом **все вместе** зайдут и выберут станцию назначения себе по вкусу. И если на старой матушке-Терре, где-нибудь на дне Евфрата, действительно есть их станция, то велики шансы, что и на прародинах остальных рас они тоже есть, может, даже и не по одной. Две сотни миллионов демонов, обладающих такой мощью и мобильностью, захватят эти полусонные миры за одну ночь! А ведь так называемые смертные могут выпустить демонов и из других мест, так что понадобится немного времени, чтобы кто-то из них появился в нужной точке и передвинул кристаллы.

— Прежде всего надо выиграть время, — сказала Криша. — А это значит, что мы должны узнать здесь как можно больше и каким-то образом вернуться, чтобы рассказать. Второе, не менее важное — мы не должны, **ни при каких** обстоятельствах, поддаться искушению и освободить князей. Может, мы и упустили пару демонов, но и только. Без князей они не представляют серьезной угрозы, сколько бы вреда они ни принесли.

— А почему они сами не выпустят князей? — спросила Модра.

— Видимо, почему-то не могут, другого объяснения я не вижу, — ответил Джимми. — Кто их знает, почему? Важно лишь то, что если бы могли, то давно бы освободили, и сейчас уже не из-за чего было бы волноваться. Наверняка тот, кто их заточил, предвидел, что кто-то из мелкоты может вырваться или вообще ускользнуть. И я думаю, кое-кто таки ускользнул — слишком уж много историй про демонов сохранилось с древних времен. Фактически, я не удивлюсь, если здесь где-нибудь расставлены ловушки, чтобы их всех не поосвобождали; даже та пара вела себя очень осторожно. Так что нет, сейчас наша подача!

— Может быть, все, что мы можем — это умереть, — безрадостно сказал капитан. — Если мы в ближайшее время не станем волшебниками или чародеями и не освоим их трюки, что маловероятно, то я не вижу, как мы сможем выбраться отсюда или хотя бы достать еды и воды. У нас осталось очень мало времени. Считанные дни. И все это время мы можем только надеяться, что никто из нас, даже случайно, не освободит этих князей.

Джозеф, слушавший их разговор, внезапно повернулся:

— А где Калия?

Они огляделись по сторонам, но миколианка бесследно исчезла.

ОКО БОГА

Сначала они хотели броситься искать ее повсюду, разделиться, но Криша быстро сообразила, что Манья до сих пор тут, и хотя бы поэтому маловероятно, что Калия исчезла по своей воле.

Она развеяла невысказанные опасения Джозефа, что миколианка отправилась к князю демонов, чтобы предать их, убедив его, что у нее уже была такая возможность, и она ею не воспользовалась. Затем Криша распахнула свой разум и попыталась обнаружить Калию телепатически.

— Ничего не получается, — сказала она. — Странно, но здесь мой радиус чувствительности сильно ограничен.

— У меня тоже, — с беспокойством откликнулся Джимми Маккрей. Тобруш промолчала, но они были уверены, что это не только их проблема. — Здесь какая-то аномалия, она превращает в хаос все, что находится за пределами прямой видимости.

— Может быть, это потому, что все здесь сделано из энергии иного мира, — предположил капитан. — Или, может быть, нас глушат.

— **Калия!** — что есть мочи заорал Джозеф, его внушительный голос вызвал не менее внушительное эхо.

Он крикнул еще пару раз, но ответа не было.

— И что мы будем теперь делать? — спросила Криша. — Мы можем остаться здесь, подождать ее, но сколько мы можем ждать? Или можно пойти дальше — но если она просто свернула не туда, то как она нас потом найдет?

— Дадим ей пару минут, — предложил Джимми. — После это будут уже ее проблемы, не наши. Я думаю, мы еще походим тут, пока не заблудимся или нам не надоест, а потом пойдем в центр Города. К той огромной пирамиде. Нет никаких сомнений, что это и есть центр — не только по расположению, но и потому, что она заметно отличается от всех остальных зданий. То место, «куда, как ясно каждому, мы все все равно придем».

Они согласились с планом.

Ган Ро Чин потратил несколько минут на то, чтобы осмотреть как следует ближайшее здание.

— Гладкое как стекло, — заметил он, глядя на свое отражение в отполированной поверхности. — Ого! А я выгляжу хуже, чем я думал!

Маккрей подошел к нему.

— А мне так кажется, что я выгляжу **в точности** настолько плохо, как я думал, — сказал он, посмотрев на собственное отражение. — Вот интересно, как они входили и выходили из этих штук? Во всех остальных их строениях, по крайней мере, были двери. Может, надо спуститься на первый этаж? Или здесь у разных зданий входы на разных этажах, чтобы равномерно распределить движение?

— Вряд ли. Иначе зачем было прокладывать короткий путь от дороги прямо сюда?

Маккрей коснулся поверхности. Гладкая, прохладная. Обернувшись к капитану, он сказал:

— А может, надо просто пожелать войти? Я ожидал увидеть какие-нибудь знаки на этой штуковине, подсказки, что ли, но что-то я пока ничего такого не видел. — Он подошел ближе, прислонился к стене и... провалился внутрь.

* * *

Тут же подбежали остальные.

— Что случилось? — крикнула Модра капитану.

— Он просто прислонился, **вот здесь**, — Чин стукнул по стене; она была твердой, — и вдруг провалился. Как вы думаете, возможно, то же самое случилось с Калией?

Неожиданно Джимми Маккрей вышел из стены, как будто прошел сквозь материю.

— Дьявольская штучка, а? — хмурясь, заметил он. — Я минуты две убил, пока понял, как из нее выйти.

— Как? Как тебе это удалось?

— Ты вроде как представляешь, что ее тут нет, и просто идешь. Кстати, я вас видел изнутри, правда, смутно. Выход отмечен желтым цветом, но снаружи не заметно.

Чин постучал по стене в том месте, где только что появился Джимми — она издала глухой звук. Джимми усмехнулся, повернулся и еще раз вошел в стену.

— Если с Калией и в самом деле случилось то же самое, то ей должно быть очень не по себе, — заметила Тобруш. — Возможно, она пытается выбраться. Ее должен приводить в замешательство вид Маккрея, спокойно проходящего туда и обратно.

Джимми вскоре вернулся.

— Просто идите, как будто здесь ничего нет, вот и все. Правда, там внутри жутко холодно, еще хуже, чем здесь.

Конечно же, они все попробовали. Ган Ро Чин пожал плечами, ступил в стену и был таков, но Модра и еще кое-кто уперлись в стену.

— Трудно игнорировать собственные чувства, — заметил Джимми. — Если думать, что впереди стена, то так и будет. А если думаешь, что гуляешь, как обычно, то пройдешь.

Наконец, Модра справилась и обнаружила себя в большом зале. Из пола как будто вырастал огромный крыловидный стол, а за ним, на подставке, стоял большой стул, рассчитанный на крупное двуногое существо, но явно не на человека. Казалось, из зала не было выхода, но в стене светились трубки, расположенные где-то на трехметровой высоте — горизонтальные и вертикальные линии различных цветов.

Ган Ро Чин прошел через дверь, отмеченную горизонтальной сине-зеленой линией.

— Это их вариант универсальной системы знаков, — объяснил он. — Горизонтальные — это переходы между различными, скажем так, кабинетами. Вертикальные, полагаю, ведут на другие этажи. Как и на станциях, здесь нет необходимости в обычном транспорте. Но, учитывая, что все выходы, помеченные параллельными линиями, справа, а все горизонтальные слева, я предполагаю, что это и есть их система мгновенного перемещения. Да, им определенно не нужны лестницы и лифты.

Он подошел к массивному столу со стороны стула и осмотрел крышку.

— Любопытно.

Он положил руку на какую-то точку стола, и Модра с изумлением увидела, что над дверьми появились совершенно другие цвета.

— Простая система, если знать, как она устроена, — объяснил капитан. — Здесь сидит секретарь, ты говоришь ему, к кому ты идешь, и он нажимает нужную комбинацию цветов на пульте. Свободная дверь переключается на нужное место. Гениально, если у тебя есть руки.

Некоторые уже вышли сквозь стену наружу, но Модра все еще стояла рядом с капитаном, смотря на, или вернее, сквозь пульт.

— Ты думаешь, все их машины такие?

— Вероятно, — отвечал он. — Более сложные, наверно, оснащены детектором голоса, или даже мыслей, а все действия постоянно протоколируются и записываются. Это явно деловой офис, со многими и многими служащими и посетителями. Но в какой области они вели дела, я боюсь даже предположить. Даже если мы доберемся до подобных протоколов, мы наверняка ничего в них не поймем.

— Все это очень интересно, но я ужасно замерзла, — пожаловалась она. — Я пойду наружу, если смогу.

Он кивнул, и вскоре они все уже стояли снаружи.

— Мы загнемся от переохлаждения, если надолго останемся внутри этих зданий, — заметил Джимми.

— Насколько я помню, у Кинтара были толстые шкуры, — сказал капитан. — Похоже, им по вкусу климат более прохладный, чем у нас, в противовес их репутации.

— А еще они иногда одеваются, — заметила Криша. — Будь у меня хоть накидка того князя, не говоря о платье, мне было бы здесь куда уютнее.

Джозеф осмотрел улицу и вздохнул.

— Что ж, если каждый осмотрит по двери, то может быть, мы и обнаружим Калию, — сказал он.

— По крайней мере, мы сможем найти ее, если она не вышла через другую дверь.

— Я не собираюсь искать таких, как она, — буркнула Манья. — Да она бы умерла счастливой, если бы я вошла вслед за ней и мы ненадолго застряли бы в одном из таких зданий!

Криша кивнула.

— Пойдем со мной, Манья. Думаю, вдвоем мы сможем ее утихомирить.

— Молли, держись рядом, — сказал Джимми. — Остальные — выбирайте любую дверь, какая вам понравится.

Поиски не заняли много времени. Фактически, Ган Ро Чин нашел ее уже за второй дверью, взбешенную до предела. Проблема была в том, как вывести ее наружу — при виде того, как легко Чин прошел сквозь стену и вышел вновь, чтобы позвать Тобруш и Джозефа, у нее не прибавилось спокойствия. Как и Джимми, она случайно прислонилась к стене и провалилась, но в отличие от него не поняла, как сюда попала, и не смогла выйти, видя перед глазами стену. Она выстукивала, нажимала и била кулаком в каждый квадратный сантиметр стены в поисках тайного рычага, не подозревая, что он скрывается в ее разуме.

— Теперь уже можно кое-что сказать о культуре, что жила здесь когда-то, по крайней мере о ее базовом уровне, — заметил капитан. — Давайте больше не отделяться от группы без причины.

Они направились в центральную часть Города по широким проспектам, напоминающим дно каньона со стекловидными стенами. Они явно предназначались для прогулок, а не для транспорта.

— Ни развязок, ни площадей, — заметил Джимми. — И растений тоже нет, и это после того роскошного сада! Странно.

— Может быть, не так уж и странно, — ответила Криша. — Если здесь не меняется погода и нет ни почвы, ни скал, то вполне понятно, почему в Городе они решили обойтись без зелени. Видимо, растительность здесь играет большую роль, и по ней нельзя просто ходить. Не забудьте, что сразу за лабиринтом начинаются леса, поля и рощи.

— Кстати, я не перестаю удивляться их фруктовым садам, — сказал Джимми Маккрей. — Все, что мы видели или узнали о Кинтара, говорит за то, что они хищники, но мы так и не заметили поблизости следов каких-либо животных. Город таких размеров должен бы ежедневно потреблять немалое количество мяса. А откуда оно берется? И зачем им автоматизированные фермы для выращивания растений, которых они не едят?

Капитан вздохнул.

— А если добавить к тому, что ты сказал, довольно эффективные автоматизированные системы безопасности в садах, жесткое соблюдение принципа недопущения внутрь ничего не-

живого и лабиринт с жуткими призраками, то перед нами вырисовывается весьма безрадостная картина.

— А именно?

— Живая добыча. Ввозимая сюда, выращиваемая где-то в другом месте, может быть на других уровнях. Не сад и не парк, друзья мои. А, боюсь, идиллический загон для ужина. Так и видится мадам Демон, резвой рысцой бегущая по лабиринту за сегодняшним уловом. Некоторых, более низкого качества, жертвовали обитателям лабиринта, чтобы снискать их благосклонность. Помните, когда погиб бедный Морок, они сказали, что «удовлетворены жертвой»?

— На участке **таких** размеров? Чтобы прокормить по меньшей мере десятки тысяч живших и работавших здесь? Абсурд! — возразил Джозеф.

Капитан пожал плечами.

— Возможно, живая добыча предназначалась только для аристократии — правителей, больших начальников, в качестве наград и тому подобное. Остальные, скорее всего, ели обычное, а не живое мясо, и не такого качества. Покупали его уже разделанным, как везде. Тем не менее, у них, судя по всему, был довольно богатый источник пищи. Практически неисчерпаемый, с учетом постоянного числа едоков. Я бы сказал, что они и не думали о нем, пока, как демон сказал кому-то из вас, их население не начало расти.

— Погоди-ка! — воскликнул Маккрей, внезапно догадавшись. — Ты ведь говоришь о **нас**, так ведь? О терранах и наверняка о многих других расах тоже. Они не просто рвутся к власти, им нужна еда — **мы**!

Всех передернуло, а Модра сказала:

— Джимми, это отвратительно.

— Да, отвратительно, — согласился капитан, — но я думаю, что так и есть. Я не хочу сказать, что они не питались и животными тоже — полагаю, обычные работяги только их и ели, — но мы были сливками, пищей для гурманов. Почему? Я могу лишь догадываться, поскольку понятно, что сгодится любое животное, принадлежащее к углеродным формам жизни. Возможно, это связано с какими-то их оккультными или религиозными представлениями — например, может быть, они считали, что в самом деле порабощают и забирают себе души тех, кого едят. А может, им просто нравились беспомощность и ужас жертвы, знающей, что обречена. И конечно, всю грязную работу они предоставляли аборигенам. Традиции кровавых жертвоприношений демонам или богам древности были широко распространены в большинстве примитивных культов. Если не ошибаюсь, даже в одной из поздних терранских религий практиковался символический каннибализм.

Джимми решил, что сейчас не время объяснять ему смысл таинства Святого Причастия.

Даже Джозеф ужаснулся, хотя и слышал их разговор через вторые руки, с трудом переводя его с чужого сознания.

— Ты хочешь сказать, что все расы, в которых существуют легенды о демонах, когда-то были обычными скотными дворами?

Чин кивнул.

— Думаю, что да. Для примитивных общин, столкнувшихся с подобной технологией, это был вполне выгодный обмен. Боги действительно **могли** наградить, и с каждым разом, когда у них повышался уровень жизни, люди жили все дольше и имели больше детей, а Кинтара собирали отличный урожай. Если они забирали лишь фиксированный процент населения, то остальные, разумеется, полагали, что это для общего блага.

— Зато жрецы и жрицы обладали всей силой, какой хотели, не так ли? — задумчиво спросила Калия.

Джозеф кивнул.

— Они не могли стать жертвами, они были их любимыми животными.

Он глубоко вздохнул.

— Что ж, теперь весь расклад намного понятнее. Если когда-то существовало несколько рас старше нашей, вышедших в космос, обладая примерно одинаковыми силами и технологиями, то они, конечно, заключили мирный пакт, вроде того, что существует сейчас между Тремя Империями. А Кинтара росли, множились, и в конце концов их региона стало для них недостаточно, так что они вполне могли развязать войну. Они разорвали пакт — то есть восстали, как они говорят. Захотели урвать кусок побольше — может, даже самый большой. Но ни одна из Трех Империй, несмотря на вражду, до сих пор так не поступила — именно потому, что они **в самом деле** почти равны по силе. Если одна из них нападет на другую, неизбежно победит третья. Любые две из них, объединившись, смогут навязать третьей свою волю. Наверняка у тех было то же самое. Так с чего Кинтара решили, будто смогут победить?

— Ты думаешь, что их было трое, потому что так обстоит дело сейчас, — напомнила Модра. — Но предположим, что их было четверо, а не трое? Допустим, что у Кинтара был союзник, и они вдвоем рассчитывали рассорить тех двоих оставшихся? В **таком** случае, особенно если их поджимало голодное население, они могли и рискнуть. Потом что-то произошло. Может, заговор оказался раскрыт, а может, у союзников сдали нервы, когда до них дошло, что в конце концов они останутся один на один против Кинтара. Что бы ни случилось, они их предали. И когда их стало трое против одного, Кинтара, по сути, осталось только принять капитуляцию без боя.

От пирамиды и центра Города их отделяло теперь всего несколько кварталов; почему-то им стало ощутимо холоднее, хотя температура не изменилась.

— Но зачем их было заточать? — спросил Джимми. — Если они оказались полностью во власти врагов, почему их просто не прикончили? Всегда ведь оставалась опасность того, что они освободятся!

— Нет, — сказала Криша. — У нас этот счет две версии от двух разных демонов. Один утверждал, что они сами заточили себя. Другой — что их предали и заточили вероломные союзники. Мы решили, что кто-то из них лжет. А что, если нет? Что, если обе версии верны?

Остальные недоуменно посмотрели на нее, а Ган Ро Чин улыбнулся.

— Ты превзошла меня в дедукции, — признал он. — Поздравляю.

— Что значит — обе верны? — спросила Модра.

— Скажи, производят ли Кинтара впечатление существ, готовых покорно позволить арестовать весь свой народ только потому, что могут проиграть войну?

Так никто не думал.

— Они как миколианцы — скорее умрут, чем сдадутся, — ответила Калия.

— Именно. И по тому приветливому отношению к Кинтара, которым до сих пор отличается одна из наших Империй, можно догадаться, кто был их союзником-предателем, не так ли? Они были заодно с Кинтара и поддерживали их план, но получили некий знак, что проиграют. Ввиду реальной угрозы поражения, если они будут продолжать поддерживать Кинтара, они договорились с двумя другими о третьей доле их владений. Можно себе представить, как совещалось руководство Кинтара. Начать ли войну с риском погубить всю расу до последнего, или выторговать стратегическое соглашение? Если в соглашение входила передача территории империи Кинтара в руки остальных, то есть максимум возможных выгод от войны, то возможно, им все же удалось прельстить противников его принять, с рядом оговорок. В противном случае союзникам предстояла бы война с безжалостным и жестоким народом, которому нечего терять, так что победа обошлась бы им очень дорого.

— И они действительно **сами** заточили себя! — воскликнула Модра. — Причем так, что другие могли это видеть. Они ушли в эти места и закрыли их, отключив все питание, за исключением самого необходимого для поддержания своих замков. Двести миллионов демонов, а может, и больше, в тюрьмах собственного изготовления! Они находятся в стазисе, но живы и даже, возможно, способны общаться через тот иной мир, когда их сознание попадает туда.

— Но в чем смысл? — спросил Джозеф. — Так они только оттягивали свою гибель!

— Не обязательно, — ответила Криша. — Кое-кто — вероятно, мелкие демоны, — сберегали и поддерживали демонические культы и легенды, хотя их было и немного. Большинство заточенных сумело сохранить некоторое влияние, действуя через иной мир. У них оставались слуги, жрецы и жрицы. Часть знаний передавалась по наследству: как призвать демона, исполнить желание, наслать губительные чары. Вся эта извращенная вера передавалась из поколения в поколение. Даже одержимость может быть формой телепатического слияния с другой расой, склонной к паранормальным способностям. Дикие оргии и афродизиаки — трансляция чувств. Алхимия — если уж им удалось создать этот Город из чистой энергии, то что им стоит превратить свинец в золото? Им пришлось заниматься всем этим, чтобы сохранить свой народ, свою инфраструктуру на протяжении тысяч и тысяч лет, пока не настало время.

— Время для чего? — спросила Модра. — Наверняка остальные не приняли бы соглашение, если бы полагали, что Кинтара могут рано или поздно освободиться.

— Полагаю, что они всегда знали о такой возможности, — ответил Джимми Маккрей. — Они, конечно, старались заткнуть каждую дырку, думая, что Кинтара откусили кусок, который не смогут переварить, но они недооценили терпение этой расы. Мы решили, что станция, через которую мы вошли, недостроена — и в каком-то смысле так оно и есть. Но что, если этот проект не был заморожен из-за их поражения, а наоборот, был авральным? Установить станцию посредине ничто, настолько дальше, чем кто-либо может добраться, что никто тогда не обратил на нее внимания? А может, таких было несколько, а это лишь первая, которую нашли? Здесь они терпеливо ждали, пока цивилизации, которые были в их времена примитивными, разовьются и покинут свои родные миры, выйдя в космос. Ждали, пока эта экспансия не закончится империей, а империи не начнут исследовать галактику. Ждали, пока их найдет кто-нибудь, кому неизвестно, кто они такие, а шансы на это были не так уж высоки. И тогда станция, проанализировав и разоружив первооткрывателей, перенесет небольшое их число сюда. В это самое место, чтобы поставить перед выбором: или освободить демонов, или медленно умереть.

— Но ведь все наверняка уже предупреждены! — возразила Модра. — Все Империи уже узнали, что на Радужном Мосту обнаружили демонов. Хранители знали с самого начала, ведь так? И здесь бы не было мицлапланцев, если бы их разведка не информировала их Святых Ангелов. А учитывая, что сейчас должно твориться на Радужном Мосту, Миколи тоже в курсе. Они найдут наши корабли, но не нас. Тогда они начнут нас разыскивать, чтобы остановить, разве нет?

— Если они еще способны действовать, то да, — признал капитан. — Но сколько воды утекло? Существуют ли еще Хранители? Сильны ли Миколи как прежде, или же переживают упадок? Возможно, сейчас только Мицлапланы могут хоть что-то противопоставить Кинтара, а это лишь треть от общего числа. Лишь наше общество оказалось способно дать отпор прямому влиянию Кинтара. Вся его организация создана специально для того, чтобы извести это зловредное влияние на корню. Возможно, что мы вообще единственные, кто серьезно рассматривал угрозу с их стороны. Несложно очертить старую границу сферы влияния Кинтара просто по наличию легенд о демонах в местных религиях. Время успокаивает, расслабляет. Две трети миров, раньше принадлежавших им, в том числе пра-Терра, теперь входят в состав Биржи и Миколя. И поскольку мы до сих пор не заметили никаких признаков вмешательства в наши дела высших существ, то значит, у них больше нет плана борьбы. Однажды, когда они были взрослыми, им удалось объединиться, чтобы победить Кинтара. Смогут ли они сейчас, на склоне лет? И будет ли их объединенной мощи достаточно, чтобы сразиться с Кинтара, которые сильны как прежде?

— Осторожнее, капитан! Твои слова граничат с ересью! — предупредила Манья.

— Разве? Может, ты и права, Манья. Но ничто из сказанного мной не противоречит твоей теологии. Мы лишь потомки других, старых рас, превосходивших нас во всем. Силы ада существуют, и они отвратительны именно настолько, как нас учили, и так же могущественны. Нет, Манья, я становлюсь все более религиозен. Если есть ад, если есть демоны, если есть черная магия и зло, если колдовство — альтернативная физика или новая математика, то я молюсь, и молюсь истово, чтобы существовали и боги!

— Возможно, для нас от этого разницы не будет, — заметил Джимми. — Кинтара искушали и испытывали нас, как им и положено. Бог, или боги, или как ты себе представляешь Высшее Существо или Сущих, всегда использовали бесов для искушения и испытания людей, дабы отсеять немногих достойных от всех остальных. Так что, даже если Бог и существует, возможно, Он не станет вмешиваться. Потому что сейчас **наш** черед проходить испытание.

* * *

Здания неожиданно кончились, и они увидели центр Города. Огромная пирамида возвышалась, закрывая горизонт, в одном конце грандиозного овала. Идущий от нее широкий проспект пересекал центр, заканчиваясь у относительно высокого заграждения — впрочем, не настолько высокого, чтобы через него нельзя было заглянуть.

Внутри бурлил водоворот искрящейся энергии, не менее мощной, чем испытанная в ином мире энергия зла. Но здесь все было по-другому. Чистая мощь текла через них, как будто сами их души купались в этом потоке, но она не несла в себе переполнявшего их тогда ощущения зла и искажения. Мощь просто **была**, она была за пределами столь ограниченных понятий, как добро и зло, за пределами всего того, что можно назвать словом. Даже капитан видел и ощущал ее; это была не какая-либо метафизическая или психическая сила, не энергия иного мира, но нечто очень реальное.

— Похоже на огромный глаз, — заметила Модра. — Когда закручивается и расходится.

— Око Бога, — выдохнул Джимми Маккрей.

— Возможно, ты прав больше, чем полагаешь, — откликнулся Ган Ро Чин. — Это источник всякой энергии — может быть, даже **всей** энергии. Так-то вот. Это центр, распределяющий ее, и одновременно врата, из которых она просачивается наружу. Только после этого она становится энергией, любой формой энергии, известной и неизвестной. Это Рай и Ад, сосуществующие бок о бок. Центр всего и конец всего. Сам факт того, что подобный источник действительно существует, объясняет многие несоответствия в измерениях количества энергии и материи во Вселенной.

Тобруш, до сих пор молчавшая, спросила:

— Что значит «просачивается»? Откуда?

— Извне. Извне Вселенной. То место, где мы сейчас находимся, может быть где угодно, но оно, несомненно, внутри нашей Вселенной. Даже иные миры, в которые вас занесло, находятся внутри чего-то еще. Но это — нет. Перед нами место, лежащее за пределами всех законов.

— Нонсенс! — ответила Тобруш. — Если бы ты был прав, мы бы видели ничто — полное отсутствие чего бы то ни было, и воспринимали бы это просто как черную дыру.

— Именно это мы и видим, — согласился Ган Ро Чин.

Тобруш, помолчав, произнесла:

— Я отвергаю твои безосновательные предположения. Я не могу их принять. Принять это — значило бы признать безумие нормой, хаос божеством. Законы природы, до сих пор не раз доказывавшие свою состоятельность и надежность, стали бы обычными правилами, которые могут подтверждаться или опровергаться, в зависимости от работы тех энергий, о которых ты рассуждал. Если это так, то становится возможным буквально все; сверхъестественное оказывается по одну сторону с естественным. Мы уже знаем, где начало Вселенной — она началась с Большого Взрыва!

— Взрыва **чего**? — возразил Чин. — Где? Наука так легко это объясняет — самопроизвольный взрыв, сам по себе,

из ничего, — хотя большую чушь с точки зрения логики трудно придумать, в отличие от моей теории. Религия утверждает, что все изошло из чего-то извне — из некой уже установившейся Вселенной. Из Рая. Не беспокойся — законы природы действительно **есть**. Сразу после того, как энергия просачивается в мир, она изменяется так, чтобы им соответствовать. Но кое в чем ты права. Судя по тому, что мы видели, мы не знаем и доли тех законов природы, которые полагаем известными. — Он неохотно отвернулся от Ока и указал на Город. — Зато вот **они** знают. Они построили этот Город согласно этим законам. И с помощью этих законов они намерены править тем, что мы называем Тремя Империями, — а Три Империи, как бы велики ни были, лишь горстка пыли по сравнению с известной Вселенной. Нам просто не повезло родиться в регионе, в котором Кинтара и остальные оказались раньше нас.

— А теперь мы все выросли и по-прежнему намного отстаем от них, — добавил Маккрей. — Поэтому они считают, что мы предоставим им все, что они потребуют. Армия завоевателей, неистощимый источник пищи... девяносто триллионов рабов, количество которых неустанно растет. Девяносто триллионов потенциальных фаустов, которым предложат сокровеннейшие тайны Вселенной — за немалую цену.

Калия сердито тряхнула головой.

— Кретины! — крикнула она с отвращением. — Сколько мы идем вместе, вы только и делаете, что болтаете, болтаете, болтаете и болтаете. Вы сорвали травинку и решили, будто у вас в руках ключ ко Вселенной. Но на самом деле вы ни черта не знаете! Этот убогий мицлик, капитан дерьмового грузовика, может выдать на-гора кучу дерьмовых теорий, об истинности которых знает не больше нашего, а святая стерва подхватывает, потому что это отвлекает ее от мыслей о постели! Они болтают, а вы начинаете скрипеть мозгами, и вот перед вами уже история Вселенной, в которой истины одна крупица, а все остальное — бред сивой кобылы! Опасны ли эти твари? Ясное дело! Знают они кучу всего, чего не знаем мы? Похоже на то. Но кроме этого, вы знаете не больше, чем знаю я, а это немного!

Этот выпад неприятно задел Кришу, но Манья, до сих пор молчавшая — и державшаяся подальше от Калии, — мысленно улыбнувшись, согласилась с ней, хотя и сочла ее язык несколько грубым. Позабавило ее то, что подобная мудрость исходила от вульгарной шлюшки-дьяволопоклонницы.

Зато Джозефу было не смешно.

— И это говорит та, кого практически оттащили от первого же встреченного ею демона, когда она пресмыкалась перед ним, — сухо заметил он.

— Это тебе все легко досталось, а мне пришлось карабкаться с самого низа, — напомнила она. — Но я поднялась высоко, потому что способная. Ясно же, что не может быть богом тот, кого такие, как я, должны вытаскивать из стеклянной банки. Но я бы не взобралась так высоко, если б только и делала, что сидела на заднице или кончала с собой из-за чьих-то бредней. Может, я и не знаю стихов или культовой лабуды и всего такого. Зато я знаю, что если эти ребята такие умные, — может даже поумнее нас, раз они постарше, — то уж наверно не такие тупые, чтобы строить город, из которого не выйти. Короче, умники, мне плевать, хотите вы покончить с собой или будете сидеть здесь и ждать, пока помрете с голоду или замерзнете. Я не собираюсь здесь оставаться. Если надо идти, так я пойду поищу еды, воды и тепла, а заодно и дорогу отсюда подальше. Кто хочет, айда со мной. А остальные могут броситься в этот омут прямо тут, чтоб вас больше не слышно было!

Высказав это, она повернулась и пошла по направлению к пирамиде.

— Ее доводы довольно убедительны, — сдержанно сказал капитан.

— Возможно, — ответила Модра. — Не знаю, наверное, нам был нужен такой холодный душ. Я не раз участвовала в командах исследователей, но никогда не сдавалась и не работала с теми, кто опускал руки. И конечно, я не буду резать себе горло только на основе предположений, как сказала она.

— В любом случае, в моей бывшей религии суицид запрещен, — пожал плечами Джимми. — И, если не ошибаюсь, у мицлапланцев тоже. Так или иначе, нам надо идти за ней в этот чертов Город — либо прикончить ее, иначе она встретится с князьями демонов тет-а-тет.

Один за другим они последовали за Калией к пирамиде. Она не собиралась их ждать, но, дойдя до колоссального здания, вынуждена была остановиться, потому что не увидела даже намека на вход.

Джимми Маккрей встал рядом с Калией и осмотрелся.

— Не трогайте никакие символы, — предупредил он. — Эта штука находится здесь потому, что как-то подключена к той прорве энергии. Может, это их вариант стабилизатора, или аккумулятора, или даже трансформатора, питающего Город от источника. Большинство этих символов напоминают мне древние охранные знаки, которые, как правило, значили что-то типа «Входа нет» или «Изыди!».

Капитан подошел ближе и пригляделся.

— Не думаю, что они бы вывели наружу что-то действительно опасное, тем более без ограждения — хотя бы для того, чтобы никто не пострадал случайно. И все же давайте обойдем ее кругом. Может, найдем что-нибудь более интересное.

На стороне, обращенной к Городу, они заметили гораздо больше знаков, незнакомых ни Маккрею, ни кому-то еще. Посередине виднелись цветные вертикальные полосы.

— Ага, наша транспортная система, — заметил капитан. — Вот только мы не знаем, куда она ведет.

— Вниз, конечно, — сказала Криша. — Это самый высокий уровень, с которого можно попасть в пирамиду.

— Да, но как далеко и куда именно? — спросил Джимми.

— Самое разумное — выбрать всем одну и ту же полосу и посмотреть, где мы окажемся, — ответил Чин. — Только вот какую выбрать?

Маккрей пожал плечами.

— Если в них есть хоть какая-то система, то я бы начал с крайней левой.

Ган Ро Чин, похоже, был поражен.

— Я и не подумал, — изумленно признал он.

— Я первый, — сказал Джимми. — Вы за мной. Если там что не так, я вас предупрежу. Конечно, можно попасть в какую-нибудь ихнюю котельную, ну да что делать. Но мне почему-то кажется, что эта остановка не для обычных автобусов. — Он глубоко вздохнул и протянул руку. — Ну, поехали!

Он коснулся фиолетовой полосы.

Неожиданно его оплела паутина линий того же цвета, исходящих откуда-то из самой улицы, и он исчез. Еще через мгновение исчезли и опутавшие его линии.

Все уставились на то место, где он только что стоял.

— Поразительно, — сказала Тобруш.

Калия подошла и хлопнула по левой полосе. С ней произошло то же самое.

— На этот раз я сумел их разглядеть, — прокомментировал капитан. — Это была пентаграмма. Так что на этот раз Маккрей был прав.

Модра подошла, ткнула в полосу и тоже мгновенно исчезла.

Как ни странно, она ничего не почувствовала. Она ожидала чего-то вроде великой пустоты, в черноте которой будет плыть ее сознание, но здесь не было вообще ничего. Только что она стояла там, снаружи, а теперь она находилась здесь — вот только где?

Было довольно темно; от холода у нее по коже поползли мурашки.

— Модра, мы здесь! — позвал Джимми Маккрей. Она обернулась и увидела, что они с Калией стоят в четырех метрах от нее. Она подошла к ним. В этот момент появился Джозеф, его пентаграмма ярко засветилась во мраке.

Глаза Модры едва успели приспособиться к темноте, когда фиолетовый символ возник вновь, и Тобруш, внезапно появившись посреди него, тоже направилась к ним. Даже во тьме

Модра была уверена, что появление джулки не было постепенным, а скорее было похоже на включение света.

Затем появились Криша, Манья и Ган Ро Чин, выглядевший одновременно задумчивым и восхищенным. Подойдя, он спросил:

— Что здесь такое? Я полагаю, мы гораздо ниже уровня улицы.

Маккрей поскреб отросшую щетину и сказал:

— Ну, это просто догадка, так что Калия может мне не верить, но я думаю, что вон там главный вход.

Он показал Чину на большую пятистороннюю нишу в основании пирамиды. Ее окаймлял позолоченный орнамент, а сама она выглядела не менее подозрительно, чем выглядел бы космический корабль, будь он здесь.

Джимми Маккрей подошел к ней, но остановился.

— Э-э... Вопрос только в том, хотим ли мы идти туда?

Столпившись вокруг него, они сразу увидели, о чем он говорит. С того места, где они стояли вначале, они не могли ее как следует разглядеть, но теперь, когда они были прямо перед входом, они ясно видели ее — висящую прямо в воздухе, словно некая призрачная иллюзия, фокус какого-то неизвестного чародея. Она была достаточно велика, чтобы ее можно было надеяться обойти.

Это было то, что Джимми Маккрей называл печатью Соломона — шестилучевая звезда, лучи которой были вписаны в окружность. Треугольник, направленный вверх, был золотого цвета, тот, что смотрел вниз — ржаво-красного, а окружность — голубого.

— Полагаю, что смысл цветов ни от кого не ускользнул, — заметил Маккрей.

Так и было. Даже Калия отлично помнила ржаво-красные скафандры, в которых ее команда вступила в гонку. Цвет Миколя всегда резко контрастировал с голубыми скафандрами команды Биржи и тускло-золотыми — мицлапланцев.

— Очевидно, это подтверждает, что по меньшей мере одна из наших теорий была не просто теорией, — несколько самодовольно произнес капитан.

Калия пожала плечами.

— Подумаешь! Мы идем туда или нет?

— Насколько я понял, дело в том, что этот символ может оказаться единственным, что удерживает князей, — терпеливо пояснил Джозеф. — Мы можем освободить их, просто пройдя через него.

— Вряд ли их так просто освободить, — успокоил его Маккрей. — Но, как мне кажется, они почему-то не могут пройти сквозь эту печать. Ее одной должно быть достаточно, чтобы отпугнуть не пойманных или освободившихся демонов, если они тут появятся. Вопрос в том, хотим ли **мы** быть теми, кто сломает ее.

— Мы можем обшаривать все здания в округе, пока не свалимся, если боимся взглянуть на главное, — фыркнула Калия.

Джимми вздохнул.

— Ты права.

Он шагнул вперед и толкнул печать. Она оказалось твердой, как камень. Он отошел, дав попробовать другим — с тем же результатом.

— Похоже, — сказал Джимми Маккрей, — Кинтара не единственные, кого она держит на расстоянии.

Ган Ро Чин немного подумал.

— Все ли мы согласны, что хотим войти? Да? Тогда, если вон та девушка на этот раз доверится старому, мелющему чушь капитану убогого грузовика, подойдет и приложит руку к красной части символа... да-да, вот так. А ты, Маккрей — к голубой. Теперь я к золотой, и!..

Разноцветные части печати отделились друг от друга и расплылись во тьме.

— Их древние враги были неглупы, а князья лгали, — удовлетворенно заметил капитан. — Никто из нас не может их освободить в одиночку. Требуется единогласное решение всех официальных хранителей.

* * *

Джимми Маккрей шагнул в темноту. Она расступилась перед ним, открывая проход, и за ним быстро последовали остальные. Узкий, темный, вызывающий клаустрофобию проход казался бесконечным; затем он неожиданно окончился огромным залом. Как только они вошли, в зале зажегся свет. Они вздрогнули. Где-то вдали загудели вентиляторы.

Зрелище было поразительное. Пол, выложенный пятиугольными плитками уже знакомого им материала, простирался примерно на тридцать метров вперед и столько же в обе стороны. В центре, возвышаясь над полом на пять метров, располагался громадный обсидианово-черный постамент. На его верху, прямо под острием пирамиды, была установлена мраморная статуя, до ужаса похожая на живую. Мраморная мантия вплоть до кистей рук и стоп окутывала искусно высеченное тело, похожее на терранское, сидящее в позе лотоса. Голова статуи напоминала козлиную — с мощными рогами, рылом и бородой, — однако на ее лице застыло неумолимое выражение, а в глазах светился разум.

По обоим бокам гигантского идола стояли жаровни из материала, похожего на медь. С обоих сторон в глыбе были вырезаны ступени, ведущие к статуе, а прямо перед ней стоял очень низкий плоский стол из такого же мрамора. Вид был ужасающим и захватывающим одновременно.

— Кто это? — спросила Модра, открыв рот.

— Верховный идол, — ответил Джимми Маккрей. В горле у него пересохло. — Изображение сатаны, чья истинная красота скрыта под головой козла, одного из его символов.

— Сатаны? — переспросила озадаченная Криша.

— Сатана — это падший ангел. Основатель и владыка Ада. Император демонов. А значит, четверо заточенных здесь князей — это Люцифер, Левиафан, Сатанакия и Астарот. Интересно, где остальные шестьдесят шесть?

— Шестьдесят шесть?

Он кивнул.

— Под началом Сатаны Мекратрига, чье изображение вы видите, восстало семьдесят князей. Эти четверо были настолько опасными, настолько вероломными и настолько могущественными, что даже их хозяин не доверял им. Они и их легионы, по пятьдесят миллионов в каждом, будут освобождены лишь в час последней битвы, чтобы умертвить третью часть людей.

— Вселенная велика, — сухо заметил Ган Ро Чин. — Полагаю, даже семидесяти трудновато будет справиться.

Модра коснулась плеча напарника.

— Джимми, погляди на стены, быстро! — прошептала она сквозь сжатые зубы.

Он оглянулся на левую стену. Теперь там стоял огромный демон, одетый в царственную пурпурную мантию, самый большой из всех, которых они видели. У него были длинные острые рога, глаза горели алым огнем. Джимми повернулся направо — там стоял еще один, такого же размера, но чем-то отличавшийся от первого, хотя Джимми было бы непросто сказать, чем именно. Обернувшись назад, туда, откуда они только что вышли, он увидел у двери еще одного. И наконец за спиной гигантского идола, у четвертой стены пирамиды, возник и последний.

Изображения были настолько реальны, что они на мгновение замерли, пока не осознали, что демоны не двигаются. Только тогда Джимми понял.

— Они внутри стен, — наконец вымолвил он, неожиданно слабым и писклявым голосом. — Их запечатали в стене!

— *Добро пожаловать!* — загрохотал в их сознании невероятно могучий голос.

— *Добро пожаловать!* — сказал другой голос, и еще один, и еще.

— Кто-то что-то сказал? — переспросила озадаченная Молли.

— *Вам не по себе,* — сочувственно сказал первый голос.

— *Здесь вам нечего бояться,* — заявил второй демон.

— *Вы уже испытали силу, что внутри вас, но еще не знаете всего, на что вы способны,* — сказал третий.

— *Мы покажем вам, на что вы способны,* — сказал четвертый.

— *Вы замерзли,* — заметил первый. — *Посмотрите на жаровни и пожелайте тепла. Вам надо лишь сконцентрироваться.*

Они замешкались, затем Калия посмотрела на жаровню слева от идола и глубоко сосредоточилась, рисуя в воображении жаркий огонь.

Все почувствовали, как откуда-то снизу хлынула энергия, и вдруг в чаше жаровни загорелся огонь. Обрадовавшись, она попробовала и другую, уже увереннее — результат был тот же. Вторая жаровня тоже запылала.

Модра нахмурилась.

— И что, это **они** сделали или **она**?

— Она, конечно, — заверил Джимми Маккрей. — Я стоял рядом с ней и ощутил канал.

— *Теперь вам будет тепло,* — сказал первый демон; действительно, они уже ощущали небольшое увеличение температуры, хотя пламя в жаровне поднималось вверх.

— *Вы хотите пить,* — заметил второй. — *Используйте плитки. Воссоздайте в своем сознании символ. Когда увидите его, вызывайте желаемое из памяти или из воображения.*

Джозеф нахмурился.

— Используйте плитки? Воссоздайте... А, понял — пентаграмма! — произнес он вслух.

Он отошел в сторону от остальных, сосредоточился на одной из плиток пола и представил себе пятиконечную звезду. Это оказалось несложно, но когда звезда на самом деле начала проявляться внутри плитки, он отшатнулся. Он был настолько поражен, что она чуть было снова не исчезла. Вернув ее на место, он представил себе то, о чем мечтал уже много, много дней. Область внутри пентаграммы задрожала, затем потемнела, и в ней начало медленно формироваться нечто — нечто видимое всем остальным. Оно сгустилось и стало золотым кувшином. Какое-то время Джозеф боялся прервать сосредоточение, чтобы кувшин не исчез, как исчезала звезда, но потом сообразил, что не может смотреть на него вечно, и расслабился. Звезда растаяла, но кувшин остался.

Изумленный, он не без подозрения наклонился и протянул руку, чтобы осторожно коснуться кувшина, как будто это был горящий уголь или готовое укусить дикое животное.

Кувшин оказался тяжелым, как и должен был, и очень холодным. Он взял его и чуть не уронил. Кувшин был наполнен какой-то жидкостью. Он понюхал ее, улыбнулся, затем взял кувшин обеими руками и начал жадно пить. Все смотрели на него широко открытыми глазами.

Наконец он оторвался, опустил кувшин и рыгнул. Эхо отразилось от всех стен пирамиды, но он даже не извинился.

— Вино! — объяснил он. — И отличное — я пил такое в винограднике распорядителя моего Лорда! Даже лучше!

Джимми Маккрею хотелось хорошего виски — немного, может, бутылку или две. Но он с грустью понял, что у него будет гораздо больше шансов выжить, если его мозги останутся свежими. Последовав примеру Джозефа, он попробовал сосредоточиться, и вскоре уже разглядывал высокую кружку портера. Попробовав, он предложил его Молли, которая находила все происходящее невероятно **интересным.**

Это подстегнуло Калию, Тобруш и Модру. Занятно было наблюдать, как джулки материализует нечто похожее на корыто в стиле модерн, а затем погружает короткий хоботок в желтоватую, приятно пахнущую жидкость. Это было интересно не только потому, что мало кто что-либо знал о ее расе, но еще и из-за того, что ей потребовались для этого две соседние плитки, и это тоже сработало. Вскоре у Модры появилась своя кружка. Джимми подошел к ней и нахмурился.

— Фруктовый сок?

— Да, я понимаю, это выглядит смешно. Но если я напьюсь пива, я сделаю все, что они мне скажут, просто для смеха.

Похоже, Калия решила так же, как она — миколианка сотворила себе графин с каким-то бело-желтым напитком.

Модра, снова почувствовав себя живой, широко улыбнулась и посмотрела на мицлапланцев. Все трое молча стояли в сторонке и выглядели весьма сурово и напряженно.

— Мы не станем ничего принимать от демонов, — коротко заявила Манья.

— Но это сделали не демоны, а мы! — удивленно ответила Модра.

— Это **они** так вам сказали. Но стоит ли верить демонам, тем более здесь, в их оплоте и тюрьме?

Модра насупилась и взглянула на Ган Ро Чина, заметив в его взгляде жгучее желание.

— И даже ты, капитан? Ты ведь не связан их обетами!

— Я... ну.. мне неловко так делать, — нерешительно объяснил он. — Кроме того, я вот тут стою и вижу, как вы создаете вещи из пола... Это выглядит немного пугающе.

Она неожиданно вспомнила про его состояние.

— Ты же ничего не слышал, верно? Ты, должно быть, думаешь, что это все сплошь черная магия. — Она помолчала, потом добавила: — Правда, кажется, я тоже так думаю.

— Обычная трансформация некоторой части той энергии в материю путем мысленного управления приборами, установленными в полу, — возразила Тобруш. — Точно так же, как мы управляем скафандрами. Никакой магии.

Калия хмыкнула.

— Ну да? И ты вот так всегда можешь создать то, о чем подумаешь? Ничего особенного?

— Я признаю, что мы пока не открыли, как реализовать вторую часть процесса, — согласилась джулки. — С другой стороны, я сомневаюсь в аутентичности этих продуктов. Недостаточно просто помнить вкус и внешний вид; все эти напитки — сложные химические смеси, по большей части не встречающиеся в природе. Мне неизвестна точная молекулярная структура моего собственного, и я сомневаюсь, что кто-либо из вас знает что-то о своем. Таким образом, вопрос звучит так: откуда это известно прибору. А если это ему неизвестно, то что мы пьем на самом деле?

Джозеф внезапно перестал пить вино и уставился на джулки, то же сделали остальные.

— Что скажете, ваши высочества?

— *Основа присутствует,* — невозмутимо сказал один из демонов. — *Вино — это вино, пиво — это пиво, портер — это портер, фруктовый сок — это фруктовый сок, а мулки — это мулки. Основной химический состав известен. Ваши сознания содержат субъективную часть: вкус, запах, цвет, густоту, которые легко скорректировать в основных формулах. Если это хорошее вино, с правильным букетом и ароматом, так ли важно, что химически оно не идентично оригиналу? Разве виночерпий анализирует биохимию лозы, а не просто пробует вино?*

— Пластоний, — благоговейно произнесла Тобруш. — Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно?

— Что? — переспросил Джимми.

— Пластоний. Он может называться по-разному, но у нас так. Это такой элемент, который может стать любым другим элементом. Энергия откуда-то извне просачивается в наш мир и становится подвержена влиянию местных физических законов, то есть обращается в привычную нам материю или энергию. Иначе никак. Но здесь, в ее истоке, находится некий прибор, фильтр, обладающий невероятной глубиной знаний, способный превратить первичную плазму в то, чего захочет оператор — в данном случае мы. Но что это за компьютер, которому известны такие вещи, как молекулярный состав напитков? Подобные знания и мощь — практически атрибуты божества.

— Ты хочешь сказать, что боги — своего рода компьютеры? — спросил Джозеф, скорее заинтересованный, чем уязвленный — в отличие от некоторых.

— Нет. Я лишь полагаю, что **их бог** вполне может быть таковым.

Это немного разрядило обстановку, особенно потому, что князья промолчали. Но Джимми решил побыстрее переключиться с космологии на практические вопросы...

— А как насчет еды? — спросил он демонов, вспоминая теорию относительно их диеты. — Можем ли мы так же сделать себе и еды?

— *Жизнь исходит лишь из жизни,* — ответил один из демонов. — *Тем не менее, возможно синтезировать еду, которая будет обладать видом, вкусом и консистенцией оригинала, а также требуемой энергетической ценностью. Как и вино, это будет не в точности то же самое, но сойдет.*

— Тогда ваш народ вполне мог питаться такими продуктами, — предположил Джимми.

— *Разумеется, мог,* — согласился демон.

Он не сказал, что они так и поступали. Это небольшое различие заметили не все.

— Вы, конечно, прочли в наших мыслях умозаключения относительно вас и вашего народа, — попробовал Джимми подойти с другой стороны, гадая, что они ответят.

— *Мы находимся с вами с тех пор, как вы переместились сюда,* — сказал демон. — *Мы видели и слышали все, что с вами происходило. Наш разум, наше сознание не настолько сковано, как наши тела.*

— И, полагаю, сейчас вы объясните нам, как глубоко мы заблуждались, — вставила Модра.

— *Напротив, вы проявили завидную проницательность,* — к их удивлению ответил демон.

— То есть вы признаете, что вы людоеды! — торжествующе крикнула Манья. — Вот! Видите! Теперь вы поняли, кто они такие?

— *Мы такие же заложники собственной физиологии, как и вы,* — ответил демон. — *Природные источники нашей пищи уже давно истощились или совсем исчезли; синтетика позволяет протянуть подольше, но это временно. Мы в полной мере осознаем, насколько отвратительны вам наши потребности, но у нас нет другого выбора. Если мы не находимся в состоянии стазиса, как сейчас, мы периодически должны их удовлетворять, иначе умрем. Мы никогда не были неразборчивы. Существуют целые миры, целые народы, некоторые из которых известны и вам, живущие в такой нищете, страданиях и безнадежности, что смерть для них — долгожданное избавление. Отдать жизнь нам — быть может, единственный смысл их жалкого существования. Лучших, умнейших, праведнейших мы трогаем лишь в том случае, если они — наши заклятые враги. У нас нет стремления уничтожать расы и культуры, а тем более низвергать и сокрушать цивилизации. Как и все существа, мы делаем лишь то, что должны, и не более.*

— *Нам ни к чему скотные дворы,* — добавил другой. — *Мы не рассматриваем все остальные формы жизни как добычу. Оглядитесь вокруг. Посмотрите на наши творения. Разве*

это работа кровожадных монстров? Посмотрите на расы, выросшие из миров, развитых и обученных нами. Мы брали дикарей, охотников и собирателей, слишком озабоченных выживанием, чтобы развиваться, и приносили им земледелие, скотоводство, и даже архитектуру, политику, искусство и изобретательство. Ваши цивилизации стоят на нашем фундаменте. Галактика полна следов вымерших рас, к которым мы не успели попасть вовремя, или же отказавшихся от наших даров. Если мы и вынуждены брать, то сполна платим за взятое. Сейчас в вашем мире живет гораздо больше людей, чем жило до нашего прихода, и живет лучше, дольше, счастливее, благодаря нам, и все ценой ничтожного процента, забранного нами по необходимости. Мы — древняя цивилизация. И если цена вам по-прежнему кажется высокой, задумайтесь о том, что за это время войны, правительства, религии и предрассудки ваших собственных народов унесли значительно большее число людей, и по гораздо менее существенным причинам.

— Не много ли заслуг вы на себя берете? — цинично заметил Джимми Маккрей. — Заперли-то все же именно вас!

— Мы сами заточили себя, чтобы спастись, как вы и предположили. Альтернативой было уничтожение нашей расы. Но мы знали, что когда-нибудь наши дети придут, чтобы освободить нас.

— Я не вполне уверена, что это та причина, по которой мы оказались здесь, — заметила Модра. — Первым, что мы увидели, когда прибыли к вашей станции, была самая жуткая картина разрушений и резни, которую я когда-либо видела. Неподходящая основа для доверительных отношений!

— Стражи, избранные на подобные форпосты, как вы понимаете, не были нашими лучшими представителями. Мы не могли знать, кто их обнаружит, если их вообще обнаружат. Если бы их первыми нашли наши враги, они были бы уничтожены. Стражей лишь проинструктировали, что если их освободят, они должны будут узнать как можно больше о своих освободителях, а затем, перед тем, как активировать станцию, обеспечить присутствие представителей всех трех древних империй. Иначе никому из вас не удалось бы проникнуть в храм. Инструкции и не могли быть более точными; они сами выбрали способ их исполнения. Да, они предпочли грубый, прямой способ, но ведь это сработало! Мы даже подозреваем, что только такой прямой способ и годился, чтобы успеть собрать вас всех, переместить и отключить станцию до появления наших главных врагов. Я вижу в сознаниях двоих из вас, что на станции были так называемые цимоли. Они — в прямом смысле слова продолжение тех, кого вы называете Хранителями. Программа управления обманула их, выдав им информацию, будто станция

уже деактивирована, а стражи мертвы. Они оказались там не потому, что искали сведения о нас — о нас им все было давно известно. Они прибыли туда, чтобы удостовериться, что станция и ее обитатели действительно мертвы, и все зачистить. Они позволили этому своему фиктивному проекту продлиться так долго лишь потому, что никак не ожидали, что станции и стражи еще существуют. Им надо было понять не только то, активна ли она до сих пор, но и то, отдельная ли это конструкция или же она связана с другими.

— Ваши люди уничтожили **всех,** — сказала Модра. — Даже корабль!

— *Они не могли позволить кораблю уйти — на нем были другие цимоли. Видимо, они уничтожили остальных потому, что в противном случае им неизбежно пришлось бы иметь дело с кораблями тех, кого вы называете Миколями и Мицлапланами. Не слишком тонкая работа, но они сделали то, что должны были сделать. Так или иначе, там все равно появились бы новые цимоли и уничтожили бы всех исследователей, чтобы исключить утечку информации.*

— Наши люди так не поступают, — запротестовала Модра.

— *Ты так считаешь? Спроси своего напарника. Он видел, каковы цимоли без камуфляжа. Ему известно, каковы они на самом деле, и уж поверьте нам, это лишь бледные тени их прежнего «я». Так ли мы плохи по сравнению с ними?*

Она повернулась.

— Джимми? О чем они говорят?

Маккрей вздохнул.

— Я специально заблокировал эту часть, не только у себя, но и у Дарквиста. На самом деле это он попросил меня по возможности оградить тебя, раз уж все мы стали телепатами. Это... неприятно.

— Это связано с Трисом, так?

Он кивнул.

— Передавай, я готова.

Его воспоминания нахлынули на нее, и она снова оказалась в мире дождя, на этот раз видя случившееся глазами Джимми, когда она была пленницей мицлапланцев...

— Остальное ты сама видела, — тихо произнес Джимми.

Модра была потрясена пришедшими к ней чужими воспоминаниями, так же потрясена, как той ночью, когда они сидели в госпитале — когда Триса доставили туда с пулей в голове, и они ждали о нем известий.

— *Дарквист спросил, чем отличаются Хранители от Кинтара,* — заметил один из демонов. — *Цимоль ответил,*

что это несущественно. Мы же полагаем, что это очень важно. Историю пишут победители, именно они описывают своих врагов тем, кто придет вслед за ними. Независимо от того, что вы сами думаете о нас, мы считаем, что ***отличаемся*** *от Хранителей, и это не субъективное мнение, а исторический факт.*

— Для меня это значит только, что обе ваши расы — мерзость, — сказала Криша. — Как если бы насильник считал себя лучше убийцы.

— *Мы согласны, что степень различия — вещь субъективная,* — ответил демон. — *И тем не менее, вы должны понимать, что единственным фактором, хоть как-то объединявшим четыре Изначальных Расы, была сама возможность легко отличить одних от других. Миколи, как вы их называете, всегда были паразитическими существами, уничтожавшими способности своих носителей думать, стиравшими их память — по сути, убивавшими их, оставляя живым и здоровым лишь тело. Лишь убивая, могут они размножаться. Те, кого называют Хранителями, машиноподобны и не имеют эмоций, свойственных остальным. Их стихия — холодная, эффективная логика, и если целые миры должны умереть от голода для поддержания равновесия в целом, то так и будет. Им нравится беспорядок, хаос, они любят рисковать, управляя издалека, потому что только так они могут ощутить что-то наподобие эмоций, а они нуждаются в них и жаждут их так же, как наркоманы наркотиков. Но им годятся лишь коллективные переживания, они питаются ими, поддерживая порядок в частях своей империи так, чтобы те могли выжить и были сравнительно благополучны. Таким образом, из их плюс-минус тридцати триллионов лишь пять процентов имеют то, что технологии, которыми они обладают, позволили бы иметь всем. Эти пять процентов — элита.*

— *Еще десять процентов живут относительно спокойно и мирно,* — продолжил второй демон. — *По чьим-то стандартам они живут примитивно, их жизнь короче, чем могла бы быть, но они живут этой тихой, скучной, серой жизнью. Они снабжают элиту и сохраняют интеллектуальный фонд — на случай нужды. Еще пять процентов поддерживают порядок или исследуют возможности расширения системы. Итого шесть триллионов, совсем немного. Оба вы, жители Биржи, вышли из этой серой серединки и перешли в поддержку и расширение. Остается двадцать четыре триллиона, зачастую живущих не лучше своих предков-дикарей, в нищете и невежестве, в предрассудках и ненависти. Они суеверны и подозрительны, хотя и знают о космических кораблях, летающих в лучшие миры. От них-то и питаются Хранители, психовампиры. А вы, элита и средние классы, лишь изредка успокаиваете свою совесть миссионерством и благотворительностью, кото-*

рая лишь разжигает в них ненависть и зависть, хотя на самом деле все вы исповедуете только одну религию — материализм. Большинство из вас отворачиваются и думают: «Да, но это же для общего блага», или, в крайнем случае, «Такова цена динамической системы».

— Ты доказываешь нашу правоту, демон! — вскричала Манья. — Мы, мицлапланцы, одни противостоим этому злу!

Демоны рассмеялись жестокими голосами.

— *А ваши владыки — худшие из всех!* — язвительно воскликнул один из них. — *Ваши Святые Ангелы — старейшие и самые циничные из всех Основателей. Они легко черпают из иного мира энергию, обращая ее в свои гипнотические силы, — они рождаются с таким талантом, так же как гноллы одарены силой психической невидимости. Этот талант в свое время позволил им, пусть медленно и постепенно, защититься от всякого вреда и заставить зверей их собственного мира выполнять их волю. Им стало так просто жить, что у них не осталось даже конечностей, да они им теперь и не нужны. Им подчиняется целый класс людей всех рас, называющих себя Святыми, сделавшихся до конца своих дней верными рабами их гипнотической власти. Добившись того, что все обладатели паранормальных Талантов стали их рабами, они используют их не только для обеспечения собственного комфорта — главных рабов используют, чтобы поработить каждого жителя их империи. Порядок этот жестко навязывается Инквизицией, использующей телепатов, гипнотов, эмпатов, а также систему тестов, чтобы разыскать и разобраться со всеми инакомыслящими, с любым, кто дерзнет вопрошать. И, подавив оппозицию и создав однородную культуру людей, **обязанных** быть счастливыми и послушными, они подавляют всякое творчество, всякое развитие общества, все возможности людей вырасти, узнать, что такое свобода. Единственным, что позволяет им конкурировать с двумя другими империями, в которых присутствует хоть какая-то социальная динамика, является их непревзойденная школа шпионов. Вы для них — не что иное, как одомашненные животные, и тем не менее вы должны служить им и любить их. Это омерзительно!*

— Обманщики! Лжепророки! Источник всей и всякой лжи и кощунства! Вы **никогда** не выйдете отсюда! Ни один мицлапланец не станет помогать вам!

Манья была вне себя, но и Криша тоже едва сдерживалась. Ган Ро Чин, как всегда невозмутимый, тщетно пытался их успокоить.

Калия язвительно расхохоталась.

— Что, съели, святоши вы недоделанные? Вы всегда были такими **хорошими** лизоблюдками! Неудивительно, что вас не тянет в постель! Вас же запрограммировали, как чертов компьютер!

Взревев от ярости, Манья вырвалась из рук Чина. Для своей комплекции она двигалась удивительно быстро, целеустремленно прокладывая себе дорогу сквозь остальных, чтобы сомкнуть руки на горле Калии.

Криша вертелась, тоже пытаясь вырваться из объятий капитана, но он крепко схватил ее и крикнул прямо в лицо:

— Прекрати это! Прекрати немедленно! Неужели ты не понимаешь, что только играешь им на руку?! Доставляешь им развлечение? **Думай!**

Маккрей и остальные видели, как образ Маньи неожиданно мигнул и исчез. Калия, впрочем, ожидала этого; помедлив лишь мгновение, она отпрыгнула к стене с ловкостью танцовщицы.

— Вперед, сучка! — поддразнила она гноллку. — Этот фокус не пройдет во второй раз! У тебя больше нет пистолета, дрянь! **А я могу читать твои мысли!**

Крише удалось взять себя в руки; лицо ее медленно бледнело.

— Слишком поздно, капитан, — задыхаясь, проговорила она. — Манья совсем потеряла голову, а эта девица — убийца-профессионал.

ЧИСЛО ЗВЕРЯ

— Мы должны их остановить! — закричала Криша, но Ган Ро Чин остановил ее.

— Манья родилась в мире с гораздо более высокой гравитацией, чем наша, — напомнил он, — а здесь она еще меньше. Оружия у них нет. Миколианка будет драться с ней так же, как и с любым другим человеком. Не лезь им под руку.

Модра смерила его взглядом, затем перевела взгляд на Джимми — тот пожал плечами.

— Это не наш бой, — спокойно сказал он, понимая, что они все равно ничего не смогут сделать.

— *Остановить их?* — мысленно спросила Тобруш Джозефа.

Лидер миколианцев покачал головой.

— Это было неизбежно. Пусть они решат этот вопрос здесь и сейчас.

Странно — он понял, что ему безразлично, кто победит, несмотря на то, что одна из дерущихся принадлежала к его команде. Он подумал, что если им каким-то образом удастся убить друг друга, то уровень дружеских отношений всех собравшихся неимоверно возрастет.

Битва и вправду была странной. Манья была невидима, но то и дело проявлялась то тут, то там, дразня Калию, которая, завидев ее, тут же бросалась к ней. Таланты не давали

чувства направления — единственное преимущество телепатических способностей миколианки заключалось в том, что она могла воспринимать окружающее глазами Маньи. Но Калия была слишком взбешена, чтобы суметь вовремя сообразить, где находится ее противница. Кроме того, ориентирами здесь могли служить только дверь и стоящие рядом с ней люди, а также статуя козлоподобного бога. С большинства точек Калия могла лишь приблизительно определить местоположение Маньи, и ей оставалось только защищаться и стараться оставаться лицом к гноллке. Таким образом, миколианке пришлось уйти в глухую оборону, предоставив Манье атаковать.

Когда Калия поняла это, ее гнев поутих, и она начала немного продумывать свои ходы. Манью было видно, когда она двигалась, но эта кучка дерьма могла передвигаться чертовски быстро. Надо было понять, в каком направлении и на какое расстояние Манья двинется в следующий раз, и подготовить атаку. Однако ведь и Манья тоже могла читать ее мысли. Поэтому, когда Калия наконец вычислила место, где, как ей казалось, остановилась гноллка, Манья остановилась, немного не дойдя до этого места, и как только Калия приблизилась, сжатым кулаком нанесла ей удар в живот. Удар был невероятной силы, почти выстрел, он отбросил Калию на несколько метров. Она упала навзничь, ее лицо исказилось от шока.

Манья, не теряя времени, воспользовалась преимуществом и набросилась на поверженную женщину, нанося ей удары кулаками. Но Калия не собиралась еще раз подставляться — удачно блокировав все удары, она внезапно подняла ноги и совершила головокружительный бросок, скинув с себя Манью и швырнув ее об пол.

Калия не стала пытаться добить временно дезориентированную соперницу — она получила серьезное повреждение и понимала это. Ее глаза обежали зал, затем она взбежала по каменным ступеням к алтарю отвратительного козлобога. Не успела Манья вскочить на ноги и броситься к миколианке, как та схватила одну из жаровен и вытащила ее. В ее руках внезапно оказалось грозное оружие: длинное древко с круглой жаровней на конце. Когда мицлапланка оказалась на ступенях, она размахнулась и ударила; из жаровни высыпались угли, разлетевшись по всей площадке перед алтарем. В первый раз она промахнулась, и пока замахивалась еще раз, Манья успела исчезнуть, а затем, когда конец древка с чашей приблизился к ее голове, схватилась за него.

Рефлексы не подвели Калию. Ожидая подобного, она с силой нажала на древко, и Манья опрокинулась назад, на ступеньки. Она покатилась вниз, а Калия, моментально забыв о боли, с криком торжества бросилась за ней. Пока та пыталась подняться, миколианка со всей силы нанесла удар чашей сверху вниз, по голове гноллки, а потом еще раз.

Остальные в немом изумлении наблюдали за ними. Демоны тоже молчали, быть может, забавляясь. Но Молли вдруг ринулась с места, и прежде чем кто-либо смог ее остановить, побежала к соперницам с криком

— Нет!!

Калия рефлекторно, не понимая, кто и зачем приближается к ней, развернулась и с размаху обрушила жаровню на голову Молли, отбросив ее назад без сознания. Затем она вернулась к своей жертве.

Джимми Маккрей кинулся к поверженной Молли. Криша, гневная и растерянная, хотела придти Манье на помощь, но Ган Ро Чин остановил ее.

— С тобой будет то же, что с этим несчастным существом! — резко сказал он.

Молли, шатаясь, встала на колени и помотала головой, потом дотронулась рукой до головы в том месте, куда пришелся удар. На руке осталась кровь.

Джимми подбежал к ней.

— Молли! Ты в порядке?

— Я... не знаю, Джимми... — выдавила она. У нее кружилась голова, но она отвергла его помощь и попробовала подняться сама, опираясь на руки. Как только ее окровавленная рука коснулась пятиугольной плитки, та засветилась тусклым, бледным белесым светом.

Это ускользнула от Джимми, но не от Ган Ро Чина.

— Маккрей! — закричал капитан. — Не дай ей встать на эту плитку целиком! **Убери ее оттуда! Быстро!**

Джимми растерялся.

— Что?

Если бы он мог прочитать мысли Нуля, то сразу бы понял его и начал действовать, но он ничего не смог сообразить, пока Молли не встала на ноги.

Граница плитки вдруг полыхнула кроваво-красным цветом, и видимая волна энергии, извергнувшись из нее, поглотила Молли.

— Какого черта?.. — начал пораженный Маккрей.

И тут он услышал, как демон говорит:

— Положи мицлапланку на алтарь. На алтарь. Прикончи ее на алтаре.

Манья, избитая и окровавленная, была без сознания, но еще жива. Калия нахмурилась, задумалась ненадолго, затем, вдруг приняв решение, отложила оружие и попыталась поднять Манью. С таким же успехом она могла пытаться поднять гигантскую статую козлобога. Манья казалась сделанной из свинца.

Неожиданно из горящей плитки возникла Молли и медленно, нерешительно, пошла к тому краю алтаря, где Ка-

лия, по-прежнему безуспешно, пыталась поднять бесчувственную гноллку. Джимми хотел закричать, побежать за ней, но что-то сковало его движения, парализовало его, лишило не только способности передвигаться, но и телепатического таланта. Некоторые, как и он, попытались приблизиться к алтарю, и оказались так же скованы — беспомощные зрители невероятного спектакля, не ведающие, что произойдет, и неспособные ни на что повлиять.

— *Вы более не участвуете в этой игре,* — дошел до них голос демона, как будто спокойный и бесстрастный.

Молли казалась неуклюжей, неуверенной в себе, несколько раз она споткнулась, своими неловкими движениями напомнив Джимми цимоля Триса Ланкура после того, как прекратилось его человеческое существование. Впрочем, ей все же удалось добраться до Калии. Та отпустила Манью и, обернувшись, удивленно смотрела на приближающуюся к ней синюю девушку с раздвоенными копытцами. Но, в отличие от прошлого раза, миколианка не сделала ни одного движения, чтобы ударить Молли или не дать ей подойти, как будто чувствуя в ней перемену.

Молли нагнулась и взяла Манью за ноги. Калия тут же сообразила, что ей предлагают помощь, и подхватила гноллку за плечи. Медленно, осторожно, потратив немало усилий, они подняли ее по лестнице и положили на алтарный камень.

Откуда-то зрители поняли, что все, происходившее до сих пор, было лишь прелюдией; теперь же, несмотря на все их испытания и невзгоды, смерти и манипуляции демонов, все решала Калия. Кто или что бы ни владело Молли, заставляя синт выполнять приказы князей, лишь у Калии теперь оставалась свобода выбора, остальных отключили.

Калия, по-видимому, тоже поняла это. Ее гнев почти испарился, и она лихорадочно соображала, что же, черт подери, тут творится.

Она знала, **что** должна сделать, или, по крайней мере, чего от нее хотят князья демонов. Как будто во сне, она спустилась, подобрала древко с жаровней, свое убийственное оружие, и вновь взошла на лестницу.

— *Под грудью гноллки есть уязвимое место, примерно в трех сантиметрах ниже середины шеи,* — сказал ей князь демонов тем же холодным, сдержанным тоном.

Калия склонилась над массивной единственной грудью гноллки, без труда отыскав нужное место. Это, пожалуй, было самое слабое место на ее теле, все остальное было покрыто невероятно толстой, твердой кожей и множеством костяных пластин; но и здесь его было не проткнуть пальцем. Она взглянула на древко, схватила его и со всей силы ударила по алтарю. Оно треснуло и разломилось пополам; в ее руках осталась

зазубренная половинка. Она отшвырнула жаровню, та с лязгом покатилась, остановившись в метре от парализованного Маккрея.

Манья застонала и пошевелилась, нарушив зловещую тишину храма и побуждая Калию действовать. Если мицлапланка придет в себя, схватка продолжится, и кто знает, кому повезет на этот раз? Время пришло. Сейчас или никогда. Она приподняла крупную, ставшую плоской грудь гноллки, нащупала точку, взмахнула импровизированным копьем, как будто собираясь опустить его... и остановилась.

— Этак вы вылезете, верно? — закричала она. Эхо ее голоса разнеслось по залу.

— *Это первая необходимая ступень,* — признали демоны. — *Повинуйся, и когда мы станем свободны, ты будешь нашей верховной жрицей; богиней, обладающей могуществом превыше всяких мечтаний. Повинуйся, ибо она приходит в себя, и если ей это удастся, будет слишком поздно, и ты умрешь. Не ошибись — мы всегда держим слово. Повинуйся, и стань* ***homo superior****, величайшей, могущественнейшей, бессмертной. Повинуйся, или ты умрешь, что бы ни случилось после.*

Она вновь воздела копье и вновь заколебалась.

— Да ну? Я видела тела, там, в самом начале, и чувствовала мучения тех существ в горячем мире, слышала их стоны и вопли. У меня есть только ваше слово, что вы исполните то, что обещаете. Но точно я знаю только одно: пока вы там заперты, вам меня не съесть!

— Верно, — ответил новый, глубокий, нечеловеческий голос, от которого у всех них побежали мурашки по коже. — Но если ты этого не сделаешь, **я лично** позабочусь о том, чтобы твои мучения длились вечно и были такими ужасными, чтобы вошли в легенды!

Она посмотрела вверх, шокированная не столько самим голосом, сколько тем, что тот говорил на ее родном языке и диалекте.

Демон выглядел гораздо более величественным, могучим, царственным — теперь, когда не был замурован в твердый прозрачный материал. Сама его манера держаться внушала трепет.

— Что? А ты откуда взялся, черт подери? И почему ты сам не берешься, что, слабо? — огрызнулась она, но совершенно не таким уверенным тоном, как хотела бы. И не успела она спросить, как поняла, что уже знает все ответы. Это был один из первых демонов, освобожденных Биржей, который все это время следовал за ними. Что же до второго вопроса, то она была миколианкой, гноллка — мицлапланкой, а синт принадлежала Бирже. Еще один тройной замок, открывающийся лишь со всеобщего согласия, а не просто прикосновением.

Кровью.

«Дьявольский замок», — подумала она, когда вся картина проявилась у нее в мозгу.

Манья зашевелилась, ее веки дрогнули. Ее лицо представляло собой кровавое месиво, но постепенно оживало, и Калия поняла, что всего через несколько мгновений гноллка очнется. Конечно, она могла бы и еще раз выбить дух из мицлапланки, но если учесть, что теперь тут торчал еще и проклятый демон, ей никак не удалось бы справиться с двумя.

Глаза Маньи открылись — и тут же расширились от ужаса, когда она увидела приближающееся зазубренное копье и почувствовала, как оно входит в ее плоть. Она дико закричала, выгнувшись от боли, и дернулась так яростно, что Калия даже испугалась, что та поднимется и выдернет из себя кол. Но затем темная коричневая кровь хлынула из ее рта, и, содрогнувшись, гноллка упала навзничь, бездыханная.

Где-то под ними прокатился глухой зловещий рокот, словно начиналось землетрясение или же нечто невероятно громадное зашевелилось в какой-нибудь подземной камере, возвращаясь к жизни. Молли неожиданно протянула руку, схватила Калию за правое запястье и острым ногтем сделала на нем небольшой надрез, из которого тут же закапала кровь. Рана на голове Молли уже затянулась, так что она отпустила Калию и сделала такой же надрез на своем левом запястье. Затем Молли поднесла руку к открытой ране Маньи так, что ее кровь смешалась с коричневатой слизью, еще не успевшей свернуться. Калия, задержав дыхание, сделала то же самое.

Как только три крови оказались смешаны, Джимми Маккрей и все остальные почувствовали, что освободились от пут. Джимми стремглав подбежал к жаровне, подобрал горсть углей и бросился обратно, не обращая внимания на алтарь и освобожденного демона.

— Все ко мне! **Живо!** — заорал он и, как только они сгруппировались вокруг него, очертил снаружи углем грубый круг, молясь про себя, чтобы это сработало. Одна только Тобруш занимала столько же места, сколько все остальные, вместе взятые, но вряд ли Джимми оставил бы джулки с той стороны. Все мгновенно поняли, что он делает, и не мешали.

Пентаграмма вышла неровной, а в конце вообще смазалась, но лучше у него не вышло.

Шум и рокот у них под ногами повторился, снова, и снова. С каждым разом удары грохотали все громче, становясь почти ритмическими. Они звучали как... **шаги!** Шаги невероятно огромной, чуждой твари, восстающей из своей скрытой темницы глубоко под ними.

— *Не смотреть на алтарь!* — телепатически предупредил их Джимми; в этом грохоте его невозможно было бы услышать, даже если бы он кричал. — *Что бы вы ни услышали, что бы*

вы ни почувствовали, ни в коем случае не смотрите на алтарь и держите глаза закрытыми! Если я прав, к нам нисходит Сила, ужасающей мощи которой не может противиться ни один смертный!

Один за другим светлые щиты шестиконечных печатей Соломона на четырех стенах внутри храма замерцали и словно бы растворились. Большие прямоугольные панели треснули, как разбитое стекло, и рассыпались в пыль, и из-за них в зал вступили четыре князя демонов.

В центре комнаты, за собой, они ощутили Присутствие: на алтаре находилось что-то, непохожее ни на что, виданное ими ранее. Оно не было добрым или злым; оно было **по ту сторону** добра и зла, по ту сторону всего их опыта. Оно было Силой — Силой, соединенной с холодным, бесстрастным, чуждым интеллектом, настолько же непостижимым для них, как они сами были непостижимы для одноклеточных существ Вселенной. Его присутствие было настолько подавляющим, что Криша, Модра, Джимми, и даже Тобруш почувствовали, как сознание покидает их. Мысли блуждали, в ушах звенело, они были парализованы — не столько силой чужой воли, сколько неспособностью собственного мозга выдержать подобную нагрузку.

Присутствие распространялось все шире, выше, за алтарь, на вершину пирамиды и оттуда в Город и за его пределы. Они по-прежнему ощущали его, **знали,** что оно там, ждет, с каждой секундой все более прибавляя себе мощи, черпая энергию из резервуара снаружи. Теперь оно уже было не вполне рядом с ними, и сознание начало возвращаться к ним. Но тем не менее никто из них не мог удержаться от бесконтрольной дрожи, от трепета и ужаса, внушаемых **этим.**

Джимми Маккрей тоже никак не мог унять дрожь, но все же осторожно приоткрыл один глаз, затем другой и обернулся, чтобы осмотреться.

Там, перед алтарем, стояли князья демонов, свободные, во плоти, и с ними еще два демона в зеленых накидках, мужского и женского пола. Четверо князей, во всем великолепии своих алых мантий, подбитых золотым, воистину выглядели по-королевски, да и держались соответственно. Они были знатью, куда выше простых, низших демонов, и почему-то выглядели не безобразными или грубыми, но величественными, лучшими из своей расы. Они общались на языке, недоступном пониманию любого из смертных, и их сознания были закрыты, однако было ясно, что все они ожидают встречи с тем, кого также освободила жертва. Затем, внезапно, их мысли стали понятны — жест, который трудно было расценить как непреднамеренный.

— *Что делать с этими низшими существами, Ваше Высочество?* — спросила демоница в зеленом.

— *Та, что освободила нас, пойдет с нами,* — ответил один из князей. — *Мы должны выполнить свою часть сдел-*

ки. Согласен, она не слишком подходит, ну да ладно. Другая уже получила все, что ей было обещано. Остальных пока не трогать. Мы разберемся с каждым позднее. Вряд ли они куда-нибудь денутся. Теперь идем. Господин ждет нас, и еще так много надо сделать.

— Но... зачем оставлять их? Позвольте нам съесть их или принести в жертву господину!

Тон ответа был угрожающим, даже опасным.

— Ты более никогда не подвергнешь мои приказы сомнению, или же тебе будут нашептывать их, пока длятся твои мучения, а они не закончатся, пока не остынет последнее солнце! У нас еще есть на них виды.

Низший демон простерся ниц.

— Как прикажете, сир.

Все ушли, в зале остался лишь один из князей. Он подошел к ним — они по-прежнему стояли посреди своей грубо начерченной пентаграммы. Усмехнувшись, он осмотрел и ее, и их.

— Видели бы вы себя со стороны! — холодно прокомментировал он. *— Полагаю, теперь вы хоть немного осознали мельчайшую частицу сил, с которыми взялись тягаться. Ваша жалкая попытка защититься от нас, в этом месте, при помощи этой грубо начерченной бессмысленной геометрической фигуры просто смешна.*

— Что вы собираетесь с нами делать? — громко сказал Джимми.

— Вы... оказались неожиданностью. Это ценно для нас. Мы не ожидали, что кто бы то ни было окажется способен распознать нас в теологическом смысле, а не на уровне обычных мифов. В частности, твои знания просто поразительны. Невероятно, как настолько древние, примитивные верования, восходящие к преданию предков, смогли пережить расселение среди звезд и межрасовые контакты. Наши древние враги оказались куда более изобретательны, нежели мы предполагали. — Демон неожиданно прервал речь, и его рогатая голова слегка наклонилась, как будто он слушал. Затем он добавил:

— Мне пора. Вы можете свободно передвигаться по Городу. Мы запретили для вас материализацию всех объектов, кроме еды и воды — вы знаете, как их получить. Вскоре этот Город вновь наполнится жизнью, но к тому времени я или кто-то другой вернемся и позаботимся о вас. Рано или поздно вы все научитесь служить и поклоняться нам. Все, кроме тебя, святая. Я уже предрек твою судьбу. Ты будешь вечно скитаться по нашей новой империи, скованная своими нелепыми обетами, не властная что-либо изменить. До тех пор — прощайте.

Он двинулся прочь. Ган Ро Чин пробормотал:

— Мы еще можем избежать этого. Они не смогут помешать нам уйти из жизни самим.

Демон остановился и обернулся.

— Если вы так поступите, особенно в этом месте, то попадете к нам без каких-либо усилий с нашей стороны. Но вы — большинство из вас — не станете так делать. Вы — те, кто выживает. Лишь поэтому вы смогли дойти так далеко.

Произнеся это, демон исчез.

* * *

Модра Страйк покачала головой в немом изумлении.

— Так не бывает. Этого просто не может быть! В реальности, в наше время...

— Они — квинтэссенция всего того, что было в тех, кто когда-либо командовал мной, — заметил Джозеф. — Я всегда их ненавидел.

— **Это** все еще там, снаружи, — поежилась Модра. — Мы можем устраиваться поудобнее, насколько это возможно здесь, пока оно не уйдет.

— Ты считаешь, нам уже безопасно покидать защиту? — нервно спросила смертельно бледная Криша.

Джозеф пожал плечами.

— Все равно он только посмеялся над ней. Он назвал ее жалкой.

— Не знаю, не знаю, — сказал Маккрей. — Он ведь так и не перешагнул ее. Они прямо-таки излучают власть и пользуются этим эффектом, чтобы лгать своей подавленной жертве. Вероятно, их господин даже не заметил пентаграмму, но мы ему безразличны, так что он и нас, скорее всего, не заметил. Но более обычных существ такая комбинация звуков, геометрии и веры — если, конечно, она достаточно сильна в нас, — должна остановить или хотя бы замедлить. Помните, что Кинтара — всего лишь иная раса. Им надо есть, наверняка надо спать, надо даже ходить в уборную. Их сила исходит из двух источников: во-первых, от их господина, и во-вторых, от знания высоких технологий и умения ими пользоваться. Никогда не забывайте, что их **возможно** победить. Даже их господина в некотором смысле заточили. Тысячи лет тому назад **некто** победил их и запечатал. Они — армия древнего врага всех рас, а их господин — олицетворение этого врага.

— Ты ведь не предполагаешь серьезно, что их господин — это какое-то сверхъестественное существо? — скептически спросил Джозеф.

— Только так, и никак иначе. Он настолько могуществен, что его возможно лишь заточить, но и из темницы он способен влиять на события и создавать их. Все наши древние предания о демонах и бесах исходят отсюда, из этого источника.

— Если это так, — медленно ответила Криша, — то где же боги?

— Ответ на этот вопрос, быть может, решит все, — сказал Маккрей. — У нас **по-прежнему** слишком много вопросов.

— Согласен, — вставил Ган Ро Чин. — Все это время я пытаюсь составить кусочки мозаики вместе, и у меня все еще остается слишком много лишних кусочков.

— Каким образом мы, такие, как мы есть, можем понять сверхъестественное? — спросила Криша.

— Для этого нам надо выйти за пределы привычного способа мышления. Это просто еще одна проблема, типичная проблема инорасовой среды, все мы так или иначе сталкивались с подобными проблемами прежде. Мы — воссоединившиеся Мицлаплан, Миколь и Биржа — новая сила, новая команда, новая армия. Впервые мы столкнулись не с низшей, но с высшей расой. Все три Империи могут теперь оказаться побеждены и поглощены, так же как ранее наши расы оказались поглощены Империями. Он назвал нас теми, кто выживает, но мы — **лучше**! **Все** мы — лучше! Мы те, кто **борется**.

— Мы — шестеро беспомощных пленников в чужой столице, без оружия, без прав, низведенные до уровня наших предков-дикарей, — угрюмо возразил Джозеф. — И если мы не сообразим, как выбраться отсюда, то нас можно сразу записать в жертвы.

— Я согласен с тем, что найти выход жизненно важно, но и только, — ответил капитан. — Избавьте меня от этих разговоров о сверхъестественном. Я повидал немало миров, на которых живут настолько примитивные, неразвитые, невежественные люди, что они поклонялись нам, как богам, потому что наши знания, опыт и технологии казались им магией. Здесь то же самое — но мы-то не дикари!

— Ты сам-то веришь, что у нас есть шанс против **этого**? — спросила Модра.

— У нас лично нет, конечно. Нас всего шестеро против орд Кинтара. Нам нужна помощь. И я думаю, что мы знаем, где ее можно получить. Они не единственные, кто владеет подобными знаниями. Некто, названный ими «древними врагами», поставили здесь замки и ушли. Думаю, мы все согласны относительно того, кто это должен быть. Наша задача — **добраться** до них.

Джимми Маккрей осмотрел храм. Оставалось только догадываться, куда могла деться Калия, — мимо них она не проходила, но и в храме ее не было, впрочем, трудно сказать, так ли это было на самом деле. На алтаре не осталось ничего, кроме обуглившейся плоти. Он заметил тело Молли, без сознания или мертвой, лежащее в углу, лицом вниз. Нет, не мертвой. Кажется, он заметил, как она шевельнулась.

— Они ушли, — вздохнула Модра, и одновременно все тоже почувствовали это. Внезапное чувство облегчения по-

полам с опустошенностью наполнило их. Они поняли, что опять остались одни.

— Не пойму, что заставило ее так поступить, — пробормотал Джимми.

— Кровь на полу. Благодаря ей одно из этих существ смогло проникнуть в нашу Вселенную и овладеть ею, — запоздало констатировал Джозеф. — Здесь как раз все понятно.

— Нет, нет! Маккрей прав! — воскликнул Чин. — Им не составило бы труда отпереть двери, если бы для этого было достаточно овладеть чьим-то телом. Одержимость демонами описывается еще в древнейших легендах. Если бы все было так просто, им бы стоило овладеть тремя людьми, по одному из каждой империи, и они сразу же смогли бы освободиться. Нет, все трое должны сделать это добровольно. Иначе все было бы слишком просто, и зачем тогда испытания?

— Но Молли нипочем бы не сделала это добровольно! — возразил Джимми. — Она же **ничего** не понимала! Чтобы действовать добровольно, требуется хотя бы понимать, что делаешь!

Молли вдруг издала какой-то звук и попробовала сесть, помотав головой. Она вздохнула, поднесла свои длинные руки к лицу и принялась ощупывать его. Потом опустила руки ниже, к грудям, немного поиграла сосками и улыбнулась. Наконец руки опустились еще ниже, пока наконец она не закончила осмотр всего тела. Тогда она подняла глаза, увидела их всех, стоящих поодаль, и просияла.

— Эй, Джимми! Я вернулась! — воскликнула она.

Голос принадлежал Молли, но это была не Молли.

— Кто ты или что ты? — отозвался он.

— Да я это, придурок! У меня получилось! Я снова в теле и чувствую себя **потрясающе**!

Он нахмурил брови.

— Что?.. Кто?..

— Это я, голова садовая! Я, Гриста! Я вернулась!

— Меня всю жизнь учили, и я сама всегда полагала, что души не существует, — забеспокоилась Тобруш. — Наука доказала, что мозг и разум — без тени сомнения одно и то же. Нетрудно понять, что даже во время того соприкосновения нашего сознания с иным миром мы никуда не перемещались из наших тел, а просто у нашего сознания появилось некая дополнительная способность восприятия, к которой наш мозг оказался не подготовлен. Таким образом, совершенно невероятно, чтобы это существо, выдающее себя за разум и сознание, а также память морфы в теле синта, действительно было тем, чем себя провозглашает. Мозг морфы мертв. Следовательно, умерло и ее сознание и память. Это должен быть кто-то иной, **что-то** иное, обитавшее в том, ином мире, телепатически за-

хватившее и слившееся с сознанием и памятью морфы до того, как она умерла. Отсюда вопрос: кто или что управляет этим телом и почему?

— Но синт не была телепатом, — напомнил Джимми. — Эмпатом — да, но с крайне ограниченными возможностями и дальностью действия. Ей даже не удалось воспринять то измерение. Ты же пробовала читать ее сознание, как и я. Она была ограниченной, даже отсталой. Как что-либо могло овладеть ею или слиться с ней?

— Вот это-то, — ответила Тобруш, — нам и требуется узнать.

— Я чувствую себя, как крыса в пробирке, — пожаловалась Гриста, или тот, кто это был.

Как оказалось, новая Гриста обладала теми же способностями, что и остальные, за исключением того, что она могла ставить блокировку на всех уровнях, чего не мог никто из них. Она могла открыться им, и открывалась, но проблемы это не решало, так как только ей было известно, насколько она была открыта в действительности и что скрывала.

— А что сталось с Молли? — спросил ее Маккрей.

— А, ну, она здесь, можно сказать. Все, что раньше было Молли, теперь часть меня. Она не возражала! Думаю, в ее положении она не стала бы возражать против **любого** варианта. Такое тело в ее руках пропадало понапрасну! Уж я-то сумею им распорядиться получше!

Маккрей решил, что единственным способом получить от нее хоть какую-то информацию будет вести себя так, как будто она и есть та, за кого себя выдает.

— Ты же умерла, Гриста. Разве ты не понимаешь?

— Я не умирала, Джимми. Я же говорила тебе, что не умру. Что у меня получится.

— Я видел проход из того мира в Город. Эти существа толпились вокруг него, да и проход был слишком узким — там никто не смог бы пройти.

— Да ну? Что же, я там прошла, — самодовольно ответила она. — Просто я двигалась слишком быстро для них, и потом, я и вправду **хотела** прорваться.

Ган Ро Чин, подойдя, присоединился к разговору. Он долго размышлял, и теперь выводы, которые он готов был сделать, зависели исключительно от искренности Гристы.

— Что произошло, когда твое сознание вырвалось? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Я вдруг очутилась в огромном море, по крайней мере, это было похоже на море. Меня окружали многие и многие, но это были не те темные существа. Я действительно не могу объяснить. Потом внезапно появилась та большая тьма, как буд-

то какое-то жидкое существо, и они все разбежались. А я не знала, куда бежать, и попробовала просто убраться с дороги, но оно остановилось и заговорило со мной. Вот это было самое страшное. Та штука была такой могущественной и ужасно холодной. Я знала, что это бог, но еще я знала, что ему на меня наплевать, и что он может, не задумавшись, просто отправить меня в небытие. Но он заговорил со мной. Он предложил мне сделку.

Чин кивнул.

— Он предложил тебе настоящее тело и новую жизнь — жизнь Молли, — если ты сделаешь то, что он велит.

— Точно! Этими же самыми словами! Он мне почти стопроцентно предсказал, что здесь произойдет. Правда, мне было не совсем ясно, кто будут остальные двое, но я не удивилась, когда увидела их. Он сказал, что, пока вы все здесь, он может **устроить** кое-что, но не может заставить нас пролить кровь на ту глыбу. Он сказал, что я должна положить умирающую на камень, пока она еще дышит, и вместе с другой, убившей ее, смешать немного крови Молли и убитой. И если я так сделаю, то все. У меня останется тело, и я смогу зажить своей, настоящей жизнью. Сама все чувствовать, сама видеть, брать и трогать вещи, сама разговаривать, как сейчас. Он сказал, что мое тело не заболеет, не состарится и может протянуть столетия. **Столетия!** Как же я могла отказать ему? Особенно если учесть, что я понимала, прекрасно понимала, что это существо, ну... овладело мной — что я в полной его власти, если не сделаю, как оно сказало.

Капитан снова кивнул.

— Теперь понятно. Им требовался кто-то из Биржи, кто добровольно замкнул бы круг. Молли не годилась. Им нечего было ей предложить.

Джимми Маккрей уставился на Чина.

— Ты что, считаешь, что это на самом деле может быть Гриста? Да там не мог бы проскочить никто — ни одно живое существо! Ты не видел, насколько узок был проход.

— Это не имеет значения. Если господин Кинтара — тот, кем ты его полагаешь, то он заодно командует и живущими в том мире. Он мог просто **приказать им** пропустить ее.

— Но откуда он мог знать, как здесь все повернется?

— Ты чересчур наивен для такой работы. С самого начала нами **манипулировали**. Даже первые демоны, которых мы встретили, были невероятно могущественны, хотя и находились в заточении. Мой старый друг и товарищ, покойный Морок, понял бы, да вон и Джозеф тоже понимает. Кинтара — телепаты на порядок сильнее тебя; они также и эмпаты, причем к тому же способны подавлять и обманывать чувства других эмпатов. Нам зап-

рещено развивать несколько Талантов, но теперь они у тебя есть. Послушание и иерархия Святых в Мицлаплане достигается могучей гипнотической силой, способной подавить любого из нас. Нами манипулировали, возможно, уже те два демона, чьи следы привели нас на этот путь. Они провели нас через многие испытания и проверки, чтобы выбрать наилучший для себя состав наших команд. Мы были так заняты, сражаясь друг с другом, что ничего другого не замечали и не давали себе труда подумать. Они сделали все, чтобы отсеять тех, кто мог им помешать, и тех, кто почему-либо им не подходил, чтобы мы дошли досюда в том составе, который увеличивал бы их шансы.

— Слишком много неизвестных, — возразила Тобруш. — Это невозможно!

Джимми Маккрей вздохнул.

— Это невозможно для нас, но это дает хорошее объяснение всем нашим древним верованиям, ритуалам и культам — не зря же у нас появилось слово «дьявольский».

— Что же у них за ум! — воскликнула Модра.

— Действительно, — согласился Чин. — Представьте себе, как они договаривались со своими противниками, как они томились в заключении тысячи, может быть, десятки тысяч лет. Они дождались, пока их враги не ослабли, пока не исчезла сама вера в их существование, не говоря уж о знании каких-то их уязвимых мест. Это чудовищный, адский план, вполне отвечающий их репутации. Целая раса уходит в стазис, останавливает собственное развитие, чтобы пережить своих врагов! Но они не достигли цели. Потомки их древних врагов по-прежнему живы и правят, и не все знания потеряны, потому что империи разрослись настолько широко, что национальные культуры, особенно в Бирже, тщательно сохраняются. Может быть, таков и был ответный план союзников. Биржа сохраняет древние культуры, Мицлаплан создает оплот добра, святую сверхцивилизацию, которая достаточно знает врага, чтобы забить тревогу, как только он объявится снова. А Миколь предоставляет ударные силы, закаленные в боях и не менее яростные, чем сами Кинтара. — Он вздохнул. — Давайте используем тот механизм, подкрепимся и утолим жажду. Тогда и решим, что делать дальше.

Система работала, к восторгу Гристы, но когда они попробовали сделать что-либо кроме пищи, у них ничего не вышло, как и говорил князь демонов. Ган Ро Чина это скорее успокоило.

— Значит, это просто машина, — сказал он.

Модра подошла к Крише, которая встретила выпавшее им испытание неестественно тихо. Святая выглядела измотанной и потрясенной, даже несколько напуганной. Они все испы-

тывали страх, но как необычно было видеть его в этой всегда такой спокойной, уверенной в себе девушке!

— Мы все понесли потери, — сочувственно сказала Модра.

— Я страдаю не из-за этого. Они видят темнейшие уголки души, те, куда мы и сами не заглядываем. Вот в чем их истинная мощь. Тот князь, когда он говорил обо мне, позволил мне — и только мне — увидеть свой замысел относительно меня.

— Да, им здорово удалось тебя напугать.

— Я увидела себя в своем родном мире — но под **их** владычеством. Я была грязной, нагой, как сейчас, будто животное, однако была защищена от других неким знаком, выжженным у меня на лбу. Обуреваемая страстями, но по-прежнему скованная своими обетами, я рылась в отбросах в поисках еды; я не могла контролировать свой желудок и потому была обречена постоянно испражняться. Мой Талант был извращен — теперь все могли слышать мои самые сокровенные мысли, а я ничьи; я была живым уроком для всех остальных, меня презирал и осмеивал каждый встречный. Я была обречена жить так, не старясь, не болея; у меня не было даже такой роскоши, как сумасшествие. — Она поежилась. — И пока видение не исчезло, я знала — точно **знала** — что он способен поступить так со мной в любой момент.

Модра заключила ее в объятия.

— Так они думают, и так они заставляют тебя добровольно повиноваться их малейшему желанию. Им это нравится. Они видят в нас лишь пищу, игрушки, животных. — Она задумалась. — Слушай, а ты не помнишь, как выглядел тот знак, защищавший тебя? Если он настоящий, то, может, он поможет нам выбраться отсюда?

Криша покачала головой.

— Нет. Я, конечно, знала, что он есть, но в видении я все видела словно бы своими глазами. Думаю, что не могла его видеть, потому что он был у меня на лбу.

— Жаль, — вздохнула Модра. — Эта штука могла бы нам пригодиться.

Ган Ро Чин склонился к уху Маккрея, наблюдавшего, как Молли — или Гриста, или кто бы она ни была — ест с выражением почти неземного блаженства на лице. Если это и в самом деле была Гриста, то сейчас она впервые что-то **пробовала**, в обычном смысле этого слова.

— Ну что? Гриста это или нет? — прошептал Чин.

— Не знаю, — так же тихо ответил Джимми. — Ведет она себя так, как вела бы Гриста, и говорит похоже. Но кто знает? В мозг Молли были внесены некоторые ограничения, а у

этой их, похоже, нет, — во всяком случае, не свойственных всем нам. А могли они переделать тело и мозг изнутри?

— Могли, — ответил ему капитан. — Тело целиком погрузилось в энергетическое поле, а изменения, должно быть, требовались небольшие. Поскольку ее тело изначально было синтетическим, то наверно, такому компьютеру нетрудно было его проанализировать. Настоящий вопрос задала Тобруш — если это на самом деле Гриста, то это значит нечто невероятное. Это значит, что не только наши сущности, наши души переживают смерть тела, но и наши сознания, наши личности — тоже. По крайней мере, существует сила, способная распознать их, захватить, удерживать и вернуть обратно, если пожелает.

Джимми Маккрей пораженно посмотрел на капитана.

— Ты же воспитан в теократическом государстве, и ты не веришь в существование души?

— Не так. Не как в цельное, неизменное сознание, такое же, как то, что существует в теле.

— А, да, точно. Вы верите в реинкарнацию для совершенствования и наказания. Но, конечно, у вас тоже не разрешаются сделки с дьяволом. И если Гриста — все же не Гриста, то это неотличимая имитация.

— Готов ли ты рискнуть своей жизнью и бессмертной душой, если она на самом деле существует?

Маккрей неожиданно заинтересовался.

— А что ты придумал?

— Нам нужна станция. Если в Городе они и есть, то они наверняка охраняются демонами. А это значит, что нам придется идти обратно через сад, где мы скорее всего не выживем, учитывая, чего нам стоило попасть сюда; к тому же, перед нами встанет та же проблема — освобожденные стражники.

— Туда вообще нет смысла идти. Даже если не считать огненный мир и орду демонов на переходной станции, у нас же не будет ни пищи, ни воды. Мы не продержимся.

— Я не говорил, что нам надо полностью проходить весь обратный путь. Но нам наверняка придется идти мимо полубогов в саду. Не думаю, что первые врата так уж важны — их стражи были лишь проекцией. Нам надо добраться до той пещеры кристаллов. Как я уже говорил, маловероятно, что нам удастся так далеко пройти, но придется рискнуть. Правда, есть и еще один, еще более рискованный вариант.

— Какой?

— Если это действительно твоя Гриста, и ей удалось как-то пройти через тот проход, то, может, кому-то удастся и **выйти** таким же образом?

— Умерев? По этому пути тела не проходят, знаешь ли.

— Я уже сказал — рискованно.

— Это же самоубийство!

— Оставаться еще хуже.

К ним подошла Модра.

— Криша совсем расстроена. Эти демоны действительно знают, чем можно достать человека.

— Они тренировались многие годы, при каждом удобном случае, — кивнул Джимми. — Думаю, даже несмотря на то, что они были в заточении, их призывали через ментальное измерение их служители и всякие идиоты. Это многое объясняет. Тут вот капитан предлагает нам всем броситься в тот омут небытия и посмотреть, что из этого выйдет.

— Может, и до такого дойдет, — рассеянно согласилась она. — Понимаешь, демон открыл Крише видение, где над ней тяготело ужасное проклятие, она скиталась повсюду нагая, но с каким-то знаком на лбу, который всем объяснял, что ее нельзя трогать. Она не помнит, что это был за знак, но если бы нам удалось узнать...

Ган Ро Чин просветлел.

— Точно! Охранный знак! А демон ей не показывал, как он выглядит?

— К сожалению, нет, — покачала головой Модра.

Джимми Маккрей задумался.

— У меня есть одна мысль, но единственный способ ее проверить — это если кто-нибудь из нас и вправду нырнет; а если я ошибусь, то ему кранты. Черт, ведь даже если я окажусь **прав**, все равно все может сорваться.

Они заинтересовались.

— Продолжай.

— Число зверя — три шестерки. Но это было написано во втором веке от Рождества Христова, **предположительно** на греческом. Я искренне сомневаюсь, что в то время это было число. Скорее всего, это был какой-то символ, причем на языке Кинтара. Нечто, что выглядело как три шестерки для монаха второго века, пишущего на греческом. А ведь он мог писать и на иврите, раз уж был церковным писцом, и на латыни, хоть это и маловероятно, и даже на арамейском, о котором я мало что не знаю.

— Трис знал арамейский, — тихо проговорила Модра. — Это был его родной язык.

Джимми даже не услышал.

— Для арабских цифр было еще слишком рано, хотя это был бы самый простой вариант... — Он вздохнул. — Проклятие, нам нужен образец алфавита Кинтара! Тогда я бы смог сравнить их закорючки с системами счисления, которые могли быть известны христианскому мистику второго века!

Модра воодушевилась.

— Не знаю, сколько у нас осталось времени, но перед нами же целый город. Наверняка здесь где-нибудь кто-нибудь построил кому-нибудь памятник или написал указатели.

Им всем не терпелось заняться чем угодно, лишь бы не сидеть и ждать неведомо чего.

— Все лучше, чем торчать тут, — сказал Джозеф. — Правда, я не знаю ни одного из этих языков.

— Ты напрасно беспокоишься, — сказала Тобруш. — Все это просто теории. Здесь нет станции, а вернуться к любой из знакомых нам — значит пройти мокрый мир без припасов и огненный мир без скафандров, и в любом случае, таким решением не обманешь ни Кинтара, ни любого телепата.

Модра передала капитану разговор, он кивнул.

— Достаточно точная оценка, но я ставлю на то, что станция будет работать автоматически. Если бы вы оказались на месте Кинтара и вас продержали бы в стазисе несчетные века — захотелось бы **вам** побыть там еще хоть какое-то время, если бы вас освободили? Та первая станция оказалась автоматической, и я думаю, они все такие. Подумайте сами, для чего расе телепатов вообще может понадобиться охранный знак? Логичный ответ только один — для того, чтобы они могли свободно пользоваться автоматическим оборудованием. И не будьте так уверены, что здесь нет станции. Если они все ушли, то ушли путем, которым и мы могли бы воспользоваться. Невзирая на всю их мощь, Кинтара сделаны из плоти и крови, как и мы. Готов спорить, что им даже нужны сортиры, хоть мы пока и не видели ни одного. Станции построены для **них**. Им они нужны.

— Он прав! — воскликнула Модра, неожиданно почувствовав надежду. — Если бы только удалось вычислить этот знак!

— И если они действительно ушли из Города, — добавил Джимми.

— Пойдем посмотрим, — ответил капитан.

Они вышли наружу. На открытом воздухе все испытали облегчение после замкнутого пространства пирамиды. Ветра не было.

— Как и прежде, все холодно и мертво, — заметил Джозеф.

— Надолго ли? — ответил Джимми, осматриваясь. — Большой босс и его подручные начальнички на свободе, так что это лишь вопрос времени — когда они наконец удовлетворятся положением вещей и освободят остальных. Может, они уже и начали, а ваша перебежчица ломает для них печати, до которых им не дотронуться. Как думаете, сколько их там в этой перевалочной станции, в паре шагов от всех этих порталов, ведущих Бог весть куда? Сотни? Тысячи?

Они совсем позабыли про Гристу или ту, кто обитал в теле Молли, выдавая себя за нее. До сих пор она молча шла за ними, но сейчас она сказала:

— Джимми...

— Заткнись, Гриста! — сердито огрызнулся он, сам изумившись, что снова произносит эту фразу. — Ты уже немало натворила за этот день! Миллионы, если не миллиарды существ во всех трех империях будут жутко мучиться, или умрут, или будут молить о смерти! И все это только потому, что ты добавила свой треклятый голубой к комбинации из их растреклятых алого и золотого!

— Джимми... я... я не знала. Я **до сих пор** не знаю, что тут происходит. И потом, это сделала не я — я просто была там, вот и все.

Он раздраженно повернулся к ней.

— И тем не менее, Гриста, без тебя у них бы ничего не получилось.

— Не знаю, — грустно покачала головой она. — Я думала, все обрадуются. Ведь это **должно** было случиться. Никому **из вас** не приходилось выбирать — сделать то, что сделала я, или провести вечность в ничто, в водовороте пустоты. Вот та миколианская шлюха — кстати, пришедшая с вами, — сделала же это, сделала добровольно и с радостью. И выглядела по-настоящему счастливой, пусть даже ее кривую физиономию и поцарапали.

Ган Ро Чин тут же подскочил к ней.

— Ты видела ее? **После?** А может, ты заодно видела и этого... **его**?

— Нет, я не стала смотреть на **него**. Я вроде как встретила его тогда, в ничто, и встречаться по-настоящему мне не хотелось. Так что, когда Джимми крикнул, чтобы все закрыли глаза и не смотрели, я прижалась к стене и тоже закрыла глаза. Но когда я ощутила, что **он** ушел — внезапно, будто исчез; так странно... — тогда я подсмотрела. Она шла между двумя демонами, задрав нос, без единой ссадины, как будто и не дралась. Выглядела она... ну, почти привлекательной, как будто все ее шрамы исчезли, и еще **сильной**. После всей этой драки у нее осталось только три красных царапины на лбу.

Джимми Маккрей вдруг заинтересовался.

— Царапины?

— Ага. Прямо посреди лба. Как будто кто-то провел когтями сверху вниз.

Джимми поднес три пальца к волосам и провел ими до бровей.

— Так?

Она кивнула.

— Да. Точно так.

— Это важно? Царапины? — спросил капитан.

— Очень может быть, особенно если это вовсе не царапины, — ответил Джимми. — Это же иврит! «Вав, вав, вав» — шесть, шесть, шесть. В иврите буквы обозначают также и числа. Число шесть обычно пишется просто как вертикальная черта. Старый святой Иоанн Богослов **на самом деле** видел поклонников

Кинтара! Две тысячи лет при помощи нумерологии пытались понять, о чем же он говорит, доказали все что угодно, да только не то. Да, **должно быть** так! Достаточно просто для любого, имеющего под рукой уголек или даже грязь, и достаточно загадочно, чтобы никто не понял, что это значит!

— *Слишком просто,* — заметила Криша, понимая, что Гриста получила в наследство от Молли навыки эмпатии, но не такие сильные, как у остальных, благодаря заложенным конструкторами ограничениям. — *Можно ли ей доверять? Или это еще один способ помучить нас?*

— *Даже если она действительно Гриста и говорит чистую правду, я бы не доверял ей,* — честно ответил Джимми. — *У нее всегда были свои цели, как правило, мало связанные с чьими-то еще, а ведь ей больше не нужно заботиться о моей безопасности.*

— *Все равно, это очень подозрительно,* — заметила Тобруш. — *Откуда нам знать, что они не обманули ее, чтобы запутать нас, просто чтобы мы могли потешить себя надеждой, перед тем как нас скормят существам иного мира?*

— Есть только один способ доказать эту гипотезу, а заодно и узнать еще кое-что важное, — сказал капитан, догадавшись о содержании их переговоров. — Кому-то из нас придется провести себе эти линии на лбу, подняться по мосту до сада и посмотреть, пропустят ли его идолы. Если да, то предположение верно, и тогда ему надо заодно поискать там следы наших приятелей-демонов — не выходили ли они там. Если они пошли там, то значит, здесь станции нет. Но если она здесь, то мы, считай, выбрались.

Остальным вдруг вспомнился Морок, пытающийся перебраться через невидимый барьер и поглощенный им.

— Ты вызываешься добровольцем? — нервно спросил его Джозеф. Лингвистические упражнения Маккрея не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Нет! — закричала Криша. — Не надо!

Ган Ро Чин улыбнулся.

— Я должен. Помни, они могут читать мысли. Мы уже говорили, что там некие разумные существа, способные действовать в этом измерении через идолов. Маккрей нанесет мне метки на лоб чем придется, и я пойду туда на разведку, один. Уверяю тебя, я вовсе не испытываю восторга от перспективы карабкаться туда, но у меня есть ощущение, что времени осталось мало.

— Я не пущу тебя! — воскликнула она с истерическими нотками в голосе. — Ты — все, что у меня осталось!

Он взглянул на нее, как обычно, подавив невероятную жалость к ней.

— Так будет лучше. Если я останусь, то меня наверняка ждет печальная участь. Если дела станут совсем плохи,

прыгайте в тот водоворот. По крайней мере, спасетесь от **них**, а может, и выберетесь как-нибудь. Я совершенно не способен чувствовать тот мир, и у меня нет иллюзий по поводу того, как меня будут убеждать примкнуть к ним. В лучшем случае съедят живым по кусочку. Как-то нет желания проверять. Так что или я выберусь до того, как они вернутся, или умру легко и быстро.

Она не могла отказать ему в логике.

— Тогда позволь мне пойти с тобой!

— Они сразу прочитают про нашу задумку в твоих мыслях, — объяснил он. — Нет, надо торопиться. Я пошел, а вы поищите станцию. Встречаемся здесь. Если у меня выйдет, я вернусь к вам. Если нет, пробуйте другие пути.

Остальные кивнули.

— И сколько нам ждать? — спросила Модра. — Здесь нет дня и ночи, а часы я оставила в другом скафандре.

Он криво улыбнулся.

— Подождите, пока что-нибудь не произойдет. После этого не теряйте ни секунды.

Джимми Маккрей вернулся в храм, принес оттуда немного жирной черной сажи и нарисовал ею на лбу капитана три вертикальные черты. Ган Ро Чин подошел к Крише и мягко сказал:

— Ты должна держаться во что бы то ни стало. До сих пор ты сталкивалась с обычным и умным злом, но никогда — с истинным. Ты должна отбросить сомнения и преодолеть страх. Этих существ не победишь оружием или талантом, их можно победить лишь верой, а вера требует больше мужества, чем что-либо еще. Я не намерен умирать; я намерен выбраться отсюда и сражаться с ними. Но если я все же умру, ты должна сражаться до конца, чтобы моя смерть и смерти наших друзей и соратников, ушедших раньше, обрели смысл. Они весьма хорошо справляются со своим делом. Будьте лучше.

— Я... не знаю, справлюсь ли, — честно ответила она.

— Ты можешь. Если будешь верить в себя и в высшие силы, то все, что они смогут, — это убить тебя. Кошмары, проклятие и остальные неприятности они смогут принести тебе, только если ты сама им поможешь. Хотя бы один мицлапланец должен вернуться назад, чтобы рассказать. Хотя бы один мицлапланец должен предупредить Святых Ангелов, пока не начнется настоящий ужас. Только у них ключ ко всему. — Он помолчал, потом ободряюще улыбнулся ей. — Не волнуйся. Я вернусь через пару часов. Пока что я больше всего боюсь, как бы не свалиться с моста от усталости. — Он взял ее руку, поцеловал, потом подмигнул ей и бодро пошел назад в Город.

Он не замедлил шага и не сгорбился, пока не уверился, что она его уже не видит.

ИЗ БЕЗДНЫ

Казалось, прошли дни. На самом деле — всего несколько часов, но Ган Ро Чин не вернулся. Станции они тоже не нашли, хотя кто знает, как должна выглядеть станция в этом проклятом Городе?

Криша ждала у громадного бурлящего водоворота энергии, не желая пропустить Чина, когда — или если — он вернется. Сначала ей было не так уж плохо, но потом скука и бездействие взяли свое. Она подошла к ограде, отделяющей тротуар от великой бездны, и заглянула в него.

Если бы это было романтическим приключением, подумала она, я бы, посмотрев сюда, внезапно обрела силу, превосходящую демоническую, и вернулась с мечом в руке — Святая Воительница, защищающая свой народ и искореняющая зло.

Однако она не была героиней фантастической книги или вдохновенной саги; здесь все было по-настоящему. Чем больше она всматривалась в эту странную чашу, где клубилась почти твердая энергия, тем больше сдавали у нее нервы. Ей начало казаться, будто нечто — быть может, тот абсолютный властелин зла — вот-вот выскочит оттуда и схватит ее. Почти неосознанно Криша отшатнулась и после этого чаще оглядывалась на источник, чем на Город, где оставались остальные, и откуда, по ее молитвам, должен был появиться Ган Ро Чин. Ей казалось, что стоило отвести взгляд, как там начинало двигаться нечто, видимое только уголком глаза.

Нервы, сказала она сама себе. Она не чувствовала себя настолько напуганной, настолько беспомощной с тех самых пор, как Инквизиция привела ее пред очи Высочайшего, дабы закрепить ее послушание. Но даже тогда было не так. Многие в прошлом сопротивлялись Зову Первосвятителя или никогда не желали его испытать, но, услышав Зов, не могли не подчиниться воле богов. Сейчас... сейчас было по-другому.

Даже если Чин прав, и эти Кинтара лишь древняя раса, из плоти и крови, пусть могущественная, но навряд ли божественная, дело не в них. Сердцем этого ужаса являлся их господин — тот Иной, которому они служили. Даже не видя его, даже с заблокированным восприятием, она все равно чувствовала это существо и знала, что в нем нет ничего от известной ей Вселенной. Мощь, излучаемая самим его присутствием в том зале, затмевала любую силу, с которой она до сих пор сталкивалась. Святые Ангелы и князья демонов были пылинками по сравнению с ним. Его кристально холодный, совершенно чуждый разум был настолько могучим, настолько подавляющим, что она не могла подобрать для его описания иного слова, нежели «богоподобный». И вместе с тем ему чужды были понятия любви, заботы, жалости, которые она всегда ассоциировала с этим словом.

«Сверхъестественный». Это слово впервые сошло с ее языка, когда она была совсем ребенком, и с тех пор она всегда верила в него. Сверхъестественное было за пределами обычного, за пределами самой Вселенной. Нечто, обладающее силой превыше вообразимой, не созданное ни эволюцией, ни известными физическими законами...

Нечто, чему они позволили вернуться. Нечто, не являвшееся злом, но скорее **определенное** как зло. Нечто, игравшее с бесчисленными расами того места, куда его заключили. И наконец, нечто, более никуда не заключенное и ничем не ограниченное.

Но если оно и было Величайшим Злом, Источником Тьмы — сатаной, как назвал его Джимми Маккрей, хотя, вероятно, у него были миллионы имен — то снова вставал вопрос, заданный еще в пирамиде: «**Он** здесь; где же боги?» Она уверена в том, что Святые Ангелы справятся с демонами. С демонами — но не с **этим**.

Неожиданно она резко обернулась, но там опять ничего не было. Рано.

«Прекрати думать об этом», — сказала она сама себе. Не столько из-за нервов, сколько... а вдруг, просто размышляя о **нем**, она призовет его?

Она почувствовала себя ужасно одинокой — чувство, которого не мог вынести ни один натуральный телепат. Хуже всего, что из-за близости центра мысленные сигналы от тех, кто остался в Городе, принимались неустойчиво, искажались, пропадали. Даже нового уровня силы, полученного ею в этом нелегком путешествии, оказывалось недостаточно. Этого можно было ожидать — известно, что все так называемые Таланты приема-передачи сгруппированы в узком диапазоне частот. Интерференция на любом из них глушила все остальные. И все же, до недавнего времени, когда ее блокировали или сигнал интерферировал, рядом всегда были другие люди — ее союзники.

Испытание, которому она подверглась, лишь углубило ее депрессию. Увидев, что сотворили Кинтара в лагере исследователей, увидев мертвые, разлагающиеся тела их первых жертв, она поняла, что злоба этих существ ставит их на ступень выше ее. Модра рассказывала, что согласно записям цимолей, их не смог замедлить даже полный заряд энергопистолетов, что всю эту бойню и разрушения устроили лишь двое демонов, не имея никакого оружия, кроме голых рук и ног.

Теперь они на свободе и освобождают остальных. А остальных миллионы. Может быть, сотни миллионов. И все они оголодали после чрезвычайно долгого заточения...

Она заметила движение на одной из улиц, ведущих к площади, и ее мысли сразу разбежались. Она одновременно ожидала увидеть кого-нибудь из Кинтара, пришедшего, чтобы завладеть Городом и проклясть ее, и надеялась, что это все же может быть капитан.

Но это оказались Джимми Маккрей и Модра Страйк, за ними двигалось то странное одержимое существо.

Разочарованно и с облегчением, она ожидала, пока они подойдут достаточно близко для разговора.

— Есть хорошая новость и плохая, — сказал Маккрей. — Хорошая состоит в том, что здесь есть станция и рядом с ней пока нет Кинтара. Она внизу, в подвале, на самом нижнем уровне Города, и она довольно большая. Плохая новость — она работает, как живая, жужжит и делает **нечто**. Может быть, восстанавливает контакт с линией. Так что, возможно, через нее мы можем попасть в не поддающееся исчислению количество мест, и совершенно неизвестно, куда конкретно.

Модра показала рукой на бурлящее озеро энергии.

— По крайней мере, такой выход получше **этого**. Если, конечно, мы не столкнемся с Кинтара по дороге. — Она помедлила. — Капитан Чин пока не показывался?

— Нет. Но... здесь с нами что-то происходит. Я больше не чувствую времени. Здесь нет часов, нет солнца, ничто не меняется периодически. Я даже не знаю, сколько он отсутствует — минуты? Часы?

— Так со всеми, — согласилась Модра. — Но мы довольно долго лазили повсюду, пока не нашли станцию. Так что времени прошло немало. К тому же ноги меня уже не держат.

— Где миколианцы? — спросила Криша.

Джимми пожал плечами.

— Я их не видел. Надеюсь, они придут сюда, если найдут станцию, а не полезут пробовать. Прежде всего, мы не знаем, работает ли там число зверя. Если нет, то мы либо снова вернемся сюда, либо попадем в смертельный для нас мир, а то и на завтрак компании голодных демонов.

— Все лучше, чем оставаться здесь, — ответила Криша.

Модра напряглась.

— Вы ничего не почувствовали?

Они кивнули.

— Очень странно, — тихо проговорил Маккрей. — Словно бы...

— Словно Кинтара опять здесь, — продолжила Криша, озвучив их общий страх.

Модра огляделась.

— Давайте-ка убираться отсюда, поищем какое-нибудь укрытие, — предложила она. — Только не в этот чертов храм.

— А как же капитан? — запротестовала Криша.

— Он умница и способен позаботиться о себе сам, — утешила ее Модра. — Ему ни к чему читать мысли, чтобы все понять; может, он поймет даже, куда мы направились. Мы будем время от времени посматривать сюда.

Жрица сначала не хотела и слушать, но потом все же двинулась вместе со всеми. Появившееся у них ощущение присутствия большого числа могучих существ невозможно было не учитывать.

Они нашли переулок между двумя зданиями, ведущий с небольшой улочки на площадь. Отсюда они могли наблюдать за местностью, мало рискуя быть обнаруженными, — их нельзя было заметить, если только не стоять на том же этаже с противоположной стороны.

— Это безумие, — возразила Криша. — Вы же не думаете, что нам удастся спрятаться от **них**?

— Нет, если бы они хотели нас найти, или если бы мы что-то для них значили, — согласился Джимми. — Но я подозреваю, что в том, что касается Талантов, они ничем не отличаются от нас. Твой капитан оказался прав — мы даже смогли вычислить общественный сортир, исходя только из внешнего вида. Так же как возраст не всегда означает мудрость, так и сила, даже такая, как у них, не означает всемогущество. А если их репутация среди моего народа хоть чего-то стоит, то эти ребята очень заботятся о себе и не слишком хорошо играют в команде, разве что кто-нибудь посильнее стоит над ними с кнутом. Это, должно быть, группа, высланная, чтобы проверить Город — не сломалось ли чего, все ли включено и готово работать. Нам придется несладко, если мы столкнемся с одним из них, но еще не все потеряно.

— Им наверняка сказали, что мы здесь, — заметила Модра.

Он кивнул.

— Скорее всего, они получили приказ запереть нас, или что-то в этом духе, покуда их босс не вернется. Но вряд ли они будут чересчур усердствовать в том, что касается нас. Они бы не стали беспокоиться, даже если бы мы были облачены в полные скафандры и имели заряженное оружие. Расе, способной выдержать жар и вдыхать газы того мира вулканов, вряд ли страшны такие, как мы. Мы для них, может быть, забавны, но значим не более домашних животных. — Джимми вдруг остановился. — Ну-ка, осторожно проверь площадь, — обратился он к Крише.

Она кивнула, подползла к концу переулка и выглянула наружу. Сначала она ничего не заметила, но потом среди зданий на противоположной стороне рассмотрела крупную улиткоподобную фигуру Тобруш.

— Там миколианцы! — прошептала она, вернувшись.

— Вот черт! — выругался Джимми. — Я думал, они будут умнее. Под храмом городская энергостанция и наш источник пищи. Там Кинтара окажутся прежде всего. Он немного подумал. — Тобруш — прирожденная телепатка. Соединись с ней по-быстрому, в режиме молнии. Скажи, чтобы они перебирались сюда, и что мы нашли станцию. Если будут спорить, соглашайся. Главное — быстро.

Криша кивнула. **611**

— Хотела бы я так связаться с капитаном!

— Он в безопасности, в отличие от нас. Черта с два они его засекут, а сам он достаточно умен, чтобы не подставляться. Давай! Вперед, детка, пока есть возможность!

Криша снова поползла вперед, а Модра растерянно повернулась к Джимми.

— Режим молнии?

— Даже не пробуй. Если ты не родилась телепатом, то тебе тренироваться и тренироваться. Телепатический контакт при наличии визуального позволяет передавать мысли со скоростью света. Если знаешь, как это делается, можно передать пакет информации и получить ответ почти одновременно. Вот только что мозг на таких скоростях не работает, так что приходится сначала отправлять, а потом ловить ответ.

— Но они же заблокированы! Не получится так, что Кинтара услышат, а они нет?

— Джозеф не настолько опытен, чтобы суметь заблокироваться полностью. Кроме того, мы на площади, рядом с источником помех, и имеем визуальный контакт, а он имеет весьма направленное действие. Если эта джулки хоть чего-то стоит, она сумеет принять сигнал.

Прошло совсем немного времени, когда Криша возвратилась.

— Ответа не было, но мне кажется, они двинулись сюда. Я не почувствовала никаких чужих взглядов, так что, видимо, нас не заметили.

— Молодец! — похвалил ее Джимми. — Не будем высовываться, пока не припечет или пока не получим от них сигнал бедствия.

Модра не очень-то обрадовалась перспективе вновь оказаться в компании миколианцев, но по иной причине, нежели Криша, всегда испытывавшая к ним отвращение.

— Джимми... ты считаешь, им можно доверять?

Он вскинул брови.

— Что? Почему ты спрашиваешь?

— Ну, ведь их культура сродни Кинтара. Демонам бы у них понравилось, верно? И к тому же, именно их эмпатка завершила дело, перейдя на сторону Кинтара. Вспомни, у нас ведь перемирие, а не союз! Я бы не стала ни с кем из них объединяться только для того, чтобы проверить, не предадут ли они. Джозеф вообще только и думает, как бы меня изнасиловать, каждый раз, как я ему попадаюсь на глаза. Правда, ему хватает воли сдерживать себя, пока мы в одной лодке.

Маккрей кивнул.

— Ну, что касается изнасилования, думаю, ты не в его вкусе. Однако он действительно жестокий, расчетливый человек — как, вероятно, и джулки. Он из тех, кто выживает и продвигается в обществе Миколя. Ну да, какие бы они ни были, они

наши союзники, и нам нужен хотя бы один из них, а лучше оба. Он не питает иллюзий, будто Кинтара благоволят ему. Если мы попадем к ним в лапы, этой парочке придется хуже всех, потому что они миколианцы — потомки тех, кто предал Кинтара. Их девчонка перешла на ту сторону и сделала то, что сделала, только из-за собственных амбиций и из ненависти к нему, а не из-за какой-то особенной любви к демонам. Если Кинтара не изменились, — а я думаю, что это вряд ли, — то именно Миколь станет главным врагом, которому они будут мстить. Впрочем, они знают, что Империя Миколь окажется и самой трудной для завоевания. Кровь будет литься рекой. Им будет гораздо легче справиться с Биржей и Мицлапланом.

— Мицлаплан **никогда** не сдастся им! — воскликнула Криша. — Наше общество едино, наша Инквизиция, Святые Ангелы и боги — это стена, непреодолимая для врагов!

— Глупости! — хмыкнул Джимми. — Я немного изучал вашу религию — всегда полезно знать своих конкурентов, — видел изображения ваших Святых Ангелов и читал научную литературу о них. Они почти целиком состоят из мозга — их тела почти атрофировались. Они могут немного левитировать, но на большие расстояния их приходится переносить вручную. Даже кормит их специальный монашеский орден, созданный специально для ухода за ними.

Он заметил ее нарастающий гнев и поспешил успокоить ее, пока она не привлекла внимание Кинтара.

— Не надо так волноваться! Я совершенно не собираюсь богохульствовать! Но в **моей** космологии бесы — просто восставшие против Неба ангелы, которых после их падения немного побили и выкинули вон. Иногда им тоже удается, сбившись в банду, поколотить ангелов, пока к тем не придет подкрепление.

Ее гнев стих, уступив место любопытству, но она по-прежнему не одобряла его тон — он говорил так, как будто Святые Ангелы могли быть обычными существами, вроде Кинтара.

— К чему ты клонишь?

— На большинстве ваших планет есть только один Ангел Мицлаплан. Его никто никогда не видит и не общается с ним, кроме жрецов, и через них же передаются распоряжения Ангела пастве. Отряд Кинтара может ликвидировать Мицлаплана и взять под свой контроль его подчиненных так, что никто и не узнает! Им даже не придется воевать, они просто будут держать войска в неведении. Таким образом они могут заместить всех Ангелов, и ни одна собака не будет об этом знать. Я не разведчик и не военный, но меня учили логике, и я вижу, что это — очевидное слабое место вашего общества. Наше еще более уязвимо, потому что никто не знает, кто или что такое Хранитель, — большинство биржанцев

даже сомневается, существуют ли они вообще. Взломай сервера, и ты — главнокомандующий! Даже цимоли не станут проблемой. Если даже сравнительно мелкий демон может считать всю память цимоля, просто прикоснувшись к нему в момент эмоционального напряжения, то разве трудно будет сильному понятливому демону перепрограммировать их? Система никуда не годится. **Обе** системы никуда не годятся, с точки зрения противостояния Кинтара. Смотри сама, что получается. Не успеет никто ничего заподозрить, как силы Мицлаплана и Биржи ударят по Миколю с двух сторон.

— Ты думаешь, такое возможно? — в ужасе от нарисованной им картины, спросила Модра.

— Разве что Кинтара глупее бывшего приходского священника. Но мне почему-то кажется, что они гораздо более сообразительны, чем я.

— Почему ты думаешь, что они не объединятся с Миколем и не разобьют нас поодиночке? — спросила Криша.

— Во-первых, повелители Миколя представляют собой колонии гипер-интеллектуальных бактерий. Это паразиты. Пока хоть один их носитель ходит на свободе со впрыскивателем, их не уничтожишь. В отличие от Мицлапланов и Хранителей, они активны. Они живут в телах своих носителей и постоянно перемещаются, так что их не так-то просто выследить. Их общество не имеет централизованной структуры, поэтому, если даже Кинтара в конце концов и удастся подчинить себе Лордов, их придется бить поодиночке, а бороться с мелкими отрядами, не имеющими общего центра, очень сложно. И, во-вторых, если бы тебя предал союзник, стала бы **ты** еще раз иметь с ним дело? И осмелится ли он иметь дело с тобой?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — задумчиво ответила Модра. — Но ведь сейчас по останкам лагеря и корабля наверняка лазят **сотни** ученых и военных — посланных Хранителями, перед которыми они отчитываются. По крайней мере Хранители-то уже точно знают, что Кинтара освободились! И конечно, он уже приняли все возможные меры предосторожности!

— Да, ты права, — согласился Джимми. — Если Хранители еще существуют, и если они сохранили свои записи о Кинтара, и если они до сих пор способны действовать — ведь с тех пор прошло много времени. Я уверен, что демоны тоже принимают это в расчет. Мы не можем знать наверное, пока не вернемся к ним с докладом. Но ни Мицлаплан, ни Миколь ничего не узнают, пока кто-нибудь из их граждан не вернется и не сообщит им эти данные. — Он взглянул на Кришу. — Вот почему тебе необходимо пройти с нами до конца и выбраться отсюда. Вытащить тебя — одна из жизненно важных для нас задач, потому что ты — наша единственная надежда предупредить ваших Святых Ангелов.

— Ты хочешь сказать, мы с капитаном.

Он покачал головой.

— На этот раз капитан не имеет права голоса. Мицлапланы не смогут прочитать его память, чтобы удостовериться в правдивости информации, как могли бы с тобой. Он может поддержать тебя, но одна лишь ты способна добиться аудиенции у одного из ваших Высочайших, и лишь твоя лояльность вне подозрений. Я понимаю это, так же, как и Чин. Именно поэтому мы и рассказываем тебе все, что знаем, все наши догадки, все предположения. Ты — наша посланница.

Криша была поражена до глубины души.

— Мы понимаем, — продолжила Модра как можно мягче, — ты не хочешь уходить без него. Мы дадим ему столько времени, сколько сможем, но если Кинтара вернулись, то мы уже рискуем. Мы не можем ждать слишком долго, и ты не можешь остаться здесь одна. Надеюсь, ты теперь понимаешь, почему.

В этот момент Джозеф вынырнул из-за угла и сразу же прижался к стене, как будто за ним кто-то гнался. Адреналин пробежал у них по жилам: только сейчас они поняли, что переулок довольно узок, и что из него есть только один выход. Через двадцать секунд вслед за ним появилась Тобруш и тоже перетекла в тень.

— Проблемы? — нервно спросил Джимми.

— Не то слово, — ответил миколианец, пытаясь восстановить дыхание. — Мы чуть было не столкнулись с парой демонов!

— Они заметили вас?

— Думаю, они поняли, что мы где-то рядом. Один из них обернулся и хотел было отправиться по наши души, но другой что-то прорычал и остановил его. Их речь похожа на рык чудовищ.

— Значит, у них сейчас есть дела поважнее, — заметил Джимми. — Скоро они проверят все системы, и тогда у них появится свободное время.

— Но князь сказал, что нас не тронут, пока он не вернется, — напомнила Криша.

Джимми Маккрей вздохнул.

— Во-первых, они лгут, просто чтобы развлечься, так что не стоит принимать его слова за гарантию безопасности. Во-вторых, он может появиться в любой момент. В-третьих, этим тварям несвойственно исполнять приказы, когда начальство далеко. И наконец, есть куча вещей, которые они могут с нами сделать, чтобы и поразвлечься самим, и не разозлить старика. Нам и так непросто будет добраться до станции так, чтобы не столкнуться с ними.

— Так вы нашли ее? — воспряв духом, спросил Джозеф.

Маккрей кивнул.

— Вероятнее всего, использовать ее — чистой воды самоубийство, но это лучше, чем сидеть здесь и ничего не предпринимать.

Джозеф огляделся.

— От капитана по-прежнему нет вестей?

— Нет, — грустно покачала головой Криша. — И мне только что объяснили, почему я не могу его дожидаться.

— Жаль, — вздохнул Джозеф. — Он умный старикан; в Миколе он давно бы уже выбился в люди. Что ж, придется идти без него. — Он указал на Гристу, которая была необычно молчалива все это время, словно только теперь ей стали ясны последствия ее поступка. — Я бы предпочел не тащить с собой и эту обузу. Не знаю, кто она или что она такое, но она с **ними**, а не с нами, как и Калия.

— Она идет с нами, — отрезал Джимми. — Если она на стороне демонов, то пусть лучше будет рядом, у нас на глазах. Если же нет, то я не собираюсь делать им подарков, давая возможность вытащить из нее все наши разговоры и все, что мы делали.

— Я и не говорил, что ее надо отпустить, — угрожающе сказал Джозеф.

— Что до того, чтобы убить ее, то возможно, нам бы это и удалось — хоть я и не уверен насчет того, что надо сделать, чтобы убить синта. Но ее эмпатическое излучение, тем более предсмертное, притянет к нам демонов, как магнит, — заметил Джимми. — Лучше уж я возьму ее на поруки, и пусть она будет **моей** обузой.

— Вот спасибо, Джимми, — кисло отозвалась Гриста.

Тобруш, которая могла общаться лишь с помощью телепатии, осторожно выбирала слова, не позволяя своему блоку раскрыться больше, чем на мгновение.

— *Позвольте мне прикоснуться к вам,* — сказала джулки. — *Я нанесу знаки.* — Из ее спины высунулись три тончайших усика; глаза вытянулись на стебельках и повернулись так, чтобы видеть ее собственное лицо — или то, что могло считаться лицом у джулки. Усики изогнулись, и из них начала сочиться вязкая черная субстанция, которой джулки нарисовала у себя на лбу три идеально ровные вертикальные черты.

— Эта штука не ядовитая? — забеспокоилась Модра.

— Здесь все равно больше нечем рисовать. Остается только надеяться, что она когда-нибудь сойдет с кожи, — пожал плечами Джимми.

Тобруш нарисовала охранные знаки на лбу Джозефа, Джимми, Модры и даже Гристы. Усики на ощупь напоминали влажные шнурки. Только Криша сначала отшатнулась, чуть не испачкав себе весь лоб, но потом взяла себя в руки, и дело было сделано.

Джимми, довольный завершением, взглянул на Кришу.

— Еще разок посмотри, не идет ли капитан. Хорошенько посмотри. А потом придется идти, ничего не поделаешь.

Она кивнула, подошла к выходу из переулка и, не услышав и не почувствовав на площади ничего, на добрых полминуты высунулась наружу, выставив себя на всеобщее обозрение. Наконец Джозеф подбежал к ней, схватил за руку и грубым рывком втащил обратно.

— Хватит! — прорычал он. — Довольно. Подставляйся сама, если хочешь, а нас не свети!

Разгневанная, она попыталась вырваться, хотя при его размерах и характере это было бы непросто, но Модра оказалась рядом, прежде чем они начали драку.

— Прекратите! — воскликнул Джимми Маккрей. — Мы и так, считай, мертвы, и помочь нам может только чудо! И если мы снова начнем ссориться, никаких чудес точно не будет! Лучшее оружие этих тварей, даже более действенное, чем их мощь, — это наша собственная разобщенность!

Оба немного отошли, кризис миновал, но не надо было быть эмпатом, чтобы понять, что их взаимная обида никуда не делась. И все же замечание Джимми было справедливым, и они оба это прекрасно понимали.

Спуск к станции оказался непростым; несколько раз им приходилось то останавливаться, то обходить кругом, когда они замечали поблизости Кинтара. Отовсюду доносились звуки и голоса демонов за работой; на некоторых улицах открылись проемы, которых они раньше не видели, большие машины всевозможных форм и размеров и непонятного назначения заполнили улицы и переулки. Впрочем, это скорее успокаивало их, лишь подтверждая предположение Ган Ро Чина о том, что Кинтара, в сущности, были существами из плоти и крови, так же, как и они, и что истоки их мощи коренились в эволюции и технологиях, а не в какой-то сверхъестественной силе.

И все же они были несколько обескуражены, когда, спустившись до конца, обнаружили, что древняя столица бывшей империи демонов парит в ничто — станция, казалось, вырастала прямо из плиты, на которой стоял Город.

Хотя станция, очевидно, не предназначалась для регулярных перемещений, она поражала своими размерами. По обоим концам гигантской овальной площади располагались бесчисленные ниши с кристаллами. Пока что здесь не было ни души, но по откученным панелям на полу и разбросанным инструментам было ясно, что бригада техников либо уже работает здесь, либо собирается вскоре приступить. Надо было поторапливаться.

— Но какой из выходов ведет отсюда? — спросила Модра. — Они же могут забросить нас куда угодно!

— Да, никаких указателей нет, — согласился Джимми. — Что ж, думаю, надо выбрать первый попавшийся кристалл и посмотреть, что выйдет. Или же каждый пойдет сам по себе — может быть, хоть кто-то сумеет добраться до своих.

— Если б знать, как управляется эта система, — вздохнул Джозеф при виде многочисленных входов.

— Капитан бы разобрался, но его нет с нами, — вставила Криша. — У него талант на такие вещи, даже если это обычная дедукция.

Джимми подумал, ощущая, как Кинтара дышат им в спину, и зная, что враги могут появиться в любой момент, из любого кристалла.

— На вид они все одинаковые, — наконец сказал он. — Давайте выберем какой-нибудь один и пойдем через него.

— Капитан считал, что нас остановили частично из-за снаряжения, а частично из-за отсутствия знака, — напомнила Криша. — Мне кажется, он подозревал, что они и впрямь все одинаковые. Что кристаллы — это нечто вроде переключателей измерений. Манья еще называла их тессерактами.

Тобруш рискнула передать свои мысли всем вокруг:

— *Если это на самом деле тессеракты, то они могут касаться многих — а возможно, и всех существующих — точек, сами не находясь при этом в пространстве между ними. В этом случае, каждый кристалл одновременно связан с каждым другим кристаллом в сети. Это настолько заумная область математики, что здесь может быть и не такое.*

Джимми нахмурился.

— Интересно... Идея не хуже прочих. Предлагаю выбрать один из кристаллов и в уме представить себе место назначения, общее для всех.

— То есть нам просто надо пожелать оказаться дома? — скептически переспросила Модра.

— Нет. Там должна быть станция, а станций мы знаем всего несколько. Пещера кристаллов, водный мир и огненный мир отпадают. Пустой мир был бы неплох, но возможно, тех двоих демонов до сих пор еще не освободили. Остается станция, с которой мы входили. По крайней мере, мы можем быть уверены, что демонов там нет.

— Интересно, как можно быть уверенными в том, что мы не встретим демонов, куда бы мы ни пошли, — пробормотала Модра. Джимми пожал плечами.

— Какого черта? Если мы ошибаемся насчет знака, нас все равно наверняка прикончат на той стороне. Я...

И тут из кристального портала в пяти метрах от них появился демон. Они замерли. Демон был чересчур близко,

чтобы можно было надеяться убежать и спрятаться, а он, задумавшись, тоже немного помедлил, затем обернулся и заметил их.

Жутко было видеть ухмылку демона, тем более что она казалась весьма довольной.

— *О, да вы отмечены знаком, как я погляжу! Вы пометили и себя так же, как метите свой скот!*

Не было смысла пытаться обмануть его; как и все демоны, он обладал многочисленными способностями и владел ими на уровне, недостижимом для обычных рас

И все же Джозеф попробовал, просто на всякий случай.

— *Мы под защитой ваших князей,* — сказал он.

— *Можно и так сказать,* — согласилась тварь. — *Но отвечаю перед ними я, и я теперь — ваш хозяин. Преклонитесь передо мной сейчас же, добровольно и без принуждения, и я открою портал, дабы отправить вас далеко отсюда, где вы будете служить мне вечно как рабы.*

— Ни за что! — прокричала Криша.

— *Или же я отправлю вас в другое место, где царит боль, не сравнимая ни с чем из испытанного вами, а смерть не приходит никогда.* — Он поднял левую лапу и медленно опустил. Как только он это сделал, терране ощутили, как будто невидимый гигант положил свои руки им на плечи, прижимая к земле, и повалились на колени.

Но Джимми Маккрей не хотел сдаваться:

— *Силой Господа моего, Иисуса Христа, я отрицаю твою власть над собой! Именем Христовым заклинаю тебя! Силой Христа...*

Криша, осознав, что делает Маккрей, тут же присоединилась:

— *Сила Владыки Ясура, властного над злом превыше всех богов, да будет над тобой! Изыди во имя Ясура, и Мадиг, Его Святой Помощницы, защитницы Святых...*

Они застали демона врасплох. Давление на их плечи на мгновение ослабело, и он замотал головой, как будто пытаясь стряхнуть с нее что-то. Но победа не продлилась долго. Внезапно оба заклинателя ощутили невероятное давление, на этот раз не физическое, а на сознание. Оно казалось материальным — черной, непроницаемой, давящей тьмой, накрывшей огонь их веры.

— *Довольно!* — заорал демон. — *Если бы хоть один из вас поменьше болтал или же в глубине души действительно верил в ваших жалких доморощенных божков, то, возможно, вам бы и удалось собрать достаточно энергии, чтобы слегка расстроить меня. Но оба вы в душе сомневаетесь, и этого достаточно! Вы молитесь богам, в существовании которых сомневаетесь, а это значит, что вы молитесь пустому месту!*

Чернота затопила их сознание, вселяя в них ужас холодным злом, которым от нее веяло, и одновременно разыски-

вая, выявляя и усиливая их сомнения, углубляя их духовный колодец, который был таким пустым, пустым, пустым!..

Станция, их спутники — все перестало существовать. Каждый из них оказался в водовороте тьмы, зла, разрушения, были раскрыты темнейшие уголки их душ, перед ними мелькали картины всего того, что страшило и ужасало их больше всего на свете.

Они тонули, тонули в море собственных кошмаров и, подобно морякам в шторм, каждый видел спасательный трос — спасительную нить, — единственную возможность выплыть из затягивающего ужаса, таящегося в их сознании, скрытого от дневного света...

— *Держитесь за нить,* — воззвал демон. — *Придите ко мне, отдайтесь мне; предайте мне ваши тело, разум и душу, назовите меня своим Господином, и я спасу вас! Ваши боги не спасут вас. Ваши друзья не спасут вас. Ваш разум не спасет вас. Теперь лишь я могу спасти вас!*

Ужас, чувство безысходности бушевали в них все с большей яростью, охватывая их целиком, оставляя им лишь тонкую спасительную нить. И было невозможно сосредоточиться, невозможно противостоять им, они могли лишь дотянуться до этой пылающей нити...

И вдруг все кончилось — полностью, словно между сознанием демона и их сознаниями встала стена. И Джимми, и Криша выглядели дико — глаза выпучены, рты раскрыты, как у помешанных, — но они выбрались оттуда, и совсем не по той нити...

Они услышали, как демон, вне себя от удивления, пробормотал: *«Какого?..»*, но силы в его голосе было куда меньше, чем несколько мгновений тому назад.

— *Быстрее!* — закричала Тобруш. — *Не знаю, насколько это задержит его, но других привлечет наверняка! Джозеф! Модра! Тащите этих двоих хоть волоком, пока у них в мозгах не просветлеет! Сюда, в этот вход — он ничем не хуже любого другого!*

На мгновение компаньоны растерялись, как и демон. Ментально атакуя Джимми и Кришу, демон почти не принимал в расчет других — у него вполне хватило бы сил не дать им сбежать, пока он расправляется с молящимися. Теперь же они вдруг поняли, что Тобруш, вместо того, чтобы изо всех сил пытаться убежать от демона, напротив, подползла к нему — на достаточное расстояние, чтобы дотянуться своими усиками. Демон, занятый своей атакой, даже не заметил, как оказался окружен аккуратно нарисованной черной пентаграммой.

Демон наконец сообразил, что происходит, и попытался успокоиться.

— *Неужели ты думаешь, что эти ничтожные каракули смогут долго меня сдерживать? Набросок, ерунда! Для того, чтобы удержать подобных мне, требуется куда как больше! И ты, джулки, убедишься в этом первой!*

Демон, сосредоточившись, уставился на Тобруш. Даже ослабленный пентаграммой, он все еще был чудовищно силен, и вся его сконцентрированная сила была направлена теперь на джулки.

Но Тобруш, еще недавно казавшаяся слабой по сравнению с остальными, теперь, похоже, даже не заметила ментальной атаки на свое сознание.

— *Полагаю, ты прав,* — ответила джулки. — *Думаю, сейчас самое время проверить одну мою теорию.*

Несколько усиков молниеносно протянулись из спины джулки, внутрь пентаграммы с беснующимся внутри демоном, и ткнулись ему прямо в пасть.

Демон, клацнув зубами, откусил и проглотил их. Издав жуткиий рев удовлетворения, смеясь над ошибкой, которую сделала Тобруш, демон шагнул через границу пентаграммы.

— *Ваши мучения продлятся десять тысяч лет!* — объявил он. Но тут он встал как вкопанный — и принялся судорожно извиваться, как будто все мускулы его тела охватили спазмы.

Потрясенные, они смотрели, как демон, сотрясаемый судорогой, раздирает когтями собственное тело, нанося себе ужасные раны.

Потом его шкура, настолько прочная, что могла, казалось, защитить от чего угодно, словно бы ожила; было впечатление, что огромные волны живой плоти под ней пробивали себе дорогу наружу. Его морда исказилась в агонии, от былой надменности и холодности не осталось и следа.

— *Внутрь!* ***Живо!*** — приказала Тобруш тоном командира, больше похожим на голос Кинтара, чем на ее обычный. — *Полагаю, эта тварь сейчас взорвется, и поверьте мне, вам не понравится, если вас коснется хоть одна капля!* ***Вперед!***

Они шагнули в ближайшую нишу с кристаллом, и Тобруш поспешила за ними.

* * *

Джимми Маккрей начал понемногу приходить в себя, но он не был уверен, что то, чему он только что был свидетелем, не галлюцинация. Зато Джозеф был потрясен до глубины души.

— Ты убила демона! — восклицал он снова и снова. — Неужели ты **убила** демона?

— *Думаю, что нет, увы, хотя я и разрушила его телесную оболочку,* — ответила джулки. — *Когда я вошла в него, я увидела — нет,* ***ощутила****, — что в его глубине скрывалось нечто большее, нечто не являющееся живым с нашей точки зрения, а скорее подобное тем тварям из иного мира. К счастью,*

без тела они могут появиться здесь лишь под защитой геометрических фигур, так что нашего друга затянуло сейчас в ту самую дрянь, что его породила.

— Хорошо, хорошо, говори загадками, если тебе так хочется, но по всем внешним признакам ты его убила, — ответил Джозеф. — Чем же? Что ты такое синтезировала и впрыснула ему в пасть?

— Я ничего не синтезировала.

— Тогда как же ты это сделала?

Джимми Маккрей вырвался из объятий Гристы и, отдышавшись, произнес:

— Неужто ты до сих пор не понял, верзила? Когда твоей подружке понадобилось стать такой же сильной, как Кинтара, она стала. Я ни черта не понимаю в вашем обществе, но, насколько я помню, вы обычно не утруждали себя докладами вашим повелителям.

Джозеф был ошеломлен. Он вгляделся в Тобруш и наконец сказал:

— Ты... ты одна из Сокрытых?

— *Да, это правда, я — Миколь,* — ответило существо. — *Не смотри на меня так! Я та же, с кем ты впервые встретился на празднестве у Лорда Скуазоса. Та же Тобруш, которая была с тобой с самого начала. Что поделать, нам особенно нравится форма джулки.*

Тайные повелители Миколя, одна из трех правивших Высших Рас, всегда считались чем-то вроде колонии микробных паразитов. Действительно, джулки, с их тысячами игловидных усиков, как нельзя лучше подходили для того, чтобы обеспечить им успешное размножение и выживание.

— Ты ввела демону часть себя? — утвердительно спросил Джозеф.

— *Да. Согласно моей теории, это должно было сработать, хотя не могу сказать, что полученное доказательство меня радует.*

Джимми кивнул, поднимаясь на ноги.

— Понимаю. Часть тебя погибла, чтобы убить его.

— *Нет, ты не понимаешь. Мне очень жаль, что пришлось так поступить, но другого выхода не было, а потерянное так или иначе восстановится. Меня беспокоит другое. Ваше представление обо мне — твое и жрицы — оказалось сейчас поколеблено; для вас обоих это шок, но не настолько сильный, нежели для меня — мой успех. Миколь — это мы. Одна из трех, теперь уже четырех, высших форм разумной жизни! Мы — повелители сотен миров, триллионы трепещут перед нами! И ты даже представить себе не можешь, насколько неприятно обнаружить, что ты — болезнь, способная смертельно заразить демонов. Ты не можешь понять, как расстраивает подобное знание.*

— О чем это ты? — требовательно спросил Джозеф.

Джимми махнул рукой в сторону джулки:

— Похоже, капитан опять оказался прав. Все три Высшие Расы действительно были **предназначены** для того, чтобы остановить Кинтара. У каждой из них — Миколей, Хранителей, Святых Ангелов — есть свое предназначение, свой способ атаковать, уничтожать или, по меньшей мере, сдерживать Кинтара.

— Но **кем** они были предназначены? — спросила Модра.

— Этого мы пока не знаем, разве что ответ известен нашему новому другу, — ответил Маккрей.

— *Боюсь, что мои знания на этот счет немногим превосходят ваши,* — сказала Тобруш. — *Я делала все открытия вместе с вами. У нас есть много преданий, многое сокрыто в памяти наших предков, но эта память обрывочна и неполна, по крайней мере, у тех единиц, что составляют меня.*

— Но у тебя ведь столько же могущества и Талантов, что и у них! — взмолилась Модра. — Хоть **что-то** ты можешь вспомнить, особенно сейчас!

— *До сегодняшнего дня я зарекалась использовать любые силы, кроме тех, что можно было ожидать от джулки Тобруш, разве что у меня не будет другого выхода. Впрочем, я несколько раз уже незначительно отступила от этого правила, защищая себя или усиливая блокировку нашего отряда, когда мы объединились. Но открыть себя до тех пор, пока я не выяснила достаточно, до тех пор, пока меня не вынудили действовать, значило для меня подвергнуть себя величайшей опасности. Вы же не думаете, будто Кинтара позволили бы мне жить хотя бы секунду, если бы заподозрили, кто я на самом деле? Я легко справлюсь с любым из них поодиночке, но если их будет много...*

Джимми, вздохнув, кивнул.

— Что ж, по крайней мере, мы прибили хоть одну из этих тварей! Точнее, конечно, это сделала ты, но... **Господи!** Как же хорошо!

— *Это решение было непрактичным, как бы ни было оно утешительно,* — возразила Тобруш. — *Что мы можем? Вселиться в каждого носителя, по всей Империи? Сделать это означает уничтожить Империю, а опасность все равно останется. Мы можем нападать исподтишка, пугать их, заставить их остановиться, но, если нам придется убивать каждого в поединке, наше будущее абсурдно и предопределено. Мы — лишь один из эшелонов защиты, и его одного недостаточно. В прошлый раз их победили все три Высшие Расы вместе, и все три должны противостоять им теперь. Факт существования этой темной иномировой сущности внутри демона также настораживает меня. Он означает, что их тела, их материальные сущности — лишь мобильные оболочки, предохраняющие нашего истинного врага от свойств нашей Вселенной и позволяющие демону действовать в ней, точно так же, как те*

использовали идолов. Может быть, именно поэтому их заточили, а не уничтожили. Возможно, их вообще нельзя уничтожить.

— Весьма ободряющая мысль, — ответил Джимми Маккрей.

— Джимми! Посмотри-ка на Кришу! — перебила Модра. — С ней что-то не то.

Маккрей подошел к мицлапланке и опустился на колени. Криша была в сознании, но она сидела неподвижно, уставившись пустым взглядом в никуда. Он попробовал просканировать ее разум, но тут же отшатнулся.

В ее сознании царил полный беспорядок, пропитанные отчаянием мысли неслись по замкнутому кругу:

«Я поддалась абсолютному злу и должна убить себя, но если я убью себя, то предам всех жителей Вселенной, но я поддалась абсолютному злу и должна...»

Он взглянул на джулки.

— Тобруш, что делать? Она в ступоре. Что-то заставляет ее совершить самоубийство, потому что ее сломили — хотя сломить можно любого. Внушение очень сильное, но ее рациональное сознание сопротивляется, потому что, поступив так, она отрежет единственную нить, по которой послание сможет дойти до Ангелов.

— Гипнокодирование, — кивнул Джозеф. — Я уже с таким сталкивался. Гипноз Ангела мицликов слишком силен, чтобы ему сопротивляться или пытаться самостоятельно убрать его. Если она придет в себя, то умрет. Но, поскольку у нее есть равное по силе моральное обязательство оставаться в живых, она вошла в ступор. Здесь нужен специалист, психократ, способный снять внушение.

— *Она нужна нам,* — заметила Тобруш. — *Но нам нельзя оставаться в этой нише слишком долго. Нас могут хватиться — либо демоны обнаружат следы нашей битвы, либо та тварь свяжется со своими из иного мира. Маккрей, отойди в сторонку и помоги Модре и Джозефу хорошенько заблокироваться. Если это внушение — дело рук одного Ангела, то, возможно, у меня хватит сил его снять, но мне бы не хотелось, чтобы вас задело рикошетом.*

Тобруш скользнула к застывшей жрице, в то время как остальные, включая Гристу, отошли подальше, к противоположной стене, и приготовились к отражению возможных последствий.

Тем не менее, ударная волна сознания Тобруш чуть не лишила их чувств. Когда им уже начало казаться, что они вот-вот упадут в обморок, давление внезапно прекратилось.

— *М-да. Ты был прав, Джозеф. Я не психократ и не обладаю и долей тех знаний, которые вы мне приписываете. Внушение убрать я могу, оно сильно, но не настолько, чтобы я с ним не справилась. Но проблема еще и в ее культуре. И это нельзя*

решить, просто убрав внушение, потому что его дублируют жесткие принципы, на которых ее воспитали. В данном случае, проще попробовать уничтожить ее память о допущенной ошибке.

— Разумеется! — воскликнул Джозеф, щелкнув пальцами. — Сотри у нее память о том, что она поддалась этой твари!

— *Это не балаганный фокус,* — возразила Тобруш. — *Я не могу просто приказать ей забыть о случившемся. Ее психика глубоко повреждена. Ее не спасет, если я заставлю ее забыть лишь воспоминания, лежащие на поверхности. Кроме того, сложность еще и в том, что психика человека для меня не совсем понятна. Многое придется угадывать. Может быть, у меня получится, а может, и нет; возможны также непредсказуемые эффекты, которые проявятся сразу же или позднее.*

— Сделай все, что сможешь, — попросил Джимми. — Чем скорее, тем лучше.

— *Разумеется. Блокируйтесь.*

На этот раз волна была слабее, но зато они поняли большую часть того, что делала Тобруш. Стержнем проблемы было собственно рукоположение Криши — исходный набор внушений, сделанных Ангелом Мицлапланом годы тому назад. Перед ними промелькнула память об ужасе, охватившем ее, когда ее привели в огромный зал. Тобруш начала работу именно с этого места, с момента, когда все началось, когда испуганную девушку рукоположили в сан. Она понемногу убирала необратимость этого действия, заменяя ее другим внушением:

— Срок рукоположения истек. Он истек, и когда ты вновь предстала перед Высочайшими, не был продлен, а повторить рукоположение нельзя. Теперь ты все понимаешь. В процессе обучения и повторных инквизиторских проверок тебя обработали, приучив не вспоминать об этом, создав тебе ложную личность. Оболочку, защищавшую тебя убеждением, будто рукоположение все еще действует и обязывает тебя...

Удовлетворенная, Тобруш перешла к недавнему прошлому, распутывая нити, заставившие девушку сломаться. Та бездна, те кошмары, что одолевали ее, были кошмарами Святой Криши, и когда оболочка жрицы стала поддаваться, проявилось ее истинное «я», всегда присутствовавшее под ней. Личность жрицы, ранее доминировавшая, ослабла, сдалась и была уничтожена согласно Священным Законам Рукоположения. Святая Криша погибла, но истинная Криша осталась. Теперь она была свободна — свободна признать изначально существовавшую в ней другую, свободна от своих священных обетов...

Они молча наблюдали, как ее тело возвращается к жизни. Сначала дрогнули веки, затем она помотала головой и часто, глубоко задышала. Потом ее голова откинулась назад, рот раскрылся, как от удара, руки начали ощупывать тело, в том числе и те его

части, трогать которые считалось неприличным. На ее лице было выражение ребенка, восхищенного новой игрушкой; так продолжалось несколько минут. Внезапно она остановилась, замерла и перевела взгляд на них. Ее мимика, жестикуляция, весь ее облик выглядели настолько иными, что им на мгновение показалось, будто она одержима, как была одержима Молли. Она не успела еще произнести ни слова, но они уже видели, что это совершенно другая личность в теле Криши. Ее блокировка исчезла, и разум открылся, как будто она никогда не обладала Талантом. Впрочем, сейчас ее сознание было слишком мутным и рассеянным, чтобы можно было сказать наверняка.

Она ткнула пальцем:

— Ты. Ты... Модра. Так? А ты — Джимми, ты — Тобруш, а ты... ты — Джозеф.

Модра подбежала к ней. Криша казалась такой изменившейся, почти... **ребенком**.

— Верно, — мягко ответила она. — А помнишь ли ты, кто **ты** такая?

Какое-то мгновение казалось, что Криша не поняла вопроса. Наконец, она произнесла:

— Я Криша. Криша Мендоро. — Потом нахмурилась. — Разве нет?

— Мы на это надеемся, — ответила женщина. — М-м-м... ты что-нибудь помнишь из прошлого, помнишь, как ты сюда попала?

Криша нахмурилась еще сильнее.

— Я сохранила почти всю **ее** память. Я знаю, где я. — Она взглянула на них. — А капитан...

Модра покачала головой.

— Пока не появлялся. Идем, нам надо убираться отсюда. Мы еще слишком далеко от дома, что бы мы себе ни воображали.

Криша с помощью Модры поднялась на ноги, но все еще была не в себе. Она говорила и думала на одном из диалектов своего родного мира. Модра как опытная телепатка могла найти в ее разуме необходимые слова для разговора, но, разумеется, ее произношение и грамматика сильно хромали. Поэтому Криша не сразу понимала, что говорит Модра.

— *Используй свой Талант,* — бросила ей Модра. — *Изучи необходимое заново.*

В разуме Криши не отразилось и намека на то, что она что-либо услышала.

— *Она потеряла свой Талант!* — воскликнул Джимми Маккрей.

— *Она потеряла все, и новое, и старое,* — согласилась Модра. — *Я думала, что такого не может быть. У нее же врожденные способности!*

— *Возможно, это из-за психосоматической травмы,* — предположила Тобруш. — *Она может привести к непредсказуемым последствиям. Мне, например, приходилось видеть людей с абсолютно здоровыми глазами, которые тем не менее не могли видеть. Она ненавидела свой дар за то, что он определил ее судьбу. Пока она не телепатка, ее не могут принудить заново принести обеты. Это-то понятно, но странно, что я не могу добиться от нее буквально никакого отклика! Мне известны случаи, когда в результате травмы головы происходила утеря Таланта или, что чаще, нарушение его функций. Но больше повредить эту область никак нельзя. Остается только гадать, не сожгла ли я ее дар, пока работала над ней?*

— Вы так притихли, — заметила Криша. — Вы общаетесь мысленно, верно? Я раньше тоже так умела. А почему я теперь не могу?

— Мы, собственно, об этом и размышляем, — ответила Модра. — Возможно, твой Талант вернется. Ты ведь хочешь, чтобы он вернулся?

— Конечно! Стало так... тихо. Как-то... **одиноко**. Мне это совсем не нравится! Каждый из вас теперь может читать мои мысли, да? И глубокие тоже? А я отрезана!

— Нам надо идти, — сочувственно произнес Маккрей. Будучи сам телепатом от рождения, он испытывал тягостные ощущения при мысли о том, что можно внезапно перестать слышать все мысли, кроме собственных, и вдобавок потерять способности блокироваться. — Держись поближе к нам, посмотрим, можно ли отсюда выбраться. Если нет, то будет уже все равно, верно?

Она чуть не споткнулась.

— Да уж. Об этом я не подумала.

Станция оказалась спланирована так же, как и остальные, с сужавшимся входом-туннелем, открывавшимся в центральную часть. Наверняка и тут были демоны-стражи, пребывавшие в стазисе, но сейчас их не осталось — вероятно, они помогали другим благоустраивать Город.

— Внимание всем! — сказала Модра вслух, чтобы и Криша тоже услышала. — Мы собираемся вернуться туда, откуда впервые вошли в это ужасное место! Очистите свое сознание! Вообразите, что посылаете мысли в этот кристалл, концентрируясь на той первой станции, где были демоны. Представьте ее в своем сознании и провозгласите, что это и есть то место, куда вы хотите попасть! — Она нарочно не стала делать дополнительных предупреждений, чтобы никакие другие мысли не крутились у них в мозгах.

— *Думайте о первой станции... Думайте, как выглядел тот мир, кристалл, снаружи и внутри... Думайте о том месте...*

Стены начали странно меняться; на отшлифованных гранях кристалла начали проступать детали, выглядевшие почти как... как плоть живого существа. Проявлялись вены, артерии, по ним текла жидкость. Зрелище было захватывающим, но и нервирующим одновременно.

— Проходим! — коротко проговорила Модра, готовая ко всему.

Они пошли вперед, через большой зал, вышли в узкий длинный коридор и наконец оказались в желанном вестибюле.

— Стены исчезли, — заметил Джимми.

— *Занятно,* — сказала Тобруш. — *Не являются ли кристаллы на самом деле формой жизни? Мы видели их немало, но не могли и ожидать такого.*

— Ну его, это научное обоснование, — буркнул Джозеф. — Проверим лучше, все ли на месте?

Они осмотрелись. Прошли все, даже Гриста.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказал он. — Теперь давайте посмотрим, куда нас занесло. Мне все кажется, что мы вышли на той же самой проклятой станции!

— Не вижу ни кабеля, ни дорожки, — сказал Джимми. — Хотя, кажется, это не то место, куда мы собирались попасть. — Он вздохнул. — Что ж, вон выход. Пойдем, разочаруемся все вместе.

Они прошли через энергощит у входа и с облегчением увидели перед собой светлый, зеленый пейзаж. Терранам, по крайней мере, он показался райским, однако никто не заметил ни строений, ни признаков того, что они здесь когда-либо стояли.

Джимми Маккрей вздохнул.

— Говорят, такой же прелестной была древняя Ирландия. Правда, слава Богу, здесь теплее, чем было там.

— Но это не то место, — заметила Модра.

Джимми развел руками.

— Не то. То ли мы не настроили эту штуку как надо, то ли не сказали какого-нибудь пароля, то ли еще что-то, но на этот раз капитан определенно ошибся. Мы выбрались из ада, и это уже замечательно само по себе, но до дома нам еще далеко. Очень далеко.

ВЫХОД, ЛЕСТНИЦА НАПРАВО

Это была их третья ночь в новом мире... это было время для размышлений.

Воздух — свежий, обычный, со значительно большим содержанием кислорода, чем им было необходимо, — принес всем ощущение легкого головокружения, которое уже проходи-

ло. Хотя дождя не было, очень высокая влажность, почти туман, гарантировала, что они не обгорят на солнце.

Вода имела сильный минеральный привкус, однако ее вполне можно было пить. Тобруш рекомендовала им некоторые растения — оказалось, что джулки может не только синтезировать, но и анализировать природные компоненты. Всасывая микроскопические дозы органического вещества через два хоботка и проводя их куда-то внутрь своего тела, она могла дать базовый анализ его составляющих и предположить, пригодно ли оно в пищу. Назвать это деликатесом было нельзя, но большинство из предложенного ею было съедобным для терран, и в итоге позволило им наполнить свои желудки.

Что касается самой Тобруш, она тоже нашла для себя какие-то уродливые ползучие растения синевато-металлической окраски, похожие на цветную капусту и со множеством усиков; они ковром застилали подножия деревьев, кое-где всползая на стволы. Обнаружилось, что они вполне приемлемы для организма джулки, хотя она предупредила терран, чтобы они не пытались пробовать их, — как будто у кого-то могло появиться такое желание после одного взгляда на эти штуки!

Тем не менее, еда, вода или что-то еще поначалу вызвало у терран боли в животе и понос, что не казалось серьезной проблемой и не угрожало их жизни, но на время исключило из обсуждения другие вопросы. Через некоторое время, однако, им стало легче, поскольку их организмы приспособились к неизвестной, но химически подходящей для них пище.

Джозеф старался держаться на расстоянии от своей старой партнерши и товарища. Тот факт, что Тобруш оказалась одним из Скрытых Повелителей, не так-то легко было принять. Джозеф, как и все миколианцы, испытывал ужас перед фактом, что Сокрытый может в любой момент ввести любому существу, независимо от расы, свою микробиологическую сущность и захватить его тело. То, что Тобруш по-прежнему говорила и действовала как Тобруш, не могло его успокоить. Никто из них не сомневался, что они видят лишь актерскую игру, маску, которую Миколь хочет им показать, — маску, под которой скрыта недоступная для таких, как они, совершенно иная, незнакомая им сущность.

Джимми тоже это чувствовал. Он уже видел вполне привлекательного парня Триса Ланкура, обычного пилота, под маской которого оказалось что-то совершенно непостижимое и нечеловеческое. Он не имел никакого желания заглядывать под маску Миколь; у него не было иллюзий насчет того, как эта абсолютно чуждая паразитическая форма жизни на самом деле относится к нему. Конечно, не как к равному; скорее — и это наиболее правдоподобно, — как разумный человек относится к полезным зверушкам, как охотник относится к своим собакам.

Это был типичный представитель формы жизни столь же древней и могущественной, как Кинтара, и империя, порожденная такими, как он, для других империй сама выглядела демоноподобной.

Джимми Маккрею нравилось главным образом лежать на траве, чувствуя себя в безопасности, и просто думать о разном, желательно подальше от остальных. Странно, но его беспокоило именно **отсутствие** опасности. Каждый чувствовал, словно вся тяжесть того мира и угроза мгновенной смерти или бесконечных мучений внезапно исчезла, исчезла вместе со всеми их обязанностями и заботами. Криша, Модра и, как ни странно, даже Джозеф казались счастливыми, просто находясь здесь. Немного позже они даже признались друг другу, что их пищеварительные системы перестали бунтовать. Им **нужен** был отдых, они заслужили его после всего того, что они пережили.

Когда Гриста приблизилась к сидящему Маккрею, разглядывавшему неисчислимую звездную россыпь на ночном небе здешнего мира, тот даже не повернул головы.

К этому времени он был уже вполне уверен, что Гриста — это на самом деле Гриста, каким-то образом сосуществующая в одном мозгу с несчастной маленькой Молли. Если этот иной мир — в самом деле духовный, то кто сказал, что требования Гристы несправедливы? Согласно воззрениям его Церкви, синт являлась машиной, а у машин нет души. В таком случае там, конечно, было свободное местечко, и, может быть, благодаря этому перемещению Молли обрела даже своего рода бессмертие, хотя цена и оказалась слишком, слишком высока.

— Джимми? Мы должны уходить отсюда, — сказала Гриста.

— А? Что?

— Я сказала, что мы должны выбираться, вот что. Я до сих пор ублажала Джозефа, но так не может продолжаться вечно. Я знаю, он уже положил глаз на обеих других девушек, а та ненормальная экзжрица просто неотразима. К тому же Модра, по-моему, заболела. У нее сегодня текла кровь из промежности, и она по-настоящему расстроилась из-за этого.

Это его заинтересовало.

— Хм! Я не думал о таком, да и она тоже, держу пари. Это не болезнь, Гриста. Вероятно она, когда выходила замуж, вновь активизировала свою репродуктивную систему, но ограничила ее кусочком кожи на время нашей последней совместной работы. Теперь кусочек истерся, а замена — бог знает где...

— Репро... Ты хочешь сказать, это часть терранской системы деторождения? **Кровь?** Ух! У нее теперь будет ребенок или что-то такое?

— Нет, если только Джозеф не доберется до нее. Но ее ждет несколько неприятных и грязных дней. Я не удивлен, что она переживает из-за этого.

— Черт побери! А что тогда насчет меня и другой девушки?

Он хмыкнул.

— Тебе не о чем беспокоиться. Твое тело к такому не приспособлено. А что касается Криши — я думаю, они сделали это невозможным, когда она была рукоположена, если я это правильно понимаю.

— Джимми, я не могу читать мысли, но у меня создалось сильное впечатление, что у Джозефа в самом деле появилась такая фантазия: жить здесь в уединении, только он и три женщины — загипнотизированные, преклоняющиеся перед ним рабыни. Будь осторожен.

Он мрачно улыбнулся.

— Телепат всегда осторожен. Я узнаю его мысли, как только он сам узнает о них. И о его фантазиях я тоже знаю. Типичный гипнот, вполне характерный для своего общества, хотя я подозреваю, что любой из нас в его положении повел бы себя так же. Его единственная проблема — Тобруш. Он не может ничего с ней поделать, чтобы оторваться здесь так, как мог бы у себя дома. А Тобруш понимает, что наше задание не только не выполнено, но даже еще толком не началось.

— Да, но... кто-то здесь говорил, что в Империях **должны** знать, что Кинтара освобождены. Они уже знают!

— Я убежден в этом, — согласился Джимми, — но не вполне уверен, понимают ли они, что именно это означает. Тобруш — лучший пример. Она — одна из тех, на кого мы рассчитывали, и она признается, что знает обо всем этом не больше нашего. Что если это было слишком давно? Что, если все уже забыто? Я давно интересовался древней историей моей собственной расы, после научной революции, но до начала космических экспедиций. Что произошло бы, если бы тех демонов в янтаре обнаружили мы? Их испугались бы только так называемые «необразованные». Другие действовали бы в точности так же, как ученые Биржи в том пограничном мире. Они бы вскрыли их, исследовали, измерили и все такое и в конечном счете так же выпустили бы. И несмотря на все наши легенды, рационалисты, которые всегда возглавляют подобные исследования, не поверили бы в ту угрозу, которую они представляют в действительности, а лишь в более осязаемые опасности, вроде встречи лицом к лицу с диким животным или вражеским солдатом. Через столько тысяч лет Кинтара, может быть, стали для Высших Рас просто легендой. Два демоноподобных создания были выпущены из капсул; они пробудились, убили своих исследователей и куда-то подевались. Трагедия в истории науки, разумеется, — но никто не поверит, что это не просто опасность местного значения. Десять к одному, что они не только не готовятся к войне, но даже предпринимают исследования, чтобы найти другие кристаллы. **Проклятье!** Это тот самый случай, когда ум и сила мешают человеку увидеть очевидное!

— То есть, как я и сказала, нам нужно выбираться отсюда, правильно? Понимаешь, я чувствую себя как-то ответственной за все это. И я хочу сделать все, что в моих силах, если только ты скажешь мне, что надо делать.

Он вздохнул.

— Хотел бы я сам это знать! Нет, правда, хотел бы. На этот раз старина Чин ошибся. Мы просто пришли в другое место, и все. Возможно, впереди есть еще какой-то мир, за границей этого, вроде того, что они открыли... — Внезапно он остановился и вскочил. — Матерь Божья!

— Ты в порядке, Джимми? — озабоченно спросила Гриста.

Он щелкнул пальцами.

— Конечно! Подними голову, Гриста, и скажи, что ты видишь?

Она нахмурилась и посмотрела на небо, куда он показывал.

— Много звезд?

— Звезд! На всех нисходящих к Городу ступенях мы проходили через области, которые только выглядели как миры, но там не было ни дня, ни ночи, ни звезд, ни солнца. Мы прошли несколько миров, чтобы добраться туда, и везде было одно и то же! Но, покинув Город, мы тотчас попали в мир, который может поддерживать наше существование, мир, где есть солнце, звезды и возможность расслабиться. Мы уже снаружи! Это все-таки сработало, как и говорил старина капитан!

— Ах, Джимми... Но это не то место, где мы входили.

— Нет, конечно нет! Подумай о столице Биржи, где мы жили раньше. Представь: ты попала туда впервые в жизни, взяла роботакси и сказала: «Доставьте меня на квартиру Джимми Маккрея».

— И что?

— Ну, там миллионы миллионов квартир, в этом городе, и простое такси, разумеется, не имеет никакого доступа к базе данных, чтобы выполнить твой заказ. Как минимум, там есть законы об охране личной жизни. И вот такси запрашивает у тебя более точные инструкции, и ты отвечаешь, что знаешь только, что это стандартная квартира с одной спальней на четвертом этаже, и настаиваешь на том, чтобы такси отвезло тебя туда. Как оно поступит? Оно просто доставит тебя в первый же попавшийся квартал с четырех- и более этажными домами, в которых есть однокомнатные квартиры!

Она на минуту сдвинула брови, затем просветлела.

— Я поняла! То есть надо просто сообщить ему, что это не то, что нужно, и тогда оно поедет в следующий квартал, потом в следующий, и так далее.

— Именно! Системе такой сложности необходимы абсолютно точные указания. Откуда она знает, где мы вошли? Ей нужно сказать конкретно, который мир в сети нам нужен. Не можем

же мы предположить, что у нее есть сведения о политике, государственном устройстве или еще чем-нибудь подобном! Мы предоставили ей серию изображений, из которых она извлекла только теплый мир, где растут деревья, и который способен поддерживать жизнеспособность наших рас, и она заслала нас в первый попавшийся мир из списка!

— Да, но... если взять это такси, о котором ты говоришь? В городе ведь несметное множество кварталов, похожих на то, что тебе нужно. Придется потратить месяцы, чтобы найти твой квартал, пробуя по одному за раз, если только тебе крупно не повезет.

Он кивнул.

— И это означает, что мы не сможем вернуться туда вот так, напрямую. Я думал испробовать самый простой вариант — тот странный знак, «Не входить», но у них их может оказаться несколько. Проклятье! Вот когда нам действительно нужен капитан! У нас были приличные звездные карты Радужного Моста, где бы это ни было. Он мог бы истолковать и запрограммировать его местоположение, исходя из военных ориентиров. Он единственный, кто смог бы дать координаты с достаточной точностью.

— А Джозеф? Он ведь был капитаном, и он тоже туда добрался.

— Он шел вслед за мицлапланцами, а не по картам. Я уже сканировал его мысли по этому поводу. — Маккрей вздохнул. — В любом случае, все это может оказаться неважным. У демонов, вероятно, есть своя собственная система координат, достаточно простая, чтобы задавать их, как адрес.

— *Тем не менее, твоя теория — первый луч надежды в этой трясине,* — возник в его сознании голос Тобруш.

— *Ты подслушивала!*

— *Я все время слышу всех вас. Ваша защита — недостаточная преграда для меня.*

Об этом он не подумал. Все они были настолько же открыты для Миколь, насколько Криша — всем остальным. Эта мысль очень встревожила телепата.

— *Какая разница? Если нам действительно придется действовать методом проб и ошибок, то значительно больше вероятности, что мы попадем обратно к Кинтара, чем к правильному выходу,* — заметил он.

— *Может, и так. А может быть, и нет. Я еще не закончила исследовать содержание ума мицлапланки. Капитан Чин однажды сказал ей, что единственным путем для нас является возвращение в пещеру с кристаллами. По-видимому, он верил, что какая-то часть отгадки находится там.*

— *И что ты предлагаешь теперь? Вернуться в тот мерзкий иной мир с этими... чудовищами, пытавшимися*

поглотить нас? Добраться ментально до того водоворота в Городе и сидеть там, пока то ***существо*** *нас не обнаружит? Другим путем нам из пещеры не выбраться. Перед нами будет огненный мир, а если бы его и не было, понадобится неделя или больше, чтобы пройти обратный путь, без еды, а часто и без воды.*

— Я учла все это. По меньшей мере, если мы доберемся до пещеры, это докажет твою теорию. Я искренне надеюсь, что существует больше чем одно место, где растут эти кристаллы. Если мы окажемся там, докажем, что эта штука работает.

— Ладно, предположим. Но если мы окажемся в пещере, мы можем обнаружить себя посреди Кинтара. А даже если и нет — что тогда?

— Может быть, это поможет нам добраться до цели. Тебе не приходило на ум, что, спускаясь, мы до сих пор постоянно шли ***влево****? Даже в видениях иного мира мы шли по направлению к Городу, который был местом, куда мы хотели попасть. Может быть, на этот раз мы пойдем* ***против*** *течения?*

— Против течения? — повторил он вслух.

— Что? Ты что-то сказал? — спросила Гриста.

— Я разговариваю с Тобруш. Подожди минутку.

— Может быть, тогда начать прямо здесь? — предложил Джимми. *— Пойти направо от этой станции?*

— Я сомневаюсь, что это сработает. Это место, если ты заметил, в известной нам Вселенной. Это конечный пункт.

— А другие разве были не в знакомой нам Вселенной?

— Думаю, нет. Слишком упрощенно было бы думать о них, как о мирах внутри того первого мира. По мне, это звучит абсурдно. Я вообще не верю, что это были реальные миры. Как ты сам заметил, в них не было ни дня, ни ночи, и они действительно почти не различались.

Джимми был заворожен; он знал, что Миколь должна обладать интеллектом, превосходящим его собственный и даже интеллект капитана, который имел сходные суждения.

— Но если это были не миры, то что же это тогда?

— Модели. Модели миров. Возможно, даже одновременно генетические и экспериментальные лаборатории. Но в любом случае, это были лишь отсеки внутри некоего обширного замкнутого пространства, где находятся все демоны, — отсеки, сообщающиеся друг с другом проходами.

— Модели? Отсеки? Ты говоришь так, как будто это какой-то космический корабль, вроде того большого корабля-лаборатории на орбите первого мира.

— Я думаю, это может быть нечто в таком роде. Кто может сказать? Мы путешествуем сквозь кристал-

лы, физика которых некоторым из нас до сих пор неизвестна, а другими позабыта. Общая картина по-прежнему все еще не ясна. Я полагаю, что Чин думал в том же направлении. Он верил, что мы что-то поймем, если вернемся в пещеру с кристаллами. Я тоже в это верю. Давай посмотрим, можем ли мы попасть туда.

— *Удастся ли еще убедить в этом остальных?*

Тобруш говорила очень уверенно.

— *Джозеф пойдет, или он будет не Джозеф. Впрочем, если он будет сопротивляться, я всегда могу сделать из него союзника. Он это знает. Надо было мне сделать это с Калией! А другие... Они пойдут туда, куда пойдем мы.*

Джимми не был так в этом уверен, но это было лучше, чем оставаться здесь и ждать, пока Джозеф начнет действовать. Он посмотрел на Гристу.

— Твои доводы приняты. Мы выдвигаемся, — сказал он ей.

* * *

Вскоре он обнаружил, что остальные далеко не так восторженно принимают эту идею. У Джозефа, понятное дело, был собственный план, по крайней мере, в мыслях. Криша была не слишком рада возможной новой встрече с Кинтара, тем более что на этот раз она была беззащитной — и это после всего, что она прежде могла делать с помощью своего Таланта. Лишь Модра, как он и ожидал, больше беспокоилась за исход дела. Почувствовав его замешательство, она мягко сказала:

— Это не страх, Джимми. Я думаю, ты понимаешь. Просто я очень **устала**. Словно я шла по высокоскоростной трассе, а теперь сошла с нее — здесь так чертовски спокойно, что я не хочу покупать следующий билет.

И все-таки она знала, что сделает это, и он это понял.

— Я тоже чувствую себя немного уставшим, — ответил он мягко. — Но мы не сошли с трассы, это только временная остановка перед тем, как снова броситься в бой. За тем холмом роща, а за ней станция, и раньше или позже некто, кого мы не хотели бы встречать, появится оттуда. Я не хочу довольствоваться просто остановкой. Я хочу наружу, а это означает, что проклятая гонка продолжается.

На следующее утро они вернулись на станцию. Огромный кристалл, некогда показавшийся им столь необычным и странным, сейчас выглядел одновременно и привычным, как старый ботинок, и более грозным, чем могила.

— *Извлеките изображение из моего сознания,* — велела им Тобруш. — *Я думаю, если мы все будем видеть одно и то же, это сработает лучше. Если мы появимся в правильном*

месте — неважно, найдем мы там что-нибудь или нет, — это будет первый действительно важный момент в нашем путешествии, ибо это будет означать, что мы восстановили определенную степень контроля.

— А как быть с Кришей? — спросил Джимми. *— Она ведь не сможет увидеть изображение.*

— Я не думаю, что это сыграет какую-то роль, — откликнулась Миколь. *— Я полагаю, мы все попадем в одно и то же место. Единственное, что для нас важно — это оказаться там, где мы хотим.*

После тепла и влажности внешнего мира внутренняя обстановка станции казалась холодной и стерильной. Тобруш шла впереди, не останавливаясь, быстро и уверенно, думая только о цели, цели настолько четкой и ясной, что невозможно было ошибиться. Как будто идешь по знакомому кварталу, рассчитывая из него выйти.

Они вышли с другой стороны в необычно длинный и извилистый коридор, который вел в вестибюль, показавшийся им очень знакомым.

— Здесь повсюду кровь, — заметила Модра. — Причем она выглядит как терранская.

— Джимми, — сказала Гриста необычайно взволнованным тоном, — мне не нравится это место. Это место смерти. Но я каким-то образом уже была здесь раньше. У меня некие сверхъестественные воспоминания, от которых меня знобит. Как будто ты лежишь и кричишь, а капитан...

— Так и было, — прошептала Модра. — Через это место можно попасть туда, где растут кристаллы.

Джозеф кивнул.

— Ты можешь немного чувствовать это даже здесь, снаружи. Ты помнишь, что случилось, когда мы проходили здесь в прошлый раз.

— Да, но на этот раз мы знаем, чего ожидать, — ответила Тобруш. *— На этот раз мы не пойдем по течению, налево, по направлению к Городу. Мы пойдем направо, каких бы усилий это ни потребовало. Помните, мы идем направо — и держитесь поближе друг к другу.*

Джимми обернулся к Крише.

— Я не знаю, пройдешь ты в этот раз или нет. Если да, то держись с нами. Если нет, сиди здесь и жди. Гриста, то же касается тебя. Ты была с нами в прошлый раз, но сейчас ты в теле этой синт, так что, возможно, у тебя не получится.

— Я не подведу тебя снова, Джимми, — искренне пообещала она.

Все же Модра задала вопрос, о котором думали остальные:

— Тобруш, что ты ожидаешь найти?

— Хотя бы какую-то информацию. В лучшем случае ее будет достаточно, чтобы выяснить все вопросы.

— *Мне хватит и того, если мы найдем путь наружу,* — проворчал Джозеф, немного нервничая перед перспективой второй раз войти в этот странный и необычный мир.

— *Я уже знаю путь наружу, Джозеф,* — ответила Тобруш, сильно удивив и всех остальных. — *Теперь, когда я знаю, как работают станции, и доказала это, я думаю, что смогу использовать систему так же, как они — по крайней мере, для известных мне точек назначения.*

— *Тогда почему бы нам не пойти немедленно?* — спросил ее бывший командир. — *Ведь мы именно этого и хотим, не так ли?*

— *Мы, Джозеф, хотим выбраться, имея в руках какой-нибудь способ остановить их. Пойдем, мы теряем время, а я допускаю, что очень скоро это место сильно заинтересует князей Кинтара. Будьте осторожны — Кинтара имеют гораздо больший опыт в том мире, чем мы, и я полагаю, нам не удастся избежать столкновения с кем-нибудь из них.*

— О, это именно то, что я хотел услышать, — мрачно пробормотал Джимми, но последовал за Миколь в коридор и затем в пещеру с кристаллами, как и остальные. Вне зависимости от того, к какой расе они принадлежали и кому присягали, теперь это была безусловно команда Тобруш.

Они почувствовали это внезапно: жуткое головокружение и дезориентацию, как будто одновременно находишься в нескольких местах.

— Ущипните себя! — крикнула Модра. — Это поможет вам ориентироваться.

— *Вон то место обеспечит нам хорошее прикрытие,* — заметила Тобруш. — *Там, где кристаллы создают естественный навес.*

Модра опустилась на пол пещеры, стараясь не сесть на торчащие из него крошечные острия. Несмотря на то, что ей казалось, будто она лежит на постели, утыканной гвоздями, она также ощущала, как накопленная мощь резонирующих кристаллов сокрушает, подавляет ее.

В этот момент она почувствовала ужасную, пронзительную, мучительную боль и, уже зачарованная кристаллами, полностью потеряла контроль над собой.

Модра пронзительно закричала. Ее вопль многократно отразился в громадном помещении, приведя все кристаллы в возбужденное движение.

Зеленые линии... двумерная сеть линий расстилалась перед ними, зловещая однородная тьма зияла в промежутках, а они летели над сетью на большой скорости.

Не осталось ни верха, ни низа, ни чувства пространства вообще. Как мог кто-нибудь идти **направо** там, где подобные понятия не имели смысла?

— *Удерживаем позиции!* — приказала Тобруш. — *Почувствуйте, куда вас тянет, тот легкий путь, которым вам хочется лететь. Вы без труда почувствуете его, это направление не требует усилий! Сопротивляйтесь легкому пути! Куда бы он ни вел, ступайте в противоположную сторону!*

— *Путь порока всегда легок,* — подумал Джимми не без иронии. — *Путь же к Богу долог и труден.*

— *Что это была за адская боль?* — требовательно спросила Модра. — *Это было ужасно! Я никогда не чувствовала такого!*

— *Прости,* — ответила Тобруш. — *Это показалось мне наиболее эффективным средством быстрого достижения максимального резонанса.*

— *Черт! Это было действительно* ***больно!***

— *Ну, теперь это только воспоминание. Сосредоточьтесь на насущной работе! Сколько нас? Джозеф?*

— *Здесь!*

— *Криша? Гриста?* — позвал Джимми.

— *Здесь только мы!* — крикнула Модра. — *Только мы четверо!*

— *Придется обойтись этим,* — заключила Миколь. — *Почувствуйте сопротивление, почувствуйте струю. Идите против течения! Все вместе! Давайте!*

В прошлый раз, проникнув в сеть, они погрузились в нее, спускаясь к сужению пространства, к тому месту, где сущности абсолютного зла рыскали вдоль стен и скрывалась по углам и щелям, заманивая их к Городу Кинтара. Теперь же они поднимались — сквозь тьму, которая была наверху и повсюду вокруг...

— *Это так тяжело! Тяжелее даже, чем возвращаться из того ужасного места в прошлый раз!* — пожаловалась Модра.

— *Присоединяйтесь ко мне!* — позвала Тобруш. — *Объединим волю! Мы должны прорваться!*

Они сфокусировались на Тобруш и попытались следовать за ней, но все трое чувствовали, что соскальзывают, соскальзывают обратно...

— *Сконцентрируйтесь!* — кричала им Миколь. — *Иначе вы упадете в самый низ!*

«По неверию вашему, — говорил демон Джимми. — *Если бы вы имели веру...»*

«Только вера может спасти тебя... — прошептал голос Ган Ро Чина. — *Если демоны реальны, где тогда боги?..»*

«Именем Господа Иисуса Христа заклинаю тебя...»

«Даже Петр отрекся трижды...»

Что-то засверкало в темноте, яркое, как только что вспыхнувшая новая звезда, и захлестнуло их. Свет и волны энергии поглотили их внезапно, прежде чем кто-либо смог отреагиро-

вать; даже Тобруш была захвачена врасплох и озадачена, однако она не хотела упускать контроль. Все, что можно было видеть, слышать и чувствовать в этом месте, было только трехмерной иллюзией, придающей смысл вещам, вне ее не имевшим смысла, придающей форму тому, что не имело формы.

Потоки энергии поднимали их, несли их все выше. Они прорвались сквозь однородную тьму, как будто разорвали ткань, внезапно оказавшись во Вселенной настолько обширной и сложной, что разум ни одного из них не мог объять этого, даже в качестве иллюзии.

Золотые, серебряные, сверкающие всплески света, неправдоподобно яркие, сотканные в узор, слишком сложный для их понимания, протягивающийся бесконечно далеко, в места, не имеющие ни конца, ни границы...

И они были здесь, и были здесь по праву. Они заслужили это.

Тянущая сила по-прежнему была фантастически мощной, и по-прежнему манила вниз, в черноту. Так или иначе, попасть сюда было куда сложнее, чем существовать здесь.

И еще, почему-то, хотя его очертания и формы оставались слишком сложными, слишком малопонятными для их ничтожных разумов, он все же предстал перед ними, в виде концепции, едва им доступной.

Корабль был великолепен!

Как раз в тот момент, когда основное представление уложилась в их разуме, оно начало проясняться, упрощаться до степени почти понимания.

Корабль, особого вида космическое судно, перемещался в пространстве, которое не было ни их Вселенной, ни какой-либо подобной ей. Корабль пролетал сквозь бесконечный космос, космос, где не действовали никакие законы и правила...

Корабль, перевозивший... Вселенные?

Нет, не так. Не Вселенные — хотя и они там были, почти бесконечно малые точки по сравнению с огромностью Корабля. Но не как груз. Даже не как балласт...

Капитан отдает приказ:

— **Отдать концы! Зажигание! Да будет свет!**

И в могучих реакциях, в огромном потоке энергии, движущей корабль, возникает взрыв, серии взрывов...

Возникают Вселенные. Их собственная Вселенная рождена. Извержения, водовороты энергии, часть которой переходит в материю, побочный продукт могучего старта...

Крайне ограниченные Вселенные, где лишь несколько из бесконечных, неисчислимых измерений возможны, различаемы, используемы. Слабое эхо бесконечного мира, по-настоящему устойчивой Вселенной...

Вселенные, выталкиваемые наружу в огромной реакционной камере, приводящей в движение Корабль. Побочные продукты, частички мусора, вращающиеся, прежде чем достигнуть устойчивого равновесия, которое однажды назовут физическими законами. Галактики, супергалактики, мегагалактики — не более чем частицы отходов внутри эфемерного пузырька, настолько крошечного, что для Сущих на Корабле все Вселенные, возникшие подобным образом, были чем-то не большим, чем молекулы для гиганта.

Сущие настолько выше всего того, что могут рано или поздно произвести разумы тех Вселенных, настолько инородны во всех смыслах этого слова, что ничто о них не может быть постигнуто. Сущие слишком невероятно, слишком неправдоподобно запредельны всему, поддающемуся осмыслению терранским или даже миколианским интеллектом, чтобы восприниматься иначе, нежели точки света, столь яркого, что на них невозможно смотреть даже в этом странном ментальном мире, а тем более силой мысли превратить во что-то, с чем их разумы могли бы управиться.

Сущие настолько превосходят все, что разум может принять, настолько могущественны, настолько **всеведущи**, что вполне осведомлены даже о содержимом побочных продуктов запуска их главного двигателя.

Достаточно всеведущи, чтобы изучать его, исследовать его, проводить эксперименты, даже дискутировать о нем.

Создавать суррогаты, которые могут ходить, ползать, летать среди маленьких новых Вселенных.

Обсуждать их собственную ответственность и смысл их собственной деятельности.

И, несмотря на все свое могущество, всю свою бесконечную прозорливость и огромность своих сущностей, они не были величайшими, не были даже очень значительными на своей собственной территории.

Они были просто Экипажем Корабля, делающим свою работу.

Большинство из них испытывало, по крайней мере, некое чувство ответственности, но для таких наемников, какими они являлись, обладающих столь огромной энергией, тяга немного позабавиться была неодолима. Даже когда Капитан запрещал им это, некоторые из них не могли удержаться, чтобы не поиграть с новообретенными игрушками, — особенно главный механик и его темная бригада в недрах Корабля.

И, когда последовало неизбежное разоблачение, они предпочли сбежать, нежели быть обвиненными в неповиновении, сбежать в машинный зал, который был их территорией.

И там их заперли, этого офицера и его темную команду.

640 Заперли и обсуждали, как дальше быть с ними, неспособ-

ными вернуться в какую-либо часть Корабля, иначе как через шлюз машинного зала, но все еще способными играть во множество игр...

Ход и противоход. Суррогат и конструкт против суррогата и конструкта, следуя ограничивающим правилам физики двигателей...

— *Вы не можете победить их,* — сказало им нечто, не словами и даже не телепатически, насколько они могли понять. — *Лучшее, чего вы можете добиться — это ничья, пока ваша Вселенная не умрет, или Корабль не достигнет порта. Они знают, что случится с ними, когда это произойдет. Вы не можете выиграть, но они могут уничтожить вас всех.*

Безнадежность... пустота.

— *Как можем мы надеяться хотя бы на ничью с ними?*

— *Объединившись, вы должны предстать пред Ним. Вместе вы должны загнать Его в реакционную камеру и вновь скрепить печатью.*

— *Предстать пред Ним? Четверо нас против такого, как Он? Как можем мы предстать пред Ним?*

— *Не только вы четверо. Мятеж в настоящее время локализован в пространстве, где существуют защитные силы. Там ему и надлежит оставаться. Мобилизуйте защиту. Вы предстанете перед Ним и сумеете потеснить Его, если окажетесь достойны. Это уже делалось раньше, в то время, когда многие расы, сейчас господствующие, были примитивны и копались на своих одиноких шариках. Теперь ваша очередь.*

— *Разве мы — мы четверо — способны выполнить такое задание?*

— *Шестнадцать начинали марафон, и ни один не был выбран наугад. Вы взялись за эту работу, хотели вы этого или нет. Вас на трое больше, чем было в прошлый раз. Если вы хотите победить и верите в победу, то у вас все получится.*

Они уже начинали опускаться, исчезать из этого места чудес, неспособные противостоять чудовищной тяге.

— *Подождите!* — позвала Тобруш. — *Даже если мы сможем вернуть Его под замок, как нам быть с Кинтара?*

— *Считай их чем-то вроде сквимишей,* — последовал ответ, все более отдаляющийся по мере того, как перед ними стеной поднималась темнота. — *Для терран — вроде обычных тараканов.*

— *Подождите!* — кричал Сущему Джимми Маккрей во встающей зловещей стеной темноте. — *Кто Вы? Капитан?*

— *Не совсем так,* — пришел далекий ответ. Казалось, вопрос позабавил говорившего. — *Ты знаешь, кто я, Джимми. Меня можно назвать Старшим Помощником...*

Чернота окутала их, и они были возвращены обратно гораздо быстрее, чем подняты вверх.

Странно — они не снижались дальше. Тот поток, та тяга существовала по-прежнему, но она легко поддавалась управлению. В ней не было ничего пугающего или даже слишком заметного.

— *Что... что он подразумевал, говоря, что мы победим, если будем достойны?* — выговорила Модра.

— *Нас только четверо,* — объяснила Тобруш. — *Даже вместе мы можем маловато. Все, что мы можем — это забить тревогу, найти тех, кто знает, как мобилизовать наши защитные силы, по выражению Сущего. Если те, кто может это сделать, не объединятся, не захотят закончить работу во что бы то ни стало, как мы все это время бежим наш марафон, тогда наш народ потеряет свое право на существование. Он получит то, что заслужил.*

— *Даже у Иисуса было двенадцать!* — воскликнул Джимми, удивляясь тому, что у них оказалась хоть какая-то тень шанса.

— *Что-то приближается! Что-то очень темное!* — предостерег Джозеф.

Они никогда прежде не видели Кинтара в этом измерении. Те оказались даже более безобразными и устрашающими, чем во плоти, хотя и на таком уровне восприятия, который невозможно было объяснить. Это была квинтэссенция, концентрат абсолютной самоуверенности и холодного зла, мрак, превосходивший даже общую черноту этого черного мира, тьма, которая словно бы сияла черным светом и была способна поглощать — а точнее, пожирать.

Их было шестеро, и они несли нечто, выглядевшее как масса мерцающих золотых огоньков в огромном бесформенном пузыре.

Не могло быть и речи о побеге. Теперь уже нельзя было вернуться вверх и нельзя было как-нибудь обойти этих шестерых, поскольку те внезапно оказались вполне осведомлены об их присутствии.

— *Вместе, как один!* — отрывисто сказала Тобруш. — *Без колебаний, без сомнений, без оговорок! Мы едины!*

Они открыли свои сознания друг другу и воспарили вместе единой силой, которая, казалось, сияла той же энергией, что перенесла их сквозь границу тьмы к Кораблю.

Они не бежали, и не отвечали на угрозы и насмешки, внезапно возникшие у них на пути подобно какому-то темному, влажному покрову, исходящему от шести демонических существ.

Они атаковали.

Сверкающий белый огонь, чистейшая из энергий, метнулся к ближайшему демону и поглотил его мрак. Тот пронзительно завопил, принялся корчиться — и сгорел, расплавился, растворился в небытии, истребленный невыносимым для него светом.

Еще три пятна пенящегося мрака приблизились к ним, в бешенстве от того, что произошло с их соратником, а они

стояли на месте и ждали, позволяя существам напрямую столкнуться с ними.

Это было так **просто**. Просто окружить их, разделить их, раздавить сиянием своего света.

Другие трое — трое могущественных Кинтара, находящихся в своей стихии, — дрогнули и бежали по направлению к Городу со всей скоростью, какую мог им позволить развить поток тяготения.

Они их не преследовали. У них были дела поважнее — им предстояла встреча с более мощным противником, который не мог быть побежден таким незначительным светом, каким обладали они. И все же они поняли урок своего коллективного сознания. В одиночку любой из них — даже, возможно, Тобруш, — был бы для Кинтара не более чем равным противником, а то и гораздо слабее каждого из них. А Кинтара, даже действуя сообща, не становились командой, ибо в их культуре и в самой их сущности была заложена совершенная неспособность объединиться.

Их было не шестеро против четырех. Было четверо против одного, против одного, против одного, против одного, против одного и еще против одного.

Все четверо, как один, двинулись к брошенной вещи, которую несли Кинтара, чтобы как следует рассмотреть ее. Они не были вполне уверены, что это такое, но могли догадаться. Гигантские кристаллы, прежде чем их доставляли на станцию для использования и управления, должны были быть перемещены через эту реальность и каким-то образом подключены к ней. Вполне возможно, здесь было именно такой случай: кристалл, перемещаемый в новое место, подходящее для отдаленных демонских планов. Это неважно; вывод был очевиден. Неодушевленная материя могла быть перенесена в эту реальность и извлечена из нее.

Резонансы. Резонансы и топологические модели.

И, совершенно внезапно, как будто во вспышке вдохновения, они узнали, как это делалось — все резонансы и модели, — и, конечно, узнали их пределы. Они не **поняли** это, абсолютно нет, но они узнали, как это делать. В конце концов, они не были отправлены назад в свою Вселенную без защиты.

Вдруг они осознали, что внутри мерцающей массы находились какие-то вещи, возможно, **многие** вещи. Живые вещи. Омерзительные, темные вещи.

Масса уже медленно дрейфовала назад, под воздействием тяги великого водоворота Цитадели Хаоса, и они, не задумываясь, подтолкнули ее. Она возвращалась, ускоряясь, туда, откуда она пришла. Если повезет, она врежется там в кого-нибудь и прихватит с собой пару зазевавшихся Кинтара.

Уроки были ясны, изучены и усвоены. Было время возвращаться.

Они разделились, но теперь они были не четырьмя отдельными личностями, а скорее сетью, где каждый индивидуум соединялся с тремя другими тонкой, но прочной энергетической нитью.

Он был одновременно священником (и сыном священника к тому же), но он был также и беспощадным миколианским гипнотом, и соблазнительной рыжеволосой женщиной, и — да, даже Миколем в огромном теле, которое теперь вовсе не казалось ему таким уж чужеродным и чьи способности он понимал вполне хорошо, хотя его разум и не мог до конца осознать мыслительные процессы и структуру связей паразитической колонии внутри; это было для него слишком уж чужеродно. Кроме того, взгляды Тобруш на вещи были для него настолько странными и непостижимыми, что он чувствовал, что может правильно понять истинное значение термина «Высшие Расы».

А еще это был все-таки Джимми Маккрей, хотя и изменившийся, Маккрей, вновь обладавший целью, проницательностью, новой уверенностью. Опасность телепатического поглощения миновала его — другие существовали отдельно и сами по себе, как и он. Точнее, они все четверо были теперь как-то сложно связаны друг с другом, способом, каким ни один телепат никогда не был связан, через иной мир, в котором не было ни времени, ни расстояния, как в их мире. Не было ничего сокрытого и ничего непонятного. Каждый считал остальных само собой разумеющимися, как если бы они были внутри друг друга с рождения.

К лучшему или к худшему, только смерть могла разделить их теперь. Никто из них никогда не станет одиноким снова.

Это была в некоторой степени тревожащая мысль, но также и вознаграждение. Да и, честно говоря, что они могли с этим сделать?

* * *

К несчастью, он почти тотчас же обнаружил, что расширение сознания и даже разговор с богом не означает, что его тело не будет адски болеть от лежания на этом дерьме.

Он застонал, принял сидячее положение, потянулся и попытался пошевелить затекшими членами. Ничто не говорило о том, как долго они тут находились — где ни было бы это «тут». Другие, без сомнения, тоже испытывали нечто подобное.

— Ну как? — спросил знакомый мужской голос где-то поблизости. — Выяснили вы, что это была за чертовщина?

Они обернулись, и несмотря на то, что только что решили, что ничему уже больше не удивятся, все четверо изумились так, как никогда раньше.

На невысоком кристалле, торчащем из пола, одетый, в довершение ко всему, в темно-красный миколианский скафандр, сидел Ган Ро Чин и докуривал сигару.

— Откуда ты взялся? — спросил его Джимми. — Как ты сюда попал?!

Он пожал плечами.

— Я знал, что вы раньше или позже появитесь здесь. Во всяком случае, я надеялся на это. Что же до «как» — ну, я просто пришел обратно. Я стоял на краю сада и смотрел на то, что делалось внизу в Городе, а потом я обнаружил на мосту, немного ниже себя, пару Кинтара. По крайней мере, они были большие и не были кем-то из вас, так что я сразу понял, кто это такие. Я знал, что никто из вас, будучи в здравом уме, не станет слоняться по Городу, пока там эти твари. Таким образом, я сделал ставку на то, что вы все же найдете путь наружу, повернул назад, прошел весь наш путь от станции на склоне холма по ту сторону сада через длинную пещеру, и попал сюда. Я ставил на то, что до сих пор пещера с кристаллами считалась нашим местом назначения. Так и оказалось.

— Однако это был большой риск, — заметил Джимми.

Капитан пожал плечами.

— Тогда я не принимал этого в расчет. В конце концов, какие у меня были альтернативы? С тех пор я здесь. У меня была масса свободного времени, чтобы отыскать наши аккумуляторы и брошенные скафандры, и, благоразумно используя энергию, я сумел добыть немного пищи и воды из синтезаторов скафандра. Мне хватило, но сейчас запас уже иссякает. По большей части я курсировал взад и вперед между садом и этим местом, добывая себе пропитание. Впрочем, я уже начинал сильно волноваться, что как-нибудь пропустил вас. — Он немного помолчал. — Простите. Я забыл, что вам тяжело находиться в этом месте, и я не хочу, чтобы вы снова начали испытывать неприятные ощущения. Может быть, мы выберемся из пещеры?

Джимми медленно покачал головой.

— Это больше не имеет значения.

Его ответ удивил капитана.

— То есть вы теперь все понимаете?

— Мы знаем лишь, как мало мы знаем! — вставила Модра. — Боже! Если Высшие Расы — не более чем тараканы, то что же тогда мы?

Капитан нахмурился.

— Тараканы? Какие еще тараканы?

Космос победил крыс, как и большинство других бичей древней земной коммерции, но тараканы почему-то выжили. Из всех созданий материнской планеты не один, но множество

их видов каким-то образом проложили свой путь в космос, и оттуда — чуть ли не ко всем терранским и многим не-терранским мирам, способным поддерживать их существование. Капитану как и другим, был знаком и этот термин, и само насекомое.

Насколько возможно осмотрительно Джимми рассказал капитану об их приключениях, их открытиях и даже об их разговорах с кем-то далеко превосходящим их понимание. Тот слушал внимательно, изредка задавая вопросы, а затем вздохнул.

— Обычно, когда некто получает религиозный опыт, встречу с богом, его личность радикально меняется, — заметил он. — Вы изменились — все вы — но как-то не так.

— Он не очень-то нам помог, этот опыт, — заметила Модра. — И нам даже не удалось поговорить с Капитаном. Это не то же самое, как если бы мы веровали и наша вера подтвердилась или если бы нам предложили бессмертие в райских кущах.

— Все это было чертовски гнетущим, — угрюмо проворчал Джозеф. — Вся наша треклятая **Вселенная** — просто непреднамеренный выхлоп стартового двигателя, крупинка грязного мусора! А боги вместе с демонами — не более чем члены экипажа на гигантском судне, даже не владыки!

Ган Ро Чин пожал плечами.

— Все, что вы видели и слышали, было для вашей собственной пользы, — заметил он, — и на том уровне, который вы способны были понять. Я нахожу идею огромного Корабля, пересекающего бесконечный космос, в чем-то обнадеживающей. Фактически, существа, настолько могущественные, что они даже знают о нашем существовании, не говоря уже о вмешательстве в индивидуальные жизни, — это суть каждого определения бога, какое я только слышал. Они должны быть действительно активны, если едва ли не все известные мне религии, продвинувшиеся дальше культа солнца и природы, несут в себе элементы того, что вы рассказали. Я, например, ожидал гораздо меньшего.

— Тобруш считает, что мы рискуем, оставаясь здесь, — заметил Джозеф. — Я думаю, самое время покинуть это место.

Ган Ро Чин вздохнул.

— Что ж, это мой последний аккумулятор, и индикатор показывает, что он почти пуст. Проще будет выбросить его. Девушки спят вон там — нормальным сном, скажу я вам, не то, что вы. Давайте разбудим их и уйдем, если вы теперь знаете дорогу.

— Как Криша относится к тебе? — спросила его Модра. — И ты к ней, такой, какая она сейчас?

Он усмехнулся.

— Вас не было довольно долгое время. День или больше, я бы сказал, по обычному счету, хотя, вообще говоря,

я не могу сказать точно. Часы в этой штуке работают, только когда в них есть батарейки. Мы потратили значительное количество времени на то, чтобы познакомиться еще раз.

Криша была ужасно расстроена тем, что не смогла пройти там же, где остальные. Это послужило подтверждением тому, что ее Талант исчез насовсем, и сначала это испугало ее. Ее прежний кошмар, в котором она бродила нагая, и ее сокровенные мысли были открыты для всех, снова начал преследовать ее, и на данный момент это немногим отличалось от истины. Лишь повторное появление в ее жизни Ган Ро Чина подняло ее дух и вернуло ей немного ее прежней уверенности в себе.

— Я хочу в свой мир, — призналась она им искренне, — но я **не могу** вернуться. Только не в Мицлаплан. Первый же посвященный, который найдет меня, прочтет мою память и поймет, каково мое сознание сейчас, и меня тут же пошлют на тотальную идеологическую обработку. Я не могу допустить этого. Лучше я умру, чем допущу это снова.

— Ты вернешься, — ответил Джимми, — но того, чего ты боишься, с тобой не случится. Ты — наша единственная возможность пробраться к Святым Ангелам без множества проблем. Не беспокойся о своем разуме или о том, что они могут с ним сделать. Мы не позволим этому произойти.

«Я не позволю этому произойти, — добавил он про себя. — *Больше никогда. Ни с кем».*

Гриста огляделась.

— Куда нам идти? — спросила она.

— Это неважно, — ответил Джимми. — Впрочем, пойдем более привычным путем — через станцию.

— Погоди! Мы не можем выйти наружу тем путем! — запротестовала она. — Это же прямая дорога в огненный мир!

— Возможно, — согласился он. — Но необязательно. Капитан, снимай с себя все. Как ты уже давным-давно догадался, по **этому** маршруту движется только одушевленная материя. Так запрограммировано. Неодушевленная материя должна перемещаться... иначе. К счастью, Кинтара перемещали множество материала этим другим путем. Я сомневаюсь, что мы встретим кого-то из них здесь.

— То есть кристаллы — это все-таки механизмы? — спросил капитан.

— Не совсем. Они — организмы, силикатные формы, но довольно примитивные. Тем не менее, их свойства таковы, что они могут воспринимать гораздо большее количество измерений, чем мы, и перемещаться через них, и их можно запрограммировать.

— Восхитительно, — ответил Чин. — Как ты до этого дошел?

Вопрос на минуту застал всех врасплох. Затем Джимми ответил:

— Мы можем... читать их, думаю, так правильнее всего сказать. — Он нахмурился. — Странно. Это было так просто, так очевидно, что никому из нас не пришло в голову, что мы могли бы это сделать и раньше. Боже мой! Похоже, Четверо Апостолов помогли нам больше, чем мы думали!

Схемы кристаллов были основаны на сложной высшей математике и выражены как топологические модели, настолько запутанные, что раньше ему понадобился бы мощный компьютер, чтобы рассчитать их — если бы их вообще удалось ввести в компьютер. И вот Джимми, которому никогда не удавалось даже правильно воткнуть разъемы в плату, теперь понимал их, как дважды два — четыре!

— На всякий случай, если мы все же столкнемся с демонами, — заметил Джозеф, — вы трое сразу же поворачивайте и удирайте настолько далеко, насколько возможно; мы сами с ними разберемся.

Но на станции не было Кинтара, и они быстро прошли через нее на ту сторону и затем в коридор.

К их удивлению, там по-прежнему было несколько энергетических кабелей, бегущих вдоль пола, и дорожка все еще была здесь. Они прошли дальше, наружу, к солнечному свету, и посмотрели сверху на лагерь, когда-то оставленный ими. Казалось, это было целую жизнь тому назад.

ВЫСШИЕ РАСЫ

— Да там, внизу, какой-то чуть ли не город, черт побери! — воскликнул Джимми Маккрей.

— Или военный лагерь, — заметил Джозеф.

— Я чувствую себя ребенком в компании взрослых, — прокомментировала Модра.

— Как, интересно знать, мы проберемся через это сборище? — вступила в разговор Гриста.

— Зайдите под эти деревья и спрячьтесь, — сказал им Джимми. — Тобруш и Джозеф останутся с вами, чтобы держать всех в контакте. Мы, похоже, попали в довольно удачное время, чтобы не очень светиться, когда будем выбираться отсюда, но нам надо двигаться быстро, если мы не хотим встретиться с толпой военных. Тобруш и Джозеф смогут вас прикрыть, чтобы вас не взяли на мушку.

— А как же вы с Модрой? — спросила Гриста.

— Мы намереваемся пойти вниз. Это как-никак наша территория, слава Богу.

Едва они успели укрыться среди деревьев, как к станции по утоптанной дорожке приблизилась большая группа ученых, защищенная с флангов отрядом службы безопасности в полном боевом снаряжении.

Ни Модра, ни Джимми даже не задумались, что им делать, как не думают, прежде чем моргнуть или почесаться. Они моментально сгенерировали вокруг себя мощное гипнополе; отряд миновал их, даже не взглянув, и вошел внутрь станции. Один солдат прошел настолько близко, что Модра еле сдержалась, чтобы не хлопнуть его по плечу.

Если объединенные ментальные энергии четверых, включая гораздо более обширные способности Тобруш, могли без труда справиться с отдельными демонами, то стоило ли беспокоиться о встрече с кем-нибудь из сотни их собственных, известных им рас?

— *Знаешь, это может оказаться забавным,* — заметила Модра.

— *Не торопись, девочка,* — предостерег Джимми. — *Там наверняка есть цимоли, а возможно, еще и парочка Нулей, и я не уверен, что мы можем многое против подобных личностей.*

Но избегать «подобных личностей» оказалось не так уж трудно, поскольку хоть кто-нибудь из остальных всегда знал, где они находятся. И несмотря на то, что в лагере было около тысячи людей добрых сорока с лишним рас, им без труда удавалось выуживать нужную им информацию из любого, неважно кого, включая и некоторых весьма могущественных и одаренных Талантов с невероятно сильными защитными экранами.

Пограничный Флот Биржи прибыл к станции где-то через три дня после их собственного прибытия и обнаружил то же, что и они, а заодно и покинутые космические корабли всех трех империй. Цимоли, точно так же, как и Трис, считали данные из мозга мертвого цимоля, а кроме того, обработали информацию, найденную в разрушенном исследовательском корабле и даже ухитрились восстановить около восьмидесяти процентов испорченных записей. В определенном смысле они понимали, с чем имеют дело, но почему-то до сих пор считали происходящее событием локального значения. Если новые, посланные на спасение цимоли и знали о Кинтара больше, чем Трис, то они не открыли это военным, что было плохим знаком.

Наблюдательные аппараты службы безопасности были здесь натыканы повсюду, на случай, если люди с одного из кораблей или, возможно, демоны покажутся где-то поблизости, но их оказалось очень легко одурачить. Джимми с Модрой могли чувствовать входящую и исходящую из устройств энергию и проследить ее путь до управляющих реле, точно так же, как могли читать программы кристаллов. С такой способностью для них было детской игрой проследить, чтобы они не регистрировались в цифровом коде, попадая в поле видимости камер или записывающих устройств.

Хотя их способность совершенно нагими пройти через такое высокотехнологичное и напичканное системами безопасности сборище впечатляла даже их самих, она и настораживала одновременно. При помощи своего господина из иного мира, а также немалого опыта, Кинтара могли почти все то же, что и они. Лучшая охрана, вооружение и личный состав в Бирже представлялись тем, кого они искали, дикарями, скорчившимися на земле у костра, держа в руках копья с каменными наконечниками.

На большом войсковом складе, ощетинившемся аппаратами слежения, они без проблем нашли запасные скафандры и полностью заряженные аккумуляторы. Насколько все было бы проще, если бы им с самого начала позволили взять военное снаряжение!

Хотя они знали, что конечный результат был бы тем же.

— *Я выгляжу пугающе и дурно пахну,* — заметила Модра, — *но это все же лучше, чем ничего.*

— *Ну, я ведь тоже отрастил эту дикую бороду,* — ответил Джимми. — *И разве я брошу тебя из-за запаха? Я думаю, самое время нам отыскать цимоля и поговорить с важными людьми, ты как? Но не раньше, чем мы немного творчески поработаем.*

Хотя терране являлись наиболее многочисленной расовой группой в Бирже, они были исключительно мало представлены в лагере. Тем не менее, их решение связаться в первую очередь с одним из своих основывалось не на каком-то негативном отношении к другим расам, а на более практических соображениях, касавшихся особенностей вербального общения. Подавляющее большинство других рас не было одарено Талантами; переговоры с их представителями через переводчиков несли для обеих сторон риск неправильного толкования смысла и интонации, а с телепатами они предпочитали не иметь дела, пока не будут совершенно уверены, что случайно не выдадут прячущихся поблизости остальных членов отряда.

Капитан Ибрим Могод был смуглым мужчиной с морщинистым лицом и густыми черными волосами, в которых лишь после более чем минутного осмотра опознавался парик. Полностью сосредоточившись на новейших донесениях службы безопасности, поступивших в лагерь, он едва заметил, что кто-то зашел в его кабинет. Клерки и младшие подчиненные постоянно заходили сюда, чтобы оставить у него на столе какую-нибудь бумагу.

— Полковник, я полагаю, беседа с нами окажется гораздо более информативной, чем эти доклады, — дружелюбно начал Джимми Маккрей.

Офицер службы безопасности, неодобрительно нахмурившись, поднял голову, затем положил донесения на стол и воззрился на пришельцев.

— Кто вы, черт подери, такие? И почему вы грязные, как козлы моего деда?

— Я командир звена Модра Страйк, а это полевой агент Маккрей. — Она остановилась, не увидев реакции. — С «Делателя вдов», из команды Триса Ланкура, — пояснила она. — Мы двое из тех, кого вы ищете.

— Вы сбредившие сумасшедшие! Как вы **посмели** войти сюда таким образом! Кто пропустил вас сюда, прежде всего? — Полковник потянулся к системе двусторонней связи, чтобы вызвать охрану, но система не работала.

— Полковник, — сказал Джимми нетерпеливо, — Кинтара на свободе.

Полковник посмотрел на них пустыми глазами.

— О чем вы?

— Мы вернулись из преисподней, и нам нужно поговорить с Хранителями. В настоящий момент на наши миры готовится атака демонов, превышающая все наши способности сопротивления. И если ваше цимоль-программирование не охватывает сведений о Кинтара, значит, вы неподходящий человек для этой работы, а Хранители мертвы, — с ожесточением добавила Модра.

Полковник откинулся на стуле и сурово посмотрел на обоих.

— Эта фраза — часть древней последовательности аварийных сигналов. Впервые я услышал ее на записи, найденной на цимольпластине мертвого цимоля в том инопланетном сооружении наверху. Вы не цимоли. Откуда вы знаете ее?

Джимми Маккрей вздохнул.

— Черт возьми, полковник, мы были далеко за пределами этого «сооружения», как вы его назвали. Те вырвавшиеся на свободу существа — древняя Высшая Раса, Кинтара, которые провели в заточении миллиарды тысяч лет. Теперь они свободны. Их объединенные мощь и знания выше всего, что вы можете себе вообразить. Мы были там и видели их. Доклад должен быть сделан. Меры должны быть приняты.

Могод задумался на минуту.

— Я полагаю, что сначала вы оба должны предоставить предельно доскональный отчет о проделанной работе. После этого можете делать ваш доклад.

— Не думаю, что нам понравится такой способ предоставления отчета, который вы имеете в виду, полковник, — сказала ему Модра.

Тотчас от Тобруш, находившейся далеко в лесу, к ним пришли необходимые знание и сила.

Полковник вновь начал подниматься с места с явным намерением позвать охрану, но внезапно был словно огромной невидимой рукой отброшен обратно на свой стул и остался сидеть.

Джимми всегда удивлялся, как телекинетикам удается то, что они делают, невзирая на такую мелочь, как гравитация. Телепатия, эмпатия, даже гипноз — все это по сути было делом передачи и получения информации на различных длинах волн, общих для большинства живых существ, но телекинез всегда казался ему неким видом волшебства. Сейчас же он просто поднял руку и мысленно направил энергию. И тотчас оба увидели и почувствовали поток плазмоподобной энергии, хлестнувший из него, как один из усиков джулки, который сорвал и отбросил парик офицера, открывая точку электрического контакта на его черепе.

Теперь «усики» обоих — Модры и Джимми — объединились, усиленные Тобруш и Джозефом, которые также ментально присутствовали в этой комнате, и плазменное щупальце коснулось электрического контакта.

Информация из цимоль-пластины Могода перетекла через них к Тобруш так быстро, что они не успели воспринять ее; она для них и не предназначалась. Только Высшие Расы способны впитывать и обрабатывать информацию, получаемую на такой скорости и подобным способом, хотя после того, как это было сделано, трое терран тоже могли работать с ней. Джимми и Модра безучастно осознали: то, что они проделали сейчас с полковником, в точности повторяло то, что более жестокие Кинтара сделали с женщиной-цимолем на станции, прежде чем убить ее.

Кто-то попытался открыть дверь позади них, но она не поддалась. Впрочем, посетитель вскоре оставил свои попытки — Могод часто запирался на некоторое время.

— *Получилось,* — сказала им Тобруш. — *Он знал еще меньше меня, черт бы его побрал! И ни на йоту не больше того, что мы выяснили сами! Я думаю, нам стоит изменить его память и загрузить в нее исчерпывающий отчет о том, где мы были и что произошло. Он получит его как запечатанный конверт, предназначенный для службы безопасности, — и, даже не зная, что в нем, перешлет его своим операторам, кем бы или чем бы они ни были.*

С парой терран, выполняющих функцию проводников, эта работа заняла всего несколько минут.

В заключение Тобруш сказала:

— *Нас не было больше шести недель. В настоящее время в этом регионе действуют шесть боевых групп, противостоящих крупной группировке сил Миколя на одной границе и одновременно группировке Мицлаплана — на другой. В данный*

момент наблюдается совершенный дипломатический ад, сам Договор на грани полного развала. Паника среди военных, слухи и необоснованная агрессивность на высших уровнях. У нас не займет много времени, чтобы догадаться, кто приложил к этому руку. Служба ликвидации уже зачистила оба корабля — Чина и ваш, и, боюсь, те, кто оставался там на борту, прошли через свой ад. «Клятва Гурусу» возвращен на Мицлаплан, без своих записей. А ваш задержан, вместе с вашим человеком, Коузом. Они до сих пор не нашли наш корабль, на борту которого нет ничего живого и который спроектирован так, чтобы избегать сканирования. У нашего нового знакомого есть все нужные пароли. Готово. Теперь выходите черным ходом.

Модра и Джимми прервали контакт с полковником, оставив его в оцепенелом, сомнамбулическом состоянии. Они вышли на свободное место на гладком полу, Модра вынула маркер из своего ранца с инструментами и начертила круг них обоих вокруг, а затем пятиконечную звезду внутри него. Потом они закрыли глаза и отчетливо представили другой известный им такой же рисунок в другом месте. Оба немедленно исчезли из кабинета.

В этот момент клерк вновь попробовал открыть дверь, зашел и обнаружил полковника сидящим на стуле с озадаченным выражением лица.

— Сэр? Вы в порядке?

Могод на минуту нахмурился, затем кивнул.

— Да-да. Оставьте меня еще на пять минут. Я получил для рассмотрения некую сверхсекретную информацию. Я сообщу вам, когда можно будет войти

— Очень хорошо, сэр. Забавно, я думал, — я могу поклясться, — что сюда входили двое терран!

— Если так, они, очевидно, ошиблись кабинетом и ушли. И хватит об этом, сержант!

— Да, сэр. А... что это?

— Что «это»?

— Здесь, на полу. Какой-то чертеж.

Полковник встал, обошел стол и рассмотрел его.

— Любопытно. Я не замечал этого раньше. Пусть уборщица придет, когда я уйду, и отмоет это.

— Д-да, сэр.

Сержант вышел, все еще имея в голове множество нерешенных вопросов. Он отчетливо помнил двух терран, которые прошли внутрь, и, хотя иного пути наружу не существовало, они не проходили мимо него обратно, и в кабинете их тоже не было. Он пожал плечами. Ну, у них несомненно есть надлежащие пропуска и удостоверения — иначе они никогда не зашли бы так далеко. Если

полковник хочет играть в шпионские игры, это для него в порядке вещей. Цимоли никогда ничего никому не говорят.

Для Модры и Джимми это выглядело, как будто кабинет полковника просто мелькнул и исчез. Теперь они вновь стояли в темном углу склада, там, где прежде добыли скафандры.

— Вот так вот просто, — вздохнул Джимми.

Она кивнула.

— У Кинтара есть целые культы, приверженцы которых рисуют для них символы, а затем сообщают адреса.

— Тогда я не понимаю. Если они могут перемещаться подобным образом, зачем им станции?

— *Вы теряете время,* — нетерпеливо сказала Тобруш. — *Они не могут использовать этот способ свободно — у них нет возможности точно определить место, как у вас. Кто-то должен позвать их к уже нарисованному знаку. Позвать по имени, я полагаю.*

Они хотели было выйти из заранее приготовленной пентаграммы, но не смогли — как будто натолкнулись на силовое поле максимальной мощности.

— *Эй! Мы застряли в этой штуковине!*

— *Это, конечно, вторая причина,* — невозмутимо заметила Тобруш. — *Джозеф находится недалеко от вас, он разомкнет для вас контур снаружи. Когда вы активизировали пентаграмму и создали межпространственный туннель, это разбалансировало точку выхода. Вы не полностью синхронизированы в пространстве-времени, и, чтобы синхронизировать вас, нужно, чтобы что-нибудь из нашего пространства проникло и соприкоснулось с вашим.*

— Живи и учись, пока есть время, — вздохнул Джимми. — Я надеюсь, Джозеф придет сюда раньше, чем кто-нибудь другой.

Но крупный, дородный миколианец почти тотчас же оказался рядом с ними. Он просто поставил свою стопу на грубый рисунок, и, хотя видимого эффекта это не принесло, они сумели выйти из пентаграммы без проблем, испытав большое облегчение.

— Великолепная уловка, но не настолько полезная, как мы рассчитывали, — прокомментировала Модра.

Джозеф пожал плечами.

— Вполне достаточно для наших целей. Рисуй другой вокруг нас троих.

— Что? Снова?

— Да, — ответил он. — Мне надо раздобыть еще несколько скафандров. Есть какая-нибудь модель, которую можно подогнать под Тобруш?

Модра задумалась на минуту.

— Попробуй скафандры для куаммир. Вон тот контейнер. Они не совсем подходят, но приблизительно того же размера и формы, при условии, что Тобруш не будет использовать свои щупальца.

— Понятно. Ууф! Это потруднее, чем я думал! Ладно, давай рисуй.

Как только в их умах возник вопрос, что получится, если они снова застрянут, они уже знали ответ. Таково было свойство их союза.

Когда знак был начерчен, они сконцентрировались — и тут же очутились на маленькой полянке далеко позади лагеря. Принимающая пентаграмма была нарисована в грязи, но прекрасно сработала, и одного из тысяч усиков Тобруш оказалось достаточно для их синхронизации.

— Хотела бы я, чтобы у нас было время привести себя в порядок, — заметила Криша. Тем не менее она была счастлива, вновь находясь в скафандре, даже такого идиотского голубого цвета. Расположение и внешний вид его внутренних средств управления также сильно отличались от мицлапланских, но Криша смогла разобраться со всеми функциями под руководством Модры.

— И что теперь? — спросила Криша.

— Теперь надо подождать полчаса или около того, пока полковник Могод выдаст нам все необходимые секретные коды и допуски, — ответил ей Джимми.

— Даже не зная, что он это делает, — добавила Модра.

Ган Ро Чин сдвинул брови.

— Вы можете сделать такое! С цимолем!

Джимми кивнул.

— Тобруш говорит, что это детская игра. Что она могла сделать это и раньше, если бы была в одной комнате с полковником. Единственное, что сделали мы, — это добавили связующий сознания канал. То есть Миколь показал деткам, почему папа главный.

Капитан кивнул.

— А ведь и они, и Мицлапланы, и Хранители, и Кинтара гораздо дальше отстоят от вашего мистического Экипажа, чем мы от них. Нашей роли придается все меньше значения. — Он вздохнул. — Кроме того, если нашему другу можно доверять, нам все еще не достает существенного кусочка мозаики. Очевидно, единственное предположение, объясняющее то, что Высшие Расы некогда сражались с Кинтара и одержали победу, — это что они были изначально созданы, или выдвинуты, или, возможно, видоизменены для исполнения их теперешних руководящих ролей. И поэтому, однажды победив Кинтара, они могут сделать это снова. Это понятно?

— Я слежу за твоей мыслью.

— Но тогда, — продолжал капитан, — почему Тобруш не знает о Кинтара ничего больше, чем мы обнаружили сами? Тем более, что ее уникальная раса обладает таким замечательным свойством, как настоящая наследственная память? Почему ваши Хранители не сразу заметили опасность и не приняли мер, когда от разведчиков поступили первые сообщения об обнаруженной ими станции Кинтара? Почему, в конце концов, они позволили явно неосведомленным и неподготовленным ученым, даже без военных наблюдателей — хотя вообще-то это могло бы быть обеспечено — совать туда свой нос, исследовать и, в конечном счете, дать ход тем самым событиям, которые привели к настоящему положению? И почему, раз уж это было сделано, они немедленно не приняли меры для контроля ущерба, прежде чем князи и их господин были освобождены? И в частности, почему участвовавшие в акции цимоли, в лице вашего капитана Ланкура, а сейчас даже и их собственные шефы безопасности, которых здесь полно, знают не больше нашего? Я могу продолжать перечисление.

— Да, не хватает многих кусочков, — согласился Джимми, — но в изложенном тобой длинном перечне вопросов не хватает самого главного.

— В самом деле?

— Хорошо, вот мы сейчас добыли хотя бы какие-то сведения о том, что делают плохие парни и получили определенную энергию и защитные способности — правда, с приличными ограничениями. Мы все равно не можем принять вызов всей проклятой армии демонов. Он, считай, так Сам сказал. Так что же тогда мы можем? И что, черт возьми, нам сейчас делать?

— Убираться отсюда, — отозвался Ган Ро Чин. — Мы доставим Тобруш к ее народу с тем же сообщением. Таким образом, они будут настолько же информированы, насколько, будем надеяться, стали благодаря нам информированы Хранители. Потом, если получится, мы то же самое проделаем со Святыми Ангелами. И тогда либо процесс противостояния предстоящему нападению будет приведен в действие, и тогда это будет уже вне нашей компетенции, либо нам надо готовиться к большой драке, просто чтобы остаться в живых.

— Это мы сделаем в любом случае, — нервно сказал Джимми. — У того князя демонов не займет много времени, чтобы сложить два и два, когда он обнаружит, что нас нет в Городе. Вполне возможно, что он может найти нас через сеть. Я думаю, записи на станциях должны автоматически сохраняться. Ты же видел, какой уровень технологий у них в Городе. Не говоря уже о тех демонах, которых мы побили и которые бежали в Город после нашего столкновения в другом измерении. Если бы я был на месте Кинтара, я бы проследил за тем, чтобы наши описания

были расклеены повсюду, и чтобы никакая награда за наши головы не показалась бы слишком высокой, а одновременно предпринял бы попытку так сильно дезинформировать о нас наш собственный народ, чтобы нас объявили персонами нон грата.

— Я думал об этом, — ответил Чин. — На самом деле меня гораздо больше беспокоит то, что может и не быть никаких последствий.

— Почему это?

— У них было время оценить здешнюю ситуацию. Что, если они вовсе и не охотятся за нами? Что, если им все равно? Что, если они считают нас полностью не относящимися к делу?

— Такого никак не может быть, мой капитан, — вставила Криша, стоявшая позади и слушавшая их разговор. — Ты видел их только издали и никогда — изнутри своего сознания, как остальные из нас. Для них неважно, мешаем мы им на самом деле или нет. У них есть своеобразный кодекс чести, а это значит, что они всегда держат свое слово. Мы можем быть или не быть первыми в списке их приоритетов, но они наверняка хотят нас. **В этом** я абсолютно уверена. Они хотят нас очень сильно, и хотят живыми. Они высказали немало обещаний — угрожающих, зловещих обещаний — многим из нас. Но до сих пор нам удавалось противостоять их воле. И особенно теперь, когда мы пролили их кровь, они не остановятся, покуда не разберутся с нами. Это их метод.

Капитан почесал подбородок, размышляя, затем хмыкнул.

— Правда, забавно: сами себе мы кажемся такими малопонятными, однако Кинтара мы понимаем очень хорошо?

Джимми с отсутствующим выражением глядел куда-то в сторону. Наконец он сказал:

— Ладно, время убираться с этого грязного шарика. Просто идите за нами, ведите себя так, как будто вы здешние, и ничего не говорите. Лучше уйти отсюда тихо, чем прорываться с боем.

Они спустились в лагерь. Чин, Криша и Гриста прикрывали четверку по бокам, их синяя униформа и уверенное поведение не привлекали особенного внимания. Кроме возможности неверного поведения или неосторожного слова со стороны кого-нибудь из трех, не находящихся в контакте, их беспокоило только то, что кто-нибудь бросит слишком пристальный взгляд на Тобруш, ибо джулки не были расой, встречавшейся в разных империях; они полностью входили в состав Миколя. Однако среди такого разнообразия необходим был настоящий эксперт по расам и национальностям, чтобы по совсем небольшой части, выставленной напоказ из бесформенного синего скафандра, опознать в Тобруш существо,

не соответствующее остальной компании, не говоря уже о том, чтобы признать в ней джулки.

Они достигли первого припаркованного корабля. Двое охранников, скучающие и не слишком сообразительные замиглы — антропоиды, знаменитые своими большими черными круглыми глазами и волосами, которые от природы росли по всему их лицу и телу как неровные шипы, — обернулись к ним.

— Пропуска? — рявкнул один, стараясь звучать весомо.

— Вы должны были получить распоряжения насчет нас, — уверенно произнес Джимми Маккрей. — Код **«алка грефарт»**.

Охранники расслабились.

— О да, сэр. Вы можете подняться на борт.

— Благодарю, — ответил маленький терранин, и все они поднялись на корабль.

Модра прошла вперед, чтобы взять управление; Джозеф занял откидное сидение рядом с ней. Он с пренебрежением осмотрел ручные средства управления кораблем.

— Очень неумело. Мы в Миколе делаем гораздо лучше.

Модра пожала плечами.

— Когда крадешь идею, у тебя остается больше времени на усовершенствование деталей. — Она протянула руку вверх, закрыла люк и загерметизировала кабину, затем придвинула к губам маленький встроенный микрофон в своем скафандре. — Корабль готов к взлету, код «**алка грефарт**», — отрапортовала она обыденным голосом. — Прошу разрешение на взлет.

— Даю отсчет, — раздался в ее ухе грубый гортанный голос. — Стартуйте на счет ноль.

Перед ней включилась панель с шестидесятисекундным обратным отсчетом. Криша и Ган Ро Чин на протяжении всей процедуры удерживали дыхание, у обоих время от времени возникало убеждение, что отсчет идет слишком медленно, если вообще не прекратился. Когда эта минута, показавшаяся вечностью, наконец истекла, Модра принялась переключать тумблеры и взяла штурвал. Корабль ожил и стартовал вверх по прямой линии; экраны кругового обзора включились, показывая ей точную траекторию выхода на орбиту.

Ган Ро Чин вновь задышал.

— Я был уверен, что нас остановят в любой момент, — признался он вслух.

— Мы еще не выбрались, — предупредил Джимми. — Пока что нам удалось проникнуть так далеко только потому, что работники систем безопасности слишком привыкли к секретности и не задают лишних вопросов. Но если нашими действиями заинтересуются командующие флота, нам придется поторопиться.

— Вряд ли, если все раздобытые вами коды верны, — уверила его Криша. — Она же была разведчиком, ты знаешь.

Джозеф взглянул на экраны.

— У них тут крупный флот, — прокомментировал он. — Правда, довольно далеко. Они не хотят, чтобы их подбили на орбите, как это случилось с исследовательским кораблем.

Военные наблюдатели запрашивали у них пароль с полдюжины раз. В их задачу входило отслеживать все необычное. Пароли, однако, срабатывали отлично, хотя и менялись с каждым уровнем. Они вышли на орбиту, прошли через контрольный пункт, получили новые координаты и устремились прочь из этой системы, прочь от портала демонов и их звезды.

— Прошли, — шепотом сказала Модра. — Джозеф, вызывай свой корабль.

Вдали, в огромном поясе астероидов, таком плотном, что он образовывал почти сплошное кольцо, окружавшее солнечную систему, нечто темное, нечто такое же холодное и, по всей видимости, столь же мертвое, как и камни, среди которых оно скрывалось, внезапно пробудилось к жизни, повысило расход энергии, проверило свои системы и двинулось по направлению к ним. Почти мгновенно сотни лучей локаторов флотской заставы скрестились на корабле-нарушителе.

— Код **«хаках смарш»**, — провозгласила Модра. — Секретная миссия. Просьба не вмешиваться.

Однако Некто не мог мириться с этим. Некто всегда ненавидел секретность.

— Но мы зарегистрировали неподалеку от вас патрульный корабль Миколя!

— Мы знаем, — невозмутимо сообщила она. — И если вы посмотрите на ваши приборы, то увидите, что там никого нет на борту. **Очень** большое количество людей потратило **очень** долгое время, чтобы разгадать коды и активизировать этот корабль, не допустив его самоликвидации или перехода в автоматический режим атаки. Не будете ли вы так любезны не давать ему поводов для этого, пока мы рядом? Мы намерены состыковаться с кораблем, не будучи разнесены им в куски. Это и так будет достаточно непросто.

После долгой тишины последовало растерянное:

— Ох...

Гладкий черный фрегат приближался к ним со скоростью, соперничать с которой не мог надеяться ни один корабль. Однако, он замедлил ход как раз на расстоянии прямой видимости и, казалось, остановился.

— Наш корабль больше не считается вражеским, — объяснил Джозеф для троих, которые не были в контакте с остальными. — Тобруш перехватила управление.

Внезапно обычный шум по межкорабельной связи, перебиваемый оглушительным зуммером, сменился полной тишиной.

— Корабль, каков ваш статус? — спросил пограничный инспектор. — Мы только что получили сигналы, которые наши боевые компьютеры идентифицировали как военный код Миколя.

— Ну разумеется, — ответила Модра. — Каково ваше имя и звание, кстати? Вы что, действительно полагаете, будто бортовой компьютер микольского корабля будет разговаривать на **дарквисте?**

Ответом была тишина, но они засекли несколько смешков от других инспекторов. Это была нормальная реакция на происходящее.

Два судна сблизились, их корабль парил как раз под главной шлюзовой камерой фрегата. Системы двух летательных аппаратов, разумеется, были несовместимы — и не случайно, в отличие от стандартизованных торговых судов, принадлежность которых к какому-либо государству не имела значения.

— Надеть шлемы! — крикнула Модра. — Я поворачиваюсь, чтобы выровнять наш выходной люк с люком миколианского корабля, но нам надо будет пройти около трех метров. Капитан Чин, убедитесь, что скафандр Гристы застегнут и функционирует, ладно? Каждый рапортует о готовности, и я провожу разгерметизацию.

— Готово.

— Тобруш пойдет первой, — сказала она. — Переходной шлюз как раз достаточно велик для нее одной или для двоих из нас за один раз. — Она помолчала. — Разгерметизация продолжается... Есть! Открываем оба шлюзовых люка. Будьте осторожны!

Тобруш пробралась к люку, проверила расстояние, оттолкнулась и выплыла из главного выхода корабля кверху, прямо в открытый люк миколианского судна. Люк фрегата захлопнулся.

— Я надеюсь, она не улетит, бросив нас здесь, — пробормотала Криша не столько для остальных, сколько самой себе.

— Нет. Мы нужны ей, — ответил капитан более уверенно, чем на самом деле чувствовал. Он знал одно: теперь все происходит снова в реальной Вселенной, и там, наверху находится не просто миколианка — там находится одна из Миколей.

Примерно через минуту люк фрегата неслышно заскользил, вновь открываясь. На этот раз вверх поднялся Джимми, придерживая Гристу. Поскольку она никогда раньше не выходила в открытый космос сама по себе, не говоря уже об управлении скафандром в вакууме, помощь ей была совершенно необходима, хотя все ее трудности были вполне преодолимы. Впрочем, та ее часть, которая была Молли, успокаивала ее, помогая гладкому подъему.

— Капитан, вы с Кришей следующие, — проинструктировала Модра. — Джозеф и я пойдем последними.

Никто из мицлапланцев не был уверен, стоит ли оставлять Джозефа наедине с Модрой, но они подчинились. Модра, однако, совершенно не была озабочена. Во-первых, слишком немного можно сделать, будучи в скафандре в вакууме, а во-вторых, никто из остальных не мог знать, чему подобна связь сознаний. Джозеф по-прежнему не был лучшим из людей, но по крайней мере между тремя из четырех не могло быть никаких сюрпризов, а четвертый, конечно же, мог очень плохо воспринять любую подобную попытку.

Фрегат по стандартам Биржи был спартанским, но им всем он показался роскошным домом после того, через что они прошли.

— У них есть даже душ на верхней палубе! — пришла в восторг Криша.

Джозеф нахмурился.

— Конечно, есть. Почему бы ему там и не быть? Корабль спроектирован так, чтобы поддерживать жизнедеятельность экипажа в течение нескольких месяцев, если понадобится.

Она пожала плечами.

— Почему-то все, что нам говорили о Миколе, не предполагало такого рода вещей, — честно признала она.

— Ну, а нам рассказывали, что ваши корабли — это тюрьмы, сплошь состоящие из тесных монашеских келий, — возразил он.

Она вздохнула.

— Да, пожалуй, ты ближе к истине, чем я.

— Довольно! — оборвала их Модра. — Джозеф, нам с тобой еще нужно выбраться отсюда.

* * *

Они заняли свои места на капитанском мостике. Как только герметизация корабля завершилась, Джозеф отключил свою систему связи, разгерметизировал свой скафандр, отсоединил от него шлем и надел привычный капитанский радиошлем. Он чувствовал себя прекрасно, вернувшись на собственный корабль; честно говоря, он даже не надеялся оказаться здесь снова после того, как они потеряли свои скафандры в пещере с кристаллами.

Модра настроилась на военную частоту Биржи.

— Диспетчер, мы исследовали корабль и блокировали его программу самозащиты. Наш эксперт полагает, что может заставить его лететь. Мы собираемся отвести его туда, где специалисты смогут заняться им и понять, что находится у него под оболочкой. Прошу допуск на выход из системы и разрешение забрать корабль.

— Говорит капитан Орхо, Разведывательная Служба Флота, — ответил незнакомый недоброжелательный голос. —

Почему я не был уведомлен об этой операции? Или хотя бы о том, что корабль Миколя в конце концов обнаружен?

— Однако, — вслух сказал Джимми.

— *Скажи, что ему нет необходимости знать это,* — послала Криша. Хотя она теперь и была лишена Талантов, но понимала, что Модра может читать ее мысли, и не забыла, как посылать их отчетливо.

— Вам нет необходимости знать об этом, — повторила Модра.

— *Скажи: Понимать ли это так, что вы имеете соответствующие полномочия, чтобы препятствовать сверхсекретному отряду службы безопасности при выполнении задания?*

Модра не смогла сдержать улыбку, негодующим тоном повторяя эту фразу. Она не знала о вооруженных силах почти ничего, не считая тех крупиц, которые извлекла из сознания и воспоминаний Джозефа, и в них не содержалось ничего такого, что бы ей понравилось. Поэтому сейчас она была рада иметь рядом с собой опытного наставника. Иерархическая система, очевидно, была выше рас и национальностей.

Капитан ответил не сразу, заставив их несколько мгновений понервничать. Наконец он сказал:

— Я просто выполняю свой долг. Летательные аппараты Мицлаплана и Биржи проверялись здесь, прежде чем были отправлены обратно. Мне необходимо знать для моих отчетов, почему подобная процедура не сопровождала обнаружение этого корабля.

И вновь ему ответила Криша, хотя говорила за нее Модра:

— Те корабли были торговыми, капитан. Этот же — военный. Мы не знаем, чего от него ожидать, и молимся только, чтобы удалось его доставить до места назначения, оставшись при этом целыми. Наши флотилии сейчас рассредоточены вдоль всей границы с Миколем, как вы наверняка знаете. Этот корабль — всего лишь патрульный фрегат, но он может раскрыть многие существенные детали относительно конструкции, возможностей, а также слабых мест их более крупных кораблей. Его необходимо доставить туда, где лучшие специалисты с помощью соответствующего оборудования смогут сделать это с минимальным риском. Если мы попробуем осматривать его прямо здесь, наобум, мы можем случайно активизировать какую-нибудь его скрытую программу, и эта штуковина перейдет в режим автоматической атаки. Что произойдет, если мы внезапно начнем атаку, направленную на вас, вы сами знаете.

— Вы испаритесь прежде, чем подойдете на расстояние выстрела!

Она усмехнулась, хотя он не мог видеть этого.

— Именно это я и имела в виду. Сейчас у нас обоих хватает дел, и мы уже достаточно потрепали друг другу нервы. У нас больше нет времени на разбирательства. Либо вы прекращаете попытки помешать нам выполнять задание, и мы пытаемся увес-

ти отсюда корабль, либо на вас ложится ответственность за приостановку операции, что означает, заверяю вас, что вам придется отвечать ни больше ни меньше как перед Коллегией Адмиралтейства.

Мысль о том, чтобы позволить им уйти, была очень не по душе Орхо, но в то же время он, уже достаточно долго прослуживший в своей организации, лелеял вполне понятный честолюбивый замысел однажды стать адмиралом. И Орхо прекрасно знал, что адмиралами не становятся, препятствуя проведению секретной миссии без всяких полномочий, если у тебя нет четких и прямых улик того, что она представляет собой вражескую деятельность.

— Хорошо. Сообщите ваш курс и скорость.

— Ни в коем случае! — ответила Модра. — Мне не нужны миколианские сюрпризы на пути к нашему месту назначения, и потому оно должно оставаться в тайне. Мы сами выйдем на связь с флотом. Просто дайте нам допуск на прыжок в подпространство.

— Ну хорошо, вы получите его. Но я представлю в Адмиралтейство полный отчет о происшедшем, вместе с расшифровкой этого разговора!

— Сделайте это, капитан. Спасибо. Мы отправляемся. — Она не могла сдержать смешка, который, к счастью, прозвучал, когда передатчик был уже выключен. — *Любопытно, какое звание ему присвоят, когда в Адмиралтействе получат расшифровку?*

Джозеф запустил двигатель, проверил окрестности, вычислил оптимальную траекторию выхода в подпространство и разогнался до субсветовой скорости.

— *Они навелись на нас всеми своими целенаводящими компьютерами,* — заметил Джозеф.

— *Совершаем прыжок! Давай!* — приказала Тобруш. Корабль завибрировал, у них появилось чувство головокружения, а экраны опустели.

— *Интересно, что у них там случилось в последнюю минуту?* — спросил Джимми. — *Почему они взяли нас на мушку?*

— *Возможно, просто из предосторожности,* — ответила Тобруш. — *Мы, как-никак, устроили целое представление, нажимая на то, что корабль может потерять управление. А может, и что-нибудь другое. Во всяком случае, мы теперь в подпространстве и далеко от них и их флотилии. Джозеф — достаточно хороший специалист по такого рода маневрам, чтобы за нами непросто было проследить. Но тем не менее, дайте-ка я проверю... Что это?..*

На экранах, контролирующих подпространство, не было никаких признаков корабля, в пределах разумной области

сканирования. Хотя это и не являлось абсолютной гарантией того, что никто за ними не следует, но все же было хорошим знаком. Однако мониторы не были совершенно пусты, как следовало бы ожидать.

Тобруш уставилась на экраны, остальные трое присоединились к ней. Они тоже увидели и узнали их — аморфные полупрозрачные формы, непрестанно изменявшиеся, корчившиеся в медленном зловещем танце.

— Милостивый Иисусе! Да они повсюду! — закричал Джимми.

Ган Ро Чин высвободился из ремней безопасности и прошел вперед, чтобы взглянуть на мониторы. Увиденное его также удивило.

— Я видел этот феномен раньше, — сказал он, — хотя никогда в таком количестве и настолько большого размера.

— Это не феномен! — ответила Модра с беспокойством. — Это то самое, что мы видели в другом измерении, только здесь нет сетки. Это зло... это те самые ужасные твари, которые рыскали вдоль стен!

— Их, кажется, становится больше, — заметил Чин.

— Да, точно, — согласился Джозеф. — Я могу уклоняться от них, если только они не будут атаковать, но я ни разу не видел их здесь раньше, и мне никогда не рассказывали об этом на пилотских курсах.

Криша, уже видевшая их однажды, пристально и испуганно смотрела на экраны.

— Видишь, что они делают? — воскликнула она. — Подпространство — это параллельная Вселенная, мир другого измерения, как бы вы его ни назвали. Это **иной мир**! А они, двигаясь в его пределах, прикрепляются к стенам и каким-то образом просачиваются своей слизью в **нашу** Вселенную!

Капитан сдвинул брови.

— Что? Каким это образом?

— Мало ли. Например, через идолов и другие изображения зла — их вызывают те, кто поклоняется им. У них сотни путей, я полагаю. Это физическое воплощение чистого, неприкрытого зла!

Джимми уставился на медленно пульсирующие, пластичные формы.

— **Он** сказал, что они проводили опыты. Это механизмы, держу пари. Они программируют одну из таких штук, как мы программируем компьютеры, и посылают ее в определенную точку сети, достаточно маленькую для здешнего пространства, но достаточно огромную, чтобы поглотить целые миры. Сейчас этим занимается только Механик. **Он** говорил, что один только Механик отказался перестать играть с нами как с игрушками. И сейчас он перемещает их, группирует, возможно, создает и программирует новые. Боже! Он может держать под прицелом все Три Империи! А имея при себе Кинтара, свободных и жаждущих действия, а также всех тех, кто всегда следовал путями древнего зла во всех ми-

рах, во всех расах... Это чудовищно! Древний Враг собирает свои силы, чтобы нанести удар в любой момент и без предупреждения! И под рукой у него девяносто триллионов фаустов, обреченных на искушение и проклятие.

— Черт побери, — прошептала Гриста, прислушиваясь к разговору, более пораженная, нежели раскаивающаяся. — И я помогла сделать все это?

Ган Ро Чин вопросительно взглянул на Джимми.

— Кто такие фаусты?

— У моей расы есть такая старинная история об ученом, который продал душу дьяволу в обмен на то, чтобы двадцать лет иметь все, что пожелаешь, — объяснил ему Джимми. — Ему все очень нравилось — пока не подошел к концу двадцатый год. Идея истории в том, что все имеет свою цену, хотя, как мне кажется, и сам акт купли-продажи чего-то стоит. Этот Механик — бог всех замыслов и намерений, так же, как и другие подобные ему. Но, в отличие от них, он лишен сострадания, так же как и любых других этических чувств по отношению к низшим расам. Абсолютно любых. Вероятно, они начали свои эксперименты, когда человечество было еще юным. Возможно, это было даже пари. — Он вспомнил историю об Иове, но решил, что не стоит излагать мицлапланцам всю Библию за один урок. — А потом у них что-то произошло. То ли они зашли слишком далеко и испугались, все, кроме Механика, то ли были пойманы во время своей игры Капитаном, который приказал им прекратить. Остальные послушались его, но не Механик. Его слишком забавляло происходящее. Наверное, это было для него как наркотик. Он не мог бросить это, не мог перестать играть в бога. В известном смысле, он был первым Фаустом, образцовым. Он выторговал себе возможность немного побыть богом, с тем чтобы расплатиться за последствия мятежа в какое-то отдаленное время.

— Он нападает, когда ему надлежит сделать это, или просто когда захочет поразвлечься таким способом, — согласилась Криша, — но обычно предпочитает подкупать и смотреть, как мы с готовностью идем к нему в страшное рабство. Это согласуется и с нашим Писанием.

— Но мы — все три империи — всего лишь частичка, даже не греть одной галактики! — заметил капитан. — Почему именно мы? Мы ведь до сих пор не можем даже **сосчитать** все существующие галактики!

— О, возможно, изначально это были не только мы, — ответил Джимми. — В том измерении мы видели бесчисленное множество галактик, их было больше, чем песчинок на морском берегу. Но мы — особенные. Они были пойманы, когда играли именно с нами, именно в нашем маленьком уголке Вселенной. Демоны были заперты,

Механик был принужден действовать из иного, удаленного

мира, какого-то коридора корабля, где его возможности были более ограниченны. Видит бог, он был достаточно силен даже с подобными ограничениями — стоит вспомнить все то зло, страдания, разрушения, о которых говорится в известных нам историях! Криша говорила об этом, когда рассказывала о князьях демонов, которые, в конце концов, во многом являются отражениями своего повелителя. Именно наш маленький уголок Вселенной — то самое место, где его схватили, побили, кинули на пол, наградили окровавленным носом и синяком под глазом. Все его мысли в продолжение тысяч лет были направлены на нас, чтобы поквитаться, чтобы добиться здесь высшего могущества и наказать тех, из-за кого он был повержен. Это для него вопрос чести. Он может даже выказать доброту и милосердие другим, далеким от нас мирам, ибо боги всегда непостоянны, но **здесь** — здесь он хочет устроить ад по образу самых кошмарных из своих грез.

Ган Ро Чин кивнул.

— Все это вызывает довольно смутные и неприятные чувства. Более того, это согласуется со старинными легендами многочисленных рас и разнообразными преданиями нашего собственного общего материнского мира. Индусы, возможно, имели наилучшее понимание грандиозной космологии в целом, иудеи и родственные им христиане и мусульмане более точно оценивали конкретную ситуацию. Однако, как бы то ни было, сейчас я вижу перед нами более неотложные проблемы.

— А именно? — спросил Джимми.

Капитан указал на экраны.

— Это единственный путь из одного мира в другой без того, чтобы потратить несколько жизней в космосе. Сколько же энергии требуется, чтобы поддерживать связь нашего собственного пространства с этим! Если тех существ можно собрать на таком огромном пространстве в столь короткий промежуток времени, подумайте, к чему это может привести через несколько недель или месяцев. Если он хороший стратег — а его репутация показывает, что это именно так, — миры подвергнутся нападению в последнюю очередь, не считая нескольких опорных баз. Поразмыслите об этом! Никто не сможет перемещаться через подпространство, минуя схватку с одной из таких штук. Они будут контролировать путешествия, торговлю, все контакты между мирами. Миры станут изолированными, окруженными, как белые камни на доске для игры в го. Все три империи организованы одинаковым образом; клей, который соединяет составляющие их миры, — это их взаимозависимость. Отрежьте возможность торговых отношений между ними, и вы получите отдельные миры, которые должны будут покориться или умереть.

— Звучит погано, — сказала Криша, потрясенная нарисованной им картиной.

— Именно. Но, в определенной степени, и обнадеживающе.

Они недоуменно посмотрели на капитана.

— Обнадеживающе? — переспросил Джимми.

Тот кивнул.

— Он действует в соответствии со своей репутацией. Однако, поступая так, он тоже становится досягаем. Мы совершенно точно понимаем его; понимаем, что он делает и почему. Он настолько низко пал, что, в известном смысле, находится уже на нашем уровне. Это игра, в которую мы тоже можем играть.

Джимми фыркнул.

— Я бы в данный момент охотнее предпочел играть его фигурами, нежели нашими.

— Возможно. Ты когда-нибудь играл в го?

— Даже не слышал. Моей игрой всегда были шахматы и карты.

— Каждый игрок ставит свои камни, по одному за ход, на очень большой сетке. Когда какая-то часть территории соперника полностью окружена, она захватывается. При этом возможно выиграть, даже если противник имеет значительное численное превосходство. Ибо ни одна территория не будет в совершенной безопасности, сколько бы камней на ней ни находилось, если она может быть окружена врагом. Для окружения необходимо гораздо меньше камней, чем для заполнения области. Хитрость не в том, чтобы иметь больше камней, а в том, чтобы занять лучшую позицию.

Но Джимми отказывался быть оптимистичным.

— Да? Что ж, посмотри на экраны. Эти штуки — лишь малая часть **его** камней. А теперь взгляни на содержимое этого скромного корабля. Это то, что можно считать **нашим** камнем.

Ган Ро Чин кивнул.

— Значит, мы просто должны раздобыть больше камней, прежде чем начать игру.

— У нас проблемы, — доложил Джозеф. — Все в порядке, пока мы придерживаемся курса в пределах пространства Биржи, но когда я пытаюсь переменить курс и повернуть к Миколю, материя подпространства тут же вырастает перед кораблем, как стена. Насколько я понимаю, они, скорее всего, не могут заблокировать все несколько десятков тысяч световых лет границы, но насколько старыми мы хотим стать, прежде чем доберемся до ближайшего разрыва?

— А ты не можешь расчистить дорогу оружием? — спросил его Чин. — Это же, в конце концов, военный корабль.

— Этот корабль спроектирован для боя с другими военными кораблями, — ответил миколианец. — Ничто из име-

ющегося на нем вооружения не станет работать в подпространстве против материи подпространства. Он предназначен только для того, чтобы стрелять энергозарядами по другим кораблям типа нашего.

Чин обдумал услышанное.

— Есть способ как-то измерить толщину барьера?

— Нет, это бессмысленно. Опять же, все инструменты разработаны, чтобы определять только наш тип материи и энергии. При проектировании не предполагалось чего-либо подобного этой субстанции.

Капитан подумал еще.

— Мы должны допустить, что барьер относительно тонок, поскольку есть пределы тому, сколько материи может быть создано и запрограммировано в короткое время. Впрочем, я не думаю, чтобы это сгущение было заново созданным материалом; более вероятно, что это уже существовавшая ранее материя, стянутая, как кто-то здесь предположил, из удаленных пределов Вселенной, и сконцентрированная перед нами. Если бы он мог создавать и программировать материю с такой скоростью и в таком количестве, заточить его было бы невозможно, так как он смог бы делать, что хочет, даже находясь в заключении. Нет, если рассуждать хоть сколько-нибудь логично, то скорее всего, либо материи здесь ограниченное количество, либо он не может производить ее сам и вынужден использовать готовый материал, имеющийся в его распоряжении.

— Странно, — прокомментировала Криша. — Если ты прав, то где-то могут существовать огромные цивилизации, сейчас переживающие мир и, возможно, золотой век.

— Пока они с нами не разделаются, — пробормотал Джимми.

— Тобруш! — позвал капитан. — Может быть, попробуем использовать твои природные способности, чтобы пробить для нас эту дырку? Как ты думаешь, это возможно?

— Можно попробовать, — нерешительно ответила Миколь, которая в конце концов получила возможность говорить с остальными напрямую через собственный транслятор, и для общения с ней теперь не требовалось телепатических способностей или знания миколианского языка. — Но цена может оказаться слишком высока. Чем бы это ни кончилось, мы неминуемо привлечем внимание, и слишком пристальное внимание, к той точке пространства, где мы находимся. В данный момент я склоняюсь к тому, что в наших интересах быть настолько незаметными, насколько возможно.

Капитан внезапно нахмурился, на его лице появилось странное выражение.

— Минутку! Мы шли не тем путем! Ведь эти штуки не имеют доступа в наше пространство; они не могут даже выдержать нашу окружающую среду без специальных средств защи-

ты — таких как идолы и межпространственные геометрические фигуры. А почему бы нам просто не подойти к ним так близко, насколько мы отважимся, а потом, переключившись на субсветовую скорость, не миновать барьер в пространстве нашей нормальной Вселенной?

— Я думал в том же направлении, — ответил Джозеф.

— С другой стороны, это повысит вероятность некоторых других опасностей. Если в этой области окажутся какие-нибудь корабли Биржи, то нам придется удирать от них, и если мы не успеем пройти барьер на субсветовой скорости прежде, чем нас перехватят, мы будем вынуждены нырять обратно прямо в эту муть.

— Это несравненно лучше, чем оставаться здесь или таранить барьер в лоб, — заметил капитан. — Я бы сказал, что нам стоит сделать это. Прямо сейчас.

— Стоит попытаться, — согласилась Тобруш, и Джозеф высчитал экстремальную траекторию выхода, чтобы можно было перенестись через черную стену на автопилоте.

Взревели двигатели, они пристегнули ремни, и экраны стали заполняться массой темной плазмы, до тех пор, пока они уже не видели перед собой ничего, кроме преграды. Из медленно пульсирующей материи с поразительной скоростью сформировалось щупальце и бросилось на них, скользнув по кораблю и пройдя сквозь него, словно он был не материальным объектом, а каким-то фантомом...

* * *

В этот момент связь их сознаний прервалась, и Джозеф почувствовал сладострастный, неистовый гнев, растущий внутри него...

В этот же момент Модра ощутила сокрушительную тяжесть вины, соседствующую с почти животным вожделением...

Джимми почувствовал опустошающее, мучительное отчаяние...

Тобруш с трудом подавила внезапное побуждение убивать всех подряд, перебить всех, кто находится на борту...

Криша ощутила себя обнаженной, беззащитной, бесконечно уязвимой и одинокой...

Гриста почувствовала совершенно животную похоть и порвала один из ремней безопасности, пытаясь добраться до Джимми...

* * *

Ган Ро Чин испытал небольшое головокружение и минутное покалывание в коже, но больше ничего необычного не почувствовал.

На штурманском пульте раздался сигнал тревоги, вернув Джозефа к нормальному состоянию. Связь сознаний,

ненадолго прерванная, восстановилась почти мгновенно, что позволило всем четверым уловить ощущения других и одновременно уменьшило остроту испытанного.

— Нас сканируют. С расстояния около двух парсеков, не больше, — доложил Джозеф. — Определенно, сигнал Биржи.

— Автоматический? — озабоченно спросил Чин.

— Разумеется, иначе к этому времени на нас бы уже наводились орудия. Таких, как мы, в этом регионе довольно мало, я полагаю. Я послал им отчет, но не уверен, что эта завеса что-нибудь пропустит.

— Я думаю, — сказал Чин, — это зависит от того, насколько разумны эти штуки внизу. Если они достаточно сообразительны, они пропустят такого рода послание без всяких искажений.

Модра вздрогнула.

— Какая разница, сообразительны они или нет? Им так трудно противостоять! Эти ощущения... они ведь были у всех нас! И тем не менее, они были настолько **индивидуальны**...

Сначала капитан решил, что они до сих пор не полностью перескочили барьер, и это влияет на их сознание. Осторожно он расспросил остальных. Наконец он сказал:

— Из того, что вы рассказали, я так понял, что эти чувства не были такими уж индивидуальными. Чем бы ни было это сгенерированное ими поле, оно было спроектировано так, чтобы подавлять комплексы и раскрывать примитивные части сознания, где мы прячем и наши худшие животные рефлексы, и наши мрачнейшие страхи.

— Да, но это было всего лишь касание, — вздохнула Криша, все еще немного дрожа. — Если бы мы полностью попали в это...

— И одновременно разрушилась наша связь, — заметил Джозеф. — Она была просто выключена на какое-то время, как огонек лампы, и мы из союзников превратились в хищников, настроенных друг против друга. Чем бы это ни было, оно чересчур сильно для таких, как мы.

— Это **механизмы**, — настаивал Ган Ро Чин. — Правда, не такие, к каким мы привыкли, но механизмы. Машины, созданные и запрограммированные подобными нам по разуму.

Криша уставилась на него.

— А ты разве ничего не почувствовал?

— Чувство головокружения, покалывания, не больше. Это работает через телепатические волны, как и сами Кинтара, а в этой области я практически не восприимчив.

— В некотором смысле я тебе завидую, — сказала она ему. — Я думаю, мы все завидуем, хотя бы чуть-чуть.

Он пожал плечами.

— Не стоит. Я мог бы никогда не выбраться из пещеры с кристаллами, не говоря уже о том мире, разве что в

цепях. И при встрече с призраком или Кинтара мой разум, возможно, не испытает такого потрясения, зато им не составит никакого труда просто приказать своим приспешникам пристрелить меня, или толпе — посадить меня на кол.

— Я думаю, что ты на самом деле можешь предстать перед Святым Ангелом, не подпав под его влияние, — сказала она.

— Возможно, но тут работают те же соображения. Даже если бы мне удалось пройти через все посты охраны, последовательно надув каждого из сторожей, и внезапно появиться перед ним, Ангел все равно успеет позвать на помощь, прежде чем я смогу хотя бы заговорить с ним.

— Мои приборы констатируют, что мы пересекли границу Биржи, — сообщил Джозеф. — Как долго мы будем лететь, прежде чем попытаемся вернуться в подпространство?

— Я бы не стал погружаться, пока это не станет абсолютно необходимым, — ответил капитан. — Мы должны сделать минимальным риск того, что при выходе в подпространство мы окажемся прямо посреди одной из этих штук, а то и больше, чем одной.

Снова зазвучали сигналы тревоги.

— У нас на хвосте крейсер класса «Р»! — доложил Джозеф. — Похоже, они намереваются выпустить на нас истребители, невзирая на то, пересекли мы границу или нет!

— Ныряем! — крикнул капитан. — Нам не по силам принять такой вызов!

— И думать забудь! Мы еще не отошли на достаточную дистанцию! Нам нужен еще по крайней мере час, чтобы иметь хоть какой-то резерв!

— Я думаю, они это понимают, — сухо заметила Модра. — Я ничего не знаю о битвах и военных кораблях, но, на мой взгляд, у нас есть минут пять.

СОВЕРШЕННАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Капитан поспешно подошел к командирскому креслу.

— Передайте командование мне и идите назад, вы оба! Пристегнитесь ремнями, примите успокоительное, делайте все, что хотите, только быстрее!

Они сразу поняли его замысел, и, хотя он им и не понравился, Джозеф с Модрой тотчас же переместились назад. Ган Ро Чин скользнул в кресло, пристегнулся, надел командирский шлем, который был так велик для его головы, что доходил почти до носа.

Но не это его волновало...

Прозвучали новые серии сигналов, и наконец на экранах показалась дюжина истребителей, выпущенных из крейсера, занимавшего прочную позицию на самой границе Биржи. Однако было ясно, что истребители не собирались считаться с подобными ограничениями — по крайней мере здесь, в этой безжизненной части космоса.

Чин протянул руку и передвинул рычаг, переведя корабль в режим боевой готовности. Хотя он не собирался по-настоящему вступать в бой, тем не менее все боевые системы были активизированы, а фрегат был разделен на отдельные герметически закрытые отсеки. Что бы ни случилось, теперь никто не сможет приблизиться к нему без его разрешения.

— Внимание, — сказал он через интерком. — Я начинаю!

Компьютер корабля не ответил; приборы зарегистрировали серию взрывов, разорвавшихся совсем близко. На какой-то момент он был сбит с толку, пытаясь понять, почему корабль его не слушается; потом до него дошло. Он был слишком возбужден, слишком напряжен.

«Думай, по-миколиански, — сказал он сам себе. — *Успокойся и думай по-миколиански!»*

Корабль наконец ринулся вперед, и он почувствовал легкое головокружение и вибрацию судна, когда оно вошло в подпространство.

«О боги, я прямо посреди той дряни!» У него зазвенело в ушах и закружилась голова, потом внезапно его начало тошнить, но он, не обращая на это внимания, взял курс на Миколь и выжал полную скорость. Он даже не пытался представить, что творилось с теми, кто остался в отсеках, он хотел только поскорее выбраться.

Скорость, курс, направление — все было правильным, но секунды летели, а ничего не менялось. Сколько же этой дряни здесь может быть? Барьер просто не может быть такой толщины!

И тут он осознал, что его первоначальные догадки были верны. Они уже миновали эту завесу — просто одна из треклятых штук прицепилась к кораблю!

— Думай, Чин! Думай! — произнес он вслух, сердясь на себя за то, что не смог предусмотреть этого, несмотря на то, что у него было совсем немного времени на подготовку. Как ему отделаться от этой гадости? Его глаза скользнули по приборам, некоторые из которых были ему совсем незнакомы; лишь немногие из них имели хоть сколько-нибудь разборчивую подпись хоть на каком-то языке. Один переключатель, однако, привлек его взгляд — исходя из обозначенных рядом единиц измерения, он понял, что это должно быть. Давление воздуха! Но ведь остальные не загерметизированы в своих скафандрах. Теперь-то уж точно. Сколько это продолжается? О боги его предков! По меньшей мере, несколько минут!

Черт с ним! Если он как можно быстрее не отцепит эту штуку от корабля, будет уже в любом случае без разницы!

— Разгерметизация по максимально безопасной кривой! — приказал он. — Выпуск воздуха на обшивку корабля.

Корабль наполнился шипящим звуком. Ган Ро Чин сдвинул вверх командирский шлем и выхватил респираторную маску из своего скафандра.

В определенном смысле это было совершенно нелогичное и очень рискованное действие. Тем беднягам позади становилось все труднее и труднее дышать; всем им для нормального существования был необходим кислород в гораздо большей концентрации, нежели здесь. Кроме того, это могло снизить скорость, а возможно, и выдавить их наружу — хотя насчет Тобруш он не был уверен. Да и сама идея, что эта штука, которая может так легко проникать через их энергетическую защиту и взаимодействовать с ними, не сможет справиться с потоком обычного воздуха, на первый взгляд казалась нелепой.

Внезапно на него нахлынул такой мощный приступ тошноты, что ему с трудом удалось сдержать позывы к рвоте, потом приступ прекратился так же неожиданно, как и возник. Капитан постарался взять себя в руки и успокоить свой желудок, затем взглянул на экраны. Он увидел огромную черную бесформенную фигуру, которая быстро удалялась от корабля и наконец исчезла из виду. Некоторое время он сидел неподвижно, удивленный, что это все же сработало. Затем он быстро остановил все еще действующий процесс разгерметизации и принялся изучать команды и средства управления пультом. Необходимо было постепенно восстановить нормальное давление и необходимые пропорции состава воздуха, чтобы по возможности исключить любые болезненные эффекты для членов команды. Старательно думая по-миколиански, он приказал:

— Оценить безопасное время для полного восстановления давления во всех отсеках корабля.

Ответ пришел мгновенно. Экстренное восстановление — около пяти минут. Абсолютно безопасное — двадцать минут. Одновременно пришло предостережение, что он выпустил около половины резерва, и для длительного путешествия необходима полная перезарядка системы.

Он заметил на пульте какой-то мигающий сигнал.

— Что значит сигнал на системах жизнеобеспечения корабля?

— Сработали системы безопасности, третий отсек, — ответил бортовой компьютер. — Они были включены изнутри отсека.

Третий... Так, это верхняя камера. Тобруш.

— Каковы причины включения и в чем состоит действие систем безопасности?

— Причины: возможный мятеж, неповиновение или обнаружение в отсеке вражеского агента, — откликнулся бортовой компьютер. — Действие: в замкнутую систему воздухоснабжения вводится нетоксичное нервно-паралитическое вещество, вызывающее паралич или временную потерю сознания у всех известных форм жизни, исключая пять основанных на углероде.

Чин расслабился. Надо отдать должное Тобруш. Она обезопасила сама себя!

— А что с другими отсеками? В них также были задействованы системы безопасности?

— Режим может быть приведен в действие только командиром корабля, либо вручную на мостике или в навигационной рубке, — ответил компьютер. — Он был запущен только в третьем отсеке.

Он вздохнул. Значит, пятеро других были вынуждены пройти через это. Что наверняка означало, что Джимми оказался рядом с Гристой, Джозеф с Модрой, а бедная Криша осталась одна, как обычно. Что ж, может быть, последнее и к лучшему.

Капитан воспроизвел компьютерную запись событий от начала атаки до избавления от черной нечисти. Чуть меньше девяти минут. За девять минут многое может случиться.

— Отменить режим безопасности в третьем отсеке, — приказал он. — Ввести — *проклятье, как по-миколиански «противоядие»?* — реагент в систему воздухоснабжения отсека для оживления обитателя. Режим был включен по ошибке.

— Необходим код отмены, — ответил компьютер.

Ган Ро Чин за всю свою жизнь не был матерщинником, но сейчас ему очень хотелось сказать несколько резких слов. Единственным, кто знал, как оживить Тобруш — если не принимать в расчет вариант стыковки с миколианскими базами, что его не слишком-то привлекало, — был Джозеф. Если только Джозеф был в состоянии это сделать.

— Состояние остального личного состава?

— Удовлетворительное. Однако все члены личного состава в обмороке из-за недостатка кислорода. Некоторые повреждения могут иметь серьезные последствия, если распоряжение о повторной герметизации не поступит в течение следующих трех минут.

Проклятье! Он же забыл отдать приказ!

— Сделать это сейчас. Медленно, так, чтобы не допустить физических или психических повреждений.

— Выполняется. Полный мониторинг форм жизни.

Внезапно ему в голову пришла мысль. Если миколианцы были настолько одержимы мерами предосторожности, чтобы иметь в запасе нервно-паралитический газ, воздействующий на свой собственный экипаж...

— Существует ли способ осмотреть другие отсеки?

— Да. Вы хотите этого?

— Пожалуй. Дайте сначала второй.

Один из главных экранов, который давал обзор пространства за кормовой частью, переключился, и на нем появился асимметричный, но до некоторой степени панорамный вид отсека. То, что он увидел, было шокирующим.

Это выглядело так, как будто скафандр Модры был едва ли не сорван с нее. Его, конечно, невозможно было разорвать обычными средствами, но все застежки, фиксаторы и клапаны были переломаны, а сама Модра была окровавлена и слегка помята, словно ее вырвали из скафандра еще прежде, чем его энергосистемы успели полностью выключиться. Она лежала на полу, обнаженная, лицом вверх, раскинув руки, как безвольная кукла. Джозеф, чей скафандр, судя по всему, был просто снят и брошен к переборке, лежал поверх нее, положив руки рядом с ее руками. Было не слишком трудно понять, что здесь произошло, но капитан не хотел ничего знать. *«О боги, он все еще в ней!»*

Внезапно испугавшись, он поискал Кришу. Ему потребовалось немного усилий, чтобы найти ее. На ней также не было комбинезона, но, по-видимому, она сняла его сама. Она спряталась за вторым рядом сидений, обнаженная, зажавшись в угол и свернувшись в комок в позе эмбриона.

Возможно, психически она испытывала ад — но по крайней мере физически с ней все было в порядке; ее явно никто не трогал.

Джозеф застонал и начал хватать ртом воздух, делая судорожные вдохи. Он скатился с Модры, с которой происходило то же самое.

В кормовом отсеке Гриста сидела на Джимми верхом, но здесь творилось нечто странное. Коротышка тоже был в крови, в правой руке он сжимал универсальный нож из скафандра, и рука Гристы была все еще на его запястье. Этот сценарий было гораздо труднее просчитать.

— Паралитический газ еще в третьем? — спросил он компьютер.

— Ответ отрицательный. Он был выпущен вместе с резервом.

— Какое сейчас давление, в пересчете на метры над уровнем моря?

— Две тысячи восемьсот.

— Выйти из боевого режима. Выровнять давление и открыть все отсеки.

Дверь отсека плавно отъехала в сторону, и все экраны вернулись в обычное состояние.

— Поддерживать состояние боевой готовности, режим автоматической защиты. Поддерживать текущий курс и ско-

рость, избегать любых выходов из подпространства, — приказал он, затем снял командирский шлем, поднялся и прошел в следующий отсек.

Джозеф сидел выпрямившись, тяжело дыша и тряся головой, дабы сделать ее ясной. Все же он достаточно отдавал себе отчет в происходящем, когда поднял глаза на входящего капитана.

— Через пару минут все будет в порядке, — сказал ему капитан. — Это заняло немного больше времени, чем могло бы, потому что пришлось заново отфильтровать большую часть имеющегося воздуха. Я вынужден был использовать один из двух запасных резервуаров, чтобы отцепить от нас ту тварь.

Джозеф закашлялся, но справился с этим.

— Ох, так вот что это было? Я чувствую себя слабым, как ребенок, и голова раскалывается.

— Ты что-нибудь помнишь?

Другой приступ кашля.

— Да. Это было очень странно... Как только мы соединились, я... это было очень непонятно. Не было никакой телепатической связи, но в тот момент, когда я овладел ею, возникла какая-то **другая** связь, будто я мог чувствовать все, что и она, и наоборот.

— То есть ты загипнотизировал ее? Тогда откуда все эти признаки насилия?

— Капитан, у меня не было никаких мыслей. Была только неограниченная власть, неограниченное вожделение. Она естественная эмпатка, и она была под моим влиянием. Она чувствовала то же, что и я, и действовала соответственно. Скорее это было похоже на двух диких зверей в пылу страсти.

— Но теперь ты в порядке?

Джозеф кивнул.

— Я уже отдышался. Но все-таки помоги мне подняться. — Он вдруг нахмурился. — Что с Тобруш? Она зовет меня, и ее голос звучит довольно странно.

— Она включила системы безопасности в своем отсеке. Думаю, она рассчитывает, что ты поможешь ей выбраться оттуда. Я не знаю, как их выключить.

— Ну да, конечно. Я сначала хотел включить их и здесь, но потом вспомнил, что ты не будешь знать, как отменить это... Сейчас я передам код отмены и тотчас же вернусь.

Модра все еще лежала на полу, тяжело дыша, глаза были открыты, но неподвижно смотрели в потолок.

— Модра? Ты в порядке?

Секунду или две она не отвечала, затем сказала хриплым шепотом:

— Не знаю. Я ощущаю себя чьей-то боксерской грушей, голова будто вот-вот взорвется.

— Ты в курсе, что произошло?

Она пассивно кивнула.

— Я... я была им. И мне это **нравилось**! А сейчас... сейчас я чувствую себя грязной, словно какая-то из тех черных дряней засела во мне. Он мне отвратителен. Он в моем сознании, а я в его, и тем не менее он мне отвратителен.

— Это все из-за той штуки. Ты должна это знать.

— Неважно, что случилось тогда. Ему и сейчас **нравится** то, что он сделал!

Капитан вздохнул и пошел к Крише, которая выпрямилась и сидела, озадаченно глядя на него.

— Ты в норме? — мягко спросил он.

— Это был тот же самый кошмар, — сказала она ему. — Только в этот раз он был таким **реальным**, и он все продолжался, продолжался и продолжался... Он и сейчас во мне. Он не превратился в неприятное воспоминание или беспричинный страх, как было раньше. Я чувствую, будто... будто все вокруг — лишь оболочка, и мои видения могут разбить ее и стать реальностью.

— Это только кошмар, вызванный той штукой из твоего сознания, — уверил он ее самым ласковым тоном, на какой только был способен. — Если хочешь узнать, какова на самом деле реальность, иди помоги Модре. Ей сейчас очень нужен кто-нибудь рядом.

Он похлопал ее по руке и помог встать на ноги; ему пришлось поддержать ее, пока головная боль и тошнота не отступили. Однако как только она почувствовала, что пришла в себя, он направился через люк в последний отсек. Оба, Джимми и Гриста, были уже на ногах и выглядели вполне удовлетворительно, за исключением, может быть, нескольких синяков и порезов, но Гриста казалась разгневанной, а Джимми — нетипично сдержанным.

— Черт побери, Джимми! Тебе чертовски повезло, что меня почти не задело! Что мои мозги остались при мне, и я смогла остановить тебя!

— Заткнись, Гриста! — оборвал Джимми. — Просто замолчи, ладно?

Она обернулась к капитану с отвращением на лице.

— Дерьмо! Как ты думаешь, капитан, стоило мне позволить ему отрезать себе яйца?

Ган Ро Чин почувствовал, как у него отваливается челюсть.

— Что?

— Да, именно это он и собирался сделать. Понимаешь, тут все это началось, а мне в последнее время как раз очень хочется, и вот я отстегнула ремни и подошла к Джимми, который снимал свой скафандр, и я сделала то же самое, правильно? И тут,

вместо того, чтобы сделать то, о чем я думала... Следующим номером я увидела: он держит нож в одной руке, а в другой — свои собственные яйца; и я схватила его руку с ножом и опрокинула его, и вынуждена была драться как проклятая, только чтобы удержать его. И вот за это он теперь еще и **злится** на меня! Можешь ты в это поверить?

Чин посмотрел на Джимми Маккрея.

— Это правда?

Джимми предпочитал смотреть в пол, нежели на капитана, но все же медленно кивнул.

— Это было непреодолимым побуждением, но не совсем бездумным действием. Я, может быть, наоборот, слишком много думал. Неожиданно я понял, просто **понял**, что должен сделать это. И если бы я поступил так, все было бы хорошо, все бы успешно сложилось, моя душа очистилась бы. Без вопросов. Это было как откровение.

— И ты до сих пор чувствуешь это? И поэтому злишься?

— Я... я не знаю. Сейчас я не стал бы делать этого, но почему-то я все еще не могу отвязаться от мысли, что это правильно. Ты сам сказал это, кэп, — те штуки не знают нас индивидуально. Они просто высвобождают то, что есть в наших собственных сознаниях, то, что мы прячем даже от самих себя. Возможно, из-за этого я все еще девственник. Может быть, я вообще не хочу становиться мужчиной. По крайней мере, не **таким** путем.

— Более вероятно, что это чувство вины, — ответил капитан, стараясь помочь коротышке чувствовать себя немного лучше. — Ты ведь когда-то был священником, а потом бросил все это: твои обеты, все, на чем основывалась твоя жизнь и во что ты верил вплоть до того момента. И ты до сих пор боишься, что поступил так, потому что был эгоистичным, чувственным. Этот путь — обоюдоострый выход из положения. Ты уничтожаешь причину своего падения и караешь себя одновременно.

Джимми поднял глаза на капитана.

— Я знаком с популярной психологией. Возможно, ты прав. Однако моя проблема более фундаментальна. Если бы я когда-то не был священником, мы все могли погибнуть или были бы снова порабощены в той демонской дыре. Каждая частичка моего знания, делающего меня ценным для остальных, — результат того, что я был священником. И когда я достиг высших сфер, он, этот **сущий**, узнал меня, он сказал, что мы общались с ним раньше, много раз. Что мы — может быть, все мы — были отобраны. То есть я действительно был инструментом высших сил, каким и должен быть священник. Раньше это было просто. Сначала я был в не-терранских мирах, окруженный не-терранами, а потом у меня на спине была Гриста, а потом нам пришлось много, слишком много

думать о другом, и времени на такие вещи просто не оставалось. Но не теперь. Не в этот раз. Когда мы вошли в отсек, я хотел ее, грубо хотел ее, и она хотела меня, и вот так все и вышло. — Его глаза были пустыми. — Не существовало иного выхода из положения, понимаешь? Я знаю, мне бы не хватило сил, чтобы сопротивляться...

Ган Ро Чин вздохнул.

— Что ж, ты должен бороться с собственными проблемами наилучшим образом, на какой способен, также как и остальные. Включая Модру и Джозефа.

— Ах да, я связывался и с ними тоже, помню, — сказал Джимми. — Он спас ее жизнь тем, что он сделал, и она знает это. Не осознанно, конечно, но это первый случай изнасилования, о каком я когда-либо слышал, ставший благодеянием. Она просто не хочет признать это, ибо это значило бы раскрыть темные уголки собственной души.

— Что? Вот как? Спас ее жизнь?

Джимми кивнул.

— Прежде чем связь прервалась, я получил от нее картинку. Это была всего лишь секунда, может быть, доля секунды, но больше и не нужно было. В ней накопилось достаточно чувства вины, чтобы хватило на нейтронную бомбу. Она убила бы себя в несколько минут, если бы он не овладел ею. Не уверен, что он знал это или что это имело какое-то отношение к тому, что последовало, но знание этого принесло ему чувство самодовольства и ощущение собственной праведности. — Он сдержанно, нерадостно усмехнулся. — Прямо целый экипаж спасителей!

Ган Ро Чин криво улыбнулся.

— Тебя удивит, если я скажу, что, по-моему, мы самый странный экипаж спасителей?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы обладаем совершенно различными навыками, талантами, способностями, мы занимались совершенно разными делами до начала нашей текущей миссии, мы все здесь постоянно сталкиваемся с грузом нашего воспитания, а теперь еще и с грузом худшего, что есть в нас самих, и все же мы по-прежнему здесь. И по-моему, если уж ты хочешь верить, что участвуешь в некой божественной миссии, прекрасно, но тогда иди до конца, как того требует логика.

— Что?

— Представь, что, возможно, изначальным предназначением Гристы в этой команде было спасти тебя от тебя самого. То есть ее действия тоже были **предопределены**.

Сказав это, Ган Ро Чин вернулся в среднюю кабину. Одновременно из верхнего отсека спустилась громоздкая неуклюжая фигура Джозефа.

— Как дела у Тобруш? — спросил капитан.

— Порядок. Газ отключил тело, но не саму Тобруш внутри него. Она просто не могла двигаться. Говорит, что потратила все время на то, чтобы отогнать ту материю. Эта дрянь пыталась войти и слиться с ней.

Чин нахмурился.

— Слиться с ней? Что это значит?

— Помнишь, мы говорили, что та материя не может существовать в нашей Вселенной сама по себе? Что ей обязательно нужна какая-то защита? Подумай обо всех страшных историях о сверхъестественном, какие ты когда-либо слышал. Одержимость дьяволом, ходячие мертвецы, вампиры, оборотни, пугавшие моих древних предков, — все это одно и то же.

— Во всех культурах есть подобные легенды или их эквиваленты.

Джозеф кивнул.

— В том-то все и дело, капитан. Это не просто случается в тех или иных историях. Демоны являются, когда они вызваны, нарочно или нет; вампиры, оборотни и им подобные созданы кровью и хорошо обдуманными действиями. Самое же главное... Материи иного мира не нужны призраки, она просто использует их. Но она также может использовать тела и сознания.

Внезапно Ган Ро Чин понял.

— Так вот что эта штука пыталась сделать! Взять контроль! Боже! Подумай обо всех кораблях и людях, перемещающихся через подпространство! О тех, кто передвигается на автопилоте и по запрограммированному курсу, кто не может избежать того, чего, по их мнению, вообще не существует. Они не просто контролируют торговые пути — они создают себе новообращенных! Принудительно новообращенных! Тех, кто затем будет не только сеять семена зла, а будет еще и рисовать пентаграммы, и заманивать излишне доверчивых, и создавать ворота для входящих Кинтара!

Великан кивнул.

— Мы решили не приближаться к каким-либо пограничным постам. Меньше чем в три дня мы можем достичь места, известного только Тобруш. Это одно из тех мест, откуда она сможет связаться с высшими кругами своего народа — я не имею в виду джулки. До сих пор, чем дальше мы летим, тем меньше этой дряни на мониторах. По крайней мере, в этой части ты, по-видимому, прав. У них действительно меньше той материи, чем им необходимо.

* * *

Ган Ро Чин уселся на край тумбочки, Тобруш — рядом, за своим пультом в верхней камере.

— Я знаю, у тебя достаточно силы, чтобы изолировать остальных, — мягко сказал капитан. — Я бы предпочел приватный разговор.

— Ты можешь говорить свободно, — ответила Миколь. — Разум джулки неразрывно взаимодействует с их сознаниями, но я могу сознательно перенаправлять свое восприятие к моей истинной сущности. Ничто не будет подслушано, если ты не захочешь этого.

— Именно об остальных я собирался говорить.

— Да, я так и думала. Нам осталось два часа до выхода из подпространства.

— Ты наблюдала за ними, ты связана с ними. Уверен, ты заметила перемены.

— Перемены в поведении и отношениях терран не всегда очевидны для иной расы.

Капитан вежливо улыбнулся, давая понять, что не верит.

— Я говорю о постепенно происходящих, устойчивых изменениях в поведении экипажа за последние три дня, после того происшествия. Криша почти совершенно замкнулась в себе. Она мало говорит, отказывается надевать скафандр и в половине случаев, похоже, не понимает, что ей говорят, даже если с ней говорю я.

— Да, это заметно. Ее мысли чрезвычайно темны, запутаны и полны страхов. Воспоминания о ее жестоком испытании слишком ярки, и порой ей трудно отличить их от реальности. До сих пор она была очень сильной. Я надеялась, что некоторое время и небольшой отдых помогут ей разобраться в себе.

— Я и сам так думал, — согласился Чин. — Но это не единственный пример. Вот хотя бы Модра. Изнасилование — одна из тех вещей, которых терране больше всего боятся. Это отвратительное вторжение в самую личную область женщины, и в некоторых культурах оно использовалось, чтобы через страх лишить женщин их ведущих ролей. Сразу же после случившегося она реагировала в точности так, как я и ожидал. Однако теперь это вдруг стало ничуть не важно, и она повсюду ходит с Джозефом и за последние два дня дважды занималась с ним любовью по собственному согласию.

— Четыре раза. Ты спал больше, чем они. Могло быть и больше, если бы они не были так потрепаны и истощены.

— Четыре! Еще не легче!

— Я нахожу многие ваши ритуалы и сопровождающие их физические действия крайне занимательными. В особенности поразительны оральные варианты, ибо они не имеют прямой связи с изначальными функциями. Я не могу, однако, без предварительной подготовки оценить такое поведение как необычное. Существует множество рас...

— Да-да, я знаю. Но это так; оно в высшей степени необычно. А Маккрей — он стал груб, даже жесток к Грис-

те и холоден и отстранен по отношению к другим женщинам. При этом он вовсю подбадривает Джозефа и даже пытался предложить мне наброситься на Кришу. Когда пытаешься его урезонить, он срывается и либо приходит в ярость, либо по-тихому уходит. Джозеф... в нем я не заметил серьезных изменений. Возможно, в нем количество перешло в качество, но мне это трудно оценить.

— Джозеф перешагнул грань, ранее отделявшую его от того, что вы называете манией величия. Он больше не рассматривает людей как личности, а лишь как игрушки для его развлечения. До этого он убивал, чтобы выжить; теперь он может убить, просто если ему этого захочется. Он, безусловно, не владеет собой и неспособен к самооценке. Лишь аккуратно стимулируя и направляя его импульсы, мне удается держать его в узде. Твои ощущения верны. Они все искажены.

Ган Ро Чин вздохнул.

— Значит, эта... эта дрянь, эта порочная программируемая плазма, все-таки добралась до них.

— Да. Первые несколько часов я была слишком ослаблена и дезориентирована, чтобы понять это. Как оно работает, я знала еще с прошлой атаки, но тогда атаковали не меня. На этот раз я тоже подверглась нападению, и пока восстанавливалась, оно уже слилось с их организмами настолько, что его почти невозможно обнаружить. А то, что нельзя обнаружить, нельзя и удалить.

— А они сами не осознают это?

— Да, но самая основа зла как раз и состоит в том, что ты обличаешь его, когда видишь в других, и всегда находишь ему рациональное объяснение, когда сам делаешь дурное. Они не перейдут на сторону врага — они слишком сильны для этого. Но они подвергаются искажению, метаморфозе, и становятся все более **похожими** на врага. Я могу контролировать тех троих, с которыми нахожусь в контакте, даже направлять их, если понадобится. Ты и синт, по-видимому, избежали воздействия, поскольку физиологически устроены иначе. Но Кришe я почти не могу помочь, потому что она использует это искажение, чтобы создать ад для себя самой. Мы могли бы загипнотизировать ее, до известной степени, ради сиюминутной пользы, но это будет ненадолго, и боюсь, с каждым разом внушение будет длиться все меньшее время. Энергия Кинтара — назовем это так, за неимением лучшего определения, — будет оставаться в ней, сопротивляясь нашему воздействию, и хотя программа, вложенная в эту энергию, так же аморфна, как и ее форма, она сделает все, чтобы приспособиться, и она имеет функцию самообучения.

— Ты хочешь сказать, что у них не осталось никаких шансов?

— Этого я не говорила. Нужно любым путем заставить эту материю проявиться. Если я смогу ее обнаружить, то смогу и

отделить ее от них, а затем удалить. Того, что они уже сделали, конечно, не воротишь, однако они хотя бы смогут свободно распоряжаться тем, что и как делают. Мы должны изгнать ее. Мы не смеем атаковать Кинтара, не разобравшись с этим. Я полагаю, что Кинтара, находясь рядом, могут программировать эту материю одним лишь усилием воли. Пока внутри наших товарищей сидит эта дрянь, Кинтара в любой момент смогут превратить их в свое подобие. Я надеюсь, что когда мы впервые выйдем из подпространства, то материя иного мира внутри них, никогда не испытывавшая подобного, среагирует и попробует защитить себя. Используя наш контакт, я, возможно, смогу удалить эту материю по крайней мере из тех троих, с кем я метафизически связана.

— Да, но даже если это и сработает, то ты сама сказала, что эта дрянь может учиться. А Криша...

— Я сделаю, что смогу, однако не уверена в успехе даже относительно себя самой. Если ничего не выйдет, придется искать иной способ. Я пока что понимаю далеко не все, как и ты, но в одном я убеждена — без Мицлаплана мы ничего не добьемся. И ты, капитан, — не тот человек, который сможет доставить к нам Мицлаплан. Ты и сам это знаешь. На это дело у нас есть только один кандидат.

Капитан вздохнул.

— Ну хорошо. Сейчас мы все в твоих руках. Похоже, нам больше ничего не остается.

— Это так, во всяком случае до тех пор, пока я не свяжусь со своей расой. А сейчас оставь меня, я должна подготовиться — скоро мы будем выходить из подпространства. Внимательно следи за ними в момент выхода. Если у меня действительно получится — как знать, к чему это может привести?

— Как скажешь. Я сделаю, что смогу.

— Это все, что сейчас стоит делать. Да, и еще... капитан!

— Что?

— У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, что нам делать, если, скажем, случится чудо, и все кусочки встанут на свои места? Я начинаю опасаться, что у нас в руках может оказаться оружие без инструкции по применению.

— Я тоже. Я не могу отделаться от мысли, что ответ прямо у нас перед носом, а мы не можем его увидеть. Боюсь, пока что в этой мозаике все еще не хватает кусочков. А потом они сложатся в замок, ключ к которому будет по-прежнему необходим.

* * *

Ган Ро Чин сел, глядя на Кришу и думая, что он может с этим сделать. Она молча сидела на полу, обнаженная,

обхватив колени руками и глядя остановившимся взглядом в точку, видимую только ей.

— Хочешь знать, о чем она думает, капитан? — спросил Джимми Маккрей своим обычным, почти веселым тоном.

— Я знал, что ты телепат, Маккрей, но до сих пор не думал, что ты еще и вуайерист.

Маккрей пожал плечами.

— Мы все немножко вуайеристы. Мы просто не любим никому признаваться в этом, вот и все. Но с ней мне не приходится прилагать никаких усилий. Ей достался худший из Талантов — передающая телепатия. Даже обычные люди, не владеющие никакими Талантами, легко смогут понять, о чем она думает, достаточно будет просто посмотреть на нее. Конечно, не так ясно, как телепат, и не так глубоко, но вполне прилично. Я знал пару таких. Жили вдалеке от людей, занимались какой-то мерзкой работой для одиночек. Я бы спятил, если б был как они — не солжешь, не утаишь даже самых личных секретов. Большинство таких людей кончает самоубийством или сходит с ума, но она не склонна к суициду. В глубине души она все еще верит во всю эту чушь, которую ей вбили в голову в детстве.

— Меня тоже воспитали с верой в эту чушь, как ты выразился, — напомнил он коротышке. — А тебя воспитали с верой в другую, не менее основательную. Скажи, просто ради любопытства — во что ты веришь теперь?

— В себя. Вот во что я верю. В то, что могу увидеть, осязать, услышать, потрогать и использовать. Полагаю, для микробов этого даже многовато.

— Для микробов?

— Ну, или вирусов, или еще каких-нибудь никому не нужных козявок. Больше нет смысла притворяться перед самими собой. Мы — побочный продукт серии случайностей в процессе выхлопа чьего-то корабля. Эта черная дрянь просто немного дряннее нас, а так называемые Высшие Расы — сборище умных болезней, тараканов и прочих напастей. Они наполовину здесь, у нас, а наполовину в той, настоящей жизни, причем здесь они играют в богов, а там они никто и звать их никак. Больше не имеет значения, верю я или нет. Больше ничто не имеет никакого значения.

— Где остальные?

— Большой Джо и Терранская Блудница в очередной раз забавляются в кубрике, пока Тобруш управляет кораблем из своей камеры. Говорящий набор «Юная шлюха» дрыхнет где-то на корме.

— Твое мнение о женщинах определенно изменилось, — кисло заметил капитан. — Гриста спасла тебя, помешала

сделать кое-что весьма неприятное. На твоем месте я бы был признателен ей.

— Признателен! — фыркнул Маккрей. — Ну да, конечно, она спасла меня от меня самого, вот только не из благих чувств. Она поступила так, потому что сама меня хотела. В глубине души они все хотят одного и того же. Погубить мужика так, чтоб он голову потерял, и за это позволить ему дать ей то, чего ей самой до смерти хочется. Будь я проклят, да ты посмотри на Модру! Ее изнасиловали, а она теперь: «Ударь меня! Отхлестай! Трахни меня!» — сплошная порнография какая-то. Причем низкопробная. Ну и пусть ее. Но! Меня на этом корабле не получит никто, вот в этом я тебе поклянусь. Не теряй ветер, бери что хочешь когда хочешь, — вот и все законы этого черного космоса, что мы открыли. Мы подняли камень с земли и обнаружили, что живем под ним. Черт, во всем этом есть лишь единственная хорошая новость. Я всю свою жизнь верил сам и учил других, что грех — нечто внешнее, что грехи исходят от Адама и Евы, от сил дьявола и его братии. И знаешь что? Дьявольская братия **действительно** творит грехи! И грехи эти — на самом деле чертовы компьютерные программы!

— То есть тебе легче от того, что они приходят извне? Ты думаешь, это освобождает тебя от ответственности за твои действия, за твои мысли? Нет, Маккрей, ты не прав. Каково бы ни было наше место в космосе, это то же самое место, где мы выросли, те же культуры и те же люди. И оно весьма реально. Основа основ всех религий в том, что боги — или Бог, в единственном числе, если тебе так больше нравится — самый **главный**. Мы всегда были подвержены капризам и воле высших сил и молились им, подобно рабам древности, молящим своих хозяев о куске хлеба. Что из того, что мы кое-что выяснили о том, как все устроено на самом деле? Во всех религиях есть догмат о том, что даже сверхъестественное действует согласно своему кодексу, своему набору правил, и что боги используют посредников. Факт существования программы или прибора, вызывающих в нас стремление к пороку, ничего не означает, и ни от чего нас не освобождает. И приборы эти, за исключением того варианта, когда ими невидимо управляют сами Кинтара или их господин, — **общего действия**. — Он прикоснулся к своей голове. — Они используют то, что находится **внутри** тебя. Находят все худшее и усиливают его, дают ему свободу. Ты ведь и сам это понимаешь, умом. Ты просто хочешь позволить ему победить.

— Много болтаешь. **Сам-то** ты не чувствуешь. **Тебе** не пришлось ощущать, как эта дрянь проникает в тебя и выворачивает твои мозги наизнанку. И **ей** тоже, кстати.

Джимми показал на Кришу, не обращавшую на них никакого внимания, как будто их вообще не было рядом.

— Не понял? Что ты хочешь сказать?

— **Ее** запрограммировали по-особенному. Я могу прочесть это в ее подсознании, хотя сама она этого не ощущает. Ее превращают как раз в то, что обещал с ней сделать князь демонов. Процесс еще не завершен, но как только она сойдет с корабля на землю, программа моментально донастроится и закрепится уже так, что никакая сила в мире не сможет выковырять ее оттуда, не уничтожив заодно ее разум.

Он привстал со стула.

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал — я могу прочесть. Она как открытая книга для любого, гляди хоть до дна. Там набор инструкций. Не словами, просто четкая картинка. Начинается сильным желанием жить и ни за что не кончать с собой. Затем — настежь открытая передача, в полную силу, всем и каждому; восприятие при этом перемешано так, что она не понимает ни слова. Далее — она не примет ни помощи, ни благодеяний ни от кого, не будет пользоваться ничьим чужим. И всякий, кто попробует ей помочь, сам получит какое-то проклятие. Не спрашивай, как именно. Те, кто **захочет** ей помочь, сами узнают в свое время. Следующим по списку идет полная потеря контроля над выделительными системами. Хорошо, хоть **это** пока не сработало! Печально было бы наблюдать, как она сидит в луже собственных экскрементов, ест всякую дрянь, полностью отрезанная от общества и совершенно одинокая. Ну что, хватит?

— В общем, понятно. А ты уверен, что это не ее кошмары?

— Так кто же знает, откуда старина бес взял эту идею? Все, что я знаю — что это **план**. Это не просто что-нибудь вроде ее былых фобий и ужасов, и скелетов в шкафу. Давай, объясни-ка, в чем **здесь** общее действие.

Глаза Ган Ро Чина расширились.

— Тот демон! Он **запрограммировал** ее!

— Он? Когда бы? В ее снах? Если он был способен на это, почему он не сделал и с нами чего-нибудь в этом роде? Я полагаю, что мы все же были защищены пентаграммой, что бы ни утверждала эта злобная бестия. Он ведь так и не перешагнул линии.

— Это был не тот. Неужели ты не понимаешь? Тот только внедрил это видение в ее сознание, создал его из ее же страхов. А активировал его другой демон, тот, которому вы подставились в станции Города. Он увидел в ней это видение и обратил его в программу, пока вы были в его власти! **Именно**!

— М-да? А почему только ее, а не меня? Я ведь тоже тогда попался.

— А кто сказал, что нет, Маккрей? Кто докажет, что нож, который ты почти использовал, не был первым прика-

зом в списке? Да, для тебя все будет иначе, у тебя будут другие кошмары, но откуда нам знать, не сидит ли и внутри тебя та же дрянь, ожидая лишь, пока ваш контакт с Тобруш снова не прервется?

Джимми взяло за живое.

— Ты... ты правда так думаешь?

— Не знаю. У меня же нет возможности проверить. Думаю, ты сам все узнаешь, когда придет время. Честно говоря, меня больше интересует то, что ты сказал — что Криша передающий телепат. О таком я никогда не слышал; хотя, вероятно, Церкви нужны и такие. Например, в качестве ближайших слуг Святых Ангелов — ведь такие никогда не предадут. И самое главное: это вариация ее былого Таланта.

— Да. И что?

— Тобруш говорила, что, возможно, она выжгла все ее способности, или же ее проблема психосоматического свойства. А теперь у нее вдруг проявляется вариация ее бывшего Таланта. Скажи, Макрей — ты ведь сам сильный телепат, — как ты думаешь, ты смог бы обратиться в передающего телепата? Ничего не воспринимать, а только передавать на полную мощь?

— Наверное. Правда, я сомневаюсь, что смог бы сделать это сознательно. Во-первых, все мое обучение, все мои наработки и разум сосредоточены на обратном, а во-вторых, мне что-то не хочется.

— Не в том дело, хочется тебе или психология мешает. Ты мог бы это сделать, если бы от этого зависела твоя жизнь?

— Ну, теоретически, конечно, да.

— Значит, ее потеря Таланта все-таки была психосоматической. Возможно, она была вызвана первым этапом программы. Даже гипноту удалось бы заставить ее на время поверить, будто она потеряла талант. А гипноту, обладающему такой силой, как у Кинтара или Тобруш, удалось бы это гораздо лучше, может быть, даже навсегда. В этом ведь и заключается обработка Церкви при рукоположении — Высшая Раса использует свой сверхмощный гипнотический Талант, чтобы внедрить будущему Святому постоянные ограничения. Когда-то, по дороге в Город, одному из Кинтара, даже заточенному, удалось пробить гипнотическое внушение ее Ангела. Она сама рассказывала...

— Да? Ну, значит, это внушение. Но это же все равно проклятие, разве нет? В чем разница? Она и со старым-то не могла справиться, а уж после того, как ее накачивали семь минут во тьме, даже Тобруш или Ангелам не удастся его сбросить. Только Кинтара, которые знают, как оно устроено, быть может, способны на это, — а может быть, в том-то и суть. Поживи как она, и через какое-то время радостно продашь душу бесу. Любому. У них появится свой человек среди Святых, а они там заправляют всем. Это будет Калия для Мицлаплана.

Ган Ро Чин поразмыслил над его словами, и чем больше он думал, тем лучше понимал, что Маккрей угадал. Не совсем точно, разумеется, — тому демону было наплевать на большую войну, он просто хотел добыть себе поклонников — но он явно предполагал нечто подобное. Сломить их было явно недостаточно; если позднее им удастся избавиться от ментального кошмара, то они будут не очень-то исполнительны. Тело будет подчиняться, но не душа. Значит, надо поставить их в такое ужасное положение, чтобы через какое-то время они сами стали молить чертову тварь об избавлении!

— Если бы ты все же воспользовался ножом, а потом ощутил непреодолимое желание заняться сексом, ты, быть может, сделал бы что угодно, чтобы вернуть потерянное, — заметил Чин.

Маккрей саркастически хмыкнул.

— Это было бы посложнее, чем вытащить ее.

— Кто-то же занимается на Бирже синтетическими людьми. Неужели они там проектируют только женщин?

Джимми оцепенел.

— Точно. Не только. Да... я понимаю, что ты имеешь в виду. Учту. Как обычно, это означает, что я марионетка в чьих-то руках. Если я останусь в контакте с ними, то буду продолжать ощущать весь разврат, который здесь творится. Если выйду, то окажусь в собственном аду. Умеешь ты, однако, порадовать, капитан!

Но Ган Ро Чин уже смотрел на Кришу. Сказанное также означало, что несмотря на то, что они могли причинить кошмарный вред ее телу и разуму, им требовалось добровольное согласие, чтобы овладеть ее душой. А этого она им ни за что не отдаст, как бы ни было ужасно ее существование. Это будет единственным, что позволит ей держаться и придаст сил.

Он представил ее со слов Маккрея, если, конечно, тот не специально сыпал ему соль на раны, чтобы позабавиться. Одинокая, несчастная, в нечистотах, среди мусора...

— Нет, — тихо сказал он.

— А? Что «нет», капитан?

Ган Ро Чин взглянул на хронометр.

— Иди в кормовой отсек, Маккрей, и пристегнись. Мы выходим в обычное пространство буквально через пару минут.

— Мне это не нужно. Мне и тут хорошо.

— **Маккрей, быстро марш на корму и пристегнуться!** — Тон капитана был так холоден, что нетрудно было услышать в нем угрозу.

Джимми Маккрей поднял обе руки.

— Ладно, ладно! Господи, мне иногда кажется, что кое-что из этой дряни попало и в тебя тоже.

Он встал и повернулся к корме, потом обернулся.

— Что ты будешь делать, капитан?

— Кто у нас телепат? Шевелись быстрее, по дороге угадаешь. Джимми скривился.

— Ну нет! Предсказатель у нас ты, а не я! — Он помолчал, потом добавил: — Отпусти ее, капитан, тебе же лучше будет. Когда женщина любит мужчину, и тот ставит ее превыше всего, он себя губит. Так было всегда, еще с тех времен, когда Ева дала схрупать яблоко Адаму, и он разделил ее участь.

Он ушел прежде, чем Чин нашелся, что ответить.

Капитан вздохнул. Он бы хотел быть провидцем, способным предугадать исход событий, но до этого ему было далеко. То, чем он владел, не было Талантом; это был просто навык замечать разные вещи, большие и маленькие, и складывать их вместе в связную картину. Именно поэтому он стал гроссмейстером игры в го еще прежде, чем ему исполнилось двенадцать. Ему рано сказали, что он вундеркинд и что его IQ вне всяких категорий, но он никогда не ощущал себя чем-то выдающимся, потому что не видел разницы между собой и окружающими. У него было куда больше общего со случайными людьми, чем с этими Талантами или какими-нибудь большеголовыми академиками. Впрочем, он всегда подозревал, что ум или глупость людей говорит просто о различной скорости обработки информации, а не о каких-то более существенных различиях. Он считал само собой разумеющейся свою способность к дедукции, для него это было нечто вполне естественное, очевидное. Его всегда удивляло, что другие так не могут, хотя при общении они часто выказывали гораздо больший ум. Он объяснял это тем, что с самого детства имел роскошь абсолютного уединения в мыслях и ощущениях.

Он взглянул на Кришу, одиноко сидящую в углу, затем на хронометр. Как же ему хотелось знать, что делать! Лучше он убьет ее, но не позволит превратить в животное! Но чем дольше он смотрел на нее, вдруг показавшуюся ему такой маленькой и жалкой, тем лучше понимал, что никогда не сможет так поступить.

«Должен же быть какой-то выход! Думай! Думай!» Он скользнул взглядом по хронометру. Две минуты, отсчет продолжается. Как мало времени осталось на раздумья!

Неважно, запрограммировал ее тот демон или нет, главное — что проклятие основано на ее худших кошмарах. Кинтара ни к чему строить круги ада, им довольно позволить тебе самому их соорудить, а потом воплотить их в действительность.

Маккрей потерял веру, но когда-то она была сильна в нем, и он был священником, давшим обет безбрачия. Он

оказался слишком человеком. Любовь к недостижимой женщине стоила ему профессии, порвала на куски не только его веру в Бога, но и веру в себя. А потом другая женщина, хотя и совершенно иного рода, поработила его. Потом она же и еще одна выпустили на свободу Кинтара. Тьме нетрудно было обратить его внутреннюю ненависть к самому себе в ненависть ко всем женщинам. Если бы его характер оказался достаточно жестоким, он мог бы превратиться в насильника, а может, и серийного убийцу женщин. Это был его личный скелет в шкафу, та часть его души, в которую он и сам не смел взглянуть. Он и теперь не смеет, и может трансформироваться так же легко, как и Криша — стать воплощением собственных кошмаров, а то и добавить что-нибудь от себя.

Джозеф всегда был заносчивым гипнотом, взращенным в жестоком обществе, где не ценится жизнь человека. Но он все же подчинялся законам цивилизации, которые ограничивали его порывы и позволяли ему хоть как-то различать, что правильно, а что нет. Независимо от того, что он сам думал по этому поводу. Тьма отбросила все его ограничения, переопределив «правильное» как все, чего ему хочется, а «неправильное» — как все, что может этому помешать. Таким образом, он стал мужским вариантом Калии, за одним исключением: Джозеф не станет добровольно подчиняться Кинтара — ни князю, ни кому-либо другому.

А Модра — независимая, гордая Модра, не раз видавшая, как ее решения оборачиваются трагедиями, и потому несущая огромный груз вины? Она позволила тьме соблазнить себя, сделать себя уступчивой, пассивной мазохисткой, послушной и покорной. Так, чтобы ей больше не приходилось думать и решать.

Как там говорил Маккрей? «Девяносто триллионов Фаустов». Девяносто триллионов разумных существ, и у каждого в душе есть темные уголки, затаенные комплексы, только и ждущие, как бы вырваться и сокрушить три могучие цивилизации. Готовые освободиться по воле Механика и его приспешников, ради их бесконечного развлечения.

«Победите, если окажетесь достойны». Вот что сказало чуждое, богоподобное существо четверым, достигшим той далекой станции. Что оно могло иметь в виду? Нравственность? Дух? Как можно с их помощью противостоять тьме, искажающей и соблазняющей даже лучших? Быть может, интеллект? Удастся ли им разгадать великую головоломку, пока еще не слишком поздно? Но почему им просто не дали ответа? Если эти, на Мостике Великого Корабля, — настолько уж высокоморальные и одухотворенные личности, что сражаются со всем этим злом, то почему им было не дать четверке точные указания, пока можно? Почему смертные вечно должны удостаиваться своих богов?

Может, для того, чтобы убедить богов в том, что смертные заслуживают их внимания, заслуживают этического отношения? Во многих верах, в том числе и в вере Маккрея, если он правильно его понял, зло было не столько оппонентом богов, сколько их инструментом для отсеивания худших и совершенствования лучших. Существует ли некая высшая награда, некое превосходное состояние, которого даже мы, микробы из выхлопа двигателя, можем достичь? Нечто, что вознаградит богов Корабля за их невероятные усилия, время и заботы?

«В этом ли дело? — спросил он себя. — *Мы должны продемонстрировать, стоим ли мы подобных усилий?»*

Минута!

Он вскочил и сбросил скафандр. Никаких преград. Затем подошел и сел перед ней на корточки. Она взглянула на него огромными карими глазами, в которых застыли покорность и отчаяние.

— Соберись! — закричал он. — Не позволяй им так с тобой поступить!

Она никак не отреагировала. Тогда он встал, схватил ее за руки и силком заставил встать. Они были почти одного роста; он заглянул прямо ей в глаза.

Тридцать секунд.

— Ты не одна! — крикнул он ей, не уверенный, что она вообще его понимает.

Двадцать секунд.

— Я не позволю тебе остаться одной! Я не позволю, чтобы это с тобой случилось!

Десять секунд.

От безысходности и отчаяния он притянул ее к себе. Она прижалась к нему, он к ней, и вдруг, повинуясь внезапному порыву, запреты, действовавшие всю его жизнь, все внушения куда-то пропали. Он крепко сжимал ее, как будто пытаясь затянуть ее тело в свое, а она так вцепилась в него руками, что ее ногти вонзились ему в спину. Он целовал ее, обнимал, и страсть смешалась в нем с состраданием, когда она ответила.

Пять... четыре... три... два... один...

Они даже не заметили легкого головокружения при выходе в обычное пространство, но когда это произошло, из нее вырвалось нечто, излучающее темную энергию, потянулось к нему и окутало их обоих. Оно выглядело почти как живое существо, с извивающимися щупальцами черного пламени и тремя крохотными алыми глазками. Все экстрасенсы на корабле слышали ужасные ментальные вопли полных злобы тварей, подобных которым не могли и представить...

И вдруг наступила тишина, в которой слышались лишь обычные звуки корабля, шум и вибрация двигателей, переходящих в режим нормального полета.

Первой разжала объятия Криша. Расслабившись, она слегка отстранилась от его губ. Он отпустил ее, почувствовав, что ей нужен перерыв, и она, отступив на полшага, чуть не упала. Он тут же придвинулся, чтобы поддержать ее, но она отмахнулась и осталась стоять, тяжело дыша.

— Криша?..

— Я... я в порядке, капитан, — ответила она, кашляя, на классическом диалекте Мицлаплана, с которым у нее обычно были трудности. Она отошла к стулу и упала на него, а он, не смея верить, просто смотрел на нее, с восторгом и воодушевлением.

— А что тьма?

— Та, что внутри меня, вернулась на свое место, — ответила она, не сдерживая слез. — Та, что была добавлена, исчезла. Умерла, наверно, если такие вообще могут умереть. Впрочем, остальные находятся в том же положении, что и я. От них самих зависит, смогут ли они справиться и загнать это обратно. Что ж, по крайней мере, у нас опять есть выбор.

— Ты знаешь про остальных?

Она кивнула.

— Мой дар вернулся. Я не в контакте с ними, но могу читать их поверхностные мысли и ощущаю отсутствие той кошмарной тьмы.

— Тогда... что не так? — Его встревожил ее странный тон и очевидная горечь, хотя трудно было бы придумать лучшие новости.

— Я... я навсегда запомню этот миг, капитан, когда твоя любовь спасла меня. Это лучший миг в моей жизни, так и знай. Но теперь я понимаю: то несчастное, жалкое животное, в которое я превращалась — это и есть я, капитан. Я — не какая-то греза о том, кем я могла бы стать в ином обществе, иной нации, ином времени. Настоящая я — вот **это**, без всяких прикрас.

Он озадаченно нахмурился.

— О чем ты?

— Мои фантазии не имеют ничего общего с действительностью, капитан, как и должно быть. По интеллекту, по внешности, даже по социальному положению я на самом деле ничем не отличаюсь от, скажем, Модры из Биржи или несчастной Калии с Миколя. В известном смысле, обе они — альтернативные варианты меня, какими бы различными мы ни выглядели. Несмотря на мои детские грезы о другой жизни, по большому счету, их жизни — альтернативы моей. Родись я в их обществе, а не в своем, я была бы копией той или другой. Тот еще выбор. Эгоцентричная, одержимая работой женщина, слишком занятая, чтобы обращать внимание на чувства других, и в результате причиняющая немало боли. А в конце — ничего, пустота. Или невежественная, унижаемая девчон-

ка, ненавидящая собственную красоту и самое себя — вместо общества, которое сделало ее такой. Ненавидящая саму жизнь. Или мицлапланская жрица, помогающая поддерживать мир и достаток. Служительница людей, причиняющая им проблемы, а не решающая их.

— Ты не такая, как те, другие, — нежно сказал он.

— Нет, капитан. Я такая же, как Маккрей. Моя личность, вся без остатка, была сосредоточена в одном. Убери это, и ничего не останется. Когда Маккрей потерял веру, он стал ничем. В поисках чего-то иного он получил себе другого командующего, на спине. Он потерял ее во время спуска в Город, зато временно обрел веру и был прекрасным человеком. Но когда демон и вознесение на Корабль отняли ее вновь, осталась только злоба. Прости, я пытаюсь объяснить то, что, возможно, нельзя объяснить. Я знаю, чего ты хочешь, и часть меня тоже хочет этого. Но пройдет время, и это станет таким же пустым, как будущее Модры, и таким же эгоистическим. Я никогда не стану такой, как мы оба воображаем; иначе в конце концов оно поглотит меня изнутри так же верно, как та тьма. Если я не жрица, то я вообще ничто.

Он покачал головой, растерянный как никогда.

— Я пытаюсь понять, но это непросто. Не можешь же ты верить в нашу космологию после того, что теперь знаешь!

— Это нечто большее. Двадцать лет меня считали определенной личностью, и я сама себя воспринимала ею. Той самой, которую ты любишь, и желал спасти, и спас. И это единственный путь, которым я могу идти, быть полезной, быть человеком. Вне этой истины, вне своей сильно поколебленной веры я слишком равнодушна, угрюма и одинока, независимо от того, с кем я и чем занимаюсь. Речь не о внушении, не о гипнозе, дело во мне. Мне даже интересно узнать насчет той священницы, или как ее назвать, что сломила Маккрея. Мне интересно, действительно ли ее понадобилось обрабатывать и промывать ей мозги, или же она, как и я, сама пришла к этому, став такой же непостижимой для него, как я для тебя. Мне больно — так и должно быть, — но теперь, когда эта тварь покинула меня, я знаю, что могу быть кем угодно, но никогда не стану другой. Ты никогда не верил в нашу космологию по-настоящему, с самого начала. Я-то знаю. Думаю, мы все знали. Но ты верил в нее больше, чем в ее альтернативы.

Он вздохнул и выдавил горькую улыбку.

— Я думаю, что понял в каком-то смысле.

Так и было, хотя его сердце разрывалось. Он подошел к ней, взял ее руку и поцеловал.

— Как ты и сказала, я тоже мицлапланец.

Он видел, что она плачет, и изо всех сил старался не заплакать сам. Из всех потерь грандиозного путешествия с этой примириться было труднее всего.

Что еще хуже, он уже прикинул, что это — наилучший выход, потому что так у него оставалась надежда хоть на какое-то будущее.

Внезапно в динамиках интеркома раздался голос Джозефа.

— Какого черта! — прорычал он. — На мониторах пусто! Вообще ничего! Приборы сдохли, мы летим вслепую!

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

Сокрытая, истинная сущность Тобруш внезапно изчезла из контакта, хотя Джозеф все еще мог наблюдать за физическими действиями Миколь, казавшимися вполне обычными. Тем более непонятен был внезапный отказ всех бортовых систем.

Тобруш связалась с ними по интеркому, чтобы успокоить.

— Мы под контролем моей расы, — сообщила она. — В этом месте не позволяются никакие исследования и записи.

Корабль слегка вздрогнул.

— За мной пришли, — сказала Тобруш. — Вы не сможете последовать за мной, однако здесь вы будете в безопасности и под охраной. Ждите моего возвращения.

— Мы всегда были одной командой! — возмутился Джозеф. — Почему это мы не можем сопровождать тебя?

— Могли бы, — ответила Миколь, — но в таком случае вернется лишь ваше тело. Оставляя вас здесь, я надеюсь сохранить вас такими, какие вы есть. Почему-то мне кажется, что это важно для успешного завершения нашей миссии. А теперь отойдите, я спускаюсь.

Джозеф перехватил Тобруш у шлюза.

— Сколько времени тебя не будет? — спросил он.

— Я не знаю. На борту достаточно припасов, и я прикажу, чтобы корабль осмотрели ремонтники, а также чтобы пополнили запасы воздуха. Я могу отсутствовать несколько часов, но могу и существенно дольше. Если меня не будет слишком долго, я пошлю весточку. Решение о том, что делать дальше, вскоре будет принято, и я буду следовать приказам. В то же время телепатически я буду наблюдать за вами здесь. Джозеф, пока меня не будет, никому на борту этого корабля не должно быть причинено никакого вреда. Ты, как командир корабля, остаешься главным — и ответственным. Ты сейчас на развилке, Джозеф; либо ты вновь будешь занимать высокое положение, обладая огромным потенциалом, как когда-то, либо же падешь, запутавшись в духовных исканиях, как Калия. Многое зависит от того, насколько мудро ты сейчас распорядишься собой.

Шлюз открылся, и тело джулки проползло в него, а затем в ожидающий снаружи корабль.

Ган Ро Чин уселся в штурманское кресло и взял перо. Приставив его к белой поверхности стола, он нарисовал небольшой чертеж, тут же отображенный столом в четкий черно-белый эскиз. Затем переместил перо на эскиз и нарисовал на нем странную фигуру. Ниже он нарисовал еще одну фигуру — такую же, но зеркально перевернутую.

— Я что-то забыл, — пробормотал Ган Ро Чин про себя. — Но что?

Затем справа от звезды он набросал еще несколько штрихов, пристально вглядываясь в них, в полной уверенности, что искомое прямо у него перед глазами, — но ему никак не удавалось сложить картинку.

Он услышал, как кто-то вошел в каюту и обернулся. Это была Модра.

У нее по-прежнему хватало царапин и ссадин, но отчего-то она выглядела более мягкой, чем при спуске в Город и в самом Городе. Как будто все острые углы, вся резкость, весь боевой пыл покинули ее.

Не сказав ни слова, она встала у него за спиной и стала смотреть на его рисунок.

— Я не помешаю? — наконец, спросила она тихим и сексуальным голосом, которым не пользовалась уже несколько дней. Как если бы она специально хотела притвориться если не Гристой, то по крайней мере Молли — той, какой она была вначале.

— Нет, нет, что ты, — ответил он. — Я, собственно, не знаю, что еще делать, кроме как сидеть и думать.

— Да уж. Джозеф вдруг заперся в кубрике — говорит, ему надо там кое-что уладить, не знаю что. И я немного боюсь за Джимми.

— Вообще-то я бы сказал, что Джимми гораздо более опасен для самого себя, чем для кого-то еще, — заметил он. — В глубине души он очень порядочный, высокоморальный человек, но с большим самомнением и недостаточной волей, чтобы самому решать свои проблемы. Ему нужна помощь, но эго мешает ему ее принять. Но вместе с тем эго — это все, что у него осталось.

Она вздохнула.

— Свое эго я выкинула на помойку несколько дней тому назад, и сплю лучше, чем когда-либо за последние **месяцы**.

— Криша тоже пыталась, и в результате чуть не уничтожила сама себя. Все люди разные.

— Да, я знаю насчет Криши, и по-моему, она чокнутая. Быть женой капитана грузовика, жить на борту корабля, бывать в самых разных местах, причем не в опасных для жизни, и при этом иметь столько покоя и тишины, сколько хочешь, — о чем еще мечтать? Если вздумаешь ее заменить, я всегда к твоим услугам.

Она начала массировать его шею и плечи.

— Ты замужем, — напомнил он. Но массаж был слишком приятным, чтобы просить ее остановиться.

— Это ненадолго, если мне удастся вернуться обратно. И если он еще не объявил меня мертвой, — сказала она. — Он очень милый, но мы поженились так быстро, даже не узнав друг друга как следует. И потом, я не говорила, что ты должен жениться на мне.

— В Мицлаплане так не принято. Все наше общество построено на единстве мыслей и поступков. Я начинаю думать, что это что-то вроде долгосрочной защиты. Церковь, собранная из несчетного числа религий других рас, вошедших в Мицлаплан, меняющаяся сообразно требованиям времени, но неизменно строгая, не позволяет существовать культам, связанным с Кинтара. По крайней мере, достаточно долго не позволяла. Я сомневаюсь, что тебе понравились бы такие законы. Кроме того, с твоими теперешними Талантами тебя тотчас поймают и рукоположат, и сделают из тебя еще одну Кришу. Покуда все Таланты входят в число Святых и поддерживают порядок, масштабные бунты и заговоры просто невозможны.

— Вот как? Ты был женат, капитан?

— Я? Нет. Чтобы решиться на брак, мне надо для начала хорошенько узнать свою спутницу. Но моя жизнь и профессия не очень подходит для долгих связей с обычными людьми. Я не то что против, просто одна моя страсть заслонила собой все остальные, так получилось.

— Ой, да ладно! Ты же не девственник, капитан! Ты настоящий джентльмен и можешь быть очаровательным, но прекрасно знаешь, что к чему. И ты потерял невинность не в своей Империи, о которой с таким воодушевлением рассказывал.

Он улыбнулся.

— Ты права. Я ее потерял, когда мне было двадцать два, на моем первом задании — я был помощником арбитра по тяжбе с Биржей. С миколианкой, кстати. Впрочем, я полагаю, что она была шпионкой. Во всяком случае, я на это надеюсь, потому что она очень старалась меня соблазнить.

Она не могла не рассмеяться.

— И вот так ты и пробавлялся? Когда тебя отправляли за границу?

— Да, чаще всего. В Мицлаплане есть кое-кто, с кем можно, если очень надо, или если ты в положении вроде моего. Чтобы не потерять рассудок, выплеснуть худшее — можно сказать, терапевтический секс. Они бесплодны, так что проблем не бывает, и по той или иной причине они не могут стать кем-то еще. Возможно, ты скажешь, что их работа в том, чтобы люди вроде меня оставались честными. Они обычно приятны в общении, и веришь или нет, работают на медслужбу.

Идея показалась ей забавной, хотя она заметила, что он стесняется рассказывать об этом.

— Должна признать, — сказала она, отсмеявшись, — что они все продумали. Вот доказательство, если оно тре-

буется, того, что сильная религия способна рационализировать что угодно. Без обид, капитан.

— Да какие обиды. Я считаю нашу систему практичной, учитывая сотни жизненных форм и тысячи миров, ее составляющих.

— Когда все закончится, капитан, тебе стоит побывать на Бирже. Такому, как ты, у нас открыты все пути.

— Это было бы заманчиво, если бы я желал быть кем-то другим, не тем, кто я сейчас, — вздохнул он. — Я бывал и на Бирже, и на Миколе. Обе эти империи — иерархические общества, пирамиды, и как во всех пирамидах, большинство людей там находятся в основании, а наверху очень мало драгоценного места. Вряд ли вас с Макреем можно назвать довольными, а ведь у вас есть десятки миллиардов других, живущих в полной нищете, ничем не лучше дролов, на которых держится Миколь. Их считают немногим лучше рабочей скотины и обращаются с ними соответственно.

— Дролов **разводят**, — заметила она. — На Бирже у тебя всегда есть надежда. Мой дядя смог выбраться наверх, и таким образом я унаследовала деньги на долю в корабле, капитаном которого был Трис.

— Это исключение, а они крайне редки, — подчеркнул он. — И чаще всего они связаны с удачей или с помощью сверху, а не с чем-либо другим. Кто-то обязательно должен время от времени подниматься из низов, иначе остальные потеряют надежду и взбунтуются против системы. Тем не менее, большинство ваших людей голодает и умирает молодыми в нищете, оттого ли, что так было изначально задумано, или оттого, что они просто никому не нужны.

На Мицлаплане ты такого не встретишь. У нас нет богатых, нет бедных, нет знати, нет голода, нет и отчаяния. Люди в целом довольны и имеют все необходимое. Иерархия церковников распределяет блага, не подверженная искусу и неспособная воспользоваться своим положением. Криша — отличный тому пример. В этом путешествии она имела возможность изучить альтернативы, и поняла, как и я когда-то, что наше общество лучше прочих отвечает тому, что она считает нравственным и правильным. И теперь, уже самостоятельно, а не по чужой указке отвергнув другие варианты, она нашла свое единственное место в нашем обществе. Мы не считаем, что этично просто принимать вещи, как они есть, мы должны **вносить свой вклад** там, где лучше всего могут проявиться наши способности. Она прирожденная жрица; это единственное, что она действительно может. Ей понадобилось сойти в ад и выйти обратно, чтобы это осознать.

— М-да. Довольно суровые у вас порядки.

— Мой вклад лежит в иной области, но его границы так же строго очерчены. Я люблю ее, а она — меня. Это не изменилось. За всю историю человечества наибольшее число

несчастий происходило оттого, что люди путали любовь и секс. Ты, кстати, не путаешь?

Она не обиделась.

— Я отказалась от любви. Я искала ее повсюду, но никогда не узнавала ее, когда она попадалась мне на глаза. Больше я искать не буду. Я найду местечко, где буду сравнительно счастлива и где у меня будет все, что мне надо, и останусь там, если получится. Ни за что бы не подумала, что доживу до сегодняшнего дня. И даже сейчас я не уверена, что меня не убьют.

— Возможно, в этом ты права, и возможно, то же можно сказать насчет всех нас, — признал он, возвращаясь к своим фигурам.

Она взглянула на них.

— Звезда, треугольник, треугольник углом вниз и пентаграмма. Что, делать нечего?

— Не совсем, — сказал он. — Тебе знакома символика?

Она кивнула.

— Пятилучевая звезда — это Миколь; треугольник углом вниз — если внутри него нарисовать кучу всякой ерунды, получится Великая Печать Биржи; а вот другой треугольник... это я не знаю, что такое.

— Если ты поместишь в центр сияющую звезду и проведешь от нее лучи так, чтобы три из них попали в три вершины, получится святой символ Церкви Мицлаплана, — объяснил он. — Когда Макрей столкнулся с демонами, он начертил в воздухе крест, святой символ своей церкви. А Криша нарисовала Святой Знак, треугольник углом вверх. Полагаю, символика пентаграммы очевидна.

Она кивнула.

— Кинтара. То есть это символы четырех Высших Рас, исключая декоративные узоры.

— Именно. Уже чуть ли не в миллионный раз я сижу и удивляюсь, как это я, человек своего века, находясь внутри межзвездного корабля, могу размышлять о бесах, демонах и оккультных символах. И тем не менее, я здесь, и они тоже неподалеку. В геометрии скрывается какой-то важный ключ. В конце концов, даже боги и демоны сводятся к математике. Проблема в том, что в этой математике очень много разных факторов и переменных, которые здесь не учтены и, вероятно, не могут быть нами восприняты. Сомневаюсь, чтобы кому-то из нас вообще удалось ее понять; я лично был бы вполне доволен, если бы мог ею пользоваться. И вот, выстроив перед собой эти символы, я все равно не вижу в них никакой логики.

Модра посмотрела на фигуры.

— Что ж, математика никогда не была моей сильной стороной, но я когда-то хотела стать художницей, и я хорошо

помню, как Джимми рисовал свои пентаграммы. — Она протянула руку, взяла рисунок пентаграммы и переместила его внутрь звезды.

У Ган Ро Чина отвисла челюсть.

— Слишком очевидно, — раздраженно пробормотал он, больше обращаясь к себе, чем к ней. — Кинтара — в сердце Миколя.

Она пожала плечами.

— Как знать. Но, если это так, то мы по уши в дерьме.

Она взяла один из треугольников и подложила его под другой так, что они пересеклись.

— Знакомая картинка? — самодовольно спросила она.

Он кивнул.

— Я уже думал об этом. Как там Маккрей это назвал? Печать Соломона? Но если это печать, как на храмовой двери, то вокруг должен быть круг, а не звезда.

Она взяла перо и перерисовала весь чертеж заново.

— Очень изящно, — одобрил он.

— Ага. Мне всегда хотелось научиться рисовать симпатичные штучки, и так я обнаружила в себе талант чертежника.

— Теперь видишь? — заметил он, показывая на диаграмму. — В печати нет ни пентаграммы, ни пятилучевой звезды.

— Ах, да. Я поняла, что ты хочешь сказать. Если взять Миколь и Кинтара, получится вот что.

Она нарисовала еще один чертеж рядом с печатью.

— Угу. В одной печати мы совместили Биржу и Мицлаплан, но не Кинтара и **не Миколь**, — сказал он. — В другой соединились Кинтара и Миколь, но без наших родных держав. Не вижу здесь никакого смысла, кроме того, что стороны равны. Или, может быть, урок в этом и состоит? Мы видим признаки изначального баланса: двое против двоих. Тогда смысл есть, только вот **толку** нет.

— Ты забыл про круг, — заметила она, нахмурившись.

— Что?

— Круг. Он был и вокруг печати. Кто же этот круг?

И тут он понял.

— Печать на двери! Замок! Разумеется! Голубой треугольник, золотой треугольник, красный круг! **Красный**!

Он указал на звезду с пентаграммой внутри.

— Не Миколь и Кинтара, а Миколь, **накрывающий** Кинтара! Пентаграмма, накрытая сплетенными треугольниками и кругом, целиком закрыта! Модра, я начинаю верить, что мы действительно одна команда!

— Я рада, что ты в восторге, — осторожно ответила она. — Но я все равно не поняла, что мы только что открыли, и есть ли нам от этого прок?

Он поперхнулся.

— Немного, на самом деле. Нам просто удалось собрать один уголок из многих кусочков очень большой мозаики. — Он немного подумал. — Два треугольника, соединенные вместе, образуют самый могущественный символ оккультной геометрии. Но сами по себе, по одному, они всего лишь треугольники. Это же... это же **послание!** Мицлаплан и Биржа разделены. Лишь объединившись, мы обретем мощь. Хм-м-м... Занятная идея. Не поэтому ли в той древней битве был так важен союз с Миколем, находящемся в центре, между ними? Без Ангелов Хранители могут лишь поддерживать порядок и, возможно, даже не имеют доступа к старинным архивам. Ангелы же имеют коды допуска, но не могут добраться до самих архивов. Таким образом, Миколь обеспечивает себе выживание даже без своего извечного заклятого друга, Кинтара. Они не могут объединиться, не поставив в известность Миколь и не добившись его разрешения. Боже мой! Не удивительно, что наше скромное появление на территории Биржи вызвало здесь мобилизацию!

— Что? Ты хочешь сказать, они решили, будто мы протащили сюда одного из ваших Ангелов, чтобы объединиться с Хранителями и получить их мощь?

— «Лишь Ангелы владеют ключами от Царствия Небесного». Это — начальные слова одной из молитв моей религии. Разумеется, их всегда толковали как метафору, но что если это надо понимать буквально? Знания — доступ в иной мир, к высоким технологиям, которые мы видели, даже просто их характеристики — заключены в одном из банков данных Биржи. Они были закрыты кодом после того, как Кинтара были заточены. Таким образом, Бирже не удалось бы применить эти знания против остальных, и Мицлаплану тоже. И никакому Миколю не удалось бы передумать и снова освободить Кинтара. Кроме того, Миколь, будучи расположен в центре, застрахован и от предательства с обеих сторон, так как ни Ангелы, ни Хранители не имеют мобильности, сравнимой с миколианской. Вот что легло в основу Великого Договора, и вот почему все стороны до сих пор сохранили значительные армии. Ангелы должны добраться до Хранителей, а Миколи должны обеспечить связь. Только так! Все трое обязаны объединиться. Они должны сделать то, чего не делали со времен падения Кинтара — всецело довериться друг другу и играть в одной команде. Вместе они сила, вполне достаточная для победы над Кинтара. Но я не знаю, хватит ли их соединенной мощи, чтобы справиться с Механиком. Трое полубогов уровня Кинтара не равны одному богу.

— Они уже победили его однажды. Наверняка в этих записях, если они действительно есть, как ты предполагаешь, что-нибудь написано о том, как им это удалось.

Он кивнул.

— А теперь представь, что нам предстоит. Учитывая теперешнюю обстановку, будут ли Миколи достаточно мудры, чтобы довериться и сделать, что должно? Если они промедлят, то все пропало. Кинтара потихоньку разложат Империи, и начнется война. А если даже и нет, сможем ли мы убедить Ангелов в нашей, согласись, довольно-таки фантастической гипотезе? А Хранителей? И наконец, удастся ли нам соединить их всех вместе? Мы можем проиграть бесчисленным количеством способов, а выиграть — только одним. — Он вздохнул. — Я очень, очень волнуюсь из-за всего этого.

Она подошла к нему ближе.

— Мы не Ангелы, капитан, не Миколи и не Хранители. Мы всего лишь люди, попавшие в центр бури. От нас сейчас ничего не зависит. Ты размышляешь о великом и космическом и анализируешь всех подряд, потому что не хочешь думать о себе самом.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Тебе не удастся скрывать это вечно, капитан. Ты желаешь быть совершенным и работаешь на это изо всех сил. Но в **твоем** сознании тоже есть темные места. Тебе надо расслабиться. Нельзя отказаться от своей человеческой натуры, она съест тебя изнутри. Даже вашей Церкви это известно. Давай, капитан, что скажешь? Как насчет небольшого символического варианта того, о чем мы говорили? Мицлаплан, объединяющийся с Биржей, ради скромного терапевтического эффекта.

— Я... я...

— Капитан, спустись с небес. Ты, я, все мы сделали то, что было в наших силах. Снаружи мы такие разные. Наши сознания устроены слегка по-другому, у нас различные ценности, этика... Но там, в глубине, мы одинаковы. Когда-то давным-давно наши предки родились на одной планете. Мы терране, и мы знаем, что есть вещи, которые не изменят ни политика, ни культура. Если хочешь, думай обо мне, как о **ней**. **Она** хочет этого.

В конце концов, он не видел причин отказываться. Что бы она ни думала, он-то никогда не путал любовь и секс, хотя ценил и то, и другое. И наконец, он был сейчас капитаном, бросившим якорь в иностранном порту, а она... ну, она была иностранкой, которая была не прочь...

* * *

Выйдя из задумчивости, Джозеф абсолютно не обрадовался, о чем не преминул сообщить капитану. Чин совершенно забыл про всеобщий контакт.

— А что такое, Джозеф? Тебе не понравилось? — беспечно спросил он.

Джозеф, озверев, бросился на Чина. Капитан уклонился от броска, и Джозеф рухнул на пол, что позабавило его еще меньше.

Начавшаяся драка заставила спешно прибежать Модру и Джимми, за ними последовали Криша и Гриста.

Первой вбежала Модра.

— А ну остановитесь! Немедленно! — рявкнула она. Часть ярости Джозефа передалась ей.

— «Немедленно, немедленно»! Посмотрите-ка, как она вдруг раскомандовалась, эта биржанская шлюшка!

Она пристально взглянула на него, в ее глазах блеснула сталь.

— Последи за своим грязным языком! Я знаю твои мысли, Джозеф! Я знаю, что ты за жестокая скотина! До сих пор я делала тебе скидку на воспитание, но этого не потерплю! Задолго до того, как ты стал крутым патрульным, я побывала на дюжине таких мрачных миров, что ты сможешь получить о них представление только из моего сознания! И однако я до сих пор жива! Интересно, как бы ты загипнотизировал те щупальца на болотном мире? Да ты не дожил бы до этой минуты, если бы столкнулся с ними! Я была командиром Первой Команды! Я нанимала и увольняла качков и одаренных типа тебя и сражалась с ними бок о бок, а ты использовал свой драгоценный Талант, только чтобы третировать беззащитных людей! Я не принадлежу **никому**, и меньше всего — таким, как ты, миколианец! Может, я периодически и сдаюсь напрокат, но беру за это хорошую плату! А теперь вставай и прекращай это дерьмо! Если уж нам надо работать в одной команде, то считай, что получил урок хороших манер!

Повисла пауза, даже в телепатическом пространстве. Впрочем, Ган Ро Чин не смог удержаться от улыбки. Казалось, ничто не могло вывести ее из равновесия, а ему это случайно удалось.

Наконец Джимми сказал:

— И ты позволишь ей вот так говорить с тобой?

На коротышке скрестились сердитые взгляды, поскольку его короткое замечание похоронило все шансы Джозефа достойно выйти из положения.

— Тогда начинай, миколианец, — холодно бросила Модра. — Можешь пользоваться чем хочешь. Ты и Джимми против нас четверых.

Маккрей, казалось, изумился.

— Эй! Погоди-ка! Это не **мой** бой!

— Теперь твой, — ядовито заметила Гриста. — Ты сам выбрал сторону, когда открыл свой широкий рот. Я так думаю, трое из нас давно мечтают вправить тебе мозги!

— Ну так что, Джозеф? — спросил Ган Ро Чин, считая инцидент весьма полезным. Разрядится уйма напряжения, в том числе и его собственного, а многие из людей снова начнут

мыслить, как команда. — Разумеется, она будет знать твои действия одновременно с тобой, а мои мысли никто не прочитает, в том числе ты.

К этому времени здоровяк успокоился.

— Дело того не стоит! — рявкнул он. — **Она** того не стоит!

Но про себя он думал о ней, да и о других, совершенно иначе, и Модра знала это. Это выглядело бредом, но **такая** Модра ему нравилась больше прежней.

— То есть?.. — начал Джимми, но Джозеф его перебил.

— А ты вообще помолчи, экстрасенс-недоросток, не то я тебе челюсть сломаю! — сердито огрызнулся он.

— Что за черт! То есть драться не будем? — разочарованно протянула Гриста. — А я-то так хотела воткнуть Джимми копыто в яйца! Когда-то я мечтала сделать это с кучей народа, да вот ног не было!

Джимми уставился на нее.

— Шутишь! Или нет?

Она пожала плечами.

— Я их пощадила. Да и у кого на них больше прав? И потом, я так поняла, у тебя и у него мозги вроде как вместе, так что он ощутит то же, что и ты, верно?

Джимми, обернувшись, заметил легкие улыбки на лицах окружающих. Он повернулся к Крише — она стояла, как всегда, бесстрастная и готовая к драке.

— И ты тоже? Ты, **жрица**!

— Не такая, как ты их себе представляешь, — ответила она. — Маккрей, здесь нет слабых девочек. Они не дожили. Модра, Джозеф и капитан, и даже Гриста, как и я — мы все примирились сами с собой. Мы победили наших личных демонов. Теперь твоя очередь. Хочешь быть евнухом — твое право. Но если ты не уладишь все прямо сейчас, а потом решишь прикоснуться к нам, к **любой** из нас, то... что ж, тогда Биржу будут представлять двое.

Потрясенный, чуть ли не больной от этого внезапного нападения, Джимми поспешно выбежал в кормовой отсек и закрыл за собой шлюз.

На несколько секунд воцарилась тишина, затем Гриста воскликнула:

— Стоп! Там же всякая медицинская дрянь! Вы не думаете, что он способен? Или как раз думаете? Может, мне стоит...

— Нет! — резко возразила Модра. — Я не знаю, собирается ли он это сделать, потому что он и сам не знает. Но он должен все уладить, и как можно скорее; мы не должны ему мешать. Такой как есть он бесполезен и для нас, и для себя. Либо он найдет какой-то выход и сможет взять себя в руки, либо нет. Если нет, то он такой же труп, как те, что остались за нами. Если сейчас он не возьмет себя в руки, то станет слабым звеном в цепочке и погубит всех нас.

Криша вздохнула.

— Да, ты права, конечно. Но мне в свое время было не легче, чем ему сейчас, и я бы не справилась без поддержки.

— Он сам исключил такую возможность, — мягко сказал Ган Ро Чин. — Ему помогали чуть ли не каждый раз, когда у него был кризис. Сначала его Бог, затем церковь, потом его первая любовь, потом команда и Гриста.

— Он никогда не принимал помощи, — заметила Гриста. — Я была против, когда он спас Молли, хотя теперь я скорее рада, что он меня не послушал.

Запершись в кормовом отсеке, Джимми Маккрей размышлял, насколько все было бы проще, если бы он мог остаться один. Этот контакт, это отсутствие уединения более чем что-либо мешал ему как следует заглянуть в себя. Впрочем, вряд ли это смогло бы помочь.

Почему ты стал священником? Ну, потому что по меньшей мере один мальчик и одна девочка из каждой семьи обязаны были уйти от мира. И еще потому, что он был сорванец, а двое его братьев — примерными мальчиками. Семья нуждалась в них, и жребий пал на него. Давление стало совершенно неимоверным, когда Скан, еще учась в школе, неплохо развернулся со своим ремонтным бизнесом, а Морин приняла постриг. На него давили все — церковь, семья, даже местные власти, и это было невыносимо. И потом, куда еще можно определить паренька, крадущего у соседей, чтобы потом перепродать добычу мальцам из приюта?

Сам факт того, что он вырвался из этой атмосферы в спокойный, закрытый мир семинарии, сотворил с ним чудо, и он ощутил в душе гармонию. А когда он узнал про демонологию, он просто загорелся. Биться с демонами! Да! Вот это — работа для настоящего мужчины! На его рукоположение пришла вся семья — да что там, весь город! — и все были так горды за него. А его благочестивая мать, царствие ей небесное, плакала в голос от счастья, потому что ее сын стал священником, а не бандитом.

В общем, выбора у него было не больше, чем у Криши.

И какое-то время ему действительно нравилось. Все звали его «отец Джим», просили благословить и так далее. Ах, эти простые, бесхитростные люди из его первого крошечного прихода, какие потрясающие, невероятно грязные грешки они ему исповедовали!

Но единственными демонами, с которыми он столкнулся в этой жизни, были его собственные. Гордыня, конечно же, и еще алчность. Он желал всех этих безделиц, которые можно было купить за деньги, а он не мог. Он страдал от отчаянных приступов скуки, леча их не постом и молитвой, а бутылкой. Когда его стар-

ший брат к тому же унаследовал половину винокурни, стало еще хуже.

А с похотью он вообще не мог справиться. Хуже всего, что женщины доверяли ему так, как никакому другому мужчине. Проклятье, священнику ведь можно рассказать самые интимные тайны, получить совет и остаться отличными друзьями! Священники же вроде как и не мужчины!

Вот только что он оставался мужчиной. Женщины сближались с ним, становились его друзьями, радовались его обществу, а потом, ни с того ни с сего, ему приходилось венчать их с деревенскими придурками, крестить их детей — и эти дети никоим образом не могли быть **его** детьми.

Он молился. Господи! Как же он молился! Но ответа не было. Никогда. Бог никогда не отвечал. Семинарские объяснения, почему с хорошими людьми происходят несчастья и почему на молитвы, как правило, нет ответа, оставались для него пустым звуком, когда он повторял их про себя.

«Ты не раз говорил со мной...»

Неужели тот Сущий, Старший Помощник на величественном небесном Корабле говорил серьезно? Или Он просто кинул ему кость, потому что нуждался в нем?

И была ли разница? Что значило это для его веры, даже если он предал ее? Конечно, он не был ангелом во плоти. Но оставался ли он тем не менее чадом Капитана? Действительно ли Механик в древности извратил план Капитана по обустройству естественного, идиллического общества, внеся в эксперимент случайный фактор — зло?

Ему вдруг вспомнился старый умирающий отец Макманус и то, что он сказал. Он тогда не обратил внимания на боль старика. Что же сказал старина Макманус? «Господь знает, что мы слишком испорчены, чтобы стать подобными Ему, сынок. Уж про меня-то Он наверняка знает это. Забудь про геенну и серу. Это — за какие-то другие грехи. Не святости Он взыскует, парень. Это Он уже пробовал. Все, чего Он и вправду хочет — это чтобы мы доверяли Ему».

Доверие... вера... Вот в чем проблема! Встреча с Кораблем не только не разрушила его веру, но наоборот, укрепила в ней. Сущий обратился к нему, лично... В тот момент ему приоткрылось то, что обычно сокрыто, а Он дал понять, что хотя в частностях, быть может, Джим и ошибался, но в главном все время был прав.

Он прятался сам от себя, дойдя до отрицания, вместо того, чтобы принять эту замечательную весть.

Потому что он был священник, и его обеты были не менее святы, чем молитвы. Неважно, что другие клирики не давали этих обетов — он их дал, безоговорочно и не для бумажки. Он

обещал Богу. И поэтому Суд для него начался раньше смерти. Доверять Богу означало поступить так же, как Криша: принять себя таким, каким он стал и каким будет. Принять, что все это имеет некую цель, и что он, как и остальные, — лишь часть грандиозного плана по противостоянию злу. Теперь все, с самого начала, казалось ему до невозможности ясным. Бурная юность закалила его, затем ему встретился старик, эксперт по древнему злу, — для того, чтобы когда-нибудь он остался единственным хранителем этих знаний и смог использовать их, чтобы спасти других. Даже падение привело его как раз туда, куда надо, а Гриста, как раз в нужный момент, удержала от примитивных порывов. Сейчас его знания доступны всем, любой может черпать из них, как будто его мозг — обширная библиотека невероятно расплывчатых, но очень нужных данных. И наконец, когда он добился своего, сорвал куш и мог бы насладиться всей роскошью, доступной богачам, он отправился не в банк, а прямиком в преисподнюю.

Он слишком недооценивал себя. Он никогда не верил, что может оказаться настолько важным.

Но вместе с тем он оставался мужчиной, и его обуревала похоть. И если допустить, что намерение на самом деле равняется поступку, то он уже неоднократно нарушил свои клятвы, особенно когда это делала Модра. Каждый раз, когда это происходило, он расслаблялся: иного пути погасить огонь не было, а давление он испытывал колоссальное.

Он подумал о Марциане, одном из первых епископов Церкви, благодаря неустанному труду которого послания Павла были включены в канон. Тот тоже сгорал от похоти, желания уже почти поглотили его, но он знал, что его святая миссия служения Господу, важнейшая для строительства истинной Церкви, не сможет завершиться, пока он в таком состоянии. Его решение, позволившее ему закончить свою великую работу, не было необычным для тех времен.

Но почему он вдруг вспомнил о Марциане, о котором не думал со времен семинарии? Нет, неверно. Еще однажды он думал об этом. Давно, когда слишком часто смотрел в большие, зеленые глаза и видел на светлом лице ту же запретную страсть. Тогда он отмахнулся от этой мысли, и что из этого вышло?

Его глаза метнулись к шкафу с медицинскими принадлежностями, и вдруг он понял. Не тьма заставила его взять этот нож; она лишь освободила, раскрепостила то, что пряталось в его душе. Пороки, причинившие так много несчастий и ему, и остальным. Как только крышка слетела, на свободу вырвались страсти, слишком сильные, чтобы им противостоять, желания, которые он поклялся никогда не осуществлять. Никто не освобождал его от обетов. Он забросил свою работу, но он ушел священником и оставался им до сих пор.

Сдаться, как того хотела бы его страсть, означало бы плюнуть на все то, чем он был и все, что он любил. Смертный грех, непрощаемый, несмываемый. Его душа достанется Кинтара, Механику... **сатане**. Доброе начало — священник внутри него — одно хранило в себе все важные и ценные для него вещи, и именно оно победило злое. Гриста помешала ему спасти себя, а потом этот контакт выстроил стену, так что его душа могла выразить свою страсть лишь ненавистью и жестокостью. Добрая его сторона удержала его от полного распада, но виня их, а не себя, он заставил их расплачиваться за собственную слабость.

Одержание тьмой стало последней соломинкой, дырочкой в плотине, сдерживавшей его темную сторону. Самоубийство исключалось; это был единственный грех, гарантированно отправлявший к ним в лапы навечно. Но теперь не было и способа остановить страсти, они слишком долго ждали своего часа. Он мог стать разве что вавилонским извращением, антихристом типа Нимрода, заодно с Иштар-Калией — в свою очередь, пародией на Святую Деву. Или раз и навсегда исключить возможность падения. Третьего варианта просто не было.

— *Джимми, остановись!* — крикнула Модра. — *Я больше не буду! Я уже приняла решение. И думаю, силой Джозеф немногого от меня добьется. Даже Гриста прекратит свои приставания, так что возможности у тебя больше не будет.*

— *Может быть, не сейчас, но мысли останутся — у тебя, у меня, у него. Не можешь же ты вечно блюсти мои обеты! Если это должно быть сделано, лучше решить все сейчас, чем цепляться до последнего.*

— *Подумай о Гристе!*

— *Уже думал. И что делать? Продолжать бороться с тем, что я хочу ее, при помощи жестокости и смешных придирок? Расстраивать ее еще больше? Лучше отпустить ее.*

И тут вмешался еще один, невероятно мощный телепатический голос.

— *Маккрей, я не понимаю ни тебя, ни остальных,* — сказала Тобруш. — *Однако, прежде чем позволить себе какие-либо действия, я обязана провести всесторонний анализ. И в любом случае, если даже ты принял такое решение, оперировать тебя должен кто-то, обладающий достаточной квалификацией.*

Неимоверная сила внезапно ворвалась в его сознание, голова закружилась, мысли спутались. Бороться с этим было невозможно. Секунда — и он потерял сознание, забывшись сном без сновидений.

Не прошло и нескольких минут, как они ощутили сотрясение корабля и услышали шипящий звук восстанавливающегося давления в переходном шлюзе между фрегатом и прибывшим судном. Шлюз открылся, и крупная фигура Тобруш вползла обратно на борт, теперь уже в уставном миколианском скафандре для джулки.

Модру и Джозефа также ошеломил ментальный удар Миколь, направленный на Джимми, но теперь они почти пришли в себя. И тем не менее, они смотрели на вернувшуюся джулки потрясенно.

— Ты не такая, как была, — наконец сказал Джозеф. — Ты изменилась.

— Да, — ответила Тобруш через транслятор, чтобы все поняли. — Подойдите ближе, все вы. Садитесь вокруг, и я покажу вам кое-что, чего еще не видел никто из вашей расы — да, впрочем, и ни из какой другой.

Им стало любопытно, и их беспокойство ушло, хотя они и понимали, что это ненадолго.

Главный экран, до этого пустой, вдруг засветился. На нем возникло изображение какого-то мира, гигантской газовой планеты с дюжиной огромных колец. Она ничем не отличалась от других ей подобных, но почему-то производила неизгладимое впечатление.

— Эта планета — сердце Миколя, — сказала Тобруш. — Она выглядит довольно обычной, но это не так. Это инкубатор, лаборатория, библиотека. Обширные колонии моей расы обитают здесь, соединяясь, разъединяясь, меняя форму. Здесь мы способны существовать вне тела носителя, извлекая все необходимое из верхних слоев планеты, благодаря природным процессам, начавшимся миллионы лет тому назад. Мы — общинная раса, но, объединяясь, мы образуем отдельные, независимые сознания. Рано или поздно мы должны или дуплицировать себя и отослать сюда копию, или прибыть лично, как я. Я высадилась на небольшой луне в одном из колец, ибо эта телесная форма не выдержала бы, если бы я спустилась в ней ниже. Все, чем я была, все, что я знала или узнала, было отослано вниз. Колония получила полную копию моей истинной сущности. Затем я ожидала, пока эту запись разъединят на составные части, вновь скомбинируют, проанализируют способами, которых вам не понять. В конце концов из-за нее было созвано великое Собрание, первое за тысячи лет. Величайший единый разум моей расы, собрав вместе все свое могущество и все знания, смог распознать и использовать то, что я сообщила. Наконец, для меня был сформирован информационный пакет, он поднялся ко мне и объединился со мной. Тобруш, которую вы знали, все еще во мне, но теперь я — нечто значительно большее, чем просто Тобруш.

Они смотрели на экран, пытаясь представить себе подобную цивилизацию. Кинтара по сравнению с ней казались им бедными родственниками.

— У нас был большой соблазн овладеть вами, или большинством из вас, — продолжала Миколь. — Я была бы в состоянии это сделать, как и раньше, тем более что нам очень

нужны рабочие руки. К счастью для вас, наши исследования показали, что ваш союз не случаен. Статистическая вероятность случайного возникновения подобного союза ничтожно мала, если учесть все факты. В этом Маккрей был прав. В настоящий момент многие из моей расы, те, кто живет в телах, спешат сюда, чтобы помочь.

Это принесло им определенное облегчение. У всех не раз возникала мысль о том, что Миколи могут овладеть ими, однако каждый гнал ее от себя, не желая даже думать на эту тему.

— Вы пришли к какому-либо решению? — спросил Ган Ро Чин.

— Нет, но ваш анализ был весьма точен, капитан. Все наши данные ведут к тем же самым заключениям, что сделали вы.

Капитан сначала растерялся, но потом вспомнил, что когда он строил догадки, Модра была рядом — собственно, именно она и навела его на мысль.

— То есть ваша раса — цель номер один, — заметил он. — Месть прежде всего.

— Мы так считаем. Древние записи не настолько ясны, как им следовало бы, или вернее, не настолько, как мы полагали. Очевидно, многие важные Миколи погибли прежде, чем смогли оставить свою копию. Или же некая высшая сила уничтожила ключевые сведения. Похоже, что князья демонов и их бесчисленные слуги изначально были сделаны из материала подпространства в качестве транспорта для существ Высшей Вселенной, чтобы действовать в нашей, подобно тому, как мы, Миколь, используем для передвижения тела других. Они были... учеными, вероятно, так точнее всего сказать. Я сомневаюсь, что мы способны понять, **что** они такое. Когда им было приказано прекратить эксперимент и установить как естественный тот порядок, который сложился к тому моменту, небольшая их часть восстала, а возглавил ее Механик. Они проиграли главное сражение и отступили — вниз, как я полагаю, на корму, к двигателям. Капитан приказал остальным уничтожить их одного за другим, если будет необходимо. Война, должно быть, была длительной, тяжелой, масштабной и велась во всех измерениях. Религии многих рас выросли от примитивных культов солнца в весьма изящные структуры благодаря отголоскам той войны.

— Ангелы и демоны, — сказала Криша.

— Именно.

— Но никто не победил, — подсказала Модра.

— Напротив. Нас предупредили, что не существует такого понятия, как полная победа над этим врагом. Мы не верим, что их возможно убить, в любом смысле этого слова. В лучшем случае они теряют свое тело, проводник в эту Вселенную и эту структуру измерений, и возвращаются в междумирье. Увы, там

они могут воспользоваться имеющимися материалами и создать себе новую форму, чтобы появиться вновь.

— Так вот почему их поместили в стазис! — воскликнула Криша. — Если они будут заточены в своих телах **здесь**, в **нашей** Вселенной, то не смогут сбежать в иной мир и вновь появиться в любом месте, где начерчена пентаграмма!

— Да, это очевидно, — ответила Тобруш. — Однако, как мы видели на примере Механика, в соответствующих условиях, с подходящей физикой и межпространственной геометрией, некая часть их самих и их влияния способна проникать в наш мир, даже не обладая материальной формой. Именно это произошло в пирамиде. Как только Четверо Князей, владык Города, освободились, они узнали условия и как именно они могут это сделать. Боюсь, это не так-то и сложно. Безумные экспериментаторы, дьяволопоклонники, даже неверующие, имитирующие древний ритуал, создали для них маленькие щелочки, из которых в течение столетий без конца появлялись так называемые «естественные феномены». Но Механик настолько огромен, по сравнению со всей нашей **Вселенной**, что даже часть его может пройти только через главный шлюз.

— Тот водоворот под Городом, — сказала Криша. — Я совершенно точно чувствовала в нем нечто ужасное.

Джозеф взглянул на существо, которое когда-то называл товарищем и другом.

— Так, хорошо, — сказал он, — но что такое вы, Миколи? И те двое других?

— Следовало оставить здесь гарнизон. Даже не имея возможности войти, Механик владеет слишком большими ресурсами и способностями. Любое заточение Кинтара потенциально таило в себе угрозу; всегда оставалась вероятность того, что случилось сейчас. Верных слуг нельзя было оставить здесь, предоставив самим себе. Искушение сделаться богами, особенно за длительное время, было бы слишком велико, и раньше или позже кто-нибудь из них поддался бы, и даже освободил бы Кинтара или Механика.

Криша застыла в благоговении.

— И они сделали свои расы смертными? Вы — потомки ангелов?!

Транслятор Тобруш выдал лучшую имитацию терранского вздоха, на которую оказался способен.

— Увы, нет. Хотела бы я, чтобы было так! В то время в этом секторе галактики три расы достигли сравнительно высокого уровня развития и стремились к звездам. По крайней мере, здесь — три. Вероятно, где-то еще есть бесчисленное множество других, которых мы еще не встречали. Поле битвы и сама битва были действительно масштабными. Эти расы могли быть результа-

том случайной эволюции, а могли и быть специально выведены — конечно, в процессе ранних экспериментов. Разумеется, мы стали и призом, и пешками в великой битве. Пока она продолжалась, мы помогали одной из сторон проводить эволюции, обычно имея дело с расами на рубеже перехода от зверей к разумным или от разума к цивилизации, как когда. Например, мы не создавали ваш родной мир, но значительно повлияли на образ его развития.

— Значит, мы действительно возлюбленные и долгожданные дети богов, — почти молитвенно произнесла Криша.

— Ты неправильно поняла, — ответила Тобруш. — В то время мы работали на Кинтара.

Все сглотнули, и даже Ган Ро Чин побледнел.

— Вы хотите сказать, что терране — порождения демонов?

— Боюсь, что да, в значительной степени. Однако вы сами стали чем-то вроде поля битвы, во многих случаях. Вы стали объектом великого эксперимента; насколько нам известно, вы — единственный случай, когда Экипаж попытался переделать выведенную Кинтара расу и обратить ее на свою сторону. Похоже, что терране стали у них навязчивой идеей. Большинство рас получили лишь второстепенное внимание; ваша же испытывала прямое вмешательство обеих сторон на протяжении всего эксперимента, до тех пор, пока Кинтара не были побеждены, а Механик не принужден скрыться в своем отсеке.

— Первородный грех, — хмыкнула Модра про себя.

— Что? — переспросил капитан.

— Первородный грех. Это концепция из религии Джимми. Я нашла это в его памяти. Все мы рождаемся греховными, и лишь вера в Бога может спасти нас, а не мы сами. Легенда гласит, что первые терране, Адам и Ева, нарушили запрет Бога, вкусив запретный плод, и поскольку они были нашими прародителями, нам передался этот грех. У моих предков была почти такая же история, хотя их религия совершенно другая. Теперь я понимаю, что дело не в плоде или их поступке — они **сами** были этим плодом!

— Инь и ян, — ответил капитан. — Конфликт вечных противоположностей. В данном случае — добра и зла во всем. Я нахожу, что это многое объясняет в истории Терры и ее культуры. Даже успокаивает, пожалуй. Единственное, что меня волнует, так это то, что нас создали эти твари.

— У вас не было выбора, — заметила Тобруш. — А вот мы работали на них добровольно. Это гораздо более постыдно. Я бы, пожалуй, предпочла свой прежний кошмар — до сих пор я считала, что мы болезнь, ниспосланная, чтобы уничтожить их.

— Но в конце концов вы предали их и перешли на другую сторону, чтобы биться с ними, — заметил капи-

тан. — И остались на этой стороне, хотя ваш темперамент и создает вам определенные неудобства.

— Ты говоришь правду. По характеру мы ближе к ним. В общем-то, скорее всего, это было чисто прагматическое решение, хотя, как я уже говорила, наши воспоминания обрывочны и неполны. У нас был выбор: либо навсегда остаться подчиненными у Кинтара, либо стать абсолютными властелинами в собственной империи и быть одной из трех равных.

— Я что-то слышала про нравственность, — промурлыкала Модра.

— Нравственность — это субъективное понятие, используемое победителями для разделения правильного и неправильного, — отозвалась Тобруш. — В этом масштабе оно неприменимо, на его основе не могут быть приняты решения. Эволюцию движут интересы выживания. Собрание взвесило все возможные варианты будущего и решило, что нашей расе в долгосрочном плане будет лучше на той стороне. Мы установили ловушку для ничего не подозревавших Кинтара — они чрезвычайно высокомерны — и заманили в нее Механика. Мы захлопнули ловушку вместе с двумя другими сторонами и закрыли за ним шлюз, так что Кинтара лишились своего главного источника могущества, до тех пор, пока Механик не придет в себя и не найдет другого выхода.

— И Кинтара сдались? — спросил капитан.

— Ни в коем случае. Лишившись Механика, они лишь спустились на наш уровень, а количество их — как, впрочем, и сейчас — было несметным. Война была кровопролитной и продолжалась веками. Сгинули целые цивилизации, часть миров была уничтожена, а другие скатились в варварство. Они не могли победить, сражаясь в одиночку против трех империй, но во многих культурах до сих пор сохранилось выражение «драться как демоны». Кажется так, или как-то похоже — согласитесь, это многое говорит об их свирепости. Их можно было убить, но после этого они всего лишь возвращались в иной мир, где могли восстановиться. Единственное, чего они боялись — это стазис. Можете себе представить, какую цену пришлось заплатить **нам**, если для них смерть не была опасной, и чтобы насовсем вывести из строя хотя бы одного, надо было захватить его в плен живым и невредимым. Оказалась задействована почти вся галактика; смотрите же, чего нам стоила победа — даже теперь мы владеем разве что третью того, что когда-то было нашим.

Криша вздохнула.

— И сейчас это грозит повториться.

— Возможно. Но сейчас они бросили все, что у них есть, против Трех Империй. Еще слишком рано, мы ослаблены и слишком многое забыли. Их стена искажения все ширится, их

войско все прибывает, собирается все больше темной не-материи. В прошлый раз мы знали, с кем и с чем воюем. Теперь же Кинтара стремятся ослабить нас изнутри, разделить, разорвать Договор. Натравить нас друг на друга, так чтобы мы не смогли и не захотели объединиться против них. Если им удастся окружить Три Империи, эта галактика утонет во мраке. Три Расы исчезнут как вид. Остальные станут игрушками в руках Кинтара, их рабами и пушечным мясом для новых завоеваний. Но еще более важно, что чем больше их приспешников захватит власть, тем больше будет область, куда сможет войти Механик. С нашей скромной точки зрения его мощь абсолютна и беспредельна. Говоря практически, он станет нашим единым, истинным и вездесущим богом.

— А мы уже имеем представление о том, какой это бог, верно? — в ужасе выдохнула Криша.

* * *

В то время как другие рассматривали проблему с нравственной и метафизической сторон, Джозефа больше интересовала военная.

— Вы говорите, что цель Кинтара — захватить как можно больше территории и людей, чтобы расчистить дорогу своему господину. В таких масштабах то, что мы ощутили у шлюза, — должно быть, какой-нибудь его волосок или клетка кожи. А это значит, что сражаться с Кинтара бессмысленно, пока мы не разберемся с их господином. Его нужно загнать назад сейчас, пока снаружи только какая-то крохотная часть. Если нам это удастся, потом мы сумеем разобраться и с оставшимися, как было в прошлый раз. Но если мы позволим слишком большой его части пролезть наружу, то все кончено.

Вокруг раздались возгласы одобрения, но Ган Ро Чин несколько притушил их энтузиазм:

— Допустим, мы сейчас в целом поняли предысторию и саму проблему; во всяком случае настолько, насколько мы вообще можем понять столь чуждых нам тварей, наделенных подобным могуществом. Отлично. Найти Механика, загнать его обратно и запечатать выход. Замечательно. А теперь скажи, Тобруш, что говорится в вашей органической базе данных насчет того, как именно это предполагается делать? Ты была рядом с этим существом, ощутила часть его мощи. Мы же не смели даже взглянуть на его волосок, на его клетку кожи!

Все смолкли. Наконец Тобруш произнесла:

— Сущность ловушки и то, как именно она была приведена в действие, не сохранилась в нашей расовой памяти. Лишь собрав вместе все Три Расы, мы можем надеяться узнать, как это было сделано. Откуда-то я точно знаю, что ответ будет

найден. Когда закончилась та битва, мы были очень осторожны. Все записи отлично сохранились. Доступ к станциям и ко всей сети был запечатан, чтобы никто даже случайно не смог обнаружить и освободить демонов. Механику понадобились века, чтобы сообразить, как передвинуть заготовку станции с одного из миров Кинтара в тот мир, где ее обнаружили, — в ближайший к нам мир, уже подготовленный под станцию, но не до конца подключенный к сети, когда началась война. Однако время имеет для него значение только в том случае, если его действия совершаются в нашей Вселенной.

— Допустим, — кивнул Чин. — Значит, мы должны ввести в игру две оставшиеся стороны. Если нам с Кришей удастся вернуться в Мицлаплан, то я уверен, что мы добьемся аудиенции. И если Хранители, чем бы они ни были, до сих пор еще существуют, и до них дошло наше сообщение, то представителям Биржи в нашем отряде остается только найти способ как-то связаться с ними.

— В наших записях значится лишь, что Хранители — силикоиды, — сказала Тобруш. — Кроме этого, нам о них известно не больше вашего, хотя мы уверены, что они до сих пор существуют и управляют своей Империей. Если они действительно силикоиды, среди них вполне могут оказаться те, кто участвовал еще в той войне.

— Нам будет сложно собрать вместе представителей всех Трех Рас, — заметил капитан. — Будет множество попыток остановить нас.

— Скорее всего. Мы предоставим вам средства общения с другими Империями помимо тех, которые предписывает Договор — он, без сомнений, станет одной из первых целей Кинтара. Вы должны заставить их поверить нам, поверить в срочность этого дела. Вы должны привезти их. Мы доставим вас обоих до границы.

— Мы с Джимми в контакте и... — начала Модра, но остановилась. — Ах да! Что насчет Джимми?

— Я не обладаю достаточной квалификацией, чтобы оценить его общее ментальное состояние, — произнесла Тобруш. — Однако он настолько выбит из себя, настолько разрывается между своими примитивными религиозными ограничениями и биологическими и физиологическими потребностями, что, по моему мнению, ему понадобится долговременная помощь специалистов, чтобы восстановить рассудок и ясность мысли. В данный момент мы просто не можем себе позволить такой роскоши.

— Эй! Минутку! — перебила Гриста. — У меня есть одна мысль по этому поводу. А ты не могла бы его просто загипнотизировать, или что-нибудь в этом роде? Заставить его не хотеть? А потом, когда все закончится, он сможет получить необходимую помощь.

— Не получится, — ответила Миколь. — То есть, конечно, какое-то время все будет хорошо, но вы же видели

стену, которую Кинтара собирают на границе. Одного случайного прикосновения к ней будет достаточно, чтобы все разрушить, и удастся ли мне удержать его под контролем издалека — неизвестно. Если он сдастся, энергия тьмы потянется к нему, как к магниту. Он станет, как и опасается, еще одной Калией. Он слишком хрупок; Кинтара сломают его за секунду, что бы я ни делала. Даже ты, Модра, будешь повержена и попадешь к ним в лапы, и тогда, возможно, нам не удастся наладить связь с Хранителями. Даже сейчас все мы под ударом. Через наш контакт они могут добраться даже до Джозефа и меня. А ты, Гриста, неподходящая альтернатива для общения с Хранителями, учитывая твое прошлое. Ты помогла открыть дорогу всему этому. Теперь эта ошибка делает тебя слабым звеном.

— Да ну? Ты, наверно, здорово уверена в Модре, которой придется лететь сквозь то же самое дерьмо.

— Ты не поняла, — ответила Тобруш. — У меня нет уверенности в способностях кого бы то ни было противостоять подобной силе. Если оставить Маккрея как есть, они оба обречены. Но если он справится с собой, возможно, ему хватит сил на двоих, чтобы прорваться сквозь стену.

Криша вздохнула:

— Наверно, я одна понимаю, через что он проходит. Но все же мне было легче. Он сейчас должен сам выбрать то, чему я принудительно подверглась перед рукоположением. Мне было гораздо легче принять решение. Кроме того, я сама не видела Корабль, а ваши воспоминания о нем для меня непонятны.

— Да, тебе, пожалуй, стоило там побывать, — согласилась Модра.

Ган Ро Чин вдруг почувствовал себя идиотом. Разумеется, Кришу не интересует секс! После рукоположения она, по сути, потеряла пол, как и все Святые. Возможно, она даже желала его — зная, что этого у нее не будет никогда. Но у нее такая прелестная, женственная фигура... В известном смысле это делало ее последний выбор более доступным пониманию, но, с другой стороны, и разрушало все его тщательно лелеемые фантазии.

— Джимми сейчас полагает, что смысл его жизни — исполнить некое особое предназначение, данное ему его Богом, — продолжала жрица. — Он не хочет этого делать, но считает, что должен. Он верит, что если сделает это, то справится и с заданием. Этой уверенности, этой веры действительно может оказаться достаточно. Его религия, как и моя, высоко ценит веру и придает особенное значение жертвенности. Это его жертва Богу. Наивысший акт веры.

— Святые небеса! Ушам своим не верю! — воскликнула Гриста.

— Думаешь, нам это нравится? — повернулась к ней Модра. — Пока ты сидела у него на спине, ты не позволяла

ему ничего такого, а теперь сама не сможешь от него это получить. Есть в этом некая высшая справедливость. Некоторые рождены стать трагическими героями, и я думаю, Джимми как раз один из них. Не волнуйся, у тебя-то все устроится. Как его законная жена, ты получишь половину того, что у него валяется на счете, а там немало — с тех пор как мы выполнили последнее задание. У тебя будут деньги, а его не будет трогать, с кем ты спишь.

Гриста поразмыслила.

— Да-а. Половина тех деньжищ... Я и не думала. И никаких проблем...

«Как всегда, думает только о себе, — подумала Модра. — *Идеальный инструмент для Механика».*

— Лучше всего начать прямо сейчас, — заметила Тобруш, — чтобы его тело успело восстановиться. Это непростая операция. Нужно учесть, что она может вызвать в его организме дисбаланс гормонов и химических веществ и много других непредсказуемых последствий.

— Вот как? — перебила Гриста, все еще не пришедшая в себя. — А кто будет оперировать? Ты, что ли?

— Да. В отличие от всех вас, меня эта процедура не шокирует, причем я в ней заинтересована. На корме этого корабля, в медицинской лаборатории, есть аналитические программы для мужчины-терранина, поскольку командиром корабля был Джозеф. Я начну, как только мы приблизимся к границе с Мицлапланом. Там мы отправим Кришу с Чином в последний этап путешествия. За то время, пока мы будем лететь обратно до Биржы, Маккрей успеет подлечиться и отдохнуть.

— А что будете делать вы двое, пока нас не будет? — спросила Модра, стараясь не думать о предмете разговора.

— Нам с Джозефом хватит дела. Во многих регионах Миколя дело идет к анархии или гражданской войне, а мы сейчас не можем себе позволить отводить войска с границы, учитывая возникшее напряжение между Империями. Нам кажется, что мы знаем, где находится центр этих волнений, и нам предстоит это проверить.

Джозеф кивнул.

— Похоже, что нам предстоит встреча со старым товарищем.

РАСЫ БЛАГОРОДНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

— А завеса здесь не такая плотная, как вдоль границы с Биржей, — заметил Ган Ро Чин, глядя на мониторы.

— Да, но плохо уже то, что она здесь вообще есть, — встревоженно отозвалась Криша. — Сможешь обогнуть ее?

Корабль — небольшой миколианский курьер, зарегистрированный на гражданское лицо, — ждал их у границы. Эти люди, пережившие худшее из всего, что произошло за последнее тысячелетие, расставались без слез. Бывшие враги, ставшие союзниками, они олицетворяли собой то, чего надеялись добиться в большем масштабе, но сейчас, пока что, они летели **домой**.

— Сделаю все возможное, — пообещал Чин. — Возможно, придется гнать на полной скорости, чтобы обогнать то, что станет преследовать нас; ну да ничего, успеем. Вот только, если мы появимся на такой скорости с этого направления и в **этом** корабле, станут ли нам задавать вопросы, или сразу разнесут на кусочки?

— Невеселое возвращение домой, — согласилась она. — Может, попробуем связаться с ними?

— Пока еще рано. Гиперпространственная связь идет через тот мир. Наверняка эти штуки ее почувствуют и потянутся к ней, как мотыльки на свет. Они, конечно, тупые, но все же в некотором смысле живые. Лучше не привлекать их внимания.

Он заметил в завесе брешь, повернул и включил двигатели на полную мощность. Сгустки черноты с обеих сторон, почуяв приближающийся корабль, или, что вероятнее, выброс его энергии, ринулись к нему, но Чин успел проскользнуть. Ему пришлось сманеврировать, уворачиваясь от третьего сгустка, до этого скрывавшегося за первыми двумя, но затем он вырвался на открытое пространство. Их не стали преследовать, и Чин настроился на военный канал связи Мицлаплана.

— Коммодор запаса Ган Ро Чин прибыл на борту корабля Империи Миколь, не вооружен, — доложил он. — На борту один пассажир, телепат Длани Криша Святая Мендоро. Требую немедленной встречи с крупным военным кораблем или Святой Дланью.

Ответа не было довольно долго. Наконец они услышали:

— **Кто** это?

Он повторил запрос, на этот раз медленнее.

— Если вы те, за кого себя выдаете, то почему вы на корабле дьяволопоклонников?

— Мы единственные, кто выжил из нашего отряда Святой Длани, — объяснил Чин. — Остальное мы можем доложить только высшему командованию.

В переговоры вклинился другой голос, говоривший, по-видимому, через транслятор:

— Это служба безопасности флота. Мы вышлем вам курс, направление и должную скорость полета. Точно следуйте им, иначе мы откроем по вам огонь. Летите указанным курсом до маяка и остановитесь там. Кто-нибудь подлетит к вам и заберет к себе на борт. Скафандры у вас есть?

— Так точно, только немного неуставные.

Капитан слегка улыбнулся, представив себе смущение тех, кто увидит их, выходящих из миколианского корабля в голубых скафандрах Биржи.

— Вот он! — воскликнула через некоторое время Криша. Она никак не могла поверить, что наконец добралась домой, в родной Мицлаплан. Чин испытывал похожие чувства. Никто из них не рассчитывал дожить до этого момента.

— Я на маяке, двигатели остановлены, — доложил он. — Нас можно забирать.

Конечно, на легкий исход надеяться не стоило. Даже в обычных условиях на них посмотрели бы с большим подозрением, а уж накануне войны... Он был поражен тем, насколько благожелательно их встретили.

Еще издалека их просканировали и исследовали всеми возможными способами. Наконец перед ними появился корабль со знакомыми обводами и, приблизившись, состыковался с их курьером. Они застегнули скафандры, разгерметизировали кабину и открыли шлюз. С высоты пяти метров на них смотрели две фигуры в золотых скафандрах. Один достал свернутый трос и кинул им конец. Криша поймала его и прикрепила к поручням шлюза, и затем, один за другим, они перебрались на борт мицлапланского корабля.

Двое мицлапланцев оказались месоками — крупной и свирепой расой, которой обычно поручались рискованные задания. При виде них путешественники тут же вспомнили бедного Морока, не дожившего до встречи с родственным народом.

— Пожалуй, вы самые странные из всех людей, что нам довелось повидать, — заметил один из них. — Мицлапланцы в скафандрах Биржи на миколианском корабле! Я отказался бы от своего отпуска в обмен на то, чтобы услышать вашу историю!

Другой, однако, был не так любезен.

— Как только мы восстановим давление, снимите с себя все и отойдите от скафандров, — приказал он. — И без шуток. Я гипнот, а он Нуль.

— Гипнот! Значит, вы рукоположены? — спросила Криша.

— Я — Кадок Святой Ламак, — ответил гипнот. — Я начальник службы безопасности этого сектора.

Вряд ли он был Верховным Жрецом или одним из глав Церкви, но тем не менее он стоял на одном уровне с ней, а значит, имел право ей приказывать.

Индикаторы загорелись, показывая нормальное давление.

— Туда. Разденьтесь догола, — приказал Кадок. — Затем бросьте скафандры сержанту.

Они повиновались. Нагота уже казалась им нормальной.

Скафандры упаковали, поместили в контейнер, запечатали и выбросили за борт. Они останутся вблизи миколианского курьера — прежде чем позволить им находиться рядом с ценными вещами, военные должны будут тщательно исследовать их.

— Сесть! — распорядился офицер безопасности. — Лицом ко мне!

Они подчинились. Ган Ро Чин взглянул в большие, яростные красные глаза месока и улыбнулся.

— Не тратьте на меня силы, Святой. Я тоже Нуль.

Криша попыталась прочесть хотя бы поверхностные мысли гипнота, чтобы понять, что их ожидает, но у того оказалась неплохая система медитативной блокировки. Должно быть, он высоко поднимется в Церкви. Больше он не пытался их загипнотизировать и даже ни разу с ними не заговорил.

Наконец они состыковались с крейсером, на котором их подвергли тщательному обеззараживанию. Потом Крише дали зеленую мантию обычной жрицы, а Ган Ро Чину — первую, казалось, за много лет пару брюк и рубашку. Особенно забавные ощущения испытывал он от туфель. Затем их развели по небольшим каютам, где они смогли немного отдохнуть, заперли и выставили охрану.

Ожидание затянулось, и капитан решил вздремнуть. Странно, но впервые за долгое время он заснул сном младенца. Чтобы разбудить, пришлось его потормошить.

Месок подождал, пока он умоется, а затем вывел из каюты и повел вдоль по коридору. Дойдя до другой каюты, побольше, солдат постучал и, дождавшись ответа, открыл перед ним дверь. Чин вошел.

Перед ним сидели три офицера — все терране, как ни странно. Один, почти черный, широколицый, со снежно-белыми волосами, носил рыже-золотую флотскую форму и погоны коммодора. Второй, помоложе, в медицинском халате, был одной национальности с Чином — скорее всего, китаец-хань. Третьей была невысокая, экзотически красивая женщина, больше похожая на девочку, одетая в зеленую мантию с золотым подбоем. Какое-то смешение азиатских кровей, и довольно удачное. Не в первый раз он задался вопросом, почему самые отборные красавицы всегда оказываются жрицами. И не простыми жрицами — эта женщина, должно быть, была гораздо старше, чем выглядела, поскольку ее мантия говорила о сане Верховной Жрицы. Его старый, теперь уже покойный друг Морок был равен ей по рангу, хотя и имел другой сан.

Без сомнения, она занимала высший пост из всех терран, которых он когда-либо видел вне их родного мира.

— Я коммодор Агагувак, — сказал смуглый военный. — Это доктор Чжу. Нас также почтила своим присутствием Минь Святейшая Кво.

Он поклонился каждому по очереди, но промолчал.

— Мы идентифицировали вашу личность, — продолжил коммодор, — и надо сказать, вы весьма необычный человек, особенно учитывая досье, предоставленное Святейшей Минь. Вы должны понимать, капитан, что пропали без вести на вражеской территории более девяти недель тому назад. Через семь недель после этого ваш корабль и экипаж были переданы нам Биржей, и нам было сообщено, что вы вместе с вашей Дланью исчезли на далеком пограничном мире вместе с людьми из Миколя и Биржи. Ваше неожиданное появление сейчас, не говоря уже о его характере, вызвало у нас изрядный переполох.

— Девять недель, — повторил Чин. — А кажется, жизнь прошла.

Коммодор откашлялся.

— Расскажите нам обо всем, что произошло. Расскажите, как сможете. Разумеется, наш разговор записывается.

— Конечно, — ответил он. — Я постараюсь.

И он рассказал им все, хотя это и заняло немало времени, не стесняясь даже, возможно, излишней обстоятельности. Он не обошел и кошмары Криши, поскольку ее память все равно должны были просканировать, так что он мог только подтвердить ее рассказ — в противном случае ее, возможно, посчитали бы просто сумасшедшей. Ее искренняя вера в то, что с ней произошло, не имело здесь никакого значения.

Когда он закончил, они устроили небольшой перерыв, и он выпил немного воды. После перерыва заговорила Святейшая Минь.

— Вы, разумеется, понимаете, что вы оба еретики, — сказала она.

— Святейшая, мои взгляды были всегда известны Инквизиции, и с тех пор они не изменились, — заметил он. — До сих пор это не мешало мне быть полноправным членом Длани. Что же до действительно еретических моментов в моем рассказе, то я, будучи Нулем, не мог быть им свидетелем. Равно как и Святая Мендоро, получившая травму в результате жестокой атаки весьма и весьма реальной злой силы, — смею заверить вас в этом. Мы лишь **докладываем** о таких моментах, в точности так, как нам о них сообщали, — хотя могу добавить, что, по моему мнению, и миколианцы, и биржанцы действительно видели то, о чем рассказывали. Полагаю, действия Маккрея служат тому подтверждением.

— Вы полагаете, что они действительно разговаривали с богами? — настойчиво спросила она.

— Я полагаю, что они сами считали именно так, — осторожно ответил он. — Не думаю, что их разумы — лю-

бого из них, даже Миколя, — могли по-настоящему видеть или воспринимать что-либо в том мире. Это как если бы слепой от рождения попытался воспринять нечто при помощи цветов, освещения и теней. Их разум дал форму вещам, в нашем понимании ее не имеющим, и придал голоса тем, кто не имеет в них надобности.

— А что вы думаете о заявлении Миколя, что мы якобы сотворены демонами, да еще с их помощью? — резко спросила она.

— Увидев собственными глазами, каким образом получилось, что мы стали подобными сосудами порока, и зная, что нам невозможно спастись самим, но лишь при помощи других — в особенности Церкви и ее Святых Ангелов, — я склонен считать это по меньшей мере правдоподобным, как бы неприятно мне это ни было.

— Вы опасный человек, капитан, — холодно ответила она. — Морок защищал вас во многих сражениях, но вы обманули его. Он думал, будто вы служите Святой Церкви, а вы оставили его демонам! Я нахожу весьма показательным, что чистейшие, лучшие представители вашей Длани погибли, и лишь вы и эта жрица, пребывающая на грани грехопадения, вернулись — целехоньки!

Его брови поползли вверх.

— Меня расспрашивают или судят? Если судят, то где следователь? Полагаю, у меня есть права, как у гражданина и военного офицера?

— Капитан... — вздохнул коммодор. — То, что произошло, произошло в мирное время, и вы в тот момент не были на службе. Вы являлись членом Длани Святой Инквизиции. Поэтому ваше дело находится в юрисдикции Церкви, а не светских или военных властей. Я здесь присутствую лишь как свидетель.

Он в изумлении взглянул на них.

— Но это беспрецедентно! Я не припомню ни одного случая, чтобы гражданина, даже состоявшего на службе Длани, привлекали к церковному суду. Неужели Мицлаплан так изменился за девять недель? Неужели изменен Завет Законодателя, выдержавший тысячи лет?

Ему никто не ответил, и он по очереди обвел их взглядом. *«Они чего-то боятся,* — внезапно понял он. — *Они в ужасе!»*

— Что-то случилось, верно? — наконец спросил он. — Что-то ужасное. Если уж ради меня пришлось изменить законы, то полагаю, что я имею право хотя бы знать, в чем дело?

— Капитан! — начал коммодор, но жрица перебила его.

— Довольно!

Военный наконец потерял самообладание, несмотря на присутствие вышестоящего лица.

— Святейшая, я не буду молчать! Этот человек прав! Если мы будем делать для него исключение, Закон падет, и мы станем не лучше прочих!

— Ваша дерзость может стоить вам больше, чем просто карьеры, коммодор, — предупредила она. — Вы очень близки к тому, чтобы сесть рядом с ним!

— Тогда так тому и быть! Я знаю, куда пойдет эта запись. И я доверяю тем, кто выше вас, судить мою душу. Если бы воинский устав мог изменять по своей прихоти любой офицер, ни один корабль не пролетал бы и дня, и флот перестал бы функционировать. Я не имею полномочий помешать вам забрать этого человека, но хотя я здесь скорее в качестве занавески, а не честного офицера и наблюдателя, я совершаю куда больший грех, позволяя вам такое! Я буду говорить!

Она была вне себя от гнева, но сумела сдержаться. Помолчав, она сказала:

— Очень хорошо, скажите свою замечательную речь. Можете говорить ему все, что хотите, это не имеет ровным счетом никакого значения.

Чин надеялся, что не ошибается в коммодоре. Запись разговора перед отправлением могли и исправить. Впрочем, на **его** корабле записи дублировались, и копии хранились не в одном месте.

Коммодор выглядел человеком, отлично знающим свое дело. Такими людьми не разбрасываются накануне войны.

— Вот до чего мы дошли, капитан, пока вас не было, — сказал офицер. — Еще десять дней назад подобной сцены никто и представить бы себе не мог. Великое равновесие разваливается у нас на глазах со скоростью, ужасающей всех, кто хоть немного верит в него. В одиннадцати епархиях жрецы захватили власть и временно отменили права граждан. Сформированные ими отряды Инквизиции открыли беспричинный террор. Не менее десяти процентов флотских взбунтовались и убили своих жрецов. Некоторые из них, перейдя границу, совершили самоубийственный налет на корабли и планеты Миколя, чуть не развязав войну. В ответ Инквизиция арестовала и подвергла грубому ментальному контролю многих высших офицеров — даже тех, чья лояльность не подвергалась сомнениям, — а также видных коммерсантов, дипломатов и ученых. Те, кто любит свою Церковь, начинают приходить в ужас от ее действий, а на каждый роток платок не накинешь...

Эти известия ужаснули Ган Ро Чина, хотя он сразу понял, в чем тут дело. *«Только не здесь!* — подумал он. — *Не на Мицлаплане!»*

— Космолетчики, — наконец сказал он.

— Что? О чем вы?

— Первыми были космолетчики. Пилоты, которые поневоле проходят прямо сквозь эту дрянь. Она проникает в человека, разъедает его, высвобождает в нем все худшее. Инквизиция тоже много летает. Я видел, что они могут сделать — даже с

рукоположенными. Сердцевина наша незыблема, так она устроена — но им и ни к чему разрушать сердцевину. Если мы перестанем верить друг другу, если будут потеряны открытость и уважение между жречеством и мирянами, вера перестанет быть нашим оплотом.

Он встал и взглянул в глаза маленькой жрицы.

— Вы заявили, что со мной будут обращаться как со жрецом, согласно церковному канону. Да будет так. По канону, Инквизиция не может вести расследование против собственных членов. Я требую немедленного слушания дела единственным, кто вправе судить Инквизитора, обвиняемого в ереси. Я требую суда Святого Ангела!

— Да как ты смеешь! Ни один **мирянин** не может быть удостоен Аудиенции! — кровь отхлынула от ее лица.

Но он не зря провел столько лет рядом с Маньей.

— Отчего же? Сейчас нет гражданского закона. Нет и закона военного. Если все, что осталось — это Священный Закон, я требую суда согласно ему! Меня можно обвинить в ереси, но если вы сейчас откажете мне, то, согласно Священному Закону, вы сами совершите еретический поступок, в присутствии свидетелей и с соответствующей записью в протоколе! Или, может быть, вы отвергаете и канон тоже? Если так, то это вы предались Аду, а не я, ибо если нет канона, то нет больше ничего!

Он обернулся к коммодору.

— Кстати, каким образом она добиралась сюда? Не через гиперпространство ли, сэр?

Коммодора тоже потрясли его слова.

— Настолько далеко я не могу заходить — но, по крайней мере, я могу исполнить ваше законное требование. Святейшая, мне очень жаль, но вы своим собственным решением отказались от ведения дела этого человека.

— И жрицы Мендоро тоже, — напомнил ему Чин.

— Да, да, вы правы. Святейшая? — Коммодор вновь откашлялся.

Ган Ро Чину еще не приходилось видеть, чтобы человек был настолько взбешен и растерян одновременно. Наконец она справилась с его логикой.

— Очень хорошо. Что скажете вы, доктор?

Доктор, дотоле бесстрастный ко всему происходящему, произнес:

— По моему мнению, Святейшая, разум этого человека — одновременно самый здравый и самый опасный из всех, что мне когда-либо встречались.

— Что ж, будь по-вашему, капитан. Я передам ваше прошение в канцелярию Святого Ангела этого сектора. Если будет на то воля Высокочтимого, вы получите аудиенцию. Что, разумеется, де факто означает рукоположение. Добровольное, заметьте. После чего вы, как Нуль, для прохождения обязательной хирурги-

ческой и психохимической обработки будете возвращены в первоначальную инстанцию — то есть в **мое** ведомство.

Его отвёли обратно в каюту. Но не прошло и получаса, как дверь открылась, и, к его радости, в нее вошел коммодор.

— Надеюсь, вы с визитом, а не насовсем, — сухо заметил Ган Ро Чин.

— Не беспокойтесь, капитан, — заверил его Агагувак. — Я как капитан этого корабля обладаю на нем высшей властью, и даже наши жрецы меня поддержали. Моя задача заключалась в том, чтобы выслушать ваше дело, и по окончании слушаний поступить согласно тому, что сочту правым. Многие из нас думают так же, как вы, капитан. Им не нравится то, что происходит, но они не знают, что делать. Все в ужасе, капитан. Мы без колебаний вступим в бой с флотом Миколя, но сейчас под угрозой самое дорогое — то, за что мы сражаемся. У многих из нас есть семьи.

— Я понимаю, — кивнул Чин.

— Тогда вы должны понять, что далеко не каждый может позволить себе то, что позволил себе я. Антитерранских настроений у нас всегда хватало, вы и сами знаете. Мы наибольшая по численности раса Мицлаплана, однако на высших уровнях Церкви терран всего один процент. Среди терран нет ни адмиралов, ни флотских офицеров — вообще терране крайне редко занимают руководящие посты.

— Я всегда это знал. Именно поэтому я выбрал гражданскую, а не военную карьеру. По крайней мере, так я могу командовать своим собственным кораблем.

— Ну вот. Тогда вы должны понять, каково было многим наверху узнать, что с задания, на которое отправлялись кроме двоих терран еще старгин, месок и гноллка, вернулись только двое терран. Причем, вернувшись, доложили, что за единственным — и вполне понятным — исключением, **все** вернувшиеся на родину также были терранами. Многие из произошедших здесь инцидентов начались на терранских мирах и на кораблях под командованием терран. В некоторых участвовали и другие расы, но мы выделяемся из общего ряда. Вот почему сюда послали Святейшую Минь. Она известна своим фанатизмом, жесткостью и непреклонностью — иначе бы она не достигла своего положения, — так что вполне может в данном случае стать судьей, присяжными и палачом, избежав при этом обвинения в расизме. Вам здорово удалось ее обыграть, но вы нажили себе очень серьезного врага. Думается мне, вы выиграли лишь немного времени, не более того.

— Коммодор, я буду с вами откровенен, — вздохнул Чин. — Я готовился к смерти еще несколько недель назад,

и до сих пор не могу поверить, что все-таки добрался сюда. Я здесь, потому что у меня осталось **последнее** задание, **последняя** миссия. Я должен убедить Святых Ангелов. Мы должны не допустить войны, после которой мы, наши семьи и наши потомки навечно окажутся под игом абсолютного зла. Святые Ангелы настолько отдалились от общества, что вся информация доходит до них лишь через цензуру таких вот Святейших Минь. При обычных обстоятельствах, я думаю, никто бы даже не стал посылать им доклада. Единственной моей надеждой было то, что рукоположение обязывает всех жрецов повиноваться Высшему Закону. Я полагал — или правильнее будет сказать, **надеялся**, — что будет достаточно Криши. Она жрица и телепатка, так что они могли бы прочитать все из ее сознания и знать, что это правда. Но, похоже, и мне придется внести свой вклад. Не буду делать вид, будто мне наплевать, что со мной будет, но я все равно что живой труп; каждый выигранный мною день я отнимаю от Кинтара. Если потребуется, я пожертвую своим рассудком, жизнью и чем угодно, но Святые Ангелы получат полную, не приукрашенную информацию.

Коммодор кивнул.

— Теперь мне ясно, почему вы выжили и за что получили свое звание. Немногие обладают вашим мужеством и самоотверженностью.

Капитан смутился и сменил тему.

— Что с Кришей? Как она?

— Ей пришлось несладко. Ее гипнотизировали, телепатически допрашивали и все такое. Они испробовали все, что могли, чтобы поколебать ее, но у них ничего не вышло. Она потрясла всех, кроме Святейшей Минь, которая до сих пор уверена в том, что ее запрограммировали миколианцы и подослали к нам, чтобы уничтожить нашу веру. Кстати, Святейшая Минь уверена, что вам не дадут аудиенции.

— Она сама установила правила и сделала формальное обвинение. Это отражено в протоколе. У нее нет выбора.

— Да, при условии, что ваше дело действительно попадет к Святому Ангелу. Как только покинете корабль, вы окажетесь в руках Церкви.

— Мне остается лишь уповать, что Тот, кто позволил нам дойти так далеко, не оставит нас и теперь. Когда она согласилась на то, чтобы я стал полноправным Инквизитором, я не мог поверить собственным ушам. Только чудо могло предоставить нам такой шанс.

— Надеюсь, вы правы, капитан. Я бы предпочел вести войну с демонами, а не с Миколем, зная, какую кошмарную цену нам придется заплатить. Гражданская война мне еще менее симпатична.

— Я думаю, что Миколи пока воздержатся от действий. Они тоже напуганы. И они больше не поклоняются бесам, они служат самим себе. Мне они не нравятся, их Империя —

жалкая имитация, бледная тень владычества Кинтара, но я верю, что им тоже хочется спастись. Вы замечательный человек, коммодор. Держитесь подальше от этих черных областей и всегда поступайте по совести. Когда со мной покончат, надо, чтобы кто-то оставался самым опасным человеком в Мицлаплане.

Криша выглядела не менее ужасно, чем в Городе Кинтара — осунувшейся, исхудавшей, с ввалившимися глазами, — но дух ее не был сломлен. Как обычно, она больше беспокоилась о капитане, чем о себе.

— Капитан, ты не можешь так поступить! — прошептала она хриплым, срывающимся голосом, лишь отдаленно напоминавшим прежний.

— Так надо, — ответил он. — Твоя или моя жизнь уже ничего не значат. Имеет значение только наша цель.

Он ненавидел Минь за то, чему она подвергла Кришу, но ему было приятно, что, несмотря на все попытки, ей не удалось сломить жрицу. Святой Ангел удовлетворил его прошение об аудиенции. Чин не удивился этому; это было неизбежно с того момента, как его прошение попало в канцелярию. Отказать ему — означало заявить кораблю и жрецам, что Священный Закон более недействителен. Вероятно, сотрудники канцелярии сломали себе головы, пытаясь найти благовидный повод отказать ему, но в конце концов им пришлось передать прошение, тем самым поставив ту же задачу перед Ангелом.

И вот они спускались на спокойный зеленый мир, очень похожий на тот, на котором все началось три месяца — нет, целую жизнь — тому назад. Странно — он не испытывал никаких мрачных предчувствий, просто все казалось немного нереальным, как во сне.

— У Маккрея все было иначе, — прошептала Криша. — Ему пришлось так поступить, чтобы спасти свою душу. Но ты, капитан, тебе же уничтожат рассудок, испортят тело... Ты мудрее многих моих прежних учителей, ты должен жениться, завести детишек...

Когда-то он серьезно подумывал стать жрецом, но ему не хотелось платить цену. Мицлаплану же Нули, свободные в мыслях и действиях, были нужнее, чем жрецы.

«Как поворачивается Колесо Жизни», — отстраненно подумал он, все еще витая в облаках.

Мир, на который они прибыли, не принадлежал терранам, хотя с высоты и можно было так предположить. Этот мир населяли туны — пурпурные ящероподобные кентавроиды с клювами на груди. Он не помнил, встречал ли он таких раньше; впрочем, ему и сейчас вряд ли предоставится возможность с ними познакомиться. Его надежды на то, что он попадет в терранский мир, или любой из полудюжины других, где он смог бы раздобыть сигару,

рухнули. Если ему и придется перестать курить сигары и смаковать дорогие вина, то, пожалуй, это была как раз такая ситуация.

Впрочем, вид огромного гранитного Храма со многими куполами и облицовкой из бурого камня заставил его выкинуть все подобные мысли из головы. Сколько раз он проходил мимо них, гадая, что находится внутри? Но в эти храмы допускались только жрецы, и если ты не был таковым, когда заходил, то становился им по выходу.

Старший распорядитель, в ослепительной, сверкающей золотом мантии, был минтером — существом со щупальцами на месте лица и растущими из-за спины глазами на стебельках. Подобно многим расам, он не мог обойтись без переводчика, транслировавшего телепатические волны в стандартную речь. Из-за этого голос его звучал несколько глухо и механически.

— Персонал заберет их и подготовит к аудиенц-сии, — сказал он Минь.

— Я буду помогать, — ответила Святейшая Минь. — Я проведу несколько дополнительных процедур, которые считаю необходимыми для одного из кандидатов. — Она имела в виду Чина.

— Вы будете ожидать здесь, — ответил распорядитель. — Если желаете, можете ис-спользовать молельню.

— Категорически возражаю! Я должна участвовать в его подготовке. Как региональный директор Инквизиции, я...

— Помолчите! — резко сказал распорядитель.

— Что? — Она не поверила своим ушам.

— Вы не забыли, где находитесь? Мож-жет быть, вам стоит припомнить ваш-ши обеты? — предложил распорядитель. — Начните с тех, что касаются послуш-шания.

Она раскрыла рот, будто пытаясь что-то сказать, но потом закрыла его. Низко поклонившись, она повернулась и, сердито, даже вызывающе топая, пошла прочь.

— Возмож-жно, она больше не годится для этой работы, — проговорил распорядитель. Он говорил сам с собой, но транслятор не различал оттенки громкости. Ган Ро Чин подавил смешок и остался бесстрастен, как и Криша.

— Пойдемте, — сказал распорядитель и повел их запутанными переходами внутрь здания. Изнутри Храм казался больше, чем снаружи — не как кристаллы станций, конечно, но все равно впечатляюще.

Ган Ро Чина подвергли всем обычным процедурам, начиная с бактерицидного душа и заканчивая ароматической ванной, и вдобавок обстригли волосы. Наконец, его доставили в приемную, где уже ожидала благоухающая Криша, тоже коротко стриженная. Она по-прежнему выглядела уставшей и осунувшейся, кое-где отчетливо виднелись царапины, но она не собиралась сдаваться.

— Нервничаешь? — спросила она. Ее голос звучал намного лучше. Вероятно, ей дали что-то стимулирующее.

— Да, — признался он. Всю жизнь Чин видел колоссальные серые статуи Святых Ангелов и неоднократно убеждался в их присутствии то на одном мире, то на другом, но никогда и не думал, что увидит хоть одного из них своими глазами. Разумеется, он также никогда не предполагал познакомиться — именно познакомиться — с настоящим Миколем. Впрочем, всегда лучше встретиться как друзья, чем на поле боя.

Он давно интересовался, сможет ли его дар противостоять даже силе Ангела. Пока что он знал, что, по крайней мере, защищен от демонов, да и от Тобруш тоже.

Статуи, разумеется, всегда приукрашивали, однако они все равно были чрезвычайно уродливы. Он надеялся лишь, что ему удается сохранить почтительное выражение лица.

Казалось, прошла вечность, но вот громадная дверь открылась, и вошел распорядитель.

— Криша Святая Мендоро, — объявил он. — Высочайший удостоил вас аудиенции.

Чин тоже начал было вставать, но распорядитель остановил его.

— Не вас. Пока что только ее.

Это ему не понравилось, но, как говорится, в чужой монастырь... впрочем, это и ее монастырь тоже. Она поклонилась, начертила в воздухе треугольник углом вверх и последовала за распорядителем. Дверь закрылась, и грохот разнесся по коридорам, как удар часов рока.

Следующие несколько минут он молча кусал ногти. Затем дверь открылась, но, выйдя, распорядитель вновь закрыл ее за собой.

— Ждите, — сказал он капитану. — Вас вызовут. — Он пошел по коридору и вскоре скрылся из глаз.

Ожидание затягивалось, и он начинал по-настоящему нервничать. Ему хотелось, чтобы все побыстрее кончилось. Кроме того, если ему предстоит ждать еще долго, то он бы не отказался заглянуть в туалет.

Наконец дверь открылась, и из нее вышла Криша. Сперва, увидев ее, он обрадовался, но внезапно замер. С ней было что-то не в порядке, она казалось совсем чужой. Она выглядела как... как кукла на ниточках, с пустыми глазами и несколько дергаными движениями.

— Входи, — сказала она тоном, от которого по коже у него побежали мурашки.

Он поднялся, помолился не только богам, но и духам предков, и последовал за ней. Дверь вновь захлопнулась за ними со зловещим стуком.

Внутри было невероятно жарко и влажно; в воздухе, казалось, была разлита какая-то субстанция, от которой у

него слегка закружилась голова. Повсюду росли диковинные экзотические растения и прекрасные цветы, которых он никогда раньше не видел. Зал был похож на джунгли, где-то журчала вода, и лишь потолок и искусственное освещение говорили о том, что он по-прежнему находится внутри здания.

А в центре зала, на возвышении, сделанном, по-видимому, из чистого золота, на инкрустированном самоцветами троне восседал Святой Ангел. Его кожа оказалась не гранитно-серой, а пшенично-золотой. Но он все равно был страшен, как смертный грех.

Ангел состоял практически из одной головы. Громадная квадратная голова, вся в складках и морщинках золотой кожи, увенчивалась пятью короткими веретенообразными щупальцами. На пяти же коротких стеблях, выходящих изо лба, располагались пять глаз, горящих малиновым огнем. Нос был просто дырой в центре лица; ниже находился огромный рот с отвратительными жвалами. Тело, принадлежавшее гигантской голове, оказалось невероятно крошечным, его члены атрофировались и представляли собой лишь рудименты того, что некогда появилось на свет в их родном мире. Это существо явно не имело возможности самостоятельно передвигаться — а возможно, даже питаться. Ему это и не нужно было. Давным-давно оно развило в себе сокрушительную силу, превращавшую любого врага, любого хищника в его преданного, любящего раба.

Криша — одна из таких рабов — подошла к трону и повернулась лицом к капитану. Он, в свою очередь, остановился, склонился так низко, как только мог, и остался в таком положении.

Он почувствовал то же легкое головокружение и тошноту, какие испытывал рядом с Кинтара и в пещере кристаллов, — но не более того. Нули действительно были опаснейшими людьми в Мицлаплане.

— Поднимись, Ган Ро Чин, — приказала Криша тем же сверхъестественным голосом. Он повиновался. Внезапно он понял, что Ангел, видимо, неспособный говорить внятно для терранина, телепатически и гипнотически действует через Кришу. С практической точки зрения, сейчас Ангелом была Криша, а не существо на троне.

— Я полностью прочел содержимое разума моей жрицы, — произнесла Криша-Ангел. — Что ты можешь к этому добавить?

Он глубоко вздохнул.

— Мой господин, зло вновь распространяется по нашему миру. Наши люди и земли заражены им. Враг Света подготовил себе лазейку для побега и воспользовался ею. Его удерживал древний знак, сотворить, равно как и разрушить который могут лишь Мицлаплан, Миколь и Биржа, объединившись друг с другом. Знак мне известен, известны и те, кто должны его сотворить, однако я не знаю ни как это сделать, ни как использовать его

против Врага Света. Я лишь надеюсь, что те, кто сражались и победили в далеком прошлом, существа Высшей Расы, возможно, обладают подобными знаниями.

— Я слушал твой доклад инспекторам, — ответила Криша-Ангел. — Я желаю знать твои умозаключения касательно знака и всего остального.

Хотя он ни на секунду не забывал, где он и с кем разговаривает, ничто не могло польстить самолюбию Ган Ро Чина больше, нежели просьба объяснить свои умозаключения и выводы. Кому угодно, даже Ангелу.

* * *

— Довольно, — изрек наконец Ангел. — Однако я пока что не располагаю достаточными данными для принятия решения относительно дальнейших действий. Я должен поразмыслить и проконсультироваться с советом мне подобных. Разумеется, мы знаем о распространяющейся порче. Мы ожидали этого сразу же после того, как разведка перехватила доклады Биржи об обнаружении Кинтара. Однако новым, неожиданным и тем менее радостным для нас известием является освобождение Четверых Князей и их господина. Впрочем, я склонен видеть в этом Вышнее произволение. Что касается вас, капитан, то ваши знания и служба Мицлаплану более чем удовлетворительны. Вам известно больше, чем большинству моих жрецов, и ваш рассудок не так скован. Я буду советоваться с моими собратьями, дабы обрести мудрость и верный путь. Рассмотрев то, что хранила память моей верной служительницы Криши, я обнаружил не ересь, но выдающиеся деяния и верную службу. Да будет она с этого момента носить звание Святейшей и отвечать лишь передо мной. Кроме того, я считаю, что ваша пара более не должна быть разделена. Она завершит твое рукоположение и станет твоим духовным наставником. Вы оба свободны.

Ему удалось низко поклониться, повернуться и самому закрыть за собой дверь, но, оказавшись в приемной, он чуть не потерял сознание.

* * *

Следующие несколько дней не отложились в его памяти. Из всего, что он пережил в комнате пыток, ему запомнились только отдельные образы и врезавшиеся в сознание фразы. Его разум оказался неподвластен прямому программированию Ангела, но зато вполне доступен для его технических эквивалентов.

Как ни странно, когда он очнулся с легкой головной болью и понял что все позади, он не почувствовал себя как-то иначе. Интересно, изменили ли ему точку зрения? Он определенно помнил все, что с ним произошло — абсолютно все, — и сожалел лишь о том же, о чем и раньше. Хуже того, он по-прежнему любил Кришу, по-прежнему мечтал о сигаре и по-прежнему находил Святых Ангелов одними из уродливейших созданий во Вселенной. Внезапно ему пришла в голову одна мысль. Он наклонился и с облегчением обнаружил, что все на месте.

В комнату вошла Криша. Она выглядела просто ослепительно; краски вернулись на ее лицо, тот угрюмый, опустошенный взгляд бесследно исчез. А еще на ней была рыже-золотая мантия, такая же, как у распорядителя, но на ней она смотрелась куда лучше. На ее пальце сверкало крупное золотое кольцо с драгоценными камнями, выложенными в священный треугольник острым углом наружу.

— Привет, — поздоровалась она, взяла его руку и пожала. — Как ты себя чувствуешь?

— До смешного нормально, только голова побаливает, — честно ответил он. — А что случилось? Они передумали?

— Нет. Ты теперь жрец, Гани. — Она никогда его так не называла; он всегда был для нее «капитаном», но ему понравилось. — Ган Святой Ро Чин. Осталось провести несколько ритуалов, но это все формальности.

— Звучит непривычно, — ответил он. — Но если я больше не капитан, то пусть будет «Гани». Впрочем, должен тебе сказать, что вовсе не ощущаю себя жрецом. Я чувствую себя старым безработным капитаном грузовика, прожженным шельмой.

— Ну, с тобой обошлись помягче, чем с большинством новообращенных, — заметила она. — Мне дали совершенно недвусмысленные инструкции, что в тебе не должно измениться ничего, что может повлиять на твой стиль мышления или действий. Все могло обернуться крайне плохо, просто ужасно, если бы ты не победил эту жуткую Минь на ее собственном поле.

— Спасибо Манье и еще нескольким таким же, как она, — именно у них я научился тому, как с ними держаться. А ты — как мне тебя теперь хоть называть-то? Первый раз в жизни говорю со Святейшей.

— Ты будешь называть меня Кришей, — строго сказала она. — Это ужасно: все теперь называют меня «Святейшая». Я очень смущаюсь, но, может быть, когда-нибудь и смогу привыкнуть. Однако я не желаю и слышать, как это произносишь ты. Я хочу, чтобы рядом со мной был хоть один человек, который будет разговаривать со мной по-человечески, даже если я выше его саном. И не забывай об этом! — неожиданно игриво добавила она.

— Ни за что, мэм, — отозвался он с улыбкой.

— Оказывается, я пользуюсь здесь большим авторитетом, — сказала она, опуская руку в потайной карман. — Ни один терранин еще не носил золотой мантии, так что им пришлось перешить одну специально для меня, и я добавила к ней кое-что от себя, вроде этих карманов, — добавила женщина, вытаскивая три толстые сигары.

Его глаза полезли на лоб.

— Где ты их раздобыла?

— Здесь останавливался грузовой корабль, и когда я узнала, что капитаном там терранин, послала ему весточку. Оказалось, он тебя знает. Кажется, его зовут За Чжу.

— Ах, да! Крепкий парень. Поперек себя шире. Не видел его уже сто лет.

— Так, здесь не курить! И рядом со мной тоже! Я ни за что не собираюсь терпеть этот запах. Кури на воздухе и один.

— Слушаюсь, шкипер, — отозвался он. — А разве священникам можно грешить? Я думал, нельзя.

— Вообще-то курить у нас не принято, но я специально попросила главного библиотекаря порыться в книгах, и, как выяснилось, нигде не сказано, что это грех.

Криша была вполне собой, и Ган Ро Чин вздохнул с облегчением. Сам капитан — «Гани» — тоже остался почти таким же, как был, однако теперь он был жрецом, принесшим обеты. В нем изменилось очень мало, и преимущественно на уровне подсознания. Его любовь к ней превратили в преданность, в непоколебимый союз тверже стали. Больше его никогда не соблазнят другие женщины, и он никогда не предаст ее. Он просто не сможет этого сделать. Однако в их союзе, в отличие от обычного мицлапланского брака, ведущую роль играла она. Он по-прежнему мог спорить с ней, убеждать ее, заставляя ее передумать, но теперь он всегда будет повиноваться ей так же, как она повиновалась своим владыкам — Святым Ангелам. Единственным смыслом ее жизни было служить им всем сердцем и душой, выполнять все их пожелания и приказы. Это было величайшее благословение, ниспосланное ей, их дар, и даже если бы они забрали назад Чина, она осталась бы верной им и служила бы так же пылко, ничего более не прося.

— Как дела во внешнем мире? — спросил он, отгоняя мысли о произошедших в ней изменениях.

— Плохо. И становятся все хуже. Высочайшие каким-то образом объединили свои разумы в сеть; они могут общаться даже через громадные расстояния. Они уже долго советуются. Обычная связь сбоит. Предпринимаются колоссальные усилия, чтобы вычистить Инквизицию. Святые Ангелы приказывают целым Дланям и штатам сотрудников являться на аудиенцию, и во многих обнаруживают порчу. Их можно излечить, но цена для искаженного, как правило,

чрезвычайно высока. Очевидно, наше величайшее достижение состоит в том, что мы вырвали Высочайших из изоляции, в которой они пребывали. Некоторые из них даже овладели телами жрецов и вышли наружу, чтобы увидеть Церковь и людей своими глазами.

— Это воодушевляет. А что слышно о других Империях?

— В Миколе тоже раздробленность, но они гораздо более жестокие, и о них рассказывают омерзительнейшие вещи. Повсюду возникают древние культы демонов, со всеми положенными жертвоприношениями. В некоторые слухи вообще невозможно поверить. Например, говорят, что один верный Лорд высадился на мятежной планете и что какая-то тамошняя колдунья-воительница превратила его вместе с войсками в дролов.

— Это Калия, не иначе, — подумав, ответил Чин. — Стать дролом — значит родиться заново. Для этого существует целая технология перепрограммирования с помощью наномашин, способных обработать каждую клетку тела. Именно так они поступают с некоторыми политическими противниками, устраивая показательные казни. Дролы — настолько простые существа, что, вероятно, программ всего две, мужская и женская. Однако если у них были программы и им удалось набрать достаточно этой дряни, чтобы хватило на целую армию... это просто невероятно. Никакой силы Кинтара не хватит на такое. — Вдруг он соскочил с кровати. — Так вот оно что! Он там!

Криша нахмурилась.

— Кто? О ком ты говоришь?

— Враг Света, Механик! На Миколе сохранились остатки религий и ритуалов тех времен, когда они еще были заодно с Кинтара, так что там для него самое подходящее место, чтобы собрать силы и закрепить успех. Это Калия! Я понял! Он использует ее, чтобы расчистить себе дорогу, а ее ненависть к иерархии Миколя — отличное подспорье для него! — Он внезапно остановился. — О Боже! Туда ведь отправились Тобруш и Джозеф! Надеюсь, они не станут подходить слишком близко. Миколи, возможно, и ровня Кинтара, но не ему.

— Что ж, с Миколем сообщение пока что не прервано, хотя уже и было несколько кровавых стычек, — сказала она. — А вот о Бирже вообще ничего не слышно. Если Тобруш и Джозефа убили или испортили, то наверняка они дотянулись и до Биржи. А что, если Модра и Джимми не справились? Что тогда с нами будет?

— Тогда, боюсь, надежды нет, и мы можем считать себя настолько же мертвыми, как Манья, Морок и Савин, — вздохнул он. — Найдется здесь для меня зеленая мантия? Надо к ней привыкать, заодно и покурю.

* * *

Модра сидела в уборной; Гриста спала.

Джимми еще раз провел широкое сканирование по всему пограничному району, затем сел и проанализировал результаты. Выходила сплошная черная стена, и горький опыт научил их, что она отнюдь не тонка. То и дело от нее отваливались небольшие сгустки и, ускоряясь, устремлялись к Миколю, но стена была настолько плотной, что в ней не появлялось ни просвета.

Он откинулся в кресле и покачал головой. Уже три дня они курсировали вдоль границы, надеясь обнаружить хоть малейшие признаки прохода, но пока что все было тщетно.

Он поудобнее устроился в скафандре, и его мысли перешли на более личные предметы. Он по-прежнему чувствовал себя очень... странно — особенно, когда менял позу. Он и не думал, насколько вездесуща была эта вещь, покуда ее не стало. Медицинская лаборатория под руководством Тобруш провела идеальную операцию; не было ни осложнений, ни боли — ничего. Что, разумеется, было еще более странно. Миколианцы ничего не знали об анатомии человека и полностью доверились компьютеру; тот учел все и вывел мочеиспускательный канал рядом с анальным проходом. Оставалось лишь догадываться, на лечение каких травм он был запрограммирован. На том месте не осталось ничего, даже шрама.

Он по-прежнему испытывал смешанные чувства. С одной стороны, он испытывал горечь утраты, а также психологические проблемы самоидентификации как мужчины. Очень трудно оказалось приспособиться и принять случившееся. Но, с другой стороны, он чувствовал себя так, словно огромная гора свалилась с его плеч, как будто эта громадная тяжесть, бушующее безумие, также оказалось удалена. Он оплакивал утрату, но вместе с тем считал, что принял правильное решение. Возможно, позже, если им удастся все это пережить, если Механик будет побежден, а Кинтара разбиты, задним числом он будет очень сожалеть об этом, но не теперь. Конечно, они смогли бы и вырастить что угодно, будь у них образец его кожи и генетический код, — но такие мысли он старался сразу выкидывать из головы. Он сжег мосты и останется тем, кем стал, во что бы то ни стало.

У Кинтара не осталось ничего, чем его могли бы соблазнить. Жизнь? Они получат ее без большого труда, но он тоже постарается прихватить с собой парочку. Определенно не флирт и не секс, и даже если они предложат ему восстановление, он уже все решил. Бессмертие? Он не был вполне уверен, но верил, что те, кто расслышал голос субатомной частицы в бесконечной Вселенной, не дадут ему пропасть.

Модра вышла из туалета и упала в свое кресло.

— Снова тошнит? — спросил он.

— Мутит. Так же, как вчера. Я приняла таблетку от космической болезни, но, похоже, не подействовало. Ладно, если это как вчера, то скоро пройдет. Что нового?

— Разрывов нет, но все большая часть этой мерзости определенно перемещается внутрь. Конечно, Миколь для них — благодатная почва, на людей им наплевать. Их задача — уничтожить повелителей. Если то, что мы слышали про Мицлаплан — правда, то, видимо, на Бирже такая же неразбериха. Черт, они ведь могут захватывать в Бирже целые планеты, и никто не заметит! Впрочем, я думаю, что их цель — развязать войну. Хранители и Мицлапланы, конечно же, припомнят Миколям старые грешки, а демоны постараются разъединить ядро их империи и сделать так, чтобы они не смогли организовать достойную оборону. Миколей они боятся больше всех, потому что те могут перемещаться незаметно. Могу поклясться, что где-то прямо сейчас в одной из лабораторий Биржи, а может, и Мицлаплана, на некого ученого снизошло озарение и он изобрел идеальный тест, выявляющий тело-носитель Миколя.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Ты правда так думаешь?

— Я бы на их месте поступил именно так. Думаешь, Самазнаешь-кому не придет в голову та же мысль? Кроме того, расе, которая сама вывела или создала Миколей, разумеется, стопроцентно известен их родной мир, их генетика и наука, так что рецепт геноцида, считай, готов. Как бы то ни было, при этом Трем Империям ни за что будет не собраться вместе, когда начнется заварушка.

Она откинулась в кресле, и ей стало полегче.

— *Тобруш! Джозеф!*

— *Мы здесь.*

— *Ни одного разрыва за три дня! Что нам делать?*

— *Если считаете, что выхода совсем нет, проложите по картам курс с минимальной вероятностью перехвата. Затем летите на субсветовой. Если вас засекут, сдавайтесь. Вы не лишены определенной мощи.*

В этом был смысл.

— *Что если мы просто попробуем прорваться напрямую на полной скорости?*

— *Не стоит. Вы не знаете, что оно способно сделать с вами, и там наверняка есть ваши описания, что-нибудь вроде «их разыскивают Кинтара». Даже если вы прорветесь и избежите порчи, эта дрянь может засечь ваше местоположение, а по каналу связи — и наше тоже. Здесь, в Кваамиле, их невероятно много. Мы не решаемся подойти даже на пять световых лет*

к ближайшему миру, занятому ими, и каждый раз, когда мы проверяем, их оказывается все больше. Джозеф побывал во многих регионах, и дела там обстоят более чем неважно.

— Если их так много, как же он туда пробрался?

— А ты подумай! Регион ведь захвачен Кинтара? Ты представляешь себе, сколько им требуется открытых пентаграмм на скопление из тринадцати звездных систем? Даже точку выхода незачем указывать; Кинтара нужны быстрые входы и выходы. Не очень удобно для транспортировки, но чрезвычайно — когда надо просто бросить быстрый взгляд на тысячу мест. Обратись к его сознанию, если хочешь сам посмотреть на то, что видел он.

Даже быстрая оценка положения — как правило, не более чем моментальная фотография, — поражала в самое сердце. Человеческие жертвы и другие ритуалы, выворачивающие наизнанку желудок, гигантские идолы, горящие фимиамом жаровни, лица живых мертвецов, сцены разврата и еще более ужасные вещи.

— А как насчет того сообщения про целую армию, обращенную в дролов каким-то магическим заклинанием?

— Подтвердилось. Они и ***хотели****, чтобы эта история стала достоянием гласности — понятно зачем. Эти несчастные, очевидно, понадеялись на свое суперсовременное снаряжение: боевые скафандры, средства связи и так далее. Их заманили в огромную пентаграмму нескольких километров в диаметре. Как только они оказались внутри, она закрылась, и в нее хлынул поток энергии иного мира, достаточный для «заклинания».*

— Тогда никто не может быть в безопасности!

— Если бы они действительно могли сплошь и рядом проделывать такие вещи, навряд ли им надо было бы сейчас соединять свои силы и организовываться. Каждый раз, устраивая нечто масштабное, они теряют в массе — навсегда. Учитывая по меньшей мере сотни световых лет расстояния, три империи, четыреста рас, девяносто триллионов населения — не думаю, что у них это получится, не говоря уж о проблемах, связанных с размером таких больших пентаграмм. Зато они вполне могут позволить себе несколько грандиозных показательных казней вроде этой и более значительное число индивидуальных, по необходимости. Заметь, что несмотря на кажущуюся простоту захвата орбитального корабля и отключения его систем — так, кстати, поступили те первые с кораблем исследователей, — они обычно предпочитают позволить ему отступить, сохранив все записи. И эти же записи убеждают военных и Лордов в том, что им противостоит богоподобная сила, гораздо сильнее, чем сотня уничтоженных ими кораблей.

Уже сейчас многие кланы, в том числе те, кому не угро-

жает непосредственная опасность, пытаются заключить сделку с Кинтара — а те, конечно, более чем согласны.

— *Фаусты, как я и говорил давным-давно,* — заметил Джимми.— *Нельзя подарить высокие технологии или что угодно всем девяноста триллионам. Но если ты думаешь, что они могут обратить мужчин и женщин всех рас в уродливых рабов-дролов, то ты можешь надеяться и получить от них какие-нибудь блага. К тому же, как ты предположил, у них очень жесткие ограничения, независимо от того, что именно они делают, и поскольку они действуют в* ***этой*** *Вселенной, им приходится воевать с* ***нашими*** *физическими законами, энергией, массой, дробями, пропорциями и всей прочей математикой. И потом, для чего им лишняя тысяча дролов? А вот целые системы, целые сообщества, присоединяющиеся к ним добровольно, за плату, поклоняющиеся им и готовые играть в их игры — это достойный приз!*

Модра одним глазом поглядывала на мониторы, на случай, если потребуется резкий маневр, недоступный автопилоту. Внезапно она увидела нечто настолько невероятное, что сначала даже не поверила своим глазам. Она подалась вперед, забыв о тошноте, и изо всех сил принялась всматриваться.

— *Джимми! Там только что отвалился один кусок, и за ним пусто!*

Джимми сел и уставился на мониторы. На них был виден все расширяющийся разрыв. Через него даже можно было увидеть далекую звезду.

— *Мы летим туда! Пожелайте нам удачи!*

— *Осторожнее! Они могут заметить вас и сомкнуться! Проверьте, чтобы вам хватило места! Нужен парсек, как минимум!*

Джимми переключился на ручное управление и резко развернул корабль. Разрыв был по-прежнему на месте и, казалось, даже продолжал немного расширяться. Он застегнул командирский шлем, и компьютер рассчитал максимальную скорость схождения черноты и расстояние до разрыва. Шансы на прорыв были чуть лучше, чем пятьдесят на пятьдесят, и никто из них не стал сомневаться.

По крайней мере, до тех пор, пока они не приблизились к точке невозвращения. Внезапно сгустки начали быстро стягиваться внутрь разрыва, образовывая как бы две сближающиеся стены тумана.

«Не успеем!» — подумала Модра, пытаясь держать себя в руках, но в этот момент они вырвались. Стены сомкнулись прямо за ними, и Джимми пришлось поманеврировать, уклоняясь от мелких сгустков, болтавшихся на той стороне. Но они вырвались!

— Куда теперь? — спросил он, чувствуя себя счастливым как никогда.

— Домой! — ответила она. — В столицу, если ее еще не поглотила тьма. Уладим дела и узнаем, нет ли ответа на наше скромное сногсшибательное сообщение.

— Нам придется немного пообъясняться.

— Джимми! Это же не пограничье и не флот! Это же Биржа! Мы вернулись, — она перешла на нарочито серьезный тон, — из когтей коварного Миколя, на украденном корабле! Мы даже везем трофеи!

— Может, ты и права, — признал он, — но я все же не думаю, что цимоли и служба безопасности встретят нас с цветами.

— Если они придут с добрыми намерениями, то тем лучше, — ответила она. — А если со злыми, то мы знаем, как с ними управиться.

— Возможно, — ответил он, — но не задавайся сверх меры. Они неспроста удерживают власть на всех мирах, причем уже довольно давно, знаешь ли. А сейчас повсюду демоны.

Им понадобилось еще несколько дней, чтобы достичь мира, считавшегося сердцем Биржи, мира, который все называли просто столицей. По дороге им пришлось уклониться еще от нескольких отбившихся сгустков. Они немало позабавились, объясняя другим кораблям, преимущественно торговым, почему их корабль зарегистрирован на Миколе. Впрочем, военных никто не вызвал. Либо здесь, вдали от границы, люди были более уверены в себе, либо просто чересчур расслабились.

Вокруг столицы действительно кружило несколько сгустков, но их было настолько мало, что избежать их оказалось совсем нетрудно. Джимми решил, что они скорее разведывают, чем пытаются причинить ущерб.

— Курьер с регистрацией Миколя, назовите себя, — пришел вызов диспетчера.

— Трофей согласно лицензии 34B787KL-6-12-1, — отозвалась Модра. — Лицензиаты — Страйк Модра, консорциум «Делатель вдов», а также Маккрей Джеймс Френсис и Маккрей Молли, из той же компании. Больше на борту никого нет. Не провозим оружия или иной контрабанды. Прошу разрешения на посадку.

Диспетчер долго молчал, и, казалось, их сердца остановились, пока от него не пришел ответ:

— Сканирование соответствует, лицензии в порядке. Передаю вас наземной службе.

— Эй! Что это там насчет Молли Маккрей? — выпалила Гриста откуда-то сзади.

Джимми, повернув голову, взглянул на нее. Вообще-то он знал, что так думать нехорошо, но он чувствовал опре-

деленное удовлетворение, что его... операция разбила ее мечты так же, как она разрушала его мечты все эти годы.

— Если ты Гриста, то юридически ты труп, — ответил он. — А если Молли — то ты гражданка, жена гражданина и наследница банковского счета. Не забывай об этом, **Молли**. Если забудешь, то в лучшем случае тебе светит конфискация и изгнание. Все, что у тебя останется — это твоя раса.

— Вот дерьмо, — она надула губы. — Так нечестно!

— Ты говоришь совсем как я, когда получил морфу себе в спину. Можешь развестись в любой момент, как в старые добрые времена. Получишь половину моего состояния. Правда, моя Церковь не допускает развода, но можно аннулировать брак. Ты снова попадешь в район развлечений, будешь собственностью кого-нибудь из владельцев.

— О Боже, Джимми! Я же не буду знать, куда мне идти и что делать, если останусь здесь одна!

— Да, помнится, единственный раз, когда ты оказалась сама по себе, ты действительно испортила все, что только можно, — согласился он.

Он повернулся и взглянул на приборы и панель обзора.

— Что ж, — сказал он, — нас ведут прямо на посадку. Будем надеяться, что нас там не встречают мертвые ребята с мозгами из кремния.

НЕБЕСНАЯ КУЗНИЦА

Модра ворвалась в номер; от нее исходили такие сильные эмоции, что Джимми чуть не потерял сознание.

— Представляешь?! Этот сукин сын аннулировал наш брак! — закричала она с порога.

Джимми отвернулся от монитора, вмонтированного в стену его гостиничного номера, и нахмурился.

— Разве ты не собиралась развестись с ним?

— Конечно, собиралась! Но это совсем не то же самое.

Джимми вздохнул, подумав, что в конце концов быть католическим священником не так уж и плохо. Чтобы избежать ненужного спора и не дать ей заболтать себя, он решил сменить тему.

— Модра, тебе известно такое слово — «погром»?

Она нахмурилась.

— Организованное избиение определенной группы людей? По крайней мере, так это определяется у тебя в сознании.

— Так вот, идет повсеместное избиение терран.

— Что?

Она переключилась на телепатический контакт с ним.

Ужасные картины... одна за другой, мир за миром... Терранские сектора подвергаются разбойным нападениям крупных организованнных банд дюжины других рас. Мужчины, женщины, дети уничтожаются тысячами, может быть, миллионами...

Она в ужасе оборвала контакт, лицо посерело.

— Где? Когда? Я здесь ничего о таком не слышала; я ничего не ощущаю!

— Пока что это происходит в новых, едва освоенных мирах, — сказал он. — Но у них отлично получается, и они не собираются останавливаться. Не волнуйся; и твой, и мой родные миры по-прежнему здравствуют, они находятся в стороне от нашествия, но оно приближается. Против банд выслали войска, но они не то не справились, не то, как говорит кое-кто, с удовольствием присоединились. Кроме того, произошли массовые увольнения терран; некоторые из военнослужащих, получив доклады о происходящем, попытались захватить корабли.

— Но разве мы сами не можем ничего предпринять? Нас же в Бирже полно!

— На ключевых постах за пределами наших собственных миров терран почти нет. Повсюду появляются демагоги, разжигающие анти-терранские настроения. Они нагло врут, будто мы происходим от миколианцев или что мы заключили союз с некой новой могущественной силой, чтобы захватить власть над Биржей, — в общем, несут всякую чушь, как в не-терранских барах и злачных местах. Нас всегда недолюбливали в массах, именно за то, что мы составляем наибольшую долю населения, причем она быстро растет.

— Да-да, я знаю цифры. Я тоже терранка, ты не забыл? Но должно же это было с чего-то начаться! И если их не останавливает флот, ведь это значит, что у них есть какое-то официальное дозволение? Цимоли не стали бы позволять ничего подобного, если им специально не приказали, ты сам должен это понимать!

— Боюсь, в некоторой степени мы должны винить себя, — кивнул Маккрей. — Вспомни, из кристалла вернулись только терране, за исключением Тобруш. Мы сделали со всей их системой безопасности, что хотели, а потом преспокойно погрузились в миколианский корабль и отбыли с трофеями. Добавь сюда тот факт, что именно в культуре терран сильны традиции сатанизма и оккультизма, и ты поймешь, что все это началось с нашего побега.

— Но здесь...

Он пожал плечами.

— В Бирже полмиллиарда граждан, занимающих руководящие должности, из которых лишь восемь-десять тысяч — терране и нецимоли. Здесь повсюду электроника, автоматика, смарт-карты и так далее, так что местоположение этих десяти

тысяч в любой момент отлично известно. Мы с тобой, несомненно, тоже принадлежим к ним. Флибустьеры, наемники, разведчики вроде нас — ребята опасные, которых не стоит беспокоить до того, как ты уже сделал свой ход, особенно если речь идет о возможности поучаствовать в заварушке. Среди нас есть весьма богатые и влиятельные люди, способные нанести Бирже несколько болезненных ударов. Формально нас не станут трогать, пока мы сами не полезем на рожон, но всегда можно оставить это дело предрассудкам других, не давая ему официального хода. Собственно, я не удивлюсь, если окажется, что в этом номере повсюду жучки. Слишком уж легко мы прорвались и сели — да еще и зарегистрировались под настоящими именами!

— Но почему? — спросила она в замешательстве. — Почему Хранители допускают такое? И почему нападают только на нас?

— Я не уверен, но попробую догадаться по методу Чина. Кинтара не хотят приближаться к Бирже из опасения, что Хранители активируют некую мощную защиту. Их главный удар — по Миколю. Но здесь в качестве объекта нападения выбрали отчего-то именно нас, терран. Возможно, нас легче подчинить себе. Может быть, мы каким-то образом унаследовали роль объединенных трех Высших Рас, поскольку входим во все три Империи. У них недостаточно сил, чтобы одновременно и расправиться с Миколем, и устроить побоище на Бирже, поэтому они натравливают своих врагов друг на друга, пытаются разжечь в своих старых противниках ненависть, страх и предрассудки, чтобы дискредитировать нас, заставить нас защищаться, и тем самым раздробить Биржу.

Она подумала над его словами.

— Забавно, что ты упомянул капитана. Когда я была с мицлапланцами в том кошмарном мире постоянных дождей, он тоже говорил о том, что терране всех переживут за счет рождаемости. Что-то насчет того, что его древние предки обладали безграничным терпением и постепенно пережили всех своих завоевателей. Но боюсь, здесь так не выйдет.

— Не выйдет; но у старины капитана, как всегда, отличные идеи. Мы можем контролировать экономику любой империи, где имеем большинство. А имея контроль над экономикой, не нужно самим быть политиками, их можно покупать; в экономике не может не существовать подобный рынок. А затем можно выводить из игры другие корпорации простым бойкотированием. Не надо даже ничего делать — просто приостановить на пару месяцев большую часть межзвездной торговли, а ведь от нее зависят многие другие отрасли. На Бирже контроль над экономикой значит власть, на то она и Биржа. На Мицлаплане лидерам Церкви, в основном нетерранам, тоже не удастся подчинить себе терран, преобла-

дающих по численности, так что все больше и больше терран будут продвигаться вверх. Папы у них там нет; жрецы избирают своих Верховных Жрецов, те — Высочайших, или как там они у них называются, и так далее. А все худшее, что в нас есть, цветет буйным цветом на Миколе. Если бы Высшие Расы вдруг исчезли, то мы либо стали бы жертвами геноцида, либо через какие-нибудь сто лет правили бы всеми тремя империями.

— Но Высшие Расы вовсе не собираются исчезать. Разве что их насильно **уберут** те, кто захочет занять их место, а единственные известные нам претенденты — это...

— Именно, — согласился он. — Кинтара. Именно так. Вот в чем дело! Разжигается огонь геноцида, затем появляются Кинтара и их приспешники-терране, творят несколько чудес и делают здешним терранам предложение. Присоединяйтесь к нам, и мы не только защитим вас, но и отомстим за вас! Мы дадим вам силу и поможем вам убрать мелкие препятствия на пути к абсолютной власти! Предложение, достойное Фауста.

— Джимми! — изумленно покачала головой она. — Но если Хранители уже против нас, как же мы доберемся до них?

Они сохраняли мощный телепатический контакт, так что весь последующий разговор уместился бы в несколько секунд. Тем не менее, возможность его перехвата другими телепатами полностью исключалась.

— Неужели ты так рассердилась на своего бывшего, что забыла сделать то, что должна была?

— Я сделала это первым делом.

— А ты уверена, что тебя никто не видел? И что никто не поймет, что это такое?

— Я знаю свое дело, черт побери! — Она послала ему ментальное изображение. Он принял его, вместе с другими, крутившимися в ее голове, но не стал говорить про другую встречу. Пока рано.

— Что ж, тогда, полагаю, время подать наш сигнал. А потом можно будет отдохнуть. Будем надеяться, к нам никто не вломится до полуночи.

К ним никто не вломился, но сомкнуть глаза им все равно не удалось. Им становилось все труднее контролировать свои страхи.

Гриста ушла около шести. Неизвестно, следили за ней или нет, но это было неважно. Наверняка они не знали, что имеют дело не с простым синтом. Гриста была уверена, что справится с ролью и выполнит все вызубренные ею инструкции, оставаясь на вид милой и невинной, как дитя. После слияния с Молли от

той осталось немного, но они все же надеялись, что Гриста хоть раз сумеет что-то сделать как надо, да и Молли сможет немного порезвиться. Ее присутствие было необязательно, но удобно.

С приближением полуночи оба начинали все больше нервничать. Просканировав все вокруг, они обнаружили нескольких цимолей, но в этой части города, тем более в отеле, этого следовало ожидать. Также рядом ошивалось огромное количество телепатов, эмпатов, гипнотов и телекинетов, но, опять же, для отеля, в котором останавливаются тысячи гостей с других миров, принадлежащих к самым разнообразным расам, это обычное дело.

В комнате действительно оказались жучки, но они решили оставить их, как есть. Во-первых, ни один не выглядел необычным; все они были во что-то встроены, и можно было предположить, что они находятся здесь уже давно. Во-вторых, если за ними наблюдали, то раскрытие жучков могло форсировать развитие событий.

— *Я пойду один,* — сказал он.

— *Черта с два! Я участвовала во всем этом с самого начала и не собираюсь бросать теперь!*

— *Да, но это было до того, как ты сходила к доктору и выяснила, что тебя тошнит по утрам по вполне естественной причине.*

— *Со мной все в порядке. И потом, какой смысл рожать ребенка в этом мире, если мы не добьемся успеха?*

— *Мне кажется, что твои перепады настроения и то, что теперь тебе есть, что терять, делают тебя более уязвимой.*

— *Не совсем. Не забывай, я тоже знаю все, что ты думаешь и чувствуешь. Моя мать работала в поле и управляла всякими опасными механизмами вплоть до самого дня, когда я появилась на свет. И тебе отлично известно, что я действительно не хочу иметь ребенка, если ему придется жить под игом Кинтара.*

— *Ладно, делай как знаешь. Не могу поверить — я по-прежнему спорю с женщинами! И по-прежнему не могу их переспорить!*

Наконец они поднялись и прошли в ванную, выложенную плиткой. Джимми достал маркер и принялся чертить пентаграмму.

— *Если у них и здесь есть датчики, вот они удивятся через минуту-другую!* — заметила она.

— *Ну, ты ведь для этого и начертила ее еще с утра.*

Пентаграмма была завершена. Они встали рядом и мысленно представили себе другое место, место, которое предварительно отлично изучили. Мимолетное головокружение, и вот они уже были снаружи, далеко от своего номера, в темноте декоративной арки. Вокруг валялся мусор; арка никуда не вела и поэтому вряд ли привлекала чье-либо внимание, в том числе дворника. Во всяком случае, здесь ничего не изменилось с того момен-

та, как она начертила здесь пентаграмму, притворившись, что поправляет одежду. Место выглядело так, как будто его не убирали сто лет.

— Что ж, все тихо, — заметил он, все еще нервничая. Информационный пакет, посланный ими через цимоля на пограничном мире, содержал детальнейший доклад обо всем, что произошло, а также настоятельную просьбу Тобруш позволить ей хотя бы поговорить с Хранителями. Она просила срочно известить Миколь о согласии, но ответа так и не дождалась. Зато их пригласили сюда, к огромному зданию Биржи, в полночь того дня, когда они отправят цимольполиции код. Сегодня днем Джимми, заглянув в офис своей старой гильдии, выбрал наугад жертву и сделал нечто теоретически невозможное с точки зрения современной биологии. Он лишь взглянул на свою цель, и тимир, зеленое существо с лицом крысы, телепатически получил гипнотическое внушение ожидать два часа, а затем позвонить в управление цимолей и сообщить код.

Они просканировали местность, но, поскольку они не целиком совпадали по фазе с окружающим пространством, их возможности были сильно ограничены.

— *Сколько будем ждать?* — спросила она. — *Здесь холодно!*

— *Да что ты говоришь! Впрочем, давай дадим им пару минут. Если они здесь, то заставят нас подождать, прежде чем обнаружить себя. Я бы сам так сделал.*

Послышались шаги, но они успели заметить только чей-то силуэт, прежде чем шаги удалились.

— *Я чувствую себя голым,* — заметил Джимми.

— *Успокойся. Они не смогут подобраться к нам ближе, чем мы к ним, и мы всегда успеем уйти прежде, чем они разорвут контур и заставят нас синхронизироваться.*

Шаги начали возвращаться. Вот они немного приостановились, затем зазвучали вновь. Вдруг они увидели молодую терранку. Она остановилась, обернулась и, увидев их, смерила взглядом. Она была одета по-простому, но оружие и пульт управления на поясе выдавали в ней цимоля-полицейского.

— Что вы здесь делаете? — спросила она официальным тоном.

— Мы полагали встретить здесь кого-нибудь из вашего управления, — ответил Маккрей. — Вы, случаем, не нас ждете?

— Нет, **вас** я не ожидала, — ответила женщина-цимоль. Внезапно она выхватила пистолет. — Подойдите ко мне, немедленно! Быстро, не то мне придется оглушить вас.

— Думаю, это не вполне возможно, — ответил Джимми.

Ее не запрограммировали реагировать на иронию. По-
 дождав несколько секунд, она выстрелила. Луч охватил все

пространство внутри арки, рассеяв темноту, но когда он угас, они по-прежнему стояли, глядя на нее.

Программа цимоля явно не предусматривала такой возможности. Передвинув большим пальцем рычажок, она заявила:

— Выходите! Быстро! Иначе я стреляю по ногам полной мощностью!

— Пожалуйста, — согласился Джимми. Она выстрелила. Искры разряда, достаточного, чтобы сломать или искалечить им ноги, достигли своей цели и прошли насквозь, отколов небольшой кусок стены позади.

Внезапно повсюду вокруг появились затянутые в черное бойцы службы безопасности полудюжины различных рас и с оружием, которого хватило бы разнести в щепки все здание.

— Так нас ожидали! — воскликнула Модра. — Они все же получили наше донесение!

— Проекции! — закричала женщина-цимоль солдатам. — Это просто проекции!

— Это парочка из отеля, — донесся из толпы голос, искаженный транслятором. — Наши люди сейчас как раз у них. Подождите-ка... Пусто? Что значит «пусто»? Вы же перекрыли все выходы!

Пауза.

— Разве вы не перекрыли все выходы? Да? Ну и где же они тогда?

— Мы, собственно, здесь, — любезно ответила Модра.

Женщина-цимоль вскинула свое оружие и начала приближаться к ним.

— Стойте! — предупредил Джимми. — Еще шаг, и мы исчезнем! И тогда придется начинать все сначала, в другом месте!

Она остановилась.

— Что все это значит? — спросила она.

— Ваши хозяева получили наш доклад и предложение, — ответил Джимми. — Иначе вас и всей этой банды здесь бы не было. Надеюсь, вас также снабдили всей необходимой информацией о нас. Нам нужно напрямую поговорить с Хранителями. Речь идет об их собственном существовании, а также существовании Биржи.

— Это невозможно. Лишь цимоли могут общаться с Хранителями.

— Так подключитесь к ним! Или дайте нам какой-нибудь переходник. Неважно, как вы это устроите. Мы подождем, даже если нам придется замерзнуть здесь до смерти.

— Это невозможно, — сказала она. — Вы агенты Кинтара. Вы уже продемонстрировали свою способность захватывать управление цимолями и перепрограммировать их. Подклю-

чить вас к сети означает дать вам доступ к Хранителям. Мы не можем этого допустить.

Сердце Модры подпрыгнуло от радости. Наконец-то кто-то другой упомянул о Кинтара! Теперь она поняла, что думали о них Хранители после того, что они сотворили на станции. Они считали их бомбой с часовым механизмом, посланной Кинтара Хранителям вкупе с правдоподобной сказочкой, чтобы разрушить их самих или хотя бы их линии связи. Тот факт, что с ними был Миколь, ничего не значил. Если смог перейти на другую сторону единожды, то можешь и дважды, чтобы спасти свою шкуру.

Высокопоставленные и всемогущие Хранители Биржи боялись их до смерти!

— Мы не агенты Кинтара, — резко сказала Модра. — Мы — их враги. Мы выполняем приказания Старшего Помощника, а не Механика.

— Хранители — высшая и чистейшая форма жизни в Галактике, — заявила женщина-цимоль. — Если бы вы говорили правду, то тому, кто отдал вам приказ, не понадобились бы посредники. Вы поддерживаете мысленный контакт с Миколем, что отражено даже в вашем собственном докладе. А на Миколе Кинтара добились особенных успехов, именно там они продвигаются с поразительной легкостью. Через подобную связь может быть призван некто достаточно могущественный, чтобы причинить вред Хранителям. Этого нельзя допустить!

«На колу мочало, начинай сначала, — растерянно подумала Модра. — *Как же нам пробиться?»*

— Может быть, — процедил Джимми сквозь зубы, — может быть, нас послали оттого, что ваши драгоценные Хранители больше не в состоянии отличить Бога от дьявола? Вот что я вам скажу. Идите и попросите Хранителей рассчитать, что будет, если мы не остановим Механика. Что будет с ними самими, с Биржей, со всеми нами. Затем — лично для меня, в качестве одолжения, — попросите их рассчитать, что они могут сделать, чтобы остановить эту дрянь. Если они смогут найти устраивающий их ответ — отлично. Если нет — что ж, они жили и правили тысячи лет. Они могут рассчитать вероятность того, что им удастся продержаться еще несколько лет, даже десятилетий, покуда он не станет абсолютным владыкой, а они не погибнут — или вероятность того, что мы, **может быть,** все же действительно те, за кого себя выдаем, и у нас действительно есть часть ответа. Напомните им, что в прошлый раз Миколь играл существенную роль в заточении Кинтара, и что если они уничтожат или проигнорируют нас, то вскоре уже не будет никакого Миколя, чтобы с его помощью можно было сделать то, что они к тому времени решатся сделать! Выставьте охрану вокруг этого места и прикажите

им ничего здесь не трогать, а мы вернемся за ответом, скажем, в четыре часа утра. Куча времени для того, чтобы Высшая Раса смогла собраться с мужеством! Не ищите нас. Мы вернемся.

Отель отпадал; они сосредоточились на запасной площадке, надеясь, что Гриста ничего не напортила и не попалась сама.

Пейзаж сменился темным переулком и погрузочной платформой. Из здания за их спиной доносился шум голосов и хриплая ругань.

— *И сколько нам здесь ждать?* — спросила Модра.

— *Надо думать, или пока Гриста не придет и не выпустит нас, или до четырех,* — ответил он.

— *Да ну? Тогда лучше помолись за Гристу, священник! Как мы узнаем, когда настанет четыре? Я ни черта не воспринимаю в этой штуке, и конечно же, у меня нет часов!*

— *Мы обречены!* — простонал он. — *Мои мозги никогда не избавятся от этой пагубной привычки! Мы вложили судьбу Галактики в руки Гристы! А видит Бог, если полагаться на Гристу, то никогда ничего не получится!*

Прошел час или около того. Судя по всему, Джимми был прав. Модра по-прежнему мерзла и уже начинала оглядываться по сторонам, надеясь, что кто-нибудь, хотя бы какое-нибудь животное или насекомое, пробежит мимо и разорвет контур. Но в этом асфальтово-пластиковом мире не осталось ничего естественного.

Музыка и шум затихли — похоже, заведение закрывалось. Вдруг в стене открылась дверь, и оттуда вышла синт. Она выглядела в точности как Гриста, но ее пушистая нижняя половина оказалась ярко-розового цвета, а человеческая верхняя — шоколадно-коричневого.

Она огляделась, хмуря брови.

— Эй, ребята! — громким шепотом позвала она. — Вы здесь?

— Гриста? — отозвался ошеломленный Джимми.

— А, вот вы где. Подождите минутку, сейчас я сниму эту штуку. Посмотрим...

— Гриста, где ты перекрасилась? — спросил Джимми.

— Мило, да? Ух! Ужас, надеюсь, я не расщепила себе копыто. Здесь на складе уйма всяких красок. Тут все синты в труппе желтые, так что их раскрашивают, чтобы отличать друг от друга. Краска для волос пришлась отлично, а вот для шерсти — не очень. Пришлось подбирать такую, чтобы легла на синюю. Я подумала, что если что-нибудь сорвется, то будут разыскивать синюю синт по имени Молли, так что я замаскировалась.

— Но почему ты так долго? — спросила Модра.

— Ну извините, это уж Джимми выбрал такое место. Синты же — вроде собственности, верно? Типа роботов-кукол. Так что их никто не считает, и я смешалась со всеми, и все было весело, да. Но потом, когда я попыталась ускользнуть, тот здоровяк поймал меня и начал шлепать, и угрожать побить меня перед всеми. И сказал, что не будет так делать, если я буду послушной и пойду вместе со всеми. Ну, я же, типа, не могла сорвать свое прикрытие, верно? Я осталась. Боже, какие же эти девицы тупы-ые! Молли по сравнению с ними — капитан Чин. Так что...

— Гриста... — раздраженно сказала Модра.

—... в общем, когда я попыталась пробраться к черному ходу, эти тупые коровы начали орать, что я убегаю! И вот заходит этот чувак, хватает меня и тащит куда-то...

— **Гриста!** Сломай наконец пентаграмму! — резко перебила Модра.

— Ах, да! — Копыто пересекло черту. Раздался короткий треск, и они поняли, что снова синхронизированы.

Модра с облегчением опустилась на землю.

— Заметь себе на будущее — в пентаграмме должно быть место, где можно сесть!

— И помочиться, — добавил Джимми. — Продолжай, пожалуйста.

— Ну, так или иначе, — продолжила Гриста, — он тащит меня в комнату, и я гляжу — у него наручники, и он собирается меня приковать. А еще у него такой, типа электрохлыст, так что я сразу поняла, чем все кончится; и вот он толкает меня к стене, а я замечаю такой здоровый горшок, и когда он поворачивается за цепями, я хватаю горшок и со всего маху опускаю ему на голову! Горшок вдребезги.

— То есть ты вырубила его? — изумленно и с облегчением спросила Модра.

— А вот это самая бредовая часть. Он так постоял секунду, типа не понял, а потом и говорит так запросто, вот как ты или я: «Странно. Такого мы не программировали!» И падает в отключку.

— Надо научиться писать на корточках, — уныло сказал Джимми, оглядываясь. — Не понимаю, как вам, девушки, это удается.

— Тренируйся, — ответила Модра, потом взглянула на Гристу. — Нам надо было одеться потеплее. Не припомню, чтобы здесь когда-либо было так холодно! Температуру всегда регулировали.

— Ага, один из парней в кабаке что-то про это говорил, — отозвалась Гриста. — Сказал, что это так сделали специально, чтобы стало поменьше бродяг и все такое.

— Похоже, они хотят по-тихому очистить улицы по ночам, — предположил Джимми. — Ладно, как бы они ни старались, им не удастся закрыть этот мир, не закрывая всю Биржу.

— А у вас как дела, ребята? — спросила Гриста. — Как я вижу, вы здесь и расстроены, так что, полагаю, неважно.

— Это еще мягко сказано, — призналась Модра. — Надежда есть, но небольшая. И честно говоря, слинять отсюда живыми тоже шансов немного. Они принимают нас за агентов Кинтара.

— Просто великолепно, — сварливо сказала Гриста. — Я не могу, как раньше, соединяться с вами, но если я по-прежнему буду тут, когда тот парень придет в себя и кликнет полицию, я труп. Если, конечно, он придет в себя. Правда, не знаю, захочет ли он связываться.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— А, да там сегодня выгнали пару придурков. Они говорили, будто мы чертенята. Взбаламутили кучу народа, даже закрыть пришлось пораньше. Но я же совсем не похожа на Кинтара!

— Похожа, если никогда не видел оригинала, — сказал Джимми. — Рога на голове, раздвоенные копыта, нижняя часть как у животного. Полагаю, кто-то — либо не-терранин, либо просто не особенно подкованный в этом вопросе — просматривал древние терранские мифы и перепутал нимф с сатирами.

— Не хотелось бы напоминать, — заметила Гриста, — но не пора ли нам убираться отсюда? Если тот чувак очнется, он же пойдет убивать всех розовых синтов подряд!

— Я бы не слишком беспокоилась о нем, — сказала Модра, — конечно, если ты не убила его. В таком случае здесь все будет кишеть цимолями.

В это время дверь черного хода со стуком отворилась, и наружу вышел дородный мужчина с электрохлыстом в одной руке и пистолетом в другой. Судя по виду, он был готов убить всякого, кто встанет ему поперек дороги. Он заметил их еще до того, как они успели шевельнуться, и у Джимми появилось странное чувство дежа вю. Впрочем, на этот раз ему не придется драться.

— А вы еще кто такие? — угрожающе прорычал мужчина.

Джимми взглянул ему в глаза и спроецировал изображение.

— Мы три матроса-терранина, и мы пьяны, и мы гораздо крупнее и злее тебя, — ответил он.

Тот на минуту застыл в растерянности. Затем спросил:

— Никто не видел тут синт, такую розовую с коричневым? Она должна была выйти отсюда.

— Отсюда никто не выходил, а мы здесь уже полчаса, — развила мысль Гриста. — Шел бы ты к себе да пересчитал своих чертенят. Может, она еще там?

Он совершенно потерял ориентацию.

— Ага, точно. Так и сделаю, — ответил он и пошел обратно. Весь его гнев куда-то улетучился.

— Эй, постой-ка, — позвала Модра. — Часы есть?

— Да, конечно. Вот, — он с ошалелым выражением лица снял часы с руки и подал ей.

— Благодарю, — ответила она. — Можешь идти.

— Пожалуйста, — откликнулся он и ушел к себе.

— Не слишком-то сложно, — заметил Джимми. — Он пойдет к себе, пересчитает их, и их окажется столько же, сколько и было, хотя ни одна не будет похожа на нужную. Он решит, что споткнулся, ударился головой, и ему все померещилось. Гриста, может, тебя официально и не существует, но по крайней мере, никто не доложит о сбежавшем синте.

Гриста изумленно покачала головой.

— Круто! Вот бы нам такое пригодилось, когда мы голодали!

— Много бы добра мне оно принесло тогда, — сердито сказал Джимми. — И все же, сейчас я бы променял всю эту силу на те деньки.

— Я тоже считаю, что пора задуматься о еде, — сварливо перебила Модра. — Я умираю с голоду, и как знать, когда нам еще удастся поесть? — Она вздохнула. — Ну и денек! Я обнаружила, что муж аннулировал наш брак из-за моих холодных ног и напряженных отношений в семье и теперь живет с ухоженной пустоголовой красавицей метиской. Потом я узнаю, что у меня будет ребенок, затем меня объявляют врагом народа, и вот я сижу здесь, в переулке, окоченевшая и разбитая, и без единой конфеты!

— Святые угодники! **Кто** у тебя будет? — воскликнула Гриста.

— А что, разве я тебе не говорила?

— **От кого?**

— Понятия не имею. Я еще не сделала все анализы. Одного хватило. Наверно, от Джозефа, если подумать. Да неважно, на самом деле. Шансы на то, что дитя увидит свет, довольно призрачны.

Джимми взял часы и посмотрел на них.

— Ну, если они показывают верное время, то мы это узнаем через пару часов.

— А что, если они вам откажут? — спросила Гриста.

— Попробуем сбежать и найти другой путь, — ответила Модра. — Мой дражайший экс-супруг оставил мне от щедрот все права на «Делателя вдов», если я не стану ссориться. Впрочем, там вряд ли много осталось, а мозги бедного Триса наверняка пропустили через блендер. Но я все же не думаю, что нам откажут, — слишком многое на кону.

Ожидание было долгим, изматывающим.

Когда в назначенный час они появились на месте, там уже все было перекрыто. Солдаты по-прежнему несли караул, усиленный несколькими новыми отрядами. Женщина-цимоль

тоже была там; на этот раз в руках у нее был большой кейс. Она была без парика и подключена к нему через цимоль-разъем.

Модра взглянула на цимоля.

— Итак?

— Я подключена к Хранителям. Вы можете говорить с ними через меня, — ответила она.

— Так не годится. Нам необходимы переговоры на высочайшем уровне — на каком, мы сами точно не знаем, — сказала ей Модра.

— Прямое общение с Хранителями невозможно. Не в смысле «не разрешено», просто физически невозможно.

— Другие действовали через нас, — сказала Модра. — Хранители могли бы так же действовать через вас. Для этого достаточно подключения.

— Снимите свою защиту и подойдите ко мне, — сказала цимоль.

Джимми покачал головой.

— Мы не настолько глупы. Даже если бы мы полностью доверяли вам и вашим хозяевам, здесь полно нервных солдат, которые не являются цимолями, и которым сказали, что мы опасные враги. Мы оба знаем, что не дойдем до вас живыми, каковы бы ни были их инструкции.

— Тогда мы в тупике. Вам почти нечем торговаться. Немного времени, и вас выследят. Вы не сможете ничего купить, не сможете воспользоваться ни одной услугой на планете без регистрации в центральных компьютерах. В таком большом городе можно прятаться день-другой, но рано или поздно мы вас достанем.

— Есть другой вариант, — сказал он.

— Я слушаю.

— Достаньте маркер или мел. Начертите вокруг себя и своего устройства знак, который мы вам подскажем. Тогда мы встретимся на защищенной территории.

— Неприемлемо. Подобная среда, очевидно, не в фазе с пространственно-временным континуумом.

— Вы не сможете поддерживать контакт в такой среде?

— Смогу, однако я окажусь беззащитна перед вами.

— Это мы окажемся рядом с вооруженным и обученным цимолем, — невесело усмехнулся Джимми. — Мы будем буквально в вашей власти, взамен всего лишь исключив возможность инцидентов. Ваши хозяева наверняка не боятся контакта с равными себе! Даже если бы нами управляли Кинтара — хотя это и не так, — ни у кого из нас не будет преимущества. И если ваши хозяева почувствуют присутствие какой-либо могущественной враждебной силы, они всегда смогут разорвать контакт без малейшего ущерба для себя.

На секунду она замерла.

— Анализ показывает, что в подобной ситуации вы действительно рискуете гораздо больше, чем они, — признала она. — А почему вы не боитесь, что я убью вас обоих, как только мы синхронизируемся?

— Вы же не убили нас, когда мы садились на планету, — указала Модра.

— Мы хотели выяснить, куда вы пойдете и с кем будете встречаться, — сообщила женщина-цимоль. — Мы не видели для себя никакой угрозы, с которой не смогли бы справиться.

— Угроза есть! — воскликнул Джимми. — И зовут его Сатана, или Механик, или Старый Ник, и миллионом других имен! Он здесь, в нашей галактике, пожирает нас, разрушает Три Империи! Вы хотите знать, во имя чего мы вверяем себя вам? Во имя веры. И ни ради чего больше. Веры во врагов этого черного. Веры в ту расу, что некогда объединилась с двумя другими, чтобы победить этого врага. Мы верим вам. Ответьте нам тем же!

Снова пауза, и наконец женщина-цимоль сказала:

— Хорошо. Я поступлю, как вы предлагаете.

И Модра, и Джимми позволили себе легкий вздох облегчения.

Цимоль отошла, ей понадобилось несколько минут, чтобы найти что-нибудь, чем рисовать. Она вернулась с небольшим прибором и положила его на гладкую поверхность площади. Приборчик зажужжал и начал чертить идеально прямую линию, затем другую.

— Сделайте ее достаточно большой, чтобы мы втроем могли сесть, — крикнула Модра.

Прибор, видимо, предназначенный для разметки дорог службой дорожного движения и при ремонтных работах, начертил совершенную и довольно крупную пентаграмму. Модра подумала, что, должно быть, со стороны это выглядит по-идиотски; ей самой так казалось. Каждый мог и сам нарисовать пентаграмму, встретить подобный рисунок можно было где угодно. В нем не было ничего таинственного или магического, если его не активировать и не воспринимать за пределами привычных трех измерений.

— Готово. Что теперь? — спросила цимоль.

Двое взглянули на новую пентаграмму и внезапно очутились внутри, рядом с цимолем. Оба изрядно волновались — теперь они буквально висели на волоске. Ничто сейчас не помешало бы цимолю вырубить их.

— Я предупреждаю вас, что в этом кейсе не только средства связи и источник моей энергии, но и мощное взрывное устройство. Если хоть что-то пойдет не так, устройство сдетонирует. Я никак не могу им управлять, так что захватив меня, вы добьетесь только взрыва. Мы сами будем решать, все ли идет как надо.

— *Тобруш! Тобруш! Вы готовы?*

— Пентаграмма затрудняет прямую связь. Нам попробуют навести помехи, — предупредила Миколь. *— Но, учитывая, что мы уже связались, я полагаю, что у них ничего не выйдет. Контакт! Давайте!*

Сознания Джимми и Модры накрепко соединились, и они сконцентрировались на проводе, соединяющем голову цимоля и прибор.

Они услышали шипение и треск, как если бы далекий радиосигнал, несмотря ни на что, мужественно пытался пробиться к ним. Они ощутили, что Тобруш приняла сигнал и усилила его через прямую связь с ними, готовясь пробить все блокады, сколько бы их ни было...

Они пробились! Контакт был!

Площадь, солдаты, весь город внезапно исчезли, оставив на своем месте лишь головокружительный поток концепций, образов и форм настолько же непостижимых для них, как в свое время Корабль. Но посреди этого хаоса, в глубине своего разума, они увидели, что Хранители все же были, и увидели, где они были.

Колоссальная кремниевая сфера, невероятно безупречная, невообразимо совершенная, состоящая из кристаллов, связанных между собой самыми непредставимыми способами. Скрытая, замкнутая, уединенная форма жизни, не похожая ни на одну из известных.

Хранители были едины со своей столицей! Вся планета — это и были Хранители! И «мозг» цимоля был лишь их частичкой!

И вот общинная сущность Миколя, великий органический компьютер, встретился и заговорил с мозгом одновременно единичным и множественным, с Хранителями.

— Тот, что был изгнан, вернулся. Он должен быть снова изгнан.

— Наши владения гибнут от его тьмы. Уже сейчас, узнав о нашем контакте, он пытается разорвать его.

— Вдвоем мы способны только сдержать его, но не изгнать.

— Какие средства способны изгнать его?

— Эти данные защищены даже от нас. Наше соединение неполно. Лишь тот, кого нет с нами, может получить к ним доступ.

— Как же нам составить Великое Собрание?

— Ты должен стать посредником, как и раньше. Эти двое хорошо послужили. Они еще послужат нам. Мы и предположить не могли, что низшая раса способна успешно пройти Испытание. До этого никто, кроме Миколей, не отправлялся в Великое Ничто. Как это оказалось возможным?

— Они были рождены от Кинтара, еще до мятежа. Дух Миколя горит в их силе и воле, они выживают, несмотря ни на что. У Четверых общий Отец, и именно Отец устроил для них Испытание. В них два противоборствующих начала, Мятежников и Экипажа, но они равны по силе. Они идут обоими путями, выбирая тот, что лучше подходит их расе. Но путь их не

предрешен, хотя они и унаследуют, если докажут, что достойны. В противном случае проект будет закрыт.

— Мицлапланы рассредоточены и разделены, они — легкая добыча для этой расы. Хранители Знаний Добра и Зла находятся в одном месте, и если это место падет, то падут и они. Миколи точно так же уязвимы — даже если кое-кто из них и выживет, их Знания будут утеряны.

— Да, но новичков уже больше тридцати триллионов. Даже если большинство выберут тьму, останется немало.

— Как Отец когда-то действовал через нас, так мы теперь должны действовать через них.

— Мицлапланы должны присоединиться. Пароли должны быть даны. Данные должны стать полными.

— Но хватит ли Мицлапланам веры, чтобы сделать то, что должно?

— Пятеро избранных должны встретиться вместе. Великое Собрание должно состояться.

— Где?

— На Миколе. Как можно ближе к месту вторжения. Там Пятеро станут Тремя.

Модра и Джимми увидели ослепительный свет, как будто на них неслась громадная комета, слишком быстрая, чтобы они успели спастись. Она врезалась в них, и оба почувствовали резкую боль во лбу.

Соединение прекратилось.

Они потрясли головами и попытались успокоить друг друга.

— Не думаю, что мне хочется еще раз воспринимать чужих, — наконец выдавила Модра.

— Да, но дело сделано! — закричал Джимми. — У нас вышло! И они даже позволили нам слушать!

— Надеюсь, это к лучшему, — заметила она. — Все, что я поняла — нам надо собрать нашу команду в смертельно опасном месте, и там эти ребята используют нас в качестве инструментов. Я даже не уверена, нравится ли мне вот это «пятеро станут тремя». Значит ли это, что мы впятером будем их представлять, или что двое из нас умрут?

— Хотелось бы верить, что первое... А что это у тебя на лбу? Прямо под волосами?

Он дотронулся до ее брови и поднес палец к глазам.

— Кровь.

— У тебя тоже, — сказала она. — От этого-то у нас под конец и заболела голова. Чем это в нас пальнули?

— Рана быстро заживет, — сказала им женщина-цимоль.

— Но что это? — спросила Модра. — Что вы с нами сделали?

— Небольшая, совсем крошечная часть Хранителей теперь внутри вас. Она сама внедрится в ваши системы; вы можете о ней не думать.

Модра моментально ударилась в панику.

— Так мы что теперь, **цимоли?**

— Вроде того, но не такие, как я. Вы остались самими собой. Однако то, что вы увидите, увидят и Хранители, если они пожелают. Ваши мысли и чувства будут известны им. Вас нельзя будет запрограммировать или управлять вами, но за вами можно будет наблюдать, а также общаться через вас с другими Высшими.

— Великолепно! — вздохнула Модра. — Теперь у меня контакт с целой **планетой!** Односторонний к тому же. Они будут развлекаться, а у меня будут железки в голове. Мне предстоит классная личная жизнь!

Джимми волновало другое.

— Надо срочно послать флот, чтобы остановить погромы!

— Часть флота будет откомандирована для этой цели, однако это не так просто, — сказала цимоль. — Многие из терран действительно работают на врага. Мы не можем рисковать, давая им оружие, а разжигание предрассудков среди других рас не прекращается. Тем не менее, теперь мы честно попытаемся взять ситуацию под контроль.

— Ну, хоть что-то, — ответил Джимми. — Итак, надо полагать, вы получили новые инструкции, что делать с нами дальше?

— Приказы об отмене ордеров на вас отдаются уже сейчас. Все цимоли получат сигнал, предписывающий соединение, и к утру получат всю информацию. Поскольку с Мицлапланами не установлен телепатический контакт, потребуется связаться с ними напрямую. За это время мы должны будем приготовиться отбыть на Миколь. Потребуется физическое присутствие всех пяти терран — зачем, мне неизвестно.

— «Мы»? — спросил Джимми.

— Я полечу с вами. Хранители могут наблюдать за вами, но не передавать вам инструкции. Я сейчас владею всей необходимой информацией, касающейся того, что и когда вам следует делать. Я — представитель Хранителей, как ваша миколианка представляет Миколей.

— Нам надо забрать Гристу, — напомнила Модра, — и не дать себя подстрелить, пока все цимоли не узнают, что этого не надо делать.

— Гриста! Надо же, я совершенно забыл про нее, первый раз в своей жизни! А действительно, следует ли нам держаться в тени, пока им не сообщат?

— Я буду постоянно сопровождать вас до тех пор, пока мое задание не будет выполнено, — ответила цимоль. — Я в состоянии обеспечить вашу защиту.

— Может, вернемся в отель, отсидимся там до утра? — предложила Модра. — Ваши люди наверняка там все разгромили, но все же это лучше, чем торчать здесь. Мы сможем туда

попасть, если они не испортили пентаграмму. Но сначала нужно вернуться к Гристе и рассказать ей, что произошло.

— Если вы скажете мне место, я прослежу, чтобы она добралась до отеля, — сказала им цимоль. — Меня зовут Грета Тюн.

Кивнув ей, они вернулись в свою первую пентаграмму.

— Чтобы выбраться, нужно, чтобы кто-нибудь переступил черту! — крикнула Модра женщине-цимолю. Потом вздохнула. — Ну вот. Хранители в игре, Миколь тоже. Теперь все зависит от Криши и Ган Ро Чина.

* * *

Приятно было вновь оказаться на мостике «Делателя вдов», даже несмотря на безлюдность. Триса давно не было в живых, и Дарквиста тоже, а Трэннон Коуз, сочтя их мертвыми, забрал свою долю и исчез туда, где службы безопасности не могли бы его отыскать. Ремонтная бригада ненадолго забирала корабль к себе, но сейчас уже вернула его, и теперь это целиком и полностью был корабль Модры, независимо от того, кто в нем находился.

— Подлетаем к границе, — объявила она через интерком. — Думаю, вам стоит поглядеть.

Джимми Маккрей, Грета Тюн и Гриста подошли поближе, чтобы взглянуть на экраны.

Джимми перекрестился.

— Океан тьмы! — выдохнул он. — Сквозь **такое** нам нипочем не пролететь.

— Как будто они знают, кто мы такие, и не хотят нас пускать, — заметила Гриста. Они пытались оставить ее на Бирже, соблазняя неограниченными кредитами и всевозможной роскошью, объясняя, что она не сможет бежать последний этап эстафеты против самих Кинтара, но Гриста, как обычно, всех уболтала. Ее ход мыслей и эмоции оставались для них загадкой — она была независима, и у Джимми не было ничего, что он мог бы ей предложить. И все же, несмотря на это, она до сих пор оставалась привязана к нему.

— Но это всего лишь бесформенный материал, не обладающий значительной плотностью, — заметила Грета Тюн.

— Ты и знать не знаешь, насколько это мерзкая штука, — ответил ей Джимми.

— Дайте мне управление, — внезапно приказала она. — Полностью сосредоточьтесь на вашем контакте с Миколем и будьте готовы.

Ее просьба казалась странной, но во Вселенной, где люди появлялись и исчезали из нарисованных пентаграмм, случались вещи и постраннее.

Надев командный шлем, Грета подключилась к ведущим компьютерам корабля. Их еще давным-давно модифицировали так, чтобы они содержали больше данных и программ — для Триса, конечно. Затем она возложила одну руку на лоб Джимми, на то место, где еще оставалась маленькая царапина, а другую на такое же место у Модры.

Внезапно они почувствовали поток энергии, который тут же устремился во все стороны от корабля, быстрый, как комета. Распространившись на расстояние около километра, поток перестал двигаться, словно щитом окружив корабль. Корабль двинулся вперед, во тьму, и щит соприкоснулся с чернотой.

Тьмы словно коснулось нечто обжигающе белое, невыносимое. Не колеблясь ни секунды, она расступилась перед щитом с такой скоростью, словно он обжигал ее.

Сгустки выглядели очень плотными и зловещими, но щит был для них словно ядом, и, не смея приблизиться, они уступали «Делателю вдов» дорогу. Тем не менее прошло немало времени — им уже начинало казаться, что этому не будет конца, — пока корабль не вырвался в открытый космос. Как только они удалились от пограничного кордона, Тюн убрала руки с их лбов. У них появилось странное ощущение, словно от их голов что-то отключили.

— Что это было? — спросила Модра. — Неделю-другую тому назад нам бы такое очень пригодилось!

— Подобный материал использовался в свое время для регулировки Вселенной, — объяснила цимоль. — Кинтара — не единственные хранители тайн, они не могут выстоять против объединенной силы двух Высших рас. Мы не беззащитны, знаете ли. У нас тоже есть сила!

Маккрей поднялся и прилег на кушетку, предчувствуя мигрень.

— Скажи-ка мне, — попросил он, — ты ведь все знала, еще когда в первый раз пришла на переговоры?

— Я не знала всего до тех пор, пока мне не потребовалось это узнать, — ответила цимоль. — Описание процесса было мне известно, однако в чем он состоит, я выяснила только тогда, когда его запустила. Хранители тоже не имеют постоянного доступа ко всем своим архивам; они не вполне понимали, что происходит, вплоть до контакта с Миколем. Судя по многим признакам, им с самого начала было известно гораздо больше, но нужен был этот контакт, чтобы актуализировать некоторые старые архивы. Данные, которые не используются в течение трех-четырех столетий, зачастую хранятся таким образом, для обеспечения максимальной сохранности.

Джимми был поражен.

— То есть ты хочешь сказать, что они попросту **забыли** о Кинтара? И именно поэтому не встревожились, когда была обнаружена станция?

— Ничто не было забыто. Но после того, как Хранители позволили построить столицу на собственной поверхности, их ресурсы расширения памяти оказались ограничены. После тысячи лет, потраченных на безрезультатные исследования, была рассчитана вероятность преимущественной значимости этой информации по сравнению с другими вычислительными задачами, и было принято решение о признании этих данных избыточными.

— Компьютер, — пробормотал Джимми. Почему-то он так и думал. Только компьютер был способен создать такую систему, как Биржа.

— Пока проводились эксперименты, они являлись основным банком данных, — рассказывала Тюн. — Пока ими управляли и чинили их Те, что Наверху, их ресурсы были практически неограниченны. Однако после того, как Те решили бросить и оставить нашу Вселенную как она есть, Хранители стали сами по себе. То, что создано и сохраняется ими, согласно их программам, базируется на высших достижениях науки и принципах математической статистики.

— Статистическая кривая, — вздохнул Джимми. — Половина выше порога, половина ниже. Десять процентов на самом верху, десять в самом низу. В том числе те миры, которые слишком бедны или беспомощны, чтобы создавать что-либо помимо страданий. Они — меньшинство. Статистическая необходимость. Господи Иисусе Христе!

Цимоль не уловила его возмущения.

— Ты замечательно понял нашу систему. Экспансия является, по сути, ее предохранительным клапаном, а сама Биржа — механизмом. Те миры, что уже существуют, помещаются на кривую и упорядочиваются на ней. Продающиеся новые миры и поселения разряжают напряжение и смягчают социальную несправедливость. Если ты знаешь, как построить идеальное общество, накопи денег, купи себе мир и пробуй. Независимо от того, что у тебя получится, твой мир будет размещен на кривой, и в целом картина не изменится. Наша схема поощрения дает не больше инноваций, чем везде, однако количество разумных существ, имеющих уровень жизни выше среднего, у нас наивысшее среди Трех Империй, что доказывает состоятельность системы. Миколь — всего лишь Кинтара в миниатюре, где десять процентов правят, а девяносто пресмыкаются. Мицлаплан держится настолько близко к нулю, насколько это возможно, но при этом теряет в инновациях, и все их государство стоит на полиции мыслей с искусственно заниженным технологическим развитием.

— Я же не спорю о ценности трех систем, — проворчал он. На самом деле, он считал, что все три никуда не годятся.

— Я хорошо знала некоторых мицлапланцев, — заметила Модра. Ее головная боль улеглась. — Они совершенно не выглядели зомбированными.

— Это были церковники и космолетчики. Единственные две группы, необходимые для контроля над остальными и работоспособности системы. Но не забывай, что все церковники дают обет безбрачия и подвергаются промывке мозгов. Вся их система основана на природе самих Мицлапланов, которые не могут даже есть самостоятельно и во всем зависят от послушных, не задающих вопросов рабов, которых создают себе для любой работы.

«Компьютер, разумная зараза и раса супер-гипнотов, — подумал Джимми. — *Вот хозяева нашей Вселенной!»*

Неудивительно, что дела пришли в расстройство. Даже у Кинтара была своя слабость. Уважая только силу, они были органически неспособны делать вместе хоть **что-нибудь**.

«Если эти четверо отражают образ Творца, — подумал он, — *то Корабль никогда никуда не долетит».*

Это уже было очень близко к богохульству, и ему пришлось поразмыслить еще.

«Нет, — наконец решил он, — *они, должно быть, не отражения, а инструменты Творца! Инструменты, созданные для работы, а затем, когда работа была завершена, оставленные ржаветь во дворе. Ожидающие, пока кто-нибудь возьмет и воспользуется ими, но неспособные использовать сами себя».*

И в этом-то, понял он, и был ключ. На этот раз они, пятеро терран, используют инструменты. Расцветающая раса. Раса с большим будущим. Раса, которая, может быть, когда-нибудь будет править как минимум всей галактикой. Раса, для которой ставка в игре — не просто выживание.

— *Вот инструменты,* — словно бы сказал им Старший Помощник. — *Берите, пользуйтесь, возьмите себе свое. Ах да, и забыл сказать: мы потеряли руководство по эксплуатации.*

Через девять дней они достигнут места встречи.

ПЯТЕРО — ТРОЕ — ОДИН

— Капитан! — Модра бросилась к Ган Ро Чину и обняла его. — Ты не представляешь, как мы обрадовались, когда узнали, что ты возвращаешься с доброй вестью!

— Это было непросто, — ответил он, немного смущенный такой теплой встречей. — Они все тянули резину и никак не хотели признавать очевидного. Только не зови меня больше «капитан», просто «Гани» или «Чин», или... да, слушай! Меня же рукоположили!

Она была в шоке, хотя сразу заметила его мантию.

— О нет...

Он вытащил сигару.

— К счастью, хотя бы в этой области меня предоставили самому себе. Но не в других; впрочем, пока что мне нравится. Работать с Кришей — эта радость вполне может восполнить мне потерю статуса руководителя... вот только боюсь, радоваться мне придется, лишь когда мы завершим наше дело.

— Почему? В чем дело? — нахмурилась она.

— Сейчас она явно не в себе. Выглядит-то она нормальной, но внутри нее чувствуется... нечто. Какое-то присутствие — может быть, Ангела, может быть, кого-то, созданного Ангелами, но оно есть. Чаще всего оно дремлет, но когда показывается, мне даже становится немного страшно. Но и тогда, когда оно как будто спит, оно все равно там. Мы тут по дороге сыграли в го. Я — гроссмейстер го. Криша никогда раньше не играла. И она победила меня! Влегкую. Всухую. Играла как с ребенком. Понимаешь, я не поддавался ей. Может быть, это такое испытание для меня, чтобы узнать, могу ли я стать смиренным?

— Что ж, у меня внутри такой сущности нет, зато есть попутчик. — Она убрала волосы со лба и показала.

— Святые небеса! У тебя будто алмаз во лбу!

— У Джимми тоже, — кивнула она. — Они не могут с нами общаться напрямую, но до них доходит все, что мы видим, слышим, думаем, и даже наши сны. Джимми снятся кошмары, что эта штука растет и захватывает его. Мне тоже, иногда. Я вспоминаю, какой был Трис под конец...

— Не надо так волноваться. Да... мне говорили, ты ждешь ребенка. Я знаю, что он скорее всего от Джозефа, но...

— Я тоже не знаю, — скривилась Модра. — Не делала всех тестов. И вопрос еще, стоит ли вообще сейчас рожать детей?

— Возможно, и стоит. У меня начала появляться надежда. Нам удалось собрать все Высшие Расы, что уже само по себе чудо. Представляешь, Криша просто **прошла** сквозь тьму. Та не могла прикоснуться к ней. Конечно, я помогал ей — сбил четыре кваамильских истребителя, напавших на нас. Для священника это тяжкий грех. Как будто я вернулся на симуляторы Академии, когда крошил врагов Мицлаплана, превосходя их в численности и вооружении. Я тогда наслаждался каждой минутой.

— Я думаю, где-то в глубине ты понимаешь, что был рожден для нашего похода, быть может, даже для этой минуты. Мы не радуемся гибели старых друзей и тому, что творят Кинтара, но... ты же понимаешь.

— Да, боюсь, ты права. Я искренне и честно хочу, чтобы всего этого никогда не было, чтобы то, что мы делаем, никогда не стало бы необходимым. Правда. Но раз уж так случилось,

я бы чувствовал себя крайне неприятно, если бы остался в стороне. — Он помолчал. — Полагаю, Джозеф не может не знать о ребенке?

— Да уж конечно. Как только узнала я, узнал и он. Он хочет, чтобы я извлекла его и отдала ему в лабораторию — «чтобы ребенок развивался нормально».

— И что ты ответила?

— Такие выражения не принято произносить при разговоре с духовными лицами. Я хотела было сказать, чтобы он убирался в преисподнюю, но он там уже был!

Чин посмотрел ей через плечо.

— Нас зовут. Полагаю, им тоже не хочется терять времени.

Модра поняла, что имел в виду Чин, говоря о Крише. Она нормально разговаривала и хорошо выглядела, но при этом держала голову очень прямо, как будто та в любой момент могла упасть, и ей приходилось постоянно удерживать ее в равновесии. От нее прямо-таки исходили лучи чистой силы, чего никогда не бывало с той Кришей, которую знала Модра.

Больничный покой миколианского тяжелого крейсера был переоборудован. Всю мебель отсоединили и убрали; на блестящем полированном полу был начерчен огромный трехцветный чертеж, теперь хорошо им знакомый. Внутри хватало места для всех.

Тобруш как хозяйка взяла на себя роль руководителя.

— Просим прощения за спешку, но мы получили донесение о крупном отряде кваамильских повстанцев, двигающихся в нашем направлении, — сказала она. — Учитывая место их отбытия и настоящий курс, вряд ли нужно говорить, кто, или скорее, **что** управляет ими. Расстояние порядочное, так что опасность пока невелика, но чем ближе они подойдут, тем больше сил нам придется сосредоточить на защите, а Великому Собранию следует посвятить столько времени, сколько потребуется.

— И **сколько** же потребуется времени, Тобруш? — спросил Ган Ро Чин.

— Этого нельзя знать. Возможно, несколько часов. Возможно, несколько наносекунд. Ни в одном из наших коллективных сознаний не сохранилось этих воспоминаний. Подобное событие уже случалось раньше, но тогда это происходило даже при более драматических обстоятельствах, поскольку в тот раз Мицлаплану и Хранителям пришлось довериться моему родному народу — не имея особенных оснований для такого доверия. Так что, с практической точки зрения, случай беспрецедентный. Мы не знаем, что произойдет. Мы не знаем, что нам удастся выяснить. В любом случае, скорее всего, скорость и объемы передаваемых данных окажутся чересчур велики для ваших терранских мозгов. Наши эксперты

полагают, что раньше или позже вы потеряете сознание. Не беспокойтесь. Мы расскажем вам то, что вам полагается знать, — когда сами узнаем. Итак, занимайте оставшиеся пять вершин, но оставайтесь внутри круга. Да, Чин, и ты тоже. Почему-то все три стороны считают твое присутствие важным фактором.

Они опустились на пол, как она им сказала.

— Цимоль, уровень энергии, требуемый для поддержания двустороннего контакта, обеспечат вспомогательные двигатели корабля, через этот трансформатор. Входи в круг, подключайся к Хранителям, а затем к обоим своим представителям. Модра, вставай справа от меня. Джимми — за ней. Затем ты, капитан — прошу прощения, Святой Ро Чин. Криша, ты слева. Джозеф — между Кришей и Чином. Каждый должен коснуться тех, кто стоит рядом с ним. Возьмитесь за руки, за усики, за что угодно, главное, чтобы плоть касалась плоти. Мы старались рассчитать размер печати так, чтобы вам не пришлось тянуться. Отлично. А теперь, как вы уже, наверно, заметили, остался лишь один просвет в контуре, для меня. Сейчас я замкну его. Начиная с этого момента, никто не должен покидать круга или прекращать контакт. Хорошо. Итак, цимоль, — тебе хватает энергии? Замечательно. Подключайся. Терране, постарайтесь ни о чем не думать, просто расслабьтесь.

Предложение расслабиться выглядело не более осуществимым, чем если бы их попросили не думать о слове «Кинтара». Тем не менее они постарались сделать это, приготовившись к неизбежному шоку и дезориентации.

Прошло несколько секунд, и ничего не произошло. Многие даже действительно слегка расслабились.

И вдруг жестокий шок невероятной силы ошеломил всех. Он исходил не от кого-то из них, но из самого чертежа, который, казалось, замыкал их своими линиями, так чтобы каждый касался каждого. Энергетическое поле оказалось настолько сильным, что никому из них не удалось бы двинуться с места, даже если бы у них осталась возможность подумать об этом. Всплеск энергии ринулся от Джимми и Модры к Грете, трансформатор задымился, женщина-цимоль упала навзничь и осталась лежать.

Все чувства исчезли. Цвета обрели плотность. Голубой истек из Модры и Джимми, встретился с золотым у Криши и затем столкнулся с красным у Тобруш.

Ган Ро Чин тоже ощутил шок, он увидел цвета таким образом, каким никогда еще не способен был видеть, хотя он был слишком ошеломлен даже для того, чтобы понять это.

Другой миколианец, наблюдавший извне круга, нервно сглотнул, увидев, как цвета печати засияли и начали пульсировать, словно зажив собственной жизнью. Отблески всех трех

цветов кружили и кружили по внешнему контуру круга, как будто бесконечно догоняя друг друга.

Цвета внутри печати текли, как ртуть, соприкасаясь, но не смешиваясь. Вновь и вновь они складывались во все новые комбинации, пока наконец, словно бы случайно, все три не сошлись в одну точку и не потекли в одно место.

В Ган Ро Чина.

И стал один Разум, единая мысль. В теле Хранителей, в Собрании Миколя, среди соединенных сознаний Святых Ангелов, появилось Одно. Информация собиралась, сортировалась, проверялась, интерпретировалась на скорости, приближающейся к бесконечной, затем связывалась по внепространственным каналам, не использовавшимся тысячелетиями. Данные соединялись, документы восстанавливались, пробелы быстро заполнялись.

И во всем этом стал виден единственный путь, причудливые механизмы которого могли победить Механика. И, осознав лишь сам процесс, но не невероятную логику, стоящую за ним, находясь превыше всех способностей Великого Собрания, Единое пришло к одному неотвратимому, очевидному заключению.

Будет нелегко.

В прошлом этот путь прошли Миколи, но им было проще, поскольку тогда даже Механик не подозревал, что они предадут его, пока не стало слишком поздно. Но теперь они не могли идти, поскольку были бы обнаружены даже раньше других. Не могли идти и Мицлапланы, поскольку им не хватило бы мобильности, чтобы добраться до Механика. А Хранители не могли пойти, потому что очень трудно не заметить, что на тебя движется целая планета.

Путь должны пройти терране. Они смогут добраться до места и проникнуть внутрь. Их не будут считать серьезной угрозой, особенно после их прошлых встреч с Кинтара. И, как Хранители вначале не могли поверить, что простые терране были способны сойти в Нижний Мир и выйти обратно, не став рабами Кинтара, так и Механик со своими главарями не поверят, что от них может исходить опасность.

Но они больше не смогут призвать на помощь никакой гипноз, не допускалась никакая предварительная обработка. Они понесут с собой мощь и знания, но они должны будут проявить собственную волю и использовать свои инструменты, чтобы выполнить задание.

Конец. Великая связь создана, цепь замкнулась. Правила и игроки установлены.

Неожиданно они почувствовали себя свободными, не только в смысле внезапно ушедших высших сил, но свободными вообще от всякого контроля. Высшие Расы более не были их владыками — они были их инструментами.

Некоторые упали от шока и перенапряжения; Джозеф тяжело дышал и почему-то боялся открыть глаза. Никому не хотелось двигаться; все пережили слишком много.

Внезапно Ган Ро Чин с криком вскочил и принялся рвать на себе мантию. Наконец, стянув ее с себя, от отшвырнул ее от круга. Она упала невдалеке, и смотревшие заметили, что она дымится.

Все ощущали себя как после тяжелой физической нагрузки; однако Криша нашла в себе силы спросить:

— Гани? Что случилось?

— Сигары! — откликнулся он, потирая ногу. — Эта проклятая штука, должно быть, подожгла все сигары, которые были у меня в кармане!

Им принесли еду и напитки, но большинство из них остались сидеть на полу. Ожог Чина выглядел неприятно, но оказался не таким уж тяжелым, а вовремя наложенная мазь сняла боль.

А вот Грете Тюн уже ничем нельзя было помочь. Она погибла, ее цимоль-мозг перегорел, как, вероятно, сгорели и вспомогательные двигатели корабля. Она просто выполнила свою миссию, и тем не менее все были потрясены.

— Хоть кто-нибудь помнит хоть что-то из того, что здесь происходило? — скептически спросил Джозеф.

— Тогда мне внезапно показалось, что я знаю все ответы, но теперь я не понимаю ничего, — ответила Тобруш. Все повторили примерно то же самое, кроме Чина, который до времени молчал, потягивая вино. Наконец он произнес:

— Я знаю.

Сначала они даже не расслышали его, но затем разом замолчали.

— Что ты знаешь, Гани? — спросила Криша. Ее связь с Ангелами исчезла без следа, но она, очевидно, не заметила ее отсутствия, поскольку изначально не ощущала ее.

— Нас пятеро. Это и будет наш отряд. Мы представляем тридцать с лишним триллионов терран и почти шестьдесят триллионов не-терран, и одновременно все Три Расы. Такова наша ставка. Нам дана сила — очень большое ружье, с помощью которого мы можем... нет, не убить, но заставить отступить даже **его**. Но помогать нам никто не будет, все будет зависеть от нас самих — это ясно так же, как и то, что мы по-прежнему на пути в преисподнюю.

— Откуда это тебе известно, капитан? — спросила Модра.

— Да, пожалуй, я приму это звание вновь. Кажется, меня назначили — тем самым пустым сосудом. Вот зачем им нужен был Нуль. Это не обязательно должен был быть я, конечно. Дело в том, что я не скован рамками опыта. Те инструменты, что они дали нам, эффективны, но тот, кто вырос, тренируя Талант, будет использовать их так, как ему привычно, полагая, что они

работают так-то и так-то. Но они работают несколько по-другому. Их надо использовать интуитивно, без предвзятости. Любой из вас может использовать их правильно, но я с большей вероятностью добьюсь успеха. Если со мной что-нибудь случится, их придется использовать кому-то из вас. Джозеф — ты, скорее всего, номер второй, поскольку у тебя тоже есть военная выучка, и ты вырос гипнотом, несмотря на твои теперешние Таланты. Кто будет следующим — знают только боги. И, возможно, кто-то из вас.

— Оно... оно дало тебе эти инструменты, Гани? — изумленно спросила Криша.

— Нет. **Вы все** несете инструменты. Я же использую их. Джозеф, в нашем походе ты почти так же важен, как и я, потому что мы вместе сможем вытолкнуть его за дверь, но без миколианца не сможем ее запереть. Это лишь ненадолго задержит его, и мне вовсе не улыбается провести вечность в каком-то иномирном аду, подпирая дверь. **Мы должны работать, как единая команда.** Боевая единица. И конечно, нам будет нелегко. Вероятность того, что нам удастся хотя бы выстрелить в него... ну, примерно такая же, как шанс пройти первую станцию, добраться до Города и вернуться живыми.

— С чего начнем? — спросил Джимми. — Как нам хоть найти-то этого Великого Князя Тьмы?

— Долгие годы, судя по всему, он сам находил нас, и у него получалось весьма неплохо, — хмыкнул Чин. — Именно так мы и должны поступить. Он может быть где угодно, так что нам придется заманить его туда, где мы находимся сами.

— Джозеф, что скажешь? Кваамил — твоя родина, — заметил Чин.

— Ты про ту могучую волшебницу, якобы превратившую в дролов целую армию? Я ни разу ее не видел, но, пока разведывал, слышал несколько ее описаний. Слишком мало для полной уверенности, но бьюсь о заклад, это Калия. И если это так, она наверняка обоснуется в улье Лорда Скуазоса, просто потому, что он рифиан. Он держит терран и дролов, созданных из терран, как рабов, или как домашний скот, говорите как хотите. Заставить его пресмыкаться или, еще лучше, подложить под себя — вот ход ее действий. Она уже разобралась с кланами, которые возглавляли терране. Скуазос как раз в центре всего. Если править из его улья, то можно контролировать всех Лордов Кваамила. Но такой мощи ей нипочем не дадут, и у нее ни за что не хватило бы терпения научиться ею пользоваться, даже если бы и дали. А значит, с ней по меньшей мере один из Князей, а может, и не один, и еще армии рядовых Кинтара. Гиблое место.

— Но это и центр тьмы, растущей над Миколем, — заметила Тобруш. — Если он подвергнется опасности, Механик наверняка появится, чтобы исправить положение.

— Именно то, что я хотел сказать, — сказал капитан. — Мы не беззащитны. Вы поймете это по пути. По одному мы сильны, но им не ровня. Вместе, объединившись, им нас не победить! Все Кинтара, даже князья — индивидуалисты и эгоисты. Каждый мнит себя будущим богом или полубогом. Как вы тогда перебили их в ином мире, так же мы можем побить их и здесь, во плоти. Но наша величайшая сила скрывает и величайшую слабость.

— Тебя послушать, так все легко, — заметил Джимми.

— Нет. Шансы против нас так же велики, как и против Трех, действовавших в прошлый раз. Если Кинтара удастся нас обособить, разделить нас, мы станем уязвимы. Если это произойдет, все ментальные связи, да что там, все наши **знания** также исчезнут. Вы даже не вспомните, где вы и как сюда попали. Это важно, потому что если они хоть на секунду заподозрят, что наша единственная цель — выманить Механика, то он ни за что не придет. Но, конечно, они ни на минуту не заподозрят ничего подобного. Они будут считать, что у нас есть какой-то щит. Если кого-нибудь из вас схватят, вам предложат **все, что угодно.** В буквальном смысле. И хуже всего то, что с их могуществом они вполне могут исполнить свое обещание для одного человека; их кодекс даже требует так поступить. Но, хоть вы и не вспомните, как все было, знайте, что согласиться означает продаться им, абсолютно и безвозвратно — вы станете их активными союзниками, вроде Калии. Вам не удастся их обмануть, да они и не позволят. Это-то вы поймете.

— Мы понимаем, — сказала Криша.

— Затем, если им не удастся купить вас, они попробуют вас запугать, как в том чертовом Городе. А могут сначала запугать, потом подкупать, или вперемежку. Делают они это весьма убедительно. Вам покажется, что вы остались одни, и на вас опрокинутся всевозможные ужасы. Если вы сломаетесь под их давлением, они получат удовольствие, но больше вы не будете представлять для них ценности. Если вы будете держаться, если останетесь непокорны, мы вытащим вас оттуда, но вы должны держаться и без надежды. Если вы сдадитесь, вы будете прокляты, и все, что они заставят вас видеть и чувствовать, станет реальным, необратимым, и больше вас ничто не спасет.

Угроза была серьезна. Криша вспомнила, как в Городе ее поглотила тьма, когда один из Кинтара захватил ее разум.

— Как же мы сможем держаться, если не будем надеяться?

— Мы здесь потому, что выжили, не сдавшись им. Некоторых изрядно поломало, но даже это укрепило вас. Вы остались верны, остались на нашей стороне. Ваша внутренняя сила должна поддержать вас. Вбейте это себе в голову! Отрицание! Им не достанется удовольствия лицезреть вас пресмыкающимися, что бы они ни делали! До каких бы низостей они ни снизошли, знайте,

что внутри вас есть нечто, им недоступное! И пока оно остается с вами, мы можем вас вытащить — и вытащим.

— Ты уверен, что говоришь про Кинтара? — иронически хмыкнул Джозеф.

— Именно. На самом деле все это нетрудно. Нужно лишь обнаружить вас или Кинтара, который вас схватил. А потом сразиться с демоном. У нас есть психические — или основанные на иной физике, называйте как хотите, — средства активной защиты, так что ему достанется крепко. Возможно, достаточно будет просто отвлечь его, чтобы освободить вас. У нас достаточно снаряжения, и физического, и ментального, чтобы это сделать. Я молюсь, чтобы ни один из нас не попал им в лапы, но не следует недооценивать врага, и мои молитвы могут не помочь.

— Погоди, капитан! В столице мы видели записи прорыва на Радужном Мосту, — заметил Джимми. — Их все же реконструировали, как бы кое-кто, не будем показывать пальцем, ни пытался их уничтожить. Нам показали их перед отправлением, и они очень похожи на то, что рассказал Трис Ланкур, когда считал память погибшего цимоля. Они стреляли в этих тварей в упор, из тяжелого оружия, но те даже не моргнули! А тот корабль, про который мы думали, что они его взорвали — там же такой кошмар творился! Все с ума посходили!

Ган Ро Чин вздохнул.

— Да. Я так и думал про корабль. Должно быть, они смогли взять достаточно энергии от станции, чтобы транслировать туда свои обычные ужасы. Но их иммунитет к обычному оружию — довольно естественная вещь. Возможно, это потому, что они лишь оболочка чего-то другого. Если судить по тому вулканическому миру, где мы были, я бы сказал, что они еще и огнеупорны. Тем не менее, они дышат, спят, э-э... едят, но добраться до них естественным образом сложно — хотя я полагаю, что существуют и другие способы драться с ними. У них все же есть уязвимое место, вот здесь, — он показал на свою грудь, — между сосков, ниже грудины, там, где у терран находится сердце. Если воткнуть сюда любой заостренный предмет, то будет задет жизненно важный орган. Они умрут. Но бить нужно только спереди. Сзади у них под кожей хитиновые пластины, которые если и не остановят удар, то в любом случае отведут его.

— Великолепно. То есть, они будут стоять и ждать, пока мы не воткнем им в сердце осиновый кол? — саркастически спросил Джимми.

— Если мы застанем их спящими, это сгодится. Если нет, достаточно их отвлечь.

— А что делать, если они нападут на нас по пятеро на одного? — спросил Джозеф.

— Не нападут.

— Ты что-то больно уверен. Не оттого ли, что ты Нуль?

— Боюсь, что, начиная с этого момента, я больше не Нуль, — вздохнул Ган Ро Чин. — То, что вошло в меня, сделало меня чувствительным к силам Высших Рас. Кинтара — одна из них. Я больше не имею против них иммунитета. И заверяю вас, я не очень-то рад этому. — Он помолчал. — Впрочем, не в этом дело. Они не нападут на нас впятером на одного, независимо от их количества. Потому что они — высокомерные эгоисты. Если они сосредоточатся на нас, им придется подставить спину своим соратникам, которые тоже имеют на нас виды. Даже если они будут драться как группа, мы сможем их сдержать. Вы четверо уже доказали это. Они будут нападать только в том случае, если кому-то из них покажется, что вы у них в руках. Тогда, в Городе, любой из них мог в одиночку справиться с двумя из нас, но с тех пор мы изменились. Даже если они нападут толпой, они не должны занять больше, чем двоих; остальные трое должны действовать быстро и эффективно. Мне говорили, что тот, кто последовал за Джимми и Кришей, совершенно проигнорировал остальных, что только подтверждает мое мнение об этих персонах.

— Но мы-то не иммунны к оружию, — заметил Джозеф. — Там будут еще и кваамильцы, а у них, насколько мне известно, лучшие защитные роботы.

Чин пожал плечами.

— Вы нейтрализовали отличную систему безопасности Биржи на Радужном Мосту и перепрограммировали цимоля. Что для вас обычные роботы? А что до остального — забудьте. В наших руках объединенная мощь Трех Рас. Она внутри нас. Вот что я имел в виду, говоря о нашей силе. Мы связаны, но я сомневаюсь, что даже они способны были бы объяснить нам, как именно. Но ты в чем-то прав. Мы не должны быть самоуверенны, как Кинтара, иначе поплатимся за это. Мы смертны. Если мы не успеем защититься и в нас попадут, мы, разумеется, изжаримся или истечем кровью.

Криша все еще беспокоилась.

— Гани, а сколько этих... ужасных тварей... можно ожидать встретить? Кинтара-то там наверняка кишмя кишат.

— По-настоящему трудно будет только с первым. После этого ты приспособишься к их частотам, и как только узнаешь их, то сразу сможешь заблокировать. Не стану говорить, что все не может получиться, как в тот раз, но чутье подсказывает мне, что мы с ними справимся. И тогда мы сможем игнорировать их, как поступают сами Кинтара. Иначе они бы постоянно навевали кошмары друг на друга.

— Капитан, не хотелось бы говорить, но я совершенно не ощущаю себя могущественной, — беспокоясь, сказала Модра. — Я даже не чувствую того контакта, что был прежде, хотя это скорее хорошо.

— Выберите лидера, — предложил он. — Все одного. Сосредоточьтесь на нем. Дайте ему управлять. Не беспокойтесь, все само получится. Если лидер погибнет или отключится, выбирайте другого.

— Похоже, у тебя есть все ответы, — заметил Джозеф. — Это они дают их тебе?

Ган Ро Чин пожал плечами, выглядя слегка смущенным.

— Джозеф, я ничего не скрываю от вас. Все, что мы делаем — это составляем общую точку, фокус для Высших Рас. Ты задал мне вопрос, и тут же пришел ответ. От кого? От Хранителей? От Миколей? Я не знаю. Нам понадобилось определение. Оно появляется. От кого? От Святых Ангелов? Я не знаю. Возможно, от всех сразу. Мы им не ровня, Джозеф. Возможно, когда-нибудь наши потомки сравняются с ними, если у нас будут потомки. Но мы — никогда, так же как они не равны небесному Экипажу, и не понимают сфер Корабля.

— Да, но ты сказал, что мы, с ними или без них, должны победить одного из Экипажа, неважно, мятежник он или нет, — заметил Джимми. — Как нам это удастся?

— Мы узнаем, когда придет время, — пообещал капитан. — Потому что документы, в которых содержатся соответствующие знания, писали Те, кто понимал его.

— Интересно, как он выглядит, — скорее проговорила, чем спросила Криша. — И еще интересно, можем ли мы вообще это узнать?

— Отвратительнейшая тварь, порождение мрака и порока, — ответила Модра.

— Или второе прекраснейшее существо в мире, — ответил Джимми. — Избранный Князь Ангелов, уступающий славой и красотой лишь Богу.

— Наверно, мы первые, кто отправляется к дьяволу на космическом корабле, — заметил Джозеф.

* * *

— Никак не могу привыкнуть, что тьма расступается перед нами, — заметила Модра. — Она здесь плотнее и обширнее, чем где-либо еще, словно что-то притягивает ее сюда, как магнитом, но тем не менее, нам дают дорогу. У меня такое чувство, что нас ведут прямо в ловушку.

— Мы на кваамильском корабле, с опознавательными знаками и регистрацией Кваамила, — указал Джозеф. — Если у них есть собственный флот, вряд ли они позволяют этой дряни приближаться к нему. Она слишком ненадежна, как ее ни программируй. Она здесь не в качестве барьера, как на границе.

— Именно, — выдохнул Джимми, натянутый как струна. — Она здесь — исходный материал.

— Ну хорошо, — сказал Джозеф не менее напряженно, — скоро вырвемся наружу. Все готовы? Нам придется действовать быстро, потому что, поскольку мы не знаем паролей, нас сразу же обстреляют.

— Устанавливай автопилот и прыгай в спасательную капсулу, — отрывисто сказал Чин. — Время дорого.

Джозеф переключил несколько тумблеров, сбросил командный шлем и опрометью кинулся к открытому люку капсулы. Он пристегнулся и задраил люк.

— Готов, — доложил он.

— Помните, надо держаться всем вместе, — предупредил Чин, — сосредоточьтесь на Джозефе и держитесь поближе к нему. Он знает, куда идти.

Каждый положил руку на кнопку сброса своей капсулы; все сосредоточились на Джозефе, ожидая его команды. Модра и Криша вначале несколько колебались, но Чин отчитал обеих, подчеркнув, насколько важно сейчас полное доверие между ними. Как бы они ни относились к Джозефу, они все были в одной лодке.

Корабль вынырнул в обычном пространстве. Джозеф оказался хорошим пилотом, и у него были отличные карты: на мониторах виднелась планетная система, вращавшаяся вокруг звезды класса «G».

— Пошли! — скомандовал Джозеф и они, с интервалом в доли секунды, запустили свои капсулы.

— Расходитесь! Расходитесь! Не группируйтесь вокруг меня, пока мы не отошли подальше! — крикнул Джозеф.

Они не видели корабля, скрытого в тени планеты, но внезапно там что-то ярко сверкнуло, и они поняли, что корабля больше нет. Тишина космоса показалась им неестественной.

— Ну вот, теперь можете присоединяться ко мне, — утешающе сказал Джозеф. — Сосредоточьтесь на том месте, где я нахожусь.

Они разлетелись так далеко, что не могли его увидеть; даже их приборы не предназначались для обнаружения таких крошечных предметов в настолько обширном регионе. Но тем не менее они отчего-то знали, где он находится. Приблизившись, они окружили его капсулу, сначала как попало, потом ровным строем, и направились вниз, к терминатору.

Ган Ро Чин советовал им как можно больше времени потратить на привыкание друг к другу, чтобы научиться действовать как команда, но пока у них получалось слабовато. Иногда группе удавалось слиться в единое целое, но чаще всего ее действия были далеки от совершенства. Это было плохим знаком. Конечно, будь у них месяца полтора тренировок на какой-нибудь теплой планете с похожим климатом, они бы смогли отработать методику до совершенства, но у них было всего несколько дней.

Все чаще и чаще их преследовала фраза Старшего Помощника о том, что они могут победить, только если окажутся достойны. Могут ли пять человек, представители весьма различных культур и систем ценностей, настолько довериться друг другу?

Но иного пути не было, это они знали точно. Девяносто триллионов фаустов свелись к пяти, представляющим по восемнадцать триллионов душ терран и не-терран каждый. Даже Джозеф ощущал лежащую на нем тяжкую ношу ответственности.

— В двадцати пяти километрах от столицы Лорда расположено озеро Врмул, — рассказал Джозеф. — Это основной источник питьевой воды для столицы. Там сейчас едва рассвело, так что в небе нас не будет видно. В центре довольно глубоко, но у берегов глубина не больше пяти метров. Следуйте по моей траектории с отрывом в полсекунды каждый, и мы приземлимся на мелководье, вблизи друг от друга. Как только приземлитесь, раздраивайте люк, выбирайтесь на поверхность и плывите к берегу. Не забудьте взять с собой все необходимое перед тем, как откроете люк. Обратного пути не будет.

Они окончательно осознали, насколько серьезно их положение. Их корабль был взорван, весь этот сектор находился в руках врага, и вряд ли кто-нибудь из внешнего мира теперь смог бы их найти. Их капсулы затонут в озере. Пути назад у них определенно не было.

Как и ожидалось, на месте их приземления поднялось пять высоких столбов воды. Удар о дно сотряс капсулы, как будто они врезались в каменную стену, затем они медленно всплыли на поверхность.

Переключившись на ручное управление, они выключили все системы и, задержав дыхание, открыли люки. Вода тут же хлынула внутрь, и капсулы начали тонуть. Но еще до того, как они скрылись под водой, вся команда в скафандрах уже плавала на поверхности. Скафандры защищали их от переохлаждения в воде, снабжали кислородом и даже улучшали плавучесть, а не тянули вниз.

Они вышли из воды почти в одном месте, и когда все были в сборе, сначала Джозеф, а потом и остальные отстегнули шлемы, откинув их назад. Шлемы свернулись в трубочку у них на плечах.

— Ну что, на этот раз никто не забыл захватить с собой запасные аккумуляторы? — шутливо спросил Ган Ро Чин.

Ответом ему были нервные смешки. Криша оглядела озеро.

— Здесь очень красиво, — сказала она с изумлением.

— А ты что ожидала увидеть? Камеру пыток? — обиделся Джозеф. — Этот мир специально улучшали, так же, как многие ваши. В естественном виде он нам не очень подходил, но его удалось подправить. Никто не хочет жить в отстойнике. Рифианы во многом похожи на терран, хотя по виду и не скажешь, — выглядят они довольно мерзко. Правда, им обычно нравится, где погорячее.

— Не то слово! — воскликнула Модра. — Только рассвело, а у меня на термометре почти тридцать пять!

— К полудню будет не меньше пятидесяти, — ответил Джозеф. — На полпути к точке кипения. Камни здесь днем раскаляются так, что на них можно жарить яичницу. Когда мы спустимся в долину, там будет довольно влажно, но впрочем, это еще хуже.

— Не вижу ничего привлекательного в подобной перспективе, — сказал Чин, — но думаю, что нам надо идти. Не то чтобы я надеялся закончить прямо сегодня, но нельзя не учитывать возможности, что наши капсулы засекли. Нам надо найти источник воды и укрытие. Скафандры защитят наше тело, но головы у нас открыты. Если мы наденем шлемы, мы будем более заметны, а потерять кого-нибудь из-за теплового удара было бы глупо.

Джозеф, по-видимому, знал местность. Он уверенно повел их сквозь густую растительность вверх по каменистому склону. Через несколько километров он остановился в роще, рядом с мелким, но стремительным ручейком.

— Только никакого сканирования — ни приборами, ни Талантами. Эта роща — крайняя, и если мы подойдем к опушке, вы увидите все своими глазами.

Они осторожно последовали за ним. Внезапно роща закончилась, и перед ними предстала панорама владений Лорда Скуазоса.

Внизу, на холмистой местности, виднелась мозаика полей, разделенных тропинками, как шрамами. То тут, то там их узор нарушали одинокие рощи тропических деревьев и извилистые потоки, заросшие буйной растительностью. Позади, на некотором отдалении, возвышались сверкающие башни из камня, стали и пластика — столица Скуазоса.

— Почти идиллия, — вздохнула Криша. — Очень похоже на многие знакомые мне миры Мицлаплана.

— Пожалуй, посмотрю через увеличение, — сказал Ган Ро Чин, и его шлем вновь развернулся из своего положения на спине.

— Хорошо, но только посмотри, не сканируй, — предупредил Джозеф. — Если нас кто-нибудь ищет, они сразу же засекут сигнал.

Вскоре все переключились на визоры. Модра заметила на одной из тропинок небольшую повозку, запряженную, как ей показалось, какими-то тягловыми животными. Она переключила увеличение на максимум и охнула.

— Там терране тащат повозку! — воскликнула она. — Они запряжены, как животные, а кучер хлещет их бичом!

Они сняли с ее скафандра координаты и тоже посмотрели в этом направлении.

— Это не совсем терране, — рассмеялся Джозеф. — Это дролы, одна из их разновидностей, которых выводит

Скуазос. Их тут куча видов. Их действительно изначально выводили из терран, но настолько изменили, что теперь это совсем другая раса, настолько отличающаяся от нас, что мы даже не можем скрещиваться... если предположить, что кому-то бы этого захотелось. Впрочем, те, кого выращивают Лорды-терране, довольно похожи на нас, и мы даже можем иметь от них потомство. Я пробовал. Дролы, выращенные не-терранскими расами, очень сильно отличаются друг от друга. Но кое-что общее есть у всех. Они не слишком сообразительны — их рабочий словарь составляет от силы шестьдесят-семьдесят слов, — но очень сильны, привычны к климату, выносливы и едят любую органику, даже траву и мусор. И кроме того, они очень жизнерадостны.

— Отвратительно, — возмутилась Криша. — Для этого есть животные!

— Или, с такой властью и положением, как у этого Лорда, можно было просто все автоматизировать, — добавила Модра.

— Животные не настолько умны и самодостаточны, и за ними требуется уход, — прагматично заметил Джозеф. — А что до автоматизации — это он, конечно, мог бы, но технологии у нас не спускаются в массы, как и на Мицлаплане. Во-первых, потому что у нас много населения, которое и так нечем занять, а во-вторых, потому что правящему классу так больше нравится. Такое в порядке вещей здесь, вот и все. — Он хмыкнул. — Погодите, вы еще не видели женщин-дролов Скуазоса. Вот тогда вы возмутитесь по-настоящему!

— А что за существо сидит на месте погонщика? — спросил Джимми. Существо выглядело странно: оно было значительно ниже и худощавее темнокожих лысых дролов, гуманоидным и насекомоподобным одновременно. Его кожа, походившая скорее на панцирь, была гладкой, блестящей, бурого цвета; у него были многосуставчатые руки и ноги и удлиненная овальная голова. Черт лица было не разглядеть, поскольку повозка удалялась от них.

— Это рифиан, — объяснил Джозеф. — Скорее всего, он руководит здесь несколькими участками.

— Он похож на жука, — заметил Джимми.

— Да, у них довольно твердый панцирь, который они время от времени меняют, но это всего-навсего другая раса, как и многие другие. Они спариваются почти так же, как мы, так же вынашивают и рожают детей, обычно по двое за раз. Они крепкие твари; у них была своя империя из шести систем, протяженностью в сто сорок световых лет, пока их не обнаружили и не захватили Миколи.

— Думаю, мне хватит на сегодня, — сказала Криша с омерзением.

— Подожди, — перебил Чин. — Посмотрите-ка вон туда!

Они навели визоры на указанное им направление и сфокусировали увеличители на отдаленном объекте, нераз-

личимом невооруженным глазом. Это сооружение, расположившееся совсем рядом с далеким городом, было им отлично известно.

— Это же станция! Такой же кристалл, что и там! — возбужденно воскликнула Модра.

— Откуда? Сюда-то она как могла попасть? — в недоумении спросил Джозеф.

— Навскидку я бы сказал, что это один из тех, что мы видели на жарком мире, — ответил капитан. — Его давно добыли в пещере, каким-то образом настроили, а сейчас переместили сюда по межпространственным переходам. Они же наверняка знают все входы и выходы.

Криша немного подумала.

— Сколько кристаллов было в том ужасном месте? Двадцать? Тридцать?

— Явно не больше, хотя мы и осмотрели не все, — согласилась Модра.

— И они определенно не начинали работ по добыче новых. Пещера была довольно запущена.

Джимми кивнул.

— Я понял твою мысль! У них не так уж много этих чертовых штуковин, так что сам факт того, что одну из них переместили сюда, означает, что мы не ошиблись. Здесь действительно один из их штабов!

— Я в этом и не сомневался, — со вздохом облегчения сказал Джозеф. — И Высшие Расы тоже, иначе бы они не отправили нас сюда.

— Когда пойдем? — спросил Джимми.

— Когда стемнеет, — ответил капитан. — Крестьяне лягут спать, городские жители расслабятся; к тому же станет попрохладнее. До города четыре-пять часов хода, если идти осторожно, и хоть ночью силы ада сильнее, но и самонадеяннее тоже. А пока проверим снаряжение.

Инженеры Миколя сделали все, что считали необходимым, для улучшения стандартного защитного оборудования скафандра. Поскольку энергооружия Кинтара не боялись, Джозеф потребовал, чтобы мастера снарядили их одним из ужаснейших приспособлений древних терран — арбалетами. Их арбалеты били гораздо дальше древних, за счет небольшого энергомодуля, обеспечивавшего дополнительное натяжение, и комплектовались мощной компьютерной системой наведения. Но несмотря на нее, уже на средней дистанции точность выстрела оставляла желать лучшего; к тому же некоторые опасались, что даже если им удастся подобраться к врагу на расстояние выстрела, они могут попасть под ментальный удар и не успеть выстрелить. Тем не менее, оружие все же оставалось оружием.

Джимми взял с собой еще кое-что, что представляло ценность лишь для него одного, но тем не менее вселяло в него уверенность. Во-первых, это была небольшая пластина на

цепочке, на которой был выбит крест поверх Соломоновой печати. А во-вторых, крест из легкого металла и позолоченный на концах, размером почти с пистолет, достаточно компактный, чтобы его можно было носить в кармане.

Ган Ро Чина он позабавил.

— Древний крест, ну-ну. Никогда не понимал религий, в которых смерть настолько почитается, что высшей благодатью считается принять мученическую кончину.

— Он символизирует не смерть, но искупление, — ответил Маккрей. — Во всех нас скрывается зверь, но вот это напоминает нам, что мы можем сами решать за себя. Все мы рождены в первородном грехе, грехе Адамовом, но Другой искупил этот грех за нас — за всех, кто примет Его. Только Один был зачат непорочно, и лишь Ему я молился; и некто высший, не из этой Вселенной, подтвердил, что я действительно разговаривал с Ним. Мученик радуется, умирая, ибо знает и верит, что возродится вновь, без следа порока, в новой, совершенной плоти. Нет, капитан, пусть мне пришлось сойти во ад настоящий и во ад душевный, но теперь я отбросил все сомнения.

Чин ничего не ответил ему — он не хотел затевать теологический спор. Возможно, вера Маккрея была простецкой, местечковой, лишь по воле случая дожившей до наших дней, но коротышка верил искренне, и это было важным фактором — возможно, вообще самым важным. Начертить пентаграмму мог каждый, но лишь вера активировала ее межпространственные свойства. Всего лишь обведенная кругом шестиконечная звезда в руках верующего приобретала невероятную мощь. Кто поручится, что крест не является еще одной из подобных геометрических фигур, символизирующей еще не открытые физикой законы? Вера играла ключевую роль в межпространственной геометрии, как ему самому хотелось бы верить. В любом случае, он не собирался переубеждать низенького священника.

Смеркалось; воздух охладился до «каких-то» сорока четырех градусов, и они двинулись в путь. Пока что их, казалось, никто не искал и даже не заподозрил их присутствия. Кришу и Модру скорее настораживало подобное отсутствие внимания; несмотря на здешний климат, все складывалось как-то слишком уж просто. Мужчины же как будто успокоились: Чин и Джозеф окончательно убедились, что Кинтара чувствовали себя в полной безопасности от каких-то смертных.

Но как только они проникнут в столицу, все переменится. Даже если Кинтара не почуют их, они пришли как раз для того, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы калечить и убивать демонов. Хотя они и не умирали на самом деле, Чин узнал, что шок от смерти в этом мире был достаточно силен, чтобы заставить «убитого» демона много месяцев, даже лет не создавать себе

нового тела. По сути, Кинтара сейчас не составляли для них проблемы, несмотря на всю свою смертоносность. Пока Механик был на свободе, они могли творить чудеса — чудеса отвратительные. Но если Механика не станет, на Кинтара объявят охоту и будут убивать их по одному. А мощный компьютер, контролирующий канал между их Городом и иным миром, мог быть перенастроен так, чтобы их новые тела, которые формировались только внутри кристаллов, появлялись на том же месте, где их убили — там, где их вновь заточат.

Рифианы плохо видели ночью, предпочитая сидеть в своих хорошо освещенных домиках, там и сям разбросанных по округе. Зато отряд то и дело натыкался на дролов, терпеливо крутивших водяные колеса или рывших оросительные каналы. Джозеф посоветовал им не обращать на дролов внимания, и те, лишь единожды взглянув на отряд, тоже оставались безучастны. Для дролов существовали только две расы: дролы и не-дролы; последние казались им совершенно одинаковыми. Вблизи дролы-мужчины выглядели еще более гротескно — накачанные до предела, приземистые, с квадратной головой и короткой шеей, зато с громадным половым членом.

— О, боже! — прошептала Модра. — Здоровый, как колбаса, и достает до колен!

Как и предсказывал Джозеф, встреченные ими женщины ужаснули их еще больше. Лысые, как мужчины, они были настолько тучны, что едва могли ходить. У них были мощные слоновьи ноги, зато крошечные бессильные ручки, и к тому же две пары грудей — вторая пара была гигантских размеров и свисала чуть ли не до пояса. Джозеф мимоходом заметил, что рифианы придумали такой вариант, когда обнаружили, что им нравится терранское молоко. Для них это был легкий, приятный наркотик.

В этот момент не только женщинам захотелось бросить все.

«И вот это, — подумала Модра, — *вот это — империя Миколей, врагов Кинтара!»* Неудивительно, что другие две империи ненавидели их и считали порочными! Они и были порочными; они предали Кинтара лишь потому, что не желали подчиняться, а вовсе не из моральных побуждений. Джозефа, по крайней мере, можно было оправдать воспитанием: его приучили считать подобные вещи нормальными и правильными. Но Тобруш, добрая, мудрая Тобруш — она ведь тоже поддерживала такие порядки, а быть может, и еще более безнравственные, поощряла порочные выдумки и даже получала от них удовольствие!

Становилось все яснее, почему Хранители Биржи пытались сделать все возможное, чтобы избежать контакта с Миколями. Телепатический контакт с этими паразитами, должно быть, казался им купанием в выгребной яме.

Наконец, они подошли к громадному кристаллу станции, ведущей в ад.

— Чувствуете, какая в нем сила? — прошептал Джимми. — Его материал пульсирует, излучая гораздо больше энергии, чем прошлые кристаллы, если мне не изменяет память.

— Не изменяет, — ответил Ган Ро Чин. — Раньше станции действовали в автономном режиме, а сейчас включена вся сеть.

— Хорошо бы ее выключить, — сказала Модра. — Один звонок — и тут окажется вся толпа Кинтара! Нам ведь как раз и надо поднять среди них хорошую суматоху.

— Станция синхронизируется по фазе с нашим пространством лишь на одну наносекунду за каждые две секунды, — сказал Чин, в очередной раз обнаружив, что не знал этого сам, пока не открыл рот. — Идя по коридору, вы совпадаете с ним лишь на это мгновение, и этого достаточно, чтобы в целом вы оказались с ним не синхронизированы. За двухсекундный цикл станция совпадает по фазе с бесчисленным количеством других мест, и центральный компьютер переключает вас на фазу места назначения. Вот как она работает. Вечный программируемый тессеракт! Удивительно! И вот как Кинтара попали сюда. Они нашли это место по своим данным, а затем выбрали одну из других точек, составляющих структуру тессеракта. Привяжи тессеракт к нужной точке, и попадешь в нужное тебе место!

И вдруг он понял. Теперь, когда он узнал принцип работы станции, ему сразу пришла мысль, как замечательно можно использовать ее для своих целей.

— Разумеется! — сказал он.

— Ты о чем? — спросил Джимми.

— Мы пятеро — инструменты, фокусирующие объединенную мудрость и знания Трех Рас. Мы же можем ее перепрограммировать! Или точнее, они могут, нашими руками! Нужно дать тессеракту простую команду — пропустить данную фазу цикла, — и все здесь развалится! Тессеракт станет касаться уже других точек. Представляете, что будет, когда они обнаружат, что кто-то смог перепрограммировать их станцию у них под носом? Как вы думаете, если бы вы оказались на их месте и внезапно были бы поставлены перед подобным фактом — причем хорошо помня свое прошлое поражение, — стали бы вы восстанавливать разрушенную связь?

— Ни за что. Потому что здесь речь идет уже о своей шкуре, — согласилась Модра. — Они позовут Папу.

— Отлично. Но как мы это устроим? — спросил Джозеф.

— К сожалению, единственный способ — пойти внутрь. Пункт управления находится в центре, там, где были заточены Кинтара. Нам нужна силовая ось, что бы это ни значило.

— Вот как? А мы сами-то при этом не скажем всем «пока-пока»? — поинтересовался Джимми.

— Нет. Программа начнет работать, только когда мы выйдем. Мы будем идти прямо по коридору, но вместо того, чтобы идти по прямой, выйдем обратно ко входу. Это единственный способ указать системе, какую точку следует исключить.

— Вот только войти туда будет проблематично, — сказала Криша. — Прежде всего, никто не заметил такой очень знакомой постройки напротив станции? Кроме того, я обнаружила рядом с ней несколько двигающихся машин, по-видимому роботов-охранников, и одного Кинтара у такого же алтаря, какой мы видели в пирамиде.

— Поднимите визоры, сосредоточьте свои мысли на мне, — повелительно сказал Чин.

Пятеро стали Тремя; Трое стали Одним.

Сенсоры засекли первого робота-охранника. Как только они обнаружили огромного блестящего черного монстра, тот тоже заметил их. Но роботы могут действовать и реагировать лишь со скоростью света, а они могли использовать более быстрый путь, непостижимый для робота.

— *Входные данные — изображение пяти... союзников. Поддержать по требованию, иначе игнорировать. Бесшумно вызвать остальные боевые единицы.*

Один за другим к первому присоединились другие черные чудовища — двое пришли от кристалла, один из-за алтаря. Тут же они оказались захвачены и перепрограммированы с помощью математических конструкций, кодов и прочего, чего никто из проводивших операцию не знал и не понимал. Трое роботов тоже не могли этого знать; очевидно, игра велась от лица кого-то другого.

— *Определить местонахождение всех Кинтара поблизости.*

На сетке «мозга» робота появилась точка. Рядом находился только один демон, который был чем-то занят между статуей козлобога, сидящего в позе лотоса лицом к кристаллу, и собственно алтарем.

— *Оценить количество Кинтара в столице.*

Двести тридцать четыре! Да у них тут целое собрание!

Из-за алтаря показалась морда демона с горящими глазами. Он почувствовал могущественное Присутствие.

Слишком сильный. Они перехватили мысленный зов Кинтара, но не смогли его заблокировать.

— *На станции что-то не так! Присутствие чужой силы!*

— *Еще один Миколь явился во тьме, чтобы уничтожить тебя,* — пришел к нему презрительный, лишенный сочувствия ответ. — *Ладно. Выкури его оттуда и держись, сколько сможешь. Сейчас мы вышлем остальной наряд.*

Насколько они поняли, наряд Кинтара состоял из шестерых демонов. Они ощутили, как Кинтара у алтаря занервничал — непривычное и приятное чувство, — но его негодование от того, что пришлось звать подмогу, перебороло все. Когда считаешь себя полубогом, терять лицо из-за такой ерунды, даже не видя противника — это очень серьезно.

Внезапно разъярившись, подгоняемый уязвленным самолюбием, Кинтара встал и подошел к краю площадки, цокая копытами по твердой поверхности. Теперь они его хорошо видели — это была женщина! В таком случае, ее чувство стыда должно было быть раздражено еще больше, потому что ей не хотелось показаться слабее мужчин. Как только она оказалась на краю, два робота подошли и встали по обе стороны от нее.

— *Кто пришел, чтобы сразиться со мной?* — послала она, открыла пасть и громко зарычала. Эхо разнеслось по всей округе.

— *Как твое имя, демон? Назови себя, или будешь убита.* — Тон их ответа был холодным, деловым, рассчитанным на то, чтобы ее разозлить. Не только Кинтара умели играть в кошки-мышки.

— *Кто смеет так разговаривать со мной?*

— *Мы.* — Они шеренгой вышли из укрытия, поскольку, как только они обнаружили свое присутствие, Кинтара уже все равно определила их местоположение.

Демоница взглянула на них. Слюна капала из ее пасти, крупные, острые зубы жаждали куска плоти. Она посмотрела и расхохоталась.

— *Назови себя или умри, с позором отправившись во тьму, тебя породившую, чтобы ожить на низшей ступени своей расы.*

— *Хвастуны!*

Они ощутили внезапную атаку Кинтара, и отмахнуться от нее было нельзя. Но она не была и настолько сильной, чтобы с ней нельзя было справиться — отклонить, нейтрализовать.

Она была поражена, даже испугана их защитой, но уже слишком разъярилась, чтобы отступать и ждать подмоги. Перед ней стояли всего лишь пять терран — **терран!** — и даже если в одном из них и сидел Миколь, это означало лишь, что он, к сожалению, несъедобен.

Демоница спустилась с лестницы, устремив взор на пятерку. Ее тело само по себе было боевой машиной, и ничто не могло остановить ее физической атаки.

Как только она ступила на землю, робот, стоявший слева от нее, неожиданно повернулся и вогнал свою металлическую руку ей под грудь.

Получив непредвиденный удар, она зарычала и захрипела в агонии, и так резко скорчилась, что отломила руку робота. Резким взмахом когтистой лапы она швырнула его в воздух; робот пролетел пять метров и грохнулся на землю.

Но рана оказалась смертельной. Она захрипела, схватилась за металлическую руку, все еще торчавшую из ее груди, и упала. Внезапно что-то ярко сверкнуло, и, как на станции в Городе, перед ними мелькнула ее сущность — ужасное лицо, исполненное ненависти, — и исчезло.

Они разорвали контакт и бросились к трупу.

— Невероятно! — сказал изумленный Ган Ро Чин. — Мы действительно ее убили!

— Это всего лишь травинка, листик. У каждой расы есть свои козлы отпущения, — заметил Джимми. — Не зря же ее поставили здесь караулить посреди ночи.

— Но остальные узнают, что она убита! — напомнила Модра. — Они придут, увидят, что случилось, и пошлют сюда армию куда более способных, чем она!

— Боюсь, ты права, — озабоченно сказал Чин. — С двумя сотнями нам не справиться, даже по одному! Хоть они и неспособны объединяться, они вполне могут себе позволить послать против нас пятьдесят, а сотня просто окружит нас и задавит массой. Со станцией придется подождать. Надо найти укрытие и затаиться, не оставив ничего, что сможет навести их на след. Быстро!

— Ладно, — согласился Джимми. — Но сначала перепрограммируем остальных трех роботов. Мы же не хотим разочаровывать ребят?

МУЧЕНИКИ

Ваал, вице-повелитель Ада, князь Дальней Тьмы, превосходил собравшихся вокруг алтаря Кинтара как фигурой, так и могуществом. Его накидка из пурпурного бархата слегка колыхалась на ветру.

— *ИТАК?*

— *Мы просканировали весь регион, Повелитель. Не было обнаружено ничего, что было бы способно устроить такое.*

Но князь не был удовлетворен.

— *Просканировали? А никто, случаем, не додумался ОСМОТРЕТЬ?*

На этот вопрос можно было не отвечать.

— *В любом случае уже слишком поздно, тупицы! Тоже мне, раса господ! Чем больше я за вами, убогими, наблюдаю, тем чаще меня подмывает отправиться в бездну и выпустить Легионы! Но я еще питаю надежду, что нам удастся захватить этот сектор, не превращая его в пустыню, в которой даже вы будете мечтать о смерти!*

Угроза выпустить Легионы ужаснула их. Безумные, неуправляемые фанатики, они воплощали дух Кинтара — не в смысле порока, а в смысле разрушения всего и вся. Настолько грозными были они, что даже Механику не удалось их укротить, и

потому он, их властелин и создатель, сам запечатал их в особой пространственной тюрьме.

— *Ваше Высочество, возможно, это всего лишь несчастный случай. Робот...*

— ***КРЕТИН!*** *Она была легкомысленной дурой и получила по заслугам! Когда она переродится, ей придется провести пару столетий в огненном озере — может быть, это добавит ей здравого смысла! Никакая машина не может быть опасной для нас. Ее кто-то перехитрил; хотя сейчас я убежден, что ее мог бы перехитрить и муравей — так же, как и вас! Но этот «кто-то» все равно весьма достойный противник.*

— *Ваше Высочество, а не могли они выйти из станции?*

— *Очень может быть,* — согласился он. — *Ты подаешь надежды. Меня еще встревожил доклад о том корабле, что взорвали вчера. Почему об этом сразу не доложили мне? И какой идиот вздумал взорвать его, вместо того чтобы захватить и выяснить, для чего он здесь? А впрочем, неважно! Я...*

Вдруг он остановился, повернулся и начал вынюхивать в воздухе, словно бы в нос ему ударил странный, неестественный запах.

— *Хм. Мне показалось, что здесь кто-то есть. Кто-то...* ***знакомый.*** *Никак не вспомню... ну ладно, потом само придет.* — Он вздохнул, и вздох его был подобен львиному рыку. — *Хорошо. С этого момента я желаю постоянно быть в курсе всего происходящего, всех подробностей. Сосредоточьтесь на станции, не на алтаре. Я могу прийти в любое время, и если застану кого-нибудь спящим за алтарем, то он жестоко поплатится! И помните, что этот идол олицетворяет нашего Господина! Больше никакой непочтительности — конечно, если вы не хотите, чтобы я доложил о ней Ему!*

В этом они оказались единодушны.

— *Отлично. Для начала избавьтесь от тела. Сожгите его дотла! Ни к чему сохранять доказательства того, что с нами возможно так разделаться. И я требую полностью прочесать весь квадрат — по пятьдесят километров в каждую сторону отсюда. Сейчас же! Используйте все средства. И если найдете хоть что-нибудь — любую мелочь, — находящуюся не на своем месте, я желаю знать об этом незамедлительно!*

Они оцепенели.

— *Но, Повелитель, рифианы плохо подходят для ночных работ. На заре...*

— *РИФИАНЫ? Разве я говорил про* ***рифианов****? Поработайте сами! Неужели вы думаете, что рифиан, или даже армия рифианов, может справиться с тем, кому удалось уничтожить одного из* ***нас****?*

— Но Повелитель! Нужно не меньше сотни разведчиков, чтобы более-менее тщательно осмотреть такой район за короткое время!

— Мне плевать, даже если понадобятся две сотни! Речь о вещах куда более серьезных, чем просто потеря караульного, и я должен знать, что это такое, до того, как оно нанесет свой следующий удар!

* * *

Удивительно, но Кинтара практически эвакуировали город. Это было невероятное, но и пугающее зрелище — целая армия демонов на марше.

Они лежали на почерневшей крыше трехэтажного дома, наблюдая эту сцену собственными глазами.

— Сколько насчитал? — прошептал Джимми.

— Сотню точно. Скорее всего, их гораздо больше, — ответил Чин. — Но не забудь, нас разыскивают, и даже если ушло две сотни, в городе остается еще больше тридцати — столько же, сколько было в их собственном Городе. Только на этот раз здесь есть еще и обычные жители, от которых скрываться надо точно так же.

— Все равно это очень удачно, — заметил Джозеф. — Небо светлеет, еще час-полтора — и взойдет солнце. В этой столице шестьдесят-семьдесят тысяч рифианов. Мы сможем спрятаться от нескольких, но не от тех толп, что вскоре выйдут на улицы.

— Согласен, — отозвался Чин. — Как бы мне ни хотелось воспользоваться их отсутствием, но оно ничего не решает само по себе.

— Что ж, здесь скоро станет жарко, как в печке, — заметила Криша. — Что будем делать?

— Переключимся в режим враждебной среды, — ответила Модра. — Полностью включим внутренние системы. Вокруг слишком много всяких технических штучек, чтобы засечь пять скафандров. Перебоев с энергией не предвидится; в этих скафандрах есть возможность зарядки от солнечных батарей. Отдохнем и немного поспим в комфортных условиях. Мне приходилось бывать в гораздо худших мирах, где и трех секунд не проживешь без полной защиты скафандра. Здесь совсем не так жарко, как в том вулканическом мире по дороге в Город. А на крышу вряд ли кто-нибудь сунется.

— Я немного беспокоюсь из-за более высоких зданий, но поблизости нет ни одного, а у нашего крыша с бортиком, — кивнул Чин. — К тому же, она довольно плоская. Но все равно это небезопасно. Модра и я будем спать первыми. Джозеф, в два часа разбудишь меня, и я тебя сменю. Еще через час Криша будит Модру. Джимми, затем ты будишь Джозефа, и так далее, пока не стемне-

ет. Если трое будут постоянно бодрствовать, этого должно быть достаточно, чтобы отразить любую опасность. Просто объединитесь, и все получится само собой. Спящие проснутся в момент объединения. Никаких интеркомов; мы не хотим, чтобы нас засекли.

Вряд ли можно было сказать, что это был лучший сон в их жизни, однако его было достаточно. Его должно было быть достаточно. В любом случае, за весь день их никто не потревожил и, судя по всему, никто не выглянул не в то окно в неудачную минуту. Хуже всего было стоять на часах, с полной защитой, но без интеркома. Поболтать было невозможно, оставалось только смотреть на город и наблюдать за его работой.

Рифианы действительно выглядели как большие двуногие насекомые. Их родной язык, совершенно не похожий на стандартный миколианский, состоял из сплошных щелчков, свистков и жужжания, заполнявших жаркий воздух. Видимо, они не носили одежды, да и не нуждались в ней в специально для них приспособленном климате, однако большинство таскало свои пожитки в рюкзаке или наплечной сумке. Два пола было легко различить между собой; одни рифианы были крупными, бурыми и выглядели довольно незатейливо, другие, поменьше, имели почти бежевый цвет и, по-видимому, старались украсить себя нарисованными на панцирях узорами. Модра, естественно, предположила, что женщинами были мелкие, но потом с изумлением заметила, что дети — варьировавшие по виду, в зависимости от возраста, от толстых белых червяков до миниатюрных копий своих родителей, — почти всегда крутились около более крупных особей. Знаками ей удалось спросить Джозефа, кто есть кто, и тот подтвердил, что крупными действительно были женщины.

Модра не могла не подумать, что ей есть что сказать по поводу расы, где женщины крупные и сильные, а мужчины измельчали, ослабели, и вынуждены наряжаться, чтобы понравиться девушкам. Потом она заинтересовалась, имеет ли значение пол для того, чтобы быть Лордом; Скуазос вполне мог оказаться женщиной.

Также ей часто попадались на глаза дролы. Всю их работу — уборку, переноску, транспортировку и так далее — вполне могли бы выполнять машины, но машин здесь не было по соображениям безопасности. Вряд ли цивилизация, способная перекроить под свои нужды целую планету и посылать космические корабли по всей Галактике, испытывала необходимость в рабах. Очевидно, они существовали здесь либо для того, чтобы подчеркнуть статус Лордов, дать им ощущение своей власти, либо просто потому, что здесь были такие порядки. Джозеф не видел в них ничего несправедливого, хотя и его предками были терране. Пока они шли от озера к городу, он объяснял, что дролами становились именно тер-

ране потому, что терран был избыток, и что до того, как в Империи появились терране, черную работу выполняли другие расы. Что же до моральной стороны вопроса, то он спросил их: были бы они так же уязвлены, если бы этот мир принадлежал терранам, а дролами были рифианы? Все предпочли решить, что разницы бы не было, однако не одна Модра в глубине души почувствовала сомнение.

Новых разновидностей дролов не выводили веками, что, разумеется, несколько отдаляло от них современных терран, однако существовал метод быстрого превращения в дрола любого терранского мужчины или женщины. Терранские власти использовали его как исключительную меру наказания для бунтовщиков, шпионов и несостоявшихся диктаторов. Метод использовал какие-то нанотехнологии, и он был **очень** быстрым. Когда Джозеф был моложе, этот метод пугал его, как ничто другое. Здесь им волноваться не стоило; рифианов в дролов превратить было нельзя.

Модра задумалась о других старых обычаях Миколя, тех, что не попались им на глаза. Даже на Бирже существовали вполне отвратительные миры — родина Триса тому лучший пример, — так на что же могли быть похожи здешние помойные ямы?

С наступлением ночи движение в городе замедлилось. Через час после заката все двери были закрыты, и на улицах не осталось никого, не считая нескольких дролов, подбиравших мусор, оставшийся от дневной торговли, и бросавших его в тележки.

За день из города вошли и вышли несколько Кинтара, по одному или по двое. Забавно было наблюдать реакцию рифианов на огромных тварей; при их появлении они тотчас падали ниц и простирались перед ними, оставаясь в таком положении, пока демоны не удалялись, не обратив на них никакого внимания. Ими двигал не только страх, хотя и его хватало: когда демоны проходили мимо, на лицах рифианов отражалось почтение, даже благоговение. Либо они все продали Кинтара душу и тело, либо демоны уже разобрались с инакомыслящими.

Другие расы здесь также встречались, хотя и в крайне малом количестве. Клан Лорда Скуазоса включал множество миров и рас, в том числе два терранских мира. Впрочем, за всю дневное дежурство никто не заметил на улицах ни одного терранина.

Снять шлемы оказалось для них блаженством, хотя здешний климат больше напоминал парную. Зато они наконец-то могли поговорить.

— Видимо, пока еще не время перенастраивать кристалл станции. Там полно охранников и ловушек, — разочарованно сказал Чин.

— Ну почему же, — поразмыслив, отозвался Джозеф. — Не могу представить себе лучшего способа достичь нашей цели быстро и почти без хлопот. Проблема только в том, чтобы отвлечь их. Кэп, сколько нужно человек для нашей миссии?

— Как минимум трое. Но мне не хотелось бы разделяться, какова бы ни была причина. Если мы потеряем хоть одного, мы все трупы.

— Разве мы не можем оставаться в контакте, физически находясь на расстоянии?

— Да, но...

— Давай сначала послушаем, что у него за идея, — сказал Джимми. — Торчать здесь и бить баклуши — не выход. Если мы не будем действовать быстро, пока они не поняли, кто им противостоит, то останемся тут навсегда.

— Хорошо, — вздохнул Ган Ро Чин. — Выкладывай свой план, Джозеф.

— Я предлагаю троим из нас подобраться к станции, как можно ближе, но так, чтобы остаться незамеченными. Оставшиеся двое возьмут с собой в город взрывчатку и заложат ее в нескольких местах вокруг главного замка. У нас ее хватит, чтобы устроить там жуткий переполох.

— И что? — спросил Джимми. — Кинтара какие-то бомбы нисколько не навредят, разве что нам повезет, и один из обломков угодит им как раз в уязвимое место. Мы просто устроим шум, заявим, что мы здесь, и оставим визитку.

Модра подумала.

— Джимми, ты видел типичных местных Кинтара. Если бы такие ребята, охраняя кристалл, вдруг увидели, что замок оседает в пыль, как ты думаешь, что бы они сделали?

— Остались бы на страже, как им и приказано, — ответил Чин. — Они же все мощные телепаты, разве ты забыла?

— Возможно, — сказал Джозеф, — но Кинтара, которые сегодня входили в город, все шли прямиком в замок. Вряд ли они просто захотели навестить Лорда Скуазоса. Если бы я был их командиром, а тем более аристократом, я бы остановился именно там. Там мозг всей столицы. Мне плевать, повредит ли им взрыв, но пока они в **нашей** Вселенной, они так же материальны, как и мы. И если на них уронить несколько тонн камня, единственное, чего им захочется — это чтобы их откопали, и побыстрее. Мое мнение — этого времени должно хватить, чтобы вы смогли зайти и выйти из станции незамеченными. В вашей одежде вас даже могут принять за кваамильцев-терран, если не будут прощупывать сознание.

Чин задумался, взвешивая в уме такой вариант.

— Невероятно рискованно, но может сработать. Что думают остальные? У нас не так много попыток.

— Может быть, взрыв не повредит Кинтара, но зато он убьет многих невинных людей, — заметила Криша.

Модра уставилась на нее.

— Протри глаза, дорогая, здесь нет невинных людей! Я за. Я считаю, что это наша лучшая возможность.

— Я согласен, что надо воспользоваться случаем, — сказал капитан, — но когда трое войдут внутрь, они разойдутся по фазе с двумя оставшимися. Мы не сможем объединиться. Те двое окажутся предоставлены сами себе и не смогут противостоять серьезной атаке Кинтара. И кроме того, что если он все же не придет? За нами начнется охота, нам придется непрерывно драться, чтобы не попасть в плен.

— Если он не придет после того, как мы уничтожим замок Лорда Скуазоса вместе с их большими шишками и отключим одну из их станций от их сети, то мне трудно представить, что вообще может заставить его прийти, — ответила Модра. — И потом, у тебя есть другие идеи, как выполнить задание, желательно менее рисковые?

Капитан молча посмотрел им в лица. Наконец он вздохнул и сказал:

— Хорошо, кто куда пойдет?

— Мне по-любому придется идти в замок, — заметил Джозеф. — Я знаю город и примерно представляю себе план замка.

— Так. Нужен еще один, и я не знаю, чья миссия окажется опаснее, — сказал Чин. — Кто еще?

— Мы все согласны, капитан, — сказала Модра. — Неужели ты думаешь, что кому-то не хочется дать им почувствовать то, чему они подвергли нас?

— По-моему, подходит любой из нас, поэтому давайте разыграем, — предложил Джимми. — В чет-нечет. Каждый выбрасывает один или два пальца, если сумма четная — побеждает один, если нечетная — другой.

Джозеф явно вздохнул с облегчением, когда Джимми выиграл в предложенную им же игру. Ему никогда не было комфортно рядом с Кришей, и он не хотел брать на себя ответственность за Модру.

— Итак, решено, — сказал капитан. — Но если кого-то схватят, план отменяется. Все сразу идут на выручку. Не используйте Таланты без крайней необходимости. Пока вы их не использовали, вы для них все равно что Нуль. Но как только начнете — считайте, закричали в мегафон. Если вы попадетесь Кинтара, мы все и так узнаем. То же касается остальных. Если вы выберетесь, вы знаете, где нас найти. И да пребудут с нами боги!

Отряд разделился, и Джимми начертил мелом на крыше пентаграмму. «Только для эвакуации», — подчеркнул он. Чин и женщины, волнуясь, смотрели, как Джимми и Джозеф спускаются и исчезают в сумерках.

Чин надвинул свой шлем и посмотрел в противоположную сторону, затем снова откинул его.

— Вокруг станции с обеих сторон деревья, — сказал он. — Наверное, удобнее всего будет зайти слева. Если боги

улыбнутся нам, мы сможем подобраться ко входу на тридцать метров, и к тому же окажемся под прикрытием. Парки здесь не больше двух квадратных километров по площади... Ну что же, приступим, — вздохнул он, начиная спускаться. Женщины последовали за ним.

* * *

В парке, окружавшем столицу, через который им следовало пройти, чтобы добраться до станции, было темно как в погребе. Кроны деревьев заслоняли весь свет.

— Придется переключиться на визоры шлемов, — сказал Чин. — Это значит, что у нас не будет никакой связи, так что держитесь в поле зрения друг друга, понятно? Подавайте сигналы только руками. И остерегайтесь ловушек, — добавил он. — Если бы я ставил алтарь и станцию так близко к лесу, я бы установил здесь немало ловушек.

Ловушек в парке действительно хватало; впрочем, самые первые были довольно примитивными и легко обнаруживались инфракрасными визорами. Скрытые силки, ямы с набросанными сверху сучьями и тому подобное.

По мере приближения к станции их становилось все больше, и при этом они становились все менее очевидными. Примерно на полпути Модра, увидев, что Ган Ро Чин осторожно прошел между силком и ямой, последовала на ним. Но Чин вдруг остановился и внимательно посмотрел себе под ноги, немного подумал и прыгнул направо. Обернувшись, он показал знаками, чтобы она сделала то же самое. Она не заметила в этом месте ничего подозрительного, но, поскольку уже научилась доверять слову капитана, попыталась повторить его прыжок. К несчастью, приземлилась она неудачно, споткнулась и упала, и прежде чем кто-нибудь смог поддержать ее, она взмахнула рукой, чтобы сохранить равновесие, и коснулась чего-то маленького и тонкого. Из земли вдруг показался колышек, встретился с двумя другими, подлиннее, и внезапно она ощутила себя парализованной, застывшей в преисподней без каких бы то ни было ориентиров. Сознание сохранилось, но двигаться она не могла, не могла даже привести мысли в порядок.

— Бездна Саргоса, откуда она появилась?

— Это вроде одна из ловушек рядом с Кваамилом. Но она терранка! Что там забыла терранка?

— Странно. Она сама не знает! Посмотри на ее разум. Она одна из тех, про которых нам говорили. Тех, что как-то выбрались из Города. Но ее память обрывается у городской станции. Очень странно.

— Может, стерта? Что делает терранка из Биржи, одетая в форму Миколя, в самом сердце Кваамила?

— Признаки стирания есть, но необычные. Немного тут, немного там. Бессмыслица. Крайне любопытно. Я никогда не видел ничего подобного.

*— Во всяком случае, **она** тоже явно не знает. Что бы ни руководило ею, оно оборвало все связи. Она пустышка. Загадка, но бесполезная.*

— Не для меня. Я возьму ее.

— Ты всех берешь. Ты чересчур сентиментален к этой расе, с тех пор как поработал на Терре.

— Все равно, отдай ее мне. Терране ведь не по твоей части.

— Да пожалуйста!

Сущность, выбравшая ее, теперь обращалась к ней напрямую:

— Слушай, женщина. Мне нужны умные и находчивые люди — такие, как ты. Ты в моей полной и совершенной власти. Одним усилием мысли я могу прекратить твое существование, или свести тебя с ума, наслав ужас, или же наградить. Моя власть велика. Поклонись мне, предайся моей воле, и я дам тебе радость и богатство. Проси, чего пожелаешь, и я исполню твои просьбы. В обмен на твое послушание я вознесу тебя превыше всех людей твоей расы.

Она не помнила ничего, что произошло с ней после того, как она вышла из Города демонов, но с такими предложениями она уже встречалась.

— Ты просишь меня предать мой род, нести ужас от твоего имени. Но если ты настолько могуществен, зачем тебе просить меня? Почему бы просто не заставить?

— Разумный вопрос. Верно, я могу подчинить тебя себе, могу даже войти в твое тело или внедрить туда своего подчиненного и управлять тобой, как марионеткой. Но марионетка — не свободна, она действует по воле других, не проявляя ни разума, ни инициативы. У меня миллионы марионеток. Мне нужны те, кто стал бы добровольно укреплять мое владычество, а не просто выполнять приказы. Я даю тебе выбор, кем ты хочешь быть: куклой или кукловодом?

— В вашей Вселенной кукла свободна, а кукловод скован, хоть и золотыми цепями, — парировала она. *— Как бы ни были бесчестны поступки куклы, виновата в них не она, а кукловод. Я не возьму кровь твоих миллионов на свои руки! Лучше умереть или быть принужденной действовать против воли, чем самой продаться тебе!*

— Я мог бы сломать тебя, — задумчиво сказал демон, *— но от сломавшихся людей действительно нет никакой пользы. Лучше попробуем зайти с другой стороны. Ты будешь мне молиться. Непременно. Ты падешь на колени и будешь умолять меня смилостивиться, и признаешь меня своим единственным богом. Ощути же мою мощь, ибо лишь я могу спасти тебя, если ты будешь верна мне. Не ради меня, но ради своей семьи и своего будущего ребенка.*

— *Ради кого?..*

Внезапно в ее сознание хлынули странные, причудливые символы. Каким-то образом она сразу распознала в них невероятно длинные, сложные математические формулы и поняла, что они непонятным образом исходят из нее. Длинные потоки непостижимых уравнений вихрились и плясали вокруг нее. А затем появился еще один поток, очень похожий на первый, но исходивший откуда-то издалека, и оба они закружились спиралью друг вокруг друга, пока не встретились в одной точке, которую ее сознание восприняло как математический символ, стоящий между ними — но не знак равенства, а знак деления.

Она дремала и видела сны, и сны становились воспоминаниями.

— Итак, мадам, э-э... Страйк, — сказал цимоль. — Вы появились на складе космического мусора в чем мать родила и представили нам необыкновенную и невероятную историю — будто бы вы разведчик и буквально выбрались из ада. Однако ваша память не содержит воспоминаний ни о чем подобном. Мы сделали запросы и установили, что корабль по имени «Делатель вдов» действительно существует и командует им капитан Ланкур. Сейчас он действительно выполняет некое задание, однако на его борту нет никого, кто бы соответствовал вашему описанию, а также описанию тех, кого вы упомянули. Ваш генетический код также нигде не зафиксирован. Вы заявили, что имеете образование и свободно говорите на стандартном, однако вы говорите и думаете только на диалекте редкого языка кор, происходящего от арабского, древнего языка Терры. Мне пришлось специально загрузить его в свою память для того, чтобы иметь возможность говорить с вами. Существует единственный мир, где говорят на коре — Бербер, и нам известно, что «Делатель вдов» останавливался там на ремонт четыре месяца тому назад. Учитывая, что вы беременны семнадцать недель, нам очевидно, что у вас с этим капитаном Ланкуром была связь — дело обычное, — и вы вообразили себе невероятное прошлое, в которое поверили сами. Это произошло в качестве сублимации шока при обнаружении беременности и, согласно моим данным о законах на Бербере, последующей потере всех прав.

— Нет! Это не так!

Цимоль не обратил внимания на ее протест.

— Поэтому вы отправились зайцем на следующем же корабле, шедшем оттуда в столицу, и вот вы здесь, со всеми своими галлюцинациями.

— Я действительно уроженка Бербера, но...

— Довольно! Нам очевидно, что вам необходима помощь психиатра, однако у вас нет средств, чтобы оплатить

его услуги. Вы ничего не умеете делать, вы не говорите ни на одном полезном языке, и вы беременны. Вы в принципе не можете быть здесь ничем другим, кроме как обузой государству, а это непозволительно. Поэтому вас ближайшим же рейсом отправят обратно на Бербер. До тех пор вас будут содержать здесь.

— Нет! Вы не смеете! Я говорю правду! Я в самом деле была там!

Цимоль выключил свет.

— Слушание дела окончено. До отъезда вы будете заниматься хозяйственными делами, чтобы оплатить свое пребывание здесь, однако не забывайте, что вы находитесь под арестом. Гражданин Борг, проследите, чтобы больше не было никаких инцидентов.

Обернувшись, она увидела огромного ящера с красными глазами навыкате, стоявшего рядом с ней. Красные глаза уставились на нее, и гипнот взял ее под свой контроль.

Она принялась работать, послушная, исполнительная. Ей даже не было интересно, почему она здесь и кто она такая. Наконец ее посадили на грузовой корабль, и ежедневные гипнопроцедуры закончились. В экипаже не было ни одного терранина. Им сказали, что она безобидная сумасшедшая и что ее депортировали, и им этого было достаточно. Она все равно ничего не могла поделать.

Тем не менее, она помнила о демоне, и теперь начинала понимать, что он имел в виду, говоря, насколько велика на самом деле его власть. Изменить исход событий! Создать альтернативную Модру, которой не так повезло в жизни! Невероятно. Единственным, что утешало ее, было то, что в этой реальности Трис, Дарквист и все остальные были по-прежнему живы и даже куда-то летели. Поскольку она никогда не входила в их команду, Трису было незачем убивать себя. Их жизни в обмен на ее новую реальность совершенно не казались ей карой. Скорее уж, справедливым наказанием. Может, эта тварь, демон, что-то напутал?

Но Кинтара и здесь были реальностью, так что, может быть, и нет. Может быть, команда все равно вошла в станцию, но без нее. По корабельному радио она узнала, что демоны распространялись все дальше, а их влияние — еще быстрее, и что многие терранские миры уже захвачены ими, а остальные сражаются с захватчиками. Картина была безрадостной.

На Бербере ее поджидал новый удар. Там все было почти как раньше, но теперь она была на восьмом месяце, в ужасном состоянии. Ее самодельное платье, сшитое ею еще под арестом, уже совсем износилось.

— Я из семьи Страйк, — сказала она человеку из службы иммиграционного контроля. — У нас огромная ферма под Захари, с фруктовыми садами, раскинувшимися от горизонта до горизонта.

— Мадам, мне прислали ваши документы, и я ознакомился с ними, — сказал офицер. — Мы все проверили. Семья Страйк действительно владела фермой в тех краях еще несколько лет тому назад, но почти все они погибли во время эпидемии. Остальные сгорели при пожаре, уничтожившем ферму. Ходили слухи, что один маленький ребенок, девочка, все же выжил, но она не была зарегистрирована, и никто в то время не смог подтвердить ее личность. Более того, некоторые работники фермы видели девочку и показали под присягой, что она не из Страйков, потому что никто из Страйков не был рыжим. Поэтому ребенка отдали в приют Захари, где она собирала фрукты в кооперативе. В возрасте четырнадцати лет она сбежала — по всей видимости, сюда; жила на улице и, вероятно, продавалась космолетчикам. Ваш генетический код совпадает с указанным в приюте... — Он вздохнул. — Я не могу отказать вам во въезде, мадам, хотя и следовало бы. Советую вам обратиться в Сообщество Полумесяца, оставить там своего ребенка на воспитание, а самой постараться хоть как-то искупить свои грехи, найдя себе работу. Если я замечу вас здесь еще раз, я арестую вас за бродяжничество и проституцию. А теперь — убирайтесь!

Только теперь она ощутила всю силу угроз демона — и заплакала от горя. Ее родители... братья и сестры... все погибли! Ее законные права на наследство отошли далеким родственникам. Ее любимый дядя Амри, тот, который дал ей денег на «Делателя вдов», в этой реальности, очевидно, умер, даже не зная о ней. Земли ее семьи скорее всего перешли к Закиру Фахмонду, таракану в облике человека. Наверняка он приплатил работникам, чтобы те поклялись, будто никто из Страйков не был рыжим. На самом деле она получила свои волосы от прадеда-иммигранта, чья ослепительная красота и огненная шевелюра были семейной легендой. Тем не менее, теперь она была совершенно одна, в этом свободном, но консервативном обществе, и могла выбирать между ролью проститутки и будущим скитающейся сборщицы фруктов и овощей.

Ей не хотелось отдавать ребенка, ребенка Триса; навряд ли его судьба окажется лучше ее собственной, но она отлично понимала, что у нее нет другого выхода. Без денег она не сможет его содержать. Как и сказал офицер, ей пришлось бы просить милостыню хотя бы для того, чтобы добыть им еду и кров и обеспечить ребенку жизнь и здоровье.

Она была совершенно одна.

Она стояла на дороге перед космопортом. Солнце пекло неимоверно, и слова демона вновь зазвучали в ее сознании.

— Лишь я могу спасти тебя, если ты будешь верна мне. Не ради меня, но ради своей семьи и своего будущего ребенка.

И что будет, если она согласится? Разве демон сможет воскресить ее семью? Вернуть ей состояние и положение в обществе? Узаконить ее ребенка?

— *Молись, и тебе будет даровано воспитать ребенка, и он вырастет в благоденствии, как любой из моих детей.*

— Ну нет, сукин ты сын, — пробормотала она. — Лучше уж я продамся сама. Я буду делать все, что придется, но ты не получишь ни меня, ни моего ребенка!

Она пошла прочь по пустынной, заброшенной дороге, как вдруг ей показалось, как будто откуда-то издалека до нее доносятся чьи-то крики.

— Ломай печать! — восклицал знакомый голос, который почему-то говорил не на коре. — Давай! Просто сломай — вот так!

Улица исчезла. Солнце погасло. Внезапно она оказалась лежащей на земле, в скафандре; она настолько истекала потом, что системы не справлялись. Вокруг была ночь.

Чья-то рука дотронулась до внешнего пульта управления ее скафандра, и шлем откинулся назад. В сознание ворвались воспоминания, а вместе с ними — чувство реальности.

— Поймал тебя! — радостно заявил Ган Ро Чин.

— Ничего подобного, — пробормотала она. — Он и близко не подошел!

* * *

— Дело во мне, или сила тяжести вдруг уменьшилась?

Джозеф ухмыльнулся в темноте.

— Дело во взрывчатке, которая теперь в нужном месте, а не в наших рюкзаках. Сколько у тебя осталось зарядов?

Джимми проверил.

— Два.

— У меня тоже, и я знаю отличное место для них. Все, что мы сделали до сих пор, конечно, нанесет некоторый ущерб, но само здание от этого не пострадает. Однако здесь есть четыре колонны, которые поддерживают свод главного зала. Если нам удастся их снести, то, учитывая еще и боковые взрывы, есть шанс, что рухнет все здание.

Джимми взглянул на часы.

— Понимаешь, старина, у нас осталось чуть меньше получаса, а потом оно бабахнет, с нами или без нас.

— Уйма времени. Пошли, это в подвале.

Джимми вздохнул.

— Все это хорошо, но за нами к тому же осталась куча дохлых рифианов. Рано или поздно их кто-нибудь хватится.

По дороге вниз счет увеличился еще на четверых: каждый получил по арбалетной стреле в область между лопатками, там, где у рифианов находится мозг. Джимми начинало нравиться это оружие — бесшумное, смертоносное, не обнаруживаемое ни приборами, ни на слух даже в момент выстрела.

— А что там, в подвале? Тюрьмы?

— Тюрьмы тут тоже есть, для особых узников, — ответил Джозеф, — но они в другой стороне. Здесь несколько складских помещений, медлаборатория, главный пункт управления роботами. Под залом в основном располагаются генераторы, резервное питание и тому подобное.

Здание оказалось нашпиговано разнообразной сигнализацией, но ее легко было обойти. И все же, пока они добирались до центральной части подвала, прошло почти десять минут. Зато заложить заряды не заняло у них много времени. Достаточно было коснуться контактом скафандра небольшого компьютерного модуля на детонаторе, чтобы полностью синхронизировать его с остальными. Расчет был не на одновременный взрыв, а на быструю серию.

Джимми проверил время.

— Осталось всего двадцать минут! И я чувствую, что где-то рядом Кинтара. Похоже, мы все-таки задели какую-то сигнализацию. У нас больше нет времени возиться с этими чертовыми жуками!

Джозеф замедлил шаг.

— Но нам **нельзя** чертить здесь пентаграмму! Только не внутри! Здесь вокруг полно Кинтара, так что не факт, что мы попадем именно на крышу, а не куда-нибудь похуже. Но даже если и нет, нас моментально выследят, мы просто не успеем оттуда слезть.

Он осмотрелся.

— По той лестнице! Она ведет к потайному входу в зал. Если там нет Кинтара, может, нам удастся выбраться через главные ворота.

— Стоит попробовать, — согласился Джимми. Джозеф кинулся вверх, держа арбалет наготове.

— Черт с ней, с конспирацией, — прошептал он, когда они оказались наверху лестницы. — Наплевать, пусть даже сработают все сигнализации! Как попадем в зал, стреляй во все, что движется; как-нибудь прорвемся!

Незаметная защелка сдвинула панель вбок, и они вступили в главный зал. Зал поражал своими размерами, но они замедлили шаг, заметив, как он изменился. Повсюду пылали разноцветным огнем жаровни, а прямо перед двумя терранами, закрывая их от всех, кто мог находиться в зале, стоял еще один массивный алтарь с нелепой статуей полубога-полутерранина. Перед ним на полу была выложена мозаикой великая печать Миколя, а поверх нее

начерчена пентаграмма. Пять вершин звезды украшали свечи и изящные золотые предметы неясного назначения.

С трех сторон зал был окружен небольшим, но богато отделанным балконом, под ним к дальней стене зала шли два узких прохода, отделенных от зала роскошными портьерами.

Два стражника-рифиана, вооруженные энергетическими ружьями, охраняли парадную дверь по ту сторону зала. Они смотрели наружу, но были слишком далеко, чтобы можно было снять их двумя точными выстрелами. Джозеф сделал знак Джимми; моментально поняв его, тот перебрался в правый проход, а Джозеф в левый. Медленно, осторожно мужчины подбирались к стражникам, надеясь, что смогут выстрелить одновременно, даже не находясь в контакте.

Джимми занял позицию, перекрестился и поднял арбалет. Но это движение заняло у него лишнюю секунду, и он выстрелил чуть позже Джозефа, выскочившего к левому стражнику и в упор всадившего в него стрелу.

Второй стражник мгновенно отреагировал, повернулся — и стрела Джимми ударила в плечо вместо головы. Стражник тонко завизжал; звук разнесся по всему залу. Джимми на мгновение оторопел, а Джозеф бросился к огромной двойной двери, на ходу бросив арбалет и добив раненого стражника пистолетным выстрелом.

Здоровяк с разбегу, как в стену, ударился плечом в по всей видимости открытую настежь дверь, и отлетел от нее, ошеломленный.

— Джозеф! Восхитительно! Я так и знала, что это ты!

Ее голос, раздавшийся сверху, с балкона, многократно отразился от стен зала.

Джимми на мгновение застыл, затем быстро нырнул под какое-то знамя, закрывавшее боковой проход от зала. На один ужасный миг он решил, что она заметила их обоих, но теперь понял, что она не считала выстрелы и обратила внимание только на Джозефа. Очевидно, она переоценила бойцовские качества гиганта.

Джозеф неуверенно поднялся с пола и тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок. Затем посмотрел наверх, на маленькую фигурку на балконе.

— Калия, — сказал он.

— Ты же не думал, что мы оставим главные ворота настежь открытыми? — засмеялась она. — Ведь даже ты входил другим путем!

Он взглянул на якобы открытый выход и догадался.

— Силовое поле, — пробормотал он. — Еще секунду назад его не было.

— Ну конечно же нет, милый мой Джозеф, — ответила она, наслаждаясь моментом; по-видимому, она не раз мечтала о нем. — На случай, если у вас будут нейтрализаторы поля

или постановщики помех, его настроили срабатывать только по сигналу стражника или при выбросе энергии в радиусе пятидесяти метров. Например, при выстреле из такого пистолета, как у тебя. Но не вини себя. Поле включилось, уже когда первый стражник свалился за пределами своего поста.

— Ты проделала немалый путь, Калия, — холодно бросил Джозеф. — И все же я не ожидал встретить тебя здесь, в этом месте. Ты ведь всегда недолюбливала рифианов.

— Но, милый, я могу быть где угодно! Обладая силой Великих, и с правильно начерченной пентаграммой, я могу появиться в любой точке Кваамила почти мгновенно! У нас есть уйма хороших дролов, которые заняты тем, что всего лишь сидят в нужном месте. Вся их работа состоит в том, чтобы синхронизировать нас по фазе, когда мы материализуемся. Ты понятия не имеешь, с какой силой связался. Гляди!

Пол зала внезапно расступился перед ним, оттуда вырвалась тонкая нить жидкого огня, окружила его и буквально за секунду замкнулась в идеальную пентаграмму. Его перспектива изменилась; теперь он стоял уже не в горящей фигуре, а в центре зала, перед алтарем, внутри громадной мозаики.

— Не уходи, милый! — крикнула она и исчезла из виду.

Джозеф попытался хотя бы сменить тюрьму, активировав пентаграмму и приказав переместить себя в пентаграмму на крыше, но у него ничего не вышло. Он взглянул на часы. Четырнадцать минут!

«Маккрей, уходи отсюда, если можешь! Не спасай меня! — подумал он. — *По крайней мере, я захвачу с собой эту продажную суку!»*

Горящая пентаграмма исчезла, не оставив даже следов копоти, но внезапно рядом с ним возникла другая, и в середине ее стояла Калия. В правой руке она что-то держала. Она улыбнулась, хлопнула в ладоши и сказала:

— Впечатляет, правда? Бросаешь перед собой маленькую дымовую шашку, и как будто появляешься из облака дыма. Многих людей пробирает до дрожи!

Некрасивый кривой дрол вышел из двери справа от алтаря — очевидно, в ответ на хлопок. Он подошел к ней и наступил ногой на огненную черту. Пентаграмма погасла; Калия улыбнулась, погладила существо и шагнула к Джозефу. Дрол вернулся на свой пост.

— Даже не пробуй на мне свои чары, — предупредила она. — На меня они не подействуют.

Она обошла кругом его пентаграмму, рассматривая его, как подопытного кролика.

— Неплохо выглядишь, Калия, — заметил он. И в самом деле, на ее лице не осталось и следа отвратительных

ожогов, даже шрамов больше не было. Она превратилась в ослепительную красавицу.

— Ты и сам отлично выглядишь, Джозеф... Я принимаю такой вид, когда хочу выглядеть сногсшибательно и соблазнять хорошеньких молодых офицеров. Но когда кто-нибудь из них слишком забывается, в его объятиях оказывается вот **это**.

Она изменилась. Не постепенно, но сразу — не успел он моргнуть глазом, как она стала омерзительным, гниющим, полуразложившимся живым трупом с почерневшей, отслаивающейся кожей и обнажившейся нижней челюстью — и под кожей со свисающими клочьями белоснежных волос проглядывал череп.

Заметив его отвращение, она вновь сменила облик на прекрасный.

— В чем дело, Джозеф? Ты больше не хочешь меня поцеловать?

— Нет. Впрочем, думаю, та внешность подходит тебе как нельзя лучше, Калия. Через нее просвечивает твое истинное «я».

Она пропустила его сарказм мимо ушей.

— Надо было тебе присоединяться ко мне, Джозеф. Да, конечно, немного разочаровываешься, когда узнаешь, как это все делается. Вроде как когда узнаешь фокус. Но все же... эта сила настолько могущественна, что могла бы быть и сверхъестественной. Ты же понятия не имеешь, с чем столкнулся, даже после того как побывал в Городе! Знаешь, милый, через что мы тогда шли? Это были не миры — это были заготовки миров, а между ними — цеха. Цеха, собирающие миры для всей Галактики! И кроме этих, есть еще бесчисленное количество других, ибо Галактик тоже много. А ты пробираешься сюда и думаешь, в своем неимоверном мужском самомнении, будто сможешь противостоять этому! И у меня есть эта власть! Власть, о которой не мечтал ни один терранин!

— Да, пока ты кланяешься и ползаешь перед своими рогатыми повелителями, — возразил он. — Я думал, ты собиралась никогда в жизни не становиться ничьим рабом.

Она пожала плечами.

— Я тоже так думала. Но потом я поняла, что все равно все подчиняются кому-то другому. Я всю жизнь старалась и вот наконец дослужилась — до чего? До должности твоей подчиненной на дохленьком пакетботе, под твоим безраздельным командованием? Ты подчиняешься целой лестнице офицеров, затем идет Высшее Командование, а затем Лорды Доменов или Кланов Миколя. А они всецело находятся во власти Миколей. Разумеется, даже Кинтара исполняют приказы. Мы не Высшая Раса, и тем более не высочайшая. Вопрос не в том, сколько у тебя начальников, а в том, сколько подчиненных. Ну и что, что я не могу владеть Кваамилом? Я арендовала его, и теперь он — мой!

— Имея такую власть, недолго спятить со скуки.

— Сказать тебе честно, я теперь стала лениться, — засмеялась она. — Например, раньше я бы показала тебе, как я умею драться. А теперь все, что я сделаю — вот **это**.

Она подошла к нему, вступив в пентаграмму, и выбросила вверх левую руку. И хотя он оказался в одной фазе с ней, он оцепенел, неспособный двигаться; он мог только говорить.

— Веселья мало, **милый**, но зато какое удовольствие! Может, мне это и надоест со временем, но нам еще надо захватить Три Империи, и остальную Галактику, и то, что за ней!

— Даже у владыки Кинтара есть хозяин, — заметил он. — Рано или поздно это все закончится.

— И что? До Дня Расплаты еще миллиарды лет. Миллиарды! К тому времени, я уверена, всем нам настолько все осточертеет, что мы сами согласимся свернуть лавочку. И в то же время, можно ведь подойти к делу творчески. Знаешь, что это?

Она протянула правую руку и показала устройство, немного напоминающее по форме пистолет.

Еще одиннадцать минут! Время ползет, как черепаха!

— Уверен, что тебе не терпится мне рассказать об этом.

— Я сразу о нем подумала, как только тебя увидела. Когда я узнала о нем — это было довольно давно, — то сразу же решила, что, если мне подвернется такая возможность, это — именно то, что нужно для тебя. Мы меняем дролов, милый. Приводим их к стандартной модели, ты ее видел. Больше не будет таких, как на том празднестве — настолько похожих на нас, чтобы я могла сойти за одну из них. Это вопрос безопасности, ты же понимаешь. Никому не удастся выдать себя за одно из этих существ.

— Я слышал, ты превратила целое войско в дролов двумя движениями руки, — холодно сказал он. — Почему тебе было не помахать обеими руками?

— Слышал, да? И понял, что это я! Изумительно! Но это так выматывает, милый; я же сказала тебе, что обленилась. И конечно, здесь есть свои пределы. Даже я не могу быть везде, а дролов так много. Зато мы стали в массовом порядке выпускать вот это. Как мне объяснили, это что-то среднее между искусственным вирусом и таким маленьким-маленьким компьютером, настолько крохотным, что в одну дозу их помещаются миллиарды и миллиарды. Их вводят в организм, и они крутятся там, размножаясь снова и снова, пока не займут каждую клетку тела. И тогда они берут контроль, они перепрограммируют тебя, и все это с немыслимой скоростью. Изменения заметны уже через несколько дней, а через несколько недель ты уже скорее дрол, чем человек. Пара месяцев — и ты становишься настоящим дролом, с головы до пят!

— Эта процедура мне известна, — нервно сказал он. — Лорды постоянно использовали ее, чтобы избавиться от предателей и бунтовщиков, а потом держали их при себе, чтоб другие боялись.

— Как мило. Тогда ты уже знаешь, что в этом шприце. Это не просто вирус дрола, милый, — это вирус **женщины**-дрола. И когда ты станешь лысым, жирным, медлительным и послушным, когда согнешься под тяжестью четырех гигантских сисек, где-то в глубине души ты все равно будешь **помнить**. А я буду держать тебя, нестареющего, под рукой, чтобы ты мог как следует поблагодарить меня за свою судьбу.

Она поднесла шприц к его щеке. Его охватила паника, он попробовал отвернуться, но безуспешно. Она же не торопилась вводить вирус, наслаждаясь его ужасом и отвращением.

Неожиданно чья-то рука схватила ее за горло, а другая рванула вниз руку, державшую шприц. Несмотря на потрясение, она извернулась, пытаясь рассмотреть, кто напал на нее, и наконец ей удалось скользнуть по нему взглядом.

— Вот как! — выдавила она, крутнулась, выполняя профессиональный уход от захвата, и ударила Джимми левым ботинком в промежность. От силы удара он слегка пошатнулся, но и только. Воспользовавшись ее замешательством — почему он не катается по полу, хрипя от боли? — он повалил ее на пол.

В распоряжении Калии была невероятная мощь, но у нее не было времени сосредоточиться и призвать нужные силы. Однако годы тренировок не прошли даром — реакция у нее по-прежнему была что надо, и они схватились в рукопашную. Джимми зажал ее, как в тиски, прижимая руку со шприцем. Она оставалась отличным бойцом, но мощь развратила ее, и она начинала заметно сдавать.

К тому же он тоже был замечательным бойцом.

Наконец, она рванулась из последних сил, вывернулась и оттолкнула его левой рукой. Ей бы хватило времени что-нибудь сделать, но она упустила мгновение. И пока она собиралась с силами, он отпустил ее, продолжая держать лишь правую руку, и нырнул ей за спину. Автоматически он подтащил руку с иглой к ее лопатке и нажал ее же пальцем на кнопку. Раздался громкий хлопок, как будто вылетела пробка, она заорала и вырвалась из его хватки. Шприц с лязгом упал на пол. Там, где в нее вонзилась игла, расплывалось мокрое пятно, по коже стекала кровь.

Она ни на что больше не обращала внимания; она каталась по полу, визжала, тянулась к ране на спине, но не могла до нее достать. И при этом постоянно менялась: из красавицы в ведьму, и снова в красавицу, и снова в ведьму, и так при каждом движении.

В этот момент Джозеф ощутил, что его оцепенение прошло.

— Быстро! — закричал он. — Туда, откуда вылез тот дрол! Там должен быть выход!

Оба побежали к правой двери; Джимми успел первым и попытался открыть ее.

— Заперто, черт ее дери!

— Может, она открывается только с той стороны! — крикнул Джозеф. — Попробуй хлопнуть в ладоши, как она!

Внезапно снизу раздался глухой, зловещий рокот, настолько громкий, что они сначала решили, будто взрывчатка сработала раньше срока. Они оглянулись назад и обомлели.

В центре мозаики стоял князь демонов, почти трех метров в высоту и с мускулатурой, которой позавидовал бы и Джозеф. Одеяние его составляла прекрасная мантия из багрового и темно-пурпурного атласа и ниспадающий плащ, добавлявший ему еще больше величия.

Неожиданно Джозеф и Джимми очень растерялись. Последним, что помнил каждый из них, была их остановка на живописном, безмятежном мире, куда они сбежали из Города демонов. И вдруг они оказались здесь, в этом огромном зале, в скафандрах — и лицом к лицу с князем демонов! И не Калия ли так жалко хныкала там на полу?

Калия прекратила извиваться, сосредоточилась, сохраняя свой прекрасный облик, подняла взгляд на гигантскую тварь, и протянула к нему руку.

— Хозяин! Исцели меня!

— *Ты начинаешь меня разочаровывать,* — заметил князь Кинтара. — *Успокойся и потерпи. Я займусь тобой в должное время.*

— Нет! Хозяин! Сейчас! **Прошу тебя!**

— *Молчать! Или я предоставлю тебя твоей собственной судьбе, и пусть снадобье подействует! Выпусти меня отсюда!* — Она подползла к центральной пентаграмме и коснулась внутреннего контура. Затем отодвинулась и лишь продолжала глядеть на него, жалобно хныкая.

Громадные копыта загрохотали по полу: демон подошел к двум мужчинам. Джозеф не стал дожидаться; он решил действовать — но, как и Калия, инстинктивно, забыв, как можно убить Кинтара. Он бросился на пол, перекатился и, встав на колено, всадил в великана полный заряд.

Луч энергии, достаточный, чтобы проделать дыру в каменной стене, заставил ткань мантии потемнеть, но даже не зажег ее. Тварь, не замедлив шага, продолжала двигаться к нему. Когтистая лапа вытянулась вперед, и из нее вырвался разряд энергии, хлыстом обвившийся вокруг Джозефа. Он потянул — и Джо-

зеф, будто оплетенный стальным тросом, поднялся с пола и повис перед мордой твари, почти в метре над землей.

— *Так один из вас оказался Миколем! Это объясняет, как вам удалось прожить так долго и не попасться нам. Это объясняет даже, как вам удалось сбежать. Но я не вижу объяснения тому, зачем ты появился здесь, и для чего с тобой этот терранин, носящий цвета Миколя, однако принадлежащий Бирже. Почему вы не знаете? ПОЧЕМУ?*

Энергетический трос затянулся, прорезая практически несокрушимый скафандр, и Джозеф закричал от боли.

— *Ты слишком невежествен и слишком глуп, чтобы мне пригодиться, даже для развлечения.* — Сказав это, демон левой лапой проткнул грудь Джозефа, обнажив кости и плоть. Джозеф еще раз закричал, и Джимми понял, что это предсмертный крик. Джозеф упал на пол с зияющей дырой в теле, а его внутренности остались в лапе у демона.

Джимми с ужасом наблюдал, как демон отправил отвратительную смесь себе в пасть, прожевал и проглотил. Он даже слизнул кровь с руки своим длинным, черным, раздвоенным языком.

Теперь его внимание переключилось на Джимми, который ожидал для себя той же судьбы, а может быть, и чего-то иного, гораздо худшего.

Кинтара рыгнул.

— *Тебе не стоит волноваться, священник,* — проговорил он. — *Я не намерен давать тебе того, чего ты жаждешь более всего — возможности получить венец мученика в борьбе с нами. И я не буду изводить тебя кошмарными видениями. Боюсь, раз испытав их в Городе, ты просто предпочтешь приказать себе умереть. Нет, я желаю этого не более, чем распять тебя на кресте, прямом или перевернутом. Ну, ты понимаешь, разумеется.*

Джимми вздохнул.

— Да, думаю, что понимаю. И я также полагаю, что, поскольку с мученичеством не вышло, мне рано умирать, пока я не выясню, зачем, во имя всего святого, я оказался здесь — да еще в одежде, похожей на миколианский скафандр.

— *Это-то меня и беспокоит. Равно как и то, что ты вообще здесь очутился. Для чего? Чего вы двое надеялись достичь? Или, может быть, вас здесь больше, чем двое? Из Города ушло шестеро.*

— Ты лучше знаешь мое сознание, чем я сам. Скажи мне об этом сам.

Он почувствовал, что ему в бок что-то упирается, и почти бессознательно сунул руку в карман, чтобы проверить, что это такое. Удивленный не меньше демона, он вытащил из кармана крест.

Князь демонов расхохотался.

— Ты полагаешь, что этот бесполезный кусок металла может как-то на меня повлиять? Даже если его поддерживает искренняя вера, он все равно не способен создать мне серьезных проблем.

Уже само это замечание вернуло Джимми уверенность. Он сжал крест и начал читать молитву изгнания бесов.

— Брось, брось, Маккрей! Я же ни в кого не вселялся! Я — здесь! Мы оба здесь, в материальном, а отнюдь не в сверхъестественном виде!

И все же Джимми чувствовал, что твари немного не по себе, и даже если эффект был сравним хотя бы с изжогой, это уже было кое-что.

Демон подошел и взял крест. Раздался шипящий звук, словно капля воды упала на раскаленную сковороду, но демон не обратил внимания на боль. Он взял крест и взглянул на него, забавляясь.

— Ты потерял почти всю свою веру, Маккрей, а тех крох, что ты собрал по пути, слишком мало. Ты уже видел вполне достаточно, чтобы понять, как все устроено. Все дело в геометрии, математике и физике, пришедших из иного мира. В действительности никакой магии нет. И никогда не было. Ты слишком умен, чтобы не понимать, что те чувства, что еще сохранились в тебе, — всего лишь остатки прежнего воспитания. Ты священник церкви неудачников, поклонников смерти и мучения, практикующих ритуальный каннибализм, но тем не менее приходящих в ужас от моих гастрономических пристрастий. Крошечная, затерянная религия, отколовшаяся от еще более мелкой и редкой. — Демон презрительно вернул ему крест.

Джимми Маккрей улыбнулся.

— Ты, конечно, прав, — во всяком случае, в чем-то. Но то, что я смог заглянуть за завесу и обнаружил за ней иной, высший космос, ничего не опровергает. Наоборот, подтверждает! А то, что моя Церковь жива до сих пор, несмотря ни на что, просто обязывает меня верить в чудеса.

Его логика рассердила князя.

— Как ты знаешь, я не раз бывал на вашей планете. Мне отлично известно, кто вы такие и откуда. Я был до великого Китая. Я был до Египта. Я был до Вавилона. Когда жалкое племя рабов, ставших кочевниками, скиталось по жаркой пустыне, меня почитали в великом Египте, а позже — в Вавилоне. Высочайший Нимрод был моим рабом, и даже те кочевники бросили своего бога и стали поклоняться моим идолам. Мои легионы маршировали вместе с Александром, а благородные греки и римляне поклонялись мне же, хотя и под другими именами. У меня десять тысяч имен, но древние египтяне называли меня Ваал. А знаешь, священник, почему тебе не хватает веры? Потому что в тебе есть

и мое семя! Потому что в тебе больше от меня, чем от того абстрактного набора странных идеалов, которому ты служишь.

Маккрей, лишенный воспоминаний о Корабле, забыл и о своем перерождении, о том, что вновь уверовал. Тем не менее что-то взволновало его, нечто, о чем он и думать забыл. **Ваал!** Перед ним, во плоти, стоял один из древних врагов Господа — и пусть он был олицетворением зла, но будто сама сущность Библии вышла из книги ему навстречу.

— Ты имел все это, — согласился он, — и все же ты проиграл! Некто заточил тебя в пустынном и заброшенном Городе, изгнанном из Вселенной. Некто заточил тебя и твоих братьев, и с тех пор вы прозябали там. А то жалкое племя теперь владеет собственным миром в Старом Секторе, и до сих пор поклоняется своему Богу. И моя вера, в разных формах, жива до сих пор, хотя и не доминирует. Где сейчас Вавилон? Где древний Египет? Где статуи Ваала, возведенные не по твоему указанию, но потому, что они поклонялись тебе, никогда тебя не видев?

Князь демонов даже не смутился. Собственно, он наслаждался игрой.

— *У меня есть памятники и получше. Хоть я и был удален от событий вашей истории, но я отлично осведомлен о них. Ваши люди так постарались, пока меня не было, что я вполне могу ими гордиться. Вестготы, вандалы, Золотая Орда. Твоя драгоценная Церковь организовала инквизицию, чтобы мучить и пытать людей, и отправила лучших из лучших в бессмысленные крестовые походы, чтобы убивать, насиловать и грабить во имя Князя Мира. Разве не молились завоеватели перед тем, как отдать своим легионам приказ начинать убийства? Разве не считали колонизаторы, что покорение целых континентов, вместе с теми, кто их населяет, есть доказательство того, что Бог на их стороне? Да, вы отлично потрудились в мое отсутствие! Отец гордится своими детьми!*

— Если бы путешествие не было трудным, то и победа ничего бы не стоила, — сказал слегка пристыженный Джимми.

Князю демонов надоело играть.

— *Ну, хватит! Я отвлекся от насущной проблемы.* — Он немного подумал.— *Отвлекся... Отвлечение. Вот в чем дело, верно? Отвлекающий маневр. Ты и твой покойный дружок пришли, чтобы отвлечь меня. Это вы вместе с другими были на том корабле, что мы взорвали. Но никто не жертвует таких агнцев, как вы, без причины. Никто не проводит отвлекающий маневр, не делая одновременно чего-то другого. Где же остальные?*

Ваал одной лапой без труда обхватил Джимми за талию и поднял вверх, так что тот оказался на уровне горящих глаз демона.

— А почему ты ничего не помнишь? Никакая сила во Вселенной не способна так быстро очистить вашу память, не уничтожив при этом мозги! Чтобы сделать такое, требуется поместить ваши недавние воспоминания в какое-то другое место, а не к вам в мозг.

И вдруг нечто привлекло его взгляд: крошечный блестящий объект, не больше булавочной головки, сидящий в черепе Джимми на линии волос.

— ***Хранители!*** — вскричал Ваал. В нем забрезжило понимание. — *Я понял! Вам удалось собрать Собрание! Вы отвлекаете мое внимание, в то время как остальные заманивают сюда господина!* — Он переключил свое сознание на широкую трансляцию. — *Легионы! Тревога! Нас атаковали! Передайте...*

В это время бомбы, столь тщательно заложенные в основание фундамента и колонн, начали детонировать одна за другой. Здание вздрогнуло, балконы начали обваливаться вниз, и даже пол перекосился.

— *Какого?*

На какое-то мгновение Джимми вновь вспомнил все и тотчас понял, что здесь происходит. Ваал, падая на пол, увлек коротышку с собой, так что тот оказался на его массивной груди. Одним движением Джимми схватил правой рукой крест и погрузил его, как кинжал, в единственное уязвимое место демона, насколько хватило его силы и ярости.

Вопль умирающего князя демонов был настолько громок, что заглушил и ликующий смех Маккрея, и грохот обрушившегося на них здания.

МАРАФОН РЫЖЕЙ КОРОЛЕВЫ

Модра вздрогнула, как от удара, и ахнула:

— Джозеф умер!

— Я тоже почувствовал... — кивнул головой из темноты Ган Ро Чин.

Он смотрел из-под прикрытия деревьев на вход в станцию; там по-прежнему было слишком много Кинтара, чтобы пытаться идти на прорыв.

— Но ведь Джимми остался там! Ты же сам говорил, что мы придем на помощь, если их схватят!

— Единственное, чего мы этим добьемся, так это того, что их смерть потеряет смысл, — тяжело сказал он. — Нам надо ждать, пока не сработают бомбы, а потом выполнить нашу часть задания. Теперь — все или ничего.

— Но ты говорил, что для победы над Механиком нам понадобится миколианец, а Джозеф был единственным! Мы можем застрять в ином мире вместе с Механиком, так и не сумев запереть дверь!

Криша отстраненно разглядывала суетящихся Кинтара.

— Мы сделаем то, что от нас требуется, — спокойно произнесла она.

— Но...

— Мы должны признать очевидное, — сказал Ган Ро Чин. — Если мы трое не справимся, то наше дело проиграно. Я не хотел, чтобы до этого дошло, но так уж получилось. Девяносто триллионов, Модра! В наших руках сейчас девяносто триллионов жизней, и бессчетные поколения еще не родившихся.

— Но мы даже не знаем, можем ли мы что-нибудь сделать!

— Лучше все же попытаться, Модра, — так же бесстрастно сказала Криша. — Я не смогу, не **захочу** жить, видя, как они все разрушают, как наше будущее затягивает тьма, думая при этом, что, возможно, все это из-за меня.

— Как только дорога освободится, замыкайте контакт на меня, — приказал Чин. — Шлемы закрыть, щиты на полную мощность, все снаряжение тоже. Хватит прятаться. Осталось уже недолго.

Серия мощных взрывов сотрясла землю, чуть не сбив их с ног.

На мгновение их связь с Джимми восстановилась; они увидели морду князя демонов, руку с крестом, погружающимся в грудь Ваала...

Кинтара у входа запаниковали, их замешательство еще больше усилил ментальный вопль Ваала, умирающего под обломками замка. Какую-то секунду казалось, что животные инстинкты возьмут верх, и они побегут прятаться в станцию, однако боязнь того, как может быть оценен подобный поступок, все же победила. Сбившись в отряд, они бросились в город.

Двое демонов остались у станции, растерянные и ошеломленные, вслушиваясь в отзвуки взрывов, до сих пор перекатывавшиеся над равниной, подобно грому.

— Контакт! Быстро!

Модра заколебалась, теряя драгоценные секунды.

Если окажетесь достойны если окажетесь достойны если...

Она объединила разум с Чином и Кришей, и все трое бегом припустились от леса к станции.

Один из оставшихся Кинтара, обернувшись, заметил их, но разряд белой энергии, вырвавшийся из Чина, тотчас сбил его с ног. Другой, оцепенев от изумления, не успел даже шевельнуться, как троица уже ворвалась внутрь.

Входной вестибюль выглядел так же, как на других станциях, зато во внутреннем огромном зале не было ника-

ких колонн. Вместо них в центре, как подиумы, стояли пятиугольные кристаллы, на потолке над ними располагался другой такой же набор. У одной из стен, свернутые и упакованные, лежали одежды Кинтара. Такого их количества хватило бы на целую армию.

Верхняя и нижняя части одной из пар кристаллов засветились, завибрировали, и меж двух контактов завихрилась черная плазма. На их глазах возрождался один из Кинтара.

Не обращая на него внимания, они установили прямое соединение со станцией. Поток уравнений, пришедший из источника более чем в тысяче световых лет от них, влился в главный блок управления станцией. Тот проглотил его за долю секунды и выдал подтверждение.

Они развернулись и быстро побежали мимо формирующегося Кинтара к дальнему выходу и затем в вестибюль. Несмотря на то, что они двигались по прямой, вышли они там же, где и вошли.

Снаружи оказалось гораздо больше Кинтара, чем раньше; с таким количеством им было не справиться. Видимо, более мудрые из них возглавили отряд и решили вернуться. Один из демонов заметил их, издав предостерегающий возглас. Остальные демоны обернулись и увидели, как три крохотные фигурки в скафандрах медленно, не торопясь выходят из станции.

Станция на мгновение замерцала, а затем исчезла, будто ее и не было никогда. Теперь свет давали только факелы.

Исчезновение станции произвело на Кинтара гораздо большее впечатление, чем взрывы или даже гибель их повелителя. В это просто нельзя было поверить! Либо эти рабы, лилипуты, сделали невозможное, или же, что еще более ужасно, их господин оставил их. Они не сомневались, что эти три угрюмо приближавшиеся к ним хрупкие фигурки были как-то связаны со смертью их князя. Сознание троих было пустым — еще одна загадка! — что еще более усилило их ощущение, что к ним приближается **нечто**. Нечто совершенно не в их интересах, нечто, неожиданно и полностью нарушающее все их планы.

Троица остановилась и удивленно уставилась на демонов.

Они боятся нас! Они же боятся нас!

Долго так продолжаться не могло. Страх вскорости перейдет в раздражение, раздражение — в гнев и отчаяние. Они и сами не знали, что им делать дальше, и просто стояли перед Кинтара, не пытаясь бежать. Единственное, на что они могли надеяться, это что единый разум тех, кого они представляли, — все Собрание Миколя, весь банк данных, который представляла собой столица Биржи, вся сеть могучих сознаний Ангелов, — направит их действия.

— *Здесь же только трое жалких терран! Чего нам бояться?*

Они вытянули правые руки и указали на землю. Из земли хлынул ослепительно белый свет, и стало светло как днем.

Обжигающий луч белой энергии, прямой и четкий, как лазер, развернувшись веером, начертил вокруг троицы круг, а затем начертил внутри сложную геометрическую фигуру. Увидев ее, Кинтара невольно попятились — такой ужас и отвращение вызывала она у них.

Трое заговорили единым голосом, который был сильнее и мощнее, нежели их собственные, взятые поодиночке. Голос, одновременно древний и юный, мужской и женский, спокойный и уверенный, говорил на языке, непонятном для самих говорящих — но не для слушателей.

— *Да будут Кинтара вновь погружены в вечный не-сон, запечатаны меж Вселенных, в наказание за свой мятеж! Ваши пути ведут вас лишь в ваши же тюрьмы, из коих вы преждевременно вырвались. Посмеет ли кто из вас противостоять нам, дабы обрести заточение не в янтаре, но в огне или бездне? Люди принуждены носить вас в себе; но они не нуждаются в этом. Мы — люди, и от имени людей мы изгоняем вас прочь!*

Земля задрожала, как от сильного землетрясения; идол и каменный алтарь, покосившись, съехали с основания. В городе поднялась паника; здания исчезали сами по себе, а все, что было в них, валилось на покрытые тьмой улицы.

И наступила тьма, тьма чернее ночи. Вокруг троих, заключенных в их сверкающей печати, образовалась область, непостижимая рассудком; чернота, которая есть ничто, обретающая смысл лишь в том мире, который породил ее. Окружающий мир исчез для них, и они вдруг начали падать, падать в это небытие, как в громадный, глубокий колодец, освещаемый лишь древней печатью, неспособной рассеять тьму великой бездны. Все ниже и ниже падали они, в пустоту, что не имеет конца.

Наконец внизу все же показалось **нечто**: концентрические кольца — черные, коричневые, серые — заплясали вокруг, завертели их в своем круговороте, закрутили и потащили вниз, к центру...

Они пролетели сквозь слои ярких, четких, совершенных цветов, образующих вокруг радужный спектр; а они все падали, падали...

Они старались не упасть со своей платформы; Ган Ро Чин, стоявший в центре, крепко держал обеих женщин за руки.

Бесконечно падая в ничто, они вдруг поняли, что где-то рядом возникает нечто новое, нечто бесформенное, нечто вне понимания даже Высших Рас.

«Он идет», — пришла мысль, но и только...

Серебряные, зеленые, фиолетовые спирали, как паучьи нити, вырвались изнутри **его** существа, хотя **он** был все так же недоступен взгляду — тьма тьмы, существо иного космоса, законы которого оставались для них непостижимы. Странные, оду-

ряющие, неприятные запахи окутали их, хотя на них по-прежнему были скафандры. Огромные, невероятно совершенной формы шары грозно замелькали вокруг, ударяясь друг о друга и пролетая порой совсем рядом с ними.

Некоторые его законы...

АЛЫЙ — ярость против того, что они сделают с людьми, если останутся на свободе. ЖЕЛТЫЙ — вера, поддерживающая тех, кто восстанет против них. СИНИЙ — знание, как с ними сражаться.

Но...

Цвета — алый, синий и желто-золотой — изошли из троицы, охватили их, придали им энергии, преобразили их во всех смыслах.

Могучие крылья силы выросли и расправились у них за плечами, поддерживая и помогая спускаться. Теперь — прочь с Печати; под нее, за нее, чтобы использовать ее как щит и как оружие. Нажать на нее единой силой мысли, заставляя отступить того, кто стоит перед ними. Создать непроницаемую, безжалостную стену и двигать ее, уже непоколебимую, вперед. **Человек совершенный**, объединенный, могучий, гармоничный, **высший**!

Черный холод чистой Воли, не укрепленной ни жалостью и ни сочувствием, не затронутой ни нравственностью, ни любовью или даже ненавистью, ни красотой, ни уродством, двинулся им навстречу. Это была прочная стена гладкой, блестящей черноты, соединяющей в себе все цвета совершенно равным образом, и тем самым отрицающей их все. Ужасная, механическая тьма, — Ум без Чувства, — необъятная, цельная, и невероятно **одинокая**.

Понимая, что ему придется отражать атаку, и вместе с тем не желая сражаться прямо сейчас, Механик решил попытаться поглотить их свечение. Однако щит Печати горел ровным белым светом, отражая тьму и заключая в себе тех троих, что двигали его все вперед.

Из отступающей стены тьмы к ним ринулись черные пентаграммы. Некоторые попросту отскочили от щита, но другие уклонялись, бросаясь то туда, то сюда, пытаясь захватить хотя бы одного из них, чтобы разбалансировать щит и повернуть его, сделав доступным тьме. На эти атаки они отвечали кругом и звездой; сконцентрировавшись на пентаграммах, они сбивали их с траектории, лишая силы тьму, которой они были наполнены.

Битва продолжалась; каждая сторона постоянно наносила удары и парировала их. Однако понемногу они начали уставать, несмотря на то, что все время теснили Механика. Наконец, стало ясно, что троица выдохнется первой, а ведь им следовало держаться до тех пор, пока Механик не вывалится в Шлюз.

Механик тоже понимал это. Из закромов своего межмирового царства он вытаскивал оружие за оружием, чтобы

атаковать их снова и снова, рассчитывая на то, что количество атак заменит ему недостаток точности. Он заставлял их защищаться, защищаться, защищаться снова и снова, изматывая их, подавляя их сопротивление.

Они давно прошли предел своих сил. Боль и тошнота сотрясали их, краски померкли, и вместе с ними начали таять их маневренность и способность отражать нескончаемые атаки, способность не давать ослабевать энергии своего щита, как требовали законы этого места.

Сколько прошло времени? Сколько еще им надо держаться? Сколько еще они **смогут** держаться? Только лица, лица мертвых, удерживали их от потери сознания. Лица, пришедшие из прошлого...

Манья, и Савин, и Морок Святой Ладу...

Робакук и Дезрет, и Джозеф, и еще Трис, и Дарквист, и Джилми Маккрей...

А за ними — другие лица, умоляющие; лица тех, кто заглянул в ужасную бездну. Лица терран, и рифианов, и гноллов, месоков, джулки, тхионов, и сотни других. Девяносто триллионов — нет, больше; девяносто триллионов плюс несчетные поколения их будущих детей и внуков, которые могли бы жить вплоть до смерти самой Вселенной, когда тьма обнимет все сияющие звездочки, все галактики, супергалактики, мегагалактики и все остальное...

Уже сейчас флоты Кинтара атакуют их, стремясь к Святым Мирам Мицлаплана, к столице Биржи, к великой прародине Миколя.

Второго шанса не будет. Если Механику сейчас удастся уйти, он возглавит эти эскадры, воодушевит их, и его тьма поглотит весь мир, обратив его в Ничто. Даже если на этот раз осажденным удастся отбиться, вскоре придут другие, и будут приходить снова и снова, столь же многочисленные, как эти летящие в них пентаграммы. Пока не падет хотя бы один бастион.

Вдруг рядом с ними появилась сетка — зеленые нити энергий, неведомо что означающие, но очень знакомые. Плотные сгустки тьмы — твари, обитавшие в пространстве между нитями сетки, — бросились на них, но тут же отступили, словно получив тяжелые повреждения.

Троица повернула налево: вниз по зловещей спирали, ведущей к Городу.

Неизменно сужавшийся проход, столь роковой для них раньше, теперь стал их союзником — для пентаграмм, пытавшихся облететь Печать, оставалось все меньше места. И вот наконец пылающий Щит коснулся стен, очищая с них всю скверну, обитавшую здесь. Это дало им передышку, и они ощутили прилив сил из источников, о которых до сих пор не подозревали.

И вот внезапно они оказались снаружи, а под ними простирался огромный Город. Как ни странно, в нем кипела

жизнь — Механик призвал на помощь своих приспешников. Но это уже не имело значения; конец был близок. Механик нырнул в бурлящий водоворот на краю Города, втянулся в него, и они последовали за ним.

Внутри была тьма внешняя: место без логики и без законов, место, куда уходила светлая энергия. Механик погрузился в нее, а троица налегла на Печать. Закрыв отверстие, та наглухо прикипела к нему, и великий водоворот взорвался ярким светом.

Они немного передохнули, купаясь в свете и наслаждаясь победой, однако их работа еще не была закончена. Оставались еще энергетические кабели, проводники чистой силы, которые были погружены в водоворот и вели от него вверх, к гигантской живой динамо-машине — пирамиде.

Один мелкий проводок отличался от остальных: он единственный оставался черным среди бушующего вокруг света. Этот проводок шел от динамо-машины и главных систем управления к крошечной точечке рядом с Печатью — прямиком в стену, отделяющую Все от Ничто.

Сколько времени понадобилось Механику, чтобы пробурить это крошечное отверстие? Сколько времени он орудовал вслепую своим проводком, пока ему не удалось подсоединить его к центру управления? И что значит «долго» для такого существа, как Механик?

Они разорвали провод и запечатали микроскопическое отверстие еще одной Печатью Соломона, создав ее из самой энергии, что струилась вокруг. Затем взмыли к месту, где системы управления соприкасались с водоворотом энергии. **На этот раз** ему придется придумать другой способ. **На этот раз** древняя оплошность не повторится. **На этот раз**, после перепрограммирования систем, точки доступа будут защищены.

Но не до конца.

Закрыть их совсем означало бы отрезать системы управления от источника энергии, и тем самым остановить их. А это может привести лишь к тому, что Кинтара будут возрождаться вновь и вновь, поскольку их станции являются естественными объектами, которые хотя и подключены к системам, но не зависят от них полностью. Чтобы Кинтара оставались в заточении, необходимо поддерживать работу систем, иначе все затруднения, которые у них вызовет освобождение — это то, что им придется перепрограммировать каждую свою станцию вручную. Однако для работы систем требуется поддерживать их питание, а значит, оставить Механику лазейку — пусть маленькую и насколько возможно вдали от водоворота, — через которую, тем не менее, всегда будет возможно вос-

становить контакт заново. Что ж, это риск, с которым придется мириться; цена, которую придется платить.

Пространство вспыхнуло вокруг них, связывая их воедино новым цветом — сияющим зеленым, цветом надежды и возрождения; чистым цветом, нетронутым тьмой.

Теперь — вверх, к станции: восстановить сломанные печати, обеспечить их неприкосновенность, изменить фазу всех станций, соприкасающихся с точками известной Вселенной. Они шли сквозь огонь и дождь, сквозь лютый холод и непереносимую жару, сквозь легкий ветер и завывающую бурю, через заготовки миров и обслуживающие цеха, оставшиеся с времен настройки Вселенной...

Наконец, они вновь оказались под звездным небом, дыша свежим, теплым воздухом. Сложив крылья, они стояли на вершине холма, глядя на океан звезд.

— *Мы снова предоставлены сами себе,* — заметил Ган Ро Чин.

Модра посмотрела на двух величавых существ, стоявших рядом с ней, которые мягко светились зеленым светом, похожие на ангелов древности. Должно быть, она выглядела так же.

Как и остальные, она знала, что ей стоит только расправить крылья, представив в уме любое место, — и один взмах доставит ее туда. Ей теперь принадлежал колоссальный объем знаний и чистой силы, гораздо больше того, что они могли себе представить.

— *Бедная Калия,* — подумала Криша, тряхнув своей прекрасной головой. — *Выбери она правильно, и она обрела бы силу превыше той, что они могли дать ей!*

— *Она бы не смогла,* — откликнулся Чин. — *Каковы бы ни были первопричины — воспитавшая ее среда, несчастья, что выпали на ее долю, — в ее душе было слишком много тьмы, чтобы дойти досюда. Она притягивала бы его разряды, как магнитом, а свет спалил бы ее заживо.*

Одна лишь мысль о Калии вызвала в их памяти целую серию картин. Как рифианы, дролы и даже Кинтара неистово раскапывали завалы, пытаясь вызволить своих сотоварищей из-под обломков замка. Как они обнаружили разбитое тело своего повелителя, и поверх него — маленького терранина с зажатым в руке предметом, до рукояти вошедшим в грудь князя. И Джимми, раздавленного, окоченевшего, с невероятной улыбкой на лице...

И как, в некотором отдалении от них, в чудом образовавшемся закутке между несколькими упавшими колоннами, они обнаружили Калию, без сознания, но живую, и вытащили ее наружу.

— *Снадобье, которое она предназначала Джозефу, теперь внутри нее,* — заметила Криша. — *Интересно, существует ли на этой стадии противоядие?*

Почти мгновенно, хотя она и не знала откуда, к ней пришел ответ, что противоядие существует, но должно быть применено в течение трех дней после заражения.

— *Но там ей его никто не даст,* — заметила Модра. — *Она для них больше ничего не значит. Снадобье сработает, а ее тело будет продолжать самообновляться. Это часть цены, выплаченной ей князем демонов за предательство. Она станет тем, во что превращала других — но в отличие от них, никогда не состарится.*

— *Нельзя не признать наказание справедливым,* — сказал Ган Ро Чин. — *Возможно, через пару десятков лет кто-нибудь из нас вспомнит о ней и проявит достаточно милосердия, чтобы отыскать ее и убить.*

— *Если вспомнит,* — сказала Криша. В ее тоне сквозила уверенность, что это будет не она.

Калию необходимо было пожалеть, даже проявить к ней сострадание; все это чувствовали. Но истинное правосудие не может не быть жестоким.

— *Осталась еще несколько вещей, которые меня беспокоят,* — заметил Ган Ро Чин. — *Кое-что из случившегося никак не укладывается у меня в голове.*

— *Только несколько?* — иронически спросила Модра. — *Даже обретя все эти новые знания и мощь, я должна честно признать, что не понимаю ничего из того, что мы сделали.*

Кришу это не волновало.

— *Мы победили — на этот раз. Что еще ты хочешь знать?*

— *Ну, например,* — ответил Ган Ро Чин, — *как мы смогли запечатать дверь, если в нашей команде не был представлен Миколь?*

Тут же он понял, что на самом деле все, что действительно для этого требовалось — это Великое Собрание. После него все три Высшие Расы оказались связаны с ними. Джозеф был для них скорее полезен, чем необходим, хотя его знание столицы Кваамила помогли им выманить Механика. Однако и с символической точки зрения в их команде, в некотором роде, присутствовал представитель Миколя.

— *Ребенок! Я же до сих пор ношу ребенка Джозефа! Прости, Чин.*

Капитан пожал плечами.

— *Неважно. Да, я чувствую в тебе биение новой жизни, даже в этой форме. Мы олицетворяем собой рождение новой Высшей Расы, однако эти наши формы по-прежнему терранские. Интересно, что нам теперь делать?*

И ответ пришел вновь: *Все, что пожелаете.* Испытания очистили их, и даже улучшили, выжгли тьму внутри и заменили ее чем-то другим, чем-то извне, из сущности самого Корабля. Возможно, Джимми назвал бы их сейчас святыми, или даже ангелами Господними. Но все же они оставались людьми.

Никто из их расы не смог бы увидеть их такими, какими они были в этом мире. Разве что высочайшие из Высших Рас, такие как князья или объединенные разумы Высших, да еще, быть может, те, кого называли «экстрасенсами», могли бы как-то воспринять их новую форму. Для всех остальных они выглядели бы как обычные терране — причем, судя по всему, Нули. У них забрали их пороки и вложили в них то самое, что надеялись видеть в терранах те борцы за их сердца и души с Корабля. Некоторые, может быть, и ощутили бы их внутреннюю чистоту, но большинство, как обычно, даже не заметили бы.

И тех немногих, кто все же мог заглянуть к ним внутрь, они могли очистить — по одному, если сочтут кандидата подходящим, и если он докажет, что достоин очищения. Истинно достойные воссияют, недостойных же испытание уничтожит. На их плечи легла большая ответственность, требующая много мудрости и терпения.

Модра вначале опасалась, что ее будущий ребенок мог пострадать, но теперь поняла, что он тоже прошел испытание, хотя и не осознавая этого. Еще будучи частью нее самой, а не независимым организмом, он очистился вместе с ней; он будет первым родившимся представителем новой высшей расы.

— *Мы можем быть кем хотим и чем хотим,* — сказала Криша, потрясенная новым внезапным озарением. — *Капитан! Я могу восстановиться одной лишь силой воли! Теперь мне ясен мой генетический код, его нетрудно модифицировать. Модре незачем было вынашивать твоего ребенка. У нас может быть свой!*

Ган Ро Чин уставился на нее, впервые в жизни потеряв дар речи.

Она накрыла его руку своей.

— *Но сначала мы должны выполнить наш долг. Остались еще миллионы Кинтара, в том числе три князя. Их надо выследить и нейтрализовать, прежде чем повторится жуткая резня, которая была в прошлом. А затем придет время основать новую область — область терран, чей зеленый цвет объединит Галактику! Нам предстоит немало работы. И еще мы должны встретиться с другими расами и вновь разделить свои знания, так, чтобы во время войны с Кинтара никому не удалось это сделать специально.*

Модра вздохнула:

— *Да, наверное, ты права. Но у меня есть еще одна идея, более личная. И еще несколько других, менее важных. Я хочу заглянуть в мир Джимми. У него там осталась большая*

семья, и должно быть, они горюют по нему и ждут его обратно. Я должна рассказать им, и рассказать его ***Церкви****, как он умер, почему и за что.*

Ган Ро Чин немного подумал.

— Да, наверно, так будет лучше всего. Мы с Кришей станем воителями, охотниками на демонов, основателями новой и совершенно иной Инквизиции. Это то, чему нас учили. Это то, что мы умеем лучше всего. А ты — ты станешь послом, дипломатом, посредником между нами и Высшими Расами. Мы новички, первые представители своего вида, мы еще не осознали и не упорядочили и половины тех сил, которые имеем. Однако благодаря тому, что наша прародина еще в древности стала полем битвы, у нас есть некоторые изначальные преимущества. Нам дан больший потенциал, нежели другим расам — если мы окажемся достойны и заслужим его. Когда ты закончишь свои дела, отправляйся на Биржу. Подбери там планетку — красивую, зеленую, с ласковыми морями и теплым климатом, где-нибудь на границе. Те, кого мы выберем, будут жить там. И тогда, чем бы ни закончились непрестанные войны — а их будет еще немало, — какова бы ни была наша судьба, человечеству останется хотя бы одно безопасное место, место мудрости, место знания добра и зла. Крохотная пылинка среди бесчисленных звезд, вовеки зеленая. Нам, троим простым терранам, выпала большая ответственность и тяжкий труд, но я достаточно тщеславен, чтобы считать, что те, кто избрал нас, не ошиблись, и что мы справимся.

— Мы не можем надеяться втроем излечить все хвори этого мира, — согласилась Криша, — *мы можем разве что победить оставшихся Кинтара. Но до тех пор, пока у нас будет место, чтобы изучать, осознавать и развивать то, чем мы теперь являемся, мы по крайней мере сможем вечно дарить людям надежду.*

Модра улыбнулась:

— Я найду такую планету и позабочусь о ней, — пообещала она. — *И, как сказал бы Джимми, врата ада не одолеют ее!*

Ган Ро Чин вздохнул и еще раз посмотрел на звезды.

— Мы не должны повторить той ошибки, что допустили Ангелы, Хранители и Миколи. Победив в последней битве, они сочли себя новыми владыками Галактики. Они стали править своей волей и создали общества по своему образу и подобию, заставляя всех жить так, как живут они. Но тем самым они показали, что недостойны порученного им дела, и поэтому были избраны мы. Они же, по сути своей, стали неотличимы от Кинтара, разве что на самую малость.

Он поднял руку и простер ее к звездному небу.

— Мы — не новые боги, — заключил он, помолчав. — *Мы новые стражи.*

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ
(Перевод И. Тетериной) 5

БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА
(Перевод М. Николаева) 317

ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ
(Перевод А.Нестеренок) 517

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Чалкер Джек

Демоны на Радужном Мосту
Бег к твердыне хаоса
Девяносто триллионов Фаустов

Цикл «Кинтарский Марафон»

Фантастические романы

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *В. Гончаров*
Редактор *В. Иванов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *А. Сергеев*
Компьютерная верстка: *А. Яблонская*
Корректоры *А. Воскресенская, Э. Байгильдеева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Джек Лоуренс Чалкер (род. в 1944 г. в штате Виргиния) — основатель и главный редактор научно-фантастического издательства «Mirage Press», критик и библиограф, но прежде всего — один из самых популярных и плодовитых писателей-фантастов США, одинаково успешно работающий в жанре фэнтези, «космической оперы» и приключенческой научной фантастики и умеющий создавать из этих трех жанров самые причудливые смеси, одна из которых — трилогия «Кинтарский Марафон».

Тессеракт «Лабиринт Кинтары».
Странное строение, уходящее в иное пространство-время.
Одна из величайших находок межпланетной археологии — и одна из величайших угроз разумной жизни в Галактике.
Потому что в Лабиринте Кинтары уже много тысячелетий скрываются прозванные демонами существа из далекого мира, и сейчас они вырвались на волю, чтобы освободить сотни себе подобных — и принести тысячам обитаемых планет хаос, войну и разрушение.
В погоню за «демонами» отправляются представители множества рас Галактики.
Кинтарский марафон НАЧИНАЕТСЯ!

ISBN 5-17-028051-3
9 785170 280513

ДЖЕК ЧАЛКЕР

ДЕМОНЫ НА РАДУЖНОМ МОСТУ
БЕГ К ТВЕРДЫНЕ ХАОСА
ДЕВЯНОСТО ТРИЛЛИОНОВ ФАУСТОВ